№ 1

МАРТ 1952 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 1-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

В О Е Н Н А Я Б Ы Л Ь

Издание Обще-Кадетского Объединения
г. Париж.
Март 1952 года. № I

ОТ РЕДАКЦИИ.

Сегодня выходит в свет № I нашего журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ".

Издатели и Редакция шлют в этот день привет всем друзьям однокашникам, которые чувствуют себя духовно связанными с ними, всем, кто по разным концам света и в разной обстановке с одинаковым жаром и нетерпением ждет этого выхода. Вспомним заветы нашего дорогого Бориса Дмитриевича Приходкина, твердой рукой и ясно указавшего нам путь, и спокойно, твердым шагом пойдем по этому пути, не задаваясь невозможными заданиями, ясно видя перед собой одну цель - нашу Великую Единственную Родину.

Безжалостно редеют наши ряды. Немногие дойдут. Но те, кому будет суждено это Великое Счастье, должны будут донести туда все, что сохранят их благодарные сердца. Всю память о славе и величии Императорской Армии и Флота, к службе которым мы готовились с ранних лет. Всю детскую и нежную радость нашей молодости, проведенной в стенах наших родных корпусов. Все страшные, тягостные, но не согнувшие нас годы эмиграции. Всю Веру и Верность, пронесенные сквозь годы тягчайших испытаний.

Д Р У Ж Н Ы М, К А Д Е Т Ы, С Т Р О Е М С О М К Н И Т Е С Ь.

Р е д а к ц и я.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ОТ РЕДАКЦИИ I

СТОЛЕТИЕ КОНЧИНЫ Н.В.ГОГОЛЯ 3

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА - С.Г.Двигубский 5

НАШ СТЯГ - Кадет 6

АГАФОНОВСКАЯ БАТАРЕЯ - Б.Д.Приходкин 7

ЗНАМЕНА КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ 9

ВОСПОМИНАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЯ - Н.Н.Доннер I2

МЕДАЛИ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ - В.Г.фон Рихтер.I5

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСКУПЛЕНИЯХ - Н.М..........I7

ФЕЛЬДМАРШАЛ КУТУЗОВ - В.Г.Ковалевский 25

СТО ЛЕТ НАЗАД - Р.В.Спорэ 27

КАЗНЬ - М.О. фон Кубэ 29

МУЗЫКАНТЫ - С.Г.Двигубский 33

ВЗЯТИЕ СМОРГОНИ - Н.А.Первышин 35

I903 ГОД - М.Я. 44

ХРОНИКА ЖИЗНИ ОБЪЕДИНЕНИЯ 46

21-II/5-III 1852 года СКОНЧАЛСЯ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ Г О Г О Л Ь

Н У Ж Н О Л Ю Б И Т Ь Р О С С И Ю

(Из переписки с друзьями)

Без любви к Богу никому не спастись, а любви к Богу у вас нет. В монастыре ее не найдете; в монастырь идут одни те, которых уже позвал туда Сам Бог. Без воли Бога нельзя и полюбить Его. Да и как полюбить Того, Которого никто не видал? Какими усилиями и молитвами вымолить у Него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свете добрых и прекрасных людей, которые добиваются жарко этой любви и слышат одну только чертвость да холодную пустоту в душах. Трудно полюбить Того, Кого никто не видал. Один Христос принес и возвестил нам тайну, что в любви к братьям получаем любовь к Богу. Стоит только полюбить их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге любовь к Богу Самому. Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям.

Но как полюбить братьев? Как полюбить людей? Душа хочет полюбить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны, и так в них мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы Русский. Для Русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви. Уже крики на бесчинства, неправды и взятки не просто негодование благородных на бесчестных, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека. Уже и те, которые приняли добровольно к себе в дома этих врагов душевных, хотят от них освободиться сами, и не знают, как это сделать, и все сливается в один потрясающий вопль, уже и бесчувственные подвигаются. Но прямой любви еще не слышно ни в ком, ее нет таки у вас. Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается; в вас все это производит одну только черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, - это разве только одно слишком отдаленное еще ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже умных людей, то-есть, будто в теперешнее

время они уже ничего не могут сделать для России, и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с нею можно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, а в капитаны-исправники пойдете, последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупицу деятельности на нем всей вашей нынешней бездейственной и праздной жизни.

Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши Россию, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам.

1844 год. Н.В.ГОГОЛЬ

КАДЕТСКИЕ КОРПУСА

Из всех учебных заведений Императорской России наиболее характерными, вне всякого сомнения, были кадетские корпуса, характерными по той исключительной особенности, что бывшие воспитанники этих закрытых военно-учебных заведений сохраняли на всю жизнь почти восторженную любовь к своим корпусам и до самой смерти горделиво именовались "КАДЕТАМИ". Среди воспитанников других учебных заведений можно было встретить людей, сохранивших добрые воспоминания о своих школах, но это далеко не было общим правилом, тогда как встретить кадета, не поминавшего добром свой родной корпус, было почти невозможно.

В чем тут секрет? Будущим строителям новой России придется много подумать об этом, чтобы суметь воссоздать тот слой общества, который в прошлом целиком участвовал в жертвенном служении России, в созидании Ее славы и могущества.

Кадетские Корпуса - с начальствующим, учительствующим, воспитывающим и обслуживающим персоналом высокой квалификации, с великолепно оборудованными помещениями классов, лабораторий, мастерских, лазаретов, кухонь и бань, с налаженным снабжением продуктами питания, прекрасным обмундированием, благоустроенными спальнями, гимнастическими залами и спортивными площадками - стоили Русскому правительству очень дорого. Несмотря на все эти затраты, при наличии 30 однородных корпусов, выпуск одного года давал не более I.500 новых юнкеров, что, конечно, на первый взгляд не могло удовлетворить нужды в офицерах большой русской армии. Но тут мы и подходим к знаменательному факту: этого количества было совершенно достаточно, чтобы "заквасить" всю юнкерскую массу, пропитать ее тем духом, который каждым кадетом выносился из корпусных стен и которым, незаметно для самих себя, проникались насквозь те, кто в военные училища приходил "со стороны", из гражданской среды.

Нельзя отрицать, что каждому военному училищу были присущи свои особенности. Они составляли его понятную гордость, и кадеты были теми дрожжами, на которых подымалось пышное тесто - Корпус Императорских Офицеров.

Кадетские корпуса прививали любовь к Отечественной истории, к своим армии и флоту; создавали военную касту, проникнутую лучшими историческими традициями; вырабатывали тот слой разношерстного русского общества, на костях и крови которого создавалась российская слава. Сама среда и обстановка воспитывали жертвенность; не пустыми словами в жизни кадет были: "Сам погибай, но товарища выручай".

Наружный лоск и щегольство кадет общеизвестны. Погон являлся гордостью кадета, какого бы корпуса он ни был. Учебно-образовательный уровень корпусов был тот же, а зачастую и выше, чем в учебных заведениях гражданских. На протяжении

двух столетий Россия знала, кроме воинских героев и славных полководцев, сонм ученых, писателей, художников, поэтов, композиторов, мореплавателей, путешественников, и даже подвижников и духовных пастырей, вышедших из кадетской среды, - творцов великой, бессмертной российской культуры.

Вспоминая жуткую годину российского лихолетия и Крестные страдания, первыми выпавшие на долю офицеров, юнкеров и кадет, склоняю молитвенно голову, а губы сами шепчут:
"Помяни их, Господи, во Царствии Твоем".

Вечная память Вам, у кого преждевременно и злобно вырвали ту жзнь, которая могла и должна была послужить, с Богом в сердце, во славу и благоденствие России - Ее народу.

Слава Кадетским Корпусам, а Вам, кадеты, оставшиеся в живых, низкий поклон.

С.Двигубский,
Кадет Суворовского Кадетского Корпуса.

НАШ СТЯГ

Наш старый стяг, хранимый свято нами...
Руками Русскими и Русскими шелками
В Родной Земле любовно выткан он.
Он был овеян Русскими ветрами
И окропленный Русскими дождями,
Он солнцем Русским в битвах освящен.

Пусть вместе с нами изгнанный поныне,
За годы долгие скитаний по чужбине
Он обветшал, посекся и поблек
Для тех из нас, кто знать и помнить смеет,
Попрежнему с увядших складок веет
Нам прямо в душу Русский ветерок.

Наш старый стяг... Не под его ли сенью
Две сотни лет учились поколенья
Служить бестрепетно и жертвенно Руси.
И не на нем ли вышиты, кадеты,
Слова незыблемого нашего завета:
"Хоть гибни сам,- товарища спаси".

Мы их блюдем, сполна и без утайки.
У нас крепка Суворовская спайка,
Меж нас предателей и отщепенцев нет.
Вот почему, в нелегкой жизни нашей,
Нет на земле для нас милей и краше,
Чем званье скромное и гордое КАДЕТ.

Кадет.

ПАМЯТИ ПОЛКОВНИКА ПРИХОДКИНА
(из его артиллерийских рассказов)

АГАФОНОВСКАЯ БАТАРЕЯ

АГАФОН НИКИТИН... - имя его было известно всей Русской армии, литографированное изображение его подвига висело во всех ротах, эскадронах, сотнях и батареях.

К глубокому прискорбию, русская общественность его не знала. На Съезде русских педагогов, в гор. Земуне, я выступал с докладом и, между прочим, спросил господ педагогов: "Вот вы учили русских детей русской истории, Скажите мне, кто был Архип Осипов?" Из сотни съехавшихся русских учителей никто не знал его имени.

"А кто из вас слышал о майоре Горталове?" - Никто.
"А кто такой Агафон Никитин?" - ответ тот же.
"Господа русские педагоги, вы учили наших детей истории. Они зубрили имена древних героев, знали римлянина Муция Сцеволу, положившего руку на огонь; знали, что Алкивиад, кроме всех своих подвигов, был богат и знатен; знали имена всех знаменитых еврейских царей и пророков, но никто из ваших учеников не знал и не слышал от вас о героях Русских, творивших историю нашей родной земли и дававших примеры мужества, храбрости и стойкости, непревзойденных в мировой истории. Вернемся на Родину,- обратите внимание на этот преступный пробел в деле ВОСПИТАНИЯ нашей молодежи.

Теперь о том, как хранилась память о НИКИТИНЕ в его родной батарее.

I) Шестая батарея 2I артиллерийской бригады звалась Агафоновской. Солдаты этой батареи с гордостью говорили: "Мы Агафоновцы".

2) Перед казармой стоял памятник Агафону Никитину.

3) Каждый вечер, на перекличке, фельдфебель выкликал: "Агафон Никитин", на что взводный первого взвода отвечал: "Погиб во славу русского оружия, в крепости Геок-Тепе.

4) Он числился наводчиком первого орудия, а жалованье его шло на Неугасимую Лампаду перед батарейным образом Святого Агафона.

5) Шедшую ему порцию ежедневно отдавали нищим.

6) В батарее было только семь штатных наводчиков: - на первом орудии заменял ЗАПАСНЫЙ НАВОДЧИК.

7) При походах на передке первого орудия ехало ДВА номера, третье место оставлялось для Агафона Никитина.

8) По ходатайству батареи и при ее участии в его родном селе была сооружена церковь во имя Св. Агафона, и за каждой литургией священник поминал раба Божьего Агафона, а в день Храмового праздника - разъяснял в проповеди все величие его подвига.

А теперь, кадеты, кадр Российской Армии и воспитатели наших героев-солдат Осиповых, Никитиных и иных, имена же их Ты, Господи, веси... напомню вам вкратце о его подвиге.

Во время осады крепости Геок-Тепе комендант ее приказал своим азиатам доставить ему живьем какого-нибудь русского артиллериста, который научил бы их обращению с русской пушкой, оказавшейся в крепости. В темную январскую ночь азиаты подползли к небольшому русскому редуту, неожиданно ворвались в него и перерезали всех его защитников, кроме одного, у которого был на груди Георгиевский крест. На него навалились, связали и представили своему коменданту. Тот приказал подвести его к русской пушке и заставить научить с ней обращаться. Ответ солдата был: "Против своих не пойду"... Ему предлагали золото, чины, жен... все отверг, "ПРОТИВ СВОИХ НЕ ПОЙДУ".

Видя, что подкупом не взять, прибегли к пыткам. Из кожи его вырезали ремни... загоняли иглы под ногти... все было напрасно, верный присяге солдат, слабеющим голосом он твердил одно: "ПРОТИВ СВОИХ НЕ ПОЙДУ".

С него содрали кожу, и он умер в ужасных мучениях. О том поведали русским, после взятия крепости, жители - свидетели бывшего. По Георгиевскому кресту узнали, что это был АГАФОН НИКИТИН,- единственный из защитников редута, имевший Георгиевский крест.

Борис ПРИХОДКИН

ЗНАМЕНА КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ

(Справка из архива Музея "Родной Корпус")

В 1733 г. Императрица Анна Иоанновна впервые пожаловала ЗНАМЕНА Сухопутному Кадетскому Корпусу (ныне Первый Кадетский Корпус): три знамени Фузилерным ротам - I белое и 2 желтых - и серебряный глазетовый штандарт в Конную роту. По углам полотнищ знамен были красные фламы с вензелями Императрицы, а посередине Двуглавый орел с корпусным гербом на груди и с надписью "От обоих истинное шляхетство".

В царствование Императрицы Елизаветы, на тех же знаменах были заменены только вензеля, а при Екатерине Великой - пожаловано еще 5 знаемн, причем снова вензеля были заменены вензелями царствующей Императрицы. В царствование Императора Павла все эти знамена были сданы в арсенал Мраморного дворца. Взамен им 2 ноября 1798 г. были пожалованы Первому Кадетскому Корпусу 4 знамени. На розовых полотнищах был желтый крест, в середине - белый круг в зеленом венке, на белом круге двуглавый орел, во всех углах - гербы Корпуса. 3 февраля 1806 г. Высочайше повелено: "Первому Корпусу иметь два знамени, а МЛАДШИЕ ЗНАМЕНА передать во второй Кадетский Корпус". В январе 1816 г. в Первом Корпусе было оставлено только одно знамя. Вторые знамена обоих корпусов были сданы в арсенал Мраморного дворца. В 1332 году, по ходатайству В.К.Михаила Павловича, было повелено старые знамена Первого и 2го Кадетских корпусов возвратить в эти заведения и хранить, как святыню, в корпусных церквах.

17 февраля 1832 г., в столетний юбилей Первого корпуса, ему было пожаловано новое Знамя с Золотым Орлом Гвардейского образца на древке. Полотнище этого знамени имело красный крест на белом поле, в середине - оранжевый круг в золотом венке, вверху - Императорская корона, в середине круга - двуглавый орел с распростертыми крыльями; на груди орла - щит с изображением Св. Георгия Победоносца; под орлом - Андреевская лента с надписью "17 февраля 1732 - 17 февраля 1832 г.г."; в белых углах полотнища: в двух - вензеля Императора Николая I, и в двух - ГЕРБЫ Корпуса. Юбилейные Андреевские ленты к этому знамени были пожалованы 25 июня 1833 года.

23 июня 1758 г. Императрица Екатерина II пожаловала Артиллерийскому и Инженерному Корпусу (ныне 2-ой Кадетский) одно белое и два голубых знамени. Полотнища этих знамен были из гродетура, обшитого с трех сторон золотой бахромой, а вдоль древка золотой тесьмой. В 1796 году Корпусу были пожалованы еще 4 знамени, точно таких же, как и прежние. В 1806 году все эти знамена были изъяты из 2-го Корпуса, который получил взамен два знамени из Первого Корпуса, как уже сказано выше. В 1832 году Корпусу было возвращено одно белое знамя, пожалованное Императрицей Екатериной II, для хранения в Церкви.

В царствование Императора Александра I были пожалованы знамена: Дворянскому Полку (два из них преемственно перешли потом к Константиновскому Артиллерийскому Училищу).

Император Николай I пожаловал знамена: Московскому корпусу (ныне I Московский), 2I июля I827 г.;Новгородскому (ныне Нижегородский Графа Аракчеева) и Полоцкому, обоим 5 марта I838 г., а также Императорскому Сиротскому (ныне Павловское Военное Училище) - 2I июля I827 г.

IO октября I832 г. Государь повелел цвета знаменных древков иметь: Первому Корпусу и Дворянскому Полку - желтый, 2-му Корпусу - белый, Павловскому - черный, Московскому - коричневый. В I834 и I842 г.г. последовали изменения в расцветке древков, а в I844 году Император приказал, чтобы губернские кадетские корпуса получали знамена только тогда, когда у них будет окончательно сформирована третья рота.

2 апреля I844 г. повелено иметь на знаменах всех кадетских корпусов БОЛЬШОЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ, а углы знамен иметь разноцветные : по корпусам. Корпусам, у коих расцветка не подходила к новым образцам, были пожалованы новые знамена. Корпуса эти были: 2-ой, Павловский, I Московский, Новгородский и Полоцкий. Кроме того, 27 июня I844 г. было пожаловано знамя Петровскому Полтавскому Кадетскому Корпусу. Затем, Императором Николаем I были пожалованы знамена: Александровскому Брестскому - I4 ноября I845 г., Орловскому Бахтина - I8 апреля I847 г., Михайловскому Воронежскому - 29 октября I848 г., 2 Московскому - 9 сентября I85I г., и Морскому Кадетскому Корпусу - I5 октября I852 г. (юбилейное I50-летие).

В царствование Императора Александра II были пожалованы знамена: Александровскому-Сиротскому - I4 ноября I855 г., Владимирскому Киевскому - I3 апреля I858 г. и 2 Кадетскому - I2 октября I862 г. с Андреевской лентой (столетие преобразования в Кадетский корпус).

Нужно заметить, что при освящении знамен к присяге приводились все кадеты корпуса. Освященные знамена хранились на квартирах директоров корпусов, а старые, прежде жалованные, - в церквах этих заведений.

В I863 году началось преобразование кадетских корпусов в военные гимназии, почему было приказано: ЗНАМЕНА 2 Кадетского, I и 2 Московских, Нижегородского, Полтавского, Воронежского, Полоцкого, Орловского и Киевского корпусов хранить в храмах соответственных Военных Гимназий. Знамя упраздненного Александровского-Брестского корпуса передать в Александровское Военное Училище, а Александровского Сиротского корпуса, в зданиях которого поместилось это училище - церковь училища. Знамя упраздненного Павловского Корпуса передать в Павловское Военное Училище, а знамя Императорского Сиротского Дома хранить в церкви этого училища.

10 ноября 1865 г., в исключение из общих правил, знамя Первого Кадетского Корпуса было передано в Павловское Военное Училище для ВЫНОСА В СТРОЙ; знамена же Павлоского Корпуса и старые знамена Первого Кадетского, переданные в то же Училище 17 мая 1863 г., приказано хранить в церкви Павловского Военного Училища.

Приказом по Военному ведомству 24 ноября 1887 г. восстановленный Первый Кадетский Корпус принял обратно, для хранения в собственной церкви, от Павловского Училища все свои знамена. Павловскому же Военному Училищу повелено выносить в строй знамя Павловского Кадетского Корпуса.

Наконец, Высочайшим приказом 13 февраля 1901 г. повелено было 10 старейшим Корпусам (восстановленным из военных гимназий): Первому и 2-му кадетским, I и 2 Московским, Нижегородскому, Полоцкому, Орловскому, Воронежскому, Полтавскому и Киевскому - выносить в строй в особо торжественных случаях, а равно когда в построении участвуют все роты корпуса, пожалованные в прежнее время знамена, "как наивысшую воинскую святыню и лучшее украшение строя кадетского".

Порядок выноса и относа знамен был установлен согласно требований Устава пехотной службы. Знамена выносились в строй лишь в дни Храмового и Корпусного праздников, в день празднования Военного Ордена, при молебствиях для прощающихся с корпусом кадет, и в других особо торжественных случаях.

12 ноября 1903 г. Высочайше пожалованы знамена остальным II Кадетским корпусам: 3 Московскому, Тифлисскому, Оренбургскому-Неплюевскому, 2 Оренбургскому, Псковскому, Николаевскому, Донскому, Симбирскому, Ярославскому и Омскому.

В последующие годы знамена были пожалованы вновь учрежденным корпусам: 7 октября 1905 г. - Хабаровскому, Одесскому, Суворовскому; 6 октября 1906 г. - Сумскому; 23 сентября 1907г. Ташкентскому, и I июля 1908 г. - Владикавказскому. К 1914 году из корпусов не имели знамен только Иркутский и Вольский.

В 1909 году было Повелено знамя Александровского - Брестского Корпуса передать на хранение в Корпус Императора Александра, Александровскому же училищу выносить в строй знамя Александринского Сиротского Корпуса. 16 января 1912 г. Высочайше пожаловано новое знамя с юбилейными Андреевскими лентами 2 Кадетскому Корпусу, по случаю 200-летнего юбилея. В 1913 году новое знамя с Андреевскими лентами получил I Сибирский Императора Александра I Корпус - ко дню столетнего юбилея.

Полотнища новых знамен были белого цвета с каймой по цвету корпуса, украшенной золотыми звездами. На лицевой стороне - изображение Нерукотворного Спаса с надписью вверху: " С Нами Бог". На обратной стороне - в середине большой золоченый вензель Государя с 2 звездочками по сторонам. В углах - Государственные гербы. Знаменное древко украшено золоченым копьем, кроме древка знамени Первого корпуса, кое имеет золоченного орла. Знамя, пожалованное Морскому Корпусу, отличается следующим: полотнище - Андреевский флаг с государственным гербом на желтом поле в середине, двумя вензелями Государя и гербом Морского Корпуса.

ВОСПОМИНАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЯ

О ПЕРВОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

Тяга к педагогической деятельности была у меня наследственной. Мой отец в течение сорока лет преподавал немецкий язык в Первом Кадетском Корпусе. Тем не менее, воспитателем в тот же корпус я попал совершенно неожиданно. В 1904 году, во время русско-японской войны, пополнение в действующие части, на Дальнем Востоке и в наши пограничные средне-азиатские гарнизоны, производилось из разных воинских частей, по жребию. 3-й Понтонный батальон, - куда я вышел в 1898 году, по окончании Николаевского Инженерного Училища - должен был выделить одного обер-офицера в гарнизон крепости Кушка. Жребий пал на меня, что меня нисколько не устраивало: молодому офицеру зарыть себя в далекую закаспийскую глушь..., да еще я как раз собирался жениться...

Словом, я телеграфировал старшему брату, служившему воспитателем в Первом Корпусе. Через несколько дней я был уже в Петербурге и получил назначение на должность офицера-воспитателя в Симбирский Кадетский Корпус. Главное Инженерное Управление дало согласие только при возможности замены желающим офицером в Кушку. И, о чудо из чудес, желающий нашелся из числа офицеров того же управления, и я полетел в Симбирск на представление директору корпуса, а оттуда обратно в Ковну, дабы ликвидировать мои дела в батальоне.

Удачи сопровождают одна - другую... В батальоне я получил от брата телеграмму о том, что директор Первого Корпуса согласен на зачисление меня воспитателем. Вообразите мой восторг: поступить в Первый Корпус, с которым я был связан с детских лет, где мой отец 40 лет преподавал,- в корпус, оконченный двумя моими братьями, один из которых был в это время там воспитателем, и где служил вместе с ним капельмейстером муж моей сестры, И.И.Кристман.

Отбыв лагерный сбор, в сентябре 1904 г. я распростился с Понтонным батальоном и явился в Петербург, к генералу Покотило. Это был строгий генерал, назначенный "подтянуть" корпус после недавно скончавшегося старого директора - генерала Верховского, видного педагога, но чрезвычайно мягкого челове[ка].

Директор принял меня довольно сурово, предупредив, что берет меня на испытание на два года. "Воспитательская деятельность - очень тяжелая, сказал он мне,- и я предлагаю вам хорошенько подумать, прежде чем взяться за эту работу". Но где там раздумывать! Я был счастлив попасть в Петербург и в родно[й] мне корпус.

Для начала меня направили на воспитательские курсы при главном управлении военно-учебных заведений, в Соляном Городке. Курсы основал и ими руководил бывший директор 2 Корпуса, генерал-майор Макаров, и поставил дело преподавания прекрасно. С огромным интересом слушал я лекции выдающихся

специалистов по психологии, философии, педагогике, физиологии химии, проходил практические занятия, писал и читал рефераты. Артист Императорских Театров Петров преподавал нам декламацию и чтение. Введен был курс пропедевтической физики, предназначенный для 3 и 4 классов кадетских корпусов, и мы, слушатели, были первыми преподавателями этого нового курса в корпусах.

В мае 1905 г. я сдал успешно экзамены, и 5 июля явился в Первый Корпус, уже новому директору,- вечно памятному, создавшему эпоху в истории нашего корпуса,- Федору Алексеевичу Григорьеву. Корпус стоял в это время в своем лагере, в Петергофе.

Должен сказать: и кадеты, и воспитатели чувствовали там себя словно в санатории. Кормили, как на убой, очень вкусно и сытно. Утром я вел репетиционную работу, дабы ребятки не окончательно забыли, сколько будет дважды два и чему равен квадрат гипотенузы. Изредка устраивались строевые занятия и рассыпной строй, причем заключительная атака всегда производилась на дачу директора корпуса. Остальное время кадеты, кроме дежурных, были свободны: ходили купаться, гуляли, ездили на велосипедах, играли в крокет и в теннис с соседними барышнями. Часто устраивались экскурсии по всем уголкам царственного Петергофа. Да и было там, что посмотреть: дворцы, Монплезир, охотничьи домики, прекрасные дачи, разбросанные на островках, среди озер. Сколько красоты и величия, сколько искусства, сколько уюта вблизи от жизни Царской семьи. Вечером кадеты, под командой воспитателей отправлялись в Нижний Парк, на музыку. Играл прекрасный Придворный симфонический оркестр под управлением Гуго Варлиха. Съезжалось многочисленное элегантное общество. Беспрерывный ряд экипажей медленно двигался вдоль аллей, окружавших эстраду. Часто приезжал и Государь с Семьей. При входе в парк кадет распускали до конца музыкальной программы, и они могли проводить время по своему желанию: сидеть перед эстрадой и слушать музыку, либо гулять со знакомыми барышнями. По окончании концерта, все сходились у сборного пункта,- помню, у Шахматного каскада - и отправлялись в лагерь, где , после позднего ужина, расходились по кроватям.

Но разве можно спать в такую теплую ароматную ночь, когда душа полна звуками и обаянием встречи с Милочками или Тамарами?... Из низкого окна легко выпрыгнуть на дорожку сада, а там близок Английский Парк, где заранее условлена встреча... Дежурный воспитатель сквозь пальцы смотрел на такие ночные побеги.

Раз в неделю приезжал офицер фехтовально- гимнастической школы и занимался с кадетами на плацу сокольской гимнастикой. Помню, однажды, во время этих занятий подъехал большой открытый автомобиль с Государем и четырьмя прелестными, как майский цвет, Великими Княжнами в больших кружевных шляпах. Они долго любовались движениями стройных рядов мальчиков в белых гимнастерках, обошли все помещения лагеря и уехали, провожаемые восторженными криками кадет, долго бежавших за автомобилем.

В последние годы перед войной на нашем корпусном плацу, в Петергофе, обычно происходил смотр гимнастики всех корпусов

в присутствии Государя Императора и Великого Князя Константина Константиновича.

Но вот учебный год начался. Вот и наше огромное здание Корпуса. Не забыть мне моего первого поддежурства по роте. Я вошел в ротный зал после обеда. Кадеты стояли в строю, и в тишине ясно звучал голос дежурного офицера, вызывавшего больных для отправки на медицинский осмотр. Передав мне дежурство, он быстрыми шагами вышел из зала. Я стоял перед строем I50 мальчуганов, застывших в немом ожидании. "Разойтись",- скомандовал я. Раздался неистовый гвалт сотни мальчишечьих глоток, топот ног, беготня, возня. Первое впечатление было, будто я попал в сумасшедший дом. Ко мне одновременно обращались с различными вопросами с десяток мальчуганов, перебивая друг друга. Долго я не мог ничего разобрать, и только постепенно пришел в себя.

Но вскоре удалось освоиться. Через неделю я уже прекрасно разбирался во всем; укрощал одних, ставил на штык других, отвечал на вопросы в известной последовательности и чувствовал себя уже совсем свободно в этой толпе резвящихся мальчишек. Сперва все они казались мне на одно лицо, и только постепенно стали выделяться индивидуальные черты того или другого и устанавливалось соответствие с фамилией каждого. Скоро я уже знал без ошибки каждого, и даже различал голоса. Мне кажется, на моих дежурствах кадеты держали себя развязнее и шумнее, чем при других воспитателях. Но у меня сразу же установилось внутреннее правило: излишне не "строжить", запрещать только действительно недопустимое и давать детям возможную свободу. Я старался оказывать кадетам доверие - и они это чувствовали: были со мной откровенны и легко сознавались в шалостях. Когда было нужно, я всегда добивался послушания и дисциплины. В своем доверии кадетам мне почти не приходилось раскаиваться; я помню мало случаев, когда кадеты меня обманывали.

Однажды, уже в пятом классе, кадеты моего отделения просили разрешения, по случаю Масленной недели, устроить после обеда маскарад. Они натащили в класс костюмы и маски, раздобыли несколько балалаек, и целый вечер развлекали всю роту представлением. Было, конечно, шумно, но очень весело. Сам директор, обходивший в эти часы ротные помещения, от души смеялся проказам доморощенных артистов. Но как только прозвонил звонок, и я приказал прекратить игру, все быстро успокоилось, костюмы и маски куда-то исчезли, и в отделении водворилась тишина, нужная для вечерних занятий.

Н.ДОННЕР

(Продолжение следует)

МЕДАЛИ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ
В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

Начиная с царствование Императрицы Екатерины II - до конца существования Российской Империи, лучшие воспитанники и воспитанницы гражданских высших и средних учебных заведений награждались законом установлёнными медалями (преимущественно настольными, реже для ношения). Но для военно-учебных заведений медали существовали только при Императрице Екатерине (исключая, впрочем, некоторые военные академии, основанные гораздо позже).

Насколько мне известно, только о медали "Артиллерийского и Инженерного Кадетского Корпуса" (тогда помещавшегося в здании нашего 2 Кадетского Корпуса,в Петербурге), сохранилось печатное воспоминание в форме книжки, озаглавленной "О преимуществах в получении медали за прилежание и доброе поведение", С.-Петербург, 1789 год. Эта овальная (26х22 мм.), позолоченная серебряная медаль была украшена по овалу шариками; на лицевой стороне был изображен вензель Императрицы - Е II в стилизованном лавровом полу-венке; на оборотной стороне - пятистрочная надпись: "За прилежность и хорошее поведение". Носилась она на цепочке в петлице только при кадетском мундире, но о награждении ею была отметка в формулрном офицерском списке. Я этой медали никогда не видел.

В моей коллекции есть две другие "кадетские" медали, и описанием их я хочу поделиться с читателями.

I) Медаль Императорского Сухопутного Шляхетского Корпуса (впоследствии - Первый Кадетский). Медаль эта "неизданная", т.е. она описывается в данном случае впервые, как "уникат". Медаль - настольная, диаметр ее 61 мм.; на лицевой стороне ГРУДНОЕ (т.е. бюст), профильное, влево обращенное изображение Императрицы Екатерины Великой в шлеме Минервы, украшенном совой, в страусовых перьях и с лавро-дубовым венком, с ниспадающими на плечи локонами, в латах и мантии с государственными орлами. Слева и справа надпись "Екатерина Вторая". Внизу, на фоне надпись - фамилия медальера. На оборотной стороне изображения двух фигур: крылатой, влево обращенной женской, в длинной тунике, с копьем в левой руке и головою медузы на груди, возлагающей лавровый венок на голову сидящего старца с книгой в левой руке и жезлом в правой. Надпись по верху: "ДОСТИГШЕМУ". Под обрезом, внизу: "ИМП. СУХ. ШЛЯ. КОР. 17 ". Слева, на обрезе: VERNIER.

Две других медали для того же корпуса мною никогда не виданные) описаны, каждая в отдельности) в следующих источниках: а) в издании С.-Петербургского Монетного Двора "Описание русских медалей" В.П.Смирнова -СПБ. 1908 г.), под №289/6 указана медаль меньшего размера (58 мм.),тоже работы Vernier. Но на лицевой стороне изображен не бюст Императрицы,а лишь одна ЕЕ голова (т.е. не "грудное", а "погрудное" изображение), и на оборотной стороне надпись "ДОСТИГАЮЩЕМУ". В остальном она одинакова с предыдущей,но без имени медальера на обороте.

б) В издании Археографической Комиссии 1840 года - "Собрание Русских медалей", под №180 описана и изображена медаль еще меньшего диаметра (43 мм), с изображениями подобными предыдущей, но с надписью "УСПЕВАЮЩЕМУ" и с датой "1776" на оборотной стороне; сработал ее тот же Vernier.

Из вышеизложенного можем заключить, что для этого Корпуса установлены были медали трех степеней: 1 - "ДОСТИГШЕМУ" (требуемого уровня в науках и поведении), 2 - "ДОСТИГАЮЩЕМУ" (этого уровня) и 3 - "УСПЕВАЮЩЕМУ" (в науках и поведении).

В "Dictionary of Medallists" Forrer'a сказано немного и о резчике упомянутых медалей L.Vernier. Этот француз недолго работал в Петербурге, и все его медали,- например, для воспитанников Императорской Академии Художеств - чрезвычайно редки.

2) Медаль для кадет Морского Шляхетского Корпуса: диам. 39 мм. анонимная; на ее лицевой стороне изображение государственного двуглавого орла, у которого на груди щит с перекрещенными рулем, градштоком и шпагой; внизу, влево от орла - воинские атрибуты: ружье, алебарда, флаги, пушка и бомба в лапе; вправо - атрибуты научные: глобус, книги, измерительные приборы; внизу на ленте - "Morte et Arte", (т.е. "оружием и искусством"), поверху: "Utroque vera nobilitas" (т.е. "в обоих истинное благородство"). На обороте - надпись в сплошном лавровом венке: "Bene merentibus", (т.е. "Вполне заслуживающему"). Под обрезом " Dat. An. 17.. " (две последние цифры выпуска набивались пунсоном). Эта редкая медаль описана только в "Собрании Русских Медалей" под №242 и помещена в самом конце серии медалей Императора Павла I. Но это хронологическая ошибка, ибо, если эта медаль была установлена при Павле I, незачем было оставлять свободными две последние цифры в надписи. К тому же, в "Общем Морском Сборнике", том VI, указано награждение этой медалью гардемарина выпуска 1795 года, т.е. в царствование Императрицы Екатерины II, и в таком случае два свободных места в указанной надписи понятны.

Сердечное спасибо военным историкам С.В.Гладкому и Ю.А. Топоркову за некоторые справки.

Владимир фон-Рихтер.

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСКУПЛЕНИЯХ
ЗЕМЛИ РУСЬКОЙ

"В трех кровях топлено,
"В трех огнях варено,
"В трех водах купано -
Чище мы чистого."

Да воскреснет Русь и расточатся врази Ее.

На бел-камень горючий,- на Лысую Гору,-
Из коссожского плена вознесся Вольга:
Слово вещее кликнуть в родные просторы,
Стародавним заклятьем осилить врага.

Улетело с ветрами его волхованье,
Многоцветными зорями души зажгло,
Алконостом запело в издревних сказаньях,
Ливнем чистым и звонким на Русь истекло.

Окрыленное Верой свободное Слово!
Крепкий наш адамант,- наша честь и покров,-
Искра Божья и свет откровенья Христова,-
Наша правда во веки веков.

Путь стрелам прям,
Не приемлю иного...

Всем умирающим, но не склонившим выю,
Тем, кто не потерял ни сердца, ни лица,
Кто паче благ земных превозлюбил Россию
И Ей остался верен до конца,-

Тем, кто перед врагом не преклонял колено,
Кто пал за Русь, на плахах и в бою,-
Всем молодым, встающим нам на смену,-
Я посвящаю летопись мою.

П Р Е Д И С Л О В И Е

"Вера твоя спасет тя"

Это древнее, забытое сказанье
(Я не знаю - сказку или быль)
Мне поведал зоренькою раннею
За Кубанью выросший ковыль.

А за эту летопись правдивую,-
Стародавний Святорусский сон,-
Дарданелл печальному проливу я
Шлю свой низкий, поясный поклон.

В лагерях неласковых Галлиполи,
Где теперь забвенье и прах,
Мне в удел провидческие выпали
Сны о Русских былях и путях.

Там я вник в преданья и обычаи,
Там я понял ближе и больней
Крестный путь и дивное величие
Страстотерпной Родины моей.

Все напасти Матушкой испытаны,-
А грехам и меры в мире нет...
Но поднесь незыблемо хранит Она
Свой издревний Богоданный свет.

И надеюсь я, и знаю я, и верю я:
Русь победной выйдет из невзгод -
И над нашей новой Империей
Солнце новой истины взойдет.

Не обманут древние пророчества:
Искупленье Третье соверша,
Станет снова благостным Отечество,
И святою -Русская душа.

Не напрасно сны нам снятся вещие,-
Широки Российские пути -
И не всуе Господом обещано
Русь в веках спасти и соблюсти.

ИСКУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

"Мне отмщение и Аз воздам"

ВСТУПЛЕНИЕ

Лес над озером молчит в полдневном зное,
Берега чащобами обняв,
Напоенный запахами хвои,
Ярых смол и благовонных трав.

Это место охраняет Кто-то -
Ни души... На много верст кругом
Залегли чарусами болота,
Стенью бор, да крепью буреломом.

Нет ни сел, ни деревень соседних,
Слышите? Откуда же плывет
Будто дальний благовест к обедне
По-над гладью небудимых вод?..

Подойдите-ж к берегу! Взгляните-ж!
Там, на дне, сквозь солнечную зыбь,
То не наш ли Святорусский Китеж
Светом тихим наполняет глыбь?

И в подводном сумраке зеленом,
Чуть слышней, чем шелест камыша,
Славит Бога колокольным звоном
Не Руси ли древняя душа?.

На Востоке клокотали орды,
Запад гиб, захлебываясь кровью,
Византия пустоцветом гордым,
Погружалась в сон Средневековья.

На пути от греков к скандинавам,
Против орд восточных, на равнине,
Только Киев с мудрым Ярославом
Нерушимой высился твердыней.

Что вода о пенные пороги,
Раздробясь о Кевские стреги,
Отбегали половцы, коссоги
И степные волки - печенеги.

И опять, гудя колоколами
Над раздольем заднепровских плавень,
Стольный Киев грохотал пирами,
Выдавая замуж Ярославен.

К хмурым саксам, к полудиким франкам,
За княжнами простиравшим руки,
Шел с приданым юным киевлянкам
Свет творений киевской науки.

Ибо мрак на Западе без Рима,
Токмо город Лыбеди и Кия
В монастырских кельях нерушимо
Сохранял наследье Византии.

Но умер Ярослав. И Мудрого лишаясь,
Вся Русь раздорами усобными вскипела.
Вставал на брата брат, вставал на князя князь,
Сжигая и громя соседские уделы.

И даже Мономах помочь беде не смог:
Чем зависть лютую и ненависть насытишь?
Так древлий Русский свет сокрылся на Восток,
В тишайший, праведный, благословенный Китеж.

Там, в светлом далеке от княжеских крамол,
За топями болот и за лесною крепью
Господень вертоград воистину процвел
В молитвенных трудах, посте и благолепьи.

И дан был Китежу от Господа обет,
Что не иссякнет в нем Господня благостыня,-
Да вечно сохранит он Православья свет
И Богоданные издревние святыни.

И цвел немало лет пресветлый Китеж-град,
Любуясь на себя в студеные озера;
Богобоязнен был, был славен и богат
И святостью сиял на русские просторы.

Но стон стоял округ от вечных княжьих свар
И се - исполнилась Долготерпенья Чаша:
Разгневался Господь - и полчища татар
Несметной саранчей прошли отчизну нашу.

Настигла нас Творца карающая длань:
Батыева стопа попрала княжьи выи.
Пал Суздаль, пал Ростов, Чернигов и Рязань,
И Тверь, и Ярославль, и славный стольный Киев.

Но, помня свой обет, Господь не пожелал,
Чтоб Китеж праведный разрушили татары.
Свой град возлюбленный, Свой драгоценный лал
Он скрыл от вражьих глаз под воды Светлояра.

И так сказал Господь, в лице Своих Святых:
"О Русь, погрязшая в усобьях и раздорах,-
"Единства не нашлось в сердцах сынов твоих,
"Когда у врат твоих явился злобный ворог.

"И дети их не будут прощены,-
"И Китежа, о Русь, себе не воротить ты,
"Доколе их сынов далекие сыны
"Единством жертвенным не искупятся трижды,

"И токмо в оный день - воистину святой,-
"Когда они Твой грех омоют троекратно,
"Я возвращу Тебе довольство и покой,
"И Китеж благостный верну Тебе обратно.

"Тот день придет - тому порукой Я.
"Прийми же долгие и тяжкие мученья,
"Но помни, что стезя кровавая Твоя
"Не кара вечная, а только ИСКУПЛЕНЬЯ".

И стало так. Не смея отдохнуть,
Из века в век, незыблемо и строго
Свершает Русь свой долгий Крестный Путь
Ко дню желанному, обещанному Богом.

Мы свято помним древние слова,
И вера в нас не поддается тленью.
Из трех положенных - уже свершились два,
И близко... близко третье Искупленье.

Наш Русский путь - всегда вперед и ввысь.
Нам распри братские - несносная обуза.
Не Единеньем ли от лиха мы спаслись?
Не Единеньем ли изгнали мы француза?

Пускай сейчас - бесправна и нага,
Пред палачем всесильным на коленках,
В тисках последнего, страшнейшего врага,
Трепещет Русь в подвалах и застенках.

Святой Руси по тюрьмам не сгноить,
Не запугать ни пыткой, ни расстрелом.
Народ наш понял - быть или не быть.
Народ наш знает: Бог владеет смелым.

Настанет день. Обнимет брата брат.
И встанет брат за страждущего брата.
И схлынет Светлояр. И загудит набат
Из града Китежа, зовя на супостата.

Воспрянет Русь - единая, как встарь,-
Возжаждет Истины, обманами пресытясь,
И снова, в третий раз, на жертвенный алтарь
Бестрепетно взойдет Боголюбивый Витязь.

И твердо впредь грядя одним путем - Своим,-
Свой, Русский дух блюдя, как свет зеницы ока,
Ошибок прошлых мы не повторим:
Мы не забудем страшного урока.

Но для того, чтобы Русь Святую воскресить,
Исполнить вновь ее обильем и любовью,
Должны свой древний грех мы трижды искупить
Терпеньем, верою, молитвою и кровью.

Терпите же с верою. Готовьтесь же. Храните ж
В деснице меч, и Крест в сердцах своих.
На дне родных озер гудит набатом Китеж,-
Грядет в полуночи обещанный Жених.

В России два супостата: дворянство и компартия.
при чем тут [illegible] и [illegible]

I. "Дела давно минувших дней".

Неужели то не сказка дивная?
Неужели слезная то быль?
Льется, льется песня заунывная
И колышется, колышется ковыль.

До земли сгибаясь под ударами,
Под глухой кандальный перезвон,
Русь бредет, гонимая татарами
Во лихой татарский во полон:

Вышеславушки, Рогнеды, Доброгневушки,-
Слез реку горючую лия,-
Опозоренные женщины и девушки,
Оскорбляемые братья и мужья.

День погас... Заря померкла рдяная...
На Востоке вспыхнула звезда...
Там, вдали, лежит кровями пьяная,
Золотая, страшная Орда.

Всех, кто снес дорогу эту пыльную,
Голод, жажду, зной и батоги,
Ждет в кочевьях рабство непосильное,
Дальних стран невольничьи торги.

Русь истоптана степными аргамаками.
И с Ордой - отчизны сыновья -
Разгулялись дикими баскаками
По Руси удельные князья.

Русь истерзана их вечными раздорами,
Еле жив замученный мужик,
Разоренный тяжкими поборами -
На ясак за княжеский ярлык.

Но сильна кровавыми уроками,
Всех ничтожней бывшая сперва,
Наливаясь силами и соками,
Расцветает грозная Москва.

Вероломством, подкупом, доносами,
Ни людей, ни Бога не стыдясь,
Крепнет в дружбе с ханцами раскосыми
В ней Великий и коварный Князь.

Ни креста, ни совести не ведая,
Разорив соседушек до тла,
Куликовской сечью победною
Завершит он темные дела.

Чтоб затем,- стяжатель нераскаянный,-
Растоптавши ханскую басму,
Полновластным смурыгою-хозяином
На Москве усесться одному.

Тех грехов, что были им содеяны
Над детьми земли его родной,
Не искупят Господом овеяны
Ни Черниговский, ни Невский, ни Донской.

Не понятно.

Русь моя, земля многострадальная...
Знать и впрямь положена судьбой
Путь-дорога тяжкая и дальняя
В Китеж-град, взыскуемый Тобой...

Знать и впрямь Твоя такая долюшка,
Коль у Бога вымолила Ты
Променять Мамаеву неволюшку
На ярмо Ивана Калиты.

Да.- Тяжек грех Москвы, но совершен недаром.
Да.- Мрачен лик ее, но истинно велик.
Благодаря Москве, невзгодам и татарам,
Единый Русский Дух на Родине возник.

Из смердов и бояр, князей и разночинства,
Вокруг ядра московского Кремля,
Под тяжким молотом Державного Единства,
Ковалась в муках Русская Земля.

И если на Руси воздвигнут был Царями
Родной Империи нерукотворный Храм,-
То первая свеча да будет в этом Храме
Московским воинам, боярам и князьям.

(Продолжение следует)

Н.М.

1923 г.

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ СМОЛЕНСКИЙ

Кадет 2-го Кадетского Корпуса Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, Российской Империи Князь, с титулом Светлейшего и названием Смоленского, Генерал-Фельдмаршал, Главнокомандующий Российскою, Австрийскою и Прусскою армиями, член Государственного Совета, родился в Санкт-Петербурге 5 сентября 1745 года.

Род Кутузовых принадлежит к старинным дворянским русским родам. Летописи повествуют, что в XIII веке к Великому Князю Александру Ярославичу "выехал муж честен и добр из прусской земли", принял Святое крещение, наречен Гавриилом и был храбрым воеводой Невского героя. Правнук Гавриила - Федор Александрович первый назвался "Кутузовым". Доблестно служили Кутузовы Царям Российским и были награждены чинами, жалованьем и поместьями. Племянник Федора Александровича, Василий Афанасьевич, для отличия от других, прибавил к родовому имени своему прозвание"Голенищев". Его потомки были небогатыми помещиками Псковской области, в Опочковском и Торопецком уездах. В первом из них, в селе Митюшкине, находятся могилы деда нашего великого полководца - Матвея Ивановича и бабки его, урожденной Бедринской. А во втором - Теребинского прихода, в сельце Ступине, могила его отца - Иллариона Матвеевича, и матери, урожденной Беклемишевой.

Матвей Иванович служил отечеству на полях ратных во времена самозванцев, защищая дело законных Государей. Илларион Матвеевич начал службу при Петре Великом и был одним из образованнейших людей того времени. Михаил Илларионович был его единственным сыном. Он потерял мать во время дальнего отсутствия своего отца и был взять на воспитание бабкой, в патриархальном и благочестивом семействе которой и протекли его первые детские годы. Любимец бабки, он был добро, остроумен, но горяч, вспыльчив, и в то же время беспечен, ленив к учению; любил долго спать и нежиться. Он был необыкновенно любопытен и имел страсть слушать сказки и рассказы.

С приездом отца, переведенного на службу в Петербург, окончилось беспечное детство: он был определен в учрежденную Петром Великим Инженерную Школу, откуда в 1737 году еще отец его был выпущен кондуктором. Михаил Илларионович был в школе когда, в 1758 году, она была соединена с Артиллерийской и поступила под "особенную дирекцию" Генерал-Фельдцехмейстера, графа Петра Ивановича Шувалова, помощником коего был один из просвещеннейших людей того времени, генерал-инженер Михаил Иванович Мордвинов. Он первый обратил внимание графа Шувалова на выдающиеся способности кадета Кутузова.

В 1759 года "за прилежность в науках" Кутузов был последовательно произведен в унтер-офицеры и в каптенармусы артиллерии, а в конце того же года, и в Инженер-Кондуктор. I-го

класса, с оставлением при школе в помощь офицерам. Продолжая совершенствоваться в высших военных науках, Кутузов преподавал кадетам арифметику и геометрию. В 1761 году он был произведен в Инженер-Прапорщики, а в следующем году отчислен от Школы для определения на действительную службу.

По счастливому случаю Кутузов был замечен молодой Императрицей: Монархиня, желая открыть ему видное служебное поприще, просила Императора Петра Федоровича определить его в адъютанты к ревельскому генерал-губернатору Принцу Гольштейн-Бекскому. В августе того же года Кутузов был переименован в капитаны. Два года Кутузов оставался в этой должности, и в 1764 году отпросился волонтером в войска, выступившие в Польшу.

Здесь он начал свое воинское поприще, на котором полвека суждено ему было провести в боях, достигнуть высших почестей воинских и должностей государственных.

Боевое крещение он получил под Варшавой 28 июня 1769 г. 1769 год - начало военной славы молодого офицера: он разбил мятежников при Орыне и в окопах при реке Овруче, затем одержал победу над поляками и турками и взял в плен 63 человека. Недолго спустя, нанес, вместе с Паткулем, удар Конфедератам в областях Великой Польши, положив на место до тысячи человек и взяв с бою несколько пушек. В 1770 году он был переведен в армию Румянцева, действовавшую против турок, с назначением обер-квартирмейстером при Генерале Боуере. Кутузов приобрел расположение своего начальника и был постоянно употребляем в доверительных поручениях при разведке, составлении диспозиций и движении войск. За отличия, проявленные Кутузовым при Ларге и Кагуле, Румянцев произвел его - через чин прямо в обер-квартирмейстеры премьер-майорского ранга, а еще через год - в подполковники, с переводом в Московский Легион, а затем - в Тульский пехотный полк. Переведенный в Крымскую армию, Кутузов принимал участие в охране Крыма и в действиях под Очаковым и Кинбурном.

В 1774 году был подписан Кучук-Кайнарджийский мир, но, прежде чем известие о мире пришло в Константинополь, турецкий флот произвел высадку близ Алушты. Генерал-поручик граф Мусин-Пушкин атаковал турок, захватил окопы и прекратил военные действия, когда узнал о мире. В этом бою Кутузов со знаменем в руках ворвался в селение Шумлы и был тяжело ранен в левый висок, причем пуля вышла у правого глаза. К удивлению всех врачей, Кутузов выжил и был отправлен на излечение в Петербург. Императрица Екатерина пожаловала ему орден Св. Георгия 4 класса и часто приглашала его к себе для бесед, всегда называя "мой Кутузов". В 1776 году, по возвращении из за границы, Кутузов был отправлен на юг России, где и произошло его знакомство с Суворовым.

(Продолжение следует)

В. КОВАЛЕВСКИЙ

СТО ЛЕТ НАЗАД

В истекшем году, в Париже, торжественно было отпраздновано 300-летие со основания старейших полков Русской конницы - Слободских казачьих,- под различными названиями, но без перерыва 250 лет отслуживших верой и правдой Царям и Родине. Нам кажется небезинтересным привести справку из записок полковника л.гв. Уланского Ее Величества Полка, Рафаэля Вольфридовича Спорэ, о том, как день этот был отпразднован в Петергофе 100 лет тому назад.

"Государю Императору благоугодно, чтобы I Июля сего года л-гв. Уланский полк праздновал двухвековой юбилей, так как в настоящем году исполняется 200 лет от времени сформирования в 1651 году Украинских (Слободских) казачьих полков: Сумского, Ахтырского и Изюмского, послуживших ему основанием..."

Так командир полка - граф Нирод начинает свой приказ 13 марта 1851 года. Празднование юбилея было отложено на 27 июля, потому что Государь одновременно пожелал отпраздновать 50-летие Своего зачисления в Л.-гв. Конный полк. Это обстоятельство сообщало празднику в Петергофе особенную торжественность, тем более что в каждом из четырех праздновавших полков состояли сыновья Государя Императора, причем трое из них были в них Шефами.

На 26 июля было назначено прибивание новых штандартов к древкам, а на следующий день - их торжественное освящение и парад. В 10 часов утра в Петергофском дворце, вокруг аналоя, на котором лежали новые штандарты, были собраны все генералы, штаб- и обер-офицеры трех полков: Лейб-гвардии Уланского, Конногренадерского и Уланского Наследника Цесаревича, а также по одному вахмистру и по два нижних чина от каждого эскадрона.

Государь Император вошел в залу в сопровождении четырех сыновей и двух внуков - Великих Князей Николая и Александра Александровичей. После прибития штандартов всеми присутствующими, Государь собственноручно укрепил на каждом штандарте Георгиевский крест и, навязав Андреевскую ленту, вручил штандарты полкам.

На следующий день, 27 июля, в 10 часов утра полки прибыли на назначенные предварительные сборные пункты: Л.-гв. Конный полк - к Большому Дворцу, Конногренадеры - на Разводную улицу, Л.-гв. Уланы - на дорогу, идущую от их казарм к Самсониевскому каналу, Уланы Цесаревича - на левый фланг Кадетского лагеря. По данному приказанию, все полки одновременно двинулись на учебное поле за Кадетским лагерем и выстроились там развернутым фронтом. Конная Гвардия, под командой Самого Императора, выстроилась тылом к лагерю, причем I-м дивизионом в полку командовал Великий Князь Константин. Левее, под прямым углом, стали Конногренадеры, имея во главе I-го дивизиона Великого Князя Михаила. Против Конной Гвардии вытянулась линия лейб-уланов, со своим Августейшим Шефом - Великим Князем Николаем. Лейб-Уланы Государя Наследника Цесаревича замыкали карэ.

После Высочайшего объезда и торжественного Молебствия с водосвятием освященные штандарты были отвезены к полкам, встретившим их дружным "ура"! Вслед затем, полки прошли церемониальным маршем перед Своим Августейшим Вождем, были перестроены в густые колонны и выслушали милостивое приветствие Монарха.

По отъезде Высочайших Особ, были прочитаны Грамоты и принесена установленная Присяга.

По окончании торжества, у Государя был обеденный стол, на который приглашены командиры и офицеры полков.

На другой день, в Петергоф вступили от каждого полка по два конных взвода: один для принятия из дворца старых штандартов и отвоза их в полковые Церкви, другой для передачи новых штандартов полкам, которые уже в 9 часов утра выступили в Красное Село.

Р. СПОРЭ

К А З Н Ь

(из записной книжки корабельного гардемарина)

I. КАК ЭТО БЫЛО?..

Корабельный гардемарин Алешин мрачно шагал взад и вперед по дамбе гавани богоспасаемого испанского города Виго.

Не везет - так уж не везет... Компания товарищей только что высадилась с катера и весело удалялась в город. На его вопрос: "куда?" они, не останавливаясь, крикнули: "пройтись по магазинам, потом в кафэ, бутылочку хереса, побольше апельсинов, а вечером в театр"...

Вот тебе и посмотрел Испанию! Апельсины, херес, хорошенькие испанки... А тут торчи на пристани, в этой сбруе, - он сердито дернул портупею с саблей и револьверную кобуру,- жарко, душно, - благо, что ноябрь месяц... И надо же было именно в первый день стоянки угодить в обход, подбирать пьяную матросню...

"Брысь, чертенята", огрызнулся он на пристававшую к нему вереницу попрошаек-мальчишек, что-то надоедливо бубнивших. "Чертенята" бросились врассыпную, но на обратном рейсе опять построились ему в кильватер и затянули свою нудную песенку...

Алешин взглянул на часы. "Ага, время выходить... Вот и наши шлюпки".. У входа в гавань показался паровой катер с двумя баркасами на буксире. "Сюда" - крикнул он старшине катера, и катер, описав красивую дугу, точно подвел шлюпки к указанному месту.

Со стороны города показалась группа матросов, другая, третья... Большинство усердно жевало апельсины. Взявшись под руки, шествовала зигзагообразным курсом тройка, обмахиваясь громадными бумажными веерами с яркими картинками: пляшущими фанданго красавицами, пикадорами на белых конях, матадорами в осыпанных блестками костюмах, черными быками с выпученными глазами и пеной на страшных мордах...Степенные сверхсрочные унтер-офицеры бережно разворачивали пакеты и сравнивали покупки для своих "баб" - шелковые платки и кружевные косынки... Рядом с матросами бежали попрошайки-мальчишки, ковыляли нищие, кокетничали какие-то ярко разодетые девицы; на заднем плане скромно темнели треуголки патруля карабинеров...

Являлись, один за другим, обходы и докладывали о происшествиях.

"Так, кажись, все благополучно, господин Гардемарин",- говорил толстый машинный кондуктор Ерофеев, вытирая лоб большим клетчатым платком, "только вот чуть один скандал не получился...Громов, кочегар, может знаете, здоровенный такой, сразу где-то наклюкался да начал в бодеге, кабачке ихнем, к одной девчонке приставать... Та от него - он за ней... Мы тут как раз заглянули, смотрю, а испанец, что с ней сидел, за обмотку руку запустил,- у них там завсегда ножи складные. Ну, думаю, быть беде.

Забрали мы Громова - ругается последними словами, драться лезет с обходными... Хотел я его на шлюпку предоставить, да на улице он малость отошел и давай просить: отпустите, братцы, еще погулять. Ну, отпустил я его... Он еще мне обещал"..

Дикий вопль прервал рассказ. В пяти шагах от них двое матросов с трудом удерживали рвавшегося из их рук третьего. Смятая фуражка съехала на затылок, форменка вылезла из брюк. "Пу-устите", орал он хриплым, пьяным голосом, "хочет моя душенька еще погулять"... "Брось кочевряжиться"-уговаривали его товарищи, "нехорошо, народ чужой смотрит"... Опять же, господин Гардемарин"... Пьяный как бы ослабел на мгновенье, друзья воспользовались и потянули его к шлюпке...

"Это он и есть, Громов"- шепнул кондуктор гардемарину. Пьяный встрепенулся. "Куды?... я еще не желаю-ю... я еще того самого н-не в-выпил... как его"... Голос его опять упал, голова опустилась на грудь. Приятели снова подтолкнули его в направлении шлюпки... Громов открыл глаза, налитые кровью, дикие, блуждающие... Вдруг его взгляд упал на кондуктора. "А-а-а"-зарычал он и, двинув плечами, вырвался из рук товарищей. "В-вот ты где, шкура... Я те покажу, как отбивать девчонок"... и, протянув громадные волосатые лапы, он двинулся на кондуктора. Трофеев побледнел и чуть подался назад. Толпа замерла.

Алешин растегнул кобуру и взялся за рукоятку Нагана... В голове быстро мелькало... Что делать? Приказать схватить? - Вид Громова был страшен. А если приказание не будет исполнено?... Стрелять? Претило применять оружие против невменяемого, ошалелого человека... И вдруг вспомнились детские годы и битвы с мальчишками, и старше и сильнее его...

"Громов",- окликнул он, подходя к матросу. Тот взглянул на гардемарина тупым, непонимающим взглядом и двинулся дальше... Быстрым, почти незаметным, движением Алешин поставил ему подножку. Громов, взмахнув руками, рухнул на землю. "Бери его. Связать и на баркас". Теперь нашлось рук, вдвое больше чем нужно, и через минуту Громов, завернутый в брезент, как спеленутый младенец, лежал на дне баркаса... Толпа снова зашумела. Мальчишки визжали от восторга... Алешин, со вздохом удовлетворения, застегнул кобуру...

II. ЧЕМ ЭТО СТАЛО?

В уютной кают-компании крейсера Его Императорского Величества "Богатырь" только что получена офицерская почта. Лейтенант Сафонов развернул газету, ежедневно им покупаемую для практики в испанском языке, неведомо для чего ему надобном.

"Ничего особенного", отозвался он на вопрос старшего офицера, "землетрясение в Колумбии"... голод в Индии... тайфун в Южно-Китайском море... все как полагается... а-а-а вот это будет поинтереснее: приход Русской эскадры в Виго... так описание судов... более или менее правдоподобно... и наш

"крузадор" упоминается... Салют... визиты... так... так...Ого, это что такое?..Железная дисциплина Русского флота... Любопытно, посмотрим..."

По мере того как глаза его пробегали статью, физиономия лейтенанта все более превращалась в вопросительный знак. Наконец, он хватил кулаком по столу. "Если в этих широтах произрастает белена, то уважаемый сеньор редактор объелся этого не менее уважаемого растения... Слушайте все:

"Вчера сыны далеких снежных равнин Московии и Сибири впервые вступили на нашу почву, почву неведомого им юга...С детским любопытством разглядывали эти голубоглазые, светловолосые великаны выставки магазинов с невиданными на их родине произведениями европейской культуры и промышленности, жадно закупая самые разнообразные предметы для своих далеких семей. Но еще больше привлекли их дары нашей природы... Сотни апельсинов исчезали на их крепких, острых как у волков родных им степей, зубах... Не оставили они без внимания и благородный сок наших лоз, веселящий душу, окрыляющий мечты поэта,пробуждающий отвагу воина и дарующий красноречие несмелому влюбленному... Но для некоторых сынов далекого севера этот божественный огонь оказался роковым... Наш собственный корреспондент видел своими глазами разыгравшуюся на молу пристани потрясающую трагедию. Один из русских моряков, под влиянием непривычного ему божественного огня, разлитого нашим вином по всем его артериям, забыл суровую дисциплину военной службы и бросился на наблюдавшего за порядком офицера... Была ли это вековая вражда крепостного раба к ненавистному феодалу-боярину, или в нем заговорила буйная кровь казаков - этих хищных наездников - бедуинов необъятных русских степей, нам выяснить не удалось... Сраженный ударом шпаги другого офицера, он был скован и брошен, как тюк, на дно лодки."

"Говоря проще, кочегар Громов нализался как свинья, был связан и сейчас высыпается в карцере", вставил старший офицер.

"Подождите, главное впереди. Я продолжаю."Это было вчера, а сегодня мы имели возможность с содроганием констатировать неумолимость, с которой железные военные законы карают всякую попытку бунта... В полдень, от адмиральского корабля, охваченного зловещим молчанием, отошла длинная процессия лодок, полных матросов, обязанных присутствовать при трагическом конце нарушителя закона... На передней из лодок развевался громадный черный флаг - символ смерти. Подобные же процессии отошли одновременно от других кораблей. Вокруг вереницы лодок ходил паровой катер, вооруженный пушкой,- вероятно, мера предосторожности против возможной попытки товарищей спасти осужденного. Все процессии, соединившись, двинулись в сторону пустынного северного берега бухты... Прошло немного времени, и прокатившийся в тихом утреннем воздухе залп, повторенный эхом далеких холмов, возвестил,что правосудие совершилось. Виновный заплатил жизнью за свое преступление... - Ну, что вы скажете на эту галиматью?"

"Вероятно, сам редактор перехватил "божественного огня" или, во всяком случае, "собственный корреспондент". - "Какой-то бред сумасшедшего"... раздавались голоса слушателей.

"Но ведь не мог же он, как бы пьян не был, высосать все это из пальца,-вставил доктор - было наверное что-то, на чем он построил всю эту галиматью. Надо только поискать."

"Уже найдено, хитро улыбнулся штурман."

"Что?, как?, в чем же дело? - посыпались нетерпеливые вопросы.

"Катер с пушкой дал мне разгадку... Что у нас было вчера?

"Вчера? ничего особенного... а-а, гонки... Разве?

"Именно. Паровой катер с пушкой - катер гоночной комиссии, вереницы лодок со свидетелями казни - шлюпки с гребцами, буксируемые к старту, залп - выстрел из той же пушки, сигнал начала гонок".

"Ну а черный флаг, символ смерти? Это уж он сбрехнул начисто"...

"Ничего подобного. И флаг был на самом деле. Вы же все были на гонке... брандвахту огибали.. что на ней было поднято?"

"А-а-а... ГЛАГОЛЬ." x)

"Ну вот, он самый. Громадный, потому что флаг не шлюпочный, а судового комплекта, и для шлюпки, действительно, несоразмерно велик. А что возбужденная фантазия испанского борзописца приняла темно-синий за черный, это уже приходится простить ему, как поэту... Ну-с, а за решение загадки я полагаю, что кают-компания может раскутиться на бутылочку "Педро-Хименец" или "Амонтийадо". За упокой казненного!"

М. КУБЕ

------

x) "ГЛАГОЛЬ" - сигнальный флаг, обозначающий букву "Г". В нашем флоте пользовались для сигнальных флагов буквами церковно-славянского алфавита, во избежание путаницы между близкими по созвучию названиями букв по гражданскому алфавиту.

·МУЗЫКАНТЫ·

ИЗЪ „ОБЩЕЙ ТЕТРАДИ."

Всем известно, что духовая музыка вносит бодрость, создает настроение,- и не только военным. Вы, штатские, никогда никогда на военной службе не бывшие, проверьте себя. При виде строя, при звуках победных аккордов оркестра, разве у вас не пружинит в коленках, не расправляется сама собой ваша, подчас впалая грудь?

Мальчишки сбегаются чуть не со всего города. У встречных военных шаг делается тверже. О вас же, милые дамы, я не говорю. Мы всегда знали, что вы нас и без музыки любите... а уж"под звуки лихих трубачей"... об этом и в песнях поется, и в сказках рассказывается...

После такого маленького предисловия, никому не покажется удивительным, что у нас, в Суворовском Корпусе, духовой оркестр был предметом особого внимания со стороны начальства и пользовался исключительной, неизменной любовью кадет. Музыкантам делались разные поблажки, прощалось иногда и такое, за что простые смертные "десятым потом прошибались".

Если сыгровки происходили в столовой, то собиралось всегда много любителей, которые своим присутствием поддавали жару играющим. На младших кадетах всегда производила особое впечатление "резь" корнетов, рявканье басов, "бархат" баритона, могучие удары барабана большого и "горошек" малого.

Из вынутого мундштука блестящего инструмента, кадет важно выкапывает скопившуюся там слюну, при восторженном шопоте особых почитателей "баса": "вот это надул,- молодчина".

На "пикколо" играли худенькие, с тонкими пальцами; их инструменты, свободно умещавшиеся в обшлаге, восторга не вызывали.

Корнетисты сами звали "корнетами", "тонягами" и "пистолетами". "Басы"были предметом умиления. Их громадные раструбы,как и они сами, доминировали над всем оркестром. Все они были силачи, свободно вскидывали на себя свои тяжелые геликоны и, конечно, немного "задавались".

Большая группа "альтов" обычно аккуратнее других переписывала ноты своей партии; играя,важно в них смотрела...,но все же их называли с оттенком пренебрежения "ИСТА", "из-за такта", или просто "аккомпанементом".

"Эх ты, деревянный инструмент",- говорили кларнетистам, и всегда думали, что они портят строй, глядя себе под ноги и сося такой неаппетитный мундштук.

"Баритон"... "Это, брат, целый механизм, тут дурака валять нельзя. Слышал СОЛО. Так чувствуй и понимай."

"Тенора", может быть, и хотели, чтобы их считали тоже "вроде баритона, но это им никак не удавалось, а "вторые корнеты"

ехидно ухмылялись, надеясь пролезть со временем в "первые", - и уж совершенно наглели, когда кому-нибудь из них, случайно, поручали играть первую партию. Вид у них был при этом независимый: "ничего не поделаешь, обратились за поддержкой,- пришлось выручать".

Особое место в оркестре занимал "турецкий барабан". "В него только дурак бьет... на нем нужно уметь играть. Барабан, брат, если захочет, все дело может испортить, по нем весь оркестр равняется. Недаром он в голове ходит".

В "тарелки" бил приятель "барабана", который в "клубе"ораторствовал: "будьте покойнички. Я ЕГО обучил и за него отвечаю... не тревожьтесь, - краснеть не придется. При концертах я и сам справлюсь, на то у меня две руки и голова на плечах, ну а в строю полагается помощник, вот я и выбрал такого, у которого душа в унисон с моей настроена".

"Маленький барабан" был всегда виртуозом и упражнял постоянно свои пальцы на чем-нибудь твердом -"вот, хочешь, попробую на твоей голове".

Да не подумает читатель, что капельмейстер - немец Шенэ - тут ни при чем и что каждый сам себе выбирал инструмент и играл кто как хочет.. Этот очерк - лишь попытка охарактеризовать музыкантов уже составленного оркестра. Сам же Шенэ, хотя бы нервен и по-русски говорил плохо, но был талантлив. На уроке, выведенный из себя каким-нибудь бестолковым учеником, мог сломать свою палочку о пюпитр и даже нервно выхватить инструмент, задев им слегка по голове... краснел, подпрыгивал, приседал и приводил кадет в неописуемый восторг, когда кричал: "Эта безобразия... эта... эта чорт знашит што такое"... Но своего он добивался вполне, и духовой оркестр корпуса на протяжении многих лет играл отлично. А в 1916 году, когда корпус был перемещен из Варшавы в Москву, был признан лучшим оркестром из четырех корпусов: трех Московских и Суворовского.

С.Двигубский

лагерных сборов уехать в Африку, во французский Иностранный Легион, но... судьба решила иначе. Разразилось Сараевское убийство, а затем грянула Великая Война. Вместо Африки, я попал в гор. Псков, куда получил назначение в 93 пехотный Иркутский полк.

Я уже не застал во Пскове доблестного полка, вышедшего на фронт, и был назначен в ряды его сына,- стяжавшего себе впоследствии боевую славу на полях Великой Войны - 269 пехотного Новоржевского полка.

Боевая история нашего скромного 269 пехотного Новоржевского полка, сформированного в 1914 году из жителей Псковской губернии и офицерского кадра славного Иркутского полка, несомненно войдет в в летопись Русской Славы, для назидания будущих поколений. Под мудрым и храбрым водительством нашего горячо любимого командира, генерала Филимонова, Новоржевский полк является одним из исключительных полков Русской Армии. В продолжение всей войны он не потерпел поражений, с честью выходил из всех боев, ни на одну минуту не теряя стойкости и мужества. В дни гражданской смуты Новоржевцы дали большой процент своих офицеров для борьбы за честь России.

Вечная Слава и Память нашему Командиру. Вечная слава нашему доблестному полку.

С М О Р Г О Н Ь

Линия фронта осталась далеко позади нас. Мы двигались прямо на восток. Куда мы шли и зачем - никто из нас не знал. Молодежь острила, говоря, что "идем в Москву на пополнение". Возможность близкой встречи с противником как-то отошла в сторону; о фронтовых днях вспоминали. Но вот, высланные вперед квартирьеры - казаки Оренбуржцы - возвращаются на взмыленных лошадях и доносят, что встретились с германскими кавалеристами. Наш полк шел в этот день в голове колонны дивизии. Мне немедленно было приказано двигаться со вверенным мне I батальоном вправо от шоссе и составить как бы правый авангард колонны. Рассыпав две роты в цепи, я пошел параллельно движению полка. Вскоре завязалась перестрелка, а затем и мелкие стычки. Наша дивизия теснила немецкую конницу, выбивая ее из деревень и местечек и захватывая небольшие партии пленных. После занятия нами деревни Саллы, германская конница отошла к Сморгони и сосредоточилась там, намереваясь удержать этот город до подхода пехоты.

6 сентября I батальон Новоржевцев расположился в большом селе, верстах в 10 от Сморгони. Вечером того же дня я устроил у себя большой обед в складчину. Один из солдат, бывший раньше кондитером в Петербурге, спек нам изумительный пирог с капустой и яйцами. В качестве гостей подъехали Начальник обоза I разряда и Оружейный мастер. Хорошо пообедали мы в этот день, а, по окончании, я предложил г.г. офицерам немедля

ОТ РЕДАКЦИИ

24 ноября 1951 г. неумолимая смерть вырвала из наших рядов дорогого друга и однокашника - кадета Первого Кадетского Корпуса Николая Алексеевича Первышина. Богатейший материал по истории 269 Пехотного Новоржевского Полка остался в руках Редакции. Крайне мало известна у нас история "молодых" второочередных полков, и нам представляется, что живо, с присущим автору литературным талантом, изложенные, хотя бы и отрывочные, записки о боевой деятельности одного из этих славных полков (как говорит сам Первышин: полка за всю Великую Войну не знавшего поражений) не могут не быть интересны читателю - офицеру и кадету.

Помянув еще раз рано погибшего героя-кадета, обратимся к его воспоминаниям.

ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА ПЕРВЫШИНА
О 269 ПЕХОТНОМ НОВОРЖЕВСКОМ ПОЛКУ

Я, Николай Алексеевич Первышин, родился в городе С.-Петербурге 8 апреля 1891 г,(по ст.стилю).

Получив воспитание и кадетскую закваску сначала в Первом, а потом во 2 Кадетском Корпусе, я вступил в воинскую службу вольноопределяющимся 2 Кавказского стрелкового батальона. Со своим батальоном я участвовал, в 1910 году, в Персидском походе Джульфа - Тавриз, в колонне полковника Вакуловского, в которую, кроме нашего батальона, входили взвод Кавказской гренадерской Арт. Бригады и 6 сотня Хоперского казачьего полка под командой подъесаула Шатилова.

По окончании экспедиции, я уехал на Балканскую войну 1912 года и поступил добровольцем в 12 Балканский пехотный полк Болгарской армии. Под крепостью Адрианополь, за отличие в боях 25 и 26 октября у форта Папас-Тепе, был награжден Болгарским Военным Крестом "За храбрость" 4-й степени и произведен в чин офицерского кандидата; за отличие в бою и ночной штыковой атаке 7 ноября того же года под фортом Картл-Тепе я получил чин подпоручика Болгарской армии. Наконец, за отличие при взятии Адрианополя 13 марта 1913 г. был назначен командиром 12 роты того же полка.

Перед началом Второй Балканской войны, согласно приказу Государя Императора всем русским добровольцам оставить союзные армии, я покинул полк 12 июля 1913 г. и поступил в распоряжение нашего военного агента в Софии - Полковника Романовского. Полковник Романовский прикомандировал меня, как знатока местности, к только что прибывшему в Болгарию полковнику Генерального Штаба Котельникову, получившему задание снять план крепости Адрианополь. В результате этого поручения, мне пришлось бежать и укрыться в Бургасе на нашей канонерской лодке "Кубанец", на которой я затем благополучно возвратился в Россию через Севастополь

По возвращении на Родину, я был переименован в прапорщики Русской Армии и получил распоряжение отбыть лагерные сборы при 85 Пехотном Выборгском Полку, сперва в Новгороде, а затем в Красном Селе, летом 1914 года. Я уже решил было по окончании

разойтись и лечь отдохнуть, так как мы совершенно не знали, что сулит нам грядущая ночь.

Была полночь, когда дверь моей комнаты с шумом растворилась, и старший полковой ординарец, звякнув шпорами и щелкнув каблуками, зычным и хриплым голосом прокричал: "Их Высокоблагородие, Командира батальона к Командиру полка"... Растолкав своего адъютанта, я быстро оделся и, наступая на ноги спящих на полу солдат, пристегивая снаряжение, вышел на двор, где меня уже ожидал ординарец, держа под уздцы моего "Мальчика". Вскочив на коня, поскакал я в штаб полка. Ночь была, хотя звездная, но темная и туманная. В большой комнате, освещенной вставленными в бутылки огарками, за столом, накрытым большой картой, сидел Командующий полком с офицерами штаба. Как только я занял место за столом, подполковник Сакен, не глядя на меня, холодно отчеканивая каждое слово, заявил: "Начальник дивизии приказал завтра на рассвете атаковать и взять любой ценою Сморгонь. Успех этой операции даст возможность частям нашей X армии и гвардейскому корпусу, находящемуся под Вильной, выйти из тяжелого для них положения". Затем, немного помолчав, подполковник Сакен взглянул на меня в упор и добавил: "Жребий пал на ваш батальон, подпоручик Первышин"... Наступила тишина, а затем он прибавил: "На эту боевую задачу я назначаю вас с вашим батальоном, о чем уже донес Начальнику дивизии, который одобрил мой выбор и ждет от вас подвига и боевых успехов". Я встал, поблагодарил Командующего за лестное обо мне мнение и, обещав в предстоящем бою оправдать его доверие, заявил под конец: " Завтра Сморгонь будет взята". Все лица сразу засияли, а полковой адъютант ободрительно улыбнулся, и пальцами на своей груди изобразил крестик. Командующий полком крепко пожал мне руку и сказал, что "этот приказ есть личное желание Начальника дивизии". Получив некоторые дополнительные разъяснения, я вышел из дому и отправился в расположение батальона дать последние инструкции для предстоящей завтра, вернее сегодня, атаки Сморгони.

По моему вызову ко мне явились командиры рот и фельдфебеля. Посвятив их в боевую обстановку, ознакомив с нашим заданием, сделав несколько хозяйственных распоряжений фельдфебелям, я приказал им собраться с ротами к 4 часам утра на пустыре перед моим домом, и отпустил их. Спать, конечно, больше не пришлось. Скоро с улицы стали доноситься команды офицеров и солдат, проводивших людей мимо моего дома.

По сборе батальона, я поздоровался с каждой ротой отдельно, подбодрил солдат к предстоящему бою и скомандовал: "Батальон, справо по-ротно, с Богом, шагом марш". Раздался мерный топот солдатских сапог, и батальон стал выходить на большую дорогу, ведущую к Сморгони.

Проехав с версту, я оглянулся назад. За мной, побрякивая котелками и снаряжением, вымешивая осеннюю грязь и обходя лужи, тянулась серая, колыхающаяся масса солдат. За нею уже дымились походные кухни, выбрасывая из труб искры, далеко относимые ветром. Я задумался. "Провидение вручило мне судьбу

этих, почти мне неизвестных, людей. Кто они, эти люди всевозможных профессий и всех слоев общества? Откуда они, с каких концов нашей великой, необъятной России? Что заставило их побросать свои жилища, оставить жен, детей и родителей? Что принудило их придти сюда, в литовско-белорусскую глушь, и жертвовать собой? Священный долг перед нашей общей Матерью-Родиной. Я молод. Мне только 24 года; многим из них я гожусь в сыновья, а ведь за жизнь каждого из них я отвечаю лишь перед Богом и со совестью... Сегодня я обязан выполнить свой долг перед Родиной, как командир ударного батальона,- я его выполню до конца. Я буду стараться достичь наибольших успехов, но с наименьшими потерями...

Вдали, на перекрестке дорог, показался Командующий полком со своим штабом... Пройдя версты три, я остановил батальон на привал в маленькой деревушке, а сам, с подполковником Сакен, выехал вперед, на окраину. Здесь находилось кладбище, и с него можно было хорошо осмотреть впереди лежащую местность. Здесь я перестрою мой батальон в боевой порядок и поведу его для занятия исходного положения, согласно диспозиции, к 7 час. утра, на линию железной дороги Сморгонь-Вилейка. От нас до нее не более двух верст.

В это время к нам подтянулась наша полковая пулеметная команда с ее начальником, прапорщиком Гартье. Последний мне сообщил, что моему батальону придается еще один взвод пулеметов и просил указать ему место. "Пулеметы будут находиться при мне, и только по моему приказанию открывать огонь по целям, указанным мною",- последовал мой ответ начальнику пулеметной команды.

Вверенный мне I батальон нашего 269 пехотного Новоржевского полка находился в 6 верстах от Сморгони. Впереди нас тянулись позиции одного из полков нашей же 68 дивизии. Начальник дивизии предоставил мне выбор по моему усмотрению места и направления для удара, и вообще предоставил мне полную свободу действий.

Я попрощался со всеми офицерами штаба полка. Подполковник Сакен чисто по-родительски благословил и поцеловал меня на прощанье. Я стал перестраивать батальон. Под прикрытием утреннего тумана, я вытягивал батальон в одну цепь, взяв направление прямо на восток, как бы удаляясь от цели. Когда первые три роты окончательно вытянулись, я приказал командующему 4 ротой, прапорщику Бирк, держаться сомкнутым строем на дистанции видимости батальона, составляя, так сказать, мой батальонный резерв. Сам же я, с моим адъютантом и связью, пошел слева цепи батальона и скоро вышел к ее середине. Когда я затем повернул цепь батальона налево, то оказался в голове вверенных мне людей. Так мы благополучно дошли до полотна железной дороги, где роты и залегли, заняв намеченное мною исходное положение.

Впереди, за линией железной дороги, верстах в двух от нее и почти ей параллельно, проходит шоссе от Сморгони в сторону Вилейки. По обеим сторонам шоссе - глубокие канавы. К нему-то я и намереваюсь вывести мой батальон. Отдаю приказание: "По моей команде, всему батальону одновременно

перебежать полотно железной дороги и затем быстро двигаться к шоссе". Быстротой и одновременностью перебежки я надеюсь вернее ускользнуть от взоров германских наблюдателей. Если же германцы нас заметят и, при подходе батальона к шоссе, подвергнут обстрелу, то потери можно будет сильно сократить, скрыв людей в канавах по сторонам шоссе.

Когда приказание это было передано по цепи, я поднялся на полотно железной дороги и скомандовал: "Батальон за мной, вперед". Как один, солдаты, перебежали через полотно, и батальон начал наступать на шоссе. На правом фланге шла 3 рота прапорщика Савицкого, в центре - 2 прапорщика Федуленко, и на левом фланге - I прапорщика Денисова.

В этот момент германская артиллерия открыла по нас огонь, но шрапнель рвалась слишком высоко и нас не поражала. Мы прибавили шагу, торопясь занять канавы вдоль шоссе. 4 рота сомкнутым строем добежала до полотна и расположилась правее главных сил батальона, составляя мой резерв и одновременно охраняя мой правый фланг.

Когда роты уже подбегали к канаве у шоссе, на самом правом фланге у Савицкого завязалась ружейная перестрелка. Затем небольшая цепь германцев поднялась из канавы и в беспорядке бросилась к деревне Клидзиниента, отстоявшей от шоссе версты на две. Мои роты, заняв канаву, открыли огонь по германцам.

Один взгляд на карту дал мне ясное представление о всей важности этой деревни для моего батальона. Было ясно, что начать движение на Сморгонь теперь невозможно. Германцы от Клидзиниенты могли бить нас справа фланговым огнем. Что оставалось делать? Приказываю правофланговой роте прапорщика Савицкого: "Выбить противника из деревни". Немцы встречают его атаку пулеметным огнем, и 3 рота залегает. По полевому телефону хочу вызвать нашу артиллерию, но, как на зло, у наших телефонистов не хватает провода дотянуть линию до канавы. Телефонная трубка осталась в поле, в ста шагах от шоссе. Это меня сильно расстраивает. Я посылаю за пулеметами, но их не могут найти... Мой адъютантт прапорщик Лебедев I, под огнем пробирается к телефонной трубке и просит подполковника Сакен вызвать нашу артиллерию. Тот сообщает, что тяжелая Сибирская батарея становится на позицию и через несколько минут откроет огонь по Клидзиниенте.

Не успел я передать это приятное известие по батальону, как издалека загремели тяжелые орудия и стали наростать звуки приближающихся снарядов. К нашему удивлению, первая очередь разорвалась позади нашей канавы, забросав нас землей и камнями. Положение наше оказалось неважным. Не на шутку опасаясь, что вторая очередь влепит прямо в нашу цепь, я бросился к телефону, лежавшему среди поля, Схватив трубку и прижавшись, как только мог, к земле, я громко заорал: "Артиллерия стреляет по своим... по своим...", в ответ услышал чей-то совершенно спокойный и уверенный бас: "Вижу. Следите за второй очередью и корректируйте". Опять загремели тяжелые орудия. Я еще больше прижался к земле, не отпуская трубки от уха... Томительные мгновенья... Но вот, тяжелые снаряды низко пролетели над нашими головами и через несколько секунд разорвались прямо в деревне.

Немцы, как блохи, поспешили выскочить и пустились бежать во всю прыть. Я в восторге радостно крикнул в трубку:"Попадания отличны. Целую командира батареи и все его пушки". Затем, я бросился в канаву и приказал открыть частый огонь по бегущим.

Через несколько минут после этого, телефон был дотянут до канавы, где я сидел. Я вызвал полкового адъютанта, поручика Дубинина, и рассказал ему о боевой обстановке, заключив словами: "Сейчас поведу наступление и атакую Сморгонь. Если что со мной случится, успокой мою мать и скажи ей, что я выполнил долг перед Царем и Родиной, а ее,мать, всегда любил и не забывал. Теперь мне не придется больше говорить с тобой по телефону, а все нужные сведения будет передавать телефонист, идущий с батальоном".

Переходя в решительное наступление, я приказал прапорщику Бирку выйти, с его 4-й ротой, на шоссе и прикрывать наш маневр от всяких неожиданностей. Остальные роты я двинул вперед по канавам в направление на Сморгонь. Сам же я, с моим адъютантом и связью, стал в голове. До города теперь оставалось не более двух верст. Я остановил передних и дал возможность всем подтянуться. Потом скомандовал головной роте прапорщика Денисова: "Влево от шоссе, по линии в цепь", и 2-й роте: "Справа от шоссе в цепь". Таким образом, две роты развернулись фронтом на Сморгонь, а 3-я рота составила резерв. Как только построение было закончено, я подал команду: "Батальон, за мной вперед"...

Было около II часов утра. Солнце ярко светило, делая нас хорошо видимыми противнику. Мы двинулись под сильным огнем. Телефонист мой скоро был ранен, а телефонные провода порваны осколками снарядов.

Подравниваясь на ходу, батальон наступает, стреляя на вскидку. Слева от шоссе, уверенный в себе идет во главе роты прапорщик Денисов. Вправо, перед цепью 2-й роты прапорщик Лебедев II. Еще правее храбро, во весь рост ведет своих солдат прапорщик Федуленко. Окинув в последний раз взглядом все построенье, я командую: "В атаку". "В атаку, в атаку... " несется по цепи.

Испуганный заяц в два прыжка перескакивает перед нами шоссе и пускается вдоль фронта. Солдаты по нем стреляют. Заяц круто поворачивает и несется прямо на Сморгонь. - "Косой с нами, тоже пошел в атаку",- весело кричат солдаты. В это самое время один из них, рядом со мною, падает на-земь. "Что, ранен?"- "Подходяще-, отвечает он, а затем вопит во всю глотку:" Вперед, ребята, небось, все вперед." Парень,видно, струхнул; если мы повернем назад, он останется лежать и попадет в руки врага, а если пойдем вперед, его наверняка подберут санитары.

Далеко, влево от нас,- как я узнал впоследствии,- посланный для подкрепления наш II батальон залег цепями и, услышав нашу стрельбу, не разобрав в чем дело, открывает огонь. Их пули летят через наши головы. Передать им, что они бьют по своим нет никакой возможности. Не обращая внимания, продолжаем движение.

Германская тяжелая артиллерия, стоящая где-то далеко перед нами, тоже открывает огонь по батальону. Тяжелые германские снаряды рвутся позади наших цепей, как бы подгоняя нас на Сморгонь. 4-я рота, выйдя сомкнутым строем на шоссе, попадает под этот огонь. Один из снарядов ударяет в самую середину строя. Ротный командир тяжело ранен и 12 солдат убиты на месте.

Между тем, германские егеря в окопах перед городом усиливают огонь по двум моим атакующим ротам. Мы уже близко: их покрытые чехлами каски нам ясно видны. Настал решительный момент... Я кричу "ура"..." - "Ура"... ура..." несётся по всему полю. Ротные командиры с обнаженными шашками впереди своих рот бегут на германские окопы... Штыковой бой... Вижу слева как прапорщик Денисов сверкает шашкой уже в неприятельских окопах. Справа прапорщик Федуленко рубит не менее лихо... Не отстают и наши солдаты. Немцы подымают руки, сдаются в плен. Но они нас мало интересуют. Мы хотим скорее ворваться в город, чтобы там между зданиями найти укрытие от германских тяжелых снарядов. Некоторые сдавшиеся, увидев, что мы прошли вперед, снова берутся за оружие и стреляют нам в спину. Но 3-я рота прапорщика Савицкого уже здесь и приканчивает таких "голубчиков" штыками...

В это самое время Начальник 68 пехотной дивизии, генерал Апухтин запросил по телефону временно командующего Новоржевским полком, подполковника Сакен, о положении под Сморгонью, на участке подпоручика Первышина. Подполковник Сакен сообщил последние сведения: "Первышин перестроил батальон для атаки, а затем телефон перестал действовать". В этот момент, в их разговор по телефону вмешался командир одной из батарей 68 артиллерийской бригады, подполковник Григорович, и доложил Начальнику дивизии, что "находясь на наблюдательном пункте, он наблюдает движение первого батальона Новоржевцев: перед ним, как в кинематографе, развертывается картина атаки. В настоящую минуту подпоручик Первышин со своей связью, во главе батальона подбегает к городу"... Генерал Апухтин тогда же приказал командующему полком представить подпоручика Первышина к Георгию. Эти слова слышал в трубку и Григорович, мой большой друг, и немедля послал ординарца в Сморгонь с поздравлением. Я его получил тотчас по взятии города.

I-й батальон Новоржевцев ворвался в Сморгонь. С группой чинов, находившихся при мне, я вышел на Большую улицу, продолжавшую шоссе. Первое что бросилось мне в глаза, это масса германских велосипедов, приставленных к стенам домов. Их владельцы, очевидно, сражались на южной окраине города, откуда продолжала доноситься стрельба. Там наступали другие части нашей дивизии, и еще не могли преодолеть сопротивления противника. На Большой улице не было видно ни единой души. В одном из домов, через открытую дверь, я заметил несколько германских солдат, мирно чистивших картошку... У плиты стоял толстый повар, хоть и в военной форме, но с большим поварским колпаком на голове. Он пек блины. Увидя Русских, повар

обомлел и выпустил из рук суповую ложку с опарой, которая упала на голову немца, сидевшего у котла. Пострадавший, вероятно, принял это за глупую шутку повара и бросился с кулаками на виновника. Но, взглянув на окаменелую от испуга рожу повара, обернулся назад и... тут же вытянулся в струнку. Его примеру последовали остальные германцы. Я не мог удержаться от смеха и, махнув им рукой, пошел дальше.

Мы продолжали углубляться в город. Из какого-то дома выскочил германец с отчаянным лицом - и стал целиться в меня из карабина. Мои солдаты гаркнули "ура". С перепугу немец выстрелил в воздух, бросил карабин и пустился бежать. За ним погнался солдат-Новоржевец, детина огромного роста с роскошной черной бородой. Вслед за немцем, одним ударом ноги вышибив калитку, он ворвался во двор. Но здесь он наткнулся на молодую красавицу-еврейку, с умоляющим видом протягивавшую ему каравай белого хлеба. Бородач смущенно взял хлеб и, недоуменно ухмыляясь, вышел обратно на улицу, забыв про германца.

Влево от главной улицы я заметил небольшую группу германских офицеров. На всякий случай, я переложил револьвер из кобуры в карман шинели и, подойдя вплотную, отдал им честь. Немцы стояли неподвижно и упорно смотрели в землю, словно ожидая смертного приговора. Правофланговый и, видимо, старший в чине поднял глаза и, увидев меня с рукой под козырек, вытянулся и, в свою очередь, отдал мне честь. Его примеру последовали другие. Я снял перчатку и поздоровался с каждым за руку...

Представив им моего адъютанта, я вынул портсигар и угостил пленных русскими папиросами. Опросил об оружии. Двое из них сдали мне свои браунинги и бинокли Цейсса. Германские солдаты стали выстраиваться позади своих офицеров. Старший из последних обратился ко мне с просьбой: среди солдат имелся один фендрик, недавно произведенный в лейтенанты, но еще не успевший надеть форму; не разрешу ли я этому фендрику присоединиться к группе офицеров. Я разумеется разрешил и поздравил молодого человека с производством в офицеры.

К полудню 7 сентября Сморгонь была полностью в наших руках. Официальные трофеи моего I батальона заключались в семи пленных офицерах, 147 солдатах, одного пулемета, нескольких зарядных ящиках, повозках и значительном количестве велосипедов. Очень довольный, я зашел с пленными офицерами в пустую парикмахерскую присесть и немного отдохнуть.
В разговоре немцы выразили удивление: почему русская армия почти без боев сдавала им большие города, как Ковно,Гродно и другие, а здесь, на каких-то песках, столь ожесточенно дерется.Я попросил пленных офицеров вписать в мою полевую книжку их фамилии и адреса. Большинство оказались берлинцами и студентами.

В это время на улице снова послышалась стрельба и крики "ура"... Это наш собрат, 270 пехотный Гатчинский полк, наконец-то прорвался в город с юга. Через минуту в парикмахерскую к нам вбежал молодой красивый прапорщик с обнаженной шашкой и крикнул по-немецки "Руки вверх!" Увидев меня, он сконфузился, покраснел и выскочил обратно.

Однако, пора было итти к батальону, на сборный пункт. По городу бродили солдаты наших различных полков и собирали трофеи. Было значительное число раненых - наших и немцев. Всем им делали перевязки на улице, наши и пленные фельдшера и врачи. Повсюду шмыгали санитары...

К нашей группе подъехал Подполковник Сакен, поздравил меня с победой и попросил был до конца "паинькой". "Вам предстоит еще одна небольшая операция: батальон капитана Вершинина потерялся, поэтому вас сменить некем и вы должны продолжить дело,- выйти из Сморгони через северо-западную окраину и преследовать отступающих германцев. К ночи я постараюсь заменить вас другим батальоном".

Я собрал батальон, поздравил г.г. офицеров и нижних чинов с победой, приказал представить наиболее отличившихся солдат к Георгиевским крестам и с удовольствием узнал, что потери у нас были совсем невелики.

При выходе из Сморгони вверенный мне батальон был встречен огнем германской тяжелой артиллерии. Пришлось рассыпаться и уже цепями продвигаться вперед, к реке Вилии. Немецкие батареи перешли на заградительный огонь. Разрывы стали точно ложиться перед самыми нашими цепями.

Командующий полком, со своим штабом, выехал из города наблюдать за нашим наступлением. Германцы заметили эту группу конных и, приняв ее за отряд кавалерии, перенесли огонь с наших цепей на нее... Когда я оглянулся, штаб полка марш-маршем удирал обратно в город. Мой батальон мог спокойно продолжать наступление: германская артиллерия нас больше не беспокоила.

Так закончился Сморгонский бой 7 сентября 1914 года.

На четвертый день я получил телефонограммой поздравление от Государя Императора с награждением орденом Святого Георгия 4 степени и поздравления от Главнокомандующего фронтом, Командующего армией, Командира корпуса и Начальника дивизии.

На следующий, пятый, день эти телеграммы были помещены в приказе по 269 Пехотному Новоржевскому полку.

Полковник Николай Первышин.

В 1903 ГОДУ

(Из воспоминаний о I-м Московском Корпусе)

Весна. Май месяц. Солнечные лучи проникают во все закоулки громадного здания Кадетского корпуса в Лефортове. Все окна настежь; чистый весенний воздух; иногда чуть повеет свежим ветерком... Легко и радостно на душе.

С моим другом, Мишей Черныховым, мы пристроились у окна в громадной колонной столовой корпуса, на самом солнцепеке, - и зубрим, готовимся к экзамену. Третьего дня было испытание по Закону Божьему; приезжал Митрополит Владимир. А вот завтра экзамен потруднее - по истории. Наш старый преподаватель, Александр Флегонтьевич, шутить не любит: требует знаний серьезных. Но разве можно зубрить о суровых Средних веках в такой чудный весенний день? Протомовшись часа два над учебниками, мы решаем итти в парк погулять и позаняться до завтрака на лоне природы. С удовольствием надеваем только что выданные фуражки с белоснежными летними чехлами, обдергиваем гимнастерки и быстро спускаемся по массивной каменной лестнице к аллее. Мимо бани и плаца I-ой роты - в парк. По обычаю покупаем у разносчика батоны, по пятачку за штуку, и шагаем мимо пруда к беседке Петра Великого. Прохладно от застоявшейся воды и тины пруда, в тени старых дуплистых деревьев. Птички перекликаются на все лады, гудит шмель у желтого цветка и, шурша прошлогодними листьями, быстро проносится под кустами мышь. Земля в парке еще сырая, травы под деревьями мало, только зеленеют полянки да молодая клейкая листва на деревьях. Идем мимо мостков, где привязаны две белые кадетские лодки: "Ласточка" и "Ястреб", и располагаемся в глуши , на прогалине среди цветов. Книги брошены и начинается задушевная беседа о том, как поедем после экзаменов на каникулы к своим близким, в родимые края. Поверяем друг другу свои заветные мечты. Так радостно, легко на душе и так бодро смотрится в будущее: быстро промчатся юнкерские годы, и вот мы уже офицеры, самостоятельные люди. Не думали мы тогда,что самая лучшая пора жизни была именно эта,- когда мы сидели в траве, в корпусном парке, готовясь к грозному экзамену по истории. Не предчувствовали мы тогда какие грозы ожидают нас в будущем, и с какой тоской не раз вспомним мы эту весну, наш разоренный Корпус, развеянных по всему свету друзей-однокашников и Родную Страну...

№ 2

ИЮНЬ 1952 г.

ГОД ИЗДАНИЯ I-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Июнь 1952 г.

№ 2.

ОТ РЕДАКЦИИ

Ко Дню Кадетской Скорби, к памятному дню кончины Великого Князя Константина и открытия памятника на могиле Бориса Димитриевича Приходкина, Редакция "Военной Были" призывает все Кадетство молитвенно склонить голову перед светлой памятью наших дорогих усопших Начальников и товарищей.

Пусть в этот день и навсегда мы будем душой едины, да явим мы пример единства, сплоченности и дружной кадетской спайки и пусть, по слову одного из наших "друзей со стороны" :- ИЗ ШКОЛЫ ПРОШЛОГО - ДА СТАНЕТ КАДЕТСТВО ДВИЖЕНИЕМ БУДУЩЕГО."

РЕДАКЦИЯ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТР.

ОТ РЕДАКЦИИ I

ДЕНЬ КАДЕТСКОЙ СКОРБИ . - М.С. 3

КАДЕТУ .- А.Генкин 6

ФЕЛЬДМАРШАЛ КУТУЗОВ .- В.Г.Ковалевский 7

ПАРТИЗАН Б.А.ПРЕНДЕЛЬ .- Владимир фон-Рихтер I3

КАРГАЛЛА .- Евгений Яконовский......................... I8

ПЕСНЬ ДВОРЯНСКОГО ПОЛКА .- 24

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСКУПЛЕНИЯХ .- Н.М. 25

К статье "О ЗНАМЕНАХ" .- М.О.фон-Кубе 32

ПОВАР .- М.Ф.фон-Кубе 33

ГЕРОИ И ЗАБАВНИКИ .- Анатолий Марков 38

ИМЕНА, КОТОРЫХ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ .- М.Ф.К. 42

ВОСПОМИНАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЯ .- Н.Н.Доннер 43

СОЛДАТ - ОФИЦЕРУ .- канонир Никитин 45

ЗАМЕТКИ МЕДАЛИСТА .- Б.Ф.Р. 47

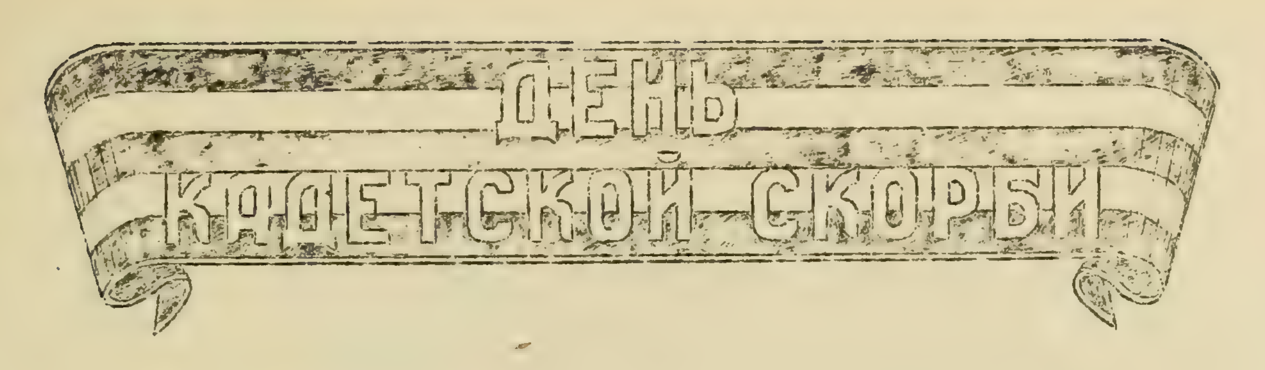
Хроника жизни Объединения 48

-о-о-о-о-о-о-

ИЗДАНИЕ О Б Щ Е - К А Д Е Т С К О Г О ОБЪЕДИНЕНИЯ.

под редакцией Алексея ГЕРИНГА

город Париж



15 июня 1952 года

Уже недели за две до этого дня, Русская эмиграция через газеты была извещена о предстоящем освящении памятника на могиле скончавшегося в июне 1950 года кадета, полковника Бориса Дмитриевича Приходкина.

Само появление этих статей, их тон, руководящие указания об организации посадки на кладбище в автокарах - все указывало на то, что готовится что то большое - значительное, все заставляло предполагать, что предстоит какое-то событие в нашей эмигрантской жизни.

Для нас, кадет, в этом и не было сомнения, мы знали, что в этот день кроме открытия Памятника, будет совершена Торжественная Панихида по Государе Императоре Николае Александровиче, по Великом Князе Константине Константиновиче и по их сыновьям, кадетам Российских корпусов и все мы, в этот воскресный день 15 июня, выезжали из Парижа, со смешанным чувством действительно обще-кадетской скорби и лихорадочного подъема при сознании об участии в большом национальном торжестве.

По прибытии в S-te G e n e v i è v e d.Bois выйдя из автокаров, мы невольно окунулись в какую-то праздничную атмосферу. В маленькой кладбищенской Церкви, смогшей вместить только незначительную часть прибывших - идет Литургия. У паперти и вокруг внушительная толпа по праздничному разодетая. Дружеские встречи, обмен впечатлениями, хлопотливая беготня распорядителей, громкая Русская речь и как символ непрерывности Российского национального воспитания бело-синие формы детей Четверговой школы при Храме Знамения Божией Матери. Вся эта Русская обстановка напомнила, знакомые с детства, картины - Монастырской ограды, в большой праздник.

Но вот конец Службы. Медленно толпа направляется к могиле того, ради кого мы все сегодня в сбо-

ре.

В ряду могил, одна сразу привлекает внимание. - Высокий обелиск на ней покрыт трехцветным полотнищем. Дорожка перед ней устлана длинным малиновым ковром. Медленно вокруг могилы занимают места прибывшие. Тихие разговоры вполголоса, чувствуется какая-то напряженность, все проникнуты чувством благоговения, действительно, в этот момент - "горе имеем сердца".

И вот раздается стройное пение "Спаси Господи" и под звуки колокольного звона, медленно, торжественно к могиле приближается Крестный Ход. Хоругви, Крест и Святые Иконы несут кадеты. Стройно поет кадетский хор, Великий Князь Гавриил Константинович с супругой Княгиней Ириной Иоанновной следуют за Крестным Ходом и занимают места против могилы. Команда Генерала Алексеева: "На Молитву" и при пении "Коль Славен", с памятника медленно сползает покрывало и открывает глазам присутствующих строгий, устремленный ввысь обелиск, увенчанный золотым крестом и с надписью: "КАДЕТУ - КАДЕТУ". Вокруг могилы становятся четыре кадета, которые, в течении всей службы, будут сменяться, чтобы дать возможность удостоится этой чести представителям всех корпусов.

Перед Панихидой, о. Виктор Юрьев, кадет I-го Московского корпуса, поминает в своем слове покойного Государя Императора и Великого Князя Константина, бывшего действительно ОТЦОМ для всех кадет. Светлая память о нем навсегда осталась в кадетских сердцах, согретых любовью и заботливостью, щедро изливаемой Великим Князем на всех своих многочисленных питомцев. Помянул Отец Виктор и память трагически погибших Кадет Российских Государя Наследника Цесаревича Алексея и Князей Иоанна, Константина, Олега, Игоря и Георгия Константиновичей. Призвал помолиться об упокоении души незабвенного нашего Бориса Дмитриевича, о. Виктор, в сослужении с о. Борисом Молчановым, при пении кадетского хора, под управлением полтавца-Волошина, начал Торжественную Панихиду.

По провозглашении "Вечной Памяти", генерал

Николай Николаевич Алексеев обратился к присутствующим с исключительно прочувствованным словом, в котором очень правильно выразил волновавшие всех чувства, вновь обрисовав духовные образы, дорогих всем кадетским сердцам покойников. Он ясно подчеркнул ту непрерывность, которая создалась между деятельностью Великого Князя Константина и кадета Приходкина, деятельностью, направленной к претворению в жизнь того, что мы сейчас называем "КАДЕТСКИМ ДЕЛОМ".

Величаво - грустные звуки - "Братья, все в одно моленье" - покрыли слова старшего кадета.

Немало было в нашей эмигрантской жизни явлений, которые можно было бы назвать "событиями", но подобного тому, чему мы были свидетелями 15 июня, мы еще не видали. - Мало известный в широких эмигрантских кругах, не политик, не общественный деятель, живший чрезвычайно скромно и сам - человек исключительной скромности, покойный Борис Дмитриевич Приходкин стал ныне живым символом кадетского дела. Личным примером, он показал как должно любить и работать для этого дела - кадет. Скромно, избегая официальных званий и почетных постов, на собственные средства и ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО собственным трудом создал он Музей и архив "РОДНОЙ КОРПУС", ныне носящий его имя. Вечным памятником покойному останутся и двенадцать тетрадей журнала "КАДЕТЫ". Каждый номер был действительно рожден его сердцем и кровью.

Человек он был редко обаятельный, весь преисполненный какой-то доброжелательности и детского наивного простодушия. Он весь горел идеей объединить кадет в одно сильное целое и на этой работе подорвал свои подточенные болезнью силы. Силой своего духа, своей убежденности он сумел заразить души верой в кадетское единение и нашел верный путь это единение осуществить. Простым языком, умел он говорить о кадетской спайке, кадетской выручке, необходимости самодисциплины, кадетской жертвенности, находя отклик своим словам во всех кадетских сердцах. И 15 июня мы присутствовали при редчайшем явлении, когда, одновременно с освящением Памятника

на его могиле, мы ясно ощутили и нерукотворный памятник, воздвигнутый себе Приходкиным в кадетских душах. Разве не удивительно, что на его могилу скромного эмигранта, через два года после смерти пришли толпы кадет, как на некое паломничество, как бы желая проникновенно приобщиться источнику живого духа и вечной Правды.

Да будет день 15 июня, отныне Днем Кадетской Скорби. В этот день пусть все кадеты ежегодно совершают паломничество на могилу Бориса Приходкина и, придя, пусть помянут своих погибших и скончавшихся однокашников, и, склонив голову проверят себя каждый достоин ли был он звания кадета за истекший год, нет ли грехов по отношению к кадетской семье, все ли выполнил, что, по кадетскому долгу, обязан был сделать. Все же, рассеянные по разным странам, наши однокашники, в одиночку или собравшись группами, пусть присоединятся мысленно к паломникам и будем, в этот день все мы едины духом и будет этот день Днем Кадетской скорби, очищения и торжества.

М. С.
Кадет Первого Кадетского Корпуса

КАДЕТУ

Не каждому дано так жить и умереть,
Оставив по себе немеркнущую память,
Зажечь в сердцах угаснувшее пламя
И в этом пламени безропотно сгореть.

Не каждому дано так жизнь свою прожить,
Вдали от Родины и, на остаток силы
Собрать кадет и у своей могилы
Спаять в одно и тем соединить.

Пусть надпись на кресте, двустишием коротким,
Останется для них, как знамя, как завет :
"Российских корпусов покоится кадет
"Борис Димитрьевич Приходкин."

А.ГЕНКИН.

(окончание)

Кутузов, подобно Суворову, был одним из замечательных Русских людей. При обширном образовании, он обладал красноречием, проницательностью и способностью привязывать к себе сердца и господствовать над умами. Про своего любимца, Кутузова, Суворов говаривал : "его даже и Рибас не обманет."

Всегда веселый, очаровательный в обращении, он отличался удивительным хладнокровием в самых трудных положениях. Строгий рассчет и выдержка были отличительными чертами его действий. Он умел обращаться с солдатом и, подобно Суворову, зная что парадная обстановка и внешний блеск не могут завоевать доверия нашего простолюдина, он, бывши уже Главнокомандующим, являлся перед войсками на маленькой казачьей лошади, в старом сюртуке, без эполет, в фуражке и с нагайкою через плечо.

Судьба бросала Кутузова из Штаба в строй и обратно. Он служил и в армии Румянцова и под начальством Потемкина и Суворова. При штурме Измаила "он командовал левым крылом но был моей правою рукою", сказал про него Суворов.

За Штурм Измаила он был награжден орденом Св.Георгия 3-го класса, за дело под Мачиным /в том же году/ орденом Св.Георгия 2-го класса. Неоднократно исполнял он дипломатические поручения, был Директором Сухопутного Шляхетского Корпуса, занимал высокие административные посты военных губернаторов и инспекторов войск при Императоре Павле Петровиче и в 1805 году был назначен Главнокомандующим Русской Армии, посланной на помощь Австрии.

Блестящее начало кампании победами под Дюренштейном и Шенграбеном выказали полклводческое дарование Кутузова, но потеря сражения под Аустерлицем вызвала обвинение в том что он недостаточно энергично возражал против плана Аустерлицкой операции, НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ ИСХОД КОТОРОЙ ОН ПРЕДВИДЕЛ ... С этих пор личность Кутузова стала как бы постоянным укором и напоминанием Императору Александру о совершившейся катастрофе, почему Государь систематически избегал давать Кутузову ответственные поручения.

До 1808 года Кутузов был Военным Губернатором Киева. В этом году его посылали на помощь престарелому Князю Прозоровскому, в войне с турками, но скоро опять вернули на должность уже Виленского Военного Губернатора. Между тем приближалась борьба с Наполеоном, а война с Турцией еще не окончилась.

Император Александр вверил Кутузову Дунайскую армию и свершилось чудо ..., был очищен Рущук, Визирь уехал от армии начались переговоры о мире, закончившиеся ратифицированным Александром I-м Бухарестским миром. Вследствии вмешательства в переговоры Наполеона и Австрии, что сначала отчасти задержало заключение мира, Император, думая ускорить дело, сменил Кутузова в командовании Дунайской армией - Адмиралом Чичаговым. Но последний нашел уже главные условия подписанными....

Графское достоинство было наградою за заключенный Кутузовым Бухарестский мир. Вернувшись в Россию, он поселился в своей деревне, но через две недели был вызван в Петербург, для формирования Петербургского ополчения, начальником которого был избран единогласно.

Между тем война 1812 года началась, и, за отъездом Государя от Армии, выяснилась необходимость назначения общего Главнокомандующего над всеми нашими войсками. Комиссия из высших государственных сановников, избранная для решения этого важного вопроса, единогласно высказалась за назначение графа М.И.Голенищева-Кутузова.

Император Александр, как уже известно, не доверял ни высоким военным способностям, ни личным свойствам Кутузова Вверяя ему судьбу России, Государь превозмог в себе предубеждение против него и сделал уступку общественному мнению Глас народный, на этот раз оказался гласом Божиим. Еще ранее избрания, а именно 29 Июля, Кутузов был возведен в КНЯЖЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО С ТИТУЛОМ СВЕТЛОСТИ, что было встречено с восторгом во всей России. Узнав о назначении Кутузова, Наполеон сказал про него, что "это старая лиса Севера", на что Кутузов ответил : "постараюсь доказать великому полководцу, что он прав."

17-го Августа, под Царевым Займищем, Кутузов принял начальство, а уже 26 числа, дал знаменитый Бородинский бой за который пожалован званием фельдмаршала.

Рассматривая деятельность нового Главнокомандующего армии, мы видим мастерское ведение им сражения под Бородиным, твердое решение очистить Москву, принятое вопреки бол

шинству на военном совете в Филях и неуклонное следование единой идее активной обороны, уклонение, по возможности, от боя и уничтожение противника нападениями на тыл партизанами и партиями народного восстания, при использовании голода и времени. Подобное решение и подобный образ действий во всей цельности мог провести в жизнь только избранник народа, считающий только Великий Народ способным в эту минуту, спасти Россию.

В настоящее время легко судить о совершившемся, но проникнуть в смысл великого исторического события, находясь в самом водовороте его, как это сделал ВЕЛИКИЙ СТАРИК ПОЛКОВОДЕЦ и ни разу во всю свою деятельность не изменить своему решению - это удел истинно народного гения, опирающегося на всенародное чувство, которое Кутузов носил в себе во всей чистоте и силе его.

Лев Толстой в "Войне и Мире" писал : "только признание в нем этого чувства заставило народ, такими странными путями его, в немилости находящегося старика, выбрать против воли Царя, представителем народной войны."

Совершилось что то неслыханное, небывалое : Великий полководец Наполеон, с армией втрое сильнейшей чем русская превосходной во всех смыслах, предводительствуемой превосходными генералами, по отзывам ее полководца, выигравшей все сражения, в конце концов должен был бежать, бросая орудия, знамена, казну, обозы, а наконец, и свою армию на произвол судьбы ... И все это подготовлено и разработано Кутузовым.

Россия следовала мысленно за своим избранником, сперва с надеждами, потом с благодарностью, наконец с благословением и в Декабре приветствовала его СПАСИТЕЛЕМ ОТЕЧЕСТВА. Император Александр I пожаловал ему титул КНЯЗЯ СМОЛЕНСКОГО и орден Св.Георгия I-го класса, но не поехал к армии, зная несочувствие Кутузова войне за освобождение Европы от ига Наполеона.

В конце 1812 года, Кутузов, по повелению Государя выступил за границу, дошел до Эльбы и скончался в городке Бунцлау, 16-го Апреля 1813 года. Прусский король поставил ему в Бунцлау памятник с надписью : "До сих мест Князь Кутузов Смоленский довел победоносные Российские войска,здесь смерть положила предел славным дням его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память Героя." Император Александр I повелел привезти его тело в Россию, что и было исполнено, при бесчисленном собрании всех Русских людей, отпрягавших погребаль-

ные дроги и везших их на себе. Тело покойного было торжественно погребено в Санкт-Петербургском Казанском Соборе. Впоследствии гробница его украшена отбитыми им неприятельскими трофеями. Против собора сооружен ему памятник.

Генерал-Фельдмаршал Светлейший Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский за время своей службы в царствования Императрицы Екатерины II, Императора Павла и Императора Александра Благословенного был награжден всеми высшими Императорскими Российскими орденами и многими иностранными, высших степеней : Св.Апостола Андрея Первозванного с бриллиантами, Св.Александра Невского, Св.св. Георгия, Владимира и Анны I степени, Св. Иоанна Иерусалимского Большого Креста, прусских Черного и Красного Орла первых степеней. Портретом Императора Александра I с бриллиантами и Золотой шпагой с алмазами и лавровым венком.

Светлейший Князь был женат с 1778 года на дочери Генерал-Поручика Бибикова - Екатерине Ильиничне. Он имел от нее сына, умершего во младенчестве и пять дочерей. Старшая вышла замуж за т.с.М.Ф.Толстого, вторая за Ген.-Майора Н.С.Хитрова, третья за Ген.-Майора князя Кудашева /вторым браком за Ген.-Майора Сорочинского/, четвертая за гр. Тизенгаузена, а потом за Ген.Майора Н.Ф.Хитрова и младшая за Ф.П.Опочинина. Род князей Смоленских прекратился со смертью Кутузова.

-S-S-S-S-S-S-S-

Известный военный историк А.И.Михайловский-Данилевский в кампанию 1812 года, состоял адъютантом при Кутузове и был ранен при Тарутине. Данную им подробную биографию Князя Смоленского он заканчивает следующими словами : "кроме блистательной службы фельдмаршала при Екатерине Великой в Польше, Турции и Крыму, когда он со шпагаю добыл себе чин Генерал-Поручика и Георгиевскую звезду, кроме посольств его в Царьграде и Берлине, кроме многих, возложенных на него тремя Монархами поручений, Кутузов совершил четыре огромных дела, так, что вся ответственность их лежит на нем одном :- 1. Отступление от войск Наполеона в 1805 году, 2. Окружение Турецкой армии в 1811 году , 3. Бухарестский мир и 4. Разгром Наполеона в России.

Рассчеты его при отступлении от Бранау в Моравию, сражение под Кремсом, и переговоры при Голлебруне, где перехитрил он французов, отступление после Рущукской победы за Дунай и уничтожение армии Верховного Визиря, мир с турками, заключенный почти при самом вторжении Наполеона в

Россию, битва Бородинская, уступление Москвы, движение на Рязанскую и Калужскую дороги, боковой марш к Малоярославцу, бой при сем городе, марш к Вязьме и Красному, четырехдневные Красненские битвы - все сии дела и соображения принадлежат к высшим задачам военного и дипломатического искусств, РАЗРЕШАЕМЫМ ТОЛЬКО ВЕЛИКИМ ПОЛКОВОДЦЕМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ МУЖЕМ ...."

В.КОВАЛЕВСКИЙ.

Источниками к составлению этой краткой заметки послужили :-

1. Отечественная война 1812г. - Ген.проф. Михневич.
2. Отечественная Война - П.А.Ниве, изд. Ильинчика.
3. Энциклопедический словарь - Брокгауз и Эфрон.
4. Энциклопедический словарь - Братья А.и И.Гранат.
5. Жизнь Суворова в художественных изображениях - Стремоухов и Симанский /изд.Гроссман и Кнебель/

В.К.

- П Р И Л О Ж Е Н И Я -

"ДВА РЕСКРИПТА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го"

РЕСКРИПТ I.

Главнокомандующему Армиями Генералу Князю Голенищ.-Кутузову

Князь Михаил Ларионович. Знаменитый ваш подвиг в отражении главных сил неприятельских, дерзнувших приближиться к древней Нашей Столице, обратил на сии новые заслуги ваши Мое и всего Отечества внимание. Совершите начатое столь благоуспешно вами дело, пользуясь приобретенным преимуществом и не давая неприятелю оправляться. Рука Господня да будет над Вами и над храбрым Нашим воинством, от которого Россия ожидает славы своей и вся Европа своего спокойствия.

В вознаграждение достоинств и трудов ваших возлагаем Мы на вас сан Генерал-Фельдмаршала, жалуем вам единовременно сто тысяч рублей и повелеваем супруге вашей, Княгине, быть Двора Нашего Статс-Дамою. Всем бывшим в сем сражении нижним чинам жалуем по пяти рублей на человека. Мы ожидаем от вас особого донесения о сподвизавшихся с вами главных начальниках, а в след за оным и обо всех прочих чинах, дабы по представлению вашему сделать им достойную награду.

Пребываем вам благосклонны.

На подлинном подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако :

Августа 31-го дня.
1812 года.

А Л Е К С А Н Д Р

РЕСКРИПТ 2.

Супруге покойного Генерала-Фельдмаршала
Князя Голенищева-Кутузова-Смоленского.

Княгиня Катерина Ильинишна. Судьбы Вышнего, которым никто смертный воспротивиться не может, а потому и роптать не должен, определили супругу вашему светлейшему князю посреди громких подвигов и блистательной славы своей, переселиться от временной жизни к вечной. Болезненная и великая не для одних вас, но для всего Отечества потеря ... Не вы одни проливаете о нем слезы : с вами плачу Я и плачет вся Россия. Бог позвавший его к себе, да утешит вас тем, что имя и дела его остаются бессмертными. Благодарное Отечество не забудет никогда заслуг его. Европа и весь свет не престанут ему удивляться и внесут имя его в число знаменитейших полководцев. В честь ему воздвигнется памятник, при котором Россиянин, смотря на изваянный образ его, будет гордиться, чужестранец же уважит землю, порождающую столь великих мужей. Все получаемое им содержание повелел Я производить вам

Пребываю вам благосклонный.

На подлинном подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако :

Дрезден
Апреля 25-го дня
1813 года

А Л Е К С А Н Д Р.

-о-о-о-о-о-о-

ПАРТИЗАН В.А.ПРЕНДЕЛЬ И МЕДАЛЬ ЗА ЛЕЙПЦИГСКУЮ ПОБЕДУ

В "Собрании Русских медалей", изданном по Высочайшему повелению Археографической комиссией в 1840 году, за № 293 описана овальная серебряная медаль с ушком, раздававшаяся для награды воинов, за победу при Лейпциге в 1813 году.

Вероятно, вслед за этим источником повторили аналогичное описание и авторы популярных изданий о нумизматических памятниках Отечественной войны 1812 года и кампаний 1813 - 15 г.г., Б.А.Ашик и Л.Ш.Холодковский. Однако, ни в одном из этих источников не указано : где, кем и когда эта медаль была чеканена, кем, почему и когда она была пожалована ?

Размеры этой овальной медали - 30мм х 26мм, на ее лицевой стороне изображены четыре щита, обвитые дубово-лавровыми ветвями, с гербами России, Австрии, Пруссии и Швеции, водруженные над частью земного шара, сверху по латыни надпись "всякому свое", внизу, под обрезом, дата "1813", справа инициал берлинского придворного медальера Д.Ф.Лоса / 1735-1819/. На оборотной стороне медали, надпись на иудейском языке "Иегова", в треугольнике с лучами, ниже - четырех строчная надпись, смысл которой "Крепость наша - Бог".

В труде полковника Г.фон Гейдена о знаках отличий,/изданном в 1897 году, в Мейнингене/, за № 561, об этой медали сказано, что она жаловалась немецкими патриотическими обществами, за выдающиеся заслуги в память победы при Лейпциге в 1813 году, освободившей Германию от чужеземного ига. Следовательно имеются ответы на все вопросы кроме одного : Кто же из Русских воинов носил эту медаль и почему ? Нам известны исторические примеры из этой же эпохи, когда Русские военноначальники, за личное /и вверенных им войск/ благожелательное отношение к населению занятых областей - получали персональные, не для ношения, медали, а именно : Барклай-де Толли от г.Варшавы в 1815 году, граф Воронцов и генералы Каблуков и Алексеев от г.Вузье, во Франции, в 1818г. и т.д.

Последняя загадка об этой медали была разрешена при чтении краткой биографии несправедливо забытого лихого партизана и прототипа офицера разведывательной службы, Виктора Антоновича Пренделя, скончавшегося в Киеве, в 1852 году в

чине генерал-майора, в 86-летнем возрасте. В указе об его отставке, после перечисления многочисленных Российских и иностранных орденов, - значатся и три серебряных медали : за Отечественную войну I8I2г., за ПОБЕДУ ПРИ ЛЕЙПЦИГЕ в I8I3 году и за взятие Парижа I8I4 года. Достоверность биографии В.А.Пренделя не подлежит сомнению, ибо она была напечатана в Русской официозной газете, за подписью полковника Генерального Штаба Саковича, знавшего лично генерала Пренделя /как и редактор "Русского Инвалида"полковник Ген.Штаба Лебедев III/, основанием для статьи послужили официальные документы, но особого внимания заслуживает следующая выдержка из его некролога : "... были также и недоброжелатели у Пренделя, и прежде остался он в забвении до такой степени, что даже на светлых страницах новейшей отечественной истории имя удалого партизана почти не встречается..." Тут невольно припоминаются обвинения в "самохвальстве", брошенные по адресу партизан I8I2 года некоторыми литераторами /см. А.Шика "Денис Давыдов" стр. 79/ в частности мнение Бестужева, что Денис Давыдов - "более выписал, чем вырубил себе славу храбреца" и характеристика гр.П.Д.Киселева того же Давыдова : "он оказал услугу не столько личными подвигами, как мыслью, которая породила систему партизанов" - /Шик, стр.80/. Ознакомившись с биографией Пренделя - не придем ли к заключению - что "мысль о системе партизанов"- возникла в Русской армии не у Давыдова и ранее I8I2 года ....

Виктор Антонович Прендель родился в Тироле, в I766 г. и происходил их старинного дворянского рода. С малых лет проявлял он склонность к охоте и приключениям, скитаясь по горам, I2 лет, он убил медведя. Вскоре эта привольная жизнь изменилась, он был отдан в монастырь, готовивший миссионеров. Там он фундаментально изучил, кроме родного немецкого латинский, венгерский, французский и итальянский языки и без труда мог изъясняться и писать по русски, польски и английски. Не будучи в состоянии смирить свой характер - Прендель скрывается из монастыря, пробирается пешком к родственникам в Триест, а оттуда - в Венецию, где поступает в банк. Его выдающиеся способности скоро оцениваются хозяином и он посылает его в долгое путешествие по Европе, в роли руководителя своего сына, а после возвращения путешественников домой, - предлагает Пренделю руку своей дочери, но последний отказывается. Уже в Турине он сдает свой университетский экзамен. Подготовив себя столь солидным образом к жизни - Прендель вступает добровольцем в Тирольские стрелки, где производится в офицеры, с переводом в Гусарский, Князя Шварценберга полк, с которым участвует в войне против французских революционных войск. Тяжело раненого Пренделя, французы берут в плен и содержат его сначала в Париже, а потом в Лионе, где он не раз видел работу гильо-

тины. В нем возникает "презрение к французской нации", он убегает из плена и возвращается в свой полк. В кампанию 1799 года в Италии, как выдающийся кавалерийский офицер, он становится известным Суворову и часто встречается с Русскими войсками, в частности с казаками, исподволь "утрачивая уважение к австрийской армии", ибо ему "наскучило всегда с нею отступать и всегда быть битым" - он начинает "в казаках видеть первых солдат в мире, - лишь бы уметь с ними ладить и употреблять со смыслом". Его хлопоты о переводе в Русскую армию увенчиваются успехом лишь в 1804 году, когда, 18-го октября, он с чином штабс-ротмистра, зачисляется в Черниговский драгунский полк. Уже состоя "для особых поручений" при Кутузове во время Аустерлицкого сражения в 1805 году, Прендель командует ПАРТИЗАНСКИМ ОТРЯДОМ из 100 гусар и 150 казаков и "в тылу французской армии берет в плен 60 офицеров и чиновников, 260 солдат, истребляет обозы 7 пехотных, 4 кавалерийских полков и личные обозные повозки 7 генералов". За эти "ПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ" Прендель награждается сразу орденом Св.Владимира 4 степени и производится в капитаны. Следовательно, "мысль зародившая систему партизанов" не только зародилась но и осуществилась не в 1812 году и не у Давыдова.

В 1806 году Прендель уже на турецкой границе, состоя при генерале Мелиссино, в 1807 году - он числится при Гл. Квартире, на р.Нарев, откуда посылается в Галицию - где он остается до заключения Тильзитского мира. В 1809 году, Прендель состоит одъютантом Князя Голицына, командира вспомогательного корпуса в Австрии, в 1810 - числится при нашем после в Вене гр.Шувалове, в том же году, за отличие по службе, производится в майоры, с переводом в Харьковский драгунский полк и назначением адъютантом к Генералу Дохтурову, в Дубно. В Сентябре туда прибыл нарочный курьер с Высочайшим повелением майору Пренделю "под видом" адъютанта Генерала Ханыкова, /бывшего посланником при Саксонском Дворе, в Дрездене/, состоять при Главной Квартире Императора Наполеона, где, однако, он вскоре был заменен полковником Чернышевым /будущим Светлейшим Князем/ и уже "под чужим видом", во исполнение той же Высочайшей инструкции, отправился на разведку в Италию, Голландию и Германию.

Лишь в 1812 году, уже под Смоленск, вернулся Прендель в Россию и под командой Генерала Винцингероде, принял участие в сражениях. Затем он назначается в распоряжение Главнокомандующего и "до окончательного изгнания неприятеля из пределов России - начальствует над партизанским отрядом" и 12 Сентября того же 1812 года "ЗА ОТЛИЧИЕ В ПАРТИЗАНСКИХ ДЕЛАХ", Прендель производится в подполковники, а, согласно его послужного списка, он "действовал в тылу НЕПРИЯТЕЛЯ ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТИЯ ИМ МОСКВЫ" и "захватил несколько курьеров,

2.000 нижних чинов, вредил обозам и делал из них добычу", действуя между Можайском и Гжатском.

Будучи опять под командою Генерала Винцингероде, за отличие в бою под Калишем, Прендель производится в полковники. В Феврале 1813г. он переправился через Одер с 350-ю казаками и, следуя за французским корпусом Ренье к Дрездену, захватил несколько сот в плен и полевой лазарет с 400 коней. Переплыв затем Эльбу, он вторгается в Дрезден и выделяет часть своих казаков, для эскортирования Великой Кн. Марии Павловны, направлявшейся в Богемию. До Люценского сражения, когда Прендель получил Орден Св.Владимира 3 ст., он действует с двумя казачьими полками против корпуса короля Итальянского и берет в плен 30 офицеров и 70 нижних чинов. Затем он опять в тылу противника и ко дню заключения перемирия, 4 Июля, его добыча пленными заключается в 7 курьерах и 900 нижних чинах. В Августе, после окончания перемирия, Прендель подчиняется шведскому наследному принцу и продолжает рыскать по тылам противника, - захватывает 40 офицеров и 263 нижних чина. Во время боя при Денневице, он берет в плен, опять же в тылу французов, 7 офицеров, 900 нижних чинов, пушку, 3 зарядных ящика и истребляет много обозов. Переправившись снова через Эльбу, все с теми же двумя казачьими полками, он сбивает врага с позиции и с тыла прокрадывается в Лейпциг. До знаменитой "битвы народов", он полонит 9 офицеров и 223 нижних чина, а во время сражения, ему поручено наблюдение за дорогами из крепостей Торгау и Виттенберг и он берет в плен еще 7 офицеров и 800 нижних чинов и истребляет обозы.

У зятя Пренделя полковника А.С.Ч. сохранялась своеобразная печать, о которой мог бы мечтать любой музей, употреблявшаяся Пренделем в то время. Когда им захватывались неприятельские курьеры, он, конечно, отбирал у них все документы и депеши, наиболее важные - посылались в свои штабы, а все мало-ценные, с теми же курьерами, он отсылал обратно неприятелю, приложив к ним печать с надписью на немецком языке : "Привиллегированная Казачья почтовая контора". Тогда же за "голову" Пренделя французы назначили крупную сумму денег. Такой "чести", кажется не был удостоен ни один из наших партизан. За все эти действия, в период Лейпцигской битвы, Прендель был награжден Орденом Св.Анны 2 ст с алмазами, шведы дали ему орден Северного Меча 2 степени, а пруссаки орден Красного Орла. Сейчас же после Лейпцигской победы, Император Александр I лично назначил Пренделя комендантом этого города, в должности коего он пребывал до 1816г. Однако, он участвовал во взятии Парижа в 1814г., куда, по словам некролога, он был заранее послан, переодетый евреем.

Благодарные жители Лейпцига и Альтенбурга, совместно с их патриотическими "бундами", вручили своему коменданту

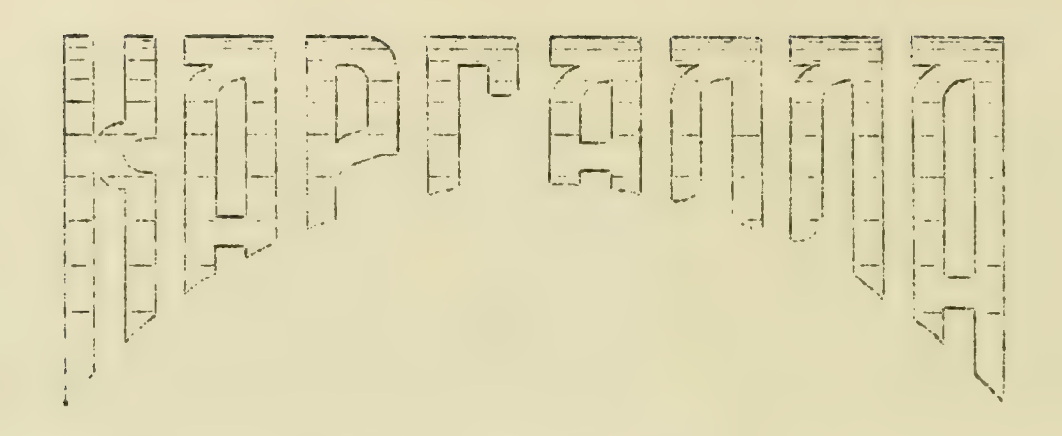
В.А.Пренделю диплом почетного гражданства и вышеупомянутую медаль в память Лейпцигского сражения, занесенную в послужной список и носимую Пренделем с согласия, хорошо его знавшего, Императора Александра I. А на могиле, умершего в Лейпциге, малолетнего сына Пренделя - жителями был вознесен памятник. За заботы Пренделя об оставленных в Лейпциге французами, 51.000 раненых и пленных /23 генерала, 700 офицеров и 19000 нижних чинов/, впоследствии французское правительство наградило Пренделя Командорским крестом Почетного Легиона, а Саксонское и Баварское - орденами за гражд. услуги

От 1816 до 1819г. Прендель был комендантом Саксонских военных дорог, после чего, с переводом в Киевский драгунски полк, вернулся в Россию и назначен офицером для особых поручений при Командующем I-й армией Генерале Сакене, в Киеве В том же году ему Высочайше жалуются 2.000 десятин земли, в 1828 году - орден Св.Георгия 4-й степ. за 25-ю службу в офицерских чинах /в Русской армии/, в 1834г. снова политическа командировка в Галицию, за которую он произведен в Генерал-Майоры и в 1835г. Прендель выходит в отставку, с мундиром и полной пенсией и поселяется в Киеве.

Оглядываясь на служебное поприще Пренделя, мы можем отметить его непрерывную штабную деятельность с частыми ответственными командировками за границу или в роли офицера-разведчика, или с дипломатическими задачами. Строевая же его служба выразилась лишь в командовании партизанскими отрядами, силою до бригады. Он не командовал ни эскадроном, ни полком, т.е. не поднимался по нормальной иерархической лестнице каждого русского офицера. Биограф указывает, что Прендел и не мог идти указанным путем, ибо "он чрезвычайно любил свою родину - Тироль и никогда не присягнул России", но,когда, немецкое историческое общество покусилось купить его мемуары, для их опубликования, Прендель ответил : "Жизнь и сведения мои принадлежат моим Царям-благодетелям и России, моему второму Отечеству, где живу и намерен умереть."

Эти, веденные Пренделем, записки, указывает его биогра были переданы им, также жившему в Киеве, инженер-генерал-майору Ф. - с прибавлением "авось будут напечатаны..", но слава о нем заглохла. "Из всех наших партизан", говорит далее полковник Сакович, - "глухая молва об удали и отваге Фигнера и Пренделя, более чем о прочих, - перешла в предание..." ибо "этот скромный старец постоянно уклонялся от рассказов о себе и много унес он с собою в могилу."

Владимир фон-РИХТЕР.



В конце августа горел Форштат Оренбурга. Было сухо и сильный ветер гнал из степи туркестанский песок. Дым заволакивал город. Не помню как мы узнали, что солдаты гарнизона отказались итти тушить пожар, помогать казацкой "гидре".

В Форштате жило много наших товарищей из местных, и мы, всей первой ротой, пошли тушить пожар. Заправив белые брюки в сапоги, вооружившись чем попало: лопатами, кирками, просто цигелями от кроватей. Форштата не спасли конечно. Он сгорел до тла. Это было первое наше выступление, пока еще мирное, но в нем первый раз коллективно выразился тот дух, с которым несколько месяцев спустя, цвет Русской молодежи взялся за винтовку.

Вернувшись с каникул, мы нашли много нового. Официально, мы не были даже кадетами, а какими то гимназистами Военного Ведомства, - даже не "военными гимназистами", как при Александре II, а просто "подведомственными". Роты назывались "возрастами", строевые занятия были отменены и даже в столовую мы ходили "по-классно". Форму, пока, не трогали, должно быть из экономии, но уже говорилось о снятии погон, кокард и прочих воинских отличий. Вместо Педагогического Комитета был образован Педагогический Совет, в который вошли выбранные "делегаты" трех старших классов. Воспитатели назывались классными наставниками, и их, по возможности, заменили штатскими. Мое первое отделение пятого класса подполк. Г.К. Чердигелли попало нашему историку, прекрасному педагогу и твердому патриоту, Григорию Семеновичу Хрусталеву. Конечно, вначале мы в какой-то мере распустились. Но длилось это недолго: до Корниловского выступления, в конце августа. Тогда, мы сами, кадеты пятого и шестого классов, обратились к седьмому с прось-

бой заменить привычный для нас авторитет, вдруг исчезнувший, оставив за собой пустое место.

На далекой от центров Туркестанской границе Всероссийские события отражались с опозданием. Корнилов со своими сподвижниками был уже в Быховской тюрьме, когда, в свою очередь заволновался Оренбург.

Так как мы не были больше кадетами и не производили строевые занятия, наши берданки хранились под замками где-то в подвалах Корпуса. Не помню как это началось и какова была непосредственная причина нашего кадетского "бунта против Правительства", как писали потом эсэровские газеты, но всей ротой мы носились по подвалам и чердакам корпуса, в поисках берданок, а бывшие воспитатели и "класные наставники"попрятались, как и распущенная солдатня, наводнившая корпусные службы после революции. Мы носились по лестницам и коридорам за нашим фельдфебелем Юзбашевым, ставшим с этого дня нашим, молчаливо и единогласно, признанным начальником.

Берданок мы не нашли, но против корпуса неуклюже выстроился пехотный батальон. "Сознательные товарищи", которых, - вот уже полгода, - нужно было упрашивать каждый раз, чтобы вывести на занятия, повидимому с охотой пошли разоружать "буржуазную гидру". Офицеры стояли у них на ротах и взводах. Из окон третьего этажа мы им кричали: "Афицера, что же вы не приказываете вашей сволочи стрелять". Кажется только тогда вмешалось наше бывшее начальство. Солдат в корпус все-таки не пустили и берданки выносились на улицу, - корпусной прислугой. Повидимому она и предупредила местный совет. С этого для мы, самовольно, начали строиться ротным строем по ранжиру и превратили уроки гимнастики в строевые занятия.

Странная была жизнь в Оренбургском-Неплюевском корпусе после Корниловского выступления. Вставали в семь вместо шести под какой-то колокольчик, заменивший барабан и горниста. Утренних занятий не было, как не было и определенной формы: можно было надеть гимнастерку или бушлат, сидеть на уроках в

мундире, оставаться в освещенных классах после 9 часов вечера. В городе нас часто задевали, по вечерам вокруг корпуса бродили банды хулиганов, в надежде встретить и избить запоздавшего из отпуска кадета. В театре "интеллигентная молодежь" встречала нас ироническими возгласами и взглядами. Приходилось иногда пускать в ход кулаки. В сентябре, на Урале, совсем недалеко от 2-го корпуса, - после футбольного матча, в котором одна из лучших в то время кадетских команд, команда 2-го Оренбургского корпуса, жестоко "наложила" местным гимназистам, - раздосадованное хулиганье бросилось на не очень многочисленных присутствовавших на матче кадет. Избивали, срывали погоны, кое-кого бросили даже в Урал. Вмешаться и помочь было некому. Досталось и нескольким присутствовавшим Неплюевцам. Мы ответили чисткой "Собачьего Сада", как назывался небольшой парк рядом с корпусом, полный вечерами оренбургским хулиганьем, влюбленными парочками и пьяными солдатами. Здесь то и организовывались нападения на отдельных кадет.

Вооруженная цигелями от кроватей первая рота спустилась бегом по парадной лестнице так быстро и внезапно, что бедный дежурный "надзиратель" (в этот день дежурил наш симпатичный француз Гео) не успел раскрыть рта. Только минут через десять полковники Гацул и Азарьев появились в освещенной парадной двери. Бедные старые Русские офицеры были совершенно растеряны. Не звать же им было распущенную революционную милицию. К счастью им даже и не пришлось "уговаривать". Чистка произошла молниеносно. Хулиганы и их подруги в панике бросались к заборам, лезли на деревья, бросались на землю, пользуясь кромешной темнотой. Но многим всё же досталось. Кое-кого удалось даже выпороть толстыми железными прутьями. Инцидент остался без последствий, - во всяком случае, во внутренней корпусной жизни. Директор Корпуса генерал-майор Пузанов прекратил начатое было расследование, а со стороны жалоб тоже не было.

Октябрьские события дошли до Оренбурга с опозданием и в неправильном освещении. По оренбургским эсеровским газетам выходило, что петербург-

ское восстание большевиков только неприятный и неожиданный инцидент и что скоро, на днях, может быть завтра, войска революционной демократии войдут в столицу со своим Главнокомандующим во главе. Как ни не любили в военной среде Керенского, все же ему искренне желали успеха в этом предприятии.

Все это кончилось очень скоро и очень плохо. Оренбург всколыхнул слух о больших потерях (их конечно преувеличивали) Оренбургской сотни под Пулковым и о неудаче похода Генерала Краснова. Оренбургский Атаман, - молодой и энергичный полковник Дутов, - немедленно разоружил и распустил по домам солдат Запасных полков и взял на себя полноту власти от имени Оренбургского Казачьего Войска. Местные большевики временно затихли. К несчастью, прибывающие с фронта Великой Войны были почти так же разложены, как и пехота. Очень скоро выяснилось, что в случае военных действий рассчитывать на казаков не приходится. А тем временем белый Оренбург все теснее и теснее зажимался между красной Самарой и красным же Ташкентом. Хотя до декабря месяца никаких боевых действий не происходило и поезда на Ташкент свободно проходили через город, было ясно, что так продолжаться долго не может. Красные заставы занимали станцию за станицей без всякого сопротивления - и уже совсем близко подходили к Оренбургу. В это время к нам в корпус попала небольшая группа кадет 2-го Корпуса. Они рассказывали нам, как чернь срывала с кадет погоны в дни юнкерского восстания и бросала кадет в воду. Прорывались к нам так же небольшими группами Ярославцы, Аракчеевцы и Симбирцы. Их корпуса были также разгромлены и разогнаны новой властью. Их искали по вагонам, выбрасывали на полном ходу с поездных площадок.

Каждый день приносил что то новое, всегда плохое. 17-го декабря поезда стали. Со стороны Самары и Бузулука на Оренбург наступал красногвардейский отряд инженера Кобозева, поддержанный матросами. Одновременно ташкентские большевики подошли к Илецкой Защите. Город был взят между двух огней. В распоряжении полковника Дутова было несколько слабых

добровольческих отрядов эс-эровского толка и отдельных казачьих сотен; тоже из добровольцев, довольно низкой боеспособности. Все же первое наступление Кобозева было отбито, благодаря посылке на фронт пехотного и казачьего училищ.

Утром 17 декабря наш вице-фельдфебель Озбашев построил первую роту. Полковник Рацул поздоровался, молча прошел по фронту и вышел из ротного помещения. Старик благословил своих кадет.

От корпуса до казачьего училища довольно далеко. Шли гимнастическим шагом и бедный четвертый взвод еле поспевал. Оружия с нами не было никакого, но в пустынном, омертвевшем городе мы не встретили ни друзей, ни врагов.

Помню как восторженно встретили нас юнкера. Только что одна сотня ушла под Бузулук, а оставшиеся сбились с ног от патрулей и караулов. С этого дня Неплюевская рота взяла на себя все внутренние караулы училища, превращенного Дутовым в Арсенал. Подходило Рождество. Об отпуске и доме, о веселых Рождественских базарах и балах нечего было и думать, хотя под самый Сочельник красные отошли на Бузулук и даже открылось железнодорожное сообщение. Мы вернулись в корпус. Разъехались только Уральцы: прямо степью на Илек и дальше по своим станицам. Ушли в отпуск местные оренбуржцы. В Первой роте оставалось больше 30 человек. Зато казачье училище отблагодарило нас за неделю патрулей и караулов, вооружив нас трехлинейными винтовками. Их торжественно водрузили на их законное место под ключ, и седьмой класс спешно начал учить бывших "гимназистов" ружейным приемам.

Корпусной Праздник Оренбургского Неплюевского Корпуса празднуется второго января. Дата не очень удобная в нормальное время, так как даже в далеком Оренбурге больше половины кадет обыкновенно разъезжалось. На этот раз волей неволей мы были гораздо многочисленнее.

Как всегда бал происходил в спальне Первой роты, и, совсем как раньше, играло два оркестра:

- наш, кадетский и, знаменитый на всю Россию симфонический оркестр Оренбургского Казачьего Войска. Приглашены были старшие классы Оренбургского Института, юнкера обоих училищ и много офицеров. Классы были превращены в традиционные китайские, персидские и т.п. комнаты-гостинные. Был крюшон, пирожные, бутерброды. Последний бал в истории старого и славного корпуса, девяностый выпуск которого должен был состояться через несколько месяцев. Сейчас все это кажется невероятным. В осажденном городе люди, которым новая власть обещает только смерть и исчезновение, танцуют под звуки "Дунайских Волн" и "Березки". Красивые, с голубыми лампасами, казачьи формы, черные мундиры кадет и белые пелеринки институток ... Как будто бы в Петербурге не бросали кадет в воду и товарищ Кобозев не готовился в своем Бузулуке к новому нападению на казачью контрреволюцию.

На следующее же утро, 3 января, красные повели новое наступление на Оренбург.

Стояла суровая уральская зима. Снежная и морозная. Каждый день новая станция падала в руки красных, теснивших слабые добровольческие отряды. Все яснее становилось, что, в своей массе, казачество защищаться не желает и не будет.

Вот уже меньше ста верст осталось Кобозеву до Оренбурга. Слава Богу, глубокий снег мешает ему продвигаться скорее. Война ведется по железнодорожной линии, и обе стороны подвозят свою пехоту в эшелонах, прямо в стрелковую цепь. 7-го января, конечно, никто из отпуска не вернулся. Уроки не начинались, и мы продолжали спать в классах. Кадеты нервничали. Однажды днем, внизу, в вестибюле, шум и громкие голоса. Неизвестный военный без погон, хорошо одетый, с худым и красивым лицом, что то с жаром говорит. Спускаемся почти всей ротой. Мало ли что бывает ... "Кадеты, я левый эсер, но я порвал с этой с ..... Чего вы ждете. Кобозев будет завтра в городе и его матросня вас всех перережет, как цыплят. Идите в мой отряд". Левый эсер волнуется, убеждает. Он, конечно, начал с психологической ошибки: с "левого эсера", но положение такого,

что кадеты готовы итти за кем угодно, лишь бы не дать себя "зарезать, как цыплят". Полковник Рацул вмешивается. Вежливо выпроваживает гостя, но на следующее утро целая группа наших кадет исчезает. Пошли, значит, "в левые эсеры". Раздаются голоса: нужно выступать всей ротой ... но куда, и с кем... Волнение достигает высшей точки, когда 12-го утром мы узнали, что вчера, под станицей Сырт, наша группа понесла первые потери. Кто то убит, есть раненые. Помню, что я очень волновался за моего брата Андрея, ушедшего на фронт. С другой стороны, станица Сырт - меньше, чем в 50 верстах от Оренбурга.

/ Окончание следует /

Евгений ЯКСНОВСКИЙ.

РЕДАКЦИЯ полагает не лишним напомнить кадетам слова старой песни ДВОРЯНСКОГО ПОЛКА, с давних пор, ставшей чем то в роде Обще-Кадетского Гимна.

Братья все в одно моленье
Души Русские сольем -
Ныне день поминовенья
Павших в поле боевом.

Но не вздохами печали
Память павших мы почти
А в нетленные скрижали
Имена их начертим

Вот каким дееписаньем
Царь - Отец нам повелел
Сохранить воспоминанье
Православных ратных дел

Вот нетленные уроки
Братья, мы ль их не поймем
К этим строкам новы строки
Мы ли все не принесем.

Братья все в одно моленье
Души Русские сольем
Ныне день поминовенья
Павших в поле боевом.

-§-§-§-§-

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСЦЕЛЕНИЯХ ЗЕМЛИ РУСКОЙ (продолжение)

II.

"МУЖ ЧУДЕСНОГО РАЗУМЕНИЯ"

Ликует Русь : разгромлены татары.
Хвала Всевышнему звучит со всех сторон.
Лишь в граде Китеже, под сенью Светлояра
Тоскует похоронный звон ...

Зачем ?.. По ком ?.. Устои царства тверды
Владыку своего боготворит народ.
Наш юный Государь, наш Царь Иван Четвертый
К величью новому Отечество ведет.

Волненья кончены и отшумели брани,
Везде спокойствие под скипетром Москвы.
От, – в смертном трепете, – склонившейся Казани
До, – в тщетной ярости, – отпрянувшей Литвы.

С Москвой о первенстве тягаться не решится
Ни чванный лях, ни Орден, ни монгол.
Понеже Русь сильна, грозны Ее границы
И взнуздан накрепко боярский произвол.

И под покровом Знамени Христова –
В казачий путь – за камень Алатырь
Уже плывут дружины Ермаковы
На сном извечным спящую Сибирь.

Увы, как бледный сон промчались годы славы.
Опять по всей Руси стоит немолчный плач :
Над Русскою Землей Шемякину расправу
Чинят опричник, дьяк, наушник да палач.

Куда ж от них уйти ?– На щиколотках путы ...
Цепями рученьки прикручены к горбу ...
И топчут Родину Грязные и Малюты,
Волочат Матушку на общую дыбу.

Гудят колокола, сзывая на синодик ...
Вороны сытые по виселицам спят ...
Опричин пьяный хор грохочет из слободок
И на погостах вдовы голосят.

Полны томленья дни и зори кровью рдяны
И ход зловещ светил в полунощной выси ...
Страшны и горестны пути Царя Ивана
К Самодержавию и Правде, на Руси.

Ах, тяжела ты Шапка Мономаха.
Опаснее врагов домашняя змея.
Страшнее шведа, Ордена и ляха
Свои, московские, бояре да князья.

Гнездо крамол и смут, невежества и чванства,
Судей неправедных и алчных воевод ...-
Губители Руси, мучители крестьянства,
Лукавый, суетной, прелюбодейный род.

Они пойдут на все ; на казнь и чары навьи,
Они низринут Русь в пучину новых зол,
Чтоб только Царское сломить Самодержавье,
Чтоб паки утвердить боярский произвол.

Лжецы .. Изменники .. Князь Старицкий .. Адашев,..
Князь Курбский .. Селиверст .. Митрополит Филипп ..-
Пускай же плуг Царев всю ниву перепашет,
Дабы под плевелом плод добрый не погиб.

Пусть Русская Земля опять зальется кровью.
Пусть Грозного Царя боятся и клянут.-
Но над кровавою, над страдной Русской новью
Пусть всходы новые и добрые взойдут.

Да светом Божиим сияет наше Царство,
Да служит Духу в нем обузданная плоть.
А к Грозному Царю, сломившему боярство,
Да будет милостив Всеведущий Господь.

III.

"ДОСТИГ Я ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ.."

Кремля безмолвен. Заперты ворота.
Ни души у красного крыльца.
Там в палатах царских нелюдимый кто-то
Ожидает, в скорби, близкого конца.

Бродит по покоям бледный и угрюмый ...
Молится ... гадает ... не вкушает яств,
Полный все одною неотвязной думой :
Прочным ли он сыну Царство передаст.

Нет. Еще не прочным. Полный вещим страхом
Царь Борис провидит : сына не спасешь.
И отучат все чаще топоры по плахам
И народ без счета гонят на правеж.

Хоть не счесть народу милостей царевых,
Щедрых подаяний, ласки и забот,
Но народ не верит в право Годуновых
И про Углич снова шепчется народ.

Не поддержит Трона думное боярство :
Как его ни жалуй, как с ним ни борись,
Из низов боярских, вставшие на царство,
Слишком худородны Федор и Борис.

А от дальних граней с Речью Посполитой
На Престол Московский Царь грядет иной,-
Сын царей законных, в Угличе убитый,
Дважды погребенный и опять живой ...

От него Борису где искать спасенья ?
Кто с врагом бессмертным справится в бою ?
Чем за грех свой тяжкий вымолить прощенье ?
Где укрыть от кары сына и семью ?

Царь Борис провидит : близится расплата ...
Беспощаден Мститель, посланный Судьбой ...
И Отчизну кровью заливают каты
И ползет крамола по земле родной.

Вся Земля стенает неумолчным стоном,
Кровь и слезы льются, льются без числа ...
И гудят надрывным, похоронным звоном
В Китеже подводном все колокола.

IУ.

"На Престоле же бысть не Царь жи
Но навие смертию венчанное ..."

Несется над Москвой ликующий трезвон.
Гремит Церковный хор, молебствие творя.
Восторженный народ бежит со всех сторон
Приветствовать в Москву вступившего Царя.

Минула власть бояр, ярыжек и дьяков :
На Троне и в Венце, как из-веку и встарь,-
Сидит не "худороде", не Федька Годунов,-
Сидит Всея Руси Законный Государь.

Владычицей небес от гибели храним,
Он в Угличе не пал, как бают старики,
Зане Господня длань, простертая над ним,
Спасла дитя царей от вражеской руки.

И мчится по Москве стоустая молва,
Что Царь Димитрий мудр, всеправеден и благ,
Что он народу друг - и празднует Москва
Конец боярских смут и Годуновских плах.

Сомнений больше нет. - Пред ликом всей Земли
Торжественно клянясь, средь тысячной толпы,
На книгах и кресте присягу принесли
В законности его - бояре и попы.

И празднует народ конец былого зла -
Законный Царь вступил на Прадедовский трон.
. . . .

А в Китеже опять гудят колокола
Рыдает под водой тоскливый перезвон.

Шепчется о чем то над водою ельник,
Небо голубое смотрит в лоно вод
И в пустынной келье молится отшельник :
Мирную Обитель Русь да обретет.

Да простит Владыка Ей грехи без меры,
Сохранит от мора, глада и крамол,
Утвердит в ней Светоч Православной Веры,
Укрепит издревний Рюриков Престол.

В хуторах безвестных, в деревнях забытых,
В городах и селах, в избах, в теремах,
В храмах и часовнях, в пустынях и скитах
Молятся о том же мирник и монах.

Но одной молитвой не снискать спасенья.
Путь в Обитель Света тягостен и строг.
Первому из Трех грядущих Искуплений
Наступает срок.

-о-о-о-о-

В Кремле бесчинствуют поляки.-
Шляхетских доблестей полны,
Заводят с москвичами драки
И баб насилуют паны.

По еретической указке
В палатах царских, - о, позор !-
Идут неистовые пляски
И звон стоит от ляшских шпор.

Народ московский негодует :
Царица полька - что за вид ! -
Мазурку с ляхами танцует
И ложе царское сквернит.

Сам царь с панами пляшет плясы
Сам царь, презревши древний чин,
Обрился, в пост вкушает мясо
И носит куцый казакин.

Не спит в обед, не ходит в байну,
Не чтит святые образа -
И лобызает в руку тайно
Царицы жирного ксендза.

Царь предает свою отчизну.-
Царь, жаждя ляшке угодить
И явно совращенный в схизму,
Всю Русь стремится совратить.

Москва тоской объята снова,
Опять рычит народ простой,
Опять стрельцы восстать готовы
И нож готовят под полой.

В Кремле салюты и виваты,
Бокалов звон и пляски топ.-
Но берегись паны-магнаты ! -
Встает обманутый холоп.

V.

"Претерпевый до конца
той спасен будет..."

Смерть косит без отдыха ночью и днем.
Как бич наказания Божья,
Прошли Запорожцы огнем и мечом,
Всю Русь от степей Запорожья.

Поляки опять подступают к Москве.
Лжедмитрий восстал из могилы.
И шведы готовят полки на Неве.
И крымцы сбираются с силой.

Был миг - и казалось, очнется народ ;
Бежали поляки и шведы
И Скопина-Шуйского сказочный взлет
Сулил нам покой и победы.

Но живо бояре управились с ним :
Он слишком был светел и ясен
И слишком московским народом любим
И к пользе бояр безучастен.

С таким воеводой боярству раззор.
И, Скопину давши отраву,
Продажных бояр самочинный собор
Подносит престол Владиславу ...

И снова по лику Отчизны святой
Разливом лихого набега
Гуляет с налетами князь Трубецкой,
Гуляет с Лисовским Сапега.

И снова, в раскатах кровавой грозы
Свои нечестивые лапы
К Престолу Московскому тянут ксендзы,
Во славу Святейшего Папы.

И паки боярский царит произвол,
И паки панует крамола,
И паки пытают и садят на кол,
И жгут беззащитные села,

Насилуют женщин, и храмы громят,
И топчут конями посевы ...
И тщетно из Троицкой Лавры набат
Взывает к народному гневу ...

Нет. Не тщетно.- В Новограде
Что у Волги у реки,
Святорусской Правды ради,
Встали Русские полки.

И под сенью Светлояра,-
В тишину лесов и блат,-
Угрожающе и яро
Грянул кличущий набат.

И в горячем Русском сердце
Колокольный этот гул
Непонятный иноверцу
Гнев священный всколыхнул,

Чтобы в братском единеньи
Всех сынов - богатырей
Русь свершила Искупленье,
Уготованное Ей.

И с востока до заката,
От Казани до Твери,
На лихого супостата
Поднялись богатыри.

Русь - не сломлена бедою,
Русь Святая ожила :
В Светлояре, под водою,
Бьют в набат колокола.

В смертном трепете и страхе
Из Руси во все лазы
Кто куда пустились ляхи,
Самозванцы и ксендзы,

Ах пришлось панам несладко ! -
Не один шляхетский лоб
Размозжил дубиной в смятку
Невоспитанный холоп.

И немало по дороге,
Позабыв про честь и срам,
Целовало паньство ноги
Неумытым мужикам.

На Москве победны клики,
Вновь гремит церковный хор :
Совершил свой долг великий
Земский праведный Собор.

К нам вернулись честь и сила :
Волей всей Родной Земли
Государя Михаила
На Престол мы возвели.

Он залечит наши раны
И вернется к нам назад
Наш пресветлый и желанный
Долгожданный Китеж-Град.

Пусть пока он в отдаленьи.-
Русь свершила лишь одно -
И еще два Искупленья
Совершить Ей суждено.

Но теперь мы знаем твердо,
А не просто верим мы :
Не сломить Отчизны ордам,
Возникающим из Тьмы.

Ибо в грозный час расплаты,-
Обещал Руси Творец -
Мы услышим гул набата
В глубине своих сердец.

И по этому, по зову,
Не жалея ничего,
Мы за Русь на подвиг, снова
Встанем все за одного.

И в груди не содрогнутся
Наши Русские сердца -
Ибо знают : Те спасутся,
Кто претерпит до конца .

/ продолжение следует /

Н.М.
I933.

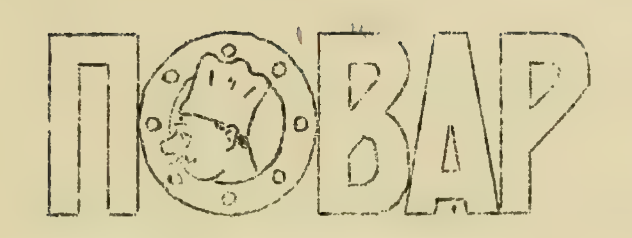
-о-0-о-0-о-0-о-

К статье ЗНАМЕНА КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ /№ I. "В.Б."/

I. Абзац 4 следует читать Императрица Елизавета а не Екатерина II-я.

2. В 1764 году Морскому Шляхетному Корпусу были пожалованы знамена по ротам :. I-й - белое, 2-й и 3-й - желтые, штофные. На знаменах орлы со скипетром и державой, а в середине - у I-й роты - Государственный герб, а у остальных - Корпусный. Под орлом - военные трофеи.

Сообщил А.С.фон ЛЮБЕ.



ИЗ ЗАПИСОК КОРАБЕЛЬНОГО ГАРДЕМАРИНА.

... "Однако, господа, пора и того ... с якоря сниматься. До шлюпки остается четверть часа ...", говоривший взглянул на часы: "точнее говоря, - ровно семнадцать с половиной минут".

"У-у, педант проклятый," пробурчал его сосед. "Нет чтобы посидеть спокойно. Алеша, дай ка мне лучше ту бутылку ..."

"Пустая ..." мрачно отозвался Алеша.

"Это, вероятно, "профессор", увлекшись вычислениями, привел ее к нулю. А та, Вадимов ..."

Гардемарин Вадимов обстоятельно водрузил пенснэ на свой короткий нос и внимательно исследовал на свет, стоявшую перед ним бутылку с этикеткой : "AMONTILLADO XERES".

"... Тоже ..." последовало гробовым голосом заключение эксперта.

"Ну, господа, вы как хотите, а я двинулся. Ни малейшей охоты ночевать здесь," поднялся первый, снимая с вешалки кортик и фуражку.

"Постой ... Погоди ... Куда ты ... Мы же без тебя аки твари бессловесные ... ни в зуб ногой на этом собачьем диалекте," - раздались встревоженные голоса.

"Ну, коли так, то пошевеливайтесь ..."

Рассчитавшись, компания из шести гардемарин Российского Императорского Флота, шумно и весело болтая, покинула уже давно опустевшую веранду ресторана и высыпала на тихую и безлюдную в этот поздний час Мэйн-стрит, главную и единственную "артерию" Гибралтара. Высоко в темном южном небе сверкали переливающимся блеском звезды, - все эти Веги, Альдебараны и прочие, которых завтра придется опять "ловить" секстаном под монотонный отсчет четырехдесятника - "ноль-один, ноль-два..." Из темной массы парка - " ALAMEDA GARDEN " - ночной бриз доносил пряный запах живых изгородей цветущего гелиотропа ...

Гулко отдавались в тишине шаги на асфальтовой мостовой...

"А, и правда, поздно ... Ну-ка пять оборотов больше ..."

"Есть, пять оборотов больше ... Да вон и порт ... Что за черт ... Ворота заперты ..."

Несколько пар кулаков забарабанили по железным створкам.

Хриплый и заспанный голос невидимого сторожа прорычал что-то невнятное.

"После десяти - следующие ворота", - перевел "лингвист".

"Это еще здоровый конец ... Ходу, ребята."

Тихий ночной воздух прорезал высокий звук парового свистка ...

"Наш катер ... Бегом ..."

Но, когда вся компания, ураганом промчавшись мимо опешившего привратника, остановилась, чтобы перевести дух, на самом краю дамбы ... за поворотом мола исчезал гакабортный огонь катера ...

"Благодарю вас, Генрих." - "Лингвист" излил этой классической фразой из корпусного учебника английского языка всё своё разочарование и негодование: ".... досиделись ... а частных шлюпок здесь и в помине нет, порт военный...."

Остальные издали неопределенные звуки, выражавшие не то согласие, не то позднее раскаяние ...

Шум выпускаемого пара заставил всех обернуться. В тени большого портового крана стоял незамеченный ими до того паровой катер. Несомненно английский - с двумя забавными, стоящими поперек, тоненькими трубами - "папиросками", поблескивавшими своей начищенной "медяшкой".

"Может быть, подвезут нас", раздался нерешительный голос. "Ты бы поговорил с ними на спик-ю-инглиш" ...

"Тоже приятно - попрошайничать. Все по вашей милости. Ну да придется, ничего не поделаешь".

Стоявший на руле катера плотный, розовый "мидшипмэн" в короткой жакетке и при кортике, учтиво козырнув, принялся с любопытством разглядывать "чужеземцев".

Обменявшись несколькими фразами с "иностранным собратом", "лингвист" сообщил: "он согласен, но должен еще кого то подождать".
"Ладно ... подождем ... только что-то больно прохладно становится ..."

Как бы угадав, мидшипмэн сделал приглашающий жест в сторону закрытого кормового помещения.

"Правильно ... Молодец хау-ду-юду ... Пэнк-ю ... Чего тут мерзнуть: ай-да, ребята ..." И вся компания, забравшись вглубь кабинки, расселась поудобнее на мягких кожаных подушках.

Время шло ... Одолевала дремота ... В полутемной кабинке начал раздаваться легкий свист и похрапывание ...

Снаружи донеслись голоса. Говорил мидшипмэн и еще кто-то ... "Как будто он закончил - иес сэр - офицер что ли пришел", подумал "лингвист". Кожаная занавеска кабинки откинулась, пропуская какую-то фигуру. При слабом свете лампочки, фигура оказалась пожилым человеком в коротком штатском пальто из добротного клечатого твида и мягкой спортивной кепке.

" Good evening, gentlemen..."
" Good evening, Sir " нерешительно ответил "лингвист". Остальные промычали что-то неопределенное.
"Я очень устал", продолжал пришелец, "и буду вам очень признателен, если вы меня сперва забросите на "Эксмут", Катер затем доставит вас на ваш крейсер. Это совсем недалеко... "

"Ну, конечно ..." согласился "лингвист".

"Что ему нужно. Да кто он такой, вообще?"

"Не видишь что-ли. Штафирка, командирский или адмиральский лакей..."

"Нет, те пожалуй поважнее будут ..."

"Ну значит - кок повар ... А что он такое лопотал?"

Лингвист пояснил.

"Вот тоже. Зазнается эта лакейская братия. Мог бы подождать ... А ты, конечно, по слабости, согласился" ...

Предмет этого негодования, не понимая слов, очевидно уловил недовольный тон, а при слове "кок" на его тонких бритых губах мелькнула и исчезла улыбка ...

Катер плавно отошел от пристани и бесшумно резал темную гладь рейда. Забурлил на заднем ходу винт. Повар, приподняв кепку, поблагодарил и [illegible]шел на освещенный трап ...

"Кажись вlistали," произнес чей-то сонный голос, "неужто они всякой такой шушере фалрепных вызывают ..."

Через минуту катер остановился у [illegible]сера. Вся компания посыпалась наверх, посылая любезному англичанину всяческие дружеские знаки и даже словесные изъявления благодарности, на каком языке - никто не разберет ...

" Невер минд ... Гуд Бай " и катер, описав красивую дугу, скрывается в темноте ...

На следующий день - воскресенье - получено [illegible] командующего Английской Эскадрой посетить его флагманский корабль. Отправлялись без особого энтузиазма, лишь для [illegible] международной вежливости. "Эксмут" - стары[illegible] да 90-х годов, куда старше наших "Цесаревича" и "Славы" и с технической стороны не представлял [illegible] [illegible]реса. Но ... "делать нечего, хозяйка" ... "ехать так ехать, сказал попугай..." Под такие философские рассуждения гардемаринская братия грузилась на катера и барк[illegible]. - "Эксмута" их встречали любезно [illegible],

к каждой группе в пять-шесть человек прикомандировывался "собрат" - мидшипмэн, с большим рвением исполнявший роль гида.

Нашей шестеркой сразу завладел вчерашний знакомец с катера. Добросовестно поднимались и спускались по трапам, осматривали батареи, машины, кочегарки и прочее. Заглянули в кают-компанию мидшипов, где уже часть "наших" усердно занималась изучением английского языка при содействии солидной батареи бутылок портера и эля. Но наш "вожатый" почему то не захотел задерживаться, и шестерка, бросив грустный взгляд на своих более удачливых товарищей, покорно двинулась за ним по новым трапам и коридорам.

"Командирский буфет, адмиральская ванна" ... еле успевал переводить "лингвист".

Мидшипман постучал в какую-то дверь.

" Come in!"

Большое кормовое помещение, залитое солнечным светом через широко открытые полупортики. Тропические растения в кадках, гравюры старинных морских боев, чудесная кожаная мебель. В большом камине уютно светятся горящие угольки...

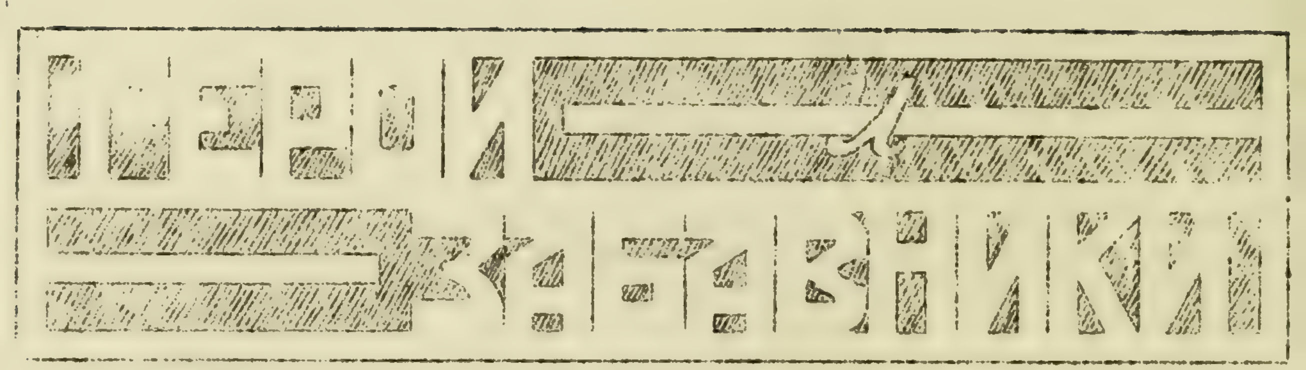
Мидшипмэн щелкает каблуками:" Here they are, Sir." Вот они", докладывает он вытянувшись и сияя всей физиономией.

Из большого кресла у камина поднимается фигура и делает шаг навстречу - знакомая физиономия, хоть убей. Но откуда. Темная тужурка с несколькими скромными ленточками, но на рукавах ряд галунов и "крендель" внушительной ширины... На строгом бритом лице появляется добрая, слегка насмешливая улыбка...

"Повар" ... срывается невольно у одного из остолбеневших шести ...

А контр-адмирал сэр Герберт Уоррендер, командующий Атлантической эскадрой, приглашая жестом к уставленному всякими соблазнительными вещами столику, выражает свое удовольствие встречей со своими "любезными попутчиками" и просит:"to taste his cooking"- отведать его "стряпни".

М. КУБЕ.



Однажды, вскоре после Рождества, в помещениях нашей второй роты, Михайловского-Воронежского Кадетского Корпуса, в необычный час, затрубила труба горниста. Не успели мы спросить друг у друга, что это значит, как из коридора донеслась в классы команда дежурного офицера: "строиться в ротной зале."

Едва рота построилась, из боковых дверей вышел, в полном составе, корпусной оркестр, ставший на правом фланге. Группой вошли отделенные офицеры и также стали на свои места. После обычной команды: "смирно", из дежурной комнаты, важно ступая, появился наш ротный командир полковник Анохин. Казак-донец по происхождению, он являл собою маленького пузатого человека с пушистыми усами и глазами навыкат. Офицер он был добрый, кадет любил и был большой любитель торжественности, при всяком удобном случае.

Поздоровавшись, "Пуп" (как его непочтительно называли между собой кадеты) обратился к роте с речью. Красноречием он не отличался, потому его обращения к нам больше состояли из коротких отрывистых фраз, в которые Анохин вкладывал всем известные истины. Так и теперь он открыл нам, что проступки должны быть наказаны, после чего вызвал из строя какого-то малюка третьего класса, приговоренного педагогическим советом к суровому наказанию - снятию погон. Наказание это практиковалось в корпусе только в младших классах и полагалось лишь за проступки предосудительные и пакостные.

Сообщив о приговоре плачущему "преступнику", "Пуп" величественно указал на него перстом. Из за строя роты немедленно вынырнул солдат-каптенар -

мус и огромными портняжьими ножницами срезал у взвывшего кадетика погоны вместе с пуговицами. Затем, обесчещенный таким образом младенец, был отправлен на левый фланг роты, где и должен был находиться впредь, до отбытия им срока наказания.

После этой неприятной экзекуции, всегда тяжело действующей на кадет, Анохин сделал многозначительную паузу, отступил два шага назад и, выпятив колесом грудь решительным тоном скомандовал: "кадет Греков ... два шага вперед, марш..." Из строя вышел и замер перед начальством маленький белоголовый кадедит.

"А теперь, господа," не спадая со своего торжественного тона продолжал ротный, "вместо вашего товарища, наказанного тяжким для всякого военного наказанием ... д-да, именно тяжким ... вы видите перед собою кадета ... совершившего благородный ... героический поступок, с опасностью для собственной жизни. Сегодня я получил от Черкасского Окружного Атамана Войска Донского письмо ... он извещает меня, что ... кадет Греков на Рождестве, будучи в отпуску, спас в станице С-ой провалившегося под лед мальчика ... В воздаяние его подвига ... кадет Греков Всемилостивейше награжден Государем Императором медалью за спасение погибающих" ...Закончив речь, полковник вынул из кармана медаль и приколол ее на грудь Грекова, обнял его и поцеловал.

"А теперь ... Ура, в честь вашего товарища, героя ..." Рота радостно и оглушительно заорала, оркестр заиграл туш, офицеры взяли под козырек, а бедный маленький Греков, с медалью на груди, пунцовый от смущения, не знал куда ему деваться.

Не успели нам скомандовать "разойтись", как сотни рук подняли Грекова, а кстати и полковника Анохина, и по старому обычаю стали их качать до одури, под оглушительное, звенящее детскими голосами уже неофициальное "ура". Услышав эти радостные вопли из других рот к нам прибежали любопытные и узнав в чем дело помчались домой с новостью. За ужином, в столовой, куда вечером собрались все четы-

ре роты корпуса, при входе второй роты, из за столов загремело в честь Грекова новое оглушительное, под низкими сводами обеденного зала "ура" всем корпусом. Этому стихийному и благородному порыву радости за своего товарища, несмотря на то, что ее выражение выходило из всех рамок корпусного порядка, не мешал ни улыбающийся дежурный ротный командир, ни один из четырех офицеров.

Награждение медалью Грекова имело тем же летом неожиданное и забавное продолжение. Лагери нашего корпуса находились верстах в пяти от Воронежа, в лесу, на берегу реки. Там, в деревянных бараках, жило ежегодно около двух десятков кадет, не имевших почему либо возможности провести летние каникулы дома.

В этом году вместе с другими оставался в лагерях кадет князь Шакро А., веселый и забавный грузин, компанейский парень и прекрасный, как все кавказцы, товарищ. Хотя был он всего в четвертом классе, но неоднократно задерживаясь раньше на второй год, имел уже на лице густую темную растительность, вырастающую, по уверению кадет, через два часа после бритья. Вместе с тем, это был лихой кадет, небольшого роста, но ловкий и прекрасно сложенный, с веселым и беззлобным характером. С ним очень дружил его земляк, отчаянный абхазец Костя Лакербай, также большой забавник.

И вот, за неимением других развлечений, решили они разыграть в лагере сцену "спасения погибающиу". Для этого Костя должен был изобразить во время купанья тонущего на глубоком месте, а Шакро "случайно" оказаться поблизости и вытащить погибающего. Все было заранее условлено и уговорено. Согласно выработанному плану, Косте надлежало удрать из лагеря перед купаньем кадет и начать купаться в одиночку, а затем, "как будто увлеченному течением", тонуть и взывать о спасении. Шакро же предстояло, также негласно покинуть лагерь, спрятаться на обрыве, над рекой и, бросившись с него в середину течения, вытащить Костю, когда его крики привлекут к реке свидетелей.

Блестяще задуманное предприятие это, однако сорвалось из за Костиного ехидного поведения и, вместо того, чтобы принести Шакро славу героя, сделало его объектом кадетской потехи. Вместо того, чтобы войти в реку в момент приближения кадет с дежурным воспитателем, Костя с шумом бросил в воду большой камень и отчаянно закричал о помощи. Шакро, которому из за кустов ничего не было видно, уже сидел на дереве над обрывом и, услыхав крик, движимый жаждой подвига, как лев ринулся вниз головой со своего сука одетым, но зацепился за что то и перевернувшись в воздухе, вместо спортивного "бросса", позорно шлепнулся в воду плашьмя у всех на глазах.

Когда он, грязный и мокрый как мышь, выбрался на берег, его встретил гомерический хохот товарищей. Предатель Костя успел им рассказать всю историю. Под шумное веселье кадет, бедный Шакро был прямо с берега отправлен офицером под арест за самовольную отлучку. Заключение, впрочем, он разделил со своим другом предателем. Долго потом кадетский лагерь забавлялся и шутил над этим приключением и больше всех смеялся сам добродушный Шакро.

Прошло 5 лет и все участники этой детской истории Греков, Шакро и Костя доказали на деле, что их детские стремления к подвигу, заложенные разумным воспитанием в родном корпусе, создали из них, мальчишек-забавников, истинных героев на поле чести. Греков в рядах Атаманцев, Шакро - драгун и Лакербай в Черкесском полку, стали доблестными офицерами. Корнетом Абхазской сотни Костя отличался исключительной храбростью, даже среди своего бесстрашного народа. Во время конной атаки полка, когда его сотня отходила на прежние позиции под ураганным огнем неприятеля, он заметил, что под одним из его сослуживцев убита лошадь. Лакербай круто повернул коня и бросился на спасение товарища. Видя несущегося на них одинокого всадника, австрийцы прекратили огонь и, поднявшись из окопов с изумлением наблюдали непонятный им Костин маневр. Подскакав к раненому, Лакербай поднял его на всем скаку к себе на седло и помчался обратно. Это было до такой степени смело и эффектно, что австрийцы вместо выстрелов проводили Костю громом рукоплесканий ...

Судьба не простила Косте его постоянную игру со смертью. Покрытый славой, уже Георгиевским кавалером, он был убит в 1916 году. Абхазцы свято чтили его память, как одного из своих народных героев: милый Костя Лакербай безо всякого сомнения и заслужил это вполне своей беззаветной доблестью. Да будет земля ему пухом.

Анатолий МАРКОВ

ИМЕНА КОТОРЫХ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ.

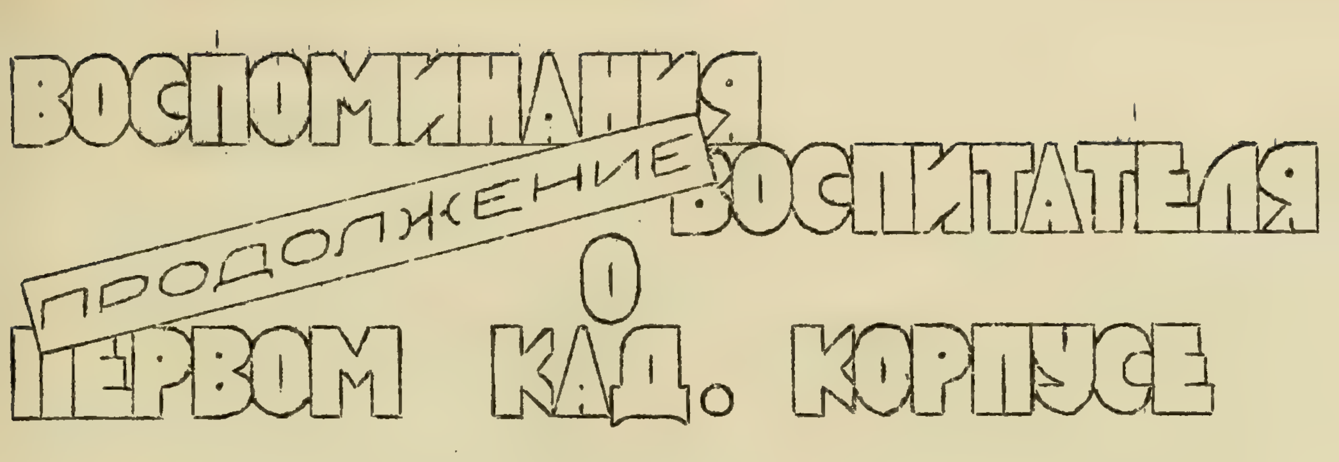
I. В 1701 году Шведы попытались захватить врасплох Архангельск, подойдя к нему "воровским обычаем" - под Датским /т.е. союзным нам/ флагом. Захватив на одном из островов устья Двины монастырского служку ИВАНА РЯБОВА и перевозчика ДМИТРИЯ БОРИСОВА, Шведы заставили их вести отряд к городу. Согласившись для видимости, эти два скромные героя посадили головное судно на отмель, как раз под пушками единственной небольшой батареи. РЯБОВ был убит разъяренными шведами - БОРИСОВУ, тяжело раненому удалось бежать вплавь. нападение было отбито.

2. При всех атаках японских миноносцев, в ночь после Цусимского боя, на пылающую груду обломков, бывшую еще недавно Эскадренным броненосцем "Князь Суворов", их встречал огонь последней уцелевшей 75 м/м пушки. Прислугой ее были : лейтенанты БОГДАНОВ и ВЫРУБОВ и прапорщик по морской части фон-Курсель.

3. При потоплении германо-турецким крейсером "Гебен" минного транспорта "Прут", /близь Севастополя/, покинутого по приказанию командира, своей командой, на палубе оставался ИЕРОМОНАХ ОТЕЦ АНТОНИЙ, в полном облачении, благословлявший тонувших, а минный офицер лейтенант РОГУССКИЙ спустился вниз и взрывом погребов ускорил гибель своего корабля.

Сообщил М.Ф.К.

-о-о-о-о-о-



Как помнят все кадеты Первого Корпуса, в нашем огромном Сборном зале был ряд портретов всех Российских монархов, начиная с Императрицы Анны Иоанновны, нашей Державной Основательницы. Среди кадет ходила легенда, будто один из кадет старшей роты шел однажды ночью через Сборное зало в лазарет. Поровнявшись с портретом Императора Николая Павловича, он увидал, что Император вышел из рамы. На утро кадета нашли лежащим без памяти перед портретом. Эта легенда дошла до ушей новичков I-го класса и, конечно, возбудила их мальчишеское любопытство.

На одном из моих первых дежурств по четвертой роте, когда я уже погасил свет в спальне и, вкушая заслуженный покой, после шумного дежурства, сидел за стаканом чая перед интересной книгой, меня вдруг поразил топот многих босых ног по большой лестнице, ведущей в зал. Я спустился из дежурки в спальню. Ко мне бросилась толпа перепуганных мальчуганов, босых, в ночных рубашках. Наперебой, они стали мне рассказывать, что все портреты ожили, и Николай I действительно вышел из рамы и погрозил им пальцем. Мне едва удалось их унять и тут же водворить на штраф, как почетных часовых, на ступеньках лестницы, ведущей в дежурку.

. . . .

А вот как мы встречали в корпусе Пасху ... Кадеты распущены на праздники по домам и только малая часть проводит их в корпусе. В Страстную Субботу уложили кадет по кроватям, но не многие пользуются случаем поспать. Большинство, дождавшись, пока дежурный воспитатель занялся книжкой, за самоваром, собрались кучками и шопотом переговариваются, вспоминая вкусные лакомства у себя дома. В II часов кадет подымают и, после осмотра и проверки, строем ведут в церковь. Церковь ярко освещена. Все ста-

ринные иконы блестят, отражая свет электрических люстр и множество свечей на паникадилах и в руках у кадет и гостей. А гостей набирается все больше и больше. Генералы, в лентах со звездами, офицерство в парадных мундирах, барышни и дамы. Это самое интересное, конечно. Все они сказочно разодеты в белых, розовых и голубых туалетах. И такие они хорошенькие, и так блестят их веселые глазки, так улыбаются прелестные губки.

Крестный ход подымает иконы и хоругви, выходит в коридор в предшествии корпусного батюшки, Отца Анатолия, одетого в ризу, расшитую самой Императрицей Елизаветой. Кадеты строем выводятся вслед за ним. Коридором выходим в Сборный зал. Кадеты, наклонявшие хоругви под низкими сводами коридора, здесь подымают их высоко. Нарядная толпа гостей разливается по всему громадному двухсветному залу. Пять огромных люстр льют свой свет на пестрый людской поток. Проходят мимо всех Российских Императоров, саженные портреты которых украшают стены и через гимнастический зал входят в лазарет. Фельдшера и больные кадеты провожают до дверей Музея. Взорам гостей открываются исторические портреты и реликвии за почти 200 лет существования корпуса. Старые знамена, свидетели далеких лет, тихо колышутся навстречу процессии. Длинный ряд манекенов в исторических кадетских формах пропускает ее вдоль своего фронта. И вдруг, обстановка переносит нас за 200 лет назад - мы проходим былые покои Меншиковского дворца, стены и выпуклые печи, выложенные голландскими изразцами, старинная мебель - секретеры, канделябры и бра на стенах.

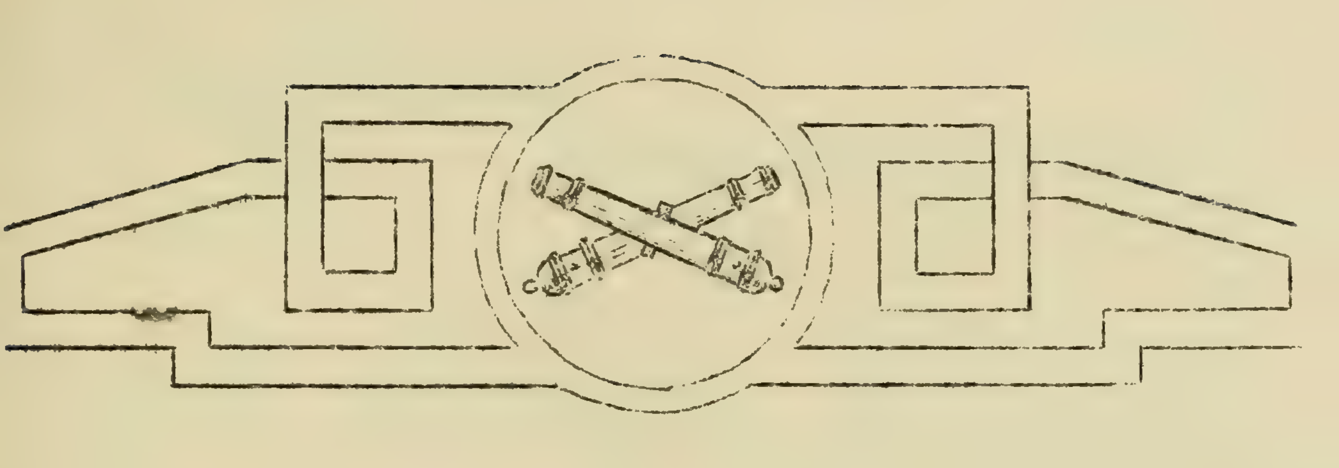
Но вот мы опять в Церковном коридоре и стоим перед большой закрытой дверью. "Да воскреснет Бог и расточатся врази Его", раздается звучный голос отца Анатолия и его покрывает хор молодых кадетских голосов:

"Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав".

О Боже Великий, когда расточатся враги Твои.

Когда воскреснет Россия к новой жизни.

Н. Дочнер.



О Т   Р Е Д А К Ц И И .

Стихи эти найдены в вещах убитого офицера 2 Фи
ляндского Артиллерийского Дивизиона, написаны очи
солдатом, посвящены его убитому начальнику кадету
Псковского корпуса ГЛАСКО. Подлинник прислан нам из
Швеции и находится в распоряжении Редакции. Всякие
комментарии нам кажутся излишними. Содержание и чу
ство, двигавшее автора-солдата, говорят сами за се

\- - - - - -

Возлюбленному своему Начальнику Его Благородию
поручику ГЛАСКО, павшему в Карпатском бою 3 мар
та сего года от нижнего чина I-й Батареи 2 Финлянд-
ского Артиллерийского Дивизиона.

Сижу на лафете печально
Поникши на грудь головой
Я вспомнил невольно Карпаты
И вспомнил я бой роковой.

И дрогнуло сердце тревожно
И брызнули слёзы из глаз
Мы близкого нам потеряли
Кого то не стало у нас.

Не солнце за лес закатилось
Не спрятался месяц в горах
А скрылся от нас удалился
Любимый начальник для нас.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ОБЪЕДИНЕНИЯ.

- 15-го Июня на могиле Бориса Димитриевича Приходкина открыт памятник, сооруженный кадетами по проэкту Суворовца Сергея Григорьевича Двигубсого

- Журнал "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" можно получать в Париже : в Кадетском Собрании /65 рю Микель Анж/, у Председателя Объединения /59 авню де Терн/ и в Русских книжных магазинах.

- Представителем журнала на Америку состоит кадет Суворовец Сергей Александрович Кашкин /69, Main Str. NYACK (N.Y.) Проживающим в Америке по всем делам, касающимся подписки на журнал или покупки отдельных номеров, надлежит обращаться к нему.

- Кадетская лавочка /65 рю Микель-Анж/ принимает заказы на значки Объединения /150 фр./, кадетские кольца и художественно выполненные картонные погоны всех корпусов и училищ /по ценам от 80 до 200 франков/.

- Для посылки нуждающимся однокашникам, нужны носильные вещи /белье, одежда и обувь/. Прием каждый вечер у хозяина Собрания и по Понедельникам днем в Обществе Помощи Русской Эмиграции 91 рю Лекурб, Париж 15-й.

- КАДЕТЫ. Жертвуйте книги и записывайтесь подписчиками в передвижную Библиотеку Обще-Кадетского Объединения. Она безвозмездно обслуживает кадет, лежащих в госпиталях Франции и живущих в стариковских домах всей Европы. Условия пользования и прием книг и пожертвований по Средам у библиотекарши М.Я.ХАНЫКОВОЙ. Помогите товарищам в несчастии. Каждые два месячные подписчика дают возможность обслужить одного больного или неимущего товарища.

- Обще-Кадетское Объединение в Триесте, под председательством Орловца КУТОРГИ, устроило большой концерт-бал, прошедший с исключительным успехом. Подробное описание помещено в "Вестнике Обще-Кадетского Объединения" № 15. Привет дорогим друзьям, и в несчастии, не теряющим духа и кадетской спайки.

КАДЕТЫ - ПОКУПАЙТЕ ВСЕ ВАШ ЖУРНАЛ И СОДЕЙСТВУЙТЕ ПРОДАЖЕ.

Издание ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ. Редактор А.А.ГЕРИНГ.

№ 3

СЕНТЯБРЬ 1952 г.

ГОД ИЗДАНИЯ I - й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

Сентябрь 1952

№ 3

ОТ РЕДАКЦИИ.

Выходит № 3 "ВОЕННОЙ БЫЛИ". В редакции уже завелась объемистая папка с письмами и отзывами, получаемыми со всех концов света. К сожалению, на всех угодить нельзя, - и редакция, принимая, конечно, во внимание все получаемые советы и пожелания, будет продолжать, в основном, вести линию, избранную с самого начала.

Мы считаем нужным ответить на страницах журнала только на одно, весьма существенное замечание. Некоторые однокашники находят журнал "недостаточно кадетским". На это мы скажем следующее: "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" не есть исторический архив. Это не сборник очень интересных, несомненно, но все же носящих архивный характер материалов и воспоминаний.

"ВОЕННАЯ БЫЛЬ" есть живой современный военно-литературный журнал, целью коего является показать как учили и воспитывали будущего Русского офицера в кадетском корпусе, - в какой обстановке вырастал кадровый офицер нашей армии и флота, и как эти учение и воспитание, как все полученное им в корпусе, он применил на различных поприщах своей службы Родине.

Офицера, наравне с политическими эмигрантами, может сменить с поста одна смерть. Поэтому мы рассматриваем и всю деятельность Обще-Кадетского Объединения, и выпуск каждого отдельного номера "ВОЕННОЙ БЫЛИ" - как продолжение нашего служения России.

Безоружный, в штатском пиджаке, на чужой территории, ОФИЦЕР-КАДЕТ продолжает выполнять свой долг.

РЕДАКЦИЯ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ I
АДМИРАЛ НАХИМОВ 3
ЕГОР ПЕТРОВИЧ ВРАНГЕЛЬ -.То........................ 5
ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА РУССКОЙ ИСТОРИИ -.М.Кубе II
ОБЩЕ-КАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ -Коровай-Метелицкого ... I4
ДВЕ КАДЕТСКИЕ МЕДАЛИ - П.В.Пашков I5
СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСКУПЛЕНИЯХ - Н.М. I9
КАРГАЛЛА - Евгений Яконовский /окончание/ 27
НОВИЧКИ И МАЙОРЫ - Анатолий Марков 37
ПОГОНЫ И ДУША - А.О. 40
РУССКАЯ КОННИЦА В XУII ВЕКЕ - В.Г.Ковалевский 41
ЗАМЕТКИ МЕДАЛИСТА - В.Р. 48
К статье "О ЗНАМЕНАХ" - Е.Васильев 49
ХРОНИКА КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ 50

-о-о-о-о-о-о-о-о

ИЗДАНИЕ О Б Щ Е - К А Д Е Т С К О Г О ОБЪЕДИНЕНИЯ

под редакцией Алексея ГЕРИНГА

город Париж

АДМИРАЛ НАХИМОВ.

23 июня текущего года исполнилось 150 лет со дня рождения одного из величайших Русских флотоводцев, Адмирала Павла Степановича Нахимова.

К этому дню нам хочется предложить вниманию читателей два документа, представляющих собою, как бы, начало и завершение службы великого адмирала родному флоту.

- - - - -

I. ПРОШЕНИЕ ИВАНА И ПАВЛА НАХИМОВЫХ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ИХ В МОРСКОЙ КОРПУС.

Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Император Александр Павлович, Самодержец Всероссийский Государь всемилостивейший, просят недоросли из Российских дворян греческого исповедания Иван и Павел Степановы сыновья Нахимовы о нижеследующем: Отец наш родной Степан Михайлов сын Нахимов, в службе Вашего Императорского Величества находился в гвардии капитаном и отставлен майором, ныне нам от роду первому 12, а последнему 11 лет, обучены по российски и по французски читать и писать и часть арифметики, но в службу Вашего Императорского Величества никуда еще не определены, а желание имеем вступить в Морской Кадетский Корпус в кадеты, а потому всеподданнейше просим:

дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие наше прошение принять и нас именованных по желанию нашему в Морской Кадетский Корпус в кадеты определить. А что мы действительно из дворян и помянутому майору Степану Нахимову сыновья родные, в том представляем надлежащие свидетельства. Испомещен же состоим Смоленской губернии, Бельского уезда, крестьян за отцом нашим 136 душ.

Недоросль из дворян Иван Степанов сын Нахимов
Недоросль из дворян Павел Степанов сын Нахимов
23 апреля 1818 года

2. ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГАРНИЗОНА ПО СЛУЧАЮ СМЕРТИ АДМИРАЛА НАХИМОВА.

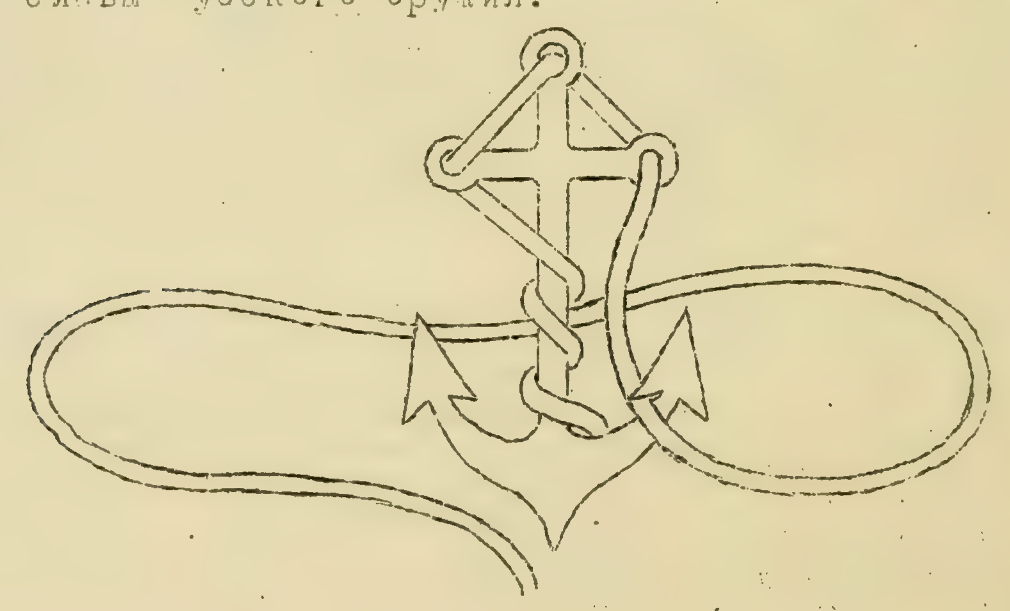
Храбрые защитники Севастополя, Провидению угодно испытать нас новою тяжкою потерей: адмирал Нахимов, пораженный неприятельскою пулею на Корниловском бастионе, сего числа скончался.

Не мы одни будем оплакивать потерю доблестного сослуживца, достойнейшего начальника, витязя без страха и упрека, - вся Россия вместе с нами прольет слезы искреннего сожаления о кончине героя Синопского.

Моряки Черноморского Флота. Он был свидетелем всех ваших доблестей, он умел ценить ваше несравненное самоотвержение, он разделял с вами опасности, руководил вас на путь славы и победы.

Преждевременная смерть доблестного адмирала возлагает на нас обязанность дорогою ценою воздать неприятелю за понесенную нами потерю.

Каждый воин, стоящий на оборонительной линии Севастополя, жаждет, я, несомненно, уверен, исполнить этот священный долг, каждый матрос удесятерит усилие для славы Русского оружия.



Егор Петрович ВРАНГЕЛЬ
Директор Петровского Полтавского Корпуса.

/ Из "Сборника биографий Александрийцев"/. 1949-1956.

Егор Петрович ВРАНГЕЛЬ происходил из дворян Курляндской губернии. В 1817 году он вступил в службу юнкером в Александрийский гусарский полк, где и произведен в корнеты 24 апреля 1818 года.

4 мая 1821 г. - переведен в Нарвский драгунский полк, командиром которого в то время состоял бывший Александрийский гусар, полковник Е.И. Гельфрейх. Вскоре по переходе на службу в указанный полк, стоявший в г.Прилуках, ВРАНГЕЛЬ был назначен состоять адъютантом при начальнике штаба 4-го пехотного корпуса, генерал-маиоре Аф. Ив. Красовском, хорошо известном старым Александрийцам, участникам похода 1812 года. Это был тот Красовский, славный соратник Александрийских гусар в деле у Борисова 9-го ноября, который со своими егерями особенно отличился при взятии борисовских укреплений графом К.О. Ламбертом.

В конце декабря 1825 года, при известных волнениях в Черниговском пехотном полку, штабс-капитан ВРАНГЕЛЬ был послан по поручению штаба корпуса в г. Васильков "для узнания о происшествии" в Черниговском полку /рапорт ген.- л. кн. Щербатова к Главнокоманд. 1-ю Армией гр. Сакену/. Быстро исполнив возложенное на него поручение Е.П. ВРАНГЕЛЬ уже 31 декабря доставил властям копию "катехизиса", составленного "неистовыми возмутителями". /Всепод. доклад аудит. департ. от 10-го июля 1826 г./.

В 1826 году генерал-лейтенант Красовский получил в командование 20-ю пехотную дивизию, направленную по случаю войны с Персией в Грузию. Е.П. ВРАНГЕЛЬ, оставаясь состоять при генерале Красовском адъютантом, тоже отправляется на Кавказ. Догнав дивизию на походе уже за Алазанью, ВРАНГЕЛЬ участвует затем в военных действиях против джаро-белоканских лезгин.

В тот момент, когда Паскевич сменял Ермолова в

должности главнокомандующего на Кавказе, Красовский занял должность начальника штаба действующего корпуса, но вскоре, из за размолвки с Паскевичем, вернулся к командованию 20-й пехотной дивизией.

Находясь все время при Красовском, Г.П. ВРАНГЕЛЬ, участвовал 1-го октября 1827 года во взятии крепости Эривани. Когда русские войска уже вошли в крепость, персидский сардар Гассан-хан, известный своим горячим и неукротимым характером, заперся с 200 персиянами в мечети. Генерал Красовский, как всегда сопровождаемый своим адъютантом ВРАНГЕЛЕМ, вошел в мечеть, лично снял оружие с Гассан-хана и передал это оружие ВРАНГЕЛЮ, который доставил его, как трофей, корпусному командиру. (Известие о взятии Эривани Император Николай I получил в Риге. Богатое оружие Гассан-хана, поднесенное Государю, было пожаловано им, в память пребывания своего в Риге, в городскую ратушу. /В.Потто. Кавказская война в отдельн. очерках. Т.III, стр. 514/).

За отличия в делах во время Персидской войны, Г. П. ВРАНГЕЛЬ был награжден в 1827 году орденами: св. Анны 3-й степени с бантом и св.Владимира 4-й степени, тоже с бантом.

После взятия Эривани генерал-лейтенант Красовский состоял русским военным губернатором Армянской /Эриванской/ области. В войну с Турцией в 1828-1829 гг., Г.П. ВРАНГЕЛЬ, в чине капитана, числясь л.-гв. в Конно-Егерском полку, состоял по-прежнему адъютантом при генерале Красовском, который был в эту войну в 1828 году начальником 7-й пехотной дивизии, а в 1829-м - командиром 3-го пехотного корпуса, действовавшего на Балканах /Шумла, Силистрия, Варна/.

18 июня 1829 года сдалась русским войскам крепость Силистрия, и донесение Государю об этом событии поручено было отвезти из армии в Петербург капитану ВРАНГЕЛЮ. В письме к Императору Николаю I, граф Дибич, между прочим, писал так:

"Известие это везет гвардейского Конно-Егерского полка капитан Врангель; он с отличием служил в Персидскую кампанию, находясь адъютантом при генерале Кра-

совском, и мне он известен с прапорщичьего чина, как прекрасный офицер; на основании сего, осмеливаюсь просить Ваше Величество о переводе его в старую гвардию" (Письмо гр. Дибича Императору Николаю I, из лагеря Эжиукиой близ Шумлы, 20 июня 1829 г. /Русск.Старина" 1881 г. декабрь, стр. 716/).

Император Николай Павлович принял во внимание ходатайство графа Дибича, и 27-го июня 1829 года Е.П. ВРАНГЕЛЬ был переведен л.-гв. в Гусарский полк с переименованием из капитанов в ротмистры. В том же году Государем была утверждена награда, назначенная графом Дибичем ВРАНГЕЛЮ - "в воздаяние мужества и храбрости оказанных в делах противу Турок", - орден св. Анны 2-ой степени.

После этой войны Е.П. ВРАНГЕЛЬ был на некоторое время прикомандирован "для узнания службы" к Образцовому кавалерийскому полку. Произведенный в л.-гв. Гусарском полку в полковники, Е.П. ВРАНГЕЛЬ, 30-го августа 1831 года, был переведен снова в Александрийский гусарский полк, в котором еще юнкером начал военную службу.

6-го октября 1832 года он был уволен в продолжительный отпуск и зачислен по кавалерии. В 1839 г./30 августа/ он был произведен в генерал-майоры и в 1842 году назначен командиром 2-ой бригады 6-й легкой кавалерийской дивизии. В том же году - 10-го октября - он был награжден орденом св. Станислава I степени, а 3-го декабря орденом св. Георгия 4 ст. "за 25 лет службы". В 1845 году ему пожалован орден св. Анны I степени, а в следующем году Е.П.ВРАНГЕЛЬ был прикомандирован к военно-учебным заведениям.

С этого времени Егор Петрович покидает строевую службу и весь отдается военно-воспитательному делу, в котором показывает себя не только плодотворным деятелем, но и редким педагогом. 4-го марта 1849 года он назначается директором Петровского Полтавского Корпуса.

"Кажется, трудно было ожидать", - пишет по этому случаю один из современников, - "от человека, проведшего 30 лет в строю, серьезной деятельности, как на-

чальника учебного заведения. Но Врангель был исключением. Способный от природы и не получивший образования, он обладал тактом и, если при нем не было ничего выдающегося, то не было ничего дурного". / П.Павловский. "Русск.Старина", 1886, декабрь, стр. 722-723).

Н.П. ВРАНГЕЛЬ прибыл в Полтаву в начале мая 1840 года, а в декабре - 6-го числа - был произведен в генерал-лейтенанты.

С первых же дней своего пребывания в Полтаве он всецело отдался кадетскому корпусу. По его приказанию на дежурных офицеров была возложена обязанность докладывать ему ежедневно, кто из воспитанников и по каким предметам получил 12 баллов, кто получил неудовлетворительные отметки, какие воспитанники и за что записаны в классные журналы, кто из кадет провинился и в чем, какому взысканию были подвергнуты виновные. Этим способом ВРАНГЕЛЬ постепенно узнавал характер каждого из своих воспитанников. Когда летом корпус выходил в лагерь, ВРАНГЕЛЬ тоже поселялся в нем, посещал кадетские палатки и входил во все мелочи, с целью убедиться, насколько каждый из ротных командиров вникает в свои обязанности.

Н.П. ВРАНГЕЛЬ не был чужд духу своего времени и телесное наказание считал иногда необходимостью в деле воспитания, но старался прибегать к этой мере лишь в исключительных случаях. Часто наказания эти делались не иначе, как по определению воспитательного комитета, причем подвергались этому взысканию дети не свыше 12-летнего возраста. Последняя мера, хотя и была хороша для репутации заведения, но часто не оправдывалась родителями кадет и во многих случаях они просили директора корпуса ВРАНГЕЛЯ сечь их детей. Тогда ВРАНГЕЛЬ подчинялся этим требованиям. Среди его приказов по корпусу попадаются такие, где предписывается зараз высечь 10 - 13 кадет /число ударов не свыше 25/. Иногда ВРАНГЕЛЬ иронизирует в приказах. Так один кадет лечился от золотухи, которая впрочем, не мешала ему, сидя в лазарете, заниматься, но он ленился. О нем ВРАНГЕЛЬ пишет: "При всей врачебной о нем попечительности, он может подвергнуться такому чувствительному наказанию, которое, не вредя золотухе, благотельно подействует на одолевшую его леность".

Сечение нередко происходило при известной обстановке, так иногда секли при целом батальоне или в присутствии родителей. В некоторых случаях ВРАНГЕЛЬ просил родителей, чтобы они наказывали детей у себя дома сами.

По вступлении в должность директора корпуса Е.П. ВРАНГЕЛЬ сразу постарался сблизиться со всеми более влиятельными личностями Полтавы, а терпимостью и мудрыми распоряжениями по корпусу снискал себе любовь и расположение родителей и родственников кадет. Для родителей воспитанников двери корпуса были открыты всегда, кроме классовых часов; равным образом директор принимал родителей у себя на квартире, показывая им свою алфавитную книжку воспитанников, с различными собственными заметками, а также ежедневные рапортички о разных случайностях в корпусе.

"Вот директор, так директор!" - повторяли в один голос все, которым приходилось побывать у ВРАНГЕЛЯ хоть один раз. "Вот, какого нам нужно!" (И.Р. Тимченко-Рубан. Из воспоминаний о прожитом. "Историч. Вест." 1890 г., июль, стр.113).

Хорошим педагогом считало Е.П. ВРАНГЕЛЯ и петербургское начальство. Когда Император Николай Павлович посетил Полтавский кадетский корпус в 1852 году, то остался очень доволен его состоянием. В особой аудиенции ВРАНГЕЛЬ так мастерски очертил свою деятельность, что Государь сказал: "Не только весьма доволен, но восхищен всем, что видел". В том же году, 19-го сентября, на имя генерал-лейтенанта Е.П. ВРАНГЕЛЯ последовала Высочайшая грамота о награждении его орденом св. Владимира 2-й степени, а через три года он был награжден орденом Белого Орла и знаком отличия XXX-летней службы.

Молва, прославлявшая ВРАНГЕЛЯ, как редкого педагога, росла с каждым днем. В 1856 году, при открытии вакансии на должность попечителя Виленского учебного округа, Егор Петрович был вызван в Петербург и, после аудиенции у Императора Александра Николаевича, ему было предложено это место. Благодаря Государя за такое высокое к нему доверие, ВРАНГЕЛЬ со слезами высказал глубокое сожаление, что приходится расстаться с

дорогим ему мундиром Петровского Полтавского кадетского корпуса. Тронутый слезами генерала, Государь позволил ему оставаться в том же мундире и при новой должности, с правом числиться в списках корпуса.

С чувством искреннего сожаления расстался ВРАНГЕЛЬ со своим любимым заведением, директором которого был в течение семи лет. "Время моего пребывания в Полтавском корпусе", писал ВРАНГЕЛЬ в своем последнем приказе по корпусу, "останется навсегда драгоценным, оно глубоко врезалось мне в память сердца неизгладимыми чувствами уважения и признательности к почтенным моим сослуживцам и любви и участия к вверенным сердцу и совести нашим детям кадетам. С печалью расставаясь с вами, обращаюсь ко всем и каждому из вас с вырывающимся из глубины словом: благодарю, благодарю вас! ... Прощайте! ... С любовью и впредь буду следить за преуспеванием драгоценного для меня Петровского корпуса ..." (И.Павловский. "Русск. Старина", 1906, декабрь, стр. 725).

Попечителем Виленского учебного округа ген.-лейт. Е.П. ВРАНГЕЛЬ оставался в течение четырех лет. В 1861-м году он был назначен членом совета и инспектором военно-учебных заведений. В 1863 году ему пожалована табакерка, украшенная бриллиантами и портретом Государя. Расстроенное здоровье заставило ВРАНГЕЛЯ взять продолжительный отпуск и, как показано в "Списке генералам на 1866 год" - Е.П. ВРАНГЕЛЬ, генерал-лейтенант, числящийся по кавалерии, находился в 1866 году за границей в отпуску "до излечения болезни".

Не имея больших материальных средств, Е.П. ВРАНГЕЛЬ в 1846 году получил в виде награды 2000 десятин земли. Кроме того в разное время своей службы ему несколько раз жаловались денежные награды.

Настоящий биографический очерк составлен на основании след. печатных источников: "С.Петерб.Ведомости" и "Русский Инвалид" 1817-1842 гг., "Список генералам на 1866 г.", Н.Манзей. Истор. л.гв. Гусарского полка. СПБ. 1859, Восстание Декабристов. Матер. Т. VI. М. 1929. В. Потто. Кавк. война в отд. очерк. Т. III. "Русск. Старина" 1901, 1906 и 1907 гг., "Историч. Вестник" 1890 г.

Ю.ТОЛОРКОВ

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Доклад, сделанный на собрании Военно-Морского Исторического имени Адмирала Колчака Кружка в Париже 20-го декабря 1931 года.

Россия никогда не знала своего флота. Не знали его ни "народ", ни "общество"... Достаточно бросить взгляд на нашу литературу: Подвиги Российской Армии нашли в ней достойное их, яркое художественное отражение. Все мы, со школьной скамьи, знали наизусть лермонтовское "Бородино", - переживали в огненных строфах Пушкина "Полтаву", зачитывались по много раз картинами "Войны и мира" ...

А флот? - Две-три строчки у Пушкина /"Пир Петра Великого"/ да довольно скучные заметки Гончарова - пассажира на "Фрегате "Паллада", совершенно не интересовавшегося ни кораблем в частности, ни флотом в общем, - вот и все! ...

Окончивший на "балл душевного спокойствия" гимназист, пожалуй, без особенных ошибок разместит по истории Румянцева, Суворова и Кутузова, может быть, смутно вспомнит еще атамана Платова и "Белого генерала" ... А спросите его /да, заодно, и его папашу/, кто были, когда жили и что сделали Ушаков, Грейг, принц Нассау-Зиген, Сенявин - кто были Белли, Ильин, Казарский?! Получится только один сплошной "конфуз".

Так вот, исходя из этого прискорбного, но твердо установленного неведения, позволю себе попытаться воскресить одну из многих забытых страниц истории нашего флота /кстати сказать, известную даже и не всем, ближе стоящим к делу/.

Последние года 18-го века ... Европа потрясена взрывом французской "Великой" революции, не довольствующейся переворотом у себя дома, но стремящейся осчастливить и всех соседей - хотят ли они того, или нет - насаждением "новой эры". Какие то, вчера еще никому неизвестные, молодые "генералы", - всякие там Лазари Гоши, Моро и другие, - командуя оборванными, "бесштанными" добровольцами, сметают муштрованные, живущие еще славой Фридриха II и принца Евгения, войск

старых европейских держав. Вальми, Жемапп, Хоэнлинден ..., неприятные имена! А тут появляется еще какой то маленький корсиканец, - генерал и командующий армией в двадцать с чем то лет, - и сводит на нет - совершенно ненаучными действиями - всю кабинетную премудрость заслуженных австрийских генералов ...

Европа встревожена не на шутку. Великие державы сплачиваются, чтобы дать отпор этой угрожающей затопить их волне. Образуется коалиция из Австрии, Пруссии, Англии, примыкает к ней и Россия, где стареющая великая императрица не может принять такое претворение в жизнь идей, поощрявшихся ею когда-то философов-энциклопедистов.

Но вот, в разгаре военных действий, происходит событие, резко меняющее картину: не стало Великой Екатерины и с нею закатывается весь блестящий "Екатерининский" век ...

Российские посланники при Берлинском, Венском и Сэнт-Джемском дворах, основываясь на полученной ими циркулярной ноте от 24 ноября 1796 года, уведомляют эти правительства, что вступивший на Российский престол император Павел Петрович "признал за благо даровать русскому народу, истощенному сорока годами непрерывных войн, преднужное и желаемое им отдохновение" и что, вследствие этого, вооруженные силы Российской империи прекращают активное участие в действиях коалиции.

Нота подчеркивала, что это мероприятие отнюдь не означало изменения в принципиальном отношении Императора к "неистовой Французской республике, угрожающей всю Европу совершенным истреблением закона, прав, имущества и благонравия ..."

Практическим результатом этого Высочайшего решения явились: отмена рекрутского набора, спешное окончание войны с Персией, отмена мобилизации корпуса Суворова, готовившегося к походу за границу, и - для флота - отозвание в Балтийское море наших эскадр, крейсировавших, совместно с английским флотом в Немецком море. Это были эскадры: вице-адмирала Ханыкова, крейсировавшая у берегов Готландии /и немедленно вернув-

шаяся в Балтику/ и контр-адмирала Макарова /9 линейных корабля и 3 фрегата/, несшая блокадную службу у берегов Голландии, или, - как она была переименована захватившими ее французами, - "Батавской республики".
Отозвание этой эскадры вызвало в Англии удручающее впечатление в силу того критического положения, в котором она находилась в этот момент. Вынужденная считаться с возрастающей активностью французского флота, усиленного флотом новой республики, и возможностью попыток перенести войну на английскую территорию, Англия оказывалась накануне потери своего главного оплота, своей гордости, - военного флота.

В самом деле, занесенное из Франции - через Голландию - революционное брожение проникало в народные массы и начинало - особенно во флоте - принимать угрожающий характер. Не было никакого сомнения, что французское республиканское правительство, прекрасно осведомленное об успешной работе своих эмиссаров, не упустит случая нанести смертельный удар ненавистной ему Англии - этому "оплоту и гнезду контр-революции"...

Немедленно же по получении нашей декларации, к нашему послу, графу Воронцову, явился стате-секретарь по иностранным делам, лорд Гренвиль, и в самых горячих выражениях принялся убеждать его, добиться - хотя бы и временной - отмены распоряжения об отозвании эскадры Макарова. Насколько тяжело было положение, можно судить по тому, что оно вырвало у сдержанного и самолюбивого англичанина такие слова: "Одна Россия оставалась союзницей несчастной Англии, а теперь и она ее покидает ..."

Возражение посла, что наши шесть вымпелов представляют собою каплю в море по сравнению с их многочисленным флотом, вызвало отчаянный ответ Гренвиля: "Вы ошибаетесь, - всякие силы, велики-ли или малы они, нужны, и нужны сейчас более, чем во всякое другое время"...

Лорд Гренвиль был, конечно, в курсе угрожающих явлений и знал о глухом брожении во флоте, но едва ли сам подозревал, насколько его слова окажутся пророческими.

В разгаре восстания, когда взбунтовавшийся флот блокировал Лондон, в распоряжении английского командования на "домашнем" театре /наиболее стойкая и сплававшаяся часть флота - эскадра Нельсона - была далеко, в Средиземном море/ оставалось д в а корабля, находившихся у голландских берегов и не захваченных заразой революции, иначе говоря, русская эскадра в т р и р а з а превышала в е с ь лояльный английский флот.

А тут, как мы уже указывали, надо было считаться с возможным выходом всего батавского флота /14 вымпелов первой линии/ на соединение с, может быть, уже вышедшим из Бреста французским флотом, залечившим свои раны после разгрома 1-го прериаля II-го года /19 мая 1794 г./.

М.КУББ

/ Окончание следует /

Посвящается Обще-Кадетскому Объединению.

Во имя юности своей,
Союз мы создаем
Из верных прошлому друзей
Со всех концов зовем.

У всех нас общее одно
В сердцах - один завет -
Меж нами вечное звено
Сковал, резвясь, КАДЕТ.

Кадет А. Коровай-Ситницк

Светлой памяти дорогого Бориса Дмитриевича Триходкина благодарно посвящаю.
П.Т.

Я позволил себе посвятить эти строки дорогому моему учителю-другу Борису Дмитриевичу Триходкину, помня как он всегда интересовался находками чего-либо, касающегося Кадетских Корпусов и Военных Училищ, и как искренне радовался, если ему удавалось пополнить свой музей медалью, жетоном или знаком, хотя бы даже в рисунке с точным описанием.

Прежде, чем говорить о двух памятных "кадетских" медалях, нужно напомнить, хотя бы вкратце, историю возникновения двух наших славных Кадетских Корпусов - Орловского Бахтина и Воронежского Великого Князя Михаила Павловича.

В 1834 году был составлен проэкт учреждения для сводных губерний Российской Империи Кадетского Корпуса в г. Туле, где уже существовало Дворянское Военно-Учебное заведение, основанное при Императоре Александре Первом. Это предположение было отменено в виду пожертвования в 1835 году полковником Михаилом Петровичем БАХТИНЫМ полутора миллиона рублей и крупного имения на устройство в г. Орле Кадетского Корпуса.

Принимая этот дар, Император Николай I, соизволил на учреждение в Орле Кадетского Корпуса, повелев именовать его "Орловским БАХТИНА Кадетским Корпусом". Для постройки Корпуса был куплен обширный участок городской земли, и в августе 1837 года состоялась закладка здания в присутствии Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Николаевича.

В мае 1843 года Высочайше повелено об учреждении Орловского БАХТИНА Кадетского Корпуса и об открытии его 6-го ноября 1843 года.

В 1864 году Корпус был преобразован в Военную Г...

назию, а в I882 году опять переименован в Орловский БАХТИНА Кадетский Корпус.

Что касается истории возникновения другого интересующего нас Корпуса, то первоначально было предположено открыть Корпус в Тамбове, но эта мысль была отклонена после того, как в I834 году Воронежское дворянство представило проэкт об учреждении Кадетского Корпуса в Воронеже, с предложением сверх ранее собранной суммы, пожертвовать еще 533.000 рублей на устройство Корпуса.

За такое благонамеренное желание к пользам общественным, Дворянству Воронежской губернии тогда же было изъявлено Монаршее Благоволение.

В апреле I836 года Воронежский помещик, отставной генерал-майор Николай Дмитриевич ЧЕРТКОВ, "желая, по возможности сил от него зависящих, быть сопричастным к военному образованию дворянства, принес на алтарь Отечества один миллион рублей и 2.000 душ крестьян в пользу Воронежского Кадетского Корпуса".

Приняв пожертвование Н.Д.Черткова, Император Николай I повелел принять Черткова на службу генерал-майором, с назначением впоследствии Директором Воронежского Кадетского Корпуса.

Согласно ходатайству Н.Д. Черткова, в июне I836 года Корпусу повелено называться "Михайловским Воронежским Кадетским Корпусом", в честь Великого Князя Михаила Павловича.

8 ноября I845 года Корпус был открыт, и на должность Директора, по просьбе Н.Д.Черткова, был назначен Воронежский дворянин Полковник А.П. Вентулов, а Черткову было предоставлено почетное звание Попечителя Корпуса.

В I865 году Корпус был преобразован в Военную Гимназию, а в I882 году обратно в Кадетский Корпус. I3 февраля I90I года Корпус назван: Воронежский Великого Князя Михаила Павловича Кадетский Корпус.

В честь обоих щедрых жертвователей М.П. Бахтина

и Н.Д. Черткова, оказавших столь исключительную по - мощь делу военного воспитания и образования, были выбиты памятные медали, с надписью: ЗА БЛАГОТВОРЕНИЕ ЮНОШЕСТВУ.

1. На лицевой стороне медали в честь М.П.Бахтина помещен его портрет в мундире генерал-маиора, в эполетах, со звездою св. Владимира на груди и Владимирским крестом на шее. Над портретом генерала, по верху медали, дуговая надпись: "МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ БАХТИН". Все это заключено в сплошной дубовый венок, перевязанный вверху и внизу лентами и лежащий по обрезу медали. Под правым эполетом - подпись гравера:" Н.ГУБЕ FECIT".

2. На лицевой стороне медали в честь Н.Д.Черткова также помещен его портрет, в мундире генерал-маиора, в эполетах, со звездою св. Владимира на груди,Владимирским крестом на шее и Анненским за бортом мундира, медалями: за взятие Парижа 1814, за Турецкую войну 1829, за взятие Варшавы 1831, крестом Виртути Милитари 1831 и иностранным крестом. На груди генерала кроме того - знак отличия беспорочной службы и ниже звезды - большой малтийский крест. Над портретом дуговая надпись: "НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ ЧЕРТКОВ". Все это заключено в сплошной дубовый венок, перевитый вверху и внизу лентами и лежащий по обрезу медали. Под правым эполетом - подпись гравера: "ЛЯЛИН".

Оборотная сторона обеих медалей совершенно одинакова - в середине круга надпись и дата, в четырех строках: "ЗА - БЛАГОТВОРЕНИЕ - ЮНОШЕСТВУ - 1836". Надпись окружена лентой ордена св. Владимира, перевитой двумя дубовыми ветьвями, к ленте прикреплен знак ордена - Владимирский крест. Внизу, по обрезу подпись гравера: "ЗАБУРОВ РЕЗАЛ".

Медали одного размера, 71 см. в диаметре; обе исключительно хороши, удивительно тонкой прекрасной работы, позволяющей даже прочесть орденский девиз на звезде св. Владимира - "польза, честь и слава", разобрать назначение всех медалей в колодке и видеть характерные николаевские орлы на пуговицах мундиров. Портреты генералов исполнены превосходно и, вообще, можно сказать, что эти медали безукоризнены во всех отно

шениях.

Императорская Россия ценила подобные заслуги своих сынов, увековечивая им имена для потомства памятными медалями. Сейчас нет не только Императорской России но и самое имя - Россия, заменено какими-то буквами... Мы же, в изгнании, к великому прискорбию, не обладаем ни средствами, ни возможностями выбить медаль в память Бориса Дмитриевича Приходкина, без сомнения заслужившего ее, наравне, если не более, чем Бахтин и Чертков. Ведь эти два русские патриота давали от своих избытков, тогда как он посвятил всю свою жизнь на чужбине горячо любимым, воспитавшим его Военно-Учебным заведениям, жертвенно отдавая этой работе свои весьма скудные средства и досуги, а главное свое пылкое, горячее сердце и свою чудную душу, ничего не требуя и не ожидая никакой награды.

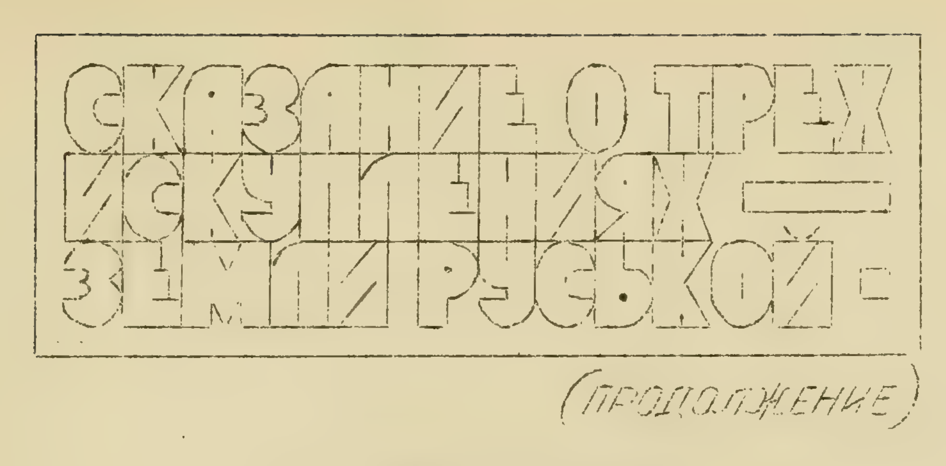
П. ПАШКОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ

Почти одновременно с присылкой нашим дорогим сотрудником Павлом Васильевичем Пашковым этой статьи, в Музей "РОДНОЙ КОРПУС" имени Б.Д.Приходкина поступило интересное пожертвование, как бы иллюстрирующее содержание оной.

Член Правления Общества любителей Русской Военной Старины, Александр Александрович Стахович пожертвовал три гипсовых слепка с медалей, выбитых в память Бахтина и Черткова.

Благодаря этому прекрасному подарку, память о двух великих Российских патриотах, так много сделавших для распространении на нашей Родине военного образования и воспитания, сохранится не только в сердцах и душах кадетских, но и в стенах нашего общего кадетского музея.



(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ИСКУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

VI

ПОТЕРЯ ВРЕМЕНИ СМЕРТИ
НЕВОЗВРАТНОЙ ПОДОБНА ...

Ни новшеств не ища, ни суетного глянца,
Едва ли осознав минувшей смуты суть,
Управясь кое-как с наследьем самозванца,
Свернула Русь назад, на свой Московский путь.

Сокрытый во дворце, напаренном что баня, -
Зевая и крестясь, - как извеку и встарь, -
Боярской вверившись опеке и охране,
Затворником дремал Великий Государь.

Брадатые весьма и чванные сугубо,
Упорно глядя вспять, рассудку вопреки,
Бояре да князья надменно прели в шубах,
А правили Землей ярыжки да дьяки.

Прадедовский уклад любезен для кого хоть
И хоть кому милы спокойствие и лень.
Однако стал народ опять чего то охать
И часто поминать какой-то Юрьев день.

И прежнею тропой, - кровавой и тяжелой,
Свершая к Китежу свой долгий, крестный путь,
Русь побрела опять, - в надежде на Миколу,
В расчете на авось, небось да как-нибудь.

И очень может быть: на радость всей Европе,
Которой Русский дух никак не по нутру,
Сидеть бы нам поднесь в Московской нашей топи,
Когда бы не прийти Великому Петру.

VII

"Не мир принес я миру, но меч"

Спит подворье Грозного Владыки.
Озаренное сиянием лампад
Из окладов праведные лики
Вглубь покоев дремлющих глядят.

Скорбен взор Угодников Христовых:
Видно новых ряд ударов и невзгод,
Новых унижений и обманов новых
На путях грядущих Русь Святую ждет.

Но молчат в окладах горестные лики,
Глух и сладкосонен предрассветный час.
Лишь Святейший Никон, Патриарх Великий,
Бдит в опочивальне, не смыкая глаз.

Бьет перед Распятьем тяжкие поклоны,
Молится и плачет о Земле родной,
И лобзает жарко древние иконы
И кропит оклады слезною росой.

Давят мозг Владыки тяжкие сомненья
Мнится будто гневен на иконе Лик. -
"Господи, за что же? Или преступленьем
"Было исправленье рукописных книг?

"Господи очисти! Так мрачна дорога.
"Так на сердце смутно от бесплодных дум,
"Или крест трехперстный неугоден Богу? ...
"Или прав безумный старый Аввакум? ...

"Господи, Ты видишь, - я душой неробок.
"Я борюсь за Церковь, не жалея сил.
"Тяжелей Короны Патриарший Клобук,
"Голову заботой вечной придавил.

"Господи, Ты знаешь, горько мне и тяжко!
"Каждый новый грозный - вынужден Указ.
"Как могу я, Спасе, сделать им поблажку
"Чтобы Свет Владычный в Церкви не угас?

"Господи. Пошли же мир отчизне милой!
"Дай слепцам безумным Правду обрести!
"Господи очисти! Господи помилуй!
"Господи, наставь, к Твоему пути".

Бьет поклоны тяжко праведный Владыка,
Молится и плачет за Святую Русь
И глядит с иконы, с лаской великой
В сердце Патриарху скорбный Иисус.

Да, стремится к благу Патриарх для Церкви,
Но сначала Правды не посмел принять -
Что Христова Вера в грешниках померкнет,
Если заушеньем в Храм их загонять.

Что не нужны Богу человечьи стоны,
Что противен Богу всякий звон оков,
Что умерший с Верой за свои законы
Еретик казненный - мученик Христов.

А когда он понял - было слишком поздно:
Страсти разгорелись, взбунтовалась плоть ...
Только волей твердой, только силой грозной
Можно стало смуту в Церкви побороть.

И объят сомнений смертною тоскою
Чтоб в среде пасомых прекратить раздор,
Никон стал бороться с ересью - дыбою,
Гнать раскол в застенки, в ссылку, на костер.

Испятнав свой клобук, праведною кровью,
Верным стал скверное, чем последний парх -
Не вотще ночами, ложа изголовье
Орошал слезами грозный Патриарх.

VIII

"САРЫНЬ НА КИЧКУ"

Да и времячко ж настало разудалое!
Да и парни ж подобрались молодецкие!

По Поволжью кровушки льются реки алые,
Полыхают полымем слободы стрелецкие.

Плачут дети барские, мамушки да женушки:
Знать беда с богатыми приключилась новая,
Что волна бурливая со своей сторонушки
Вверх по Волге катится вольница низовая.

Грабит монастырские камни самоцветные,
Жжет усадьбы барские, не щадя - не милуя.
Мучает да вешает с думушкой заветною
Вырезать боярщину, из-веку постылую.

"Будя вам, владычники! ... Напилися кровушки!
"Больно разохотились, толстосумы вражии.
"Ну ка сестры барские, женушки да вдовушки,
"Холопов принимайте ка на постель лебяжью.

"Ну бояре гордые! ... Ну купцы кичливые! ...
"Шире растворяйте ка ворота кленовые.
"Принимайте с лаской вольницу гульливую,
"Вольницу гульливую, вольницу низовую.

"Завтра, чать, и сами мы станемся боярами,
"Нам пути-дороженьки Богом не заказаны,
"По Москвы докатимся смертью и пожарами,
"На престол мы выкатим атамана Разина!

"Все законы Царские перебелим наново,
"Уж трахнем же Матушкой - ахнет колокольная ...
"Всем холопьям даруем волюшку Степанову -
"Не нужны казачеству братья подневольные."

Пенят воду веслами струги крутоберые,
Грабит жжет насилует голытьба кабацкая.
Эх, да уж и времячко ж наступило доброе:
Вволюшку натешилась душенька бурлацкая.

Вволю позабавились парни бесшабашные,
Дочками боярскими - ноченькою длинною.
Атаманы лютые, лиходеи страшные
Вволюшку напилися кровушкой невинною.

IX

"ЦАРЬ-ДЕВИЦА С ДУШОЮ
ЗМЕИНОЮ".

Гудит, поет над Москвой набат,
Объятый безумьем крамольных чар,
Московский народ и стар и млад -
Громит хоромы своих бояр.

Пылают усадьбы и там и тут ...
От топота ног дрожит земля
И толпы народа к Кремлю бегут
И воет толпа в стенах Кремля.

Пронесся Москвою тревожный слух,
Что братья Царицы, забывши честь,
Посредством зелий и злых наук
Царя Ивана хотят известь.

И в ярости страшный восстал народ.
Пощады изменникам мнимым нет.
Пусть гибнут сгубившие царский плод.
Пусть Богу немедля дадут ответ.

Палаты их тонут в огне и дыму.
Народ озверелый от крови пьян.
А в сестрином тихо сидит терему
И жив и здрав - Государь Иван.

Довольна Софья: Нарышкиным мат.
Недаром пущена злая ложь. -
Гудит, поет над Москвой набат.
Идет резня и лихой грабеж.

X

"А О ПЕТРЕ ВЕДАЙТЕ, ЧТО СМЕРТЬ
ЕМУ НЕ СТРАШНА...БЫЛА БЫ ЖИ-
ВА РОССИЯ ВО СЛАВЕ И БЛАГО-
ДЕНСТВИИ".

"Кайтесь, чада, настало последнее время
И секира при корени древа лежит:
"На Престоле не древнее Царское семя,
"Но пришедший от немца Антихрист сидит.

"Он не храмам святым, а костелам радеет,
"С иноземцами пляшет, и курит, и пьет,
"Носит куцый кафтанишко, бороду бреет...
"Не с Царицей - с зазорною девкой живет.

"Ведь Царя то Петра извели на чужбине -
"Ин недаром, Вернувшийся спрятал жену
"И прислали - да наши повергнет святыни,
"Облеченного в Царский наряд Сатану.

"Кайтесь, чада! Спешите бежать искушенья!
"Торопитесь бесовские козни бороть!
"И во имя Исусово, ради спасенья
"Очищайте огнем многогрешную плоть.

И везде - возле Пскова, вдоль Бычи и Камы
По скитам староверов стучат топоры:
Воздвигают сожженцы бревенчатые храмы
И в тех храмах, запершись, возжигают костры.

Гибнут древние старцы, гибнут дети и жены.
Пламя ревет и свищет, пламя палит и жжет,
Пожирает святые образа и иконы,
Помирает святой, богоносный народ.

В деревнях от постов стонают крестьяне,
В городах - непрестанные казни идут.
И везде, под немолкнущий треск барабанов
Плачет, силою взятый на службу, рекрут.

Что ни день - все грознее Царевы веленья,
Что ни день - все в России мрачней и страшней
И над всею землею стоит привиденьем
Убиенный Петром - Алексей.

- " -

Се так. - Рождаясь к жизни новой
И скорбью душу опаля,
Под тяжкой поступью Петровой,
Стонала Русская Земля.

В Царевой истине изверясь,
Все то, в ком крепок был закал,
Кляня Цареву злую ересь,
На Царских плахах умирал.

И знать, и пахари, и дворня,
И городской, и сельский люд,
Насильно сорванные с корня,
На непривычный гнались труд.

И на костях всего народа
Из недр Российской нищеты
Росли фортеции, заводы,
Казармы, верфи и мосты.

Вся Русь, в трудах изнемогая,
И разоренная до тла,
Гатила гати, била сваи
И службу Царскую кляла.

- : -

Се так. - Но аще б не был Петр.
Державным взмахом крыл
Наш Орл, прозревши встречный ветр,
Еще б не воспарил.

От хладных хлябей, блат и скал,
Из мрака тундр и пург
Поднесь еще б не воссиял
Наш град Санкт-Питербурх.

Се Он - наш шкипер и монарх,
Грядущее прозря,
Державы нашей вывел барк
В широкие моря.

Се Им разбужен спавший Росс
И славы возалкал.
Се Он Отечество вознес
На твердый пье-де-стал.

Се от Его богатырей,
Надменный свейский ярл
В дыму Полтавских батарей
Бежал разбитый Карл.

Се Он - под градом вражьих ядр,
Над пеной вражьих вод,
В разгромах вражеских эскадр
Зачал Российский Флот.

Чтоб с оных пор, на всех морях,
Врагам Руси в ущерб,
Плескал в ветрах Андреев Стяг,
Сверкал орлений герб.

Петром воздвигнут Русский щит,
Фортеций грозных ряд,
Введен гражданский альфа-бит
И учрежден Сенат.

" - "

Что ни возьми, куда ни глянь,
О чем ни расспроси -
Везде видна Петрова длань
В величии Руси.

И сколь бы ни был тяжек Трон
И страшен Царский Суд,
И сколь бы ни был изможден
Петром Российский люд,

И сколь бы Русской крови рек
Не стоил сей досмотр, -
Хвала и честь из века в век
Тебе, Великий Петр.

/продолжение следует/

Н.М.
1921 г.

Каргалá

(Окончание)

Вечером нам привозят раненого. Это Миша Пискунов шестого класса. Убит семиклассник Михаил Кулагин. Убит в цепи, пулей в грудь. Наш фельдшер омывает его в мертвецкой, рядом с часовней. Тело оттаивает, делается снова гибким. Из рваной раны в груди выходит кровавая пена. "Пробито легкое", - говорит фельдшер,-"ну и замерз, потом в снегу." Но все равно, "рана смертельная", утешает он кадет. Бедный Миша Кулагин. Тонкий и нежный, как девочка. Шестнадцать лет.

Хоронили его 14-го, на Военном кладбище с исключительной торжественностью. Нужно пройти через весь город и почти целиком, главную улицу. Первая рота со своими новенькими трехлинейками. На взводах кадеты,т.к. из воспитателей в строю один полковник Рацуль. Директор и остальные только присутствуют. Медленная процессия огибает генерал-бугернаторский дворец, выходит на Николаевскую улицу. Оркестр играет "Не бил барабан ... Марша Шопена разучить не успели. В этот день весь город на улицах. Люди стоят шпалерами. Молчат. Слава Богу нет хоть враждебных выкриков. То ли боятся винтовок, то ли просто стыдно еще. Ведь гражданская война только начинается здесь, на далекой туркестанской границе. На кладбище речи. Какой-то штатский в пенсне говорит, что Миша Кулагин погиб за Родину и - (он здесь поколебался) ... и за ... революцию. Мы молчали только потому, что были в строю. Три залпа. Первые три залпа Неплюевской кадетской роты, которая родилась здесь, сейчас, у свежей могилы Михаила Кулагина. Усталые и озябшие, но все же равняясь и печатая шаг, возвращаемся в корпус. Сегодня белые отряды отошли к станции Каргалá, что только в двадцати пяти верстах от города. На юго-востоке, красные в Илецкой Защите.

Пятнадцатого утром, вся рота собирается в одном из классов. Пришел сын нашего историка, прапорщик Хрусталев. Он прошлогоднего 89 выпуска и недавно окончил Павловское Училище. Восемнадцать лет. "Ребята,если мы не поможем, завтра большевики будут в Оренбурге На фронте двести человек. Вас просит командир Добро-

вольческого батальона, через меня. Я и Миллер - ко - мандуем ротами.-"Миллер того же 39 выпуска, но он еще не офицер, так как он Николаевского Училища, а не Павловского, где курс длиннее. Эти два училища наши традиционные, в особенности Николаевское, в сотню которого шло много наших кадет. Он тут же в кавалерийской шинели и алой бескозырке.

"Не ставьте "Отца" в неудобное положение. Не уходите целой ротой и строем." - продолжает Хрусталев- "нужно быть самое позднее через два часа в казармах Запасного полка, около вокзала."

Менее, чем через час, мы были все в сборе. Мне пришлось воевать с Озбашевым, - мне не было пятнадцати лет. Но, ведь я был в Первой роте, на самом законном основании, в чей четвертый взвод - такой же строевой, как и первый. Нас спешно одели. Ватные куртки и штаны, бараньи полушубки, валенки, папахи. До вокзала шли в кадетских фуражках. Первый раз запели ротой, уже дошедшую до Оренбурга песню:

"Смело мы в бой пойдем
"За Русь Святую ...

Был солнечный, морозный день пятнадцатого января восемнадцатого года, один из последних дней белого Оренбурга. Об этом мы даже не думали. Не могло не быть чтобы мы, с нашими старшими друзьями юнкерами не отбросили банды Кобозева обратно к Самаре. А там Корнилов и Алексеев двинутся с Дона и разгонят большевиков.

До Каргалы ехали час в отопленных и хорошо оборудованных теплушках.

Вот она Каргалла, маленькая станция в Оренбургской степи. Здесь когда то бродили шайки Пугачева и проходили на рысях гусары Михельсона. Кругом белая, бесконечная степь. Далеко, в стороне большевиков, вправо от одноколейной железнодорожной линии, - дымки большой деревни. Это Поповка и в ней - большевики. Дымок на линии их эшелон, а может быть бронированная площадка, такая же как и наша, что стоит на путях. На станции сотня казачьих юнкеров и рота две юнкеровских

добровольцев.

Эсеровские добровольцы / они ходят без погон и называют себя отрядами Учредительного Собрания/ величают друг друга - "товарищами". Пытаются так величать и нас. Дело чуть не доходит до драки, а связиста из штабного вагона выкидывают из купэ. Даже не мы, а дежурный офицер, бывший кадет 2-го корпуса. Их офицеры, они в погонах, приходят с извинениями. Слово "товарищ" у них было будто бы в обращении всегда - и употребляют его они не в политическом, а в "обиходном" смысле.

Славно поели жирного солдатского кулеша и,как настоящим солдатам, нам выдали по полстакана водки. Вечером, в двух вагонах, кадетскую роту передвинули к железнодорожной будке, в двух верстах от станции.

Сменяем в заставе - офицерскую роту. Застава в полуверсте от будки, в снеговых окопах, по обеим сторонам железнодорожного полотна. Там, на всю ночь, остается одно отделение. Спим в большой землянке,- рабочих казармах, на нарах. Печь больше дымит, чем греет. На дворе градусов двадцать мороза. Каково должно быть нашим в заставе. Холодные консервы. Промерзший хлеб. Под утро, Хрусталев сменяет в заставе Миллера с его отделением. Приходят замерзшие, но бодрые. У большевиков все тихо, только где то очень далеко слышны паровозные гудки. Должно быть, в самом Сырте - верст 10 или 12 впереди. В Половке, что почти на фланге заставы, только лают собаки. С этой стороны позицию защищает глубокий снег.

Утро шестнадцатого января. День обещает быть таким же солнечным и морозным, как вчера. Греем чай на плохо горящей печке. Слава Богу, оттаял хлеб. Первое отделение третьего взвода готовится итти в заставу, в подкрепление. На Оренбургском фронте воюют только днем.

Было часов девять утра, когда, со стороны заставы, послышалась частая ружейная стрельба и, почти сразу, разорвался первый снаряд. Вошел в дело, приданный нам пулемет.

- Ведите всю вашу роту, прапорщик, - распорядился капитан - начальник участка - Вы, на Каргалу, бегом с донесением - повернулся он ко мне.

Трудно бежать, в тяжелых валенках, по шпалам. Станционные здания, с дымками паровозов на путях, никак не хотят приближаться. А сзади - бой разгорается и мне видно с полотна, как ложатся, совсем близко от нашей будки, снаряды.

Из Поповки показалась стрелковая цепь. Черные муравьи на белом фоне. Отсюда, за две версты, кажется, что они не двигаются. Их цель, повидимому, обойти нашу позицию справа. С Каргалы их цепь конечно видят и, вот красивым барашком рвется первая шрапнель нашей бронированной площадки. От меня, с высокой насыпи полотна, все видно, как на ладони. Сзади, где железнодорожный, прямой как стрела путь исчезает в белой дали - тоже дымки и темнеет большевицкий бронепоезд.

На станции добровольческие роты уже грузятся и юнкера седлают коней. Они постараются обойти красных на нашем левом фланге, но - снег их остановит ...

Паровоз, прицепленный сзади, толкает пять теплушек с добровольцами. Я примостился на подножке паровоза. Холодно, светло, весело и жутко. Там, в стороне Сырта, перестрелка принимает характер настоящего огневого боя. Пули уже посвистывают около будки, у которой разгружаются добровольцы. Одна из их рот разворачивается полоборотом направо против цепи, вышедшей из Поповки и медленно начинает продвижение, утопая в глубоком снегу.

Наших нет никого. Даже дневального около наших вещевых мешков. Дневальный /это мой одноклассник - Томожиров/ сбежал "на фронт", "фронт" был в полуверсте и идти на "фронт" можно было только по полотну железной дороги.

- Идите осторожно,- напутствовал меня начальник участка - ниже полотна, если сможете.

Но ниже полотна лежал глубокий снег, с подмерзшей корочкой, дающей ему обманчиво солидный вид. Тра-

три раза я проваливался по пояс и, в конце концов, взобрался на насыпь. Я, как то не сразу сообразил, что, то, что свистит и мяукает в воздухе или со стеклянным звоном бьет по рельсам - это и есть пули, которые убивают людей. Но, и поняв это, я до первой крови, не мог вообразить, что они могут убить или ранить. Потом я много слышал и пуль и снарядов и знал, что значит их жужжание и мяуканье и относился к ним, как относятся все: боялся и старался, по мере возможности, не показывать, что я боюсь. Удавалось это конечно "по разному", но в это утро, шестнадцатого января восемнадцатого года, я спокойно шел по железнодорожному полотну Самаро-Ташкентской железной дороги, под жестоким ружейным и пулеметным обстрелом.

Вот, наконец, вправо от полотна, перпендикулярно к нему вырытый в снегу окоп. Красно-черные фуражки - Неплюевская рота. Солнце заливает окоп, повернутый на юго-восток своим профилем. Над ними свистят те-же пули, которые свистели только что на насыпи. Кадеты сидят, покуривая, выданную вчера, махорку. Винтовки прислонены к брустверу. В амбразуре - пулемет. Мы не стреляем. Впереди, шагах в восьмистах перед нами лежит "их" цепь. Все в черном, должно быть матросы. Это мне рассказывают, т.к. цепи почти не видно: она зарылась в снег. Когда матросы поднимаются и пытаются сделать перебежку, Хрусталев поднимает роту и дает два-три залпа. Говорят, что успех потрясающий, и цепь зарывается снова. Конечно, сильно помогает пулемет. Все же они продвинулись шагов на пятьсот, но, как объясняет Хрусталев, нужно было их подпустить поближе, для большей меткости огня.

Справа, у Поповки, большевицкая цепь отходит, а добровольцы приближаются к деревне.

Красный бронепоезд пытается нащупать нас из своей пушки. Но им также нас не видно, как и мы не видим их цепи. Только головы, когда стреляем залпами. Уже за полдень. Едим мерзлый хлеб и вкусные, мясные консервы под свист пуль и, иногда близкие, разрывы снарядов.

Вот, по насыпи прошла наша броневая площадка, привлекая на себя огонь красной артиллерии. Целая очередь падает совсем близко от окопа, засыпая нас снегом. К

счастью, снаряды "глохнут" в снегу и не дают осколков.

Бой оживляется. Все чаще и чаще поднимает Хрусталев свою роту к брустверу. За красной цепью, вне достижимости ружейного огня, останавливается эшелон. Виден, как на ладони, паровоз и красные вагоны, из которых высыпаются люди и двигаются, густыми цепями, на поддержку матросов.

Матросы снова поднялись и идут перебежками. Между залпами, "беглый огонь" - командует прапорщик Хрусталев - "Миллер ранен"-кричат с правого фланга. Наш тонный юнкер идет вдоль окопа, побледневший и со стиснутыми зубами, поддерживая левой рукой - правую, которую заливает кровь. Кровь на снегу окопа и на бруствере. Вот она, первая кровь. Для Челпюевского корпуса, увы, она не первая.

Почти сразу, после ранения Миллера, убит пулей в лоб один из офицеров пулеметчиков.

"Рота ... пли. Рота ... пли" - командует Хрусталев. "Веселей, ребята, веселей". - Он боится, что этот первый в кадетском окопе убитый плохо подействует на его молодых солдат.

"Рота ... пли. Беглый огонь". Матросы не просто останавливаются, а убегают. "Рота ... пли" - винтовки накаляются. "Уррра ... Рота ... пли".

Пули продолжают петь над окопами, но уже не в таком количестве и не такие меткие.

Вот капитан, начальник боевого участка, спокойный, молодой еще, офицер. "Славно, однокашники, славно. Я сам Воронежец. Приятно за своих." Оказывается, мы только что отбили сильную атаку. Снег нам, конечно, помог, но и без снега мы ее отбили бы, - только несколько лишних раз скомандовал бы прапорщик Хрусталев: "Рота ... Пли", да сильнее бы кричали "ура".

Еще несколько раз пытаются подниматься красные цепи, но - почти немедленно - зарываются в снег.

Короткий зимний день на склоне. Синие тени ложат-

ся в окоп и холод начинает пронизывать до костей. С той стороны, красные начинают грузиться в эшелоны. "Едут опять в Сырт" - шутят знатоки "железнодорож - ной" войны. Мы тоже скоро на Каргаллу.

Нас оттягивают к будке еще засветло. Редкие, уже пули свистят над полотном. Идем гуськом, поддержи - вая дистанцию, шагов в пятнадцать. Это, пожалуй, са- мый жуткий момент за сегодняшний день. Ранен в мя - коть ноги - Доможиров. Упал на шпалы и пытается под - няться. Его ведут под руки два кадета. Ранен в ще - ку Мишка Дубровский. И он и Доможиров моего первого отделения Пятого класса. На этом кончаются наши по- тери. В строевой роте Неплюевского корпуса, за день три легко раненых. Это свои. Убит прапорщик-пулемет- чик. Все атаки отбиты, и, судя по поведению красных цепей, потери с той стороны несоизмеримо больше.

У железнодорожной будки нас ждет для смены офи- церская рота. Сейчас она пошлет заставу в наш славный снеговой окоп, заваленный пустыми гильзами и политый кровью.

Снова теплушки и Каргалла. Только теперь, вече- ром, чувствуется насколько мы устали. Что то наспех едим и ложимся в повалку вокруг пылающей печки. Сви- репый ночной мороз проникает в теплушку. Тепло толь- ко у печки. Не помогают ни полушубки, ни валенки. Но- чью, наши вагоны катают по путям. Все время гремят буфера и толчки мешают спать. Просыпаемся утром в Оренбурге. В чем дело. На отдых. После одного дня. Не может быть. Должно быть генерал Пузанов настоял на нашем возвращении в корпус.

Строимся, чтобы идти в казармы Запасного полка. Третьего дня мы выглядели очень красочно в новень- ких желтых полушубках. Плохо отделанная кожа не выдер- жала снега и жара раскаленной печки. Полушубки поко- робились и почернели. Лица, усталые от двух полубес- сонных ночей и двух дней на жестоком морозе.

Снова запели: ... смело мы в бой пойдем ...Толь- ко в казармах, когда мы пили чай из жестяных солдат- ских кружек, обжигая с непривычки пальцы и губы, Хру- сталев сообщил нам ошеломляющую новость: Атаман Ду- тов решил оставить город. Большевики уже должно быть

в Каргалле, которую белые оставили еще ночью, по приказу из Оренбурга. Со стороны Туркестана - красные у ворот города. Сил нет. Всего, считая офицеров, юнкеров, эсеровских добровольцев и нас кадет, у Дутова не более полуторы тысячи человек. Это на два фронта и для поддерживания порядка, в глухо волнующемся городе. Атаман уходит с казачьими отрядами и юнкерами на северо-восток, к Верхне-Уральску, чтобы оттуда организовать новую борьбу. Добровольческие отряды отходят в Уральскую область, где власть еще в руках атамана.

Сегодня вечером город будет оставлен и завтра большевики в него войдут.

"Кто куда, ребята." - Сам Хрусталев и раненый Миллер идут в Уральскую область. Часть оренбуржцев решает идти с атаманом, местные остаются в городе. Человек сорок иногородних идут с Хрусталевым и Миллером, в том числе брат и я.

Я пошел в корпус, взять кое-что из вещей, - не доходя встретил полковника Азарьева. Старый полковник спешил в казарму, задыхаясь от астмы. Не дал мне стать во фронт. Я знал, что ему нужно: - "Убитых нет, господин полковник. Только три раненых." - "Кто. Тяжело." - Я успокоил старика, и он также быстро продолжал свой путь к казармам. Корпус пустой и осиротелый. Не видно даже младших кадет. Их наверное не выпускают из рот. Мы уйдем, а завтра придут большевики, и некуда спрятать полтораста мальчиков, что остались в стенах корпуса. Может быть поэтому наши ротные командиры только молча нас благословили. Завтра они снимут погоны, которые мы не сняли, и будут унижаться перед людьми Кобозова, чтобы спасти этих полтораста детей. Ведь не вести же их к Уральску, по голой степи и двадцатиградусному оренбургскому морозу. Остается распустить старших и взять на себя ответственность за караулы в Училище, за Сырт, за торжественные похороны Кулагина и за вчерашний бой.

В первой роте ни души. Даже Пискунов уехал куда-то на извозчике из лазарета. В последний раз вижу свой класс. В парте еще остатки позавчерашней булки, на стене снова повешаны, найденные на чердаке портре-

ты Императорской Фамилии.

Мрачный дядька второй роты, которого все, с незапамятных времен зовут "Паном", брюзжит под нос. Он очень стар и не совсем понимает, что происходит. - "Что это за манера, в классах спать. Никогда этого не было. Давно уже уроки начаться должны. Ведь вот уже семнадцатое января. - Дисциплины нет. Да, что с вами говорить. Вы - первая рота, скоро в офицеры, нас стариков не слушаете." - У него рукав в золотых шевронах, на носу трясутся очки. "Прощай, пан". В пятнадцать лет не верится, что я больше никогда не увижу Оренбурга и не войду в свое отделение. Все кажется еще очень простым и разрешимым. Через две недели Корнилов их прогонит и нам пришлют телеграммы на дом. А сейчас нужно спешить к Корнилову, пока не поздно.

Из Уральска в Саратов. Там нет моста и поезд грузится на "Ферри-бот". Это страшно интересно, совсем как в Японскую войну, когда не существовало Кругобайкальской дороги. Из Саратова в Балашов, оттуда в Лиски. Здесь начинает щемить сердце - от Лисок уже одинаково близко и к дому и к Корнилову.

Ну, увидим, что делать в Лисках.

Прощай, Пан, досвиданья первое отделение пятого класса. Жаль, что нет никого из воспитателей, чтобы рассказать про Каргаллу.

Снова казарма Запасного полка, Хрусталев и знакомые, ставшие родными за долгие годы, лица.

Деятельно готовимся к выступлению. Опять новые полушубки. Учат накручивать солдатские портянки. Трудно и занятно. - Взять с собой валенки и рукавицы, - идем ночными переходами. Не отставать - в степи много волков. Волки страшнее большевиков. Должно быть из за нянюшкиных рассказов. А большевиков мы видели вчера. Черные прыгающие фигурки на белом снегу - "Рота ... пли" и фигурки падают на снег. Смешно и не страшно. А волки едят коз и маленьких детей, а когда их много, нападают даже на взрослых, таких как мы. Так написано в "Детях Капитана Гранта" и в "Сибироч-

ке" Чарской. Можно не успеть вложить новую обойму в "Каргаллинскую" трехлинейку. Ведь на морозе пальцы плохо погинуются, а волки не ждут.

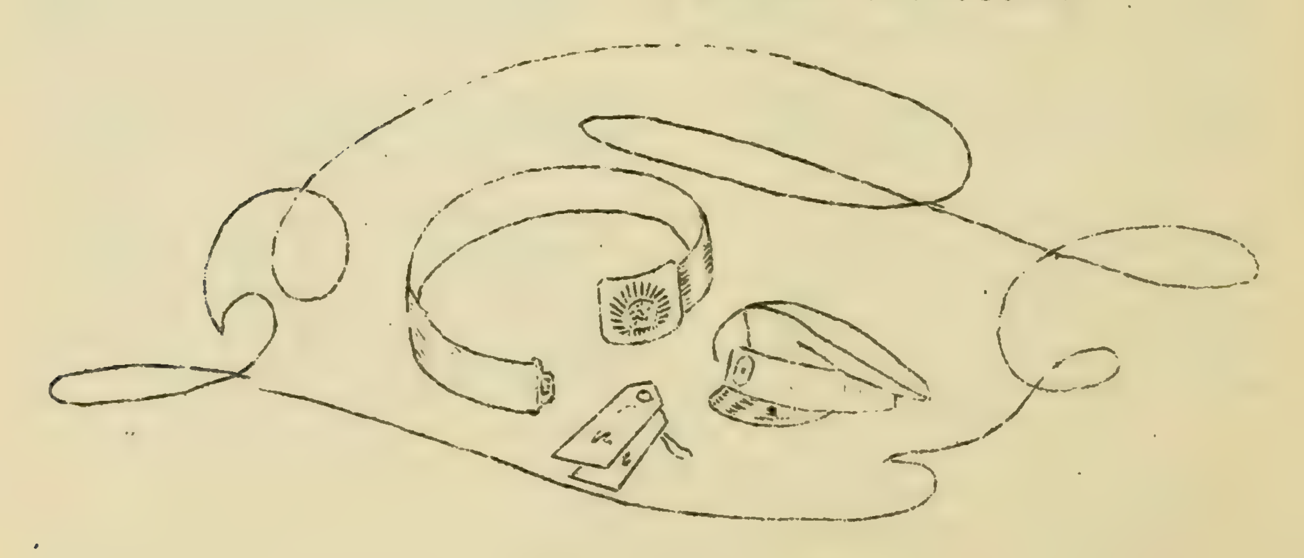
Вечером семнадцатого января восемнадцатого года остатки первой роты Оренбургского-Неплюевского кадетского корпуса оставили город с юнкерами и добровольцами. Всего около трехсот человек. До первой станицы, около двадцати верст, пешком. Оренбург замер. Фонари еще освещают странно пустые улицы с закрытыми наглухо ставнями домов. Хрустит мерзлый снег под солдатскими сапогами и глухо стучат подметки по деревянному Сакмарскому мосту. Маленькая колонна поворачивает влево, вдоль Урала, по старой Пугачевской дороге. Впереди двести пятьдесят верст голой Яицкой степи, голы жужжащих пуль и рвущихся снарядов.

"Не отставай ребята", - озабоченно говорит вице-фельдфебель Рзбашег. Он беспокоится за маленьких. - "Сзади обоз - отстанешь - влезай на сани. Винтовок не бросать" - кончает он строго.

Последние домики Оренбурга остались сзади.

Спереди в лицо била степная Российская пурга.

Евгений СКОНОВСКИЙ



НОВИЧКИ И МАЙОРЫ

Воронежский Великого Князя Михаила Павловича Кадетский Корпус, который я кончил перед Великой Войной, делился на четыре роты, причем в младшую, четвертую, входили два первых класса и одно отделение третьего. Сам я в этой роте не был, поступив сразу в четвертый класс, но хорошо познакомился с жизнью младенцев ее составляющих, благодаря младшему брату Евгению, принятому в первый класс, когда я уже состоял в строевой роте.

В качестве старшего брата и единственного покровителя, уже не ребенком, а сознательным и рассуждающим юношей, я присутствовал при вступлении братишки в корпус и наблюдал его первые кадетские шаги. Привез брата держать экзамен в корпус я сам и, поэтому явился свидетелем того, как на медицинском осмотре была забракована целая куча детишек, под мрачное молчание отцов и стенания мамаш и детей. Зато, после того, когда в коридоре наконец выстроили шеренгой всех прошедших осмотр и экзамены, на них было приятно смотреть. Все это были крепкие, как орех, румяные малыши, безо всякого сомнения годные вынести годы кадетской муштры.

С этого дня, я стал почти ежедневным посетителем 4-ой роты и с интересом наблюдал ее быт. Первые две недели все сто, вновь поступивших в младший класс ребят, ревели без перерыва, в сто голосов, требуя освободить их от заключения и отпустить "к маме". На всех дверях и входах сутки подряд торчали дежурные дядьки, зорко наблюдая, чтобы малютки не удрали из корпуса. В большинстве случаев, семьи новичков жили в сотнях, если не в тысячах верст от корпуса: дети совершенно с тем не считались и норовили при первом недосмотре удрать, хотя бы в одной рубашенке, "домо".

Особенной привязанностью к родным местам отличались маленькие кавказцы, от тоски по родным горам они первое время, чахли, хирели и даже серьезно заболевали.

Немудрено, что дежурному офицеру-воспитателю при

ходилось первое время, все двадцать четыре часа своего дежурства, не столько "начальствовать и приказывать" сколько вытирать десятки носов и, по мере своих сил, успокаивать пришедших в отчаяние, от разлуки с семьей, маленьких человечков ...

Впрочем, не лучшим было положение офицеров и позднее, когда детишки привыкали к корпусу и им уже не требовалось вытирать слез и носов. Две сотни маленьких, живых как ртуть, сорванцов, с утра и до ночи звенели пронзительными дискантами в классах и коридорах, играли, дрались, бегали и давили друг из друга масло, кучами иногда по двадцать душ сразу. Разнимать и усмирять эту возню было совершенно немыслимо и бесполезно: едва прекратившаяся в одном месте, она немедленно возобновлялась в другом. Служба в 4-ой роте была для офицеров-воспитателей своего рода чистилищем. После дежурства, они выходили красными, потными и совершенно измученными.

Когда я пришел первый раз, у меня буквально зазвенело в ушах от крика и топота по паркету сотен маленьких ног. Явившись, по уставу, в дежурную комнату за разрешением "повидать брата", я застал в ней совершенно оглушенного и ошалевшего капитана, сидевшего на стуле в обществе десятка ревущих ребят, из которых двое держали головами на коленях офицера. Капитан только беспомощно улыбнулся и развел руками. Приходилось действовать самому. Выйдя в коридор, я поймал, поперек живота, мчавшегося мимо младенца с оттопыренными, как крылышки, погончиками на крохотных плечиках и строго приказал ему разыскать и привести ко мне Маркова III. /По старому обычаю, еще Николаевских времен, в Русской военной среде, а стало быть и в Военно-Учебных заведениях со питавших, если в одно и то же время в воинской части было несколько однофамильцев, то различались они не по имени, а по номерам, дававшимся в порядке старшинства. Поэтому я был Марковым I, мой однофамилец-казак во 2-ой роте был 2-ым, а братишка числился "Марковым III"/.

Вызвать Маркова III к брату, однако, оказалось не так-то просто: во всех помещениях роты шла общая возня и, по полученным мною сведениям, он находился на дне огромной кучи кадетиков, визжавших как грешники в аду и барахтавшихся на полу. Вытащив наугад за ногу двух или трех, я напал наконец на "Маркова III-го, вымазанного пылью и чернилами, как мурзилка, и ярко красного, как

пион.

Затем, гуляя с ним и его тремя друзьями по коридору, мне пришлось выслушать длинное повествование о злоключениях и горькой судьбе бедных новичков-первоклассников, которых, по традиции, на правах старших, жестоко обижали "майоры" - второгодники, не говоря уже о второклассниках. Приемы этого младенческого цука поражали, как своим разнообразием, так и оригинальностью. Очевидно они вырабатывались целыми поколениями нашего старого Корпуса. Суровые "майоры" первого класса заставляли новичков в наказание "жрать мух", делали на бритой головенке "виргуля" и просто закушали по всякому случаю и без очого.

Пришлось тут же, не выходя из коридора, вызвать к себе нескольких наиболее свирепых угнетателей первого класса, пригрозить им "поотоврвать головы", если они посмеют тронуть пальцем Маркова III-го и его друзей. Перед лицом правофлангового строевой роты, свирепые майоры - младенцы отчаянного вида, сплошь покрытые боевыми царапинами - струсили до того, что один даже пикнул, и поклялись на месте не трогать моих "протежэ".

В тот же день мне пришлось пройти и в третью роту, куда одновременно с братом, поступил в 3-й класс мой кузен. Там, также вызванным майорам, я показал кулак и пообещал "измотать их как Цуциков" если ... впрочем им, как более опытным, говорить много не пришлось, и они поняли меня с полуслова.

В России брату Корпуса окончить не довелолось. Револющия, а затем гражданская война положили конец крепко налаженной кадетской жизни. Кадетом шестого класса с двумя своими приятелями, когда то прижимавшимися к моей ноге и излагавшими свои детские обиды, они поступили в Добровольческую армию. Брат, служивший "вольнопером" лейб-гвардии в Конном полку, дважды раненый, выехал в Константинополь в конвое Генерала Врангеля, оба же его друга погибли в Крыму, защищая последнюю пядь Русской Земли ...

Окончив в Югославии Донской Корпус и Университет

Жена состоял агрономом на правительственной службе, когда началась война с немцами. При приближении красных, он снова поступил в армию и, произведенный в хорунжии Донского Корпуса, вместе с ним оказался в 1944 году, в Лиенце. Что сделали в этом проклятом городе англичане с Русскими офицерами во главе с генералом Красновым рассказывать не приходится, это преступление мы никогда не должны забыть. Мои маленькие друзья, бывшие кадетики 4-ой роты, как их старшие товарищи, отцы и деды, честно выполнили свой большой долг до конца.

Анатолий МАРКОВ.

ПОГОНЫ РАЗНОЦВЕТНЫЕ, А ДУША ОДНА.

/из кадетской переписки/.

.... хочу с тобой поделиться одним маленьким эпизодом из давнего прошлого: как то летом 1915 или 1916 года, отец послал меня, из нашего имения Харьковской губернии, по каким то делам, в Полтаву. Окончивши там свои дела, я поехал на вокзал, ожидать поезда на Харьков и кстати пообедать, ибо как ты помнишь, по ресторанам мы не могли ходить без родителей. До поезда оставалось еще 2-3 часа. Я занял столик, заказал обед и углубился в чтение "Огонька". Невдалеке, за отдельным столиком, сидела большая компания кадет-полтавцев с барышнями. При входе, я их приветствовал отданием чести.

Вдруг, ко мне подходит один из кадет из этой компанаии, здоровается со мной и говорит: "вам, кадет, одному скучно сидеть. Идемте за наш столик - у нас весело." Я, конечно, с благодарностью принял приглашение перешел к ним и чудно и весело провел время до самого Харькова, куда и они тоже ехали.

Вот я хотел бы знать - в среде воспитанников других учебных заведений, возможен ли подобный случай, чтобы незнакомого ученика другой школы так просто и сердечно пригласили, не будучи с ним вовсе знакомы, как это сделали кадеты, независимо от корпуса и погон, которые мы носим.

Кадет Первого Кадетского Корпуса
А. Г.

Русская Конница в XVII веке

/Из обширного труда кадета Константиновского Кадетского Корпуса Азанчевского/.

Предлагаемый нашим уважаемым читателям краткий очерк о Русской коннице XVII века, касается Иноземного Приказа, существовавшего с 1528 года по 1700 и входившего в число других установленных Приказов по управлению Русским Войском в мирное и военное время до преобразований Петра Великого.

Кроме вышеназванного Приказа, были следующие: I/ Разрядный Приказ, 2/ Стрелецкий Приказ, 3/ Пушкарский Приказ. /Профессор Императорской Николаевской Академии Ген.Майор А.Г.Елчанинов, в своем очерке "История военного искусства в России до Петра Великого", говорит, что число Приказов под разными наименованиями доходило до 42-х, но правильного разграничения между Приказами предметов ведения не было. Т I,стр.72-75/

Существенное различие по управлению мирного и военного времени состояло в том, что в мирное время служилые люди находились в ведении областных Начальников и Управлений или Приказов, а в военное время поступали в непосредственное распоряжение Главного Вождя и частных начальников.

Главный Вождь /Воевода/ имел подчиненного ему Товарища. Следующие ступени в войске занимали: Начальник Раздачи денежного жалования, Начальник наряда Артиллерии, Начальник раздачи жалования людям немецкого строя. Далее шли Начальники отдельных Полков и наконец Начальники Полков, находившихся в составе Главного Войска.

Главнокомандующий Войском /Воевода/, отправляясь в поход, получал от Государя Наказ, в котором прописывались: цель войны, места сбора войск, каких городов и каких строев служилые люди должны были выступить в поход, кому вверялось начальство над различными полками и Нарядом и кому должно было заведывать денежными сумами и хлебными запасами. Государь обыкновенно предоставлял Главному Воеводе и его Товарищу действовать "Как вразумит Бог", обязывая их только присылать к себе известия, "как можно чаще."...

Внутреннее устройство войск и письменная часть находились в ведении Дьяков, которые состояли при Воеводе "для Государевых Полков и всяких розрядных дел". Начальник Артиллерии /Голова Наряда/, при выступлении в поход, обязан был принять по росписи: наряд, порох, свинец, ядра и прочее, а также пушкарей и других людей, назначенных к Наряду, из прочих Приказов - мушкеты, алебарды, копья, барабаны и шанцовый инструмент, а после донести обо всем сделанном Главному Воеводе.

Второстепенными начальниками в полках Русского строя были Головы и Сотники. В Стрелецких полках/Приказах/ были: сперва Головы и Сотники, а потом - Полковники, подполковники и Капитаны. В полках немецкого строя - Генералы, Полковники, Ротмистры, Капитаны, Поручики. В коннице Русского строя были Сборщики, дворяне знатнейших семейств, посылавшиеся из Москвы по городам, для сбора войск, и Окладчики - распределявшие по статьям служилых людей. В Русских полках были еще Судьи, заведывавшие походными Съезжими Избами, где производились суд и расправа ратным людям.

Не останавливаясь на организации нашей пехоты, состоявшей из Стрельцов, солдат, Пеших городовых казаков, Пеших даточных людей, Вольных Охочих людей и Поголовных Ополчений, перейдем непосредственно к нашей основной теме - устройству Русской Конницы XVII века.

I/ Рейтары находились в ведении Иноземного Приказа, сперва набирались из наемных иностранцев, а потом из Русских. Иноземцы, служившие в Рейтарах, получали в мирное время содержание и жалованье из Иноземного Приказа, а в походе продовольствовались провиантом в определенном размере из особых дворцовых волостей. Некоторые иностранцы, служившие в нашем войске в продолжении значительного времени, были наделены, при Царе Михаиле Федоровиче, поместьями и вотчинами. Другие же получали на корм постоянное жалованье, от чего и произошло разделение их на Поместных и Кормовых.

Со времени Царя Михаила, в иноземных полках было много Русских из Боярских детей, Новокрещенных, Казаков и других нетяглых людей, которые, записавшись в

Рейтары, поступала в ведение Иноземного Приказа, были подчинены Рейтарским Полковникам и обучались немецкому строю. /Из росписи на 1631 год Дворц. Разр. ч. 1-ая, стр. 1197/.

В царствование Алексея Михайловича полки, как Рейтарские так и прочие, состоявшие в ведении Иноземного Приказа были сформированы исключительно из Русских и только начальниками были иностранцы. Вооружение Рейтар состояло сперва из лат, шишака, шпаги, потом из сабли, мушкета и наконец из карабина и пары пистолетов. В конце XVII века они получали поместные и денежные оклады наравне с детьми боярскими: от 100 до 150 четвертей земли и от 4 до 12 рублей. /Двенадцать рублей весили один фунт/.

Строй Рейтар имел фигуру четыреугольника. Приближаясь к неприятелю, первая шеренга выскакивала несколько вперед, останавливалась, стреляла и, поворотив на оба фланга, неслась назад за последнюю шеренгу. Место ее заступала вторая и так далее... Если удавалось расстроить неприятеля, то весь эскадрон нападал на него с холодным оружием, стараясь сохранить сомкнутость строя.

2/ ДРАГУНСКИЕ полки сперва набирались из наемных иностранцев, а потом из Русских охочих людей, подобно рейтарам. Оружие, лошади и вся сбруя им выдавались казенные. Кроме того, они получали на платье по три рубля и на поденный корм Боярским детям и иностранцам по 8-ми, а прочим по 7-ми денег в сутки. /Деньга равнялась 1/200 рубля, но стоимость ее не была постоянной и в 1663 году упала до того, что Царь Алексей Михайлович повелел уничтожить медные деньги/.

По окончании похода, драгуны распускались и каждый из них обращался в прежнее свое состояние. Лошади, со всею сбруею рассылались по областям, где раздаваемы были в монастырские вотчины жителям на прокорм, по одной лошади на несколько дворов. В случае же утраты лошадей, жители вотчины обязаны были платить за каждую лошадь по 10-ти рублей.

Царь Алексей Михайлович иногда обращал целые погосты, принадлежавшие монастырям и находившиеся на

шведской границе, в драгунские поселения. Драгуны состояли почти на одинаковых правах со Стрельцами, подобно коим занимались торговлею и разными промыслами.

Вооружение драгун состояло из шпаг, мушкетов или карабинов и бердышей или топоров, привешенных к седлу. /Акты Арх. Эксп. т. III № 287 и т. IV №№ 15,16 и 35./

Рейтары и драгуны не составляли постоянного войска, но собирались раз или два в год в определенные города. Здесь им Полковые Командиры /начальники/ делали осмотр, после чего их распускали по домам.

3/ ДВОРЯНЕ, к которым принадлежали князья и вообще люди знаменитых фамилий, являлись при наступлении войны в сопровождении слуг, на собственных лошадях, со своим оружием и запасами на продолжительное время, для всех своих людей и лошадей.

При Царе Михаиле, Дворяне делились на Московских дворян, Жильцов или Выборных людей из городовых дворян, присылаемых временно, на полгода, в Москву на службу, и Городовых Дворян. Московские Дворяне пользовались большими против Городовых поместьями, получали различные поручения по Государственной службе, возводимы были в звание Стряпчих, Думских Дворян, Стольников и Бояр, получали начальство над частями Войска, либо над всем Войском и занимали высшие должности по гражданской части. Они, вместе с Жильцами, составляли Государев Полк /Гвардию/, который, в военное время, находился при особе Государя, а иногда - при Главном Воеводе.

В мирное время часть Московских Дворян и Жильцов, по очереди с прочими, составляла конный отряд, который обязан был участвовать во всех встречах иностранных послов и в сопровождении Русских посольств.

Городовые Дворяне проживали по городам и разделялись на три разряда: высший /первый/ из Выборных Дворян, которых часть, Жильцы, состояла, по очереди, на службе в столице. Второй разряд назывался Дворовыми. Третий - собственно Городовыми Дворянами. Исполняли они менее важные обязанности и получали меньшие поместья, нежели Дворяне Московские.

4/ БОЯРСКИЕ ДЕТИ частью были наделены поместьями наравне с Дворянами, частью же состояли на жаловании. Последние назывались Кормовыми. Подобно Дворянам, Боярские Дети разделялись на Выборных, Дворовых и Городовых. В военное время они вместе со своими людьми являлись на службу и разделялись на сотни, состоявшие под начальством Голов /сотенных/.

Дворяне и Дети Боярские выезжали на службу в латах и шлемах либо мисюках /железные шапки с сеткой/, с карабинами, либо пищалями и пистолетами, а Боярские Люди с карабинами, либо с пистолетами и саадаками /лук со стрелами/. Те же, которые по бедности не могли иметь огнестрельного оружия, выезжали с рогатинами и топорами.

В смысле поместных окладов и жалований, Московские Дворяне и Жильцы получали по 200 четвертей земли и от 15 до 20 рублей в год, но эти оклады значительно увеличивались, смотря по заслугам их. /Акты Арх. Эксп. Т.IV № 290. Опыт повеств. о Древней Руси. Успенского/. Царской Грамотою в 1632 году, Городовым Дворянам и Боярским Детям назначены были оклады одинаковые: выборным по 150, дворовым - по 120, а городовым по 100 четвертей земли. Денежные оклады простирались от 12 до 4 руб.

5/ НОВОКРЕЩЕНЫ. /Татары обращенные в христианство/. Мурзы и Князья татарские являлись на службу в сопровождении своих слуг. Эта конница вооружена была весьма разнообразно.

Новокрещены и татарские Князья получали от Правительства поместья, а в военное время жалование, наравне с Боярскими Детьми. Не имевшие поместий, состояли постоянно на корму.

6/ ГОРОДОВЫЕ КАЗАКИ из беспоместных /нетяглых людей/, жившие большею частью в пограничных городах, получали по Царской Грамоте 1636 года, по 50 четвертей поместного оклада и по 5 рублей, либо состояли на правах стрельцов и получали одинаковое с ними жалование - 6 рублей.

Дворяне, Боярские Дети, Новокрещены, Татарские

Князья и Городовые Казаки составляли в каждом городе Особый Полк /Тулян, Каширян, Казатинцев и т.п./, подчиненный одному Начальнику и окладчикам, имеющий свое Знамя, свои барабаны и музыку, а впоследствии свои полковые пушки.

7/ КАЗАКИ ВОЛЖСКИЕ, ДОНСКИЕ и ТЕРСКИЕ имели собственное управление и своих начальников, избираемых с общего согласия. Владели они землями, занятыми по праву войны и обязаны были являться на службу по вызывным Царским Грамотам.

Эти казаки вооружены были саблями, пиками, ружьями и пистолетами, имели свою артиллерию и знамена, им пожалованные Государями за особые заслуги. Иногда в военное время, они получали денежное жалование, либо, пред открытием военных действий, посылались им от правительства сукна, селитра, свинец, порох, хлебный запас и вино.

8/ Устройство МАЛОРОССИЙСКИХ КАЗАЧЬИХ полков резко отличалось от всего остального казачества.

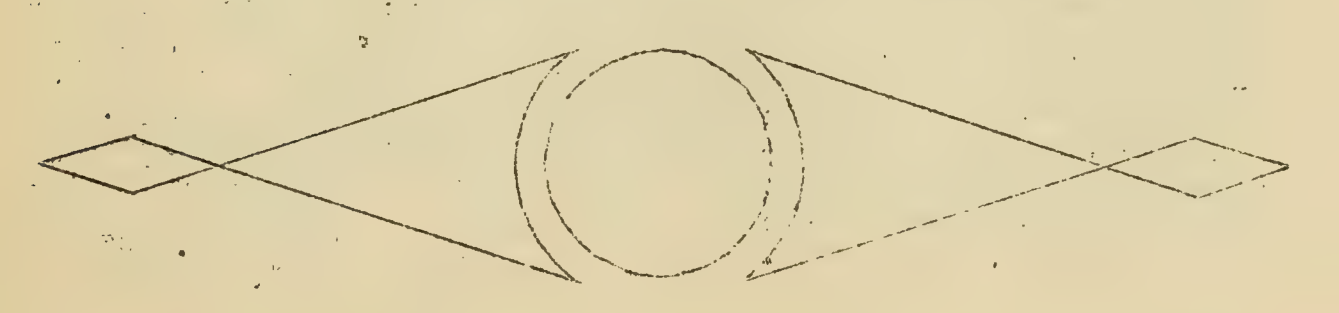
Малороссия, состоявшая из I7 полков и, при Гетмане Богдане Хмельницком, распространявшаяся до Днепра, впоследствии, при Гетмане Скоропадском, была ограничена только I0-ю полками: Киевским, Черниговским, Любенским, Гадячским, Миргородским, Полтавским. Стародубским, Нежинским, Переяславским и Прилуцким. Эти полки были расположены в нынешних губерниях: Киевской, Черниговской, Полтавской и Каменец-Подольской.

Каждый полк представлял собою не только военную, но и гражданскую единицу. Малороссия разделялась, в гражданском отношении, на несколько округов, которые стали называться ПОЛКАМИ. Во главе гражданского управления той или другой местности, стоял тот самый Полковник, который начальствовал над полком, в состав которого входило население данной местности. Из описания города Нежина, сделанного в I740 году, мы видим, что население его было определено в III04 души, из коих собственно казаков было 26I0 чел. В такой же приблизительно пропорции число казаков было и в остальных полках. /Истор. очерк I3 гусар. Нежинского полка, составленный по "Описанию Старой Малороссии" Генерал-Губернатора П.А.Румянцева I7[illegible]0 год/.

Восстановление порядка и устройство во всех частях Государственного управления, после многолетних смут начала XVII века, имело непосредственным результатом введение дисциплины. Даже Главные Воеводы подвергались строжайшей ответственности в своих действиях. Мы знаем, например, что Шеин, допустивший во вверенном ему войске беспорядки, повлекшие за собою неудачу действий под Смоленском, был предан суду, признан виновным и казнен, как изменник.

Стольник, Наместник Переяславский, Чемоданов, бывший Русский посланник при Венецианском Дворе, в 1657 году, делая описание нашим войскам, писал: "У Великого Государя нашег, у Его Царского Величества, против Его Государевых недругов, рать собирается многая и несчетная, и строение многое, различными ученьи и строениями: перво, устроены многие тысячи Копейных рот гусарского строя, а иные многие тысячи устроены конные с огневым боем, а иные Рейтарского строя, а иные многие-ж тысячи строены Драгунским строем с большими мушкетами, а иные многие тысячи строены Солдатским строем, и над теми надо всеми устроены начальные люди - генералы и полковники и подполковники и майоры и всякие начальники люди по чинам. А Его Царского Величества Его Государеву Полку, Спальники, Стольники и Стряпчие, и Дворяне Московские и Жильцы, те бьются своим обычаем, только у них бою, что под ними аргамаки резвы, да сабли востры, на которое место ни нападут, никакие полки против них не стоят: то у Великого Государя нашего и строение"...

В.Г.КОВАЛЕВСКИЙ



ЗАМЕТКИ МЕДАЛИСТА

В "Отрывках военного прошлого" /см. № 10 "Русского Военно-Исторического Вестника" /приводится "исторический анекдот", в котором упоминаются 3 Гренадерский Короля Фридриха-Вильгельма IV полк и 6 Прусский Кирасирский Императора Николая I полк, шефом коего назван с 1817 года Император Николай I. Историческая действительность дает нам следующие указания: 1. Шефом 6 Прусского Кирасирского полка с 15 апреля 1817 г. был Великий Князь /потом Император/ Николай Павлович и потому, в 1842 году праздновалось 25-летие Его шефства. В память этого торжества Он наградил А/ свой полк наградными медалями, из серебра, для ношения в петлице на Андреевской ленте и Б/ кроме того, - гарнизон города Бранденбурга, в состав коего входил и этот полк, так называемыми "Kürassiertalerами" (чеканеными в Берлине К. Фишером в серебре диам. 42 м/м). На лицевой стороне - погрудное изображение, вправо Императора, вокруг коего надпись: "NICOLAUS I KAISER V. RUSSLAND". На оборотной стороне, - в середине герб Бранденбурга под короной и вокруг в двух строках надпись: Zur 25-Jährigen Jubelfeier am 15 Apr. 1842 d.Chef d. 6 Kön. Br.Kürassier Reg. Kaiser Nicolaus I d.Garnison-Kur- u.Hptstadt: BRANDENBURG.

Кстати эти две редкие награды часто смешивают. Николай Павлович баловал названный Кирасирский полк: бывая заграницей, он навещал его, производил парады, облачался в его форму, награждал офицеров орденами, и в 1827 году- снабдил полк ремонтными лошадьми. После кончины Николая Павловича, шефом была назначена Его вдовствующая супруга.

Император Александр Павлович шефом этого Кирасирского полка не был. С 14 октября 1814 года Он был шефом Прусского Гвардейского Гренадерского № 1 полка. Я имею следующий исторический сувенир: серебряный жетон диам. 23 м/м. На лицевой стороне погрудное, вправо обращенное изображение Императора Александра III, по окружности надпись: ALEXANDER III KAISER VON RUSSLAND. В середине оборотной стороны - вензель Императора Александра I, по сторонам коего 1814 14 Oktober-1889". По окружности надпись:

"75 Jahr. Jubiläum d. KAISER ALEXANDER GARDE GREND. RGTs N I".

2/ Упоминаемые в "Отрывке" немецкие жетоны никакого отношения к 3 Гренадерскому Перновскому Полку не имеют. 20 июня 1843 года в Берлине праздновалось 25-ти летие шефства Принца Прусского Вильгельма (будущего Императора Вильгельма I) в 5-м Пехотном Калужском полку и, в память этого торжества, по повелению брата Принца Вильгельма, Короля Прусского Фридриха-Вильгельма IV, были отчеканены и выданы: А/ прибывшей в Берлин, депутации от Калужского Полка, в составе 3 офицеров и 10 унтер-офицеров - 3 золотых и 10 позолоченных медных наградных, с ушками, медалей для ношения на ленте Красного Орла и Б/ для того же полка - медалей без ушков: 2 золотых и 3224 позолоченных бронзовых. (Кстати - 15-го февраля 1893 года Императору Вильгельму I был вручен наш знак отличия беспорочной службы за 60 лет). У меня есть этот жетон и в серебре, а в коллекции полковника В.К.Шенка (в Ревеле в 1939 году) я видел его в золоченой бронзе с дыркою и колечком для ношения.

Библиография: 1/ "Описание Русских медалей" В.П. Смирнов, СПБ 1908 г. 2/ "Собрание Русских медалей" изд. 1840 года СПБ. 3/ "Русский Инвалид" за 1813 - 27 - 28 - 32 - 43 и 56 гг. 4/ Ю.Иверсен "Словарь медальеров". 5/ v. HEYDEN "Ehrenzeichen" ... II Nachtrag Frankfurt a/M. 1906. 6/ HESSENTHAL "Die Ehrenzeichen" 1940.

В.Р.

К статье "О КАДЕТСКИХ ЗНАМЕНАХ" (№ 1 Журнала "Военная Быль").

Прошу Редакцию журнала "Военная Быль" внести необходимое дополнение к статье "О Кадетских Знаменах", помещенной в номере первом. В статье не говорится о состоявшемся в мае 1936 года, пожаловании знамен Корпусу Императора Александра II (Александровскому) и Николаевскому. Первыми знаменщиками указанных Корпусов были: Вадим Климов (Александровского) и Смагин (Николаевского, впоследствии Лейб-Улан).

Кадет Корпуса Императора Александра II Ф.ВАСИЛЬЕВ

ХРОНИКА КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ.

- I/I4 октября КАДЕТЫ-СУВОРОВЦЫ празднуют день своего корпусного праздника. Посылая, к этому дню, горячий привет дорогим однокашникам, редакция "Военной Были" не может не отметить того ценного вклада, который кадеты-Суворовцы сделали в зарубежную кадетскую литературу. "Общая Тетрадь" Двигубского, Сборник, посвященный Суворову, целый ряд талантливых стихотворений и очерков Двигубского, Злобукова, Венариуса и других, на страницах журнала "Кадеты", свидетельствуют о дружной и блестящей работе Суворовцев на кадетской культурной ниве.

Родным друзьям и нашему маленькому собрату "Голосу Кадета из провинции" - многая лета.

- КАДЕТАМ ОДЕССКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

Центральное объединение кадет Одесского Кадетского Корпуса просит всех бывших воспитанников, еще не сообщивших свои адреса, сообщить таковые, так как часто поступают запросы и розыски однокашниками и родственниками, и их просьбы мы не можем удовлетворить за отсутствием сведений. Писать на имя секретаря объединения по адресу: [illegible]. [illegible], 603 W. 140th ST.
NEW-YORK 31, U.S.A.

- РОЗЫСКИ: I/ Разыскивается кадет Одесского Корпуса ГЕОРГИЙ ГИРС. Эвакуировался в 192[illegible] году, в возрасте I5-I6 лет. 2/ Кому известна судьба кадет: Суворовца Алексея [illegible] и Ярославца, впоследствии Одессца Федора [illegible]. 3/ Кадет 2-го Московского Корпуса Александр Александрович [illegible], вып. I923 года разыскивает своих однокашников. 4/ Разыскивается кадет Крымского Корпуса вып. I94I года Всеволод Михайлович [illegible]. Мать просит дать сведения.

-журнал "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" можно покупать: в Париже в Кадетском Собрании /65, ю Миколь [illegible]/, у Председателя Объединения /59, рю де Терн/ и в Русск. книжных магаз.
В Америке: выписывать от С.А.Ванкина/ 69, Main Str.
NYACK (N.Y.).
В Австралии: у В.А.Петрушевского: Fl.6, 77 Longueville Rd.
LANE COVE SYDNEY (N.S.W.).

КАДЕТЫ - ПОДДЕРЖИТЕ ВСЕ ВАШ ЖУРНАЛ И ОБЪЕДИНИТЕ ВОКРУГ НЕГО!
ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ. Редактор А.А.ГЕРИНГ

№ 4

ЯНВАРЬ 1953 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Закончился первый год существования "Военной Были". Нужно сказать правду, что успех журнала превзошел наши ожидания. Материально, с третьего номера журнал уже стал на собственные ноги, очистился от долгов и даже удалось приобрести пишущую машинку |правда в рассрочку, но все же свою|. Этой стороной успеха, журнал обязан, главным образом, нашим представителям, в разных странах Российского рассеяния, их труду и той энергии, с которой они занимались пропагандой и распространением журнала. Останавливаться нельзя. Мы еще далеко не исчерпали всех наших возможностей на этом пути, но начало положено и положено удачно.

В этом номере журнала "Военная Быль" некоторые страницы напечатаны недостаточно четко. Произошло это по причине не зависящей от Редакции, которая приложит все усилия к тому, чтобы следующий номер был, во всех отношениях, безукоризненным.

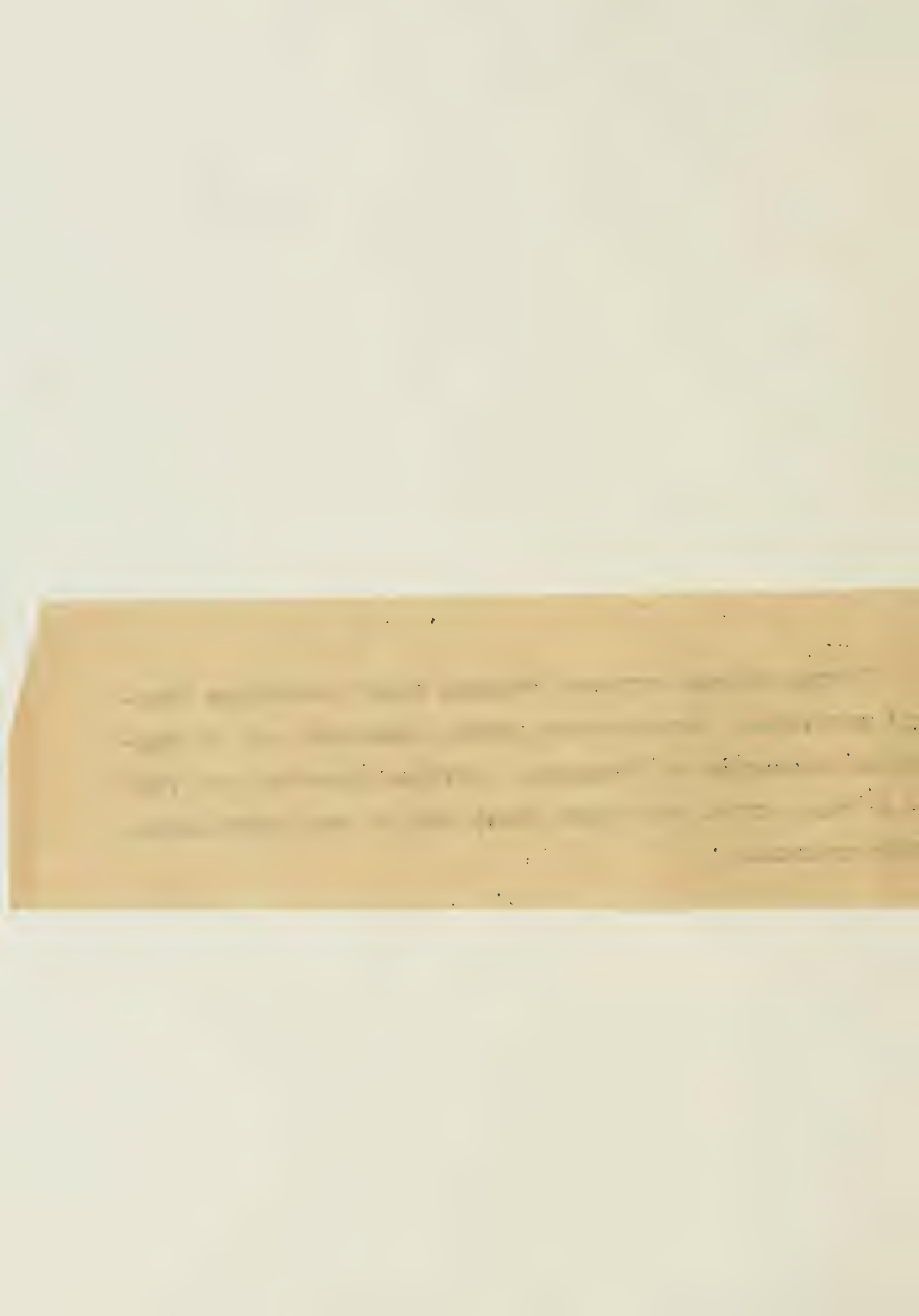
"Военной Были". На добрую сотню писем приходится отвечать редактору. Связь налаживается, и, как встарь, крепнет кадетская дружба.

Кадеты, не забудем же все, чем мы обязаны нашей Родине и родным Корпусам. Не забудем и нашей национальной воинской Славы и до последнего дня нашей многотрудной жизни да живет в сердцах наших:

"ДА ЗДРАВСТВУЕТ РОССИЯ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ

КАДЕТСКАЯ ДРУЖБА".

РЕДАКЦИЯ



ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Закончился первый год существования "Военной Были". Нужно сказать правду, что успех журнала превзошел наши ожидания. Материально, с третьего номера журнал уже стал на собственные ноги, очистился от долгов и даже удалось приобрести пишущую машинку (правда в рассрочку, но все же свою). Этой стороной успеха, журнал обязан, главным образом, нашим представителям, в разных странах Российского рассеяния, их труду и той энергии, с которой они занимались пропагандой и распространением журнала. Останавливаться нельзя. Мы еще далеко не исчерпали всех наших возможностей на этом пути, но начало положено и положено удачно.

Целый ряд талантливых сотрудников, кадет и не-кадет, пошли на встречу и сделали возможным дать журнал интересный, насыщенный и разнообразный. Результат их работы - читатель доволен и, со всех концов света, в редакцию приходят приветственные и благодарственные отзывы.

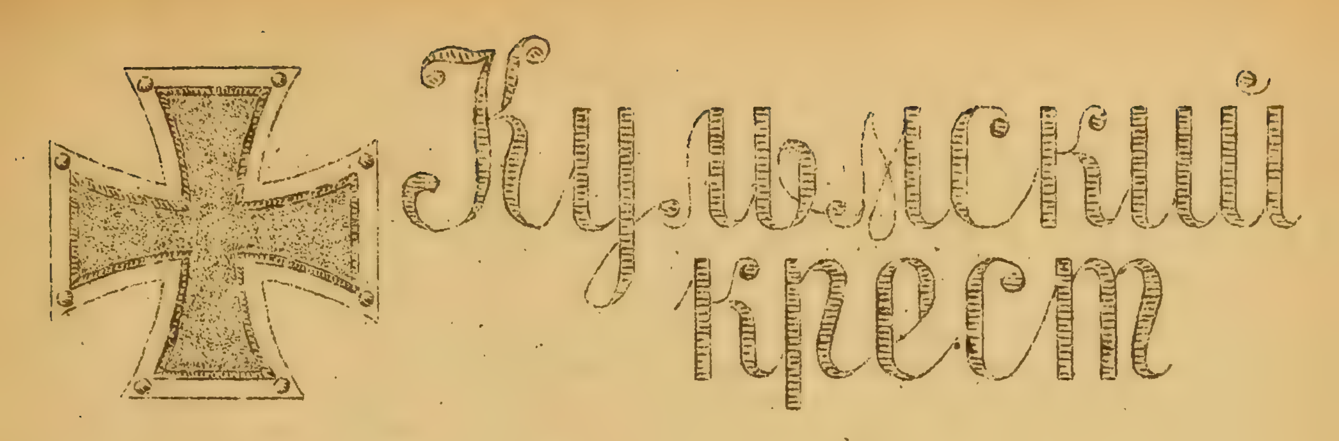
Все эти причины заставляют нас бодро и с верою во все возрастающий успех нашего общего дела, смотреть вперед. Выпустить первый номер было предприятие, почти что безумное. Без копейки денег, без листа бумаги, с единственной верой в кадетское сердце, и в необходимость нашей работы и в наш, никем с нас неснятый долг перед Великой Родиной и Ее Военной Славой, начали мы свою работу. И мы оказались правы. Отозвалось кадетское сердце. Нет, кажется, страны в мире откуда бы не пришел отклик на призыв "Военной Были". На добрую сотню писем приходится отвечать редактору. Связь налаживается и, как встарь, крепнет кадетская дружба.

Кадеты, не забудем же все, чем мы обязаны нашей Родине и родным Корпусам. Не забудем и нашей национальной воинской Славы и до последнего дня нашей многотрудной жизни да живет в сердцах наших:

"ДА ЗДРАВСТВУЕТ РОССИЯ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ

КАДЕТСКАЯ ДРУЖБА".

РЕДАКЦИЯ



В № 9 журнала "Старая Монета", за 1910 год, был напечатан к
кий отчет о прочитанном в Петербургском "Разряде полковых и кора
бельных историй", докладе Гвардии капитана В.Козакевича на тему
"Очерк развития медалей в память военных походов и событий". Счи
тавшийся тогда, экспертом в этой области, капитан Козакевич, упо-
миная о "Знаке за битву при Кульме", ошибочно утверждал, что это
знак был учрежден Императором Александром Первым ; точно также б
неправ Козакевич допуская, например, что офицерский крест за Пре
сиш-Эйлау - был только учрежден Александром Павловичем, но ни ро
дан, ни носим не был...

В немецком труде полковника фон-Гейдена о знаках отличия, из
данном в Мейнингене в 1897 году, указано, что прусский "Железный
Крест" |двух классов| был учрежден королем Фридрихом-Вильгельмом
10-го Марта 1813 года, а "Кульмский Крест" - 4-го Декабря 1813г.
С нашей, русской, точки зрения - между этими двумя знаками отличи
никакой разницы не было ; не подлежит никакому сомнению, что пер
воначально, Король Прусский наградил некоторые части нашей гвард
именно "Железным Крестом" I-го класса.

В сражении при Дрездене 14-15 Августа, Наполеон на голову р
бил союзников, вследствие чего они начали беспорядочный отход в
Богемию по единственной, трудно проходимой, дороге. Для преследо
вания союзные армии, был послан корпус Вандамма ; только благода
исключительному геройству русского гвардейского отряда, под кома
дою графа Остермана-Толстого, ценою огромных потерь, разгромивше
го корпус Вандамма;- союзники были спасены. Победы при Кульме,
Кацбахе и Денневице имели огромное значение : союзные армии восп
нули, французы же пали духом. И Кульм, и Кацбах, а затем и Лейпц
победы Русские.

Будучи личным свидетелем жертвенного мужества отряда Остерм
на-Толстого при Кульме,- Прусский Король наградил гвардейцев х|о
деном Железного Креста", т.е. пожаловал высшую, тогда существова
шую свою боевую награду, |и всему отряду в 12.000человек|. Друго
го подобного случая - военная история не знает. Тотчас же после
сражения и объявления об этой исключительной награде,- "кресты б
ли вырезаны и выкованы из кожи и железа конского снаряжения, от-
битого у неприятеля" xx|.О награждении именно "Железным Крестом"
говорит и М.Богданович в "Истории войны 1813г. за независимость
Германии" |СПБ 1863г. Т.2-ой,стр.228|. Тоже название полученного
знака отличия приводится и в "Отрывках из истории Л.-Гв.Кирасир-
ского Его Величества полка. xxx|

Действительно, как сказано выше,- "Кульмский Крест" был учрежден лишь 4-го Декабря 1813 года, почему же наши гвардейцы надели на себя эти кресты уже в Августе того же года. Очевидно - пруссаки спохватились : высшая боевая награда... Оплом - 13.000 офицерам и солдатам иностранной армии | завоевавшим "независимость Германии" а не редким единицам прусской армии... И вследствие воздействия общественного мнения - "Железный Крест", пожалованный русской гвардии под Кульмом, - в конце года был переименован в "Кульмский Крест" с датой учреждения этого "нового" знака отличия - 4-го Декабря 1813 года. Нам известен "бант" |колодка|, носившаяся бывшим унтер-офицером Лейб-Гв.Преображенского полка Чернявским xxxx| |умершим в офицерском чине| и состоявшаяся из : 1-медали за Очаков 1788, 2- медали за Измаил 1790г, 3- медали "Победителям" 1791г, 4- Знака Св.Анны за 25-летнюю беспорочную службу в солдатском звании, полученного в 1805г. 5- Знак Отличия Военного Ордена за Бородино, 6- Знака за Кульм, 7-Прусского знака железного за Кульм, 8- Медали за Отечественную войну 1812г, 9- медали за взятие Парижа 1814г, 10- Ордена Св.Станислава 3-й ст., 11- Пряжки за 20 лет беспорочной службы в офицерских чинах, 12- Ордена Св.Георгия за 25 лет службы в офицерских чинах. Старший вахмистр Л.-Гв.Кирасирского Его Величества полка Ярошевский, между прочими знаками отличия, носил "Знак за Кульм" и "Прусский серебряный Знак Отличия".

В России еще долго не делали разницы между "Железным" и "Кульмским" крестами, ибо, например, описывая знаки отличия 392 нижних чинов, призреваемых в 1853г., в Чесменской богадельне, - таковых указано : а| Знаков Св.Анны - 10, б| Знаков Отличия Военного Ордена - 19 |только|, в| прусских Железных Крестов - 27, г| Знаков польского Военного Достоинства - 45, д| медалей 1812г. - 131, е| медалей за Париж 1814г. - 65, ж| медалей за Русско-Персидскую и турецкую войны - 43 и з| за Варшаву 1831г. - 36.

Прусские "Железные Кресты", первоначально, также фабриковали в разных размерах и не совсем одинаковыми. В нашем собрании имеются оригинальные кресты 1813г. размерами 42 мм и 33 мм. В книге Раух |" 1813-1940"| указано, что в начале производство этих крестов очень осложнялось спайкой их серебряных краев и потому разных фабрикантов были несходны.

В мае 1815г.442 и 11.120 |офицерских и солдатских| "Кульмских Крестов" были присланы из Берлина в С.-Петербург и в связи с этим в "Русском Инвалиде" от 27-го Апреля 1816г. было напечатано следующее : "24-го числа сего месяца получены здесь отличия "Железного Креста". Его Величество Король Прусский Высочайше соизволил определить оные для раздачи тем из Гвардейских частей, которые с отличным мужеством сражались при Кульме в 1 день Августа 1813 года.- По случаю получения сих лестных наград, командующий Гвардейским Корпусом Господин Генерал от Инфантерии граф Милорадович отдал следующий приказ :"Государь Император и Союзные Монархи, вместе с целою Европою, отдали полную справедливость непреодолимому мужеству, оказанному войсками Российской Гвардии в знаменитом бою при Кульме в 17-й день Августа 1813 года. Но Его Величество Король Прусский

желая особенно ознаменовать уважение Свое к отличному подвигу сих войск, соизволил наградить их Знаком Отличия Железного Креста. Государь Император отдавая им ту же справедливость, Высочайше соизволит да увенчается мужество их столь лестною наградой. Вам, достойные офицеры и храбрые солдаты Гвардии, сражавшиеся в 17-й день Августа, принадлежат сии новые знаки отличий. Да умножат они на груди вашей число тех, которые трудами и кровью приобрели вы в битвах за спасение Отечества, за славу имени Русского и свободу Европы." |подлинный подписал ген. от Инф. граф Милорадович. Верно: ген. Сипягин| Кресты были розданы на специальном параде 7.131 участнику Кульмской победы |а прислано их было - по числу наличных бойцов, около 12.000; потери были тогда более 50% убитыми и ранеными|.

Кульмские |"Железные"| кресты, возложенные на гвардейцев тотчас после сражения, были изготовлены своими руками. Их вырезали из белой бляхи с наложенным на нее меньшим крестом, вырезанным из кожи. В краях крестов были просверлены дырки и через них - они нашивались на мундиры с левой стороны груди |как носились "Железные Кресты" 1-го класса|. Кресты, присланные через три года в Петербург, уже фабричной работы, но все же они были сработаны хуже чем кресты раздававшиеся в прусской армии, но именовавшиеся не "Кульмским" а "Железным 1-го класса". По некоторым сведениям, встречались "Кульмские с острыми шпильками, прикрепленными с внутренней стороны крестов, ими прокалывалось сукно и шпильки загибались.

Офицерские Кульмские кресты - были из серебра, покрытые черным лаком, с выделявшимися широкими серебряными краями, солдатские были из белого железа. На аукционе коллекции фон-Гейдена, в 1898 году оба креста были проданы по высокой цене: 81 и 71 марок. Ныне время Кульмские |не поддельные| кресты уже совершенно ненаходимы, но удалось получить фотографии современных офицерского и солдатского крестов |оба с дырками для пришиванья|. Сфотографированный в свое время офицерский крест находился в Гогенцоллернском музее, в замке "Монбижу", в Берлине, который был уничтожен в 1944г. во время бомбардировок. Другого, подобного экземпляра, по-видимому, в уцелевших немецких коллекциях - не имеется.

В России - "Кульмский Крест" был взят, как модель, для нагрудных юбилейных знаков Гвардейского Экипажа, Егерского и Уланского Его Величества полков. В серии медальонов в память военных событий 1812-1815г.г., исполненных в 20-х годах прошлого века известным скульптором гр.Ф.Толстым |с которых были вычеканены настоящие медали| под № 12 имеется и медаль в память победы при Кульме.

В 1835 году, Император Австрийский Фердинанд соорудил памятник под Кульмом; в память освящения монумента, была выбита особая медаль: на ее лицевой стороне - латинская надпись, в переводе на русский язык, гласящая : "Мужеству Русской Гвардии при Кульме" и дата сражения, на оборотной стороне - тоже латинская надпись: "Фердинанд Император Австрийский, по предначертанию блаженной памяти Августейшего Родителя своего Франца,- повелено воздвигнуть памятник 1835"

Эту настольную серебряную Кульмскую медаль – мне удалось приобрести лишь на днях |известен еще один экземпляр, но в золоте|. О ней имеются следующие интересные подробности. После Калишских торжеств, в Августе-Сентябре 1835г. |в память коих имеем два нумизматических сувенира|, – попрощавшись с пруссаками, наш сводный гвардейский отряд вернулся морем в Петербург xxxxx|, Государь же Николай Павлович, с супругой, отправились в Богемию, к Теплицким минеральным водам| по дороге посетив Вену и Прагу |где на сей случай была выгравирована чешская медаль, имеющаяся в моей коллекции|. Воспользовавшись этим обстоятельством, Император Австрийский пригласил Николая Павловича и Короля Прусского на закладку |а не освящение| Кульмского Памятника, когда и была выбита, упомянутая выше медаль.

О Кульмском памятнике читаем в современной пражской газете следующее : план монумента начертан г.Нобиле, венским придворным архитектором, он должен быть сооружен вблизи последней позиции – занятой русским гвардейским отрядом во время Кульмского боя. Он будет увенчан статуей "Победы", высотою в 9 футов, скопированной с вывезенной из Греции древней скульптуры. На пирамидальном пьедестале, окруженном четырьмя львами, будут начертаны надписи, напоминающие о доблести русских войск, с изображением имен воинов, павших 17 августа 1813г. когда 4 полка Российской Гвардии противостали 40.000 французов.

Из описания торжества, узнаем что, у сооруженного амвона, около которого стояла модель памятника – было совершенно Богослужение, после которого, все три союзных Монарха подписали акт, в присутствии депутации от Российской Армии, состоявшей из участников Кульмского сражения, нижних чинов Гвардейских Гренадер : капитана, двух унтер-офицеров и четырех рядовых, кои тут же были произведены Государем в следующие чины. Одновременно в Петербурге были обнародованы две высочайшие Грамоты, о пожаловании Ордена Св. Андрея Первозванного ближайшим начальникам Отряда, одержавшего Кульмскую победу : генералам гр.Остерману-Толстому и Ермолову. В грамоте первому, замечательная фраза :"...когда вы, в минуту решительную для всей Европы, противустали с малыми силами многочисленному неприятелю, повели русских, в решительный бой, к победе..." В грамоте Ермолову читаем : "...под начальством вашим, полки лейб-гвардии явили здесь опыт того примерного мужества и неизменной твердости, которые стяжали им справедливую признательность Отечества и всех народов, участвовавших в священном подвиге освобождения Европы".

За кровопролитный Кульмский бой, Преображенцы и Семеновцы были пожалованы Георгиевскими Знаменами, а Измайловцы и Егеря – Георгиевскими трубами. Когда Наследник Цесаревич посетил Чесменскую Богадельню в 1900 году, в ней находилось 14 ветеранов Кульмского сражения, все награжденные за этот бой "Прусским Железным Крестом" |сиречь "Кульмским Крестом"| см."Русский Инвалид" № 115, 1900г.

Какова ныне судьба Кульмских памятников .... |Там стояло два,- австрийцы и пруссаки соорудили их одновременно.

Примечания :-

x| См."Русский Инвалид" № 76 за 1841 год "Отрывки из описания войны 1812г. генерала Михайловского-Данилевского.
xx| См. А.Орлов "Павловские и Екатерининские гренадеры". Варшава 1914. Любезно сообщено Ю.А.Топорковым, также и следующая ссылка.
xxx| См. "Русский Инвалид" № 191 за 1852г.
xxxx| См. "Русский Инвалид" № 39 за 1845г.
xxxxx| Построенный тогда же в Калише памятник, был уничтожен поляками в 20-х годах текущего столетия.

Владимир фон-РИХТЕР

СВЕТИЛЬНИК ОТЦОВ.

Посвящается "югославским корпусам".

Под Орлом, на Дону, на Кубани,
На Украйне, в Ногайской степи
В знойной пыли и в снежном буране
Проложили мы кровью пути.
    В Ярославле, в Кремлевских проходах,
    В Оренбургском кровавом снегу,
    У Корнилова, в первых походах,
    Под Одессой, в двадцатом году.
Как забыть наш значок полинялый
На холодном трехгранном штыке,
Что венчался под Канделем славой,
В недрогнувшей кадетской руке.
    Как забыть "Зиегиели" кавказской
    Панихидный торжественный звон
    И слова что, не должен мараться
    Никогда наш кадетский погон.
На парадах знамена не вились,
Нас приемам никто не учил,
"На-краул" мы держать научились
У раскрытых кадетских могил.
    Мы кадетских погон не марали,
    Мы кадетскую честь сберегли,
    Мы на Родине все им отдали,
    На чужбину с собой унесли.
И, десятками лет, сохраняли
Унесенный Светильник Отцов
На коленях, пред ним поминали
Память павших кадетских бойцов.
    Нет отцы. Нам не стыдно. Наследство
    Ваше, с честию, мы пронесли
    В нас трепещет кадетское сердце
    Дух кадетский не умер в груди.

Е. ЯКОНОВСКИЙ.

ТОВАРИЩИ

Грязная лапа большевизма, сломавшая все до чего бы она ни прикасалась, осквернила и прекрасное Русское слово "товарищ", - столь дорогое для нас, старых кадет, привыкших связывать с ним все, наиболее светлое и хорошее из минувших пор в родном корпусе. Нигде в России чувство товарищеской спайки так не культивировалось и не ценилось, как в старых кадетских корпусах: там оно достигало примеров поистине героических. Поэтому, для меня, слово "товарищ" сохраняет свой прежний смысл, какой давали ему наши кадетские традиции, а не мерзкую окраску, приобретенную им в устах "советских людей", благодаря "светлому октябрю".

Я поступил в Воронежский кадетский корпус из дома, прямо в 4-й класс, что было явлением не совсем нормальным, - а потому, на первых порах, встретил со стороны кадетского коллектива отношение к себе критическое и выжидательное. Для кадет моего отделения, проживших друг с другом за три года совместной жизни, я был, конечно, элементом чуждым, или "шпаком", как именовались на кадетском языке все лица не принадлежавшие к военной среде.

В младших трех классах, новичков, обыкновенно, поколачивают "майоры" - второгодники, делая из них, этим путем, "настоящих" кадет. В четвертом же классе такой способ был уже не принят, и товарищи, ограничивались, в отношении меня лишь насмешками крупной соли, если я совершал какие либо промахи, с кадетской точки зрения.

Надо прямо сказать: для подростка 14 лет, каким я тогда был, да еще после удобного домашнего приволья, стать кадетом было не так легко. Было далеко недостаточно надеть кадетскую форму, надо было узнать кадетскую жизнь и приникнуть к ее быту, понять ее дух и обычаи, словом - морально и физически переродиться. А сделать это было необходимо, возможно скорее, в моих собственных интересах: печальный результат сопротивления корпоративным началам и традициям стоял у меня перед глазами. Приехав, как и я, князь Г., горячий и смелый кавказец, - с первых же дней стал вести себя вызывающе в отношении своих одноклассников, которые над ним, как над всяким новичком начинали потешаться. Обладая значительной физической силой, Г. даже поколотил нескольких своих обидчиков из старых кадет. Этого кадетский коллектив потерпеть от новичка не захотел, и в один печальный для князя вечер ему устроили "темную", т.е., неожиданно, накрыв его шинелью, жестоко побили. Причинивший к себе такое внимание и уважение бедный князек оказался сильно помятым, но благоразумно смирился - и, впоследствии сам стал одним из наиболее рьяных защитников кадетских обычаев.

Самым трудным в кадетской жизни для меня по началу, естественно были [illegible] строевые занятия. Мои товарищи по классу, уже изучившие в течение трех лет военный строй, конечно, знали его твердо, тогда как для меня это была совершенно новая наука, которую не только приходилось воспринимать вновь, но и догонять других в отчетливости ее выполнения. Первые месяцы я, как истый новичок, считал все строевые учения своего рода отягощением, что [illegible]-

-воспитателя и возбуждало веселье кадет. Однако, с течением времени все вошло в нормальную колею - и через год - в качестве правофлангового, я уже давал темп и равнение моему отделению. Помогло здесь и то, что благодаря деревенской жизни, я был крепкий и здоровый мальчик, привыкший ко всяким физическим упражнениям, вырабатывающим у человека чувство темпа.

Еще одна сторона кадетской жизни, которую надо было изучить - это искусство иметь воинский вид. Чтоб носить военное платье нужна не только привычка, но и "уменье" носить мундир, без чего человек, - будь он мальчиком - кадетом или взрослым, выглядит в форме только штатским переодетым в военного, как это часто бьет в глаза на сцене театра у артистов, играющих роль офицеров.

Мундир, шинель, фуражку, даже башлык надо уметь носить, без чего из мальчика никогда не получится "отчетливого кадета".

Для придания мне воинского вида, надо мной в поте лица трудились несколько месяцев не один офицер-воспитатель подполковник Садлуцкий, но и все кадеты отделения, для которых это было вопросом самолюбия. Мне пришлось заново учиться говорить, сидеть, ходить, здороваться, кланяться, словом перестроить все мое существо на новый лад. Надо отдать справедливость моим товарищам-кадетам: никто из них, ни при каких обстоятельствах, не отказывал мне ни в совете ни в помощи. Скоро я почувствовал, что холодок, с которым меня встретило отделение, постепенно исчез. Я также все более чувствовал симпатии к своим новым товарищам. Из них несколько человек стало для меня истинными друзьями. Ощущение солидарности и спайки овладело мной окончательно после того, как однажды я подрался с кадетом чужого класса и вдруг, к моему изумлению и несказанному удовлетворению на помощь мне бросились чуть не все мои одноклассники.

К Рождеству подполковник Садлуцкий решил, что я более или менее принял кадетский вид, научился ходить и отдавать честь, а потому мо[гу] быть отпущен в город без особого риска "осрамить роту". Осрамить было нетрудно, ибо в то доброе, старое время существовало великое разнообразие форм, чинов, погон и для распознания их требовалась немалая практика. Из общих правил для обозначения чинов, было множество исключений и отклонений, хотя и имевших свои основания и резоны, но зачастую сбивавших с толку неопытных кадет и юнкеров.

Неудивительно, что с кадетами младших классов, еще не твердых всех этих тонкостях, постоянно происходили недоразумения, которые [для] меня, кадета Второй роты, были конечно недопустимы. Так, некий маленький кадетик, идя по улице со своей мамашей, стал лихо во фронт какому-то военному фельдшеру из подпрапорщиков, сложные погоны которого поразили. Другой, с презрением, смерил взглядом и не отдал чести старику Милютину, шедшему в неудобной на голову фуражке времен Александра II и накидке того же времени. Я сам в первый год моей кадетской жизни отдал честь бравому солдату-кавалергарду, - огромному,

сияющему кирасой и каской с орлом, в белом блестящем колете, и ожиданно выходящему на меня из за угла, как живой памятник военной славы.

Выпустили меня впервые на улицу не одного, а под наблюдением старшего отделения Костылева, шедшего в город, по одному делу со мной. Шел же к фотографу для того, чтобы тоже впервые сняться в военной форме.

Этот снимок был для моей семьи вопросом чести. Начиная с самых отдаленных предков и в течение пятнадцати поколений, от отца к сыну и внуку, без единого перерыва, моя семья несла свои "дворянские службы на ратных полях "конно, людно и оружно". Не было на протяжении последних пятисот лет в истории России ни одной мало-мальски крупной кампании, в которой не участвовали бы члены нашей семьи. Жаловались они и Иваном III и Грозным Царем вотчинами "за Государевы ратные службы", а первыми Романовыми "за Московское осадное сидение". Награждались жалованными царскими "золотыми" за "многие труды и раны" при славном Царе Алексее Михайловиче. Участвовали "поручиками и цейхмейстерами" в походах Великого Петра, ходили бригадирами и майорами с Суворовым через Альпы. В Отечественную войну, трое из моих прадедов заслужили к 30-м годам генеральские чины. От, вывезенных из Венгерской компании ран и холеры погибли два моих деда. Дед – тезка мой, по имени, отчеству и фамилии, погиб в лихой конной атаке под Силистрией. Его брат, прямо со школьной скамьи, юным прапорщиком пошел на усмирение польского восстания.

В нашем старом, помещичьем кругу, с военной службой не связывали каких-либо выгод или материальных благ: это был скорее моральный долг каждого мужского представителя семьи по отношению к Родине, давшей дворянству "вольности и привилегии". По этим причинам в среде, к которой принадлежала моя семья, на военной службе оставались недолго, выходили в запас и отставку в чинах не выше ротмистра, прослужив лет с десяток. "Свиты Его Величества подпоручик Корпуса Колонновожатых" важно расписывался на бумагах мой прадед и ни за что не хотел менять это почетное звание на довольно значительный штатский чин, на который имел право за долгую службу по выборам. Отец мой, вышедший в отставку капитаном-инженером, как только отбыл обязательные за Академию три года, не допускал и мысли для меня другой службы, кроме военной, и мать с ним была вполне согласна.

Потому-то теперь, уверенно шагая по городу, я и шел сниматься в военной форме, что этого категорически потребовал отец. Костылев и два других кадета, также отправлявшиеся к фотографу, еще не выходившие из роты, проявили ко мне самое отеческое попечение. Они и осмотрели меня, как мать – невесту, они чуть не подрались, отдавая мне свои шинели, раза три-четыре снимали и снова надевали фуражку на мою стриженную голову, после долгих препирательств, забраковали казенный башлык, заменив его собственным одного из них, который, толкаясь и сопя, приладили по мне и признали хорошего кадетского тона. Тут же было условлено, что при встрече с начальством, которому поло-

галось становиться во фронт, я немедленно должен занять левый фланг где не будет заметно, если я уроню служебный вес.

Путешествие к фотографу обошлось впрочем благополучно, и моя первая фотография в военной форме была отослана домой, чтобы украсить семейный альбом. Мне она казалась тогда прекрасной, но впоследствии перейдя в старшие классы и постигнув все тонкости военного щегольства, взглянув на эту фотографию, мучительно краснел от вида изображенной на ней маленькой фигурки, в стоящей колом шинели. Кончилось тем, что ее вытащил из альбома и истребил, - о чем, разумеется, потом очень сожалел.

Помимо крепкой спайки, была в корпусном товариществе и еще одна прекрасная черта, общая, впрочем, для всей Русской военной среды: между нами не было места каким бы то ни было национальным трениям. В нашем корпусе состав кадет был чрезвычайно пестрым: поляки, немцы, Русские, грузины, татары, черкесы, эстонцы и финны имели в нем своих представителей. На первых порах поступления в кадетские ряды, я, обходя как-то спальню и читая фамилии на ярлыках над кроватями, заинтересовался именами некоторых кадет и спросил у одного из товарищей о их национальности. Ответом мне было полное недоумение: кадеты понятия не имели, что не все они единого Русского народа и очень удивились, когда я им сообщил свою догадку. Объясняется это тем, что в мое время кадеты почти без исключения принадлежали к военным семьям, где с молоком матери всосали понятие, согласно которому все служащие Царю и Родине принадлежат к единой военной семье, без различия расового происхождения. Надо отметить, что особенно верными в товариществе и надежными друзьями были кавказцы всех национальностей; с кадетских лет я привык любить и уважать - и никогда не соглашусь с людьми, пытающимися доказать, будто друзья моего детства и юности стали теперь иностранцами и врагами нашей общей Родины. Привыкнув к корпусу, став кадетом душой и телом, - я до нынешнего дня, уже на склоне лет, помню и люблю родной корпус. Ни одно из учебных заведений России не давало молодежи столько доброго и хорошего, как наши кадетские общежития, где воспитывались для службы Родине, здоровые телом и духом люди, составлявшие основу, костяк Русской Армии - ее кадровое офицерство.

Испытав на себе все преимущества товарищеского отношения друг к другу, всосав в себя все кадетские традиции, я сделался одним из их горячих защитников. Перейдя в шестой класс, я за это жестоко поплатился.

Первопричиной этого памятного происшествия было, что подъем в шесть часов для меня, в ноябре и декабре, являлся истинной мукой. Холод в спальне стоял адский, спать хотелось подчас прямо до обморока. Во всем остальном, не кадетском, мире в этот ранний час стояла еще черная ночь, только длинный ряд освещенных окон корпуса светился над спящим Воронежем. Бывали дни, когда не выдержав пытки раннего вставания, кадеты забивались куда попало, лишь бы "доспать" хоть несколько минут. Чаще всего им служила "ши-

"ночная комната", где складывались запасные одеяла и висели наши шинели. Воспользовавшись тьмой, счастливцы, укладывались на полу под кучей шинелей и уже не нуждались как для тепла – так и для укрытия собственной особы; хотя в эту шинельную вел ход из комнаты дежурного офицера. В таком положении "спящего пикета", иные досыпались до того, что пропускали утренний чай и два-три первых урока. В случае поимки, преступление это каралось строго. Поэтому более спокойным и совершенно безопасным местом для любителей поспать являлся корпусный лазарет; – вообще приятное место. В отличие от холодной роты, где проклятые дядьки распахивали настежь все окна, не считаясь ни с сезоном, ни с погодой, – здесь, в уютных лазаретных комнатушках стоял приятный утренний полумрак и потрескивали печки, наполнявшие палаты теплом и сонной дремой. Кровати здесь стояли тоже особенные, широкие и мягкие, манившие к неге и отдыху. За пять лет корпусной жизни мне ни разу не удалось заболеть и попасть в лазарет, так сказать, на законном основании. Однако для незаконного помещения туда, у нас имелись в старших ротах верные и испытанные способы. Маленькие кадеты, обыкновенно, с детской наивностью, пытались незаметно настукать температуру до требуемой цифры, 37,6 – 40,0, но при наличии опытного в кадетских фокусах медицинского персонала, удавалось это не часто. В старшей же роте, умели попадать в лазарет, не прибегая к таким допотопным способам. У нас просто имелась пара термометров, одинакового с лазаретными, образца. Взыскующий лазаретной койки являлся к врачу, уже имея под мышкой собственный градусник, заранее приготовленный. Казенный термометр вынимали под рубашкой, а через пять минут предъявляли собственный, с нужной температурой.

Попав однажды, именно таким способом, не подлинным больным, я оказался в лазарете старшим из находившихся там кадет. Нужно сказать, что в лазарете суточное дежурство несли фельдшера, окончившие Военно-фельдшерскую школу и, хотя носившие звание нижних чинов, но, как все медицинские, имевшие о себе очень высокое мнение. Это были фактически молодые люди, считавшие себя гораздо выше кадет, и [illegible]. Подавляющее большинство полу-интеллигентов, вышедших из народа, но [illegible] не попавших, они были грубы с маленькими кадетами, но боялись старших.

Когда я попал в лазарет, малыши мне доложили, что накануне за завтраком дежурный фельдшер, в отсутствии офицера, грубо обругал одного из маленьких кадет. В качестве старшего, я немедленно доложил о происшествии заведующему лазаретом подполковнику [illegible]. Однако, последний, привыкший к постоянным трениям между кадетами и фельдшерами, не обратил на мой доклад внимания. Убедившись, что никакого взыскания от начальства фельдшер не получил, я созвал заседание старших кадет. Было единогласно решено устроить фельдшеру "бенефис". В 10 часов вечера, когда все уже лежали в кроватях, а [illegible] ушел к себе домой, сразу во всех

палатах начался кошачий концерт, а, прибежавшего на шум фельдшера забросали сапогами и плевательницами. Спешно вызванный подполковник Микоцкий, по указанию фельдшера, немедленно отправил меня, как зачинщика, в роту. Это было совершенно правильно; в качестве старшего, я был ответствен за происшествие. На другой день, созванный Педагогический Совет присудил меня к аресту на неделю и к сбавке балла за поведение " до 8-у. При II баллах, полагавшихся в шестом классе "за отличное поведение", это было маловато и явилось своего рода "рекордом". В карцер ко мне явился с визитом сам директор корпуса генерал М.И.Бородин.

Огромный, важный, во всем блеске своей генеральской формы, он долго меня рассматривал с головы до ног, склонив голову на бок, а затем медленно и многозначительно произнес: "Был конь, да изъездился, - был кадет да испортился..." и посоветовал написать отцу, чтобы тот временно взял меня из корпуса. В прежнее время эта мера применялась в корпусах в отношении кадет, хорошо учившихся и добропорядочного поведения, но которые, в периоде формирования ни с того ни с сего начинали дурить. Это называлось "отправить на исправление к родителям".

Отец мой, сам бывший кадет, сразу разобрался в положении вещей и через неделю я уже был в родной усадьбе, на положении ссыльного. Должен признаться: за все учебные годы это был самый счастливый период моей жизни. Правда, увлекшись охотой с борзыми, я забросил науки, и, вернувшись в корпус, срезался на весенних экзаменах и засел на второй год в шестом классе. Но, положа руку на сердце, не жалел я и не жалею до сих пор этого "погибшего" года, давшего мне в замен столько охотничьих радостей.

АНАТОЛИЙ МАРКОВ.

ВЗРЫВ И ГИБЕЛЬ "ХАТСУЗЕ"

В несчастной для нас, Русских, войне с Японией был один день, когда судьба улыбнулась Русскому Флоту. Если бы в этот день, во главе Тихоокеанской эскадры, в Порт-Артуре стоял энергичный и решительный адмирал, война на море приняла бы другой оборот и, мне кажется, была бы выиграна Русскими.

2 мая 1904 года утром я, по обыкновению, обходил заградительные миноносцы 2-го Отряда, на котором, в то время, я состоял Отрядным врачом. Большая часть миноносцев отряда, как всегда, борт о борт в Гнилом Углу гавани, ошвартовавшись у стенки. Меньшая же часть, обычно нагружавшаяся минами, находилась около минных складов под Золотой Горой, при входе во внутренний бассейн.

У Гнилого Угла, на набережной, я встретил Капитана 2 ранга Карцова, командира "Властного", который пригласил меня к себе на завтрак, обещая борщ с маслинами, который кок его миноносца довел до художественного совершенства. В разговоре, Карцов сообщил мне, что накануне, воспользовавшись отсутствием японских судов на горизонте и мглистой погодой, минному транспорту "АМУР" удалось поставить большое количество мин далеко в море, на пути обычных наблюдательных прогулок японских линейных кораблей, блокировавших наши базы. После гибели "ПЕТРОПАВЛОВСКА" они не приближались к гавани, а, обычно, держались на расстоянии около 10 морских миль от входа в гавань. С Золотой Горы, около 200 метров высотой, эскадру можно было видеть в ясную погоду простым глазом.

Продолжая свой путь, после встречи с Карцовым, я услышал от офицеров нашего отряда, сообщивших мне, что большой японский броненосец, наскочил на мину, поставленную накануне "АМУРОМ". С Золотой Горы передают, что на горизонте виден пылающий броненосец под креном и вокруг него много шлюпок. Все эти люди бегут на Золотую Гору, чтобы посмотреть на происходящее. На миноносце, у угольной стенки, я встретил нашего отрядного артиллериста Лейтенанта А.П.Колчака, который тоже хотел видеть эту новость.

Оставив свой обход миноносцев, я тоже пошел на Золотую Гору. На ее вершине, около сигнальной мачты было уже большое общество — много офицеров с различных судов и масса сигнальщиков-матросов. Взоры всех были устремлены в дальний и чуть заметный

мглистий горизонт. В бинокли и подзорные труби старались разглядеть происходящее у врага.

С большой висоти, море казалось гладкой матовой зеленоватой бесконечностью, сливающейся с горизонтом - но очень далеко можно било, простим глазом заметить группу черних точек разной величини. Сигнальщики рассказивали, что с утра не сводили глаз с горизонта. Японские силуэти появились, как всегда, в том же секторе, где обично блуждали. Когда "ЭТО" случилось, к потерпевшему стали подходить из за горизонта другие корабли. Наиболее зоркие и опитние утверждали даже, что пострадавший корабль имеет большой крен.

В толпе офицеров я заметил и вновь назначенного флаг-капитана Командующего Эскадрой, капитана 2-го ранга фон-Эссена, бившего командира крейсера "НОВИК", уже прославившегося своим мужеством., активностью и инициативой, в этой должности. Эссен, маленький, рижеватий, с рижинькой бородкой, не имел воинственного вида. Он бил со всеми одинаково вежлив и приветлив. При его мужестве, уже всем известном, эти его качества еще более располагали к нему. Тогда уже, этот видающийся впоследствии адмирал, почитался всеми на первом месте, среди достойнейших флотских офицеров, - командиров.

Мой собственний прекрасний призматический бинокль Цейса, купленний мною в Гвардейском Экономическом Обществе, утонул вместе со "СТЕРЕГУЩИМ", и я остался в этот, исторический, период моей службы во флоте - без бинокля. Желая посмотреть на наш реванш, столь радовавший нас всех, я попросил бинокль у соседа и, под объяснения сигнальщика, стал всматриваться в горизонт. В бинокль картина прояснилась. Я увидел пострадавший японский корабль, различил его труби, мачти и вокруг корабля с десяток, не то катеров, не то миноносцев, которие находились близко к нему и, вероятно, снимали с него команду и ценний груз.

Лишь только я возвратил бинокль моему соседу и вновь стал всматриваться простим глазом в группу на далеком горизонте, как вдруг увидел, что с большого, ближайшего к пострадавшему, японского корабля, вирвалось черное облако с огнем, под тупим углом, вверх и в сторону, причем такого размера, что раз в десять превишало размери корабля и продолжало не очень бистро расти. Крик изумления вирвался одновременно у всей масси наблюдающих. Через 5-10 секунд с этого же корабля вирвалось второе и такое облако с ярким пламенем, размером раза в три больше первого, тоже вверх под углом, но, направленное в противоположную сторону. Оно также стало не очень бистро расти вверх и в ширину. Все замерли от изумления ... Затем грянуло могучее "ура" и шапки полетели в воздух. Как завороженний, я не мог оторваться от этой картини

страшного взрыва, на расстоянии около десяти морских миль от нас.

Постепенно оба шаровых облака чуть оторвались от тела корабля, и стали медленно подниматься кверху, сливаясь расширялись. Из воды на значительную высоту поднялся нос японского броненосца и, медленно опускаясь, стоя вертикально, носом кверху, корабль исчез с морской поверхности.

Вся катастрофа с этим японским броненосцем, в точности повторившая собой взрыв и гибель "ПЕТРОПАВЛОВСКА", свершилась в течении одной минуты. Два облака густого, черного дыма это все, что осталось от японца. Красные пятна на небе смешались с тучами и, расплываясь, постепенно исчезли.

Восторгам и радостям не было предела. Все поздравляли командира "АМУРА" с таким исключительно выдающимся постановки заграждения. К сожалению, несмотря на настояния флаг-капитана Н.О. Эссена, флот не вышел в море и был потерян, может быть единственный, случай сразиться с японским флотом в выгодных для нас условиях, разбить его и, тем самым, получить владычество морем [illegible].

Ч.И. КЕФЕЛИ.

Забытая страница Русской истории

(Окончание)

Ввиду полной беззащитности Англии, можно было ожидать высадки в революционно-настроенной Ирландии. А условия были для Французов несравненно выгоднее, чем при позднейшей попытке, организованной Лазарем Гошем 21 Термидора VI года (1-го Августа 1798 года), когд сравнительно слабый десант генерала Эмбера, хотя и потерпевший в конечном итоге неудачи, заставил всю Англию пережить немало треве ных дней...

Поддавшись убедительным просьбам Гренвиля, граф Воронцов, на свой страх и риск, согласился отсрочить уход эскадры на три недел (его решение было, повидимому, одобрено и срок продлен, так как к времени восстания, полгода спустя, эскадра все еще оставалась в А глии). И вот, когда 7-го Мая 1797 года боцман Паркер, провозгласи себя командующим флотом, поднял знамя восстания, когда Лондон, ли шенный подвоза продовольствия, трепетал перед бунтовщиками, когда торговля замерла, а на бирже шло катастрофическое падение ценност охрану Англии от возможного нашествия несла одна небольшая Русска эскадра контр-адмирала Макарова, зорко наблюдавшая за Батавским ф том и готовая преградить ему путь.

Условия работы в эмиграции не позволили использовать подлинн авторитетных документов (каковыми являлись бы в данном случае фл манский и вахтенный журналы эскадры), чтобы "стопроцентно" утверж дать участие нашей эскадры в подавлении мятежа. Но, сопоставляя факты,- можно притти к довольно определенным заключениям. Во первых: какими силами мог быть подавлен мятеж, если у Англии оставалось всего два верных корабля. Во вторых : имеется написанное в с мых сердечных выражениях письмо короля Георга императору Павлу,вы ражающее благодарность за "спасение Англии в момент величайшей оп ности"... Такое выражение ясно указывает на нечто большее, чем па сивную блокадную службу.

Но еще показательнее - награда Макарову - осыпанная бриллиан тами золотая шпага... Совершенно ясно, что нельзя было награждат Русского адмирала за приведение в повиновение английского флота и шпага эта была пожалована королевским рескриптом - официально - з "содействие английскому флоту при Текселе." На ее клинке была вы гравированна дата : "Тексель, Июня 12 дня 1797г."

Но если опять таки, сопоставить события и вспомнить, что ре шительный бой правительственных сил с мятежными произошел 13го Ию ня, то становится более, чем очевидным, что 12-го числа, накануне никакой английский адмирал ничего не мог предпринять под Текселем по той простой причине, что ... не имел флота. И наше смелое утве ждение, что адмирал Макаров был награжден ИМЕННО за АКТИВНОЕ учас тие в подавлении мятежа, становится более, чем правдоподобным.

29-го Июня, в Лондоне, состоялась казнь Паркера - заключите
ный акт этой темной страницы истории британского флота...

На следующую кампанию Англия поставила себе первой задач
покончить с увеличившим силы французов батавским флотом... Пос
сражения при Кампердоуне осенью 1798 года /второго в истории и, н
этот раз, удачного для Англии, чем и объясняется позднейшее нали
чие в английском флоте кораблей, носящих название "Кампердоун"/
батавский флот укрылся в Текселе и других портах. После взятия а
гло-русским десантом укреплений Гельдера, заблокированный в Тек
селе флот сдался без боя союзной эскадре. Русские силы в ее сост
были : эскадра Макарова и пришедшая из Балтики эскадра Тэта - пя
кораблей и два фрегата.

Командующий батавским флотом адмирал Сторей был не в состо
оказать какое либо сопротивление, ввиду отказа команд сражаться
против союзников, несших на стеньгах штандарты Оранского дом
в знак того, что они борятся не против Голландского народа, а ис
ключительно против насаждённой Францией Республики.

Со свойственной России щедростью, сдавшиеся Макарову два ко
рабля /в том числе и флагманский корабль Сторея "Вашингтон"/ пе-
реданы были Англии и только флаг и гюйс с одного из них были сд
на хранение в Петропавловский Собор.

В заключение приведу текст оффициального документа - постан
ления британского адмиралтейства, врученного адмиралу Макарову :
"Лорды, члены Адмиралтейств-коллегии, сим изъявляют, что Его Ве
личество Король Великобритании и вся Нация весьма уважают усердие
верность всех находившихся в бывшую успешную экспедицию морских
чинов и с совершенной признательностью чувствуют, какую сильную
помощь при этом случае оказали Ваше Превосходительство, равно ка
и вице-адмирал Тэт, все капитаны, офицеры, матросы и солдаты быв
шие на кораблях, Его Императорского Величества Государя Российс
го. Почему и просят вас, об этом объявить всем вашим подчиненным

Не впервые флот безупречно выполнил возложенную на него стр
тегическую задачу. Больше того - он сыграл крупную роль в жизни
союзной страны, оказав ей в критический момент ее истории, неоц
нимую услугу.

Не впервые и Англия по своему отблагодарила союзника. Перей
дя от красивых слов к "реальной политике", она нарушила договор,
по которому и обязалась передать остров Мальту Ордену Св. Иоанна Ие
русалимского, присоединив остров этот к себе.

Вместе с другими неприязненными действиями Лондонского каби
нета, это нарушение торжественного обещания, глубоко оскорбител
ное для Императора Павла I, и как Российского Монарха, и как Ве-
ликого Магистра Ордена, заставило Его пойти на разрыв с Англией
и привело к созданию Северного Союза.

М. фон КУБЕ

ВОЙНА

Я поступил, в 1912 году, в приготовительный класс Хабаровского, графа Муравьева Амурского, кадетского корпуса, в котором уже учился мой брат, Андрей.

Мало кто знает, даже среди бывших кадет, что с 1910 года, в Хабаровском корпусе, также как и в обоих Оренбургских, Ташкентском и Иркутском, немецкий язык был заменен - английским, а приготовительный класс числится в младшей роте |в мое время третьей, а позже четвертой| и носил нормальную кадетскую форму. Зимой нам полагались черные мохнатые папахи, замененные в 13 году серыми барашковыми |черные донашивались как вседневные|. Корпус имел еще несколько оригинальных черт, отличавших его от большинства Российских корпусов, как например, отдельные для каждой роты столовые, фонтан в ротном зале Первой роты и отдельную от корпусного здания церковь, в которую, в лютые сибирские зимы, мы ходили в шинелях. Впрочем, еще в мое время, к корпусу пристраивались крылья в форме букве Е, в которые впоследствии перешли все общие службы, что позволило перейти на 4-х ротную систему.

Как сейчас помню, огромный плац, в добрый километр квадратный и за ним "Китайскую слободку", длинный деревянный забор, отделявший плац от казарм 10 Сибирской Артиллерийской бригады, в которой служил мой отец и за которым ржали батарейные лошади. Зимой у нас строилась великолепная ледяная гора, а нашему катку мог бы позавидовать любой спортивный клуб.

В Хабаровском корпусе, в отделении штабс-капитана Косенко, я пробыл три года. В нем же меня застала война. Помню мы были этим далеким уже, вещим и грозным летом в Благовещенске, где находился в лагерях, наш второй, Хабаровский, дивизион 10 бригады. О войне узнали на пароходе между Благовещенском и Хабаровском.

Огромный "Цесаревич" Амурского Общества Пароходства и Торговли, напрягаясь, тянул груженные пушками, лошадьми и солдатами баржи, между далекими, иногда еле видимыми, берегами великой сибирской реки. Дни были солнечные и жаркие. Стояло позднее и знойное, дальневосточное, лето. Огромные боковые колеса парохода мягко стучали по воде, рябя зеркальную, сияющую на солнце, поверхность реки. Приятно пахло перегретым паром. В кают-компании первого класса, молоденькая баронесса Франк играла на рояли. Их было несколько милых и свежих барышен, срочно вызванных семьями в Хабаровск из дачных мест на Амуре и, которым разрешено было пойти на "Цесаревиче", зафрахтованном, на рейс, военным ведомством. Брата и меня, совсем в то время маленьких кадетиков |брат только что перешел в третий класс, а я во второй| они, с самого начала, взяли под свое покровительство, и мы проводили в их обществе все время.

Я люблю музыку и, особенно рояль, с самого детства, потому я сидел в этот день после завтрака в кают-компании и слушал ноктюрны Шопена, которые играла молодая баронесса. Все же, как ни любил я Шопена, когда затрубил встречный пароход и "Цесаревич" ответил ему густым и низким басом своей сирены, я, рискуя показаться невежливым, выскочил на палубу. Это так интересно и красиво : встреча двух пароходов на широкой реке. Особенно, если бы это был красавец "Сормово", самый новый, самый быстроходный и большой пароход на Амуре. Но навстречу шел не белоснежный "Сормово" а однотипный с "Цесаревичем" - "Барон Корф", который в начале лета вез нас из Хабаровска в Благовещенск. В подобных случаях, публика всегда собирается на палубах, машет платочками, посылает воздушные поцелуи, кричит. Криков не слышно из за шума машин и колес, да и расстояния на Амуре - большие. Кричат, конечно, что то хорошее, веселое, приветливое и разноголосое. Но на этот раз, пассажиры "Корфа" кричали нам как то странно однообразно. Из кают, застегивая на ходу пуговицы кителей выскакивали офицеры и торопливо звеня шпорами, поднимались на палубу. На мачте "Барона Корфа" взвились пестрые флажки сигнала. Видно было, как заволновались на капитанском мостике "Цесаревича". Взволнованный и возбужденный помощник капитана почти бегом спускался по трапу, ведущему на палубу первого класса. Здесь уже были все пассажиры.

- Господин полковник,- обратился он к командиру Дивизиона полковнику Бенуа. Но с "Корфа" уже кричали что то в рупор...на на...на...сначала, я различил только последний слог.

- Господин полковник,- продолжал помощник капитана,- с сегодняшнего дня мы находимся в состоянии войны с Германией..... Война...война....война... кричал рупор "Барона Корфа".

Полковник Бенуа вытянулся, приложил руку к козырьку и, дрожащим, неверным голосом, запел первую строку Гимна. Выбежавшие на палубу, поручики и капитаны подхватили слова и, над широким Амуром, торжественно загремел Русский Народный Гимн. Слезы катились из глаз старого полковника Бенуа также, как и у одиннадцатилетнего кадета Хабаровского корпуса. Тридцать восемь долгих и не всегда счастливых лет прошло с того дня, но вот все видится искрящийся на солнце, могучий Амур, светло-кремовый, расцвеченный сигнальными флажками, двухтрубный "Барон Корф", старый Русский полковник, с катящимися по морщинистому лицу слезами, голубое, спокойное и глубокое небо, белые и защитные кители офицеров и слышится мощная и торжественная музыка Гимна.

Десятая Сибирская Стрелковая дивизия ушла на далекий фронт, только в Ноябре. Она входила в состав знаменитого впоследствии 4-го Сибирского Корпуса, покрывшего себя славою под Прасnышем, на Нареве, под Сморгонью и в Румынии.

Мы, т.е. 2-е отделение 3-го Класса, были тогда старшим отделением третьей роты - первое отделение было уже во второй из за все того-же, неравномерного распределения помещений Хабаровского корпуса. Сначала жизнь мало изменилась в красивом, с огромным центральным куполом, здании на Военной Горе. Стали читать иллюстрированные журналы, в которых огромные и бравые Русские солдаты кололи маленьких, бегущих немцев, под Гумбиненом и печатались фотографии офицеров, еще в старых, с двумя катушками на воротниках, мундирах. Тяжело ранен, пал смертью храбрых, награжден Орденом Св.Георгия. Как хотелось быть тяжело раненым или пасть смертью храбрых и обязательно быть награжденным Орденом Святого Георгия.

Но мы были всего лишь кадетиками младших классов, а война должна была кончиться через три-четыре месяца. Шестая дивизия ушла раньше десятой и половина кадет сразу приуныла. Тяжелые ранения, смерть храбрых и Орден Святого Георгия были не для нас а по для наших отцов. А как было приятно, с какой гордостью собирал одноклассников у окна ротного зала, когда раньше, до войны, раз два в неделю, перед корпусом проходила "наша" четвертая батарея десятой бригады и перед ней на золотисто-рыжем меренце "Цезаре", в светлосерой походной шинели, обтянутой офицерской аммуницией, небрежно покачиваясь в седле, проезжал отец. В Ноябре и он ушел где то в середине длинного эшелона красных вагонов, на которых было написано :"Сорок человек, восемь лошадей".

Наш любимый в роте воспитатель, маленький, строгий, справедливый и любящий подполковник Манковецкий объяснил нам "неудачу" под Сольдау, как тогда называли в России гибель Второй армии Генерала Самсонова, в Восточной Пруссии.- В большой войне бывают всегда неудачи, - нам попало от немцев, зато как мы бьем австрия Тогда гремели победы в Галиции. Казалось, вот-вот кончится войн и нам не удастся пасть смертью храбрых. Вместо того нужно было попрежнему отвечать на уроках, писать письменные работы, стоять на штрафу у комнаты дежурного офицера в одних подштанниках, заткнутых в сапоги |это за вечерние провинности|. Зимою опять были ледяные горы и, на хоккейных коньках, бегали спортсмены из стар ших классов. На Амуре, немецкие пленные достраивали трехверстный мост.

Портреты в "Огоньке" сначала нарядились в кителя и гимнастки цвета "хакки", а потом, понемногу исчезли. Тысячами и тысяча падали "смертью храбрых", Русские офицеры на полях Польши и Галиции, на Карпатах и в болотах Восточной Пруссии, и никакие "Огонки" не могли поспеть за кровавой рекой, потекшей из сердца Руссго служилого сословия ; и мы, мальчики всех Российских корпусов готовые "пасть смертью храбрых", не могли заменить тех, которые падали каждый день между Балтийским морем и Буковиной.

Кровоточила, исходила кровью славная Российская Армия, все чаще и чаще служились панихиды по павшим питомцам корпуса, и те нетерпеливее ждал экзаменов выпускной класс.

С выпускными классами, отправлявшимися раньше времени, без летних каникул, в военные училища, уехали и мы с братом навсегда из Хабаровска в мае пятнадцатого года.

Тогда уже ломился Макензен через Карпатские перевалы, над Горной Долиной, лилась кровь на Бзуре, у Прасныша и над злосчастной Козювкой. "Кадетский" вагон часто ждал на запасных путях уздовых станций. Ехали долго, дружно и весело. В Манджурии накупили защитных гимнастерок, которые там продавались буквально за гроши. Где же выдержать три недели в белом. Потом, пошло по всей "кадетской" России что "хабаровцы получили, дескать, защитную форму". Очень все завидовали. Все таки как то ближе к "смерти храбрых".

Осенью, все из за того же английского языка, принятые сначала условно, т.е. с обязательством сдачи немецкого за два класса, в I-й Московский, мы уже после начала учебного года попали в Оренбургский Неплюевский, в первое отделение третьего класса, подполковника Григория Константиновича Чердиелли. Оренбургский Неплюевский корпус, пятый по старшинству, | непосредственно после I-го Сибирского | был основан еще при Александре I-м. Он помещался в классическом здании времен Николая Павловича, тождественном постройкам Орловского, Полтавского, Воронежского и Донского корпусов в форме буквы "Е". Корпус был небольшой, трехротного состава и мое отделение находилось уже во второй роте, которой командовал полковник Азарьев. Почти две трети кадет были оренбургские и уральские казаки, но корпус не считал себя казачьим и по внутреннему духу не походил на обособленный и несколько гордый Донской корпус.

Шел второй год тяжелой войны и среди офицеров-воспитателей начали появляться фронтовики из инвалидов и тяжело раненых. К ним сразу проявилось какое то стихийное и мистическое обожание, которое ставило в невыгодное положение наших старых воспитателей подполковников хотя и со знаками Военно-педагогических курсов, но с черными темляками на шашках. На дежурствах израненных капитанов и поручиков царствовали тишина и порядок, никто не стоял на штрафу у дежурки, никто не лазал на чердак, - а это было одним из любимых развлечений. Зато старым воспитателям стало труднее, так как нужно же было куда то девать сдерживаемую, при трепанированной голове есаула Е. мальчишескую энергию.

Понемногу, менялась жизнь. Сначала по утрам перестали давать масло, потом уничтожили вечернее молоко, заменив его чаем. В седьмом классе отменили черчение и начертательную геометрию так-как в России трудно было достать готовальни. С фронта вести были нерадостные, хотя уже не такие тяжелые, как в начале осени. Помню как отец прислал в огромной посылке три немецких каски. Одну мирного времени, черной кожи, с медной гранатой, другую - той же формы из твердого фетра, защитного цвета и, наконец - кирасирскую, белого металла. Это были трофеи 1-го Сибирского Корпуса из под Сморгони, где сибиряки остановили и отбросили немецкие колонны, прорвавшиеся в момент Свенцянского прорыва. Каски торжественно

водрузили над полкой для фуражек. Как то в начале зимы, между дву
уроков, нас спешно построили. В первой роте которую от нас отде-
ляла площадка с пальмами в кадках, ведущая одновременно в Церковь
и на лестницу, кричали "Ура". Случилось, повидимому, что то важ-
ное и счастливое. Взволнованное и сияющее лицо полковника Азарьева
почти вбежавшего в ротное помещение, нам это подтвердило.-"Кадеты
Вчера доблестными войсками Кавказского фронта взята после упорного
сопротивления крепость Эрзерум. Ура Русскому оружию. Ура Государю
Императору, нашему Верховному Главнокомандующему. Ура Русскому со
лдату.

Это было, чуть ли не первым просветом после отступления пят
надцатого года, первой радостью после затаенных обид, после бес-
конечных ударов по самолюбию. Ведь и Русское оружие, и Государь
Император, и Русский солдат были чем то нашим, неотъемлемым, орга
нически слитым с нашей жизнью. Без команды, вторая рота расстроив
ряды, бросилась к своему ротному командиру, крича УРА, беснуясь о
восторга. Неловко и невпопад качали старого и тучного офицера -
ротного, качали есаула Е., качали воспитателей с черными темляками
качали старого сверхсрочного фельдфебеля "Пана", нашего старшего
дядьку.

В эту зиму, мы с братом оставались в корпусе и на Рождество
и на Пасху и, только в мае, после экзаменов, выехали в "кадетском
вагоне 87-го выпуска, спешно направляющегося по училищам. Это бы
ло славное, грозно-торжественное. Гремело в Галиции Брусиловское
наступление, каждый день сводки с фронта приносили известия о вз
тии новых городов, о сотнях орудий и десятках тысяч пленных. Каза
лось окончательно вернулась слава Русского оружия, и не обидно бы
ло больше ни за Государя Императора, ни за Русского солдата.

Собрались, как всегда, к середине Августа. В этом 1916-17го
в седьмом классе было только одно отделение, почему, весь пятый
класс был в первой роте и мы, четвертый оказались старшим классом
во второй. Приятно было дежурить по роте, вести ее в столовую, ко
мандовать "смирно" перед восхищенными взорами малышей из третьей
роты, стоять в Церкви, рядом с воспитателем, с фуражкой в руке. В
этом году мой одноклассник Базаров бежал на фронт, переодетый в
кавказскую черкеску. Черкеска принадлежала одному усатому третье-
класснику из кавказцев, что и погубило нашего героя, добравшегося
все же до Тулы. Но неделю весь корпус жил в напряженном состояни
со страстностью взвешивая шансы Базарова на успех. Подвел его не
совсем обыкновенный цвет черкески, о чем начальство сообщило жан
дармскому управлению. Базарова водворили в лазарет, по известной
традиции, означавшей обыкновенно исключение из корпуса, но не ис
ключили, а перевели, кажется в Ташкент.

Подходило Рождество. На этот раз, мы ехали домой. Опять "ка-
детский" вагон до Тулы. Оттуда скорый поезд на Юг. Пульмановские
вагоны, электричество. Не то что на нашей Рязано-Уральской или Са
маро-Ташкентской. Здесь, в вагоне скорого поезда Петроград-Севас

тополь услышал впервые о "старце", труп которого нашли в Неве. О-пускные солдаты, какие то женщины, одетые по городскому, коммивояжеры, в шапках из фальшивого каракуля страстно обсуждали статью в "Газете-Копейке". Говорили о речи Милюкова, о Штюрмере, Протопопове и еще и еще о старце. Я не знал Милюкова, смутно слышал что Штюрмер - премьер-министр, и уж совсем ничего не слыхал раньше о "старце" и не понимал почему солдаты, женщины и коммивояжеры рад-уются его смерти. Так и заснул, ничего не поняв.

В Белгороде были балы, благотворительные базары, елки дома и знакомых, в Благородном Собрании. Настроение у всех было какое-то приподнятое и тревожное и выжидательно-радостное. Ждали побед в наступающем году. Летние операции на фронте и техническое усиление нашей армии, все позволяло на это надеяться. Много говорилось о Штюрмере, о Милюкове. Теперь я знал что Милюков - "кадет" и что "кадеты" не обязательно учили геометрию, носили погоны и мечтали о дне, когда можно будет надеть штык - говорили о "старце" и его р-ли при Дворе, но здесь я ничего особенного не узнал : как это ни было оскорбительно и обидно, меня еще никак не хотели считать за "сознательного молодого человека" и при моем появлении прекращали разговор. Зато, на Новый Год нас осторвили за столом со взрослыми и позволили выпить по бокалу шампанского.

В начале 17-го года, мы уехали в корпус, на мягком диване в-гоне 2-го класса. Это было в последний раз. После приходилось е-дить и на крыше, и на вагонных буферах.

В конце Февраля, лица наших офицеров казались озабоченными. Старший дядька второй роты сверхсрочный фельдфебель "Пан" прятал газету за отворот мундира, когда к нему кто-нибудь подходил, с д-садой, снимая при этом очки в железной оправе. Потом грянул гром. Сюда, в далекий провинциальный Оренбург, докатилось лишь его эхо. Те же городовые остались стоять на перекрестках улиц, надев на р-кав черной шинели - красную повязку. Вынесли на чердак портреты Царской Семьи, но долго не верили в отречение Михаила Александровича. Наш "англичанин" Лалпон утешился - вот теперь им Николай Н-колаевич покажет. Но Николаю Николаевичу, новые люди из Петербурга "показать им" не позволили. Помню бравого и молодого пехотного о-тера, случайно заговорившего с нами, двумя-тремя кадетами на ул-и узнавшего от нас об отставлении Великого Князя от командования: "Ну, теперь всему табак. Без него воевать не будем. Я не за себя говорю, а за солдата, поверьте мне".

Вот так внезапно из слов полковника Азарьева, в день взятия Эрзерума, выпал Государь Император - оставались еще "слава Русского оружия" и Русский солдат".

Когда мы вернулись в корпус, в Августе - не было больше ни этой "славы", похороненной под Тарнополем и Ригой, ни Русского солдата, утонувшего в кровавой слякоти Калушской резни.

ЕВГЕНИЙ ЯКОНОВСКИЙ.

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСКУПЛЕНИЯХ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

| ПРОДОЛЖЕНИЕ |

XI.

"Слово и Дело"

В тронном зале дворцовом, под роскошным плафоном
Властелинша России, Самодержица Анна
Принимает любезно с всемогущим Бироном
Жениха Цесаревны из земли иностранной.

Блещет люстрами зала, блещет золотом свита,
Музыканты играют на высоком помосте,
Кавалеры при шпагах и в камзолах расшитых
Говорят комплименты именитому гостю.

Улыбаются дамы в разноцветных робронах
Суетятся лакеи, камергеры и шенки...
А в далеких подвалах слышны вздохи и стоны
И трещат чьи то кости на допросах в застенке.

И впиваются плети в чье то бедное тело...
И над пламенем корчится что то живое...
И несется зловещее : "Слово и Дело"
Над несчастной отчизною, ночью глухою.

И идут по России непрестанные казни
И растут по России - что грибы эшафоты...
А в покоях дворцовых - блещет люстрами праздник
И звучат менуэты, ригодон и гавоты,

XII

"Мать Империи Российской
Дщерь Петра - Елисавет."

Блестящий век Елисавет
Течет изысканно и мудро :
Театр, куртаги, менуэт,
Левретки, парики и пудра.

Массонских лож манящий полумрак...
Блеск жирандолей в бальной зале...
Амуры, стрелы, лязг дуэльных шпаг
И пастушки с французской пасторали...

Над Прусской Российский гром гремит.
В дыму баталий вьются знамена
И с яростным "ура", под дробный гул копыт,
Проносятся в атаку эскадроны.

Не зная сил и стойкости Руси,
Напрасно Фридрих спор затеял с нами :
Концерт на флейтах кончен в Сан-Суси
И барабаны замерли в Потсдаме.

Увы. - Надолго ли сей Русских гром побед
И стяги Росские на улицах Берлина.-
Зане во мрак сошла Елисавет
И не пришла еще Екатерина.

Единым росчерком безумного пера.
О, велий срам, предательство и горе.-
Голштинский внук Великого Петра
Подарит Фридриху плоды своих викторий.

VIII

"... и Лейбниц дурак,
зане на часах стоять не
умеет..."

Барабан. Голштинские мундиры.
Караул, гаупт-вахта. Плац-парад.
Угнетаемые сверху командиры
Сами бьют и мучают солдат.

Крик команд. Испуганные лица.
И до вечера, от раннего утра-
Маршировка. Порка. Экзерциции.
Беспощадная, нелепая муштра.

Свищут трости, фухтели и плети :
Всю Россию, Армию и Двор
Гнет в голштинцы Царь наш ПЭТЭР ТРЕТИЙ,
Прусской службы генерал-майор.

И не так уж Богу виноваты
Пред лицом народа и земли
За Царицу вставшие солдаты,
Что Петра с престола низвели.

Но, тому что совершилось в Ропше-
Не снискать прощенья у небес.-
Но напрасно Государь усопший
В Пугачевском пламени воскрес.

Не задаром вспыхнули станицы
И Поволжье вздыбилось не зря.
Не забудет Русь Императрице
Умерщвленья Белого Царя.

XIV

"Богоподобная Царевна
Киргиз-Кайсацкие орды".

Рожденная Петром, Кваренгой и Растрелли,
Подобна призраку над царственной Невой,
Столица спит в туманной колыбели,
Болотных маревах и сырости речной.

Фрегаты в гавани и пристани с поклажей,
Казармы гвардии, каналы и мосты,
Сенат-Коллегии и залы Эрмитажа
Непобедимой дремой залиты.

Лишь во дворце не спит Императрица
Желанный сон бежит ЕЕ очей
И жизнь прожитая - страница за страницей,
Как наяву проходит перед ней.

Не для себя, для блага всей России
Дабы голштинский свергнуть произвол,
Она взошла обманом и насильем
На, кровью мужниной обрызганный, Престол

Но с первых же шагов, Царица увидала
Сколь тяжела монаршая стезя
Сколь бескорыстных преданностей мало
И что - на гвардию надеяться нельзя.

Что шаток Трон, добытый Царской кровью
И что темны Российские пути
Коль Тараканова, Емелька и Мирович
Ее Престол способны потрясти.

Начало царствованья тягостно и бурно...
Потом торжественный и радостный рассвет :
Гром Измаила, Рымника, Кинбурна -
Бессмертный блеск Суворовских побед.

Султан разбит и неопасен больше
Дворяне взнузданы, покорны и верны
И, навсегда, крамольствовавшей Польши,
Покорены кичливые паны.

Кутарги...Фриезы...красавцы офицеры...
Блестящий Двор и преданный народ...
Низкопоклонство льстивого Вольтера
И од Державинских божественный полет...

Как хорошо... Но шепчет голос тайный,
Что смерть близка и близок судный миг...
Но, с незабывшей вольности украйны,
Несутся к ней проклятья крепостных...

Но Дон волнуется и беспокоит снова...
Но нищ мужик, под барскою пятой
Но прозвучавшее Радищевское слово
Не скроешь льстивой Зубовской хвалой...

Но, в тихой Гатчине, блюдет отцову память
Ждет смерти матери и Русского Венца
Великий Князь с безумными глазами,
Живой портрет несчастного отца...

Он не простит и ее - подобно ветру,
Он отовсюду выметет до тла
Ее пажей, статс-дам и петиметров.
Ее труды, писанья и дела.

Чтоб в память Русскую - не дивною Фелицей,
Петра преемницей,- вошла б она иной :
Распутной немкою, потатчицей убийцам
И ложе Царское, порочившей женой.

Ни блеск побед, ни мудрые законы,
Не обелят в народе, до конца,
Жену, похитившую мужнину корону
И Мать, лишившую наследника - отца.

XУ

"С тобой мы шли в огонь и воды
Измерив эспантоном мир..."

В белостенном Петропавловском Соборе
С забеленной ссадиной на лбу,
В иноземном рыцарском уборе
Русский Царь покоится в гробу

Истинному знанью приобщенный ныне,
Слушает, не слыша, велеречивую ложь
Проходящих мимо, вереницей чинной,
Для прощаня с мертвым, прибывших вельмож.

Чудится что грезит он о Мальте дальней,
О толпе вассалов в анфиладе зал -
И о том как ночью, в одинокой спальне,
Нить державной жизни Зубов оборвал.

Лик Царя бескровен, грозен и печален
И, стоящий смирно у застывших ног.
Кажется читает в нем предатель Пален
Горестний и гневний Мертвого упрек.

В горький час и страшный, Царь народ оставил,
Близок в небе Русском Судный трубный глас,

Страстотерпной смертью Император Павел
От невзгод грядущих Родину не спас.

Ни Царесвященство, ни кавалергарды,
Не спасли Россию от чужой беды -
Тщетно против Зверя в бездны Сен-Готарда
Италийских ратей полегли ряды.

Тщетны были Адда, Треббия и Нови
Тщетны все усилья, строгость и любовь.
Русь искупится пролитою кровью,
Ибо кровь извечно призывает кровь.

И склоняясь низко с раболепной лестью,
Лобызая руку спящего в гробу,
Каждый ощущает грозные предвестья,
Темную и злую Русскую Судьбу.

Страх объемлет свиту, духовенство, стражу,
Страх в моленьях хора и в дыму кадил.
Не в едином сердце - после смерти даже,
Чувства кроме страха Царь не пробудил.

Все проходят мимо вежливо, поспешно,
Все спешат на паперть - и из всех одна
Искренно тоскует горько, безутешно
Плачет только Анна, дочь Лопухина.

На парчей покрытом, ложе из базальта,
Средь молчащих мрачно, теловских могил,
Император Русский и Гроссмейстер Мальты
От трудов житейских тихо опочил.

XVI

Дней Александровых
прекрасное начало...

Ночь... глухая, осенняя ночь над столицей нависла России.
Под холодным и мелким дождем, в испареньях соседних болот,
Город спит - и во мраке туманном одиноко стоят часовые.
И звучат одиноко шаги караульных ведущих обход.

Во дворце - гробовое безмолвье. Из своих позолоченных рамок
Вглубь огромных парадных покоев, вдаль стоящих во мгле анфилад,
Вспоминая минувшие годы - Петергоф и Михайловский Замок,
Мрачно лики усопших Владык и Владычиц России глядят.

На кладбищах, у старых застенков, в опустевших давно казематах,
Поднимаясь неясным виденьем и опять припадая к земле,

Тени - бледные тени убитых, ожидающих часа расплаты,
В неисходной тоске по рассвету, сиротливо мятутся во мгле.

Но живут лишь бесплотные тени. Все объято покоем живое.
Город сном непробудным исполнен под покровом ночной темноты.
Спят театры..., музеи..., казармы, и над плещущей сонно Невою
Мутно грезят о белых ночах, залитые туманом мосты.

Отчего же не спит молодой Император.
Отчего, с искаженным тоскою лицом,
Мерный шаг часового - гвардейца солдата
Он пугливо считает во мраке ночном...

Отчего, на измятом бессонницей ложе
Тщетно ждет Император покоя и сна.
Отчего он забыться не может
Отчего его ночь так страшна.

Отчего. Оттого что несветел и тяжек
Им, ценой неоплатной, добытый Венец.
Оттого что ночами, незримо, сквозь стражу,
В его спальню приходит убитый Отец.

Оттого что он верит, оттого что он знает,
Что возмездие близко, что мститель не ждет,
Что пожарами скоро вся Русь запылает
И рекою народная кровь потечет.

Что уже не спасут никакие моленья,
Ни посты, ни поклоны, ни огни алтарей,
Что греху его нет и не будет прощенья
И что мститель стоит у дверей.

"И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский
венец."

Он нагрянул грозовою тучей
Из им покорившихся стран -
Беспощадный, коварный, могучий
Гениальный Французский тиран.

На железном челе легионов,
По недоброй ведомый звездой,
Он двенадцать языков плененных
На Россию увлек за собой.

Чтоб в проклятьях и жалобе женской
В долгожданный победный поход,
На Москву от развалин Смоленска,
Устремить свой губительный лет.

За войсками Барклая де Толли
Шли французы все лето. И вот
Бородинское ровное поле
Страшной встречи противников ждет.

Этой битвы желали французы,
Чтоб добить наш надтреснутый щит
Но теперь Голенищев-Кутузов
Во главе наших ратей стоит.

С ним, - под древней святою Москвою,
На защиту Родной Стороны
Встали мощной, живою стеною
Наилучшие Руси сыны.

"Горит восток зарею новой.."

Лучами нового рассвета
Горит восток. Уже давно
Трещат фланкерские мушкеты,
Гремит вдали Шевардино.

За Русь святую и за Веру,
Молитву жаркую творя,
Идут стеною гренадеры,
Бегут цепями егеря.

По всей равнине - слева, справа,
Сквозь орудийный гром и дым,
Несутся Платовские лавы,
За атаманом удалым.

Клубя багрово-сизым змеем,
Пороховые гарь и вонь,
По тесно сомкнутым кареям
Батальный катится огонь.

Визжит картечь, шипят гранаты,
Грохочут залпы, блещет сталь,
Кровавым заревом объята
Огнем пылающая даль.

Повсюду крик, проклятья, стоны,
Свинцовый дождь, чугунный град -
Но гордо Русские Знамена
Над строем сомкнутым парят.

Пусть смерть и раны сеют флеши,
Пусть дышит пламенем редут.

Солдаты,- конный то иль пеший -
Своих Святынь не предадут.

Громите недруги стеною.
Разите ядра... Вой картечь.
Отрадно Русскому герою
Под Златоглавою Москвою
Костьми на поле чести лечь...

Не нам, не нам но Имени Твоему

Пламя свищет, пламя воет,
Пламя полог стеле свой
Над родною, над святою
Белокаменной Москвой.

Дым клубится, дым крутится,
Дым свивается в выси
Над издревнею столицей
Богоносныя Руси.

Вспышки. Взрывы. Искры. Пламя.
Заметы. Вихри. Взблестки. Тьма.
И, пылая, за домами
С треском рушатся дома.

Это - Божеская Милость.
Этим огненным кольцом
Русь Святая обручилась
С Искупителем Христом.

Пусть Москва в огнях пожара.
Пусть разграблена до тла...
Под водою Светлояра
Бьют в набат колокола.

И быстрей чем крылья птичьи
Мчатся в облачной выси -
Их разгневанные кличи
Льются, льются по Руси.

И, услыша зов их древний,
Жарко Богу помолясь,
За деревнею деревня
Вся Россия поднялась.

Русь не сломлена бедою,
Русь Святая ожила -

В Светлояре, под водою,
Бьют в набат колокола.

И пришлось врагу несладко.
Не спасут тесак и штык
Если, с вилами-тройчаткой,
В дело ввяжется мужик.

Да бескрайные просторы,
Да снегов Российских бель,
Да пустыня, по которой,
Пляшет Русская метель.

Без снарядов, без обоза,
Пробивая путь в штыки,
Шли в жестокие морозы
Обреченные полки.

Без начальства, без шинелей,
Без сапог и без пайка
Гибли в стычках и метелях
Изможденные войска.

Днем и ночью непрестанно,
Сами выбившись из сил,
Казаки и партизаны
Рвали фланги, фронт и тыл.

Что ни день - по перелескам
От крестьянских кос и пуль
В схватках страшных и безвестных
За патрулем гиб патруль.

Каждым утром на бивуаках,
Заснеженных до бела
В рвах, кустах и буераках
Стыли мертвые тела.

Страхом, верностью и ложью
До конца ослеплены
Добрели по бездорожью
До мостов Березины.

Чтоб увидеть как в фурманке
Без пожитков и без карт,
Бросив армии останки,
Бегством спасся Бонапарт.

Русь от недругов свободна,
Всех врагов низверг как старь
Сильный верностью народной,
Православный Белый Царь.

В мудрость веря Цареву,
Весь измученный народ
Жизни светлой, жизни новой,
Справедливой жизни ждет.

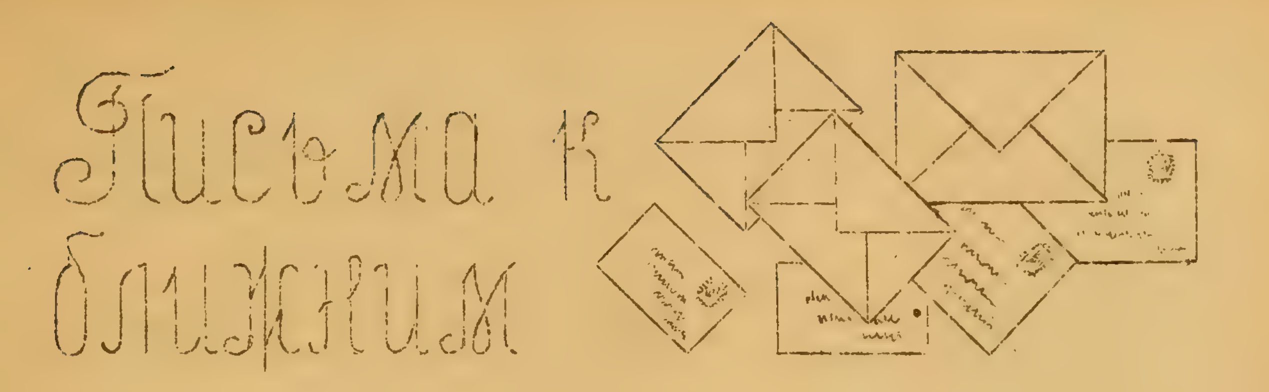
Царь развеет как солому,
Нашу древнюю тоску,
Даст свободу крепостному
И наделы - мужику.

Царь излечит наши раны
И вернется к нам назад
Наш пресветлый, наш желанный
Долгожданный Китеж-град.

Пусть пока он в отдаленьи,
Но готовым надо быть
Наше ТРЕТЬЕ ИСКУПЛЕНЬЕ
В час назначенный свершить.

И по древнему примеру
Встать за Правду и Народ
Ибо Вера, только Вера
Нас поддержит и спасет.

Н.М.
1924 год.



ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Много воды утекло с тех пор, как мы покинули стены родных корпусов, манивших нас в детстве и юности к доблестной службе в рядах великих и славных Российских Императорских армии и флота.

Много с тех пор пришлось нам испытать превратностей судьбы, многих из нас изломала жизнь и вывернула душу на изнанку. Много однокашников наших крепко держали Знамя России ; сколько кадет за славу и честь Родины сложили свои головы на поле брани, и не мало таких, что остались верными девизу : "БОЙСЯ БОГА, ЧТИ ЦАРЯ УВАЖАЙ ВЛАСТИ И ЛЮБИ БРАТИИ".

Нелегкая доля досталась нашему поколению и великое испытание ниспослано нам Провидением. Что еще ждет нас впереди. Вот недоуменный вопрос, на который ищем мы ответа. Каждый из нас знает что без Родины нашей, куда все мы так пламенно стремимся, мы будем прозябать на чужбине. Но, нерадостно сейчас и для стран нас приютивших ; нет мира наземле и страх перед призраком новой войны приковывает взоры всех народов туда, где некогда была великая Россия, а теперь лежит страна, сулящая всем ужас порабощения и нужды, какие терпит наш Русский народ уже 35 лет подряд.

Конечно, от сознания того, что не одни мы страдаем нам не легче, но это мировое состояние служит нам указанием на то, что нашему народу ожидать спасения или помощи со стороны других народов не приходится. У них сейчас своя великая забота и им, понятно, не до нас.

Однако Русскую проблему необходимо разрешить во что бы то ни стало и при этом срочно. Иного средства покончить с большевизмом как война, т.е. применение силы против насилия, нет в распоряжении народов, но кто осмелится начать войну. И как ее вести. При современном вооружении народов, она вызовет такие потрясения, такие ужасы и жертвы с обеих воюющих сторон, что в результате явится с одной стороны - пустыня, с другой - "Пиррова" победа, в предельном смысле этого понятия.

Рассчитывать на дипломатическое разрешение вопроса не приходится, свидетельством чему являются бесконечные конференции, подкрепляемые усиленным вооружением новейшими орудиями уничто-

жения противников. Такое положение сторон получило наименование "Холодной войны", т.е. такого состояния, когда еще нет войны и уже нет мира.

Человечество зашло в тупик и нет у него сил идти вперед или отступать назад, а призрак гибели стоит перед глазами в обоих случаях. Остается выжидать : авось изменится все к лучшему, или придет всему конец.

Человечество стоит на грани гибели и возрождения. Путь к гибели открыт - стоит только начать войну, не ограничивая применения атомного оружия и водородных бомб и все погибнет. Другое дело - возрождение народов. Здесь никакие бомбы не помогут, а нужно ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ. Провидению угодно было завести человечество в тупик и остановить на грани гибели и возрождения, чтобы людям осмотреться перед тем как решиться.

Гордое достижениями своей цивилизации, человечество настолько возомнило о своем могуществе, что упразднило Бога. Казалось нет проблемы в физическом и духовном мире, которой не мог бы разрешить современный человек, вооруженный всесторонним знанием. Разложив атом, он познал тайну мироздания и в его руках сейчас возможность уничтожения всякой твари. Он овладел пространством в воздухе, в морской пучине, на поверхности и в глубине земли.

Мораль он признает в осуществлении лозунга : "Свобода, равенство и братство", но позабыл, что лозунг этот может быть и аморальным, о чем напомнили нам всем Ленин и Сталин. В своей гордыне, человек назвал себя ЧЕЛОВЕКО-БОГОМ, упразднив БОГОЧЕЛОВЕКА. Вот тот тупик, куда зашло современное человечество, запутавшись в расставленных ему Антихристом.

К признанию этого, человечество должно придти и это время близко. Тогда народы поймут что "свобода, равенство и братство" есть лозунг от лукавого и примут истинно христианский лозунг, приведенный в начале сего письма. В этом лозунге всем дается место и каждый получает то что ему положено свыше, т.е. проведена правда и справедливость безоговорочно и ясно, не допуская кривотолков. Вот путь, который выведет человечество из тупика куда завел его дьявол и ставши на этот путь, мир возродится.

| продолжение следует | Старый кадет.

СБОРНЫЙ ЗАЛ ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Читая повествование Николая Николаевича Гоннер, где он, так живописно, вспоминает группу маленьких кадет, набравшихся храбрости и проникнувших вечером, в темный Сборный зал, чтобы удостовериться действительно ли Император Павел выходит из портрета нужно сказать о том какую многогранную роль играл этот зал в жизни кадет Первого Кадетского Корпуса.

15-го Августа. Подъезжаем к Церковному подъезду. Отец ведет меня по нескончаемым коридорам и вот мы в Сборном Зале, где уже построены роты на Молебен. Нас, штафирок, кое-как устанавливают рядами на левом фланге. Молитва. Тягостная минута прощанья с родителями. Нас ведут по ротам. Добросовестно стараемся попасть в ногу, под грозные окрики капитана Перегородского.

Время идет. Мы уже заправские кадеты, знакомые с "баллянкой", "темной" для фискалов, товарищеской солидарностью и гордостью своим мундиром. Первый снег, встреченный криками "ура" и вот мы снова в Сборном Зале. Стоим шпалерами вдоль стен. Зала полна блестящей публики. Военные мундиры, нарядные дамы. Штатские во фраках и смокингах. В конце Сборного Зала, на эстраде Рощина-Инсарова. Украшение концерта, привлекшего столько публики. "... Это было давно, я не помню когда это было, может быть никогда...". На нас маленьких кадет, эта мелодекламация произвела совершенно неожиданное впечатление. Мы едва удерживались от хохота. Отец мой, сидевший недалеко в публике, долго вспоминал как мы "оценили" эту блестящую артистку.

Снежки, каток, катание с гор на лубках. Подходит время корпусного Праздника - 17го Февраля. Наш Сборный Зал стал ареной военного поля, где весь корпус |больше 600 человек| производит репетицию парада, под командой нашего обожаемого директора "Дяди Пупа" - Генерала Григорьева. Младшие кадеты, чуть ли не в лицо, называли его "Дядей Пупом", когда, по вечерам, он запросто приходил в 4 роту с нами беседовать. "Только не перестарайтесь" кричит он проходящим церемониальным маршем ротам.

Наш ежегодный бал. На эстраде духовой оркестр. У входа в Сборный Зал, художественные плакаты, с расписанием танцев. Кадеты-распорядители, с огромными бантами на груди, носятся по залу, организуя порядок и дирижируя танцами. Гостей встречают у Церковного подъезда и, после проверки пригласительных билетов, сопутствуют им до Сборного Зала. 4-я рота жмется конфузливо по стенкам или около стульев родителей, не решаясь приглашать барышен на танцы. Подходит полковник Антонов, ведет меня за руку и представляет барышне старше меня. Волей-неволей приходится танцовать. Не проронив ни одного слова, обойдя кругом обширную залу, отвожу барышню на место и возвращаюсь к отцу. "Станцовал", говорю я с гордостью и облегчением. Внизу в

столовой, столы ломятся от тортов и пирожных для приглашенных. У дверей дежурят старшие кадеты, следя чтобы малыши, без гостей, не проникали в столовую.

Вот год подходит к концу. Нужно показать наши успехи не только в учении но и в музыке. Снова Сборный Зал, со своей эстрадой. Публика скромная - родители. Духовые оркестры, хоры, солисты на скрипке, рояли, баритоне, кларнете корнете, декламаторы сменяют друг друга. Но гвоздь концерта - это балалаечный оркестр. Действительно сколько мелодичных звуков можно извлечь из этого несложного национального инструмента. От "пикколо" до гигантского "баса" под управлением известного всему Петербургу, Маркузе - успех необычайный. И апофеоз концерта - хор почти всего корпуса (за исключением окончательно безголосых, оставшихся в публике) под управлением преподавателя пения Петра Михайловича Доброва. Да, только наш Сборный Зал мог выдержать столько звуков, не поражая уха снисходительной публики.

Не считая себя в праве отклоняться от темы - наш Сборный Зал - я на этом ставлю точку.

К.Д.

x x x x x
x x

Вот дивный сон, стихами воскрешенный,
Повеял он страницами, поблекшими давно.
Наполнил вновь и, прошлым, кубок осушенный..
И заиграла кровь во мне, как старое вино.
Я слышу мерный гул, от поступи тяжелой,
Дробящий, как булат, седой Понтийский Тавр.
Кавказский штык принес, победно-новой,
Главой блестящею, в венок нетленный лавр.
Так близок был момент победы величавой,
В тисках стальных Отчизны недруга держал,
Через Байбурт и Эрзерум, Орел двуглавый,
Щитом Олега вновь Царьграду угрожал.
Но все ушло. Лишь нить воспоминаний
Мерцает как свеча, как звезды из за туч,
Но близится рассвет, в горниле испытаний
Родной Руси из тьмы блеснет луч.

Георгий АУСТРИН

1| Сегодня | вероятно 4|V 1900 года в Первом Кадетском Корпусе состоялось торжественное чествование памяти Суворова, имя которого связано с историей этого заведения, где он вместе с другими кадетами слушал лекции. В Сборном Зале, на особо устроенном пьедестале, между портретами Императрицы Екатерины II и Императора Павла, весь в цветах, красовался сегодня бюст великого полководца. Над ним находился парящий орел, с фельдмаршальским жезлом в лапах и герб Суворова. По бокам было расположено оружие кадет 1732 года, тут же в рамке находился надорванный и пожелтевший от времени приказ Суворова: "Не теряя ни минуты, немедленно сие исполнить или под военный суд. Г.Александр Суворов-Рымникский". У основания пьедестала были расположены боевые ядра, барабаны, литавры Екатерининских времен и модели старинных орудий. Двое кадет Штик и Гире – стояли, одетые в формах корпуса, времени Суворова.

После чтения краткого очерка жизни Суворова, проживавшего в доме Светл. Князя Меншикова, кадеты были выстроены в Сборном Зале, в двухвзводных колоннах. На мундирах офицеров красовались нагрудные знаки, пожалованные корпусу Императрицей Анной Иоанновной. Около двух часов последовал вынос из церкви знамен корпуса. Медленно одно за другим, появлялись изорванные, старые двенадцать знамен и один штандарт Конной роты, несомые кадетами 7-го класса. Впереди занимал место – фельдфебель Антонов, несший лавровый венок с Георгиевской лентой и звездой. Знамена были поставлены перед фронтом кадет и ассистенты по бокам бюста Суворова. Торжество закончилось речью директора корпуса полковника Генерального Штаба Покотило.

"Новое Время № 8687 от 5|V 1900 г."

2| Николаевская Академия Генерального Штаба устроила в офицерском собрании Армии и Флота 4|V чествование памяти Суворова. Все присутствующие были в парадных формах. В первых рядах поместились потомки Суворова с детьми: В.В.Молостов, гр-ня Козлова, княгиня Масальская, светл.княгиня Суворова, графиня Зубова, баронесса Воль, г-жа Таубель, гг. Леонтьев, Нейдгардт, Зашманов, княгиня Оболенская, г-жа Хитрово, графиня Голенищева-Кутузова. Речи были произнесены председателем Суворовской комиссии Н.М.Сухотиным и профессорами.

|там же|.

3) В том же номере помещено письмо к редакции о том, что [illegible] 300 [illegible], похороненных около церкви [illegible] тех [illegible] Тульчин (при [illegible] стоять [illegible] после Суворовского похода), ныне превратилось [illegible] лежащий прекрасный [illegible], с [illegible], [illegible] нет столь богатство и роскошь ... [illegible] имеют груды исторических костей, и [illegible] обыкновение, и [illegible] власти...

4) Сейчас же напечатан перевод с польского на русский язык заметки из польской газеты "[illegible]" от 3 июля 1795. Газета [illegible] брошку - [illegible] Суворова, поступившего в марте 1795 года, после штурма Праги и [illegible] золотой табакеркой, [illegible] ему жителями Варшавы 24 ноября 1794 года. Она была украшена [illegible] из бриллиантов, сверху был изображён герб города Варшавы, а внизу надпись на польском языке: "[illegible]" (т.е. "Варшава своему спасителю").

5) Старейший [illegible] Суворова Прохор Дубасов (Прошка) умер в 1822 году, 90 лет. Был пожалован Императором Александром I [illegible] с [illegible] 1800 [illegible].
В книге "Старая [illegible]", изд. [illegible] историка М.И.Пыляева, на стр. 202 читаем: ...Сардинский король Карл-Эммануил [illegible] Прошке [illegible] на золотых цепях, с изображением на одной стороне Императора Павла I, на другой - его же портрета с латинской надписью: "за сбережение здоровья Суворова". Прошка [illegible] их не [illegible]".
В более современной книге С.[illegible] - "Александр Суворов", на стр. 227, сказано: ... (о других денщиках Суворова) и [illegible] и [illegible] - [illegible]... [illegible] получил [illegible], но [illegible]..." - [illegible]; [illegible].

6) Надо отметить, что [illegible] 1799, [illegible] Андрея [illegible] Суворова - [illegible].

"Суворов" [illegible] - 19[illegible].

7) С 1795 по 1800 гг. [illegible] Мало-российский [illegible] полк, [illegible]. Таким образом, [illegible] - два различных полка.

[illegible] П.Ф.

ВОЕННЫЕ МЕЛОЧИ

О Ф И Ц Е Р Ы   И З   Ш К О Л Ы   Ш Т Ы К - Ю Н К Е Р А.

Хотя Императрица Екатерина II уделяла много внимания народному просвещению, - число казенных учебных заведений было недостаточно и часто молодежи приходилось обучаться в частных школах или довольствоваться домашним образованием, чаще всего под вредной опекой иностранцев. Один из бытописателей той эпохи, Шторх, отмечая, наравне с другими, низкий морально-педагогический уровень этих наставников, говорит в своем описании Санкт-Петербурга, что те иностранцы, которые не могут преуспеть в России ни на каком поприще - в конце концов, становились гувернерами или открывали частные пансионы.

Царившие в частных школах безобразия, достигли слуха Императрицы и в октябре 1785 года, она назначила их ревизию в Москве. Комиссия состояла из двух профессоров Московского Университета, двух духовных особ и чиновников Приказа Общественного Призрения. Цель комиссии - выяснить руководствуются ли эти школы правилами истинного благочестия, добронравия и исполнения гражданских обязанностей и служат ли к искоренению суеверий, развращения и соблазна, а также - проверить учебные пособия.

Для огромного большинства школ, - заключения комиссии оказались самыми безотрадными, а во главе их находились "педагоги - самозванцы, из иностранцев, подвизавшиеся на самой низкой ступени учения, нравственности и хозяйства.

Но, комиссия выделила школу одного Русского педагога, отставного артиллерии штык-юнкера Е.Д. Войтяховского - вынеся полное одобрение ему, его "трудам господина учителя", а школу его нашла достойной рекомендации. Этот единственный одобрительный отзыв о частной школе был подписан комиссией единодушно.

Для упоминания о деятельности Войтяховского, имеется еще одна важная причина: его школа подготовляла и выпускала ... офицеров ... Кстати, он был автором учебника чистой математики, на котором получило образование не одно поколение.

Из отчета, представленного Войтяховским ревизионной комиссии 1785 года, мы узнаем некоторые интересные подробности. Основана она была им в 1781 году, на основании аттестата "господ артиллерии Генералитета", находилась она в 9-ой части города Москвы |где то в Лефортовской или Басманной частях|. Он был

единственным учителем 30 юношей — дворян и учил их: алгебре, тригонометрии, геометрии с полевой практикой, арифметике, артиллерийским наукам, фортификации, нивелированию с черчением и иллюминированием, взимая с каждого ученика-экстерна по 48 рублей в год. Ревизоры лично убедились в "очень похвальных и примечательных успехах учащихся" и, из представленного от Генерал-Поручика артиллерии Меллиссино аттестата, узнали, что из 48 учеников, окончивших эту школу, "все оказались на экзамене действительно знающими артиллеристами и 25 человек в унтерофицеры произведены."

Судя по тому, что школа артиллериста Войтяховского была открыта под протекторатом артиллерийских генералов, что экзаменатором был артиллерийский же генерал, экзаменовавший по артиллерийской программе — мы можем прийти к заключению, что это миниатюрное частное училище снабжало славную Екатерининскую армию — артиллерийскими офицерами.

[illegible] В.Р.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ПАРАД.

Штурм горы Гуниб, с пленением Шамиля, подытожил конец пятидесятилетней борьбы за покорение Кавказа. В день пятидесятилетия годовщины этого события, гайсковыми частями, участниками штурма, был в точности повторен этот маневр. В точности не только по дням — а по часам и минутам.

После "штурма", на Гунибе был юбилейный парад, на который от всех частей Кавказской армии было прислано по взводу со знаменами. Картина была незабываемая. Парад закончился церемониальным маршем. Так как ровных площадей на Гунибе не было, то о развернутом фронте нельзя было и думать. Мимо начальника, принимавшего парад, проходили рядами, с трудом спускаясь с откоса. Но самое оригинальное зрелище представляли из себя проходившие батареи. Шли на ТОРМОЗАХ и ЛЯМКАХ, едва-едва сдерживая коней. Пятьдесят лет тому назад, эти батареи были горными, а на юбилейный парад прибыли ЛЕГКИМИ.

Гуниб, с трудом, но взяли. А внизу ... церемониальный марш опять шел рысью. Вероятно такой марш был единственным за все 500-летнее существование Русской артиллерии.

Из архива Б.Л. [illegible].

ХРОНИКА КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ.

ОБЩЕ-КАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ в АРГЕНТИНЕ с глубокой скорбью извещает о несчастьи, постигшем нашу кадетскую семью. 28 февраля, на [illegible] "Ла Сальта" погибли дорогие наши однокашники с их женами: ПОЛУЭКТ, Григорий Николаевич (Крымского к.к.) с женой Зинаидой Михайловной, НЕСТЕРЕНКО, Александр Михайлович (Одесского к.к.) с женой Зоей Тихоновной и ГОРМАН, Владимир Михайлович (Киевского к.к.) с женой Марией Александровной. Вечная память и мир их праху.

РУССКИЙ ВОЕННЫЙ МУЗЕЙ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ. 8 ноября Обще-Кадетское Объединение в Аргентине отпраздновало открытие Военного Музея. Музей этот, созданный исключительно на средства членов О.К.О., устроенный в одной из комнат Русского Дома привлек внимание посетившей его публики. Освящает музей икона Нерукотворного Спаса из Иерусалима, пожертвованная [illegible]. Трудами кадета [illegible] великолепно сделана карта Российской Империи, окруженная портретами Монархов и снимками из былого славного прошлого России. Целая стена посвящена кадетским корпусам. Для каждого художественно сделан свой плакат, с погоном и снимками корпуса. Специально место посвящено памяти последнего Царя Мученика и Его Семьи. Организованы отделы из жизни старой Армии и Флота, посвященные Великой и гражданской войнам и Освободительному движению генерала Власова. Большую работу проделал Председатель О.К.О. в Аргентине наш друг Аракчеевец Грузинцев и все его помощники, наши аргентинские однокашники. Обще-Кадетское Объединение и редакция "Военной Были" шлют им сердечный товарищеский привет.

В ПАРИЖЕ, в Церкви Знамения Божией Матери, 13 октября, Обще-Кадетское Объединение совместно с юнкерами Павловского Военного Училища, служило панихиду по скончавшемся в Нью-Йорке, кадете Аракчеевце генерал-майоре Александре Ивановиче СПИРИДОВИЧ. Ушел в иной мир наш друг, верный слуга своего Государя, большой работник на исторической ниве. Да упокоит Господь его душу. В портфеле редакции находятся записки покойного об Аракчеевском Кадетском Корпусе, которые начнутся печатанием в ближайших номерах "Военной Были".

В СИДНЕЕ скончался член О.К.О. полковник Владимир Эдуардович Бентковский, кадет Полтавец, выпуска 1907 года и юнкер Николаевского Инженерного Училища.

В САН-ПАУЛО, по случаю исполнившегося 100-летия со дня основания Владимирского Киевского Кадетского Корпуса, 18 октября состоялся большой концерт-бал, прошедший с большим успехом.

В ТОРОНТО /Канада/ организовано Обще-Кадетское Объединение /[illegible]/. Ее Императорским Высочеством Великой Княгиней Ольгой Александровной милостиво было принять Объединение под свое Покровительство. 21 декабря Владыкой Иринеем, в сослужении местного Духовенства, отслужен был Молебен с поминовением [illegible] и всех умерших и убитых кадет. Пел Кадетский хор, под управлением [illegible]. После этого, в Кадетском доме было устроено чаепитие, на котором присутствовали и семьи кадет. Стол был красиво накрыт, а на стене устроен кадетский Угол-Выставка кадетских корпусов. Кадеты /21 чел./ были выстроены в одну шеренгу перед стеной, по старшинству выпусков. При входе Великой Княгини, младший кадет [illegible] /Крымец/ поднес Ей букет цветов, после чего Великая Княгиня, в сопровождении старшего кадета Г[illegible] /Морского кор./ и сына Тихона Николаевича, обошла строй кадет и приняла представленных кадет. По занятии мест за столом, было пропето молитва и "Братья все в одно молитве". За время чая II летний сын кадета - [illegible], одетый в кадетскую форму, прочел стихотворение "Кадет", а кадет [illegible] Корпуса Орлов читал отрывки из журнала "Кадеты".

Обще-Кадетское Объединение шлет однокашникам в Канаде лучшие пожелания успехов и процветания в нашем общем кадетском деле.

ОБЩЕ-КАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В ТРИЕСТЕ приступило к устройству периодических "Вечеров воспоминаний". Первый такой вечер собрал много кадет, которые делились воспоминаниями о жизни в родных корпусах, подвигах и быте их. Приятные беседы затянулись до позднего часа и надо надеяться, что добрый почин будет иметь и соответствующих продолжателей. - 15 декабря был устроен [illegible] вечер с концертной программой. Гвоздем программы было выступление Тани Андреевой 3 1/2 лет, в форме кадета Донского Кадетского Корпуса. Таня прочла детскую сказку, а Саша [illegible] из "Бородино". В конце присутствие, после слова Председателя Объединения символа ИМПЕРСКОГО, присутствующие по доставке, все кадеты пропели Звериаду; собравшись на сцене около художественно нарисованного портрета кадета во весь рост в шинели, отдающего честь. Зал был прекрасно декорирован кадетскими погонами всех корпусов. Был [illegible] и представлялись [illegible] погонники всех корпусов, [illegible] с кадетом Пожарским. На вечере было [illegible] начальство [illegible] и много местных жителей, итальянцев и словенцев. Вечер работал буфет и было сделано больше 100 фотографических снимков. Успех вечера был несомненный и моральный и материальный. Результат дал возможность оказать Рождественскую помощь II кадетам по 1000 лир и одному 2000 из наиболее нуждающихся и больных. Кроме того двум самым старым кадетам постановлено выплачивать ежемесячную помощь по 1000 лир, начиная с 1 января. На 5-й день Рождества устраивается Елка для 20 детей кадет с подарками и сладостями от 6 до 8 часов вечера. В день Св.Николая служили Молебен и пропели [illegible] бывшего Председателя [illegible] Китаеву и кадета Масючинко. - В исключительно тяжелых усло-

тиву наши однокашники делают кадетское дело. Слава им и пусть их работа и бодрость послужат примером унывающим и готовым опустить руки.

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ устраивает в Париже, выставку Русских военных художников, посвященную формам одежды Российской Императорской Армии. Мы рекомендуем всем однокашникам посетить эту выставку, имеющую совершенно исключительный интерес и художественную ценность. О дне открытия и помещении будет объявлено особо.

В ПАРИЖЕ, в Кадетском Собрании успешно действует Библиотека О.К.О. Все больные кадеты в госпиталях и неимущие снабжаются книгами для чтения совершенно бесплатно. Средства Библиотеки создаются исключительно из абонементной платы. КАДЕТЫ помните, что каждые ДВА подписчика дают возможность обслужить одного больного или неимущего товарища в лагере или госпитале. Библиотека открыта каждую среду от 20 часов. Заведует и несет всю работу по организации Библиотеки жена нашего однокашника Мэри Яновна Чаинкова.

ПАРИЖСКИЕ КАДЕТЫ помните, что "Общество помощи Русской эмиграции" работает в полном контакте с нашим Объединением, что мы, совместно, посылаем посылки вещевые нашим нуждающимся товарищам и что прием вещей производится по средам, вечером, в Кадетском Собрании и по понедельникам днем на 91, рю Лекурб, Париж,ХУ

ОТДЕЛ КАДЕТСКОЙ ПОМОЩИ О.К.О. УСТРАИВАЕТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНУЮ ЛОТЕРЕЮ. ПРОСЬБА К ОДНОКАШНИКАМ - ЖЕРТВОВАТЬ ВЕЩИ ДЛЯ РОЗЫГРЫША И ПОКУПАТЬ И РАСПРОСТРАНЯТЬ БИЛЕТЫ. ТО И ДРУГОЕ У ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ КАДЕТСКОЙ ПОМОЩИ КАДЕТА Н.И.ГИРОВА. 253т рю Лекурб Париж ХУ ежедневно от 19 до 21 часов.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ О.К.О. принимает заказы на значки Объединения, картонные погоны всех корпусов и училищ. Обращаться к Заведующему Собранием кадету Г.М.Аустрин, ежедневно от 20 часов.

О Т   Р Е Д А К Ц И И

Член Обще-Кадетского Объединения, кадет Первого Московского Кадетского Корпуса, Великий Князь **Гавриил Константинович** передал в распоряжение редакции письма своего отца Е.И.В. Великого Князя Константина Константиновича и его сестры Королевы Эллинов Ольги Константиновны. Письма эти обнимают период от 1900 года по 1910 и начнутся печатанием с № 5 журнала "Военная Быль".

250-ЛЕТИЕ ОСНОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА.

Общественный Комитет, созданный для ознаменования 250-летия основания С.-Петербурга, устраивает в Париже, в мае месяце сего года Историческую Выставку Петербурга, долженствующую показать Русским зарубежья и их иностранным друзьям всю былую силу и красоту нашей былой и [illegible] столицы. Выставка эта состоится в самом центре Парижа на 6, рю Руайаль, в красивом старинном особняке. В ее устройстве принимают участие известные Русские деятели в области искусства А.Н.Бенуа, Н.А.Исцеленов, Г.М. Лифарь, А.А.Попов, А.Б.Серебряков, А.А.Трубников и С.Р. Эрнст. Многие коллекционеры изъявили свое согласие предоставить для выставки, бережно хранимые ими, предметы Русского искусства, на устройство выставки нужно внести значительные денежные суммы.

Комитет твердо верит, что все Русские люди откликнутся на это, имеющее большое историческое значение, начинание и каждый, по мере сил и возможностей придет ему на помощь.

Справки и предложения по адресам: Председателя Комитета князя Н.С.Трубецкого |15 рю де ла Рошфуко, Париж 9| и Генерального Секретаря Комитета Л.Н.Черкова |230, рю Сент-Оноре, Париж I, тел. Опера 73-29.

ОТ СОЮЗА ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ ВО ФРАНЦИИ.

Проникнутый сознанием долга сохранить одну из чудеснейших страниц Отечественной истории, Союз Русских летчиков во Франции приступил к сооружению Иконы-памятника, в Храме Святого Александра Невского, в Париже. Памятник этот явится центром молитвенного единения для нас, который, со временем, сможет стать духовным пристанищем и каждого из нас.

У подножья Иконы будут храниться свитки, куда внесут для вечного поминовения имена всех, кто создал Русский Императорский Воздушный Флот и служил на нем. Для осуществления этой идеи, нужно собрать средства, а потому мы призываем всех Русских людей, кому дорого светлое прошлое их Отечества, помочь нам в этом деле.

Нужно собрать не только средства, но и имена тех, кто создавал и служил в нашу воздушную силу и чьи однополчане могли быть разбросаны по всем странам света.

Сведения и пожертвования направлять: члену Правления Обще-Кадетского Объединения Н.Н.Пирогову |253, рю Лекурб, Париж 15| или Военно-морскому летчику поручику Рудневскому |12, рю де Клиши, Париж 9, тел. TRI 17-89|.

Из архива Объединенія.

Копія.

1741
Государственный
орел.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАЯ, ДЕРЖАВНѢЙШАЯ
ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА
ЕЛИСАВЕТ ПЕТРОВНА,
САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, ГОСУДАРЫНЯ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ

Бьет челом недоросль Александр Васильев сын Суворов, а о чем тому слѣдует пункт

I

Понеже я в службу Вашего Императорскаго Величества еще нигдѣ неопредѣлен - к сему прошеніе

2

А имѣть бы я желаніе служить Вашему Императорскому Величеству Лейб Гвардіи в Семеновском полку
/Александра/
и дабы Высочайшим Вашего Императорскаго Величества указом повелѣно было меня именованнаго опредѣлить в означенный Семеновскій полк солдатом.
/Суворова/

Это прошеніе 22 октября 1742 года подал в канцелярію Л.Гв. Семеновскаго полка, на имя Императрицы Елисаветы Петровны, недоросль Александр Васильев сын Суворов.

Переснято с подлинника в Нью Іоркѣ, в библіотекѣ, из книги "ИЗ ПРОШЛАГО" - Историческіе матеріалы Л.Гв.Семеновскаго полка СПБ.1911 г.
Дар б.Семеновца Виктора Ивановича Мѣщанинова.
Переснимок находится в ящикѣ №1 архива Объединенія Суворовцев.

Дополнительно к выпускным спискам.

X выпуск. КАРПЕНКО - не был в 9 уланск.Бугском п.
ПРИСЕЛКОВ Алексѣй - не был в Тверском Кавалер.Учил. В 1914 г.ушел добровольцем на войну.Во время ночной атаки,у Ленчицы, ранен и взят в плѣн.Из плѣна вернулся,прибыл в Добров.армію и зачислен в Волынскій уланскій эскадрон.

XII выпуск. СЛАНСКІЙ - добавить к списку.

---o---

Суворовцы в 9 уланском Бугском полку:
ДРИНЕВИЧ Сергѣй - до I Вел.В.
ЯВЛЕНСКІЙ Димитрій - с 1914 года.
ФРЕЙ Борис - во время Гражданской войны.
ПИНЕГИН - короткое время; убит под Кичкасом.
ЖОЛТКЕВИЧ Сергѣй - в формѣ юнкера Елисавтгр.Кав.Уч.Убит под Маріуполем.
РОГОЖИН - в формѣ Суворовскаго Корпуса. Вѣроятно из кадет послѣ XIII выпуска.

---o---

ЗАКЛЮЧЕНІЕ И ОСВѢДОМЛЕНІЕ.

Заканчивая печатаніе настоящаго сборника, я хочу предупредить всѣх членов нашего Объединенія, что я не в состояніи, по многим причинам, продолжать дѣло дальнѣйшаго изданія.

Ко мнѣ поступает не мало писем с выраженіем пожеланій не прекращать изданія, находя, что оно служит не только сборником воспоминаній о корпусѣ и о былом, но и связью членов Объединенія,разсѣянных волею судьбы по всѣм частям свѣта и многим странам.

Я понимаю эти пожеланія, но так как я лично не могу продолжать это дѣло, то,от имени членов семьи Суворовцев, обращаюсь с призывом к тѣм - кто пожелает взять на себя этот труд.

За помощь мнѣ, ранѣе оказанную в дѣлѣ изданія, я приношу глубокую и искреннюю благодарность, дорогим - Аннѣ Родіоновнѣ Лобан и Константину Владимировичу Соколову, а за помощь в этом послѣднем выпускѣ приношу такую же - дорогому Сергѣю Викторовичу Нитц.

Также искренно благодарю всѣх членов Объединенія, давших свои очерки и всѣх принесших вклыды, снимками и документами, в наш сборник.

В заключеніе могу повторить просьбу Суворовцев - продолжать изданіе нашего сбрника "СУВОРОВЦЫ" и сообщить кто желает взять в свои руки это дѣло.

Если же, по каким либо причинам, не найдется сил среди Суворовцев для дальнѣйших выпусков своего сборника, то мысль моя идет к тому - что членам нашего Объединенія слѣдует и необходимо поддерживать наш единственный военный, зарубежный и прекрасный журнал "Военная Быль", издаваемый Обще-Кадетским Объединеніем в Парижѣ, под редакціей его предсѣдателя Алексѣя Алексѣевича Геринг, посылая туда свои очерки и воспоминанія о былом.

А.Потапов.

И З Д А Н І Е О Б Ъ Е Д И Н Е Н І Й Б.К А Д Е Т

С У В О Р О В С К А Г О К А Д Е Т С К А Г О К О Р П У С А

/На правах рукописи./

А П Р Ѣ Л Ь 1 9 5 9 Г О Д А.

Замѣченныя опечатки.

Страница	Строка	Напечатано	Надо
6	сверху I0	шевскія	шефскія
I0	" I0	характера характера	один раз это слово
I2	" 26-27	поружены	погружены
I4	" I9	генерол	генерал
I4	снизу 5	нлчь - - - - - - - - -	ночь
22	сверху I8	приэтом	при этом
35	" 22	снею - - - - - - - - -	с нею
35	снизу I5 /лѣв.столб./	не - - - - - - - - - - -	на
38	сверху I	дѣло	ДѢЛОМ /мал.буквы./
50	" I6	бытареи	батареи
51	" 2I	оруженіе	окруженіе
53	" I5	случаюнагражденія	раздѣлить слова
54	" 2I	признес	произнес
55	" I2	укорочнныя	укороченныя
55	" 26	- - - - - - - - - - -	послѣ слова степени вставить "вліяли"
56	" I6	старомй	старому
56	снизу 7	таррором	террором

-------о-------

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ I

КУЛЬМСКИЙ КРЕСТ - Владимир фон-Рихтер 3

СВЕТИЛЬНИК ОТЦОВ - стих. Евгений Яконовский 7

ТОВАРИЩИ - Анатолий Марков 8

ГИБЕЛЬ "[illegible]" - Я.И. [illegible] 14

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА РУССКОЙ ИСТОРИИ - М. фон-Кубе 17

ВОЙНА - Евгений Яконовский 19

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСКУПЛЕННЫХ- Н.М. 25

ПИСЬМА К БЛИЖНИМ. Письмо I - Старый Кадет 35

СБОРНЫЙ ЗАЛ ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА - К.Т. 37

СТИХОТВОРЕНИЕ - Георгий Аустрин 38

СУВОРОВСКАЯ СТРАНИЦА 39

ВОЕННЫЕ МЕЛОЧИ 41

КАДЕТСКАЯ ХРОНИКА 43

250-ЛЕТИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕТЕРБУРГА 46

ОТ СОЮЗА ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ 46

ОГЛАВЛЕНИЕ 47

x x x x x x x
x x x x x

ИЗДАНИЕ О Б Щ Е - К А Д Е Т С К О Г О ОБЪЕДИНЕНИЯ

под редакцией Алексея ГЕРИНГА

город Париж 1953 - 3-ий год издания.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" и ПРОДАЖА ОТДЕЛЬНЫХ НОМЕРОВ ПРОИЗВОДЯТСЯ:

ПАРИЖ - у А.А.Геринга - 59, авеню де Терн Париж I7.
у А.П.Руссакович а - 35, рю де Ванв Булонь сюр Сейн.
в Русских книжных магазинах: "Возрождение", "Кама", "Дом Книги" и Сияльской.

ГЕРМАНИЯ - у А.Н.Михеля - Мюнхен 38.Мехтильдин Штрассе 40|I

С.А.С.Ш. - у В.И.Третьякова - 69, Мейн-Стрит Чатак |Н.И.|

ЕГИПЕТ - у А.Л.Маркова - 56, рю Гелиополис Ибрагимие
Александрия Египет.

БЕЛЬГИЯ - у Б.П.Миловского - 69, рю де Парм Брюссель.

КАНАДА - у А.С.Орлова - 94, Конкорд авеню Торонто |Онт.|

АНГЛИЯ - в Русском книжном магазине Барачевского
[illegible], Tottenham str, London [illegible] England.

АВСТРАЛИЯ - у В.А.Петрушевского -
Fl. 3,[illegible] Longueville Rd Lane Cove [illegible]

" - у Н.Н.Лоннера - [illegible], George str [illegible]
[illegible] Adelaide, South [illegible]

Оставшиеся в очень небольшом количестве номера за 1952 год можно выписывать только из Редакции.

Отдельные, оставшиеся номера "ВЕСТНИКА ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ", по 50 франков можно получать там же.

Следующий № 5 "Военной Были" выходит I апреля 1953 года.

№ 5

АПРЕЛЬ 1953 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№ 5 АПРЕЛЬ 1953 ГОДА ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ...

К наступающим Праздникам Светлого Христова Воскресения, редакция шлет привет и лучшие пожелания всем сотрудникам, читателям, представителям журнала и однокашникам кадетам, разбросанным по всем концам света.

Меньше года тому назад, также к Светлому Празднику, вышел первый номер "ВОЕННОЙ БЫЛИ". - Сколько волнений, переживаний, работы связано у нас с этим моментом. Не было ни денег, ни бумаги, ни опыта. Вышли мы в жизнь с одним оружием твердой верой в кадетскую дружбу и в необходимость начинаемого нами дела. И вот - эта вера, эта уверенность победила. Выходит пятый номер.

Материально "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" стоит на собственных ногах, группа постоянных талантливых и верных сотрудников сплотилась около журнала и все расширяется в своем составе, в одиннадцати пунктах земного шара наши друзья представители пропагандируют журнал и им торгуют. С Божьей помощью, дело растет и ширится.

Примите же, к наступающим Светлым Дням, братский привет и благодарность все читатели, сотрудники и деятельные помощники в нашей нелегкой но, такой необходимой, работе ...

--------- РЕДАКЦИЯ.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ ДРУЗЕЙ.

В течение одного месяца, "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" лишилась трех друзей и сотрудников. Авторы "Писем к Ближним" - С.Д.ПРОХОРОВ "Сборного Зала" - К.В.ДОМОНТОВИЧ и незабвенный друг Я.Н.РЕШИКОВ, первый отозвавшийся на выход нашего журнала и давший свой талантливый, истинно военный и кадетский отзыв в № 15 "Вестника", волею Божией отошли в иной мир. Помолимся об упокоении их светлой Души и будем продолжать работу, так им близкую и ценную.

АЛЕКСЕЙ ГЕРИНГ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ I

ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА . 3

СУМЫ В ВОСЕМНАДЦАТОМ ГОДУ - Евгений Яконсвский 11

СМОТР ГИМНАСТИКИ В ПЕТЕРГОФЕ - А.Занфиров 17

ФУРАЖКА - старая кадетская песня 18

КОШКА - МЫШКА - М. фон - КУБЕ 19

МОРСКИЕ ПУТИ СНАБЖЕНИЯ С.С.С.Р. - П.А.Варнек 27

ПИСЬМА К БЛИЖНИМ - Письмо 2-е - Старый Кадет 31

ДИНА - М.Я.Дулышкин 33

ВОЕННЫЕ МЕЛОЧИ 37

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСКУПЛЕНИЯХ - Н.М. 39

ХРОНИКА КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ 40

- о -оо - о -

ИЗДАНИЕ О Б Щ Е - К А Д Е Т С К О Г О ОБЪЕДИНЕНИЯ.

под редакцией Алексея Геринг.

Город Париж 1953 год - 2-й год издания.

Письма Великого Князя Константина Константиновича

ОТ РЕДАКЦИИ. Начиная с настоящего номера, редакция журнала "Военная Быль" приступает к печатанию выдержек из писем Великого Князя Константина Константиновича к его сестре Королеве Эллинов Ольге Константиновне. Обще-Кадетское Объединение и редакция приносят глубокую благодарность сыну нашего незабвенного Начальника Военно-Учебных Заведений, Великому Князю Гавриилу Константиновичу, предоставившему эти письма им, для опубликования.

ГЛАВНЫЙ НАЧАЛЬНИК ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.

1899 ГОД.

5 апреля.
... О назначении меня начальником военно-учебных заведений до меня ничего более не доходило, да и слава Богу будущность от меня не уйдет, а мои тщеславные поползновения совсем затихли. Мне бы теперь, перед милым лагерем, очень не хотелось менять своего положения.

20 апреля.
...В Страстную Субботу я услышал от Военного Министра что ГОСУДАРЬ желает вверить мне военно-учебные заведения, но предоставляет мне приняться за это дело после 200-летнего юбилея Лейб-Гвардии и Нарвского боя, то-есть, в ноябре будущего года. Итак, это больше не тайна и не слух, а, всем известная, действительность. Я и рад и вместе с тем мне это как то странно. Очень хочется занять новую должность и очень не хочется сдавать полк. А совместить и то и другое кажется невозможным.

10 мая.
... Ты угадала: должность начальника военно-учебных заведений как нельзя более мне по душе и я с радостью ее займу.

27 сентября.
... Мне бы хотелось знать что нибудь определенное опред стоящем назначении; еще 4 июля Ники положительно отсрочивал его до ноября будущего года, а теперь я не знаю

насколько основательны слухи об ускорении моего назначения.

4 октября.
... В Военном министерстве приказано Всеподданнейший доклад о моем назначении приготовить к ноябрю месяцу. Я уже примирился с мыслью, что покину полк ранее ноября 1900 г. как было предположено, но мне очень бы не хотелось вступать в новую должность до окончания представлении "Гамлета", то-есть до февраля. Ты поймешь чувство неловкости, которое я должен испытывать при мысли, что немедленно после занятия такого важного места, мне придется появиться на подмостках придворной сцены. А отказаться от игры Гамлета я просто не в силах, так занимает и поглощает, и тревожит и радует меня исполнение этой роли, да еще в собственном переводе. Если я буду назначен в ноябре, а в начале января уже придется играть на театре, какое произведет это неблагоприятное впечатление. Дождусь возвращения Военного Министра, а потом и Царя, это будет в начале ноября, и буду просить об отсрочке назначения.

28 декабря.
... 26-го Васмунд был у меня. Он успел доложить о моем ответе Владимиру, который уважил мои доводы и поехал к ГОСУДАРЮ, чтобы сообщить об этом. Итак, повидимому, остается по старому и я не предвижу никакой перемены до конца февраля, то-есть до первой недели поста, когда надеюсь на прощание, отговеть с первым батальоном.

- 1900 год.

21 февраля.
... новая должность меня пугает.

27 февраля.
... скоро, может быть завтра или после завтра, состоится новое мое назначение.

6 марта.
... Вот и состоялся приказ о назначении меня Главным Начальником Военно-Учебных Заведений...

12 марта.
мне и радостно, и страшно начинать новую деятельность но я твердо надеюсь, что мои молитвы и молитвы других помогут мне справляться с трудной задачей.

13 марта.
... Был я в крепости, помолился у родных могил, а также у гробницы Михаила Павловича, одного из предшественников моих, по заведыванию военно-учебными заведениями. Завтра вступаю в управление.

25 марта.
... 15, вступил в управление военно-учебными заведениями Мне были представлены все чины Главного Управления, числом - 70, в его помещении на Васильевском острове. С тех пор, я завален делами. По утрам, приемы или доклады в Главном Управлении, а дома бумаги и бумаги, но не как полковые, требовавшие бесчисленных подписей, а трудные, незнакомые, над которыми надо думать, в которые надо вникат С понедельника, на пятой неделе, я начал ездить по здешним корпусам и училищам и к вчерашнему дню объехал все 7: корпуса Первый, 2-й, Пажеский, Павловское Военное Училище Александровский корпус, Николаевское Кавалерийское Училище и Николаевский корпус. Сегодня еду в Москву, чтобы на шестой неделе объехать тамошние 5 заведений - три корпуса и два училища. Эти посещения доставляют мне очень большое удовольствие, - я люблю молодежь и детей. Теперь, под моей командой тысячи молодых существ, от 10-летнего возраста и до 20. Все они так весело смотрят прямо в глаза, приветливо улыбаются, чувствуешь их доверие и сознаешь что можно из них делать что хочешь, хотя бы веревки вить. Но дел у меня ... положительно ни единой минуты для себя, а все бумаги и бумаги. И какое увлекающее дело...

1 апреля. Москва.
... Здесь, я объехал Военно-Учебные Заведения, сперва официально, а потом, в каждом побывал запросто и неожиданно для них. В одном был до шести утра, когда кадеты еще спали они при мне вставали, одевались, умывались, молились Богу и пили чай. В другом видел как они ложатся спать. Суеты и возни много у меня. Дело мое мне все милее и дороже; я не понимаю, как бы я существовал без него. Мои спутники оказались прекрасными, знающими людьми. Предвижу что генерал Бутовский будет для меня очень полезным человеком, он нравится мне больше двух моих помощников.

7 апреля.
... Я завален делами. Вернувшись сюда из Москвы, уже на другой день, это было в Страстной Понедельник, в половине шестого утра, поехал в Пажеский корпус. Там все еще спали. при мне пажей будили, они вставали, умывались, молились Богу, бегали по двору и пили чай. В 7 часов, застал за чаем кадет Александровского Корпуса и присутствовал при приготовлении уроков. В первые три дня Страстной Недели, объехал невзна-

чай все здешние заведения, а дома - безконечные бумаги. Но, как мне по душе новое дело. Не знаю, как бы я мог без него, хотя посвятил себя ему всего только 3 недели назад.

22 апреля.
... Новая моя деятельность, на первых порах, отняла у меня всякую возможность делать что хотел. Я наслаждаюсь, посещая корпуса и училища, я всегда любил учебные заведения. А эти, облагороженные военным мундиром, приподнятые духом воинской доблести, мне особенно милы. Готовлю себе большое удовольствие от поездок, чем более в глуши, тем отраднее доставлять удовольствие этим юношам и детям, сближаясь с ними, расспрашивая их шутя, смеясь и полунежно, полусердито, браня когда нужно.

26 апреля.
... Я так радуюсь ехать по корпусам, да еще вглубь России. Илья Александрович | И.А.Зеленой, Гофмейстер Двора В.К.Константина Константиновича | довезет меня до Варшавы, где мы разстанемся, а далее со мной едут два генерала и один адъютант из Главного Управления.

II мая.
... моя поездка - ряд счастливых минут. Помня пример Михаила Павловича |В.К.Михаил Павлович|, сам видав как Папа | В.К.Константин Николаевич|, покойный дядя Низи | В.К.Николай Николаевич| и теперь еще дядя Миша | В.К.Михаил Николаевич| - умели призывать к себе молодежь, я стараюсь подражать им, их обращению с нею и также отдаюсь собственному своему влечению к детям и молодым людям. Угол падения всегда равен углу отражения, и вот все эти молодые сердца платят мне таким расположениям, доверчивостью и привязанностью: везде блестящие радостью глаза, светлые лица, приветливые улыбки и толпа молодежи и детей теснится ко мне со всех сторон.

Прежде, я, бывало, во время еды кадет, только пробовал их пищу, то у одного, то у другого. Начиная с Елизаветграда | куда я попал после Варшавы, Киева и Одессы|, где-негде было обедать, я сел за стол прямо с юнкерами кавалерийского училища. После первого же опыта, у меня исчезла бывшая застенчивость и теперь я везде ем за завтраком, обедом и чаем с юнкерами или кадетами, предоставляя начальству садиться где-нибудь поодаль, чтобы не мешать молодым людям и детям болтать со мной... В Полтаве особенно сильно проявилась привязанность кадет, верно от того, что туда попал 6-го в субботу, а так как на другой день был также праздник, то мне надо было остаться и на третий день, чтобы видеть занятия.

За эти три дня| мы с кадетами, успели сильно привыкнуть друг к другу. В свободное время, они положительно меня осаждали, не отходя ни на шаг, выпрашивали у меня окурки, таскали спички, носовые платки и т.п. Я же, в свою очередь, благодаря хорошей памяти на имена и лица, очень многих успел узнать и запомнить. Был в Полтаве бедный маленький Дехтерев, 13 лет, которому прошлой осенью, пришлось отнять ногу выше колена, чтобы спасти от туберкулеза. Когда я услыхал его разсказ о том, как после ампутации он узнал о своем несчастии и заплакал, меня самого чуть слеза не прошибла и я поцеловал маленького, который теперь преловко ходит с помощью деревяшки. С тех пор, убогий мальчик ходит за мною как тень. Трогательно видеть, как другие дети, не только взрослые но и маленькие, его оберегают, поддерживают, в толпе смотрят чтобы его не ушибли.
Сегодня, в шесть часов утра был на подъеме кадет, теперь иду на уроки. После обеда, еду в Орел, оттуда в Полоцк, а там в Вильну, Псков и домой.

13 мая.
... Здесь, в Орле, та же история что и везде, те же радостные кадеты, не хотящие меня отпускать, выпрашивающие на память мои окурки, спички и пр. Конечно, самая большая прелесть - это маленькие. Здесь, в Орловском Бахтина кадетском корпусе, в двух младших ротах самые маленькие по росту, в тоже время, первые ученики в своем классе, одному - только десять лет.

20 мая.
... я побывал в Полоцке, где воспитывался наш Полиголик, | Генерал Павел Егорович Кеппен, Управляющий Двором Великой Княгини Александры Иосифовны |, в Вильне, где есть юнкерское пехотное училище и вот третий и последний день провожу в Пскове, ради имеющегося здесь кадетского корпуса. В Полоцке, ничтожном жидовском городишке, нет ничего кроме кадетского корпуса, помещенного в бывшей иезуитской Коллегии, да памятника в честь сражения в 1812 году. Как и везде, кадеты льнули ко мне, как мухи. Мы снимались группами с каждой из трех рот, причем я самого крохотного посадил себе на колено. На прощанье, кадеты выпрягли лошадей сами впряглись в мою коляску и довезли меня в ней до вокзала. Такие же восторги и здесь, в Пскове. Ем я постоянно с кадетами, соблюдая очередь между ротами, и то с каждого стола просят сесть к ним, но столов много а я один и на всех не угодить. Здесь меняс совсем обобрали, даже шпоры отцепили на память, выпросили перчатки, платок и т.п...: летом кадеты распущены и мне не предстоит разъезжать по заведениям, разве изредка в Красное, к юнкерам и пажам.
С[illegible]

Следующий большой объезд надо предпринимать не ранее I сентября, когда возобновятся занятия. Собираюсь по Волге в Ярославль, Нижний, Казань, Симбирск, Омск, Оренбург, Вольск, Новочеркасск, Тифлис, Сумы и Тверь. На это потребуется, думаю не менее пяти недель.

2 июля.
... садясь в вагон, в Петербурге, 24 июня, я сообразил что в Пскове поезд стоит I|4 часа и что можно повидаться с кадетами тамошнего корпуса, которые подобно нашим Петергофским знакомым, по разным причинам, не воспользовались отпуском и живут в лагере. Послал срочную телеграмму, чтобы их всех привели на вокзал. И вот я с ними поболтал, в течение четверти часа, а когда поезд тронулся они кричали "ура" и долго провожали меня бегом. Я придумал, на обратном пути, 14 числа, опять выписать их на вокзал и, если окажется свободное место, в их лагерном лазарете, провести там около суток.

23 сентября.
... Сперва Псков и множество знакомых кадет, из которых, я некоторых вспрминл не только по лицам и фамилиям, но даже и по именам... потом два дня в Киеве, где надо было делить сямежду одинаково близкими сердцу, корпусом и военным училищем, расположенных на двух противуположных и, очень удалённых друг от друга концах, широко раскинутого города. И там нашлись знакомые юнкера и кадеты и сердце умилялось от приветливых взглядов и улыбок. После Киева - день в Сумах, среди 55 мальчиков от 10 до 12 лет, только что возникшего корпуса. И что за обворожительные дети. Простые, безхитростные, веселые, ласковые. Они просили меня не уезжать от них и побыть подольше.

9 ноября.
...Что сказать тебе про путешествие ? Это длинно и трудно. Главное - счастлив. Счастлив, как редко бывал в жизни. Никаких столичных дрязг, светской мелочности, глупых разговоров, только дело, дорогое и любимое мною дело ознакомления и все большаго и теснейшего, с моими заведениями. Ты знаешь, я ничего не хочу сразу ломать и переделывать, никаких определенных намерений у меня нет, а хочется вникнуть в жизнь кадет и их руководителей и тем и другим - принести пользу. Вот я и присматривался и, если хочешь безсознательно, подавал пример, как надо уметь любить и быть ласковым без чего невозможно воспитание. А ты знаешь что любить мне не трудно и что не любить я не могу. А любовь плодит только одну любовь и вот должно быть почему был я так рад и счастлив. Утомления я не чувствовал, да думаю, что его и не было

потому что большей радости, как быть с детьми и юношами, вверенными моим попечениям, я не знаю. Любовь чувствуется и поэтому вся эта молодежь, как бы по волшебству, делалась сразу моей и я сознавал, что могу делать из нее, что хочу. И странно, везде я попадал на худших, на неудачников, на лениецев, на мальчиков дурного поведения, они везде особенно ко мне льнули и я думаю что это было хорошо. Что некоторых удалось поддержать, подбодрить, вселить веру в них самих, в их дремлющие силы, - приподнять их в собственных глазах. Конечно, я не выказывал к ним презрения, а старался лаской их направить на добрый путь. Где было лучше ? Который корпус мне больше пришелся по сердцу? Где меня особенно сердечно встречали и провожали, я не могу ответить на эти вопросы... Лучше там - где находишься в данную минуту, самый дорогой мне корпус - тот куда я попадаю. Встречали и провожали везде так, что нельзя вспомнить без благодарных слез умиления. Все про меня говорят, что я добр и приветлив и снисходителен, но не знают или не понимают того счастья которое доставляет мне возможность проявлять и доброту и ласку. Дело не в том что я давал - а что я получал. Не проходило двух дней, а сближение становилось так тесно, так задушевно, отношения завязывались так крепко, что прощание причиняло мне истинное огорчение и, в день отъезда из каждого места, я с утра начинал томиться предстоящей разлукой. И поверишь, поезд отходит и некоторые, даже совсем взрослые, кадеты плачут, просто плачут навзрыд и сам я с трудом удерживаю слезы. Везде я, с помощью милого генерала Бутовского посеял семена нового веяния, говорил о необходимости вести маленьких не так как больших, по мере того как они подрастают выказывать им все более доверия, ограничивать всевозможные запрещения, постепенно выпускать поводья, создавать из старших воспитанников - друзей, с помощью которых можно было бы руководить младшими.
А теперь ребенок, поступая в I класс, нас боится для того чтобы заставить бояться себя когда дорастет до 7-го класса И эти новые мысли, еретические для педагогической рутины, как только бывали высказаны, немедленно приводили в заметное движение сонные собрания педагогических комитетов |которые я собирал в своем присутствии, во всех корпусах |, вызывая оживленные прения и, большей частью, сочувствие. И вся эта воспитательная семья зашевелилась, забродила и подает надежду, что мне удастся добиться своего: везде уже знают, что исключение из корпуса воспитанника есть самая последняя, самая нежелательная, крайняя мера...
Я очень тронут мнением Сандро | В.К.Александр Михайлович |, который желал бы Морской Корпус подчинить мне. Да и я сам был бы не прочь от сосредоточения в моих руках всех, еще не подчиненных мне военных училищ а следовательно и Морского Корпуса.

14 ноября.
... до сих пор еще не успел объехать всех. Не побывал в Александровском и Николаевском корпусах...
После моего отъезда из Симбирска, тамошний директор корпуса разрешил всем кадетам написать мне письма, переплел их в три книжки, по числу рот, и прислал сюда. Я все это читал и перечитывал с умилением и даже иногда со слезами радости. Особенно растрогали меня два письма кадет, которым угрожало исключение из корпуса, за дурное поведение, я разрешил оставить их в корпусе, что даст им возможность исправиться...
... у пажей была нехорошая история, но я надеюсь ее уладить к общемуудовольствию...
... мне уда лось побыть в Николаевском Кавалерийском Училище за юнкерским обкдом и сидеть подле Георгиевского кавалера Мациевского.
... В Первом и 2-ом корпусах видал наших общих знакомых некоторые из них исправились а иные снова зашалили.
... В Главном Управлении по понедельникам и средам большие приемы, но зато меня меньше изводят докладами.

21 ноября.
... Георгий | В.К.Георгий Михайлович | совсем прав, жалуясь на газеты, которые слишком часто и подробно описывали мое пребывание в разных городах, разсказывая и то что не было. Наприкер, я и не думал приказывать, чтобы мою кровать переносили в спальню старшего класса, напротив, кровать правофлангового кадета всюду приносили в отведенное мне помещение. Правда, в некоторых корпусах, после моего отъезда эту кровать на фланге в кадетской спальне часто хранили и накрывали чехлом, но как ты легко себе представишь, конечно не по моему приказанию. Согласен с тобой, что эти подробности совершенно излишни и могут мне только повредить. А потому я здесь запретил, чтобы о моих посещениях военно-учебных заведений сообщалось в газетах. Ты тысячу раз права что надо быть постоянно на стороже, чтобы не возгордиться, слыша похвалы и видя поклонения. Своим чутким сердцем, ты верно угадала, что если бы моя воля, я бы безконечно странствовал по всем военно-учебным заведениям России. Но и в Петербурге их целых семь и я почти каждый день бываю в одном из них. По возвращении сюда, я уже успел объехать все, а в некоторых был даже по два раза.

| Продолжение следует |

Великий Князь Константин Константинович.

СУМЫ *в восемнадцатом году*

Осенью восемнадцатого года, гетманское правительство открыло под названием "Військових бурс", все кадетские корпуса, находившиеся на территории Малороссии: Киевский, Полтавский, Одесский и Сумской. Надо отметить, что кадетские корпуса открывались немедленно всеми анти-большевицкими правительствами. Таким образом, в описываемое время, возрождались кроме перечисленных, три Сибирских, оба Оренбургских и ... корпуса.

... алороссийские корпуса были украинизированы ... дилось к преподаванию нового предмета ... в его полтавском, Шевченковском ...

... гь ...

... ь." ...

... о для природного москвича. Не- ... Киевляне и полтавцы принуждены ... огон с "дулей", как непочтительно ... этого, после его превращения в ... е и Сумах просто не носили ника- ... азы [особенно старших рот] были ... ени разграблены после октябрьского ... были просто уничтожены, ...

... рпус, один из самых молодых в России ... расположен в двух верстах от города ... ого. Он занимал огромную площадь ме- ... дставлял из себя совершенно обособ- ... е, трехэтажное здание было построено ... детских корпусов не отличалось от них ... снаружи так и внутри. Корпус обладал о... ктрической станцией, огромной рощей, спуск... . На его территории были собственные мощеные ули... ые асфальтом, тротуары, ... было обсажено классическими ... лороссии тополями. На главном плацу, между зданием корпуса и дорогой, можно было провести церемониальным маршем целую дивизию.

Директором Сумского корпуса состоял генерал-лейтенант Андрей Михайлович Саранчов, выдающийся педагог, военный историк с именем и добрейший человек, скончавшийся уже в эмиграции, в Париже. Кадеты звали его "мальчишкой" - это было единственное бранное слово в лексиконе Андрея Михайловича. Не в пример многим другим директорам, Андрей Михайлович непосредственно вмешивался в повседневную жизнь корпуса.

1990
ФЕВРАЛЬ
28 ДНЕЙ

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ	5	12	19	26
ВТОРНИКЪ	6	13	20	27
СРЕДА	7	14	21	28
ЧЕТВЕРГЪ	1	8	15	22
ПЯТНИЦА	2	9	16	23
СУББОТА	3	10	17	24
ВОСКРЕСЕНЬЕ	4	11	18	25

14 ноября.

... до сих пор еще не успел объехать всех. Не побывал в Александровском и Николаевском корпусах...
После моего отъезда из Симбирска, тамошний директор корпуса разрешил всем кадетам написать мне письма, переплел их в три книжки, по числу рот, и прислал сюда. Я все это читал и перечитывал с умилением и даже иногда со слезами радости. Особенно растрогали меня два письма кадет, которым угрожало исключение из корпуса, за дурное поведение, я разрешил оставить их в корпусе, что даст им возможность исправиться...
... у пажей была нехорошая история, но я надеюсь ее уладить к общемуудовольствию...
... мне уда лось побыть в Николаевском Кавалерийском Училище за юнкерским обедом и сидеть подле Георгиевского кавалера Мациевского.
... В Первом и 2-ом корпусах видал наших общих знакомых некоторые из них исправились а иные снова зашалили.
... В Главном Управлении по понеде[illegible] средам большие приемы, но зато меня м[illegible] алами.

21 ноя[illegible]

... Георги[illegible] прав, жалуясь на газе[illegible] бно описывали мое преб[illegible] зая и то что не было. На[illegible] тобы мою кровать пере[illegible] напротив, кровать прав[illegible] в отведенное мне поме[illegible] х, после моего отъезда [illegible] й спальне часто хранили [illegible] ко себе представишь, [illegible] огласен с тобой, что эти [illegible] могут мне только повреди[illegible] оби о моих посещениях вос[illegible] газетах. Ты тысячу раз [illegible] торож е, чтобы не возгор[illegible] онения. Своим чутким се[illegible] бы моя воля, я бы безко[illegible] -учебным заведениям Росси[illegible] ь и я почти каждый ден[illegible] щеник сюда, я уже успе[illegible] даже по два раза.

| Про[illegible]

[illegible] князь Константин Константинович.

СУМЫ в восемнадцатом году

Осенью восемнадцатого года, гетманское правительство открыло под названием " Військових курс", все кадетские корпуса, находившиеся на территории Малороссии: Киевский, Полтавский, Одесский и Сумской. Надо отметить, что кадетские корпуса открывались немедленно всеми анти-большевицкими правительствами. Таким образом, в описываемое время, возрождались, кроме перечисленных, три Сибирские, оба Оренбургских и Донской корпуса.

Теоретически, малороссийские корпуса были украинизированы но практически, это сводилось к преподаванию нового предмета - украинского языка, да и то в его полтавском, Шевченковском наречии:

"Садок вишневый коло хати
Хрущи над вишнями гудуть.
Плугатари з плугами идуть
И матэри вэчерять ждуть."

НЕ трудный иностранный язык? Даже для природного москвича. Несколько сложнее было с формой. Киевляне и полтавцы принуждены были одеть узкий украинский погон с "дулей", как непочтительно называли трезуб Владимира Святого, после его превращения в эмблему сепаратизма. В Одессе и Сумах просто не носили никаких погон. К тому же цейхгаузы |особенно старших рот| были в большей или меньшей степени разграблены после октябрьского переворота, а запасы погон были просто уничтожены.

Сумской кадетский корпус, один из самых молодых в России | основан в 1901 г.| был расположен в двух верстах от города на старой Лубенской дороге. Он занимал огромную площадь между шоссе и Пселом и представлял из себя совершенно обособленный городок. Главное, трехэтажное здание было построено по типу всех новых кадетских корпусов но отличалось от них особой роскошью, ка снаружи так и внутри. Корпус обладал своей собственной электрической станцией, огромной рощей, спускавшейся к реке. На его территории были собственные мощеные улицы, залитые асфальтом, тротуары, все было обсажено классическими в Малороссии тополями. На главном плацу, между зданием корпуса и дорогой, можно было провести церемониальным маршем целую дивизию.

Директором Сумского корпуса состоял генерал-лейтенант Андрей Михайлович Саранчов, выдающийся педагог, военный историк с именем и добрейший человек, скончавшийся уже в эмиграции, в Париже. Кадеты звали его "мальчишкой" - это было единственное бранное слово в лексиконе Андрея Михайловича. Не в пример многим другим директорам, Андрей Михайлович непосредственно вмешивался в повседневную жизнь корпуса.

Его можно было увидеть, тащащим за ухо великовозрастного кадета | только не первой роты |, прямо в карцер, приговаривая на ходу: "мальчишка, мальчишка". Отсюда и пошло это прозвище а другое, "Андрюшка", логически вышло из "мальчишки". Он же первый и , едва ли , не единственный, из директоров, устроил в первой роте курительную комнатку с мягкими диванами и поставил настоящий биллиард. "Не хочу чтобы будущие офицеры курили по с..." сказал "Андрюшка", объявляя об этой мере.

Из корпуса он почти не исключал а, в случае крупного проступка, отправлял, до конца года, в лазарет и оставлял на второй год. Так было например с Сережей Л. Отец его, жандармский полковник на юге, был немецуого происхождения мать - грузинка. Смесь немецкой расчетливости и педантизма с горячей кавказской кровью получилась очень взрывчатая. Вот он и пырнул перочинным ножем, сидя на "камчатке" своего лучшего друга и земляка Николая Г.Просто, Г. его дразнил шопотом, на уроке. Не отвечать же тоже шопотом, делая вид , что интересуешься синусоидальной функцией. Встретились оба в лазарете.Г. с довольно тяжелыми ранениями между ребер, Л. - в подследственной инстанции.

"Нормальный" директор просто выгнал бы Л. с "волчьим билетом". - "Андрюшка" же, недели две ходил в лазарет, беседовать по душам с Л. Говорят что Сережка плакал на генеральской груди а, сопящий носом, "Андрюшка" гладил его по черной, кавказской голове. И просидел Сережа в лазарете, до конца года, оставшись конечно на второй год, из за "неаттестованности" за последнюю четверть.

В середине августа восемнадцатого года, Сумской корпус представлял из себя настоящий муравейник. Со всех концов России съезжалась в белокремовый дворец, по Лубенскому шоссе, потерявшая свои родные стены, Российская кадетня. Пропорционально, больше всего было "соседей" - орловцев, москвичей, воронежцев. Было много моряков, кадет 2-го корпуса. Попал туда и я, неплюевец, пожалуй единственный представитель восточных корпусов.

Одели нас в суконные, солдатские гимнастерки, без погон, кадетские черные брюки и темно-коричневые, плохо шитые, матросские шинели. Фуражки оставались кадетские но без кокарды, так как генерал Саранчев упорно не желал надевать не только "кукиша" на погоны но даже "жовто-блакитной кокарды". А сам происходил из старой украинской "старшины, времен Богдана Хмельницкого.

Сжились мы все как то сразу, без всяких трений между "автохтонами" и "иностранцами". Некоторое время, мы сдавали зачеты за пятый класс, оставаясь во второй роте полковника Потемкина, прозванного, за черную, густую бороду и громовой голос, " драконом". Потом, мое, второе, отделение, уже шестого класса, подполковника Жабокрицкого перевели в первую роту, к полковнику Катасонову, к биллиарду и мягким диванам "Андрюшкиного" "смокинг-рума". Здесь я провел последние четыре месяца нормальной кадетской жизни | несмотря на наш нелепый наряд и отсутствие винтовок - не позволяли немцы|.

Кормили нас прилично. В классах, залах и спальнях царствовала привычная чистота и с холодами начало действовать центральное отопление. Учебная часть как бы и не пострадала от революции: приходилось зубрить как в шестнадцатом году и как мы уже не зубрили во времена "гимназий военного ведомства", эпохи Керенского.

Странная, экзальтированная атмосфера царила среди кадет. Как будто бы не было революции и в подвале Екатеринбурга ничего не произошло, как будто в мае, месяце, четырнадцатый выпуск разъедется все по тем же училищам, наденет погоны все тех же полков, формы и "журавли" которых усиленно учились шестиклассниками, в вящий вред законам Бойля и Мариотта.

Это был какой то молчаливый протест против "старших" - "как вы это позволили. Как вы к этому дошли?" И горячая мольба - "все поправить". Как можно скорее, сейчас же. Чтобы четырнадцатый выпуск мог уехать в "свои" училища. Мало говорили о добровольческой армии Деникина. Может быть немного из стыда. Почему мы не там? А "там" было в это время | конец второго похода и начало очищения Северного Кавказа | много кадет. Кое-кто вернулся в открывшиеся корпуса и разсказывал о том как гудели Екатеринодарские колокола; в июле, как лилась кровь в Армавирских и Ставропольских боях. Большинство же оставалось в дыму Российского пожара, зарабатывая офицерскую кокарду, без выпусков и без училищ.

Корпус жил совершенно обособленной жизнью. Сведения из внешнего мира доходили до него в каком то отвлеченном, схоластическом аспекте. "Немцы отступают назападе? - Туда им и дорога." "В Жмеринке и Виннице бунт против Гетмана? - Пусть себе грызутся опереточные сепаратисты". -Сугубый. Журавель Мариупольских гусар. - Фуражемент Астраханских драгун. - Полковую песню Одесских улан...

Вспомянем же мы славу былую,
Славу старых Одесских улан,
Громко грянем мы песнь полковую...

"Сугубый. Спасибо за службу. - "Фельдфебель Богданович думает идти в Николаевское Инженерное".-"Интересно успеют ли открыть Морской Корпус?... Шепотом: - едем к Деникину? подожди, посмотрим после Рождества...Синус поделенный на косинус равняется тангенсу...

Кохайтэся чорнобривы,
Тай нэ з москалями
Бо москали чужи люди
Лихо робят з вамы...

Не нужно понимать слово "москаль" как великоросс, поясняет преподаватель Русского языка Воробьев. Шевченко писал на народном наречии, в котором слово "москаль" следует понимать как "солдат" или вообще "военный". Воробьев же преподает нам "державну мову", как называется теперь украинский язык. На этих уроках он не Воробьев а "Горобэць. Французский язык, вместо уехавшего со всей семьей, француза Парана, преподает сам " Андрюшка". С шестого класса - один иностранный язык, по выбору. Слава Богу. Чтобы я делал с моим английским, унаследованным из Хабаровска и Оренбурга? Большинство выбирает - немецкий. В "андрюшкином" классе, из трех отделений не больше двадцати человек.

Мы называемся "Версальским Двором" а к Андрею Михайловичу прививается новое прозвище: "Людовик Девятнадцатый". Читаем, переводим и комментируем мемуары генерала барона Марбо, известного историка и мемуариста Наполеоновских войн. Андрей Михайлович постоянно с ним не согласен в оценке событий, отчего наши уроки превращаются в увлекательные лекции по военной истории. Делу это не вредит, так как "Версальский Двор" говорит по французски. Иначе пошли бы на немецкий, считающийся менее трудным.

Итак - живем вне мира. Было даже производство вице-унтер-офицеров. Генерал Саранчев подарил перед строем "от себя" каждому по паре белых с галуном, "отмененных" погон Богданович получил вице-фельдфебельские. Погоны, впрочем, есть уже у всех. Покупались в городе, неформенные, а "собственные" с голубым отливом.

В Германии революция. В Киеве - бунт. Гетман обращается ко всем Русским анти-большевицким силам. Русским а не украинским. В Сумах - петлюровцы. Нас не трогают. Только "местных" больше не пускают в отпуск. В городе все знают кто ходит в кадетских шинелях. На всякий случай, выдали солдатские фуражки. Ночью ходят кадетские патрули с колотушками. Оружия в корпусе нет никакого. Если нападет банда повстанцев, остается только бить в колотушку и бежать к дверям.

Намерение директора: в случае нападения - выйти к толпе, попытаться уговорить. В крайнем случае, пожерьвовать своей старой жизнью. Вся наша защита: колотушки и старый| беспомощный Русский генерал, с большим сердцем.

Дни идут: Синус в квадрате на косинус в квадрате равен единице.

Як умру то поховайтэ
Мэнэ на могили
Сэрэд степу широку
На Вкрайнэ мили...

- Не следует понимать "Заповедь" Шевченко, как произведение анти-Русское, поясняет Воробьев-Горобэць - стихотворение это скорее революционное. "Заповит" мы учили на случай Петлюровского контроля.
- Слова: и ворожою, злою кровью
волю окропитэ... имеют скорее сословно-социальный смысл.

Очень мило. Не все ли равно как нас будут резать? Под московским или под панским соусом?
-Сугубый. Журавель Гродненского полка.
- Спасибо за службу.
- Рад стараться господин корнет.
Говорят что немцы взбунтовались и уходят с Украйны.
Говорят что Гетман бежал в Германию.
Говорят что Деникин в Крыму.
Говорят что союзники в Одессе.
- Генерал Марбо преувеличивает силы Русских армий на Березине и преуменьшает свои собственные. О Березине онговорит так же тенденциозно, как и о сражении под Красным.

Ночью ходим с колотушками, курим махорку. После Рождества к Деникину... Если не придут союзники.

Из соседнего Белгорода немцы ушли. За ними следом идут большевики. Петлюровцы отходят почти без сопротивления. В Киеве убит граф Келлер. "Граница" в тринадцати верстах от Сум. У нас стоит немецкая кавалерия, сохранившая дисциплину но, говорят, что немцы уходят, вообще, по требованию Союзного штаба.

Белгород - мой родной город. Страшная тревого за родных. Может быть они у тетки, в Харькове? Еще далеко до Рождества но, желающие, могут ехать. Это касается только первой роты. Кое-кто уезжает сразу. Очень скоро становится известным что мой одноклассник Яковлев растерзан красными в Синельниково. Некоторые "южане" возвращаются в корпус, потеряв багаж, оборванные и голодные. Там, на юге сидят Махно Григорьев, Ангел и прочие "батьки". Петлюровцев они прогнали или разоружили. Ищут в поездах "буржуев" и офицеров.

Грабят и разстреливают тут же на станции.

18 декабря выезжаем втроем: Сергей Леус, Николай Газнев и я. Ближайшая цель - Харьков и особняк моей тетки, на Максимилиановской. Тетка даст денег и мои приятели двинутся кружным путем, огибая Синельниково, на юг.

Перед отъездом нам выдали новенькие мундиры, новенькое белье.

В городе оттепель и слякоть, извозчиков нет. Еле донесли чемоданы до вокзала. какие то парни блатного вида подтрунивают: " эвакуируйтесь, эвакуируйтесь. Все равно поймаем." Петлюровский "вартовый" с винтовкой зевает. В теплушках пассажирского поезда не топлено. Народа много больше "штатского- вида. Должно быть "буржуи". До Харькова мы не доехали, так как он был сдан в ночь с 18 на 19, но после недельных, почти Майн-Ридовских, приключений, мы вышли у станции Пришиб, к югу от Александровска, на кубанский разъезд. Но, об этом уж как нибудь в другой раз.

Еще до Рождества, Сумской корпус был эвакуирован в Киев а потом в Одессу. Больше он уже не возстанавливался.

Евгений ЯКОНОВСКИЙ.

СМОТР ГИМНАСТИКИ В ПЕТЕРГОФЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.

Статья эта заимствована из № 63 журнала "Кадетский Досуг", от 28 ноября 1912 года. Журнал этот в течение многих лет, издавался в Первом Кадетском Корпусе. Экземпляр этот, вместе с несколькими другими, был прислан в редакцию, для временного пользования, кадетом из Швеции.

Редакция обращается к кадетам других корпусов с просьбой - одолжить ей, имеющиеся у них на руках экземпляры журналов, своих корпусов. По использовании, они будут возвращены с благодарностью.

\- о - о - о -

По примеру прошлого года, в Петергофе должен был состояться смотр по гимнастике, в Высочайшем присутствии, но разница между нынешним годом и прошлым - в количестве самих гимнастов.

В прошлом году были, если не ошибаюсь, выборные от II корпусов, а в нынешнем - от 24.

В первых числах июня приехали все провинциальные корпуса, разместившиеся у нас в корпусе, и с числа 6-го мы уже начали репетиции, ездя каждый день в Петергоф.

Но вот настал день смотра. Еще накануне погода стояла пасмурная и даже шел дождь. К смотру все снаряды мал-помальски подсохли, но все-таки были скользки и весьма небезопасны для желающих показать какой нибудь фокус, потому что сорваться со снаряда не представляло большого затруднения.

Программа смотра разделялась на три части: вольные движения с палками, групповые - по три человека и, так называемые, сокольские фразы. Вторым номером следовала работа на снарядах а третьим - виньетка, изображавшая вензель Императора. Особенно хороши были, в вольных движениях, групповые фразы, выполненные с редкой согласованностью всеми кадетами. Работа на снарядах велась добросовестно.

Много хороших номеров было показано на турнике и брусьях. Привлекали внимание всех лихие прыжки кадет Донского Императора Александра III корпуса через модель лошади | немного больше натуральной величины |. В прыжках с шестами, в вышину, выдвинулся Киевский корпус. Как особые номера, были показаны кадетами I-го Московского, Киевского и других корпусов прыжки через лошадь "ласточкой", сальто-мортале и иными способами. Следующим номером была, так называемая виньетка, образованная группами на снарядах и кадетами, производившими вольные движения с флагами. Во главе виньетки, стоял Пажеский корпус, державший на головах вензель из красной материи и корону.

После всех упражнений, кадеты выстроились на плацу, в ожидании церемониального марша. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволил обратиться с милостивой речью, сначала к директорам, ротным командирам и воспитателям, а затем благодарил кадет следующими словами: "ВАС,МОЛОДЦЫ ПАЖИ И КАДЕТЫ, БЛАГОДАРЮ ЗА ПРЕКРАСНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ, ВЫНОСЛИВОСТЬ И ДИСЦИПЛИНУ."

После этого, пройдя церемониальным маршем по-ротно, | четыре корпуса составляли роту | и удостоясь Высочайшей похвалы, каждый корпус отдельно, все кадеты выстроились вновь, и, под их громкое "ура", Государь Император отбыл с плаца. Завтрак перед дворцом в Верхнем саду был завершением смотра.

УII класс. А.ЗАНЧУРОВ.

Ф У Р А Ж К А .

Старая кадетская песня, записанная со слов кадета 1859 года

Фуражка милая не рвися,
С тобой вся жизнь моя слита.
С тобою бурно пронеслися
Мои кадетские года.

И помню день я поступленья
Тобой венчался как венцом,
Одев тебя с благоговеньем,
Семь долгих лет носил потом.

Бывало выйдешь на прогулку -
Все дамы смотрят на тебя
И шепчут, шепчут потихоньку
Какое милое дитя...

Ты на ученьи и дома,
И на прогулке и в борьбе,
Всегда со мной, вот песнь готова
Фуражка милая - тебе.

- о - о - о -

КОШКА-МЫШКА

I. МЫШКА УХОДИТ ...

- Петряев, трубу...

Шлепая босыми ногами по горячим планкам полуюта, сигнальщик Петряев подлетел к командиру. Приладив тяжелую подзорную трубу к крюйс-вантам, командир медленно обвел пустынную набережную.

- Все еще нет, - пробормотал он, собираясь оторвать глаз от окуляра, но, затем, снова начал внимательно всматриваться в, изученную до мелочей, картину сонного городка: из узенькой улочки показались два всадника, направляясь к набережной. Прошло немало времени, пока один из них, покончив какие то расчеты со спутником, спустился по ступенькам и принялся энергично расталкивать мирно дремавшего лодочника, метиса. Ничуть не считаясь с нетерпеливыми окриками своего пассажира, этот оливковый оборванец медленно и обстоятельно разобрал весла и, лениво "мокая" их в тихую воду гавани, начал выбираться из гущи мелких судов, облепивших мол.

- Господи, да догребет ли когда-нибудь эта чумазая обезьяна?... Так и всыпал бы ему десятка два линьков....-горячился командир, меряя крупными шагами полуют и не отрывая взгляда от еле подвигающегося ялика.

Было отчего нервничать, Российского Императорского Флота, капитан-лейтенанту Изыльметеву, командиру сорокачетырехпушечного фрегата "Аврора", находившегося в "дальнем вояже" и стоявшего, в описываемое время, на рейде Перуанского порта Кальяо, в ожидании получения дальнейших указаний из под Адмиралтейского шпица, в далеком Санкт-Петербурге. Столь нетерпеливо ожидавшихся инструкций, да и почты, вообще, в Кальяо не оказалось, а взамен того, появился неизвестно откуда и зачем, английский отряд, - два больших фрегата, три корвета и несколько шлюпов, ставший, по такой диспозиции, что при попытке выхода с рейда "Аврора" оказалась бы под перекрестным огнем всех его орудий. Чувствовалось, что фрегат находился под неусыпным наблюдением, а на всякое движение, могущее быть истолкованным как приготовление к съемке с якоря, англичане немедленно отзывались "артиллерийским учением", - как две капли воды похожим на самую настоящую боевую тревогу...

- Что ж это мы - под негласным надзором полиции находимся? - кипятился Изыльметев каждый раз, когда взгляд его

падал на две линии англичан, стоявших на обоих траверзах "Авроры".

А тут еще в городе стали распространяться слухи о яко бы назревавших в Европе крупных политических событиях, связывавшихся неизменно с именем России. По существу никто ничего не знал: все сводилось к праздным разговорам завсегдатаев местных кафе, просиживавших там целые дни, лениво по посасывая лимонад со льдом, и от нечего делать дававших волю своей пылкой южной фантазии. Пустая болтовня..., а, может быть и нет...?

Наконец командир не выдержал. Было решено что старший офицер, владевший немного испанским языком, проедет в Лиму и, при помощи долженствовавшего иметься там нашего консула постарается осветить картину политического положения. Во избежание излишнего внимания со стороны англичан, "старшой" нарядившись в "первый срок" гражданского платья, сидевшего на нем, - по его собственному признанию, - "как на корове седло", съехал вечером на берег. Показавшись демонстратив но во всех кафе, посещаемых английскими офицерами, он в последнем сыграл партии две-три на биллиарде со своим коллегой с британского крейсера "Минотавр" и, ответив на вопрос о дальнейшем времяпрепровождении многозначительным подмиги ванием, вызвавшим восторженное ржание просвещенных мореплавателей, - исчез в темной боковой улочке. Полчаса спустя, он был уже на дороге в Лиму.

Его то и поджидал теперь, с таким нетерпением Изыльметев.

- Андрей Павлович, - крикнул он, заметив, что старший офицер, обменявшись рукопожатием с вахтенным начальником, направился к трапу в каут-компанию, - не томите, ради Бога, разсказывайте скорее что и как?

- Неловко являться в этом шутовском виде..., - начал было старший офицер, но Изыльметев нетерпеливо перебил его:

- Плюньте... Не до церемоний сейчас... Идите скорей сюда

Битый час ходили они взад и вперед по полуюту, беседуя так тихо, что вахтенному лейтенанту на шханцах не удалось уловить ни одного слова. Уже совсем стемнело, когда оба собеседника, наконец, спустились с полуюта. А четверть часа спустя, татарин Хангибаев, расторопный командирский вестовой стучался во все каютные двери и докладывал: "Так что, Ваше Высокородие, командир просят господ офицеров к себе, на военный совет..."

Удостоверившись взглядом что все офицеры в сборе, командир поднялся и заговорил:

- Господа, я счел необходимым собрать военный совет чтобы обсудить создавшееся положение. Сведения, добытые Андреем Павловичем, к сожалению очень неполны и, конечно не первой свежести, но все же можно заключить что несколько месяцев тому назад, назрел очень серьезный конфликт между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией с другой... Война не только возможна а даже вероятна... Наши дорогие соседи, - продолжал он, после короткой паузы, кивнув головой и вправо и влево, - знают это не хуже а, скорее, даже лучше нашего, откуда и исключительное внимание, которым они нас окружают... Несомненно, они и раньше нас узнают о начале войны и начнут действовать, тогда как мы до последней минуты будем связаны своим неведением. Как быть?... Поручик Федоров, вам, как младшему, надлежит подать свое мнение первым...

Младший штурманский офицер вскочил, покраснел до корня волос | недаром кают-компания прозвала его "красной девицей" | и, запинающимся от волнения голосом, выпалил:

- При первом враждебном действии, открыть огонь обоими бортами, сняться з якоря и прорываться в открытое море...

Извольметьев слегка улыбнулся.

- Отвечено как подобает бравому молодому офицеру но огонь будет открыт не нами, а мы сами окажемся под перекрестным обстрелом раньше, чем барабанщики успеют пробить тревогу... Капитан Потапов, вы что скажете?...

Старший штурман крякнул, откашлялся и заговорил своим, всегда немного глухим и хриплым голосом.

- Ответ Ивана Ивановича, как вы изволили отметить, весьма достойный, но - будет ли какая польза Российскому Государству, если мы дадим изрешетить себя, не успев выпалить и одного раза?... Полагаю что надо не бросаться очертя голову, а подумать, как бы сохранить корабль до такой оказии, когда положение будет авантажным не только для одного врага...

Штурман замолчал и, как бы собираясь с мыслями, провел рукой по своим коротко остриженным, седым волосам. Все взгляды устремились на него в нетерпеливом ожидании, знали, что раз, скупой на слова, старик заговорил, то у

него уже готово какое то решение поставленно. трудной задачи.

- Кому не лень заглянуть в английскую лоцию, - продолжал он, бросив из под густых бровей взгляд в сторону смутившихся мичманов, - да и самому открыть глаза, тот знает, что на этом побережьи, периодически устанавливаются зюйдовые ветра, несущие слой холодного воздуха из Антарктики; в результате, - густой туман - "молоко", - на двое, трое и больше суток... Господа англичане стерегут нас, как кошка - мышку, - сидят тихо, не сводя глаз, да, изредка выпускают когти... Так вот, нам надо провести игру так, чтобы мышка у них исчезла из под носу - "по английски" - не прощаясь...

Гул одобрения пронесся среди слушателей. Штурман глубоко вздохнул, вытащил громадный клетчатый платок и шумно высморкался.

- Господа, - раздался снова голос командира, - полагаю, что наш уважаемый Федор Максимович попал в самую точку. Согласны ли все с его мнением?

- Согласны... Да... Так точно... Конечно... - отозвался нестройный но восторженный гул голосов.

- Ура Федору Максимовичу. - провозгласил старший офицер, крепко пожимая руку штурману.

- У-р-р-р-а ... - дружно подхватили остальные.

- Погодите, не кажи гоп, пока не перескочишь... - отмахивался старик.

- Военный совет единогласно принял мнение капитана Потапова, - объявил командир, когда буря восторга наконец улеглась. - Объявляю заседание закрытым. Вы свободны господа. А мы с Андреем Павловичем и Федором Максимовичем еще посидим да потолкуем, как нам получше утереть но просвещенным мореплавателям...

- о - о - о -

Вторые сутки, как рейд и город потонули в густом "молоке"... Сперва поползли с юга, скользя по склонам гор, безконечными змеями, длинные серые облака. В воздухе похолодало. Террасы кафе опустели, лодочники всех оттенков - от высохшего лимона через кофе с молоком до черного дерева - обычно, живописно раскинувшиеся в полулежачем виде на банках своих яликов, завернулись с головой в разно-

цветные, дырявые пончо, сидели мрачно и неподвижно, напоминая пестрых попугаев, нахохлившихся под дождем. Облака сгущались, все более заволакивая горы. А к полудню с юга начала медленно надвигаться высокая белая стена густого тумана, вскоре накрывшая саваном и город, и море, и горы. Где то в высоте, там, где должно было находиться солнце, смутно угадывалось более светлое пятно. По штагам и фордунам скатывались мелкие водяные капли, сливались в более крупные и беззвучно падали на палубу. Природу и людей охватили унылое молчание и апатия.

Тишина царила и на "Авроре", но в этой тишине шла кипучая работа. Из люка шхиперской вытаскивались бухты троса, перекатывались на корму и поднимались на полуют, где боцман Гаврилыч хриплым шопотом, подкрепляемым линьком и тумаками в шею непонятливым, правил молчаливым авралом. На всех шлюпках, откинув чехлы, копошились старшины с одним, двумя гребцами, смазывая блоки талей, и обматывая ветошью уключины и лопасти весел. В батарейной палубе офицеры горячо и внушительно толковали усевшимся в кружок гребцам своих шлюпок. Старший офицер лейтенант Альский поспевал повсюду, то проверяя работу на шлюпках, то пополняя объяснения офицеров двумя-тремя меткими фразами, жадно схватываемыми командой, наконец, перебирая в десятый раз с Гаврилычем все подробности предстоящего маневра.

Откуда то донеслись, заглушенные туманом, удары колокола - восемь склянок. Откуда? Кто скажет в этом беспредельном пустом пространстве, где, кажется, нет ни верха, ни низа и где самое время перестало существовать... Таким же глухим, далеким перезвоном отозвались другие корабли. И снова - мертвая, давящая тишина.

С последним ударом склянок, Изыльметьев поднялся на полуют.

- Андрей Павлович,

- Есть. - отозвался вполголоса из темноты старший офицер.

- С Богм. Спускайте.

- Гаврилыч, команда выходит ?

- Стоят на талях, Ваше Высокородие.

Альский спустился на палубу и, подходя по очереди, к стоявшим против своих шлюпок, офицерам, повторял: "спускайте... Только, ради всего святого, ни звука."

- Есть. - И затем следовали вполголоса команды:

- Тали нажать... Стоп тали ... Тали травить... - и уловив, еле доносившийся снизу слабый звук всплеска:

- Раздернуть... На баркас.

Ловя в полной темноте шкентеля и тали, люди цепочкой скользили вниз, подхватываемые товарищами на шлюпке, и, под грозное шипение старших, бесшумно разсаживались по местам, разбирая весла.

Обойдя все шлюпки, Альский вернулся на полуют и перегнулся через поручни, стараясь проникнуть взглядом клубящийся над водою туман.

- Первый баркас, - донеслось, еле слышно, снизу.

- Гаврилыч, подавай крайний правый...Приняли ?...

- Так точно... Завернут...

- На-воду.

Шлюпка за шлюпкой подходила под корму, принимали буксиры и отходили, занимая свои места ощупью, перекликаясь шопотом с соседями.

- Все готово. Буксиры выравнены. Канат обрублен - доложил Альский командиру, получив донесение от артиллериста, с бака.

- Изыльметьев снял фуражку и перекрестился: "Давайте

- На-воду, - скомандовал Альский, чуть громче.

Все, находившиеся на юте, замерли на местах; один боцман, озабоченно перебегал от буксира к буксиру, пробуя ногой их натяжение.

- Гаврилыч, как буксиры?

- Натянулись, Вашбродь... Ослабли... опять натянулис

- Как на лоте ? - С обоих бортов, послышались всплес

осторожно брошенного лота. Минута напряженного ожидания, показавшаяся вечностью... Альский затаил дыхание, командир, нервно, теребил, оставшуюсу у него в руакх, фуражку Гаврилич громко сопел, склоняясь поочередно над натянутыми буксирами.

- Медленно назад иде-е-е-т... - пропели вполголоса лотовые.

Сажень за саженью, кабельтов за кабельтовым, отходил "Аврора" назад, под двойным покровом ночи и тумана...

Прошел час, полтора...Туман редел... Над клотиками вспыхнули яркие звезды южного неба. Понемногу свежея, потянул легкий бриз.

Возбужденно шагавший по мостику, Изильметьев приоткрыл дверь рубки, где штурман, при свете масляного фонаря колдовал над картой.

- Может уже довольно, Федор Максимыч ?

Приложив еще раз циркуль к карте, Потапов вышел на мостик, и дав глазам привыкнуть к темноте, внимательно осмотрелся - " понюхал географию", как острили между собою мичмана.

- Хватит-с... Можно убрать буксиры. Да пора и паруса ставить, грешно было бы такой ветерок упустить.

Изильметьев крепко пожал руку штурмана.

- Совсем было попали мы кошке в лапы, да так и не удалось ей мышку съесть. А все благодаря вам, Федор Максимыч. Спасибо за нашу старую "Аврору" - выручили ее из беды.

- Помилуйте-с... стоит-ли говорить? Наше дело маленькое... Читай да примечай, ну, да кой когда мозгами пораскинь... - смущенно отнекивался старик. - А вот ребята, так те уж действительно молодцами... Шутка сказать - два часа без отдыха, без сроку. По чарочке бы им...

Будет Федор Максимович. - весело отозвался командир - и не по одной а по две. Ну, как, Андрей Павлович ? - обратился он к, поднимавшемуся на мостик, старшему офицеру.

- Шлюпки подняты и завалены. - отрапортовал Альский.

- Неладно что-нибудь ? - спросил командир, уловив в его

голосе какое то подавленное волнение.

-Белова, старшину второго катера, пришлось в лазарет положить...

- Что такое с ним?

- ... Закончил работу на катере, спустился на палубу, сделал два шага и грохнулся без памяти... Я вызвал Карла Христианыча, смотрим - левая рука ветошью обмотана, вся в крови... Размотали - так и ахнули... Вместо трех средних пальцев, месиво какое то... - Альский перевел дух - как пришел в себя, уже в лазарете, я его спрашиваю, как это случилось ? " Недоглядел в темноте, как катер спускали, Вашбродь... в блок талей затянуло..." - Чтоже ты сразу на перевязку не пришел ? - говорит ему Карл Христианыч - так и заражение крови может случиться, всю руку отнимать придется... а Белов, так - ну, право не могу иначе сказать, - снисходительно посмотрел ан него и говорит: " Эх, господин дохтур, вам оно конечно, по цивил ному вашему званию, непонятно, а, вот их высокобродие то э тоже скажут - разве можно, да еще при таком аврале, из-за пустяка шлюпку бросить да по лазаретам прохлаждаться? А "пустяк" такой, что все три пальца пришлось начисто отхватить... Доктор, пока еще, не ручается за исход... Жара, загрязнение...

- Да-с, вот-с... - бурчал штурман, забивая в нос основательную понюшку из своей заветной табакерки. "Русский медведь косолапый", так сказать, а любому ихнему рыцарю - кавалеру сто очков вперед даст.- Он шумно чихнул и принялся усиленно протирать глаза.

- Молодчага Белов. - отозвался командир - вот он наш Русский матрос. После аврала сейчас же навещу его - и после минуты молчания - давайте всех наверх, Андрей Павлович, паруса ставить.

Постепенно росла и ширилась заалевшая на востоке полоса... Пользуясь ровным бризом, "Аврора" покрылась парусиной от клотиков почти до самой воды. Слегка накренившись на правый борт, она держала курс туда, где воды Тихого океана встречаются с холодным простором Антарктики, оставляя далеко позади туман, Кальяо и одураченных англичан...

| продолжение следует |

М.фон-КУБЕ.

МОРСКИЕ ПУТИ СНАБЖЕНИЯ С.С.С.Р.

В ПОСЛЕДНЮЮ ВОЙНУ.

Ни одно государство не может существовать, тем более вести войну, без подвоза извне недостающих ему продуктов и материалов. Закрытие Черноморских и Балтийских проливов в истории России, создавало всегда тяжелое экономическое положение в стране. Этот же факт явился одной из главных причин недостатка в снабжении армии и населения в первую Мировую войну.

В этом отношении, две последних войны имеют аналогичный характер; занятие же немцами в 1942 году всей индустриальной Украйны вообще ставило под вопрос возможность продолжения войны.

После закрытия проливов, для связи с союзниками остался лишь далекий Владивосток и порты Арктического океана. Но, идя на помощь союзнику, англо-американцы открыли еще третий путь, построив в короткий срок железную дорогу через Персию до Каспийского моря. По ней то с несколькими вынужденными перегрузками и задержками, посылалось снабжение, главным образом, на южную часть фронта. По этой же трасе на фронт шли своим ходом грузовые автомобили, наполненные снабжением. Еще одной линией вспомогательного характера явилась авиационная дорога Аляска-Колыма-Сибирь, по которой доставлялись большие самолеты и перевозились некоторые срочные грузы.

Благодаря нейтралитету Японии, советские пароходы и суда некоторых стран, не состоявших в войне с японцами, могли указанными курсами, свободно проходить во Владивосток. Лишь 4 советских парохода были, по ошибке, потоплены американскими подводными лодками, у берегов Японии. Нужно сказать что, для усиления советского транспортного флота, с конца 1943 года, американцы передали Советскому торговому флоту около 50 пароходов, типа "Либерти", с грузоподъемностью в 10 тысяч тонн каждый.

Владивосток отстоит на 10 тысяч клм. от Москвы. До Новосибирска, откуда отходит Турксиб, имеется лишь одна железнодорожная колея, пропускная способность которой значительно ограничивала количество доставляемых через этот порт, грузов. Не надо забывать что один пароход, типа "Либерти", доставляет груз равный десяти поездам по 60 товарных вагонов каждый. Ни одна железная дорога не способна эвакуировать грузы, подвозимые морем в больших количествах Как и в первую войну, несмотря на вспомогательную линию

Советская Гавань - Николаевск - река Амур, во Владивостоке образовались залежи грузов, с трудом перевозимые железной дорогой. За время войны, в Дальневосточных портах было разгружено 10 миллионов тонн груза, доставленного 1300 рейсов советских пароходов и 700 - иностранных. В большом количестве через Владивосток были ввезены машины для новых Сибирских заводов и полу-фабрикаты.

Каждым летом, в августе месяце, с Дальнего Востока, под конвоем ледоколов, выходил караван в два десятка пароходов, направлявшихся Северным Морским путем, прямо в Архангельск. В состав этих караванов входили танкеры с Сахалинской нефтью, пароходы шедшие прямо из Америки и в 1942 году были переброшены на запад кое-какие военные суда. В 1943 году ледовые условия были очень неблагоприятны но, видимо, часть пароходов все же дошла по назначению. Узнав о движении судов по Северному Морскому Пути с 1942 года, немцы распространили действие своих подводных лодок на Карское море и тяжелый крейсер "Адмирал Шеер" в августе 1942 года, обойдя с севера Новую Землю, потопил там ледокольный пароход "Сибиряков" и бомбардировал полярную базу Диксон.

Естественно что использование северных портов, лежащих ближе к фронту, было гораздо рациональнее. Уже, начиная с 1915 года | см. "Русский Север в Первую Мировую Войну Ф.Варнек "Морские Записки" т.УI 1948 г.|, на севере были сделаны большие усилия по оборудованию портов и подъездных путей. Советское правительство продолжило это дело построив Балтийско-Беломорский канал и создав глубоководный порт Молотовск на западном берегу устья Двины. Навигационные условия на Северной Двине были улучшены, Архангельск и, главным образом, Мурманск сильно развиты во всех отношениях. В проливе Югорский Шар, ведущем в Карское море, был создан разгрузочный порт Хабарово, связанный железной дорогой местного значения с Усть-Воркутой. Не исключается возможность что, это дорога была продолжена до протекающей в 150 километрах далее, реки Оби. Перегрузочные пункты в устьях Оби и на нижнем Енисее получили оборудование и на острове Диксон была построена гавань и небольшие судоремонтные мастерские. Весь этот комплекс пор[illegible] каналов и рек дает, конечно, гораздо большие возможности чем отдаленный Владивосток.

Но, в начале Сентября 1941 года, немцы заняли Волховстрой и отрезали Мурманскую дорогу от других железнодорожных путей. Шлюзы Балтийско-Беломорского канала были разрушены авиацией. Мурманск оказался под ударами немецких летчиков, но, с 1943 года, благодаря усилению советской истребительной авиации, действия немцев здесь стали менее успешными.

Новая железная дорога, связывающая станцию Сороки, Мурманской дороги со станцией Холмогоры, на Архангельской, - продолжала действовать. Таким образом, незамерзающий Мурманский порт мог быть использован в помощь Архангельску, особенно в, почти постоянно темное, зимнее время. Зимой, в Белом море, несмотря на работу ледоколов, навигация была очень затруднена.

В это время весь берег Норвегии был занят противником, имевшим здесь базы флота и аэродромы. От Исландии, где обыкновенно формировались конвои пароходов, до Мурманского берега, примерно, 2500 миль. Полярные льды ограничивают возможность огибать далеко на север опасную зону действия береговой авиации и заставляют пароходы проходить в свободном пространстве, между льдами и Норвегией. Летом, льды отходят дальше от берега но, вечный день не дает никакого укрытия и проходящие конвои могли подвергаться непрерывным аттакам, в течение нескольких суток. Зимние длинные ночи и штормы давали больше возможности скрыться, но льды заставляли проходить ближе к берегу, что увеличивало шансы успеха подводных и надводных немецких кораблей.

Опасность начиналась уже у самых берегов Исландии, где немцы ставили мины у выходов из портов. Незаметный проход конвоя, состоявшего часто из нескольких десятков кораблей, исключался, так как германские разведочные самолеты обнаруживали его задолго до подхода к норвежским берегам. Это давало возможность немцам сосредоточивать волчьи ста подводных лодок и высылать в море корабли. С момента выхода конвоя из района действия, базировавшейся на Исландию и Шотландские острова, английской авиации и до зоны, контролируемой советскими истребителями, то-есть более чем на половине дистанции, он шел без воздушной разведки и прикрытия с воздуха; ввиду общего недостатка авионосцев, до 1944 года, корабли этого типа в северные конвои не включались.., Из этого разстояния, 500 миль, то-есть более двух суток, конвой находился в действительном районе действия береговой авиации противника.

Ближайшее прикрытие пароходов, обыкновенно, состояло из миноносцев, кораблей противо-воздушной обороны и противолодочных судов. Но, много раз, пользуясь длинными ночами, из фиордов выходили немецкие крейсера и линейные корабли и, несмотря на геройское сопротивление конвоировавших кораблей, пытались нанести возможно больший урон растянутому на много миль каравану пароходов.

Из упомянутых трех родов оружия, немецкие подводные

силы имели наименьший успех, так как обыкновенно им приходилось вступать в бой с английским отрядом поддержки, состоявшим из крейсеров, иногда сопровождавшихся линейными кораблями. В одном из таких столкновений, немцы потеряли линейный корабль "Шарнгорст".

На меридиане Мурманска, английские конвойные суда сменялись - советскими, доводившими пароходы до портов назначения. Советский Северный флот состоял из нескольких миноносцев, подводных лодок и вспомогательных судов. Лишь в августе 1944 года он был усилен переданными ему союзниками кораблями: старым линейным кораблем, получившим название "Архангельск", крейсером "Мурманск", 9 старыми миноносцами и 4 подводными лодками, из которых одна, "В-I" погибла на переходе из Англии. Кроме того 10 больших и несколько десятков катерных тральщиков усилили советский флот.

Первый конвой, в составе 7 пароходов, прибыл в Архангельск в августе 1941 года. Вначале, немцы не обратили внимания на Северный путь. Очевидно, они были уверены в быстрой победе на суше. До конца 1941 года, 43 парохода, без единой потери, доставили на северный фронт 752 танка, 799 самолетов-истребителей, 1404 автомобиля и 100 тысяч тонн прочего груза. Но с декабря того же года, германское командование начало усиливать, базировавшуюся на северную Норвегию, авиацию и постепенно сосредоточивать там свой флот.

Сначала, появились подводные лодки и миноносцы, в марте 1942 года, в Тронхейм пришел линейный корабль "Тирпиц" и крейсер. Немного позднее линейный корабль "Шарнгорст". С этого времени, каждый конвой стал подвергаться все усиливавшимся аттакам и нести большие потери. Проход конвоя, обыкновенно, вызывал многодневный, почти непрерывный бой, начинавшийся с аттак волчьих стай подводных лодок и продолжавшийся аттаками пикирующих и торпедоносных самолетов, не считая внезапного обстрела со стороны появлявшихся из северной мглы, надводных кораблей. Северный Морской Путь стал более опасным и трудным, в навигационном отношении чем Атлантические конвои. Много десятков пароходов и конвойных судов пропали здесь, не оставив следа. Холодная вода и мороз почти не давали шанса быть спасенными тем из моряков, которые в нее погрузились. Например, Конвой № 17, проходивший в июле 1942 г. у острова Медвежий, был рассеян "ТИРПИЦЕМ" и его пароходы стали легкой добычей врага. Из 36 судов его состава, лишь 11 достигло Архангельска.

| Продолжение следует |

П.А.Варнек.

Письма к ближним

ОТ РЕДАКЦИИ.

Неумолимая смерть вырвала из наших рядов еще одного однокашника. Член Обще-Кадетского Объединения, кадет I-го Московского Императрицы Екатерины II корпуса, выпуска 1888 года, Генерального Штаба Генерал-Лейтенант Сергей Дмитриевич ПРОХОРОВ тихо скончался 24 февраля сего года, в Дорнштадте | Германия|.

Из задуманного им цикла Писем к Ближним, ему удалось написатьтолько два и вот это, второе, появляется в печати, уже после его смерти.

Низко склоняясь перед могилой нашего старшего товарища, бросившего нам свой посмертный призыв к Верности и взаимной Любви, мы от всей души, повтори вмемте со Старым Кадетом - - Аминь - да будет так.

ПИСЬМО 2.

Дорогие однокашники, в эпоху расцвета Европейской культуры, созданной духовной мощью наций, возникли великие державы, строителями которых были сами народы, руководимые Верой в Бога и Верностью Монархам, Божьей Милостью.

Патриотизм этих великих наций выражен в лозунгах, определяющих чувства, вдохновлявшие лучших людей, истинных строителей могущества и славы своего Отечества. Так великая Франция выдвинула лозунг: " A DIEU MON AME, MA VIE AU ROI MON COEUR AUX DAMES, L'HONNEUR A MOI ......" " Еще полнее выражен лозунг Екатерининской России: " Бойся Бога, чти Царя, уважай Власти, люби Братий". Этот лозунг служил основой воспитания кадет моего I-го Московского Корпуса и начертан на корпусном жетоне. С этим лозунгом, шла Россия к победам Румянцева, Суворова, Потемкина, Кутузова и Скобелева, создавшим славу и могущество Великой России. С этим лозунгом, поднялась Россия на высоту величайшей христианской империи, Божьей Милостью и Волей Народной, занимавшей шестую часть света.

Россия Великих Петра и Екатерины, Павла, Николая I и трех Александров, явила миру Ломоносова, Пушкина и великих деятелей науки и искусств, приобщивших свою страну к высшей культуре человечества, в то время как, Россия Императора-Мученика Николая II прославлена просиявшими в ней великими Угодниками Божьими: Серафимом Саровским, Иоасафом Белгородским и Феодосием Черниговским.

Предстательством этих вновь прославленных святых угодников, Родина наша, ведомая благочестивым Хозяином земли Русской -

Императором Николаем II, поднявшим экономическое состояние России на исключительную высоту, явила миру рост невиданной великой мощи. Вот это то обстоятельство и было главной причиной натиска темных сил на нашу Родину.

Особенной усилие было проявлено в этой области со стороны Англии и Германии, втравивших нас в войны Японскую и Первую Мировую 1914 года, с последовавшими за ним революциями 1905 и 1917 гг. И если врагам нашим не удалось сокрушить мощь наших армии и флота в честном бою на фронте то, пущенный ими яд разложения одновременно с тыла и с фронта, при посредстве дьявольского лозунга "свобода, равенство и братство", уже оправдавшего себя при разрушении Французского Королевства, сделал свое дело. Враги России одержали временную победу но мы верим что Бог не допустит нашу страну пасть к ногам ее врагов.

Россия, наша Родина, стала орудием Божественной кары человечеству, за его отход от Бога и приблизился и идет уже Божий Суд.

Народы Европы, побежденные и победители, разбитые, расколотые, обнищавшие материально и еще более духовно, мечутся - не зная кому поклониться. Гекатомба жертв, сожженные Русские города и деревни, изнасилованные женщины, преданные на смерть своими "друзьями" казаки и воины Лиенца и иных мест - вопиют к Нобу. Час страшной расплаты близится. Так судит Бог людей и воздаст им справедливое возмездие за подмену былых лозунгов смирения и любви - лозунгами безбожия, ненависти и преступления.

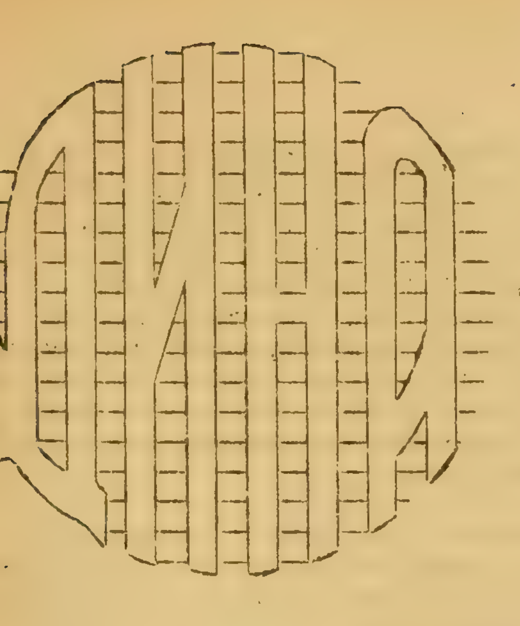
НО не оставит Господь страны своей, первой приявшей по грехам своим, венец мученичества. Не сгинет страна, где Матерь Божия имеет свой удел, где, по сю пору дышит наша мученица Святая Православная Церковь, где терзается наш народ в первохристианских муках, под мечом палачей и, тайно и явно за железным занавесом и по лицу всей земли творит покаянную молитву свою.

"Крепись Россия и кайся Русский народ перед Отцом твоим Небесным, которого ты безконечно прогневил". Так наставлял нас великий молитвенник Земли Российской Отец Иоанн Кронштадтский.

" И вознесет нас Господь в свое время и подымет Отечество наше к еще большей силе и славе и станет Оно маяком во тьме для всех народов".

Аминъ. Дабудет так.

СТАРЫЙ КАДЕТ.



ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СМОЛЕНСКОГО УЛАНА.

Дина была великолепна... Безукоризненно сложенный, могучий ирландский гунтер гнедой масти, она произвела фурор в целой дивизии и была моей гордостью. Все свое свободное время днем, я проводил возле Дины, а часто и ночью приходил в конюшню чтобы полюбоваться на то, как она лежит, разметавшись на соломе и отдыхает после дневной работы. При моем входе в денник, Дина, не подымаясь, поворачивала ко мне свою прекрасную голову и я садился на боковую сторону ее атлетического крупа. От ее слегка вспотевшего живота обдавало меня теплом и запахом лошади - этим лучшим ароматом в мире.

В то время, я еще не имел понятия об итальянской системе, о которой знал только по наслышке, а потому выезжал Дину по Филлису. К концу года, она ходила как часы и, кроме обычных упражнений, делала менку ног на галопе в один темп и парадировала испанским шагом.

С четвертого класса корпуса, начав ездить, я почувствовал неодолимое влечение к лошади и решил стать, в будущем, конкурным ездоком, ибо меня больше всего привлекали прыжки. Помню свое первое падение на препятствии, вместе со старым, безногим мерином Фортелем. Когда я пришел домой, с разбитым в кровь носом и ртом и едва поворачивая шею, мама пришла в ужас.

" Мишенька. На кого ты похож? Ты очень ушибся, мой мальчик
С трудом шевеля распухшими губами, с чувством горделивой радости, я ответил:
" Мамочка. После падения, я сел снова на Фортеля и прыгнул еще раз, чтобы не потерять сердце..."
Этот день был одним из самых счастливых в моей жизни.

Я напрыгивал Дину как знал и умел, но ее отличные способности и идеальный темперамент привели все-же мою безграмотную ра

боту к тому, что в январе 1914 года, я решил начать свою конкурную карьеру и повести Дину в Михайловский манеж. Командир полка, полковник фон-Крузенштерн, бывший конногренадер, незаслуженно, считал меня отличным ездоком а Дину | вполне заслужено | великолепной лошадью. Он, без колебания, дал свое согласие. Ему было лестно что, в Петербурге, так сказать, перед Императорским Двором и всей столичной знатью, появится на конкурах офицер его полка, стоявшего в каких то никому неизвестных Билковишках. И в один прекрасный день я с Диной и моим вестовым, лихим уланом Садыковым, уфимским татарином, называвшим Дину - нашей "барыней", двинулись в путь.

Я хотел поставить Дину в конюшни Офицерской Кавалерийской Школы а потому вез целый пакет рекомендательных писем генералу Химецу и другим "богам" постоянного состава Школы, чьи черные доломан и ментик мечтал я одеть на себя в будущем. К моему величайшему огорчению, в Школе мест не оказалось но... не было бы счастья да несчастье помогло..

По совету ротмистра Резникова, я поставил Дину в манеж Кона, на Николаевской улице и вскоре сделался учеником и другом этого блестящего ездока и выдающегося специалиста в езде через препятствия.

- о - о -

Огромный Михайловский манеж был полон нарядной столичной публикой. Я развернул программу...
Приз Открытия, 8 препятствий.
I. Аванти, серый мерин 7 л. выводной из Ирландии, шт.рот.фон-Эксе. Ездок - владелец. 4. Зяблик, рыжий мерин завода неизвест поручика фон-Руммель. Ездок - владелец. I5. Джимми, гнедой мерин 8 л. выводной из Ирландии, шт.рот.Родзянко. Ездок - владелец. 32. Вендетта, св.гнедая кобыла 9 лет, выводная из Франции ротм. Бертрен. Ездок - владелец. 4I. Паша, серый мерин 7 лет, выводной из Ирландии В.Д.Якунчикова. Ездок - шт.рот.Плешков. 48. Кебелла, рыжая кобыла 7 лет завода Корибут-Дашкевича шт.р. фон-Эксе. Ездок - владелец. 53. Зораб темно-гнедой мерин выводной из Ирландии, полковника Родзянко. Ездок - владелец. 54. Дина гнедая кобыла 6 лет выводная из Ирландии, корнета Дудышкина. Ездок - владелец... Боже Правый. И я буду состязаться со всеми этими ездоками, этими мировыми знаменитостями. И к тому же, мне выступать сразу после Александра Родзянко. Какое безумие... Какое идиотство...

Из армейских офицеров были записаны только я, Финляндец Коковцов, Малороссиец Раутсман и, прикомандированный к постоянному составу Школы, Московского полка шт.рот. Пожарский. Перед моими глазами мелькали в ложах элегантные наряды дам и пестрые фуражки офицеров и я чувствовал себя отданным на растерзание

этой безжалостной толпе. Из судейской ложи раздался звон колокола. Ворота манежа открылись и в него шагом въехал Эссе.

Вот он. Этот бог прыжков, завоевавший себе мировую славу, после своих побед в Лондоне. Эксе сидел на коротких стременах, сильно оттянув вниз каблук, с поданным слегка вперед корпусом, со втянутой в себя поясницей. Локти его рук были отделены от тела, а кисти мягко закруглены. В какой ужас пришли бы от этой "итальянской" посадки Яр и остальные сменные офицеры из Елизаветграда. Эксе остановил лошадь посреди манежа, как бы призывая публику ко вниманию. Когда шум на трибунах смолк, он с места поднял Аванти в галоп. Он шел, прыгая замечательно красиво, совершенно сливаясь, в прыжке, с шеей лошади. Я, с благоговейным трепетом, следил за его паркуром и чувствовал что вижу высшую школу езды через препятствия. .. Чисто... и под гром аплодисментов, Эксе покинул манеж.

К чорту смущение и страх перед публикой... Я должен ехать Я должен создавать себе имя и свою славу перенести на свой полк.

На гиганте "Зорабе, полевым галопом, идет полковник Родзянко. Под умелым и сильным посылом ездока, Зораб прыгал с колоссальным запасом и в манеже воцарилась мертвая тишина. Ее прерывал только мерный топот лошади и шум опилок, кусками ударяющих в препятствия, после каждого прыжка. Час моего испытания приближается и, в то время как, я сажусь в седло, до моего слуха доносится из манежа треск падающих жердей и глухой гул публики. . .

"Сволочь", говорит Родзянко слезая с лошади,. "Весь трипл бар разворотил к чортовой матери."

Дина нервничает перед закрытыми воротами манежа и круто собирается в затылке, отжевывая удило. Я чувствую как под моим левым шенкелем неровными толчками бьется ее сердце. Слышен звонок и мне он кажется похоронным звоном.

Вот я уже один, посреди огромного манежа, перед глазами многотысячной толпы.

"Какого полка этот офицер?" доносится до меня женский голос из ближайшей ложи. "Очень изящная форма".

Я ожидал что поведу Дину нервно и вне всякой критики но, происходит чудо. Я совершенно спокоен и думаю только о препятствиях. Дина идет ровным шагом, прыгает расчетливо и чисто и только на последнем препятствии валит задом рейку. Раздаются аплодисменты. Нельзя сказать чтобы особенно бурные но уж и не такие жидкие. Я не верю собственным ушам... Это аппло-

лирукт мне?... И только в паддоке, соскочив с Дины и передавая повод Садыкову, я заметил что у меня сильно дрожат руки.

- о - о -

На втором конкуре я взял на Дине третий приз а на предпоследнем - второй. По этому поводу, я телеграфировал в полк: "В паркуре было 64 лошади: Первый приз Экве - второй - я." От Крузенштерна пришла в ответ следующая телеграмма: "поздравляем с блестящим успехом, желаем в будущем новых побед и славы, Дине привет."

С тех пор протекло почти 34 года. За это время, через мои руки, прошло огромное количество лошадей. Ни революция, ни эмиграция, ни победы, ни поражения, ни многочисленные падения на препятствиях - ничто не могло угасить во мне интерес и страсть к любимому делу. В чужую страну я приехал никому неизвестным Русским эмигрантом, одним из многих и многих. В 1930 году в Граце и в 1936 - в Варшаве, на больших международных конкурах, я выступал отлично и состязался с лучшими ездоками Польши, Германии, Франции, Румынии, Японии и Латвии.

Благодаря мне, перед огромной интернациональной массой зрителей, подымали флаг и играли гимн приютившего меня государства. До шестого десятка своей жизни, я езжу ежедневно и прыгаю с той же гибкостью молодости.

И всем этим я обязан ей.... Обязан моей красавице Дине, моей милой Динусе, которая не подвела меня в моих первых выступлениях и тем помогла мне до седых волос, сохранить в сердце тот священный огонь, без которого нельзя быть настоящим кавалеристом и беречь в себе который завещал мне ротмистр Ян, в день моего производства в офицеры.

И воспоминание о ней всегда живет в моей душе, как воспоминание о давно прошедшей, сладкой и чистой первой любви.

М.Я.ДУДЫШКИН.

ВОЕННЫЕ МЕЛОЧИ

ГЕРОЙСКАЯ ОБОРОНА СТАНИЦЫ НАУРСКОЙ.

Шла первая Турецкая война. Все казаки были в походе в станице оставались только казачки с детьми, да старики. Зная это, горцы решили захватить станицу. Скопищем в восемь тысяч человек, они атаковали со всех сторон но, всюду были отбиты с большими потерями.

Беспримерная отвага женщин тем более примечательна, что яростная атака горцев была поддержана турецкими регулярными частями.

СТАРЕЙШИЙ ПОЛК РУССКОЙ АРМИИ.

Самым старым из всех полков Российской Императорской Армии является I-ый Кизляро-Гребенской полк Терского Казачьего Войска, имеющий старшинство с 1577 года. Именно в этом году, по повелению Царя Иоанна Грозного, на Терек прибыл воевода Новосильцев, построивший, при устье реки Сунжи, первый Русский город. Казаки на Тереке в это время, уже были но, только с этого года, Терское Войско ведет свое официальное старшинство.

В 1832 году, на Тереке было три малых отдельных войска: Терское, Кизлярское и Гребенское. Этот год отмечен крупной реформой. Вновь созданное Кавказское Линейное Войско, заняв пространство от Усть-Лабы до Каспийского моря, объединило в себе все, расположенные по Кавказской Линии, казачьи поселения, отдельные полки и малые Войска.

В его сотаве, Терское и Кизлярское войска составили Кизлярский полк а Гребенское Войско – переименовано в Гребенской полк. Впоследствие, эти оба полка сведены в один Кизляро-Гребенской, старшинство которого установлено, по старшинству Войска, а именно с 1577 года.

Старый Кавказец.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКИХ ФАМИЛИЙ.

Высочайшим Приказом от 26 января 1857 года, определяются в службу, в пехотные полки, прапорщиками по пехоте, бывшие турецкой службы, принявшие Святое Крещение, поручики: Мехмед-Абли-Оглы, наименованный Константином Константиновым – в Екатеринбургский, Исали-Мехмед, наименованный Николаем Николаевым – в Тобольский, подпоручик Али-Несман, наименованный Александром Александровым и прапорщик Селим-Оглы, наименованный Константином Черкасским – в Колыванский.

В.Р.

О НЕКОТОРЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ.

1| В царствование Императрицы Анны Иоанновны, был заложен линейный корабль, которому было дано гордое но непонятное для команды, название - "Ноли ме танжере". Получив повеление дать ему Русское имя, Адмиралтейств-Коллегия переименовала его в "Не прикасайся до мене". И только после спуска, он был окончательно окрещён - "Не тронь меня", имя повторявшееся затем не раз во флоте.

2| Русская литература, в лице Жуковского, дала флоту имена "Громобой" и "Светлана".

3| В эпоху упадка флота, при ближайших преемниках Петра Великого, на него наводилась всяческая экономия. Так, при Императрице Екатерине I, был заложен корабль, наименованный "Император Петр I". При смерти Императрицы, он все еще был на стапеле. Адмиралтейств-Коллегия, нимало не смущаясь, переименовала его в - "Император Петр I и II".

4| Для обороны Финских шхер, было построено очень большое количество канонерских лодок. По использовании для них имен птиц, рыб и явлений природы |"Буря", "Снег", "Град" и т.п.|, наконец одна серия, из последних, была названа: "Баба-Яга", "Леший", "Водяной", "Русалка" и т.п. Когда дело дошло до спуска их на воду, духовенство наотрез отказалось принимать участие в церемонии, касавшейся "нечистой силы".. |По преданию, их спустили спешно и безшумно после молебна, отслуженного каким то заштатным, загородным попиком.|

5| Рыцарское внимание и любезность в отношении морганатической супруги своего брата, Великого Князя Константина Павловича, было проявлено Императором Николаем I, в наименованиях фрегата "Княгиня Лович" и корвета "Оливуца" |по имени любимого княгиней маленького курорта в Италии|. Последний принял доблестное участие в обороне Петропавловска на.

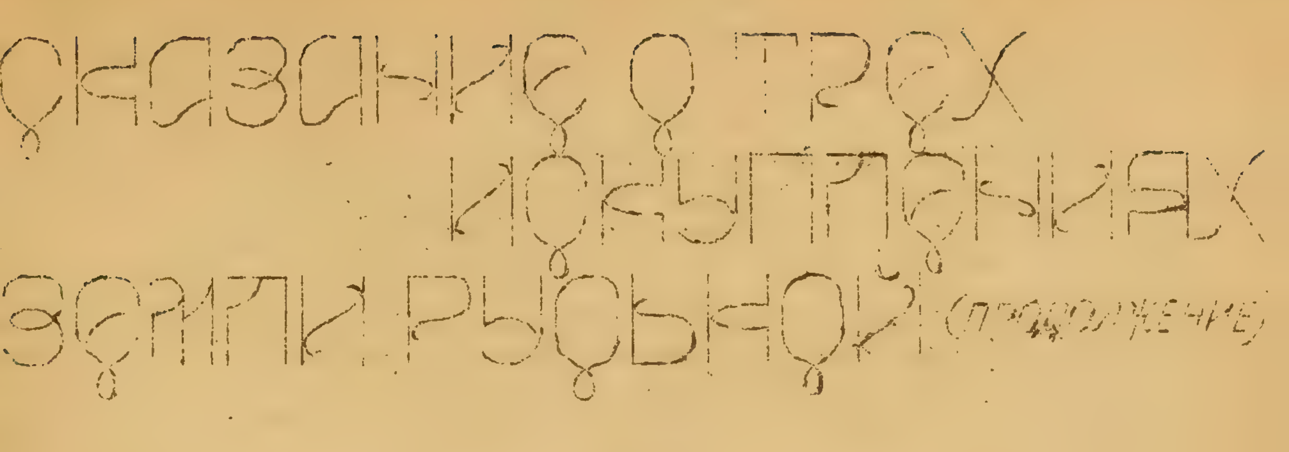
6| Наше совершенно исключительное отношение к полякам, |за которое они отблагодарили нас возстанием 1863 года|, доходило до того, что пароходы Висляной Речной Флотилии носили Андреевский флаг, в крыже которого, на малиновом поле, красовался польский белый орел.

М.К.

ГУСАРСКИЕ ПОЛКИ.

Гусарские полки, в первый раз являются как конное ополчение, в царствование венгерского короля Корвина, в 1458 г. Старейшие австрийские гусарские полки учреждены в 1688 и в 1696 гг. Слово "гусар" заимствовано из венгерского где оно составляет соединение "хуз" |20| и "ар" |плата|.

В.Р.



ИСКУПЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ.

"Сей бо древлий ныне
замыкается круг."

XVII

"На Божественной стра

Ночь осенняя ненастна в Таганроге.
Дождь со снегом, хлещущий во мраке,
Заливает городок убогий, -
Церковки, дома и буераки.

Глухо стонет ветер в скорби стародавней,
Пролетев по рощам и по нивам блеклым,
Хлопает сердито неприкрытой ставней
И стучит уныло по оконным стеклам.

Там, во мгле ненастной, в спящем Таганроге,
Утомленный славой, скорбный и смиренный,
Пред началом страдной, нищенской дороги,
Молится и плачет Царь Благословенный.

"Господи, пошли мне мужество и силы,
"Утверди мя, Боже, в начатом деяньи.
"Пусть на благо будет, для Отчизны милой
"Мой уход в безвестность, труд и покаянье.

"Пусть растут и крепнут Русские народы.
"Пусть стоит Россия вечно нерушимой.
"Дай ей, Боже, правду, счастье и свободу...
"Господи прости Ей грех мой непростимый.

"Вот, Твое веленье осознавший ныне,
"Правдою Твоею, Спасе, просветленный,
"Ухожу смиренно в дебри и пустыни
"От отцовой жизнью купленного трона.

"Господи, Ты видишь: тягостную ношу,
"Взмокшую от крови царскую порфиру,
"Я без сожаленья с плеч усталых сброшу
"И безвестным старцем побреду по миру.

"Ныне, в час последний, одного страшусь я:
"Справится ль Отчизна с Тревьею распятой?
"Смилуйся, Владыка, над Святою Русью,
"Дай Ей мир и счастье под державой брата.

"Господи, я верю. Ты Ее услышишь,
"Скорбную - утешишь, Нищую - насытишь.
"Ты вернешь Ей Правду, Ты пробудишь свыше
"В глуби душ народных, потонувший Китеж."

Так, в уснувшем доме, бурной мглой объятом,
Перед шагом с трона в нищенскую схиму
Уходящий в нети, Русский Император
Молится и плачет о Земле Родимой.

Ночь прошла неслышно. Посерели дали,
Тусклого разсвета бледные предтечи.
В комнате царевой, на столе, в шандале,
Оплывая воском, догорают свечи.

Вот порозовели тучи на востоке...
Вот донесся говор с площади соседней...
Прогремели дроги... В церкви недалекой
Колокол ударил благовест к обедне.

Но не видит утра, вставшего угрюмо,
Но не слышит звуков пробужденной жизни
Русский Император, погруженный в думу
О служенье новом страждущей Отчизне.

- о - о -

В колымаге закрытой и узкой
Едет в дождь и осенний озноб
По дорогам Империи Русской,
В Петербург - императорский гроб.

А в полях, в перелесках, в оврагах,
Верноподданный маленький люд.
В кожухах, зипунах и сермягах
Молчаливые толпы бредут,

На поклон Государеву праху.
Но глухою и плотной стеной
Окружает в пути колымагу,
Многочисленный конный конвой.

Но на каждой недолгой стоянке,
В благовонном дыму панихид,
Катафалк и царевы останки
Неподкупная стража хранит.

И сквозит непонятная тайна
В недосказанных свитой словах
И плывут от пути на окраины
Недоверье, смятенье и страх.

Как хранимый от вражьего сглазу,
Не был гроб приоткрыт ни на миг
И никто не увидел ни разу
Государя усопшего лик.

И - неясны, зловещи и глухие -
Поползли из неведомых уст
По Российской империи слухи -
Будто гроб Императорский - пуст.

- о - о -

На Поволжьи как прекрасна осень.
Стук цепов по гумнам. Курится овин.
Золотые скирды, Рощ далеких просинь
И огонь, морозцем тронутых, рябин.

Над полями запах дыма и полыни.
В деревнях - пшеница, яблоки и мед
По утрам, на жнивьях изморозок синий
И, звенящий в небе, журавлиный лет.

Как светло и тихо... Как легко и сладко,
Навсегда оставив долгий шумный пир,
Разрешив душою страшную загадку,
Уходить свободным в вольный, Божий мир.

Проплывают тучи сизые над Волгой,
Шепчутся в затонах аир и купырь,
Бурлаки проходят бичевою долгой,
Словно Китеж белый, дремлет монастырь.

Бор встает стеною, зубчатой и темной.
От костров рыбачьих над лугами гарь,
И бредет счастливый, нищий и бездомный
Раб Господень Федор - бывший Русский Царь.

XVIII

8) "Одеты камнем.

В бледном небе незримы звезды
Этой белой июльской ночью.
Над Невою - сады и парки
Вереницей застыли темной.

Свеж и влажен недвижный воздух,
Проплывают тумана клочья.
На реке - корабли и барки
Тишиной объяты дремной.

У дворцовой речной брандвахты
Спит фрегат на своей стоянке,
Выступают в тумане ванты,
Паутинный узор оплетая.

Прокричат петухи на Лахте,
Прозвенят на брандвахте склянки,
Пропоют в перелив куранты
И опять тишина немая.

Но и эти невнятны звуки
В равелине, одетом камнем,
Как могила, он тих и тесен,
Как могила, он пахнет тленом.

В нем покой неизбывной скуки,
Сон гранитный о прошлом давнем,
Да узорно-цветная плесень
По сырым и облезлым стенам.

Но сегодня ночные, неясные шумы,
Чьи то вздохи, и стоны, и шопот, и шорох
Неумолчно звучат в казематах угрюмых
За рядами дверей, в крепостных коридорах.

Но сегодня - шаги и командные вскрики
Непрестанно несутся по всем переходам
И мелькают косые фонарные блики
В темноте коридоров, по каменным сводам.

У ворот, от костров багровеют туманы.
Чуть колеблясь штыками, равняются роты
И зловеще рокочут барабаны и т.
И скрипят, на заржавленных петлях, ворота.

Этой ночью - все смутно, тревожно и мглисто.
Этой ночью - все призрачно, жутко и зыбко.
На разсвете должны заплатить декабристы
За свершенную ими роковую ошибку.

XIX

"Где Русский флаг был
единожды поднят - там он больше
никогда спущен не будет..."

С толпой заморских дипломатов,
Вражды таящих в сердце яд,
Се - принимает Император
Российской Гвардии парад.

Под гром и звон победных маршей,
Что сталь - упруги и крепки,
Равненьем теша взор Монарший,
Проходят славные полки.

Значки колышатся над строем,
Играет солнце на штыках
И, моря Русского прибоем,
Гудит полков пехотных шаг.

Полков, сломивших все границы
И Русский воинский престиж
Принесших - после Аустерлица -
Под, Русским сдавшийся, Париж.

Царя приветствуя подвысью,
Несокрушимою стеной,
Проносится широкой рысью
Кавалергардский латный строй.

Гремят победные литавры
Про гнев Российского Орла,
Сорвавший цезарские лавры
С Наполеонова чела.

Толпы послов бледнеют лица
Какая сила ? Чей народ
Руси дерзнет не покориться
И с Ней соперничать дерзнет ?

Ее богатства необъятны,
Ее простор - необозрим,
Неисчислимой силой ратной
Ее Имперский путь храним.

И от влияния чужого,
Блюдя Отечества Алтарь,
Ее любовно и сурово
Ведет Самодержавный Царь.

- о - о -

Над родными нивами и пашнями,
В нищете, во тьме и суеверии,
Грезит снами древними и страшными
Крепостная Русская Империя.

Песни наши стали невеселыми,
Посиделки девичьи - безшумными...
Тишина недобрая над селами,
Над дворами, избами да гумнами,

Вся то Русь придушена жандармами,
Все то правды - барами запутаны,
В деревнях, над флотом, над казармами
Свищут розги, плети и шпицрутены.

Хоть немного света не мешало бы
В неизбывном мраке крепостничества, -
Не доходят, видно, наши жалобы
До Его Пресветлого Величества. -

Да сейчас Царю и до холопа ли?
Оглушенный вражескими гимнами,
Крым дрожит от громов Севастополя,
Полыхая заревами дымными.

Там опять, - в боях под Балаклавою,
В Аккермане, возле Евпатории, -
Расцвела страданьями и славою
Боевая Русская История.

И в дыму, над мечущимся заревом,
Первый раз неласковою зорькою
Перед гневным взором Государевым
Встала правда - стыдная и горькая.

Царь - Солдат, Он верил, что другие,
Не щадя имущества и сил,
Служат все величию России,
Как Он сам, без отдыха, служил.

Раб на Троне, чести и традиций,
Справедлив, взыскателен и строг,
В Русских людях низменной корысти
Он и в мыслях допустить не мог.

А теперь, увидел Царь, в испуге,
Что везде грабеж и хабары,
Что кругом - не преданные слуги,
Но льстецы, мздоимцы и воры,

Что Россию губят казнокрады
Что из тех, кому Он вверил власть,
Чуть не все, во дни военной страды,
Свой народ готовы обокрасть.

Видно правы были декабристы,
Видно казнь их совершилась зря...
Тяжко, пусто, хододно и мглисто
На душе у Русского Царя.

Скрыться б прочь от этого позора.
Оборвать бы подвиг Царский свой
И, в сибирских дремлющих просторах,
Вслед за братом, обрести покой.

Но, сквозь стон немолкнущий и вопль,
Там далеко, в гибнущем Крыму,
День и ночь грохочет Севастополь
Верный долгу, чести и Ему.

Им, родным, стоящим по редутам,
Чей удел шпицрутен и сухарь,
Обкраденным, голодным и разутым,
Не изменит Русский Государь.

И ни в чьк не веря больше дружбу,
Всех Царей достойный Внук и Сын,
До конца, неся России службу,
Император борется один.

А когда служить не станет силы,
Самодержец, - Рыцарь - Патриот,
Не в Сибирь а попросту в могилу
Он с Престола Русского уйдет.

| продолжение следует |

Н.М.

1924 г.

КАДЕТСКАЯ ХРОНИКА

К ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ ОБЪЕДИНЕНИЙ И КО ВСЕМ КАДЕТАМ.

Дорогие друзья, кадеты,

в номере втором "Военной Были" есть прекрасная статья М.С., кадета Первого Корпуса, оканчивающаяся словами: " да будет день 15 июня, отныне, Днем Кадетской Скорби. В этот день пусть все кадеты совершают паломничество на могилу Бориса Приходкина и перед ней пусть помянут СВОИХ ПОГИБШИХ И СКОНЧАВШИХСЯ ОДНОКАШНИКОВ" ... и т.д.

Прекрасная, истинно кадетская, мысль. Теперь, позволю себе напомнить что, когда в нашей Свято-Троицкой Церкви, в Бурназеле, зажгли на заупокойном столике, обще-кадетскую лампаду то, я через посредство Обще-Кадетского Объединения, обратился ко всем кадетским Объединениям с просьбой дать имена их усопших кадет. Это было в 1950 году. Об этом было опубликовано в "Вестнике". К сожалению почти никто не отозвался. Получил я только небольшие частные списки от кадет Первого и I-го Московского корпусов.

А между тем, в нашей маленькой церкви, каждую Литургию у Престола Всевышнего, священник возносит молитвы об упокоении умерших шефов и кадет а, когда по церковному уставу положено, он громко поминает имена всех усопших. И становится больно и стыдно за объединения, которые за два года не нашли времени откликнуться на наш призыв. У нас нет парада но, зато тихо и постоянно теплится лампада, позади которой установлен Обще-Кадетский Значек и все прихожане знают что это горит на заупокойном столике КАДЕТСКАЯ лампада.

Еще раз, мы обращаемся к верующим кадетам всех объединений - пришлите имена наших усопших товарищей. Круглый год будут за них молиться а не только раз в году, 15 июня в День Кадетской Скорби.

Думаю что если бы был жив кадет Приходкин, он понял бы нашу мысль и просил бы вас о том же.

Митрофан Колтовской

кадет Первого Кадетского Корпуса.

Лагерь Бурназель Казабланка Марокко.

СКОРБНАЯ СТРАНИЦА .

В феврале 1953 года скончались кадеты: Оренбургского Неплюевского Корпуса полковник Яков Николаевич РЕПНИКОВ, Первого Корпуса ротмистр Константин Владимирович ДОМОМИРОВ и 1-го Московского Корпуса Генерального Штаба генерал-лейтенант Сергей Дмитриевич ПРОХОРОВ и Военный Инженер полковник Александр Яковлевич ДУДЫШКИН.

- x - x - x - x

ДЕНЬ КАДЕТСКОЙ СКОРБИ в текущем 1953 году состоится в ближайшее, к 15 июня, воскресенье. У могилы кадета Приходкина будет отслужена Панихида по Великом Князе Константине Константиновиче, Борисе Приходкине и всем кадетам Российским, на брани убиенным и в мире скончавшимся.
Подробные сведения о поездке и участии можно получать каждую среду от 20 1|2 часов в помещении 65, рю Микель Анж.

РОЗЫСКИ - родные и друзья разыскивают бывших кадет:
ПОСПЕЛОВА, ВЛАДИМИРА Михайловича Тифлисского Корпуса в.1915
МастМАХЕР фон БУЛЕ барон Виктор , Сараевского кад. корпуса
ЗИЛОВА Владимира - Морского Кадетского Корпуса вып. 1907 г.
РУМЯНЦЕВА Всевол.Валерь. 2-го Оренбургского кор. фельд1913
СПЕШНЕВА Бориса Анатольевича Первого Кадет. корп. вып 1912

КАДЕТАМ-СУМЦАМ. Ищу фотографию первого директора Сумского Корпуса генерала Льва Иосифовича Кублицкого-Пиотух. Необходима для "Юбилейного Сборника" 1900-1950. Писать кадету Кремеру. - 2041, Лайон Стрит Сан-Франциско Калифорния.

ПАРИЖ. - Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна соблаговолила прислать Председателю Объединения, для лотереи в пользу Кадетской Помощи, собственноручно написанную картину, при следующем милостивом письме:
Председателю Обще-Кадетского Объединения кадету Герингу.
- Надеюсь что моя картинка вам немного поможет для лотереи. Всем сердцем желаю успеха.
Март 1953 Канада. ОЛЬГА.

ПРАЗДНИК ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА, В воскресенье 1 марта в Париже, в помещении Музея Лейб-гвардии Казачьего полка, бывшие кадеты Первого Корпуса, с обычной торжественностью отпраздновали свой праздник. После Молебна, с поминовением Августейших Шефов и скончавшихся кадет, был сервирован парадный завтрак, прошедший с большим подъемом и в исключительно дружеской обстановке. По имеемым сведениям, в тот же день, кадеты собирались в Мюнхене, Казабланке и Зальцбурге.

ЖУРНАЛ " ВОЕННАЯ БЫЛЬ " можно получать:

ПАРИЖ - у Председателя Обще-Кадетского Объединения
А.А.Геринг - 59, авеню де Терн Париж

у Секретаря Кадетского Издательства А.П.Руссакович
25, рю де Ванв Булонь

у Хозяина Кадетского Собрания Г.М.Аустрин
65, рю Микель Анж Париж ХУI

в Русских книжных магазинах.

ЛОНДОН - в Русском Книжном Магазине Барачевского
26, Tottenham Street. London W I

БРЮССЕЛЬ - у Представителя на Бельгию Б.П.Мижевского
69, рю де Парм Брюссель

МЮНХЕН - у Представителя на Германию А.Н.Михель
Mechtildenstr. 40 . München 38

ТУНИС - у Представителя на Тунизию Н.Ф.Гаттенбергер
Бульвар де Фландр Мегрин Тунис

ЕГИПЕТ - у Представителя на Египет А.Л.Маркова
57, rue Heliopolis Ibrahimieh. Alexandrie

С.АМЕРИКА - у Представителя В.И.Третьякова
69, Main Street. Nyack (N.Y.) U.S.A.

БРАЗИЛИЯ - у Представителя на Бразилию С.В.Голубинцева

299, rua Brasilio Machado app 6,A. Sao-Paulo

АВСТРАЛИЯ - а| СИДНЕЙ у Представителя В.А.Петрушевского

FL. 2, 23 Longueville Rd. Lane Cove N.S.W.

б| АДЕЛАИДА у Представителя Н.Н.Доннера 52,Георг
стрит Норвуд Южная Австралия

КАНАДА - у Представителя на Канаду А.С.Орлова
94, Конкорд Авеню Торонто |Онтарио| Канада

- о - о - о - о -

Издание Обще-Кадетского Объединения.

Редактор Алексей ГЕРИНГ.

№ 6

ИЮЛЬ 1953 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№ 6 ИЮЛЬ 1953 ГОДА ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

ДЕНЬ КАДЕТСКОЙ СКОРБИ.

Еще год ушел в вечность. Еще несколько новых крестов выросло на свежих кадетских могилах.

С обычной торжественностью, прошел в Париже День Кадетской Скорби, день поминовения памяти нашего незабвенного Великого Князя Константина Константиновича и всех наших братьев и товарищей, кадет Российских, легших на поле брани и в мире скончавшихся.

Торжество возглавлял Великий Князь Гавриил с супругой Княгиней Ириной Иоановной. Проникновенно, при пении кадетского хора, служил панихиду на могиле нашего друга Бориса Приходкина, Отец Александр Ергин. После краткого слова старейшего из присутствующих кадет, Тифлисца генерала Ракитина, дроздовский поэт Генкин прочел стихи, посвященные нашему памятному дню.

РЕДАКЦИЯ.

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ ДЕ БУА.

Здесь вечным сном покоятся кадеты...
Могила...Крест...Зеленая трава...
Здесь были им в последний раз пропеты,
Кадетами, прощальные слова.

Они ушли... Уйдут потом другие...
Но знаю я, здесь, у родных крестов
Жить будет вечно память о России
И о кадетах Русских корпусов.

Труд непосильный наши плечи горбит,
Уныло тянется дней скучных череда
И чувствую что всей кадетской скорби
Я не смогу словами передать.

И грустно мне что, в час печальной тризны
Не прозвучит здесь воинский салют,
Лишь соберутся пасынки отчизны
И "память вечную" ушедшим пропоют.

А.Г.ГЕНКИН.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕНЬ КАДЕТСКОЙ СКОРБИ I

СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ ДЕ БУА - А.Г.Генкин I

ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА 3

ЧЕРНЫЙ ПОГОН - Павел Сухотин II

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПСКОВЕ - М.А.Зайцев I3

ОТ ПОРТ-АРТУРСКОГО КОМИТЕТА I6

IOO ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ С.-ПЕТЕРБУРГА - Ю.Т. I7

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСКУПЛЕНИЯХ - Н.М. |продолжение| 20

КОШКА-МЫШКА - М. фон-Кубе |продолжение| 25

МОРСКИЕ ПУТИ СНАБЖЕНИЯ С.С.С.Р. - П.А.Варнек |оконч.| 32

ЧУГУЕВЦЫ - ОРЕШКОВСКИЕ КАЗАКИ - Владимир фон-Рихтер . 33

СТАРИННАЯ ВОЕННАЯ ЧАРОЧКА 35

ВОСПОМИНАНИЯ ЮНКЕРА - С.Т. 36

ИЗ НЕЗАБЫВАЕМОГО ПРОШЛОГО - М.Э.Георгиц 39

ГОЛАЯ ПРИСТАНЬ - Е.Яконовский 43

КАДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ 48

- - - - - - - - - - - - - - - -

ИЗДАНИЕ О Б Щ Е - К А Д Е Т С К О Г О ОБЪЕДИНЕНИЯ

под редакцией Алексея Геринг.

Город Париж 1953 год - 2-й год издания.

Письма Великаго Князя
Константина Константиновича

| продолжение |

28 ноября.

... На прошлой неделе было три праздника. 23 - во 2-м кадетском корпусе, куда мы поехали вместе с женой. Обедня, молебен, кадеты чудесно пели на два клироса, собралось много народа... все бывшие кадеты. Завтракали с женой за кадетским столом, она с самыми маленькими, а я со старшими. Знакомый тебе, Вася Ушаков поднес жене акварель, очень мило написанные розы, в рамке, сделанной другим кадетом. Были у меня на неделе и другие радости: меня позвали на Праздники - 24 в Николаевское Инженерное а, 25 в Михайловское Артиллерийское Училища, которые мне не подчинены. Многие из знккомых мне кадет туда поступили, а видеть их я не мог, и вот представился законный повод с ними встретиться. В каждом училище, я просил построить вновь поступивших из корпусов кадет отдельно, обходил их, с каждым разговаривал, многих узнал и в лицо и по фамилиям. Я, как мальчик, радовался свиданию с ними, а они так весело мне улыбались. Третьего дня, вечером поехал опять с генералом Бутовским и адъютантом Драшковским в Фридрихсгам и весь вчерашний день провел в Финляндском кадетском корпусе. Ехал я туда в полном удовольствии познакомиться с новыми, хотя и не Русскими кадетами нес им только сочувствие и расположение, без всякой тени недоверия или подозрения вследствие политических соображений и постарался отнестись к ним так же приветливо и ласково, как к кадетам Русских корпусов. А они и встретили и особенно проводили меня с настоящим восторгом, нисколько не отличающимся от изъявления добрых чувств наших кадет: также таскали в кресле с криками, также окружали тесной толпой, также провожали на вокзал, махали шапками и долго бежали за вагоном. Милые юноши и дети. Жаль только, что лишь со старшими я мог говорить по Русски, да и то они объяснялись с грехом пополам, а маленькие - совсем по Русски не понимают...

Итак, в восемь месяцев объехал все вверенные мне кадетские корпуса, кроме одного Хабаровского, возникшего I сентября, где еще всего три младших класса. Это отрадное чувство, теперь я знаю с чем имею дело - управлять легче. Начнется работа осторожных и постепенных нововведений, в которой Бутовский для меня незаменимый помощник.

5 декабря

... за последнюю неделю, я побывал в дисциплинарном комитете Пажеского Корпуса и Павловского Военного Училища а также посетил Николаевский корпус, во время утренних уроков и завтрака и Первый корпус на вчерашней Всеношной. Мне не удается бывать в заведениях так часто, как я об этом мечтал летом и как бы хотелось, есть обязанности мешающие отдаваться корпусам и училищам совершенно. Во мне постоянно есть чувство неудовлетворенности, хотелось бы стать поближе ко всей молодежи и детворе. В провинции это было легче чем здесь.

13 декабря.

... Своими делами я доволен. Мечтаю теперь о том, чтобы корпусам у которых были в старое кадетское время свои знамена, разрешили брать их в строй, вместо того, чтобы держать эти святыни в церкви, как отжившие реликвии. То-то будет восторг. А теперь мечтаю, чтобы и новейшим корпусам, возникшим уже по преобразованию старых, то-есть после 63-го года, по примеру прежних, были тоже пожалованы знамена, которых они не имеют.

19 декабря.

... В субботу мы с женой были на вечере в Пажеском корпусе: пажи давали концерт, играл струнный оркестр, были отличные балалаечники, подвизались на корнете, скрипке и рояле. Нам было очень весело.

25 декабря.

... Мне живется необыкновенно счастливо: я наслаждаюсь всеми силами души своей деятельностью, дела обременяют меня очень мало, в Главном Управлении дышется свободно, своим помощником я доволен, удается делать добро, поддерживать пошатнувшихся детей и юношей, подбадривать нехороших, прощать провинившихся и т.д. Я никогда еще не был так счастлив, как теперь. 23 - были с женой на празднике в Павловском училище, она смущалась что там не дети, а взрослые юноши, но все таки села с ними завтракать за один стол. А встала она очень довольная, так ей было весело. Юнкеров она обласкала, они были в восторге, а я ради этого испытал очень большое удовольствие. Сам я сидел в другом конце столовой и, как всегда, конечно, очень веселился с этой милой молодежью.

28 декабря.

... возвратится в Петербург Куропаткин и, я думаю, тогда начнется у меня с ним борьба. Как ты знаешь, я всецело отдался Военно-Учебным заведениям, а он занимается ими между делом, обязанный одновременно заботиться обо всех главных

управлениях, входящих в состав Военного министерства. У него свои взгляды, часто односторонние, предвзятые, а потому - неправильные, но, тем не менее, он многое делает по своему, что очень мне мешает и портит дело. Я опасаюсь что он находится под влиянием Рудановского, который, как удаленный мною, не может желать мне добра и нашептывает ему мысли, идущие вразрез с моими взглядами. Рудановский имеет смертельного врага своих убеждений в лице моего главного советчика и поверенного - Бутовского. Вот отчего я полагаю, что борьба неминуема и немного этим смущаюсь. Но посмотрим. В борьбе могут быть и увлекательные стороны.

1901 год.

10 января
... мы | с Бутовским | поехали 31 декабря в Псковский кадетский корпус, где на праздниках оставалось человек 70 кадет. Я со всеми поздоровался, узнал многих знакомых, отстоял в корпусной церкви обедню |было воскресенье|, завтракал с кадетами, болтал с ними и вместе пошли на вокзал. В два часа уехали в Петербург.
... до Крещения, я побывал в разных училищах и корпусах чтобы повидать, как проводят время бедные юнкера и кадеты, которым, или по недостатку средств или по дальности разстояния нельзя было уехать на праздники к родным. В Павловском училище мне как то удалось разбить лед натянутости и строевого страха, мы весело болтали и смеялись.
... Куропаткин вернулся из Крыма. Завтра я, уже во второй раз в новом году, еду к нему с докладом и при этом чувствую себя птицей, у ктоорой крылья растут, но их тут то и подрезают.

18 января
... теперь у меня забота о преобразовании Финляндского кадетского корпуса, его хотят переделать и, конечно, испортить, так как старое хорошее слишком нетрудно превратить в новое дурное. Я и готовлюсь, разумеется с помощью Поликола, который хорошо знаком с финляндскими делами, подать докладную записку, в которой выскажу свое особое мнение.

23 января
... кадеты 2-го корпуса, человек 35, ходили на лыжах на взморье, офицер провалился сквозь лед и двое кадет, Тутолмин и Веданоеский, бросились его спасать, вытащили и спасли. На докладе об этом военного министра Государь написал:"их поступок заслуживает большой похвалы". Бумагу с этой надписью, я сегодня отвез в корпус. Директор собрал всех кадет в большую залу и прочел перед ними и доклад и Царскую

пометку. Потом кричали ура...

... Боюсь что скоро начнутся у меня несогласия с Куропаткиным и заранее извожусь, что, конечно, очень неблагоразумно, так как нечего раньше времени тревожиться...

... мечтаю, в конце февраля, съездить в Москву, дней на десять и побывать в двух-трех провинциальных корпусах, например в Орле или Полтаве и в Полоцке.

28 января

... Борьба с Куропаткиным началась. На последнем докладе, он первый заговорил о носящихся слухах об отделении моего Главного Управления от военного министерства и начал так, будто бы сам не прочь от моей независимости, но кончил утверждением, что оно немыслимо. Тем не менее, я поручил надежному, сведущему человеку разобрать главные положения возможного обособления, без полного разрыва с военным министерством. Куропаткин говорил также о моих взглядах на необходимость изменить систему воспитания в наших корпусах, перейдя от принципа недоверия к доверию и предостерегал от опасности коренной ломки. Никогда я ему о своих видах не сообщал, откуда они ему известны я не знаю и думаю что тут не без Рудановского, который ему что-нибудь против меня нашептывает. Итак, борьба началась и очень меня волнует. Вероятно опять будут стараться выставить меня в глазах Государя увлекающимся, либералом, опасным человеком и т.д., словом, пустят в ход все те поклепы, на которые бывали щедры по отношению к покойному Папа. [Великий Князь Константин Николаевич].

2 февраля

...вчера был у меня, на докладе у Куропаткина, довольно крупный с ним разговор. [. . , Он, битый час читал мне длинный урок о том насколько надо быть осторожным приступая к изменениям в воспитательной системе и как опасно резко переходить от недоверия к недоверию."

6 февраля.

... Куропаткин опять отличился: послал своего адьютанта, графа Бобринского к моему - генералу Бутовскому разузнать какие такие замышляю я реформы в корпусах. Положим, мое дело от этого только выиграет - убедятся, что ничего страшного я не придумываю, но как тебе нравится такой образ действий ? Бутовский прочитал ему записку, которая обсуждалась здешними директорами у меня на совещании и, Бобринскому все это очень понравилось. Вероятно, он доложит военному министру об этом в благоприятном смысле. Но все же такое забегание или засылание с заднего крыльца трудно назвать поступком вполне благовоспитанного человека.

... На этих днях, мои пажи [redacted] юнкера стояли во внутренних ка

раулах Зимнего Дворца и я ходил туда, проверять исправность часовых. Это был лишний случай - повидать их, поговорить, узнать несколько лиц и фамилий.
... Сегодня я доволен: провел утро в Пажеском корпусе. Имел в виду - строго поговорить с УII классом |старшим| Этот класс, еще осенью, попался в нехорошем общем поступке, с тех пор все уладилось, но директор просил меня, т тем не менее, поговорить с пажами. Я заперся с ними,без их начальства, и поговорил, высказал свой взгляд на вещи старался затронуть лучшие их чувства, говорил открыто, порицал их и, кажется, они меня поняли. Я, по крайней мере, вынес благоприятное впечатление, не знаю отразилрсь ли оно и на них.
... мои нелады с Куропаткиным улеглись, я не люблю и не умею подолгу враждовать. Он убедился что я ничего не замышляю и у нас опять водворился мир.
... Сегодня, по получении Высочайшего разрешения, вновь, по старому, выносят в строй кадетских корпусов знамена, забытые с 1863 года. Я отдал об этом приказ.
... 17 будет Праздник в Первом Корпусе. Я там сделаю Церковный парад, причем, впервые, после нескольких десятков лет, появится старое знамя, стоявшее в церкви и всеми забытое. Ты поймашь, чутким сердцем, что это будет за минута, когда перед фронтом кадет, выстроенных в большой зале вынесут знамя. У меня уже теперь, при одной мысли об этом сердце замирает и дух захватывает.
... 27 - мечтаю ехать в Псков, Полоцк, Полтаву и Орел, в корпуса. В каждом пробуду не более двух дней, а, на обрат ном пути, остановлюсь на неделю в Москве...

18 февраля.
... На будущей неделе поста |третьей| постараюсь уехать из Петербурга, сперва в Полоцк, куда надеюсь взять с собой Полигошка. Он сам бывший кадет-Полочанин и мне хотелось бы, чтобы он был бы свидетелем торжества, когда старое корпусное знамя, которое и он носил кадетом, остававшееся почти сорок лет без значения, будет вынесено перед строй кадет. То же празднетство я устрою в Полтаве, Орле и двух Московских корпусах.
...Завтра, праздник Первого Корпуса. Я произвожу настоящий церковный парад в большое сборном зале.

20 февраля.
... У меня с Куропаткиным опять полный мир и согласие, он ведь умный и верно понял в чем дело. Может быть, это с ег стороны - хитрость, желание меня задобрить, не знаю, но дело идет хорошо.

... Вчерашний праздник в Первом корпусе удался на славу. У многих навернулись слезы, когда, при громе музыки и барабанов, снова, после 37 лет, появилось старое корпусное знамя. Собралось много бывших кадет, из которых старшим был старый член Государственного Совета и Андреевский кавалер - Ганецкий.

... Днем я представлял Царю, в Концертном зале, камер-пажей, после чего, мне удалось поговорить с Никки и испросить его разрешения обращаться прямо к нему, в делах моего ведомства... Я так радуюсь снова ехать по корпусам, - там дышется вольнее и легче.

27 февраля.

... с Военным Министром у меня все идет хорошо, мир и согласие... через 20 минут еду на Варшавский вокзал. Завтра днем между 5 и 6 часами надеюсь быть в Полоцке. Вообрази, со мной едет Полиголик, старый кадет-полочанин, это такая для меня радость. Там мы проведем двое суток, он поедет домой а я с генералом Бутовским и адьютантом Драшковским в Полтаву, Орел и Москву.

10 марта.

... хотелось писать из Полоцка, и из Орла, и из Полтавы, но нельзя было. В каждом из этих мест оставался по двое суток, жил в корпусах и все время отдавал дорогим моим детям, а в свободные минуты, если не спал, записывал дневник. Запомнил в каждом из этих корпусов человек по пятнадцати, в лицо и по фамилиям, но большинство придется перезабыть, так как невозможно удержать в голове всех, после такого краткого временного знакомства. Везде делал церковный парад, с возвращением знамени. Везде кадеты обступали меня тесной толпой и я всей душой наслаждался их привязанностью, прямым, доверчивым отношением, радостными лицами, добрыми правдивыми глазами и готовностью выслушивать даже порицания, когда они требовались. Меня тянули к себе нарасхват каждая рота, каждый класс, стол и это глубоко трогало меня. Я умилялся душой на богослужениях. В Орле отстоял Крестовую всенощную и на другой день - обедню. В Полтаве преждеосвященную пели чудесно сами кадеты, читали Апостол или Шестопсалмие, сами носили перед священником подсвечники, сами разносили и ставили свечи...

... Радостно было смотреть на Полиголика в Полоцке, его родном кадетском гнезде. Кроме него, со мною было там несколько человек бывших кадет-полочан, приехавших на торжество возвращения знамени. Радость их была трогательна.

... В Москве у меня дела по горло. Приходится целые дни носиться и трепаться. Хочу в Александровском Военном Училище и в трех здешних корпусах присутствовать на педаго-

гических комитетах, а для этого каждого, нужно, по крайней мере, три часа времени. 14 - возвращение знамени в 1-Московском корпусе а 15 - во 2-м Императора Николая I. Кроме того, надо ездить в корпуса и два военных училища, на уроки, быть в Консерватории и в Коммерческом техническом училище.

29 марта.

... В Москве, 14 марта, я возвращал знамя 1-му Московском корпусу, а 16 - 2-му. 15 марта провел в Нижнем Новгороде, так как была годовщина основания тамошнего Аракчеевского корпуса. Происходило тоже торжество со знаменем. В Москве было у меня и огорчение. Приехав туда, 9 марта, я узнал что 20 февраля, юнкера Александровского Военного Училища произвели крупный беспорядок, чтобы выразить неудовольствие своему батальонному командиру Цицовичу, бывшему моему Измайловскому субалтерну. Конечно, в этом не было ничего политического, но поступок - важный, так как кадеты, по поступлении в Училище, приносят присягу и, как юнкера, з: значатся на военной службе. Я так радовался увидать старых моих знакомых и обласкать их, а, вместо того, должен был велеть собрать их, не поздоровался и сказал несколько очень строгих слов, выразив, что они сами лишили меня возможности обойтись с ними, как подсказывало мне сердце и вынудили - не возвращаться к ним, пока безукоризненным поведением не заставят меня забыть их вину. Теперь приходится прибегнуть к резким мерам: лишить, на время, Роту Его Величества - Царских вензелей на погонах, разжаловать фелдфебелей и портупей-юнкеров в рядовые юнкера, лишить права прикомандирования к гвардии, при производстве в офицеры - а состав начальствующих лиц изменить.
В Нижнем тоже были грустные впечатления. Я, как ребенок, радовался свиданию со знакомыми кадетами, чтобы освежить в памяти их лица, прочел в дневнике о пребывании среди них, в конце октября и действительно, вспомнил не только записанных, но и таких, о которых не упомянул в дневнике. Все было бы хорошо, я был рад им а они - мне и некоторые даже всплакнули, когда, проведя с ними целый день, я вечером уезжал в Москву, но, дело в том, что я заметил и, сами кадеты мне об этом говорили, неприятные их отношения к начальству и, конечно, обратно. Это еще последствия прежних времен. Я кадет уговаривал, увещевал и они дали мне слово стараться не подавать повода к неудовольствиям. В 7 классе, с которым я говорил осенью, дело идет хорошо нельзя, однакоже, сказать того же про 6 и 5 классы, с ними же, по ихней просьбе, я поговорил теперь и дай только Бог чтобы начальство имело к ним побольше доверия, а не раздражало их недоверием.

5 апреля.
... 10, вечером, еду в Казань, чтобы видеть, еще незнакомое мне, юнкерское училище, оттуда, может быть, Волгой, спущусь в Симбирск. Там, значительно больше чем в других корпусах, завязались у меня с кадетами невыразимо нежные отношения. Не помню, писал ли я тебе, что после моего первого посещения, в конце прошлого октября, с разрешения своего директора, Симбирцы написали мне каждый по письму и эти письма были мне доставлены в трех, по числу рот, переплетенных тетрадках. Пользуясь ими, я написал ответ, в упоминая о каждом памятном мне кадете, о их прозвищах, мелких особенностях и и так далее. Директор отвечал а, к Пасхе, вице-фельдфебель Дрындин прислал мне, от имени товарищей умилительно трогательное поздравление. Поэтому, мысль о возвращении в Симбирск представляется мне особенно радужной и заманчивой. Оттуда, надеюсь попасть в Воронеж, где устрою торжество возвращения знамени.

20 апреля
...не могу описать тебе радости быть опять у моих симбирцев. К ним у меня особенно нежные, идиллические чувства..

25 августа.
... после болезни, я очень обрадовался выйти, потому что ждал к себе юнкеров Александровцев, приехавших в числе 11 из Москвы и мечтал поводить их по парку и по дворцу...после прогулки с ними, я снова закашлял...

1 октября.
...Нагрянул в "опально" Александровское училище. Может бы именно ради этого, я питаю к нему влечение. Даст Бог, в Николин день, к их 50 летнему юбилею, "опалу" сниму и Государева рота снова наденет Царские вензеля.

19 октября.
...на этих днях, имел большую радость - выдал одному юнкеру-Павлону и одному старшему кадету Первого корпуса медали "За спасение погибающих".

5 ноября
... в половине месяца у меня начинается комиссия для преобразования Финляндского корпуса. Помоги Бог не испортить того доброго что в нем есть..

27 ноября
...Сегодня 4-е и последнее заседание комиссии о Финляндском корпусе. Мы до конца держали себя вполне прилично, нисколько не ссорились и пришли к соглашению.

28 декабря
... О Финляндском корпусе ничего нового сообщить не могу, дело затянулось.Да пожалуй лучше с ним не спешить...

| Продолжение следует |

Великий Князь Константин Константинович.

ЧЕРНЫЙ ПОГОН

ХАБАРОВСКОМУ ГРАФА МУРАВЬЕВА АМУРСКОГО

КАДЕТСКОМУ КОРПУСУ ПОСВЯЩАЮ.

Черный погон, на нем буквы: Х.К....
Тронута выпушка молью слегка,
Выцвели краски, потерлось сукно -
Память поймала мгновенье одно...

Черная линия стройных кадет,
Каждый, подчеркнуто, лихо одет,
Талия тонкая. Грудью вперед.
Первая рота пример подает.

К старшим равняются все малыши -
Третяя в первой не чает души.
"День необычный." - решает кадет:
"Ротный в походную нынче одет."

"Смирно."- команда рванула весь строй...
|Будто растерянный ротный седой...|
Четко винтовка взята "на-краул",
Где-то из города слышится гул.

И, непривычно директора бас
Странно и... страшно дрожит в этот раз:
Как то невнятно читает старик,
Вот он запнулся, замялся на миг,

Хрипло откашлялся... и продолжал -
Голос по прежнему странно дрожал -
"Мы отреченье за благо сочли..."
Губы дрожащие глухо прочли.

Кто-то давнулся ненужным - "ура"...
Кажется дать бы команду пора:-
"Первая слушай... Кадеты... кругом...
"Быстро, по классам, все роты... бегом."

....

Нет, не командует... Что-то он ждет...
Из-за угла показался народ
Красные флаги: огонь кумача...
Ленты в аршин от плеча до плеча...

Банты... Розетки... Знамена, как кровь...
Это какая-то страшная новь.
Катится с ревом толпа за толпой -
"...жертвою пали в борьбе роковой..."

В сумрачном пеньи плывут голоса...
Страшно блестит генерала слеза...
"...Под козырек"- так неверна рука
И воспитатель согнулся слегка...

Выступил с речью какой то студент -
Странные выкрики... странный акцент -
Это не Русский поносит Царя -
Юношей этих построили зря.

"Сбросили иго... Кровавый режим..."
Видимо, манией он одержим:
Жестикулирует, как заводной,
Машет руками... "это больной".

Выдохся... смолк... и, на смену ему,
Кто то истошно кричит про тюрьму
И призывает, немедля, толпой,
Разом навеки покончить с тюрьмой...

Мрачный стоит Первой роты кадет -
В горле першит, а рыдания нет...
Жутко стоять здесь и всем малышам -
Мертвые только не имут тот срам.

В этой свободе фальшивое все -
Сердце и мозг не приемлют ее.
Это ликует совсем не народ -
"Улица" страшно открыла свой рот...

....

Оба стареем мы: я и погон -
Часто мы видим мучительный сон:
Видим мы день, как погасла заря -
В день тот прочли отреченье Царя.

ПАВЕЛ СУХОТИН.

Из Воспоминаний о Пскове

— —

Опять Псков, после двух лет артиллерийского училища и года войны. Он все тот же. Та же безконечно длинная Сергиевская улица тянется от вокзала на несколько верст. Сначала идут незатейливые домики, заборы, отдельные деревья. Но вот въезд на прямую шоссейную дорогу: казаомы Иркутского полка, дальше решетки на окнах тюрьмы и, наконец, более живая часть города с городским садом справа и реальным училищем - напротив. Все знакомо - каждый дом, каждый угол напоминает о проведенных в этом городе годах. Идущие люди кажутся все знакомыми и невольно заглядываешь им в лица.

Сколько сказочных переживаний, сколько горя и радостей, прошло среди всех этих знакомых, деревьев, домов, стен и башен. Вспоминаются ежедневные прогулки с мыслями, переносящими во времена Великого Пскова и Новгорода и каждый удар колокола вызывает новые и новые картины. И Вече, и кулачные бои на реке Пскове, и прекрасные псковитянки живо рисуются в воображении нынешнего молодого офицера, как, несколько лет тому назад, - в голове юнца-кадета.

Но вот, вот сейчас, за этим садом встает бело-кремовое массивное здание корпуса, где прошли отроческие годы, где из подростка сделался юношей и мужчиной. Сердце усиленно бьется. Соскакиваешь с извозчика и быстро входишь через калитку, широко распахиваемую сторожем, на большой плац.

Как на мед пчелы, маленькие и большие кадеты бегут навстречу. Точно искра пролетела по плацу, - одни, увлеченные игрою в подстенок, кадеты не обращают внимания. Только при входе в главный подъезд, толпа понемногу разсеивается и, с более близкими кадетами, проталкиваешься в здание корпуса. Бородатый швейцар с сияющей улыбкой, берет шинель. Звеня шпорами, поднимаешься в первую роту, где прошли последние два года перед училищем.

Ротный командир - Масино - этот образец выдержки и спокойствия и кумир старших кадет - на чьем лице редко можно было увидеть улыбку, приветливо улыбается и приглашает в дежурную комнату. Предлагая сесть на мягкий диван, таким недоступным казавшийся три года назад.

Но вот опять окружают тебя толпой кадеты. Какими прекрасными глазами оно заглядывают тебе в глаза, с какой неподдельной радостью дотрагиваются до тебя, до твоей одежды. Уважение, гордость за тебя написаны на их лицах. Ведь он -

наш,, наш. Больше всего их интересует, конечно, война, окопы, стрельба из орудий.

Звонок. Все строятся и идут на завтрак. Место для гостей, юнкеров и офицеров тоже в общем строю. Сколько шума и приветливых выкриков внизу, при проходе швейцарской, где встречались две роты, идущие в разные столовые. Молодые корнеты, артиллерийские и пехотные подпоручики и юнкера различных училищ выделяются красочными пятнами среди кадет. Восклицания, улыбки малышей, уже сидящих за столами мимо которых проходила первая рота. Родная семья...

Одним из наиболее ярких впечатлений были корпусные балы уже накануне которых съезжались бывшие воспитанники Корпуса Живо вспомнился выпускной бал собственного выпуска. Оба крыла верхнего этажа светятся огнями. Два танцевальных зала соединенные большой площадкой лестниц. Два зимних сада с буфетами и десяток гостинных из классов, обставленных мебелью воспитателей, ротных командиров, преподавателей а иногда даже и родных и знакомых кадет. В каждом зале по духовому оркестру - в одном Иркутского или Омского полков а в другом духовых кадетских оркестров, то первой то второй роты. Бал открывала молодая и интересная супруга директора с которой мне, как одному из шести дирижеров, довелось несколько раз танцевать.

Помню как сердце ныло в, казалось, безконечном ожидании моей "Н", поднимавшейся по широкой круговой лестнице в зал второй роты. Не знаю я ли распорядился сыграть вальс "Березка" или догадался мой приятель, - но я был на седьмом небе, когда мы закружились под звуки этого чудесного вальса. Боюсь - своими обязанностями дирижера я на этот раз пренебрег, но как было их не забыть возле той, кого я любил уже целый год ? Только когда кто то из воспитателей сказал мне что сейчас будет мазурка и я с Цивинским должен дирижировать, я вернулся на землю и, пригласив золотистую блондинку, повел ее в па-мазурки, громко дирижируя. Приглашенные барышни и дамы у нас не сидели - каждый кадет был обязан хоть раз протанцевать с каждой своей знакомой.

Рядом с залами, наши классы, превращенные, на вечер бала в гостинные разных стилей, позволяли не особенно любящим танцы пользоваться комфортом мягкой мебели, играми и полакомиться сладостями, которые малыши первых классов подносили гостям.

После бала, старшие кадеты с особым нетерпением ждут воскресенья. - Приятно встретиться со знакомыми гимназистками, танцовавшими на вечере, и поделиться впечатлениями.

Обыкновенно одноклассники знали, кто к какой из гимназисток неравнодушен, и, гуляя по плацу, кричали, если она проходила; такой-то такая-то идет, иногда добавляя - "эй живее, марафонским бегом". Но, увидеться с ней в отпуску, на свободе, - это совсем другое дело. Часто, дойдя с нею до реки Великой, мы брали легкую лодочку и, неслись к Мирожскому монастырю. Солнечные лучи и тепло, исходящие невидимыми нитями от нашей визави, подбадривало и без того тренированные мышцы, рельефно выступавшие на руках и груди под обтянутыми белыми гимнастерками. Смех и изредка женские восклицания в серебристых брызгах от весел радужно разносились по реке.

Приближался вечер и к главной пристани неслись обратно легкие лодочки с возвращающейся молодежью, соревнуясь в быстроте и легкости управления.

К 9 часам, по всем улицам города виднелись белые гимнастерки, почти бегом спешащие к обоим воротам корпуса. Жаль минут, так хорошо проведенных на реке, в садах и у знакомых но боязнь опозданий, грозящих лишением в следующее воскресенье отпуска, гонит юнцов, будто на крыльях. Осень проходит быстро и начинается зима со снежками, катаньем с корпусных гор и на коньках. Ледяными горами пользовались почти исключительно кадеты, но иногда по субботам вечером более отчаянные гимназистки забегали на горку, на зеленом плацу - и вот где было смеха, радостей, особенно воспитанникам последних двух классов. Часто, на этом плацу талантливые скульпторы из кадет лепили чем либо характерных и нелюбимых классных дам из коричневой гимназии, визави, а иногда и собственных преподавателей. Помню однажды вечером кадеты подглядели, как один из последних дубасил палкой снежную фигуру, похожую на него.

Особенно интересны были прогулки с воспитателями по окрестностям Пскова. Ни мороз, ни дальность разстояния немудерживали нас а, некоторые из кадет даже не шли по воскресеньям к знакомым или родным, лишь бы пойти в такой дальний поход. Покосившиеся часовенки, церкви ХУI и ХУII столетий, развалины стен, подземные ходы, все живо интересовало и захватывало Большую роль, конечно, в интересе таких экспедиций, играл руководитель - офицер-воспитатель. У нас в классе был высоко образованный и культурный человек - штабс-капитан Обух. Не знаю какое учебное заведение он кончил; кажется был в Юридической Академии, главное - очень много путешествовал. Ярко и красочно он нам разсказывал о Русско-японской войне,

участником которой он был, о нравах и жизни китайцев, японцев и орейцев. На прогулках, его описание псковичей с их бытом в XУI и XУII столетиях оживляли тазвалины. Древние церкви в снегу, маленькие сторожки и отдельные часовни и колоколенки начинали жить при его пояснениях.

Не безинтересными днями была масленичная неделя в Пскове. На большой площади между рекой Великой, собором и главной улицей, бывала в эти дни ярмарка с каруселями, рядом лотков, восточными сладостями, пестрой мануфактурой, и толпой псковичей и псковитянок. Весело было в эти дни покататься на маленьких саночках, под звон бубенцов, среди шныряющих мальчишек, переваливающихся баб и здоровенных правнуков кулачных бойцов.

М.А.ЗАЙЦЕВ.

ОТ ПОРТ-АРТУРСКОГО КОМИТЕТА.

В 1954 году исполняется 50 лет со времени геройской обороны Порт- Артура. Вся Россия гордилась геройскими его защитниками. Это была последняя полная осада крепости. С появлением радио и воздухоплавания, осады быть не может. 8 месяцев мы не видели ни одной газеты, не получили ни одного письма. Наш враг, японцы, после сдачи крепости, объявили по всей Стране Восходящего Солнца, что к артурским пленным каждый японец должен относиться с таким же уважением как к своему воинству. Немного осталось теперь в живых артурцев и все они находятся в преклонном возрасте. У эти немногих, явилось желание, изданием Юбилейного Сборника, увековечить эпизоды из жизни осажденной крепости, чтобы будущие поколения ознакомились ближе с этой славной страницей Русской истории. По мысли самого молодого и весьма еще энергичного артурца, Варвары Ивановны Пухирь, пережившей осаду 14-летней девочкой и бывшей уже тогда сестрой милосердия, был образован Комитет из всех находящихся в С.А.С.Ш., артурцев с председателем кап. I ранга Бок во главе. Трое артурцев, живущих в Париже: ген.лейт.Твердый, инж.мех.кап.I р. Орлов и доктор Кефели, также вошли в комитет. Чеховское Издательство предложило Сборник издать. Книга будет издана на Русском и японском языках. Доход пойдет в Артурский Фонд, для оказания помощи нуждающимся артурцам.

Комитет обращается ко всем Россиянам, как помнящим, так по молодости лет и не помнящим, славную защиту крепости с просьбой посылать пожертвования в Артурский Фонд, по адресам: В.И.Пухирь |41-44, 74 str. Elmhurst 73 Нью-Иорк| и Б.И.Бок |1627 Anza str. Сан-Франциско|.

100 ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ С.-ПЕТЕРБУРГА

День столетия основания Санкт-Петербурга - 16 мая 1803 года - был отмечен особым празднованием, и в памяти петербуржцев того времени надолго сохранились воспоминания об этом торжественном дне. Неизвестный очевидец и свидетель торжеств описал этот день в особом сочинении, опубликованном лишь сто лет спустя в 1903 году, в "Русской Старине". Из этого журнала извлечены здесь наиболее интересные подробности описания торжеств и сохранены в некоторых местах язык и стиль автора.

О предстоящих торжествах петербургские жители узнали из объявления, напечатанного на особых афишках, разосланных городскими властями по всем частям столицы. Начались затем приготовления и к самим торжествам.

На Неве, против памятника Императору Петру Великому, стал линейный корабль "Гавриил" и на нем был поставлен " "Дедушка Русского флота" - ботик Царя Петра, четыре столетние старца, современники Петра I, стояли на часах, по сторонам ботика.

Сенатский балкон, на котором Императрица Екатерина II в 1782 году присутствовала при открытия памятника Петру I был украшен алым бархатом с золотою бахромою. Во время церемонии этот балкон был предназначен для лиц Императорской Фамилии, а " для безпрепятственного смотра почетным зрителям, на валу Адмиралтейства, были посторены возвышенные места против Петровской площади". Для совершения, по случаю торжеств, благодарсьвенного молебна была назначена так называемая, мраморная церковь | Св.Исаакия Далматского|.х|

Наступило 16 мая... Вокруг "мраморной " церкви были выстроены в парадной форме кадеты Морского и Инженерного | 2-го Кадетского| корпусов. Кадеты Первого Кадетского Корпуса составляли линию на Петровской | Сенаторской| площади от Исаакиевского до Невского моста."Гвардии три полка стояли в три шеренги во фрунте от площади Дворцовой до площади Исаакиевской. Сенаторы из Сената шествовали стройно во внутренность сея церкви в парадных всоих мундирах, шитых золотом, к ним присовокупились Российский генералитет, как военный так и статский, и министры многих иностранных держав."

Затем прибыла Императорская фамилия. Богато убранный церемониймейстер, на красивом коне, ехал впереди ее. За ним следовали 15 придворных карет "вызолоченных жарко", а их везли 100 красивых лошадей, убранных в разноцветные шелковые хомуты и узды. В первых каретах ехали камергеры, а за ними статс-дамы и "фрейлины", а после сих в "наидрагоценнейших каретах следовали и Высочайшие Особы в приличных великому торжеству одеждах".

Когда Император Александр Павлович и Императрицы Елизавета Алексеевна и Мария Феодоровна, с другими членами Императорской фамилии прибыли в Исаакиевскую церковь, то там был отслужен митрополитом с многочисленным духовенством благодарственный молебен. "При возглашении многолетия трелистые с крепостей и кораблей выстрелы своим страшным шумом потрясали землю и колебали воду".

По выходе из церкви, Императорская фамилия "в препровождении генералитета", "с великою церемонией" проследовала в Сенат, где на балконе находилась до окончания торжеств, происходивших у памятника Императору Петру I. "Украшенный сединами старец, знавший лично Императора Петра I, ездил на лошади вокруг сего монумента".

"Кровли домов, окна и балконы обременены были великим множеством любопытных зрителей, а на возвышенных местах, построенных нарочно, стояла почетная нация Российских обоего пола особ". Площади Исаакиевская, Петровская, Невский мост и улицы были почти "непроходимы от множества людей среднего состояния и черни".

"Звуки литавр и труб были знаком приближения войск к монументу виновника столь славного торжества". Государь Александр Павлович, командуя в этот день полками, "приближаясь к памятнику, салютовал перед ним своею шпагою, а потом остановился при монументе и, оставив лошадь, присутствовал здесь для принятия почести на правой стороне, пока прошли войска". Цесаревич Константин Павлович, "герцог XX| генералитет, штаб и обер-офицеры, приближаясь к монументу Великого Петра и взирая на него и Императора Александра, своими шпагами салютовали-ж. Унтер-офицеры и штандарт-юнкеры, едущие на конях, преклоняли свои знамена".

"Сия церемония продолжалась при шуме литавр и труб 80 минут. Лейб-Гвардии Преображенский и Семеновский полки маршировали наперед, Измайловский и Гранодирский следовали за ними, Павловский, Литовский и Тенгинский полки ххх| шли после сих скорым маршем. Наконец следовали Кавалергардский и Лейб-Конный полки, а за ними ехали эскадрон лейб-гусаров

и лейб-казаков, которые своим скорым шагом окончили сию деликатную процессию".

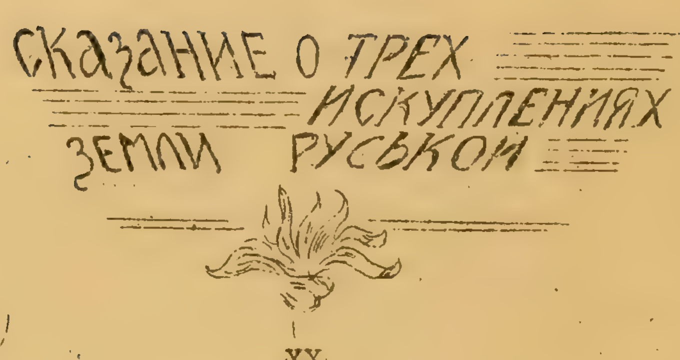
"Когда атмосфера покрылась темною завесою ночи, тогда подобно солнцу светило своим величественным блеском разгоняло ужасный мрак ночной темноты. Это блистал величайший факел, зажженный наверху градской башни, имеющей вышины 140 футов английских". "Иллюминование вокруг монумента Петру Великому представляло тогда чрезвычайно прелестное зрелище. Ботик, как дед Русского флота, украшен был разноцветными флагами и освещен разными огнями:"

"Плавающие корабли и шлюпки с засвещенными огнями в фонарях делали на Неве искусные маневры..."

"О великий день столетия... День торжества и веселия Санкт-Петербурга... Останься ты в нашей памяти вечно незабвенным. Останься незабвенным и в слабых памятях юных Россиян. Пусть сии дети своим детям возвестят всю важность бывшей церемонии. Пускай они им скажут, как богато и великолепно праздновалось торжество первого столетия от заложения Санкт-Петербурга". Такими словами заканчивает анонимный автор свою рукопись, озаглавленную: "Памятник столетию Санктпетербурга или описание торжества и церемонии совершившихся в сей Российской Императорской столице по случаю благополучно окончившегося первого столетия от заложения сей резиденции, с присовокуплением о прежнем и нынешнем состоянии жителей, церквей, дворцов и коммерции".

ПРИМЕЧАНИЯ:х| Императрица Екатерина II начала постройку церкви Св. Исаакия Далматского на месте нынешнего Исаакиевского Собора. Постройка была доведена до карниза из мрамора, но после смерти Императрицы, был срочно достроен кирпичный верх, а мрамор, предназначенный для церкви, употреблен был на постройку Инженерного замка. хх| Герцог Александр или Евгений Виртембергские. Оба были на Русской службе. ххх| Тенгинский полк был сформирован в 1796 г. в Петербурге, под именем Гарнизонного генерала Архарова I полка и в 1801 - переименован в Тенгинский. хххх| Существует немецкая народная картинка, на которой изображен этот момент церемонии на праздновании 100-летия С.-Петербурга. Репродукция ее находится у И.Божерянова в его труде "С.Петербург в Петрово время" СПБ. 1903.

Ю.Т.



(Продолжение)

XX.

"...Осени себя крестным
знаменем, православный Русский
народ..."

Над дождливой Русскою равниной,
Заметенной снегом до-бела,
Звоном крыльев стаи лебединой
Вперелив поют колокола.

В городах, деревнях и посадах,
Изо всех калиток и ворот,
В разноцветных праздничных нарядах
Валит в церковь, толпами, нарлд.

На Руси не праздник-ли престольный ?
Не свободы-ль юная заря ?
Вся Россия песнью колокольной
Славословит белого Царя.

Спали цепи с Русского народа.
Из столиц до самых дальних мест
Прокатился, даруя свободу,
Долгожданный Царский Манифест.

И с Царем, храня свои святыни,
Расправив натруженную грудь,
Вышла Русь - свободная отныне,
В новый, вольный, справедливый путь.

Миновали рабские годины,
Наша даль - надеждами светла.

Над безкрайной Русскою равниной,
Звоном крыльев стаи лебединой
Вперелив поют колокола.

Над Балканами катятся низкие тучи,
Воют ветры в глубоких Балканских ущельях,
Сеет снег, как холодные иглы, колючий,
Заметая полки в башлыках и шинелях.

Неприступными стенами высятся скалы,
Покидая утесов нагие высоты,
Низвергаются белою смертью обвалы,
Погребая в снегу батареи и роты.

Летом - зной нестерпимый, безводье и жажда.
С пересохшей гортанью в каленом июле
Погибали от солнечных стрел не однажды
Те, кого пощадили турецкие пули.

Кто сочтет, сколько Русских, разбившихся в бездне,
Обагрило солдатскою кровью Балканы ?
Сколько жизней скосили зимою болезни
И от летнего зноя загнившие раны ?

Сколько пало в нужде и борьбе каждодневной ?
Сколько стоили крови штабные ошибки ?
Сколько тысяч легло под грохочущей Плевной
И уснуло на скованной холодом Шипке ?

Но сражались недаром Российские рати
И вжестоких боях умирали недаром:
Мы спасенье несли нашим страждущим братьям -
Молдаванам и Сербам, Боснякам и Болгарам.

За историю мира, быть может, впервые,
Не для собственных благ а за правое дело,
Защищая слабейшего, встала Россия,
Свое знамя Христово поднявшая смело.

На Балканах, поднесь, о Руси не забыли,
Каждый год - молчаливые, скорбные гости,
Собираются люди на братских могилах,
Где давно уж истлели солдатские кости.

И приходят с детьми матерей вереницы,
Чтоб кресты на могилах цветами обрамить.
Нерушимо поднесь на Балканах хранится
О Великой России любовная память.

В столице северной, прекрасной и холодной,
Чей путь, в веках, Господь благослови,
Есть Храм, воздвигнутый любовью всенародной
И нареченный Спасом на Крови.

Есть в этом храме место за оградой,
Меж гладких плит, под южною стеной,
Под негасимою мерцающей лампадой,
Квадрат простой булыжной мостовой.

И место это - Русскому святое:
Булыжник этот жарко обагря,
Со взрытой бомбой Русскою землею,
Здесь кровь смешалась Русского Царя.

За то убитого, что Истины святыя
От вражьих сил хранимы были им,
Что слишком Он любил свою Россию
И слишком Сам Россией был любим.

XXI

"Блажени миротворцы, яко тии
сынове Божии нарекутся."

Санкт-Петербург... Как дивно это слово,
Какая мощь незыблемая в нем.
Чугунный конь Паоло Трубецкого,
Ногами вросший в Русский чернозем.

На нем Монарх. - Мужицкая сноровка,
Суровый лик и соколиный взор,
Простой мундир, похожий на поддевку, -
Самодержавный Русский Святогор.

С таким Царем - нам не страшны злодейства
И путь наш прям - что лезвие меча.
И теплится вдали игла Адмиралтейства,
Что перед Богом вечная свеча.

И скачет Петр на каменном воздвиге,
И отражаются в каналах без числа
С фронтонов ввысь летящие квадриги
И облитые медью купола.

Санкт-Петербург... Ростральные колонны -
Былых побед застывший в бронзе дым.
Имперской мысли синтез воплощенный,
Воистину - Российский Третий Рим.

И без конца, без меры и без края,
На юг и север, запад и восток,
Вокруг лежит Империя родная,
Российской славы царственный чертог.

Покрыв одну шестую мира,
Меж девяти подвластных Ей морей,
Се - Александрова раскинулась порфира,
Храня просторы Родины моей.

В путях своих не зная неудачи,
Свои былые раны исцеля,
День ото дня привольней и богаче,
Цветет и крепнет Русская Земля.

В степях - кочевники, в горах Кавказа - горцы,
Помор и сарт, литвин и алеут
Под мудрым скипетром Монарха-Миротворца,
Десяток лет вкушают мирный труд.

Не мы одни. - Народы всей Европы,
За долгий мир Творца благодаря,
Борьбы оставили истоптанные тропы,
Страшась прогневать Русского Царя.

Вражда тщетна и безнадежны войны.
Дрожат насильники и прочь бегут как псы,
Когда Владыка Северный спокойно
Свой кладенец положит на весы.

И вечный страх войны не мучит больше мира,
И мир цветет в тиши благословенных дней...
, - святое царство мира
Под сенью Русских, праведных мечей.

XXII

" Под Твою милость,
Богородице Дево..."

Пожалей, Пречистая, Россию,
Сохрани, помилуй и спаси,
Ибо ныне знамения злые
Сотворились всюду на Руси.

Говорят, безлунными ночами,
Много раз видали над Кремлем
В небе меч, сверкающий как пламя,
Обращенный книзу острием.

Говорят что Змий явился в море,
Что светильник в Сарове угас
И что, ликом, в Киевском Соборе
Потемнел Нерукотворный Спас.

А когда, с Царицей молодою,
Царь вступал на Прадедовский Трон,
Говорят слышали под водою
В Светлояре похоронный звон.

Это значит - скорби небылые
Нам несут начавшиеся дни...
Пожалей, Владычица, Россию
Огради, спаси и сохрани.

|Окончание следует|

Н.М.

КОШКА МЫШКА

(продолжение)

2. МЫШКА СНОВА УХОДИТ ...

Четверо мичманов, взявшись за руки, кружились в "боевой пляске диких" вокруг, тщетно пытавшейся вырваться из этого адского хоровода несчастной "красной девицы" - поручика Федорова, распевая во всю глотку и с большим воодушевлением, чем чувством гармонии:

"Штурман дальше от комода,
Штурман чашку разобьешь,
Штурман - бурная погода,
Штурман...

Появление на пороге кают-компании старшего офицера, в сопровождении Потапова, заставило их внезапно оборвать свои музыкальные излияния и, подобно стае вспугнутых воробьев, разсыпаться по самым дальним углам. Покрасневший, как пион, Федоров, чувствуя себя невольным виновником "безобразия", поспешил отойти от "столба пыток" - пиллерса, к которому его прижала безшабашная компания и скрыться в своей крошечной каюте.

- С них все как с гуся вода, - проворчал Альский, бросая недовольный взгляд в сторону мичманов, сосредоточенно рассматривавших первую, выхваченную наугад из библиотечного шкапа, книжку. - Тут не знаешь как ума приложить, а им - лишь бы дурака валять.

- Молоды-с... глупы-с... - невозмутимо ответил Потапов, извлекая из глубины кармана, свою неизменную табакерку: - но не безнадежны - с ... При последних определениях по звездам, ошибка в полученном месте пустяковая-с... всего каких-нибудь миль пятьсот в сторону...

- Федор Максимыч... - откликнулась полу-умоляющим, полуобиженным голосом, "уязвленная" душа одного из мичманов.

- Полвека, с гаком, кличут меня Федором Максимычем. В чем дело ?

- Вы же сами сказали, что задача у меня решена правильно, только ...

- Ну, что "только" ?

- Только... только... немного ошибся... вместо беты Стрельца, альфу Ориона взял...

Дружный взрыв хохота трех остальных был настолько заразителен, что даже нахмуренные брови Альского разгладились и на его губах мелькнула легкая улыбка.

- Ну ладно, горе-астрономы, - произнес он уже более благодушным тоном - только теперь - сидите смирно или выкатывайтесь. Нам с Федором Максимовичем надо серьезно поговорить... Левченко, бутылку марсалы и две рюмки.

- Я только что от командира, - начал вполголоса Альский, налив штурману и себе по рюмке и обождав, пока вестовой скрылся за дверью. - Он ничего не говорит, но я вижу, что он все время ломает голову, как нам выйти из этой новой ловушки. А главное - Альский остановился, взглянул в сторону мичманов, видимо поглощенных книжкой, и продолжал, еще понизив голос: - а главное, его мучает вопрос: поскольку он сам виноват в создавшемся положении...

- Позвольте с, - заговорил штурман, отхлебнув глоток вина, - что же можно было сделать иначе ? Разберемте-с, так сказать, по пунктам: перемахнули, одним духом, из Тихого океана в Атлантику, - вам нечего приводить точное число миль. - Провизия и вода оказались на исходе... начались заболевания... А тут еще трое суток этого зюйд-остового штормяги, что отбросил нас чуть не на сто миль назад и вконец измотал людей... куда же тут с голодной, больной и усталой командой - без передышки еще весь Атлантический отмахать ? Немыслимо-с...

- Верно... - задумчиво согласился Альский, да еще этот китобой-норвежец...

- Вот тут-то-с собака и зарыта-с, - оживился Потапов после того, как он уверил, будто полторы недели назад, в Порт-Дурбане не было и разговоров о войне, командир и решился, наконец, зайти в Капштадт. А тут...

- А тут мы опять попали кошке в лапы, да еще как - мрачно закончил Альский: - поставили нас под самую батарею, заставили отвязать паруса... мало того, из вящей предосторожности отпускают провизию не больше, чем на три дня... Ясно, у губернатора еще нет точных сведений, иначе...

- Конечно, - кивнул Потапов, - иначе не стали бы и настолько-то церемониться... хотя положение и так уже до-

достаточно поганое...

Собеседники замолчали.

- Федор Максимыч... Федор Максимыч...

Альский и Потапов, погруженные в невеселые размышления, вздрогнули от внезапного вопля мичманов. Вся четверка тесно обступила их, толкаясь и вырывая друг у друга толстую книжку.

- Вот, смотрите, Федор Максимыч. Здесь сказано... - четыре указательных пальца ожесточенно тыкали в раскрытую страницу: - здесь тоже туман... Столовая Гора... совсем как в Кальяо... Ура... уйдем, уйдем, опять уйдем.

- " bis in idem " ... - вставил, вошедший в кают-компанию, лейтенант Князь Чернов-Чернолесский, променявший Царскосельский Лицей на Морской Корпус но, любивший блеснуть своими познаниями, вроде только что произнесенной латинской фразы.

- Ну, биса нечего поминать, на ночь глядя, - огрызнулся штурман, недолюбливавший " столичного франта", как он называл про себя князя, за его подчеркнуто-изящные манеры и слишком большую заботу о внешности. - А вы, архаровцы, садитесь и не трещите все сразу. Дайте-ка-с книжку... " "История кораблекрушений"... сочинение господина капитана Дункана, переведено на пользу Российских мореплавателей флота капитан-командором Головниным"... Любопытно-с... и Потапов углубился в чтение.

- Ну вот, Федор Максимыч, тут же сказано...

- Сам вижу-с... Петенька, - обратился он к самому младшему члену кают-компании, хотя и нареченному при крещении Константином, но вынужденному, в силу старой традиции, отзываться на кличку "Петька" - слетайте-ка к Ивану Ивановичу, да притащите десятый том Лоции...

Заглядывая то в Лоцию, то в "Историю" господина Дункана, штурман настолько углубился в чтение, что даже ни разу не протянул руки к лежавшей перед ним табакерке. Слышались лишь изредка отрывистые замечания под-нос: " "Так-с... Пожалуй можно-с... когти выпустила да не помогут-с..."

С напряженным вниманием следили офицеры за менявшимся выражением его лица. Наконец Потапов откинулся на

спинку стула, глубоко вздохнул и потянулся к табакерке.

- Ну, ка Федор Максимович ? - не вытерпел Альский.

- Устами младенцев глаголет истина-с ... - отозвался штурман, забивая очередную понюшку: - мальчишки, пожалуй, правы...

Мичмана просияли, позабыв даже обидеться на "мальчишек".

- Андрей Павлович, - обратился Потапов к старшему офицеру, - можете доложить капитану, что надо бы нам всем вместе, малость поразобраться в этом деле...

- Идемте прямо к нему... Вы знаете, как он ждет...

- Федор Максимыч, ну как ? Выберемся ?... Может быть выскочит мышка еще раз ? - приставали к штурману, окружившие его мичмана, заглядывая ему в глаза и говоря наперебой.

- Брысь - отмахнулся он деланно-суровым тоном, направляясь к двери. - Скоро состаритесь, коли много знать будете.

- Выскочит... Выскочит... - радостно загалдели мичмана. - Наш Федор Максимыч утрет нос английской кошке.

- Дайте-ж пройти, сорванцы ошалелые... - Появившийся на пороге, ревизор, молодой лейтенант с холеными, темными бакенами, обрамлявшими цветущее здоровьем лицо, энергично растолкал их и, с видом полного изнеможения, опустился в глубокое кресло.

- Сил моих больше нетути... Буду просить чтобы впредь Петьку со мной посылали, для разделения тяжкого служебного долга...

- В чем дело, отец-кормилец ?

- ... Не секрет для всех, что нам надо - правдой или неправдой - накопить провизии, к тому моменту, когда... ну вы сами понимаете. Паек особенно урезывать нельзя, - значит, добывай ее другим путем. А как ? Ревизор придумай, ревизор жертвуй собой для блага Отечества.

Слушатели расхохотались глядя на, скорченную им,

страдальческую физиономию.

- Вам-то хорошо смеяться, а мне каково ?... На наше счастье, старик Джонсон, смотритель складов, не любит разставаться со своей бутылкой джина и поручает надзор за отпуском провизии то жене, то дочери... Надо отвлекать внимание этих милых особ, и вот уже четвертую неделю, я напропалую ухаживаю за ними... Ничего тут смешного нет... - огрызнулся он на, прыснувших от смеха, мичманов. - Побывали бы на моем месте... Не дай Бог перепутать, на чем с каждой их них остановился. Мамаша еще туда-сюда - довольствуется романтикой - томными вздохами, нежными взглядами и многозначительными рукопожатиями... Ну, а с мисс Бэтси - держи ухо востро. Эта худосочная жираффа спит и видит как бы выскочить замуж. Я, можно, сказать, танцую на вулкане...

Слушатели покатывались с хохоту.

- Ну а толк то есть от вашего самопожертвования ? - подавляя смех, спросил Альский.

- Толк ? - Господин лейтенант, с напускной официальностью, отрапортовал ревизор, вскочив на ноги - провизии в погребе на четыре недели, с гаком.

- Молодчина. - хлопнул его по плечу Альский - ну как же, все-таки, вы ухитряетесь ?

- Секрета в этом нет - "ларчик просто открывался", как говорится в басне господина Крылова. - Пока уважаемые лэди, зажмурив глаза, упиваются моими мадригалами, пьяница кладовщик Сципион отвешивает вдвое и втрое против положенного... Эта черная обезьяна прекрасно знает что, в кармане у баталера для него припасена бутылочка - другая рома..

- Молодчина, - повторил Альский - и это значит в порядке. Федор Максимыч, идемте.

С утра, Столовая Гора "накрылась скатертью", по выражению местных жителей. Над ее плоской вершиной клубились все гуще облака, медленно сползая длинными желтовато-серыми полосами по склонам. А позади нее и других гор, замыкавших Капштадтский рейд, росла изсиня-черная стена, все чаще освещаемая широкими бледно-голубыми вспышками зарниц.... Туча поднималась, заполняя все небо... Отрывавшиеся от нее,

быстро несущиеся клочья облаков мутно-желтого цвета расплавленной серы, закрыли солнце. На земле же, попрежнему, царила нестерпимая духота и не ощущалось нм малейшего движения воздуха. Наступил зловещий полумрак, вся природа замерла в тревожном ожидании... Мертвую тишину прерывали лиш редкие крики чаек, прижимавшихся к берегу и безпокойно носившихся ао всем направлениям, чертя крыльями по свинцово-серой воде рейда.

На двух английских фрегатах послышались трели дудок, и белые фигуры команды замелькали по вантам.

- Брам-стеньги спускают, - доложил Альский командиру, разговаривавшему с Потаповым.

- Ну, что же, - отозвался Изыльметев, отрываясь от карты, - последуем движению адмирала. Спускайте ... и поднимайте... Все готово ?

- Так точно. Паруса готовы, марселя уже под марсами... Эта темень нам на руку... ничего не разберут...

- Только торопитесь, Андрей Павлович, - вставил штурман, озабоченно взглянув на небо: - того и гляди начнется

- Есть. .. Квартирмейстеры к люкам. Все наверх...

Прошло три-четыре минуты... Брам-стеньги уже были спущены, марсовые, разсыпавшиеся по реям, лихорадочно работали привязывая паруса. Альский, с часами в руках, следил, сдерживая волнение, за движениями, смутно видневшихся, белых фигур.

Вдруг люди бросили работу и, отодвигаясь от ноков, стали жаться к мачте. На всех ноках реев вспыхнули бледные, колеблющиеся огоньки.

- Не было печали... Огни Святого Эльма. - произнес про себястарший офицер и, схватив рупор, крикнул: - по местам Не теряй времени, торопись ребята... Нечего пустяков пугаться... Эти огоньки не жгут...

- Пустяк, да не пустяк... - ворчал себе под нос, стоявши под мостиком боцман Гаврилыч, - небось и сам знает, только ребятам конешно нечего говорить, что кому этот чортов огонек в рожу засветит, - верная тому смерть...

- Слава Богу, - шепнул Альский, видя, как приободрившаяся команда заканчивала, рей за реем, привязку парусов.

Пронесся короткий сильный порыв ветра. Темная рябь подернула свинцовую гладь рейда. И снова стихло.

- На аглицких фрегатах вторые якоря отдали... На батарее, часовые и прислуга у казармы побежали, - докладывали сигнальщики.

Потапов вполголоса говорил что то командиру. Кивнув, озабоченно головой, Изыльметев подошел к Альскому.

- Ставьте кливер и стаксель. Как начнем разворачиваться, рубите канат и ставьте марселя - три рифа.

- Есть. На кливер и стаксель-фалы ... Кливер и стаксель поднять... - скомандовал Альский - На марса-фалы...

Конец команды потонул в грохоте страшного удара грома, последовавшего немедленно за ослепительной молнией. Как бы поджидавший этого сигнала,сорвался с гор свистящий и ревущий ураган. Море закипело. Несшиеся почти горизонтально, потоки тропического ливня закрыли непроницаемой завесой берег и город.

"Аврора" медленно разворачивалась... С треском, похожим на пушечный выстрел, лопнул стаксель и обрывки его, взвившись высоко в воздухе, исчезли во мраке...

Выскользнул из клюза обрубленный конец каната... Фрегат вздрогнул и ринулся вперед. Не разбирая команд, заглушаемых ревом ветра, мачтовые офицеры схватывали чутьем значение жестов Альского. Вытянулись туго надутые, зарифленные марселя... Первая волна прокатилась, шипя и свистя, через полубак...

Ураган ревел ... Спускалась ночь ... Неслись навстречу фрегату изсиня-черные валы со сверкавшими фосфорическим блеском гребнями...

Впереди была борьба не на жизнь а на смерть с разъяренной стихией. Недосчитывались трех человек, сорванных бешеным порывом ветра с грот-марса-рея... И все же на душе у всех - от командира до последнего матроса - было радостно и светло: - вырвались... Еще раз мышка ушла из кошкиных лап.

| Окончание следует |

М. фон-КУБЕ

ОТ РЕДАКЦИИ:

По недосмотру Редакора, в предыдущем номере |5| "Военной Были", выпущена, во время брошюровки, целая страница. На этой странице помещалось и окончание статьи П.А.Варнека - "Морские пути снабжения С.С.С.Р. в последнюю войну. Принося глубочайшие извинения нашему дорогому сотруднику, мы помещаем в настоящем номере окончание его интереснейшей статьи.

МОРСКИЕ ПУТИ СНАБЖЕНИЯ С.С.С.Р.

В ПОСЛЕДНЮЮ ВОЙНУ. |окончание|.

Но надо отметить что обратные конвои несли значительно меньший урон. Это объясняется отсутствием у немцев времени сосредоточить свои силы т.к. они его обнаруживали лишь когда конвой уже начинал проходить самую опасную зону.

Кроме сравнительно редких конвоев |74 за всю войну, считая в обе стороны|, отдельные, обыкновенно более быстроходные пароходы со срочными грузами, пользуясь длинными ночами, пытались проскользнуть незамеченными. Это был большой риск, от которого англичане обычно уклонялись. Все же 33 советским судам и 8 - других стран удалось таким образом проскочить.

С начала 1944 года, в связи с придачей каждому конвою одного или двух авионосцев с разведочными, противолодочными и истребительными самолетами и увеличением конвойных кораблей, немецкие атаки стали гораздо труднее и противник начал нести чувствительные потери. 12 ноября 1944 года английские самолеты потопили линейный крейсер "ТИРПИЦ" и немецкий флот фактически перестал существовать.

В конечном итоге, несмотря на потери, 803 советских парохода и 708 иностранных - прошли Северным Путем и доставили в советские порты около 5 миллионов тонн груза, т.е. немного менее чем в первую мировую войну. За исключением 1942 года, оружия было доставлено сравнительно мало - зато большое количество провианта |консервы|, уголь, нефтяные продукты, очень большое количество автомобилей, медикаменты и всякого рода машины и материалы.

П.А.ВАРНЕК.

Чугуевцы - Орешковские казаки

В 1951 году, четыре наших славных полка отпраздновали 300-летие со дня своего основания. Истории Харьковского уланского, Ахтырского, Изюмского и Сумского гусарских полков были напечатаны в № 9 "Русского Военно-Исторического Вестника" - Ю.А.Топорковым.

Если эти незабвенные, в далеком прошлом, "Слободские казачьи полки", старейшие в нашей регулярной коннице, связали себя с "началом нового исторического пути Русского государства на его южных рубежах" - так да будет нам позволено вспомнить и о Чугуевском уланском полку и вскользь коснуться его истории.

По словам нижеупоминаемого историка - "древностью учреждения, с Чугуевским полком могли бы поспорить разве только стрельцы - если бы они не были истреблены"... еще в царствование Царя Петра I. В нас говорит не только понятное чувство исторической справедливости в отношении собрата - полка, с честь несшего шефство Государыни - Матери Императрицы Марии Феодоровны - но и факт, что этот доблестный полк, в лице его офицеров, - заслужил в войну 1914-1917 гг. - 5 орденов Святого Георгия и 20 георгиевских оружий... | см. Альбом Кавалеров орденов Св.Георгия и Георгиевского оружия изд. в 1935 г. в Белграде |.

Основанием этой заметки послужило письмо поручика Чугуевского уланского полка М.А.Терентьева | состоявшего при Офицерском училище в Елизаветграде |, получившее широкую огласку в 1861 году, в котором он обращался к Русскому обществу с просьбой прислать ему всякого рода документы, воспоминания и пр. для составления истории полка, предназначенной к напечатанию в 1863 году, когда полк должен был праздновать 250-летие своего существования. Основываясь на "Хронике Императорской Армии", составленной князем Долгоруковым в 1799 году, автор письма годом нарождения полка считает - 1613.

Когда был основан город Чугуев - сказать трудно, но он существовал уже в царствование Иоанна Грозного, будучи крайним пунктом пограничной ЗАЩИТЫ Русских земель от непрестанных монгольских набегов. В конце концов, Чугуев не устоял и был разгромлен, только одни его развалины назывались "городищем". Возродился Чугуев и вновь стал городом - в 1613 г при Царе Михаиле Феодоровиче, когда он был снова заселен и

укреплен настолько что, например, только от I мая до I3 августа I643 года, чугуевцы отбили I9 татарских атак, о чем и доносил в Москву Курский Воевода Стрешнев. В то время, гарнизон Чугуева состоял из команды поселенных казаков и стрельцов - числом 929 человек. В I645 году, команда эта была награждена собственным Знаменем.

К Чугуеву, как и в район разселения Слободских Казачьих полков, - также постоянно тянулись выходцы из правобережной Малороссии и Польши, которых, в I65I г. Царь "принял под свою высокую руку и устроил на Чугуеве", окончательно пополнив ими Чугуевскую Команду. Наравне с прочими Слободскими Казачьими полками и Чугуевская Команда, взамен трудной "пассивной" службы на южных рубежах, - была призвана на активную службу на далеких северных окраинах все усиливавшагося и разраставшагося Русского Государства. В воздаяние отличной храбрости при взятии Шлиссельбурга в I702 году, молодой Царь Петр I наградил Чугуевцев званием "ОРЕШКОВСКИХ КАЗАКОВ", а за последующие отличия - пожаловал им, не в пример прочим - "красные шапки"...

За "верность, усердие и храбрость", оказанные Чугуевцами при подавлении Пугачевского бунта - к Высочайшему Двору была вытребована "Конвойная Команда Чугуевских Полков", ибо, в царствование Императрицы Екатерины II, Чугуевцы выставляли уже три казачьих полка. За непрерывное участие в Наполеоновских войнах, - Чугуевский уланский п. был награжден Георгиевскими трубами с надписью "За отличие оказанное ВО ВСЕХ сражениях и особливо 2 октября I8I3 года при Лейпциге". Еще в I86I г., Чугуевский уланский п пользовался двумя особыми привиллегиями: I| он неизменно комплектовался "чугуевцами" и 2| стоял в своем "родном" городе.

На этот, трудно оспоримый, исторический эскиз поручика Терентьева, совершенно основательно утверждавшего, что год основания полка должен быть взят - I6I3, - в прессе появился анонимный, вероятно официозный, ответ, отвергающий притязания полка на I6I3 г. Соглашаясь с историческим изложением вопроса, начиная с I6I3 г. - анонимный бюрократ уцепился за тот факт, что в I698 г. "чугуевские военные поселенцы от службы были уволены и обращены в однодворцы, с оставлением на отведенных им землях, вместо же их, для военной службы в Чугуеве ... водворены, на казенном содержании донские и яицкие казаки и крещеные калмыки... находившиеся на службе по разным городам Белгородского же разряда и с сим водворением принявшие название "Команды Чугуевских Казаков"... Поэтому | .?.? | Чугуевский уланский полк ведет

свое начало не с 1613 а с 1698 года..." На это злоключения Чугуевского полка не остановились. Отвергнут был и 1698 г. Годом учреждения полка был, впоследствии, установлен - 1749, то-есть когда Чугуевская Команда - "переименована в полк, под названием "Чугуевский Конно-Казачий"... А, в итоге, на полковом нагрудном знаке, установленном в 1899 г. - мы видим дату |если не ошибаемся| - "1639"...? Кстати, если уж кому то надо было придраться, что "Команда" переименовывалась в "полк" - так почему, например, 8-й пехотный Эстляндский полк получил старшинство Эстляндского Гарнизонного БАТАЛИОНА с 1711 г. ? Или 3-й уланский Смоленский п. воспользовался старшинством Рославльского драгунского п. с 1708 г. ?

А уж насколько петербургская бюрократия была тогда осведомлена в военной истории - свидетельствует следующий комический факт. В том же 1861 г., 16 октября, одно из главных столичных учреждений, отношением за № 40466 - обратилось в другое ведомство с просьбою указать: "где в настоящее время находится отряд ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКОВ, который в том же 1861 г. был расположен в ... лагере под Красным Селом...? Это "исходящее" отношение было подписано четырьмя старшими членами. Историческая неосведомленность ?... Или подписали не читая "исходящей"...? За 219 присутственных дней |с 1 января по 16 октября| было выпущено 40466 исходящих, то-есть по 185 в день... Прочесть их и вникнуть - дейчтвительно трудно...

ВЛАДИМИР фон-РИХТЕР.

СТАРИННАЯ ВОЕННАЯ ЧАРОЧКА.

Настала минута веселья хмельного
Где можно забыть обо всем,
Попросим же самого здесь молодого
Наполнить нам кубок вином.

Наш кубок старинный, ему уж два века
Он видел немало пиров,
В нем много купалось усов серебристых,
Во славу Российских полков.

Гостям дорогим, этот кубок подносим,
В нем только лишь капля вина
И вместе со всеми покорнейше просим
Тот кубок весь выпить до дна.

- о - о - о -

Воспоминания юнкера

Открыл я наугад страничку своих воспоминаний, быстро пробежал ее и решил поделиться моими переживаниями с любезными читателями "Военной Были". Заглядывая в далекое милое прошлое, мне кажется что все это было вчера. Можно ли сожалеть о радостях и горестях прошлого? Ушедшего в вечность ? Можно ли забыть юность ?

Сдавшему успешно "первоначалку", юнкеру младшего курса Елизаветградского Кавалерийского Училища разрешался отпуск в город. Начинались приготовления. Все должно быть безукоризненно: шинель - хорошо пригнана, аммуниция - первой свежести, белые перчатки - без одного пятнышка, сапоги и шашка - начищены. Но все же, в первый отпуск, юнкеру младшего курса попасть трудно и редко когда удается. Взводный или дежурный по эскадрону обязательно должен к чему нибудь придраться. Перед уходом, задаются вопросы из "первоначалки", проверка знания стоянок и форм кавалерийских полков, их нумерация и названия. Но и в том случае, когда все это хорошо усвоено, задаются вопросы, на которые ответить совершенно невозможно. После того как я, без запинки, ответил на все вопрося взводного, один из старших юнкеров спросил меня "а какие подпруги в Ахтырском полку ?" - я замялся и тотчас же был задан другой вопрос: " какого цвета глаза у жены командира 5-го эскадрона Сумского полка ? " Я снова не смог ответить на этот нелепый вопрос и мне было приказано раздеться и идти в город не разрешено.

Все это было трудно переносить до Рождества но, после праздничных каникул, "цуканье" ослабевало, мы становились опытными юнкерами и ближе сходились с "корнетами". Цукань совершенно прекращалось с выступлением Училища, в мае месяце, в лагетя, где старший и младший курс были почти равны.

Выступление в лагери, расположенные в трех верстах от Елизаветграда, на берегу реки Ингул, возле деревни Балашовки, встречалось юнкерами радостно. Жизнь в деревянных бараках, вблизи тенистой рощи, была куда приятнее эскадронной, казарменной. В лагере начинался период летних занятий: съемки, стрельба, взводные и эскадронные учения. Науки классного флигеля и не вспоминались. С утра, уходили с утра, с руководителями, нагруженные планшетами, вехами и треногами. Руководитель изводился от жары и небрежной работы юнкеров, относившихся к "горизонталкам" с пре-

небрежением. В особенности ворчал всегда генерального штаба полковник барон Майдель. Да и были к тому причины. Наберут юнкера из деревни мальчишек и научат их ходить сзади полковника и пищать хором: -дядя Майдель дай карандаш..." Однажды, после сделанного нам строгого внушения, полковник Майдель обернулся к обступившим нас мальчишкам и гаркнул: "вон отсюда." Мальчишки разбежались в разные стороны, разлетелись как вспугнутые воробьи, и еще громче, но уже издали, стали завывать: "дядя Майдель дай карандаш". Так полковник и оставил за собой юнкерскую кличку "Дядя Майдель".

Довелось мне принимать участие юнкером на Царском смотру в 1902 году, под Курском и на маневрах Киевского и Московского Военных Округов. Эскадрон юнкеров был в составе Южной Армии, при 10-й кавалерийской дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Бибиков, бывший Нижегородец. Юнкер Бороздич и я, почти все маневры, состояли ординарцами при Начальнике Дивизии. Однажды произошел интересный случай. Во время короткого завтрака, в поле, на котором присутствовал Государь Император, ни у кого не оказалось штопора, чтобы открыть бутылку. Бороздич и я, держа своих лошадей в поводу, находились неподалеку. К нам подошел штабной полковник и спросил - не имеем ли мы случайно штопора. К его удивлению, штопора оказались у обоих. Полковник расхохотался и, подойдя к группе, где находился Государь, громко сказал: "конечно, у юнкера всегда найдется штопор". Государь улыбнулся и все повернулись в нашу сторону. За штопор, мы получили по вкусной холодной котлете с хлебом.

За всякие провинности и озорства, кроме иных наказаний, существовал, так называемый, третий разряд. По этому поводу, мне вспоминается курьезный случай, имевший место, в бытность мою на старшем курсе. В моем эскадроне, в моем же 4-м взводе, было два юнкера: Лихачев и Румиевский Один без другого никогда не бывал, вместе они и выпивали, вместе и озорничали. Оба были в третьем разряде по поведению и считались начальством кандидатами "на вышибку". Юнкер Лихачев Петр был малого роста, толстый, с выпуклыми глазами и какой то юркой повадкой. Румиевский же обратно. длинный, худой, всегда сонный и вялый в движениях. Однажды юнкер Румиевский, лишенный городского отпуска из лагеря, потихоньку ушел в город и налетел там на командира эскадрона. Ротмистр Сабичевский шел со своей женой. Встреча была неожиданной и Румиевскому ничего не оставалось, как встать во фронт. Сабичевский отдал честь, удивленно посмотрел на Румиевского и не сказал ему ни слова. Румиевский тотчас взял извощика и помчался обратно в лагерь.

Об этом случае, он конечно, тотчас же разсказал своему приятелю - Лихачеву. Погоревали они ибо ясно поняли что Румиевскому грозит отчисление от Училища.

Вслед за Румиевским, прибыл в лагерь и командир эскадрона и приказал эскадрону построиться. Сабичевский поздоровался с юнкерами и затем вызвал юнкера Румиевского. К его несказанному удивлению, тот оказался в строю.

- Так сказать, - начал обычной фразой, командир эскадрона, - юнкер Румиевский, несмотря на то что вы состоите в III разряде,по поведению, сегодня я вас встретил в городе. Вы вышли из лагеря без разрешения, поэтому я подаю рапорт Начальнику Училища о вашем отчислении.

После этого, командир эскадрона прошел вдоль застывшего фронта и, указывая пальцем то на того то на другого юнкера, говорил:

- Вам постричься,.. Вам постричься... Вам постричься.

После этого, эскадрон был отпущен , командир уехал а два друга стали держать совет - что делать? и придумали.

Вечером юнкер Лихачев, тоже бывший без отпуска, оделся по форме и отправился в город прямо на квартиру эскадронного. Денщику приказал доложить что желает видеть командира эскадрона по весьма важному и неотложному делу. Он был принят и доложил что произошло недоразумение и в городе был он а не Румиевский. Командир эскадрона широко раскрыл глаза поверх темных очков и удивленно смотрел на Лихачева.

- Юнкер Лихачев - сказал Собичевский - я отлично знаю и вас и Румиевского и спутать вас никак не могу, хотя бы из за вашего роста.

Лихачев твердо стоял на своем. Командир нервно зашагал по комнате, не зная что ему предпринять. Наконец, остановившись перед Лихачевым, он положил руку ему на плечо и сказал.

- Конечно, все-это неправда и вы хотите вину друга взять на себя. В жизни все бывает и я ценю вашу дружбу. Скажите Румиевскому что рапорта на него я не подам и прощаю ему в последний раз его проступок.

До окончания нами училища, никогда, командир эскадрона не вспоминал об этом случае.

С.Т.

ИЗ НЕЗАБЫВАЕМОГО ПРОШЛОГО.

Высочайший смотр плавания Главной Гимнастическо-Фехтовальной Школы в Новом Петергофе, в 1913 году.

Раньше чем описать это событие, необходимо для ознакомления, сказать несколько слов о Главной Гимнастическо-Фехтовальной Школе. Она, в годичный срок, подготовляла, для Окружных Гимнастическо-Фехтовальных Школ, около 80 опытных офицеров, инструкторов по гимнастике, фехтованию и легкой атлетике. Для этого, из частей всех родов оружия, ежегодго командировались в свои Окружные Школы, на 4 месяца, лучшие строевые офицеры, интересующиеся этими видами спорта. Окончив Окружную Школу, офицеры возвращались в свои части, для преподавания; некоторые - лучшие оставались инструкторами в Окружных Школах, шле еще чувствовался недостаток в опытных руководителях, а I-2 или даже 3 самых выдающихся, отправлялись в Главную Гимнастическо-Фехтовальную Школу в Петербург, для высшего обучени по своей специальности. Окончив годичный курс, один или д два лучших гимнаста или бойца, оставались инструкторами в Главной Школе, для усиления ее кадров. Так, из моего выпуска остались - я, поручик 9 гусарского Киевского полка и прекрасный фехтовальщик и гимнаст Украинский гусар, поручик Фельдман, производивший в Петербурге фурор своим доломаном "цвета бедра испуганной нимфы", как определяли этот цвет лихие "корнеты" кавалерийских школ.

Личный состав Главной Школы состоял из I| офицеров постоянного состава: начальник Школы полковник Мордовин, подполковник Галкин, капитан Сарнавский, капитан Фок | известный герой доброволец Испанской войны, погибший на фронте| капитан Самойлов и штабс-капитан Гостев 2| из прикомандированных к Школе лучших гимнастов и фехтовальщиков, прошедших годичный курс. Таковых было, обычно, человек I0-I2 на них лежала главная инструкторская работа и они, действительно, по своей специальности, представляли отбор Русского спорта. Нельзя не упомянуть таких гимнастов как пор. Ватеркампф, кап. Фок, шт.кап. Яцковский, корнет Камбулин и другие, превосходных бойцов на саблях как поручики Шкилев и Фельдман, оба погибшие в войне I9I4-I7 гг, шт.кап. Сакирич |пал в Германии, в последней войне против большевиков|, тот же кап. Фок, кап. Самойлов, пор.Арсеньев и др. 3| из 60-80 офицеров, командированных в Школу на годичный срок из Окружных Школ, Военно-Учебных заведений и других частей, особо выдающихся по спорту и наконец 4| из видных иностранных спортсменов, приглашенных из за границы, для

общего руководства. Таковыми были чехи-гимнасты, замечательные сокола Эрбен и Вихра, итальянец-фехтовальщик Киаберри, личный друг знаменитого Барбазетти, школа которого на эспадронах была признана и принята всем миром. Лучшими интернациональными бойцами на эспадронах были венгры, у которых давно насаждали и развивали этот рыцарский спорт. Из Франции были Мишо и другой |забыл фамилию| по рапирам и шпагам, а также и Лустало с сыном Марселем. Отец - по рапирам и плаванию а, вместе с сыном, по боксу. Но, в военной среде, о боксе никто не хотел и говорить, да и в штатских кругах прививался очень трудно этот, как говорили тогда, "мордобойный" спорт.

Из этих нескольких слов видно, каким высоким, по качеству, персоналом, располагала Главная Школа и каких первоклассных и отборных руководителей спорта, она могла ежегодно поставлять в Окружные Школы. Если и можно было найти некоторое слабое место в Г.Г.Ф.Ш., так это только в неопытности наших прекрасных инструкторов в международных состязаниях. Но это было только потому, что наша Школа была еще слишком молода и, будучи перегружена занятиями, не могла найти свободного времени для международных состязаний. Первым и единственным таковым выступлением наших фехтовальщико - была Стокгольмская Олимпиада 1912 года. Но, несмотря на отсутствие опыта, наши национальные "мушкетеры" показали себя не очень плохо, Оказавшись позади Франции, Италии и Венгрии, они все же были впереди Англии, Германии, Бельгии Швеции и других. В смысле чистоты работы, высокого класса и дисциплины, они обращали на себя общее внимание, и их выход всегда сопровождался бурными аплодисментами.

Так деятельно и рационально, шли систематические занятия по программе, которая могла изменяться и дополняться в зависимости от развития и требований спорта. Главная цель Школы была - поднятие спорта в армии, через Окружные Школы где, кроме указанных, особенное внимание обращалось еще на футбол, на любовь к спорту, вообще, интерес и привычку к нему. Таким образом, с полным основанием можно было надеяться что чины Армии, по выходе в запас, заразят всю Россию спортивным духом и энергией. Предвиделось, что спортивные солдаты будут способны занимать в сельских школах, места преподавателей гимнастики, руководителей состязаний и подвижных игр.

После этого, краткого вступления, двумя-тремя словами, опишу нашу жизнь в Петергофе и, наконец, предмет настоящей статьи - Высочайший Смотр.

Летом 1913 года, как всегда, мы перешли, после замкнутых зимних занятий, в прекрасно оборудованных помещениях Павловского Военного Училища и вечерних тренировок в Инженерном Замке, в Новый Петергоф, на волю, на воздух, на лоно природы. Эта перемена для всех была большой радостью. Чувствовалась какая то живительная свобода, ширь - новое. Белыми ночами, всегда свободные от занятий, мы широко пользовались для удовлетворения нашей молодой, неизсякаемой энергии. В парке, ниже дворца, сплошь уставленном классическими скульптурами, с озерцами, водоапдами фонтанами, играл до 12 ночи Придворный Симфонический оркестр. Тут, под звуки чарующей музыки, можно было войти в соприкосновение с аборигенами заманчивого Петергофа, которые нам, как героям, нарушившим их будничную жизнь, с удовольсьвием открывали двери, а мы - широко этим пользовались. Все мы, холостые, приобрели себе велосипеды, для расширения полщади знакомства и сантиментальных прогулок вдвоем, хорошенькие же аборигенки запаслись ими давно, трепетно ожидая сказочный сезон, чтобы доверчиво броситься в объятия неведомой судьбы ...

Утром, свежими, бодрыми, полными энергии и мололой легкости, мы приступали к занятиям. Но вот, в одно прекрасное утро, вместо занятий со своими группами, мы были выстроены. Вышел полковник Мордовин и объявил что сегодня, в 11 часов, Государь будет смотреть плавание. Это особенно касалось меня и Лустало, ибо я, преподавал не только фехтование но, вместе с Лустало, и плавание.

Затронув свою специальность, не могу не воспользоваться случаем и не похвастать первыми вдохновляющими достижениями ранней молодости. Кончая Одесский кадетский корпус, в 1907 году, на состязаниях по фехтованию на рапирах, которое капитан Трубников поставил ве ликолепно, я взял первый приз, мой брат - второй а болгарин Георгиев - - третий. Через два года, при выпуске из Николаевского Кавалерийского Училища, я взял первый приз на эспадронах, вахмистр сотни Зборовский - второй и вахмитср эскадрона Крейтер - третий. Что же касается плавания, то я не помню времени, когда не умел свободно держаться на воде, видно это было до пяти-летнего возраста. Вплоть до знакомства с Лустало, я, сам, по собственному побуждению, все время, улучшал класс своего плавания, поставив себе главные принципы: - все усилия, при плавании, должны употребляться только для продвижения но отнюдь не для поддержания тела на плаву [вода сама поддерживает достаточно], - тело всегда должно принимать положение наименьшей сопротивлянмости воде и позы - наиболее естественные, неутомляющие. Все движения должны быть плавными, но короткими и

сильными для продвижения и лениными и медленными для подготовительных движений.X|

Итак, полковник Мордовин вскоре заседал на небольшом собрании, составляя программу смотра. Было решено устроить состязания по каждому способу плавания, признанному мировыми конгрессами: ля брасс | по лягушечьи |, стрюджен |саженки но с коренными практическими изменениями| и оверармстронгс | на боку но тоже несколько измененный|, сыграть в ватер-поло, показать спасение утопающего, проделат прыжки в воду, обыкновенные и фигурные и, наконец, мой номер, который заключался в раздевании в воде, после чего оставшись в купальном трико,я должен был показать все три вышеуказанные рода плавания а так же и на спине. XX|

На первой части смотра останавливаться не буду. Она п прошла гладко и интересно. Перейду к описанию своего номера, оказавшегося эффектным и захватывающим.

X| Я, с юных лет не взлюбил наше знаменитое плавание красивыми "саженками" гд корпус гордо поддерживается над водой, почти до самых подмышек а, напряженно витянутая рука, для покорения сердец и пущей важности, нарочито четко хлопала по воде. Я видел всю несуразность и варварскую расточительность сил при этом, галантно-показном, плавании. Гордо проплые 30-40 метров, делалось необходимым остановиться, чтобы, опустившись в воду до самого подбородка, отдохнуть и перевести дух...

XX| Должно заметить что "кроуль", так теперь распространенный, тогда только начинал входить в моду. В виду своей утомительности, он не применялся на дистанции больше 60-- 100 метров, а потому, им пренебрегали, даже не показывали. Теперь "кролем" плавают на все дистанции но, на больших - "кроуль" принял все особенности "стрюдженса" и совершенно непонятно почему все же, почти все называют его "кроуль" а не "стрюджен" - его коренное название.

| окончание следует |

М.Э.ГЕОРГИЦ.

Голая Пристань

|Последний бой лейб-гренадер 7 октября 1920 |

Славься древний, боевой
Славься лаврами покрытый
Славься полк наш родной...

Голая Пристань - большое село, почти местечко на левом берегу Днепра, ниже Херсона и Алешек. Почти сразу, ниже, начинается Днепровский лиман с Очаковым на правом берегу и песчанной Кинбурнской косой, на которой дрался когда то с турками полковник Александр Васильевич Суворов.

Гражданская война не легко прокатилась огненной волной по этим привольным местам. Два раза, летом девятнадцатого и летом и осенью двадцатого годов, нижний Днепр представлял из себя месяцами линию фронта. Разрывы снарядов и пулеметные очереди стали, для днепровских рыбаков и виноградарей, привычными звуками, почти также как кваканье лягушек в плавнях, а солдаты, пушки и пулеметы не развлекали больше босоногих мальчишек.

Участок считался стратегически второстепенным. В девятнадцатом году, войска Слащева | 4 дивизия| перешли Днепр без боя, в результате отхода красных, вызванного общим наступлением белых в Малороссии и в частности угрозой их тылам, перешедшими Днепр у Екатеринослава, группами Шкуро и Виноградова. В двадцатом году, все внимание привлекал Каховский тет-де-пон красных. Ниже Каховки, Днепр расширялся, терялся в болотистых плавнях. Мостов не существовало и каждая верста, вниз по Днепру, отдаляла красных от Крымского перешейка.

Таким образом, главные силы Второй Армии генерала Витковского были сосредоточены полукругом у Каховки, имея задачей овладеть тэт-де-поном или, во всяком случае, его нейтрализовать. Для охраны нижнего течения Днепра, от Каховки до Кинбурнской косы, был выделен, с начала сентября Гвардейский Отряд полковника Эссена, недавно развернутый из Гвардейского батальона при I36 пехотном Тагарогском п. Существовавшая в девятнадцатом году, Сводно-Гвардейская дивизия была интернирована в феврале месяце в Польше, в составе войск генерала Бредова. Из вернувшихся из Польши офицеров и солдат этой дивизии и быр развернут Гвардейский батальон полковника Эссена.

Целая группа офицеров лейб-гвардии Гренадерского п. во главе с полковником Лукошковым находилась в Крыму или попала через Одессу в Югославию и оттуда вернулась в Крым Получив несколько десятков пленных красноармейцев, полковник Лукошков начал формировать на уединенном хуторе, недалеко от Чаплинки, "свой" гренадерский батальон. Правой рукой его был горячий, отважный и неутомимый полковник Вачнадзе, истый "патриот" своего полка. Солдаты были молодые, необученные или плохо обученные, по новому совет скому уставу. Не было ни шинелей, ни белья. "Советские" ботинки чинились телефонным проводом. Не было ни манерок, ни лопат, ни подсумков. Винтовки были скверные, уже совет ского производства, из плохо закаленной стали. Не было ни одного пулемета. Спали солдаты, зарываясь от утреннего хо лода, в сено, так как конечно никаких одеял в лейб-гренадерском батальоне не существовало.

Тем не менее, за три недели пребывания на хуторе, полковнику Вачнадзе удалось, путем непрестанных занятий и муштровки, превратить девятнадцатилетних крестьянских мальчиков в довольно приличных солдат. Погоны нашили из красной подушки выменeнной у хуторянки на фильдекосовые кальсоны одного из офицеров, кокарды нарисовали химическим карандашом. Единственного среди пленных, старого царского унтер-офицера возстановили в звании. Монахов - так его звали - оказался настоящим кладом и полковнику Вачнадзе не раз при ходилось сдерживать его унтер-офицерский пыл.

Когда л.гв.Гренадерская рота была отправлена для несения гарнизонной службы в Армянск, она, или скорее он, т.к. в мыслях Лукошкова и Вачнадзе, существовал л.гв.Гренадерский батальон, представлял из себя стройную и даже однообразно одетую воинскую часть.

Недели три батальон простоял в Армянске, расположившись в брошенном доме с большим двором, на котором продолжались интенсивные занятия... Гарнизонная служба заключалась в охране главной гауптвахты Второй Армии | тогда еще Второго Армейского корпуса|. Здесь лейб-гренадеры получили свой первый пулемет |Кольт| и здесь же встретили колонны "Бредовцев" в том числе и лейб-гренадер, что позволило пополнить, наконец, унтер-офицерский состав батальона. Удалось достать не много белья и чернильные кокарду были заменены настоящими. Одновременно, Гвардейский батальон выходил из состава Таган рогского полка и разворачивался в Сводно-гвардейский полк четырех-батальонного состава, в котором лейб-гренадеры продолжали числиться ротой.

Сводно-Гвардейский полк был сосредоточен в селе Чаплинка, к северу от Перекопа, где получил на вооружение английские десяти-зарядные винтовки и пулеметы. Выходя из Чаплинки в Белоцерковку, ближе к Днепру и фронту, полк представлял из себя уже сильную боевую единицу в 1200 штыков, при большом количестве тяжелых пулеметов. Полковник Лукошков принял в командование второй батальон, передав непосредственное командование Гренадерской ротой - полковнику Вачнадзе.

Командующий, только что сформированной, Второй армией генерал-лейтенант Витковский принял, в Белоцерковке, парад Сводно-Гвардейского полка. Парад рошел блестяще и бывшие красноармейцы Троцкого держали винтовку и "печатали" не хуже "бредовцев". Уже на этом параде, лейб-гренадеры были в двух-ротном составе, что привело к тому что во втором батальоне оказалось пять рот. Первую из них, генерал Витковский принял за роту Московского полка, из за кадетской фуражки взводного унтер-офицера, шедшего на правом фланге второй шеренги. На приветствие генерала - "спасибо Московцы... рота ответила гробовым молчанием. Последний рядовой из Костромской или Ярославской губернии давно знал что он - лейб-гренадер. Немного растерявшийся Витковский, не дождался прохода второй роты | полк шел взводными колоннами | и поблагодарил гренадер между прохождением поаледнего взвода первой роты и первого - второй. Обе роты дружно и одновременно ему ответили. Кадету досталось от Вачнадзе но он продолжал с гордостью носить свою фуражку с красным околышем.

Сразу же после Белоцерковсеого парада, Сводно-Гвардейский полк, переименованный в Гвардейский Отряд, начал занимать линию Днепра, ниже Каховского тэт-де-пона. Второй батальон полковеика Лукошкова оказался на самом левом фланге боевого расположения белого фронта, с центром в Алешках, чуть ниже Херсона, занятого, как и весь правый берег Днепра красными. Левее его, в сторону Кинбурнской косы и Прогнойска, действовали крестянские партизанские отряды, охранявшие Днепровский лиман. Партизаны были очень ценными сотрудниками, не столько по своим боевым качествам, не очень высоким, ввиду отсутствия дисциплины, как из за связей, которые они поддерживали с правым берегом.

На боевом участке второго батальона, лейб-гренадеры держали левый фланг, занимая своими полутораста штыками двадцат верст берега от Кардашинки до Збурьевки, с центром в Голой Пристани. К этому времени, батальон имел уже четыре тяжелых пулемета и один Льюис. Командовал батальоном все тот же неутомимый полковник Вачнадзе, адьютант - капитан Татиев, на-

чальник Пулеметной команды - капитан Катарский. На главной площади Голой Пристани, перед Собором с высокой, изуродованной красными снарядами, колокольней, находился главный пост лейб-гренадер, с постоянным пулеметом и отделением пехоты. Пулемет был установлен на изгиб реки, отходящей, почти под прямым углом, к Херсону. Левее большой остров, отделенный полуверстой воды, был "ничьей землей" и представлял из себя спортивное поле для разведчиков и внезапных набегов.

Две ночи из трех, люди находились в патрулях и заставах, в Днепровских камышах. Красная артиллерия безостановочно долбила редкими и, чаще всего неразрывавшимися снарядами по местечку, вздымая пыль на широких, с Невский проспект, улицах. Уже давно ни солдаты, ни рыбаки, ни мещане не обращали на них никакого внимания. Спать ложились на всякий случай, к дальней стенке... авось разорвется раньше, в первой комнате. Иногда все же кого-нибудь убивало...

Подходила осень. Попрежнему не было шинелей. На батальон прислали одни единственные английские кавалерийские рейтузы. По общему решению офицеров, их отдали кадету, виновнику белоцерковского скандала. Вопрос с шинелями разрешили совершенно неожиданно, реквизировав коричневые больничные халаты сумасшедшего дома в Алешках. С красными погонами и белыми |конечно матерчатыми| поясами получилось даже красиво.

Лейб-гренадеры имели уже свой собственный запасный батальон, в селе Колончак, пополнявшийся все теми же военнопленными красноармейцами, увы полураздетыми и разутыми, нашими боевыми частями в момент сдачи. Опустевшие давно интендантские склады высылали от времени до времени пару рейтуз или сапог, на батальон, и армия волей-неволей принуждена была одеваться за счет пленных. К осени, этот процесс конечно усилился и| так как военнопленные давно уже стали главным источником пополнения редеющих рядов Русско Армии - положение становилось безвыходным. Так, например, на полтораста солдат двух боевых рот, пулеметной команды, команды разведчиков, штаба батальона и т.п., в Голой Пристани находилось более двухсот босых и раздетых солдат Запасного батальона.

В конце сентября, общее положение стало угрожающим. Перемирие на польско-советском фронте позволило красному командованию перебросить на южный фронт Первую Конную армию Буденного и несколько стрелковых дивизий. Эшелоны

первой конной уже разгружались в районе Знаменки и Кри-
вого Рога.

Белое командование решилось на, так называемую "за-
днепровскую" операцию. Исключительно смелая, по своему
замыслу, в случае успеха, она должна была открыть Рус-
ской Армии всю Новороссию между Днепром и Бессарабией.
Перешедшая Днепр, юго-западнее Александровска, конная
группа генералов Шифнер-Маркевича и Бабиева | I и -2 ка-
валерийские и Кубанская казачья дивизии |, поддержанная и
прикрытая Корниловской дивизией и 6 пехотной | Сводно-
Гренадерский, Самурский и Алексеевский полки | должна бы-
ла вклиниться в расположение красных, помешать сосредото
чению конной армии Буденного, стараясь разбить ее по част
тям, и, повернувшись круто к юго-западу, срезать весь пра
вый фланг красных, опиравшийся на Каховский тэт-де-пон.

Операция завершилась кровавой неудачей. Конная группа
Шифнер-Маркевича встретила в 80 верстах от Днепра, не пе-
редовые части Буденного, но всю Конную Армию, в двенад-
цать тысяч сабель, которым она могла противопоставить тол
ко четыре с половиной. Доблестный Бабиев был убит. Под-
тянутые к мету переправы, шесть стрелковых бригад красных
| 18 полков | обрушились на Корниловцев и пехоту Скалона
| 6 полков |. Понеся огромные потери, конница и корниловц
цы перешли на левый берег Днепра а шестая дивизия, почти
полностью, легла, защищая переправы.

Наступал двенадцатый час Русской трагедии.
Выйдя из Каховского тэт-де-пона, красные потеснили слабые
части Второй армии и 3 октября вся линия Днепра была ос-
тавлена. Лейб-гренадеры отошли, без давления, к востоку
по Перекопскому шоссе, исполняя общий план отхода. Но уже
5-го отступающие части были остановлены и 6-го сами переш
ли в наступление к Днепру. Троцкий и Фрунзе рано торжест-
вовали. Удар от Каховки должен был быть смертельным для
белых. Он таким и оказался но только через три недели за
которые еще много крови пролилось на дымных полях Север-
ной Таврии. На этот раз нашим частям удалось не только ос
тановить красных, взяв около 6000 пленных но на плечах от
ступающих ворваться в Каховку. Однако, несмотря на поддер
жку танков и конницы, удержать Каховку не удалось. Тем не
менее, линия Днепра занималась снова. Предстояло сбросить
в реку и уничтожить, перешедшие на левый берег, части кра
ных. Гвардейский Отряд блестяще справился с этой задачей,
а лейб-Гренадерам выпал завидный жребий одержать послед-
нюю победу, истекающей кровью, маленькой но героической
армии.

| Окончание следует | Е.ЯКОНОВСКИЙ.

КАЗАБЛАНКА - 26 апреля, в Свято-Троицкой церкви, в лагере Бурназель, Обще-Кадетским Объединением была отслужена панихида по умершем кадете I Московского Корпуса генерального штаба генерал-лейтенанте Сергее Дмитриевиче ПРОХОРОВЕ.

СИДНЕЙ - 25 мая в городе Норвуд убит налетевшим автомобилем член нашего Объединения и сотрудни "Военной Были" полковник Николай Николаевич ДОННЕР. Ушел из жизни один из последних воспитателей Первого Кадетского Корпуса, человек исключительной доброты и сердечности. В благодарных кадетских сердцах память о нем не угаснет. Панихида О.К.О. будет отслужена, как всегда, у нашей Неугасимой Лампады. Редакция журнала "Военная Быль" и группа его воспитанников по Первому Кадетскому Корпусу помолятся о нем на панихиде, в воскресенье 28 июня, после литургии, в Знаменской Церкви города Парижа.

ПАРИЖ - Редакцией получен экземпляр американского журнала "МЕДАЛ КОЛЛЕКТОР", с перепечатанной в нем из № 3 "ВОЕННОЙ БЫЛИ" статьей В.Г.фон-Рихтера "Кульмский Крест", в переводе С.Г.Ясиницкого. Тот же номер журнала помещает портрет и биографию нашего сотрудника кадета 2-го Кадетского корпуса В.Г. фон-Рихтера и извещает о его избрании Почетным Членом американского общества ОМСА
Редакция "ВОЕННОЙ БЫЛИ" и все члены Обще-Кадетского Объединения от души поздравляют дорогого Владимира Гвидовича и шлют ему сердечный товарищеский привет.

ТОРОНТО - 12 апреля Обще-Кадетское Объединение в Канаде устроило Пасхальную встречу, на которой присутствовала Великая Княгиня Ольга Александровна с сыном Тихоном Николаевичем Куликовским и Княжна Ирина Андреевна. Кроме кадет, с семьями было много приглашенных членов местной Русской колонии. Вся встреча прошла в очень сердечной и семейной обстановке. Были выступления молодежи |декламация и танцы| а также чтение веселых разсказов из журнала "КАДЕТЫ".
Обще-Кадетское Объединение полагает что эта чашка чая послужит началом дальнейшим встречам и объединению всех воинских и национальных Русских организаций.

ПАРИЖ - Адрес, поднесенный по случаю 250-летия основания СПБ передан, Председателем Объединения 2-го Кадетского Императора Петра Великого корпуса - Председателю Обще-Кадетского Объединения, для хранения в музее Объединения.

ПАРИЖ - 18 апреля, в дружной и веселой обстановке прошла ежегодная Пасхальная встреча Обще-Кадетского Объединения. Малый зал Консерватории был наполнен до предела кадетами, их семьями и друзьями. Лотерея в пользу Отдела Кадетской Помощи, прошла с большим успехом и дала свыше 17000 фран. Отметим что кадет, выигравший картину Великой Княгини Ольги Александровны, тотчас же передал ее для хранения в Музей Объединения.

ПАРИЖ - 16 мая, в небольшом зале Эколь Бремантье, редакцией журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" был устроен первый концерт, для усиления фонда Издательства. Известная Русская певица Антонина Кондратьевна АНТОНОВИЧ любезно взяла на себя функции Хозяйки вечера и украсила концерт своим участием. Артистки госпожи БРИССОН, ДЕМАЗЮР, КУЗЬМИЧЕВА, МАЕВСКАЯ и артисты господа БАРЛИ, ЛЕБЕДЕВ и КРИПОВ содействовали блестящему успеху концерта. Кадетский буфет во главе с всегда неутомимыми кадетскими дамами В.В.РУССАКОВИЧ и Н.А.ШИРОВОЙ работал на славу. Всем пошедшим нам на встречу, как участникам вечера так и посетившим гостям, редакция шлет свою глубокую благодарность.

РОЗЫСКИ: - Редакция "ВОЕННОЙ БЫЛИ" получила адреса кадет Румянцева и Мастмахера фон-Буде. Кадет Борис Спешнев скончался в Америке в 1944 году.
Разыскиваются кадеты: Ярославского корпуса Аркадий ЛЮТИНСКИЙ и Югославского - Владимир БАБУШКИН.
Кадет-Владикавказцев просят писать Владимиру ГОЛЬДМАНУ |9 выпуска|. Адрес имеется в редакции.

- - - - - - - - - - - - - - -

В Париже только что закончилась выставка в память 250-летия основания С.-Петербурга, устроенная четырьмя Русскими юношескими организациями. Мы, с великой радостью, отмечаем это важное событие Русской жизни за границей. Редко, в эмиграции, удается на чем-нибудь объединиться и, особенно, организациям, в общем конкурирующим друг с другом. А тут, дружно и с вдохновением поработала Русская молодежь и показала нам что великое прошлое нашей Родины олицетворением которого является Санкт-Петербург - для нее не пустой звук.

Мы приветствуем организаторов, детей, юношей и девушек, всех потрудившихся в этом деле и хотим высказать надежду что это первое, столь успешное выступление Русских юношеских организаций, явится толчком к дальнейшей дружной и совместной работе.

- - - - - - - - - - - - - - -

ЖУРНАЛ " ВОЕННАЯ БЫЛЬ " можно получать:

ПАРИЖ - у Председателя Обще-Кадетского Объединения
А.А.Геринг - 59, авеню де Терн Париж

у Секретаря Кадетского Издательства А.П.Руссакович
25, рю де Ванв Булонь

у Хозяина Кадетского Собрания Г.М.Аустрин
65, рю Микель Анж Париж XVI

в Русских книжных магазинах.

ЛОНДОН - в Русском Книжном Магазине Барачевского
26, Tottenham Street. London W I

БРЮССЕЛЬ - у Представителя на Бельгию Б.П.Мижевского
69, рю де Парм Брюссель

МЮНХЕН - у Представителя на Германию А.Н.Михель
Mechtildenstr. 40 . München 38

ТУНИС - у Представителя на Тунизию Н.Ф.Гаттенбергер
Бульвар де Фландр Мегрин Тунис

ЕГИПЕТ - у Представителя на Египет А.Л.Маркова
57, rue Heliopolis Ibrahimieh. Alexandrie

С.АМЕРИКА - у Представителя В.И.Третьякова
69, Main Stre t. Nyack (N.Y.) U.S.A.

БРАЗИЛИЯ - у Представителя на Бразилию С.В.Голубинцева
299, rua Brasilio Machado app 6,A. Sao-Paulo

АВСТРАЛИЯ - а| СИДНЕЙ у Представителя В.А.Петрушевского
FL. 2, 23 Longueville Rd. Lane Cove N.S.W.

б| АДЕЛАЙДА у Представителя Н.Н.Доннера 52,Георг стрит Норвуд Южная Австралия

КАНАДА - у Представителя на Канаду А.С.Орлова
94, Конкорд Авеню Торонто |Онтарио| Канада

-о-о-о-о-

Издание Обще-Кадетского Объединения.

Редактор Алексей ГЕРИНГ.

№ 7

ОКТЯБРЬ 1953 г.

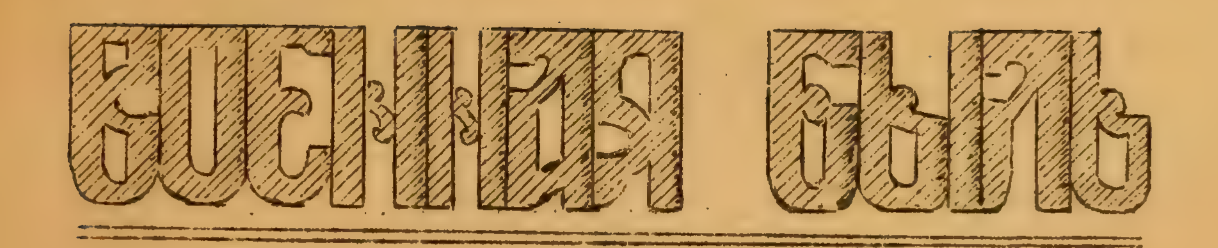
ГОД ИЗДАНИЯ 2-Й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

все твердо знаем что наш журнал, наша
является нашим идейным знаменем. Само е
интерес, проявляемый к нему Русским оф
ми показывает что, беря на себя хранени
ому поколению наших кадетских воинских т
забыли что основа этих, выработанных пок
отцов и дедов, традиций лежит в национал
е, в духовном служении Российской Госуд
высоком труде на хранение и построение н
ьной Культуры.

ключая сотрудников, представителей и соста
тельства, свыше 45 кадет, офицеров заняты
ой работой по журналу. Достижение которым
ы гордиться. 45 бывших военных, не на сл
продолжают славную тради

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ



№ 7 ОКТЯБРЬ 1953 ГОДА ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

О Т   Р Е Д А К Ц И И .

Близится конец второго года существования "ВОЕННОЙ БЫЛИ". Успех журнала налицо. Он сумел собрать вокруг себя свыше тридцати сотрудников, кадет и не-кадет. В одиннадцати странах нашего разсеяния, Представители журнала энергично борятся за его существование и всеми, доступными им способами пекутся о его распространении.

Мы все твердо знаем что наш журнал, наша "ВОЕННАЯ БЫЛЬ" является нашим идейным знаменем. Само его существование, интерес, проявляемый к нему Русским офицерами и калетами показывает что, беря на себя хранение и передачу новому поколению наших кадетских воинских традиций, мы не забыли что основа этих, выработанных поколениями наших отцов и дедов, традиций лежит в национальной дисциплине, в духовном служении Российской Государственности, в высоком труде на хранение и построение нашей Национальной Культуры.

Включая сотрудников, представителей и состав редакции и издательства, свыше 45 кадет, офицеров заняты непосредственной работой по журналу. Достижение которым мы можем и должны гордиться. 45 бывших военных, не на словах а прямым делом продолжают славную традицию, идущую от офицера - Державина и кадета - Сумарокова, традицию, по которой Российское военное сословие всегда принимало деятельное участие в создании нашей Национальной Культуры.

Настало время перейти к следующему этапу нашей работы, то-есть перевести журнал на типографский шрифт. Согласно составленной смете, это вполне осуществимо. Редакция обращается к читателям и подписчикам с просьбой в течение ближайшего месяца расчитаться с Представителями за полученные номера и тогда, с Божьей Помощью, Рождественский номер "ВОЕННОЙ БЫЛИ" будет отпечатан типографским способом.

РЕДАКЦИЯ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ I

ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА.3

СКОРБНАЯ СТРАНИЦА 8

ЦВЕТОК НА МОГИЛУ - М.Вельская 9

ПЕРВЫЕ ДНИ В "СЛАВНОЙ ШКОЛЕ" - Анатолий Марков.. II

БАЛ - Николай Туроверов I6

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСКУПЛЕНИЯХ |оконч.| - Н.М....... I7

КОШКА-МЫШКА |окончание| - М.фон-Кубе 2I

ИЗ НЕЗАБЫВАЕМОГО ПРОШЛОГО |оконч.| - М.Ф.Георгиц 30

ГОЛАЯ ПРИСТАНЬ |оконч.| - Е.Яконовский 35

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГРЕНАДЕР - П.Сушильников 39

ЕЩЕ О КУЛЬМСКОМ КРЕСТЕ - Владимир фон-Рихтер ... 4I

ЗАМЕТКИ МЕДАЛИСТА - В.Р. 44

ВОЕННЫЕ МЕЛОЧИ 45

КАДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ 47

- - - - - - - - - - - -

ИЗДАНИЕ О Б Щ Е - К А Д Е Т С К О Г О ОБЪЕДИНЕНИЯ

под редакцией Алексея Геринг.

Город Париж 1953 год - 2-й год издания.

Письма Великого Князя Константина Константиновича

| продолжение |

1902 год.

6 января.

... еду в Ярославль и себя не помню от радости, так мне туда хотелось. Очень нужно взглянуть на 7-й класс, впервые там открывшийся. Это будет первый выпуск из молодого корпуса, так важно, чтобы он сразу занял положение, какое приличествует старшему классу. Он должен задать тон своему заведению на много лет вперед.

9 февраля

... у меня все разные заседания, съехалось несколько провинциальных директоров и, пользуясь их присутствием, я обсуждаю различные воспитательные вопросы в Педагогическом комитете.

16 апреля

... утром съездил в оба училища - Павловское и Николаевское кавалерийское, а также в Николаевский корпус, проведать молодежь, не разъехавшуюся на праздники и похристосоваться. Больным в лазаретах отвез и яички.

17 июня

... не считая двух деловых, написанных вчера, писем - очен неприятных - надо было предложить директорам двух кадетски корпусов подать в отставку, вследствие нестроений в их заведениях.

17 октября

... новые здания корпусов в Сумах и Одессе удались на славу ими положительно можно гордиться... очень хорошо было мне в Полтаве... в В Вильне, Чугуеве и Елизаветграде я оставался в в вагоне, а в прочих местах устраивался на жительство в корпусах.

8 ноября

... 18-го собираюсь ехать в Варшаву, а оттуда надеюсь пробраться в Воронеж, Полоцк и Псков, с таким расчетом, чтобы быть дома 11 декабря, перед самым юбилеем Пажеского корпуса.

15 ноября
... был с докладом у военного министра. Это был первый доклад после моей болезни - все обошлось чрезвычайно благополучно.

24 ноября
... В Пскове меня ждали. Не удалось нагрянуть внезапно. Директором в корпусе только с весны полковник Шильдер, бывший Семеновец, воспитатель покойного Алексея Михайловича и потом инспектор Лицея, прелестный человек и педагог - воплощенная порядочность. Мы особенно хорошо узнали его в прошлую зиму, когда на время пригласили его к Иоанчику, который сильно к нему привязался. Прожил сутки в корпусе, помещаясь в заразном лазарете. По обыкновению, очень скоро опознал довольно много кадет.

22 декабря
... я мог объездить намеченные корпуса: Михайловский Воронежский, Орловский Бахтина, Полоцкий и Псковский. После пребывания в Варшаве, вернулся домой... В Воронеж прибыл я в самый Георгиевский Праздник, прямо к церковному параду в корпусе. Прожил там четыре дня в лазарете и вынес самые отрадные воспоминания. Там новый директор, милейший человек. Дело у него идет лихо. В Орле прожил три дня и там новый директор, Лобачевский, угрюмый и суровый на вид, но сильный, строгий но добрейший человек и у него сразу все пошло прекрасно... В Полоцком корпусе отпраздновал Николин день - их корпусный праздник. По пути домой, пробыл еще два дня в Псковском корпусе.

1903 год.

4 января
... поздно вечером поехал в Михайловское Артиллерийское училище на благотворительный бал и только для того чтобы иметь редкий случай повидать бывших своих питомцев на свободе, без начальства...

4 февраля
... я решил сказать военному министру, что мой помощник Кононович-Горбацкий мне не по душе и не внушает мне доверия. Куропаткин показал мне кандидатский список командиров армейских корпусов, в котором имя Кононовича стояло одним из первых и, следовательно, очень скоро могла выйти и для него очередь. И действительно, в понедельник Куропаткин послал за Кононовичем, который прямо от него приехал ко мне доложить, что ему предложен 29 армейский корпус в Киевском округе. Он спросил меня, как ему быть, принимать ли ему предложение или же я предпочитаю оставить его по

прежнему при себе помощником ? Надо было быть откровенным Скрепя сердце, внутренно помолившись и собравшись с духом я сказал ему, что, хотя за эти три года между нами не случилось не только ни одного столкновения, но и простого недоразумения, я, тем не менее с ним не сблизился и что те, правда хорошие, но чисто деловые служебные отношения, которые установились между нами в 1900 году, сохраняются и поныне, нимало не изменившись и не перейдя в дружбу или по крайней мере в некоторую близость. Поэтому, сказал я ему - лучше идти в строй. Через два дня | в четверг | я доложил военному министру, что выбрал преемника Кононовичу директора Донского корпуса генерал-майора К.Н.Анчутина. Военный министр обрадовался моему выбору, так как юнкером Павловского го училища был учеником Анчутина. Через два дня, в субботу, уже состоялось Высочайшее повеление о новом назначении и это дело теперь решено.

23 февраля
... В среду состоялось переименование Александровского кадетского корпуса в Императора Александра II кадетский корпус. Я там был на обеде и завтраке.

26 февраля
... иду проверять пажей, стоящих в караулe в Зимнем. Я уже многих проверял днем | теперь 10 вечера | и надо признаться что Павлоны видимо приготовились к исполнению своих обязанностей много вдумчивее и добросовестнее.

23 марта
... выехали мы вчера 19, а на другой день, часа в четыре дня, были на месте, в Ярославском корпусе. Корпус молодой, осенью он дал первый выпуск в военные училища. Там директор молодой | на два года моложе меня | добрый, очень толковый и деятельный, работающий в моем духе, почему я его очень ценю.

2 июня
... с новым помощником у меня вдвое убавилось дел по военно-учебным заведениям, должно быть он меня бережет и посылает меньше бумаг. В город, на прием в Главное Управление, езжу дважды в неделю.

29 сентября
... у меня собирается дисциплинарный комитет Николаевского кавалерийского училища по поводу слухов, к сожалению, лишь слишком правдоподобных о притеснении младшего курса - старшим. За последнее время эти слухи очень усилились. Сегодня поговорим, а через несколько дней поеду в училище и, в торжественной обстановке, скажу юнкерам, в присутствии началь-

стга, строгую речь.

22 декабря
... поехал с Драшковским и Риттихом в Вильну. Все 16-е провел в тамошнем юнкерском училище, а 17 был в Пскове и прожил в кадетском корпусе до 19-го

1904 год.

25 января
... в Ярославле оставался, живя в корпусе, с 15-го по 18-е и был вполне счастлив. Там прекрасный директор и дело идет у него славно.

8 марта
...3-го, я с Драшковским уезжал в Казань. По пути туда, я получил известие о внезапной смерти Начальника Казанского училища... я прямо, не заезжая в Казань, махнул в Симбирск и пробыл там с вечера 4 марта по вчерашний полдень.

12 марта
... в Нижегородском корпусе очень уютно и укромно, дело теперь идет хорошо, начальство отзывается о кадетах лестно, а кадеты любят начальство.

25 апреля
... 19-го вечером я поехал в Тверь и провел там все 20 и 21 апреля, в юнкерском училище. Уже в декабре, я вынес оттуда очень отрадное воспоминание.

3 мая
... в училищах и корпусах идут экзамены, я туда езжу по возможности...

11 мая
... Николаевское кавалерийское и Павловское училища примут участие в церковном параде в Троицу, на Измайловском празднике, чтобы дать и им возможность представиться Государю. Их праздники 9 И 21 мая, следующие, ближайшие к Измайловскому. Это я придумал и парад имел успех. Доныне Николаевское и Павловское училища никогда не являлись на церковных парадах, в Высочайшем присутствии, а ведь Павловское училище имеет счастье считать Государя - шефом. Я и придумал выпросить, чтобы училища присоединить к полкам, праздники которых бывают незадолго до или вскоре после училищных праздников. Кавалерийское училище с будущего года будет представляться с синими кирасирами - их празд-

ник 9 мая. В нынешний год, на это, Государь не согласился, так как кирасиры праздновали не обыкновенный праздник а 200-летний юбилей.

2 июня
... 28 и 29 мая я провел в Пскове на экзаменах и радовался за моих кадет-псковичей.

10 июня
... побывал в Киеве, я там еще ни разу не видал военного училища в лагере и меня тянуло туда.

20 декабря
... я, как тебе известно, провел три отрадных дня в Псковском корпусе. Там дело поставлено прочно, начальство и кадеты живут весело и дружно. Умилялся на исправляющихся неудачников.

1905 год.

4 января
... пишу одну работу - приказ по моим заведениям с указанием на все замеченное при последнем объезде некоторых корпусов...

25 января
... только сегодня вернулся из поездки. 20-го поехал в милый Полоцкий корпус, провел там четыре славных дня, а вчера был в Вильне, где есть юнкерское училище.

2 марта
... просьбы исполнить не могу: в Тверском училище, за множеством желающих поступить, не приняли немалое число и таких, у которых все хорошие баллы; как же принять Скалозского, не выдержавшего экзамена по одному предмету, хотя бы и внука Севастопольца.

18 апреля
... в Пажеском корпусе фельдфебель, Государев паж Верховский позволил себе смелые и неосмотрительные слова | но отнюдь не преступные | среди товарищей, которые его не поняли. Пошли слухи, сильно преувеличенные, разсказывали невесть какие небылицы, будто бы он изготовлял бомбы и был посажен в крепость. Верховского однако удалили из корпуса и он уезжает вольноопределяющимся на войну.

| продолжение следует |

Великий Князь Константин Константинович.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ДОННЕР.

Семья бывших воспитанников Российских кадетских корпусов, с глубоким прискорбием сообщает о преждевременной кончине |25 мая| их Почетного Председателя Николая Николаевича Доннер, последовавшей после банального уличного несчастного случая. Николай Николаевич был опрокинут и смертельно поражен на остановке трамвая, пролетевшим и скрывшимся за ближайшим поворотом автомобилем.

По окончании Николаевского Инженерного Училища, Николай Николаевич, 55 лет тому назад был произведен в первый офицерский чин, с назначением в саперные войска. Но не долго оставался в строю покойный. Его призванием была педагогическая деятельность. Начал он ее в Первом Кадетском Корпусе, где и пробыл много лет; впоследствие он прошел через другие корпуса, как в России, так и на чужбине.

Широко образованный, кристально честный, высоко моральный, глубоко религиозный и беззаветный патриот, Николай Николаевич, не жалея времени и здоровья, старался передать все эти качества подрастающему поколению. Последние годы, уже на чужбине, несмотря на все житейские трудности, покойный до последнего дня своей плодотворной жизни оставался молод сердцем и все свое время продолжал посвящать юношеству. Здесь, в Аделаиде, Николай Николаевич вложил всю свою энергию и душу в Кружок Русской Молодежи. Не было ни одного крупного праздника или Национально-Исторического дня, где он не организовывал бы либо концерта, либо лекций, либо любительский спектакль. За его добрый, отзывчивый характер, за всю его общественную работу покойный был всеми уважаем и любим. Хороший сын своей Родины, он был всегда лояльным гражданином всех стран, куда заносила его судьба.

Мир праху его. Да будет легка ему Австралийская земля.

| газета "Единение" № 23-131 | КАДЕТЫ. ...

КАЗАБЛАНКА. - У Кадетской Лампады, в Свято-Троицкой Церкви лагеря Бурназель, Представителем Обще-Кадетского Объединения М.М.Колтовским была отслужена Панихида по скончавшимся членам Объединения Николае Николаевиче Доннер и Всеволоде Максимилиановиче Артамонове.

- - - - - -

Цветок на могилу

Петербург. Яркий зимний день, в который так упоительно визжат полозья извозчичьих санок по снегу. Мимо, по Болшому проспекту, громыхает красный, обычно такой интересный трамвай. Но сегодня внимание маленькой девочки, стоящей с санками в руках подле дородной няни в саду, на углу 15-й линии Васильевского острова, поглощено тремя маленькими солдатиками в черных шинелях с золотыми пуговицами, весело скатывающимися с ледяной горки.

– Они игрушечные ? – наконец не выдерживает она.

Солдатики отвечают дружным смехом, а няня степенно поясняет, что это "двоюродные братцы" Гога, Витя и Кока.

Весной, в Румянцевском сквере набухают почки и зеленеет трава точно в деревне. На Неве весело гудят пароходики, а шум города доносится издалека. На скамейках расположились солидные няньки, детвора копошится в куче золотистого песка подле памятника. Солнце припекает, кружится мошкара... И вдруг тишина майского утра наполняется шумом, говором, смехом.

– Няня, солдатики...

Вся Кадетская линия кажется наводненной ими: маленькими, большими, средними. На решетке Румянцевского сквера висит детвора и провожает их восхищенными глазами.

\- - - - - - - - - - - - - - - - -

Мелькают годы. Изменился Петербург. На фасадах полыхают белые с красным крестом флаги, видны раненые, защитный цвет заменил пестрые военные формы. Остались только черные с красным околышем кадетские фуражки. К бабушке, в отпуск, приходят кузены Митя и Бобка. У них погоны не красные, как у Коки, а синие с красным кантом. Про Гогу и Витю они говорят с насмешкой а про свой корпус поют:

"То не больница психопатов,
Не дом монахов и попов,
То славный наш кадетский корпус –
Обитель Ждановских Китов...,

это, впрочем, не мешает им играть с кузиной в санитаров, с помощью добытых из буфетной салфеток, которые затыкаются, на подобие передников, за ремень. Это модная игра. В "лазарет" играет все подростающее поколение России. Пока это еще только "игра".

- - - - - - - - - - - - - - - - - -

Столица, которая давно уже называется Петроград, изменила свое лицо. Она потускнела, поблекла. Надо не прокатилась революция семнадцатого года. Изменился еще больше облик военных. От прежнего остались только одне кадетские формы - те же черные с красным околышем фуражки, те же черные шинели с золотыми пуговицами и красными, синими белыми петлицами, те же мундиры и гимнастерки с красными, синими, белыми и золотыми погонами. И те же на них вензеля.

Давно уже отзвучали выстрелы на западной границе. Давно подписан Брест-Литовский мир. Идет междуусобная война в России и попрежнему льется Русская кровь, теперь уже только на родной земле...

Юг России. Добровольческая армия. Изгнание... И длинный длинный крестный путь: Константинополь, Галиполли, Варна, Бела Церква. И там, в эмиграции, в стране, где приютил их король, тоже носивший когда то форму Русского кадета, те же черные с красным околышем фуражки, тот же воинский дух, те же песни

"Раздайтесь напевы победы..."

А потом новый шквал - и еще больше могил...

Давно расстрелян в Белой Церкви, на Украине, кузен Гога погиб у Колчака - Витя, в Москве, во время восстания юнкеров, убит Кока, в Керчи, брошенной в каменоломни бомбой, разорван в куски четырнадцатилетний Митя...

В Ленинграде, где против Николаевского вокзала, на памятнике Императору Александру III, красуется безвкусная надпись, на Васильевском Острове, попрежнему краснеет силуэт Меньшиковского дворца и старые деревья Румянцевского сквера стыдливо прикрывают новую надпись над аркой входа, из которого, как из каждого, разбросанного по всей необъятной России, корпуса, выходили некогда поколения честных Русских солдат...

Спите с миром Русские Гоги, Вити, Коки, Мити и Бобки - - иже имя легион - вы не забыты нами.

М.Вольская.

Первые дни в "Славной Школе"

В нашу эпоху гибели прекрасного и светлого, особенно дороги воспоминания о прежних счастливых днях. Время изгладило из памяти все тяжелое, оставив в ней лишь хорошее В этом очерке, написанном теперь, когда навсегда отошла в безвозвратное прошлое былая жизнь Русской кавалерии с ее красочным бытом, рыцарским духом и традициями, я хочу помянуть теплым словом мои беззаботные юнкерские годы, оставившие в душе навсегда теплое чувство. Всем старым кавалеристам памятно дороги дни их училищной жизни, и нет ни одного из нас, кто не вспомнил бы с благодарностью и грустю свое пребывание в СлавнойГвардейской Школе.

Этим громким именем называлось в Царской России Николаевское Кавалкрийское Училище, в Петербурге, в котором судьба дала мне завидный удел провести самое счастлтвое время юности. Оно носило в кавалерийском мире имя "Школы" по той причине, что в эпоху Императора Николая I оно было "Школой Гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских Юнкеров", почему сохранило не только это старое название, но и традиции старого времени, благодаря которым жизнь и быт николаевских юнкеров представляли собой особый и очен своеобразный мирок. Где брали свое начало эти неписанные традиции юнкерского общежития, в каких тайниках и глубинах затерялось их зачатие - Господь ведает, но блюлись они ревностно и неукоснительно, были живучи и крепки, как запах нафталина в казенном цейхгаузе.

Много в них было трудного, еще более забавного, но цел их, хотя и скрытая, была несомненна - многие, казалось бы странные вещи имели под собой большой здравый смысл. Больше же всего в жизни юнкера Школы было такого, что вспоминается до сей поры с теплым и хорошим чувством. Вез своего собственного быта, языка и традиций, я Школу не могу и не хочу себе даже представить.Чрезвычайно неприятное чувство, поэтому, вызывает в душе всякого кавалериста осуждение в обществе и печати традиций Школы - чаще всего со сторонн лиц совершенно посторонних быту Русской конницы. В Русской литературе, характерным образцом подобной необоснованной критики является выпад А.И.Куприна по этому вопросу в его повести "Юнкера". По своей психологии, Куприн вообще человек глубоко штатский - не ему понять дух кавалерийской школы, ее быт, традиции и их значение.

Николаевское Кавалетийское Училище было привилегированной школой, куда принимали молодых людей, имевших известные

средства, и только дворян и жило оно своим собственным бытом, и руководился этот быт своими собственными традициями, не "чужими" и не от "немецких буршей", как пишет Куприн, которые были здесь не при чем, а выработанными особыми требованиями кавалерийской службы и потому являвшимися обязательными для всех юнкеров и не допускающими никаких исключений. Хочешь быть юнкером Школы - исполняй как все, не хочешь - считай себя выбывшим. Строго но справедливо.

Свои обычаи и традиции существовали и существуют по сегодняшний день во всех старых школах мира, как средних так и низших. Обычаи, зачастую, дикие и грубые процветают в военных школах Соединенных Штатов, в знаменитой школе Сэн-Сир, не говоря уже об Англии, где они перенесены из военных школ в гвардейские полки. Кто читал записки генерала Деникина, тот должен помнить, что в высококультурной и демократической Англии молодых гвардейских офицеров в чем-либо провинившихся, товарищи келейно наказывают ... бильярдными киями.

В нашей старой Школе наоборот, грубость в словах, уж не говоря о поступках, была вещь совершенно недопустимая и преследовалась она традициями безпощадно. Случай чтобы юнкер старшего курса позволил себе дотронуться хотя бы пальцем до юнкера младшего курса, с целью его оскорбить, был вещь совершенно неслыханная, а вежливость в отношении друг друга и в особенности в отношениях старших к младшим была обязательна. Да иначе и не могло быть там, где юнкера, в большинстве своем, принадлежали к состоятельному и воспитанному обществу. Кроме того в Школу шли почти исключительно кадеты, так что штатские молодые люди представляли собой исключение. Благодаря всем этим причинам, юнкера Школы принадлежали к одной и той же среде, и, получив одно и то же воспитание, были по своим взглядам, понятиям и вкусам ближе друг к другу, нежели юнкера какого бы то ни было другого училища, с составом гораздо более пестрым. Эти условия создавали в Школе между юнкерами ту крепкую спайку, которая затем переходила и в кавалерийские полки.

- - - - - - - - - - - - - - -

На Николаевском вокзале пассажиры нашего "кадетского" вагона, шедшего из Воронежа через Козлов и Москву, в последний раз пожали друг другу руки и разъехались в разные стороны; большинство своих товарищей по корпусу я больше никогда в жизни не встречал.

Извозчик, взятый мною у вокзала, не спеша тарахтел по мостовой, и я, впервые попав в Питер, с интересом разглядывал широкие улицы столицы. Только через добрые полчаса пути, проехав мимо Балтийского вокзала через Обводный канал, из которого пахнуло совсем не столичным запахом, мы выехали на пустынный Лермонтовский проспект с правой стороны которого вытянулось длинное трехэтажное здание. Над его фронтоном, под орлом, широко раскинувшим крылья, я увидел надпись, заставившую забиться сердце: "Николаевское Кавалерийское Училище".

Долговязую, одинокую фигуру в калетской шинели, нерешительно остановившуюся перед стеклянной дверью Школы, охватила невольная жуть перед будущим: выдержу-ли я высокую марку Славной Школы, в шкуре "сугубца", о многострадальной жизни которого было столько фантастических разсказов и легенд среди кадетской братии ? Отступать однако было поздно и недостойно, стукнула входная дверь, звякнул где-то над головой колокольчик и я, не чувствуя под собой ног, уже стоял в том гнезде и питомнике Русской конницы, откуда вылетело столько славных птенцов.

Широкий и темноватый вестибюль был много меньше нашего корпусного, мраморная, в два марша, лестница уходила куда-то наверх, под ней виднелась стеклянная дверь в белую залу с колоннами. Держа в руке чемодан, я нерешительно остановился на месте, никого не видя и не зная куда итти дальше.

- Здравия желаю господин корнет - раздался вдруг, позади меня негромкий и солидный бас. Я обернулся на это странное приветствие, так несоответствующее моему положению, и оказался перед высоким представительным швейцаром, появившимся откуда то сбоку, в полумраке петербургского утра.

- Здравствуй...

- Дозвольте мне ваш штычек, а то с ним наверх у нас не полагается... господа корнеты старшего курса обижаться будут, ну и вас неприятности постигнут-с - многозначительным тоном вполголоса продолжал швейцар. - А чемоданчик возьмите наверх с собой, это тоже у нас так полагается... традиция-с

Прислуга Школы, как я потом узнал, вся поголовно знала и строго соблюдала все неписанные законы училища, и теперь, на пороге новой жизни, швейцар Школы первым посвящал меня в тайны и обычаи моей новой среды. В тот же день я убедился, что совет швейцара на первых шагах моей юнкерской жизни был как нельзя более полезен и избавил меня от больших неприятностей. Штык, которым так гордились мы кадеты, как символом

строевой роты, оказывается, считался в глазах юнкеров Школы символом пехотного звания - и появиться с ним среди таких отъявленных кавалеристов было "непростительной дерзостью" со стороны молодого и явным нарушением традиций. Сняв штык и шинель я передал их швейцару и с чемоданом в руке стал подниматься по лестнице. Но едва только поставил ногу на первую ступеньку, как был остановлен командным и очень строгим голосом сверху:

- Куда молодой ? Назад...

Я безпомощно остановился и оглянулся. Швейцар многозначительно показывал мне пальцем на другую лестницу.

- Корнетская лестница... для господ корнетов старшего курса - донесся до меня его осторожный шопот.

Перейдя на другую сторону я стал подниматься с жутким ощущением, что меня "возьмут в работу" немедленно. Действительно, на верху лестницы, выходившей в небольшую залу, именовавшейся "средней площадкой", меня ожидала уже великолепная и грозная фигура. Красивый и стройный, как дорогая игрушка, только что вышедшая из магазина, передо мною стоял, загородив вход, юнкер старшего курса, одетый с иголочки в прекрасно сшитый китель, синие бриджи и мягкие лакированные сапоги, на которых, каким то чудом, серебряным звоном звучали шпоры, хотя их владелец стоял совершенно неподвижно. Пока я к нему приближался он строго, не мигая смотрел мне в лицо и только когда я остановился перед ним вплотную, юнкер проговорил небрежным тоном:

- Мое имя и отчество ?

- Не могу знать господин корнет, я только что приехал

- К-а-а-к... - вскрикнул он возмущенным голосом и даже покачнулся от негодования. Вы уже две минуты в Школе и до сих пор не знаете моего имени и отчества ? Вы что же это молодой 9?... Совсем не интересуетесь службой ? или может быть вы ошиблись адресом и шли в университет ? - закончил он презрительным тоном.

- Никак нет, господин корнет, я прибыл в Школу сугубцем и... еще слаб по службе...

- А-а-а... - величественно смягчился великолепный корнет - вы, я вижу, молодой, обещаете стать отчетливым... это хорошо, это приятно, пожалуйте-же за мной...

Он круто повернулся и зашагал передо мной через залу. Я почтительно следовал за начальством, не выпуская из рук чемодана. К слитному гулу многих голосов, шедшему нам навстречу из помещения эскадрона, такому привычному для моего кадетского уха, здесь примешивался, однако, нежный металлический звон, заставивший сладко сжаться мое мальчишеское сердце. Шпоры... мелькнула в голове радостная догадка и на душе сразу стало тепло и весело.

Это был действительно звук многочисленных шпор, звон которых был неизменным признаком кавалерийского быта, но здесь в Школе он был особенно густ и мелодичен, благодаря знаменитому мастеру старого Петербурга Савельеву, поставлявшему шпоры с действительно "малиновым звоном". На фоне этого мелодичного звона с этого момента потекла для меня вся дальнейшая юнкерская жизнь.

Встретивший меня на лестнице юнкер, оказавшийся "майором" С. провел меня под ироническими взглядами других юнкеров, таких же ловких и щеголеватых, до дежурной комнаты где за высокой старинной конторкой сидел плотный ротмистр с усами цвета спелой ржи. Я взял под козырек и, вытянувшись ка утопленник, произнес уставную формулу:

- Господин ротмистр, окончивший курс Воронежского Великого Князя Михаила Павловича Кадетского Корпуса Анатолий Марков, честь имеет явиться по случаю прибытия в училище.

При первом слове моего рапорта, ротмистр встал, надел фуражку и взял под козырек, а столпившаяся у дверей група юнкеров разом звучно щелкнула шпорами и стала смирно. Выслушав рапорт, офицер сел опять и, приняв от меня бумаги, крикнул в дверь:

- Взводный вахмистр П-кий...

Через секунду, словно по волшебству, в дверях вырос юнкер еще шикарнее и отчетливее мною виденных и, мелодично звякнув, вытянулся в ожидании приказания.

- Вот, вахмистр... возьмите этого молодого к себе и... в работу... -при этих словах ротмистр весело оскалил на редкость белые зубы.

- Слушаюсь, господин ротмистр - еще веселее ответил вахмистр и, повернувшись кругом, вышел из дежурки. Этот лихой юнкер, стройный и подтянутый, преисполнил мое сердце старого кадета изумлением и восторгом. Все его движения, повороты и жесты были не грубые кадетски-солдат-

ские приемы с треском игрохотом "сапог-самомудов", а поистине целая строевая поэзия. Изящество, легкость и невероятная отчетливость движений, в сопровождении серебряного звона савельевских шпор мог понять и оценить только военный глаз, какой был у нашего брата кадета после 7-8 лет пребывания в корпусе. Ошеломленный и очарованный всеми этими блестящими примерами высшей военной марки, я вышел вслед за вахмистром. Перейдя снова "среднюю площадку" мы вошли в противоположный коридор и остановились перед дверью небольшой комнаты, которая оказалась "вахмистерской". Здесь я явился эскадронному вахмистру, или на языке "Школы" "Земному богу", высокому стройному, державшемуся с большим достоинством юнкеру, на погонах которого кроме вахмистерской лычки была еще и продольная золотая нашивка, показывавшая, что он был фельдфебелем и в том корпусе, который окончил. Выслушав рапорт, вахмистр оглядел меня с ног до головы и приказал моему провожатому

- П-кий ты его возьмешь к себе...

| продолжение следует |

Анатолий Марков.

БАЛ.

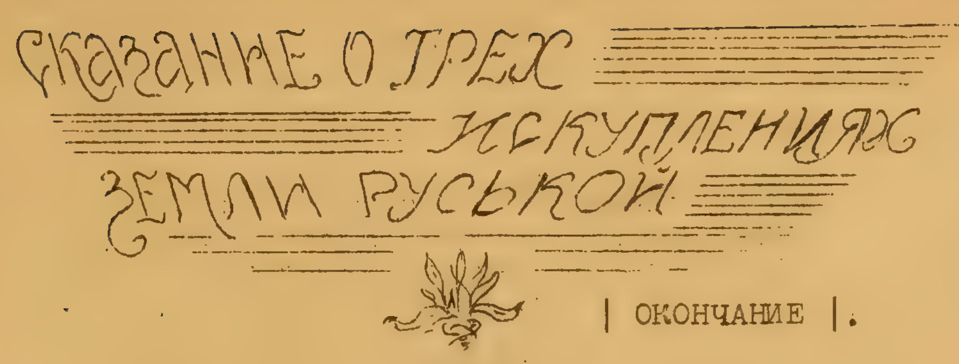
Под утро на вечере этом
Стояла жемчужная мгла,
И был я подростком - кадетом,
А ты институткой была.

И жизнь начиналась сначала
Под утро на этом балу;
Всю ночь ты со мной танцевала,
Кружилась на скользком полу.

И музыка, музыка снова -
Казалось нам прошлое сном,
И жизнь прожитая в оковах,
Лежала в снегах, за окном.

И как над безвестной могилой,
Над прахом, над снегом, над ней
Безмсертно сияли светила
Твоих изумленных очей.

Николай Туроверов.



| ОКОНЧАНИЕ |.

XXIII

"Паче тыя любви никто же
имать, да аще кто душу положит
за други свои."

По еланям, меж дремлющих елей и сосен
Свой червленый и желтый раскинувши плат,
Проплывая в тиши, медно-крылая осень,
Осыпает на Русь золотой листопад.

Заплетает подлесье прозрачной синелью,
Завевает опушки туманным дымком,
Пахнет крепко и влажно древесною прелью,
Костяникой, грибами, землею и мхом.

Колдовская пора... Чародейные зори...
Кафедральная гулкость примолкших дубрав...
Жемчуговые дали в поблекшем убсре
И душистая смерть увядающих трав.

\- - - - -

Каждый год в это время - чуть лес зажелтится,
Облачаясь в осенние червленнь и ярь,
В Царскосельскую дрему из шумной столицы
Приезжает на несколько дней Государь.

Тихо бродит один по дорожкам безлюдным,
Пьет осеннего воздуха горький елей,
Внемлет вздохам невнятным и шелестам смутным
Царскосельских янтарных, кленовых аллей...

И провидя грядущие бедствия наши,
Прозревая на Русь возстающую Тьму,
Он готовится духом к приятию чаши
Предреченной испить за Россию Ему.

Тяжко быть Самодержцем Российской Империи,
Страшно знать на Себе перед Богом ответ,
За народы, стоящие в самом преддверии
Небывалых еще и неслыханных бед.

Наша Родина ныне - что чаша обильная,
Благоденствием, силой и славой полна,
Но уже поднимаются тени могильные
С помутневшего, злобой и завистью, дна.

Но все гуще поземком невидимым стелется,
Заметая исконные наши пути,
Леденящая Русскую душу мятелица,
От которой народа - Царю не спасти.

Близок час. - Под ударами вражьего молота,
Лжеучений соблазных дурманом хмельна
Без Царя будет снова на части расколота
Воединослиянная наша страна.

И растленный корыстною пьяною бреднею,
Не опомнится долго Российский народ;
Ибо се - ИСКУПЛЕНИЕ ныне последнее
На несчастную Родину нашу грядет.

Будут вновь по Руси мятежи и усобицы,
Брат на брата, - как древле, - возстанет опять
И венца страстотерпцев за Правду сподобятся
Кто Христа своего не восхощет предать.

Будут пьяные ревы и жалобы девичьи
Будут гаснуть под гогот солдатских во мгле.
И смешается с сестринской кровь Цесаревича
На, врагами поруганной, Русской Земле.

Пусть потом, под Покровом Пресветлые Троицы,
Этой кровью невинной, затоптанной в грязь
Страстотерпная Родина [illegible],
Паче горняго снега в веках убелясь.

Но сейчас, - у готовой отверзнуться двери
В отерегущие Родину ужас и тьму
Страшно быть Самодержцем Российской Империи,
Ибо многое тайное - явно Ему.

- - - -

Над Землею Русскою, кровью обагренною,
Вдоль границы западной, от Днестра до Нарева,
Развевая в небе дымные знамена
Деревень горящих полыхают зарева.

На полях истоптанных, на разбитых селах,
На церквах разрушенных, на упавших крышах,
День и ночь играют отблески и сполохи
Непрестанных орудийных вспышек.

И над всею Русью, горестью объятой,
Бьющимися кормильцев, ждущей сиротливо
День и ночь несутся дальними раскатами
Ревы и стенанья, выстрелы и взрывы.

Третий год в немолкнущем адовом концерте
Лязга и шипенья, грохота и визга,
Будто воск в горниле огнликой смерти
Тают боевые Царские дивизии.

И когда в грядущую смутную годину
Подвига потребует гибнущая Родина,
Между поредевшими Русскими дружинами
Мало кто останется к подвигу пригоден.

XXIУ

"Покаяния двери отверзи
нам..."

Господи Боже Всеправедный, Край наш крамолой терзаемый,
Страждет предсмертною мукою, ввержен во ужас и мрак.
Дикие всадники Зверя рыщут свирепыми стаями,
Плачут голодные дети в тихих, пустых деревнях.

Гибнет без счета народ, пораженный болезнями лютыми,
Церковь, забытая верными, злобным врагом пленена.
Дышет огнями пожаров, полнится братскими смутами,
Кровью исходит последнею наша Родная Страна.

Сами Ее мы усеяли смрадными язвами гнойными,
Сами исполнили скверны ярости Божьей фиал.
Господи Сил. По заслугам - с голодом, мором и войнами
Ты на преступную Родину Ангела Смерти послал.

Боже, миров Вседержителю. Видим мы, верим мы, знаем мы:
Праведен гнев Твой, карающий в блуде погрязших людей.
Отче наш. Матери страждущей, кровью детей обагряемой,
Грех Ее страшный прости и верни Свои милости Ей.

Душе Святый. Снизойди к нашим слабостям, студостям, мерзостям.
Отче Небесный помилуй чад, не познавших Отца.
Сыне и Спасе Благий. Покаяния двери отверзи нам,
Даждь ИСКУПЛЕНИЕ ТРЕТЕЕ твердо снести до конца.

Богородице Дево, Владычица наша.
Вседержителя Сына за нас умоли,
Чтоб испили недаром мы скорбную чашу,
Но во свет и спасение Русской Земли.

Закали нам сердца, просвети наши души,
Даруй разуму ясность и крепость рукам,
Богоносную речь во спасенье заблудшим
И незнанье пощады к Христовым врагам.

Дай мужество льва и упорство воловье,
Дай нам зоркость орлиную с верностью пса,
Сотвори нашей грязной и жертвенной кровью
На Руси всеблагие Твои чудеса.

Если ж подвиг наш мал для Свершенья такого
И порыв недостаточен наших сердец,
Ниспошли Всеблагая, за Правду Христову
Нам принять на Руси непостыдный конец.

Чтобы в, скоро грядущее, светлое время
Когда путь свой обрящет воскрксший народ,
Наше, в Русскую Землю упавшее семя,
Принесло долгожданный и благостный плод.

Мы готовы испить нашу горькую чашу
И полечь, нашей кровью поля напоя,
Лишь бы снова, над скорбною Родиной нашей
Возсияла Пресветлая Правда Твоя.

1924 год — Н.М.

- - - - - -

"Получа повеление, отправился к Измаилу.

Боже. Даруй нам помощь Свою."

| Письмо Суворова - Потемкину, перед Измаилом |

КОШКА-МЫШКА

|ОКОНЧАНИЕ|.

III. ... И В ТРЕТИЙ РАЗ.

- Сигнал с "Минотавра", почтительно доложил флаг-офицер, подавая грифельную доску с расшифрованным текстом сигнала.

- Что еще ему нужно ? проворчал контр-адмирал д Артиньи нехотя вынимая руки из глубоких карманов теплой кожаной куртки.

- НСП - на правый нок, АВТ - на левый... суетился флаг-офицер, - пошевеливайтесь немного веселей сигнальщики, подгонял он - поднимайте.

- Лечь в дрейф, читал д Артиньи: - адмирал приглашает младшего флагмана... Sacré nom ... Не может без того, чтобы лишний раз не подчеркнуть своего старшинства... - Он обвел недовольным взглядом, шедший в трех-четырех кабельтовах на ветре, английский отряд., на головном корабле которого развивался сигнал.

- Поднимите сигнал: лечь в дрейф, бросил он флаг-офицеру.

- Commandant , продолжал он, обращаясь к подошедшему командиру и показывая ему доску: - приходится ехать к уважаемому сэру Джону Лоуренсу... Прикажите спустить катер... парадные уборы, мой флаг... Тоже удовольствие в такой холод, - продолжал он бурчать, зябко втягивая шею в поднятый воротник куртки: - какой собачий климат.

На ноках запестрели флаги сигнала. Трели боцманских дудок, команды , скрип блоков... Корабли один за другим, приводили к ветру и через несколько минут обе колонны - английская и французская - лежали в дрейфе, тихо покачиваясь на пологой зыби... Серо-зеленое море, серое небо... В двух-трех милях по курсу белела густая стена тумана. От нее несло холодом и сыростью...

-

- ... и вот, только, благодаря этому туману, не во время, ей удалось проскочить... - говорил сэр Джон Дауренс, шагая по своему адмиральскому салону и, выпуская клубы дыма из короткой трубки.

- Я предлагал Вашему Превосходительству послать в погоню "Каприсьез" и Бэлликез", наших лучших ходоков, но вы... -вставил несколько обиженным тоном д Артиньи, сидевший в глубоком кресле у стола, заваленного картами.

- Нет, - буркнул Лауренс, разделять силы не в моих принципах. Впрочем... не в этом деле - она все равно не уйдет от нас. Джонс, по какому румбу скрылась "Аврора"?

Флаг-офицер заглянул в лежавший на столе флагманский журнал.

- 3 ч.40 м.... "Аврора" вошла в полосу тумана и скрылась по румбу ННОI|40.

Лауренс подошел к карте: - All right . Вне всякого сомнения, она вошла в Татарский залив и сидит теперь в мышеловке. Нам остается только следить, чтобы она не выскочила назад, пользуясь туманом а завтра, когда он рассеется, мы войдем в залив и возьмем ее голыми руками.

- А если она, все-таки, уйдет?

- Как ? Невозможно.

- Видите ли Ваше Превосходительство, - продолжал д Артиньи, придвигая к себе карту, - мне пришлось в Макао говорить с одним американским шкипером, охотником за котиками. Он много лет уже плавает в этих водах и категорически утверждает, что полуостров Сахалин - на самом деле - остров и Татарский залив - не залив а пролив, имеющий выход на север...

- Пустяки, разсмеялся Лауренс. - Меня удивляет что Ваше Превосходительство могли отнестись мало мальски серьезно к басням какого то пьяницы-янки. Пусть он разсказывает, что ему угодно - для меня существует только один авторитет - вот - он хлопнул рукой по карте - вот - Admiralty Chart N 1370 Eastern Coast of Russian Asia .%. Здесь ясно написано: Татарский ЗА-ЛИВ, и видно что полуостров Сахалин связан с материком. Нет, нет. Все остается как я сказал: мы крейсируем у входа, пока не разойдется туман, а затем... Вы возьмете западный участок - до середины входа, а мы - восточныйдо южной оконечности полуострова Сахалин. |Лауренс сделал особенное ударение на слове "ПОЛУ"|... Все ясно ?

- Приказание Вашего Превосходительства будет исполнено в точности, - холодно официально произнес д Артиньи, поднимаясь но я все же позволю себе остаться при опасении, что "Аврора" уйдет еще один раз...

Адмирал Лауренс побагровел. Намек был достаточно прозрачен. Вспомнилось изумление, перешедшее в бешенство, когда, там, где вчера еще стояла "Аврора", окруженная судами его отряда, - оказалось пустое место. Потребовалась вся британская выдержка, чтобы проводить "дорогого союзника" с соблюдением традиционного морского церемониала.

- - - - - -

- Насалинго. Видно еще неприятеля ? - крикнул Альский, приложив руки ко рту.

- Никак нет, Вашбродие, - донеслось сверху, туманом застило.

- Ну, Федор Максимович, во время вы нам опять туман наколдовали, - обратился Альский к штурману, критическим взглядом, обводившему паруса, слабо надуваемые прерывистым бризом.

- На все Господня воля... наше дело маленькое-с... с обычной скромностью ответил Потапов. - Лишь бы ветер не сдал. Иван Иванович, как последний отсчет лага ?

- Три с половиной узла, отозвался младший штурман, - сейчас пожалуй и до четырех наберется - чуть свежеет.

- Андрей Петрович, ставьте лиселя. Потом давайте обе от-дать, по вахтенно. Половине прислуги остаться у орудий... Изыльметов вошел в рубку, где Потапов орудовал циркулем и линейкой над картой.

- Федор Максимович, уйдем и на этот раз ? на усталом лице командира отражалась, подавляемая большим усилием воли, тревога. Потапов молча смотрел на карту.

- Не люблю-с - заговорил он наконец - вперед заглядывать... От отцов и дедов так идет. Все в руках Господних, а на море, паче чем где либо...

Помолчав немного, он прибавил:

- Ну, а предполагать нам не возбраняется... Так вот я и позволю себе предполагать, что они, в этот туман, у незнакомых берегов не сунутся, будут выжидать... Туман, по моим расчетам, продержится до утра. За ночь, считая что будем идти те же четыре узла, мы уйдем миль на сорок, может быть на пятьдесят...

- А идти проливом, ночью, в тумане ?...

- Смею думать что пройдем, - ответил Потапов с какой то полу-виноватой улыбкой.- Я здесь еще с Невельским плавал кое что поприметил, кое-что в книжицу свою записал...

- Федор Максимыч, - Изыльметев схватил обе руки Потапова и крепко потряс их, - с вами мы нигде не пропадем.

- Бросьте-с помилуйте-с, - смутился Потапов,- Иван Иванович, почаще бросайте лаг. Если, при том же ветре, скорость прибавится, - скажите... Здесь есть теченьице одно, для нас весьма полезное... Смотри, Ковалев, обратился он к рулевому квартирмейстеру, - и передавай по вахте чтобы за ННОI|4Н к осту никак не подаваться, понял ? А вы бы, все-таки, прилегли малость, заботливо шепнул он командиру, - вторые сутки с мостика не сходите. Часа два-три никаких перемен не предвидится. Мы с Андреем Павловичем побудем здесь а в случае чего - сейчас вам доложим.

- Ну, уговорили, Федор Максимыч,- слабо улыбнулся Изыльметьев, направляясь к трапу. - Спасибо Вам за заботу Теперь я чувствую что действительно устал...

Да, теперь он действительно почувствовал... Больше двух суток, с момента появления на горизонте парусов, вскоре опознанных, как старые знакомые из Кальяо, - он не покидал

мостика, все время тревожно оценивая разделявшее их расстояние... И теперь, лежа на койке, он не мог, несмотря на всю эту усталость, сразу заснуть. Мысль возвращалась к недавнему прошлому... Выход из Капштадта, двое суток урагана, занесшего "Аврору" далеко на юг... И вставший перед ним трагический вопрос: куда идти ?... Долгие совещания со штурманом и старшим офицером. Стало ясным, что не было ни малейшего шанса пройти весь Атлантический океан, Бискайку и Канал, не нарвавшись на встречу... А всякая встреча означала гибель...

Оставалось одно - пересечь другой океан - Индейский и Китайские воды, где можно было надеяться проскочить незамеченными и добраться до одного из своих портов - Охотска или Петропавловска... Вспомнились тяжелые, мучительные недели тропического пекла, тайфун, от которого они едва ушли в Южно-Китайское море...

- Да, это было единственным верным решением. Охотск или Петропавловск... Завтра видно будет, который из них... Завтра...

Изыльметьев уснул. Усталость взяла свое...

Штурман, посмотрев вслед уходившему командиру, вынес из рубки, сооруженную, по его заказу, высокую табуретку, уселся вплотную к парусиновому обвесу мостика и полез в карман, за своей неразлучной табакеркой.

. . . .

Соединившиеся после ночного крейсерства, английский и французский отряды шли снова строем двух колонн. Бледное солнце, пробиваясь сквозь остатки поднявшегося тумана, освещало белые пирамиды парусов и черные корпуса кораблей, отчетливо выделявшиеся на зеленовато-серой, лениво катившейся пологой зыби.

В открытых портах чернели дула, придвинутых к борту орудий. На топах мачт развевались - здесь белые флаги с красным крестом Святого Георгия, там трехцветные флаги Франции. Сотни глаз жадно искали, загнанного в ловушку, противника, на которого должна была обрушиться вся сила союзного оружия...

На мостике "Минотавра" царила напряженная атмосфера. Контр-адмирал сэр Джон Лауренс мерил мостик нервными, крупными шагами. Чувствуя надвигавшуюся грозу, не только сигнальщики, но и вахтенный лейтенант и сам флаг-капитан благоразумно убрались с его пути на самые крылья мостика.

- Мортон, - крикнул адмирал в открытое окно рубки флагманского штурмана, с растерянным видом работавшего над картой. - Дождусь я, наконец, места ? Где мы ?.. Лауренс рванул дверь рубки и подошел к карте. - Ну ?..

- Я не понимаю, сэр, - забормотал Мортон - наблюдения сделаны тщательнейшим образом....

- Ну и что же ? Где место ? Получу я, наконец, ответ?

- Вот, сэр, - дрожащим пальцем, штурман растерянно указал на, отмеченный карандашом, кружок с пометкой 9 ч. 30 м.

-Что ?... Не время для дурацких шуток. - Голос адмирала сорвался и лицо побагровело. "Место" находилось милях в пяти от берега, на суше, посреди полуострова.

- Сигнал - уменьшить парусность... Warrior выйти форзейлем, на две мили вперед. Кто делал наблюдения ?

- Вахтенный лейтенант и все мидшипы, сэр. Все наблюдения сошлись... Может быть ... ошибка на карте?...

- На картах Британского Адмиралтейства ошибок не бывает. Зарубите себе это на носу, Мортон. Потрудитесь лично проверить наблюдения.

- Есть, сэр. - Мортон схватил секстан и, подозвав кивком головы одного из мидшипменов, направился на крыло мостика. На мостике наступило гробовое молчание, прерываемое лишь монотонным голосом мидшипмена, отсчитывавшего удары четырехдесятника: " ... ноль-десять, ноль-одиннадцать..." да отрывистым ворчанием адмирала.

- Стоп. - скомандовал Мортон, в последний раз, опуская секстан и направляясь к рубке... После получаса лихорадочной работы с таблицами логарифмоф, Алманахом, циркулем и линейкой, Мортон, со стоном, схватился за голову, глядя безумными глазами на карту: нанесенное новое место находилос на три мили севернее старого - еще больше вглубь полуострова Сахалин, в той его части, где, судя по карте, он соединялся с материком...

- Кто то из нас сошел с ума, Мортон - задохнулся Раурене, взглянув на карту. - Джонс, семафор по линии: показать места в 9 ч. 30 и в 10 ч.

- Простите сэр, может быть, в разсказе французского адмирала была доля истины ?... рискнул флаг-офицер.

- Заткнитесь, зарычал адмирал, сжимая кулаки. - Занимайтесь своим делом... Какие ответы ?...

Джонс бросился к сигнальщикам, но столкнулся с бежавшим к рубке ш мидшипменом.

- Смотрите куда вы лезете. - набросился на него флаг-офицер - в чем дело ?

- Извините, сэр, сигнал с Warrior'a

- Читайте, Джонс, крикнул адмирал, выходя из рубки.

- Warrior - адмиралу. Вышел в открытое море. Неприятеля не вижу. Прошу...

- Ушла, проклятая, - прохрипел Лауренс, побагровев и хватаясь за горло...

Джонс уронил доску и бросился к пошатнувшемуся, задыхающемуся адмиралу.

IУ. МЫШКА ПОКАЗЫВАЕТ КОГТИ.

... Еще раз грохнул залп верхней батареи. С воем и свистом понеслись вдаль ядра...

- Опять недолет... пробормотал Изыльметьев, не отрывавший глаза от трубы - ... вышли из обстрела... Нечего зря порох тратить... Отбой...

Пропели две резких ноты рожка, протрещали барабаны... Следуя "старшему на рейде", подхватили сигнал "Авроры" корвет "Оливуца" и бодро участвовавший в бою своими мелкими пушками, транспорт "Двина". Наступила полная тишина, казавшаяся неестественной после грохота, воя, свиста, визга и треска, царивших в течение двух слишком часов боя. Белые облака дыма, застилавшие корабли и небо, медленно оседали на тихую воду Петропавловской гавани и, подгоняемые слабым вечерним бризом, вытягивались длинными полосами в море.

На западе, где солнце уже низко стояло над горизонтом, разыгрывалась буйная красочная феерия северного заката... Небольшие, легкие облачка горели всеми оттенками - от расплавленного серебра через сверкающее золото до оранжевых и ярко-красных, напоминавших свежую кровь, тонов, переходивших выше в удивительную гамму фиолетово-лиловых завес, прорывавшихся бледно-зелеными и бирюзовыми полосами вечернего неба, постепенно темневшего ввысь... Нежными перламутровыми тонами переливала вершина Авачинской сопки, над которой клубился легкий розоватый дымок. На мглистом горизонте скрывались смутно белевшие паруса неприятеля...

Изыльметьев, сняв фуражку и подставляя разгоряченный лоб свежему береговому бризу, прохаживался по мостику. На палубе шла работа по приборке корабля после боя. Под однозвучный подсчет старшин: "ать-два-три-четыре", артиллерийская прислуга промывала длинными банниками, еще не успевшие остынуть, каналы пушек. Другие выравнивали ряды ядер в кранцах или передавали по рукам, оставшиеся пороховые картузы, для уборки их в крюйт-камеру. Два брандспойта скатывали тонкими струйками воды с палубы песок с видневшимис

здесь и там, темно-бурыми пятнами... Боцман Гаврилыч, с конопатчиками и плотниками объезжал на плотике вокруг фрегата, разыскивая и заделывая пробоины в корпусе. Альский, сдавший вахту князю, - по обыкновению изящному и безукоризненно одетому, как будто никогда и не было ни боя, ни дыма, ни крови, - рассматривал теперь с артиллеристами и старшим плотником, разбитый в щепы, станок беспомощно лежавшей на боку пушки, около которой возился, заводя гини для ее подъема, младший боцман с полудюжиной марсовых.

На мостик поднялся доктор, еще в халате с засученными, забрызганными кровью по локоть рукавами.

- Ну, как, Карл Христианович ? - встретил его Изыльметьев.

- Восемь убитый... - доктор кивнул головой в сторону фок-мачты, где четверо парусников, сидя на палубе, молча зашивали какие то парусиновые свертки, похожие на скатанные койки, - двадцать два раненый, два нога, три рука резайт имел... нишефо... все молодец. Думайт, все выживайт будет...

- Слава Богу. Дешево отделались - отозвался командир - если бы знать, как там у них ?... продолжал он, приоткрывая дверь рубки - Федор Максимыч, доктор доложил только что наши потери: восемь убитых, двадцать два раненых. Андрей Павлович даст вам позже все повреждения, их, кажется, тоже немного. А вот там то как ?

- Похуже с, полагаю-с, - ответил Потапов, отрываясь от вахтенного журнала, на правой странице которого он старательно выводил своим ровным, четким почерком "случаи" дня. - Иван Иванович был все время на фор-марсе и видел отчетливо, что на головном англичанине была сбита фор-брам-стеньга и снесен бугшприт, его верхняя батарея долгое время не отвечала, на двух следующих - большие повреждения в рангоуте, выходили даже из строя... На двух французах были сильные пожары... Да уж раз бросили бой - значит...

- Команда во фронте, доложил, появившийся в двери, вахтенный начальник.

Командир вышел на мостик:

- Давайте.

- На молитву. Фуражки снять.

Ровный строй обнажившихся, коротко остриженых голов прерывался местами свежими перевязками с проступавшими иногда темными пятнами запекшейся крови.

- "Отче Наш..." - прозвучал в тихом вечернем воздухе старческий слегка дрожащий голос отца Дионисия -"иже еси.

Мощной волной понеслись звуки молитвы. Вливались, чут запаздывая голоса с других кораблей и волна ширилась,

росла и катилась над серо-зеленой гладью уснувшего Охотского моря...

Багрово-красный край заходящего солнца ушел под горизонт. На мгновенье вспыхнул на его месте сверкающий гигантский изумруд. Яркие краски заката перешли в нежные пастельные тона... Вершина сопки потухла... Тихо надвигалась ночь...

. . . .

Тяжело поднимались и опускались на короткой крутой волне, союзные корабли. Свинцово-серое небо с низкими, быстро несущимися разорванными тучами. Усиливающийся нордост свистящий в такелаже, срывающий клочья пены с гребней волн... Частые шквалы с крупным, косым дождем, временами совершенно застилающим и без того тесный горизонт... Холодно, сыро, уныло.

Д Артиньи отбросил перо. По стеклам наглухо задраенных полупортиков адмиральской каюты медленно скатывались одна за другой безконечные крупные капли дождя. Монотонно поскрипывали переборки. Где то вдали раздражающе хлопала плохо прикрытая дверь. Серые сумерки все больше окутывали помещение, сгущаясь в углах в мрачные тени...
Стук в дверь.

- Войдите.

На пороге показался флаг-офицер в мокром блестящем дождевом платье.

- Сигнал с "Минотавра", ваше превосходительство, - Взять вторые рифы на марселях...

- Хорошо - в усталом голосе адмирала прозвучала нотка раздражения. - Оставьте меня в покое, Гонтран. Докладывайте все флаг-капитану. Только самое важное...

- Есть. - Дверь закрылась.

Д Артиньи зябко передернул плечами. Его воспаленные от бессонной ночи глаза устремились невидящим взглядом на светлый прямоугольник стекла, с гипнотизирующей игрой дождевых капель на нем... Вставали в памяти события последних двух дней... Подход к Петропавловской гавани двух безукоризненно выравненных колонн, развевающиеся стеньговые флаги, прислуга наготове у орудий... Бодрое веселое настроение у всех, уверенность в быстрой и легкой победе. И вдруг, со стороны противника, к которому относились с таким пренебрежением, - такой отпор. Меткий, губительный огонь, попадания за попаданиями, пробоины, разрушения, пожары, убитые и раненые повсюду... Вторая атака и опять то же самое. Эти несчастные три корабля, оставшиеся каким

-то чудом почти неуязвимыми и продолжающие так-же методически наносить удар за ударом. А затем... отход...

- Нет, - бегство - простонал адмирал, впиваясь зубами в нижнюю губу - бегство... Соединенные силы двух великих морских держав позорно бежали перед горсточкой Русских дикарей...

И дальше... С неумолимой точностью воспроизводила память все мелочи этих злосчастных дней... План захвата порта с тыла - дессантом... Высокомерный отказ Лауренса даже выслушать его доводы о необходимости действовать быстро и внезапно... Тупое упорство, тщеславное желание "пройти церемониальным маршем" и - потерянное время... Разсказ начальника французского дессанта, старшего офицера с "Баяра" о подходе какими-то тропами, по горным перевалам и ущельям под огнем невидимых Русских стрелков, выбивавших, на выбор всех офицеров... Нежданная атака Русских во фланг... Разгром и плен большей части дессанта и опять - бегство.

А дальше он видел сам. Перед ним ярко встала картина неописуемого хаоса бегущих, сталкивающихся между собой шлюпок, падающих в воду людей, сражаемых безпощадно меткими п пулями все тех же невидимых стрелков.

- Позор... Несмываемый позор... - шептали его побелевшие губы...

....

Флаг-офицер постучал в третий раз. Прислушался... Монотонно скрипели переборки... Ни ответа, ни звука. Может быт адмирал прилег отдохнуть ? Но этот сигнал старшего флагмана требовал немедленного доклада. Лейтенант осторожно приоткрыл дверь.

- Ваше Превосходительство...

В сгустившихся сумерках, он смутно различал фигуру адмирала, откинувшегося на спинку кресла.

- Ваше Превосходительство...

Внезапно Гонтран почувствовал запах порохового дыма, потянувшегося к открытой двери. Он бросился к столу. Правая рука адмирала безжизненно свесилась за ручку кресла На светлой ткани алжирского ковра валялся еще дымившийся пистолет и расплывалось темное пятно... На столе было несколько конвертов с крупными сургучными печатями... Взгляд офицера упал на небольшой лист бумаги с набросанными на не несколькими строчками. Он поднес его к свету:

" Mon cher Gontran , отправьте пакеты по назначению. Не поминайте лихом, если я был сегодня с вами немного резок.. Старый моряк - не может пережить позора французского флага

М. фон-Кубе.

ИЗ НЕЗАБЫВАЕМОГО ПРОШЛОГО.

Высочайший смотр плавания Главной Гимнастическо-Фехтовальной Школы в Новом Петергофе, в 1913 году.

(окончание).

Государь со свитою стоял на краю деревянного мола, возвышавшегося метра на три над уровнем моря. Справа, шагах в ста, высилась солидная мачта метров 15 - ти с перекладинами до площадки на высоте 8-10 метров.

Я в форме моего полка, доломан бутылочного цвета, блестящий на солнце золотыми шнурами, красные чакчиры, так гармонирующие с цветом доломана, гусарские ботики - стоял, вытянувшись, около мачты, повернув голову в сторону Государя. Я стоял как изваяние, всем существом, чувствовал, сосредоточенное на мне внимание присутствующих. Начальник Школы давал Государю предварительные объяснения и я ждал его знака, чтобы начать свой номер.

Заметив слабый но определенный жест полковника Мордовина, я бегло, как матрос, взобрался по перекладинам на площадку. На несколько секунд, я застыл без движения в предварительной позе и... решительным толчком, приподняв руки по сторонам до уровня плеч, бросился вперед, оттолкнувшись с таким расчетом, чтобы не менять положения рук, напоминающего крылья аэроплана. Корпус, в полете, постепенно принимал вертикальное положение, головою вниз. Перед самою водою, резкими короткими взмахами рук, я бесшумно врезался в воду. Спешно подошла лодка, с гребцами готовыми принимать от меня снимаемую одежду.

В это время полковник Мордовин пояснял окружавшим его слушателям: следуя известным правилам, в воде легче раздеваться, чем даже на берегу, ибо вода помогает, если ею уметь пользоваться. Каждый раз, снимая что-нибудь, надо сделать глубокий вдох и плавно опуститься под воду, 30-40 секунд вполне достаточно, чтобы снять с себя очередную вещь. Таким образом, руки и весь корпус совершенно свободны, а вода, как бы сама смывает с плеч одежду. Если не знать этих правил и не опускаться под воду то, раздевание делается очень трудным и даже опасным, при риске запутаться в белье.

Итак, расстегнув костыльки доломана, я плавно опустился в прозрачную воду, там я распахнулся, сделал движение вперед и вода сняла с меня доломан, из которого мне оста-

лось только кинуть одну а потом другую руку. Выплыв, я бросил в лодку мой бедный, почерневший и отяжелевший от воды, доломан. Сапоги снимаются также легко но медленнее, ибо необходимо подождать, чтобы вода заполнила освобожденное пространство в сапоге. Глубоко вздохнув и опустившись под воду, я согнулся и руками потянул голенище вниз а носком другой ноги плавно нажал на задник сапога со шпорой. Как только пятка вышла из своего места, сапог слез сам, - я его поймал, всплыл и бросил его в лодку. Таким образом было проделано все раздевание.

Оставшись в трико, я, отчетливо, с несколько утрированно продленными выдержками, продемонстрировал все указанные роды плавания. Полный эфект и красота заключались в очень большой скорости при почти полном отсутствии движений и физического напряжения.

Смотр в воде окончен. Я "стрэджен" ом, издали напоминающим свободные и этим красивые движения дельфина, поплыл к месту одевания, где все уже были готовы. Спешно одев гимнастическую форму, я, беглым шагом, пошел на пристань догонять уже выстроившихся пловцов.

Государь Император с Великим Князем Николаем Николаевичем и нашим прямым начальником генералом Воейковым подошел к нам, бодро стоявшим застывшими с взорами направленными в лицо Государя

- Здравствуйте господа

- Здравия желаем Ваше Императорское Величество, - вдруг неожиданно грянул ответ, стройности которого могли бы, пожалуй, позавидовать славные "павлоны".

Наш лихой солдатский ответ был неожидан для нас самих. Он вырвался безсознательно после момента напряженного внимания и эта "лихая неожиданность" как то еще больше подняла общее настроение, а Государь был избавлен от долгой церемонии пожатия рук всем офицерам. Подойдя к полковнику Мордовину, Государь выразил свое полное удовлетворение тем что видел и уверенность что все то полезное и здоровое, над чем мы так деятельно работаем, с пользой дойдет через армию до самых отдаленных окраин России. Поймав мой взгляд, направленный прямо ему в глаза, Государь подошел ко мне.

- Где вы, поручик Георгиц, научились так плавать ? Не во Франции ли ? - полушутя сказал Государь, намекая на недавний мировой конгрес по спорту в Париже откуда капитан Самойлов и я вернулись две недели тому назад.

- Я любовался вами не меньше чем любуюсь моим балетом, все так хорошо было видно в прозрачной воде, а полковник Мордовин так интересно все разъяснял. У нас в России еще так не плавают, незнакомы с этой классической системой, такой разумной и понятной. Я считал что плаваю хорошо, теперь же вижу - что понятия не имел о плавании. Однако, после того что я видел и слышал, я все же чувствую что теперь умею плавать и докажу это в первое же мое купание в море.

Я жадно смотрел в необыкновенно доброе, открытое и спокойное лицо Государя, которое видел уже не в первый раз но, всегда находил его много интереснее чем изображалось на все портретах, где почему то волосы всегда много темнее а лицо менее экспрессивно. Я видел его чуть голубоватые глаза а в бороде - каждый волосок и ясный раздел посредине.

- Но, что меня особенно поразило, это то с какой легкостью вы сняли сапоги в воде, помните, господа, в сентябре после парфорсной охоты, в Поставах, пошел дождь и всех промочил ? Я тогда хотел снять сапоги но никак не мог. А ведь я их только чуть чуть промочил, а вы, поручик Георгиц, были совершенно в воде ?

- Ваше Императорское Величество, разрешите доложить, - влажные сапоги гораздо труднее снять, чем мокрые, а в воде, когда они полны ею и легко скользят, то почти сами слезают.

- Да, все это для меня откровение - говоря как то протяжно, Государь достал из кармана портсигар, предложил окружающим и потом протянул его мне.

- Ваше Величество, я некурящий но разрешите взять две папиросы.

- Почему ? - довольно неожиданно и как то вдруг сказал Государь.

- Одну, Ваше Величество, я выкурю непременно а другую - сохраню. - Государь улыбнулся, правой рукой опорожнил одну сторону портсигара и сам мне вложил в карманчик на груди спортивного трико, с большим черным орлом, семь папирос.

- Покорнейше благодарю, - радостно сказал я, не давая себе даже отчета, кстати или некстати я вязался - мне так хотелось чтобы Государь еще дольше постоял около меня...

- А помните, господа, - снова заговорил Государь, в тот же день, мы решили покурить, но ни у кого не нашлось сухих папирос и ни одной годной спички ?? С папиросами мы еще как

то справились, но вот спички не нашли ни одной сухой. Вдруг, помните, подбегает откуда то сияющий солдатик торжественно держа сухую спичку. Кто то подошел к нему, желая закурить папиросу, чтобы от нее прикурили все но, побоявшись испортить спичку, он решительно принес ее мне. Я взял но и меня обуяла боязнь ее испортить, чувствовал какую то ответственность, точно было дело государственной важности - но зажег, закурил всем дал прикурить. Я облегченно вздохнул, точно гора с плеч свалилась.

Вслед затем, Государь, обернувшись ко мне, пожал мне руку и простившись с полковником Мордовиным, сказал:

- Я очень доволен сегодняшним днем - и медленно пошел по фронту молодых офицеров, точно зачарованных добрым взглядом голубоватых глаз Царя Великой России.

- - - - - - - -

После смотра в Петергофе, я видел Государя еще раз, весною 1914 года, при новом посещении им Главной Гимнастичес-Фехтовальной Школы. Его Величество разговаривал со мною, уже как со старым знакомым. Он сказал что очень доволен результатами плавания по новой системе и предпочитает плавание "а ла брасс".

Уже во время войны, весной 1916 года, при посещении Севастопольской Авиационной Школы, Государь увидел меня и, узнав что я прошел Высшую Школу пилотажа на Бельбеке, предложил мне выйти в его отряд при Ставке. Генерал Воейков добавил что Отряд заканчивает свое формирование, после чего будет сопровождать Государя при всех посещениях фронта, так что работы будет немало.

Я был необыкновенно рад этому назначению и твердо решил оправдать Высочайшее доверие. Мне уже мерещились картины боя с тараненным или по меньшей мере отогнанным противником Я, с вдохновением, предавался мечтаниям об этих картинах будущих боев для защиты Государя, тем более что я всецело жил авиацией, которую любил больше всего на свете.

В октябре месяце 1916 года, по Личному желанию Государя я получил командировку во Францию, для усовершенствования в летном деле. Для этой поездки, в Петрограде мне выдали исключительно интересный паспорт: на листе пергаментной бумаги величиной более аршина, красовался полный титул Государя Императора а под ним приказ мне, дипломатическому курьеру

Красные цепи почти сразу дрогнули перед жидкими цепями лейб-гренадер, хотя пушка была временно выведена из строя удачным попаданием с монитора, переранившим прислугу, в самом начале боя и не могла поддержать атаку. Оставленные в резерве, под начальством полковника Томашевича, партизаны, оказавшиеся под артиллерийским обстрелом, не могли остановиться, следуя беглым шагом за наступающими цепями. Через полчаса после начала боя, Лейб-Гренадеры входили в местечко на плечах отступающих красных. По сторонам широкой улицы, уже стояли, с поднятыми руками, группы сдавшихся. Их наспех вводили в ближайшие дворы. Убитые и раненые лежали в пыли немощеной улицы.

Однако, бой продолжался. Отдельные группы красных пытались защищаться в домах, а отступающие цепи залегали, пока пулеметы Катарского не заставляли их снова подниматься но, на этот раз, с протянутыми вверху руками. В это время, у пристани Днепровского пароходства, на площади перед церковью, разгружалась, только что подошедшая на баржах, красная кавалерия. Уже несколько десятков лошадей было выведено на пристань, спешно выносились седла и аммуниция. Объятый паникой но, не понимающий еще размера катастрофы, красный штабрасчитывал конной атакой остановить наступление противника. Но было слишком поздно: пулеметы Катарского, несколько десятков лейб-гренадер, в коричневых халатах, кричащих охрипшими голосами "ура" и сам Вашадзе на лошади, с трудом прорывались сквозь толпы сдающихся, показались на площади.

Ура гремело и со стороны Кардаминки, откуда наступали роты полковника Лукошкова. Осыпаемые градом пуль, крича, давя друг друга, уже не думая о сопротивлении, красные бросились к баржам и пароходу. Другие просто бросались в Днепр пытаясь добраться вплавь до острова, отстоявшего в доброй полуверсте от берега. Вооруженному пароходу, разстреливаемому почти в упор лейб-гренадерскими пулеметами, удалось оторвать баржи от берега и, подставив минуты на две-три их борт под огонь, повернуть перпендикулярно берегу, в излучине реки. Стучали пулеметы Катарского, Днепр был весь усеян черными головами плывущих, среди которых вздымались гейзеры пулеметных пуль, звериный крик несся с разстреливаемых барж а на берегу, ошалевшие от боя гренадеры, в коричневых сумасшедших халатах, продолжали кричать ура.

Немедля, Вашадзе направил часть своих солдат в сторону Кардаминки, навстречу Лукошкову и в тыл отступающим и еще не знающим о катастрофе, красным, а с остальными начал энергичную чистку берега. Через два часа после начала боя, Вторая бригада Особого Назначения Рабоче-Крестьянской Армии не существовала. Из двух с половиною тысяч стрелков, шестьсот по-

ложило оружие, более двухсот раненных было подобрано на месте боя, около полутораста было убито. Несколько сот погибло на, превращенных в решето, баржах. Несколько пулеметов, более тысячи винтовок, тридцать лошадей и восемьдесят седел попалось в руки войск полковников Лукошкова и Вашадзе. Лейб-гренадеры потеряли трех человек легко раненных, был убит один партизан и один артиллерист. Четыре артиллериста были ранены первым удачным попаданием с красного монитора. В ротах Лукошкова потери были несколько больше, но все же очень незначительны.

До темноты продолжалась чистка Голой Пристани. Вооруженный пароход красных, укрывшийся с баржами за острог, сел на мель и снова попал под пулеметы лейб-гренадер, хотя уже на довольно значительном разстоянии. В продолжении часа, он разстреливался на предельном прицеле.

Не теряя ни минуты времени, полковник Вашадзе приступил к сортировке пленных. Большинство было со средней Волги, - ярославские, костромские, нижегородские. Особая бригада была хорошо одета и экипирована, что сразу разрешало неразрешимую задачу пополнении. Было отобрано двести шестьдесят человек, конечно, самых здоровых и... красивых. Вашадзе был большим эстетом. Их одели и экипировали из общей массы пленных, также как и "старых" лейб-гренадер, поменявших свои "халаты" на новые солдатские шинели, подарок Троцкого. Вещевые мешки с бельем, сапогами и прочим несложным солдатским хозяйством, сотнями брошенные на берегу, дополнили экипировку. Десятки мещанских подушек пошли на погоны и, 8 октября Лейб-Гвардии Гренадерский батальон насчитывал около 400 штыков, в своих четырех ротах. За недостатком офицеров, их срочно вызвали из Колончака, несколько бывших офицеров, взятых в плен 7-го, были временно назначены на командные должности. Среди нескольких сот пленных оказалось только шесть коммунистов - их выдали сами солдаты - и два латыша. Коммунистов отдали под Военно-Полевой Суд - войска гвардии, во все время гражданской войны, старались следовать законности - а латышей молодых еще парней, после личного разговора с ними, Вашадзе поставил в строй, в разные роты, на условиях обоюдной поруки.

Несмотря на то что батальону был передан участок Кардаминки |вверх по реке| и Збурьевки |вниз|, не считая сторожевых охранений в самой Голой Пристани, немедленно начались интенсивные занятия с "новыми" лейб-гренадерами. Необходимо было спешно переучить"новобранцев" воспитанных по советскому уставу. Спешил полковник Вашадзе потому, что через несколько дней 13 октября предстоял парад батальона, по случаю годовщины славного боя Гвардии под Горным Дубняком.

Парад Лейб-Гвардии Гренадерского батальона принимал начальник Гвардейского Отряда полковник Эссен. Сборный оркестр гвардейской пехоты был специально отправлен в Голую Пристань, так же как и священник с клиром. Последний раз на Русской земле звучал волнующий и торжественный Лейб-Гренадерский марш, едва ли не самый красивый марш Российской армии. Стройными взводными колоннами проходили, возродившиеся как феникс из пепла, роты, упорно не желающего умирать славного полка. Конная разведка, восемь тяжелых пулеметов - делали из него совершенно самостоятельную а, в условиях гражданской войны, даже сильную боевую единицу. Сдержанный Лукошков и горячий Вашадзе одинаково сияли счастливой улыбкой и, в этот последний счастливый день на родине, они, смотря на свое детище, без сомнения мечтали о других батальонах, которые обязательно будут. Вот стал же из ничего проходящий перед ними батальон, созданный из оборванных красноармейцев, горячей любви к своему полку и железной воли его верных офицеров.

Весь день 13 октября праздничное настроение царило в днепровском местечке. Гремел гвардейский оркестр в городском саду, с голыми осенними деревьями. Откуда то вдруг появившиеся барышни прогуливались парочками, жеманно хихикая при встрече с молодыми офицерами и вольноопределяющимися гвардейской артиллерии, подтянутые "новобранцы" ходили толпами за парочками, лузгая арбузные семечки. Парадный завтрак в Офицерском Собрании затянулся до вечера.

Ранним утром 14 октября одна из рот при двух пулеметах, двинулась на Кинбурнскую Косу для "переговоров" со вчерашними союзниками - партизанами, уведших, под шумок, половину взятых на пристани лошадей с седлами, а под вечер пришел приказ - оставить Голую Пристань.

Вышедшая из Каховки, армия Буденного прорвалась под Черной Долиной и лавиной катилась по осенним полям к перешейкам и железной дороге. Новые дивизии с польского фронта буквально заливали жидкие линии белых. Белому Крыму оставалось жить две недели. Войска Второй Армии стягивались к Перекопу. По Колончакскому шоссе отходил Лейб-Гвардии Гренадерский батальон полковника Вашадзе, еще не зная что он уходит с родной земли, еще готовый к новому бою, еще не остывший от своей последней победы.

"Древний боевой" уносил с собой свою последнюю, в двенадцатый час вырванную у судьбы, Славу.

Е.ЯКОНОВСКИЙ.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГРЕНАДЕР

Эпизод из Первой Мировой Войны.

... Командир Астраханских гренадер получил телефонограмму с артиллерийского наблюдательного пункта, что с неприятельской стороны к нам переплывает через Вислу какой то человек.

Когда командир, с группой офицеров, подошел к берегу, человек этот уже подплывал, хотя видимо терял силы. Вдруг он поднял руки и скрылся под водой. Фуражка его осталась на поверхности и плыла темным пятном. Несколько гренадер сбрасывая на бегу шинели, побежали вниз по течению с цель перехватить утопающего. Но он сам показался из воды, достав ногами дно.

"Достал дно... достал дно..." радостно закричали из нашей группы. Человек приближался вброд. Вода доходила по грудь, но с каждым шагом более четко вырисовывалось его могучее, нагое тело. Вот он вышел на берег и направился к нашей группе. От него валил пар. Была вторая половина октября и по Висле уже шло "сало".

Остановившись в трех шагах от командира, он снял с шеи пузырек на шнурке и, передав его, отрапортовал: "Ваше Высокоблагородие. Донесение от капитана Згурского".

"Спасибо за молодецкий поступок." Но... ответа командир не получил. Голый гренадер широко раскрыл рот, взмахнул руками и упал. Доктор и фельдшер бросились к нему. Он былмертв

"Сердце не выдержало" - определил врач

В извлеченном из пузырька, донесении капитана Згурского, было изложено положение его отряда, поясненное обстоятельными кроки. Положение это было критическим. Он сидел в заброшенных каменоломнях и каждую минуту мог быть открыт противником, у которого находился в тылу. Патроны были на исходе. Командир тут же написал полевую записку с предложением Згурскому оставаться на месте. Не рисковать переправой на наш берег а ждать нашего перехода и тогда присоединиться к полку

Из группы, окружавшей командира, вышел гренадер и обратился к нему:
"Ваше Высокоблагородие, дозвольте мне доставить это донесение."

" Как же ты это сделаешь ? "

" Как переплыву Вислу - найду одежу покойного, а может и винтовку и буду пробираться к каменоломням. Бог даст и найду отряд.

" Ну что ж, с Богом, отправляйся. Да вот, хлебни немного, чтобы не застыть, а остальное как переплывешь." и командир протянул ему фляжку с коньяком.

Не смутило храбреца что в пяти шагах лежит еще неубранный труп погибшего при исполнении такого же рискованного подвига. Быстро раздевшись, поручив одежду своему земляку, одев на голое тело, подсумки с патронами, через плечо патронташ, на шею пузырек с донесением и фляжку с коньяком, перекрестившись, он, с разбегу бросился в овду и поплыл саженками. По его манере плыть видно было что он питомец одной из великих Русских рек.

Плыть приходилось против течения и его немного сносило.

Но вот, он вышел из воды и пошел по берегу, пригибаясь в кустах. Пройдя шагов триста, сел и начал одеваться - нашел одежду. Помахав в нашу сторону фуражкой, скрылся в зарослях.

История не сохранила имени погибшего. Надвинувшиеся события: переправа через Вислу и ряд упорных боев, во время которых, отряд Згурского пробился к полку, заслонили этот доблестный эпизод.

Над, наскоро вырытой в сыром песке, могилой, над мутной Вислой, благоговейно склонились Командир, офицеры и гренадеры перед прахом великого Русского солдата, смертью запечатлевшего свой подвиг. С кадильным фимиамом, вознеслась молитва нашего духовного отца о Вечной Памяти Воину: " имя же его Ты, Господи, веси".

П.СУШИЛЬНИКОВ.

ЕЩЕ О КУЛЬМСКОМ КРЕСТЕ И КУЛЬМСКОМ СРАЖЕНИИ

НО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ.

После получения в Берлине американского журнала "   ", с перепечатанной внем, с разрешения редакции "Военной Были", статьей "Кульмский Крест", я получил письмо от моего постоянного кореспондента и известного международного эксперта д-ра К.Клитманна, к которому была приложена статья "Мысли к истории Кульмского Креста". Эти, чрезвычайно характерные, мысли д-ра Клитманна были им начертаны потому, что по данным вопросам он, мол -, придерживается иных взглядов... а сражение при Кульме, по его словам, стало победоносным НЕ только благодаря действиям Русской Гвардии - но и многих других частей Союзных войск, принимавших в нем ОДИНАКОВОЕ участие...

В сокращении, "Мысли" д-ра Клитманна сводятся к нижеследующим пунктам: I| в сражении при Кульме, 18|30 августа, со стороны всех Союзников участвовало около 44000 чел. а именно: Прусский 2-й армейс. корпус генерала фон-Клейста ряд австрийских пехотных и кавалерийских полков, из Русских же части 3-го Гренадерского корпуса, 5 |гвардейского| корпуса, I-я Кирасирская и Легкая кавалерийские дивизии; потери союзников выразились в цифре 3319 убитыми и ранеными: ок.1500 пруссаков, 1002 Русских и 817 австрийцев... 2| "Может быть во время сражения, вернее же по окончании боя, пишет д-р Клитманн, у короля Прусского возникло желание вознаградить части Русской Гвардии "особым" отличием за их необыкновенную храбрость..." 3| 2 сентября того же 1813 года, в Теплице, королю Прусскому был вручен список Русских гвардейцев, участвовавших в победе при Кульме и подлежащих награждению, состоявший из 9 генералов, 415 офицеров, 1168 унтер-офицеров , 404 музыкантов и 10070 нижних чинов, итого - 12066 чел. - 4| Так как "Железным Крестом", | единственной тогда прусской боевой наградой, учрежденной 10 марта 1813 г. | по статуту, могли награждаться только прусские подданные | "но как исключение, получили этот крест некоторые Русские генералы и офицеры,"вставляет д-р Клитманн| возникла для "бедной Пруссии" проблема создания отличия, хотя по внешности и похожего на "Железный Крест", но изготовление которого стоило бы дешевле..., поэтому король заказал пробные экземпляры из белого и черного шелка, кои и были сфабрикованы в количестве 12000 экземпляров; однако быстро сообразили, что матерчатые кресты - не прочны; решили сделать их из белой и черной блахи и раздать их, п. при проходе через Берлин Русской гвардии, на ее обратном пути в Россию, 13 августа 1814 года - 5| Но и тут возникло препятствие: раздача этого отличия, столь похожего на безценный "Железный Крест", на глазах всего Берлина - "неудоб-

но", кроме того выяснилось, что список, доставленный королю в Теплице, - не соответствует действительности; так например, был "пропущен", участвовавший в Кульмском сражении, Гвардейский Экипаж, в числе 212 чел. а Гвардейский батальон Великой Княгини Екатерины Павловны - был уже расформирован... В конце концов устроено было так, что Железный Крест Кульмский, был роздан участникам в Петербурге 27 августа 1816 года...

Эти "Мысли" доктора Клитманна - вызвали, с моей стороны, следующий ответ: 1| в моей статье указаны источники чего он не сделал в своих "мыслях". 2| Он говорит лишь о ВТОРОМ дне Кульмского сражения, о 18|30 августа 1813 года. Но сражение то продолжалось в действительности не один а два дня, 17|29 и 18|30 августа. В моей статье внимание сосредоточено на ПЕРВОМ дне сражения, на этом дне, - Русской победы, - когда Русской Гвардии был пожалован "Железный Крест" его учредителем Прусским королем. 4| Потери Русских, за первый день сражения, исчисляются следующими цифрами: а| 1-я Гвардейская пех. дивизия Преображенцы - 700 чел, Семеновцы - 1000 чел, Измайловцы - 500 чел, Егеря - 600 чел, итого 2800 чел. б| 2-й Армейский корпус князя Шаховского и отряд генерала Гельфрейха - 2400 челх|в| Кавалерия - 600 чел. всего - 6000 чел. но никак не 1003, как утверждает д-р Клитманн 5| Д-р Клитманн упорно настаивает на"особом" отличии за Кульм но все Русские современники говорят только о "железном кресте". Если бы 17|29 августа 1813 года, Прусский король действительно хотел создать СПЕЦИАЛЬНОЕ отличие за Кульм - разве ему не хватало художественного воображения ? 6| В первый день сражения при Кульме - французы встретили отпор только от Русских, благодаря сообразительности гр. Остермана-Толстого. Прусский корпус генерала Клейста был тогда далеко | между деревнями Хансдорф и Фюрстенвальд |. По приказу Императора Александра I, - этот корпус совершил обходный марш и вышел в тыл французам во ВТОРОЙ день сражения, 18|30 августа. В атаке Русской кавалерии 17|29 августа принял участие один только австрийский драгунский | Эрцгерцога Иоанна | полк. В подтверждени этих данных, я отослал доктору Клитманну ряд новых цитат из немецких, французских и Русских источников.

Доктор Клитманн ответил мне новым письмом, от 21 мая, в котором он говорит, что он основывался только на официальных документах, часть коих погибла во время войны, часть же - вне досягаемости читателей... Затем, он утверждает, что: 1| Сражение при Кульме произошло 18|30 августа, а накануне, 17|29 произошли только "стычки", названные "боем при Пристене" |согласно документам Прусского генерального штаба| 2| что число убитых и раненых Русских, за 18|30 августа |т.е. только за ВТОРО день сражения - без "боя при Пристене" согласно Русской стати

стике, от 2 сентября 1813 года, переданной графом Аракчеевым Прусскому Королю - указывает число 1002 чел.

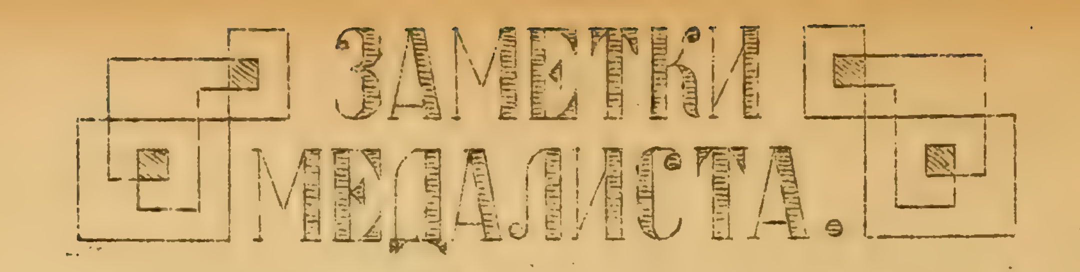
3| "Я настаиваю", пишет далее доктор Клитманн, "на том что сражение при Кульме 18|30 августа должно быть отделено от боя при Пристене 17|29 августа" |о котором я не говорил...|."Пристен" - это чисто Русская победа с потерями в 6000 человек, а Кульм - это Русско-прусско-австрийское сражение".

Резюмируя вышеизложенную переписку, мы смело заключаем, что авторитетному доктору Клитманну не удалось опровергнуть данных, изложенных в первоначальной статье о "Кульмском Кресте", но следует остановиться на способах, коими он старается статью "подминировать" и не только статью, но и все "мысли" самого короля Прусского, выдумавшего "Кульмский" крест вместо "Пристенского"..., оказавшийся все тем же "Железным Крестом" I-й степени.

Военная история знает много подобных примеров; ведь в 1856 году, на открытии памятника на поле сражения при Прейссиш-Эйлау, в присутствии короля Прусского, делегации от Русской армии не было... Отчего ? Да потому, что прусские военные историки, в конце концов, пришли к заключению, что это кровопролитное сражение, когда из 65 тысяч Русских - выбыло из строя 26 тысяч, не было выиграно французами - благодаря им, пруссакам. Правда тогда, 27 января 1807 года утром, прусская армия была представлена тремя конными батареями, но 17|29 августа 1813 года при "Пристене", из пруссаков был лишь король со свитой.

Владимир фон-Рихтер.

х| Тут возникает старый "больной" вопрос: отчего, при награде, были забыты "армейские" части, потери которых были только несколько ниже ? А ведь дрались они без патронов, штыками...



- В "Новом Времени", № 14163 от 14 августа 1915 года помещена заметка под заглавием: "Медаль в память К.Р." В ней сказано, что группа почитателей Великого Князя Константина Константиновича учредила Кружок Его имени, вырабатывает устав и, с соизволения Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны, выпускает медали и жетоны, в память покойного Великого Князя. На лицевой стороне - изображение Августейшего поэта, работы старшего медальера С.-Петербургского Монетного Двора Д.К.Степанова. На оборотной стороне, - изображение гробницы извергающей пламя, от коего муза и воин возжигают свои светильники. Предварительные подписные цены: за серебряную медаль, диаметра 3 1|2 дм. - 25 рублей, такая же - бронзовая - 10 рублей, малая серебряная медаль-жетон, диаметром в 1 1|10 дм - 5 рублей, такая же бронзовая - 2 рубля 50 копеек.

Не известно ли кому-нибудь, были ли выпущены эти медали ?

- В интересном двухтомном труде, на английском языке "Travels into Russia..." (London 1874) | Лондон 1784 |, во 2-м томе на стр. 154-155 | описание Императорского Сухопутного Шляхетного Корпуса | - читаем: "кадетам, преуспевающим, как в науках, так и в занятиях и исполнении должностей - ежегодно раздаются призы - награды в виде золотух и серебряных медалей, лент и звезд. Из кадет, заслуживших шесть полёвних наград, избираются трое для заграничной командировки, с вспомоществованием от казны в 120 рублей в год."

- Описывая несколько экзотических медалей в № 3 "Р.В. И.В." в частности коронационную медаль Императора Александра I, мы сослались на Ю.Б.Иверсена, который, в свою очередь, извлек из архивных документов СПБ Монетного Двора сведение, что эта редкая медаль была роздана для ношения членам Японского посольства." Теперь только удалось установить настоящее назначение этой медали и неправильную редакцию архивного документа: эти медали были доставлены в Нагасаки И.Ф.Крузенштерном и розданы членам Русского посольства в Японии, возглавляемого камергером Н.П.Резановым, в третью годовщину коронования Императора Александра I, в сентябре 1804 года.

ВОЕННЫЕ МЕЛОЧИ

КАК ЗАРОДИЛАСЬ НАША ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ?

Это короткое исследование следует начать извлечением из "Записок графа Толля" | бывшего кадета Первого Кадетского Корпуса |, изданных на немецком языке Бернгардом | т. I стр. 174 |: "до Аустерлицкого сражения, в Русской армии вовсе не заботились о военной литературе; она была едва известна по названию, о творениях, сделавших в ней эпоху, едва знали. Безусловно господствовавшее мнение было то - что образования, полученного в Кадетском Корпусе, достаточно, и кто рисовал и чертил чисто и красиво - тот слыл ученым офицером..."

Первое периодическое военное издание появилось лишь в 1810 году, под названием "Военный Журнал", под редакцией полковника Рахманова. За этот и следующий, 1811 год вышло 24 книги. Следующая попытка была сделана в 1817 г., когда при Гвардейском Штабе начал снова издаваться "Военный Журнал". Он заглох в 1819 году, выпустив 28 книг. Оба эти издания уже СОО лет тому назад числились в рядах "больших библиографических редкостей". В третий раз "Военный Журнал" начал издаваться Военно-Ученым Комитетом с 1827 года, с целью "распространять основательные сведения в войсках по всем частям военного дела". Появлявшиеся 6 книг в год - давали специальный материал или артиллерийский или инженерный, вскоре родились "Журнал Артиллерии" и "Инженерные Записки" |затем"Инженерный Журнал"|. Директором Военно-Ученого Комитета |издававшим "Военный Журнал"| был высоко-образованный Генерал Гогель, после смерти коего, начался быстрый упадок журнала, едва вышедшего из младенчества. Отмечается "безотрадная скудость военных писателей" и "равнодушие большинства военных людей ко всему военно-ученому." Интерес же к военной литературе возрос, когда во главе Комитета стал Генерал Шуберт |известный нумизмат и медалист| а редакция "Военного Журнала" перешла в ведение Генерал-Майора Болотова. В 1859 году появился даже конкурент - "Военный Сборник". Оба журнала сразу вступили в полемику и, благодаря ей, мы узнаем что ПЕРВАЯ напечатанная в "Военном Журнале" история войны между Россией и Швецией в 1741-43 гг. принадлежит перу... женщины... Госпожи Шпилевской...

извлек В.Р.

ВЗЯТИЕ РИМА РУССКИМИ.

В то время как армия Суворова покрывала Русское оружие славой в Северной Италии, черноморский флот адмирала Ушакова блокировал итальянское побережье. Высаженный дессант капитан-лейтенанта Белли, овладел Неаполем. Развивая успех, отважный Белли двинулся на Рим, занятый дивизией генерала Серюрье. У него было всего 800 человек но, искусными действиями, он ввел неприятеля в заблуждение. Серюрье не рискнул на сражение и отступил. 18 сентября Русские моряки вступили в Рим.

"Рим у ног Вашего Императорского Величества" - донес Белли Государю. А Павел Петрович на донесении положил резолюцию: "Белли хотел меня удивить, так и я его удивлю". и пожаловал капитан-лейтенанту высший орден своего царствования - Св. Анну I степ. Рим же повелел возвратить Папе.

А.Керсновский.

МАЛОРОССИЙСКИЕ ГРЕНАДЕРЫ.

В № 4 "Военной Были", в Суворовской Странице, был упомянут 10 гренадерский Малороссийский полк, в котором я имел честь служить. Могу добавить что полк этот являлся единственным полком Российской Императорской армии имевшим отличия за взятие двух столиц: 1| Серебряные трубы за взятие Берлина - 1760 г. и 2| Знак на шапки "за взятие Парижа". За войну 1914-17 гг. полк имел 11 гг. офицеров, кавалеров Ордена Святого Георгия и 9 - награжденных Георгиевским Оружием.

Н.Витте.

О ВВЕДЕНИИ ОТДАНИЯ ЧЕСТИ.

7 марта 1862 г., в приказе по Военному Ведомству объявлено: "со введением в войсках новой шапки, всем, без исключения, нижним чинам отдавать честь старшим - не снимая шапок, а прикладывая правую руку к козырьку.

извлек В.Р.

№ 8

ЯНВАРЬ 1954 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 59, AVENUE DE TERNES, PARIS (17e).

3-й год издания. № 8 ЯНВАРЬ 1954 Г. Prix — 170 fr.

Письма Великого Князя Константина Константиновича

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

1906 год.

21 января. — поеду в Москву и проведу там неделю. Надо передать знамя 3-му Московскому корпусу. Потом такое же торжество предполагается в Псковском корпусе. Пишу длиннейший приказ по поводу моих посещений военно-учебных заведений в 1905 году. Мои спутники, подробно, записывают мои замечания, а также и свои наблюдения, что и составляет сущность попадающего в этот приказ.

12 февраля. — ...жил в 1-м Московском корпусе. У меня в Москве пять военно-учебных заведений, — значит дела по горло. 3-му Московскому я передал знамя.

21 февраля. — ...Вчера вечером весь Псковский корпус и приглашенные собрались на прибивку знамени, которое лежало на крытом красным сукном столе. Вице-фельдфебель Ушаков, маленький, безусый с очень светлыми, почти белыми, волосами, которого я хорошо знал 6 лет назад, маленьким беленьким мальчиком, придерживал знамя за древко; начиная с меня, все служащие и до последнего кадетика вбили по гвоздю. Через час, в манеже Иркутского полка, состоится парад с передачей знамени...

29 марта. — ...24-го моих питомцев возили в Царскосельский дворец, на Высочайший смотр, где Царь произвел выпускных в офицеры.

9 мая. — ...послал в Одесский корпус своего помощника, который и передаст знамя. Еще питаю надежду до 21 побывать в Варшаве и лично выдать знамя Суворовскому корпусу. Но поеду или нет — зависит от дня, в который Государь назначит парад и освящение знамен, которые он сам желает передать корпусам Николаевскому и Александра II.

24 мая. — ...вернулся из Варшавы. Там провел 3 дня; этого мало для близкого ознакомления с заведением, и для того, чтобы удовлетворить желание побольше времени и внимания отдать корпусу. Побывал я в Вильне и в Москве.

1907 год.

18 февраля. — ...вечером едем в Первый корпус на концерт и бал, по случаю вчерашней 175-летней годовщины его открытия. Корпус, в полном составе, являлся вчера в Царском Государю, на церковном параде в манеже. Парад удался на славу, хор музыкантов и певчие были от кадет. Перед серединой 1-й роты красовались 5 знамен и 1 штандарт, полученные корпусом за 175 лет, в различные царствования. В ложе были обе Императрицы с Цесаревичем, которого Государь, после молебна, взял на руки и пронес перед фронтом, идя за о. Желобовским, кропившим строй святой водой. На левом фланге парада, находились офицер и 14 кадет в исторических мундирах всех царствований. После молодцеватого прохождения, Государь отмахнул музыке и медленно шел по манежу, к середине фронта. Царило торжественное молчание, может быть мне это показалось, ибо я знал, что сейчас последует великая милость. И вот Он остановился и начал говорить. Помянув прежние поколения питомцев корпуса, служивших верой и правдой, из которых многие жизнь положили за Отечество, Государь объявил, что принимает звание Шефа корпуса и повелевает, чтоб 1-ая рота носила на плечевых погонах вензеля Николая I. Этим Он повторил милость Александра II, который, вступив на Престол, зачислил себя Шефом корпуса, но, приказал, чтобы Царева рота носила на плечах вензеля не Его, а Отца. Через 8 лет, корпус был преобразован в военную гимназию и все воинские отличия исчезли, даже здание корпуса было передано Павловскому Военному училищу, вместе со старыми знаменами и всеми святынями корпуса, который, в виде гимназии, переселили на Петербургскую сторону. Александр III опять возстановил корпус и вернул его в старое гнездо, а в нынешнее царствование постепенно восстанавливаются парады, знамена, воинские отличия и, наконец, старейший, основанный Анной Иоанновной, корпус, получает Шефа в лице Государя. Ты легко поймешь, какой это был восторг. Ко вчерашнему юбилею корпуса пожалованы новые погоны, на которых вместо "I.К." изображен вензель Основательницы. А Рота Его Величества, сверх этого, общего всему корпусу, вензеля, отныне будет носить накладной из золота вензель Николая I, первого своего Шефа. По-

в 1917 - Соц.-рев., в 1918-20 - "зеленый" в Черном. губ. - против Добр. армии

сле парада, всем кадетам был накрыт стол в главной зале Большого Дворца и Царь с Царицей и всеми нами, обходил их и беседовал с молодежью. Уходя из залы, Государь крикнул им: "прощайте, кадеты". В соседних залах был завтрак для присутствовавших на параде, а в Картинной был Высочайший стол для старых кадет и офицеров корпуса. Директор и я сидели подле Царя. Он хочет и другие петербургские корпуса, поочередно, выписывать в Царское и каждый видеть на параде.

24 марта. — ...17-го, Государь в Царскосельском манеже произвел смотр корпусам Николаевскому и Александра II, после чего офицеров и кадет кормили в Большом Дворце и Их Величества обходили столы. Послезавтра такой же смотр Пажескому корпусу, но, если погода будет такая же солнечная и теплая, как все эти дни, смотр состоится на площадке перед Большим Дворцом. Государь намеревается, кроме церемониального марша, сделать ротное учение. Сегодня, я являлся к Государю Императору с депутацией от Первого корпуса, (директором, командиром и вице-фельдфебелем Роты Его Величества), для поднесения шейного знака корпуса. Государь принял нас во вновь сшитом ему сюртукѣ Первого кадетского корпуса, которого он назначил себя Шефом 17-го февраля.

25 марта. — ... 22-го, Государь, в Царскосельском манеже смотрел Пажеский корпус и, кроме церемониального марша, произвел ученье каждой из трех рот.

15 апреля. — ...выехав, как было предположено, 27 марта, посетил Киев, Орел и Полоцк. Впечатления самые отрадные. Особенно в Полоцке, где мне удалось убедить кадет отказаться от старых дурных традиций. 1 мая собираюсь ехать в Сумы, где надо выдать кадетскому корпусу (перед первым выпуском воспитанников), знамя, а также, по соседству, в Чугуев и Полтаву.

8 ноября. — ...13-го предполагал выехать в Варшаву, а оттуда в Вильну (в тексте пропущено слово) проведу в Москве.

13 ноября. — ...на-днях вернулся из Омска мой бедный Анчутин. Вчера военный министр написал ему о предположении сделать его Почетным Опекуном.

21 ноября. — ...18-го пробыл несколько часов в Виленском училище, а третьего дня и вчера оставался в Псковском корпусе. Всюду хорошие впечатления.

23 ноября. — ...приглашал будущего помощника Лайминга сюда. Надеюсь, что с ним дело пойдет ладно...

22 декабря. — ...в начале этой недели, я привез в Пажеский корпус Знак Отличия Военного Ордена, вышедший знаменщику Камер-пажу Вороновичу, бывшему в действующей армии. Собрал специальные классы в залу, вызвал Вороновича, прочел бумагу, приколол к его груди крест, трижды поцеловал молодого кавалера и сказал речь пажам.

1908 год.

12 января. — ...через неделю собираюсь дней на 10 в Тверь и Москву. Со мной опять поедет Ермолинский.

20 января. — ...Лайминга я послал знакомиться с военно-учебными заведениями на нашем западе и юге, чтобы, вступив в должность моего помощника, он уже имел о них понятие.

23 января. — ...неделю назад, пажи были между Тярлевым и Глазовым, на тактическом учении и потом все с нами завтракали.

3 февраля. — ...поехал в Александрвское училище, где оставался до шестого часа. Был на различных занятиях, строевых и классных; офицеры угостили завтраком. Знакомился с юнкерами младшего класса. Поселился во 2-м Московском корпусе, в большой и удобной квартире его нового директора, холостого человека. Он сразу забрал сильно расшатанный корпус в надежные руки, и, в короткое время, сделал его неузнаваемым. Попал туда в середине всенощной и в тот же вечер повидал все три роты кадет. На другой день было воскресенье, отстоял в 1-м Екатерининском корпусе, расположенном в том же здании, обедню. В понедельник почти весь день оставался дома, во 2-м корпусе, присутствовал в классах, при завтраке кадет, на внеклассных занятиях. Вечером созвал Педагогический комитет, после которого совершенно ясно представилась картина внутренней жизни корпуса, так резко изменившегося к лучшему, после недавней распущенности. На следующий день провел много часов в 3-м корпусе и до позднего вечера был там в Педагогическом Комитете. Тут впечатление было менее приятное, чем во 2-м корпусе. Одного учителя мне даже пришлось довольно резко осадить за образ мыслей, далеко не соответствующий военно-учебному заведению.

Великий Князь
Константин Константинович

(Окончание следует)

Фарфоровая кокарда

В теплушке горит в фонаре толстая железнодорожная свечка. Все-таки, что-то от прошлого. Лежим в углу, на вещах Николай Газнев, Сергей Леус и я. С Сережей Леусом мы одноклассники и приятели, Газнев "превосходительство" четырнадцатого выпуска и приятель и земляк Леуса. Все же, сначала, немного стесняюсь. Все хочется назвать его "Вашим Превосходительством" — комплекс приниженного "сугубого без должного английского пробора на кончике своего пушистого хвоста".

Сережа Леус, забавный тип. За высокий рост, сутулость, темное, почти оливковое лицо и необыкновенную прожорливость, его прозвали "троглодитом": с одной стороны, он глотает за троих и похож на пещерного жителя, с другой. Зовут его также "верблюдом" и, почему то, "Королевой Ядвигой".

Лежим молча. Спать не хочется. Стучат на стыках колеса, скрипят буфера. В теплушке относительно просторно. Публика больше штатского вида и довольно прилично одетая. Бегущие буржуи? Спекулянты? Пробирающиеся, на юг, к Деникину, офицеры? Вероятно и те, и другие, и третие. Все больше молчат. Любопытство, в такие времена, занятие праздное и опасное. Когда поезд двинулся с Сумского вокзала в направлении на Люботин, большевики были в нескольких верстах от города и их вступление задерживалось только эвакуацией немцев под охраной нескольких эскадронов кирасир.

Газнев и Леус уже пытались пробраться на юг через Синельниково — они оба из Симферополя — но там сидел Махно и снимал с поезда офицеров и буржуев. Их раздевали и разстреливали у первого забора. Говорят, что так погиб мой одноклассник Яковлев — "длинный Яшка". Газнев и Леус вернулись в корпус. Теперь мы ехали снова. По плану мы должны были остановиться у моей тетки в Харькове, и оттуда пробираться в Крым, в зависимости от обстоятельств, через Ростов или Полтаву. Российская железнодорожная география была очень сложной, в конце восемнадцатого года. Директор Сумского корпуса генерал-лейтенант Саранчев разрешал отъезд только кадетам Первой роты. Остальных он надеялся эвакуировать на Киев (что ему и удалось через несколько дней).

Сегодня 20 декабря, через четыре дня сочельник и мы еще надеемся добраться домой, до праздников. Одеты мы в солдатские, хорошего сукна, гимнастерки, кадетские черные брюки и коричневые матросские шинели. На голове солдатская фуражка. Ни погон, ни кокарды. С черными брюками — вид очень "флотский", не будь защитных фуражек. В вещах кадетские мундиры и фуражки, и по паре погон. Полный комплект белья, как в старое время. Сережка Леус шипит на меня, сдавленным шопотом:

— Брось ты, наконец, называть его "превосходительством", — он тычет пальцем в Газнева, — его подведешь.

С трудом перехожу "на ты". В Сумах — цук зверский, кавалерийский. В революционные годы он особенно расцвел. Обратно пропорционально падению дисциплины в армии и стране. В шестом классе трудно учиться. Нужно сначала знать формы всех, увы уже несуществующих, кавалерийских полков, их "журавли", не говоря о личных вкусах "благородных корнетов", из которых состоит седьмой класс. Нужно уметь разсказывать анекдоты, выть на луну, петь романсы, приседать, вращаться, угадывать имя любимой женщины "благородного корнета". Все это в ущерб всяким там тригонометриям, физикам и прочим неинтересным предметам. Николай Газнев даже не просто "благородный корнет", а один из "генералов" 14-го выпуска. Для "сугубого" что то вроде Зевса-Громовержца. Ротный командир, грозный полковник. Катасанов, не так страшен и не имеет над несчастными "сугубыми" такой власти, не говоря уже о моем отделенном воспитателе, маленьком подполковнике Жабокрипком, с которым мы просто нахальны. Итак, все же, перешли "на ты".

Долгая декабрьская ночь. Под утро засыпаем под толчки буферов и равномерный стук колес. Поезд наш, в принципе, идет до Харькова, через Люботин, но, конечно, только в принципе. Для этого нужно, чтобы в Харькове была бы та же власть, что в Сумах и в Люботине. Вчера вечером, везде были петлюровцы. Сегодня в Люботине еще петлюровцы, но в Харькове уже большевики. Узнаем это не сразу. Сначала долго ждем у семафора. Ждем час, другой. Пассажиры, из тех, что налегке, прыгают на балласт и идут пешком. Мы ждем с нашими чемоданами. Чемоданы не "матросские" и могут подвести, хотя мы могли их "социализировать" у любого "буржуя", как полагается уважающим себя матросам. Понемногу поезд пустеет. Время идет к полудню.

— Пойдем? предлагаю радикальный выход.

"Верблюд" ворчит. Он, вообще ужасно ленив. Почти также ленив, как прожорлив. Со мной он подружился из "экономических" соображений. В начале года, наше отделение было во второй роте и я был из числа дежуривших на кухне, в функции которых входило разбивать роту по столам и по количеству рядов. Можно было ошибиться на один ряд и тогда на столе оказывались две лишние порции. Лишние порции отправлялись на последний стол, к дежурным. Достаточно было опоздать в строй, чтобы стать на левый фланг и попасть на последний стол, к дежурным, и "лишним порциям". Лишние порции должны были отправляться назад, на кухню, но иногда поедались дежурными и опоздавшими в строй. Нужно было, конечно, быть в приятельских отношениях со всемогущими персонажами дежурных. В этом и был, в какой то мере, секрет нашей дружбы. Во всяком случае — в начале. Потом, он привязался ко мне, совсем как ребенок привязывается к своей кормилице. После перехода в первую роту, он продолжал дружить со мной по памяти. Здесь ему, несчастному сугубому, лишних порций уже не перепадало.

Итак "верблюд" ворчит и хочет ждать.

— Ведь двинется же он когда-нибудь. — Но он не двигается. Не двигается и "верблюд".

— Пойдем на станцию, там наверное в буфете борщ с пирожками. — Жалко что я не догадался сразу сказать эту магическую фразу — мы потеряли целый час. "Верблюд", кряхтя, встает.

Идем по шпалам версту, которая отделяет семафор от станции. Серое небо, голые, чуть попудренные снегом, поля, белые дымки паровозов на станции. Чемоданы несли на палках, сразу втроем. Тяжелее всех тому, кто в середине. Поэтому, от времени до времени, меняемся. Шумит, как морская галька, под сапогами, щебень балласта, растут станционные постройки, слышнее паровозные гудки и лязг буферов.

Люботин забит составами. Какой там буфет и борщ с пирожками. Тысячи людей на заплеванной платформе и в прокуренных залах. Ночью сдан Харьков. Это, как гром... Что делать? Сначала, конечно, взять себя в руки. Потом подумать. Отдых у тетки — (кроме отдыха, она, в наших планах, предоставляла нам и деньги, которых у нас почти нет) — отпадает. Отпадает и Ростовское направление. Остается Полтава — Кременчуг — Николаев и морем в Крым, если не удастся переехать Днепр у Александровска. Впрочем, сядем в первый поезд, куда бы он ни шел, хотя бы в Киев. До Харькова 28 верст и там большевики.

Ходили по путям, по платформам. Большинство поездов — петлюровские военные эшелоны, повидимому, удравшие из Харькова. Нужно проситься к солдатам. Черт их знает, как обращаться? Пробую: прохаемо вас, добродию чи нэ маетэ для нас мисьця в потягу?

— Идыть соби, идыть. Чи нэ бачитэ що то вийсковый потяг? К нашему несчастью все "потяги" "вийсковые". Все же нужно пытаться. Не оставаться же в Люботине, куда через несколько часов придут большевики?

Второй, третий, четвертый "потяг" — "идыть соби, идыть витсиль". Плохо. Вот кавалерийский эшелон, ржут в вагонах лошади, пахнет конюшней. В открытых дверях теплушки высокий парень, затянутый в длинную кавалерийскую шинель. На серой папахе длинный красный шлык — осэлэдэц.

— Прохаэмо, добродию.

— А кто же ви таки?

— Школяры Сумский вийськовой бурсы.

— Що ж за така вийскова бурса, у перший раз слухаю?

Принижаю голос.

— Сумский кадетский корпус. — Парень в кавалерийской шинели смачно выругался.

— Что же раньше не сказали? А то что то про бурсу мелете. Влезайте живо, Вот, вот отойдет.

Солдаты, вылезшие из глубины вагона и, с ленивым любопытством, слушавшие наш разговор, начинают втаскивать чемоданы. Наш спаситель — елизаветградский юнкер, а сейчас взводный гайдамацкого полка в Кременчуге. Ведут они эшелон ремонтных лошадей из Изюма. Попали, по его выражению, в переплет, их не касающийся, и чуть не остались в Харькове. Кременчуг как раз на нашем пути — ура... У гайдамаков консервы, хлеб, чай, махорка и даже самогон.

Снова стучат на стыках рельс колеса и скрипит теплушка. Лежим на сене под слюнявыми лошадиными мордами. От лошадей, чая и самогона тепло. Все располагает к оптимизму. Даже "верблюд" кажется доволен, хотя и бубнит что то про борщ с пирожками, который я ему будто бы обещал.

— Пей чай, Сережка. — Называю его Сережкой, потому что неудобно как то при чужих звать его "верблюдом".

Юнкер рассказывает про Училище. Недоволен, что не успел произвестись:

— До Керенского было как в пехоте, 4 месяца, а вот взяли и повысили до восьми. Пехотинцев произвели в октябре, а мы так и остались юнкерами. И гетман не произвел. Вот и служу в "пидхорунжих".

Потом он переходит на анекдоты. Гайдамаки почтительно слушают, иногда вежливо вмешиваются. Украинские анекдоты "для курящих" ни с чем не сравнимы. Не говоря о языке, который как будто нарочно для них создан, они серьезно наивны в потрясающем неприличии.

Короткий день тухнет под стук колес, анекдоты, чай и самогон. Засыпаем на сене. День прошел удачно: поезд несет нас к цели, хотя и немного крючком. Утром Полтава. На вокзале ни души, мороз.

— Вы бы может быть в здешний корпус пошли бы лучше? Бог его знает, что за Днепром делается?.. — вопросительно советует юнкер.

Совещаемся недолго. Полтава слишком близка от Харькова. Корпус может быть закрыт, или уже эвакуирован. Едем дальше.

— Ну, что же, оставайтесь.

По вагонам ходят артельщики, бросают в двери буханки хлеба и консервы.

— Три лишних порции, — требует юнкер.

— Як так? — спорит артельщик.

— Давай, давай браток... трех военных подобрали в Люботине.

— Яких военных?

— А ось, — юнкер кивает в нашу сторону.

— Та то же матросы.

— Не матросы, а вийськовы бурсаки.

— Я, хыба, пийду до сотника, спытаю...

Юнкер ругается — артельщик спорит.

— Ну, лезь, чертов сын. Пей мою кровь, — юнкер наливает ему стакан мутного самогону.

— Еей-ей последний. — Артельщик, смакуя пьет кровь нашего гостеприимного хозяина, удовлетворенно крякает, вытирает усы рукавами шинели.

— Ну що ж с тобой робить, бери, пидхорунжий, три порции на твоих бурсаков, — на нас он даже не глядит, повидимому, решил дипломатически игнорировать: а, вдруг, сотнику дело не понравится?

— Бувайте здоровеньки, — и артельщик прыгает на балласт.

Опять стучат буфера. Тянутся перед открытой дверью безконечные снежные поля. Поезд идет быстро. От быстрого хода вагоны качаются и лошадям трудно стоять. Они сталкиваются крупами, переступают с ноги на ногу, иногда вступают в драку. Совсем, как у людей: чего толкаешься?

— Стоять... так вашу... — ругаются гайдамаки.

В полдень в Кременчуге. Опять где то на задних путях. Благодарим юнкера и гайдамаков и прыгаем на пути. Итак мы в Кременчуге, на полдороге до дома. Сегодня 21 декабря. При удаче, попадем к Святкам по домам. Мне еще ближе, чем им. Впрочем только по карте. Наше направление — Николаев, но по дороге мы должны попытаться слезть на Долинской и повернуть на Кривой Рог и Александровск, чтобы снова попасть на главную линию Петроград — Севастополь.

Вокзал набит не меньше, чем в Люботине, но здесь военных мало. Зато толпы русских военнопленных, возвращающихся из Германии и Австрии. Они во всем черном с грязно-желтыми лампасами на штанах и с такой же, вшитой в рукав, повязкой. Поездов на юг нет. Потому так много пленных в Кременчуге. Они кажутся совершенно потерянными в новой российской жизни.

— Говорили нам немцы про Россию, да мы не верили. А вот оно, что на самом деле. Пятую неделю едем. Ни тебе питательного пункта, ни бани, ни Красного Креста, ни Воинского Начальника. С голоду пухнем, на морозе спим. А тут все кругом воюют. А кто с кем и за что, никак не понять.

С пленными как-то сразу дружим. Зараза семнадцатого года их не коснулась. Они остались теми русскими солдатами, которых мы знали до революции: сдержанными, услужливыми, приветливыми, несмотря на годы плена. Воспитайся они на митингах Керенского, они разнесли бы в прах вокзал с его пустым буфетом, да и весь Кременчуг заодно, и заставили бы железнодорожников везти их на юг. Крути, Гаврила.

— Пожрать бы, — вздыхает "верблюд".

Мы оба, Газнев и я свирепеем. Здесь, пока, мы попали в мышеловку, когда там будет поезд? — а он — жрать. Вот троглодит. Сначала узнать, в чем дело, потом пожрешь, если будет что.

— Да я так... Ничего... — он тоже начинает сердиться, — что, по вашему, сказать нельзя, что хочется жрать? Вот хочется, и все!

Мы смотрим на него с уничтожающим презрением.

— Ходячий пищевод...

Евгений Яконовский

(Продолжение следует)

Первые дни в „Славной школе"

(Продолжение)

В спальне, сравнительно небольшой зале с двумя десятками кроватей, разделенных друг от друга высокими тумбочками, над которыми висели лампочки с абажурами, мы застали группу кадет, разных корпусов, вскочивших при нашем появлении.

— Вот молодой, — сказал взводный, садясь на койку, — знакомьтесь с вашими сугубыми товарищами.

"Сугубые товарищи" назвали свои фамилии и пожали мне руку, после чего вахмистр приказал "отставить все церемонии" и, усадив нас вокруг себя, просто и по товарищески объяснил нам все, что мы должны были заучить, на первых порах нашей школьной жизни.

— Пока вы не попросите кого-либо из корнетов стать вашими дядьками, которые научат вас уму-разуму, я сообщу вам необходимое, — объявил нам П-кий.

Оказалось, что мы, юнкера младшего курса, с момента появления в Школе становимся "зверями" и поступаем в полное распоряжение старшего курса, представители которого являются для нас ближайшим и главнейшим начальством. Приказания "корнетов", они же "благородные офицеры", мы должны выполнять немедленно и безпрекословно. С первой минуты встречи со всеми нашими товарищами по младшему курсу или "сугубыми товарищами", мы обязаны перейти на "ты" и быть в самых лучших отношениях. Традиция Школы требовала, чтобы при всякой встрече, хотя бы прийдя всего на всего из отпуска, мы должны поцеловаться друг с другом, что затем являлось во всей последующей жизни обязательным обычаем между двумя бывшими юнкерами-николаевцами, встретившимися где бы то ни было. При входе в помещение взвода любого из юнкеров старшего курса, мы, "молодые", обязаны были вскакивать и становиться смирно, до получения разрешеения сесть. Это было очень утомительно, но эта традиция имела свой смысл, приучая нас видеть начальство в каждом старшем по службе, что потом отзывалось и в дальнейшей нашей службе в полку, где старший по производству корнет делал замечания своему младшему товарищу и это не вызывало никаких трений, так как мы были приучены к дисциплине со школьной скамьи, и "корнет" оставался таковым для своего "зверя" на всю жизнь, что не мешало им быть в отличнейших отношениях друг с другом. Это давало правильное понятие о дисциплине, так как невнимание к старшему в военной школе легко приучило бы к недостаточному вниманию к старшим, вообще. У нас же в Школе чинопочитание, дисциплина и отдание чести вводилось в культ, равно как и блестящее строевое воспитание, или "отчетливость", которыми мы гордились и щеголяли. Это была облагороженная и дове-

денная до истинного совершенства военная школа, печать которой оставалась на людях на всю жизнь. Офицеры, получившие воспитание в "Славной Школе", всегда выделялись своим наружным видом, духом и манерами.

Взводный вахмистр нам объяснил, что каждый из нас теперь же должен просить кого-либо из корнетов взять нас в "племянники", причем, согласно обычаю, в "дядьки" приглашаются юнкера старшего курса, окончившие один и тот же кадетский корпус с "племянником".

— Будете, отчетливыми сугубцами, как я надеюсь, — закончил свое наставление нам взводный вахмистр. — полюбите Школу и вам будет в ней хорошо, а нет, лучше теперь же, до присяги, отчисляйтесь от училища; калекам здесь делать нечего.

Пока мы, во взводной спальне, получали эти наставления, подошел полдень, на средней площадке трубач подал сигнал "сбора" и сейчас же по всем помещениям эскадрона, соловьями запели корнетские голоса: "молодежь... опаздывать?... Ходу... ходу... последнему пачку нарядов". Миг дикого галопа среди сугубых товарищей, и мы уже стояли в строю, встречая глазами, медленно выходивших из спальни, "господ корнетов". Медленность эта, однако, была чисто показная, так как, когда, через три минуты после сигнала, дежурный офицер вышел из своей комнаты, эскадрон в полном составе стоял в безукоризненном строю.

— Здравствуйте, господа, — поздоровался с нами ротмистр.

— Здравия желаем, Ваше Высокоблагородие, — ответил эскадрон и мы, вчерашние кадеты, почувствовали сразу, что перестали быть детьми, а стали военнослужащими.

— Ведите, вахмистр, — небрежно бросил дежурный офицер и, надев фуражку, двинулся по коридору, не оглядываясь.

— Эскадрон, правое плечо вперед, марш, звонко и необычайно четко пропел вахмистр. В этой, привычной с детства, команде, я уловил, однако, опять нечто новое и приятное. Слово "марш" было произнесено не коротко, по пехотному, как в корпусе, а раскатисто и замирая, как в кавалерии.

Эскадрон, отчетливо позванивая на каждом шагу, пройдя коридор и проходную залу, всю увешанную фотографиями различных выпусков Школы, спустился по лестнице в полуподвальный этаж, где находилась столовая. Под лестницей, на каменной площадке, стояло трехдюймовое орудие, на котором юнкера практически обучались обращению с пушкой. По традиции, дабы выразить презрение кавалерии ко всякому другому роду оружия, молодым было приказано здесь чихнуть. Это несчастное орудие, торчавшее в темном углу Школы, служило вообще в училище не столько предметом обучения артиллерии, к каковой науке юнкера проявляли ледяное равнодушие, сколько объектом незаслуженного издевательства в виде гимнастических упражнений на нем, простых и двойных ножниц и т. п.

Столовая, расположенная в длинной, полуподвальной зале с каменным полом, делилась арками и колоннами на две части. Ошую, за столами помещались юнкера эскадрона, одесную — юнкера сотни, которых я увидел здесь впервые. Казаки показались мне народом мрачным, солидным и не имевшим щеголеватости наших корнетов. Эти последние и в столовой продолжали наше воспитание, строго следя за нашими манерами во время еды, и, поминутно делая замечания по всяким поводам. Дежурный офицер, гулявший между арками с равнодушным видом, не обращал на все это ни малейшего внимания. Как потом я узнал, подобные вещи происходили лишь тогда, когда в столовой дежурили офицеры эскадрона; офицеры казачьи, никаких традиций не признававшие, безпорядка и шума в столовой не терпели. К моему удивленю, "господа корнеты" были исключительно заняты в столовой воспитанием молодежи и сами казенной пищи не принимали. Причиной, как оказалось, было то, что юнкерская лавочка, продававшая в Школе всевозможные вкусные вещи, заменяла им с избытком казенное довольствие. Лавочка эта, управляемая выборным хозяином из юнкеров, помещалась в нижнем этаже, в так называемом "гербовом зале", где просиходили гимнастические занятия и стояли соответствующие снаряды. Стены его были сплошь увешены щитами, раскрашенными в полковые цвета, на каждом из которых была указана краткая история полка, его отличия и особенности, что составляло главный предмет т. н. "словесности", обязательной для каждого юнкера младшего курса. "Словесность" или "дислокация", кроме того, обязывала каждого "молодого", в возможно краткий срок, изучить во всех подробностях и деталях не только все относящееся к 72 полкам регулярной кавалерии, но также имена и отчества всего начальства, и в первую очередь, юнкеров старшего курса, с добавлением того, в какой полк он намерен выйти, иногда и имя его любимой женщины (которые частенько менялись). Все это было довольно сложно, но внедрялось в наши головы с такой неуклонностью и настойчивостью, что, я помню все это до сегодняшнего дня, почти через полвека. Для быстрейшего усвоения молодежью всей этой науки, старший курс не стеснялся нас экзаменовать в любой час дня и ночи и в любом месте; будили по ночам, ловили в коридоре и столовой, в церкви и манеже, заставляя перечислять гусарские или уланские полки, или объяснять подробности и историческое происхождение той или иной формы. Словом, пока, по всей этой мудрости, молодые не сдавали экзамена у своего "дядьки", им не было ни отдых, ни покоя. Была, кроме этой официальной дислокации, еще и словесность, менее обязательная, но все же приличествующая хорошо выправленному и "отчетливому" сугубцу. Отчасти она была характера анекдотического, отчасти результатом философски-практических размышлений, вроде "верх рассеяности", имевшего совершенно неприличный характер.

Корнеты считались "родившимися в Школе из пены Дудергофского озера" и являлись "офицерами"

уже в училище, "молодые же и сугубые", в лучшем случае, могли расчитывать на чин "штаб-трубача через 75 лет и то при удачном производстве". В смысле предела своей власти над младшим курсом, старший курс вопреки фантазиям и рассказам, распространявшимся среди людей, враждебно относившихся к армии, был строго ограничен определенными рамками, переходить которые не имел права под страхом лишения "корнетского звания". За этим смотрел "корнетский комитет", в который входили все юнкера старшего курса, и его выборный председатель, верховный блюститель традиций Школы, компетенция которого была неоспорима. Согласно этим, неписаным правилам, "корнеты" не имели права задевать "личного самолюбия молодого", который обязан был лишь исполнять беспрекословно все то, что ранее его переносили ему подобные из поколения в поколение, но имел право обжаловать в "корнетский комитет" то, в чем усматривал "издевательство над его личностью", а не над "сугубым званием". Строжайше, например, запрещалось "корнетам" дотронуться хотя бы пальцем до юнкера младшего курса с неуважением — и надо правду сказать, это правило никогда не нарушалось, ни при каких обстоятельствах. В свою очередь, старший курс в своей среде строго придерживался порядка старшинства, свято соблюдавшегося в военной среде старого времени. Старшинство это, однако, базировалось совсем не на уставе, а на обычном праве. Вахмистра и портупей-юнкера для старшего курса были начальниками лишь в строю, в общежитии же никакими привилегиями не пользовались, зато, засевшие на одном и том же курсе "майоры" почитались выше рядовых "корнетов", а еще выше были "полковники", находившиеся в училище четвертый год, и редкие "генералы", просидевшие до пяти. Этим последним младший курс отдавал генеральские почести, именовал "превосходительством" и становился во фронт. Все эти чины, приобретались отнюдь не за малоуспешность в науках или в строю, каковые юнкера уважением не пользовались и именовались "калеками", а, так сказать, по линии традиций.

Дело в том, что, с назначением начальником Николаевского кавалерийского училища генерала М., в Школе, со стороны последнего, началась борьба против традиций. Генерал этот сам, ни кадетского корпуса, ни кавалерийского училища не окончил, а был человеком штатским, произведенным в офицеры из вольноопределяющихся. Именно, благодаря этому, он и был назначен начальством, для уничтожения старого быта в Школе, как человек кавалерии совершенно посторонний, в строю почти не бывший и служивший по генеральному штабу. Случаем же, побудившим штабные власти начать борьбу с традициями, послужило то обстоятельство, что некий, высокопоставленный юноша, поступивший на младший курс Школы, был обижен тем, что гг. корнеты применили к нему то же самое обращение, что и к его сугубым товарищам, менее высокорожденным. В этом отношении, Школа была, на редкость безпристрастна: перед традициями, все были равны и подвергались на младшем курсе одинаковой муштре, не исключая членов Императорской фамилии, проходивших в ней курс.

Любимым наказанием генерала М. в его безуспешной борьбе с традициями Школы, была "отчисление" замеченных им в цуке, "корнетов" в полки — вольноопределяющимися на более или менее продолжительный срок. Обыкновенно, такой изгнанник снова возвращался в Школу для продолжения курса, но, потеряв год, а то и два. Вот такие-то борцы за традиции, вернувшись из "полчков, которыми они командовали", как выражались юнкера, и носили вышеуказанные высокие чины.

Помимо чинов, имелись на старшем курсе и, так называемые, "пассажиры", временные или постоянные. Это были, неудостоенные, при переходе на старший курс, производства в "корнеты" из за "корявости", или временно переведенные на это положение за провинности, товарищеским судом. Отношение к "пассажирам", со стороны юнкеров старшего класса, было товарищеское, в отношении же младшего курса, они никакими правами не пользовались. На этой промежуточной роли, я помню только двух юнкеров, оба они были иностранцы, плохо говорившие по-русски.

Анатолий Марков

(Продолжение следует)

Московское учебное заведение для колонновожатых

Около ста лет тому назад, под редакцией полковника Мельницкого, вышел в свет двухтомный "Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России". Исторический очерк об Императорской Военной Академии возглавлялся статьей о "Московском Учебном Заведении для Колонновожатых", миниатюрном зародыше будущей Академии, написанной ген. майором ген. шт. А. П. Болотовым, бывшим "колонновожатым", ставшим впоследствии профессором Академии.

В 1810 году, среди студентов Московского Университета, возникла мысль организовать "Общество любителей математических наук", с целью распространять эти науки и их преподаванием и изданием оригинальных сочинений и переводов иностранных источников. Председателем этого общества был избран отставной подполковник Николай Николаевич Муравьев, третий сын которого, Михаил, был в то время студентом Московского Университета и одним из организаторов того же общества. (Когда печатался "Сборник сведений...", он был уже членом Государственного Совета, Министром Государственных Имуществ и Председателем Департамента Уделов).

"Общество..." начало свою деятельность с издания переводных сочинений тогдашних светил математиков (Эйлера, Лагранжа, Лапласа и др.), но вскоре Н. Н. Муравьев склонил Общество к более активной

работе, к чтению лекций по математике и военным наукам. Чтение лекций, публичных и бесплатных взяли на себя, по прикладной математике М. Н. Муравьев, Щепкин и Чумаков. Муравьев-отец читал курс военных наук, а летом преподавал практическую съемку. К этому времени, два старших сына Н. Н. Муравьева были уже в Свите Его Императорского Величества "по квартирмейстерской части". Оба молодых офицера обратили на себя внимание Начальника Главного Штаба Государя князя П. М. Волконского, бессменного сотрудника Императора Александра I. Волконский пожелал ближе познакомиться с отцом Муравьевых, с его преподавательской деятельностью и, оценив ее по достоинству, взял Общество под свое покровительство и был избран его почетным членом.

Накануне 1812 г., когда в армии обнаружился недостаток в офицерах "генерального штаба", многие ученики Н. Н. Муравьева были, без экзамена, зачислены прапорщиками на военную службу и вскоре переведены в "свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части". Сам Н. Н. Муравьев, в своем собственном доме, вновь приступил к чтению лекций по математическим и военным наукам; тогда же князь П. М. Волконский исходатайствовал Высочайшее соизволение на зачисление учеников Н. Н. Муравьева, по его аттестации, на военную службу "колонновожатыми" и на перевод их в "офицеры по квартирмейстерской части". По его же представлению, сам Н. Н. Муравьев снова вернулся на действительную военную службу и с чином ген. майора был тоже зачислен в "квартирместерскую часть".

С этого времени началось официальное существование "Московского Учебного Заведения для Колонновожатых", под которое Н. Н. Муравьев отдал свой собственный каменный дом, свою библиотеку и инструменты и прочие учебные пособия. Казна же выдала ему... 5.000 р. ассигнациями в год... на содержание училища, чертежной, канцелярии, на отопление и освещение. Посещавшие училище "колонновожатые" получали от "Комиссариата" жалование "по положению" (150 р. ассигн.), жили они на "вольных" квартирах и являлись ежедневно на лекции от 9 ч. утра до 2 ч. пополудни. Весною весь состав Училища переселялся в родовое имение Муравьевых — "Долголядье", Можайского уезда, где лекции читались прежним порядком, с придачей съемок на местности и фронтовой муштры. Учащиеся разбивались на партии и каждой партии ставилось в обязанность снять 200-300 кв. верст за лето; таким образом была нанесена на карты половина Московской губернии.

В 1823 г. Н. Н. Муравьев ушел в отставку и его учебное заведение перестало существовать, успев обучить 138 человек, из коих 127 были приняты в "свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части", т. е. в тогдашний "генеральный штаб". Через несколько же лет, в Петербурге была учреждена настоящая академия.

Фамилия Муравьевых (и их родственников Муравьевых-Апостол) всем известна из истории XIX века. Н. Н. Муравьев несомненно является создателем нашего Генерального Штаба и создал он его, почти "без расходов от казны" (а состояние его заключалось всего в 140 душах). Вместе с тем надо отметить, что 23 его бывших ученика оказались впоследствии в рядах декабристов; его сыновья, названные выше, типичные "дети 1812 г." и кто хочет ближе познакомиться с метаморфозой их морального образа — прочтет статью М. В. Нечкиной ("Декабристы и их время", 1951) — "Священная Артель", членами коей они были.

Извлек В. Р.

На закате

(Историческая повесть)

Глава Первая

Все гуще и гуще валил снег... За гранитными стенками набережной, где мириады кружившихся в пляске снежинок сливались в одну сплошную пелену, лишь смутно угадывалась, скованная льдом, широкая гладь Невы... Порывы ветра поднимали целые облака снежной пыли, здесь — обнажая обмерзшие булыжники мостовой, там — громоздя высокие сугробы... Скала, на которой царственный всадник вздыбил своего коня, казалась островом среди внезапно застывших волн бушующего моря... Смутно мерцали редкие масляные фонари, то вспыхивая длинным коптящим пламенем, то почти совсем угасая и превращаясь в еле видимые красные точки... Несмотря на еще не поздний час, улицы и площади были пустынны. Да и кто променял бы, без крайней нужды, свет, тепло и уют домашнего угла на темную ночь и борьбу с леденящим ветром?.,

Повидимому, одна нужда выгнала на улицу одинокую фигуру, шагавшую с трудом против ветра по пустынной набережной. Сдерживая коченеющей рукой старый, порыжевший истрепанный плащ, низко склонив голову, чтобы хоть немного защитить лицо от колющих калеными иглами, несущихся льдинок, человек еле продвигался вперед, с трудом вытаскивая ноги из нанесенного вьюгой, под стенками набережной, глубокого снега... Во всем его облике чувствовалась дошедшая до предела усталость... Но, если бы случайный прохожий мог заглянуть ему в лицо, он прочел бы еще и безконечную усталость душевную, еще большую чем та, которая сковывала все его члены...

Одинокий путник поравнялся с гениальным творением Фальконета. В игре снежных вихрей, то застилавших совершенно, то открывавших его на мгновение, чудилось, что вздернутый на дыбы конь дрожал, подчиняясь могучей воле своего всадника, гордо

протянутая рука которого, казалось, хотела остановить саму разбушевавшуюся стихию... Человек остановился, крепче стягивая плащ, который пытался сорвать с него все усиливавшийся ветер.

— Думалось ли тебе, когда либо, — произнес он про себя, ища взглядом сквозь несущийся снег бронзовый лик всадника, — что твой потомок одним росчерком пера уничтожит нашу святыню — дарованный тобою флаг? Что твой флот пойдет с торгов, как описанное за долги имение промотавшегося кутилы?..

«Petro Primo - Catarina Secunda», — вспомнил он лаконическую надпись на скале... да, Она понимала тебя, понимала и ценила флот... Понимал и любил его и несчастный Павел Петрович... А Александр?"

Он безнадежно и устало махнул рукой и, повернувшись опять против ветра, зашагал дальше по сугробам. Все тяжелее, все медленнее становился его шаг... Хоть на минуту присесть, отдохнуть, забыться... Прошла, казалось, целая вечность, пока он пересек Сенатскую площадь и, оставив влево громаду Исаакия, свернул в длинную узкую улицу, где для ветра уже не было такого раздолья и где можно было, наконец, свободнее вздохнуть. Пройдя еще с сотню шагов, он снова остановился. Нет, — хоть на несколько минут, но надо сесть... Предстоял еще безконечный путь до его жалкой и холодной каморки где-то там, на задворках далекой Гавани... Он тяжело опустился на, занесенные снегом, ступени барского особняка, между двумя безформенными белыми массами, в которых едва ли можно было угадать пару чопорных геральдических львов.

Только сейчас он ощутил полностью, до какой степени он устал. Он вышел из дому с утра, все время на ногах, ничего не ел, кроме захваченной с собою корки хлеба... Нужда, острая безпощадная нужда заставила опять обойти всех друзей... немного их осталось, в надежде на помощь... "на милостыню". Зачем не называть вещи их собственными именами?" — пробормотал он с горькой усмешкой. Мысленно подвел итог дня. Почти сплошная неудача: одних не застал дома, другие — заняты, не могут принять... У Аксаковых — старик человек добрый, но... боится скомпрометировать себя, а потому и не вышел сам, а выслал с дворецким три рубля серебром... Три рубля... Странно даже вспомнить время, когда бы ему и в голову не пришло, наградить отличившегося матроса или солдата меньше, чем червонцем. И немало их было роздано — этих червонцев... Ну, не жалеть же о них? Ушло много, много больше... Но зато он может с чистой совестью смотреть в глаза каждому офицеру, каждому матросу своей эскадры: из за него они ничего не потеряли, — всем им он выдал полностью, до последнего гроша, полагавшиеся им, по закону, призовые деньги, выплату которых, под всякими предлогами, и, не без умысла, может быть, из года в год оттягивали канцелярии Министерства...

Немало хлопот стоило ему разыскать многих из них, ушедших в отставку или "уволенных в чистую", как они говорили, по разным забытым усадьбам и глухим медвежьим углам... Сейчас все закончено. Последний денежный пакет сдан сегодня на почту. Он невольно улыбнулся, вспомнив, с каким подозрением разглядывал его маленький лысый чиновник в очках и с гусиным пером за ухом, ставя на пакет, медленно и обстоятельно, большие сургучные печати... Да все кончено, все в порядке... и сам он нищий... Нищий, для которого теперь и три рубля — целое состояние. Он крепче запахнул свой старый плащ, пытаясь защитить и лицо, и руки от пробиравшегося всюду холода... Надо идти... до дома еще так далеко... Но он так устал... Хоть несколько минут еще...

Мысль опять повернулась к истекшему дню... Тех не застал, те не приняли... Бог с ними, с остальными... Но этого он никак не мог ожидать... Василий Петрович, человек, который ему обязан всем... Мелкий чиновник Министерства Иностранных дел, присланный к нему на эскадру... которого он выдвинул, рекомендовал, поддерживал... Теперь это персона — правитель канцелярии министра, почти что министр... И он сам слышал, стоя в темной прихожей, как, вышедший из своего кабинета, хозяин, раздраженным шопотом, говорил слуге:

— Надоел он мне, вечно шатается... И принесла его нелегкая, когда у меня сидит Его Сиятельство... Совести нет приходить в такое время... Выпроводи его по добру-по-здорову, скажи, что никак не могу принять... Объясни, какой гость у меня...

Вспомнилось смущенное и участливое лицо старика лакея, пытавшегося придать менее обидную форму отказу своего барина и на вопрос о госте, таинственно шепнувшего:

— Они сами-с... Их Сиятельство Граф Аракчеев...

Все понятно, саркастическая улыбка скользнула по усталому лицу, стоит ли, действительно, ради каких то сентиментов, рисковать расположением всесильного фаворита, признавшись в знакомстве с отщепенцем, заклейменным немилостью Государя?..

Немилость... За что?.. За то-ли, что он служил Ему и России, не щадя себя, рискуя всем и ставя выше всего честь и престиж Русского флага? За то, что привел к подножию Престола два братских народа, которые, приветствуя его, как избавителя от ненавистного чужого ига, возносили горячие молитвы за пославшего его Белого Царя?" Перед ним встали, залитые солнцем юга, скалы и утесы Боки Катарской... Гром салюта, клубы белого дыма, стелющиеся по голубой глади бухты, большие флаги с крестом Святого Андрея на стеньгах, на "Семи крепостях" — ключах к бухте и всей стране — толпы празднично разодетого народа, песни, пляски, стрельба из ружей и несущиеся со всем сторон возгласы:

— Живио Александр... Живио Сенявин...

И слезы радости, скатывающиеся по щекам обнимающего его митрополита Петра, этого своеобразного, и духовного, и военного вождя своего храброго народа...

Картины вставали и сменялись... Скромная, выбеленная известью, комната в домике селянина-бокезца, — его штаб-квартира. Шум голосов, горячие

споры... На все домогательства представителя маршала Мармона, на все доводы перепуганных дипломатов, включая и прибывшего прямо из Парижа, участника мирных переговоров, их ссылки на грозящий ему гнев Императора, за неисполнение условий уже подписанного договора, — у него один ответ: — "Нет". — Нет, пока не вернется из Петербурга делегация черногорского и бокезского народов, нет, пока не получит именного повеления Государя... До тех пор он не сдаст французам ни одной крепости, ни одной пяди этой земли, политой кровью русских солдат и их верных союзников...

Французский полковник в бешенстве. Он вскакивает, горячится, кричит... Что?.. Он смеет угрожать?.. Схватил его за рукав?.. Резким движением он стряхивает руку француза и... открывает глаза...

. . . .

Будочник, Харлампий Тюрин, кряхтя и охая, поднялся с лавочки, завязал покрепче, поверх картуза, теплый женин платок и, взяв из угла тяжелую аллебарду, приоткрыл дверь будки. Ворвавшийся ветер, бросив ему в лицо целую пригоршню мерзлого, колючего снега, поднял сноп искр из маленькой печурки...

— Иш, ты, погода-то какая. Словно черти свадьбу справляют... И чего зря шататься в такую погоду, когда, говорится, добрый хозяин и пса на улицу не выгонит, не то, чтобы хрестьянская душа какая... — ворчал он, стоя на пороге и не решаясь двинуться дальше — да неровен час, понесет нелегкая лысого черта квартал обходить. — Мысль о возможности квартального, Пахомыча, положила конец его колебаниям и, захлопнув дверь, он решительно шагнул в темноту.

С трудом вытаскивая ноги из глубоких сугробов, он медленно продвигался вперед, поругивая погоду, Пахомыча, жену, отказавшую в "шкалике на дорогу" и всю свою "жисть горемычную". Фонарь, того и гляди, задует, аллебарда давит плечо и мешает.

— Чтой-то там, на подъезде, у Салиных?.. Никак человек сидит? Так замело, что и не разберешь толком..." — Харлампий чуть не растянулся, задев ногой за тумбу, помянул всю родню, подошел к крыльцу и, поднеся фонарь к неподвижной фигуре, рявкнул:

— Чего расселся, такой-сякой... Не знаешь, что-ли, что не велено по ночам шататься? Вставай, да убирайся, не то в часть сволоку... Не слышишь, что ли?.. Вот, замерзнет такой бродяга, а ты и отвечай за него, потом... Вставай, говорят тебе...

И Харлампий Тюрин схватил спящего за плечо своей медвежьей лапой, в громадной рукавице.

Человек внезапно поднялся на ноги. Под распахнувшимся плащем, мелькнул потертый темно-зеленый мундир с потускневшими пуговицами. Резким движением, он освободил плечо.

— Прочь лапу... — гневно сверкнули голубые глаза.

Харлампий опешил.

— Я что-ж... Виноват барин, Ваше Благородие... Мне невдомек. Мороз опять же больно лютый... Заснешь, да больше и не проснешься... — бормотал он скороговоркой, с опаской поглядывая на столь необычного "арестанта".

Гневное выражение голубых глаз сменилось зажегшимся в них теплым, приветливым огоньком...

— Ты прав, служивый. Спасибо, что не дал мне заснуть навсегда... Хотя, может быть, и лучше было бы... Не, судьба... На, выпей за мое здоровье... — и, запахнув свой старый плащ, странный "бродяга" повернулся и зашагал по хрустевшему, от крепчавшего мороза, снегу...

Харлампий Тюрин остался на месте. Прислонив аллебарду к плечу, он рассматривал, при свете фонаря, широко раскрытыми глазами, лежавшую на его ладони, монету.

— Рупь серебром... Поди ж ты... Чудны дела твои, Господи... Спасибо, барин... — крикнул он, спохватившись, вслед, в темноту.

Глава Вторая

Яркое зимнее солнце заливало своим блеском "Северную Пальмиру", придавая ей праздничный и вдвойне радостный вид после мрака и вьюги предшествовавшей ночи. Единственное, что еще напоминало о ней, были громадные кучи снега, сваленные вдоль тротуаров, над очисткой которых трудилась с раннего утра, целая армия дворников, под недремлющим оком квартальных и приставов.

Невский проспект жил веселой и шумной жизнью редких солнечных дней. По тротуарам двигались в этот послеобеденный час, густые толпы народа. Спешили со службы мелкие чиновники в форменных фуражках и потертых шинелишках, испуганно шарахались в сторону и низко кланялись при встрече с важно шествовавшим столоначальником или директором департамента, в шубе с бобровым воротником и внушительных размеров Анною на шее, проходили, звеня шпорами и гремя опущенными саблями, молодые корнеты, лихо закручивая еле пробивавшиеся усы и победоносно заглядывая под шляпки бойких "мамзелей", с громадными картонками от "Мадам Элиз" или "Мадам Сюзанн", стрелявших глазками направо и налево. Наводили страх и трепет на эту военную молодежь, сердитые генералы с седыми бакенами, в треуголках с плюмажем и с белым Георгиевским крестиком, в разрезе тугого шитого воротника, медленно двигались, нарочито разбитной походкой столичные "львы", в неимоверно узких панталонах со штрипками, небрежно лорнируя встречных дам, солидно выступали под руку со своими Амальхен или Каролинами, васильеостровские немцы, плыли павами дородные купчихи, в лисьих ротондах.

С растерянным видом, жались к стенам домов заезжие провинциалы, не успевая охватить взглядом всех чудес и опасаясь, как бы не толкнуть какую-нибудь "важную столичную персону".

— А дозвольте полюбопытствовать, — приставал степной помещик с длинными усами, в бекеше и дворянской фуражке, к "столичному" чиновнику с распухшей и повязанной байковым платком щекой, — из-

вестно ли вам, кто сей толстый господин, что рассматривает эстампы в окне?

— Как же не знать? — полу-покровительственно, полу-презрительно отзывался "петербуржец", — это Иван Андреевич Крылов-с, известнейший баснописец... а те, двое, что подошли к нему, — блистал он дальше своей осведомленностью, — господа Жуковский и Гнедич, — тоже весьма приметные пииты.

— Чудеса... Куда ни посмотришь, все знаменитые личности, — дивился помещик, — а это что такое?

Под треск барабанов и свист флейт, игравших "поход" — вывезенную в тринадцатом году из Берлина, задорную уличную песенку, шагали стройные ряды рослых солдат в высоких киверах и серых шинелях, перекрещенных белоснежными ремнями аммуниции. Сверкали на солнце, выравненные, как один, стальные штыки.

— Это, лейб-гвардии Преображенского полка, караул из Зимнего Дворца возвращается.

Проносились, поднимая сверкавшую алмазами снежную пыль, сани, запряженные лихими рысаками или подобранными под масть парами, под большими сетками, кисти которых волочились и прыгали по снегу. Внушительно покрикивали толстые кучера на, трусивших мелкой рысцой, "ванек" или зазевавшихся пешеходов.

— Мы слишком долго катались и я боюсь, что опоздаем к чаю, — говорила девушка лет восемнадцати, своему спутнику, элегантному офицеру Гвардейского экипажа, в полной парадной форме:

— Vous savez parfaitement combien elle est difficile, ma tante Sophie, насчет аккуратности... C'est votre faute, Anatole!

— Не беспокойтесь, кузиночка. Ваш "Красавчик" домчит нас мигом, — ответил офицер, любуясь ее профилем, поскольку это позволял, отороченный заячьим мехом, капор, из под которого выбивались непокорные черные кудри.

Сани свернули с Невского на, сравнительно безлюдную, набережную Фонтанки.

— Степан, скорее, — крикнула девушка.

— Слушаю, барышня... Э-э-эх, наддай, разлюбезный, — пробасил кучер. На повороте, сани покатились в сторону. При окрике кучера, шедший крупной иноходью, "Красавчик", ринулся вперед.

— Э-эй... бе-ре-ги-сь, шинель...

Переходивший дорогу, пожилой человек, в поношенном плаще военного покроя, погруженный в какие то мысли, не расслышал оклика или не успел отстраниться, как уже правая оглобля ударила его в плечо и отбросила в сторону. Он покачнулся и упал в снег.

— Боже мой., Степан, стой... — вскрикнула испуганно девушка. — Остановись, говорю тебе...

— Ничего, — недовольно вмешался офицер. — Из-за всякого зеваки время терять... Мы и так запаздываем... Поезжай дальше, Степан...

— Стой! — взволнованным голосом, в котором слышались слезы, повторила девушка, — Vous n'avez pas de cœur, Anatole. Он может быть ранен, убит....

Только через десяток сажень, Степану удалось осадить разошедшегося "Красавчика". Девушка, отстегнувшая дрожащими пальцами медвежью полость, нетерпеливым жестом отстранила руку, пытавшегося ей помочь, Анатоля, и легко выскочив из саней, побежала к, поднявшемуся уже на ноги и стряхивавшему снег со своего плаща, человеку.

— Что с вами? — спросила она, подбегая, — вы очень ушиблись?.. — Mon Dieu! Il est blessé, — она,, испуганно, посмотрела на его левый висок, по которому медленно скатывались темные капли крови.

— Ne vous inquietez pas pour une pareille bagatelle, Mademoiselle, — ответил он, приподнимая свою мятую старую фуражку.

Девушка смотрела на него широко открытыми глазами... как странно... Этот бедняк, даже нищий, судя по состоянию его одежды и сумке, лежавшей на снегу, у его ног, говорил на безукоризненном, по форме и произношению, французском языке... Ее рука, вынимавшая уже из муфты бисерный кошелек, быстро опустила его обратно... И оттого, что эти ясные голубые глаза, с добрым, и вместе с тем, властным взглядом, казалось, читали ее мысли, смущение, охватившее ее, возросло еще больше...

— Мне так жаль... — забормотала она, путаясь и краснея, — Степан такой безтолковый... не смотрит...

— Нет Mademoiselle, ваш кучер не виноват, он во время окликнул. Вся вина на моей стороне... Но, ваш спутник ждет вас с большим нетерпением, — переменил он тему, указывая глазами на Анатоля, полуобернувшегося в санях и внимательно следившего за их разговором. — Моряк... Ваш жених, вероятно?..

— О, нет, — горячо вырвалось у девушки, это только "papa"... она запуталась, покраснела еще больше и закусила губу, злясь на саму себя, за эту непонятную откровенность перед совершенно чужим человеком.

— Может быть., я все-таки... могу... хоть что-нибудь сделать для вас? — заговорила она опять, опустив глаза.

— Благодарю вас, нет. Вы уже сделали мне большее добро, чем вы можете подозревать... — Мягкий и грустный взгляд его глаз долго задержался на смущенном лице девушки... — Я не забуду этого... Дай вам Бог то счастье, которые вы сами желаете и которое вы заслуживаете...

Он почтительно поклонился, поднял свою сумку и двинулся дальше... Девушка постояла еще минуту в раздумьи, глядя ему вслед, и затем, медленно вернулась к саням.

— Что с вами, Ната? — встретил ее недовольным тоном Анатоль, — то вы так торопились, а теперь забыли все на свете, включая, tante Sophie, не говоря уже о моей скромной особе, за увлекательной беседой с этим интересным оборванцем...

Шутливый тон его плохо гармонировал с явно написанной, на его красивом лице, досадой.

— Не оказался ли он, случайно, заколдованным

принцем из «Mille et une Nuit», предложившим вам полцарства и свое сердце на придачу?...

— Ne posez pas éternellement au bel esprit, Anatole... A la longue cela devient fatigant... — раздраженно отозвалась Ната, — этот "оборванец" глубоко несчастен и, наверное, лучший человек, чем мы с вами...

— Ого-го, кузиночка, да вы, оказывается, не на шутку увлеклись этим таинственным незнакомцем...— Он продолжал выдерживать легкий тон светской болтовни, не будучи все же в состоянии совершенно замаскировать свое плохое настроение.

— Бросьте, наконец, глупости, Анатоль, и скажите лучше, хорошо ли вы видели его лицо?

— Более или менее, — ответил он, подчеркнуто равнодушно, — я, ведь, не был так заинтересован, а почему вам это так нужно знать?...

— Мне его лицо кого то напоминает... я его уже видела... и часто... но, где?.. Когда?..

— Не знаю, — небрежно протянул офицер.

. . . .

Ната сердито отвернулась. До конца пути, они больше не разговаривали, предаваясь каждый своим мыслям...

М. фон-Кубе

(Продолжение следует)

Два аршина восемь вершков

"Майн Оунест Оун" и *"Рикордо"* были лошадьми, родившимися для того, чтобы прыгать. Они происходили из завода Корибут-Дашкевича и, как многие потомки *"Ловеласа"*, а между ними и знаменитый *"Алькад"*, косолапили задом и, идя шагом, сильно выворачивал наружу скакательные суставы.

Гнедая *"Май Оунэст"* переменила несколько владельцев. Сперва она принадлежала Кнаапу, затем Руммелю и, наконец, попала к Парфенову, который из за болезни, после перенесенной операции, не мог временно ездить и потому дал кобылу мне, на весь сезон конкуров "Общества любителей верхового спорта". *"Май Оунэст"* была лошадь очень нервная и сильно тянула на препятствия, но обладала выдающимся сердцем, феноменальной ловкостью и колоссальной траэкторией прыжка.

"Рикордо" был рыжий гигант, с богатейшим костяком и атлетической мускулатурой. Он обладал громадными способностями и прыгал очень чисто, зачастую сворачивая в сторону задние ноги, чтобы не задеть препятствия; но его характер заставлял желать лучшего. Он был упрям и для отказов пользовался малейшей оплошностью всадника.

В программе конкура назначенного на 29 апреля, я должен был ехать на *"Май Оунэст"*, в призе на переходящий кубок Общества. В этот же день, должно было состояться и состязание в высоту, для которого у меня не было лошади. На *"Рикордо"*, в этом состязании,ехал Гибнер. За неделю до конкура, придя в манеж Кона, я застал там Гибнера, Руммеля и Парфенова. Кона не было. *"Рикордо"* под Гибнером ожесточенно закидывался. Ни шпоры и хлыст ездока, ни удары бичем со стороны, не помогали. В этот момент в манеж вошел Кон.

— Что они делают? — спросил он меня вполголоса и приказал Гибнеру слезть. Гибнер — многолетний ученик Кона — тотчас же повиновался.

Кон сел на *"Рикордо"* и тот прошел весь паркур без малейшего намека на непослушание.

— Вы теряете контакт со ртом лошади, — сказал Гибнеру Кон, и, кроме того, в последнее время, у вас ослабел посыл.

И очаровательно улыбнувшись (Гибнер тогда усиленно ухаживал за одной прелестной дамой), Кон продекламировал известное четверостишие:

"Любите дети аккуратней.
"Чем реже, тем оно приятней.
"И Боже вас оборони
"От необузданной любви...

Руммель, Парфенов и я рассмеялись. Гибнер обиделся.

— Я не поеду на этой лошади, — сказал он.

Кон насмешливо улыбнулся:

— В таком случае, я попрошу Михаила Яковлевича ехать на *"Рикордо"*. Надеюсь, что вы не откажетесь?

**
*

Приз на переходящий кубок Общества выиграл я. По этому поводу, в "Конском Спорте", было напечатано: "безукоризненно и с полным пониманием своего дела проехал и заслуженно выиграл первое место корнет Дудышкин на гнедой кобыле *"Май Оунэст"* завода Корибут-Дашкевича. Надо отметить, что заслуга ездока увеличивается еще и тем, что лошадь несла 4 вершка повышения и для ведения ее, в сравнительно небольшом манеже, при ее сильном темпераменте и энергичном темпе галопа, очень трудно".

Пока в манеже шла карусель членов Общества, я стоял в предманежнике, где водили лошадей записанных на состязание в высоту. Их было три: *"Дульцинея"*, под Петербургским уланом, ротмистром Соколовым, которого я помнил еще с его корнетского чина, по конкурам в Москве, *"Херод"* под Гибнером и *"Рикордо"* подо мной. Когда конюх, водивший *"Рикордо"*, поравнялся со мной, я приказал ему стать. *"Рикордо"* косит на меня своим выпуклым глазом и нетерпеливо гребет землю передней ногой. От музыки и топота лошадей, доносившихся из манежа, он волнуется. Его тонкая кожа покрывается сетью кровеносных сосудов, а обрубок его хвоста нервно вздрагивает. Карусель окончилась. Я сажусь в седло и, вслед за Соколовым и Гибнером, въезжаю в манеж.

***

Первую высоту — 2 аршина — мы все взяли совершенно легко. На 2 арш. 4 верш. отпал Соколов и состязание продолжалось между мною и Гибнером. Отличный и опытный ездок, он был мне очень опасен. *“Херод”* и *“Рикордо”* продолжали прыгать чисто и препятствие было поднято на 2 с половиной аршина. Оно казалось огромным, Первым был должен прыгать Гибнер. Чтобы ему не мешать, я стоял в углу манежа, у боковой ложи. Сидевшая в ней какая то немного полная, но очень красивая брюнетка, кокетливо на меня посмотрела.

“Херод” не смог преодолеть препятствия, и прыгая в третий раз, упал вместе с Гибнером. Наступила моя очередь. Брюнетка мне улыбнулась и тотчас же лукаво опустила глаза вниз. Я поднял *“Рикордо”* в галоп... В первый раз, я опоздал посылом и он стал, как вкопанный. Пошел вторично — снова закидка. В третий раз я сконцентрировал всю свою энергию и внимание.

Я вел лошадь в тугих шенкелях, следя за каждым ее движением. За несколько метров до препятствия, *“Рикордо”* замедлил темп и сразу же, после этого, насторожил оба уха и лег в повод. Это был знак, что он решил прыгнуть. Я уловил момент и сильным посылом швырнул его на препятствие, чувствуя, что идеально иду вместе с лошадью. В эти мгновения для меня ничего не существовало в мире, кроме стремления ничем не помешать коню. *“Рикордо”* сделал колоссальный прыжок... Раздался гром апплодисментов. Чисто... Я соскочил с *“Рикордо”* и дал ему сахару. Все меня поздравляли. Кон обнял и поцеловал меня. Павел Родзянко фамильярно ударил меня по плечу.

— Этот мальчишка, далеко пойдет, — сказал он Кону.

Этот удар со стороны знаменитого ездока, ученика Пинерольской школы, знавшего лично великго Каприлли, показался мне чем то вроде древнего удара мечом, при посвящении в рыцари.

Многие из публики входили в манеж и приближались к препятствию. Подошла и, замеченная мной в ложе, красавица.

— Какая страшная высота, — сказала она вслух, ни к кому не обращаясь. Я стоял в трех шагах от нее. Это был несомненный вызов — а она была очаровательна. Кон толкнул меня в бок... Но мне было не до нее... Я весь был в упоении от своей победы и *“Рикордо”* мне казался лучше и интереснее всех женщин земного шара. Если эта брюнетка назвала меня мысленно форменным дураком, то была совершенно права и, позже, я раскаивался в своей глупости.

После конкура, Кон, Соколов, Парфенов и Чемберс поехали со мной праздновать мою победу. Домой я возвращался на рассвете. В воздухе пахло поздней весной. Воробьи, чирикая, собирали зерна в неубранном еще навозе на Обводном канале... а в моем сердце и пьяной голове все ликовало и пело. 2 аршина 8 вершков! Всего лишь на три вершка ниже рекорда в Михайловском манеже. Какое счастье!...

М. Я. Дудышкин

Шестое чувство

Это было давно, но, как все, что касалось родного полка, сохранилось в памяти, будто вчерашнее. Стояли мы на Западном Буге, в охранении. Австрийцы были по ту сторону реки, примерно в версте. Лейб-гусары, которых мы сменили вечером, предупредили, что неприятель пользуется новым оружием, винтовкой с оптическим прицелом, и что у них было несколько раненых, неосторожно выделившихся на фоне зелени. Ночь прошла спокойно. Утро было голубое, пели птички, радуясь солнцу, только люди следили острым глазом с того берега, выискивая подходящую жертву.

Надо было обойти заставы и посты лейб-эскадрона, которым я временно командовал: ротмистр Полозов был болен и находился при обозе. С оптическим прицелом или без оного были австрийские винтовки и сколько таковых у них было, оставалось все же под большим сомнением. Не обходить же мне свои посты ползком, на животе, да еще в версте от неприятеля? Посетив свой первый взвод, я направился ко второму, где драгуны, хорошо скрытые складками местности и кустами, собравшись кучкой около взводного Шпаченко, о чем то оживленно беседовали. Времени у меня было мало и разговор начался служебный, о том, что видели и слышали ночью. Шпаченко я очень любил и ценил. Он был со мною в ту ночь, в Восточной Пруссии, когда разъезду моему казалось не оставалось спасения. После доклада, я попросил у Шпаченко дать мне провожатого до 3-го взвода, так как я заставы ставил в темноте и, как всегда, днем все казалось чужим, иным, чем накануне.

— Я вас сам провожу, Ваше Высокоблагородие, — ответил мне взводный. Пошли мы втроем — Шпаченко, один драгун и я посередине, продолжая разговаривать. С того берега раздались выстрелы.

— Не по нас ли? — сказал я смеясь, обращаясь к Шпаченко.

— Может быть, — ответил он и переменился со мной местом, оказавшись посередине.

Глухой стон и Шпаченко повалился, царапая землю руками, мы оба легли рядом. Слово “братец” не было у нас казенным выражением, многие драгуны воистину были нам родными и я тяжело пережил эту минуту, укоряя себя, что позволил взводному проводить себя.

Дальнейший обход я закончил уже тщательно выбирая дорогу за складками местности, укрывавшими меня от стрелков с того берега. Затем вернулся я ко второму взводу, сказать последнее прости тому, кому назначено было умереть в этот день и кто это знал. Оказывается, что, когда утром я пришел на его заставу, Шпаченко рассказывал, приснившийся ему в эту ночь сон. Был он земляк нашему вахмистру, бывшему лихому взводному первого взвода Сапожни-

кову, которого война выдвинула на первое место, несмотря на его молодость.

— Приснилась мне, — говорил Шпаченко, — моя дочка, маленькая, в деревне оставил. Взял я ее на руки, поцеловал, а тут Сапожников подошел. Я ему и отдал дочку, берегите, мол, ее Господин Вахмистр. Сон-то в руку. Быть мне сегодня убитому.

Он успел закончить как раз, когда я подошел. Драгуны рассказали потом, что не первая пуля убила Шпаченко: две легли как раз позади меня, третья в той же линии, но взводный уже переменился со мной местом.

От судьбы своей никто и никогда не ушел, я глубоко верю, что пути нашей жизни начерчены Высшей Силой — Волей Господней. Уже не говорю про революцию и гражданскую войну, — еще в июле 1916 года почувствовал я, как бережет нас Господь до назначенной минуты. Дело было на Стоходе. Полное затишье, после кровавых боев гвардейской пехоты. Гуляли мы по ходам сообщений, очень неглубоким, почти в открытую, тем более, что окопную жизнь и ее правила, только начинали понимать. Идя к передовым постам для проверки, я ясно услышал: "сядь..." и, конечно, присел. Осколки разорвавшейся гранаты со свистом пронеслись надо мной... Если бы я еще стоял — лег бы, наверное, навсегда.

Прибавлю, что это был единственный снаряд, выпущенный австрийцами за все утро, вероятно, для проверки дистанции.

П. М. Кучевский

Сказ о витязе Синге

(Из "Монгольских преданий").

Дедичу моему, воину Павлу, за Русь
и за други своя, врагами умученному.

Синг был племени нашему враг, а по мужеству — лев.
Но нас были сотни, а их — лишь десятки.
И все они, славы кровавый посев, —
Полегли в последней неравной схватке.

Синг один нам достался израненным в плен.
Мы сказали ему: "Ты воистину воин.
"Отрекись своего Господина — и тому отреченью взамен
"Мы отпустим с почетом тебя, как того ты достоин".

Но вотще, ибо Синг увещаниям нашим не внял,
Предпочтя сохраненью жизни, принятие мук и кончины.
Мы повергли его на костер. — Но и, лежа в огне, продолжал
Он хулить наше племя и славить дела своего Господина.
Мы исторгли ножем из гортани его дерзновенный язык.
Но, с усмешкой изрезанных уст, на, оставшемся каменным, лике
Синг, поднявшись, упрямым перстом начертал в тот же миг
На груди своей знак своего Владыки.

Мы десницу и шуйцу отсекли ему мечом,
Но, в крови распростертый, безруким обрубком пред нами,
Синг смотрел неотрывно туда, где над замком, объятым огнем,
Еще веяло, в зареве дымном, его Повелителя знамя.

Ослепить ли его, обезглавить — из нас, ни один не посмел:
Это казнь изменившим присяге, — а Синг оставался верен,
Это кара за ложь и за трусость, — а Синг был правдив и смел,
И безтрепетный воинский дух не был Сингом на пытке утерян.

По заслуге, — с великим почтеньем, — мы Сингу вспороли живот,
И достойнейший чести из нас, сунув руку по локоть в рану,
Вырвал прочь из груди его сердце. — Но память о Синге живет
И, доколе у нас есть потомки, будет жить непрестанно.
И к нему мы взываем, молясь: "О, безстрашный и праведный, внемли.
"Если в некий назначенный срок, по свершении должного времени,
"Надлежит тебе вновь, по закону, приять воплощенье на Землю,—
"Сотвори нам великую честь, воплотись среди нашего племени".

Н. М.

„ВИТЯЗИ"

Замысел "Витязей", как Русской, православной и национальной организации молодежи, относится к 1921 году. После ликвидации Северо-западного фронта Белой Борьбы, армия генерала Юденича была демобилизована. У одного из ее участников, молодых добровольцев, вольноопределяющегося Николая Федоровича Федорова возникла тогда мысль о создании организации молодежи, которая продолжала бы все же, хотя и в условиях изгнания, Белую Борьбу и воспитывала бы в беззаветной любви и преданности России, подрастающие, зарубежные поколения. К этому времени относится и появление эмблемы "витязей".

В течении ряда лет, нарождавшееся Русское движение молодежи проходило различные стадии моло-

дого опыта. Ему пришлось встретиться со всеми трудностями жизни изгнанников. Не сразу привилась новая идея к Русскому зарубежному обществу, привыкшему к различным иностранным движениям и организациям. С 1927 года, это молодое и новое Русское начинание к эмблеме белого креста на трехцветном поле добавляет свой девиз: "ЗА РУСЬ, ЗА ВЕРУ" и принимает имя Дружины Витязей. В 1928 г. первые "витязи" дают Торжественное Обещание: "хранить Веру мою Православную, чтить знамя мое и быть верными девизу и правилам Витязей..." и, наконец, в 1934 году, Дружина Витязей окончательно выливается в самостоятельное движение, под именем Национальной Организации Витязей.

Из белого движения вылилось это начинание, молодыми силами его было начато и затем — молодежью Русского зарубежья подхвачено. За все годы своего существования, оно всегда было подлинно молодым, с молодой устремленостью и горячей любовью к национальной России. Русская молодежь, свидетельница страшной Российской трагедии, участница белой борьбы за честь России и, наконец, изгнанница — не могла отнестись безучастно и подняла в зарубежной Руси знамя Русской национальной идеи.

Эти годы протекали в работе исключительно трудной. Время ослабляло порыв, чужие страны, народы, культура, нравы и обычаи, затрудняли духовное и национальное Русское воспитание. Но в то же время, преодолевая эти трудности и многие другие, с ними связанные, Витязи идейно укреплялись, переживали свой рост, вырабатывали свой национальный опыт, перерабатывали иностранный, искали пути и все свои силы и весь свой многообразный, тяжким трудом полученный опыт, слагали для того, чтобы передать его освобожденному Русскому народу.

Витязи, — для Русского опыта, — явление новое. В России, до революции, не было своих, чисто Русских, юношеских движений, если не считать "потешных", не долго просуществовавших и не поддержанных, к сожалению, Русским обществом, которое, в то время, в массе своей, вело борьбу с существующим государственным строем и стремилось заклеймить все, что исходило от ненавистного ему Императорского Российского правительства. Зато иностранные движения находили широкий отклик и распространение. Ими увлекались, порой безотчетно в силу новизны. Русская доверчивость, преклонение перед всем, идущим с запада, свойственный нам максимализм, все это создавало и выращивало преданнейших адептов этих движений. Это было в России, где обстановка несколько сглаживала слепую подражательность и придавала внешний оттенок Русскости.

(Продолжение следует)

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ЕЩЕ О ПАРТИЗАНЕ В. А. ПРЕНДЕЛЕ

(См. статью в № 2 "Военной Были")

Издающаяся в восточном секторе Берлина, просоветская газета "Neues Deutschland", от 17 октября с. г., напечатала статью, озаглавленную "Документы народной освободительной войны", имеющую целью описать, открытую в Лейпциге, выставку в память 140-летия "Битвы народов", имевшей место под стенами этого города, в 1813 году. На самом деле, лейт-мотивом этой статьи была пропаганда идеи "о силе немецко-Русской приязни". По середине текста, помещено изображение "Русской церкви в память Лейпцигской битвы", освященной к 100-летию "Битвы народов".

Повторяя слова директора Лейпцигского Исторического Музея, сказанные на открытии выставки, автор статьи указывает еще на другую ее цель: "обнаружение лжи, распространенной в интересах юнкеров (крупных землевладельцев. — *В. Р.*) и монополистов, об этой битве" и на обязанность "указать на помощь, оказанную нам (немцам. — *В. Р.)* — Русским народом". В подтверждение — приводятся слова генерала Нейдгардта фон-Гнейзенау (известного стратега, генерал-квартирмейстера фельдмаршала Блюхера. — *В. Р.*): "без выдающегося духа русского народа, без его ненависти к иноземцу-притеснителю — весь цивилизованный свет оказался бы под деспотизмом разнузданного тирана" (то-есть, Наполеона. — *В. Р.*).

Оставив в стороне пропагандную сторону статьи, обратимся к воспоминаниям о В. А. Пренделе, деятельности которого уделена особая "глава" под заглавием "Русский комендант города". Автор пишет: "38.000 раненых было в Лейпциге, (при населении в 32.600 человек), которых должен был приютить город; это была тяжелая задача. Надо еще прибавить заботу о гарнизоне, устранение повреждений, причиненных сражением, восстановление порядка и общественной жизни. В то время комендантом города был Русский полковник, который заботился обо всех и обо всем". Прендель быстро все наладил, а когда он покинул эту должность, 11 ноября 1814 года — жители Лейпцига избрали его своим почетным гражданином, с поднесением ему "Лейпцигской овальной медали" и провожали его со слезами на глазах"...

И тут же, автор статьи воспроизводит один из энергичных приказов Пренделя, расклеенный на городских стенах 14/26 октября 1813 г. и напечатанный готическим шрифтом, в котором он угрожает неповинующимся штрафом в 10 талеров, вносимым в Госпитальную кассу, под ответственностью г. Полицей-Президента.

Не подлежит сомнению, прибавим от себя, что полковник Русской службы, В. А. Прендель, был не только выдающимся забытым партизаном, но и талантливым организатором, заботливым "отцом города (чужого)". Император Александр I, в данном случае, в выборе не ошибся.

Владимир фон-Рихтер

ТРАЛЬЩИК "КИТОБОЙ"

Осень 1919 года. Рейд мирного, спокойного Копенгагена. На рейде стоит британская эскадра, в составе дредноутов, крейсеров и миноносцев. Жизнь на эскадре идет мирно, нормально. Война окончена. Германский флот уничтожен и англичане — победители. И вот, среди этой обстановки, с моря появился маленький корабль. На гафеле его развевается Андреевский флаг. Это тральщик "Китобой", 120 тонн водоизмещения. У него всего две маленькие 47 м/м пушки, годные для разстрела всплывших мин заграждения. Командир его лейтенант Ферсман. "Китобой" вырвался из красного ада — это последний корабль Балтийского флота, носящий Андреевский флаг. Он входит на рейд Копенгагена, ему никто не салютует. "Китобой" становится на якорь. На английском адмиральском корабле взвивается сигнал: "Предлагаю спустить флаг и передать корабль в руки британских морских властей". В ответ, на "Китобое", одинокий горнист протрубил "боевую тревогу". Когда люди разбежались по боевым постам, к двум жалким пушчонкам, на "Китобое" был поднят ответный сигнал: "Русский флаг спущен не будет. Предлагаю британской эскадре приготовиться к бою".

Некоторое время на английском корабле висит ответ "до половины". Наконец, поняли все. Сигнал разобран. Что будут делать англичане? Одного снаряда достаточно, чтобы пустить "Китобой" ко дну. На английском флагманском корабле подают катер к правому трапу. Командующий эскадрой едет лично на "Китобой". Он встречен, как старший на рейде, рапортом. Хотя лицо английского адмирала невозмутимо, его голос дрожит: "я предлагал вам, говорит он отрывисто, то что было приказано моим правительством. Теперь позвольте мне, от лица британского флота, и от себя лично, выразить вам восхищение той доблестью, с какой вы защитили честь родного флага". С этими словами адмирал обнял и поцеловал командира "Китобоя".

Дальнейшее пребывание "Китобоя" в Копенгагене было его триумфом. Командир был принят Государыней Императрицей Марией Федоровной. "Китобой" шел в Крым, где еще героическая Русская армия и флот генерала Врангеля боролись за честь и свободу России. Когда "Китобой" уходил с Копенгагенского рейда в море, на судах английской эскадры ему отдавали честь, как военному кораблю. На флагманском дредноуте, оркестр играл Русский Национальный гимн.

(Из старого журнала). *Сообщил В. Е.*

ЕГОР ПЕТРОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ

Генерал-лейтенант Сенатор Член Совета Министра Внутренних дел. Родился Егор Петрович 6 февраля 1809 года. В качестве горного инженера произвел геологические исследования Западной Сибири, Киргизских степей и других мест.

В 1837 г., понадобился для изысканий в Черногории золотых пластов, горный инженер. Для этой командировки, был избран Ковалевский, надевший тогда эполеты капитана. Прибыв на место, Егор Петрович, вместо искания золота, нашел войну, да еще с Австрией, с которой Россия тогда состояла в закадычной дружбе. Духовный правитель Черногории, Владыко Петр Негош и, подвластные ему, добродушные обитатели Черногории, упросили Ковалевского взять на себя начальствование над ними против их исконного врага — австрийцев, следующими словами: "ты послан от Русского Царя, веди нас на австрийцев, они католики и враги наши, значит и враги твоему Государю. Вот тебе ружье, пистолеты и кинжал. Бери их и веди нас". Как ни лестно было из капитана превратиться в Главнокомандующего, однако, Егор Петрович усумнился в своем праве поступить так, как его просили. Тогда, Негошем было пущено в ход все его красноречие и убедительность, в результате чего, Ковалевский взвалил на себя воинские доспехи, и, вместо золота, пустился на поиски австрийцев в горы, с их ущельями.

Австрийцы были заманены в эти ущелья, частью перебиты, частью же взяты в плен, со своими офицерами... "Вешай всех", кричали черногорцы своему "фельдмаршалу" "и веди нас дальше". Подобное заявление, перешедшее в требование, образумило Егора Петровича и он объявил решительно, что Царь приказал заключить мир и запретил вешать офицеров. Находчивость одержала победу, войско, поспорив, уступило, но потребовало, чтобы подпись на акте заключения мира, была бы сделана "Царевым капитаном", иначе они не поверят. — "Подписывай или веди вперед, а то пойдем без тебя, только раньше офицеров перевешаем"...

Перекрестившись, "Царев капитан" скрепил своей рукой и гербом своей печати мирный договор двух государств между собой.

Первым, прочитавшим копию с этого небывалого в истории акта, был министр иностранных дел К. В. Нессельроде. Австрийский посол требовал "удовлетворения" за совершенные Ковалевским деяния, каковых удовлетворений Император Николай Павлович давать, вообще, не любил. Подробности несчастной истории были сообщены нашему послу в Вене Д. Н. Татищеву. Докладная записка его была передана непосредственно Императору Францу-Иосифу, который, прочитав ее, сделал на полях свою резолюцию: "капитан Ковалевский поступил, как истинный Русский".

По возвращении в столицу, Ковалевского встречали, как спасшегося после кораблекрушения. Вскоре Государь Император пожелал лично видеть легендарного капитана, что было в те времена необычайной милостью. При приеме присутствовал и Нессельроде и слышал, как Государь сказал: "Спасибо, Ковалевский. Ты поступил, как обязан был поступить Русский. Иначе, ты поступил бы дурно".

Воспоминанием о времени, проведенном Ковалевским в Черногории, остались длинные пистолеты в золотой оправе, с надписью: "Капитану Ковалевскому от благодарного черногорского народа за поход".

Сообщил *В. Г. Ковалевский*

КАДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Париж. — Музей "Родной Корпус" имени полковника Приходкина. За текущий год, в музей поступило около 40 предметов, имеющих непосредственное отношение к истории Российской армии и флота, или к жизни кадетских корпусов. В настоящее время производится укладка музейных предметов и архива в большие картонные ящики, на предмет перевозки в новое помещение, как только таковое будет найдено.

Триест. — Нам пишут из Триеста, что оставшиеся после кончины кадета графа Муравьева Амурского документы, исключительного интереса, в том числе и послужной список его знаменитого деда, будут переданы союзным командованием в Обще-Кадетское Объединение, для хранения в музее "Родной Корпус".

Нью-Иорк. — Редеют кадетские ряды. Скончался в Нью-Иорке кадет Первого Кадетского корпуса, полковник лейб-гвардии Измайловского полка Петр Васильевич Данильченко. Покойный был бессменным руководителем и редактором "Измайловских Досугов" и ближайшим помощником Августейшего Поэта К. Р. по постановке в Эрмитажном театре драмы "Царь Иудейский". Покойный в течение нескольких лет собирал литературу и документы, для увековечения памяти Великого Князя, столетие со дня рождения которого исполняется через три года. Принимая на себя продолжение труда покойного Петра Васильевича, редакция "Военной Были" обращается ко всем лицам, имеющим какие-нибудь документы или воспоминания о жизни и деятельности Великого Князя Константина Константиновича, прислать их в редакцию. По снятии копии, все документы будут с благодарностью возвращены владельцам.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

В последние месяцы скончались кадеты:

Кирей, Иван Фаддеевич — Оренб. Неплюев. к.

Де-Бальмен, Виктор Егорович — Одесского и Морского корпуса.

Издебский, Юлиан Казимирович — Киевского к.

Конрад, Николай Адольфович — Владикавказского корпуса.

Знаменский, Александр Александрович — Ярославского корпуса.

Петров, Борис Александрович — Морского к.

Есипов II, Дмитрий — Сумского корпуса.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич,

В журнале «The Medal Collector» за май-август 1953 г., с Вашего предварительного согласия, была напечатана в переводе на английский язык, статья "Партизан В. А. Прендель" В. Г. фон-Рихтера. К моему искреннему сожалению, вследствии типографского недосмотра, в английском тексте пропущена выноска о том, что эта статья была перепечатана из высокопочитаемого журнала "Военная Быль".

Прошу Вас принять мои извинения и напечатать это письмо, в следующем номере редактируемого Вами прекрасного военного журнала.

Прошу Вас принять выражения моего глубокого уважения и благодарности. *С. Г. Ясиницкий*

(Директор ОМСА и Редактор МС)

СОДЕРЖАНИЕ:

Письма Великого Князя Константина Константиновича (продолж.).
Фарфоровая кокарда — **Евгений Яконовский.**
Первые дни в "Славной Школе" — **Анатолий Марков.** (продолж.).
Московское учебное заведение для колонновожатых — **В. Р.**
Сказ о витязе Синге — **Н. М.**
На закате — **М. фон-Кубе.**
Два аршина, восемь вершков — **М. Я. Дудышкин.**
Шестое чувство — **И. М. Кучевский.**
"Витязи".
Хроника **"Военной Были".**
Кадетская Жизнь.
Письмо в редакцию.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 59, avenue de Ternes, Paris (17e); у А. П. Руссаковича 25, rue de Vanves, Boulogne s/S., в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Мюнхен — у А. Н. Михель — 40, Mechtildenstrasse, München 38.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — 69, Main-street, Nyack (N.Y).

Канада — у А. С. Орлова — 47, Saint Patrik street, Toronto (Ont.).

Австралия — а) у В. А. Петрушевского — Fl. 2, 23 Longueville Rd. Lane Cove, Sydney (N.S.W.) б) у Н. А. Коссач — 20, Devenport T-ce Wayville, Adelaide South Australia.

Le Directeur: Mr A. Gëring.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

№ 9

АПРЕЛЬ 1954 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 3 - й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Христос Воскресе!

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» сердечно поздравляет всех своих сотрудников, представителей и читателей с Светлым Днем Воскресения Христова. Дай Бог нам всем сил и твердости дождаться Светлого Дня нашей Родины.

СОДЕРЖАНИЕ:

К пятидесятилетию геройской обороны Порт-Артура.

Письма Великого Князя Константина Константиновича (окончание).

Фарфоровая кокарда — **Евгений Яконовский** (продолжение).

Первые дни в «Славной Школе» — **Анатолий Марков** (окончание).

Песнь об Икаре — **Н. М.** (из цикла Эллада).

На закате — **М. фон-Кубе** (продолжение).

На фланге армии — **П. А. Варнек.**

Подвиги инженер-механиков флота в нынешнюю войну. **Инж.-мех. к. I р. Орлов.**

Русская военная медалистика — **Владимир Рихтер.**

Витязи — (продолжение).

Изюмский Изборник — **В. Р.**

В тылу у немцев — **Александр Лепеха.**

Хроника «Военной Были».

Кадетская жизнь.

Почтовый ящик.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ЧЕТЫРЕ НОМЕРА во Франции и европейских странах — 700 Франков с пересылкой.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 59, *Avenue des Ternes, Paris* (17).

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 59, AVENUE DE TERNES, PARIS (17e).

3-й год издания. № 9 АПРЕЛЬ 1954 Г. Prix — 170 fr.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ГЕРОЙСКОЙ ОБОРОНЫ ПОРТ-АРТУРА

Высочайший Приказ по Армии и Флоту 5 марта 1908 года.

Доблестные защитники Порт-Артура.

Геройскими подвигами, беззаветной храбростью и верностью присяге, проявленными вами при обороне Нашей твердыни на Дальнем Востоке, вы стяжали себе бессмертную славу и вписали блестящую страницу в летопись подвигов Русского Воинства.

Благодарная Россия гордится вами и не забудет ваших подвигов, как не забыли и вы свой долг перед нею.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

Письма Великого Князя Константина Константиновича

(Окончание)

27 февраля. — Вышел приказ об увольнении Анчутина и назначении Лайминга на его место.

6 марта. — Я просил Драшковского сделать расчет успеть ли мнѣ в три недели съездить в Оренбург и Ташкент с тем, чтобы быть дома в конце Вербной Недели.

13 марта. — На 16 марта я уже было назначил ской отъезд, но отказался: новый помощник Лайминг, теперь объезжающий провинциальные военно-учебные заведения, на-днях вступает в должность, причем мне следует быть на месте, чтобы его поставить на верный путь, в Ташкенте Гродекова смѣняют, преемник еще не назначен и т. д.

19 марта. — К большой моей радости, два кадета 2-го Московского корпуса задержали на улице грабителей, которые отняли у фабричного артельщика более 2000 рублей. Царь пожаловал этим кадетам (Староскольскому и Ауэрбаху) по медали "За усердіе" на Станиславской ленте.

30 ноября. — Уезжаю на Кавказ передавать знамена кадетским корпусам — Владикавказскому и Тифлисскому.

15 декабря. — В молодом Владикавказском корпусе, пополняемом терцами, кубанцами и горцами, впервые открылся высший, седьмой класс, который весною 1909 года даст первый выпуск из этого военно-учебного заведения. Пробыл там два дня и передал корпусу, пожалованное Царем, знамя. В Тифлисе жил у директора корпуса. Торжественно передал корпусу знамя. Два раза был в юнкерском училище. Вчерашний день весь провел в Новочеркасске, в Донском корпусе и Казачьем юнкерском училище.

31 декабря. — Вчера, в Павловске, был у нас раут для участников съезда воспитателей. Собралось 150 человек.

1909 год.

16 февраля. — Завтра еду на два дня в Тверь, на освящение церкви в Юнкерском кавалерийском училище.

24 февраля. — Думаю в конце будущей недели ехать в Ярославль, Вольск и Воронеж и вернусь в конце Вербной Недели.

19 марта. — Посетив Воронеж и Вольск, прибыл 15-го в Аракчеевский корпус, праздновавший 75-летие своего основания. Съехалось много бывших питомцев и торжество вполне удалось... Отправился в Ярославль. Сегодня в корпусе идет "Ревизор", завтра чествуют здесь столетие Гоголя.

25 апреля. — Сегодня пустился я в дальний путь. Первая остановка назначена в Омске, а следующая уже в Хабаровске.

17 мая. — В Омске прожил четыре дня. Впечатления отрадные, благодаря ласковым, простым, отзывчивым, прямодушным кадетам-сибирякам; это такой податливый сердечный народ.

26 мая. — Побывав в Хабаровском Графа Муравьева Амурского корпусе, Иркутском пехотном Юнкерском училище и Иркутской Приготовительной Военной Школе, я, наконец, знаю все вверенные мне

военно-учебные заведения... Приготовительная Школа, с будущего года преобразуется в корпус на 500 кадет. Город бесплатно уступает под него обширный участок. Я воочию убедился теперь насколько сибирским войскам необходимы военно-учебные заведения у них же в Сибири, а не в Европейской России.

20 октября. — Теперь пишу замечания о виденном в моих заведениях с декабря прошлого года, для Приказа по военно-учебным заведениям. Это кропотливая и скучная работа.

7 декабря. — 28 выехал в Вильну, откуда, пробыв там 3 дня, перебрался в Псков, тоже на 2 дня.

1910 год.

29 января. — Государь в 3/4 десятого утра приехал из Царского прямо в Первый Кадетский Корпус, в первый раз по зачислении себя шефом этого корпуса, в котором не бывал уже 10 лет. Он пробыл там часа два и говорил, что намерен посетить и другие военно-учебные заведения.

18 февраля. — 13, я переименован в Генерал-Инспекторы В. У. Заведений.

3 марта. — В назначении меня Генерал-Инспектором не только нет каверзы, но напротив, оно состоялось по моему почину. Еще в сентябре пришло в голову, что хорошо бы мне создать для себя такую должность: от меня отпадут приемы, ответственность за хозяйственные распоряжения, доклады, мешающие часто посещать заведения, даже петербургские и мелкие текущие дела, а связь с училищами и корпусами останется. К тому же, до сих пор, если я вводил что новое, то сам же и контролировал это, а контролировать лучше со стороны. Эта мысль понравилась: выработали новое положение и вот, назначение состоялось. Я доволен новым своим положением. но еще не сдал прежних обязанностей Начальнику генералу Забелину.

9 марта. — Вчера. в последний раз принимал в Главном Управлении. Свой кабинет переношу в Мраморный. 24-го собираюсь ехать в Одессу, Чугуев и Елизаветград.

9 апреля. — В эту поездку со мною генерал Лайминг (бывший мой помощни), полковник Полторацкий и князь Шаховской. Осмотры мои в новом положении подробнее прежних, так как отвечают понятию об инспекции. Обходится не без утомления.

29 июля. — Все второе августа проведу в Ходынском лагере из военных училищ. 7-8 мне надо объехать Пажеский корпус и училища Николаевское кавалерийское, Павловское и Владимирское (бывшее Петербургское юнкерское), чтобы видеть вновь произведенных.

20 августа. — Посылаю фотографию: директор Полоцкого корпуса генерал Чигирь рапортует мне.

27 октября. — Заглянул в Александровское училище и водворился на жительство в 1-м Московском Императрицы Екатерины II корпусе. С него начал инспекцию, продолжал в Алексеевском училище и во 2-м Московском Императора Николая I корпусе. Уже 4 года не бывал в Симбирске. Туда более 3-х лет назад назначил я, в изъятие из закона, директором — не имеющего высшего образования заслуженного ротного командира Псковского корпуса Шпигеля и не раскаиваюсь: все виденное, слышанное и пережитое в Симбирском корпусе с вечера 24-го по сегодняшнее утро оставило отрадное впечатление. И там, и в Москве самое лучшее это доброе настроение и простые, хорошие отношения между воспитывающими и кадетами. Никакой вражды или недружелюбия. То ли дело бывало лет 8-10 назад, когда часто начальство отзывалось о кадетах с раздражением, а кадеты смотрели на начальство — волками. Теперь одна идиллия.

8 ноября. — Второе мое пребывание в Белокаменной продолжалось от 28 октября до 3 ноября. Живя во 2-м кадетском корпусе, я делал инспекцию и в нем и в 3-м корпусе и в Алексеевском училище.

23 ноября. — От 4 до 9 декабря думаю побывать в Полоцке (6 декабря — 75-летие существования корпуса).

11 декабря. — Выехал я вечером 4-го и на другой день был в Полоцке. Туда, к 75-летию съехалось около 200 бывших полочан. За эти десять лет я был на четырех юбилеях, но ни на одном не видал такого съезда, несмотря на то, что юбилеи были в больших городах, в Питере, Москве, Киеве и Нижнем, где и помимо корпуса есть притягивающие условия, а в Полоцке — только корпус. Это показывает как полочане дорожат своим заведением. Твоя телеграмма пришла очень кстати, вечером на концерте, перед балом, когда и старые, и малые, и служащие, и их семьи и гости были в сборе в Александровском зале. Директор прочел твою телеграмму и тебе кричали громкое ура.

Вечером 7-го прибыл в Варшаву и до вчерашнего дня прожил в Суворовском корпусе. Он в прекрасном состоянии.

18 декабря. — Почти неделю провел я в Киеве. Жил я в корпусе и оставался там и в последние дни, когда инспектировал военное училище, любимое мое, шефом которого, втайне мечтаю стать когда-нибудь И киевские оба заведения оказались в большом порядке и я вынес только отрадное впечатление. В эту зиму, по крайней мере, в первую ее половину, где только не был, а осмотрел я уже 5 корпусов и 4 училища. Везде радует, главным образом, что начальство тепло отзывается с похвалой о воспитанниках и об их отзывчивости, мягкости и доверчивости, а юнкера и кадеты не проявляют никакого неудовольствия начальством. Перемена положения и обязанности Генерал-Инспектора ничуть не повлияли на отношение ко мне молодежи и на ее близость ко мне.

Великий Князь
Константин Константинович.

Фарфоровая кокарда

(Продолжение)

Итак, Петлюровская власть за железнодорожный мост па Днепре не распространяется. Там территория "Народной Армии" Григорьева, который воюет с немцами под Николаевым и поддерживает вооруженный нейтралитет с петлюровцами. Железнодорожное движение остановлено с обоих сторон. На сколько дней, недель, может быть месяцев?

Деньги на исходе. Спать негде... Возвращаться в Полтаву? Попытаться проехать в Киев или Одессу? Ждать чуда на Кременчугском вокзале? Вот и решай тут. Ведь даже если будет поезд на юг, там Григорьев, что-то вроде Махно, о котором мы уже слышали: снимает офицеров и "буржуев" с поездов, раздевает и пристреливает тут же у полотна. Все же нужно что-то делать. Оставляем Верблюда около вещей и отправляемся на разведку. Слава Богу, все эти дни теплые, в Кременчуге даже стаял снег и на улицах стоят провинциальные, гоголевские лужи.

В чайных, около вокзала, можно выпить морковного чаю с сахарином. Хлеба сколько угодно, на то мы в глуби благословенной Малороссии. Чайные полны такими же злополучными путешественниками, как мы сами. Наши матросские шинели вызывают недоверие. Публика, повидимому, из бегущих буржуев. Да это видно и по одежде, хотя по возможности и упрощенной. Солдатский картуз и драповое пальто с меховым воротником. Серая шинель, а под ней полосатые брюки и штиблеты в калошах. А вот серое, довоенное офицерское пальто с зелеными петлицами. Для непосвященного — студент-техник, но мы узнаем цвета драгунского полка. Тихонько спрашиваем:

— Вы офицер? — Молчит, смотрит подозрительно. Тогда разстегиваю ворот матросской шинели и показываю галунный воротник кадетского мундира.

— Кадеты?

— Так точно, господин поручик, — чин даю наугад, по возрасту.

— Штабс-ротмистр N-го драгунского полка, но это неважно.

— Виноват, господин ротмистр.

— Неважно, неважно, очень рад.

— А полк могли не называть — на петличках написано.

— Неужели? — штабс-ротмистр взволнован.

— Не беспокойтесь, господин ротмистр, это для нас написано, для шпаков — вы студент.

— Я на это надеюсь, потому и петлицы ен снял, без петлиц пальто совсем офицерское, привычное для глаз.

— Вы куда едете? — Объясняем что в Таврию...

— Там уже добровольцы. Я сам туда пробираюсь. Только до них, что будет? Кругом банды.

Но вот и чудо. Оказывается в чайной, в которую мы совершено случайно зашли, собрались люди, которым никак нельзя ожидать красноармейцев Троцкого на Кременчугской платформе. Решают, что делать. Через хозяина чайной ведутся переговоры с железнодорожниками.

— Поезд пустим, только купите сами дрова, где хотите, оплатите бригаду и станционное начальство. Поедем на Николаев, а куда доедем, это уж нам никак не знать.

— Вот это настоящий социализм, — кисло смеется "буржуй" в солдатском картузе, — революционный пролетарпат сам эксплоатирует захваченные им орудия производства. Почище Ленина.

Драгунский штабс-ротмистр нас представляет.

— Ну, слава Богу, а то мы думали что матросы.

Нужно достать деньги, записать желающих, но с разбором. Решено взять всех военнопленных. Авось, при случае, защитят, да и в массе можно проскочить незамеченным.

— Вас двое?

— Трое.

— Трое? Сто двадцать рублей.

Сто двадцать рублей — это уже наша частная задача. Где их достать? Будь то годом, двумя позже, мы не задумались бы ни на минуту. У каждого из нас по три смены белья. Полотняные рубашки, фильдекосовые кальсоны и носки. По второй, совершенно новой, паре сапог. Целое богатство, на втором году революции. Но в нас еще крепко сидит уважение к казенному и мы решаем "загнать" единственный не принадлежащий никакому государству предмет, случайно у меня оказавшийся — байковое одеяло моей белгородской тетки. Да и то с болью в сердце, все же чужое. Ну и торгуем мы, конечно, в первый раз в жизни.

Покупатель находится как-то сразу. Двести рублей, нужно же дать пожрать Верблюду.

— Дороговато, сто пятьдесят. А оно не с заразного? — подозрительно справляется неопределенного вида дядя, заинтересовавшийся теткиным имуществом. Он успокаивается при виде наших удивленно-негодующих мин. Негодование наше совершенно искренне и непосредственно. Как можно не верить, вообще? Да еще кадетам? Впрочем, дядя не знает что мы кадеты, а даже, если бы и знал, то почему он обязан верить кадетам, и не верить, скажем, семинаристам? На человеческие отношения "дядя" должен смотреть глазами своей среды, а вот уже год как вся Россия куда-то бежит, что-то продает, за кем-то гонится, голодает и лежит в тифу. "Дядя" прав. Это мы как-то просидели этот год тепличными растениями по корпусам и странно сохранившимся очагам. И не все пришлось же мне, в начале года, сидеть в снежных окопах под Оренбургом, кочевать по Уральской степи. и пробираться домой без денег, переодетым гимназистом, через красные заставы у Саратова.

Человек я уже бывалый. Может быть поэтому, руководство нашей экспедицией перешло ко мне, с мол-

чаливого согласия Газнева и Леуса. Я даже торгуюсь с "дядей" и уступаю ему одеяло за сто семьдесят пять. Даю Газневу сто двадцать на нашу часть дров и железнодорожной бригады и шлю его в чайную. Сам иду на базар. Верблюд протестует.

— Я уже больше часа на чемоданах сижу. Теперь твоя очередь.

Но на базар пускать его нельзя. Он способен в один раз съесть остатки теткиного одеяла. У него даже рот раскрыт от негодования и обиды, но я молча уничтожаю его презрительным взглядом, делаю элегантный пируэт на каблуках и отправляюсь в город.

— Хоть папиросу бы дал... — летит мне вслед.

На базаре я в первый раз в жизни, хотя наш белгородский дом как раз выходит на базарную площадь. В базарные дни площадь забита телегами. Оглобли подняты вверх и издали похожи на строй уланских пик. Лошади распряжены и мерно жуют овес в холщевых торбах, мужики в полушубках или зипунах тянут махорочные козьи ножки в ожидании покупателя. Лошади ржут, покупатели спорят с мужиками, бродячие торговцы расхваливают свой товар. Все это сливается в одну, если не совсем музыкальную, то почти стройную мелодию. Моя младшая тетка называет ее "базарной симфонией". Но на то она и артистка.

Все лето семнадцатого года мы просидели в Белгороде, в доме против базарной площади. О том чтобы поехать в Крым, в деревню или хотя бы на дачу на Донце, не было и речи. Хулиганили деревенские парни, повидимому, по поводу получения свободы. Пришлось смотреть от скуки на базарную площадь и слушать "базарную симфонию". Революция внесла в нее нотки. Вот поймали карманного воришку и, деловито, спокойно, забивают его на смерть на глазах растерянных представителей новой власти, а вот баба уселась за возом и спокойно исправляет свои естественные потребности. Попробуй вмешаться милиционер — это ему не "старый режим". Прошлым летом, при немцах, карманных воришек снова водили в участок, а бабы ходили по соседним дворам.

В Кременчуге базар опять свободный от полицейского нажима. Вот уж кого-то бьют, хоть и не на смерть, за фальшивые карбованцы. Парень, черный, дикого цыганского вида, протестует жалобным бабьим голоском.

— Я же не знав. Мине самого обманули, провались я на мисьци.

Но у него находят целую пачку новеньких билетов в пятьдесят карбованцев. Пачка исчезает в толпе, а парня продолжают бить.

— Что продаете, товарищ флотский? — это ко мне.

"Товарищ флотский" обязательно торгует чем-нибудь из перераспределенных "излишков буржуазии". Но мое "буржуазное" одеяло уже продано и я жду "жратвы" для Верблюда и папирос.

Несмотря на то, что базар снова принял революционное лицо, он все же малороссийский. Вот хлеб в буханках, сало, деревенские колбасы, крутые яйца, горячие пирожки с неизвестной начинкой. Покупаю хлеб, сало и несколько яиц. Вместо папирос — кременчугской махорки "Тройка № 8". От теткиного одеяла ничего не остается. Закусываем на вокзале. Порции одинаковые, поскольку это возможно. Ради полной справедливости, один отворачивается, а другой тычет пальцем в одну из порций. Кому? — Верблюду. Третий наблюдает за правильностью операций. Все же Верблюд недоволен. На этот раз — на судьбу — всегда вот так. Самую маленькую, как в корпусе. Про корпус он, конечно, врет.

Нанятый состав формируется на главной платформе. Три четверти пассажиров — военнопленные. Это очень хорошо. Хорошо также, что мы попадаем в один из последних вагонов, хотя, здесь, в Кременчуге и это нас даже тревожит. — А вдруг не возьмут. Нанятая бригада впускает только по билетикам, написанным главным инициатором нашего частно-железнодорожного предприятия. Билетики нумерованы и расписаны по вагонам. Настоящий плацкартный поезд времен царской тирании.

Трогаемся еще засветло. Пока все идет удачно. За два дня мы проехали добрую половину дороги. Сегодня 22-е. На Рождество будем дома. Характерный лязг железа. Мост на Днепре. Поезд входит в царство "батек" и "атаманов", на неизвестность и жуть.

Опять тянутся унылые, снежные поля. Сидят галки на телефонных проводах, проходят редкие деревни. Из труб низких, занесенных снегом, хат идет дым. Там наверное уже готовятся к незатейливому крестьянскому Рождеству. Где-то мы будем в Сочельник?

Но вот нет больше ни галок, ни хат, так как единственную дверь закрывают. Холодно. Топят печку. Недаром же покупали дрова? В товарном вагонетеплушке не только печка но и освещение; горит фонарь с железнодорожной толстой свечой. Стучат колеса на стыках. Куда-то нас несет? Вот приходится решать задачи по частям. Решена одна — немедленно нужно приступать к решению следующей. Из Сум выехали — раз. В Люботине пересели — два. В Кременчуге не задержались — три. Сейчас, пожалуй, задача потруднее: проехать через кипящее в гражданской войне Заднепровье. Даже жутко. Повидимому, тоже самое думает Газнев, так как он шопотом требует наши погоны и кокарды.

— Только спокойно, чтобы никто не заметил. И без разговоров.

С сожалением отдаю ему новенькую и единственную пару погон, которую я расчитывал вшить в мундир.

— В Крыму верну, — успокаивает Газнев, — если доедем.

В вагоне человек тридцать. Половина — военнопленные, несколько переодетых "буржуев", какие-то "дяди" солдатско-крестьянского вида. Почти все молчат. Только около самой печки какой-то здоровенный парень в солдатской папахе и бараньем полушубке, безостановочно закусывает под самогон. С ним

женщина полугородского типа. Парень пьянеет и заплетаясь, пробирает свою спутницу, вероятно жену, за ее, будто бы вулканический темперамент. Говорит все своими словами и просит подождать "до дому".

— Э-эх, вы, бабы, бабы...

Полвагона покатывается со смеха. Ржем и мы, в нашем углу. Уж очень красочен и непосредствен язык парня в солдатской папахе. И отвлекает от грустных мыслей.

Ночь спускается в третий раз, за наше путешествие. Поезд медленно и неуклонно идет к югу, не останавливаясь на маленьких станциях. Первой большой станцией будет Долинская, верстах в 60 к югу. Нашим ходом — это часов на пять. В Долинской нужно решить — что делать дальше? Ехать ли на Знаменку и Николаев или пытаться проехать на Никополь и Александровск? Даже не хочется думать. Вот бы остаться в этом вагоне, спокойно заснуть и проснуться завтра в Николаеве. Но это совершенно невозможно, так как у Николаева — фронт. В Николаеве, стянувшиеся отовсюду немцы ждут союзных пароходов, чтобы вернуться в свой незадачливый "фатерланд". "Народная Армия" Григорьева пытается их уничтожить и одновременно расстреливает "буржуев" и офицеров. Это точно знает драгунский штабс-ротмистр. В нашем вагоне его нет. Может быть он боится наших матросских шинелей? А вдруг, как действительно, примут за матросов, захотят помочь, предложат поступить в "Народную Армию" и... найдут на нас галунные мундиры? Из предосторожности, следовало бы выбросить. Но как же можем бросать казенное имущество? Кроме того, очень уж жалко наших новеньких мундиров. В вещах, кажется, ничего опасного: черные брюки, защитные гимнастерки, белье с ничего не говорящими непосвященному, клеймами. Пусть уж мундиры остаются на нас.

В крайнем случае, можно выбросить отпускные билеты. Сказать, что были они все у старшего, т. е. Газнева и что их украли в Кременчуге, вместе с деньгами. А едем из Петрограда. Ученики Минных Классов. Мундиры? Выдали их нам. Какое нам дело? Кто теперь одевается по форме? Пережевываю всю эту историю, стараясь иметь готовый ответ на все. Нужно обязательно, и как можно скорее поделиться моими проектами с Газневым и Верблюдом. Но вот как это сделать? Начнем шептаться — сразу кто-нибудь насторожится, начнет подслушивать.

А вот уже стучат колеса на стрелках и толкаются буфера вагонов. Неужели уже Долинская? Поезд замедляет ход, скрипят от толчков деревянные корпуса вагонов. И, заснувший было у печки, парень в солдатской папахе, читавший недавно своей жене нравоучительные нотации, проснувшись от толчков и скрипа, объявляет:

— Долыньска... Повчаса остановки... Водка в буквете пид закуску... Водка Дождева, закускы...

И длинный поезд скрипящих теплушек останавливается, немилосердно стукаясь буферами.

Евгений Яконовский

(Продолжение следует).

Первые дни в „Славной школе"

(Окончание)

Была и еще одна категория юнкеров, к счастью чрезвычайно редкая и в Школе не засиживавшаяся, а именно "красные" или на живописном языке училища "навоз Школы". Это были господа, пытавшиеся в чужой монастырь придти со своим уставом или провинившиеся перед товарищами в каком-нибудь позорном поступке, уставом не наказуемом. Все они кончали печально и быстро покидали училище, не будучи произведенными в офицеры или даже до перехода на старший курс. Да иначе и быть не могло, в небольшом сравнительно, кавалерийском мире, где Школа была тысячами нитей связана с жизнью всех кавалерийских полков, почему изгнанный из товарищеской среды человек не мог расчитывать ни на что хорошее и в полку, если только он в него попадал. В полках была та же среда, что и в Училище и те же взгляды на вещи. Именно эти, изгнанные из среды товарищей, господа обыкновенно помещали в газетах и журналах пакостные статьи и очерки из жизни Школы, незаслуженно и несправедливо пачкая ее в общественном мнении, чтобы оправдать сами себя.

Большинство этих господ, описывавших жизнь в Николаевском Кавалерийском Училище в черных красках, были в жизни и физически и морально непригодны к службе в кавалерии и покидали Школу в первые два месяца пребываня в ней, так и не поняв почему им пришлось столь туго. Весь же секрет заключался в том, что в первые месяцы училищной жизни, как школьное начальство, так и старший курс, грели молодежь и в хвост и в гриву с определенной целью: из сотни молодежи, которая поступила на младший курс, сделать отбор способный служить в кавалерии. Служба кавалериста, а тем более кавалерийского юнкера обязанного стать через два года начальником и учителем молодых солдат, требует большой физической выносливости, характера и упорного труда. К этому, обыкновенно, бывают непригодны от 20 до 40 процентов, поступающих на младший курс молодых людей, даже из корпусов, уж не говоря о штатских. Покинуть Школу, однако, можно только в первые два месяца пребывания в ней, до дня принесения присяги, после которой юнкера уже считаются на действительной службе и уйти из училища могут только в полк — солдатом. Потому-то в первое время пребывания на младшем курсе так тяжело и приходится молодежи. Средство это жестоковатое но испытанное и верное. Каждый год, благодаря ему, из ста поступивших "сугубцев", ко дню присяги оставалось не бо-

лее 50-70 человек, которые и составляли нормальный кадр младшего курса училища.

"Работа", которую мы были обязаны проделывать в помещении Школы днем, а то и ночью, была крайне разнообразна: здесь были и классические приседания, которые выполнялись во всех углах и при всяких случаях для развития шенкелей; бесчисленные повороты направо, налево и кругом, которые должны были быть доведены до легкости и отчетливости необычайной, и многое другое. Курительная комната, дортуары, коридоры и все помещения, находившиеся вдали от ока генерала М. были постоянной ареной этих занятий. Дежурные офицеры делали вид, что они ничего не замечают, так как понимали и, всей душой, сочувствовали этой системе и сами, в свое время, на ней были воспитаны.

Надо отдать справедливость нашим корнетам — они не жалели ни своего времени, ни сил, лишая себя, подчас, и отдыха. Везде, с утра и до вечера, можно было наблюдать картину того, как корнеты и майоры разставив каблуки и, запустив руки в карманы рейтуз, трудились над молодыми, во славу Школы. Такой "трудящийся" обыкновенно начинал с того, что, разведя каблуки, коротко звязал шпорами и командовал: "кругом... в такт моим шпорам... впредь до приказания..." и немедленно комната наполнялась четко вращающимися автоматами. Время от времени раздавалась команда: "стой... оправиться..." или "стой... Молодой зевает..." и следовало замечание. В спальнях, некоторые "переутомившиеся" корнеты давали себе отдых, который впрочем даром не пропадал. Отдыхавший "офицер" лежал на койке, а, рядом с ним, два-три "сугубца" методично приседали, держа руки в боки, в интересах развития "шлюза".

Иногда, молодому, для разнообразия, предлагалось "отправиться в путешествие". Иными словами, он приседал и выпрямлялся, одновременно с тем рассказывая путевые впечатления по дороге из Петербурга в Москву или Выборг. Для сокращения пути, часто, уставший юнец, едва "выехал" из Петербурга, начинал рассказывать уже о дачных местах под Москвой, когда вдруг, казалось, задремавший корнет открывал глаза и заявлял: "молодой фантазирует... вы не успели еще доехать и до Бологого. Начинайте сначала".

Только после 9-ти часов вечера, цука не полагалось и юнкера младшего курса могли отдыхать и читать, лежа на кроватях или делать все что им угодно, никем не беспокоимые. Перед тем как ложиться спать, юнкера были обязаны складывать на тумбочку у ног кровати, одежду и белье, в правильные квадраты, причем самым нижним и большим квадратом являлся китель, затем меньшим, лежавшим поверх первого, были рейтузы, затем, все уменьшаясь в размере, рубашка, кальсоны и, наконец, носки. По началу, пока юнкера не набивали руку, "квадраты" бывали недостаточно правильные и тогда, случалось, что корнеты не только будили виновного и заставляли при себе заново складывать одежду, но, иногда, в наказание за небрежность, приказывали молодому рассказывать историю его первой любви или перечислить все кирасирские полки.

На языке Школы, то-есть на особом жаргоне, на котором юнкера говорили между собой, всякое понятие и всякая вещь имела свое собственное наименование. Так, Начальник Училища назывался "сто пятьдесят большое", командир эскадрона — "сто пятьдесят малое", инспектор классов — "сто пятьдесят капонирное", старший врач — "сто пятьдесят клистирное", а сменные офицеры — "двадцать шесть". К химии, артиллерии, фортификации и прочим "некавалерийским" наукам полагалось относиться с равнодушием, зато науки имевшие прямое отношение к кавалерийской службе, как езда, строй, вольтижировка, стрельба, конно-саперное дело, иппология и т. п. — "мотать", то-есть избегать считалось непозволительным и молодежь за это строго наказывалась. Кадеты, поступившие в Школу, считались "прибывшими из такого-то болота", штатские молодые люди числились — "с вокзала". Шпоры и кителя были только у корнетов, те же предметы на сугубцах именовались: "курточками" и "подковками". Зад "молодого" именовался крупом и считалось, что, из-за неумения сидеть в седле, он его натирал, почему, ко всем покупкам, делаемым юнкером младшего курса в юнкерской лавочке, обязательно прибавлялась маленькая баночка вазелина, для смазывания воображаемых повреждений.

Из четырех дверей спальни, две были "корнетскими", равно как и половина зеркал и пользоваться ими младшему курсу не полагалось, то же самое было в курилке, где "невидимая корнетская черта" разделяла комнату на две половины. Здесь имелся полукруг, сделанный на каменном полу, по преданию, шпорой Лермонтова и потому называвшийся "Лермонтовской чертой". Вообще в Школе культ ее старого воспитанника М. Ю. Лермонтова очень поддерживался. Авторство многих традиций, существовавших в мое время, приписывалось Лермонтову. На языке Школы он иначе не назывался, как "корнет Лермонтов" и я помню хорошо, как сменный офицер нам скомандовал однажды: "от памятника корнету Лермонтову, по линии в цепь... бегом, марш". В мое время, впрочем, этот памятник был только намечен и статуи на нем не было. Был лишь один пьедестал.

Форма Школы была чрезвычайно нарядна и красива и не имела ничего общего с другими военными училищами. Эскадрон имел парадную форму, напоминавшую драгун Наполеоновского времени: высокий кивер гвардейских драгун, с Андреевской гвардейской звездой, черный мундир с красным лацканом и желтым этишкетом, красно-черный пояс и длинные "шассеры" с красными генеральскими лампасами, при ботинках со шпорами. Белая портупея шашки и белые перчатки дополняли картину. Обыденной формой была алая безкозырка с черными кантами, вашитный китель, синие рейтузы с красным кантом, при высоких сапогах со шпорами. Портупея шашки и белый пояс надевались поверх кителя или шинели.

Белые перчатки сопутствовали николаевскому юнкеру при всех формах одежды, даже в манеже.

Одевались юнкера Школы строго придерживаясь формы и традиции, что являлось довольно сложной наукой. Казенное обмундирование носил только младший курс и то только в стенах Школы. Во всех остальных случаях оно должно было быть собственным и сшитым по правилам. Так шинель была из тончайшего светло-серого, солдатского сукна и полы ее должны были закрывать шпоры, то-есть доходить почти до земли. Покрой каждой части обмундирования был строго определен и портные столицы, работавшие на Школу, знали эти правила, как "Отче Наш". Этишкет, портупея и пояс должны были быть обязательно казенные, выбеленные простой меловой краской. Они относились к Высочайше установленной форме гвардейской кавалерии, а потому всякие фантазии в этой области были непозволительны и строго карались обычаем. Шпоры были марки знаменитого Савельева и, независимо от своей формы, все издавали один "малиновый" звук, хотя и различных тонов, начиная от солидного баритона "коломенских" до нежного дисканта крохотных "бальных". Словом, каждый шаг юнкера в стенах Школы и вне их, каждая мелочь его быта, строго определялись и регламентировались традициями. Школа, в своем целом, начиная от командира эскадрона и кончая последним лакеем, подметавшим дортуар, также руководилась, в своей жизни, этими неписанными законами, которые слагались годами, сами собой, и необходимы везде, где много людей разнохарактерных и разномыслящих принуждены существовать бок-о-бок в одном и том же месте.

Через два дня, после обеда, меня и нескольких приехавших одновременно в Школу кадет разных корпусов вызвали в цейхгауз, для получения юнкерского обмундирования и сдачи кадетского. Там в длинной полуподземной комнате, густо пахнувшей нафталином, нас встретил старый каптенармус, весь в шевронах и с баками времен Александра II. Он вежливо и неспеша, при помощи портного, подобрал нам защитные кителя, синие рейтузы в обтяжку и высокие сапоги, увы, без шпор. Эти последние, предмет наших кадетских мечтаний, младшему курсу выдавались не раньше двух-трех месяцев, по мере успеха в езде и не всем сразу, а в несколько приемов. Первому из молодых, получившему "подковки", по традиции, его "дядька" дарил серебряные шпоры и он чествовался всей Школой. Кстати сказать, получал подарок от всего курса и тот, кто первый упал с коня в манеже: ему однокурсники дарили золотой брелок в виде репы. Как само обмундирование, сшитое из прекрасного материала, и сидевшее на нас как влитое, так и способ его примерки сильно отличались от способа "пригонки" таковового в корпусе, где зачастую, на вновь поступившем кадете ни одна часть одежды не соответствовала размерам его тела. После обмундирования, нам были вручены шашки и карабины. Штыки от них сохранялись в шашечных ножнах, в которых имелись специальные пазы. Шашка вешалась у изголовья кровати в спальне. Винтовки стояли в стойках, в эскадронном коридоре.

В отличие от корпуса и других военных училищ, чистить одежду и сапоги самим юнкерам не полагалось, как равно и стелить свои кровати; для этого имелись в Училище особые лакеи, по одному на каждых пять человек юнкеров. Они же хранили и занимались и нашим собственным обмундированием, для которого имелся специальный цейхгауз. Как лакеям, так и вестовым, ухаживавшим за лошадьми, каждый из юнкеров платил месячное жалованье. Вообще, жизнь в Школе требовала довольно много средств, как в самом училище, так, в особенности в отпуску, где, по традиции, юнкерам Николаевцам не полагалось ходить пешком, или ездить на трамваях. Я уж не говорю о том, что посещения мест развлечения и прочие расходы менее скромного характера влетали в хорошую копейку.

В первую же среду моего пребывания в Школе, мой "дядька", корнет К., с которым мы были не только "однокорытники" по корпусу, но и сидели до шестого калсса на одной скамейке, повел меня в сборный зал, куда в этот день являлись из года в год поставщики Школы, для того, чтобы я заказал себе юнкерский гардероб. В белом зале с колоннами мы застали целый ряд представителей столичных портных, сапожников, фуражечников и т. д. Все это были Петербургские знаменитости, великие мастера своего дела, причем каждый из них специализировался на какой-нибудь одной части обмундирования. Так оказалось, что сапоги я должен заказать у Мещанинова, шинель у Паца и т. п. Здесь же был и делегат Савельева с огромными ящиком шпор всевозможных образцов, на которые мы, молодые, могли бросать лишь восхищенные взгляды издали, не имея права носить это лучшее украшение кавалериста.

Через неделю съехались все юнкера и жизнь училища вошла в нормальную колею. Для нас начались учебные и строевые занятия, причем, этим последним посвящалось не менее пяти часов ежедневно, отчего, при наличии "работы", которой нас подвергали господа корнеты добавочно, к вечеру все тело ломило и болел каждый сустав. Трудновато было нам и в манеже, где наш сменный офицер ротмистр гвардии Шипергсон, белобрысый швед с бесцветными холодными глазами, буквально не знал ни снисхождения, ни жалости. Это был лихой кавалерист, который в Офицерской Кавалерийской Школе (которую он кончил, как и все наши другие офицеры) сломал себе ноги на парфорсной охоте и, потому, в пешем строю передвигался хромая на обе ноги. Преследуя цель отобрать из нас наиболее способных к службе в кавалерии и заставить уйти из Школы неспособных или, как он выражался "калек", ротмистр применял самые разнообразные и довольно жестокие приемы.

По уставу мы должны были изучать правила посадки и управления лошадью на деревянной, в натуральную величину, кобыле, затем на живой лошади. сначала на корде, затем на уздечке, без стремян, со стременами, на мундштуке, без оружия и наконец с

оружием на коне. Прыгать через препятствия, на попонке без стремян, на седле без стремян и наконец на седле со стр менами, на уздечке и с мундштуком. Делалось это для того, чтобы приучить юнкера держаться на коне шенкелями и шлюзом, то-есть собственными природными способами, а не так, как это делают любители, держась за уздечку и опираясь на стремена. На младшем курсе юнкерам не полагалось иметь определенной лошади и они ездили на разных, дабы приучиться обращаться с лошадьми вообще, а не только с одной.

В первый день нашей манежной езды мы вошли в него с душевным трепетом, явно написанным на лице каждого. В предманежнике нас уже ждала команда вестовых, державших смену крупных, красивых гнедых коней. Когда Шипергсон подал команду разобрать коней, я, с детства ездивший верхом и проводивший целые дни в седле, на охоте с борзыми, заранее сообразив все "за и против", быстро направился к небольшой кобыле, в расчете, что на нее мне будет легче садиться и вольтижировать. Однако, ротмистр был старая и обстрелянная птица, все видевшая и все понимавшая и поэтому, не успели мы выстроиться перед ним в конном строю, как он, ехидно усмехаясь в ус, мигнул старшему вестовому, который вывел из предманежника огромного шестивершкового верблюда, и приказал мне на него пересесть, как правофланговому. У меня упало сердце, так как это была несомненно самая высокая лошадь эскадрона и взбираться на нее, уж не говоря обо всем остальном, было целым предприятием — я с трудом доносил ногу до стремени.

Кони, поседланные попонами, были сытые и раскормленные, и я едва охватил шенкелями моего гиганта. Пока смена шла шагом, все было благополучно, но, едва Шипергсон скомандовал "рысью", как мы почувствовали сразу все неудобство нашего положения. Шенкелей, конечно, еще никто ен успел приобрести и этот недостаток, над исправлением которого потом столько "трудились" наши корнеты, немедленно сказался. Двое из смены зарыли "репу", а в дальнейшем началось настоящее избиение младенцев. Злорадно ухмыляясь, Шипергсон приказал нам завязать узлом поводья на шее лошадей и, расставив руки на уровне плеч, сначала крутиться по манежу рысью, а затем прыгать через небольшой барьер, который внесли солдаты. Опытные и тренированые кони шли по кругу как заведенные, совершенно не обращая внимания на своих беспомощных всадников, брали поочередно барьер и только косились умным глазком на падающих один за другим юнкеров. На этом упражнении, в навоз манежа, смешанный с опилками, легла костьми треть смены. Ротмистр на все это только улыбался, причем у него в руках откуда-то появился длинный бич, которым он нарочно стал горячить лошадей. С этого момента, то в одном, то в другом конце манежа стали слышаться грузные звуки падающих тел, каждое из которых поднимало тучу пыли и заставляло шарахаться разгоряченных лошадей.

К концу первого, двухчасового урока, Шипергсон разошелся окончательно и его длинный бич засвистал в воздухе. С веселым воплем "заранее извиняюсь", он ловко попадал концом бича не только по взбесившимся лошадям, но, зачастую, и по юнкерским ляжкам, обтянутым в тугие рейтузы. Когда, наконец, мы, потные, ошалелые, с дрожащими от напряжения ногами и руками вернулись в эскадрон, после этой первой "езды", то сразу пятеро молодых отказались от чести нести кавалерийскую службу и подали рапорты о переводе в пехотные и артиллерийские училища. Особенно трудно пришлось, на первых порах, трем штатским молодым людям, поступившим в нашу смену, а именно студенту-юристу и двум лицеистам, не имевшим ни малейшего понятия не только о езде, но и вообще о военной службе. Только один из них выдержал целый месяц, прочие ограничили свое пребывание в кавалерии первой неделей. Помню как в один из первых дней манежной страды, с бойкой кобылы, давшей удачного "козла" на барьере, легкой птахой сорвался через голову и грузно уткнулся носом в навоз, какой-то молодой человек, явившийся в Школу в неуклюже сидевшей на нем белой черкеске, явно московского покроя. Ошеломленный падением, он немного полежал, затем поднялся и со слезами обиды на перепачканном лице, заявил ротмистру Шипергсону, что "больше оставаться не желает", на что этот последний, с радостной улыбкой, крикнул на весь манеж "скатертью дорога"... Прямо с поля битвы, московский черкес заковылял подавать рапорт об отчислении, потирая на ходу ушибленные шлюзы.

В посрамление многих из нас, которые с детства увлекались лошадьми и дома, по имениям, считались лихими кавалерстами, Шипергсон объяснил, что предпочитает юнкеров в глаза никогда не видавших лошади, нежели тех кои привыкли на ней ездить неправильно, так как переучиваться много труднее, нежели учиться впервые.

Помимо езды в манеже, в предманежнике, четыре раза в неделю мы занимались вольтижировкой, во время которой солдат-вестач на корде гонял по небольшому кругу специально выдрессированную толстую и спокойную лошадь, или на юнкерском языке "шкапу", шедшую коротким галопом и поседланную плоским седлом, с двумя парами ручек, спереди и сзади седла. Юнкера должны были, держась за эти ручки, вскакивать на седло и проделывать на нем известные упражнения, которые непривычному человеку казались просто цирковыми номерами, но, в действительности, особого искусства не представляли. Надо было только проделывать все это, не теряя темпа галопа и учитывая центробежное движение, то-есть всегда наклоняясь внутрь круга, а не наружу.

По началу, пока молодежь не усвоила эти аксиомы, много юнкеров падало, а один даже сломал себе ногу, вывалившись из круга, во время выполнения "ножниц". Я сам однажды упал с этой "шкапы", желая изобразить номер, не имевшийся в Уставе, за что поплатился разрывом связки в колене, который дает

себя чувствовать и ныне. Вольтижировка затем производилась юнкерами уже на строевых конях, иногда при походной седловке и при оружии, что гораздо труднее и требует навыка и ловкости. Кроме того, Шипергсон почти ежедневно гонял нас на гимнастике, строевом учении, пешим по конному, обучал стрельбе из пулемета и винтовки.

В строевом отношении, нам, кадетам также пришлось переучиваться наново, так как строй кавалерии отличается от пехотного, который мы изучали по корпусам, в течение 7-8 лет. В последнем при построениях базировались на расчете по два, кавалерия же не знает других построений, как по три или по шести, не говоря о взводном или эскадронном строе. Кроме того, нам пришлось изучать шашечные приемы, в корпусе не существовавшие и забыть приемы ружейные, ограниченные в кавалерии заряжанием винтовки и стрельбой. Пеший строй по конному заключался в том, чтобы не утомляя излишне коней, научить юнкеров построениям взводным и эскадронным, при этом каждая пара юнкеров, держа за оба конца пику, озбражала собой взвод или эскадрон.

Шашечные приемы и владение пикой юнкера проходили сначала на деревянной лошади, во избежание поранения при неловком ударе. Но и при этих условиях, многие лошади младшего курса не были застрахованы от увечий и носили на себе следы шашечных ударов, в виде отрубленных ушей.

Строевые занятия начинались сразу после завтрака и шли беспрерывно до четырех или пяти часов пополудни. По вечерам мы учили, сдавали репетиции и выполняли прочие "капонирные" обязанности. "Капонирами" в Школе презрительно назывались как классы, так, одновременно с тем, и уборные, каковое обстоятельство из года в год приводило в недоумение инженерного полковника, читавшего нам фортификацию. Как только в своих лекциях в начале года, он доходил до вопроса о крепостном капонире, в классе раздавался общих смех. Каждый раз, как только он затихал, профессор безуспешно старался получить этому разъяснение у юнкеров.

"В чем дело, господа? — спрашивал он с возмущением, — "какая причина вашего коллективного веселья?.. Ведь этот балаган происходит каждый год, едва я произношу слово капонир? Что в нем смешного, ради Бога?..

Однако, никто из юнкеров не брался объяснить полковнику что, на языке Школы, его класс приравнивается к пребыванию в уборной.

Упомянув выше об юнкерах Казачьей Сотни, я скажу еще несколько слов по этому вопросу. Училище наше разделялось на два отдела — кавалерийский — эскадрон и казачий — сотня, — объединенных одним Начальником Училища. Все остальное, а именно строевое начальство, помещение, манежи и даже форма были разные. Общими, кроме Начальника, были только столовая и классы. Служба, строй, обучение казачьих частей и регулярной конницы были настолько различны, что это разграничение было совершенно необходимо. Кромѣ того, казачий быт и обычаи, проникнутые известной долей демократизма, сильно отличались от сословно-дворянских традиций офицеров кавалерии. Это, конечно, нисколько не мѣшало тому, что отношения сотни и эскадрона оставались самыми корректными, да они и ен могли быть иными, раз и там и у нас, хоть и в разных этажах, жили кадеты одних и тех же корпусов, одних выпусков, просидевшие на общей скамье 7-8 лет. Правда, казаки и их офицеры никаких традиций Школы не признавали, но это нас не касалось, поскольку они жили отдельно. От старых времен, когда между сотней и эскадроном существовал известный сословный холодок, в Школе остались старые клички "буржуазов", которыми называли нас казаки, и "гунибов", как называли их мы. Но это был лишь пережиток старого, которому мы не придавали никакого значения. В мое же время за корректным отношением к казакам, с которыми мы, впрочем, почти не встречались, занятые целыми днями службой, с большой строгостью следил корнетский комитет, не позволявший ни малейших отступлений.

Никаких совместных строевых занятий с казаками у нас не было, слишком разны были условия строя, было только известно, что эскадрон превосходит сотню в искусстве езды и барьеров, сотня же лучше владела шашкой и пикой — природным оружием казака. У них, как и у нас были конечно свои знаменитости; так в эскадроне славился, как гимнаст и скакун, сменный офицер поручик Эймелеус, в сотне знаменитый рубака есаул осетин Тургиев, делавший чудеса своей кавказской шашкой.

Строевое начальство эскадрона было немногочисленно. Оно состояло из его командира, полковника Назимова, очень любимого и уважаемого юнкерами, который сам в свое время окончил Школу и был пропитан лучшими традициями конницы; сменных офицеров было шесть человек, все они конечно были знаменитости в своем роде, а именно: ротмистра Сиверс, Шипергсон, Баженов, штабс-ротмистр Бестужев, Помазанский и поручик Эймелеус.

Беспрерывная строевая тренировка и гимнастика всякого рода, в особенности же "работа", которую нас заставлял проделывать старший курс, хотя и доводили многих до обморока, но зато быстро превратили из "корявых" и "мохнатых" в лихую и подтянутую стайку молодежи. Последние остатки кадетской угловатости сходили с нас не по дням, а по часам в опытных руках начальства, которое все чаще и чаще стало благодарить то одного, то другого из молодых "за отчетливость" и "за службу".

Через два месяца жесточайшей дрессировки, которую были способны перенести только крепкие кадетские организмы после семи лет корпуса, наступил, наконец, для младшего курса, торжественный день Присяги. За этот срок с младшего курса выбыла с переводом в другие училища или просто "домой", почти половина поступивших, зато оставшиеся выдержали марку до конца и, привыкнув и полюбив Школу, смотрели смело на будущее.

Подняв два пальца правой руки, стоял я в училищ-

ном храме среди своих "сугубых товарищей" в парадной форме, слушая слова старинной Петровской Присяги на верность Царю и Родине. Затем, целовали мы Крест, Евангелие и Штандарт Школы, с двуглавым орлом на древке который держал перед аналоем штандартный вахмистр.

Получив поздравления "господ корнетов" со "вступлением на службу", вечером того же дня мы, впервые, были отпущены в отпуск, так как до этого дня гг. корнеты почитали нас слишком "корявыми", чтобы представлять Школу на улицах Царской столицы. По традиции, этот вечер мы должны были провести в цирке Чинизелли, где каждый год происходила некая неофициальная церемония в честь "земного бога" Школы, который в день Присяги также получал свое официальное производство.

Вдвоем с моим приятелем К., мы подъехали к ярко освещенному цирку, у подъезда которого дежурили жандармы. Весь первый ряд и ложи пестрели цветными фуражками офицеров гвардейской кавалерии и дамами в элегантных туалетах, с улыбками оглядывавшимися на третий ряд скамей, вдоль которого алым морем цвели бескозырки юнкеров Школы. Перед началом программы, предстояло выполнение старой традиции, о которой знал весь цирк и с любопытством ее ожидал. Едва мы уселись, как откуда-то сзади донеслась негромкая команда "юнкера встать... смирно". Весь длинный ряд юнкеров и десятки офицеров в ложах встали как один человек. Оркестр заиграл "Марш Школы", чудесные звуки которого я не забуду до гробовой доски, и в дверях входа показалась стройная фигура вахмистра училища, замершего с рукой у козырька. Это была, освященная годами, встреча "земного бога", в которой неизменно принимали участие не только юнкера, в этот день присягнувшие, но и офицеры гвардии, бывшие "корнеты" Школы, специально приезжавшие для этого в цирк.

С утра следующаго дня, началась наша настоящая военная служба, так как с момента принесения Присяги мы стали "воинскими чинами" со всеми вытекающими обстоятельствами: нужно было или кончать Школу и быть произведенным в офицеры или заканчивать службу простым солдатом, с отчислением в полк. Третьего выхода не было.

Как ротмистр Шипергсон, так и гг. корнеты, однако, с этого дня стали к нам много мягче и снисходительнее, теперь мы были уже не случайными людьми, а их младшими товарищами и будущими офицерами, членами одной кавалерийской семьи. Цук, хотя и продолжался, но утерял свой острый характер экзамена. Этот последний, на звание юнкера "Славной Гвардейской Школы" мы, по мнению начальства и старшего курса, выдержали с успехом.

Анатолий Марков.

ПЕСНЬ ОБ ИКАРЕ

(Из цикла "Эллада")

Окрыленным братьям моим, Ивану и Сергею, в Русское небо, к Солнцу Славы, вознесшимся.

Вспыхнуло утро над Критом и лучами зари многоцветными
Тихо, из дымок и снов, пробуждается царственный Крит.
В небе пылает Восток и Востоку огнями ответными
Море сквозь легкий туман у прибрежных утесов горит.
Чайки над дремлющим взморьем скользят серебристыми тенями

В роще рождается гомон солнце встречающих птиц
В храм Амфитриды-Дагоны шествуют в лад песнопеньям,
С утренней жертвой в руках, вереницы камиллов и жриц.
Смолкли внезапно они, подымая смущенные лица:
С кровли жилища Б гини, — к небу сквозь утренний пар. —
Взмыл, на крылах исполинских дивно неслыханной птицей
Сын безрассудный Дедала, юный безумец Икар.

Выше и выше он реет мощными ровными взмахами...
Ниже и ниже уходят толпы бескрылых людей, —
Жалких, смиренных, покорных, — созданных быть черепахами, —
Ползать в пыли по земле, не дерзая подняться над ней.
Что ему их изумленье, страх и смятенные крики?
Все, под ногами его, исчезает в туманную тьму,
Ибо навстречу Крылатому — в небе встает Огнеликий,
Скрытый еще от бескрылых, но зримый и близкий ему.
"Солнце!.. всесильное Солнце!.. щит светозарного Феба!..
Солнце... земли Жизнедавец!.. Солнце!.. Эвоэ!.. — вот
Прямо навстречу Светилу — вглубь бирюзового неба
Сын безрассудный Дедала свой направляет полет.

Солнце восходит во гневе, стрелы каленые сея.
Пышет губительным зноем лавой кипящий сосуд.
Блеск ослепляет глаза, — и Вааловы жгучие змеи
Тысячью огненных зевов сердце Икарово пьют.

Силы истаяли потом... стали неверными крылья...
Плавясь закапал на плечи перья скрепляющий воск..

Солнце все ближе и ближе... — "Нет!.. не напрасны усилья!..
"Нет!.. Я достигну!.. достигну!.. — бредит пылающий мозг.

Эй!.. воротися безумец!.. — Видано ль дело такое? —
Тем, кто родился из праха, сила летать не дана...
"Нет!.. Я достигну!.. достигну!.. Солнце!.. Эвоэ!.. Эвоэ!..
Смерть?.. — что Крылатому смерть?!.. Смерть лишь безкрылым страшна.
Вдруг... совершилась с выси над безумцем Зевесова кара —
Крылья бессильнно упали... вопль в небесах прозвучал —
В вихре дымящихся перьев, тело нагое Икара
Камнем низверглось на зубья брег окаймляющих скал.
В клочья растерзано было острыми камнями тело,
Вволю горячею кровью алчный упился песок.
Долго надгробными плачами горное эхо звенело.
Зорко орел с поденбесья братние кости стерег.

Саван из листьев Икару соткали дриады и фавны.
Скалы, низринясь, воздвигли вечный над ним мавзолей,
Ибо не должен крылатый, высшим дерзанием славный,
Быть осквернен погребеньем созданных ползать людей.

Н. М.

На закате

Историческая повесть (Продолжение)

Проходя по парадной зале большой казенной квартиры дядюшки сенатора в маленькую "голубую" гостиную, где принимала в свои jour-fixe Ее Превосходительство tante Sophie, Ната вдруг остановилась.

— Вот, — воскликнула она, указывая на висевший в простенке между окнами большой портрет Императора Александра Павловича, — вот почему его лицо показалось мне таким знакомым... Ведь он похож, à s'y me prendre на Государя...

— Вы уже настолько подпали под чары вашего сказочного принца, — несколько натянуто рассмеялся Анатолий, — что он вам теперь мерещится повсюду...

— А вы, сегодня, несносны Анатоль... Еще больше чем обыкновенно — et cela veut dire quelque chose и сделав ему насмешливый реверанс, она тряхнула своими темными кудрями и быстрыми шагами направилась к двери гостиной.

Анатоль посмотрел ей вслед и медленно повернулся к портрету.

— С моей несносностью, вам придется примириться, прелестная кузиночка, — проговорил он про себя, когда придет мое время, он взглянул опять на портрет, — да, она тоже заметила это редкое сходство... Значит я не ошибся... Какая смесь удачи с неудачей?.. Нежданно-негаданно столкнуться с ним и не иметь возможности выполнить мою задачу... Но нельзя было при ней. А как теперь найти опять своего шефа? — Бы решил он вдруг, сама Ната мне поможет. В ее романтической головке, наверное уже готовится роль доброй феи, летящей на помощь к несчастному, преследуемому злым роком, рыцарю... Она его разыщет, за это можно ручаться, а мне останется только скромно пойти по ее следам.

И, взглянув мимоходом в большое зеркало, уверившее его в безукоризненности прически, он направился в гостиную "отбывать службу" на приеме.

Глава III

Серый зимний день... Серо и уныло на улице, еще тоскливее и безотраднее, в маленькой комнатушке, на заднем дворе населенного беднотой дома, на одной из захолустных улиц Гавани. Слабый дневной свет с трудом пробивался сквозь мутные, никогда немытые стекла единственного маленького окна там, где они не были заклеены пожелтевшей бумагой поверх трещин и выбитых углов... Эти сумерки среди дня скрадывали, хоть немного, всю убогость обстановки, если только можно этим именем назвать погнутую и ржавую железную кровать, покрытую рваным лоскутным одеялом, некогда крашеный стол, изрезанный ножами многих поколений жильцов, две табуретки и ситцевую занавеску в углу, заменявшую собой шкап. Колченогая, подпертая обломком кирпича железная печурка, давно нетопленная и такая маленькая и жалкая, что, казалось, сама она съежилась от холода, завершала эту картину безысходной нужды и уныния.

Сенявин сидел у стола в накинутом поверх старого мундира плаще, опустив голову на руки и неподвижно глядя перед собой... Это был один из его "черных" дней... пожалуй самый "черный"... Пока еще надо было разыскивать людей, бегать, хлопотать, пока была какая-то иллюзия деятельности, жизнь, при всей ее неприглядности, была еще переносима, была все же еще "жизнью". А теперь? Все было кончено... Оставалась та же беспросветная нужда, одиночество и тоска, углубляемые до невыносимой остроты вынужденной праздностью и бесконечным количеством ничем незанятого времени. И оставалось только заполнять эти тянувшиеся с убийственной медленностью часы и дни, переживанием, все снова, старого горя, старых обид.

В такие дни, какая-то темная, злорадная сила особенно настойчиво толкала на то, чтобы воскрешать в памяти и сердце всю горечь, бередить незажившие,

старые раны. Он машинально придвинул к себе потертый портфель, вынул из него сложенный вчетверо, порвавшийся на сгибах, лист пожелтевшей бумаги, развернул, разгладил его... Взгляд его медленно скользил по знакомому тексту, старательно выведенному, буква в букву, ровным почерком опытного старого канцеляриста.

"...Его Императорскому Величеству... Августейшему Государю..., читали беззвучно его губы... Балтийского Флота отставного вице-адмирала и кавалера Дмитрия Николаевича Сенявина прошение..." Фраза за фразой, витиеватого канцелярского языка... "Санкт-Петербург, августа двадцать восьмого дня тысяча восемьсот двенадцатого года..." Подпись...

Взгляд перенесся с низа листа на его левый верхний угол... Тонким, наклонным почерком, как бы скрывавшим своей холодной равномерностью духовный облик писавшего, там были начертаны те несколько слов, которые, как вытравленные едкой кислотой, жгли душу Сенявина все эти долгие годы... "Не вижу где ему можно найти применение. Александр".

Тринадцать лет ушло с тех пор, но слова эти остались все теми же, с такой же жгучей острой болью пронизывали они мозг, все в той же смертельной тоске ныло сердце, как в тот далекий день, когда безучастный чиновник, небрежно протягивая ему прошение, проскрипел деревянным голосом: "Высочайше отклонено-с". Сухими горячими глазами смотрел он на эти семь слов, решивших его судьбу, похоронивших его заживо... Еще недавно ему казалось, что он все это переборол, покорился судьбе... Но сейчас, в этот "черный" день, снова вскрылась затянувшаяся было рана, со свежей силой вскипела в сердце жгучая обида, хотелось крикнуть на весь мир об этой чудовищной несправедливости.

"...где ему найти применение?.. Применение..." Он рассмеялся резким злым смехом столь неожиданно, что сам вздрогнул... Конечно... Стоило ли вспоминать о том "применении", что нашлось для него, почти двадцать лет тому назад, у Афона, у Тенедоса, в Дарданелах... Но пусть спросят тогда хотя бы маршала Мармона, одного из лучших генералов Бонапарта... Как честный солдат, он должен будет признать, что ему никогда бы не видать титула герцога Рагузского, если бы ему не помогла наша преступно-близорукая политика, убравшая с его пути противника, с которым он, за два года отчаянной борьбы, располагая втрое и вчетверо большими силами, ничего не мог сделать. Пусть вспомнят как вся английская печать, с пеной у рта, твердила, что Лиссабонское соглашение, эта "победа Англии", была позорнейшим поражением, когда-либо понесенным Британским флотом. Пусть найдут, во всей истории всех флотов, другой пример, чтобы "сдавшаяся" эскадра пришла в неприятельский порт и стояла там под гордо развевающимся своим флагом, чтобы личный состав ее не оказался военнопленными, а был бы, в разгаре войны, доставлен противником на родину, свободным от каких-либо обязательств, чтобы, наконец, даже самые корабли не стали законными призом победителя, а были в целости и сохранности возвращены?..

Все это сделал он... Россия не может бросить ему ни малейшего упрека... Он чист перед Нею, он беззаветно служил Ей и Тому, в ком она воплощалась для него, всеми силами ума и сердца, оберегая честь Ее имени, честь флага, дарованного Великим Императором.

И за все это — оскорбление, унижение, смерть заживо... Он вскочил, оттолкнул ногой табуретку, сбросил плащ, не ощущая пронизывающего холода, царившего в этом убогом и мрачном логовище... Горячая волна поднялась из болезненно сжавшегося сердца, прокатилась по мозгу... Как сквозь туман, видел он имя, стоявшее под этими роковыми словами: ..."Александр..."

"Александр... повторил он, не Россия нанесла ему эту незаслуженную обиду а Он, правивший Ею не так как его предки... Те знали лишь один путь, путь служения России... Он же повиновался только своему неспокойному, мятущемуся, фантастическому характеру, с его внезапными переменами настроений, резкими переходами от одной крайности к другой и решением, даже крупнейших государственных вопросов, под влиянием личных симпатий и антипатий данного момента...

Так было и здесь. Сенявину вдруг все стало ясно... Убежденный в своем призвании полководца, болезненно самолюбивый Александр очень остро переживал неудачи и свои и любимой им армии, а, как раз в самые темные для него дни, дни Аустерлица и Фридланда, флот, чуждый и нелюбимый, как бы на зло, шел от победы к победе.

И вот, под влиянием этих личных чувств, началось уничтожение и унижение той части военной мощи России, которую его великий предок называл "второй рукой потентата".

Все было ясно. Отсюда и упразднение, простым росчерком пера, великой святыни флота, его флага и распродажа славных кораблей, с нарочитым подчеркиванием предлога — "за ненадобностью"... С возрастающим волнением Сенявин сжал кулаки... Его корабли, его славные боевые товарищи: "Венус", "Забияка", "Летун"... проданы с молотка... какой-то Испании...

Но, с наиболее утонченной жестокостью был расчитан удар по нему, прямому виновнику успехов флота... Ни обвинений, ни преследования... ничего... Только недоуменный вопрос "какое можно найти ему применение?"

Сенявин тяжело опустился на табуретку. Голова его упала на скрещенные на столе руки. Какой-то душивший его клубок подкатывался к горлу...

"Вычеркнут... забыт... не нужен никому на свете... у людей справедливости нет... Стоит ли жить?.. для чего..." мелькали в голове бессвязные мысли...

В дверь постучали.

Он поднял медленно голову, обводя комнату недоумевающим взглядом. Кто мог придти к нему?.. Кому он нужен?.. Горькая усмешка скользнула вдруг по его

губам. Жизнь продолжала издеваться над ним. Он только что собирался спорить против воли монарха, а тут... предстояло держать ответ перед хозяйкой квартиры... Он видел уже мысленно на пороге дебелую фигуру просвирни, слышал ее визгливый голос, весь поток слов, смесь причитаний и жалоб на горькую вдовью долю с угрозами и упоминаниями имени кума-квартального...

— Войдите, — произнес он усталым безразличным голосом.

Дверь растворилась.

Под конец своего дневного пути, зимнее солнце все-таки одержало верх над тяжелыми снеговыми тучами и, прорвав их серый покров, заливало теперь теплым светом неприглядную, грязную площадку лестницы. На фоне этих красновато-золотых лучей, выделялась стройная, высокая фигура девушки. Белый заячий мех капора, из-под которого выбивалось несколько темных локонов, окаймлял порозовевшее от мороза лицо, смущенное и вместе радостно возбужденное... Радостью и теплом веяло от лучистых карих глаз. Сенявин сразу узнал их. Он порывисто поднялся ей навстречу.

— Вы здесь? Каким образом?

— Можно войти? Вы не сердитесь, что я разыскала вас? — заговорила она храбро, стараясь подавить свое смущение. — Мне так хотелось... хоть чем-нибудь помочь вам.

Сенявин придвинул ей табуретку.

— Нет, благодарю вас, я на минутку... дома не знают что я... только Митревна... это моя няня, — пояснила она, все более оживляясь, — а это Ванька, ее внук, — она потрепала по щеке вошедшего вслед за ней мальчишку-казачка с лукавыми шустрыми глазенками.

— Поставь корзинку сюда... Я похвасталась, это он такой молодец, что нашел вас.

Разговаривая, она начала быстро распаковывать корзинку и уставлять ее содержимым стол. Сенявин, не пытаясь протестовать, молча наблюдал за проворной работой ее рук:

— Вот это моя работа, показала она на завернутый в белую салфетку пирог, спекла то его Митревна но я все время смотрела.

Она звонко рассмеялась но вдруг опять серьезно:

— Так вы действительно не сердитесь на меня? Это так мало, но я торопилась.

— Ваше сердце, mademoiselle, я имел счастье оценить при нашей первой встрече..., — он остановился. Что-то но уже не то опять подкатило к горлу. — Я начинаю уже привыкать получать милостыню... — проговорил он вслух, по привычке людей одиноких разговаривать сами с собой но, быстро добавил, — нет, нет не пугайтесь, вы не обидели меня. Наоборот, это первый раз что я принимаю ее с глубокой радостью...

— Правда? Значит, дйствительно я могу немного помочь вам?

— Да, mademoiselle, и больше... много больше, чем вы думаете... Вы пришли в минуту, когда я отчаялся и готов был потерять веру в Бога. — Голос его упал, он говорил как бы против своей воли. — Вокруг была непроглядная ночь, вечный мрак. Под ногами раскрылась бездна и в эту минуту мрак прорезал луч света, блеснула яркая звездочка... Сам Господь привел вас с вашим золотым сердцем.

В его голосе, окрепшем и оживленном, слышались горячие нотки. Девушка радостно улыбнулась.

— Я же ничего не сделала, но я так рада... Вы позволите еще раз заглянуть к вам? Сейчас я должна торопиться домой. До свиданья, не правда ли?..

Низко склонившись, Сенявин поцеловал протянутую ему ручку.

— Mon Dieu... Que faites-vous ?... Pourquoi ?

— Comment donc rendre grâces pour une char'té vraiment royale, sinon par des hommages dus à une reine ?

Глаза девушки вспыхнули.

— Я верю, что Он поможет и вам... До свиданья...

Сенявин долго стоял неподвижно, глядя на закрывшуюся за ней дверь...

— Спасибо, милая звездочка...

Дверь распахнулась. Внося с собой облако морозного пара, ввалился дворник Федот и, с грохотом, сбросил у печки вязанку дров.

— Марфа Фоминишна велели принесть... Сказывали чтоб не беспокоились насчет фатеры, усе уплочено.

Занятый своими мыслями, Сенявин не слушал его... Федот постоял, покосился на две бутылки, торчавшие из груды свертков, почесал затылок и вышел, хлопнув дверью...

Глава IV

Сенявин заставил себя отряхнуть охватившее его оцепенение, переходившее в дремоту, выпрямился в удобном вольтеровском кресле, куда его заботливо усадил любезный хозяин, и осмотрелся.

Быстро промелькнули в памяти последние события... Через полчаса, после ухода "звездочки", новый стук в дверь. В вошедшем посетителе, он сразу узнал моряка-спутника девушки, при их первой встрече. Представившись, вернее "явившись Его Превосходительству", лейтенант Гвардейского Экипажа Анатолий Загряжский изложил в тоне легкой, светской, умело дозированной примесью воинского чинопочитания, как, "благодаря счастливому случаю", он встретился со своей "очаровательной кузиной", "при ее возвращении с визита у Его Превосходительства — еще один из красивых порывов ее фантастической головки, всегда находящейся под влиянием золотого сердечка" и нашел след того, кого он сразу узнал тогда, "при этом прискорбном случае" и к кому он имеет "конфиденциальное поручение".

— Поручение? Ко мне?.. От кого?.. — удивленно спросил Сенявин, прерывая плавно лившуюся речь офицера.

— Русское офицерство и флот, в особенности, не могло забыть имени того, кто преградил дорогу Бонапарту, — продолжал Загряжский, — в условиях господствующего порядка, он многозначительно склонил голову, — связанное суровой дисциплиной, оно вынужденно молчало, хотя в душе и негодовало на его устранение, на эту вопиющую несправедливость...

Сенявин вспомнил как эти слова снова подняли в нем затихшую было бурю гнева и отчаяния и охватившее, вместе с тем, горячее чувство удовлетворения. Значит он не забыт, не одинок, значит есть люди любящие и помнящие его... Он порывисто встал и несколько раз быстро прошелся по комнате. Неясное предубеждение, испытанное им против молодого офицера, начинало рассеиваться... Да и почему, собственно, явилось это чувство?.. Сенявин вернулся на свое место. Загряжский, выдержав почтительную паузу продолжал:

— Большая группа лиц, разделяющих эти мысли, болеющих душой за родину, была бы счастлива и глубоко польщена увидеть Его Превосходительство в своей среде, лично выразить ему свои чувства и обратиться за советом... На-днях, они соберутся, по заведенному обычаю, для дружеской беседы, у него на квартире... Сможет ли он просить Его Превосходительство оказать емў и его друзьям великую честь разделить с ними их скромную, товарищескую трапезу?..

И вот сегодня, лихой рысак Загряжеского промчал их через пол-Петербурга...

М. фон-Кубе.

(Продолжение следует).

НА ФЛАНГЕ АРМИИ

При описании военных действий, даже на приморских участках, сухопутные авторы очень часто упускают из вида роль флота. В 1920 году, Крым мог существовать и обороняться от красных лишь при условии господства Белого флота на Черном море. Флот защищал берега от возможных десантов противника, охранял пути снабжения, собирал с побережья прорвавшиеся части, отрезанные в девятнадцатом году, и, наконец, производил десанты своих войск.

В статье Евгения Яконовского “Голая Пристань”, № 7 журнала, автор, говоря о защите устьев Днепра, пишет: “Батальон оказался на самом левом фланге белого фронта, с центром в Алешках. Левее его действовали партизанские отряды, охранявшие Днепровский Лиман”. И в таком случае, остается неясным, так где же был наш флот?

---

25 мая 1920 года, окрепшая в Крыму и, реорганизованная генералом Врангелем, Армия перешла в наступление и вышла на просторы северной Таврии. Действовавший на фланге Перекопской позиции, III Отряд судов Черноморского Флота, под командой кап. I ранга Собецкого, был переведен к устью Днепра и его плавучие батареи вошли в Егорлыцкий залив.

Войска подошли к Днепру значительно севернее и в углу между морем и Днепро-Бугским лиманом образовалось какое-то “междуцарствие”. На правом берегу Днепра находился противник, имевший специальные десантные суда; его фланг опирался на крепость Очаков. Флоту была поставлена задача: воспротивиться высадке войск противника в районе лимана, не допускать выхода его кораблей в море и подготовить прорыв силой в лиман. Последние две задачи легли на I Отряд судов, блокировавший лиман с моря и составленный из наиболее сильных боевых кораблей, под непосредственным командованием, в разгар операции, Командующего Флотом адмирала Саблина.

Егорлыцкий залив, лежащий за Тендровским и отделенный от лимана Кинбурнской косой, тянется вдоль него на 25 километров и кончается, примерно, против устьев Буга. Это положение давало возможность плавучим батареям, передвигаясь вдоль залива, обстреливать большую часть лимана и не допускать подхода к левому берегу вражеских судов.

Унылая, песчанная местность, пересеченная болотистыми плавнями. Небольшие дюны скрывают местами лиман, что требовало корректировки стрельбы с другого берега косы. В середине лимана, на искусственном острове, находилась, занятая красными, Николаевская батарея. Ее 130 мм. орудия простреливали Кинбурнскую косу и она, несколькими залпами, салютовала подходу судов Отряда.

У селения Покровка был высажен десант под командой стар. лейт. Рыкова, выяснивший, что население, в большинстве рыбаки, которым красные запрещали выходить в море, довольны приходом белых. В районе имелись повстанцы, очищавшие местность от потерявших свои части красноармейцев. Продвигаясь вперед, отряд захватил стада баранов, предназначавшиеся для интендантства Красной Армии. Зная, что в Севастополе, продукты на учете, стар. лейт. Рыков отправил полторы сотни баранов в подарок Морскому Корпусу. Часть из них продержалась до эвакуации и была съедена кадетами уже в голодных условиях Константинополя. Лейтенант Гернет, действуя в конном строю, захватил лошадей и коров, которых тоже презентовал Корпусу. Нужно сказать, что появление лошадей в хозяйственной части Морского Корпуса немало озадачило местное начальство.

Вскоре, из Севастополя была прислана Стрелковая рота Черноморского Флотского Экипажа. Это была, специально обученная для десантных операций, хорошо вооруженная часть. Рота прочно заняла Прогнойск, где имеется небольшой порт и выслала дозоры вверх по лиману. Стар. лейт. Фомин, имея при себе полуроту, дошел до Алешек, оказавшихся уже заня-

тыми прошедшей через Перекоп но, увы, безлошадной кавалерией, и остался там, в качестве резерва.

В первой половине июля, красные, желая оказать помощь окруженному корпусу Жлобы, сделали попытку переправиться по островам, между Херсоном и Алешками. Отряд ст. лейт. Фомина принял участие в отражении атаки. Пулеметный взвод моряков был передан в распоряжение начальника боевого участка, командира эскадрона Мариупольских гусар, штабс-ротмистра Анатолия Векслера, бывшего морского кадета. Своим метким огнем, взвод поддержал кавалеристов, в особенности при обратном занятии острова, чем вызвал похвалы пеших гусар. Вскоре после этого боя, кавалеристы, получившие от Жлобы, коней, были заменены пехотой, а моряки оттянуты ближе к морю.

10 июля с пришедшего в Тендровский залив крейсера "Генерал Корнилов", был свезен судовой десант, при пулеметах, а 19-го был высажен десант с л. к. "Генерал Алексеев". Оба эти десанта оставались на берегу до эвакуации. Занятие берега десантом и позволило командиру Дивизиона пловучих батарей, стар. лейт. Реймерс, установить, снабженные телефонами, наблюдательные пункты на берегу лимана. Его отряд состоял из двух, так называемых, "болиндеров". Это стальные, специально построенные для десантных операций, мелко сидящие баржи, на которых еще для действий на Дунае, в 1916 году, было установлено по одной 6 дм. пушке, с дальностью боя до 16 килом. В принципе, на "болиндер" полагалось по два мотора но, во время революции, предприимчивые севастопольские свободные граждане нашли их моторам более выгодное применение, превратив парусные рыбачьи лайбы — в моторные суда.

Флагманским судном была низкая, вроде подводной лодки, дунайская баржа. Севастопольский порт установил на ней вагон III класса, в котором находилось помещение экипажа. На крыше вагона был устроен настоящий мостик с дальномером и даже компасом. Две элегантные мачты со старого миноносца, поддерживали радио сеть, динамо и мотор для которой дал другой миноносец. Два 130 мм. орудия с потонувшего л. к. "Императрица Мария" составляли главную артиллерию. Две зенитных пушки и два пулемета дополняли вооружение этого корабля. Артиллерия этих пловучих батарей,, носивших звучное имя "КАКО", была грозной силой для сухопутного фронта и с ней приходилось считаться и "красным" и "зеленым" врагам, так как малая осадка барж позволяла им заходить в недоступные для других кораблей, места.

После преждевременного восстания, 10 июля, в Станиславовке на правом берегу, в Прогнойск бежал буксирный катер "ИГРУШКА", который вооружили пулеметами. Пользуясь темнотой и большим ходом, узким проходом между Очаковым и Николаевской батареей, в лиман проскочил сторожевой катер "Капитан II ранга Медведев". Чтобы предупредить неожиданную высадку, эти катера по ночам патрулировали вдоль берега.

Таким образом, весь берег, от моря до устья Днепра, находился под наблюдением морских отрядов и, на большом протяжении, под огнем артиллерии кораблей. Попыток высадить десант, если не считать агентов, не было, но плавучие батареи неоднократно вступали в бой с выходившими из Буга красными судами, пытавшимися обстрелять тот или иной пункт. Чаще всего места, где шла разгрузка подвозимого морем снаряжения. Обыкновенно, они заставляли красные суда уйти назад.

В конце июля, флот получил задание уничтожить Очаковские батареи и подготовить прорыв в лиман канонерских лодок, для содействия переправе войск через Днепр и Буг. Подобная операция была успешно проведена в 1919 году, но в 20 — красные оказались значительно сильнее. Перед Очаковым были сосредоточены главные силы, флота, которые систематическим артиллерийским огнем производили разрушение батарей. Был день, когда красные, не выдержав бомбардировки, прекратили ответный огонь и, как доносила разведка, бросили батареи но, увы, у нас не было войск, чтобы занять крепость.

Вслед затем, хотя Главное Командование и сообщило что оно не предполагает в ближайшем будущем производить наступательных операций на нижнем Днепре, все же демонстрации флота у Одессы и бомбардировка Очаковских батарей, составляя угрозу десантом, сковывали немалые силы красных, оттягивая их от сухопутного фронта. С начала осени, красные стали заметно усиливать свою оборону. Из Балтийского моря приходили тяжелые орудия и всякое снабжение. На подходах к берегам, ими было поставлено большое количество мин и, установлена 8 дм. морская батарея. В строй вступила первая подводная лодка, авиация усиливалась с каждым днем и начала групповые налеты на наши корабли. Канонерская лодка "КАЧА" получила одно попадание и имела большие потери. Осенняя погода и начавшиеся морозы сделали стоянку судов на открытых рейдах очень тяжелой, в особенности для мелких судов, которые, заходившая волна, валяла сутками с боку на бок.

18 октября, в связи с отходом войск на Перекоп, был дан приказ об эвакуации берега. Эвакуация прошла в полном порядке, все части и желавшее уехать население были приняты на суда. Сторожевой катер "Капитан II ранга Медведев" уже раньше прорвался обратно в море и лишь "ИГРУШКУ" пришлось взорвать да, на пути в Крым, в шторм была потеряна баржа, служившая минным складом.

П. А. Варнек.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕДАЛИСТИКА

Приступая к этой, заданной редакцией, теме ограничиваемся пока, вступительной статьей.

Обычай награждения отличиями, в виде медалей, известен уже со времени ассирийцев. В России появился он в конце "Царского" периода нашей истории, когда специальная медаль заменила, сначала, нашейную "гривну" княжеского периода, а затем "золотой" (чаще иностранную монету*). На сто лет ранее прочих европейских монархов, Царь Петр I вводит традицию награждать ВСЕХ своих бойцов как офицеров, так и рядовых, специальными медалями, чеканенными в память одержанных побед. Некоторые из них: а) действительно "носились; б) были розданы как наградные "рубли"; в) играли роль "настольных сувениров". Все эти разновидности будут обсуждаться в следующем очерке.

С каких пор, как и кем началось у нас "изучение" военной медалистики? К сожалению, в этом отношении, мы очень отстали от европейских событий. Просматривая нумизматическую библиографию, составленную в рукописи, покойным М. Ю. Гаршиным, мы видим, что из 2½ тысяч позиций — 1/10 только посвящена медалям "вообще", о "военной" же медалистике трактуют только каких-нибудь полтора десятка... Специальное собрание и исследование "военных" медалей началось уже на нашей памяти, т. е. в начале текущего века. До этого надо упомянуть о трудах Ю. Б. Иверсена, касающихся петровской эпохи, и немногих официальных изданиях, из коих, наиболее документированным является трехтомный труд полковника Николаева "Исторический очерк о регалиях и знаках отличия Русской Армии", начатый в 1898 году. Сомневаюсь, есть ли у кого-нибудь, по сю сторону "железного занавеса", это издание в комплекте. Но, прежде чем "изучать" надо "собрать" медали; и тут берет сомнение — существует ли где-либо полное собрание наших военных медалей — даже в Императорском Эрмитаже: слишком поздно мы спохватились... Конечно, в Русских музеях сохранились одиночные, *золотые* экземпляры наших старейших отличий, но *навериое* не все, а ведь, кроме золотых — было много серебряных, а потом и бронзовых, которыми... пренебрегали.

Коллекции частных собирателей нашей нумизматики, вообще, собранные в России в середине прошлого века, в которых было очень мало "военных" медалей, почти все были приобретены нашими государственными музеями; каталоги этих коллекций ограничивались только описаниями. "Военные" медали стали собираться и исследоваться гораздо позже, о чем сказано выше. Этому отделу нумизматики посвятили себя покойные полковники Б. Козакевич, А. Григорович, К. Шенк, кап II ранга М. Гаршин (вывезший свои коллекции из России — целиком), но и они были далеки от "комплекта" и документация их была, и ошибочная, зачастую и неполная.

На родине военные медали собирать было, как кажется, легче, чем на чужбине; однако, еще помнятся прейскуранты дореволюционных нумизматических торговцев в России: например — за петровские *серебряные* медали просили до 25 руб. за штуку. Может быть поэтому, в Гаршинской коллекции оригинальных медалей XVIII века — было мало... а во вступительной статье Н. Корсакова к "Альбому исторических Русских медалей (изд. т-ва Вольф), мы читаем: "собирание медалей далеко не так распространено, как собирание монет по той уже причине, что коллекционирование медалей требует очень значительных средств; большинство медалей ценится очень дорого и их собирание доступно только государственным музеям...".

Наша эмигрантская действительность показала, что собирать Русские военные медали за границей так же возможно как и все прочие медали, что никаких "значительных" средств для этого не надо, и что их изучение продвинуто далеко вперед. Это странное явление объясняется тем, что заграницей стали интересоваться медалями раньше, чем на родине и иностранцы успели составить более богатые коллекции**), чем мы Русские. А. т. к. эти коллекции, исподволь, попадали на "рынок", а иностранные торговцы Русских медалей "не понимали" мы, эмигранты, этим и воспользовались. Конечно, вопрос "источников" (для документации) стоит весьма остро, чему содействовали пожары, вызванные бомбардировками последней войны. А о "значительных средствах — свидетельствует нижеследующий список нынешнего "социального" положения известных мне Русских собирателей — эмигрантов (по алфавиту): 1) старый рабочий спичечной фабрики, 2) кино-техник, 3) консульский чиновник, 4) отставной барман, 5) бывший горнорабочий и фармацевт, 6) отставной огородник, 7) садовник с двумя законченными факультетами, 8) бывший торговец старой мебелью и 9) полисмэн действительной службы, молодой, энергичный, трудолюбивый, наша, увы, единственная надежная "смена". Из перечисленных только один принадлежит к вымершей "старой гвардии" медалистов.

В советской Россіи, повидимому, исследование нумизматики Императорской эпохи еще под запретом, но существуют государственные и частные коллекции, собиратели отличий Императорской России уже не преследуются. На некоторых смотрах, старые солдаты были с Георгиевскими крестами на груди, а лента Святого Георгия сохранена при двух отличиях.

Владимир фон-Рихтер.

(Продолжение следует).

---

*) Кстати «золотыми» награждались не только военные, Патриарх Иоаким давал их и лучшим ученикам Эллино-Греческой Академии.

**) В которых нередко встречаются фантастические Русские военные медали, превращенные из жетонов и настольных, благодаря припаиванию ушков.

„ВИТЯЗИ“

(Продолжение)

Все историческое, славное прошлое Русского народа, России должно было стать своим, родным, желанным, интересным. И было, поэтому, принято имя “ВИТЯЗЬ”.

О витязь, делами твоими
Гордится великий народ,
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет.

говорит Русский поэт граф А. К. Толстой. Вот эта плеяда витязей, чьи имена прошли через столетия и остались в сердцах Русского народа и должны теперь воодушевлять Русскую молодежь. Учиться, сознательно и добровольно, строить Государство, помогать национальной Государственности, а не разрушать, не поносить ее, не топтать и оплевывать то, что создавалось веками.

В плане национального воспитания не должно быть шовинизма, не должно быть *искусственно* раздутого патриотизма, чрезмерной гордости, кичливости и вообще всех тех качеств, которые не свойственны православному взгляду на патриотизм, но не должно быть также и чужой головы. Голова и душа должны быть свои. Пренебрежение, забвение своим опытом, своей государственностью, своими богатствами, своей культурой, все это великие грехи против своего отечества, против, данного нам Богом, таланта. Национальная задача заключается в развитии этого таланта, с тем, чтобы он принес пользу и другим народам и мы готовы принять и от других народов то, что служит любви, Христу, то-есть всему здоровому, очищающему.

Мы видим и понимаем какое огромное имеет значение воспитание подростающих поколений сейчас, для будущей службы освобожденной России. От этого, от воспитания молодежи, зависит само существование Государства и народа. Мы так же знаем теперь, на собственном горьком опыте, как трудно духовный и национальный организм переваривает иностранные, искусственно привитые идеи и думается нам, что проще поставить на краю пропасти предупредительные знаки и ограду, чем строить и оборудовать на дне пропасти — госпиталя и кладбища.

Изюмский изборник

(Брюссель 1953 г. изд. Объединения II гусарского Изюмского генерала Дорохова полка)

Кому не известен печальный образ “любителя старины”, годами накапливающего у себя, и только для себя, материалы о дорогом всем нам прошлом, собирая дорогие всем предметы старины? Укрывшись в своей норе, такой любитель рыскает по архивам и музеям, годами переписывая документы, исписывая десятки тетрадей. Иной мечется по антикварам, по более доступным частным коллекциям, стараясь всеми способами овладеть предметом своей ненасытной страсти. Уходят года, любитель стареет, затем умирает и весь его труд пропадает даром. Никто, кроме него самого так и не знает, зачем и для чего промотал он свое бытие?..

Но, к счастью, встречается и иной тип любителя старины: он извлекает объекты, на которых любовно остановилось его внимание и, оправдывая себя словами Жорж Занд: — “я сосредоточиваю мою жизнь вокруг предметов моей привязанности, я окружаю себя ими, как священным батальоном, который устрашает мрачные и удручающие мысли”, — он мыслит, работает, но он и делится с близкими итогами своего труда, то ли путем докладов, то ли, что еще лучше, путем печатного слова. Да, путем печатного слова, так трудно достижимого в наших условиях. И этот тип фанатика-любителя старины достигает своей цели и, иногда, с поразительным успехом.

Было бы грешно, например, не ознакомить широкий круг читателей с издательством, посвященным отражению прошлого Изюмского гусарского полка. Едва ли ошибусь, назвав А. В. Балашева душою этого скромного предприятия, выпустившего разновременно такие шедевры полковых памяток, как “Песни Изюмских Гусар” (1937), “Из Изюмской Старины” (1950), и, наконец, “Изюмский Изборник” (1952), вышедший в начале 1953 года.

Предметом этой краткой заметки является именно первый выпуск “Изюмского Изборника”, начатый стихотворным посвящением старшему Изюмцу полковнику Алексею Алексеевичу Панову. Цель этого издания — запечатлеть след славного прошлого Изюмского полка, путем последовательного опубликования касающихся его истории материалов, за долгие годы накопленных “в тиши Изюмской кельи”. С каким вкусом скомпанована обложка. А в ней, строго документированный исторический материал, не залежавшийся в “келье”.

Этот материал напоминает нам все то, что мы, конники, когда-то на зубок изучали еще в кавалерийских училищах: все изменения наименований Изюмского полка, за его 300-летнее существование, перечисление всех его высоких боевых наград, несколько интереснейших биографий офицеров полка в давние годы, статьи, отмечающие славное участие полка в сражениях при Прейссиш-Эйлау и под Сен-Дизье, несколько малоизвестных исторических документов — дают нам возможность снова окунуться в незабвенное прошлое и побуждают нас воздать должное Редакции этого насущного исторического труда и от души пожелать ей и в дальнейшем полного успеха.

В. Р.

Подвиги инженер-механиков флота в нынешнюю войну

"Новое Время" 2/15 июня 1904 г.

В переживаемую теперь нами тяжелую годину осады Порт-Артура, когда оплот нашего владычества на Дальнем Востоке и Тихом океане отрезан неприятельской армией от внешнего мира, нам ценно каждое известие, дорого каждое сообщение, свидетельствующее о мужестве и стойкости боевых защитников Артура. Поэтому последний рапорт Наместника читается с живейшим интересом, особенно подробности, в которых, чисто эпическим слогом, говорится о тех, отчаянно тяжелых условиях, в которых пришлось выдерживать бой нашим миноносцам.

Мы описывали уже ранее ту тяжелую обстановку, в которой приходится совершать плавания на миноносцах в мирное время, но оно ничто в сравнении с обстановкой боевой. На миноносце все принесено в жертву машине и механизмам, которые занимают все свободное место на судне. Ни броневой защиты, ни порядочной артиллерии миноносец не имеет, так как это уменьшило бы львиную часть водоизмещения, предназначенную для мощных машин, которые должны давать миноносцу такой большой ход. В скорости хода заключается все спасение миноносца перед превосходными неприятельскими силами: если он даст самый полный ход, то — уйдет от неприятеля, малейшая же неисправность в машине — и он будет расстрелян и потоплен. Отсюда ясно, какая громадная ответственность лежит на судовом инженер-механике, от которого фактически зависит участь миноносца.

В ночной разведке 26 февраля у Порт-Артура участвовали два наших миноносца "Стерегущий" и "Решительный". Оба они построены Невским судостроительным заводом и собраны в самом Порт-Артуре. На рассвете 28 февраля, они были атакованы двумя неприятельскими крейсерами и четырьмя миноносцами, причем "Решительному" удалось прорваться, а "Стерегущий", как известно, погиб. Причиной гибели "Стерегущего" явилась неисправность в его машине, а также выбрасывание пламени из труб, которое обнаруживало японцам место миноносца и облегчало пристрелку, так что для уменьшения "четырех огненных факелов", развевавшихся, по словам командира "Решительного" над "Стерегущим", требовалось уменьшить полный ход до среднего — а в это время неприятельский снаряд и мог попасть в машину или котлы.

Что же касается "Решительного", то несмотря на то, что один из крупных японских снарядов попал в угольную яму миноносца, разорвался и осколками повредил паровые трубы носового котла и тяжело ранил двух кочегаров, "Решительный" ушел от неприятеля, так как ход миноносца не уменьшился, благодаря, как сказано в рапорте Наместника, "своевременно производимым инженер-механиком Кисляковым исправлениям в машине и в паровых трубах. Кисляков с полным хладнокровием успевал с ними справляться, ободряя своим примером машинную команду, работавшую до потери сознания в запертых помещениях машин и котлов". Можно себе только представить каково работать и исправлять повреждения в машинных и котельных помещениях, закрытых наглухо, чтобы получалось необходимое для тяги давление воздуха от нагнетательных вентиляторов, когда эти помещения, кроме обычной угольной пыли, наполнены еще паром, пробивающимся несмотря на всякие заделки и заплаты и ежеминутно грозящим сварить заживо всех людей. За храбрость и распорядительность Наместник лично наградил инженер-механика Кислякова Орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В ту же тяжелую ночь, жестокий, неравный бой с несколькими неприятельскими миноносцами пришлось выдержать другому нашему миноносцу "Выносливый". На нем, его судовой инженер-механик Блинов с полным самоотвержением исследовал повреждения в помещениях машин, наполненных паром и, несмотря на обожженные руки и лицо и рану на виске, спустился в машинное отделение, откуда были уже выведены все люди, так как отработанный пар из поврежденных труб выходил прямо наружу и наполнял все помещения. Блинов лично дал ход правой машине, пробыв в этом аду целых 15 минут.

На другом миноносце "Властный", участвовавшем вместе с "Выносливым" в бою, инженер-механик Воробьев, заменивший раненого мичмана, по личному почину, выпустил две самодвижущиеся мины в неприятельский миноносец, проходивший по борту. Одна мина взорвалась под котельным отделением японского миноносца, который быстро начал погружаться в воду и вскоре исчез.

Сообщил Инж.-Мех. Кап. I ранга

Орлов-Диаборский.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В. Д. — ШВЕЙЦАРИЯ — 1) Стоянка 9 и 10 грен. п.п. после 1912 г.г. Владимир, 11 и 12 грен. п.п. — Москва. 115 (115 пехот. Вяземский п. и 114 пех. Новоторжский. 3) 310 пех. Шацкий п. второочередной, сформирован в 1914 г.

№№ — ПАРИЖ — Воронежский гусар. п. переименован 21-IX-1789 г. из Воронежского легко-конного п. Расформирован 29-XI-1796 г. на укомплектование Ольвиопольского, Мариупольского и Елисаветградского полков.

В тылу у немцев

Во время трагической гибели армий генералов Самсонова и Ренненкампфа, я, с моим разъездом Новороссийских драгун, оказался отрезан от своих частей и блуждая без карт, как затравленный зверь, пробирался по лесам на восток. Недалеко от г. Гольдапа, я встретил лейб-гусарский разъезд, в таком же растрепанном виде как и мой. Офицер сидел на пегой, обывательского типа, лошади. Мы друг другу очень обрадовались. Молодой гусар миловидный симпатичный корнет загорелый, запыленный, много дней не мытый, первым делом заявил, что они все страшно голодны. Мой вестовой извлек из седельного вьюка кусок сухого хлеба, обернутого в сомнительной чистоты тряпку, вероятно, по обыкновению, хранил для меня и предложил офицеру. Тот отломал кусок, а остальное передал своему вестовому.

Пока он, с видимым наслаждением, грыз этот сухарь, мы делились впечатлениями пережитого и, со всеми возможными предосторожностями, двигались дальше. Его лошадь была убита и он воспользовался "обывательской". На мое замечание, что он мог бы взять лошадь у своего вестового или иного разведчика, так как ему, как начальнику разъезда, нужна резвая лошадь, он ответил:

— Как я могу у своих разведчиков отнимать самого верного и лучшего друга?

Этот ответ произвел на меня большое впечатление и я проникся глубоким уважением к молодому гусару. Тут же я обратил внимание, что и его подчиненные смотрели на него с какой-то особенной любовью. В его лице и манере говорить, было что-то для меня необыкновенно знакомое и близкое, но я не мог припомнить, да и некогда было в этой сложной обстановке предаваться размышлениям.

Вскоре, в деревне Ласкендорф, мы присоединились к нашей отступающей, сильно потрепанной пехоте. Начальник штаба, куда мы немедленно явились заинтересовался привезенными нами данными и стал записывать наши фамилии:

— Князь Олег Константинович, — ответил на вопрос мой спутник.

Я был ошеломлен и сконфужен. Сколько раз видал я его маленьким полочанином в стенах нашего корпуса и не узнал.

Отдохнув 2-3 часа, подкормившись чем Бог послал, мы разъехались, нагоняя каждый свою дивизию. За это короткое время мы оживленно беседовали, вспоминая кадетские годы и тут же я ему рассказал о моей встрече с Великим Князем Константином, Константиновичем при переходе им границы в Эйдкунене. Расстались мы сердечно и дружески.

Вскоре Князь Олег Константинович пал смертью храбрых, а его отец недолго пережил сына. Господь взял их к себе, избавив от тяжких испытаний, выпавших на долю их семьи и всех нас.

Александр Ленеха.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

О Сводно-Гвардейских запасных батальонах

В 1915 году, в виду больших потерь в гвардии, было решено, кроме существующих запасных батальонов при каждом полку создать три дополнительных батальона при Гвардейской запасной бригаде и назвать их Сводно-Гвардейскими запасными батальонами. Офицерский состав, равно как и унтер-офицерский был выделен из всех запасных батальонов трех гвардейских дивизий и частью пополнен прапорщиками из училищ ускоренных выпусков. Каждый батальон имел 6 рот по 300-400 штыков, учебную и пулеметную команды. Назначение этих батальонов было дать возможность продлить пребывание солдат и младших офицеров в запасных частях для более основательного обучения и практической полевой подготовки. Большинство командного состава было из раненых и уже участвовавших в боях. 1 и 2 батальны стояли в Петергофе, а 3 — в Стрельне.

В 1916 году был выработан и Высочайше утвержден значок-жетон для гг. офицеров этих батальонов. Он представлял из себя Андреевскую Звезду (серебряную 4½ см. в диам.) на цепочке, в середине, в кругу в 1½ см. на синем эмалевом поле надпись "За Веру и Верность" и на нем накладные золотые буквы вензелем С и Г и цифра батальона. На обратной стороне надпись: от товарищей, чин и фамилия офицера. Носился этот значек на верхней пуговице мундира или рубашки.

Сообщил гвардии поручик
Гилленштейн.

ИЗ БЫЛЕЙ СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА

— В 1860 г.. посетило Императорскую Публичную Библиотеку воспитанников Военно-Учебных заведений: Строительного Училища — 91, Константиновского Военного Училища — 75, Корпуса Путей Сообщений — 42, корпусов: Пажеского, Первого и Павловского по 1, 2-го Кадетского и Михайловского Артиллерийского Училища — ни одного.

— 2 октября 1860 года состоялось торжественное открытие Императорского Мариинского Тетра (шла опера "Жизнь за Царя") и впервые было применено газовое освещение. Театр считавшийся тогда великолепнейшим в Европе, "возник как Феникс из пепла сгоревшего театра-цирка".

— Петербургский обер-полицмейстер ген.-м. Потапов приказал: "при проводе через город *подозреваемых* преступников и бродячих женщин, надевать на них особые шапки, которые закрывают верхнюю часть лица и голову".

Казабланка. — 18 января скончался Митрофан Митрофанович *Колтовской,* кадет Первого Кадетского Корпуса, создатель и хранитель Кадетской Лампады, Представитель Обще-Кадетского Объединения на Марокко.

Митрофан Митрофанович происходил из старой морской семьи. Родной его дед, мичман Колтовской был в Севастополе флаг-офицером П. С. Нахимова и закрыл ему глаза на смертном одре. Судьба нашего друга сложилась иначе — кавалерийский офицер, один из старейших военных летчиков, офицер автоброневых частей и после революции иппподиакон Св. Патриарха Тихона, а затем Начальник Отряда Добровольцев по охране Святейшего Патриарха. Всю горькую участь советских тюрем и лагерей, до Колымы включительно, изведал Колтовской. Ничто не сломило его твердости в вере и крепкого мужественного духа. Наконец вырвавшись на свободу, с ампутированной ногой, тяжко, смертельно больной воздвигает он в Казабланке Кадетскую Лампаду. По его воле и доброму хотению есть теперь уголок в мире, где при всех службах возносятся ко Господу молитвы за упокой души всех усопших кадет. У священника церкви о. Митрофана Зноско-Боровского хранится Синодик всех умерших кадет. Долг каждого из нас неустанно пополнять этот скорбный список и тем продолжать выполнять волю нашего почившего друга. Пусть полная огня, страдальческая жизнь Колтовского и его христианская кончина послужат всем нам примером как должен жить, работать и умирать Русский офицер.

ОСВЯЩЕНИЕ ЗНАМЕНИ СУМСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

В воскресенье 25 октября 1953 года по случаю недавно прошедшего храмового праздника корпуса, состоялся молебен небесному его Покровителю Св. Иоанну Богослову и одновременно совершено освящение спасенного из-за “железного занавеса” корпусного знамени. Несмотря на холодную погоду и проливной дождь, Вознесенский Кафедральный Собор в Бронксе был полон молящимися. По окончании литургии, преосвященный Никон епископ Флоридский произнес слово, в котором, сообщив о радостном событии — спасении знамени, поздравил кадет Сумского корпуса с исключительным счастьем, выпавшим на их долю.

Бывшие кадеты Р. Харченко (знаменщик) и Я. Коробко (ассистент), взяв Знамя, стали у правого бокового входа в Алтарь. Молебен служил епископ Никон в сослужении настоятеля Собора о. Сергия Пантелеева и протоиерея Иоанна Легкого. Высокоблаголепная служба заставила всех пережить незабываемые минуты. В середине молебна, епископ Никон подойдя к знамени, освятил его, трижды окропив Святой Водой. Было провозглашено Многолетие всем ныне здравствующим Членам Дома Романовых, а также и всем чинам и кадетам Сумского Кадетского Корпуса и их семьям. В течение службы дважды молились о здравии болящего воина Бориса (Скибицкого) не могшего по болезни присутствовать на освящении знамени, в выписке которого он принимал большое участие.

При возглашении вечной памяти убиенному Государю Императору Николаю Александровичу и Его Августейшей Семье, Знамя склонилось. Помянуты были Великий Князь Константин Константинович, директора, чины и кадеты корпуса за Веру, Царя и Отечество погибшие и в мире скончавшиеся.

После прикладывания ко Кресту, все целовали Знамя. В Храме находилось много кадет других корпусов поздравлявших сумцов. По окончании службы, Знамя было покрыто полупрозрачным пластиковым чехлом с золотыми шнурами и поставлено в стойку у правого клироса перед Алтарем. По благословению Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия и согласно заключенному с Настоятелем, условию, Знамя будет иметь там свое постоянное местопребывание заграницей, впредь до установления в России законной Императорской власти и воссоздания Сумского Кадетского Корпуса, коему тогда и будет возвращено по принадлежности.

А. А. Вержховский.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

За последние месяцы скончались кадеты:

Колтовской, Митрофан Митрофанович — Первого к. к.

Сулин, Леонид Иванович — Корпуса Имп. Алексадра II.

Дон, Всеволод Павлович — Морского Кадет. кор.

Чайковский, Дмитрий Леонтьевич — Киевского к. к.

Жданович, Виктор Георгиевич — Воронежскаго к. к.

Шатилов, Дмитрий Владимирович — 3-го Московского к. к.

Шафонский, Вячеслав Владимирович — Полтав-

Федоров, Александр Николаевич — Псковского к. к.

Шенгелай, Александр Михайлович — Одесского к.к.

Шеншин, Анатолий — Псковского к. к.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières. Paris.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 59, avenue de Ternes, Paris (17e); **у А. П.Руссаковича** 25, rue de Vanves, Boulogne s/S.,

и в Русских книжных магазинах:

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Мюнхен — у А. Н. Михель — Ramsauer Platz 9, München 25.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — 69, Main-street, Nyack (N.Y).

Канада — у А. С. Орлова — 47, Saint Patrik street, Toronto (Ont.).

Австралия — а) у В. А. Петрушевского — Fl. 2, 23 Longueville Rd. Lane Cove, Sydney (N.S.W.) б) у Н. А. Коссач — 20, Devenport T-ce Wayville, Adelaide South Australia.

№ 10

ИЮЛЬ 1954 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Почетный Председатель Великий Князь ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ и все чины Обще-Кадетского Объединения извещают, что в воскресенье 20 июня, после Литургии и Крестного Хода, на могиле кадета Бориса Приходкина была отслужена Панихида по

Великом Князе КОНСТАНТИНЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ

и всем кадетам Российским, за Веру, Царя и Отечество павшим и в мире скончавшимся

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Великий Князь в Полтаве — **М. Шереметев**	1
Фарфоровая кокарда (продолжение) — **Евгений Яконовский**	4
Походы и экскурсии в корпусе — **М. Зайцев**	6
Мойра — **Н. М.**	7
Суворова — победам — **П. Рерберг**	8
На закате (продолжение) — **М. фон-Кубе**	10
Юнкер Эймелеус — **Г. Танутров**	13
На Московских бегах — **А. Ветлиц**	14
Русская военная медалистика — **В. фон-Рихтер**	17
Честная книга — **М. Георгиевич**	19
«Монах» — **Б. Николаев**	20
Кадетская жизнь	III
От Редакции	III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ЧЕТЫРЕ НОМЕРА во Франции и европейских странах — 700 Франков с пересылкой.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 59, *Avenue des Ternes, Paris* (17).

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 59, AVENUE DE TERNES, PARIS (17e).

3-й год издания. № 10 ИЮЛЬ 1954 Г. Prix — 170 fr.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ В ПОЛТАВЕ

От Редакции. После скончавшегося в Тунисе полковника М. Н. Шереметева, небезызвестного военного поэта и писателя, остались его воспоминания о пребывании в Петровском-Полтавском корпусе. С особым удовольствием, редакция печатает ту часть его воспоминаний, которая как бы дополняет Письма Великого Князя. Маленький кадет-Полтавец рисует картину, как отозвалось в корпусах, на местах, назначение Великого Князя, как внешне и внутренне откликнулись на это событие и кадеты и воспитатели. Назначение Великого Князя Константина Константиновича Главным Начальником Военно-Учебных Заведений, совершенно переменило всю систему воспитания будущих офицеров и, таким образом, изменило лицо всего младшего командного состава Российской Армии. При этих условиях, особый интерес получают воспоминания того, кого непосредственно и немедленно коснулись Великокняжеские реформы.

Мне шел двенадцатый год. Стало быть давно это было. Я учился во втором классе кадетского корпуса. Год тек своим порядком, без особых происшествий и только к весне совершилось большое событие: было объявлено о назначении Великого Князя Константина Константиновича — Начальником Военно-Учебных заведений. Приказ читался перед завтраком, по приходе из церкви, потому что в этот день был большой праздник — Благовещение. Помню, что ни я, ни кто либо из моих товарищей, не придали особого значения этому приказу. Мы были еще малы и нам не вполне было ясно, что значит "главный начальник военно-учебных заведений". Нашего директора нам было вполне достаточно, а что дальше него, то уже было что то не свое. А потому о приказе скоро забыли. Но не прошло и месяца, как из Петербурга каждому классу прислали портреты Великого Князя с его собственноручной надписью какому классу портрет предназначается.

Это показывало внимание, а потому и произвело большее впечатление, чем недавний приказ. Нас построили и каждому классу выдали по портрету, уже в раме и под стеклом. Портрет принимали "старшие" в классах. У нас "старшим" был Глоба-Михайловский. Он хорошо учился, хорошо себя вел и во всех торжественных случаях играл первую роль. На портрете Великий Князь был в парадной генеральской форме, при всех орденах. Василий Алексеевич, наш воспитатель, обратил наше внимание на орден Св. Андрея Первозванного: лента, звезда, крест и особая нагрудная цепь. Это был высший орден Империи, учрежденный Петром Великим. Василий Алексеевич добавил, что Великий Князь пишет хорошие стихи, но, в сравнении с лентой и звездой — это показалось нам мало значительным.

Прошло еще несколько дней и вдруг разнеслась неожиданная весть: Великий Князь предпринимает объезд южных корпусов и, в мае, будет у нас. Немедленно, весь корпус, снизу до верху, начал чиститься, скоблиться и мыться. У нас и так все было достаточно хорошо, но теперь все должно было стать еще лучше, светлее и торжественнее. Нас одевали во все новое. Все свободное время уходило на примерки и пригонки, и чем ближе надвигался день приезда, тем тревожно-радостнее и приподнятее становилось настроение.

Мы уже знали, что такое "главный начальник". Он вошел в нашу жизнь, наше сознание, он весь наш обиход сделал другим не буднично-серым, а ярким и праздничным. Со времени Александра II, у нас не было Высоких Гостей. Теперь же ожидался не только Великий Князь, дядя Царствующего Императора, но и наш Августейший Начальник. Момент безусловно был исторический и к нему готовились с чрезвычайным усердием.

Мы даже начали, наконец, интересоваться стихами и Василий Алексеевич, прийдя однажды с маленькой книжкой, прочел нам:

Растворил я окно, стало душно не в мочь
Опустился пред ним на колени
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благоговонным дыханьем сирени...

Помню, даже нам, мальчишкам, показалось это красивым. Воспитатель добавил, что Великий Князь пишет стихи под инициалами "К.Р.".

Но наши основные желания направлялись не к этому. Нас больше интересовал "Великий Князь", свита, парад, Андреевская лента... Интересовала, кроме того, и самая историчность события. Историчность

заключалась в том, что последним Главным Начальником корпусов из лиц Императорской Фамилии, был Великий Князь Михаил Павлович, сын Императора Павла. В корпусе был его бронзовый бюст с крупной надписью в одно слово — "Благодетелю". Такие названия, как Благодетель, Радетель, Старатель — были в духе того отдаленного времени. О "Благодетеле" среди нас ходили самые жуткие легенды. Все виды наказаний, порка, отдача в какие-то контонисты... И, как это ни странно, мы эти легенды любили, к ним нас влекло, их всячески разукрашивали. К тому же "Благодетель" имел трудно произносимое звание Генерал-Фельдцейхмейстера всей Российской артиллерии. Как артиллерист, он получил в подарок те пушки, из которых стреляли по "декабристам" на Сенатской площади. Он их поставил на крыльцо своего дворца.

Наш корпус он посетил однажды, о чем свидетельствовала пожелтевшая мраморная доска в главном зале. А, кроме того, в музее хранилось кресло, на котором сидел Великий Князь. Простого вида, обитое красной кожей, оно хорошо сохранилось, и многих из нас влекло посидеть на нем. Но это было невозможно. И вот теперь, на наших глазах, история повторяется: Начальником у нас опять Великий Князь. Конечно, времена уже не те, но, все-таки, в этом назначении чудился отзвук далеких лет, на которые годы наложили свою романтику (ведь была не только порка) и воскресили угасшие традиции былых, лучших, более ярких эпох. Но если бы даже опять порка и шпицрутены — то мы, пожалуй, согласны и на это. И, вот с этим настроением как то не вязались слова:

"Растворил я окно, — стало душно не в мочь
"Опустился пред ним на колени...

Великий Князь ожидался 6 мая. Он действительно прибыл в этот день к полдню. Это был день рождения Государя Императора. В церкви была торжественная служба. Мы в новых парадных мундирах. Масса публики. Особенное значение приобретают те слова в молитвах и возгласах, в которых упоминается имя Великого Князя. Он сам уже едет к нам, он сам уже, где то близко. Директор и еще некоторые лица вышли из церкви до окончания службы. Ясно — поехали встречать. Для Великого Князя был нанят один из лучших извозчиков — Байдала. Были еще две фамилии также известные в этом миру: Петлюра и Пупко. Выбор остановился, однако, на Байдале.

Программа встречи была такая: Великий Князь, по прибытии сейчас же обойдет все роты, здороваясь и знакомясь с кадетами, в их помещениях. Попутно, представление городских властей и высших воинских чинов. Затем, общий завтрак. Вопрос осложнялся нами, младшими, четвертой ротой. У нас были хорошие классы, но очень плохой, полутемный коридор. Наш зал, маленький, сводчатый, с окнами на дровяной двор ,тоже не подходил для приема Высокого Гостя. Поэтому, было решено, что мы представимся в коридоре среднего этажа, возле столовой. Большой, светлый, широкий, с отличным паркетом — это был лучший коридор во всем корпусе. Мы должны были сначала спрятаться в нашем помещении, как только Великий Князь пройдет к старшим, нам сейчас же перейти наверх, в названный коридор. Согласно этому плану, мы, по окончании церковной службы, ушли к себе и оставались в томительном ожидании. Было строжайше воспрещено подходить к окнам на улицу, но некоторые, все-таки, заглянули и передали, что перед корпусом масса народа и полиции. Донесшиеся скоро с улицы, крики "ура" известили нас о прибытии Князя. Построились, без команды, в одну минуту. Ротный командир начал делать последние указания: не выглядывать из строя, не оборачиваться, стоять смирно; на вопросы отвечать — кратко, ясно, ни в коем случае, не задавать вопросов самим... Появившийся, в этот момент, на пороге, один из старших кадет, звонко крикнул:

— Четвертая рота, наверх.

Мы, разумеется, никогда еще не ходили в таком идеальном порядке, как в тот раз. А, по пути, как нарочно, встречались препятствия. При повороте на главную лестницу, нас чуть не сбила с ног группа старших кадет, они быстрым шагом, несли из музея кресло "Благодетеля". Затем, на площадке, новое препятствие — губернатор и архиерей. Губернатор в ленте, в звездах, с золотым ключом назади, в руках треуголка, окаймленная пышным черным страусом. Владыка-преосвященный в шелковой, муаровой рясе, тоже при звездах, а на клобуке алмазный крест — высокая награда за труды по благоустройству братской могилы, на поле Полтавской битвы.

Вот коридор... Немного страшно, но еще интереснее. Нас больше сотни но в просторном коридоре наш строй кажется маленьким и потерянным. Великий Князь где то у старших. Вдали, в открытые двери, видно много людей... Поклоны, шпоры, кого то представляют... Затем, вся группа вдруг, сразу двинулась к нам. Впереди свободной широкой походкой шел Великий Князь... Какой он высокий... И какой худой... Сколько орденов... И лента Андрея Первозванного...

— Здравствуйте, дети!

Тысячу раз учили ответ и грянули радостно, звонко, от души, хотя и было немножко обидно, что назвал нас детьми.

— Здравия желаем Ваше Императорское Высочество!

Для ясности ответа, нас учили свободно и широко открывать рты. И вот, мне — он вложил палец в рот, но сейчас же отдернул руку.

— Тебе, я вижу, в рот пальца не клади? — смеясь сказал он, потирая прикушенный палец. Затем, идя по фронту, одного повернул кругом, другому, щелчком, сбил фуражку, самого последнего, т. е., самого маленького, как перышко, поднял на воздух. Строй зашевелился, слышались взрывы смеха... Нам делали знаки, строили страшные глаза, но это было ни к чему. В это же время, в коридор начали входить другие

роты, направляясь в столовую, к завтраку. Как хорошо они шли... Великий Князь оставил нас и замешался среди них. Такой встречи никто не ожидал. Вся официальность сразу пропала, и любопытство сменилось по настоящему праздничным настроением. В столовой, Великий Князь сел за один из кадетских столов и продолжал держать себя все с той же шутливостью: отнимал хлеб, подталкивал под руку, одному, зазевавшемуся, подсыпал в тарелку целую ложку соли. С других столов ему делали знаки, звали к себе.

Вечером большой концерт. Нас пустили украшать уже готовую эстраду. Перед ней ряды стульев и в первом ряду, посредине, на особом коврике, кресло Великого Князя Михаила Павловича. Всем хочется посидеть на нем. Около толкотня. Оказалось, что подушка легко отделяется и ее можно пускать по паркету, как по льду. Но, легкий свист, шопот и все разбегаются, как мыши. Только двое неуспевших, усердно поправляют, ковери кресло. В дверях вице-фельдфебель Орановский, краснощекий блондин, подозрительно оглядывает нас.

— Что вы здесь делаете?

— Поправляем... Смотрим, чтоб никто не трогал...

— Хорошо. Будьте здесь все время. У Великого Князя, в швейцарской, на шинели, отрезали все пуговицы. Наверное третья рота.

Великий Князь пробыл у нас три дня. Все свое, свободное от официальных приемов, время он проводил среди кадет и уходил к себе только вечером, когда все роты ложились спать. Его комната была при лазарете и заботы о ней взяли на себя корпусные дамы. Они нанесли туда массу мебели и в течение всего дня туда посылались беспрерывно свежие цветы. Великий Князь неизменно завтракал и обедал вместе с нами, причем никто не мог предугадать за какой стол он сядет. Весь день проводя среди кадет, он, своей неутомимостью и подвижностью, утомлял своего адъютанта. Последний жаловался нам, что под конец дня он не чувствует под собой ног и так бывает в каждом корпусе. В то время, Великому Князю было едва за сорок. Он только начал седеть и производил общее впечатление здорового, крепкого человека, несколько худощавого, но стройного, с подвижной, юношеской гибкой фигурой.

"Второй класс, первое отделение. Кадет по списку 36. В лазарете — 1. Налицо — 35". Этот рапорт учили и по-французски, так как Великий Князь ожидался к нам, именно на урок французского языка. Рапортовать будет старший — Глоба, но, на всякий случай, учили все. Все, сколько нибудь небрежное, по части учебников и тетрадок, было заменено новым. Парты тщательно осмотрены. Мы сами тоже. В карманах ничего не должно быть, кроме носового платка. Всякого рода трещетки, рогатки и прочее богатство кадетского обихода было отнесено к "всякой дряни" и безжалостно выброшено. Были проделаны репетиции, как вставать, садиться, как отвечать и прочее. Предполагалось, что Великий Князь сядет за первую парту, ближайшую от дверей. Когда минувшей зимой в класс зашел генерал Драгомиров, то он сел именно на эту парту. Потому была сделана, извините льная перетасовка и на крайнюю парту был посажен все тот же Глоба. Класс проветрили и вспрыснули каким-то составом под названием "Лесная Вода". В самом деле запахло лесом.

Ждали Князя на французский, — а он пришел на арифметику. С этого и началось. Раздалась команда: "Встать! Смирно!". Класс вскочил, вытянулся. Глоба устремился навстречу, растерялся и забормотал:

— Votre Altesse!., Высочество... Второй класс...

Но Великий Князь ласково отстранил его, сказал всем: "садитесь" и, окинув парты взглядом, направился ко мне.

— Ты один, пожалуй скучаешь? — сказал он.

— Никак нет, Ваше Императорское Высочество. — Не мог же я сказать, что скучаю, когда в классе шло объяснение простых дробей.

— Все равно, подвинься.

Подвинуться нужно, — он опять был в парадной форме и его звездам и орденам за партой было тесно. Они частью примялись и завернулись. Я начал поправлять их, приглаживая и выравнивая. Особенно не давалась мне Цепь Андрея Первозванного. Отдельные знаки были плоские, тонкие, ювелирной работы и я боялся их поломать. Но мне все-таки хотелось извлечь цепь наружу, так, чтобы она легла на парту.

— Оставь. Пусть будет так, сказал он.

Некоторое время он внимательно слушал. Его густой эполет давил мне плечо.

— Что ты делаешь? — опять тихо спросил он.

— Ничего.

— А ты бы делал что нибудь. Тетрадка у тебя есть?

Я быстро выхватил из парты тетрадку. Но в тетрадке ничего интересного не было — она была совершенно новая, только что выданная.

— Она у тебя всегда такая?

— Так точно.

Он улыбнулся и затем задал несколько вопросов ближайшим из кадет. Отвечали старательно, сильно волнуясь. Смущала и большая группа сопровождавших князя лиц, занявших почти всю переднюю половину класса, а у доски, как нарочно, самые неудачники Комиссаров, Капнист, Куценко... Однако, на сей раз, обычно у доски скромные и молчаливые, теперь вдруг они заговорили. С отчаяния может быть. Правда не все ответы соответствовали вопросам, но все были громкие, моментальные, без особого раздумья. Матус-Кориченко даже не хотел садиться, пока его не дернули сзади. Вообще в классе установилось бодрое, смешливое настроение, рассеявшее атмосферу сухости, которую хотели на нас нагнать.

Затем Князь встал и, поблагоодарив всех, направился в соседнее отделение. Все бросились ко мне. Я был героем дня. Было сделано только замечание за "вольную поправку орденов", но, это было ничто, по сравнению с ошибкой в рапорте Глобы.

Последний день пребывания, 8 мая, прошел очень шумно. Уроков не было. Просто галдели по классам. Великий Князь захотел говорить с каждым кадетом в отдельности. Для этого наш класс поставили в спальне у кроватей. Моя кровать была у окна. Я вскочил на подоконник и распахнул раму. Белые сережки черемухи и клейкие листочки тополей закачались перед мной. Но уже шел Великий Князь. Он был в белом кителе, по домашнему, даже без шашки. Так начал он обход нашего класса. Князь умел разговаривать с каждым и находить нужные слова рля робеющих и волнующихся. Он сильно картавил и его общий, гортанный выговор, по началу, производил несколько странное впечатление. У нас уже многие подражали ему.

Меня он спросил об отце. На вопросы об его службе, я бойко отвечал: "...в боях у Эни-Загра и Эски-Загра. В Забалканском отряде фельдмаршала Гурко... Знаете Ваше Высочество?.."

— Слыхал, слыхал... я тоже немножко, сказал он. Он "немножко"... На груди у него белел Георгиевский крест.

После обеда, на плацу, Великий Князь все время оставался с нами, но к нему было трудно протиснуться. Его характерной особенностью было то, что он из всего умел создать интерес и разговор возле него не умолкал. В этом его внимании к каждому из своих собеседников, как бы таковой ни был мал, заключалась значительная доля его обаятельности. Президент Академии Наук, он с полным вниманием мог вести разговор о резиновых мячах, о свойстве рогатки, о лучшем способе плавания и т. п. Что касается начальства, то оно держалось в стороне и мы были совершенно свободны в обращении и разговорах с нашим "Главным Начальником".

Он уезжал вечером, когда уже надвинулись мягкие весенние сумерки. К экипажу его вынесли на руках, на том же историческом кресле. Раздалось непрерывное "ура". На улице собралась масса народа. Губернатор не мог протискаться и издали размахивал своей нарядной треуголкой. Байдала, рослый красавец, чисто — Русского типа в синем армяке, с павлиньим пером на шапке, сдерживал горячившихся лошадей и улыбался Князю, с которым за эти дни тоже успел "ознакомиться". Он потом рассказывал:

— Ни копеечки не взял... За такую честь да брать деньги?

На вокзал, для проводов, собрались военные и гражданские власти. Перед вокзалом, на площади выстроились мы. Первая рота с винтовками и оркестром. Великий Князь еще и еще раз обходил ряды, разговаривая, шутя и обещая скоро вернуться. Уходя, он поблагодарил директора за прекрасное состояние корпуса, обнял и поцеловал его. Когда вскоре, в просвете вокзальных зданий, потянулись вагоны отходящего поезда, мы кричали "ура" до тех пор, пока можно было думать, что нас слышно.

Затем все оборвалось. Большой яркий праздник был окончен. Сразу наступили скучные будни. Стемнело. Возвращались вялые, утомленные. Наша рота совсем отстала и от звуков оркестра к нам доносились лишь глухие удары барабана. Обгонявшие нас лица из числа провожавших, многих брали к себе в экипажи. Это было стыдно, но завидно.

К концу мая мы были отпущены по домам на большие летние каникулы.

М. Шереметев.

Фарфоровая кокарда

(Продолжение).

Будем сидеть... Будь, что будет... Поедем на Знаменку, если он пойдет дальше, слезем — если выгонят. В вагоне тепло, почти уютно. Там, снаружи, темная ночь, декабрьский свирепый мороз, неизвестность. Каждый из нас троих, думает и решает одно и то же, не сговариваясь, так как и Газнев и Леус продолжают неподвижно лежать.

В вагоне молчание. Напряженное, выжидательное. Кто-то кашляет, стараясь заглушить кашель рукавом. Снаружи то же тишина. Только слышно, как тяжело пыхтит паровоз. Может быть сейчас тронемся? Хотя не все ли равно, где это случится? Здесь или в Знаменке, или еще дальше, ближе к Николаеву? Где то поезд остановится окончательно, не дойдя до Николаева. Нужно будет вылезть из вагона. Будут ходить вооруженные люди с пулеметными лентами накрест. "Ваши документы, товарищи матросы?" "Документы? их нет—украли". Может быть их нет здесь, на Долинской? Может быть лучше всего слезть сейчас, несмотря на темноту и мороз?

Парень в папахе приоткрывает дверь и высовывается. С клубами морозного пара в вагон врывается шум многочисленных и еще далеких шагов. Слышно, как щебень балласта осыпается под тяжелыми сапогами и кто-то громко кричит.

— Хыба охвицеров шукають, — равнодушно говорит парень.

— Як так шукають? — заволновался пленный.

— Вот так и шукають, а як найдуть то, як вони кажуть, до Штаба Духонина... Попановалы. З нас будэ.

— Нимам такого права, щоб людей стрелить, — протестует пленный.

Неужели правда то, что говорит эта пьяная скотина? Если да, то минут через десять дойдут и до нас. Поезд длинный и мы почти в самом конце. Высовываюсь сам, стараясь казаться равнодушным. Впереди, слева, довольно далеко, слабо освещенный несколькими фонарями низкий вокзал кажется пустынным. Мы стоим на пятом или шестом пути, и, на высоте нашего вагона, платформы уже нет. Далеко, впе-

реди виден паровоз. Из трубы летят огненные искры, топка бросает кровавое пятно на снег, и расплывчато освещает морозный туман. На багровом фоне, черные силуэты людей с винтовками. Это они кричат. На морозе слышно хорошо.

— Слезай гад, слезай, тебе говорят...

Кто то отвечает тихим голосом. Потом вдруг, что то тяжелое падает на балласт и вспышки выстрелов разрывают темноту. Одновременно люди кричат:

— Под вагон... Стой...

Летит площадная ругань, шуршит щебень балласта... Кажется тому, кого назвали гадом и кому приказывали слезать, удалось бежать.

Теперь, люди с винтовками озверели от неудачи. Налево станционные постройки неосвещены и сливаются с ночной темнотой. Лишь бы не заметили, когда будем переходить через пути... Нужно сейчас же слезать... Даже, если бы обыск прошел благополучно, до Николаева нам не добраться. Это теперь ясно. Обыщут и в Знаменке, и в Долгинцеве, и перед фронтом. Нам нужно пытаться проехать на Никополь и Александровск. Там нет немцев и значит, нет и фронта. А Долинскую нужно оставить немедленно, сейчас же ночью... Пойти по шпалам, отойти хотя бы на один перегон в сторону Никополя.

Возвращаюсь в наш угол, стараясь сохранить невозмутимый вид. Газнев и Леус смотрят на меня тревожно вопросительно.

— Нужно отсюда выкатываться, — говорю шопотом.

Мои товарищи, видимо, понимают положение, так как даже ленивый сибарит верблюд не протестует, несмотря на то, что вот сейчас ему придется прыгнуть из теплого и мирного вагона в морозную ночь. Собираться нам недолго. Наши спутники смотрят на нас с вопросительным любопытством. Почему эти три молодых парня, почти мальчики, по одежде матросы, только что спокойно сидевшие в глубине вагона, так вдруг решили уйти? Снаружи только что стреляли. Повидимому идет повальный обыск поезда, и внезапное бегство молодых матросов не может не быть в связи с выстрелами и обыском. Так должны думать все, и молчаливые военнопленные, и переодетые буржуи, и пьяный парень в папахе и его кокетливая и темпераментная подруга. Пусть думают что хотят. Лишь бы не рассказали о нас людям с винтовками, когда они дойдут до вагона.

Прыгаю первым на балласт. Леус подает чемоданы. Один, два, три. Все. С Богом. Мои товарищи прыгают в свою очередь. Закрываем дверь снаружи. Чтобы наши спутники не видели в какую сторону мы пошли. Живо... живо... Идем налево, наискось через пути. Со стороны паровоза еще два-три выстрела. Не по нам, так как не слышно пуль. Стараемся не бежать и не шуметь. Но щебень равнодушно шуршит, осыпаясь под каблуками. Слева, на самом конце платформы темнеет длинное и новое строение. Идем туда. Может быть это склад или просто сарай.

Текут медленные минуты-часы. Никто нас не видит, никто нами не занимается. Только тяжело дышет паровоз и около него кричат люди. Строение приближается, вырисовывается. Вот уже можно прочесть надпись на полусбитых досках: Für Kriegsgefangene. Темное и низкое строение — огромная уборная для военнопленных. Еще полтора года назад сюда водили строем из красных вагонов голубых австрийцев и сиреневых немцев. Теперь строение заброшено и зияет дырами вырванных досок. И вот мы стоим, поставив чемоданы на промерзлые доски, в нужнике для военнопленных, который на какое то время, вместе с морозом, защищает нас от русских солдат, которые там, у паровоза, охотятся за русскими офицерами.

Закурили. Стоим, дрожим от холода, молчим. Мозг лихорадочно работает. Идти пешком, сейчас же на восток, по железнодорожной линии, к Днепру? Едва ли существуют заставы на маленьких станциях. Но как узнать среди десятков рельсовых путей тот, который выведет нас именно на восток, к Кривому Рогу и Никополю? Единственный способ разпознать нужный нам путь — добраться до карты станционных путей. Иногда она висит снаружи вокзала, обыкновенно черного цвета с цветными линиями путей. Так было, во всяком случае, в Большом Токмаке, где я провел лето.

Шепотом излагаю свой план Газневу и Леусу.

— Может быть пойдем в местечко? — нерешительно протестует Сергей — здесь местечко есть.

— Глупости, — решает Газнев, в местечке та же сволочь, это ясно. Пойдем пешком на восток.

Иду на разведку. Вид непринужденный, руки в карманах матросской шинели. Бесконечная, слабо освещенная платформа. Черной, неподвижной лентой стоит наш поезд и видно, как вдоль вагонов ходят люди. Больше не стреляют. Мороз градусов пятнадцать, уши начинают мерзнуть, несмотря на поднятый воротник шинели. Низкий одноэтажный вокзал кажется мертвым. Тускло горят редкие фонари и только в мезонине, до революции должно быть квартире начальника станции, окна ярко освещены. Скрипит снег под ногами и тяжело пыхтит паровоз неподвижного поезда, нанятого нами в Кременчуге у революционного пролетариата за байковое теткино одеяло.

Ну и история... Что тут делать? Если даже я смогу разобраться в карте станционных путей (если ее найду), как выдержим мы ночной поход по шпалам, на декабрьском морозе? В уборной "Für Kriegsgefangene», мы замерзнем, а если не замерзнем, то все равно нас завтра найдут. "Матросы?" Матросы ну и так далее. Не лучше ли сразу? Сейчас? Но вот, может быть до утра будет какой нибудь другой поезд? Может быть удастся влезть в наш после обыска? Но он все равно идет на Знаменку, а в Знаменке спросят тоже "товарищи матросы?" Нужно было оставаться в Полтаве. С вожделением мечтаю о мягкой и пружинной кадетской постели.

— Что ищете товарищ? — от неожиданности, даже вздрогнул. Из тени станционных дверей выходит фигура в папахе и с винтовкой на ремне.

— Куда едете, товарищ флотский? — продолжает фигура.

— В Крым, — отвечаю машинально.

— Это вам на Никополь нужно, да вот слышно, что за Александровском кадеты.

Мычу, что то нечленораздельное. Нельзя же говорить ему что кадет то мы и ищем.

— Опасно вам в ту сторону, товарищ, — настаивает мой собеседник.

— Может закурить, у вас найдется? — спрашиваю совершенно спокойно.

Солдат достает кисет с махоркой. Кручу цыгарку и лихорадочно обдумываю положение. Матросы так матросы. Будем играть в матросов. Да и как не играть, если ничего другого не остается?

— Комендант, здесь есть?

— А как же, вот, в первую дверь по лесенке наверх. Да вы идите, товарищ, не бойтесь, — добавляет он, чувствуя мои колебания и легонько подталкивает меня в сторону двери.

— Небось в Севастополь едете? — Решает он, довольно логически. — Да, сейчас, не проедете.

Ну будь, что будет. Даже успокаиваюсь, так как единственное возможное решение принято. Лишь бы не спутались дальше мои товарищи по приключениям и лишь бы не оказались здесь на Долинской настоящие матросы из Балтики.

Поскрипывает морозный снег пустынной платформы и мне кажется, что не я иду рядом с парнем, одетый в полусолдатскую форму с винтовкой и пулеметной лентой через плечо.

Сам я в Белгороде, в нашей с братом комнате, окно которой выходит в узкий проход около дома Ломонова. Проход служит для работниц Ломоновской фабрики. По вечерам нужно закрывать ставни, так как девки-работницы стучат в окно и показывают язык. Итак, я в комнате, в Белгороде, лежу на чемодане-кровати, что служила отцу еще в Японскую войну, и читаю жуткую книжку. Герой этой книжки находится в отчаянном положении, окруженный врагами. Он очень голоден и ему очень холодно, но, так как он герой, он обязательно спасется. Как? Вот это и есть самое интересное в повести. Эх, заглянуть бы в конец? На последнюю страницу?.. Но никак страницу не откроешь...

Парень с винтовкой доводит меня до двери, от которой нужно подняться "по лесенке наверх".

— Там постучитесь, товарищ флотский, — напутствует меня мой проводник, — а уж молодой же вы.

— Ученик минного класса, — бурчу я невнятно.

Каждая ступенька — целая вечность. И с каждым шагом вечность сужается, превращается в осязаемое время, в минуты, в секунды. Вот дверь... Замечаю я ее по полоске света на полу. Слышу ее из-за громких голосов за ней. За дверью судьба учеников несуществующего минного класса, один из которых стоит перед дверью-судьбой, а двое других дрожат от мороза и волнения в бывшем отхожем месте для кригсгефангенов.

Нащупываю ручку, раньше чем постучать. Потом стучу. Сначала робко и, за дверью меня, повидимому, не слышат. Потом сильнее. Опять не слышат. Наконец бью кулаком и, не дожидаясь ответа, поворачиваю ручку.

В сравнительно небольшой комнате, должно быть прежней спальне, так как в углу, в алькове, стоит широкая кровать, в клубах сизого махорочного дыма, сидят за столом, стоят или ходят люди в полувоенной форме. На столе четверть самогона, закуска, хлеб. В углу винтовки и, похожий на собаку ,в стойке пулемет Максима. На людях пулеметные ленты, красные банты. В голове стола сидит человек лет сорока. У него добродушные, чуть отвислые, усы старорежимного фельдфебеля. Он даже похож на подпрапорщика Антонюка, фельдфебеля отцовской батареи в Хабаровске.

Он с любопытством смотрит на молоденького матроса в солдатской фуражке, который вошел в дверь. С тем же любопытством смотрят и остальные. У "фельдфебеля" маленькие веселые глаза.

И вдруг, забыв про "минный класс", с отчаянием и надеждой смотря в веселые глаза, я рапортую, поднимая руку к козырьку и вытягиваясь по уставу:

— Господин комендант. Три кадета Сумского кадетского корпуса без денег и без билетов, имеют честь просить вас о помощи.

Евгений Яконовский.

(Окончание следует).

ПОХОДЫ И ЭКСКУРСИИ В КОРПУСЕ

(Из воспоминаний о Псковском корпусе).

За рекой Великой, в Пскове, был корпусный лагерь, где, когда то, на месяц, на два оставались летом целые роты, но в мои годы корпусной жизни, здесь жило летом только несколько кадет, которым нельзя было ехать домой по каким либо причинам. Вместо летнего лагеря, устраивали в Первой роте поход на неделю или более, весной, после экзаменов, в какие либо интересные окрестности, на берегу озера или реки. Поход проделывался пешим порядком со скатками, винтовками и прочим. Ночевали обыкновенно в палатках с распорядком взятым из уставов армии. Были свои повара, кашевары и т. д.

Мой выпуск ходил к Изборску и Печерам, в которых я уже был за год до окончания корпуса, приезжая к брату, офицеру, учившемуся в Академии Генерального штаба и производившему в этих местах,

практическую съемку местности. На прогулках наших, надо было бы остановиться подольше, поскольку они сыграли для многих из нас большую роль в жизни. Так называемые "дальние" воскресные прогулки знакомили нас с сельским хозяйством и жизнью крестьян. Знакомили с прекрасным зодчеством Русских православных церквей Псковско-Новгородского и более северных стилей, а также и с иконописью. Они вызывали много хороших чувств, связанных с прочитанными книгами исторического характера. Каждая прогулка сопровождалась иллюстрацией быта Русской старины нашим талантливым воспитателем, героем японской войны, капитаном Обухом. Вообще прогулки, тянущиеся не десять и двадцать минут, а несколько часов, давали идущим не только сноровку в ходьбе, но и много продуманных и прочувствованных новых мыслей, идей... Они очищали все мельчайшие частицы нашей ткани и свежим приливом кислорода укрепляли и заново формировали их. Каждая прогулка крепче нас спаивала и невольно приближала одного к другому.

Конечно, большую роль в таких прогулках играла роль руководителя, воспитателя. Чем больше был продуман маршрут, чем больше подготовился руководитель, тем большую пользу приносили эти прогулки. Все корпусные дальние прогулки были для меня интересны и оставили неумирающий след в душе, несмотря на то что, идя на прогулку, я терял воскресный день и отпуск. В корпусе было около десятка весельных лодок и весной, целым классом, мы делали на них экскурсии в устье реки Великой, у Псковского озера. Эта прогулка была очень интересна своими живописными пейзажами, удовольствием, получаемым от полноты чувств при хорошей спокойной гребле, ароматом костров на берегу реки, чарующей красотой белых стен и церковки у воды озера, а также и дружными песнями в пути.

Зимой очень приятны были прогулки с воспитателем на лыжах вдоль реки Псковы или же Великой. Здесь была проба выносливости каждого из нас и закалка не только физическая, но и духовная, поскольку те из нас, которые были расположены к ворчанью, невольно должны были сдерживаться, так как каждый был занят движением вперед и некогда было обращать внимание на мелочи. Как прекрасны были в этих прогулках наши псковские деревушки, часовенки и церковки, разбросанные по снежным равнинам. Живописны были снега, отдельные березы и синеющие вдали полоски лесов, строений и садов. Возвращение в корпус было связано с розоватыми красками, длинными синими тенями наших движущихся фигур, неожиданными ударами далекого колокола, среди таинственной тишины умирающего северного дня с брызгами последних лучей заката. Только снявши лыжи, мы начинали чувствовать усталость за наше путешествие, и все пройденное и виденное было каким то сказочным и не вполне улегшимся впечатлением. Мысли перескакивали к привычной окружающей обстановке и было всегда чего то жалко.

М. Зайцев.

МОЙРА

Другу моему, Саше Врангелю,
на брани за Русь убиенному.

На гремящей колеснице, —
Прямо к вражескому строю, —
Прямо к смерти, в бой за Трою
Гектор пламенный летит.
Под гремящей колесницей,
Прах курится... блещут спицы...
И Патроклово влачится
Тело в топоте копыт.

"Троя!.. в бой!.. Эвоэ!.. К славе!.."
Смерть несется в конском топе...
Треск ломающихся копий...
Грохот меди — звонче гроз...
"Троя!.. Троя!.. Колет!.. давит!..
И, подобный рдяной лаве,
Вместе с кровью брызжет гравий
Из под кованых колес.

Кони пьяны крови смрадом:
Сыплют искры ярым взглядом,
Бьют и передом и задом
С диким визгом зубом рвут...
— Троя!.. Троя!.. нет пощады. —
Гром и звон ударов града...
Миг и недруги, как стадо,
В смертном ужасе бегут.

В лязге, треске, вопле, стоне
Все смешалось копья, брони,
Лики, шлемы, люди, кони...
Где спастись? Куда укрыться
От разящего огня?
И за ними хищной птицей
Мчится следом колесница,
В вихре бешеной погони
Сбруей бренчущей звеня.

"Троя!.. Троя!..
"В бой!.. Эвоэ!..
"Боги!.. Слава!.. О, Елена...
"Губы — маки, плечи — пена...
"Грудь — лебяжий волнорез...
Пой безумец. Верь успеху. —
Весь Олимп звенит от смеха —
Облекается в доспехи
Сын Пелея — Ахиллес.

Н. М.

СУВОРОВА — ПОБЕДАМ

Непоколебимая стойкость, жертвенность и выносливость Русских бойцов, вызывавшие восхищение всего мира в войну 1941-45 гг., воскрешают в памяти блестящие страницы истории Русской Армии на протяжени минувших веков воспитавшей Русского солдата, а следовательно и весь Русский народ, на полях сражений под водительством Петра Великого, Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича, Ермолова, Гурко, Скобелева и других Русских офицеров и полководцев.

Встают картины небывалых подвигов кампании 1799 года. Союзная армия под главным командованием фельдмаршала графа А. В. Суворова-Рымникского,

сражалась против Франции, занимавшей своими войсками Италию. 4 апреля Фельдмаршал Суворов прибывает с авангардом Русской армии в Верону и уже 15 апреля дает первый бой. Несмотря на смену французским правительством командующего французскими силами Шерера и назначение даровитого и всеми любимого генерала Моро, французы разбиты на реке Адде, где дивизия Серюрье сдается в плен. Далее, победы следуют одна за другой: 17 апреля занятие Милана, 5 мая победа у Маренго, 16 — взятие Турина. 6 июня Суворов с 30.000 союзных войск, встречает 35 тысячную армию генерала Макдональда, бросившего южную Италию и спешившего на север спасать положение. В трехдневном бою, на реке Треббии, Макдональд разбит, славная 17 полубригада, известная всей французской армии, положила оружие, взяты в плен два дивизионных генерала Оливье и Риска. 19 июля сдача Мантуи, одной из самых сильных крепостей того времени. Суворов опять обращается на север: 4 августа блестящая победа у Нови. Вновь прибывший, командующий французской армией, генерал Жубер убит, в числе пленных генералов Груши и Партуно. Северная Италия освобождена.

Далее, политическая и военная обстановка меняются: Фельдмаршал двух Империй, князь Италийский граф Суворов-Рымникский, во главе всей Русской армии Северной Италии в составе двадцати одной тысячи человек, порвавший с австрийцами, решает сосредоточиться в Швейцарии, где у генерала Массена — 85.000 солдат против Римского-Корсакова, генерала Готца и принца Кондэ, имевших все вместе всего 55.000.

10 сентября начинается знаменитый переход Суворова через Альпы. Погода стояла очень дурная: дождь лил ливмя, резкий ветер прохватывал насквозь. Горы, овраги, крутизны — были обстановкой совершенно новой для Русского солдата, привыкшего воевать в степях юга и юго-запада России. Дорога вилась по склонам гор, спуски чередовались с подъемами, скользкими косогорами, бурными горными потоками... Переходы были велики — нужно было спешить на соединение с главными силами. Выступали с рассветом, шли безостановочно до самой ночи, а придя на ночлег, не находили даже хвороста для костров. 13 сентября, наконец, вошли в соприкосновение с противником: части дивизии генерала Лекурб защищали Сен-Готардский перевал. Несмотря на переутомление, Русские отважно пошли штурмовать позиции противника, и, после повторных аттак, французы были сбиты, — Сен-Готардский перевал взят. Приближалась ночь, войска стали спускаться. Было так круто, что большинство скатывалось с горы сидя и, наконец, в полной темноте, с громовым "ура", Русские обрушились на врага. Французы были ошеломлены и дали тыл, побросав артиллерию в реку Рейсу. Русские войска еле держались на ногах от усталости, а в 6 часов утра 14 сентября уже выступили далее, вниз по долине Рейссы. Здесь, на вечные времена, Русская Армия вписала в свою историю легендарный переход через Чертов Мост, перекинутый через ущелье, на высоте 25 метров, длинною в 30 метров над бешено рвущейся среди отвесных скал Рейссой. Мост защищала вражеская пехота и артиллерия. Один из пролетов моста был французами подорван. Майор Князь Мещерский сорвал с себя офицерский шарф, его примеру последовали другие и, связав несколько бревен, под огнем неприятеля, перебросили их над пропастью подорванного пролета моста. По этим зыбким мосткам храбрецы бросились вперед, сметая все на своем пути. К 5 часам по полудни, вся колонна переправилась на противоположный берег и с непрерывными боями продолжала теснить войска дивизии Лекурба, отбросив его влево и заняв около полудня 15 сентября, Альтдорф.

Далее, армия, ведомая Фельдмаршалом Суворовым,

совершила несравнимые подвиги так метко оцененные Императором Павлом I, который писал Главнокомандующему: “Побеждая всюду и во всю Вашу жизнь врагов Отечества, Вам не доставало одного — преодолеть и самую природу, но Вы и над нею одержали ныне верх”. И, действительно, в Альтдорфе Суворов доказал, что его излюбленный афоризм “где прошел олень, там пройдет и солдат” — не пустые слова.

За Альтдорфом дороги далее не было: — была только тропинка, ведущая в деревню Муттен, доступная в позднее время года, лишь смелым охотникам за сернами, привыкшим с малолетства карабкаться по горным ребрам, трещинам, весям и цадям. Но общая диспозиция принуждала идти на Муттен-Швиц, и Русские войска, преодолели труднейший Росштокский хребет. “Конечно ни одна армия никогда не двигалась по такому пути”, — говорит историк об этом необычайном походе. В 5 часов утра 16 сентября, авангард Князя Багратиона выступил из Альтдорфа. О трудностях перехода можно легко судить по времени, которое на него потребовалось: — разстояние в 15 клм. потребовало 12 часов невероятных усилий под проливным дождем, среди туч, ходивших под ногами, глухого рокотания грома, раздававшегося эхом по ущелью, и при резком ветре, становившемся при промокшем платье вдвойне чувствительным: — от него дрожь прохватывала до костей, ноги и руки коченели. Переход этот изумил всех, и тропинка, пройденная Русскими войсками, изображалась до последнего времени на многих картах Швейцарии, надписью—“Путь Суворова в 1799 году”.

После такого перехода, вечером 16-го, авангард вступает в бой с противником, отбрасывает его на Швиц и занимает деревню Муттен. 17-го стягивается в Муттен вся армия Суворова (около 20.000), и здесь впервые Главнокомандующий узнает о катастрофе, постигшей 15 сентября армии генерала Римского-Корсакова под Цюрихом и генерала фон-Готца на реке Линте, а именно: Массена, пользуясь соотношением сил 8:5, разбил совершенно эти армии, до их соединения с армией Суворова, до их объединения под началом непобедимого Русского полководца. Таким образом, небольшая армия Суворова оказалась в кольце: с одной стороны непроходимые озера и горы, с другой — Массена с 80.000 солдат, только что одержавший крупную победу.

Утром 18 сентября Суворов срочно собирает военный совет, вернее, собирает старших начальников и диктует новую диспозицию, требуя от войск новых, невероятных усилий. Меняется направление: вместо Швиц-Люцерн, в тыл и фланг противнику, теперь армия идет на Гларис-Иланц за Рейн. Новая борьба с природой и сильной французской армией, окрыленной недавней победой, не могли быть препятствием для Суворова и его солдат.

Перевалив опять через горы у Брагелья, Русский авангард Князя Багратиона выбивает части дивизии генерала Молитора из Клейнталя и 19-го и 20-го в кровопролитных боях продолжает их теснить, занимая последовательно Нетсталь, Нефельт, Молис. Только подошедшим войскам дивизии Газана удалось удержать Русский авангард. Но, задача была выполнена: главные силы прошли на Гларис и далее на Эльм. Авангард Князя Багратиона сделался арьергардом, т. к. от Глариса Суворов повернул на юг. Массена, торжествовавший было победу и хвастливо обещавший пленным Русским офицерам увеличить их общество, через несколько дней, Фельдмаршалом и Великим Князем Константином Павловичем, увидел вдруг, что он ошибся в расчетах. Перед ним не немцы или итальянцы: Суворов, со своей тающей армией, ускользает из его рук и, несмотря на все усилия генералов Молитора и Базана, 25 сентября Русский арьергард оторвался от противника после 12-дневных непрерывных напряженных боев с превосходными силами французов. 26-го Русские войска перевалили самый трудный хребет у Рингенкопфа. В сущности, путь был лучше через Росштокский хребет, но выпавший снег и мороз сделали его совершенно невозможным. Спуск с Рингенкопфа был еще труднее подъема.

27-го сентября Суворов с 14.000 своих войск и 1.400 пленных французов стал на отдых в Куре. Отдых заслуженный и необходимый, ибо наличный состав армии находился в ужасном виде: люди были оборваны, босы, истощены походом и голодом, патронов почти не оставалось. Не только офицеры, но даже генералы не выделялись из общей картины: так генерал граф Ребиндер обходил войска в сапогах без подошв. Но не прошло и суток, как подкрепившиеся и выспавшиеся солдаты исправили аммуницию, починили обувь офицерам и себе; оживился лагерь, послышались лихие песни и вся горечь недавнего прошлого была забыта.

Впоследствие, в 1807 году, Массена, вспоминая Суворова восторгался его военными дарованиями и Русскими солдатами и говорил, что никогда себе не простит потери одного перехода.

На этом закончилась кампания 1799 года, т. к. Император Павел Петрович, видя вероломство Австрийского Двора, 11 октября порвал союз и приказал армии вернуться в Россию.

Война России с Францией окончилась, но слава о Русском оружии покатилась по всей Европе. Одним из горячих поклонников Суворова и его войска стал адмирал Нельсон, приславший Фельдмаршалу восторженное письмо, послужившее началом их переписки. Имя Суворова сделалось даже предметом моды и коммерческой спекуляции: появились Суворовские прически, суворовские шляпы, пироги и прочее. Суворов и Нельсон были кумирами англичан и их здоровье пили ежедневно во дворцах, тавернах и хижинах. Однажды после смотра Кентской милиции, когда лорд Ромней угощал короля, первый тост король провозгласил за здоровье Суворова — воплощение духа Российского Воинства.

П. Ф. Рерберг.

НА ЗАКАТЕ

Историческая повесть. (Продолжение).

Красивый особняк, спрятанный в глубине засыпанного снегом сада, где то на Петербургской стороне... Несколько странная задержка на крыльце, какие то таинственные переговоры перед тем, как открылась тяжелая дверь... Со вкусом убранная квартира, прекрасная сервировка большого стола, освещенного десятком свечей в тяжелых серебряных канделябрах... Большое, оживленное общество, человек 20-25, преимущественно военных, среди которых терялось несколько штатских. Торжественное представление... незнакомые лица, незнакомые имена... как будто мелькнуло одно знакомое лицо, но оно скрылось в толпе, раньше, чем он успел опознать его... Сенявин с горечью отметил, насколько за эти годы он отошел от общества, от жизни... Омрачившееся настроение его несколько поднялось за столом, где Загряжский искусно навел разговор на Адриатическую кампанию, с жаром поясняя двум генералам, сидевшим против Сенявина, роль флота и, на первом месте, самого Сенявина, в этой эпической борьбе с Наполеоном.

После второй перемены блюд, Загряжский поднялся и предложил тост "за славу и гордость России, вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина". Громкое ура, возгласы, звон хрусталя... Окруженный толпой, поднявшихся с места, гостей, протягивавших к нему бокалы, Сенявин чувствовал, что от него ждут ответа, но, также ясно сознавал, что сейчас говорить не в состоянии. На глаза навертывались слезы от охватившего его глубокого радостного волнения...

Снова зашумели разговоры... По долетавшим до него отрывкам, Сенявин, занятый ответами на бесчисленные вопросы своих собеседников, заметил, что главной, и почти единственной темой была политика. Говорили о революционных движениях в Испании и Италии, порицали решения Лайбахского и Веронского конгрессов, слышались резкие осуждения по адресу Священного Союза, посылались проклятия Меттерниху... Шум возрастал, все говорили сразу, перебивая друг друга, одновременно произносились разные тосты, подхватывавшиеся отдельными группами... Пили "за свободу", "за гибель тиранов", пили за каких то "карбонариев", за "права человека"... На дальнем конце стола, какой то молодой голос надрывно выкрикнул: "долой Аракчеева!... Да здравствует Российская республика!.." Загряжский нахмурился и бросил быстрый взгляд в сторону Сенявина.

— Ваше Превосходительство, простите великодушно немного шумное поведение нашей молодежи, но, я все же опасаюсь, что оно может утомить вас... Не лучше ли нам перейти в кабинет, предоставив им "поле брани"? — С этими словами, он поднялся, услужливо поддерживая адмирала под руку. Вслед за ним поднялось еще пять-шесть человек ближайших соседей.

В просторном кабинете, освещенном только большой лампой под темным абажуром да двумя парными подсвечниками на внушительном письменном столе, было тихо и уютно. Пока лакей, бесшумно двигаясь по толстому персидскому ковру, расставлял на низком круглом столе перед турецким диваном чашки с дымящимся черным кофе и граненые графины с разноцветными ликерами, гости разбрелись по кабинету, тихо беседуя или рассматривая коллекции оружия, гравюры или книги, в библиотечном шкафу. Один из них, обративший на себя внимание Сенявина во время обеда, заметным, несомненно английским, акцентом в своем грамматически безукоризненном французском языке, усевшись за письменный стол, вынул переплетенную в красный сафьян книжку и, набросав в ней несколько строк, протянул ее, стоявшему рядом, Загряжскому. Тот взглянул и одобрительно кивнул головой. Сенявину показалось, что оба они, в этот момент, бросили взгляд в его сторону...

— Прошу, господа, сказал Загряжский, покидая своего собеседника и делая пригласительный жест в сторону стола, — чашку хорошего турецкого кофе, по особому рецепту.

Гости расселись. Хозяин любезно наклоняясь к каждому, разливал ликеры, засверкавшие в граненом хрустале разноцветными огнями драгоценных камней. Из столовой донесся взрыв голосов. Можно было разобрать настойчиво повторявшееся: "просим... просим...": Загряжский подошел к двери и приподнял тяжелую бархатную портьеру:

— А... а... это Рылеев собирается прочесть, что то из плодов своей музы...

— Слушайте... Тише... Тише...

— Ода к свободе, раздался, покрывая утихавший говор, звенящий молодой голос.

Загряжский опустил портьеру.

— Пусть упиваются громкими словами, произнес он, с коротким, неприятным смешком, — эти энтузиасты поработают на нас... А нам сейчас не до поэтических восторгов. Нас ждет более серьезное дело...

Собравшиеся вокруг стола, жестом одобрили его слова.

— Прошу Ваше Превосходительство, сказал Загряжский, протягивая Сенявину рюмку с золотистым ликером, — и разрешите приступить к делу?

— Продолжим разработку проэкта? — спросил один из штатских, вынимая из кармана сюртука объемистую пачку исписанных листов.

— Не сейчас, Павел Иванович, остановил его вкрадчивым голосом Загряжский. — Ваш труд бесконечно ценен и делает честь вашей глубокой эрудиции, но...

— Но сейчас, надо действовать, а потом уже разво-

дить теории, прервал его нетерпеливо один из генералов.

— Как угодно, отозвался несколько обиженным тоном тот, кого называли Павлом Ивановичем, складывая опять свои бумаги.

— Но ведь это, в самом деле, так, Павел Иванович, примиряюще вмешался другой генерал, — проэкт конституции становится жизненным только после отречения...

—Или устранения, пробормотал какой то голос в тени.

Сенявин насторожился — "отречения... устранения... о чем они говорили?

Первый генерал поднялся с места.

— Господа, заговорил он, отпив глоток ликера, — разрешите кратко, по военному, резюмировать положение и наметить дальнейшие шаги...

— Просим... просим...

— Как вам известно, продолжал генерал, — распад нашего "Союза Благоденствия", произошел потому, что мы на юге и некоторые, более дальновидные люди, здесь на севере, — он сделал полу-поклон в сторону своих слушателей, — пришли к убеждению, что полумерами ничего достичь нельзя, тогда как они, — он кивнул головой в сторону столовой, все верят в единую спасительную конституцию...

Сенявин слушал, затаив дыхание. Он еще не осознал полностью к чему клонила речь генерала, но уже насторожился всем существом, как, бывало, на мостике корабля, когда, при видимо спокойном состоянии моря и неба, какое то шестое чувство предупреждало о надвигающемся шторме. Генерал продолжал:

— Нам всем ясно, что с монархией.. Да не мешайте вы все время, Анатолий Станиславович, повернулся он резко в сторону Загряжского, пытавшегося, что то шепнуть ему на ухо, — с монархией надо покончить раз и навсегда. Только единая неделимая Российская республика может дать народу свободу и благоденствие.

Среди слушавших, раздался ропот одобрения.

Как молния, сверкнувшая во мраке штормовой ночи, открывает внезапно, кипящие буруны, на которые несется корабль, так блеснуло в мозгу Сенявина сознание той бездны, в которую эти люди увлекали Россию... Но надо было выждать, дослушать до конца.-.. Генерал заговорил снова.

— Работу в армии ведем мы и надеемся вскоре иметь в своих руках сухопутную вооруженную силу. Нам нужен флот, а для этого — помощь Вашего Превосходительства, — он поклонился Сенявину. — Ваша подпись на воззвании к флоту, ваше выступление перед офицерами — залог нашего успеха. Все будет налажено нами — поездки, собрания... В расходах стесняться не приходится, благодаря щедрой помощи, оказываемой нам через нашего друга лорда Витимора, он поклонился англичанину и, взяв из его рук, написанную им бумажку, положил ее на стол перед Сенявиным, этот чек — обеспечит вам все расходы... а вот и воззвание... Идя рука об руку с нами, вы поведете флот на борьбу за свободу и... сможете сторицею отплатить за нанесенную вам обиду. Загряжский, дайте перо... Ну, что вы стоите?

— Вы погубили все дело, проскрежетал Загряжский, указывая дрожащей рукой на адмирала.

Сенявин резко поднялся. В висках стучало, горло сдавливало накипевшее, нечеловеческим усилием сдерживавшееся негодование.

— Иуды, бросил он в лицо, отшатнувшимся от неожиданности, заговорщикам, — Иуды, продающие Россию за серебряники ее заклятого врага, вашего "друга", Англии... Вот мой ответ... Он схватил со стола чек и воззвание и, разорвав их на клочки, швырнул под ноги генералу. — Растравив, с дьявольской хитростью старую рану, пытаясь одурманить измученную душу вашим лживым участием, вы смели думать, что соблазните меня на подлую измену?.. Если Государь несправедливо меня обидел — судьей ему один Господь. Не мне и не вам, изменникам своей присяге, позорящим мундир и самое имя Русского офицера, судить его.

Он прошел сквозь невольно раздавшуюся группу заговорщиков и направился к двери.

— Ваше Превосходительство, ради Бога... бросился к нему Загряжский, пытаясь удержать его за руку.

— С дороги, негодяй... в глазах Сенявина было нечто, заставившее Загряжского отшатнуться... Тихо скользнула на место тяжелая портьера.

. . . .

Особняк в засыпанном снегом саду, давно уже остался далеко позади, а Сенявин все шел и шел, не останавливаясь, не обращая внимания на дорогу, не чувствуя ни холода, ни усталости... Это последнее жестокое издевательство судьбы его добило. Оставалось одно, инстиктивное, сознание долга — скорее предупредить, поднять тревогу... Это чувство и гнало его вперед, придавая еще какие-то силы... В нем же самом не было больше ни гнева, ни возмущения, ни отчаяния — все умерло... На душе было холодно, темно и пусто...

Глава V.

...Понемногу, возвращалось сознание... Сенявин приоткрыл глаза, попытался приподняться... Голова закружилась и он снова упал на подушку... Прошло несколько минут, пока он смог опять открыть глаза и осмотреться...

Да, это была его комната... Он лежал в постели, днем, судя по яркому, зимнему солнцу, пробивавшемуся сквозь мутные стекла окна... С усилием повернув голову, он увидел на придвинутой к кровати табуретке какие то склянки с длинными рецептами, чашку с мелко нарубленным льдом... значит он болен... Чем? Сколько времени?..

Мучительно медленно заработала мысль... Вставали какие то смутные образы. Яркий блеск свечей, го-

вор, шум, звон бокалов... Кто то говорит, но он не может разобрать слов... Опять тьма... провал... Какая то высокая фигура стоит у кровати... Медленно подняв руку, она не то грозит ему, не то напоминает о чем то... Поблескивает кираса на темно зеленом кафтане... Где он видел это лицо?... Давно, давно... И вдруг отчетливо вспоминается: в кабинете отца, портрет пра-прадеда. Он ясно видит себя мальчишкой в голубом камзоле, с тугой косичкой, вскарабкавшимся на большой диван и пытающимся разобрать потемневшую, написанную киноварью, мелкими вычурными буквами, надпись: "Шаутбенахт Наум Сенявин, победитель шведов в баталии при острове Эзеле, случившейся в лето от Р.Х. 1719, июня..." опять все потемнело...

Близко светятся вдруг карие глаза "Звездочки"... Но в них написаны тревога, испуг... Почему?.. Их заслоняют другие глаза, смотрящие на него сквозь большие роговые очки, умным добрым взглядом... Прохладная рука ложится на пылающий лоб... Как это хорошо... Слышатся голоса... Он силится разобрать... Какая болезнь?... Кто сказал это?... Что это значит?... Снова все тихо... пусто...

Он снова открыл глаза. Как хорошо он спал... Сколько времени?.. Час?... Сутки?... Солнце значительно передвинулось и освещало теперь только верхние стекла окон. Голова не была больше такой тяжелой, затуманенной... Мысль заработала и... вдруг, все вспомнилось...

Посещение Загряжского... Обед... Тронувшее его до глубины души внимание, уважение, казалось даже, любовь... Глубокое удовлетворение, радость, счастье — не быть забытым, ненужным... И... страшное пробуждение. Вспомнилось, как яркой волной блеснуло сознание, что все это было лишь искусно разыгранной комедией, гнусным обманом, чтобы одурманить, завлечь, сделать его соучастником готовившегося преступления... Теперь все вставало перед ним ясно, отчетливо, до мельчайших подробностей... Как он прошел сквозь группу отступивших перед ним заговорщиков, с каким чувством брезгливости он оттолкнул, пытавшегося остановить его, Загряжского. Как права была Звездочка в своем инстинктивном отвращении к нему. Вспомнилось, как властный окрик заставил колебавшегося лакея открыть входную дверь... И затем, бесконечный путь по засыпанным снегом улицам... с одною лишь мыслью, дойти, поднять тревогу, крикнуть о готовящемся, безумном преступлении. И холод, ужасный холод в душе, бесконечно более страшный, чем холод морозной ночи... Вспомнилось, как он, лишь случайно, заметил, что выбежал оттуда без плаща и фуражки, и как безучастно он отнесся к этому... А дальше?... Дальше начинался черный провал...

Стекла в окне вдруг задребезжали... Какой то глухой рокот прокатился вдали... Второй, третий раз... Гроза?.. Зимою?.. Нет, то был пушечный гром. Почему? Салют с крепости? Какой же праздник может быть сегодня?... Он, с усилием, приподнялся на локте. Дверь растворилась.

— Господи Инсусе, бросилась к нему вошедшая хозяйка, никак очнулись Митрий Миколаевич?... Вот барышня то обрадуется. Уж так она убивалась за вас.

— Она была здесь? — проговорил он слабым неуверенным голосом.

— Ну как же. Почитай, через день заезжают. И дохтура привезли... Да ведь они то сами и нашли вас, как вы без памяти на полу лежали... Чегой то я? Господи помилуй... Дохтур ведь строго на строго наказывали...

— Ничего, Марфа Фоминишна... А почему стреляли сегодня? Праздник, что ли?

— Помилуй Бог, какой там праздник... Страсти какие творятся... Чтож я опять... Дохтур рассерчают, что вас растревожила.

— Говорите все толком, Марфа Фоминишна, что творится?

— Да не разберешь никак... Как Царь батюшка Богу душу отдал... тому уже недели три, а то и четыре будет... Вы все без памяти лежали... Так вот народ к присяге приводить стали новому Государю Кистентину Палычу... А вчерась, квартальный объявлял, что, мол. ошибка вышла и наново, значит, присягать будем — братцу ихнему, Миколаю Палычу... Сегодня с утра, по церквам значит... А которые господа офицеры несогласные, потому, говорят, беззаконно это Кистентина Палыча забижают... Ну и солдат своих подняли — защищать Царя...

— Ну, и что же?... — задыхаясь спросил Сенявин. Вспомнились речи заговорщиков... Он не успел предупредить. Болезнь не во врёвя свалила его...

— Да вот, Евстигней, извозчик, приехал сам не свой... Еле грит ноги унес... На Сенатской площади видимо-невидимо солдат... А кругом значит другие... И палят друг в друга... Генерал какой то важный подъехал, ан его пулей с коня ссадили... Митрополит было увещевать стал — слушать не захотели Владыку... Кричат все "ура, Кистентин, ура".... Конницу на них пустили — тоже отбили... Теперь вон опять палить начали... с пушек. Господи... Митрий Миколаевич... — Марфа Фоминишна испуганно прервала свою болтовню и бросилась к упавшему в глубокий обморок больному.

М. фон-Кубе.

(Продолжение следует).

Юнкер Эймелеус

(Отрывок из книги "От Тифлиса до Парижа").

Суббота в Николаевском кавалерийском Училище. Юнкера торопятся в отпуск. С верхнего этажа ("голубятни") сбегают юнкера сотни. Мелькают формы всех войск — красные лампасы донцов, желтые — забайкальцев, черкески терских и кубанских казаков. Юнкера эскадрона облачаются во все "собственное". В помещении звон шпор. В моде шпоры Савельева и "Корибуты". У всех заново отлакированы белые портупеи, красивые каракулевые драгунки с Андреевской звездой. Многие, отступая от формы, надевают рейтузы "галифе" или "бриджи", рискуя остаться за это без отпуска. Юнкера должны быть коротко острижены (длинные волосы — писарской шик). Гордость кавалерийского юнкера — это длинная, с разрезом сзади, шинель. Звон шпор должен быть особенный "малиновый". Мундир заказан у Каплана, сапоги у Гозэ... Уходя, нужно явиться дежурному офицеру. Малейшая неисправность в одежде, пятнышко на белых перчатках, незастегнутая пуговица, неловкий поворот — и юнкер может остаться без отпуска. А отпуск сулит столько удовольствий.

Но вот последняя преграда позади и юнкер на улице. По традиции, он должен ехать на скромном извощике. Сесть на лихача — плохой тон. Шататься по улицам пешком, глазеть на витрины, нести под мышкой кулек или хлеб — вещь недопустимая. Корнеты" внушают молодежи "останавливаться против мясных, куриных и зеленых лавок и выражать свои восторги при виде всевозможных яств — строго воспрещается"... Главная забота юнкера это отчетливо отдавать честь направо и налево.

Училище опустело. Я дневальный и брожу между рядами коек. "Примите новичка, Эймелеуса, и покажите ему все"... обратился ко мне дежурный офицер, Тверской драгун, ротмистр Добродеев, указывая на вновь прибывшего, в штатском. Молодой человек "с вокзала", как говорят юнкера про новичков не из кадет, кажется неуклюжим, мешковатым. "Гроб мужчина" — думаю я. Так называют юнкера плохих строевиков, в отличие от лихих, которых называют "пистолет мужчина" или "красавец корнет".

Я показал Эймелеусу классы, дортуары, конюшни. В гимнастическом зале я остановился перед лестницей. "Каждый юнкер должен уметь лазить по лестнице на руках", сказал я и пролез несколько ступенек. Делал я это не без труда. Эймелеус смотрел внимательно. Ни один мускул не дрогнул на его лице, — а между тем, это был, как я впоследствии узнал, выдающийся спортсмен.

Случайно, его кровать оказалась рядом с моей и я стал к нему присматриваться. Он был финн, плохо владел Русским языком. Лекции он сначала переводил с Русского на шведский язык, а потом уже учил их. Все еще спят, а он уже встал и отправляется в классный флигель. "Учить уроков не трудитесь", гласит звериада, юнкера "зубрил", высмеивают, но это его не смущает. В нем чувствуется какая то внутренняя сила. Делает он все без шуму, но постоянно, чем то занят. Через несколько месяцев он уже обходился без словаря и часто можно было слышать: "послушай, Карла, ты наверное знаешь эту лекцию, объясни мне". И Карл объяснял. Как то раз, пришли на его имя длинные, тяжелые ящики. По поводу их он вел долгие переговоры с командиром эскадрона — после чего, рабочие стали распаковывать и устанавливать на площадке, в конце дортуара, великолепный турник Когда все было готово, юнкера полезли на него, дрыгая ногами, падая и стараясь показать какой нибудь "номер". Вспомнили, наконец, об Эймелеусе.

— Карла, а ты что же не принимаешь участия? Попробуй...

Карл стал раздеваться и все ахнули при виде его прекрасной мускулатуры. Надев трико, он натер канифолью ладони, проверил натяжение турника, стал под ним и на минуту замер. Все почувствовали, что сейчас увидят что то особенное... И действительно...

Эймелеус поднял голову — одно легкое движение, красивый взлет, размах без всякого видимого усилия и он уже стоит на руках... Круг в воздухе... еще и еще... ноги проходят между руками... Размах и Карл на земле.

— Браво, браво... Айда Карлуша... Салазки ему... салазки...

В результате, он организовал в училище команду "соколов", которая блеснула на знаменитой "Лермонтовской" карусели, в громадноом Михайловском манеже. В этот день, в ложах манежа, был "весь Петербург".

Постоянный состав Офицерской Кавалерийской Школы показывал высшую школу езды. Под звуки "матчиша", выступала смена в составе которой были "боги езды" — Химец, Мерчуле, Абелов, Бертрен, Губин, Панаевы и др. В такт музыке, лошади идут, высоко подымая ноги, как бы танцуя матчиш. Идут затем рысью, выбрасывая прямые ноги вперед, идут галопом и берут барьеры.

Проходят офицеры всех полков гвардии, в исторических формах. Дамская езда... Юнкера сотни Николаевского Кавалерийского училища приводят публику в восторг джигитовкой. Один за другим несутся они, выделывая самые головоломные номера. Вот скачет кубанец Бабиев, проделывая трудный и опасный номер, прозванный юнкерами — "мертвецом". Маленький, изящный терец Гажеев проделывает на задней луке "верхушку". Несутся, стоя вверх ногами, забайкальцы братья Куклины. Не отстают в ловкости Лисевицкий, Лосев, Грибановский, Агоев. Задолго до карусели, донец Лосев тренировался в падении с лошади. Это эффектный "номер". Перед публикой разыгрывается сцена погони. За Лосевым гонятся и

стреляют на ходу. Знали мы, что он мастер падать, но, когда он на полном скаку, взмахнул руками, откинулся назад и покатился "кубарем" по земле, даже мы заволновались, о публике же и говорить нечего.. А к нему уже подскакивают "спасители", валят рядом коней, кладут его поперек седла и, отстреливаясь, скрываются.

На арену выводят шесть лошадей. Через них прыгают, делая "сальто-мортале", юнкера эскадрона граф Николаша Зарнекау, Кузьмин-Караваев, Агапов, Жигалин, Коваленскій, В. фон-Рихтер.

Юнкера эскадрона изображают средневековый турнир. Сокола Эймелеуса, в белых костюмах, производят "фурор", — публика, без конца, просит повторения. Восторг публики понятен, ибо в команде, не считая Эймелеуса, были такие спортсмены, как например, В. Данич, бравший впоследствии призы на 5-й Олимпиаде в Стокгольме и предназначавшийся в инструкторы при Дворце Спорта, который предполагалось воздвигнуть в Стрельне.

И опять Эймелеус. Стоя на двух лошадях и управляя шестеркой, он идет рысью, галопом и преодолевает барьеры.

На другой день в Школе только и разговоров, что о карусели. Виновник блестящих номеров, Эймелеус, скромно сидит на своем месте, и что то пишет.

— Что ты там строчишь, Карл? — спрашиваю я его.

— Пишу корреспонденци в газеты и журналы Швеции и Финляндии. Это мой заработок и, вообще, интересно. Деньги мне нужны, на книги, на театры, балы, посещение музеев.

Из разговоров с ним, я выяснил, что он был основателем многих спортивных обществ в Финляндии. Участвовал он и во всевозможных состязаниях в различных странах. В его чемодане — целая гора всевозможных афиш, а также шкатулка со значками и медалями за разные виды спорта.

— Почему ты так легко проделываешь самые трудные номера? У нас есть юнкера сильные, отважные и ловкие, но у них видно усилие, а ты все делаешь шутя. В чем секрет? — задаю я вопрос Карлу.

— Дай твою руку и приложи ее сюда, вместо ответа предлагает Карл и показывает на свой бок.

Я прикладываю руку и чувствую, что под рукой появляется громадный, твердый, как камень, мускул.

— Вот видишь, упорной и систематической работой я развивал не только мускулы на руках, развивал я их везде. И теперь, один мускул помогает другому. Система и упорная работа делают чудеса... И, кроме того, во всем должно быть равновесие: вчера я выступал на карусели, сегодня пишу статьи, завтра буду зубрить, а в воскресенье — развлекаться...

Он, действительно, успел проделать многое: еще до поступления в нашу Школу, он уже служил сержантом в линейной кавалерии, в Техасе, заведывал плантациями в Бразилии, исполнял должность капитана на речном пароходе, был гаучосом... Окончил он училище портупей-юнкером и вышел в Киевский гусарский полк. Из полка он прислал мне на Кавказ мерку своей ступни с просьбой заказать ему сафьяновые сапоги: он собирался в Персию охотиться.

Через несколько лет, он опять оказался в Николаевском Кавалерийском училище, уже на должности офицера инструктора. Во время войны 14-го года, я потерял его из вида. После войны он был военным представителем Финляндии в Берлине и всегда оказывал содействие Русским эмигрантам, прибегавшим к нему за помощью. Вспоминаю его я часто, как человека, знавшего цену времени и умевшего им пользоваться. Вспоминаю и его слова: "Система и упорная работа елают чудеса".

Г. Тапутров.

На Московских бегах

Еще будучи в Первом корпусе, я увлекался всякими, существовавшими в то время видами спорта, правда примитивными и чисто кадетскими. Особой моей любовью пользовались "кобылы", большая и малая. Прыгать через них я мог без конца и всякими способами, — передом, задом и через голову. О правильном футболе у нас понятия были смутные. Мы просто делились на две равные партии, человек по тридцать в каждой и, всякими способами, сокрушая все на своем пути, старались загнать мяч в "ворота" противника. Так как настоящих ворот у нас не было, то каждая партия обозначала их, складывая в две кучи свои бушлаты и фуражки. Судей не было и в помине, так как все приемы считались правильными. Можно сказать с уверенностью, что такого отчаянного футбола и больше никогда в жизни не видел. Увлекались мы и "свечками". Для "свечки", футбольный мяч бился ногой с таким расчетом, чтобы он летел вверх вертикально и как можно выше. Верхом достижения и совершенства считалось подать ногой мяч с такой силой, чтобы он, перелетев через здание корпуса, упал на улицу — "первую линию". Малыши часто, окружив меня, подавали мяч и клянчили: "Ветлиц, пожалуйста, на первую линию и обратно". Через минуту, от моего удара, мяч летел через крышу, а малыши с диким криком бежали мимо обалдевшего швейцарца, его выручать. Восторг был полный, если "специальные наблюдатели", смотревшие из окон, доносили, что мяч упал на голову какой-либо дамы или на спину извозчичьей лошади, которая от страха неслась карьером по улице, забыв свою тяжкую жизнь. После этого меня обыкновенно призывал к себе дежурный офицер, для объяснений. Я подходил с невинной физиономией и оправдывался тем, что произошло-де совершенно случайно. На этом, обыкновенно, дело и кончалось.

Во время перемен, между уроками, мы не оставались без дела. Здоровый организм требовал движений, и мы начинали играть в своеобразный футбол, в котором мяч, не без успеха, заменяла моя фуражка, а "ворота" для простоты отмечались на полу ме-

лом. Эту свою фуражку я и вспоминаю с большой любовью, до сих пор. В то время, Государь с Императрицей посещали наш корпус почти ежегодно. Посетили они его и в тот год, когда я был в 5-м классе. Как сейчас помню тот день. Был у нас урок алгебры, которую преподавал полковник Квадри, и меня вызвали к доске, отвечать Бином Ньютона. Откровенно сознаюсь, ни в то время, ни сейчас я об этом "биноме" не имел и не имею никакого понятия. Поэтому, к доске я вышел, имея шпаргалку с которой очень точно и красиво списал всю премудрость в ней заключенную. Едва я с успехом закончил это опасное предприятие, как влетает дежурный офицер и объявляет, что Император и Императрица пожаловали в корпус. При этом известии, все кадеты подтянулись, а головы сами собой повернулись к двери, откуда должны были войти Царь с Царицей. Я же, обратившись в истукана, с ужасом смотрел на списанные мною формулы и не знал, что мне делать. Не растерялся один Квадри. Он подошел ко мне, мельком взглянул на написанное мною и сказал:

— Отлично. Вы сегодня, против обыкновения, хорошо выучили урок и будете иметь счастье отвечать при Императоре.

Ужас сковал меня окончательно от этих слов, так как из всего мною написанного, я помнил только $A^2+2AB+B^2$. Дальше мои познания в "биноме" не простирались. С дрожью в голосе, заикаясь от страха, я стал просить отпустить меня на место, а вызвать хорошего математика. Квадри сначала не соглашался, но вся моя убитая фигура вызвала в нем очевидно сомнение в "хорошо выученном уроке" и он, наконец, снизошел к моей мольбе.

Только что, счастливый от прошедшей благополучно беды, я добрался до своей парты, как вошел Государь, и Государыня тотчас же села на поданный стул, в двух шагах от меня, а Император, подойдя ко мне, взял учебник алгебры и стал его перелистывать. Страха у меня как ни бывало. Я тотчас вскочил и громко доложил Его Величеству, что задан "бином Ньютона". Царь оторвался от книги и стал меня рассматривать. В это время Его взгляд остановился на моей футбольной фуражке, во всей своей красе, с вырванной подкладкой, сломанным козырьком и замазанной охрой, которой натирали полы, скромно лежавшей на парте. Царь взял ее в руки и начал рассматривать, качая головой и улыбаясь. Когда же дело дошло до козырька, Он просто рассмеялся. На козырьке очень разборчиво сохранилась надпись: "не тронь милашка, не твоя фуражка". Очнулся я от всех переживаний, когда Их Величества садились в коляску, заложенную парою чудных рысаков-великанов. Богатырь кучер с колодкою медалей на груди, еле их сдерживал. Вся кадетня, больше 500 человек, бросилась с криком ура за коляской. Не соображая ничего от охватившего меня восторга, я летел одним из первых, рядом с коляской. Каждому из нас хотелось быть ближе к обожаемому Монарху и в, получившейся от этого, свалке, многие упали.

Заметив это, Император приказал кучеру ехать тише, а сам стал поддерживать кадет, влезших на подножку экипажа. Здесь я был в своей сфере, а потому очень скоро очутился почти на козлах, держась за кучерский армяк, к великому неудовольствию его владельца. За меня уцепились два брата Крыжановские — кубанские казаки, мои неразлучные приятели, а за них другие. Таким образом, коляска оказалась облепленной со всех стороны кадетами. Когда подъезжали к Дворцовому мосту, мои руки не выдержали и я, упустив своего благодетеля-армяк, рухнул со всей прицепившейся ко мне компанией в снег. Увидя нас лежащими в куче, Царь, остановил лошадей и поблагодарив нас, поехал через Неву, во дворец. Мы же, счастливые до предела, вернулись в корпус.

Надо сказать, что, благодаря моей непоседливой натуре, со мной изредка приключались "аварии". В первой из них, мой приятель, не попав "лаптой" по мячу, угодил концом ее, очень удачно мне по лбу. Лапта была сделана из стащенной у служителя ручки от швабры и более чем основательно. Шрам, оставшийся на память от нее, украшал мой лоб несколько лет. Вторая авария случилась у знакомых в Луге. Будучи в гостях, я случайно забрел на кухню и увидел старинный стул, мирно стоявший в углу. Почему-то мне пришло в голову использовать его для "стойки". Я моментально уперся в него руками и подняв ноги кверху стал выжиматься. Все упражнение прошло у меня безукоризненно, но вдруг стул рассыпался, очевидно, от старости, и я с грохотом полетел на пол, смертельно перепугав хозяйку дома. Голову себе я тогда, к своему удивлению, не разбил, но сухожилие на правой ноге растянул основательно, так что месяца два хромал.

В третьей "аварии", виноваты важные японские офицеры, приехавшие осматривать наш корпус. Чтобы показать им "товар лицом", нас человек тридцать, отправили в гимнастический зал и распределили по снарядам. Человек шесть, лучших прыгунов, в том числе и я, работали на "кобылах". Как только вошли японцы, все мы запрыгали и завертелись. Каждый работал не за страх, а за совесть, для родного корпуса. Смотр сошел блестяще и японцы, поблагодарив нас, собирались уже уходить, когда я, разбежавшись, оттолкнулся от кобылы руками, перевернулся в воздухе и со всего маху ударился поясницей о другой ее конец, случайно не расчитав прыжка. От страшной боли у меня, что называется, "дыханье сперло", но я и вида не подал смотревшим на меня японцам. Престиж родного корпуса был для меня дороже всего. За его славу, каждый из нас шестнадцатилетних мальчишек перенес бы безропотно и худшее.

После окончания корпуса и училища, будучи уже офицером в Москве, я увлекся конским спортом и особенно бегами. Футбол был заброшен и я не прикасался к мячу несколько лет. В 1917 году, от милых переживаний революции, я снова начал в него играть и в начале 18 года мне перебили ногу, ниже колена. Со спортом я должен был расстаться. После Крыма,

очутившись в благословенной Югославии, я сделался страстным охотником и исколесил эту, ставшую для меня родной, страну вдоль и поперек. Этот край — клад для настоящего охотника. Нигде в Европе нет таких медвежьих углов, таких дебрей, такого изобилия и разнообразия всевозможной дичи, особенно водяной. На "Шар-Планине" можно найти огромного медведя в 400-500 кило, дикие кабаны в 300 кило — не редкость, а про остальную дичь не приходится и говорить. Около Битоля и на болотах Баната осенью собираются миллионы гусей и уток, которые там и зимуют. Попав, помимо своего желания, в Австрию, я с сожалением смотрю на здешних охотников и на их безнадежные потуги убедить себя, что они действительно "охотятся".

Увлекся я бегами сразу, как только их увидал. Должен сказать, что Московский ипподром того времени, по своему богатству и числу рысаков, участвовавших в состязаниях, считался одним из первых в мире. Приведу несколько показательных цифр. В 1914 году на нем работало свыше 5.100 рысаков, из них 1.416 получило призы. Захватывающая красота состязаний произвела на меня такое сильное впечатление, что я решил и сам отдаться этому благородному спорту. Наш предводитель дворянства, узнав о моем решении, пробовал меня оттоваривать, утверждая, что мне там не место. Я поступил по своему и был этим счастлив, так как ни один вид спорта не доставлял мне столько переживаний и не захватывал меня, как бега.

Теперь уже мало осталось в живых хорошо помнящих знаменитые московские бега. Надо сказать, что внутреннюю, чисто семейную жизнь ипподрома, из посторонних, — мало кто знал. Это было обособленное государство, со своими правилами, обычаями и выражениями. Ни владельцы лошадей, ни наездники не выносили ничего за границы своего мирка. Да в этом не имелось и надобности. Вся машина ипподрома была настолько грандиозна, что объединяла вокруг себя людей самых различных в смысле положения, но тесно связанных между собой любовью к рысистому спорту, спорту заложенному у нас полтораста лет назад графом Орловым Чесменским и ставшему — национальным. Если в литературе и появлялись рассказы о жизни ипподрома, то "развесистая клюква" занимала в них далеко не последнее место. Поэтому мне хочется правдиво передать мои переживания в одном из заездов праздничного бегового дня, когда на ипподроме бывала "вся Москва".

Выйдя в запас, я поступил в ученье к, известному в то время, наезднику В. Н. Гусакову. С чувством большой любви и уважения я вспоминаю этого простого, но прекрасного человека, выдвигавшего меня, иногда в ущерб своим собственным интересам. У него мне пришлось познакомиться и со многими знаменитостями того времени, как П. И. Ситников, В. С. Сергеев, В. В. Соколов и др. Особенно меня интересовал П. И. Ситников. В то время он очень много зарабатывал, имел прекрасную дачу и даже автомобиль, на котором шофером служил разбившийся авиатор Масленников. Рассказы этого Масленникова так подействовали на нашего П. И., что он решил и сам испытать всю прелесть авиации. Для своего полета он сговорился с авиатором Россинским, который согласился взять его с собою. В один прекрасный день, после обычной, утренней работы лошадей, П. И., стоя в наездницкой, с гордостью заявил, что завтра он летит. На следующий день, более любопытные из наездников пошли на Ходынку полюбоваться неустрашимостью П. И. В то время, на заре авиации, летать было не безопасно.

Еще автомобиль П. И. не показался на аэродроме, а уже стало известно, что жена его звонила в канцелярию губернатора и просила не разрешать ему летать, т. к. он, дескать, сошел с ума и его надо немедленно посадить в сумасшедший дом. Россинский стоял около своего аэроплана и что-то острил по этому поводу. Наконец появился автомобиль. П. И. выходит из него, здоровается с Россинским и оба лезут на аэроплан. Через несколько минут, мотор затрещал, запыхтел и аэроплан стал подниматься. Фигуры авиатора и сгорбившегося П. И. были ясно видны. Взлетев довольно высоко и сделав три-четыре круга, Россинский спустился "планирующим спуском", который оказался губительным для организма почтеннейшего П. И. и сделал его сказкой всего ипподрома. Когда аппарат принизился, Россинский сразу же слез с него, в то время как П. И. продолжал сидеть, судорожно сжав пальцами шасси, вперив свой неподвижный взор куда-то в пространство и бледный как полотно, очевидно от слишком больших переживаний. С большим трудом удалось разжать судорожно зажатые пальцы и усадить неудачливого авиатора в его автомобиль.

В большинстве своем, наездники наши были широкоплечие, сильные и здоровые люди. Вес у нас особой роли не играл, поэтому единственная женщина-наездница В. Ф. Костенская, маленькая, худенькая выделялась среди других ездоков. Имела она трех лошадей — Зипуна, Земляка и еще одну, не помню как ее звали. Лошади — были резвые и она на них иногда выигрывала. Однажды она побила лучшую лошадь, на которой ехал Ситников, имевший все шансы выиграть, за что тот и был освистан, ставившей на него, публикой. Это дало мне повод над ним подтрунить: "ну, какая ты знаменитость, раз бабе проигрываешь". "Смотри сам не проиграй ей", огрызался он.

В то время, кроме других лошадей, я работал серого жеребца "Бисера", принадлежавшего Балашеву. Это был чистопородный орловец, огромный и горячий. К тому же он был тугоузд и страшно тянул, особенно сразу после старта. Я на нем уже выиграл первый и второй призы. Мне он был по рукам и охотно отдавался работе. Вот на нем-то я и должен был ехать летом 1914 года, в большой праздничный день на "Членский Приз".

Александр Ветлиц.

(Окончание следует).

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕДАЛИСТИКА

(Продолжение)

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I

Нам известны многие исторические документы, свидетельствующие о награждении сначала "гривнами", а потом "золотыми" до конца XVII века; — как примеры извлекаем только два нижеследующих: а) За победу над половцами, Великий Князь Владимир жалует Золотую Гривну. "В лето 6508 (1000 год по Р.Х.) прииде Володарь со половцы к Киеву и изыде нощию во сретение им Александр Попович и Володаря и брата его и иных множество половец изби... и се слышав Володимер и возрадовася зело и возложи нань Гривну Злату" (Русская Летопись по Никоновскому списку ч. I; б) Пожалование "золотых" Иоанном Грозным — "и Государь за ту службу пожаловал дворянам государевым по Золотой Ноугородке, а иным — по Московке золотой, а иным — по золоченой". (Разрядная Книга под 1577 г. — за Ливонский поход).

Наступившее царствование Петра I — или недостаточно, с этой точки зрения, еще изучено, или его "медальные" документы не сохранились. Прилагаемая таблица разделена на три графы: а) Медали для ношения, б) монеты-медали наградные, в) настольные памятные медали. Предполагаем, что Петр I награждал своих подданных медалями только с *русскими* надписями; допускаем, что припаянное ушко (или просверленная дырка) не всегда свидетельствует о том, что медаль была "для ношения" (ибо ушки и дырки, ради украшения цепочек и ожерелий, находим на *всяких* монетах и медалях). Но когда ушко чеканено с медалью — тогда медаль безусловно была для ношения, а в Русской медалистике *первой* такой была — Чесменская (может быть и Кагульская) — 1770 г. По смыслу надписей на оборотных сторонах медалей мы можем предположить в какую графу данная медаль может быть внесена.

Эта статья (и таблица), описывающая шесть десятков медалей, составлена на основании: а) "вещественных доказательств", т. е. медалей, имеющихся в разных коллекциях, преимущественно Русских эмигрантских (около 20, причем золотые имеются лишь по одному экземпляру, серебряные же, особенно Полтавские, Ништадтские — представлены в нескольких экземплярах) и б) печатных источников, как иностранных, так и Русских. Огромное большинство штемпелей, на которых чеканились *оригинальные* Петровские медали, давно исчезли (кроме двух), архив же СПБ Монетного Двора (его штемпеля описаны в каталоге Смирнова 1908 г.) — ведет свое начало только с царствования Императрицы Анны Иоанновны.

Все петровские *настольные* медали с *латинскими* надписями не могут служить предметом описания в этом очерке. Дабы не удлинять текста, лицевые стороны упомянутых здесь "военных" медалей, к сожалению не описаны. Помещаем ниже сокращенную библиографию, с обозначением букв, при соответственных ссылках.

Ивер — Ю. Б. Иверсен. Медали на деяния Императора Петра Великого. — СПБ 1872 г.

Собр — Собрание Русских медалей, изданное Археографической Комиссией. — СПБ 1840 г.

Пуш — А. С. Пушкин. Подготовительные работы к Истории Петра Кн. 2-я, том 6-й, "Полное Собр. Соч.", изд. ОГИЗ 1946 г.

Г. Мих — Каталог коллекции Великого Князя Георгия Михайловича, распроданной на аукционе в Лондоне, 1950 г.

Гар — Ю. М. Гаршин. Рукопись "Русские Знаки Отличий. 1912 г.

Надписи на оборотных сторонах медалей см. таблицу.

№ 1 — Медаль литая, отечественной фабрикации. Собр. "золотые и серебряные, были раздаваемы в виде подарков. Носились на шее и на груди на золотых цепях".

№ 2 — Анонимная. "Молніями и волнами Побѣдитель".

№ 3 — Русского медальера. "Былъ у непріятеля 90 летъ взятъ 1702 октября 21". — Пуш. "всем офицерам золотые медали, солдатам всем — серебряные".

№ 4 — Анонимные. — Собр. "Золотые медали, розданные в награду при разных случаях. Эти медали пожалованы частью для ношения, частью — в виде простой награды". Первые две были в коллекции В. К. Георгия Михайловича.

№ 5 — Анонимные, русского медальера. "Небываемое бываетъ 1703". Ивер. "офицеры получили золотые медали с цепями, а солдаты — серебряные, меньшего размера и без цепей".

№ 6 — Анонимная, Русского медальера. "Не лестію, но оружиіемъ спомощью Вышняго пріемълена". Пуш. "розданы чиновным людям бывшим при осаде".

№ 7 — Медальеров Гаупта и Гуэна. "За вѣрность и мужество 1706". О первой, овальной, золотой медали у Ивер: "эта овальная наградная медаль украшалась драгоценными камнями, как видно на двух экземплярах, хранящихся в Императорском Эрмитаже". Остальные три, золотые, были в коллекции В. К. Георгия Михайловича (одна из них со следами и дырки и припайки ушка).

№ 8 — Медальеров Гуэна и Гаупта. "За Левенгауптскую баталію 1708". "Достойному достойное".

Собр.: о двух меньших медалях: "золотые и серебряные раздавались в виде награды". История л.-гв. Преображенского п. 1883 г.: "награждены серебряными медалями: обер-офицеров — 39, сержантов, каптенармусов и капралов — 88". Гар.: "хранились в Московской Оружейной Палате". Две круглые и одна овальная, меньшая (работы Гуэна, неизданная), золотые были в коллекции В. К. Георгия Михайловича.

Пропускаю медаль "На построение гавани в Таганроге" — золотую, украшенную драгоценными камнями, выданную лично капитану М. Симонтову — 1709 г.

№ 9 — Медальеров Гуэна и Гаупта. "За Полтавскую баталію 1709". О золотой с конным сражением у Ивер.: "была назначена в награду офицерам". О серебряной, с пешим сражением — "была назначена в награду солдатам, носилась на голубой ленте". Пуш.: "штаб и обер-офицеры — портреты Царя с алмазами, золотыми медалями; все рядовые — серебряныя медали". У Пуш.: "за взятие Выборга 1710 г., офицерам — медали золотые". Но — какие? В. Р.).

№ 10 — Медальеров Гуэна и Гаупта. Русский государственный герб с 4-мя флагами в клювах и лапах; то же самое и на червонцах того же года. Ивер: "была, как мне кажется, наградной медалью".

№ 11 — Медальеров Гуэна и Кенига (?). "Імея надежду на Бога желаемъ получити благо 1713". Первая из них была в коллекции маркиза оф Бют.

№ 12 — Анонимная. "За Васкую баталію 1714". Собр.: "медаль эта золотая, она раздавалась за отличие" (В Император. Эрмитаже). Ивер: "медаль для ношения". Гар.: "была выдана для ношения на груди, на ленте" (Я помню эту медаль, но серебряную, продававшуюся в Петербурге в 1911-12 гг. за 25 руб. В. Р.).

№ 13 — Медальеров Гуэна, Кенига и анонимные. "Прилежаніе и вѣрность превосходит сильно 1714". Ивер. "раздавались в награду для ношения". В коллекции В. К. Георгия Михайловича была меньшая золотая, с ушком. Серебряных (одна с ушком, одна с дыркой, одна без таковых) имеются три.

№ 14 — Анонимная. "Владычествуетъ четырмя". Оригинальная серебряная была в коллекции маркиза оф-Бют.

(Опускаю две наградные медали, но с Русскими надписями: "на учрежденіе коллегій" и "на восстановленіе спокойствія в государствѣ". Последняя особенно интересная. В. Р.).

№15 — Медальеров Гуэна и Кенига. "Прилежание и вѣрность превосходить силно 1719". Указ Петра I от 20 июня 1719 г. Монетной канцелярии: "Господин Президент, по получении сего отпишите в Москву, дабы на Монетном Дворе немедленно сделали монет золотых для раздачи морским офицерам, которые взяли 3 шведских военных корабля маія в 24 день сего 1719 г., а именно числом всех 67 разных сортов и велите сделать на одной стороне баталию морскую, а па другой — обыкновенную нашу персону". Экземпляр такой золотой медали хранится в Московской Оружейной Палате (Снегирев. "Памятники Московских Древностей"). Ивер.: "наградная медаль".

№ 16 — Анонимная. "Прілѣжаніе и храбрость превосходить сілу 1720". Собр.: "раздавались в виде награды". Ивер. "наградная медаль". В коллекции В. К. Георгия Михайловича были три золотые, из них одна с ушком, другая с дыркой. Большая серебряная была в коллекции маркиза оф Бют.

№ 17 — Анонимные отечественной чеканки. "Союзомъ мира связуемы. В Нейстатѣ по потопѣ Северныя войны 1721". Собр.: "есть несколько таких медалей — величиною в рубль, и еще меньшие, золотые, с портретом Императора и без оного, раздававшиеся в виде награды". В коллекции В. К. Георгия Михайловича были две золотые; серебряных с ушками и без них — известно несколько экземпляров.

№ 18 — Медальера Кенига. Российский государственный герб, под ним 1723. Ивер.: "наградная медаль" за Баку? Собр.: "раздавалась в награду донским казакам".

В итоге, можно констатировать отрадный факт, что упорными стараниями двух Русских эмигрантов — собирателей и возглавителя Медального Кабинета (Национальной Библиотеки) в Париже д-ра А. Гийу исследование Петровской серии военных медалей сделало крупнейший шаг вперед, к сожалению не столько пополнением их документации (что возможно только в России), сколько приобретением, на иностранных "рынках", ряда медалей (и их разновидностей), среди коих имеются даже "неизданные", не описанные в отечественной литературе. Об одном надо пожалеть: это о невозможности приобщить к медальным статьям иллюстрации, вследствие общих материальных затруднений и отсутствия поддержки со стороны эмигрантской общественности. Автор отнюдь не претендует на непогрешимость и заранее благодарит за исправления и дополнения.

Владимир фон-Рихтер.

(Продолженіе следует).

ЧЕСТНАЯ КНИГА

(Посмертные воспоминания генерала Деникина. Изд. имени Чехова).

"Что есть истина?" — оставшийся без ответа вопрос Пилата две тысячи лет тому назад...

С той поры пролиты потоки крови и слез. Костры инквизиции, религиозные войны и революции отмечают путь человечества в поисках Истины. Настал XX век, современный нам отрезок истории. На территории 1/6 земного шара потом и кровью насаждается новая вера, упрощенная религия желудка, "хлеба насущного"... Насаждается и все никак не может утвердиться...

А здесь, по эту сторону завесы, мы, Русские эмигранты, хотя и безкровно, но не менее яро враждуем друг с другом, спорим о путях к возрождению Родины. Ученые гинекологи — партийные начетчики — демократические кликуши и просто грабители-сепаратисты — все наперебой предлагают свои рецепты и каждый упорно стоит на своем. Ошарашенные, сбитые с толку обывательские массы не знают кому верить.

Еще труднее ориентироваться в этой разноголосице тем немногим из иностранцев, которые безкорыстно и искренне хотят нам помочь выбраться. В конечном итоге, пока что: "воз и ныне там".

До сих пор нищета и крайняя разбросанность эмиграции тормозила развитие широкой публицистики, всестороннее освещение вопроса в печати. И лишь, в самое последнее время, издательство имени Чехова принялось за дело в широком, чисто американском масштабе. Как часто случается, большой диапазон захватил, частично, и второстепенный материал. Но наряду с этим, были изданы и полезные, честные книги, дающие правдивое отображение Русской жизни, будь то современная действительность или дореволюционное прошлое нашей Родины. Достаточно упомянуть книгу А. Тырковой или воспоминания дочери Столыпина. Каждый добросовестный, непредубежденный читатель увидит там сколько несправедливых упреков было брошено и злонамеренно и по неведению, по адресу нашего прошлого.

Еще с большим правом заслуживают названия "честной" книги напечатанные им же посмертные воспоминания А. И. Деникина: "Путь Русского офицера".

Имя генерала Деникина говорит само за себя. Скромный образ боевого командира одной из доблестнейших частей Русской армии бессмертной "Железной" дивизии (4-й Стрелковой) хорошо известен всем участникам 1-й Мировой войны. Содержание книги отражает полностью душу автора, пламенного патриота, стойкого поборника правды и справедливости. Как везде и всегда, и в нашей тогдашней военной среде были изъяны. Деникин нигде не согнулся, ни разу не вступил в компромисс со своей совестью.

Владея пером, обличал непорядки в военной печати. Доверие к офицеру тогда было полное и цензуры, в военной печати, можно сказать, не существовало. По окончании Академии Генерального Штаба, считая себя несправедливо обойденным, молодой капитан Деникин подал жалобу Государю на самого военного министра, всесильного тогда, генерала Куропаткина. Дело тянулось два года и, в конце концов, Антон Иванович добился правды — был восстановлен в своих правах.

Не одними нами, старыми военными, встречена эта книга с радостью и гордостью. Покорила она сердца и многих бывших "опозиционеров", штатских интеллигентов, сумевших с годами "прозреть" и честно отрешиться от партийного навождения и воздать должное пусть, может быть и отсталому но державшемуся Правды старому строю. Одним из этих "опозиционеров" написано и предисловие к книге. Оно в первую голову подчеркивает неслыханную ими новость: генерал Деникин, оказывается, самого что ни на есть "пролетарского" происхождения, сын крепостного крестьянина, сдаточного рекрута — солдата, выслужившегося в офицеры. Тем самым разрушается злостный миф о том, что в былые времена только люди "белой кости" могли продвигаться по службе.

"Вне службы", тут уж и пропаганда молчала, всем известно ,что от Ломоносова до Сытина и Суворина наших дней, великое множество ученых и выдающихся деятелей культуры были простого происхождения. Но "на службе", особливо военной, ходу де не было. Такого же простого роду были и многие другие, не меннее выдающиеся наши генералы.

Позволю себе пойти и дальше по пути "разоблачений". Сколько хулы, например, приходилось слышать по адресу "самой мрачной" Царской реакции, эпохи Императора Николая I. Режим, про который "Голос Америки" только и делает, что повторяет разные "обличения" Герцена, скромно умалчивая, что это ведь была пора расцвета Русской культуры, времена Пушкина и Лермонтова. При этом же, как говорят, "архи-полицейском" (читай сродни советскому) режиме, Гоголь свободно писал свои бессмертные "Мертвые Души" и ставил "Ревизора". Это не безобидный Зощенко, даже которому "там" ходу не дают.

Деникин-отец прослужил 22 года солдатом и сумел заложить прочные основы морали в душу своего сына. "Меня отец не поучал и не наставлял. Не в его характере это было. Но все то, что отец рассказывал про себя и про людей, обнаруживало в нем такую душевную ясность, такую прямолинейную честность, такой яркий протест против всякой человеческой неправды и такое стоическое отношение ко всяким жизненным невзгодам, что все эти разговоры глубоко западали мне в душу"...

Как видно, не так уж был плох дух, не так низок моральный уровень среди простых солдат этой "мрачной" эпохи. Живучи Суворовские заветы в Русской

армии. Прочно стоит она на фундаменте, заложенном Великим Петром. Ибо из книги явствует, что духовный облик Деникина-отца сложился именно в казарме. Деревенская семья его рано распалась: "родители отца умерли еще до поступления на военную службу, а брат и сестра разбрелись по свету. Где они, живы ли — он не знал. Только однажды, был еще тогда отец солдатом, во время продвижения полка по России, судьба занесла его в тот город, где, как оказалось, жил его брат, как говорил отец, вышедший в люди раньше меня... Смутно помню рассказ, как отец, обрадовавшись, пошел на квартиру к брату, у которого в тот день был званный обед. И как жена брата вынесла ему обед на кухню "не пустив в покои". Отец встал и ушел не простившись и, с той поры, с братом никогда не встречался".

"Мракобесом" и "ретроградом" (в истинном, а не партийном смысле этого слова), Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России, конечно, никогда не был. Он шел спасать Родину, свергать большевиков, а не восстанавливать "власть помещиков и капиталистов". Разбирался он трезво и честно и в вопросе "национальностей". Мать его была полька и сам он вырос в Царстве Польском. Но был он верным сыном Великой Страны — оберегал ее исторические границы и интересы. С грабителями, внутренними и внешними, ему было не по пути. Он шел восстанавливать живое тело "Великой и неделимой" и в корне отвергал *корыстную* помощь союзников. И после крушения белого движения, очутившись за рубежом, генерал Деникин остался верен себе — до конца пробыл стопроцентным "оборонцем", противником всяких "интервенций" — корыстного иностранного вмешательства, каковое, по его убеждению, грозило обкарнать Россию.

Тяжелая безысходная драма горячего патриота, не видевшего никакого просвета впереди. Ибо, как человек деловой и трезвый, он не мог стать соглашателем-эволюционистом и спокойно ждать, пока дела "там", за железным занавесом, уладятся "сами собой"... И преждевременно сгорал, отображая живую совесть Великой честной России. Не суждено ему было дожить до лучших дней, увидеть зарю нового течения, надвигающейся настоящей "безкорыстной" интервенции, спасающего уже свою собственную шкуру запада...

Не восстановив Германии, не получишь немецкого пушечного мяса. Но... расчлененная, ослабленная Россия станет верной добычей возрожденного пангерманизма. И, скрепя сердце, придется таки поступиться "федерацией" и отказаться от Кавказской нефти и от прочих Русских угодий. Ибо только могучий Северный Колосс, как показал опыт двух мировых войн, сможет быть надежным оплотом против нового "гитлеризма". Увы, всего этого не придется уже увидеть Антону Ивановичу Деникину. Он ушел от нас, оставив нам свое незапятнанное имя и свои воспоминания — правдивые страницы славного Русского прошлого. Читая их, невольно преображаешься духом, отрываешься от пошлой действительности и начинаешь чувствовать себя тоже человеком — сыном Великой Родины.

М. Георгиевич.

„МОНАХ"

В 1910 году, я был произведен в офицеры, с назначением на службу в 25-ю Артиллерийскую бригаду, в Двинске. Старшим офицером моей батареи состоял тогда капитан Николай Владимирович Быстрицкий, о котором я всю жизнь вспоминаю с любовью. Он же был, одновременно, и заведующим хозяйством батареи, а я получил назначение делопроизводителем. Часто мне приходилось, помимо строевых занятий, сидеть с ним в канцелярии батареи за нашими общими бухгалтерскими расчетами и разыскивать иногда какие-нибудь казенные четверть копейки, неизвестно куда исчезнувшие, либо оказавшиеся в излишке сверх должного содержимого денежного ящика. В конце концов эти четверть копейки, конечно, находились и тогда мы, вздохнув с облегчением, беседовали на темы, прямо к делу не относящиеся.

Он был "боевой", это значит, что он участвовал с бригадой в Русско-Японской кампании, а я тогда именовался только "молодым" и, действительно, по возрасту был младшим в бригаде. От него я узнал, что в бригаде имеются 14 серебряных Георгиевских труб, за бои под Мукденом и, вообще, многое о прошлой жизни бригады. Узнал я также от него, что в бригаде есть кубок-чарочка, поднесенная ее боевым командиром генералом Потоцким, в то время состоявшим уже инспектором Артиллерии Гвардейского Корпуса. Кубок этот, вместе с Георгиевскими трубами, хранился в денежном ящике Управления Бригады. Я увидел его впервые, когда был устроен бригадный завтрак в мою честь, по случаю моего совершеннолетия: бригада любила торжественно позавтракать или пообедать по всякому подходящему случаю.

Кубок был серебряный, формы снаряда, с оживальной головкой обращенной вниз и срезанным дном. На трех драконах, его ножках, он устанавливался на пьедестал черного дерева с серебряной доской сверху, разрезанной посредине. На ней было выгравировано кем и кому был преподнесен кубок. Когда она открывалась, образуя триптих, то на обратной стороне выделялась гравировка картины боев под Мукденом со всеми позициями и направлениями огня батарей бригады.

Будучи "героем" этого дня, я пришел в офицерское собрание много раньше других, и, желая убить время ожидания, поднялся наверх, в большой зал. Против

входа на противоположной стене висел портрет Государя Императора. Справа от входа стояла витрина, где лежал альбом. На его кожаном переплете золотыми буквами было написано:

"La 25-me Brigade d'Artillerie de France,
à la 25-me Brigade d'Artillerie Russe",

а над ней, в художественной рамке, фотография большого размера группы офицеров 25-ой Артиллерийской Бригады Франции. На длинной левой стене зала посредине висел портрет боевого командира бригады генерала Потоцкого и еще по бокам иные, среди коих портрет Георгиевского кавалера бригады капитана Гашкевича. Правая стена имела две арки — входы в библиотеку и гостиную.

Посмотрев вокруг, я остановился в оцепенении, ибо между арками на стене я увидел довольно большую фотографию лошади. Подойдя поближе, внизу ее, я прочел: "Жеребец "МОНАХ", 6-й батареи". Мне даже как-то стало неловко: строевой конь, да еще моей батареи, а я о нем ничего не знаю. Но надпись была короткая и ничего не поясняла.

Я спустился вниз и спросил у хозяина собрания:

— Анатолий Владимирович, я только что был наверху и видел фотографию жеребца "Монаха". Что это за "Монах", да еще моей батареи? Где он теперь?

— Как, вы разве не знаете? Он же у вас в батарее и теперь "на пенсии", каждое утро бочку воды привозит. Вы же его видели.

— Видел, — сказал я, начиная невольно связывать события Русско-Японской войны с тем, что я знал от Николая Владимировича, — но почему же его фотография висит в Офицерском собрании?

— А, Борис Александрович, как это брат мой вам ничего не рассказал? Во время Мукденских боев, при отходе с одной из позиций под огнем японцев, были поданы передки на батарею. "Монах" ходил коренным. Пять лошадей из запряжки были выведены из строя и он один, вопреки всяким расчетам теории повозок, сам вытянул орудие из боя и не отдал противнику. Понимаете? Один. Совершенно самостоятельно. Вот поэтому то портрет его и попал в наше офицерское собрание. Он герой. Когда его срок выбраковывали, его оставили в батарее на пенсии, в знак любви и признательности. Он теперь живет спокойно, на положении ветерана войны, только для прогулки привозит батарее бочку с водой ежедневно.

Времени до завтрака еще немного оставалось. Я пошел в батарею, вошел в конюшню. В конце ее находилось стойло, над которым была надпись "Монах". Вороной, еще крепкий старик, добрый и простой, как все герои. Он ничего не рассказал мне о своем подвиге, вероятно из скромности. Но мне и не надо было, ибо я уже все теперь знал. Я любовно потрепал "Монаха" по шее и отправился в собрание. На пьедестале кубка я нашел то место, где "Монах" отличился. С этого дня я смотрел на него иными глазами — он был "боевой".

До сих пор не могу я забыть эту трогательную историю подвига одного из наших четвероногих друзей. Нам не дано знать, но может быть он действовал не только по инстинкту, как принято говорить, а сознательно помогая человеку. Не знаю и судить не берусь. Я только правдиво рассказал о нем, полагая, что "Монах" заслуживает внимания и памяти.

Многое ныне исчезло. Нет и портрета "Монаха". Но наверное, при иных условиях, портрет этого четвероногого друга и теперь висел бы в офицерском собрании против портрета своего боевого командира, потому что он был того достоин. *Б. А. Николаев.*

КАДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Председатель и Правление Обще-Кадетского Объединения извещают всех кадет Российских и зарубежных корпусов, что Царственный кадет 1-го Московского Императрицы Екатерины Великой корпуса, Великий Князь *Гавриил Константинович* принял на себя звание и должность Почетного Председателя Обще-Кадетского Объединения.

Председатель и Правление призывают всех кадет теснее сплотиться вокруг последнего сына нашего незабвенного Отца и Воспитателя. Да пошлет Господь нам всем здоровья и силы духа дожить до славного и близкого дня воскресения нашей Родины.

ПАРИЖ — 20 июня на могиле Бориса Дмитриевича Приходкина, по установившемуся у нас обычаю была отслужена Панихида по Великом Князе Константине Константиновиче и всем Российским кадетам в боях павшим, в смуте умученным и в мире скончавшимся. Проникновенное слово Владыки Сильвестра и вся торжественная обстановка Крестного Хода и Панихиды, на фоне чисто Русской природы и Православного кладбища произвели на всех незабываемое впечатление. Присутствовало много парижских кадет и делегации от Союза Пажей и Союза Русских резервистов Французской армии с их знаменем. По окончании Панихиды, с разрешения Великого Князя Гавриила Константиновича, старейший из присутствовавших кадет, кадет Первого Кадетского Корпуса Лихошерстов сказал несколько слов, в которых связал жизнь и труды нашего незабвенного Великого Князя с работой здесь в эмиграции Бориса Дмитриевича Приходкина, основоположника всего кадетского дела заграницей. Торжество, как обычно, закончилось завтраком в церковной ограде у гостеприимного Отца Александра Ергина.

ОТ РЕДАКЦИИ «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

В № 9 *"Военной Были"*, за апрель месяц 1954 года, на стр. 17 был помещен, за подписью В. Р., прекрасный отзыв о первом выпуске *"Изюмского Изборника"* причем отзыв этот предварен был нами пометкой, что *"Изюмскій Изборник"* является изданием Объединения 11-го гусарского Изюмского генерала Дорохова полка. Эта пометка ошибочна. *"Изюмский Изборник"*, посвященный славному прошлому Изюмского полка, не является изданием названного Объединения.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 59, avenue de Ternes, Paris (17e); у А. П.Руссаковича 25, rue de Vanves, Boulogne s/S., и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Мюнхен — у А. Н. Михель — Ramsauer Platz 9, München 25.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — 69, Main-street, Nyack (N.Y).

Канада — у А. С. Орлова — 47, Saint Patrik street, Toronto (Ont.).

Австралия — а) у В. А. Петрушевского — Fl. 2, 23 Longueville Rd. Lane Cove, Sydney (N.S.W.) б) у Н. А. Коссач — 20, Devenport T-ce Wayville, Adelaide South Australia.

№ 11

ОКТЯБРЬ 1954 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 3 - й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

От Редакции 1

Кадетские годы — **Г. Месняев** 2

Фарфоровая кокарда — **Евгений Яконовский** (Окончание) 6

Атаманское военное училище под Каховкой — **Иван Сагацкий** 10

Песня третья (Отвальная) — **Н. М.** 13

На закате — **М. фон-Кубе** (Продолжение) 13

На московских бегах — **Александр Ветлиц** (Окончание) 16

Бой под Курюк-Дара 18

Тверцы на Царских Колодцах — **Г. Танутров** .. 19

Русская военная медалистика — **Владимир фон-Рихтер** (Продолжение) 20

«Суворовцы» — **Кадет** 22

Хроника «Военной Были» 22

Памяти друга — **Группа кадет** 24

Смесь и брызги III

Почтовый ящик III

Скорбный листок III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ЧЕТЫРЕ НОМЕРА во Франции и европейских странах — 700 Франков с пересылкой.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 59, *Avenue des Ternes, Paris* (17).

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 59, AVENUE DE TERNES, PARIS (17e).

3-й год издания. № 11 ОКТЯБРЬ 1954 Г. Prix — 170 fr.

ОТ РЕДАКЦИИ

Нигде в мире военное сословие не внесло такого огромного и ценного вклада в сокровищницу национальной культуры, как в нашем Отечестве. Ярким светом блистают имена Сумарокова, Державина, Лермонтова, Мусоргского, Римского-Корсакова и иже с ними, на протяжении веков, в сиянии военного мундира, создававших великую, национальную Российскую культуру. Преимущественное участие военных во всех областях деятельности Российского Гения, касалось ли это литературы, музыки, театра, науки, становится как бы Российской национальной традицией, и, как таковая, требует внимательного к себе отношения и непрерывной работы в тяжелых условиях эмигрантской жизни. Преемственное сохранение этой традиции в зарубежьи является *первым* долгом нас, бывших российских военных.

Российская армия и флот имели свой собственный своеобразный и красочный быт. Быт этот не только мил сердцу каждого бывшего военного, но он чрезвычайно характерно отражает различные эпохи построения государства Российского. В мутных волнах Русского погрома быт этот и память о нем рискуют потонуть совершенно безвозвратно, уничтожив с собой самое воспоминание о большой и красивой эпохе Русской истории. Из этой опасности проистекает *вторая* наша обязанность: сберечь и сохранить все, что еще осталось в этой области. Здесь, в эмиграции, целый ряд бескорыстных и незаметных тружеников копит по своим уголкам много ценных и бытовых материалов. Честь им и слава, но, спросим мы, куда это все пойдет потом? Дальше? Наш долг и наша прямая обязанность, — продолжая старую традицию, помочь всем этим неутомимым и ценным работникам. Вещь напечатанная уже никогда не пропадет безследно, а навеки где-то удержится, в каких-то музеях, у каких-то частных собирателей или просто преданных делу людей.

Пока человек жив — жива в нем и надежда. Настанет день, мы вернемся на Родину, и какой-то "грозный судия", допустим, даже просто наша совесть, спросит нас: а что вы сделали за столько лет насильственного отрыва от Родины для своей страны? Для выполнения своего *неснимаемого* долга перед Ней? Так пусть же в этот момент нам будет что предъявить. Да, мы своевременно не победили и не умерли в бою, но мы не забыли славной традиции Российского военного сословия и, как могли, в меру своих сил и возможностей, а часто и сверх их, послужили тому, чтобы не умерла жалкой смертью, где-то под забором зарубежья, наша славная Российская культура, носительница вечных идеалов, распространившая свое неизбывное влияние, свою извечную любовь и красоту на все стороны европейской и мировой духовной жизни.

Этой цели служит журнал "ВОЕННАЯ БЫЛЬ", издаваемый Обще-Кадетским Объединением. Всех, кого как-то затронули вопросы, поднятые нами в этой статье, мы приглашаем ознакомиться с одиннадцатью вышедшими номерами этого журнала. Каждому предоставляется неотъемлемое право судить нашу работу по ее результатам. Редакция же продолжает свою деятельность по освещению, к сожалению мало знакомой большинству, стороны Русской жизни и по сбережению бессмертных и неоценимых крупиц Российской культуры, для славы своего Отечества и пользы грядущих поколений.

Алексей Геринг

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА "ВОЕННАЯ БЫЛЬ".

Надо твердо помнить, что наш военный журнал не имеет НИКАКИХ средств к существованию, кроме нашего собственного кармана, и все должно быть сделано НАШИМИ СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ. Как показали три года его существования, — это ВОЗМОЖНО.

По инициативе отдельных кадет и друзей нашего журнала, в 1952 году было положено основание "ФОНДУ ВОЕННОЙ БЫЛИ". За два с половиной года собрано было в этот фонд почти шестьдесят тысяч франков. Редактор и Издательство приносят глубокую благодарность тем нашим друзьям, которые начали это дело и продолжают его развивать. Мы твердо надеемся, что фонд этот будет существовать и дальше. и те из наших друзей и однокашников, кто обладает возможностью помочь несколько больше, чем подписка или покупка номера, примут участие в дальнейшем его развитии.

Издательство "ВОЕННАЯ БЫЛЬ"

Кадетские годы

(1902 — 1909).

Когда-то Орел был сторожевым городом на границе "дикого поля", защищавшим Московскую Русь от опустошительных набегов южных кочевников. Родоначальники многих орловских дворян несли на рубеже тогдашней Русской земли тяжелую ратную службу, жалуемые за нее поместьями и вотчинами. Представителем одной из таких коренных орловских дворянских фамилий был и отставной полковник кавалерии, очень крупный помещик, Михаил Петрович Бахтин.

Судя по воспоминаниям орловских старожилов, напечатанных в свое время в "Историческом Вестнике", богатый, независимый, хлебосольный холостяк Михаил Петрович Бахтин жил в своих орловских поместьях привольно, и в его великолепную усадьбу, — с парками, оранжереями, конским заводом, домашним театром и прочими затеями крепостной поры, — стекались для пиров, охоты и прочих удовольствий дворяне не только Орловской, но и смежных с нею губерний.

Однако, не одни пиры и празднества занимали мысли этого стареющего барина. Ему, видимо, были близки и интересы общие, и, в частности, интересы Русского просвещения. Будучи одиноким и задумываясь о судьбе своего достояния, он решил обратить значительную часть его на создание в своем родном городе кадетского корпуса. Для этой цели он выделил капитал в размере более миллиона рублей и несколько сот крепостных душ. В актовом зале корпуса — двухсветном, просторном и парадном, занимавшем центральную часть громадного корпусного здания, по его фасаду — имелась мраморная доска, отмечавшая это событие и, с точностью до копейки, указывавшая сумму пожертвованного капитала, а также число крепостных душ. Над доской висел и портрет жертвователя, на котором он был изображен в генеральском однобортном мундире тех времен, с преувеличенно высоким, шитым золотом воротником и с немногими орденами. По обличью, это мужчина лет за 50, с высоким, переходящим в лысину лбом, с тонкими бритыми губами, продолговатым лицом и несколько тусклыми глазами, — мало отвечающий нашему представлению о картинных генералах тех времен, скорее напоминая дипломата или крупного чиновника.

Пожертвование Бахтина было милостиво принято Императором Николаем I, который пожаловал ему орден Св. Владиміра 2-го класса, произвел его в чин генерал-майора и наименовал открывшийся 6 декабря 1843 года кадетский корпус — корпусом Бахтина. При закладке корпусного здания, имевшего форму буквы "Н" с растянутой поперечной чертой и с выдающимися боковыми крыльями по обоим фасадам, присутствовал Наследник Цесаревич Александр Николаевич, о чем свидетельствовала мраморная доска, укрепленная на одной из стен корпусного фасада (в крыле под церковью), а также хранимая в корпусе золотая лопаточка, коей Наследником был положен первый камень. Была и большая золотая медаль, выбитая по поводу этого события, и на одной из сторон которой имелось изображение М. П. Бахтина. Корпусная церковь — двухсветная, с хорами и колоннами, выдержанная в стиле Николаевского времени, была освящена в честь его небесного покровителя, и корпусный праздник праздновался в день Архистратига Михаила — 8 ноября. В ежедневных наших молитвах неизменно упоминался, в числе других и "болярин Михаил".

В 1851 году молодой тогда корпус был осчастливлен посещением Императора Николая I, о чем гласила соответствующая памятная доска у входа в актовый зал. Другая доска говорила о посещении корпуса Императором Александром II в бытность его Наследником, а третья, установленная уже в мое время, в 1903 году, о посещении корпуса тогдашним Наследником Престола Великим Князем Михаилом Александровичем. Последний позже состоял командиром 17 гусарского Черниговского полка, квартировавшего в Орле, и, конечно, бывал в корпусе.

В 1893 году корпус торжественно отпраздновал свое пятидесятилетие, и памятником этого торжества явились: громадная серебряная римская цифра на одной из стен зала, на высоте второго этажа, над портретом Императора Николая I, а также три золотых вензеля Императоров, при которых существовал корпус, с цифрами под ними: 1843-1893, на противоположной стене, над портретом Императора Александра II. В честь пятидесятилетнего юбилея был выпущен корпусный жетон в виде серебряного щита, увенчанного императорской короной, с теми же вензелями, цифрами и двумя перекрещенными погонами; старым — синим с белыми кантами, и новым —черным с желтыми кантами и с буквами О. Б.

В 1903 году корпус очень скромно отпраздновал свое 60-летие, следом которого осталась телеграмма на Высочайшее Имя, возвращенная в корпус с карандашной и залакированной резолюцией Государя Императора. Эта телеграмма, в соответствующей рамке, висела в нашем парадном зале, в котором, помимо царских портретов, находился и мраморный бюст Великого Князя Михаила Павловича, бывшего в свое время Главным Начальником Военно-Учебных заведений.

В 1918 году корпус должен был отпраздновать свое 75-летие. В альбоме моего 60-го выпуска, на последнем его листе, имелся призыв ко всем кадетам этого выпуска, всеми ими подписанный, прибыть на празднование этого юбилея или прислать весточку о себе. Излишне говорить, что празднование это не состоялось. Однако орловские кадеты не забыли о юбилее своего корпуса. Празднование состоялось, несмот-

ря на страшные времена, в 1918 году в Ростове на Дону. Вот как описывает его один из участников, А. И. Дурново (вып. 1916 г.): "За красиво декорированный стол нас село человек 35-40. Все были в хорошем и веселом расположении духа. Водка еще более приподняла наше настроение, и мы, молодежь, так развеселились, что старшему из нас, генералу от кавалерии Покотило, пришлось нас цукнуть. В самый разгар нашего веселья, внезапно раскрылась одна из дверей, ведущих в залу, и в ней показался наш преподаватель истории В. П. Казанский, в валенках, небритый, только что перебежавший от красных. О той восторженой овации, которую мы ему устроили, передать словами невозможно. Ее надо было пережить".

[…]евицкие времена, в здании корпуса находи[…] […]ной церкви был устроен […]

[…] стор[…] него каждый ма[…] я посчитал сперва довольн[…] которого стоял эффектный драгун в шап[…] кистью и с обнаженной шашкой у плеча. Но это был не корпус, а штаб Черниговского драгунского полка, находившийся недалеко от вокзала: корпуса все же еще не было видно даже и тогда, когда мы, проехав два парадных моста через Оку и Орлик, въехали на Болховскую улицу, главную в городе. Остановились мы, по рекомендации извозчика, в Северной гостинице, где услужливый коридорный, принесший в номер кипящий самовар, объяснил нам, где найти корпус. Несмотря на протесты матери, хотевшей отдохнуть с дороги, я настоял на том, чтобы немедленно отправиться на поиски корпуса.

То, что я увидел, превзошло самые смелые мои ожидания. Перед большим плацом, обсаженным липами, высилось громадное белое здание в четыре этажа, с двумя выдающимися боковыми крыльями, над одним из которых сверкал золотой крест корпусной церкви. Пространство между крыльями было отделено от улицы железной решеткой с двумя симметрично расположенными железными же воротами, от которых, чуть в горку, подымалась мощеная дорожка к площадке перед громадной дверью. От этой площадки спускалось несколько широких ступеней, окаймленных каменными тумбами с цепями. Ворота и дверь были закрыты, и все громадное здание было таинственно молчаливо. Как раз напротив корпуса, на противоположной стороне плаца, находился собор, а по улице, идущей к корпусу, вдоль длинной стороны плаца, пробегал никогда раньше невиданный мной трамвай

[…]стойчивым и нетерпеливым прось[…] […] припепной открытый […]аслаждался лицезрением […]иродного провинциала, […]Орел показался велико[…] […]а, типичный губернский […] с множеством церквей, […] триумфальными ворота[…] […]инские времена, с тор[…] […]Дома Дворянства, с тор[…] […] Ильинской часовней сто[…] […]мя многочисленные фрук[…] […]хучим виноградом, ябло[…] […] изюмом и винными яго[…] […]вой грохотали тяжелые те[…] […]ными битюгами, требезжа[…] […]лах сенных и щепных ба[…] […] воздухе последних летних […] все то же, что, например, […]уге, но от последней веяло […] неподвижностью, в то вре[…] […]йся на основной железнодо[…] […]инявшей Москву с югом, и […]ересечения нескольких желез[…] […] являл себя бойким и живым

[…] красочно описан Лесковым, и […] этого лесковского Орла еще сохранились в […] старинных церквушек, в виде больших тяже[…] […]кон, висевших в пролетах торговых рядов, в Пушкарских, Мещанских и Дворянских улицах и в чем-то еще трудно формулируемом, что говорило о древности города. Более поздний Орел с исключительным мастерством изображен Буниным в его "Жизни Арсеньева". Там мы находим тонкое отображение его зимних и осенних дней, морозного тумана и сумерок, орловских людей, древнюю атмосферу старинных храмов, парадный блеск Дворянского собрания, редакцию "Орловского Вестника" и многое другое. Кстати, "Орловский Вестник" находился

CH. 1418 B

Étiquette extraite du registre n° 510

POSTES-TÉLÉGRAPHES-TÉLÉPHONES

MANDAT-CARTE DE VERSEMENT

à un C/C postal

ORIGINE

CADRE A REMPLIR PAR L'EXPÉDITEUR

COUPON DESTINÉ AU TITULAIRE du C C n° 2881-89

MONTANT DU MANDAT F.

Nom et adresse de l'expéditeur :

[illegible]

18, rue Liège

Paris 9,

Répétez votre nom et votre adresse au verso du mandat. Inscrivez votre correspondance au verso du présent coupon.

MANDAT DE LA SOMME DE (en lettres)

A inscrire au compte courant désigné ci-dessous :

CADRE A REMPLIR par le bureau d'emission

SOMME EN CHIFFRES F.

Numéro et date d'émission (1)

PARIS .C. 2381 89

Mr GUERING Alexis

59 Av des Ternes

PARIS I7e

CADRE RÉSERVE AUX RECTIFICATIONS (voir au verso)

A DIRIGER SUR le centre de chèques de PARIS

Кадетские годы

(1902 — 1909).

Когда-то Орел был сторожевым городом на границе "дикого поля", защищавшим Московскую Русь от опустошительных набегов южных кочевников. Родоначальники многих орловских дворян несли на рубеже тогдашней Русской земли тяжелую ратную службу, жалуемые за нее поместьями и вотчинами. Представителем одной из таких коренных орловских дворянских фамилий был и отставной полковник кавалерии, очень крупный помещик, Михаил Петрович Бахтин.

Судя по воспоминаниям орловских старожилов, напечатанных в свое время в "Историческом Вестнике", богатый, независимый, хлебосольный холостяк Михаил Петрович Бахтин жил в своих орловских поместьях привольно, и в его великолепную усадьбу, — с парками, оранжереями, конским заводом, домашним театром и прочими затеями крепостной поры, — стекались для
дворяне не то
губерний.

Однако, не
мысли этого с
близки и инте
Русского прос
ваясь о судьбе
значительную
городе кадетск
капитал в раз
ко сот крепост
двухсветном, п
центральную ча
его фасаду —
это событие и,
сумму пожертво
постных душ.
теля, на которо
однобортном му
высоким, шиты
орденами. По о
соким, переходя
тыми губами, п
лыми глазами,
ставлению о ка
рее напоминая

Пожертвование Бахтина было милостиво принято Императором Николаем I, который пожаловал ему орден Св. Владиміра 2-го класса, произвел его в чин генерал-майора и наименовал открывшийся 6 декабря 1843 года кадетский корпус — корпусом Бахтина. При закладке корпусного здания, имевшего форму буквы "Н" с растянутой поперечной чертой и с выдающимися боковыми крыльями по обоим фасадам, присутствовал Наследник Цесаревич Александр Николаевич, о чем свидетельствовала мраморная доска, укрепленная на одной из стен корпусного фасада (в крыле под церковью), а также хранимая в корпусе золотая лопаточка, коей Наследником был положен первый камень. Была и большая золотая медаль, выбитая по поводу этого события, и на одной из сторон которой имелось изображение М. П. Бахтина. Корпусная церковь — двухсветная, с хорами и колоннами, выдержанная в стиле Николаевского времени, была освящена в честь его небесного покровителя, и корпусный праздник праздновался в день Архистратига Михаила — 8 ноября. В ежедневных наших молитвах неизменно упоминался, в числе других и "болярин Михаил".

В 1851 году молодой тогда корпус был осчастливлен посещением Императора Николая I, о чем гласила соответствующая памятная доска у входа в актовый зал. Другая доска говорила о посещении корпуса Императором Александром II в бытность его Наследни-
время, в
Наслед-
Алексан-
андром
ровавше-

здновал
жества
фра на
ка, над
три зо-
щество-
на про-
ератора
лея был
го щи-
еми же
ми по-
, и но-
и О. Б.
здновал
грамма
с ка-
сударя
вующей
в кото-
ром, помимо царских портретов, находился и мраморный бюст Великого Князя Михаила Павловича, бывшего в свое время Главным Начальником Военно-Учебных заведений.

В 1918 году корпус должен был отпраздновать свое 75-летие. В альбоме моего 60-го выпуска, на последнем его листе, имелся призыв ко всем кадетам этого выпуска, всеми ими подписанный, прибыть на празднование этого юбилея или прислать весточку о себе. Излишне говорить, что празднование это не состоялось. Однако орловские кадеты не забыли о юбилее своего корпуса. Празднование состоялось, несмот-

Nom et adresse de l'expéditeur | M à
CORRESPONDANCE DE LA PARTIE VERSANTE avec le titulaire du compte
PARTIE RÉSERVÉE AU SERVICE
Timbre spécial du centre de chèques qui a porté le mandat au crédit du compte courant postal du bénéficiaire.
CADRE RÉSERVÉ AUX RECTIFICATIONS (Art 84 I. G. - VIIe fascicule)
J A 005772.
(1) La date d'émission est indiquée que par les bureaux qui utilisent les machines

ря на страшные времена, в 1918 году в Ростове на Дону. Вот как описывает его один из участников, А. И. Дурново (вып. 1916 г.): “За красиво декорированный стол нас село человек 35-40. Все были в хорошем и веселом расположении духа. Водка еще более приподняла наше настроение, и мы, молодежь, так развеселились, что старшему из нас, генералу от кавалерии Покотило, пришлось нас цукнуть. В самый разгар нашего веселья, внезапно раскрылась одна из дверей, ведущих в залу, и в ней показался наш преподаватель истории В. П. Казанский, в валенках, небритый, только что перебежавший от красных. О той восторженой овации, которую мы ему устроили, передать словами невозможно. Ее надо было пережить”.

В большевицкие времена, в здании корпуса находилась танковая школа. В корпусной церкви был устроен городской театр, взамен сгоревшего старого орловского

г... корпусное здание после

Ваша подписка оканчивается этим |11|

номером. Если Вам угодно ее возобновить

прилагаем переводный бланк.

24 октября 1954 года

я посчитал сперва довольно большое здание, у ворот которого стоял эффектный драгун в шапочке с белой кистью и с обнаженной шашкой у плеча. Но это был не корпус, а штаб Черниговского драгунского полка, находившийся недалеко от вокзала; корпуса все же еще не было видно даже и тогда, когда мы, проехав два нарядных моста через Оку и Орлик, въехали на Болховскую улицу, главную в городе. Остановились мы, по рекомендации извозчика, в Северной гостинице, где услужливый коридорный, принесший в номер кипящий самовар, объяснил нам, где найти корпус. Несмотря на протесты матери, хотевшей отдохнуть с дороги, я настоял на том, чтобы немедленно отправиться на поиски корпуса.

То, что я увидел, превзошло самые смелые мои ожидания. Перед большим плацом, обсаженным липами, высилось громадное белое здание в четыре этажа, с двумя выдающимися боковыми крыльями, над одним из которых сверкал золотой крест корпусной церкви. Пространство между крыльями было отделено от улицы железной решеткой с двумя симметрично расположенными железными же воротами, от которых, чуть в горку, подымалась мощеная дорожка к площадке перед громадной дверью. От этой площадки спускалось несколько широких ступеней, окаймленных каменными тумбами с цепями. Ворота и дверь были закрыты, и все громадное здание было таинственно молчаливо. Как раз напротив корпуса, на противоположной стороне плаца, находился собор, а по улице, идущей к корпусу, вдоль длинной стороны плаца, пробегал никогда раньше невиданный мной трамвай.

Уступая моим настойчивым и нетерпеливым прось... ась сесть в прицепной открытый ... вдоволь насладился лицезрением ... я меня, природного провинциала, ... ой глуши, Орел показался велико... те времена, типичный губернский ... сы России, с множеством церквей, ... менными триумфальными ворота... в Екатерининские времена, с тор... лоннами Дома Дворянства, с тор... е рядом с Ильинской часовней сто... еннее время многочисленные фрук... лные пахучим виноградом, ябло... ушами, изюмом и винными яго... ой мостовой грохотали тяжелые те... громадными битюгами, дребезжа... собый запах сенных и щепных ба... сухом воздухе последних летних ... ом, было все то же, что, например, ... не Калуге, но от последней веяло ... онливой неподвижностью, в то вре... ходившийся на основной железнодо... ли, соединявшей Москву с югом, и ... том пересечения нескольких желез... ий, проявлял себя бойким и живым

... очень красочно описан Лесковым, и остатки эт... лесковского Орла еще сохранились в виде старинных церквушек, в виде больших тяжелых икон, висевших в пролетах торговых рядов, в Пушкарских, Мещанских и Дворянских улицах и в чем-то еще трудно формулируемом, что говорило о древности города. Более поздний Орел с исключительным мастерством изображен Буниным в его “Жизни Арсеньева”. Там мы находим тонкое отображение его зимних и осенних дней, морозного тумана и сумерок, орловских людей, древнюю атмосферу старинных храмов, парадный блеск Дворянского собрания, редакцию “Орловского Вестника” и многое другое. Кстати, “Орловский Вестник” находился

Кадетские годы

(1902 — 1909).

Когда-то Орел был сторожевым городом на границе "дикого поля", защищавшим Московскую Русь от опустошительных набегов южных кочевников. Родоначальники многих орловских дворян несли на рубеже тогдашней Русской земли тяжелую ратную службу, жалуемые за нее поместьями и вотчинами. Представителем одной из таких коренных орловских дворянских фамилий был и отставной полковник кавалерии, очень крупный помещик, Михаил Петрович Бахтин.

Судя по воспоминаниям орловских старожилов, напечатанных в свое время в "Историческом Вестнике", богатый, независимый, хлебосольный холостяк Михаил Петрович Бахтин жил в своих орловских поместьях приволь… с парками, оран… ним театром и пр… стекались для п… дворяне не тольк… губерний.

Однако, не од… мысли этого стар… близки и интерес… Русского просвещ… ваясь о судьбе с… значительную час… городе кадетского… капитал в размер… ко сот крепостны… двухсветном, прос… центральную част… его фасаду — име… это событие и, с т… сумму пожертвова… постных душ. Над… теля, на котором… однобортном мунд… высоким, шитым з… орденами. По обли… соким, переходящи… тыми губами, продолговат… лыми глазами, — мало … ставлению о картинных …ах тех времен, скорее напоминая дипломата или крупного чиновника.

Пожертвование Бахтина было милостиво принято Императором Николаем I, который пожаловал ему орден Св. Владиміра 2-го класса, произвел его в чин генерал-майора и наименовал открывшийся 6 декабря 1843 года кадетский корпус — корпусом Бахтина. При закладке корпусного здания, имевшего форму буквы "Н" с растянутой поперечной чертой и с выдающимися боковыми крыльями по обоим фасадам, присутствовал Наследник Цесаревич Александр Николаевич, о чем свидетельствовала мраморная доска, укрепленная на одной из стен корпусного фасада (в крыле под церковью), а также хранимая в корпусе золотая лопаточка, коей Наследником был положен первый камень. Была и большая золотая медаль, выбитая по поводу этого события, и на одной из сторон которой имелось изображение М. П. Бахтина. Корпусная церковь — двухсветная, с хорами и колоннами, выдержанная в стиле Николаевского времени, была освящена в честь его небесного покровителя, и корпусный праздник праздновался в день Архистратига Михаила — 8 ноября. В ежедневных наших молитвах неизменно упоминался, в числе других и "болярин Михаил".

В 1851 году молодой тогда корпус был осчастливлен посещением … …на со… …овый …а Им… …едни… …ия, в …след… …ксан… …дром …авше…

…овал …ества …а на … над …и зо… …ство… …про… …атора …был …щи… …же …по… …но… …О. Б. …овал …амма …ка- Государя Императора. Эта телеграмма, в соответствующей рамке, висела в нашем парадном зале, в котором, помимо царских портретов, находился и мраморный бюст Великого Князя Михаила Павловича, бывшего в свое время Главным Начальником Военно-Учебных заведений.

В 1918 году корпус должен был отпраздновать свое 75-летие. В альбоме моего 60-го выпуска, на последнем его листе, имелся призыв ко всем кадетам этого выпуска, всеми ими подписанный, прибыть на празднование этого юбилея или прислать весточку о себе. Излишне говорить, что празднование это не состоялось. Однако орловские кадеты не забыли о юбилее своего корпуса. Празднование состоялось, несмот-

ря на страшные времена, в 1918 году в Ростове на Дону. Вот как описывает его один из участников, А. И. Дурново (вып. 1916 г.): "За красиво декорированный стол нас село человек 35-40. Все были в хорошем и веселом расположении духа. Водка еще более приподняла наше настроение, и мы, молодежь, так развеселились, что старшему из нас, генералу от кавалерии Покотило, пришлось нас цукнуть. В самый разгар нашего веселья, внезапно раскрылась одна из дверей, ведущих в залу, и в ней показался наш преподаватель истории В. П. Казанский, в валенках, небритый, только что перебежавший от красных. О той восторженой овации, которую мы ему устроили, передать словами невозможно. Ее надо было пережить".

В большевицкие времена, в здании корпуса находилась танковая школа. В корпусной церкви был устроен городской театр, взамен сгоревшего старого орловского театра. Сохранилось ли корпусное здание после немецкой оккупации, — я не знаю.

В самом конце августа 1902 года, числа 27-28-го, моя мать привезла меня из тульского деревенского затишья в Орел держать вступительный экзамен в корпус. Я был скромный и робкий десятилетний мальчик, и, конечно, мысль о таинственном корпусе страшила и волновала меня. Я слышал, что в корпусе суровая дисциплина, что там все казенное, и не позволено, как говорили, иметь ни одной собственной вещи (поэтому-то у меня, кроме иконки Св. Тихона Задонского, ничего с собой не было), и что старшие кадеты творят суд и расправу над новичками. Однако, ощущение новизны, любопытство, а главное, мысль о том, что я буду носить замечательную кадетскую форму, — оттесняли вглубь встревоженной души беспокойные мысли. Немножко огорчало то, что в Орловском корпусе — черные погоны. Хотелось бы чего-нибудь более яркого: красного или синего. Однако, зеленый кушак в известной мере восполнял неяркость погон.

Сидя на извозчичьей пролетке, которая тряслась по крупным булыжникам орловской мостовой, я с необычайным любопытством и вниманием озирался по сторонам, ища, где же этот корпус, и принимая за него каждый мало-мальски большой дом. За корпус я посчитал сперва довольно большое здание, у ворот которого стоял эффектный драгун в шапочке с белой кистью и с обнаженной шашкой у плеча. Но это был не корпус, а штаб Черниговского драгунского полка, находившийся недалеко от вокзала: корпуса все же еще не было видно даже и тогда, когда мы, проехав два нарядных моста через Оку и Орлик, въехали на Болховскую улицу, главную в городе. Остановились мы, по рекомендации извозчика, в Северной гостинице, где услужливый коридорный, принесший в номер кипящий самовар, объяснил нам, где найти корпус. Несмотря на протесты матери, хотевшей отдохнуть с дороги, я настоял на том, чтобы немедленно отправиться на поиски корпуса.

То, что я увидел, превзошло самые смелые мои ожидания. Перед большим плацом, обсаженным липами, высилось громадное белое здание в четыре этажа, с двумя выдающимися боковыми крыльями, над одним из которых сверкал золотой крест корпусной церкви. Пространство между крыльями было отделено от улицы железной решеткой с двумя симметрично расположенными железными же воротами, от которых, чуть в горку, подымалась мощеная дорожка к площадке перед громадной дверью. От этой площадки спускалось несколько широких ступеней, окаймленных каменными тумбами с цепями. Ворота и дверь были закрыты, и все громадное здание было таинственно молчаливо. Как раз напротив корпуса, на противоположной стороне плаца, находился собор, а по улице, идущей к корпусу, вдоль длинной стороны плаца, пробегал никогда раньше невиданный мной трамвай.

Уступая моим настойчивым и нетерпеливым просьбам, мама согласилась сесть в прицепной открытый вагон трамвая, и я вдоволь насладился лицезрением нового города. Для меня, природного провинциала, выросшего в уездной глуши, Орел показался великолепным. Это был, в те времена, типичный губернский город средней полосы России, с множеством церквей, с неизбежными каменными триумфальными воротами, воздвигнутыми в Екатерининские времена, с торговыми рядами, колоннами Дома Дворянства, с торговой Ильинкой, где рядом с Ильинской часовней стояли лабазы, а в осеннее время многочисленные фруктовые ларьки, полные пахучим виноградом, яблоками, сочными грушами, изюмом и винными ягодами. По ухабистой мостовой грохотали тяжелые телеги, запряженные громадными битюгами, дребезжали извозчики, и особый запах сенных и пенных базаров струился в сухом воздухе последних летних дней. Одним словом, было все то же, что, например, и в известной мне Калуге, но от последней веяло патриархальной сонливой неподвижностью, в то время как Орел, находившийся на основной железнодорожной магистрали, соединявшей Москву с югом, и являвшийся местом пересечения нескольких железнодорожных линий, проявлял себя бойким и живым городом.

Старый Орел очень красочно описан Лесковым, и остатки этого лесковского Орла еще сохранились в виде старинных церквушек, в виде больших тяжелых икон, висевших в пролетах торговых рядов, в Пушкарских, Мещанских и Дворянских улицах и в чем-то еще трудно формулируемом, что говорило о древности города. Более поздний Орел с исключительным мастерством изображен Буниным в его "Жизни Арсеньева". Там мы находим тонкое отображение его зимних и осенних дней, морозного тумана и сумерок, орловских людей, древнюю атмосферу старинных храмов, парадный блеск Дворянского собрания, редакцию "Орловского Вестника" и многое другое. Кстати, "Орловский Вестник" находился

совсем рядом с корпусом. Длинный деревянный дом, совершенно провинциального типа, в котором помещалась редакция этой газеты, стоял на одной из сторон четыреугольника, образовывавшего предкорпусный плац.

Утомленный поездкой и множеством впечатлений, я заснул в номере гостиницы. Было часов шесть-семь вечера, когда я проснулся, не совсем ясно представляя, где я нахожусь. Комнату заливал алый свет вечерней зари. Где-то недалеко были слышны звуки гармоники, игравшей печальный мотив, в ближайшей церкви уныло звонили к вечерне. Все это, в сочетании с чуждостью обстановки и доносящимся шумом чужого города, — больно пронзило меня, почувствовавшего себя одиноким, беззащитным и безнадежно где-то затерянным, хотя рядом со мной и лежала спящая мать. Мы были еще вместе, но все говорило о том, что я ухожу из-под ее теплого крыла.

На другой день, в день экзамена, мы поднялись чуть свет и отправились в небольшую церковку, здесь же на Волховской, напротив гостиницы. Верно, только началась ранняя обедня, церковь была в полумраке, почти пуста. Мама горячо молилась и ставила свечи, я же, взволнованный предстоящим, был рассеян, да и вообще еще недостаточно понимал силу и значение молитвы.

К корпусу мы пришли самыми первыми. Ворота и громадная дверь параднаго входа так же, как и вчера, были закрыты, и никакого движения не наблюдалось. Мы довольно долго ходили по тротуару перед корпусной решеткой, пока, наконец, не появилась дама с "настоящим" кадетом. Из разговора выяснилось, что фамилія ее Караулова, что она из Тулы и привезла сына держать переэкзаменовку в третий класс. Караулов, как бывалый кадет, не без презрения смотревший на меня и не удостоивший меня ни одним словом, повел нас через боковой вход, и мы, пройдя по узкой лестнице и длинному коридору, очутились в приемной. Вскоре появившимся рыжим швейцаром была открыта входная дверь, через которую стали проникать, все увеличиваясь в числе, группы мальчиков в сопровождении родителей. Стало шумно и суматошно. Пестрая толпа мальчиков, наконец, была собрана в зале первой роты, а родители теснились в ее дверях. Помнится мне, что я действовал как-то автоматически, как бы во сне, и вся процедура экзамена запечатлелась в моей памяти неясно.

В соседнем с залой классе, в котором мне довелось после сидеть, будучи уже семиклассником, нам была дана диктовка. Диктовался коротенький разсказ из хрестоматии Поливанова "Чудо на мельнице". В стеклянные окна классной двери заглядывали взволнованные родители, и я один раз успел поймать ободряющий взгляд моей матери. Однако, во время диктовки я чувствовал себя достаточно уверенно, ибо писал довольно прилично. Хуже я почувствовал себя на арифметике и довольно путался, отвечая на вопросы экзаменатора Поспелова, грозы первых трех классов. В свое время он сражался в Сербии добровольцем и имел сербские ордена, которые очень возвышали его в наших глазах. Видимо, ему вообще был свойственен дух предприимчивости: он был в Орле первым, заведшим себе автомобиль. О потопе я вполне уверенно разсказал батюшке с черной бархатной бородой, принятому мною за дьякона, ибо рядом экзамен производил почтенный, с седой бородой священник, внешность которого больше отвечала моему представлению о батюшках. Экзаменовавший меня мнимый диакон на самом деле был священником отцом Митрофаном Афонским, а старичок — моим будущим законоучителем в первых классах — отцом Детским. О них речь еще впереди.

Пока мы переносили экзаменационную страду, наши родители знакомились друг с другом, находили старых сослуживцев, земляков и знакомых. Обнаружилось, например, что кавказский капитан Самурского полка Кузнецов приходится родственником директора корпуса полковника Лобачевского. Мама же не только нашла несколько знакомых по Туле, в которой наша семья когда-то жила, но и своего двоюродного брата, калужского помещика Денибекова, человека широкой натуры, привыкшего жить широко и безпечно, который, куда бы он ни ездил, сопровождался чуть ли не всей своей многочисленной семьей, занимавшей несколько номеров в лучших гостиницах. Так и на этот раз, привезя на экзамен своего старшего сына Николая, мальчика с тонкими чертами грузинского типа лица, он, помимо его неразлучной спутницы-жены, был сопровождаем другим своим сыном, Всеволодом, в будущем тоже нашим кадетом, и еще кем-то. Скромный стиль нашего с мамой пребывания в Орле, после встречи с Денибековыми, в корне изменился. И как только был объявлен список принятых, в коем числились и я, и Денибеков, и было объявлено, что живущие недалеко могут до 1 сентября взять по домам своих детей, мы шумной компанией очутились в ресторане "Берлин", где взрослые наслаждались тонким обедом, а мы, мальчишки, наскоро поглотав что нам было предложено, катались клубком по балкону "Берлина", испытывая свои силы в отчаянной борьбе.

1-го сентября, вместе с Колей Денибековым, я был водворен в корпус.

За десятки лет своей жизни корпус наш накопил не только большой запас славных традиций и преданий, но немало и недостатков, следов застоя и отсталости, усугубляемых обстановкой провинциального быта, а потому, кажется мне, в 1902 году, когда я впервые, с трепетом переступал порог громадного белого здания под распластанным николаевским орлом, старые корпусные порядки, нравы и быт переживали известный перелом. Незадолго до этого, в 1900 году, Главным Начальником Военно-Учебных заведений стал Великий Князь Константин Константинович, сама личность которого как бы символизировала новые

начала в деле воспитания юношества и отход от рутины, сложившейся в предшествующие годы.

В год моего поступления в корпус, произошла смена долголетнего директора корпуса ген.-лейт. Светлицкого, ушедшего в отставку. Вместо него был назначен молодой полковник конной артиллерии, окончивший Академию Генерального Штаба, Валериан Лукич Лобачевский. Эти два лица олицетворяли собой две эпохи, два течения в воспитательном деле. Очень почтенный по возрасту, хотя еще вполне бодрый, ген. Светлицкий, с пробритым подбородком и недлинными бачками, типичными для военных времен Императора Александра II,—видимо директорствовал по старинке, из своего кабинета, предоставляя все естественному течению, мало вникая в кадетскую жизнь и представляя собой символическую фигуру высокого начальника, редко спускающегося со своих олимпийских высот. Надо думать, в период его директорствования корпусная жизнь текла по установившейся рутине, без всяких педагогических и других затей. Отношения между начальством и кадетами были чисто формальными, не основанными на чувстве доверия, и воспитательная система зиждилась, главным образом, на мерах карательных. Судя по тем типам кадет, которых мы еще застали, по тем совершенно легендарным злостным озорникам, с налетом особой забубенности и бесшабашности, можно думать, что корпус был в достаточной мере распущен, и нравы в нем были довольно грубые. Под стать директору были и его ближайшие помощники: инспектор классов, добродушный полковник Мацкий, ушедший в отставку вскоре после Светлицкого, командир Первой роты Н. П. Ползиков — внушительный старик с большой раздвоенной седой бородой, обладавший красивым баритоном и им щеголявший, полковник Рыков, командовавший Третьей ротой — участник Турецкой войны, что получило отражение в одном из куплетов Звериады, гласившем:

Прощай герой войны Турецкой,
Наш славный ротный командир!
Имел ты голос молодецкий,
Но без Георгія мундир.

Участником той же войны был и командир Четвертой роты Джунковский — благодушный и мягкий человек, обленившийся в спокойствии корпусной службы, о чем свидетельствовали неторопливые движения его крупной и сильно располневшей фигуры.

На смену им всем шла молодежь, одушевленная новыми веяниями, исходящими от нового Начальника Военно-Учебных заведений и проводимыми в жизнь корпуса Лобачевским. Он внес в корпусную жизнь струю бодрости, энергии и новизны. Видимо, он стремился не только "подтянуть" корпус, но и внести нечто новое, завоевать уважение и доверие кадет к начальству, утвердить воспитание на началах более сердечных, нежели раньше. Это ему и удалось. Тогда еще совсем молодой человек, — ему было, вероятно, не более сорока лет, — он не замкнулся в директорском кабинете, а постарался войти в самую гущу кадетской жизни. Его приземистую фигуру, отягченную довольно почтенным брюшком, кадеты могли видеть постоянно, в самое разнообразное и неурочное время. Он появлялся не только к завтраку, чтобы поздороваться с кадетами, но и на уроках, в спальнях, уборных, умывалках, вообще местах, где трудно было ожидать появления столь высокого начальства.

Ночью, то и дело, в сопровождении дежурного ротного командира, обходил спальни. В коридорах, встречая кадета, он иногда заставлял его снять сапог, чтобы проверить, обстрижены ли ногти, или заставлял расстегивать ворот, чтобы проверить наличие креста на шее. Портным было запрещено пришивать пуговицы к кадетской одежде: кадет мог сделать это и сам. По утрам были введены холодныя обтирания; наблюдалось за тем, чтобы кадеты спали только на правом боку, с руками поверх одеяла и т. д...

Лобачевский повел энергичную борьбу с грубостью нравов, царствовавшей до него в кадетской среде. В четвертой роте существовал издавна обычай "травить новичков". Второклассники, уже чувствуя себя "старыми" кадетами, позволяли себе в отношении первоклассников некий "цук", иногда физически жестокий. Это, видимо, считалось в порядке вещей и не вызывало особой реакции. Но однажды, наша рота была выстроена в ротной зале. Пронесся слух, что возмездие ожидает двух второклассников, избивших новичка. Перед затаившим дыхание строем появился директор. Гневным голосом вызвал он из строя виновных. Грозно звучала его речь, в конце которой голос директора возвысился до самых высоких нот.

— Портной, — крикнул он, — режь погоны!

Выросший как из-под земли портной громадными ножницами грубо, "с мясом" отхватил погоны осужденных... Мы были потрясены. Цель была достигнута — травля новичков прекратилась.

Пробыв у нас три года и достигнув результатов, видимо, оцененных высшим начальством, Лобачевскій был переведен в Москву директором 3-го корпуса. Великий Князь Константин Константинович в одном из своих писем так характеризовал Лобачевского: "В Орле... новый директор Лобачевский, угрюмый и суровый на вид, но добрейший человек. У него сразу все пошло прекрасно". Характеристика, очень верно передающая внешние и внутренние свойства Лобачевского.

Его сменил гвардейский артиллерист, окончивший Артиллерийскую академию, генерал-майор Роберт Карлович Лютер — тонкий, изящный, щеголеватый, с умным взглядом тонкого лица, в подусниках и с небольшой бородкой. Приятно было смотреть на него, когда, давая в 7-ом классе урок аналитической геометрии, он стоял у доски, как-то особенно покачиваясь на стройных ногах, облеченных в длинные брюки с широким генеральским лампасом. Преподаватель он

был нетребовательный и снисходительный. Таким же он был и директором, сумевшим, однако, без излишней строгости, в мягких перчатках, управлять корпусом, который, впрочем, был уже должно направлен его предшественником. Лютер уже не проявлял кипучей энергии, которая отличала Лобачевского; он стоял дальше от кадетской жизни, но почему-то пользовался кадетской симпатией в большей мере, чем Лобачевский.

Об экономах — в звериадах буквально всех корпусов пелось одно и то же:

Прощай ты, жила-эконом,
Грабитель пирогов и булок,
На них построил себе дом,
Фасадом в грязный переулок.

Поэтому мы все были убеждены, что и наш эконом "жила", то-есть жулик, и на черенках вилок нередко можно было встретить вырезанную ножом надпись какого-нибудь "грамотея" — "иконом жила". Но занимавший у нас эту должность Иван Иванович Иванов, гномообразный человечек, заросший черной бородой чуть не до глаз, — никаким "жилой" не был, а являл тип очень старательного военного чиновника из кантонистов. Однако, такова уж была выработанная десятилетиями традиция: эконом должен быть "жилой", и мы так на него и смотрели. Я помню, до чего удивлялся один мой приятель, во время каникул попавший в пустой и затихший корпус, что эконом, накормив его на славу, сказал ему:

— Это мой долг — накормить кадета...

Из поколения в поколение, учителя иностранных языков, в особенности немцы, несли с собой представление о чудачествах, и каждое кадетское поколение, имея разных "немцев", повторяет о них почти одинаковые анекдоты. Например, наш немец Василий Федорович Ферхов, изобличая кого-нибудь в шпаргалѣстве, неизменно восклицал: "Голь на выдумки хитра!", тем самым подтверждая традиционное пристрастие русских немцев к русским пословицам. А другой немец, Ауссем, длинный и худой как жердь, с изможденным лицом, неизменно попадался на кадетскую удочку, когда хитроумный Плужников в начале урока преподносил ему от имени класса апельсин или яблоко для внучки преподавателя, и последний, прослезившись, пускался в сентиментальные излияния, забывая об уроке. Иногда удавалось втянуть Ауссема в воспоминания о франко-прусской войне, участником которой он был, и этим самым оттянуть неприятный момент вызовов.

Г. Месняев

(Продолжение следует).

Фарфоровая кокарда

(Окончание).

Сегодня 25 декабря. Рождество. Уже начинает темнеть восток и сереет белая степь. Два рельсовых пути бегут на юг. С утра мы идем по шпалам, неся чемоданы на палках. Молчим. От усталости, от голода, от отчаяния, которые начинают нами овладевать.

Где же фронт? Ведь есть же фронт? Должен быть... На юге, уже совсем близко, по нашим расчетам, должны быть белые, "кадеты", как их называли наши хозяева в комендантской комнате на Долинской. Говорят, что они в Пришибе, а Пришиб — ближайшая станция. Вот-вот появится разъѣзд, или мы сами наткнемся на заставу, на окопы ,на то, что в нашем представлении, представлять собой "фронт". Но бескрайная, сереющая от падающих на нее сумерек, степь пустынна. Ни человека, ни животного, ни дымка.

"Рождество Твое, Христе Боже наш..." — и вдруг понимаю эту сказочную пустоту. Ведь сегодня Рождество... Вспоминаю вчерашнего мужика, так радушно принявшего нас вчера вечером, в Сочельник, и не накормившего даже сегодня утром — "идыть єоби, идыть". Нет. Нам совершенно невероятно везет. Комендантская комната в Долинской, спасительная лень Верблюда на Кичкасской переправе, — а как мы его ругали. — Свисток паровоза на вокзале в Александровске, Сочельник в махновском селе. Ведь будь это не 24 ,а 23 декабря, наш хозяин выдал бы немедленно нас махновцам. А сегодня Рождество, и "народная армия" пьет самогон по теплым хатам. Из всех сил стараюсь уверить себя, что это так. Невероятно, но так.

Может быть, все же подождать до ночи, чтобы перейти самую опасную зону? Но в голой степи ночью мы будем видны как на ладони. И негде спрятаться. И когда мы проходим мимо каждой железнодорожной будки, страх сковывает сердце. Где же быть патрулю в морозный декабрьский день, как не в теплой будке? И почему мы одни? В двух вагонах, вышедших вчера из Александровска, было человек сто. Ну, конечно. Пленые, все здешние крестьяне, пошли сельскими дорогами. Им ничего. Их накормят, а они расскажут про плен. Драгунский поручик тоже исчез. Последний раз мы видели его в Бурчатске, перед тем как двинуться в село.

Четыре рельсы уходят на юг, прямые, как натянутые струны гитары. Там где-то наша судьба. И она должна рѣшиться уже скоро. Вот в белесой степи зачернели постройки. Это может быть только Пришиб. А в Пришибе — белые. И перед белыми — фронт. Вот... где-то совсем близко. Мы молча переглядываемся и уменьшаем шаг. Идут минуты, стучат по шпа-

лам каблуки, и все меньше шпал остается до судьбы.

Вот и она, наконец. Слева, в версте от полотна, показываются конные фигуры. Сразу мы их не заметили из-за падающих с востока сумерек. Там, на западе, низкое солнце, вот-вот спрячется за горизонтом. Пока же, своими последними лучами, оно освещает пять всадников. Они кажутся черными на серорозовом вечернем снегу. Вот заметили нас... Пошли рысью к полотну железной дороги. До судьбы осталось несколько минут.

Неужели все, что мы пережили за эти дни, было напрасным?

Там, в пугачевской комендатуре, мое появление и ошеломляющий рапорт произвели такое же впечатление, как появление курьера в последней сцене "Ревизора". На минуту все окаменели. Потом кто-то сказал: "Н-да". Широко открытые глаза фельдфебеля Антонюка вдруг сердито моргнули.

— Ну, и что да? Присаживайтесь, господин кадет, — он так и сказал "господин кадет".

— Самогончику с морозца? — Он плеснул мне мутной, желтоватой жидкости в стакан.

— Ученики это. Не понимаете, что ли, дурни?

Через полчаса мы были совершенно пьяны. Леуса и Газнева привели, еле разыскав их в отхожем месте. Шли они, как на казнь, несмотря на уверения их провожатого. Только после самогона поверили в чудо. За нами ухаживали наперебой. Нас поили, кормили салом и консервами, расспрашивали. Только от нас они узнали о сдаче Харькова петлюровцами. По всей видимости, все их симпатии шли к большевикам, но как только кто-либо из наших жутких хозяев пытался заговаривать на политическую тему, фельдфебель резко его обрывал.

— Говорю тебе — ученики! Что они в политике понимают? Отстань от хлопцев.

Мы заснули пьяные, сытые и счастливые, на вещевых мешках и вонючих тулупах в комендантской. Утром нас снова кормили и поили, и мы выехали, очень навеселе, часа в два, на Никополь. Повезло и с поездом. Проходил случайно, как все было случайно в то время. Нас всадили в вагон, дали денег, консервов, даже бутылку самогона. В кармане Газнева был пропуск, заменяющий одновременно билет. Жаль, что я не посмотрел на подпись. Так и не знаю до сих пор, кому мы тогда были обязаны жизнью. Был ли это действительно царский фельдфебель, вспомнивший еще недавнее прошлое? Может быть, сын его ротного, маленький кадетик, приходил тайком к его жене фельдфебельше лакомиться пирогами с капустой? Возможно, что это был сам грозный Григорьев, восемь месяцев спустя застреленный Махно, которому успел нанести сабельный удар по лицу. Уж очень "хлопцы" ему повиновались, да и по описаниям, которые я слышал позже, наш "фельдфебель" на него походил...

Весь день 23 декабря мы ехали к Днепру. Вечером должны были быть в Александровске. Дальше? Неужели же нам перестанет везти? Там будет какой-нибудь поезд на юг. Вот и будем в сочельник дома. Но поезд остановился у Кичкасского моста. Мост был взорван. Его изуродованные фермы чернели в вечерних сумерках. Сотни людей из поезда устремились к мужикам-лодочникам, превратившимся в перевозчиков. Газнев торопил:

— Идем, ребята, может быть, будет сразу поезд.

Но Верблюд протестовал.

— Хочу спать, да и лодки не найдем сегодня.

Внизу бурлит в темноте Днепр, только что прорвавшийся через пороги. Холодно, темно, жутко. На том берегу слабо мерцают огоньки.

— Эх, пусть будет по-Верблюжьи.

Все же мы ругаемся из принципа.

— Вот, троглодит ленивый! Ему бы только жрать и спать, скотина!

"Триглодит" протестует, заикаясь от волнения и негодования.

— А сами не жрете, сволочи? А кто лишнюю порцию самогона выпил? Кто?

— А ты не спи.

— Значит, заснуть нельзя, чтобы собственые друзья не обжулили?

— Ты поосторожнее с жуликами.

Спим в хате рыбака и утром отдаем ему последние деньги из бессрочной ссуды, которую нам выдал в долг в Долинской наследник Разина и Пугачева. Вокзал в Александровске совсем близко от берега, но берег крутой и высокий, и мы долго подымаемся по досчатым ступенькам лестницы, таща наши тяжелые чемоданы. И сразу, поднявшись, увидели дымящийся паровоз, повернутый к югу, и толпу людей около двух вагонов. Минуя вокзал, мы побежали через пути к вагонам, спотыкаясь о рельсы, увязая в щебне балласта, замирая от страха, что вот-вот паровоз свиснет и плавно двинутся рычаги колес. На ходу мы влетели в первую теплушку, уже наполненную людьми в знакомой нам черной форме военнопленных. Нас тащили за руки, принимая чемоданы, люди, казавшиеся обитателями другой планеты. Услужливые, вежливые, доброжелательные, готовые поделиться последним, и оттого казавшиеся какими-то юродивыми и ненормальными на жестоком фоне революционых лет. Уф...

— Что вы, товарищи, матросами будете?

Кто это говорит? Перед вагонами стоит солдат без погон с винтовкой и примкнутым штыком. Спрашивает он, и, не давая себе времени подумать, я бросаю ему:

— Какие матросы? Мы — кадеты.

Последние слова вылетают из моего горла уже как-то автоматически, так как я соображаю вдруг весь ужас положения. Ведь это часовой. И он нас назвал товарищами, значит? Но парень растерялся. Повидимому, колеблется. Не шутит ли с ним этот мальчишка в матросской шинели? Должно быть, я побледнел, так как он вдруг решается:

— А ну-ка, слазьте, товарищ! Документы покажите. Но вдруг весь вагон закричал, затопал ногами. Кулаки повисли в воздухе.

— С.... жить людям не даете! Оставь пацанов! Мы тебе покажем документы!

Люди с другой планеты горели дореволюционным негодованием.

— Царя сбросили и жрать старым солдатам не даете...

Не знаю, что было бы дальше? Решился бы махновский часовой (мы вскоре узнали, что в Александровске "сидел" предводитель одной из махновских шаек, будущий дивизионный генерал Красной армии, Апанасенко), поднять тревогу, но паровоз весело свистнул, и мы вдруг поехали. Очень возможно, что машинистр, свидетель происходившей сцены, ускорил отход поезда.

Сегодня 24 декабря — Сочельник. В уме подсчитываю: до Федоровки 90 верст. Будем там часа через четыре. От Федоровки до Большого Токмака — часа два. Если будет поезд, конечно. Во всяком случае, позвоню своим с Федоровки Токмакской. Если не будет поезда, могут прислать за мной моторную дрезину. Недаром же я племянник управляющаго дорогой и сын заведующего материальной частью (должность, которую занимал в гетманские времена мой отец, кадровый артиллерийский полковник). Газнев и Леус поедут дальше. Но едва ли успеют доехать до Симферополя сегодня. Мне страшно хочется их пригласить в Токмак на Рождество. Маленькому двоюродному брату Сереже, конечно, сделают елку. Будет весело, тепло, сытно. И мы сами будем в кадетских мундирах, совсем "тонными". И поразим "тоном" маленькое еврейское месточко и железнодорожный поселок около станции. Но, увы, все это только мечты. Выясняется, что поезд идет только до первой станции, Канкриновки. Дальше — "кадеты". Пленные возмущаются. "Кадет" они никак не боятся, как ни стараются их запугать на каждой пересадке григорьевские и махновские коменданты. Мы тоже не боимся "кадет". Но если они где-то там, на юге, то ранее должен быть "фронт". Это уже хуже. Какой-то военный, одетый в хорошо пригнанную шинель, нас пугает: там кадеты — монархисты. Вас по головке не погладят. Он, видимо, делает вид, что считает нас матросами, и испытующе смотрит в глаза. Должно быть, офицер. Но после Александровского вокзала предпочитаем себя больше не выдавать. Матросы, так матросы.

В Канкриновке вылезаем вместе со всеми. "Фронта" здесь не видно, и, вобще, кроме железнодорожников, никого нет. Часов двенадцать дня. До темноты нужно пройти как можно больше. Федоровка — пятая станция, и до Федоровки еще 65 верст. Решаем пройти их в три дня. Нашли длинную и толстую палку для чемоданов. Их три и они довольно тяжелые. Несем по-очереди. То-есть, двое несут чемоданы, а третий отдыхает. Ужасно неудобно вначале идти по шпалам: ступать через шпалу слишком удлиняет шаг, не переступать — слишком коротко для нормального человеческого шага. Кое-как приноравливаемся и вырабатываем необходимый ритм. В этот первый день мы не одни. Большинство пассажиров нашего "коровьего" экспресса растягивается длинной черной лентой по полотну. Вот кто-то нас догоняет. Это наш старый знакомый, драгунский штаб-ротмистр из Кременчуга.

— Если будете когда-нибудь в Александровске, — начинает он, даже не здороваясь — найдете под шкафом буфета первого класса пару шпор с малиновым звоном. Вчера туда их забросил. — И рассказывает, что ночью махновцы Апанасенко обыскивали пассажиров, уводили подозрительных и расстреливали где-то совсем близко, так как выстрелы слышались явственно. Один недостреленный приполз обратно, просил защиты. Но никто, даже пленные, не пошевельнулся. Махновцы вытащили его на перрон и прикончили. Сегодня утром пленые нас защитили. Может быть, потому, что было светло, все они были вместе и был только один часовой "народной армии" — оборванец без сапог? И да будет благословенна день Сережки Леуса, задержавшая нас на ночь на правом берегу Днепра. Наши матросские шинели обязательно привлекли бы внимание, а после успеха в Долинской я так же спокойно мог бы сказать, что мы кадеты. Вот сказал же сегодня утром, в Александровске.

— Ну, не стоит идти вместе, — говорит драгун и увеличивает шаг. Больше мы его не видели.

Слава Богу, мы поели на последние деньги в рыбачьей хате, но голод снова начинает давать себя чувствовать. Шпала за шпалой, сажень за саженью, верста за верстой. Серое небо, бесконечная снежная степь, мороз. До Федоровки идти два с половиной дня. Вот и молчим. Только иногда:

— Тебе, Сережка, к чемоданам. — Верблюд неисправим. Он и здесь старается словчить и обязательно спорит, доказывая, что у него еще, по крайней мере, пять минут ходьбы порожняком.

Вот зачернели станционные постройки, вырос в степи семафор. Это Бурчатск. После Бурчатска будет Пришиб, потом какая-то станция с немецким названием. А дальше Федоровка и телефонный звонок в Токмак. По вокзалу бродят пленные. Железнодорожников нет. В зале третьего класса разбиты окна, и на полу замерзшие кровяные лужи. Кто-то объясняет, что дня два тому назад нагрянули махновцы и через окна начали стрелять в освещенную залу, приняв пленных за отряд самозащиты немецких колонистов. У пленных светло-желтая повязка на черном рукаве, а колонисты большей частью в черных пальто и носят белую повязку. Вот и спутали. Подкрались к окнам, винтовками разбили стекла и открыли стрельбу. Были убитые и раненые. Из этого делаем два вывода. Во-первых, где-то близко уже отряды немецких колонистов, очевидно союзников "кадет". Во-вторых, махновцы сюда наведываются. Значит, оставаться на

вокзале опасно и нужно уходить еще засветло. А вообще, совершенно необходимо поесть, погреться и отдохнуть. Уже начинает синеть восток, и длинные тени телеграфных столбов сливаются с синеющим снегом. Справа от полотна, в полуверсте от вокзала, большое село. Мирные и уютные дымки подымаются из труб. Там тепло. Русский крестьянин никогда не откажет в ночлеге и куске хлеба. Кстати, в том же направлении идут наши спутники — пленные. Сворачиваем?
— Сворачиваем.

Спускаемся с полотна на санную дорогу. Идем долго, сначала полем, потом широкой деревенской улицей, не решаясь постучаться. Совсем уже падает вечер, зажигаются огни в маленьких окошечках, лают на все голоса собаки. Наконец, уже почти в другом конце села, стучим в двери самой бедной и неказистой хаты с тускло освещенным единственным окном.

Отворяет уже пожилой, ему лет 45-50, мужик. Здороваюсь с ним по-малороссийски, прошу позволения переночевать.

— Та щожь, входыть, хлопцы, — говорит он, както даже безучастно.

— Снимайте, черти, фуражки и креститесь, как войдете! — шепчу я моим спутникам. Оба они "городские" и могут не знать деревенских нравов.

Хата бедная, старая, темная. Без традиционных на Украине лавок вдоль стен. Только угол с иконами ее украшает и придает уют. Зато тепло, божественно тепло. Молчаливая баба, повидимому жена хозяина, смотрит на нас без любопытства. Сколько до нас побывало здесь таких же прохожих, с тех пор как стала железная дорога? Зато, когда мы сняли шинели и оказались в галунных мундирах, хозяева наши стояли минуты две молча, с открытыми ртами. Слава Богу, мундиры были без погон. Но все же, в бедной, продымленной хате мы должны были казаться нашим хозяевам чем-то совершенно необыкновенным. Когда уж мы лежали на соломе, Сережка, давясь от смеха и, по обыкновению, заикаясь, сказал шопотом:

— Они нас за Святую Троицу приняли.

Я изо всех сил хватил его локтем в бок. Но до этого мы ели сало и рождественский взвар, пили самогон, курили зверскую по крепости деревенскую махорку. Хозяева молчали. Внезапное посещение их хатки тремя Лоэнгринами их совершенно озадачило. Не знаю, о чем думал ночью наш хозяин и до чего он додумался. Только разбудил он нас ранним утром.

— Идыть соби, идыть. — Не дал ничего поесть.

— Идыть скорийшь. — Попросить мы постеснялись. На улице был свирепый мороз, и только-только начинал сереть восток. Все было пусто, и даже не лаяли собаки. Начинали петь петухи, и кое-где топились уже печи.

Мы поднялись на полотно и зашагали по шпалам. До Пришиба двадцать верст — шесть часов ходьбы. Уже было совсем светло, когда мы постучались в железнодорожную будку и попросили поесть. Еще молодая и привлекательная женщина дала нам по чашке молока и по краюхе хлеба.

— Сегодня людей не видать на линии, — сказала она. — Рождество. По хатам сидят, празднуют.

Не спросила :почему не празднуем мы?..

И действительно, сегодня полотно железной дороги было пустынно. На версты и версты, вперед и назад, не было видно ни живой души. Только мы втроем, с чемоданами на палках. Шли часы, отсчитывались шпалы и версты, незаметно проходил Рождественский день.

Всадники приближались. Уже ясно можно было различить их одежду, масть лошадей. Всего их пять Трое в черных бурках, другие в желтоватых полушубках. Винтовки за спиной. Но вот они их снимают. Что-то кричат, но мы их не слышим и продолжаем идти. Останавливаются саженях в пятидесяти от полотна, машут руками, делая знак, чтобы мы приблизились. Спускаемся с полотна в глубокий снег, вместе с чемоданами. Снег глубокий только у насыпи, дальше поле с замерзшими и чуть запорошенными кочками.

Видно уже, что на полушубках погон нет. У белых должны быть погоны. Вот металлически щелкнули затворы. Кричат, и уж слышно.

— А ну, живей!

Один из них без винтовки, повидимому старший. Идем прямо на него, и кажется — нет больше ни мыслей в голове, ни крови в жилах. Слышно только, как бьется сердце.

Старший в бурке и низкой серой папахе. Он смотрит на нас с любопытством и враждебностью, помахивая нагайкой.

И только когда осталось несколько сажень до группы, я вдруг различаю утонувшую наполовину в сером каракуле папахи овальную фарфоровую офицерскую кокарду.

Евгений Яконовский

Атаманское военное училище под Каховкой

(1920 ГОД)

Понимающий задачу
В роте, взводе и звене
Не потерпит неудачу
В жарком деле, на войне.

(Из военной песни).

После смерти своего начальника, генерал-майора Семенченкова, Атаманское военное училище, в составе двух сотен, вышедших из Новочеркасска, было сведено с Донским военным училищем, сформированным окончательно уже в Евпатории, в Донской Пластунский юнкерский полк, командованием коим принял генерал-майор Максимов.

Чередуя занятия с несением различных служебных обязанностей, Донской Пластунский юнкерский полк очутился в июлѣ 1920 года в городе Мелитополе. Артиллерийский отдел был откомандирован в Саки.

В один из душных вечеров раздался сигнал тревоги. Перед строем юнкеров, застывшим в полной боевой готовности, генерал-майор Максимов прочитал только что полученную из Штаба Главнокомандующего почто-телеграмму. В ней говорилось, что армія Фрунзе начала переправу через Днепр в районе Каховки с цѣлью захвата Чонгарскаго перешейка и отреза таким образом от Крыма наших корпусов, дравшихся в Таврии. Главнокомандующий приказал Донскому Юнкерскому полку немедленно выступить из Мелитополя и, вместе с корпусом генерала Барбовича, овладеть фланговым ударом Каховской переправой на Днепре. Генерал Слащев, ожидая подхода генерала Барбовича, должен был со своей пехотой принять удар сорокатысячной армии Фрунзе и оттягивать ее на Перекопские позиции. По занятии Каховки группой генерала Барбовича, генерал Слащев должен был сбить противника и гнать его к северу. Таким образом, вся армия Фрунзе оказалась бы взятой в мешок на Каховском плацдарме.

Юнкера разместились на крестьянских подводах и тронулись в путь. Сейчас же налетела большая гроза и бушевала почти всю ночь. С утра снова стало жарко. От беспрерывнаго движения и полного отсутствия воды стала мучить жажда. Юнкера поддерживали себя и лошадей арбузами. Степь лежала вокруг ровная, безлюдная и раскаленная солнцем. Наконец была назначена остановка в большой слободе. Она уже была занята подошедшими частями генерала Барбовича.

На рассвете, во всех концаѣх слободы послышался сигнал сбора. Войска выступали дальше. По улицам медленно проходил в конном строю хор трубачей дивизии Барбовича и играл незабвенный сигнал:

"Всадники-други, в поход собирайтесь,
Радостный звук вас ко славе зовет..."

Солнце подымалось веселое, на розовом востоке. Вдруг, где-то высоко, в нежно-голубом небе послышался звук мотора. К слободе приближался медленной светлой точкой аэроплан. Он, видимо, внимательно рассматирвал местность. Скрыть от него наше передвижение в открытой степи было, конечно, невозможно, поэтому части продолжали путь, вытягиваясь длинной колонной по дороге. Где-то слышались одиночные выстрелы из винтовок. Истребитель, описав небольшую дугу, взял направление вдоль дороги и пролетел над нами.

— Проклятый, подсчитывает наши силы... Чего доброго еще польет из пулемета или хватит по нас бомбами... — заметил кто-то из юнкеров.

Действительно, немного спустя, над головой послышался свист приближавшейся бомбы. Она разорвалась невдалеке от дороги, за нею грянули и другие разрывы. Аэроплан стал набирать ходу и, оставив нашу колонну, быстро исчез из виду.

— Теперь держись, — говорили юнкера, — через четверть часа большевики будут знать все о нашем движении.

Настроение становилось напряженным и тревожным.

Около полудня, впереди и немного влево от дороги, стали слышаться глухие орудийные выстрелы. По мере нашего продвижения, они становились яснее. Мы подходили уже к зоне боя. Гул орудий начал доноситься и справа. Вдруг колонна замялась: впереди что-то происходило. На горизонте, около дороги, появились черные столбы разрывов. Кто-то сказал, что тяжелая артиллерия красных, стрелявшая с высокого берега Днепра в сторону Перекопа, теперь переносит огонь на нас. Видимо, мы подошли уже к пристрелянным рубежам, а летчик оповестил свое командование о появлении нас в степи.

Чем ближе мы подходили к шедшему впереди бою, тем метче ложились снаряды красных. Уже были попадания. Стали продвигаться небольшими группами, проходя вскачь наиболее опасные места. Легкая возвышенность еще скрывала от взора происходившее в равнине Днепра. Пули роями уже проходили над головой. Сзади, справа, подходили на рысях эскадроны кавалерии Барбовича. Впереди них, на пиках трепетали кирасирские флюгера. И вот, с возвышенности сразу открылся весь бой: менее чем в версте от нас, медленно отходил крайний левый фланг красных и отстреливался на ходу от наседавшей на него слащевской пехоты. Впереди намечалась лента Днепра, над нею ровный высокий берег, ближе к нам тополя Любимовки и Каховки. Рядом, обходя нашу колонну, на дороге выравнивалась галопом конница. Схватив момент, она перешла в карьер и бросилась на красных.

— Вторая Донская дивизия... Дивизия скорой помощи! — пронеслось у юнкеров. — Смотрите, это, кажется сам Чапчиков впереди...

Как оказалось потом, эта блестящая атака окончилась полной неудачей. Красные успели построить каррэ и залпами в упор отбили ее. Казаки, понеся тяжелые потери, были принуждены повернуть обратно. Цепи красных благополучно прошли рядом с ними и исчезли под прикрытием Каховских позиций и батарей.

Вторая сотня Атаманского военного училища, где я был взводным портупей-юнкером, рассыпалась в цепь и пошла к Днепру. Сухая жара была нестерпима. Жажда мучила всех, но нигде не было ни капли воды. На ходу от солнечного удара начали падать или выходить из строя юнкера. Оставшиеся смыкали цепь и шли дальше. Нас обстреливали, но потерь еще не было. Неожидано, со стороны, появилась бочка с водою. Юнкера мгновенно окружили ее. Неизвестно, что произошло бы вокруг этой бочки, если бы не капитан Терлецкий, ставший около нее с наганом в руке. Мгновенно образовалась очередь — каждый юнкер получил кружку свежей воды.

Был уже вечер. Не дойдя до Каховки, мы остановились. Общего положения никто, как это всегда бывает, не понимал, и только когда сотни отошли назад в небольшой хуторок, стоявший на тракте из Армянска в Каховку, дошел слух, что план, задуманый генералом Врангелем, был сорван генералом Слащевым. Говорили, что Слащев, уверенный в своей дивизии, решил разгромить красных сам, не дожидаясь захвата переправы у Каховки генералом Барбовичем. Большевики, своевременно оповещенные воздушной разведкой о подходе белых с востока к Днепру, разгадали маневр нашего командования. Красные бросили Перекопское направление и стали быстро отступать к Каховке. В результате вся армия Фрунзе, в полном порядке, вышла из готовившегося ей окружения, буквально на наших глазах.

Наступила томительная пора ожидания. Фронт установился где-то недалеко от хуторка. За линией ближнего горизонта, скрывавшей от взора долину Днепра, все время гремели орудийные выстрелы и доносилась перестрелка. Изредка, ближе к хуторку, разрывались снаряды тяжелой артиллерии противника. Было голодно. Юнкера собирали в поле недозревшую кукурузу, пшеницу и ели их. Жара стояла такая же сухая и нестерпимая. Воду пили грязную, перемешанную с глиной, из единственного колодца. Около него день и ночь толпились люди и лошади.

Как-то утром в небе появился неприятельский аэроплан. Наши трехдюймовки начали обстреливать его, но шрапнели рвались неудачно, и аэроплан с большой высоты продолжал спокойно свою рекогносцировку, кружась над хуторком. Потом послышался звук падающей бомбы, за ним другой... В поле, в стороне полевого госпиталя, взметнулись разрывы.

—Попал... прямо в перевязочный пункт! — крякнул старый казак. Действительно, на перевязочном пункте была заметна суматоха.

В это время, на дорогу, около колодца, выбежал солдат и стал быстро копать яму. Потом он убежал и вернулся с осью от телеги. Укрепив ее в яме, солдат положил сверху колесо и с улыбкой крутнул его.

— Готово, господин поручик! — крикнул он в сторону.

Из соседнего двора появился пехотный поручик в очках с маленькой пушкой в руках. Это была 37-миллиметровка Гочкиса. Солдат и офицер быстро приладили пушку к колесу. Поручик присел и, поворачивая колесо, начал нащупывать истребителя. Еще несколько мгновений, и грянул выстрел. Снаряд разорвался рядом с аэропланом, маленьким белым облачком. В несколько минут аэроплан оказался окруженным разрывами из этой пушки Гочкиса. В конце концов, истребитель бросился в одну сторону, потом в другую, не выдержал и, круто повернув обратно, стал удаляться к Днепру.

— Браво! — крикнули юнкера близорукому поручику.

— Ишь ты... Хороша русская голова... здорово придумал господин офицер, — пощипывая бородку, добавил старый казак, стоявший с лошадьми у колодца.

Бой шел беспреывно по всей Каховской равнине. В один из этих дней наша сотня была вызвана на позицию. Полуденная жара начинала спадать. Выйдя по дороге из хуторка в сторону Каховки, мы вскоре же попали в полосу боя. Продвигаясь несколькими цепями к противнику, мы укрывались за небольшой складкой местности. Пули проходили пока высоко. Артиллерия красных еще не заметила нас. Цепи шли хорошо и поддерживали равнение. Командир сотни, капитан Жуковский, шел невдалеке от меня. В легкой мгле приближавшегося вечера его смуглое лицо, обрамленное черными вьющимися волосами, и светлые глаза как-то странно поразили меня, — словно на нем легла какая-то особая тень...

С возвышенности впереди открылась Каховская равнина. Мы вышли вправо в одну цепь, упираясь левым флагом в Каховский шлях. С другой стороны от него была расположена первая сотня нашего училища. Сотня капитана Жуковского залегла вдоль небольшой проселочной дороги, подходившей почти под прямым углом к шляху. Невдалеке оказалась батарея. Через наши головы она пристреливалась по красным. Большевики отвечали, но снаряды рвались далеко позади. Ружейный обстрел шел оживленно справа и слева. Мой сменный по Новочеркасску офицер, штабс-капитан Пименов приказал окопаться. В это время с батареи прибежал ординарец. Увидев штабс-капитана Пименова ,он передал ему:

— Командир батареи требует, чтобы юнкеров убрали с дороги. Дорога пристреляна красными. Они нащупывают батарею... — и он убежал обратно.

Артиллерийский огонь красных учащался. На дороге, шагах в тридцати, кучка юнкеров, сидя на корточках, налаживала пулемет. Передо мною лежал юн-

кер Фомин. Подняв голову, он с любопытством смотрел вперед.

— Ваня, — успел я крикнуть ему, — опусти голову и окопайся! — К нам подходил веер пулемета. В тот же момент за Днепром бухнули две пушки.

— Пулеметчики, ложись! — бросил я вправо. По сверлящему, между бровей, звуку приближавшихся снарядов было ясно, что они были предназначены нам. И сейчас же грохнуло рядом, впереди, почти в тот же момент справа. Перед глазами взметнулась высоко черная завеса... Сбросив с себя землю и ощупав тело, я взглянул перед собой, — Фомин, совершенно черный от грязи и дыма, смотрел на меня: справа на месте пулемета было пусто. Я бросился туда. На дороге, в разных позах, лежали раненые юнкера. Первый вскочил юнкер Минаев. Узнав меня, он закружился на месте и застонал.

— Я убит, господин портупей-юнкер... Жжет... Не могу больше...

На лбу у него была большая шишка — раскаленный осколок гранаты как-то необычайно скользнул по его голове и застрял под кожей.

— Передать по цепи — санитаров на правый фланг второй сотни...

Потом с земли поднялся и бросился ко мне юнкер Табунщиков. Он зажимал рукою шею под ухом. Между пальцами била несколькими фонтанами кровь из перебитой сонной артерии. Юнкер Рубанов, получивший несколько десятков осколков, лежал без сознания. Тут же тяжело дышал окровавленный Янюшкин. Рядом с ним, в пыли, я подобрал половинку его перебитой коленной чашки. Сестра Наташа, в белом халате, не взирая на огонь, быстро появилась в цепи. Раненых погрузили и отправили в тыл. После этого сотню подняли и перевели вперед, под прикрытие еще несжатого кукурузного поля.

Некоторое время спустя, штабс-капитан Пименов указал немного впереди и справа маленький бугорок. Его отделяла от моего взвода лощина, шедшая прямо к противнику, шириною в несколько сот шагов.

— На этом бугрѣ, — сказал Пименов, — стоит пулемет Слащевской дивизии. Он слишком выдвинулся вперед и оказался без всякого прикрытия. Большевики сильно обстреливают его и все, что появляется в лощине. Красные совсем близко. Вы переведете ваш взвод одиночным порядком в распоряжение командующаго офицера, пока вас не отзовут. С Богом!

Объяснив моим юнкерам задачу, я махнул первому:

— Полным ходом, пошел!

Юнкер бросился бегом по скату лощины. Как только он оказался на дне ее, со стороны большевиков застрочил пулемет, и выстрелили две пушки. Юнкер благополучно добежал до противоположного края лощины и укрылся за бугорком.

— Следующий...

Поодиночке, юнкера скатывались и перебегали страшную лощину. По каждому из них красные проводили пулеметную очередь и посылали две гранаты. Дошла очередь до Трунева. Он успел недавно потерять фуражку и защитный френч. В белой рубашке, он представлял собою очень заметную цель, и я боялся за него. Трунев начал спускаться вниз. Сейчас же пулемет красных открыл по нем огонь. Пули под ногами Трунева рисовали светлую ленту пыли.

— Беги! — крикнул я ему, но Трунев продолжал идти спокойно, разсматривая красных прищуренными на солнце глазами. Посередине лощины он остановился и посмотрел в мою сторону.

— В чем дело? — донесся его возмущенный голос.

Со стороны красных грянули две пушки. У меня захватило дыхание... Снаряды разорвались одновременно, рядом с Труневым. Когда разошлись дым и пыль, Трунев оказался стоящим на месте и смотрящим на меня.

— Дурак! — крикнул я ему и махнул рукой.

За бугорком я нашел весь мой взвод. Явившись к поручику, командовавшему пулеметом, я остался с ним до темноты. Этот был тот самый офицер, который накануне так удачно отогнал истребителя красных из своей маленькой пушки Гочкис, геніально приложенной к простому крестьянскому колесу. Много позже, в темноте, наш взвод был отозван. Мы присоединились к сотне. Смертельно хотелось есть, но под рукой ничего, кроме сырой кукурузы и колосьев пшеницы, не было. Откуда-то в цепи появились арбузы. Оказывается, юнкера открыли их в большой скирде, находившейся позади, в поле. От голода и жажды юнкера набрасывались на принесенные арбузы. Но это быстро прекратилось. Снаряд красных случайно попал в скирду и поджег ее. На фоне пламени силуэты юнкеров были замечены противником, который сразу усилил огонь. Так прошла вся ночь. Из полевого охраненія доносили, что разговоры красных слышны очень отчетливо.

Наступал рассвет. Кто-то сообщил по цепи новость: одна из частей, расположенных правее нас, без всякого разрешения, отошла ночью версты на полторы назад, обнажив таким образом фронт. К счастью, большевики заметили это только на восходе солнца. Быстро, по всему фронту, оживилась перестрелка. Потом заработала артиллерия красных и стала очень метко забрасывать нас снарядами. К счастью, довольно много их не разрывалось. Нависла угроза обхода через прорыв. Вторая сотня Атаманского училища начала отход. Большевики усилили огонь и повели наступление. Мы отходили в порядке, отстреливаясь. Навстречу подходила сменявшая нас пехота Слащева. Она шла в контр-атаку. Я невольно залюбовался этими людьми. Они шли совершенно спокойно, на очень больших интервалах, покуривая, перекидываясь словами, постреливая вперед. Пройдя нас, они начали затягивать прорыв справа. Красные сразу перенесли весь огонь на них.

Иван Сагацкий.

(Окончание следует).

Песня третья *(Отвальная)*

(Из "Саги о Лейфе Удачливом, женихе Ярославнином").

Позади, — за кормой моего корабля, —
Исчезает в тумане земля...
Впереди — неприветное море
Катит волны седые свои...
И бегут в неоглядном просторе
За незримые нам кругозоры
Окрыленные ветром ладьи...
Что стелящийся ниц фимиам,
В вечно зыбком и плещущем храме,
Поднимается с гребней туман
И над всеми ладьями,
К смертной сече готовясь с врагами,
С белых стягов грозящий когтями,
Вьется по ветру Северный Вран....
Наши скальды, у мачты присев,
Затевают издревние саги
Про Вотана и облачных дев
И напеву их вторят варяги.
И звенит стародавний напев
В сонном рокоте стонущих лютен...
И напев этот сладостно смутен,
Неумолчен, суров — и созвучен
Непрестанному скрипу снастей,
Свисту ветра меж гнущихся рей,
Стуку весел в проемах уключин.
Ветер крепнет. Грознее вскипают валы.
Даль темнеет. Пылают над морем зарницы.
Провожавшие нас прибережные птицы
Ворочаются вспять... Лишь морские орлы, —
Буревестники, мощными рея крылами,
То скользят над водой... то взовьются над нами,
В низких тучах исчезнут, к волнам припадут
И смеются... и плачут... и бурю зовут.
Буря хлещется ливнем, слепя кругозоры.
В дикой пляске, зеленые водные горы
Разверзаются бездной под грудью морей.
Напряженный порывной, ветровою ночью,
Парус наш, разодраться готовый на клочья,
Рвется с мачты, из плена гудящих снастей.
Табунами морских разъяренных коней,
Развевающих по ветру пенные гривы,
В злобном свисте, шипеньи, и ржаньи, и визге,
Рассыпая соленые брызги,
Бьются о-борт зыбучие груды громад.
В блеск пылающих молний,
В громовые разрывы,
Сквозь кипящие волны
Наши струги летят.
Слава в море ушедшим!.. И борящимся — слава!
Слава струг свой ведущим недрожащей рукой!..
Слава в море погибшим, — приявшим по праву
В сагах — вечную память, в глыбях — вечный покой.

Н. М.

НА ЗАКАТЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ. *(Продолжение)*.

Выздоровление шло очень медленно. Доктор, заезжавший довольно часто, удовлетворенно кивал, пощупав пульс и измерив температуру, но начинал хмуриться после нескольких минут разговора с больным.

— Нельзя же так, батенька, — говорил он, укоризненно покачивая головой, — наша наука бессильна, если сам пациент не хочет помочь нам. А вы, ведь, прямо музейный экземпляр ипохондрика... Подбодритесь немного... Вы не так стары, можете еще пожить и поработать...

Сенявин слушал, слабо улыбаясь безобидному ворчанию доктора, которого он успел полюбить за теплое участие и доброту, но чаще всего лежал неподвижно, безучастно глядя в пространство. Убедившись, наконец, что прописанный им абсолютный отдых давал как раз обратный результат, предоставляя пациента своим мучительным размышлениям, доктор разрешил, наконец, Нате, заезжавшей справляться о больном, навестить его.

Сейчас Сенявин сидел в глубоком кресле, неведомо откуда появившемся в его каморке, а Ната, заботливо поправив плащ на его ногах, уселась рядом с ним на табуретке и начала рассказ о событиях последних недель... Если девушка была потрясена изможденным видом больного, то и Сенявин нашел в ней глубокую перемену. При той же заботливости и сердечном участии, проявлявшемся во всех ее словах и действиях, он отметил с тревогой исчезновение прежнего беззаботного смеха; прежнюю жизнерадостность, искрившуюся в ее глазах, сменила затаенная грусть. Из ее рассказа он узнал подробности событий, которые ей пришлось пережить в непосредственной близости и о которых он знал лишь из, подчас, карикатурного преломления городских сплетен в рассказах Марфы Фоминишны.

При имени Рылеева, ярко вспомнился молодой горячий голос, начавший читать "Оду к свободе"... но ни в рассказах Наты, ни в привезенных ею газетах не встречались имена двух генералов, ученого Павла Ивановича и прочих творцов "Российской республи-

ки"... Будучи, очевидно, более осторожными, они сумели остаться в тени, предоставив "энтузиастам" идти на риск вооруженного восстания.

Коротенькая заметка в светской хронике гласила о том, что хорошо известный в столичных кругах первый секретарь английского посольства лорд Витимор, получивший другое назначение, срочно покинул Петербург. Но нигде ни слова о Загряжском. Погруженный в свои мысли, Сенявин бессознательно задал вслух вопрос:

— А что же с Загряжским?

Ната слабо вскрикнула и, закрыв лицо руками, беззвучно заплакала.

— Что с вами?.. Вы плачете?.. — встревоженно спросил Сенявин, внезапно вырванный из своих размышлений. — Я невольно затронул больное место?.. Простите меня, ради Бога!.. Успокойтесь, детка милая!

Прошло несколько минут; плечи девушки перестали вздрагивать, и она, опустив руки, взглянула на него еще полными слез глазами. Понемногу, сбиваясь, отрывками она начала свой печальный рассказ.

Анатоль, появившийся у них несколько месяцев тому назад, в качестве дальнего родственника ее покойной матери, быстро завоевал расположение отца и стал своим человеком в доме. "Не знаю и сейчас, чем он так очаровал отца, но они сошлись очень близко и проводили целые вечера в каких-то таинственных беседах в кабинете, при закрытых дверях". Ната, со своей стороны, приняла его просто и радушно, как родного. Сначала он даже понравился ей, и полу-шутливое ухаживание блестящего молодого офицера льстило ее самолюбию. Однако, по мере более близкого знакомства, она обнаружила в нем черты характера, заставившие ее переменить отношение к нему и избегать его общества. Но чем более она отстранялась, тем настойчивее он искал ее близости. И, наконец, она поняла, что эти ухаживания поощрялись ее отцом.

— Неделю тому назад произошло то, чего я смутно боялась все это время... Отец объявил, что он дал согласие Анатолию, просившему ее руки... Все мои возражения, просьбы и слезы привели только к тому, что отец отослал меня в мою комнату с тем, что я выйду оттуда только к обеду в день моего рождения, пятнадцатого числа, за которым он и объявит официально о моей помолвке.

Девушка умолкла. После долгой паузы, она продолжала тихим упавшим голосом:

— Оставалось два дня... Тупое отчаяние сменялось часами горячей бессвязной молитвы... А время шло... Я знала только одно — что все мое существо восставало против брака с человеком нелюбимым... и не любившим меня... это я чувствовала ясно... И вот, настал этот ужасный день. Я вышла к столу, но отец не обратил на меня никакого внимания... Бледный, расстроенный, нервный он ходил из комнаты в комнату, не находя себе места... А вечером, когда дворецкий спросил, накрывать ли, как всегда, прибор для Анатолия Станиславовича, отец пришел в такое бешенство, какого я еще никогда не видала.

"Я не знаю его... Чтобы никогда больше не смели упоминать этого имени в моем доме", а на утро нянюшка принесла из людской слух, что Анатоль исчез из Петербурга неизвестно куда... Я ничего не понимаю, знаю только, что Господь спас меня в последнюю минуту...

Наступило долгое молчание... Изредка потрескивало полено в печурке... Тихим, назойливым звоном раздавалась где-то в углу песенка сверчка.... Ната опять тихо плакала. Чувствовалось, что несмотря на избавление на ее душе еще лежал какой-то гнет... Сенявин наблюдал с глубоким волнением это безутешное горе молодого существа, ставшего ему таким близким и дорогим. Невидимыми нитями протянулось это чувство к ее душе, пробуждая в ней доверие, желание высказаться, поделиться своими заветными мечтами... Понемногу она заговорила опять... Сердце ее давно уже не было свободно. Детская дружба, перешедшая незаметно в искреннюю молодую любовь... Сын соседа по имению... Андрюша Альский... Сенявин залюбовался ее лицом, вспыхнувшим счастливой улыбкой при упоминании дорогого ей имени... Но улыбка погасла опять.

— Отец никогда не согласится... Андрюша, по его мнению, мне не пара, хотя он и из старого дворянского рода.

— Знаю, — кивнул головой Сенявин, — и из старой морской семьи. Альские, как и Сенявины, Бутаковы, Головнины не переводились во флоте с Петровских времен, со дней Гангута и Эзеля.

— Андрюша тоже моряк, — продолжала Ната, — год тому назад он вышел в офицеры... Он все еще надеется... Но они бедны... А в глазах отца это самый большой, самый непростительный недостаток... Но неужели же только в деньгах счастье?.. — вырвался у нее страстный протест.

Сенявин не успел ответить. В дверь, не постучав, ворвалась Марфа Фоминишна.

— Митрий Миколаевич... Вас там енарал спрашивают... Важный такой... Со звездой и кавалерия через плечо... — тараторила она, задыхаясь от волнения, — и чудной... спрашивает, проживает ли здесь его превосходительство Митрий Миколаич... Я ему говорю, что действительно у меня на фатере стоит Митрий Миколаич, а енаралов у нас в доме отродясь не бывало. Народ здесь все бедный... Я ему толком говорю, а он, знай, свое: "Поди ты, грит, матушка, да спроси, могут ли их Превосходительство принять меня?.." Звать его, что ли? — и, не дожидаясь ответа, Марфа Фоминишна выскочила за дверь.

Ната схватила свою муфту, заторопилась.

— Я не буду мешать... Я заеду опять... на днях... да?..

— Конечно... Буду ждать вас... И не отчаивайтесь, детка, Господь милостив... Он даст вам счастье, ко-

торого вы заслуживаете... Заходите поскорее... поговорим еще об Андрюше...

В карих глазах мелькнула искорка прежней жизнерадостности.

— Спасибо, спасибо вам за ваше участие... До свидания... A bientôt.

На лестнице послышался густой, слегка картавящий бас:

— Passez donc, Mademoiselle, je vous en prie.

Стук в дверь ... В голове Сенявина пронесся вихрь мыслей. Что означало это посещение? Было ли оно в связи с его присутствием на собрании заговорщиков? Арест?.. Но для этого незачем беспокоить генерала...

— Войдите...

На пороге показалась немного тучная фигура генерала в полной парадной форме, при ленте и всех орденах. На плече блестели новенькие густые эполеты с вензелями.

— Разрешите представиться: свиты Его Величества генерал-майор Красновский... По случаю моего дежурства, на мою долю выпали честь и счастье привезти вашему превосходительству именной Высочайший рескрипт.

Высочайший рескрипт? Ему? Опальному, забытому? Какая-то ошибка, недоразумение... Сенявин смотрел на генерала широко раскрытыми, недоумевающими глазами. А тот, немного поколебавшись, положил свой кожаный портфель на табуретку и начал извлекать из него пачку аккуратно сложенных бумаг.

— Разрешите прочесть?

Сенявин поднялся, опираясь на ручки кресел.

— Ваше превосходительство... Вам, может быть, по состоянию здоровья, не следовало бы утруждать себя.

— У меня всегда хватит сил, — отвечал Сенявин окрепшим голосом, в котором зазвучала прежняя воля, чтобы выслушать стоя монаршую волю... Прошу, Ваше Превосходительство!

Генерал слегка откашлялся и начал, придав лицу торжественное выражение, своим немного грассирующим басом:

— "Нашего Балтийского Флота вице-адмиралу Дмитрию Николаевичу Сенявину... В воздаяние заслуг перед родиной Вашего Превосходительства, вписавшего в историю флота и России славные имена Адриатики, Афона, Тенедоса и Дарданелл", — читал генерал, — "сумевшего с честью вывести флот из небывало тяжелого положения в годину несчастья..."

Сенявин выпрямился... Господи... Наконец!.. После всех этих долгих лет забвения, униженья, отчаяния — впервые раздались слова справедливой оценки, признания его жертвенной службы России...

А генерал продолжал:

— "...и желая загладить невольную вину России перед вами... признали мы за благо... вернуть вас на службу, с производством во флота адмиралы и зачислением нашим генерал-адъютантом... Приказом по Флоту и Морскому Ведомству, сего числа отданным, назначаем вас Командующим Балтийским Флотом, в твердой уверенности, что нет более достойных рук, коим можно было бы вверить водительство оным..."

Сенявин стоял, потрясенный до глубины души... Слишком внезапным, нежданным был этот переход... Руки его, охватившие спинку кресла, слегка дрожали. Две крупных слезы навернулись на глазах и медленно скатились по исхудалым щекам.

Генерал перевел дух.

— "...пребываем неизменно к вам благосклонный..." —он сделал паузу и закончил:

— Далее собственой Его Императорского Величества рукою начертано: "...и любящий вас Николай".

Как сквозь туман видел Сенявин генерала, с поклоном передавшего ему рескрипт. Большим усилием воли он подавил охватившее его волнение настолько, чтобы следить за дальнейшими речами генерала, выкладывавшего на стол остальные бумаги.

— Копія приказа по флоту... Копія приказа по дежурству о зачислении в генерал-адъютанты... Копия высочайшего повеления о назначении аренды...

— Аренды? — недоумевающе переспросил Сенявин.

— Так точно... Я же читал Вашему Высокопревосходительству, — отозвался генерал с легкой укоризной в голосе и делая особенное ударение на новом титуловании, вот... в возмещение расходов, понесенных вами из личных средств на выдачу призовых денег офицерам и командам вверенной вам эскадры... назначается вам ежегодная аренда в размере 25.000 рублей... Срока не указано, — добавил он деловитым тоном. — Я навел справки — выдача за текущую треть может быть произведена теперь же...

Сенявин принимал бумаги и, не читая, складывал их в свой старый портфель. На столе остался один рескрипт. Он вынул свое старое прошение, взглянул на него безучастным взглядом и положил бережно в рескрипт. Те слова, что жгли ему душу, теперь побледнели, потухли, исчезли, как исчезают в море ночные туманы в победных лучах поднявшегося над горизонтом солнца...

Генерал, хранивший все время почтительное молчание, заговорил снова:

— Вашему Высокопревосходительству невозможно дольше оставаться в этой обстановке... особенно сейчас... после болезни. До приведения в должный вид предназначенной для вас квартиры в здании Адмиралтейства могу я просить вас оказать мне честь быть моим гостем? Нет, нет, не отказывайтесь, ваше высокопревосходительство. Квартира у меня казенная, большая, а я одинок. Вы согласны? Неправда ли, ко мне? Мы могли бы тотчас же отправиться. — Генерал замялся. — У вас не очень много вещей?

Сенявин улыбнулся, впервые после долгого, долгого времени.

— Нет, мои сборы не займут много времени, а мой багаж не наполнил бы и малого матросского чемодана.

Он снял висевший в углу небольшой потемневший образок — благословление матери, провожавшее его

во всех походах, — и положил бережно в портфель, взял из-за занавески плащ и фуражку... Генерал любезно отступил в сторону, пропуская его к двери. Сделав несколько шагов, Сенявин круто повернулся, подошел к столу и, выдвинув ящик, положил в портфель какой-то предмет... На пороге комнаты он еще раз обернулся и обвел долгим задумчивым взглядом эту убогую каморку, где так много было пережито, что сейчас даже становилось как-то грустно при мысли о расставании с ней... Сенявин повернулся к ожидавшему его генералу.

— Я готов, ваше превосходительство, следовать за вами.

М. фон-Кубе

(Окончание следует).

На московских бегах

(Окончание)

В этом призу ездоку, выигравшему его, кроме денег, давался большой золотой жетон, осыпанный маленькими бриллиантами. Таких выигранных жетонов у меня набралось уже достаточно, и я их дарил близким мне людям. Больше всего ими интересовался милейший "дядя Володя", мой учитель и друг. Он уже носил три подаренных ему мною жетона, но каждый раз, когда, выиграв, я получал новый жетон, он говорил: "А ну-ка, покажи, что ты заработал?" и разсматривал его со всѣх сторон. Жетоны эти, вообще, производили впечатление, так как были массивны и художественно сделаны. Наше Общество было богато и денег не жалело.

Накануне каждого бегового дня, в беседке производилась жеребьевка, которая начиналась в 10 часов утра. На нее приходил секретарь, и приносились закрытые урны, из которых вытаскивались номера, под которыми на следующий день шли лошади. Как это ни странно, но номера эти имели большое значение в нашей езде. Я, например, не любил, когда мне приходилось ворочать на старте направо, а особенно быть первым номером и ворочать на "ленточке". На жеребьевку я обыкновенно не ходил, так как еще работал лошадей в это время. Однако, когда записан был "Бисер", я отправился туда. Мне интересно было узнать моих конкурентов. Войдя в беседку, я увидел такую картину: впереди наездников стоял Петр Иванович и, смеясь, смотрел на меня. Остальные, улыбаясь, тоже повернули в мою сторону. Не сообразив сразу, почему мое появление вызвало общее веселье, я смутился и, думая, что у меня не в порядке костюм, начал осматривать его. Однако, Петр Иванович, подойдя ко мне, разъяснил, в чем дѣло. Оказалось, что со мной в заезде едет и Костенская на "Земляке". Он поздравил меня, а потом прибавил: "Вот мы и посмотрим, как ты у нее завтра выиграешь?.." С Костенской я знаком не был, но, по правде говоря, не очень хорошо к ней относился. Я полагал, что ей, маленькой худенькой женщине, не следовало лезть в такой тяжелый спорт, как бега. Ничего хорошего она не достигла, а зато была мишенью всевозможных острот. Поэтому вполне понятно, что мне не хотелось проигрывать именно ей.

Ко мне подошли нѣсколько наездников и начали доказывать, что выиграть я не могу, так как резвость "Земляка" полторы версты — 2 м. 20 с., а моего "Бисера" — 2 м. 23 м. Разница огромная. От всех этих предсказаний я разозлился и сказал, что, в случае проигрыша, пройду столб "галопом", но все же впереди Костенской, — а там пусть меня штрафуют.

Получивъ вечеромъ программу, я увидѣлъ, что в "Членском" идет 8 лошадей, в том числе "Франт Молодой", на котором едет опытный ездок Ратменский и который делает полторы версты в 2 м. 17 с. Большинство спортивных журналов ставило на первое место "Франта Молодого", некоторые (меньшинство) — "Земляка". Про моего же "Бисера" — ни слова. Один только журнал "Рысак и Спорт" отметил, что я могу занять третье место. Кроме этих мрачных для меня предсказаній, Секретарь Общества на жеребьевке вытащил "Бисеру" первый номер. Следовательно, приходилось ворочать на правую сторону, да вдобавок еще на "ленточке". Все эти обстоятельства не действовали на меня ободряюще. Охотники и спортсмены, в большинстве своем, суеверны. Я же, родившийся в дремучих лесах Тверской губернии, с детства приобрел эту черту, от которой не освободился и по сию пору. В данном случае, я был очень благодарен одному голубю, который во время рабты моей с лошадью оставил довольно явственный след на моем картузе. Уж как-никак, а это примета верная.

Бега обыкновенно начинались в два часа пополудни и шли часов до 7-8 вечера. Зимою дорожка освещалась электричеством, и было светло как днем. Обыкновенно, пообедав, я до бегов ложился спать, так как вставал ежедневно в четыре часа утра. Так было и в этот день. Спал я всегда без всяких сновидений, но на этот раз госпожа Костенская явилась мне в сонных грезах и вела себя так агресивно и угрожающе, что я проснулся, обливаясь холодным потом и увидел у своей кровати жену и прислугу. Обе с растерянными лицами спрашивали, почему я так дико закричал. Не вдаваясь в подробности моего сна, я оделся и ушел на ипподром.

Придя в Членскую Беседку, я застал в ней С. И.

Гирня, известного спортсмена с мировым именем, и одного из видных членов нашего Общества. Мы частенько коротали время за его столиком, и я очень дорожил его хорошим ко мне отношением и со своей стороны платил ему искренним уважением. Я тотчас же поделился с ним всеми моими переживаниями по поводу сегодняшних бегов, включительно до трагического сна. Он сначала хохотал, а потом совершенно серьезно сказал мне, что не советует ехать сегодня, так как со мной несомненно произойдет какое-нибудь несчастiие. При этом он заглянул в афишу и прибавил: "Да и ехать-то вам нет смысла. Вы можете надеяться занять только третье место".

Окончательно обезкураженный, я ушел в сарай, где мы закладывали лошадей, и уселся там в одиночестве. Вскоре привели "Бисера", уже собранного к бегу, и я стал проверять всю сложную аммуницию, на нем надетую.

За три заезда до приза, все наездники "прогревают лошадей", на которых они должны ехать, а публика начинает выбирать своего "фаворита", на которого потом делает ставку в тотализатор. Пришло время выезжать и мне. Как только я сел в "качалку" и выехал из сарая, все мои страхи исчезли. Я забыл о голубе, о сне и вообще о всем не относящемся к "Бисеру". Я как-то срезу почувствовал, что мы оба понимаем друг друга без слов, а возжи, которые я держу в руках, соединяют нас в одно целое. Выехав на призовую дорожку и сделав на ней один круг, я подвел его к старту, с которого пустил полным ходом, не покидая глазами его ушей. Мне сразу стало ясно, что он в полном порядке, и мы без боя не сдадимся. Мой красавец, очевидно, понял мои переживания и, охотно отдавая свою могучую силу, летел как ветер. Эти 45 минут, оставшiеся до приза, прошли незаметно,как для меня, так, думаю, и для "Бисера". Покрытого теплой попоной, два конюха водили его во дворе, а я, стоя тут же, думал о предстоящей борьбе и тех непередаваемых переживанiях, которые она мне готовила, на глазах многотысячной толпы зрителей.

Осмотрев особо внимательно все что полагалось, я сел в "качалку" и выехал. Подъехав к старту, я сделал обычные "два приема", выпуская лошадь на четверть версты. Эти "приемы" делаются в интересах играющей публики, которая по своим секундомерам следит, с какой резвостью идет наблюдаемая, или, на языке игроков, "закинутая" лошадь. На этих приемах "Бисер" так и рвался вперед, а у меня руки трещали от напряжения, когда я его сдерживал. Уверен, что многие опытные игроки, увидя его ход, почесали свои затылки, раздумывая: на кого же ставить? -

Но вот колокол ударил два раза. Это сигнал подавать лошадей к старту. Я ехал первым, рядом с решеткой, на которую, стоя, опиралась часть публики двухрублевых мест. Надо сказать, что дисциплина у нас была очень строга. Малейшее нарушение правил езды строго каралось штрафами, иногда очень крупными. Меня тоже раза три штрафовали за мелочные нарушения правил, и я каждый раз платил по 100 рублей. Подъезжая к старту, мы должны были смотреть прямо перед собой, не делая никаких сигналов. Так ехал и я, смотря на благородную голову "Бисера". Не доезжая шагов 8-10 до каната, у которого мы заезжали на противоположную сторону дорожки, я услышал раздавшийся из глубины публики женскiй голос: "Ветлиц, милый, выиграйте!" Пока я раздумывал, кто же это так просил меня выиграть, раздалась команда стартера "ворочать".

Мы повернули, но не одновременно. Колокол начал бить отбой; а впереди замахали красным флагом. Это был "фальстарт", которого я так боялся. Нас поворачивали назад. "Бисер", по своей горячности, пробовал при этом занести, но мне удалось его очень скоро остановить и успокоить лаской. Опять поехали к старту. На этот раз я не выдержал и, скосив глаза, посмотрел через желтые стекла предохранительных очков на то место, откуда раздался такой милый голос. Мои глаза тотчас же встретились с глазами молодой дамы или барышни, которая повторяла те же слова: "Ветлиц, родной, выиграйте!" Много лет прошло с тех пор, много хорошего я позабыл, а этот умоляющий голос — помню. Я сразу почувствовал, что эта неизвестная мне особа поставила на меня все, что у нее было в кармане, веря в мою езду. Своими словами она меня, конечно, не воодушевила, но мне было лестно, что у меня такая интересная поклонница, не побоявшаяся поставить именно на меня, вопреки всем предсказаниям.

Второй старт был очень удачен, особенно для меня. Повернув, "Бисер" сразу стал на правильный ход и с места пошел резво. Подходя первым к столбу, обозначавшему четверть версты,, я взглянул на секундомер и увидел, что прошел ее в 22 секунды. Топота сзади слышно не было, меня никто не "подпирал", и я стал свободно входить в первый поворот. Его я прошел менее резво, так как "Бисер" был очень крупной лошадью и на повороте ему было бежать труднее. Выйдя на прямую, длиною в полверсты, он одолел ее, идя ровным, как часы, ходом. С правой стороны второго поворота, в нескольких шагах от призовой дорожки, стояло небольшое здание с террасой. Обыкновенно с нее наблюдали за происходившим заездом те наездники, которые должны были ехать в следующем. Проезжая мимо, я услышал несколько голосов, кричавших: "Давай, Саша, давай... Бей дербиста!.." Надо объяснить, что "Франт Молодой" в четырехлетнем возрасте участвовал в Дерби и его не выиграл. Судей вблизи не было, а потому, кивнув головой в знак благодарности и улыбнувшись, я поехал дальше. Приближался "финиш", самое тяжелое для меня место. До сих пор все шло так, как я и предполагал. Я заранее знал, что буду "вести" весь бег до последней четверти, на

которой "Бисер" может сдать и проиграть все места. Вот эта-то роковая "четверть" и приближалась. Выйдя из второго поворота на прямую и подходя уже к "рублевым" местам, я увидел правее меня серую голову "Франта молодого", а рядом с ним "Земляка". Я выслал "Бисера" возжами. Головы скрылись, но через секунду опять появились уже ближе. Пришлось ударить "Бисера" слегка хлыстом. Он прибавил хода, но ненадолго. "Франт молодой" и "Земляк", тяжело дыша, определенно меня обходили. Мы были уже в нескольких шагах от заветного "финиша". На трибунах, при виде нашей борьбы, поднялся сплошной рев. Многотысячная толпа забыла все. Азарт и деньги делали свое дело. Люди, на время, теряли голову окончательно. Видя, что мое дело плохо, я решился на последнее рискованное средство. Передав возжи в левую руку, правою я со всей силы дал несколько хлыстов окончательно выдохшемуся "Бисеру" и этим отчаянным усилием все-таки заставил его придти первым. На полголовы сзади пришел "Франт Молодой", тут же был "Земляк". Все мы трое, на фотографии, снимавшей "финиш", вышли вместе. Нечего и говорить, что во мне все ликовало от такой удачной езды, но у нас не было принято проявлять свои чувства при удаче и при неудаче. Все старались казаться спокойными. Через минуту, держа "качалку", я уже стоял на весах. Вес должен был быть не меньше шести пудов. Если не хватит золотника, лишение приза. Прямо с весов я поспешил к С. И. Гирня. Тот пожал мне руку и сказал, что "Бисер" в моих руках совершенно переменился и сделался неузнаваем. Эти слова, сказанные старым спортсменом, были для меня дороже всего. Сходил я и в двухрублевые места посмотреть мою интересную поклонницу. Надев сверху камзола пальто и подняв воротник, чтобы меня не узнали, я очень скоро нашел ее и, став рядом, стал слушать, что она говорила своему соседу: "Видишь, он такой милый и всегда выиграет, если его хорошенько попросишь". При этих словах я снял картуз, поклонился и сказал, что был очень рад исполнить ее просьбу. Бедная барыня, смутившись и покраснев, могла только сказать: "Ах, это вы, спасибо..." С этими словами она юркнула в толпу, а я вернулся в наездницкую. Там меня ждал мой руководитель дядя Володя. Лицо его сияло, как луна в морозную ночь. Он коротко бросил мне два слова: "Проехал молодцом!" и стал рассказывать, как Костенская, слезая с "качалки", сказала ему: "Ну, и помощника же вы нашли, Владимир Николаевич! Его сам чорт не объедет". Затем он потребовал, чтобы я с ним ехал в "сарай". Делать там нам было нечего, но уж очень добрейший дядя Володя хотел похвастать успехом своего ученика перед публикой. Мы сели в коляску отличного лихача и покатили оба в палевых камзолах с золотыми лентами через правое плечо. Проезжая мимо трибун, мы услышали аплодисменты нескольких десятков выигравших. Проигравшие, которых было большинство, мрачно молчали. В тотализаторе за "Бисер" платили 78 рублей за десятирублевый билет. Пришел он с резвостью в 2-20, повысив свой рекорд на три секунды, за что владелец получил, кроме приза, денежную премию. Я получил большой золотой жетон.

Голубь не подвел, и примета оказалась верная.

Александр Ветлиц

Бой под Курюк-Дара

24 июля текущаго года исполнилось столетие доблестной атаки 16 драгунского Тверского Наследника Цесаревича полка (в то время Драгунского В. К. Николая Николаевича) при деревне Курюк-Дара. Как привет памяти славного полка, Редакция помещает его полковую песню, посвященную этому событию.

Вспомянем, братцы, бой великий,
Кровавый бой Курюк-Дара,
Орудий гром, команды клики,
Победоносное "ура"...

Когда граф Нирод вел нас к славе
И Куколевский вместе с ним,
И несся строй на бой кровавый,
Как ураган неудержим.

Рвались, грызя железо, кони
В огонь турецких батарей,
Неслись в атаку эскадроны
Тверских драгун-богатырей.

За ревом пушек смертоносных
Команд не слышно было нам,
Но мы волной победоносной
Неслись к дымящимся жерлам...

В тот день из нас иные пали,
Во славу Вечного Творца,
И от турецкой острой сабли,
И от турецкого свинца.

Нам крест штандарта боевого
О вечной славе говорит,
И луч венца его святого
Тверские трубы серебрит.

За эту атаку полк получил Георгиевский штандарт.

Тверцы на Царских Колодцах

(Отрывок из готовящейся к печати книги "От Тифлиса до Парижа").

По окончании Николаевского Кавалерийского Училища я был выпущен корнетом в Тверской драгунский полк. Проездом к месту стоянки полка, я остановился в Тифлисе, чтобы посетить места, где я провел свои школьные годы. Самая парадная часть города, это — Головинский проспект. Прохожу мимо кадетского корпуса. Сколько воспоминаний... Бросаю взгляд на окно в верхнем этаже — это окно я и теперь не могу вспомнить без содрогания. Однажды ночью мы, кадеты, решили вывесить в окно флаг. Кадета, изображающего флаг, вывешивают в окно вниз головой, держа его за ступни. Кадет кричит, размахивает руками... Прохожие в ужасе бросаются к подъезду, звонят... но нижний этаж пуст. Вот в таком порядке, очередь дошла до меня. Когда я уже висел головой вниз, то почувствовал, что держать-то меня держат, но я вылезаю из моих широких сапог. Кричу, что падаю, а мне не верят и еще щекочут под коленями. Еще момент, и сапоги остались бы в руках товарищей, а я нырнул "как рыбка", вниз.

Но вот шумный Тифлис остался позади. Перекладные везут меня в урочище Царские Колодцы (стоянка полка), расположенное в 130 верстах от Тифлиса. Мысли мои обращены к недавнему прошлому — выпускные экзамены и последние дни в "Славной Школе". Производство в офицеры... Но, по мере приближения к месту назначения, все больше и больше растет нетерпение и тревога: что-то меня ждет впереди?

Влево виднеется Кавказский хребет, вершины которого покрыты вечным снегом. Горы кажутся совсем близкими — вот тут, за ближайшим холмом, а на самом деле до них несколько десятков верст. Чтобы добраться до них, нужно было бы пересечь утопающую в виноградниках Алазанскую долину. Защищенная зимой от холодных ветров горами и получающая от них же летом прохладу, Кахетия была бы раем земным, если бы не близость к лезгинам, которые веками угрожали ей своими набегами. Подходя к своему саду, кахетинец пытливо всматривается в гущу виноградника: не мелькнет ли в ней косматая папаха лезгина? Для защиты Грузии от набегов, русскими была организована знаменитая "лезгинская линия". Старые кавказские полки — Кабардинцы, Тифлисцы, Эриванцы, Грузинцы, Мингрельцы, Нижегородцы и др., вели здесь жизнь, полную боевых тревог. То было время, когда в горах раздавались "орудий гром, команды клики — победоносное "ура"...

А теперь в Царских Колодцах ведет мирную жизнь и отдыхает старый заслуженный полк, видавший виды и имевший некогда такую парадную стоянку, как Венсенский замок, под Парижем. Ямщик мой оказался старым солдатом, охотником. Показывая на красивую церковь на одном из холмов, близ города Сигнаха, он объяснил, что это монастырь Святой Нины, просветительницы Грузии, что в этом монастыре покоится её прах, что там же погребен доблестный генерал Гуляков, герой первой битвы Русских с врагами Грузии на реке Иоре. Тверской драгунский полк казался мне каким-то сказочным великаном, в первые же дни своего прибытия на Кавказ взявшим с бою тяжелую турецкую батарею (к слову сказать, бой этот был ровно сто лет тому назад — 24 июля 1854 года у деревни Кюрюк-Дара), а затем видавшим Карс, Ардаган, Эрзерум — эскадроны которого прошли знойные пески во время Ахал-Текинской экспедиции...

— Сердце мое замерло, когда ямщик, обернувшись ко мне, сказал:

— А вот ,за этим бугром, видать уже и Царские Колодцы...

Вот уже месяц, как я в полку и сколько впечатлений... Все не так, как рисовалось издали. Служба идет как-то сама собой. Нет заметной разницы между начальством и подчиненными — большинство — "на ты". Все веселы, и у всех спокойная уверенность, что, когда понадобится, то, как поют солдаты, — "у грязь не вдарим лицом"... На всем кавказский отпечаток: Русские офицеры говорят с грузинским акцентом, речь пестрит кавказскими словечками. У солдат независимый вид. По вечерам, вне строя, старые вахмистра надевают бурки. Из казарм доносятся кавказские напевы. Чувствуется, что люди здесь умеют красиво жить и красиво проливать кровь, когда понадобится. Высшее начальство далеко, и все делается по-домашнему. Командир эскадрона, красавец-имеретин, ротмистр князь Мхеидзе, участник Русско-Японской войны — выдающийся спортсмен... но почему же он появляется в эскадроне в галошах и, вместо стэка, держит в руках вырванную из плетня хворостину? Знает ли он уставы? Сомнительно...

На залитой солнцем площадке учу солдат рубке.

— Вниз направо руби... по разделениям... делай раз..., делай два... — с увлечением командую я.

— Пелипенко, не горбись, разверни плечи!

Пелипенко старательный солдат, но все ему дается плохо. На валу манежа неожиданно появляются две девочки в красных беретах — дочери командира эскадрона. Я хмурюсь — не место здесь девочкам.

— Катюша, Ниночка, не лезьте под лошадей!

— Ващенко, прогоните их! — издали кричит княгиня.

— Хэть отселева! Вот я вас... — кричит унтер-офицер Ващенко и гонится за будущими красавицами, которым предстояло блистать в салонах Тифлиса.

К эскадрону приближается полковник Яхонтов.

"Плохая посадка, — замечаю про себя я. — И почему бы не подойти галопом?"

Полковник Яхонтов всю жизнь провел в полку.

Участник турецкой и японской войны, поэт и страстный охотник, "Дядя Ростя", как его зовут в полку.

"Вот, — думаю, — сейчас я должен блеснуть отчетливой работой. Должен увидеть полковник, что ни одна неисправность не ускользает от моего глаза. Два года в стенах "Славной Школы", где юнкера днем и ночью должны быть на-чеку, не проходят даром".

Здравствуйте, ребята! Продолжайте, корнет, — говорит полковник не торопясь слезая с коня.

— Налево коли... По разделениям... Делай раз... Донченко, выше шашку! Пелипенко, не горбись!

"Кажется, все хорошо, только вот Пелипенко портит всю картину", думаю я.

— Ну, довольно. Спасибо вам, ребята: работаете хорошо. А ты, вот, подойди ко мне, — подзывает Дядя Ростя Пелипенко.

"Подвел-таки!", думаю я с досадой.

Полковник испытующе смотрит на смущенного Пелипенко.

— Что тебе, хлеба или каши не хватает? Или болит у тебя что?

— Так точно, — болит... грудь болит, Ваше Высокоблагородие, — отвечает Пелипенко, и голос его дрожит.

— Ну, ничего, мы тебя подлечим... Корнет, вы его, вот этого Кукубенка, отправьте в лазарет. Не нравится мне его вид. И почему только таких присылают? Сразу видно, что не годится он в строй, только даром здесь его будут мучить, и погибнет парнишка. Надо поговорить с командиром полка. А вы его проведайте в лазарете. Ты, Кукубенко, не унывай. Лопай побольше. Я тебе меду пришлю, хороший мед... достал я его на охоте, вон там, внизу, в Алазанской долине. Ну, помогай вам Бог, — говорил полковник Яхонтов, садясь на коня.

— А хорошо здесь у вас в "нижних" эскадронах. Вон у Гриши Нечволодова в огороде и капуста уже какая большая. А ты, вахмистр, перенес бы куда-нибудь подальше эту кучу навоза: от нее несет как от неубранных убитых, помнишь, там, под Ардаганом?

Уехал полковник, и новыми глазами посмотрел я на Пелипенко. Это был уже не тот Пелипенко, недостатки которого я в теченіе месяца пытался искоренить. Указал умудренный житейским опытом старик на нечто другое, более важное, чего я не замечал.

В лазарете Пелипенко угасал, и ничто его уже не могло спасти. Слишком поздно попал он на глаза старого воина, незабвенного дяди Рости.

На Царских Колодцах доживали свой век старые Тверцы. Про одного из них, князя Ираклия Чавчавадзе, героя войны 1877 года, рассказывали, что однажды к нему в эскадрон назначили молодого корнета.

— Вы, молодой человек, будете давать уроки арифметики моей дочери.

Другого корнета он усадил за Закон Божий.

— Послушай, Ираклий, — удивлялись товарищи, — почему твоих корнетов не видно в эскадроне? Говорят, они дают уроки твоей дочке?

— Это чтобы они мне эскадрон не портили...

Он не любил новшеств.

— Наши отцы и деды били врагов на всех фронтах, и вы будете их бить, когда придет время. Надо знать только одно: увидел врага — шашки вон и в атаку. Лучше ничего не придумаешь, — с убеждением повторял он.

Г. Танутров

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕДАЛИСТИКА

(Продолженіе).

В царствование Императрицы Анны Иоанновны наградные медали не чеканились; прошло немного времени, но Петровские заветы почти совсем не применялись.

Царствование Императрицы Елизаветы Петровны запечатлено было наградным рублем (№ 19), с нарезным гуртом, как у Ништадтских медалей, — привившегося впоследствии диаметра в 39 мм.; встречается он иногда с припаянным ушком, и даже позолоченным. Этот рубль будто бы был выдан всем участникам войны с Швецией 1741-1742 г. г., после мира, заключенного в Або 7 августа 1743 г. Об этом упоминается в полковых историях Преображенцев и Семеновцев, но в них говорится о какой-то доныне неизвестной медали с надписью: "За верную и ревностную службу". Следовательно — вопрос этот остается открытым...

Зато другое Елизаветинское отличие (№ 20), по весу и форме тоже наградной серебряный рубль, — уже несомненная наградная *медаль,* — о чем ясно говорится в указе Сенату от 11 августа 1760 г., коим она учреждалась в память победы над пруссаками при Кунерсдорфе, для раздачи "бывшим в той баталии *солдатамъ*". Вместе с тем, из некролога умершего в 1836 г. в Курляндии отставного майора Орденского Кирасирского полка Ф. фон-Клопмана известно, что он, потерявший руку в этом сражении, имел и носил такую же *золотую* медаль (на Андреевской ленте).

За то же сражение были чеканены другие *золотые* медали, с иной надписью на оборотной стороне, а именно: "По (бѣдителю) надъ пруссаками/ Авг. 1 дня 1759". Одна из них, диаметром в 65 мм., с изображением Императрицы Екатерины II, хранится в Императорском Эрмитаже и, вероятно, была пожалована гр. П. С. Салтыкову. Другие же, весом в 50 червонцев и с "украшениями" вокруг надписи, но с изображением Императрицы Елизаветы Петров-

Т А Б Л И Ц А   II

К статье "Русская военная медалистика"
Владимира фон Рихтера

№№	Год, месяц, число.	Наименование события	Ø в м/м	Кресты и медали зол.	Кресты и медали сер.	На ленте	Дата учреждения
I9	I.УIII I743	На мир с Швецией ?	39	-	○	Андр?	-
20	I.УIII I759	За победу при Кунерсдорфе (-Франкфурт на Одере).	39 ?	○ ○	○ -	? ?	II.УIII I760
2I	I762 ?	"Неизвестного назначения"	52	○	-	?	
22	I763	Атаману и всему Запорожскому войску	67	○	-	Андр?	6.II.I763
23	I769	"На нынешний военный случай"	67 53 46 40 3I 27	○ ○ ○ ○ ○ -	○ ○ ○ ○ ○ -	? " " " " -	Арх.Монет.Дв.дела №№ 7920 и 7930
24	?	"За храбрость"	35	-	○	?	?
25	2I.УII I770	За победу при Кагуле	39	-	○	Андр.	23.IX I770
26	24-26.УI I770	За победу при Чесме	39	-	○	Андр.	"
27	I77I	"За оказан-/ные в войске/ заслуги I77I года"	39	-	○	?	?
28	3.IУ I774	Полк. М. Платову за подвиг на р. Калакача (Кубань)	67	○	-	?	?
29	I0.УII I774	На мир с Турцией (ромб) (Кучук-Кайнарджи)	37×32	-	◇	Геор	?
30	I.X.I787	За победу при Кинбурне	39	-	○	Геор	?
3I	Июнь I788	За храбрость на Водах Очаковских	39	-	○	Геор.	?

№№	Год месяц число	Наименование события	Ø в м/м	Кресты и медали		на ленте	Дата учреждения
				зол.	сер.		
32	6.XII 1788	За взятие Очакова	47	+	-	Геор.	16.IУ 1789
33	-	- - (овал.)	38 x 24	-	⬯	?	-
34	13.VIII 1789	За храбрость на Водах Финских (под Роченсальмом)	39	-	○	Геор.	?
35	21.VIII 1789	"За храбрость" (при взятии швед.бар.на р.Кюмень)	39	-	○	Геор.	?
36	3.VIII 1790	На мир с Швецией (восьмиугольная)	38 x 27	-	⯃	Влад.	?
37	24.III 1790.	"За Верность" (солдатские, за штурм крепости Анапа) (овальная)	36 x 30	-	⬯	Андр.	?
38	?	"За службу" (овальная)	"	-	⬯	Андр.	?
39	?	"За усерд/ную/служ/бу" (овальная)	30 x 18	-	⬯	Андр.	?
40	?	"За усердие к службе"	65		○	?	?
41	?	- -	54		○	?	?
42	?	"За /службу/ и храбро/сть	65		○	?	?
43	?	- -	54		○	?	?
44	11.XII 1790	За штурм Измаила	47	+	-	Геор.	25.III 1791
45	-	- - (овальн)	35 x 30	-	⬯	Геор.	-
46	29.XII 1791	На мир с Турцией (в Яссах) (овальн)	40 x 32	-	⬯	Андр.	2.IX 1793
47	24.X 1794	За штурм Праги	47	+	-	Геор.	1.1.1795
48	-	За штурм Праги и 2ю Польскую (инсуррекционную) войну (квадратн)	35	-	◇	Геор.	- -

ны, были пожалованы полковнику Войска Донского Машлыгину и еще восьми другим полковникам того же войска (см. труд Ю. Б. Иверсена).

Серия многочисленных наградных медалей царствования Имп. Екатерины II начинается четырьмя медалями с ее "молодым ликом". На оборотной стороне медали № 21 имеется только ее коронованный вензель; эта медаль описана Иверсеном под № 50 в его примечательном труде "Неизданные и редкие Русские медали"; указывая диаметр в 55 мм., он добавляет: "Кому именно такие медали были пожалованы — никаких сведений в архиве Монетного Двора нет". Диаметр моей медали — 51 мм.

Следующая медаль, № 22, пожалована "войска Запорожскаго кашевому атаману взнакъ Імператорской ко всему Запорожскому войску милости. За ихъ вѣрность усердіе 1763 году" (тогда кошевым атаманом был Григорий Федоров). Эта медаль под № 34, тоже описана в вышеупомянутом труде, но там сказано: "При чеканке этой медали взята (sic!) лицевая сторона, которая употреблялась для так называемых *казачьих* медалей". Так как на моей медали грудное изображение Императрицы повернуто *вправо* и подписано Вехтером, а на "казачьих" — *влево* и подписано Т. Ивановым или С. Юдиным, — можно заключить, что этой запорожской медали Иверсен не видел. Кстати, "казачьи" медали, в числе 55-ти штук, описаны Иверсеном в особом труде, озаглавленном: "Медали, пожалованные Императрицей Екатериною II некоторым лицам Войска Донского". СПБ. 1870. Хотя почти все эти медали всегда *именные*, пожалованные за боевые доблести, — они в этом очерке не описываются из-за экономии места, притом же — ни одна из них не уцелела и описаны они только по документам С.-Петербургскаго Монетнаго Двора.

Медаль № 23 тоже упомянута Иверсеном в книге о неизданных и редких медалях под №№ 42-47, которые, согласно архивным данным 1769 г., озаглавлены: "На нынѣшній *военный* случай". На лицевой стороне, после титульной надписи, значится: "заступница вѣрнымъ". На оборотной стороне изображение обрушивающегося минарета мечети, превращенной из Храма Св. Софии в Царьграде и надпись: "Пощитеся и низринется. Поборнику Православія". Из тех же данных известно: сколько и какого веса должно было быть отчеканено медалей в золоте и серебре, и что они должны были быть *с ушками*. Не подлежит сомнению, что эти медали принадлежат к типу "преждевременных" (enticipées) и предполагались жаловаться возставшим грекам после взятия Константинополя, в чем существовала уверенность в Петербурге, в середине 1-й турецкой войны ("греческий прожект").

Доныне не описанная серебряная медаль № 24 имеет следующие особенности: 1) погрудное, вправо обращенное, изображение Императрицы Екатерины II с *лавровым венком* на голове и надписью сверху: "Екатерина II" (работы С. Юдина), никогда более не повторялось; 2) диаметр этой медали — 35 мм., тоже неизвестен во всей серии Екатерининских медалей; 3) медаль чеканена с ушком и 4) на ее плоской оборотной стороне *выгравирована* надпись: "За храбрость". Спрашивается: не этими ли медалями были пожалованы и *казачки* Наурской станицы Терскаго войска за их героизм при защите станицы 11 июня 1774 г.? (Описание подвига см. в № 5 *"Военной Были"*. Ред.).

Кагульская и Чесменская медали (№№ 25 и 26) давно всем известны. С этого года все оригинальные, *круглые* для ношения, медали чеканились с ушками.

Следующая, № 27, доныне не описанная серебряная медаль имеет на лицевой стороне то же изображение, как на обеих предыдущих. На оборотной стороне надпись: "За оказанные въ войскѣ заслуги/ 1771 года". По всей вероятности, несколько таких медалей были пожалованы особо-отличившимся участникам блестящего рейда выдающагося генерала Вейсмана (вскоре убитого) в Добрудже, в октябре 1771 года. По словам Румянцева, "затемненного рейда, но результаты коего "он" ставил выше своей собственной Кагульской победы". Предположение, что медаль эта относится к рейду генерала Вейсмана, отчасти подтверждается тем, что тогда же, в Яссах, на временном монетном дворе бар. Гаттенберга, была выбита настольная медаль, на ту же тему, с латинской надписью (в переводе): "Позднейшие века возвестят о победах Русских *на берегах Дуная 20-24 октября 1771 г.*".

Медаль № 28, пожалованная полковнику М. И. Платову, чеканена с нормальным "параллельным" ушком. (Кстати, на всех 17 гравированных портретах атамана, находящихся в моем собрании, нигде эта медаль на груди не изображена: вся грудь завешана орденами).

Все последующие медали тоже давно описаны, но из *именного рескрипта, данного князю Потемкину-Таврическому* 14 апреля 1789 г., утверждавшего отличия за Очаковскую эпопею, — надо удержать в памяти три пункта: 1) "всем бывшим на штурме Очаковском офицерам, которые тут не получили орденов Наших Военного Святого Георгия и Святого Владимира, пожаловали мы *знаки золотые* для ношения в петлице... 2) *на ленте с черными и желтыми полосами* и 3) вводится бант к Ордену Св. Владимира.

Медаль № 37 имеет свою особую историю, характеризующую Потемкина. Атакуя крепость Анапу 24 марта 1790 г., генерал Бибиков потерпел полное поражение, за что и был отдан под суд, но солдаты проявили обычную храбрость и дисциплину. Поражения никогда отличиями не поминаются — Потемкин же испросил позволения у Императрицы наградить *одних солдат* медалью "За Вѣрность".

Медали №№ 38-43 тоже известны только по описаниям. Вероятно, некоторые из них учреждены ок.

Памяти друга

ВОЕННОГО ЛЕТЧИКА ПОЛКОВНИКА СМОЛЬЯНИНОВА.

Есть люди, которых не удовлетворяют обычные жизненные пути, мужественное и страстное сердце которых стремится к новому и неизведанному, двигающему нас вперед. К такой породе людей относился и наш товарищ, кадет-орловец 60-го выпуска (1909 г.) Миша Смольянинов — серьезный, спокойный, приветливый, аккуратный и подтянутый кадет, с приятным миловидным лицом. В то время как шумная кадетская толпа занималась своими обычными суетными делами. Мишу Смольянинова мы привыкли видеть сидящим за партой, углубленного в сложные математические расчеты, которыми он стремился подкрепить технические изобретения, родившиеся в его мозгу. При этом он всегда, в муках творчества, нещадно тер лоб и ворошил белокурый бобрик.

Свою тягу к новому, к новым открытиям и изобретениям, Миша надеялся удовлетворить на морской службе, но в Морской корпус ему попасть не удалось, так как на медицинском осмотре у него были обнаружены признаки дальтонизма, который он после этого настойчиво старался преодолеть, часами перебирая и раскладывая цветные шерстинки, в надежде приучить глаза к их оттенкам. Потерянная морская стихия, однако, нашла замену в другой, не менее, а может быть более, манящей стихии, стихии воздуха. Ко времени выхода М. С. Смольянинова из корпуса, Русская авиация уже становилась на твердую почву, и он, юнкером Михайловского училища, пользуясь своим родством с начальником авиационного отдела Гатчинской Воздухоплавательной Школы полковником Ульяновым, стал частым посетителем Гатчины, жадно знакомясь с тогдашними достижениями авиационного дела.

Отбыв обязательный строевой стаж в 13-й артиллерийской бригаде, он поступил в Авиационную школу, где, во время одного из учебных полетов, сломал ногу и после всегда ходил с палкой. Началась война, и М. С. Смольянинов выдвинулся в первые ряды блестящих Русских летчиков, участвуя во многих воздушных боях и выполняя ответственные боевые задания, за которые и был награжден многими боевыми орденами, включая Георгиевское Оружие.

Революция прервала нормальный и славный путь доблестного Русского офицера. Смольянинов не мог мириться с постыдным бездействием, на которое обрекло его распадение Русской армии. Желая продолжать борьбу, он принял смелое решение — перелететь на, ближайший от места его службы, союзный фронт, каковыми были Салоники. На своем немецком трофейном "Альбатросе", без посадок, он перелетел над неприятельской территорией и фронтом, подвергаясь обстрелу (был легко ранен) и, достигнув цели, явился в распоряжение командира Особого Русского Экспедиционного Корпуса в Македонии генерала Дитерихса.

Если вспомнить все несовершенство тогдашних летательных аппаратов и всю необычность далекого беспосадочного полета над вражеским расположением, то станет понятной исключительность подвига бесстрашного летчика, подвига, который до сих пор сохранился в памяти боевых товарищей М. С. Смольянинова.

На Македонском фронте, состоя в авиационных частях союзных войск, он принял активное участие в воздушных операциях, проявив себя все тем же искусным и бесстрашным летчиком. За свои боевые подвиги он получил ряд иностранных орденов. Однако, беспокойное сердце орловского кадета звало его на Родину, и когда, под впечатлением корниловского выступления, ему показалось, что Русская армия возрождается, он испрашивает разрешения вернуться в Россию и, получив его, тем же необычным путем, на своем самолете, возвращается домой.

Крах всех надежд на восстановление Русской воинской силы заставил Смольянинова искать новых путей для продолжения службы России. Он, вместе с сербскими частями (добровольцами из пленных), перебирается в Сибирь, а затем в Пекин, где тщетно обивает пороги разных союзных миссий, пытаясь получить разрешение на отправку на западный союзнический фронт. Не добившись такого разрешения и бросив в лицо союзным военным бюрократам свои иностранные ордена, он включается в белую борьбу в Сибири, командуя авиационным отрядом в армии ген. Пепеляева. В одном из боевых полетов, очень несовершенный аппарат, на котором летел Смольянинов, по неизвестной причине, загорелся и доблестный офицер трагически погиб, как гордый орел, опаливший свои могучие крылья. Гибель его случилась в августе 1919 года, в районе между Пермью и Глазовым, у станции Верещагино. Погребен он был у той же станции, и в гроб была положена его верная палка. При погребении присутствовал двоюродный брат героя, старш. лейт. Головин.

Миша Смольянинов погиб 29 лет. Жизнь его была недолгой, но насыщенной славными и яркими делами, проникнутой напряженным духом, который отличал старых Русских кадет. В славном созвездии кадетских жизней, отданных на алтарь Отечества, короткая жизнь Миши Смольянинова будет, незримо и невидимо для многих, сверкать чистой и немеркнущей звездой. Вечная слава и вечная память да будут ему и всем верным Русским людям, разделившим его судьбу.

С любовью и гордостью мы, его сверстники и товарищи, по незабываемым кадетским дням, в год тридцатипятилетия его славной смерти, — склоняем свои седые головы над его далекой, потерянной и покинутой, но незабытой могилой.

Группа кадет-орловцев 60-го выпуска в Нью-Йоркѣ:

В. Кузнецов, Г. Месняев, С. Смольянинов

и *В. Шатилов.*

№ 12

ЯНВАРЬ 1955 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение и Общество Любителей Русской Военной Старины извещают, что в воскресенье, 6-го марта 1955 года, состоится Панихида и Торжественное Собрание по случаю 100-летия кончины

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Николая Павловича

О месте собрания будет объявлено особо.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Столетие кончины Императора Николая I-го . . .	1
Пугачевские дороги — **Евгений Яконовский** . . .	2
Кадетские годы (Продолжение) — **Г. Месняев** .	4
Атаманское Военное Училище под Каховкой (Окончание) — **Иван Сагацкий**	9
Из далекого прошлого — **Д. Де-Витт**	11
На закате (Окончание) — **М. фон-Кубе**	13
Песнь о Сирене — **Н. М.**	16
Военная тюрьма — **В. Шульц**	17
Императорский Сухопутный Шляхетный Кадетский Корпус — **Владимир фон-Рихтер** . .	18
250-летие Ингерманландских гусар — **Михаил Тихонравов**	21
Русская Военная Медалистика (Продол.) — **Владимир фон-Рихтер**	23
Хроника «Военной Были»	24
Скорбный листок	III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ЧЕТЫРЕ НОМЕРА во Франции и европейских странах — 700 Франков с пересылкой.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 59, *Avenue des Ternes, Paris* (17).

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 59, AVENUE DE TERNES, PARIS (17e).

4-й год издания | № 12 ЯНВАРЬ 1955 Г. | Prix — 170 fr.

Его Императорское Величество Государь Император Николай I

«ЗДЕСЬ НЕТ НИКАКОГО ФРАЗЕРСТВА, НИКАКОЙ ЛЖИ, КОТОРУЮ ВИДИШЬ ВСЮДУ. ОТТОГО МНЕ ТАК ХОРОШО МЕЖДУ ЭТИМИ ЛЮДЬМИ И ОТТОГО У МЕНЯ ВОЕННОЕ ЗВАНИЕ ВСЕГДА БУДЕТ В ПОЧЕТЕ».

Слова Государя Императора Николая Павловича об армии.

Пугачевские дороги

ОТ РЕДАКЦИИ: Этот очерк является третьей частью воспоминаний Е. Яконовского и представляет собой продолжение очерка "Каргалла", напечатанного в №№ 2 и 3 "*Военной Были*". После "Пугачевских дорог", идут очерки: "Сумы в восемнадцатом году" ("*Военная Быль*" № 5) и "Фарфоровая кокарда" (там же, №№ 8-11). Следующая часть, "Кандель", была напечатана в 30-й тетради "Возрождения". Первая часть всей серии "Война", охватывающая период 1912-1917 г.г., была напечатана в № 4-ом "*Военной Были*".

Итак, первая попытка сопротивления белаго Оренбурга кончилась оставлением города, послѣ боя у Каргаллы, 16 января восемнадцатого года. Атаман Дутов уходил с Казачьим училищем и несколькими сотнями верных казаков в сторону Верхнеуральска, к северо-востоку от Оренбурга. Добровольцы шли в противоположную сторону, к юго-западу, к уральским казакам, в надежде поднять их против ленинской власти или поддержать их, если бы они поднялись сами. Отряд этот состоял из остатков офицерских рот, Отряда защиты Учредительного Собрания, Оренбургского пехотного училища и полуроты неплюевцев с прапорщиком Хрусталевым и, раненым под Каргаллой, юнкером Миллером во главе. Всего человек до пятисот. Поздним вечером 17 января отряд перешел Сакмарский мост и углубился в мутную от пурги степь.

Первый переход был очень тяжелый. Роты шли пешком, по глубокому снегу. Кругом завывала пурга, смерчами крутя снежные иглы. Мороз был градусов на двадцать пять. Спасали папахи и полушубки, в которые нас одели перед Каргаллой в казармах запасного полка. Отстающих подбирал санный обоз. Отстать означало верную смерть. Не говоря о пурге и морозе, кругом бродили волчьи стаи, и, время от времени, обозники постреливали в мутную темноту. Зато в такую ночь ни о каком преследовании не могло быть и речи. Двигались медленно, почти ощупью, всю бесконечную январскую ночь. Утром большая, еще оренбургская, станица. У нас, кадет, денег нет, конечно, никаких: ни царских, ни "керенок", ни новых, выпущенных Дутовым за время блокады — "Оренбургских". Вот она, встреча с реальной жизнью... Не дымится на длинных столах чай в белых кружках, и не лежит рядом с кружкой полфранцузской булки. В "той" жизни все это стояло и дымилось в ожиданіи команды "сесть"... В этой же, "настоящей", нужно было заказать и заплатить. В избы принимают в этих суровых краях, в тепле не отказывают ни собаке, ни даже киргизу. Для уральца и, может быть, в чуть меньшей степени, соседа его оренбурца, киргиз — хуже собаки. К нам относятся с недружелюбным подозрением. Если бы еще с нами был Атаман... А то одни "иногородние". Еще, чего доброго, большевики идут следом. Теперь нам понятно, почему пал Оренбург и почему у Дутова, кроме юнкеров и сотни-другой "стариков", не нашлось защитников.

К счастью, Хрусталев уже знает жизнь "настоящую". Недаром он уже пять месяцев — прапорщик, а перед тем был юнкером. Он долго торгуется с казаками за наш чай и завтрак. Бегает по избам, — мы расположились человек по восьми-десяти, и довольно разбросанно, — устанавливает связь: долго здесь не останемся из-за близости Оренбурга. Завтрак зато на славу. Спим на сене, часа три. Когда выходим, после полудня, снова начинается метель. На этот раз начальство не решается рисковать: до ближайшей, уже уральской, станицы около тридцати верст, что в метель, грозящую перейти в настоящую пургу, — за вихрями снега не видно первых рядов взвода — представляет, по крайней мере, пятнадцать часов утомительного марша — значит, придем в станицу глухой ночью. Колонну поворачивают через полчаса обратно. Слава Богу! Пожалуй, на этот раз, даже при наличии нашего патронного обоза, мы не всех досчитались бы на следующее утро.

В своем начале, гражданская война еще сохраняет кое-какой комфорт. Мы все тепло и однообразно одеты в полушубки, ватные штаны и валенки. На голове папаха с наушниками, на руках пехотные суконные рукавицы с одним пальцем. В теплушках под Каргаллой жарко топились печи и даже снежные окопы, в которых мы провели день 16 января, кто-то нам заранее приготовил. Так и теперь. Хотя мало вероятно, что бузулукскіе красногвардейцы и матросы бросятся за нами вдогонку в такую метель, все же штаб решает выступать. Для всего отряда нанимаются сани-розвальни. Не прошло и двух часов, как выступаем снова, утопая в сене. Удобно, но зато скоро делается холодно, несмотря на валенки и рукавицы. В одних санях со мной молодой кавалерийский поручик из офицерского отряда и, один из нашедших у нас временный приют, кадет 2-го кадетского корпуса. Лихошерстов—сутуловатый,большерукий и большеногий, как породистый щенок. Попал он в мое отделение "классного надзирателя" Григория Семеновича Хрусталева, нашего "историка" и отца нашего восемнадцатилетнего командира. Мы очень с ним подружились еще в Оренбурге и стараемся быть везде вместе. Вот и едем в одних и тех же розвальнях, хотя он первого, а я третьего взвода. Он все время шушукается с кавалерийским поручиком, и я чувствую себя обиженным. Наконец, он спрашивает поручика, кивая головой в мою сторону, — а ему можно сказать? Поручик мерит меня критическим взглядом, который, как мне кажется, говорит — куда ему? это еще ребенок, — но все же снисходительно произносит:

— Ну, чтоже, говорите.

— Мы собираемся спасать Государя, — шопотом объясняет мне мой столичный приятель. От ошеломляющей новости захватывает дух. — Да, да! Из Уральска мы едем в Сибирь, организуем там отряд и освободим Государя и всю Семью. Только сейчас молчи. А ну, перекрестись, что никому не скажешь!

Я снимаю папаху и рукавицу и крещусь на тридцати градусном морозе, под завывание уральской пурги.

Потом мечтаю, как все это произойдет. Подробности уж слишком сложны. Сначала я пытаюсь их себе представить, но уж очень все это трудно, и я от них просто отмахиваюсь. Начинаю с момента, когда я, именно я и совершенно один, останусь с Ним с глазу на глаз и скажу по-французски, чтобы никто нас не понял:

— Sire, nous sommes venus pour vous libérer!

Государь улыбнется своими серыми глазами (это только для того, чтобы улыбкой не выдать нашего плана) и скажет: "Как хорошо вы говорите по-французски, молодой человек. Вы, наверное, паж?". — "Нет, Ваше Величество. Я всего лишь кадет пятого класса Оренбургского Неплюевского корпуса, но мое отделенiе в первой роте". Тогда Государь пожалует Неплюевскому корпусу свое шефство и мы будем носить накладной вензель. Меня же он возведет в графское достоинство. А потом я буду запросто приглашаться в Царскую Семью, подружусь с Наследником который только на один год меня моложе, и стану когда-то, очень и очень не скоро, первым лицом в царствованiе Императора Алексея Второго.

Под эти мечты и под завывание метели я засыпаю в сене. В полной темноте въезжаем в первую уральскую станицу. Название ее мне знакомо по "Истории Пугачевского бунта". Отсюда вышел Пугачев для нападения на Белозерную, которая в "Капитанской дочке называется "Белогорской", и здесь, совсем недавно, погиб отряд генерала фон-Карра. Может быть, в какой-нибудь из этих изб, пьянствовал со своим каторжным штабом безграмотный хорунжий Войска Донского, потрясший трон Екатерины?

— Не курите в избе, — предостерегает Хрусталев. — Уральцы, в большинстве, староверы. Нас они называют "единоверцами". Единоверцев принимают в "чистую" избу, куда не вхожи татары, киргизы и вообще мусульмане. Но все же, для единоверцев существует особая посуда, которой никогда не пользуются наши суровые хозяева.

На мою беду, я брюнет, что вызывает подозрительность старика-казака, нашего хозяина.

— Ты не киргиз?

— Нет.

— Не татарин?

— Нет.

— Покажи крест!

— О, ужас!..— Я все последнее время носил золотой крестильный крест. Совсем недавно он поломался, и я оставил его в парте среди своих вещей. Ведь через две недели нас вызовут обратно телеграммами, так как Корнилов их разгонит. Объясняю, путаясь, историю моего креста.

— А ну, прочти "Отче Наш"!

Читаю, сбиваясь от волнения, и от волнения же начинаю креститься, но старик резко меня останавливает:

— Ты, перед образами, по-никонпански, не осеняй себя в моем доме... — Зато он убеждается, что я не татарин и не киргиз, и в оправдание своей подозрительности говорит, что "и в Уральшком войшку есть чёрномазые, вроде тебя". Так они, дескать, привыкли и не обижаются, когда их экзаменуют в казачьих избах по Закону Божьему. Мои спутники смеются — вот черти! Сказали бы просто все, что я православный.

За столом старик расспрашивает про падение Оренбурга! В станицу возвращаются фронтовики. Они без погон и, повидимому, ссорятся со стариками. А вообще — даже у стариков в голове сумбур. Ленинскую марксистскую революцию понимают, как сведение счетов крестьян с помещиками, в которые им, казакам, вмешиваться никак не следует. Повидимому, в этом отношении симпатии нашего хозяина на стороне революции. Так же доволен он и концом войны и демобилизацией. Зато без Царя жить никак нельзя, и здесь он ругает большевиков, как ругает и молодых казаков, снявших погоны.

Спим в теплой хате, на застеленном чистыми простынями сене и выступаем рано поутру, чтобы засветло достичь Илек. До сих пор мы двигались почти параллельно железнодорожной линии Оренбург-Самара, до которой не больше 20-25 верст. Не будь снега и двухдневной метели, красные попытались бы перерезать нам путь. Но, на всякий случай, командование отряда торопится. От Илека до линии уже верст 55, и опасность нападения, со стороны железной дороги, в это время года, совершенно исключена. Поэтому стоим в Илеке несколько дней. В маленьком городке, затерянном в Уральской степи, на полдороге между Оренбургом и Уральском, — но таком похожем на каждый Русский заштатный гоорд, на Корочу или Обоянь, на Умань или Ахтырку, с единственной гостиницей-трактиром, в котором играют "на пиво" в бильярд и можно вкусно пообедать и даже выпить, люди тоже сняли погоны. Впечатление такое, как будто бы Уральское войско старается сохранить нейтралитет в гражданской войне, и появление нашего отряда в его пределах никак не радует местные власти. Все же, отряду отвели приличное помещение, казарму, служившую раньше для казачьих сборов, и мы несем собственные караулы. В трактире встречаю моего одноклассника Забродина. Он в бушлате, без погон и похож, из-за красного воротника на однобортном мундире, на гоголевского городничего.

— Ты что снял погоны, Мишка?

— Атаман приказал. — Мишка, видимо, не хочет

входить в подробности и деловито целится кием в шар.

На нас, собственно, погон тоже нет. Их не носят ни на полушубке, ни на ватной стеганой куртке, которые мы не снимаем. Но Мишка Забродин — в бушлате, и погоны ему полагаются.

— Нет... Ты не врешь, Мишка? — уж очень обидно за его вид консисторского чиновника.

— Я же вам говорю, что по всему войску приказ — снять погоны, — сердится Забродин. Ему, видимо, стыдно за свое войско.

И действительно, все жители Илека без погон и, что еще хуже, без кокард, на фуражках с малиновым околышем.

— Чаво нам с Машквой шориться из-за погон? А так, мы шами шобой живем.

Наши воинственные настроения определенно не нравятся, так как рискуют втянуть "войшко" в "шору" с "Машквой". И действительно, дней через десять приходит распоряжение из Уральска о разоружении и расформировании нашего отряда. Морально к этому мы уже подготовлены. Все надежды переносятся с близкого Уральска на дальний Ростов, на Корнилова. Поэтому спокойной сдаем оружие в атаманское правление. Лихорадочно изучаем географическую карту. До Уральска все та же Пугачевская степь, и единственный способ передвижения — сани. Дальше — железная дорога на Саратов. Поезда ходят, но на станции Урбах — "граница". Там дальше "Машква" со своими красногвардейцами и, наверное, обыски в поездах. У Ртищева линия выходит на магистраль Пенза-Балашов-Лиски и идет дальше на Харьков. Это "моя" линия, по которой я езжу шесть раз в год. Стоит в Лисках сесть в ростовский поезд, и вот уже Ростов и Корнилов. По карте кажется очень просто. Пока же, Хрусталев воюет за наши "суточные".

Гражданская война только в своем начале, и многое еще и у нас, и, наверное, у большевиков, делается по старинке. Вот и дают нам, кадетам, "суточные", как нижним чинам, хотя сани до Уральска стоят одинаково дорого для всех. В атаманском правлении ничего не хотят знать. И так уже "войшко" берет на себя расходы по "демобилизации" не казачьей части. Выручает наше командование, которому удается уговорить местный банк разменять наши "оренбургские" кредитки. Так что на "сани" нашлось.

Выехали морозным солнечным утром, разбившись на группы по пять-шесть человек.

Евгений Яконовский

(Окончание следует).

Кадетские годы

(1902 — 1909).

(Продолжение).

Вспоминаются и другие воспитатели разных характеров, темпераментов и разных отношений к своим питомцам и к своим очень нелегким обязанностям. Были такие, в которых кадеты чувствовали больше начальников, нежели друзей, и которые сами видели в кадетах нечто враждебное и подлежащее укрощению, а потому часто прибегали к карательным мерам. Между ними и нами шла непрестанная война, высшим выражением которой являлись так называемые "бенефисы". Были и индифферентные, выполнявшие воспитательские обязанности корректно, но без души. Но большинство составляли те молодые офицеры, которые заполнили корпуса с приходом к управлению ими Великого Князя, прошли специальные педагогические курсы и были одушевлены самыми благими побуждениями. Вспоминая их, не могу пройти мимо первого моего воспитателя, любовно встретившего пеструю толпу мальчиков, составивших 1 сентября 1902 года 2-е отделение 1-го класса. Это был совсем еще молод й штабс-капитан Михаил Хрисанфович Харкевич, назначенный в корпус, кажется, из 141-го пехотного Можайского полка, квартировавшего в Орле.

Педагогические способности того или другого воспитателя в полной мере обнаруживаются и испытываются на кадетах самого младшего возраста, только что оторванных от семьи и принесших в корпусные стены привычки своих домашних очагов. Неискушенный человек, попавший в первый раз в четвертую роту, не мог не растеряться и, говоря вульгарно, не обалдеть. Во время перемен или в свободное от занятий время непривычного человека ошеломляли: нестерпимый гомон, непрерывное кипение мальчишеской толпы, носящейся по коридору, залам и классам. Около дежурной комнаты, вдоль стены, стояла шеренга провинившихся, часто носивших следы только что прерванной борьбы: потные раскрасневшиеся лица, висящие на одной пуговице погоны, сбитые в сторону пояса и рубахи, брюки, запачканные в зеленую мастику, которой натирали паркетные полы, и т. п. Только зоркий глаз настоящего воспитателя мог разобраться в этой шумящей массе, выделить из нее отдельные категории характеров, индивидуальные особенности, наклонности, и отделить овец от козлищ.

Новые кадетские кадры, конечно, бывали чрезвы-

чайно пестры. Они состояли, главным образом, из детей военных семей, часто соприкасавшихся с казармой и деньщиками и подвергавшихся иногда их отрицательному влиянию. Другую категорию составляли дети средних дворянских и помещичьих кругов (в корпус отправлялись, для образования за счет дворянства, сыновья орловских, тульских, калужских и курских дворян). В виде единиц встречались и дети более высокостоящих родителей, носившие известные фамилии и имевшие иногда звание "пажей". Надо при этом заметить, что эти сословные различия не играли никакой роли ни в глазах корпусного начальства, ни в глазах самих кадет. Сын захолустного пехотного капитана и сын начальника дивизии, кадет, носивший громкую историческую фамилию и носивший самую ординарную, богатый и бедный, Русский, поляк, грузин, армянин — все они в корпусных стенах чувствовали себя совершенно одинаковыми и равными. Например, "пажи" расценивались своими товарищами не по их аристократизму, а только по своим личным качествам, по тому, были ли они хорошими или плохими товарищами, подлизами, зубрилами или теми молодцами, которые отвечали мальчишеским идеалам. Естественно, при таком многоликом и многообразном составе кадетской массы, от воспитателя требовалось много умения и чуткости, чтобы мочь индивидуально подойти к каждому кадету, уловив особенности каждого и направив их по соответствующему руслу.

Мой первый воспитатель М. Х. Харкевич делал это с большим тактом, уменьем, а главное, с любовью. Особенное внимание он обратил на тех мальчиков, которые с трудом входили в новую для них обстановку, переживая тяжелую душевную ломку перехода из семьи в столь своеобразную корпусную обстановку. Я лично как раз входил в эту категорию, никак не будучи "молодцом", а скорее "тихоней", совершенно ошеломленным той переменой, которая произошла в моей жизни. Помню, как я, бывало, вместе с таким же тихим мальчиком князем Цициановым, который к тому же приехал с далекого Кавказа, в печали сиживали на широком подоконнике нашего класса. Из окна открывался широкий вид на город, и на окраине его мы видели дымки поездов, идущих в разных направлениях — к нам "домой". И об этом-то "доме" мы и вели с Цициановым грустные беседы. От внимания Харкевича не ускользали такие тоскующие мальчики, и он, бывало, оставаясь с ними наедине, ласковым словом умел подбодрить их и внушить им, что они окружены не строгим и бездушным начальством, а людьми, относящимися к ним с сочувствием и лаской.

Такой тип воспитателя был в корпусе господствующим. Все эти достойные офицеры и прекрасные, душевные люди, успешно добивались того, что очень скоро каждый из вновь поступивших кадет, каждый по-разному и с разной постепенностью, переставали чувствовать себя чуждыми корпусной жизни, одинокими и брошенными, а уже ощущали себя членами большой кадетской семьи. Вживание в кадетскую жизнь, приобретение определенных навыков и определенной психологии шло совершенно незаметно, исподволь, и под влиянием всей корпусной атмосферы, насыщенной той военной романтикой, которая создавалась и накапливалась в стенах корпусов многими десятилетиями.

Нам не твердили о том, что мы должны любить Царя и Отечество, нам не внедряли искусственно гордость военной славой, нам не говорили о чести мундира. Все это мы, незаметно для самихъ себя, впитывали каждый день из того незаметного, что составляло сущность корпусного воспитания. Я помню, какое громадное впечатление произвели на меня незамысловатые, почти лубочные картины, развешенные по стенам нашего ротного зала. Майор Горталов, рубящий саблей, поднимающих его на штыки, турок, гусар Бондаренко, спасающий раненого офицера, умирающий пленный солдат, передающий товарищу, сохраненное им на груди, полотнище полкового знамени, — все это с необыкновенной силой затрагивало самые сокровенные струны тогда еще детской души. Мраморные доски в корпусной церкви, говорившие о подвигах наших кадет, павших смертью храбрых на бастионах Севастополя, на Шипке и под Плевной, и, уже в наши дни, в Манджуріи, где при переправе через Шахэ погиб совсем недавний кадет — корнет 51 драгунского Черниговского полка Михаил Гончаров. Были жертвы и в борьбе с революцией, о чем говорило имя Главного Военного Прокурора генерала Павлова, убитого революционерами.

А знамя? Какие чувства будило оно в юных сердцах, когда, под торжественные звуки "встречи", над строем колыхалось его ветхое полотнище? Я помню, как дрогнуло сердце, на первом нашем параде, при словах команды: "Под знамя... слушай на-караул!", когда первая рота, казавшаяся тогда чем-то волшебно-недостижимым, четко отбила ружейный прием своими берданками.

Наше корпусное знамя было Николаевских времен, украшенное вензелями Императора Николая I и увенчанное золоченым Николаевским орлом с распластанными крыльями. Его шелковое полотнище было уже ветхим, и по краям свешивались истлевшие лоскутья. "Чье сердце за твои лоскутья не готово все блага позабыть и жизнь свою отдать?" С отрадой и гордостью мы, орловцы, можем сказать, что наше знамя не погибло и не подверглось надругательству со стороны взбунтовавшейся черни. Обязаны мы этим А. И. Троицкому (вып. 1915 г.), который вместе с воспитателем подполк. В. Д. Потемкиным спас его и укрыл в потаенном месте. Произошло это так. Знамя стояло в корпусной церкви, у правой стороны, где помещались черные мраморные доски с именами погибших на войне. "Было трудно заполучить ключ от двери у церковного сторожа, — рассказывает А. И. Дурново, — а когда его достали и Троицкий вместе

с подпол. Потемкиным вошли в церковь и, вынув из гнезда знамя, отнесли его в алтарь, чтобы там отделить полотнище от древка, то на хорах церкви внезапно появилась солдатня, которая долгое время шумела и не уходила. Судьба как знамени, так и участников его спасения, висела на волоске. Наконец, солдаты удалились. Сняв полотнище и одев на древко чехол, "знамя" отнесли на прежнее место, а полотнище, аккуратно сложенное, Троицкий сокрыл на своей груди и, застегнув на все пуговицы шинель, вышел с ним из церкви, намереваясь через офицерский коридор выйти из здания корпуса. Это оказалось не так-то легко и было сопряжено с немалыми опасностями для спасителя знамени. "Все же, — как говорит А. И. Дурново, — долг был выполнен. Знамя корпуса спасено". В последнюю свою командировку в Россию, в конце 1923 года, спасший знамя убедился, что знамя пребывает в сохранности там же, где было оно оставлено четыре года перед тем.

Даже такие мелочи, как стоящие в столовой или на площадке лестницы под часами, дежурный барабанщик или горнист, дробью барабана или протяжным звуком горна, оповещавшие о конце урока или обеда — незаметно прививали привычку и любовь к военному быту. То же делали военные прогулки, когда первая рота молодецки и гордо проходила по улицам Орла и строй роты замыкался жалонером, несшим, на штыке винтовки, темно-зеленый флажок с желтыми буквами О.Б.К.

Так, незаметно, день за днем, без внешнего принуждения, душа и сердце копили впечатления, формировавшие кадетскую психологию, особую единственную и неповторимую.

Мы были во втором классе, когда, вскоре после рождественских каникул, вспыхнула японская война. Излишне говорить, что событие это взволновало нас до крайности. Воспитатель наш Харкевич предложил нам выписать газету "ВОЕННОЕ ВРЕМЯ", из коей мы и черпали новости о событиях происходивших на Дальнем Востоке. Новости были нерадостные и сильно смущали нас, убежденных, до тех пор, в непобедимости Русского оружия. Тюренченский бой запомнился особенно потому, что в нем был убит отец одного из наших воспитателей Лайминга,впоследствии тоже павшего в первую мировую войну. Чрезвычайно остро переживалась гибель "Петропавловска" и адмирала Макарова и мы, с особенным чувством, на уроках пения, пели новую песню:

Спи северный витязь, спи, честный боец,
Безвременно взятый кончиной,
Не лавры победы — терновый венец
Ты принял с бестрашной дружиной...

Во вне настроения эти выразились в том, что мы стали собирать для солдат Действующей армии сахар (нам выдавали по три куска к каждому чаю) и собрали его несколько пудов, которые и были отправлены по назначению. Конечно, жертва эта не могла иметь материальной ценности, ибо войска были снабжены, в частности сахаром, вполне достаточно, но начальство поощряло наш порыв, справедливо считая, что такая, хотя и малая готовность к жертве, имеет большое воспитательное значение. В старших классах порыв этот проявился и еще в более действенной форме, а именно в стремлении воевать: несколько кадет 6 и 7 классов — бежали на войну. Конечно, дальше Курска или Тулы они не доехали, были водворены обратно в корпус и строго наказаны, вплоть до перевода в другие корпуса. Самым же крупным событием, всколыхнувшим корпусную жизнь этого периода — был приезд в Орел Государя Императора, для проводов на войну 51 драгунского Черниговского полка. Это событие имело место в самом начале мая 1904 года.

Очень рано, вероятно, часам к 6-7 утра, мы, одетые в свои мундиры с зелеными кашемировыми поясами, а офицеры в тогдашнюю парадную форму: мундиры в виде кафтанов, круглые барашковые шапочки и широкие шаровары, в эполетах и орденах, отправились к полковой церкви Черниговского полка, отстоявшей от корпуса довольно далеко, на другом конце города, ближе к вокзалу. Громадная толпа народа запрудила всю огромную площадь вокруг церкви и все прилегающие улицы. На крышах, на деревьях, на каждом выступе дома, громоздились люди, жаждущие увидеть своего Царя. Наш строй и, особенно, строй нашей 4-й роты, под командой полковника Джунковского и наших воспитателей буквально терялся в этом взволнованном человеческом море. Мы слышали бравурные звуки военной музыки, покрывающие неумолкающий рокот толпы, восторженные клики войск, громовое ура, колокольный звон, но, к нашему ужасу, мы ничего не могли видеть, совершенно затертые в людской массе, несоблюдавшей никаких правил и движимой одним желанием, хотя бы одним глазом, увидать Его. Достигший невероятной силы, восторженный и неподдающийся описанию рев громадной толпы, рвущейся вперед, показал нам, что Государь, по окончании военных церемоний, возвращается на вокзал. Только на мгновение промелькнула, сквозь бушующую толпу, исступленно кричащую ура, коляска Государя и следовавшие за ней всадники Конвоя. Мне врезалось в память, что даже под небольшим и низким мостиком, через который проезжал Царский кортеж, было битком набито людьми, которые высовывались из-под настила, с безумно-восторженными лицами, вероятно ничего не видя, но продолжая кричать — ура.

Усталые, потрясенные и совершенно разочарованные — мы уже решили, что все кончено, и, что, счастье видеть Царя пролетело мимо нас. Однако, было получено приказание вести корпус на вокзал. На перроне, как раз перед Царским поездом, вагоны которого, украшенные блестящими медными орлами, сияли лаком и зеркальными стеклами окон. — были выстроены наши четыре роты. Начальство взволнованно и озабоченно, в последний раз, оправляло наши пояса и фуражки и делало последние наставле-

ния. По перрону сновали какие-то крупные чины военные и статские в блестящих мундирах, нами до сей поры невиданных. Стояли мы долго. Мы были изнурены и предшествовавшими волнениями, и долгой ходьбой, и тем, что с раннего утра почти ничего не ели. Как раз перед нашим отделением стоял вагон царской кухни, из которого струились необыкновенно вкусные запахи кушаний, над которыми трудились важные повара в белоснежных колпаках и фартуках. Какой-то гражданский чин в треуголке и шитом мундире, видимо, поняв наши страдания, что-то сказал — и из вагона-кухни вынесли большое блюдо необыкновенных по вкусу пирожков.

Но вот все затихло и насторожилось. Приближался момент, единственный и неповторимый по своей остроте, — момент встречи с Царем. Уже прозвучал безукоризненный и четкий ответ первой роты на Высочайшее приветствие, за ним прогремели ответы второй и третьей роты, и, я, напрягаясь всем телом, охваченный необычным волнением, стоя в передней шеренге, увидел справа приближающегося Государя. Он шел медленной походкой, сопровождаемый блестящей свитой. Кто был в ней, — меня в этот миг не интересовало. Помню лишь очень смутно очень высокие и тонкие фигуры, вероятно, Великого Князя Николая Николаевича и, может быть, Сергея Александровича. Государь был в длинном сюртуке с офицерским шарфом. Он говорил, что-то нашему директору Лобачевскому, который, держа руку у поля своей барашковой шапочки, почтительно ему отвечал. Государь поровнялся с нами, Его необыкновенные лучистые глаза пробегают по нашим лицам, Он, конечно, понимает, что переживают выстроенные перед ним мальчики. Не так стройно, как предыдущие роты, но с небывалым энтузиазмом и восторгом, мы отвечаем на его приветствие. И, вот, он неожиданно останавливается перед стоящим на самом левом фланге своего отделения Борисом Кузнецовым. Этот кадет не только самый маленький среди нас, но и исключительно миловидный, с густо рдеющим румянцем на округлых щеках и сверкающими еще детскими глазами.

— Как твоя фамилия? — спрашивает Государь, с улыбкой глядя на потрясенного Кузнецова. Волнение последнего так велико, что он не может выдавить из себя ни одного звука. На помощь приходит директор.

— Кузнецов, Ваше Императорское Величество и очень хороший кадет. — Отвечает он на вопрос Государя.

Последний улыбается вновь, и что-то одобрительно говорит Кузнецову, на что тот, совершенно, растерявшись, опять не может произнести ни звука.

Через несколько минут, мимо нас плавно и медленно проходит Царский поезд. В широком открытом окне царского вагона мы видим вновь Государя, Его глаза. Его улыбку. Рядом с ним стоит Великий Князь Михаил Александрович. Мы изнемогаем от восторга, наше ура, в которое мы вкладываем всю любовь, все восхищение, всю силу наших детских чувств, кажется, готово испепелить нас. Но поезд ушел, ушел и канул в вечность неповторимый миг, который нельзя забыть до гроба. И, теперь, почти через пятьдесят лет после описанного, когда мы вместе с Б. М. Кузнецовым, встретившись чудесно в конце своих жизней в Нью-Иорке, — вспоминаем этот день, он ослепительным сиянием продолжает светить в памяти. В приказе по корпусу было отмечено, что Его Императорское Величество изволил осчастливить вопросами кадета второго класса третьего отделения Бориса Кузнецова.

В том же мае, только несколько позже, когда зацвела сирень, свешиваясь из-за деревянных заборов орловских улиц, и загустела зелень лип, коими были обсажены плац перед корпусом и внутренний плац 2-й роты, — мы вновь ходили на вокзал — на этот раз, встречать, проезжавших из Одессы в Петербург, героев Чемульпо — экипаж "Варяга" и "Корейца". На вокзале, кроме нас, никого не было и мы имели возможность полностью насладиться созерцанием редких для нас морских форм со множеством георгиевских крестиков, украшавших офицерские кителя и рубахи матросов. Последние все были молодец к молодцу, веселые и довольные, удовлетворенные прошлым, радующиеся настоящему и ожидающие радости от предстоящего представления Государю. Яркими впечатлениями от недавнего приезда Государя, от соприкосновения с легендарными героями "Варяга", в сочетании с мягкой прелестью северного мая и с ощущением близости летних каникул — закончился этот учебный год.

До Курска, для разъезжающихся на каникулы кадет, всегда давался отдельный вагон. На лето ехали и кавказцы, которые из-за дальности оставались в корпусе на Рождество и на Пасху. Все было ярко и радостно: и зеленеющие поля, расстилающиеся кругом, и деревенские мальчишки, что-то кричавшие вслед проходящему поезду, и такие мирные и уютные станции и полустанки: Стишь, Становой Колодец, Поныри и другие, на которых, с патриархальным ритуалом, отбивались звонки, раздавались свистки обер-кондуктора и ответные гудки паровоза. Поезд трогался. На ходу к подножкам цеплялись кадетские парусиновые рубашки, а в последний вагон молодецки вскакивал бравый обер-кондуктор, щеголявший своими галунами, малиново-серебряными жгутами на плечах и спокойным бесстрашием.

Русские железные дороги тех времен, своей основательностью, некоторой торжественностью своих порядков, — как бы символизировали собой всю крепость, мощь и величие Российской великой страны, бескрайные просторы, которой, во всей их красоте и поэзии, непрерывно менялись по мере бега поезда.

О, родная наша страна, о, давно ушедшая молодость!

Следующий учебный год прошел под знаком грозных событий, так болезненно потрясавших Россию. События эти, конечно, не могли отраженно не сказаться и на нашей замкнутой кадетской жизни. В корпус-

ные стены проникали струи каких-то неясных, смущающих веяний, что-то новое, и что-то враждебное нашему жизненному укладу, который казался незыблемым и, кроме которого, казалось, ничего другого и быть не могло. В своей массе, кадеты, конечно, были совершенно чужды этим веяниям, чужды той категории людей, которые назывались какими-то новыми названиями: демократами, социалистами и "кадетами". Последнее название было особенно непонятно, да и оскорбительно для нашей кадетской гордости. И, все же, и в нашей среде оказались свои доморощенные революционеры.

— Ты за Царя, или против? — спросил меня, както один из моих одноклассников, слывший "демократом".

— Конечно, за Царя, — ответил я возмущенно и он отошел от меня, с видом некоторого презрения.

Однажды, когда мы мирно скучали на вечерних занятиях, в класс вдруг вошел ротный командир Рыков, тот самый, который, по словам звериады "имел голос молодецкий и без Георгия мундир". Он имел несколько таинственный и торжественный вид.

— Встать смирно... — скомандовал Харкевич.

— Открыть парты и шкатулки, распорядился Рыков.

В первую очередь заволновались курильщики, не ожидавшие осмотра и беспечно державшие табак и гильзы не в обычных потаенных местах. Однако, на этот раз, начальство мало интересовалось табаком, гильзами и другими контрабандными вещами. Искали что-то другое. И, вот, в последнем ряду парт, начальство замешкалось у парты Космипского и Ижевского, поступивших к нам только в этом году. Были извлечены какие-то порошки, пузырьки с жидкостями, пробирки... Все затаили дыхание, запахло чем-то интересным и необычным. Держатели отобранных препаратов были немедленно отправлены в карцер и... больше мы их не видели. Оказывается они подготовляли, не больше и не меньше, как террористический акт против Рыкова, в сущности, вполне безобидного и только немного шумливого, крикливого, но очень попечительного о своей роте, командира. Кажется мне, что постигшая виновных кара, была слишком сурова, ибо вся эта затея носила явно мальчишеский и смехотворный характер, революционности в ней, конечно, было очень мало.

Один кадет-суворовец рассказывал мне, что в его корпусе в эти смутные годы, тоже были проявления некоторой революционности. При этом, директор корпуса, — педагог по призванию и, видимо, большой знаток мальчишеской психологии, — призвал к себе виновных и сказал им:

— Наказывать я вас не стану. Пусть ваши товарищи сами решат, что я с вами должен делать.

Товарищеский суд был строг, но справедлив. Он постановил, что виновные в революционных увлечениях должны быть... расстреляны. Беспощадность этого приговора была использована директором в его назиданиях осужденным. Они были настолько потрясены категоричностью товарищеского суждения, что совершенно излечились от своих увлечений и, оставленные в корпусе, спокойно его окончили, перешли в военные училища и стали хорошими офицерами. Может быть, именно так должно было поступить и наше начальство в отношении наших террористов.

Проявление революционных настроений, к сожалению, не ограничилось этим случаем. Повидимому, среди кадет старших классов настроения эти имели более серьезные и глубокие корни. Во-вне это проявилось во время октябрьского манифеста, возвестившего конституцию. Младшие классы, конечно, лишь очень смутно разбирались в происходившем и не придавали никакого значения ни манифесту, ни тому, что за ним следовало... В первой же роте, видимо, имелась группа кадет, имевших определенное мнение как об этом, так и о других событиях того бурного времени. В день получения известия о манифесте, в городе чувствовалось сильное возбуждение. Из окон корпуса мы наблюдали, как куда-то на рысях отправилась казачья сотня; какие-то толпы собирались на улицах. Просочились слухи о том, что какие-то демонстрации происходят в семинарии, куда, вероятно, и направились казаки. Под влиянием охватившего их возбуждения, кадеты первой роты, разобрав винтовки, бросились на улицу, очевидно, желая принять участие в демонстрации. Тщетно дежурный офицер пытался преградить им путь. Выстроившись у корпуса, первая рота, или часть ее, с оркестром музыки двинулась без офицеров в город. Впрочем, политический пафос демонстрантов сочетался с традиционным кадетским тяготением к институткам, а потому они и направились в первую очередь к зданию Института Благородных Девиц. Там их и нагнал воспитатель подполковник В. Д. Потемкин (во время гражданской войны расстрелянный, по трагическому недоразумению, белыми) и, скомандовав:

— Правое плечо вперед!.. — отвел их в корпус.

Эта демонстрация, безусловно носившая политическую окраску и связанная с очень серьезным нарушением дисциплины, несомненно, была лишь внешним выражением тех течений, которые потаенно зрели среди части кадет, увлеченных "передовыми" идеями. Вероятно, у них были и связи со внешним миром, и велась какая-то, может быть, не очень серьезная, но во всяком случае революционная, особенно с нашей кадетской точки зрения, игра.

Мне припоминается, что в том же году, когда мы ехали на рождественские каникулы, один из кадет-семиклассников, к моему глубокому изумлению и негодованию, которое я не посмел высказать, повел в вагоне разговор с каким-то железнодорожником по поводу недавнего московского восстания и только что окончившейся железнодорожной забастовки, проявляя при этом, во-первых, большое знание технических подробностей революционного дела, и во-вторых, определенную к нему симпатию.

Результаты выступления первой роты не замедли-

ли сказаться. Из Главного Управления Военно-Учебных Заведений приехал генерал Попруженко и повел следствие, повидимому, подтвердившее известное неблагополучие в корпусе. Кажется, несколько кадет были исключены,, другим дана была возможность кончить курс, но без права перехода в военныя училища. Были уволены и подозрительные по либерализму преподаватели. В их числе были: учитель рисования Колесников и учитель Русского языка, донской казак, небезызвестный писатель Ф. Д. Крюков. Он, кстати сказать, совершенно не интересовался своим преподавательским делом, на уроках явно скучал и большую часть времени занимался чтением вслух. Читал он мастерски, и, например, некоторые отрывки из "Мертвых Душ", особенно о Петре Петровиче Петухе, я помню до сих пор в его чтении. Позже он сотрудничал в "Русских Вѣдомостях" и в "Русском Богатстве", а в революционные дни написал патриотическое стихотворение "Родной Край".

Традиционный кадетский бал — 8 ноября — был отменен. Производство в вице-унтер-офицеры было задержано и состоялось только к концу учебного года, а фельдфебеля штрафованный выпуск получил только накануне выпуска.

После декабрьского московского восстания, как известно, была проведена всеобщая железнодорожная забастовка. Нам она грозила тем, что мы либо совсем могли не поехать домой на Рождество, либо поехать с запозданием. Это нас чрезвычайно волновало. Однако, за несколько дней до отпуска, поезда пошли. Но общий характер рождественского путешествия был несколько иной, чем обычно. Какие-то новые и тревожные нотки чувствовались в нем. Расписание еще не наладилось. Мы выехали из корпуса не днем, как обычно, а ночью, причем ехали не на трамвае, а на извозчиках, которые почему-то везли нас по глухим, заваленным сугробами, окраинным улицам, где в некоторых домах светились красные фонари. Зима стояла суровая и снежная. Поезда с трудом пробивались через заносы, задерживаясь на станциях; в буфетах отогревались пассажиры, а в поле змеями вилась поземка и стонала метель. В громадном зале первого класса Курского вокзала среди однотонного гула голосов прорывались разговоры о войне, о Порт-Артуре. Я по-мальчишески был убежден в том, что генерал Стессель, коего я считал великим героем, никогда не сдаст Порт-Артура. И вот, к моему смущению, в Курске, а затем и в вагоне, где какие-то добродушные немцы угощали меня колбасами, наполнявшими их громадные корзины, я услышал, что Порт-Артур пал. Но не верил — так это казалось мне невероятным. На том же Курском вокзале, при пересадке на киевский поезд, мы пережили ранящие мгновения, когда какие-то бородатые запасные в мохнатых папахах, враждебно кричали нам:

— Эй, вы, будущие Стессели!

Г. Месняев

(Продолжение следует).

Атаманское военное училище под Каховкой

(1920 ГОД. *Окончание*).

Вернувшись на хуторок, мы поели из походной кухни и разошлись отдыхать, не обращая внимания на звуки боя.

Как и в предыдущие дни, на хуторкѣ было очень оживленно. Говорили, что большевиков выбить теперь из Каховки невозможно, что по всей линии фронта идут напряженные бои, что скоро придет на помощь пехота Кутепова. С нами на фронте был неразлучно помощник Начальника Училища, блестящий боевой генерального штаба генерал Попов. В моей сотне в строю оставался из офицерского состава один штабс-капитан Пименов. Остальные были переранены. Выбыл также из строя, за ранениями, ряд юнкеров.

2 августа (15-го по новому стилю) юнкера узнали, что пехота Слащева пойдет в наступление. Часам к трем дня огонь красных стал усиливаться. С окраины хуторка мы наблюдали за происходящим. Разрывы снарядов постепенно заволокли степь однообразной бело-бурой полосой. Кое-где среди нее взметывались к небу высокие черные столбы тяжелых снарядов. Даль наполнилась гудением, звуками разрывов. Земля ровно и глухо дрожала. Рядом крикнули:

— Пошли... Наша пехота идет в атаку!

На горизонте сразу обозначились маленькие темные фигурки. Они исчезали в дыму разрывов, скрывались и медленно удалялись от нас. Через некоторое время они скрылись за горизонтом. Артиллерийский огонь большевиков отодвинулся тоже. Проходили томительные минуты. Мы ждали утешительных вестей с линии боя. Вдруг завеса артиллерийского огня снова стала вырастать над горизонтом. В небе появился вражеский аэроплан. Бой откатился на линию ближнего горизонта. Огонь то замедлялся, то вспыхивал с необычайным ожесточением. Цепи Слащевской пехоты заметно мялись на месте. Позже степь грозно загудела и задрожала. Слащевская пехота, покрытая пеленой разрывов, отходила назад.

На хуторке началось движение. Полевой госпиталь оживился. Оттуда вытягивались уже к шляху подводы с ранеными. Над отходившими цепями то здесь, то там разрывалась пристрелочная шрапнель в два облачка — бело-зеленое или бело-красное. И сразу после этого нарастал огонь красных батарей. Бой медленно приближался к хуторку. Уже отчетливо до-

носились звук пулеметов и беглая ружейная стрельба. Потом в поле показались крупные точки наших отступавших батарей. Вся линия фронта перед нами шла назад. Быстро пробежал приказ:

— Тревога... Юнкера в ружье!

В номерном порядке сотен — Атаманское Военное Училище, за ним Донское, стали выходить из хутора, навстречу отступающим. В поле первая сотня юнкеров-атаманцев рассыпалась в цепь. Двести шагов спустя, наша сотня сделала то же перестроение. Подравниваясь, с винтовкой на ремень, пошли более свободно вперед. На высокой скирде справа мы узнали генерал-лейтенанта Попова. Он опустил бинокль и взял под козырек проходившему в бой училищу. Стали попадаться раненые. Одних несли, другие отходили сами. Большевики вскоре заметили нас — по цепям начался обстрел дальнобойной артиллерии. Воздух наполнился свистом и жужжанием пуль.

Мы встретились с конной батареей. Ея командир крикнул издали:

— Какая часть?

Ему ответили:

— Атаманское Военное Училище.

Командир остановил отступавшую батарею. Он стоял с нею и, высоко подняв руку, осенял широким крестом проходившие цепи юнкеров. Немного погодя, обернувшись, я увидел, что батарея поворачивает обратно. Она пошла тоже вперед за юнкерами.

Вскоре огонь накрыл нас по всему фронту. Наконец мы дошли до частей Слащевской дивизии и стали пропускать их через себя. Какие это были герои! Они шли шагах в пятидесяти друг от друга, останавливались, целились, выпускали обойму, потом на ходу перезаряжали винтовки и шли медленно дальше. Они нам сказали, что впереди никого из наших частей больше нет. Есть прорыв, не меньше версты по фронту, большевики наседают, стреляют очень сосредоточенно и метко. Впереди открылся пологий спуск. Наши цепи, не стреляя, сближались с красными. Стали выбывать из строя раненые юнкера. Огонь противника сосредоточился на наших цепях. Земля и воздух были насыщены потоком льющейся и разрывающейся стали. Пыль от пуль пулеметов пробегала под ногами трепещущей лентой.

Головную, первую сотню вел войсковой старшина Кочетов. Продвинувшись вперед до последней меры возможности, он положил своих юнкеров. За первой сотней залегли и наши. Затем, перебежками по звеньям, начали приближаться к красным. Кочетов не ложился и рассматривал красных в бинокль. Наша сотня затягивала прорыв вправо и выходила на линию первой сотни. Мой взвод очутился в стыке с правым флангом первой сотни, куда перешел Кочетов.

В это время через наши головы загудели первые снаряды батарей, открывших огонь по красным. Юнкера, по команде, открыли беглый огонь по противнику. Быстро входили в действие наши пулеметы. Какой-то аэроплан пролетал низко над цепями. Бой дошел до высшей степени напряжения. Мне крикнули из взвода:

— Господин портупей-юнкер, патроны кончаются!..

— Кто за патронами от нашего взвода? — спросил я.

Мне назвали фамилию юнкера. Оказалось, что он, выбившись из сил, отстал где-то позади. Кто-то сказал, что заметил его с патронными ящиками в одной из воронок от снаряда. Делать было нечего. Несмотря на убийственно-сильный огонь, пришлось разыскивать самому этого нерадивого юнкера. Передав командование взводом моему заместителю, я начал шарить по всему полю и, шагах в ста позади, нашел юнкера с патронами. Крепко обругав его, я поднес с ним ящики с патронами в цепь.

Подходил критический момент боя. Из сотни Кочетова и из нашей несколько юнкеров бросились вперед с криком "ура". Кочетов их остановил и вернул в цепь. Потом он подозвал меня. Не опуская бинокля от глаз, Кочетов приказал мне:

— Передать по цепи: взводным портупей-юнкерам принять командование своими взводами... По отступающему противнику... стрельба по-взводно... залпами... с колена...

Я поднял свой взвод и поставил на колено. Сам стал на фланге, слушая Кочетова.

— Прицел шесть! — бросил Кочетов.

Я передал прицел и, не дожидаясь дальнейшего, скомандовал своим юнкерам:

— Взвод... пли! Взвод... пли!

Взвод полыхнул огнем. Следующие взводы тоже начали залпами расстреливать отходящих красных. Слева гремели залпы всей первой сотни.

— Переменить прицел, — скомандовал Кочетов, — прицел восемь.

И снова я поднимал фуражку и опускал ее:

— Взвод... пли! Взвод... пли!

В пологой лощине, лежавшей перед нами, показались бегущие назад фигурки красных. К ним подскакивали всадники, размахивая чем-то в воздухе.

— Это их комиссары загоняют обратно, — сказал мой сосед-юнкер.

Несколько пулеметов прикрывали бегство большевиков. Один из них был особенно неприятен. Каждый раз, когда его веер подходил к нам, пули ложились необыкновенно точно. Мы стреляли уже в одиночку, выбирая каждый себе свою мишень. Огонь со стороны красных, кроме пулеметов, быстро затихал. Солнце склонялось низко. Начинался закат.

К цепи юнкеров подскакала карьером тачанка. В ней сидел ставший нашим общим любимцем поручик слащевской пехоты. С ним был тот же верный солдат и на заднем сиденьи тачанки — пушка Гочкиса. Он быстро окинул взором равнину и спросил:

— Перед вами есть пулемет? Покажите мне его точно.

Ему стали объяснят, где находится пулемет крас-

ных. Поручик долго разглядывал местность через свои большие очки и, наконец, заметил, пулемет. Солдат повернул лошадей. Офицер приложился к пушке и стал наводить, потом дернул за спуск. Пушка рявкнула. Несколько мгновений спустя, на месте тачанки красных появилось облачко. Когда оно разошлось, силуэт тачанки осел. Одна из лошадей билась на земле, и потом, выпутавших из постромок, понеслась в сторону по полю.

— Попал? — улыбнулся поручик.

— Ура!.. — закричали ему в ответ юнкера.

— Надо искать теперь другой, — сказал он и, сев в повозку, понесся вскачь дальше по фронту, сбивать следующий пулемет.

Бой стихал. Над степью, в розовых лучах заката, медленно расплываясь широким пологом, оседала пыль. Впереди слышались крики брошенных большевиками раненых. Кое-кого из них юнкера подобрали и отправили в тыл. Мы отошли немного назад и выслали сторожевое охранение. Поздно ночью нас сняли с фронта.

В хуторке произвели перекличку. Многих не хватало.

— Спасибо, юнкера, за образцовое ученье! — бросил юнкерам войсковой старшина Кочетов и, получив в ответ бодрое "рады стараться!", распустил строй на отдых.

В нашей сотне был тяжело ранен в живот капитан Жуковский, легко — войсковой старшина Страхов и еще один поручик. Помимо раненых в первый день боя пулеметчиков, выбыли из строя и другие юнкера. среди них юнкер Скрынник, тяжело раненый пулей в лоб, вахмистр сотни и другие. В первой сотне оказался раненым в грудь навылет войсковой старшина Сохранов, в ногу — есаул Колышкин, в голову пулей навылет юнкер Ашуркин. Был тяжело искалечен юнкер Никольский, болѣе легко — Михайлов, Номикосов. Общій список раненых был довольно длинный.

На следующий день, ввиду достаточно тяжелых потерь, понесенных училищем в боях под Каховкой, юнкера, по распоряжению Главнокомандующего, были сняты с фронта совсем. Мы отходили в Армянск походным порядком. Вдоль дороги еще виднелись следы недавних боев — неубранные, распухшие трупы красных, разбитые снарядами повозки, убитые лошади. Подходя к Армянску, наша сотня остановилась и выстроила фронт вдоль дороги, пропуская обоз с ранеными.

— Слушай, на-краул! — скомандовал штабс-капитан Пименов. В последней, медлено идущей повозке лежал без сознания юнкер Скрынник. Рядом с ним был капитан Жуковский. Услышав команду, Жуковский поднял голову, встречаясь глазами со строем. На лице его светилась тихая улыбка... В ту же ночь он скончался в Армянске.

В Бахчисарае, где вторая сотня была оставлена при штабе Училища, мы узнали, что наша атака, закрывшая прорыв под Каховкой в самый безнадежный момент, была высоко отмечена Главным Командованием. От генерала Врангеля была получена поздравительная телеграмма. Начальнику обоих училищ было предложено представить к наградам наиболѣе достойных юнкеров. Я был особенно рад — меня представляли одновременно к двум Георгіевским крестам. Увы, этой маленькой радости не было суждено осуществиться: генерал Максимов ответил Главному Командованию, что у него нет более или менее достойных юнкеров. Училище получило общую и высшую Георгиевскую награду. Отдельно были награждены только несколько человек, главным образом очень тяжело раненые юнкера.

Иван Сагацкий.

Из далекого прошлого

ОТ РЕДАКЦИИ: Редакция *"Военной Были"* с особым удовольствием помещает статью нашего нового сотрудника Д. Л. Де-Витта, воспоминания о Сумском кадетском корпусе, славном корпусе, кадеты которого только что спасли свое знамя из-за "железного занавеса" (см. № 9 *"Военной Были"*).

Сумский Кадетский Корпус...... Как много говорят эти слова, сколько дорогих воспоминаний юности, и тени прошлого встают, как живые....

Наш Корпус был один из самых молодых в старой Императорской России, успевший до революции дать всего одиннадцать полных выпусков. Корпус был громадный, все классы имели по два, а часто и по три параллельных отделения. Светлые большие ротные залы, украшенные вдоль стен живыми пальмами в зеленых кадках. Десятки полотеров ежедневно по утрам натирали паркет, затоптанный за день кадетскими ногами. По стенам висели картины и гравюры из военной жизни и изречения великих русских людей и полководцев. Нарядная, с колоннами, столовая, свободно вмещающая одновременно все четыре роты, где в Царские дни и в день корпусного праздника, во время обеда, играл оркестр корпусной музыки или трубачи 10-го драгунскаго Новгородского полка — наших соседей. Громадная портретная белая зала, где зимой, в плохую погоду, для парадов выстраивался во взводных колонах весь батальон корпуса со знаменем и проходил церемониальным маршем. Рядом была гимнастическая зала, с постоянной сценой для спектаклей. Уютна и красива была наша церковь, храня справа от алтаря, в чехле, корпусную святыню — знамя. Образцово оборудованный лазарет лаборатории, химический каби-

нет, своя электрическая станция, просторные офицерские флигеля, чудный парк с купальней на реке — все это был наш Корпус, где воспитывались мы, дети русского офицера, готовясь посвятить себя службе Родине, следуя примеру наших отцов, а часто и дедов.

Сравнительно с другими Корпусами, мы были порядочно избалованы: одевали нас прекрасно, мундиры были трех сроков, шинели двух; спали мы на мягких кроватях с пружинными сетками. Всей этой роскошью и красотой обстановки, Корпус, в большой степени, обязан был крупному жертвователю, южному сахарозаводчику Харитоненко, который безвозмездно предоставил Военному Ведомству большой участок земли и крупный капитал на постройку в Сумах Кадетского Корпуса.

Несмотря на весь этот комфорт, дисциплина была суровая, и вся жизнь наша была распределена до мелочей. С малых лет приучали нас к порядку и чистоте. По команде — смирно — все замирало и за всякое нарушение следовало наказание. Каждый раз, становясь в строй для молитвы или строем идя в столовую, взводные-каадеты, а то и дежурный офицер, проходя вдоль фронта, осматривали у каждого сапоги, медныя бляхи, пуговицы, — и не дай Бог, если все это не было доведено до блеска: сыпались наряды, записи в журнал и изгнание из строя. В младшей 4-ой роте, командир ее, полковник князь Шаховской, часто сам осматривал у своих кадет чистоту рук, ушей и шеи, и жестоко наказывал нерях.

Жили мы чрезвычайно дружно и чувство товарищества вкоренялось в нас глубоко; ни уныние, ни жалобы не допускались в кадетской среде. Материальная сторона жизни в Корпусе не существовала; возвращаясь из отпуска, все деньги мы сдавали воспитателю. Если же, кто их утаивал и, в дальнейшем, это обнаруживалось, то деньги конфисковались и, в присутствии виновного, офицером-воспитателем опускались в Церковную кружку. Мы все чувствовали себя равными, принадлежа к одной военной семье. В 1-ой роте, мы много увлекались игрой на билиарде, спортом, гимнастикой, и все это создавало бодрую, здоровую атмосферу, где для разгильдяйства не было места; все старались быть подтянутыми, аккуратными и тщательно отдавать честь. Занимались мы много и зубрили не мало: требования были высокие и баллы ставились скупо.

Много дал корпусу наш многолетний, последний директор, нами всеми любимый и уважаемый, Генерал-лейтенант Андрей Михайлович Саранчев, суровый и требовательный начальник, и в то же время глубококультурный и гуманный человек. По службе своей он был коренной офицер Л.-Гв. Павловского полка, затем, окончив Академию Генерального Штаба, долго служил в Кавказском Военном Округе, где командовал доблестным Апшеронским полком. Генерал Саранчев прекрасно разбирался в людях и сумел подобрать хороший личный состав офицеров и преподавателей. По положению, кадетам в Корпусе запрещалось курить. Директор наш сам был некурящий, и курильщикам объявил войну. Поймают курильщика (даже 1-ой роты) — сразу попадал в карцер, кроме того ему сбавлялись два балла по поведению и автоматически накладывался целый ряд ограничений: без отпуска, запрещение записи на сладости, и пр., и пр., и навсегда уже исключалась возможность получить унтер-офицерские, не говоря о фельдфебельских, нашивки. Кадеты-курильщики как бы переводились в разряд — штрафованных, — и в лучшем случае, при окончании Корпуса, могли иметь 9 по поведению.

После Рождественских каникул, мы возвращались из отпуска 6-го января вечером. Курильщики в 1-ой роте возвращались 5-го, то есть, уже накануне, и из них, вместе с оставшимися в корпусе на каникулы кадетами, составлялся сводный взвод или полурота, для присутствия со знаменем на Крещенском параде и водосвятии.

Почти каждый раз, как ловили нового курильщика, Директор появлялся перед выстроенной ротой, говорил грозную речь, смысл которой всегда сводился к следующему: есть закон запрещающий кадетам курить; раз вы теперь уже не исполняете приказания, какой же вы будете потом офицер и воспитатель солдат?..

Кроме всего, Директор наш был большой знаток русской истории, зная наизусть все события, года, царствования, и проч., часто посещая классы во время уроков истории, задавал кадету летучие вопросы по курсу. Однажды в 6-ом классе он спросил меня год Куликовской битвы: я не знал. Это был позор, который он не мог мне простить. Если случайно в общей толпе кадет ген. Саранчев замечал меня, то на ходу непременно ядовито вопрошал: — Де Витт, в котором году была Куликовская битва? — В 1380 году, Ваше Превосходительство. — Так помните это и не забывайте — бросал он на ходу и быстро удалялся.

Лет десять спустя, пережив и революцию, и крушение Белых Армий, мы случайно встретились в Париже, около церкви. Встреча для обоих нас была неожиданная и радостная. Ген. Саранчев заключил меня в свои объятия и мы расцеловались. Потом он вдруг задумался, что-то припоминая: — А помните ли вы еще, когда была Куликовская битва? — Я назвал год. — Скажите, здорово я вас допекал этим в Корпусе?.. Теперь я спокоен, — вы запомнили это навсегда, — и мы оба разсмялись....

Часто приходилось и приходится слышать отзывы, которые были проникнуты оппозицией в армии и правящему классу. С пеной у рта, они говорили о произволе, грубости, пьянстве и всяких пороках, якобы царивших в закрытых Военно-Учебных заведениях. Ничего подобного, конечно, не было. Наши Российские корпуса и Училища были на-редкость здоровы по духу и по морали, за этим зорко следило начальство, да и сами товарищи.

Мне припоминаются два характерных случая.

Один имел место в 4-ой роте, когда я кончал уже корпус. Один из малышей украл какую-то мелочь у своего приятеля, был пойман на месте, и конечно жестоко избит товарищами по классу; но дело все же дошло до начальства, которое решило, в назидание другим, круто расправиться с виновником. После обеда, в столовую вошел Директор; команда — встать... смирно — все замерло. Директор вызывает из строя виноватого. В нескольких словах перед всем корпусом генерал Саранчев обрисовал поступок провинившегося малыша-кадета и сказал: — Военная среда не терпит воришек, ибо они позорят погоны, которые они носят. Я вас должен выгнать вон, но этим я нанесу тяжелый удар вашим честным родителям. Я приказываю срезать вам погоны, которые вы недостойны носить. — И тут же каптенармус большими портняжными ножницами, щелкнув два раза, оставил на бушлате только кусочки белого сукна, вшитые в плечо погон. Это было самое позорное наказание в наших корпусах. Кадет со срезанными погонами в строй становиться не смел, и ходил сзади отдельно; ел за отдельным столом, сидел один на парте, товарищи его сторонились, он был обесчещен. С ним запрещалось разговаривать и играть, и так выдерживали виноватого три-четыре месяца, пока он не исправлялся.

Вот другой случай. Я был в 1-ой роте, в 6 классе. Мы были на военной прогулке, — проделав верст 10-12 похода, со скатками винтовками и пр. снаряжением, остановились на привал, а затем стали заниматься сигнализацией флажками по азбуке — Морзэ. — Один из взводов попал на хутор, и мой товарищ по отделению, кавказец Д., где-то раздобыл водки, и сразу от непривычки опьянел и заснул на сене. Это было вскоре замечено офицером-воспитателем. Пьяного Д. уложили на подводу, укрыли шинелями и отправили в Корпус, где его поместили в лазарет проспаться. Мы его в роте больше не видели... На следующее утро, Д. с одним из корпусных барабанщиков (солдат), при надлежащей бумаге, был отправлен к своим родителям во Владикавказ. Двери корпуса были для него закрыты.

Вот эти два прискорбных и единичных случая показывают, как реагировало начальство и как резко пресекалось в жизни Корпуса всякое беззаконие и распущенность. Кадеты в своей массе были большие патриоты, политикой никто и не интересовался. Газеты в 1-ой роте получали, но читали мало, интересовались, главным образом, приложениями к "Новому Времени", "Нивой", журналом "Разведчик". За пребывание в Корпусе, мы перечитали, конечно, всех русских классиков. В вечерние часы иной раз устраивалось в отделениях чтение вслух в присутствие воспитателя, после чего происходил обмен мнений о прочитанном. Мы были молоды, интересовались жизнью и шли с ней.

Прошло уже сорок лет, как я покинул стены родного Корпуса, и сегодня с глубокой благодарностью вспоминаю я счастливые годы моей молодости, когда был Царь, и с Ним могучая Россия, и мы, кадеты, жили чудной сказкой — отдать все для верного служения Им.

Д. Де-Витт.

Париж, 1954 г.

НА ЗАКАТЕ

(Окончание).

Глава 6.

Отгремели последние выстрелы Императорского салюта... Замирали последние перекаты "ура", катившегося по всей линии, вытянувшегося на Большом Кронштадтском рейде, флота. Медленно расплывались в тихом, теплом воздухе ясного осеннего дня, облачки дыма... Стоя на крыле мостика своего флагманского корабля, Сенявин провожал взглядом, удалявшийся по направлению, скрытого в дымке, Петербурга, пароход, сквозь густые клубы дыма которого просвечивал, изредка трепетавший на мачте, Императорский Штандарт... Медленно опустив, приложенную к треуголке, руку, он кивнул, стоявшему за ним командиру.

— Давайте отбой...

Прозвучали рожки, пророкотали барабаны...

— С ноков долой...

С реев и марсов посыпались белые фигурки матросов.

Сенявин перевел взгляд: на западе, освещенные косыми лучами опускавшегося к горизонту солнца, белели паруса уходившей эскадры... Адмирал прошел в свою каюту. Положил на стол треуголку, отстегнул саблю, опустился в кресло... Сегодня был ЕГО праздник. Сегодня он представлял, вверенный его командованию флот, его Державному Вождю. Государь пожелал лично проводить, уходившую в Средиземное море, эскадру контр-адмирала графа Гейдена, отправляемую на соединение с английской и французской эскадрами, для придания большей внушительности выступлениям союзной дипломатии перед Блистательной Портой с протестом против жестокости, с которой турки подавляли греческое восстание. Просьба Сенявина, о разрешении ему лично повести эскадру в так хорошо ему знакомые воды, была отклонена Императором.

— Дело там ограничится, по всей вероятности, одной демонстрацией. Появления трех эскадр будет достаточно, чтобы образумить Порту. — И, заметив,

со свойственной ему чуткостью, как тяжело было Сенявину отказаться от этой мысли. Государь добавил, кладя руку ему на плечо:

— А ты мне нужнее здесь. Флот перенес тяжелую болезнь и нужна не столько опытная, но и любящая рука, чтобы направить его первые шаги, на пути к выздоровлению.

Оставалось только склониться перед волей Государя и Сенявин искал утешения в том, что лично руководил всем снабжением и обучением эскадры. Увлекаемые им, все, от адмирала до матроса, работали не покладая рук, с одной лишь мыслью — представить эскадру в самом лучшем виде.

Государь, прибывший с утра, посетил весь флот, особенно долго останавливаясь на уходивших судах, и неоднократно выражал свое полное удовлетворение их блестящим видом. Восторженное настроение, охватившее всех, все возрастало. Рыцарская натура Государя, его открытый взгляд, внимание и чуткое отношение очаровывали всех. Стихийное "ура", несшееся ему вслед, при съезде с кораблей, не было просто бездушным церемониалом, а горячо и искренне вырывалось из сотен сердец. Закрыв глаза, Сенявин переживал еще раз картину прохождения Государя, окруженного свитой, все время увеличивавшейся, по мере продвижения, примыкавшими судовыми офицерами, по палубам "АЗОВА" — флагманского корабля графа Гейдена. В батарейной палубе, сверкающей чистотой, Государь останавливается. Внимание его привлечено большим деревянным щитом, укрепленным на переборке, на котором, из начищенных блестящих ружейных замков, сложена крупная надпись: "ГАНГУТ, ЧЕСМА и..."

— А, что же после "и", Михаил Петрович? — обращается он к стоящему рядом, командиру. Лазарев слегка спешил... Этот щит для него новость... Он ищет командира плутонга... Вот он — молодой, высокий мичман с открытым лицом и сияющими глазами, впившимися в лицо Государя... Взгляды его и командира встречаются...

— Первая победа флота Вашего Императорского Величества... — звонко раздается ответ восторженного молодого голоса.

Ласковая улыбка появляется на красивых чертах Императора Николая Павловича.

— Молодец... Смотри же, чтобы ты вернулся с Георгием...

— Рад стараться, Ваше Императорское Величество... Глаза мичмана сияют. Можно быть уверенным, что он или исполнит Высочайшее пожелание или сложит свою голову

— Ваше Величество, докладывает Сенявин, я предлагал мичману Альскому взять его флаг-офицером в свой штаб, но он отказался, предпочитая оставаться в строю, на боевом корабле.

— Хорошо, произносит задумчиво Государь, вы им довольны, Михаил Петрович?

— Обещает быть отменным офицером, отвечает убежденно Лазарев. Такая оценка в устах этого глубокого знатока и строгого, но, беспристрастного судьи качеств офицера стоит десятка шаблонных "аттестаций о хорошем кондуите".

— "Хорош Андрюша — такому не страшно вверить счастье Звездочки. А с папашей мы уж справимся, после возвращения Андрюши" и мягкая задумчивая улыбка скользнула по лицу адмирала, при мысли о его любимце...

С палубы донеслись звуки вечерней зари. Сенявин подошел к широко открытому полупортику. Солнце стояло низко над горизонтом, а под ним небо горело расплавленным золотом и серебром. на котором плавали здесь и там розовые, лиловые и голубые облачка с пылающими краями..... В этом море огня и света, глаз скорее угадывал, чем видел, черные точки — концевые корабли уходящей эскадры... Мысль понеслась им вслед... Этап за этапом переживал он их путь... Вот они входят на рейд Портсмута... Гром салюта... Приемы.... Англичане умеют быть любезными хозяевами, когда захотят... А это — желанные гости... Не то, что мы, тогда... Дальше..: Шквалы и штормы в вечно неспокойной Бискайке... Скалистые берега Испании, о которые день и ночь бьется темно-синяя, почти черная, волна океана... Гибралтар... Им не надо ночью, тайком, пробираться мимо него... А затем уже, ласкающиеся, голубые волны Средиземного моря... Э-эх... Сенявин расправил плечи.

— Кажись, все бы отдал, чтобы быть на месте Логгина Петровича...

Нельзя. Государь прав: здесь ждет большая ответственная работа, здесь нужен его опыт... А затем... Надо дать дорогу молодым. Помочь им, направить их — а затем они сами должны приобретать тот жизненный опыт, который покупается иногда очень дорогой ценой, ценою боли и страданий, и который не могут заменить никакие слова, никакая наука.

Он снова взглянул на далекий горизонт. Все ярче разгорались краски заката... Закат наступал и для него... Обманывать себя нечего... И надо только смиренно благодарить Господа за то, что Он даровал ему такой ясный, такой светлый закат, — не в тумане забвения, не во мраке отчаяния...

В открытый световой люк донеслась сверху отчетливая команда вахтенного лейтенанта:

— Караул наверх... Команда, по вахтенно, во фронт...

На пороге появилась фигура вахтенного гардемарина:

— Ваше Высокопревосходительство. Без пяти минут спуск флага.

— Хорошо. Доложите флаг-капитану, что я прошу чинов Штаба на заседание, после спуска флага.

Сенявин взял фуражку и направился к трапу... На закате время еще дороже... Надо использовать каждый час, каждую минуту... Пока не наступила ночь...

Глава 7.

Вся Садовая была запружена народом, повозками и экипажами всех видов. На Невский не пропуска-

ли. Цепь полицейских чинов останавливала всех у здания Публичной Библиотеки. За нею виднелись кивера, стоявших шпалерами, войск. От времени до времени, офицеры, с озабоченным видом, обходили ряды, делая замечания, поправляя амуницию. По временам, раздавалась команда:

— Смирно... Господа офицеры...

Толпа вытягивала шеи, но снова успокаивалась, видя, что это только какой-нибудь штаб-офицер, на тяжелом спокойном коне, медленно объезжал ряды, проверяя критически взглядом и без того безукоризненное равнение и выправку.

— Куда лезешь? Не видишь, что ли, что нельзя ехать? — обрушился жандармский офицер, на беспокойно танцующем коне, на кучера большого, забрызганного весенней грязью, дорожного экипажа, пытавшегося выбраться из общей гущи. Но заметив, что седоками этого экипажа была молодая женщина с темными локонами, обрамлявшими прелестное, дышавшее жизнерадостностью и счастьем, лицо и офицер в дорожной шинели, он приложил руку в белой перчатке к козырьку своей каски и произнес уже совершенно иным тоном:

— Извините, господин... лейтенант, если не ошибаюсь? Проезд, к сожалению, сейчас закрыт...

— Пока еще только мичман, отозвался молодой моряк, улыбаясь и отвечая на приветствие, разрешите спросить по какому случаю?

— Как?.. Вы не знаете? Весь Петербург на ногах... А... я понимаю..: Вы вероятно с дороги? Из провинции, может быть?

— Из самой глуши Пензенской губернии, — ответил мичман. После шестимесячного отпуска... Так что же?

— Ожидается прохождение похоронной процессии с останками скончавшегося Командующего Балтийским флотом, адмирала Сенявина.

— Сенявин?... Умер?... — этот, полный изумления, испуга и горя, вопрос вырвался одновременно у мичмана и его спутницы, на больших карих глазах, которой сверкнули крупные слезы.

— Простите, сударыня, забормотал озадаченный жандармский офицер, что я так... без подготовки... сообщил эту весть, видимо очень опечалившую вас... Вы наверное близко знали покойного адмирала?

Молодая женщина, вытирая глаза, молча, кивнула головой, мичман крепко сжал губы.

— Может быть... вам угодно подойти ближе? Здесь, как раз, стоит рота лейб-егерей, которой командует мой родственник... я попросил бы его, говорил офицер, стараясь загладить свой невольный промах.

Мичман быстро взглянул на свою спутницу.

— Мы будем вам очень благодарны.

Жандармский офицер, соскочив с коня и бросив поводья свирепого вида вахмистру с нафабренными черными подусниками, провел их сквозь полицейский кордон и познакомил с ротным командиром. Бравый капитан, рассыпавшись в любезностях перед дамой, поместил их впереди группы зрителей, успевших пробраться вперед до оцепления. Вдали слышался приближающийся глухой рокот барабанов...

— Какая потеря для флота... — говорил Альский, вглядываясь в приближавшуюся процессию. Я, как сейчас, вижу его на смотру перед нашим уходом... И, не знаю почему, но он — Командующий флотом, отнесся, как-то особенно внимательно, я сказал бы даже сердечно, ко мне, маленькому мичману.

— А я знаю, ответила, улыбаясь сквозь слезы, его молодая жена, — потому, что он знал тебя по моим рассказам и, отвечая на его недоумевающий взгляд, добавила — все случилось так быстро... наша свадьба... отъезд в деревню... я не успела тебе всего рассказать...

И Ната, не торопясь, рассказала ему о своей встрече со странным нищим, о первом посещении, о его болезни.

— Андрюша, ведь это был единственный человек с которым я могла говорить о тебе.

На мгновенье, Альский забыл все вокруг себя — он видел лишь то, глубокое чувство, которым засияли ее дорогие карие глаза, при этих последних словах. Он тайком поймал ее руку и крепко сжал ее...

Раздававшееся, уже совсем близко, стройное пение вырвало обоих из охватившего их раздумья.

— Смирно... Слушай, на кра-ул... С металлическим звоном вскинулись, как одно, ружья, сверкнули офицерские шпаги и палаши... Голова процессии подходила. Духовенство в блестящих облачениях, многочисленный хор певчих в расшитых золотым галуном кафтанах... Мощно неслись звуки погребальных песнопений... За певчими показались, несомые, сосредоточенно шагавшими коренастыми боцманами, три адмиральских флага, чуть развеваемые легким ветерком. Офицеры, по два в ряд, с бархатными подушками, на которых блестели золото и разноцветная эмаль орденов... За ними колесница, запряженная шестью лошадьми под черными, отделанными серебром попонами, с качающимися пучками черных страусовых перьев над головами... Гроб, накрытый Андреевским флагом, исчезал под грудой венков.

Ната опустилась на колени...

Глухо и однозвучно отбивали медленный похоронный шаг барабаны. По толпе пробежал ропот: —

— Смотрите... Не может быть... Я же говорю вам... Да... Нет... Ей-Богу... Сам Государь...

Ната подняла голову. Подходили войска... Да... этот офицер шедший твердым шагом перед головным взводом... Нельзя было не узнать этой высокой стройной фигуры, этого мужественного красивого лица с открытым, твердым взглядом... Император.

— Батюшки... да взаправду ли это сам Царь-Батюшка?.. — взволновалась какая-то старушка в лисьем салопе, пешком... с солдатами шагает, будто прапорщик али поручик какой... Может подшутить вздумали над старухой?

— Ни бабушка... гудел солидным басом инвалид,

украшенный медалями. Не извольте сумлевать я. Мы Его Величество в аккурат так близко видели, как к нам в богадельню приезжать изволили. Он сам и есть...

Дальнейшие слова его потонули в потоке звуков — сменивший умолкшие барабаны оркестр, грянул торжественный похоронный марш. Ната, оправившаяся на руку мужа, заглянула ему в глаза:

— Андрюша, неправда ли, мы пойдем проводим его?

— Я не по форме одет, поколебался Альский.

— Но ведь ты не на службе? Мы пойдем там, сзади, в толпе...

— Ты права... Подожди минутку.. я скажу Степану.

Ждать пришлось еще довольно долго. За рядами пехоты сверкнули латы и каски кавалергардов... Медленно ступали тяжелые гнедые кони, а за ними, глухо громыхая и звеня, двигались запряженные четверкой медные орудия... Наконец, прошли и они. Дальше шла густая, все возраставшая, толпа, занимавшая всю середину Невского. Простившись с капитаном, Ната и Альский примкнули к первым рядам.

Траурное шествие уходило все дальше... Лишь урывами доносились еще звуки похоронного марша... Издали, изредка вспыхивал еще солнечный блик на касках кавалергардов... Провожающая толпа, наскучив зрелищем, начинала редеть... Стоявшие шпалерами войска, сворачивались и уходили... Сняли полицейский кордон... Как долго запруженный поток, хлынула через Невский волна людей, лошадей, повозок... Торжественная тишина сменилась обычным уличным шумом большого города...

Харлампий Тюрин, бывший тоже в наряде, посмотрел вслед процессии, снял картуз и перекрестился:

— Царство ему Небесное... Добрый сказывают был барин... Инвалид, вон, говорил... Как отличится солдат, аль матрос, так и в приказ пропишет и перед фрунтом похвалит, да еще и безпременно червонец из своего кармана пожалует. Чер-во-нец, брат... Эвто вроде, как бы тот чудной барин, что мне, когдато бишь?.. поди годиков пять, а то и больше будет... ни за что, ни про что, целый рупь серебром отвалил...

Харлампий задумчиво почесал свою лохматую голову.

— Ишь ведь, был большой начальник... да и добрая душа на придачу. Ну и что?.. Сегодня хоронили... только вон провезли.. а уж и следа нетути.. Всяк за своим делом бежит и нет ему дела до тебя, покойничка... Всякому свой черед — отбыл свое и ступай в чистую... не мешай другим... Жисть то свое требовает, ее не остановишь...

Он почесал еще раз в затылке, надвинул картуз на уши и зашагал во-свояси, на далекий Крюков канал...

Харлампий Тюрин, сам того не зная, был философ.

М. фон-Кубе.

Песнь о сирене

(Из цикла Эллада).

Дорогая, скрывается в море минувшего дня колесница.
Холодея, синеет Восток. В багрянец облеченный Закат
Красит в пурпур прибрежные скалы, паруса, одеяния, лица, —
И на гребнях мятущихся волн огнецветные взблески горят.

Полукружие солнца над морем пылает зловеще и немо.
Будто арка в пожаром охваченный призрачный мир нереид.
От встающих с Востока туманов, — на Закат, к этой арке, — трирема
Рассекая багровые волны, к недальним бурунам летит.

Изогнулись дугою гребцы, до предела напрягшие силы.
Учащает удары гортатор, — и весла взлетают быстрей...
И, с лицом искаженным восторгом, водитель, держащий кормило,
Прямо бег направляет триремы на острые зубья камней.

Что влечет их на верную гибель, — в седую бурунную пену. —
Там, — куда устремляют они свой безумный смертельный полет, —
Приподнявшись из бьющихся волн, молодая нагая сирена,
Простирая к ним белые руки, волшебную песню поет.

Никогда не постигнуть им смысла чудесного пенья наяды:
Кто способен понять сочетанья доселе неслыханных слов...
Но в их звуке, — в одном только звуке, — для смертных такая услада
Что они, забывая буруны, безудержно рвутся на зов.

На нездешний, волнующий голос, — в безумьи, с восторгом и страхом
Позабыв обо всем на Земле, устремляется каждый из них...
И на острые камни бурунов налетела трирема с размаха.

Треск раздался. Взметнулась волна. — Никого не осталось в живых.

Солнце, вспыхнув, сокрылось в воде. — По плывущим с Востока туманам,
По волнам, по прибрежным камням, по обрывкам рассеянных туч,
По обломкам разбитой триремы, по телам моряков бездыханным
Промелькнул обещающий счастье зеленый обманчивый луч.

Опускается синяя ночь. Лиловея, сближаются дали.
Меж созвездий жемчужная пыль заклубилась на Млечном Пути.
И, на камнях, рыдает сирена: что снова ей люди не вняли,
И что вновь не умела она моряков остеречь и спасти.

Н. М.

Военная тюрьма

В 1912 году я был в шестом классе Первого кадетского корпуса. Преподавателем истории был у нас военный юрист, судья Петербургского Военного Округа полковник Дмитрий Михайлович Матиас. Было ему за сорок лет, носил он черную бороду, остриженную как у халдейскаго мудреца, и, во время уроков, поучая нас Новой Истории, складывал ладони под бородой, словно молился. Несмотря на страшное звание "судьи", это был добрейший человек, все мы его любили и иначе не называли, как "дядя Митя".

Однажды дядя Митя сказал нам:

— Завтра, после обеда, я поведу вас на экскурсию. Я покажу вам... военную тюрьму.

В течение семилетнего пребывания в корпусе, мы сделали экскурсии во всевозможные музеи, дворцы, соборы и фабрики. Все это развивало в нас любовь к Отечеству, его истории, подымало наш культурный уровень и расширяло наш кругозор. Но идти осматривать... тюрьму — это казалось нам делом не только неинтересным, но и как-то роняющим наше достоинство... Однако, в назначенный день и час мы все, в числе двадцати пяти кадет, были перед высоким зданием военной тюрьмы.

— В этом здании, — начал дядя Митя, — находятся на исправлении около двусот солдат, провинившихся в такой мере, что их наказание выходит за границы Дисциплинарного Устава. К примеру — систематические кражи, пьянство, буйство, поножевщина, грубое и упорное непослушание приводят солдат в тюрьму. Здесь они не наказываются, а исправляются при помощи постоянного труда, молитвы и одиночного заключения. Здесь они совершенно отрезаны от всего мирского и лишены даже общения друг с другом. Выдержать такое испытание трудно, но мы делаем все, чтобы эту тяжесть облегчить, и рады тем результатам, которых это учреждение достигло, исправив тысячи Русских солдат... Вы, будущие офицеры, должны знать, как обращаться с солдатом, как его миловать, как наказывать и исправлять. Прошу вас только об одном — в ваших вопросах к заключенным не касаться предмета их преступления, приведшего их в тюрьму, и еще прошу вас соблюдать тишину. Идемте...

Мы вошли в светлый, чистый коридор. Свет проходил сверху через крышу, освещая все этажи. В коридоре не было ни души. Слева и справа, как в гостинице, были двери в одиночные камеры, с "глазком", в который заглядывали дядя Митя и шедший за ним сторож-солдат. У одной двери мы остановились.

Сторож открыл дверь, и мы вошли в "одиночную камеру" — комнату такую большую, что поместились в ней все двадцать семь человек... Справа от входа у стены был маленький столик, весь заваленный кусками картона и коробочками, а дальше, в стене, железный, покрашенный рукомойник с водопроводным краном, как в любой кухне. У стола стоял молодой солдат-гусар в одной рубашке, его бушлат висел на спинке стула. С другой стороны двери была вделана в стену железная нара. Железной-то была только рама, а сама нара была сделана из брезентовых поясов, сплетенных на манер соломенных матов. В камере было чисто и светло. Вдоль наружной стены проходила труба центрального отопления.

Молодой гусар вытянулся в струнку, с любопытством наблюдая нас, без конца входивших в его камеру. Когда все вошли, и с нами дядя Митя, сторож закрыл дверь, и мы остались одни с заключенными. После вопросов — как фамилия, скольком лет, какой губернии, — мы перешли на более интересные и узнали, что гусар сидит уже пять месяцев, и остался ему еще один месяц испытания. Одиночество было ему мучительно, но, благодаря постоянной работе, он привык. Работа его, как и всех заключеных, была нетрудная. Нужно было из толстого картона выкраивать и клеить коробочки для папирос табачной фабрики Богданова и наклеивать картинку с красавицей с роскошными распущеными волосами и надписью:

"Смотришь справа, смотришь слева,
Папиросы всюду Ева..."
3 копейки десять штук.

Хотя заработок был небольшой, гусар собрал уже хорошую сумму денег, около 60 рублей. Половина его заработка шла на улучшение питания всех заключенных, которые и без того получали нормальный

солдатский паек, половину же солдат получал деньгами, при выходе из тюрьмы.

Гусар рад был случаю поговорить с нами и на самые обычные вопросы давал пространные ответы. Глаза его блистали молодостью и энергией. Мы удивлялись, не понимая, за какой проступок он мог попасть в тюрьму.

В следующей, такой же точно, камере был солдат пехотного полка, по профессии портной. В его камере стоял большой стол, за которым он выкраивал штаны для солдат своего полка.

Когда мы вошли в третью камеру, мы не могли там оставаться долго, так сильно было там накурено. Солдату этому наш добрый дядя Митя сделал строгий выговор, чем нас несказанно удивил.

В четвертой камере тонкий высокий сапер до нашего прихода читал за столом книгу, полученную из тюремной библиотеки. На столе были все те же коробочки "Ева"... Он недавно поступил в тюрьму и сильно тосковал. Просил нас заходить почаще и приносить книги и газеты.

Затем, дядя Митя повел нас в тюремную церковь. Для этого пришлось, по светлой лестнице, подняться во второй этаж. Каждый из нас незаметно вошел в ложу, для каждого молящагося, совершенно отделенную от соседей. Это была опять-таки "одиночная камера", из которой ничего нельзя было видеть в церкви, кроме иконостаса. Такое устройство лишало возможности общения с другими заключенными и располагало к молитве и сосредоточению. Каждую субботу и воскресенье, каждый праздник заключеные ходили в церковь, которая занимала все три этажа, наподобие ярусов в театре, и вмещала в себя всех заключенных.

Наконец, нам была показана баня. Это было единственное помещение, в котором заключенные могли знакомиться и разговаривать друг с другом. Через каждые две недели заключенные шли в баню — какой это был для них праздник!..

Кроме душей с горячей и холодной водой, был и полок с большой печью и горячими камнями. Перед баней была прачешная, в которой каждый сам себе стирал белье. Все это отнимало не больше часа времени и доставляло заключенным единственное наслеждение — общения между собой.

Вот, вкратце, режим военной тюрьмы стараго времени. Единственным устремлением этого режима было, путем труда, молитвы и уединения, исправить заключенного солдата и сделать его пригодным для высокого служения в рядах Российской Императорской Армии.

В. Шульц.

Императорский сухопутный шляхетный Кадетский Корпус

В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й

В 1801 году в Лондоне была издана книга под заглавием "The Picture of Petersburg".

Ее автор, обрусевший немец Генрих Шторх, пометил предисловие 1792 годом. Шторх прослужил много лет в канцелярии графа Безбородко; все его сочинения, посвященныя России, насыщены знанием, правдивостью и теплым чувством в отношении нового его отечества. Историк профессор Бильбасов дал о них наилучшие отзывы.

Глава VII упомянутой книги посвящена описанию учебных заведений Петербурга, во главе которых он ставят Императорский Шляхетный Сухопутный Корпус и описание его составлено наиболее подробно. Предлагаем его читателям в переводе.

"Периметр участка, занятого корпусом, — 2 1/2 версты. Часть земли находится под строениями, остальная занята огромным садом, где производятся физические упражнения. Главное здание было раньше дворцом князя Меньшикова, имеет оно два этажа и подвальные помещения, с позднейшими пристройками — тянется оно на протяжении 313 сажен. Как снаружи, так и внутри, здание весьма просто, нет ничего вычурного, в нем находятся классные помещения, спальни, лазарет, три больших рекреационных зала и квартиры администрации. Меньшиковский же дворец, в частности, носит еще следы роскоши. Он предназначен для балов и публичных собраний. В позднейших пристройках помещены: канцелярия, манеж, типография со специальной литейной шрифтов, кабинет естественных наук, библиотека, театр для драматических представлений. Православная церковь, римско-католическая и лютеранская каплицы. Этим заканчивается топография этого обширного и вместительноог заведения, являющегося, во многих отношениях, единственным в своем роде; перейдем теперь к характеристике его организации.

Согласно программе, этот корпус прежде всего школа военная. После переформирования в 1766 г., обще руководство было им вверено Главному Директору и Административному Комитету из четырех особ, назначенных Императрицей. После назначения директором графа Ангальта, с неограниченными полномочиями, Комитет перестал существовать.

Приблизительно каждые три года Корпус принимал 120 мальчиков в возрасте 5-6 лет. В числе требова-

ний для поступления являлось дворянское происхождение отца или штаб-офицерский чин (на военной или гражданской службе) и прекрасное здоровье мальчика, подтвержденное медицинским осмотром. Предпочтение отдавалось прошениям небогатых родителей и сирот, отцы которых погибли на войне, а также тем, кто проживает в отдаленных областях Империи. До окончания образования, кадет покинуть корпус не был вправе. Кроме этих 120 мальчиков, на тех же основаниях, поступали еще пять, на стипендии, учрежденные тайным советником И. И. Бецким, а с 1722 года еще 15, или более, мальчиков, содержавшихся на проценты со внесенных Императрицей ста тысяч рублей, но отцы которых еще не достигли штаб-офицерского чина. Следовательно, число новопоступавших достигало 140, а всего в корпусе было более семисот кадет. По поступлении, кадеты зачисляются в 1-й возраст, их одевают в коричневые, вроде морских, бушлаты, с синим поясом, и поручают женщинам, в числе одной директриссы, десяти гувернанток и многих нянек. Через три года мальчики переводятся во 2-ой возраст, где они получают форму, похожую на предшествовавшую, но синего цвета, и поручаются заботам 8 гувернеров с инспектором во главе. В этом "возрасте" кадеты уже более предоставлены самим себе. После трехлетнего пребывания они переводятся в 3-й возраст, в котором носят форму серого цвета, и попадают под надзор офицеров полевых войск. Отбыв опять трехлетний срок, они переводятся в 4-й возраст, или в так называемый "1-й военный возраст", и одевают военную форму. В этом и в 5-ом возрастах ими заведуют корпусные офицеры, которые на один чин выше, чем офицеры полевых войск. Штат корпусных офицеров состоит из одного подполковника, двух майоров, шести капитанов, двенадцати поручиков и шести прапорщиков. Кроме того, офицеры занимают должности: полицеймейстера, шталмейстера и их имеется несколько в числе 65 преподавателей. Затем — учителя рисования, фехтования, танцев, врачи, штаб-хирург, фельдшера, аптекари, один старший и два младших эконома, священники трех вышеупомянутых вероисповеданий и большое количество всяких служителей.

Широкая задача этого учреждения естественно разветвляется в четырех направлениях: физическом, моральном, научном и военном образованиях. Стремящаяся ко всяким усовершенствованиям, могучая Российская Империя достигает этой цели посредством обширного учебно-воспитательного заведения, содержащего такое количество молодых людей из высших общественных классов, и потому беспристрастный обзор деятельности этого учреждения вполне уместен и интересен для читателя.

Если некоторые отдельные отрасли деятельности корпуса подлежат и подвергаются здесь критике (но какие человеческие установления избавлены от нее?), так менее всего это касается *физического воспитания*, которое основано здесь на закалке тела и не вырождается в варварство антипедагогических экспериментов, угрожающих жизни юных воспитанников. Главная же аксиома физическаго благополучия — *опрятность* — доведена здесь до высшей степени и далеко оставляет за собою то, что видим в других подобных заведениях. Одежда соответствует требованиям гигиены и удобна, но, даже в самые суровые дни зимы, шубы и плащи не разрешены. Кадетская пища — простая, хорошо изготовленная: в полдень едят мясо, а вечером — только вареную зелень и фрукты; утром булка, а перед ужином — ломоть черного хлеба с водой. Каждому возрасту предоставлена отдельная большая спальня, у каждого кадета есть своя удобная кровать; зимой спальни только слегка нагреваются.

Порядок дня установлен следующий: все встают в 5 часов утра, к 7 часам все умыты, одеты и позавтракали, от 7 до 11 — учебные занятия в классах, но с перерывами вне классных комнат. От 11 до 12 — гимнастика. В 12 ч. обед, до 2 часов — игры, от 2 до 6 часов — строевые занятия, с перерывами для развлечений. В 7 часов вечера колокол извещает об ужине, затем время подготовительных занятий к урокам или репетициям следующего дня. В 9 часов ложатся спать. Следовательно, каждый день поделен на три равные части: 8 часов кадеты спят, 8 часов сидячей жизни в классах и 8 часов проводят в физических упражнениях, то есть соблюдены наиболее подходящие человеческому телу пропорции. Для достижения третьей части программы, предоставлены три большие залы; развлекаются кадеты не только играми, ибо в их распоряжении имеются книги, газеты, журналы, планетарные и сферические глобусы и т. п. Даже декорации стен этих зал содействуют умственному развитию кадет; так, в залах 4-го и 5-го возрастов расставлены бюсты и статуи как античных, так и современных выдающихся людей; на стенах зал других возрастов художественно изображены представители разнообразных народностей Империи в национальных костюмах. Летом, когда два старших строевых возраста уходят в лагеря, на несколько недель, — огромный корпусный сад всецело предоставляется младшим возрастам. Часть его превращается в ряд маленьких садиков и огородов, возделываемых руками мальчиков; благодаря этому, они на практике учатся одной из отраслей сельского хозяйства. Все это время кадеты находятся под непрестанным наблюдением воспитателей, зорко следящих за духовным и физическим прогрессом кадет.

Итак, система физического воспитания сурова, зато приемы морального воспитания очень человечны, мягки и ведут они к тому, чтобы не дать зародиться безнравственности и избежать наказаний. Главное средство для достижения этой цели, — неуклонное наблюдение за кадетами; следовательно, вся ответственность за уровень морального воспитания лежит на воспитателях-офицерах. Каждому из

них доверено определенное количество воспитанников, за которых офицер всецело ответствен. Кадеты находятся под таким бдительным надзором не только в спальнях и рекреационных залах, но также и в классах, ибо преподавательскому персоналу поручено только "научание", а воспитатели и тут наблюдают за поведением кадет. Поэтому ясно, что в этом отношении все зависит от уровня моральной высоты офицеров-воспитателей, и становится понятным, с какой осторожностью пополняется этот персонал. И никогда, вероятно, не уделялось большего внимания этому, как в эпоху возглавления корпуса графом Ангальтом, который умер в 1794 году, после долгой болезни.

Незадолго перед его смертью была напечатана брошюрка под заглавием:

«Le Comte d'Anhalt et les cadets».

Сравнивая себя с деревцом, а кадет с птичками, Ангальт говорит им:

De votre attachement j'ai cent preuves nouvelles.
Je ne sais pas ce que je crains:
Mais je suis immobile et vous avez de ailes..

Кадеты отвечают ему и успокаивают, — они его любят и счастливы только под его попечением, ценя его заботы:

Et la Nature enfin, qui nous gouverne tous.
Ne nous fait retrouver nos ailes —
Que pour revoler près de vous...

(см. Бильбасов: "Обзор сочинений о Екатерине II).

Идея нравственного воспитания кадет базируется на развитии чести и совестливости. Как наказание — подымать руку на кадета не разрешается. Даже при совершении серьезных проступков, допускаются только легкие наказания по Воинскому Уставу и осрамления. Кадеты, посаженные на хлеб и воду, лишаются отпуска. Чувство чести возбуждается и поддерживается рядом наград, в виде носимых на мундирах золотых и серебряных медалей (см. статью "Медали Кадетских Корпуосв" в № 1 "Военной Были") и раздачи призов, как книги или музыкальные инструменты. Эти благородные приемы воспитания, дающие прекрасные результаты в детях с врожденными хорошими наклонностями, рассчитаны, однако, слишком широко, и Устав корпуса не предусматривает наказаний за часто встречающиеся среди такого количества воспитанников пороки, как лень, безразличие, некоторые извращенности... Само собою разумеется, что воспитательский персонал, набранный из людей с хорошими характерами и приличного поведения, не дает кадетам примеров соблазна.

Хотя кадеты имеют возможность встречаться с родственниками в здании корпуса, изредка им разрешаются отпуски, но всегда с особаго разрешения директора и в сопровождении служителя. Зимою, раз в месяц, в воскресенье, в корпусе бывают общественные приемы, на которые допускаются "хорошо одетые люди" « Well dressed people » Родственники вводятся в зал, разделенный длинным шнуром, затем входят колонны кадет, по возрастам, по четыре в ряд, под звуки военной музыки. После такого парада кадетам разрешается говорить с публикой, из-за шнура, но они лишены права принимать какие-либо подарки, особенно деньги.

Для приобретения светскости, кадет учат танцам; с тою же целью, раз в год, им разрешается устройство элегантного театрального представления в особом красивом здании, или же дается общественный бал, на который приглашаются воспитанницы Смольного Института для благородных девиц.

Во время пребывания в корпусе, кадетам воспрещается иметь деньги или что-либо не предусмотренное Уставом, потому сын самаго богатаго в стране князя не может носить более тонкого белья или более красивую форму, чем самый бедный из его однокашников.

Итоги этой системы воспитания, в данное время, чрезвычайно благоприятны. В среде огромного большинства кадет очень редки пороки, свойственные большим школам. Судя по последнему выпуску, характеры кадет далеки от какого-либо шаблона. Наоборот, наблюдения указывают на полное разнообразие характеров, образовавшихся в согласии с врождеными наклонностями.

Итак, мы видели, что задачи воспитательского и преподавательского персоналов не одинаковы: преподаватели существуют исключительно для науки. Обучение делится на гражданское и воинское — это последне применяется только к кадетам четвертого и пятого возрастов и только к тем из них, которые решили посвятить себя военной службе.

Кроме общих понятий о грамматике и Законе Божьем, преподаются: языки — Русский, французский и немецкий, география, статистика, история, естественные филисофия и история, литература, логика, архитектуры военная и гражданская, геометрия и алгебра, декламация и топография. Сверх того, кадеты учатся, соответственно возрастам, рисованию, танцам, верховой езде, фехтованию, гимнастике и токарному искусству на дереве и слоновой кости... В отношении обучения, каждый возраст делится на пять классов; поэтому, в среднем, не более 28 воспитанников находятся в одном классе, и все преподаваемые науки хорошо приспособлены к возрастам кадет, но, несомненно, хромает *система преподавания по неправильно составленной програме*: из общего количества выпускаемых из корпуса кадет, лишь самая небольшая часть их может быть названа вполне образованными юношами, большинство же не оправдывает возлагавшихся на них надежд. Ошибки заключаются в программе и методе преподавания, а не в упущениях административного, а тем более преподавательского персонала, в среде которого можно встретить немало лиц талантливых, с безупречной репутацией. Во-первых, бросается в глаза отсутствие авторитета у пре-

подавателей, лишенных права, тут же на месте, карать за лень, непослушание и невнимание и, в каждом частном случае, они могут только обращаться к воспитателям, но и воспитатель тоже не в праве тут же наложить наказание, а должен доложить о проступке "по начальству" — пока жалоба не дойдет до директора!.. В итоге, 99 процентов проступков остаются безнаказанными. Директор же, придерживаясь буквы устава (в котором перечислены далеко не все возможные нарушения правил и соответственные им наказания), выбирает обыкновенно самую легкую меру наказания. Вследствие этого, дух непослушания развивается в кадетах все более и более. Второй крупный недостаток заключается в том, что нет систематической образовательной программы, и, несмотря на большое количество хороших учебников, они остаются без должного применения, ибо преподаватели не имеют необходимых указаний. В результате, в нескольких классах повторяется одно и то же, или в низших, младших, классах предмет преподается слишком подробно, а в старших классах — слишком поверхностно. Самый же главный недостаток, по нашему мнению, заключается в малом числе уроков Русского языка и слишком большом количестве предметов, преподаваемых *не* на Русском языке... Это явление тем более удивительно, что при утверждении программы Императрица сразу обратила внимание на это упущение. В конце концов, талантливые и любознательные юноши, с большой пользой для себя и государства, оканчивают корпус, несмотря на значительные вышеуказанные преграды, но немало таких, которые после 15-летнего пребывания в корпусе, выходят с одним лишь знанием французского языка, к чему все и сводится... между тем как 15-летнее пребывание в корпусе каждого кадета обходится казне в 4.410 рублей.

В *Пажеском Корпусе* получают образование и воспитание от 60 до 70 молодых дворян лучших фамилий. Они подготовляются как к военной, так и к гражданской службе, но одновременно несут и придворные обязанности. По окончании корпуса они получают чин капитана.

В *Морском Корпусе* воспитываются и образовываются 600 кадет, на тех же основаниях, как и в Сухопутном кадетском корпусе; они разделены на пять рот, по 120 в каждой, и все предназначаются к морской службе. Кроме общеобразовательных предметов, преподаются еще: навигационная география, астрономия, кораблевождение и кораблестроение, английский язык. Их тренируют в гимнастике и плавании. Воспитанники 1-й роты зовутся гардемаринами и носят особую форму. Они проходят курс и на практике в плаваниях по Балтийскому морю. До производства в мичмана они должны пройти три таких кампании. Сначала корпус находился в Кронштадте, затем в бывшем дворце Императора Петра III в Ораниенбауме; ныне он размещен на Васильевском острове.

Навигационная Школа создана Императрицей Екатериной II. В ней 65 воспитанников — все стипендиаты Императрицы, но принимаются и другие, за небольшую плату. Преподаются: навигация, астрономия, кораблестроение, английский язык и пр.

Артиллерийско-Инженерный Кадетский Корпус учит и воспитывает 360 молодых дворян и 85 сыновей солдат. Название корпуса указывает на его назначение. Кадеты разделены по ротам; младшие носят форму легко-конных полков, а старшие — артиллерийскую. Сыновья солдат выделены в особую роту. Во главе корпуса стоит генерал-от-артиллерии, инспекторы — артиллерийские офицеры. Кроме трех языков (Русского, французского и немецкого), преподаются: естественная история, математика, артиллерия, фортификация, тактика и военное черчение. Преподавателей — 58 человек. Этот корпус пользуется прекрасной репутацией. Особенное внимание публики, во время лагерного сбора, привлекают работы будущих инженеров.

Греческий корпус предназначен для обучения юношей из греков, албанцев и других балканских народов, в числе 200 человек, но большинство воспитаннников — Русские. Мальчики поступают в корпус в возрасте от 12 до 16 лет и только по рекомендации Русских консулов, высылающих кандидатов в Петербург за счет Императрицы. Программа этого заведения не столь военна, как других, но административно-воспитательский персонал состоит из офицеров, а воспитанники носят военную форму. 25 преподавателей учат этих кадет общим предметам. Кроме других языков, преподается и итальянский. По окончании образования, юношам предоставляется выбор: или вступить в Русскую службу офицерами или переводчиками, или же вернуться на родину.

Извлек *Владимир фон-Рихтер.*

250-летие Ингерманладских гусар

"Тобою гордые в потомках".
(Девиз полка).

10 гусарский Ингерманландский полк принадлежит к числу старейших полков Русской конницы. По указу Императора Петра Великого, 26 июля 1704 года, боярином Тихоном Даниловичем Стрешневым, сформирован в Москве "из Московских и городских недорослей" — Ингерманландский драгунский Александра Даниловича Меншикова полк. Первым командиром был назначен полковник Милославский. "А чтобы заботился о полку, как о своей родной семье, определить в полк двух его сыновей... рядовыми", гласил Царский указ. Полковой праздник устанавливается 27 ноября, в честь Иконы Знамения Божьей Матери Новгородской — благословение Великого Петра — полку.

Молодой полк сразу же принял участие в Великой Северной войне, затем в покорении Булавинского бунта, снова шведы — "Сойкина мыза", наконец, крупное боевое крещение — Лесная, "мать Полтавской победы".

– А славно, Данилыч, рубили молодые драгуны шведов, записаны в исторической летописи слова Петра Великого, сказанные им князю Меншикову, после Лесной.

Полтавская баталия — полк, в составе конницы Меншикова, участвует в решающей атаке ударной группы шведов генерала Росса — победа, преследование, пленение шведов.

Не счесть всех главных этапов на доблестном пути полка: Польша, Бранденбург, Померания, штурм Штеттина, Висячин, Крым, штурм Перекопа, Очаков. С Румянцевым под Ставучанами. Бендеры, Хотин, Яссы, Финляндия, "безденежное довольствие", форпостная служба, война с Пруссией, Фридрих Великий, Пальциг, Куннерсдорф, в составе конницы Румянцева. Первая турецкая война, Журжа, Бухарест, с Суворовым под Туртукаем. Похвала Суворова — полку: "Карабинеры чрезвычайные". Затем Рябая Могила, Ларга, Кагул, Козлуджа, Пугачевский бунт.

Вторая турецкая — Фокшаны. Дивизон Ингерманландцев, во главе которого стал сам Суворов, атакует и берет в конном строю турецкий редут и снова Польша; взятие Гродна, м. Любек. Полковник Бордаков, командир полка получает Георгия 3-й степени.

1796-1801 г. служба по "новым обрядам" и по "точным правилам устава" — 10 солдат получили Донат Святого Иоанна Иерусалимского. Наполеоновские войны, командиры полковники Панчулидзев и Аргамаков. В постоянных арьергардных боях. Прейсиш-Эйлау — полк, в составе легкой кавалерийской дивизии, атаковал и уничтожил карэ 14 генадерского французского полка, командир которого полковник Серени зарублен гусаром. Фридланд, — в составе легкой же дивизии, полк участвует в контратаке на тяжелую кирасирскую дивизию Старой Гвардии, под командой знаменитого генерала д-Отепуль, расстраивает кирасирский строй и принуждает их к поспешному отходу. Выводит этим нашу гвардейскую пехоту из тяжелого положения. Генерал д-Отепуль, в атаке, зарублен унтер-офицером нашего полка. В том же бою, на другой день, — атака на французских драгун генерала Груши. "Большая кровь". 34 процента солдат, 25 процентов офицеров, 46 процентов лошадей. Боевые награды всем, оставшимся в живых; 14 офицерских золотых шпаг "за храбрость".

Наступает Отечественная война. Командир полка полковник М. В. Аргамаков, офицер исключительной храбрости и доблести. Под Кочергишками, в результате отважной атаки полка, неприятель "ищет спасения в лесах". Мужество полка объявлено Князем Багратионом в приказе по Первой армии как "пример к общему подражанию удали и отваги". Затем — Островно, безпримерная атака полка, во главе с полковником Аргамаковым. На полк, смявший пехоту, набрасывается бригада французских драгун. Полковник Аргамаков рубится, полк теряет 42 процента состава, 25 офицеров. Ингерманландцы в атаке не поддержаны, кроваво пробиваются со штандартом и, тяжело израненным, славным полковником Аргамаковым, который, несмотря на тяжкие ранения, все же лично является Багратиону. Под Бородиным, из-за кровавых потерь, полк участвует в составе 5 офицеров и 96 солдат.

Далее, на пути боевой службы полка, встречаются имена Красного, Магдебурга, Гамбурга, Данцига, Лейпцига. В кампанию 1814 года — Шампобер, Монмирай, Шато-Тьери. Позже — польский мятеж, погоня за Дембинским. Полк получил "Виртути Милитари". В Крыму: Альма, Инкерман, Черная Речка, Балаклава. Под командой полковника Загряжского атака, совместно с Киевскими гусарами, английской драгунской бригады генерала Скерлэт, отход под огнем шотландцев, атака легкой гвардейской кавалерийской бригады лорда Кардигана. Отчаянная рубка. У нас зарублено 11 офицеров, среди них майор Всеволожский и его сын корнет Всеволожский, ротмистр граф Стибор-Мархотский, ротмистр Путята, поручик Штерн и 160 гусар. В числе гусар, убит штаб-трубач полка Сорочинец, родной дед штаб-трубача полка Сорочинца-Сорочинского (1908-1918 гг.). Бригада лорда Кардигана вышла из атаки в составе 65 человек. Наши деды умели рубиться... Затем — 75 пеших гусар на Севастопольских бастионах. После падения Севастополя, охрана побережья под командой барона Врангеля.

В японской войне участвует пулеметная команда с шт.-рот. Барбовичем и Польшау.

Славнейшие страницы вписаны ингерманландцами в их полковую историю во время первой Мировой войны 1914-17 гг., во время которой, полк, в ряде блестящих конных атак, берет несколько действующих неприятельских батарей, решает успех конного боя 8 августа 1914 года под Ярославицами, опрокидывает наступающую пехоту мадьяр под Недзелисками. 17 августа 1914 года, удачной ночной штыковой атакой выигрывает бой под Хотиным. За блестящие действия в эту войну, полк был представлен к ментику и Георгиевскому штандарту. 22 офицера и сотни гусар были удостоены Георгиевскими наградами.

Верные долгу, Ингерманландские гусары приняли участие и в белом движении, сформировав в Добровольской армии, в начале дивизион, а позже полк, под своим историческим именем. Отдельные чины полка приняли участие и в освободительной борьбе во вторую Мировую войну.

В день своего праздника, 250-летия седого полка, рассеянные по всему миру, Ингерманландские гусары символически объединятся в мыслях своих и молитвенно преклонят голову перед памятью павших за Веру, Царя и Отечество однополчан.

Вечная память Родному Полку.

Полковник *Михаил Тихонравов.*

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕДАЛИСТИКА

(Продолжение).

Император Павел I, неизменный оппозиционер своей матери, одним махом внедрил "безотчетную реакцию" во все отрасли екатерининских преобразований; в частности, он не награждал орденами Святого Георгия и Святого Владимира, учредил новые, поднял значение знамени, ввел коллективные полковые отличия.

Под № 49, на прилагаемой таблице, значится "донат Ордена св. Иоанна Иерусалимского" — медный крест, служивший тогда наградой для нижних чинов. Носился он на черной ленте Ордена Св. Иоанна Иерусалимского, имевшего две степени. Павел Петрович считал первую степень этого ордена выше Ордена Св. Андрея Первозванного. Император Александр I сложил с себя звание Великого Магистра Ордена, вскоре же после воцарения, а с 1817 года запретил ношение этих орденов.

Под № 50 — знак Ордена Святой Анны. На оборотной стороне набивался номер; следя по "Русскому Инвалиду", видим, что в 1797 году выдано 6.042 знака; до 1806 г. — 45.893; до 1820 г. — 94.207; до 1831 г. — 171.841 и т. д. Хотя знак этот выдавался за двадцатилетнюю беспорочную службу — известны случаи награждения им "за подвиги самоотвержения"

Медали №№ 51-53 по внешним признакам аналогичны с медалью № 52 Екатерининского царствования и с № 59 — Александровского. Их назначение в Павловскую эпоху выяснено Иверсеном по документам СПБ Монетного Двора.

И при Павле было выдано много "именных" медалей; штемпеля 21-й сохранились в архиве СПБ Монетного Двора, только один из них имеет связь с военной медалистикой.

Царствование Императора Александра I, столько лет посвященное войнам вообще, могло бы гораздо более обогатить нашу медалистику, но некоторые черты загадочного характера Благословенного препятствовали этому.

О настоящем значении медалей №№ 54-56 — см. "Заметки Медалиста" в № 7 *"Военной Были"*.

Десятилетняя война с Персией (1803-1813), закончившаяся окончательным закреплением за нами Грузии, Имеретии и Мингрелии, отмечена тремя медалями, но лишь за отдельные успехи. Так, медаль под № 58, с надписью на оборотной стороне: "За храбрость, оказаную в сражении с персиянами 30 июня 1804 года, в коем с товарищами отбил 4 знамя и 4 фальконета", повидимому, была выдана только одному безыменному уряднику, возглавлявшему отрядец из 50 казаков, отличившихся в этом "сражении". Редка и медаль № 59 (о ней см. выше: с вензелем на обратной стороне) — согласно архивов СПБ Монетного Двора, ею были награждены есаулы и хорунжие Кубанского, Моздокского, Хоперского, Гребенского и Донского полков за сражение против кабардинцев 11 марта 1805 года.

Медалью № 60 был награжден султан левобережных волжских калмыков за конвоирование купеческих караванов, направлявшихся в Хиву и Бухару и далее.

Медаль № 61 жаловалась властями Российско-Американской Торговой Компании; о ней упоминают авторы истории Сибири и колоний той эпохи. На оборотной стороне надпись: "Союзные России".

Медальки №№ 62 и 63 прежде всего обращают на себя внимание своим "миниатюрным" видом. Они были учреждены в начале войны с Наполеоном в 1806 году, когда отставные солдаты были вновь призваны на службу; им были обещаны: за 6-летнюю службу — медалька № 62, на Андреевской ленте, и за 3-летнюю — медалька № 63, на Александровской ленте (кроме иных привилеги).

Медаль № 64 (известны лишь два экземпляра по сию сторону "железного занавеса") роздана была экипажам кораблей, бывших под командою славных Крузенштерна и Лисянского (первый из них доставил в Нагасаки медаль, описаную выше под № 54-56).

Золотой офицерский знак за Прейссиш - Эйлау (№65) в историческом аспекте замечателен тем, что лишь недавно нам удалось документально доказать, что он был утвержден, роздан и носим (известны лишь два экземпляра по сю сторону "занавеса"; оба "частной" работы, позолоченные, очень "ношеные", ибо небогатые офицеры предпочитали их золотым). Медаль за ту же победу описана была только в труде полк. Николаева, со ссылкой на Висковатова, однако, в *золотой* Штеттинской коллекции (пропавшей во время последней войны) эта медаль была (см. статью в "Archiv für Ordenskunde". № 2, декабрь 1951 года.

Крест № 66 — причисленный к ордену Св. Георгия — знак отличия Военного Ордена, имевшего лишь одну степень до 1856 года. Эти знаки всегда были нумерованные (так, в 1810 г. был выдан крест за № 12300). С начала царствования Императора Николая I, вместо креста нехристиане получали медали за храбрость.

Медаль № 67 была учреждена для той трети уже существовавшей Милиции, которая была названа "Подвенечным Земским Войском"; золотая — жаловалась офицерам, серебряная — нижним чинам. На Георгиевской ленте — участвовавшим в сражениях, прочим — на Владимирской ленте.

Война со Швецией 1808-09 г. г. закончилась на ее территории: части Барклая де-Толли вышли на тот берег Ботнического залива по льду, через Аландские

отра (медаль № 68). а графа Шувалова — прошли в Швецию через Торнео (медаль № 69).

Турецкая война 1806-12 г. г. оставила по себе нумизматические сувениры только за взятие Базарджика: золотой офицерский знак (последний из пяти — первым был Очаковский) № 70, и серебряную солдатскую медаль № 71.

Следующие четыре отличия учреждены в память Отечественной войны 1812 г. (все победы 1813-15 годов остались без сувениров. хотя они были дороги Императору Александру I, в противоположность победам 1812 года: он даже никогда те места не посетил). Медаль № 72 была выдана всем строевым чинам армии и ополчения. Хотя датой ее учреждения считается 20 декабря 1813 г., однако, идея о ней была выражена в приказе по армии, отданном в городе Конине, в Польше, 5 февраля 1813 г., но вид ее тогда предполагался другой: на лицевой стороне должно было быть изображение Императора. № 73 чеканилась на штемпелях предыдущей (№ 72). но из бронзы (впервые примененный металл для награды). Она была пожалована на Владимирской ленте дворянству (с сохранением в роду) и на Анненской ленте — купечеству, за крупные пожертвования. — Крест духовенству (№ 74) жаловался всем христианским исповеданиям. — Строевым чинам "Земского Войска" была пожалована серебряная медаль № 75.

Серебряная медаль за взятие Парижа (№ 76) была учреждена, как и предыдущие, манифестом 1814 г., но роздана она была войскам лишь 12 лет спустя, на основании приказа Императора Николая I от 19 марта 1826 г. Причину подобного исключительного опоздания надо искать, опять же, в характере Александра Павловича и в его дипломатии в отношении побежденной Франции.

С этим царствованием закончилась традиция награждения "именными" медалями, коих было выбито 27 штук, но, за исключением описанной под № 60, они не были военными.

Владимир фон-Рихтер.

(Продолжение следует).

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

Из прошлого русской армии и флота

— По Высочайшему Повелению, раз и навсегда, в день Нового Года, на Высочайшем Выходе, музыка должна была играть полковой марш 68-го лейб-пехотного Бородинского Императора Александра III полка, музыка коего принадлежала композитору А. Ф. Львоу.

— На ташке лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка находилась неоконченная вышивка. Происхождение ее, по преданию, таково: Императрица Екатерина II вышивала эту ветку но, смерть постигла Царицу до окончания этой работы, которую она хотела подарить полку.

— Полковой марш лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка отличался оригинальными басовыми эффектами. По преданию, он являлся творением Императора Николая Павловича.

— Командир Дагестанского конного полка, по традиции, не носил башлыка, который по форме полагался всем чинам полка красного цвета. Традиция эта основывалась на том, что в 1888 году сопровождая Государя и Государыню по Кахетии, во время дождя, командир Дагестанцев князь А. Г. Чавчавадзе снял с себя башлык, который Императрица накинула на плечи. С тех пор командиры Дагестанского полка башлыка не носили.

— В Российской Императорской Армии существовала особая, весьма оригинальная, часть официально именовавшаяся Ротой Дворцовых Гренадер. В широкой же публике, из-за ее блестящей формы, золотых галунов и шевронов, она была известна под именем "Золотой Роты". Любопытная часть эта, которой не было подобной, ни в одной стране, была сформирована 2 октября 1827 г. из "нижних чинов Гвардии, оказавших в Отечественную войну мужество против неприятеля и во все продолжение своей службы отличавшихся усердием, честностью и примерным поведением". При сформировании Роты, все офицеры и нижние чины были назначены в нее лично Императором Николаем Павловичем. Рота подчинялась в административном отношении Министерству Двора, по строевой же части находилась в ведении Командира Гвардейского Корпуса и, заведывавший ею офицер, с 1857 г., был всегда в чине генерал-майора. Состав Роты был из 4 офицеров, 11 унтер-офицеров и 102 гренадер, при ее основании.

Первый командир этой Роты, капитан Кочмарев и все прочие офицеры ее были из выслужившихся солдат. С марта 1849 г., по случаю пребывания в Москве Императора Николая Павловича, для несения службы при нем, от Роты был командирован взвод, переименованный, 14 апреля того же года, в постоянный "Московский Отряд Роты".

Форма, Роте, была дана по образцу французских гренадеров Наполеона, обмундирование которых было захвачено во время Отечественной Войны, с тесаками на спине, на белых ремнях, меховыми шапками, мундирами с красными, расшитыми золотом, лацканами и золотыми галунами на воротниках, фалдах и рукавах. Погоны гренадерам Роты были даны капитанские. С 1882 г. в Роту начали принимать сверхсрочных

№	Год месяц число	Наименование отличия (события)	Ø в м/м	Кресты и Медали Зол	Сбр	Бр.	Лента	Дата учреждения
62	1806/ 1807	В честь заслуженному солдату (за 6 лет)	18	-	0		Андр.	1806
63	"	За усердие к службе (за 3 года)	18	-	0		Алекс.	1806
64	1803-1804	За кругосветное плавание экипажа "Надежды" и "Невы" (8-уголь)	39х28	-	⬭	-	Андр.	?
65	27/I 1807	За победу при Прейссиш Эйлау (офиц. знак)	36	+	-	-	Георг.	31-VIII 1807
66	1807	Знак Отличия Военного Ордена (нижним чинам)	32	-	+	-	Георг.	13-II 1807
67	1807	За Веру, Царя и Отечество - Земскому Войску	29	0	0	-	Георг. / Владим.	9/III 1807
68	1809	За переход на шведский берег	28	-	0	-	Андр.	14/IV 1809
69	1809	За проход в Швецию через Торнео	28	-	0	-	Андр.	14/IV 1809
70	22/V 1810	За взятие Базарджика (офицерский знак)	28	+	-	-	Георг.	13/VI 1810
71	"	" " " (ниж.чинам)	31	-	0	-	Георг.	13/VI 1810
72	1812	За Отечественную войну	29	-	0	-	Андр.	5.II. 1813 / 22.XII.1813
73	"	" "	29	-	-	0	Влад. / Аннен.	30.VIII.1814
74	"	" " (крестъ духовенству)	71х45	-	-	+	Владим.	30.VIII.1814
75	"	" " (За любовь к Отечеству-Земскому Войску)	29	-	0	-	Андр.	30/VIII 1814
76	19/III 1814	За взятие Парижа	28	-	0	-	Андр.+ Георг.	30/VIII 1814

ТАБЛИЦА III

к статье Владимира фон-Рихтера "Русская Военная Медалистика".

№	Год месяц число	Наименование отличия (события)	Ø в м/м	Кресты и Медали Зол	Сбр	Бр.	Лента	Дата учреждения
49	1797	Донат Ордена Святого Иоанна Иерусалимскаго (для нижних чинов)	-	-	-	+	черная	1797
50	1797	Знак Ордена Св. Анны за 20 лет безпорочной службы (для ниж. чин.)	24	-	0	-	Анн.	1797
51	1796	Инородцам Сибири	55	0	?	-	черная	1796 ?
52	1798	Черногорцам и словено-сербам	45	?	0	-	черная	1798 ?
53	1800	Начальникам полков братских иноверцев	41	0	?	-	черная	1800 ?
54	1801-1804	Коронационные Медали Имп. Александра I. Розданы		0	-	-	Андр.	
55	"	членам Российского Посольства и мор-	51	-	0	-	Андр.	В 3-ю годовщину Коронации в Нагасаки в 1804
56	"	ским офицерам в Японии	41	-	0	-	Андр.	
57	4/I 1804	За взятие Ганжи (Елисаветполя)	34	-	0	-	Алекс.	?
58	30/VI 1804	За храбрость в сражении с персиянами	51	0	?	-	?	?
59	11/III 1805	За храбрость в сражении с кабардинцами	41	0	-	-	Алекс.	?
60	1805	Султану Букеевской Орды за конвоирование караванов	51	0	-	-	Алекс.	?
61	1806	Для старшин Северо-Американских диких племен, Курильских островов и Сахалина	37	-	0	-	Владим.	?

солдат Гвардии и Армии, особенно отличившихся и имевших "полный бант" Георгиевских крестов или медалей и, не моложе 45 лет.

Ротное Знамя было, пр цеформировании дано Георгиевское, с Георгиевскими же лентами и надписью: "в воспоминание подвигов Российской Гвардии". При отдании чести этому знамени, войска били "поход", даже в комнатах Дворца, что являлось исключительной привилегией Роты. Нижние чины всех частей Русской Армии и Гвардии отдавали при встрече честь одиночным гренадерам Роты. Службу свою Рота несла при всех торжествах, с участием Государя Императора и гренадеры стояли часовыми у памятников и дворцов в СПБ и Москве. Характерной особенностью Роты был мальчик флейтист на правом фланге Роты, в ее форме, рядом с огромным барабанщиком.

— Императором Павлом были введены в армии коллективные отличия — награды полкам. Первой такой наградой был "гренадерский бой", т. е. особый темп боя барабанов. Первым его получил Елецкий мушкетерский полк, впоследствии 33 пехотный Елецкий, за маневры под Нарвой в 1797 г. Впоследствии, уже при Императоре Александре II, был введен за боевые отличия, "егерский поход", который был поставлен выше "гренадерского". Император Павел также поднял значение знамен, до него считавшихся не полковой святыней, а амуничной принадлежностью. Он указал знаменам "служить вечно", а не только по 5 лет, как это было прежде.

— До войны 1914-18 гг. в Российском Императорском Флоте существовал старый обычай "чарки водки" на военных кораблях. В заграничном плавании вместо водки, команде выдавали ром, разбавленный водой до крепости водки, т. е. до 40 градусов.

По команде вахтенного начальника "Вино достать... Пробу", караульный начальник спускался вместе с баталером вниз, в винный погреб, где в особую ендову вливалось нужное количество водки или разбавленного рома и затем оба поднимались наверх, на шханцы. По команде "свистать к вину — и обедать", боцмана и унтер-офицеры свистели в дудки и начиналось своего рода священнодействие. Строго соблюдая старшинство, начиная с боцманов и фельдфебелей, чинно, с серьезными лицами, без давки и толкотни, подходили один за другим матросы к ендове и, черпая ковшиком-чаркой, пьяную влагу, выпивали ее не спеша и, вытерев обратной стороной ладони рот, шли к своим бакам, где уже дымились щи и каша. Многие, перед тем как выпить свою чарку, истово крестились. Этот священный ритуал, освященный веками и передаваемый из поколения в поколение, был традицией нашего флота. Чарку эту пили Русские матросы на корабле "Уриил" и фрегате "Венус", в эскадре Петра и адмирала Сенявина, на "Императрице Марии" у адмирала Нахимова, на броененосцах эскадры Рождественского и на молодых кораблях возрождавшегося Балтийского флота адмирала Эссена.

Сообщил *Анатолий Марков.*

Юбилейная песня л.-гв. Волынского полка

ОТ РЕДАКЦИИ: В 1906 году, по случаю столетнего юбилея полков лейб-гвардии Финляндского и Волынского, рота этого последнего, под командой капитана Житкевича, была командирована на юбилейные торжества в Петербург.

По царскому слову, на север далекий,
Волынский наш полк боевой
Послал свою роту, с Финляндцами вместе,
Справлять юбилей вековой.

Вагоны нас быстро в столицу примчали,
По улицам долго мы шли
Измайловцы маршем родным нас встречали
Финляндцы хлеб-соль поднесли.

Волынцы одним лишь желаньем сгорали
Скорее увидеть Царя,
И вот мы пред царские очи предстали
В двенадцатый день декабря.

Царь вышел, Наследника на руки взявши,
И с Ним обошел все ряды
Заздравную чару высоко поднявши,
Спасибо, сказал, молодцы.

Тот Царский прием, эту Царскую ласку
Навеки в сердцах сохраним,
Про Царский прием, как про дивную сказку,
Мы внукам расскажем своим.

Мы новое знамя, взамен, получили
За старое знамя побед,
Чтоб новому знамени верно служили
И помнили предков завет.

Скорбный листок

За последние месяцы скончались кадеты:

Ребров, Сергей Федорович — Омского к. к.
Белкин, Александр Владимирович — Омского к. к.
Данилов, Николай Дмитриевич — Симбирского к. к.
Левашов, Михаил Николаевич — Воренежского к. к.
Саламанов, Николай Николаевич — 2-го кадетского к.
Мацылев, Сергей Александрович — 2-го кадетского к.
Медведев, Дмитрий Александрович — Тифлисского к.к.
Сапегин, Николай Николаевич — Нижегородского к.к.

Le Directeur: Mr A. Guering.
Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 59, avenue de Ternes, Paris (17e); у А. П.Руссаковича 25, rue de Vanves, Boulogne s/S., и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Мюнхен — у А. Н. Михель — Ramsauer Platz 9, München 25.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — 69, Main-street, Nyack (N.Y).

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторги — 1538, Steiner, San-Francisco.

Канада — у А. С. Орлова — 47, Saint Patrik street, Toronto (Ont.).

Австралия — а) у В. А. Петрушевского — Fl. 2, 23 Longueville Rd. Lane Cove, Sydney (N.S.W.) б) у Н. А. Коссач — 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Tunnel a Santa Ines, Villa Nina Caracas.

№ 13

АПРЕЛЬ 1955 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 4 - й.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Почетный Председатель Обще-Кадетского Объединения
Его Императорское Высочество Великий Князь

Гавриил Константинович

скончался в г. Париже в 10 ч. утра 28 февраля и погребен 2 марта 1955 года на кладбище в Сент-Женевьев де Буа

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Портрет Вел. Кн. Гавриила Константиновича . . 1
От Обще-Кадетского Объединения 2
Кадету — **Н. Воробьев** 2
От Редакции 3
Алексей Степанович Хомяков 4
Великокняжеская ложка — **Христофор Ауэ 3-й** 5
Кадетские годы. (Продолжение) — **Г. Месняев** 6
Пугачевские дороги. (Окончание) — **Евгений Яконовский** 10
Боевые подвиги 57 пехотного Модлинского Генерал-Адъютанта Корнилова полка — **Генерал-майор Богаевский** 12
Сибирские стрелки — **подполковник Л. Сейфулин** 14
Полковой праздник — **Г. Танутров** 16
Аргонавт — **Н. М.** 18
Оклеветанный император — **Анатолий Марков** . . 19
Русская Военная Медалистика. (Продолжение) — **Владимир фон-Рихтер** 22
Хроника «Военной Были» 24
Скорбный листок 24
Ко всем Русским III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ЧЕТЫРЕ НОМЕРА во Франции и европейских странах — 700 Франков с пересылкой.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16°).

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e).

4-й год издания | № 13 АПРЕЛЬ 1955 Г. | Prix — 170 fr.

Его Императорское Высочество
Великий Князь Гавриил Константинович
Почетный Председатель Обще-Кадетского Объединения

КАДЕТЫ,

28 февраля, сего года, в 10 часов утра, скончался наш Почетный Председатель Его Императорское Высочество Великий Князь Гавриил Константинович.

Угас последний сын нашего Отца Великого Князя Константина Константиновича наш родной, незабвенный, во истину любимый старший брат.

Доблестный офицер — кавалер Ордена Святого Георгия, и Георгиевского оружия, полковник славного лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, отзывчивый, добрый, верный друг и товарищ своим однополчанам и однокашникам, человек исключительно чистый и глубоко верующий, истинный и достойный сын своего отца, Он оставил нам свой нозыблемый завет, выраженный в Обращении Его к нашему Объединению от 29 мая 1954 года:

«Мы одинаково мыслим, одинаково чувствуем...»
«Во имя Кадетства, будем держаться друг друга...»
«Всегда вперед, всегда с Богом...»

До конца ваших дней, Российские кадеты, носите в душе это завещание Великого Князя Гавриила и храните вечную и нетленную память о нашем покойном Председателе.

ОБЩЕ-КАДЕТСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

КАДЕТУ

Здравствуй мальчик мой, вихрастый, непокорный,
Долго не видались мы с тобой,
Сотни верст исколесив дороги торной
По чужой не Русской мостовой.
Помню я тебя совсем мальчишкой —
Утра свежего кристальную росу,
Ты шагал в суконной шинелишке
И с пятном чернильным на носу.

Годы шли обычной чередою...
Ты мужал, и полный вешних сил,
Легкий пух над верхнею губою,
Как гусарский ус, ты теребил.
Много было вас, в стране далекой,
Малышей с душой богатыря,
Вас в одно вязал девиз высокий:
"За Отечество, за Веру, за Царя".
Стены корпуса — в Хабаровске ль, в Полтаве,
В Петербурге ли, в Тифлисе ль, на Дону,
Говорили вам о старой Русской славе
И о том, как чтить седую старину.

Как лелеять прадедов заветы,
Шелест ветхих боевых знамен,
Имя гордое "Российские Кадеты"
И с сургучным вензелем погон.
А потом, тебя встречал я в ночи черной,
Что страну покрыла пеленой...
Милый мальчик мой, вихрастый, непокорный,
Первым рвался ты в неравный, смертный бой.
В небе заревном пылающей Каховки,
Помню твой дрожащий силуэт...
С настоящей, папиной, винтовкой
Ты шагал тогда, в тринадцать лет.

И, скрывая свой фальцет высокий,
Ты нарочно басом говорил.
Ты тогда боялся — ненароком,
Не послали б с фронта, к маме, в тыл...
В сапожищах ноги детские шагали
И дорожная на них ложилась пыль...
Перекоп, Ростов тебя видали,
Степи Сальской укрывал ковыль.
О семье, ты ведал по наслышке,
Или слабо помнил... До того ль?
И все в той же черной шинелишке
Ты шагал, тая печаль и боль...
Это ты, чьи слышали мы стоны,
Твой недетский леденящий крик,
Ты, кому кокарду и погоны
Вырезал в Ростове большевик.
Ты, кто белое святое дело
Твердо нес на худеньких плечах,
Чье замерзшее и скрюченное тело
Видел я в окопах и во рвах.
И сегодня, в вечер встречи нашей,
Мне тебя хтелось помянуть
Добрым словом и заздравной чашей,
Передать, что так теснило грудь.
И сказать — "мой мальчик беспокойный",
Долго не видались мы с тобой,
Сотни верст пройдя дорогой торной,
По чужой, не Русской мостовой.
Помню я тебя совсем мальчишкой,
Но, ведь, сколько лет-то с той поры...
На тебе нет черной шинелишки,
Серебром усыпаны вихры.
Лишь, как встарь, глаза горят задором,
И коль в эти загляну глаза —
На плечах мне чудятся погоны,
Молодые слышу голоса.
Снова в прошлое мне приоткрыта дверца,
Мы с тобой опять в краю родном,
И кадетское, как встарь, трепещет сердце
Под обычным штатским сюртуком.

Н. Воробьев

ОТ РЕДАКЦИИ

Всякому кто, хотя бы самым поверхностным образом, соприкасался с историей вооруженных сил Российской Империи, известно изречение Великого Петра об "обеих руках потентата"... При жизни его оно не оставалось теоретическим тезисом, а проводилось в жизнь и обе руки делали свое дело, выковывая боевую мощь молодой Империи, занявшей подобающее ей место среди европейских держав. Первыми своими успехами молодой Петровский флот, в очень большой степени, обязан армии (первая морская победа — взятие в 1703 году, в устьях Невы, двух шведских судов — всецело одержана, посаженными на шлюпки Преображенцами и Семеновцами, под водительством самого Петра; в Гангутском бою 27 июля 1714 года, они же, вместе с будущими Невским и Софийским полками, составляли подавляющее большинство активных бойцов).

Началось ли это с захирения флота, при ближайших преемниках Петра, или позже, трудно сказать, но факт тот, что, — чем дальше, тем больше, — обе руки становились все более чуждыми друг другу и, в конце концов, к ним оказалось применимым (в данном случае, вопреки всякому здравому смыслу) евангельское слово о том, что "шуя не должна ведать, что творит десная"... Так было "дома", так осталось и в зарубежье.

Все же, в силу численного соотношения тех и других, и там, и тут получалось, что вторая рука — флот — был более осведомлен о первой, чем наоборот: у всякого моряка находились в армии родные, знакомые, бывшие однокашники по корпусам и т. д., тогда как, особенно до эмиграции, — наверное можно было найти сухопутных офицеров, за всю свою жизнь не встречавших ни одного моряка...

С целью восстановления старого содружества, редакция *"Военной Были"* решила вкратце обрисовать, что было сделано и продолжает делаться в эмиграции моряками, в области исследования исторического прошлого, собирания и сохранения исторических материалов, поддержания старых традиций, описания быта Российского Императорского флота и пр., и пр.

По мере оседания эмиграции в разных странах, в центрах большого скопления, стали образовываться, наряду с полковыми и иными объединениями армии, таковые же чинов флота—"кают-компании", "морские собрания", "союзы" и т. д., соединившиеся в *Всезарубежное Объединение Морских Организаций,* под, действительным сначала, а ныне почетным, председательством старейшего Русского адмирала Александра Ивановича Русина. Часть из них ограничилась созданием связи и взаимной поддержки, но во многих местах эти объединения посвятили себя вышеупомянутым задачам, путем устройства лекций, содействия изданию трудов своих членов и т. п.

Так, в конце 20-х и, начале 30-х гг. появился целый ряд периодических изданий: наиболее долговечное (15 лет) — "Морской Журнал", издание кают-компании в Праге, созданный его безвременно скончавшимся неутомимым редактором, лейтенантом Михаилом Сергеевичем Стахевичем, "Зарубежный Морской Сборник" (Пильзен — кап. 1 р. Подгорный), "Вахтенный Журнал" (кают-компании в Сан-Франциско), недолговечный, ставший уже библиографической редкостью, "Бизертский Морской Сборник", "Записки Военно-Морского Исторического Кружка" — Париж и еще несколько более мелких.

Военно-Морской Исторический Кружок, основанный по мысли бывшего старшего офицера лин. кор. "Императрица Мария", кап. 1 р. А. В. Городысского, группою офицеров этого корабля, первым начал собирание архивных материалов и создание (в любезно предоставленном помещении Морского Собрания в Париже) маленького Морского Музея. По разным причинам, нехватка материальных средств, отъезд сотрудников в заокеанские страны и — главная причина — последствиям потрясений, вызванных второй мировой войной, все эти начинания понемногу замирали, нанося, почти непоправимый, вред делу... Так, например, М. С. Стахевичем, при вынужденном бегстве из Праги, помимо прекращения издания журнала, были брошены очень ценные архивы, собранные им за 15 с лишком лет его кипучей деятельности.

Флаг, не спущенный, а сбитый военной грозой, был снова поднят по ту сторону океана. Основанное в 1922 г., Общество бывших Русских морских офицеров в Америке, переименованное ныне в Общество офицеров Российского Императорского Флота в Америке, сформировало в своем составе — Историческую Комиссию, под председательством стар. лейтен. С. В. Гладкого, причем в ее основе было определенно указано, что она принимает на себя продолжение работы В. М. Исторического Кружка в Париже. С того же момента, 1943 год, началось издание *"Морских Записок",* под редакцией того же С. В. Гладкого. На Общем Годовом Собрании Общества в 1948 г. было решено оставить в ведении С. В. Гладкого Историческую Комиссию и сильно разросшиеся архив, библиотеку и музей, а редактирование *"Морских Записок"* поручить барону Георгию Николаевичу Таубе, который и ведет журнал с тех пор, неутомимо борясь с многочисленными затруднениями и препятствиями, главным образом, конечно, материального характера. За свои XII томов (1943-1954) *"Морские Записки"* дали немало интересного материала, из которого мы выхватываем: обстоятельные статьи (ныне покойного) Федотова-Уайта: "Русское военное судостроение в конце XVIII и начале XIX века" и "Английская эскадра у Риги в 1812 г.", П. А. Варнека — "Русский север в первую мировую войну" и "Балтийские проливы в первую мировую войну", А. Г. Тарсаидзе — "К 90-летнему юбилею прихода Русских эскадр в Америку 1863-1953" и "Фрегат "Светлана" в Америке в 1871-1872 гг.", несколько суховатые, но ценные для будущего историка материалы, как "Подробный отчет о

деятельности Сибирской Флотилии в 1921-1922 гг.", контр-адм. Ю. К. Старка и много других.

Помимо всего этого, *"Морские Записки"* оказали уже неоценимую услугу не только каждому офицеру Императорского Флота, но и каждому верному сыну России, тем, что напечатали такой редкий документ, как "Десять лет на "Штандарте", попавший к ним из архива В. М. Исторического Кружка. Неоднократный, печальный опыт показывает, как легко могут пропасть в условиях, полной всякими неожиданностями, эмигрантской жизни, подобные уники и ясно, насколько повышаются шансы их сохранения для будущего, при наличии сотен печатных экземпляров...

Наряду с *"Морскими Записками"*, выходят еще "Бюллетени" — 4 раза в год — дающие, помимо отчета о деятельности Общества, сообщения из разных центров морской эмиграции, продолжая, таким образом, организованную, в свое время, М. С. Стахевичем при "Морском Журнале", "службу связи".

Параллельно с этим, идет работа Исторической Комиссии, состоящей из 12 членов, занимавшихся раньше и продолжающих работать над историей флота. Из последних ее трудов, отметим: П. А. Варнека — "Потери Русского военного и торгового флота в первую мировую войну" — результат двадцатилетней упорной и кропотливой работы, им же была составлена, в сотрудничестве с М. С. Стахевичем: "Хронология военных действий Русского Флота во время войны 1914-18 гг. на морях и океанах", Д. Д. Селезнева — "Российский Императорский Флот" (список паровых судов Военного Флота), потребовавший также многолетних терпеливых розысков и содержащий, например, такие трудно находимые и крайне редкие сведения, как *полный список всех первых пароходов* Морского Ведомства, начиная с 1815 г.

Оба эти труда опубликованы в журнале «The Belgian Shiplover», издаваемом Обществом любителей и "ревнителей морского дела", Belgian Navau Research Association.

Председатель Исторической Комиссии С. В. Гладкий занят сейчас разработкой вопроса о приобретении дома, вне города, который должен будет, помимо убежища для престарелых моряков, дать *надежное* и достаточно вместительное помещение для хранения все разростающихся — архива, библиотеки и музея.

Редакция надеется, что этот краткий и поэтому, конечно, не полный очерк встретит интерес среди читателей *"Военной Были"* и покажет, что Императорские моряки не отстают от своих сухопутных братьев по оружию, в работе по изучению славного прошлого вооруженных сил Российской Империи и сохранению для будущих поколений, спасенных из хаоса революции и гражданской войны, ценнейших исторических материалов.

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ ХОМЯКОВ

1-го мая 1954 года исполнилось 150 лет со дня рождения крупного русского философа и поэта Алексея Степановича Хомякова.

Восемнадцати лет от роду, будущий глаза славянофильской школы вступил в военную службу, лейб-гвардии в Конный полк и затем проделал всю кампанию 1828-29 года в штабе известного генерала князя Мадатова.

В ознаменование этого юбилея, редакция помещает одно из последних стихотворений поэта, написанное в 1854 году.

РАСКАЯВШЕЙСЯ РОССИИ".

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой,
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты...

О, Русь моя... Как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Идет на Божеский призыв, —

Так исцелив болезнь порока
Сознаньем, скорбью и стыдом,
Пред миром встанешь ты высоко
В сияньи новом и святом.

Иди... Тебя зовут народы,
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай мысли мир.
Иди... Светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром,
Грозна, прекрасна — Ангел Бога
С огнесверкающим челом.

Алексей ХОМЯКОВ
(1854 год)

Великокняжеская ложка

Я кадет Первого Кадетского Корпуса, выпуска 1902 года. Последний год пребывания в корпусе, я был старшим певчим нашего церковного хора.

Однажды, осенью, хор был вызван в Мраморный Дворец, петь на крестинах Князя Георгия Константиновича, сына нашего Августейшего Главного Начальника. По окончании службы, нас провели в столовую, где был сервирован великолепный завтрак. Великий Князь обходил нас во время завтрака, разговаривал и, как всегда, осыпал нас шутками и своей безграничной лаской. Завтрак закончился мороженым, к которому были поданы серебряные, позолоченые ложки с Великокняжеской короной и вензелем покойного Отца Великого Князя, Генерал-Адмирала Константина Николаевича. Перед окончанием завтрака, по рядам пробежал "сигнал" — "сувенировать ложки".

Однако, вернувшись в корпус, я, как и многие другие виновники этого "сувенирования", переживали большую тревогу в наших детских душах.

И вот, через несколько дней, я был вызван в дежурную комнату, где, внезапно, увидел Великого Князя. Как часто Он это делал, со своей необыкновенной чуткостью и вниманием к нам, он вышел со мной на площадку чтобы наши офицеры не услышали разговора, протянул ко мне руку вверх ладонью и сказал:

— Ну?

Я мгновенно хотел броситься за ложкой но Он остановил меня и спросил:

— А если я потребую все 42, ты их все мне вернешь?

— Так точно, Ваше Императорское Высочество, был мой ответ.

— Ну, так вот что, продолжал Великий Князь, — я, конечно, не сомневался, что это не было воровством, а лишь детским "сувенированием" и потому, уже заказал, на замену, все 42 ложки. Но, чтобы это было в последний раз. Иначе мне ваши завтраки будут обходиться слишком дорого, и я не смогу вас больше приглашать к себе.

От подобного исхода, нашей детской радости, конечно, не было конца.

Поехав на последние кадетские, летние каникулы, я свез эту дорогую реликвию в дом моих родителей, где она и хранилась на почетном месте, в кабинете моего отца, старого воина Русско-Турецкой войны, участника боев на Шипке. (Господь избавил его от тяжелых переживаний. Он скончался в сентябре 16 года). В 1929 году, мне удалось вывезти к себе мою матушку и она привезла мне эту, высоко чтимую нами, память о дорогом прошлом.

Читая недавно "ВОЕННУЮ БЫЛЬ", я узнал, что судьба сохранила сына покойного нашего Отца — Великого Князя и решил вернуть эту ложку, ее законному хозяину, будучи уверен, что Великому Князю эта ложка будет еще дороже, так как она была сделана еще для Его Деда, в 1868 году, а мне это возвращение дает несказанное счастье подтвердить под конец моей жизни всю мою глубокую преданность и сердечную благодарность Человеку и Начальнику, ласками Которого я был осыпан во все время пребывания моего в корпусе, Павловском Училище, где мне посчастливилось быть знаменщиком, и в родном полку, лейб-гвардии 3-м Стрелковом Его Величества.

Покойный Великий Князь всегда приветствовал меня:

— Здорово Христофор!

Когда же Он встретил меня в Зимнем Дворце, вскоре после моего производства в офицеры, то, сначала, поздоровался громко, как всегда, а потом подошел ближе и тихонько сказал, как всегда приветливо, улыбаясь:

— А ты не сердишься на меня что, я продолжаю называть тебя на ты? Ведь ты уже офицер?

На что, я, с чистым сердцем, ответил:

— Если Ваше Императорское Высочество желает осчастливить меня — я прошу не изменять старого здорованья.

С тех пор до конца, я был для Великого Князя — Христофор и ты.

Между прочим, еще один счастливый момент из моей кадетской жизни. Осенью 1901 года, во время урока ручного труда, в нашу столярную мастерскую вошел Великий Князь с двумя старшими сыновьями, Князьями Иоанном и Гаврилом. Вызвав кадета Тимофеева и меня, Он назначил Иоанна Константиновича к Тимофееву, а Гаврила Константиновича ко мне и приказал нам дать несколько уроков этого искусства Его сыновьям.

Никогда я не думал, что тогда заложил в себе начало ремесла, которое оказывает мне огромную помощь в постройках и перестройках, на моей куриной ферме в Австралии.

Навсегда мне памятная, ложка летит из далекой Австралии в Париж, к своему законному хозяину, вместе с этой историей, через нашего дорогого Председателя, моего однокашника Алексея Алексеевича Геринг. Низко кланяюсь ему за помощь. Особенно радуюсь, что прибытие этой реликвии, по моему расчету, совпадает с наступающими праздниками Рождества Христова.

"Дорого яичко ко Христову Дню".

Ура — от старого кадета — Великому Князю Гавриилу Константиновичу. Да пошлет Ему Господь Бог здоровья и покоя на много, много лет, а нам много радости видеть Его в наших рядах на долгие годы.

Христофор Ауэ 3-й.

Кадетские годы

(1902 — 1909)

(Продолжение)

Выше описаны корпусные события, крупные, необыденные. Обыденная же жизнь текла своим чередом, по раз и навсегда установленному и незыблемому порядку, который изменялся только в зависимости от времен года, да с переходом из роты в роту. Этот порядок получал выражение в ежедневных приказах по корпусу, в постановлениях педагогического комитета, в расписаниях занятий, в классных журналах, в экзаменах и т. п.

Эта будничная жизнь, однотонная и неизменная,— таила в себе своеобразную, трудно выражаемую словами, теплоту и поэзию, которые имеются во всех проявлениях человеческой жизни, во всех формах быта, зиждящегося на крепких традициях. Они обычно воспринимаются нами подсознательно, мы их не замечаем и начинаем ощущать только тогда, когда незаметное воздействие привычной среды прекращается, заменяясь новым. Не потому ли то, что в свое время казалось нам докучным, ненужным и даже тягостным, — делается позже столь привлекательным и дорогим, овеянным поэтической дымкой воспоминаний. Отойдя далеко от минувшего, от тех дней, когда для нас "были свежи все впечатления бытия", мы начинаем ощущать, что даже когда то столь неприятные пробуждения в глухие зимние утра — имели своеобразную привлекательность. В шесть часов утра, независимо от времени года, раздавалась дробь барабана или тоскливое пение горна. В зимнее время, за окнами еще чернела настоящая ночь, искрились звезды и светила луна. Тугой, неохотный рассвет наступал только после молитвы и утреннего чая, когда кончали утреннее повторение уроков. Еще до подъема, в пустынных, гулких, полуосвещенных коридорах постепенно начинали возникать звуки, свидетельствовавшие о приближении трудного момента пробуждения и неохотного возвращения к реальной жизни. Слышалось шарканье полотеров, истопники гремели дровами, служители настойчиво, с досадой, теряя терпение, будили дежурных и тех, кто с вечера записался на раннее вставание для зубрежки. Звеня шпорами, выходил из дежурной комнаты дежурный воспитатель.

В коридорчике, около умывалки, собирались у круглой топящейся печки курильщики и те, кто уже успел немного посидеть над толстенной книгой физики Краевича или алгеброй Киселева, силясь преодолеть безнадежно запущенные дебри науки. Однако, в данный момент, темы беседы очень далеки от того, что изложено в учебниках. Недавно возродились гусары и уланы. Доломаны, чакчиры, кивера и этишкеты заворожили кадетские умы и сейчас будущие корнеты обсуждают вопрос: подходят ли к черному доломану александрийских гусар краповые чакчиры, или лучше было бы заменить их черными? Какой то тонкий знаток замечает, что такая перемена уже произведена. Над беседующими, в табачном дыму, как бы незримо веют тени Николая Ростова, Васьки Денисова, "Двух гусаров". Как странно, что именно Толстой, — потрясатель основ, — сделал так много для поддержания гусарской романтики, чаровавшей не одно поколение Русской военной молодежи. Да не только гусарская, но и вообще военная романтика проникала в юные сердца через творения Толстого, властно воздействуя на наше воображение. Я помню, с какой необыкновенной жадностью, я не читал, а буквально глотал страницы "Войны и мира", лежа в густой траве нашего корпусного сада. Никакая другая книга, ни раньше, ни позже, не волновала меня с такой силой и не давала таких острых художественных наслаждений.

После молитвы и чая, шли утренние занятия при свете ламп. Эти занятия были последней соломинкой, за которую хватались те, кто легкомысленно отложил подготовку к урокам на завтра. У черной доски, уверенно чертя мелом, аккуратный, подтянутый — потенциальный гвардеец, Борис Шатилов — пытался втолковать безнадежные очередные тайны тригонометрии, впрочем с очень малым успехом.

Перед началом уроков — прогулка в четверть часа, которая в зимние и ненастные дни происходила по тротуару перед корпусом. Напротив — занесенный снегом плац, снеженные липы, и, в морозной дымке, силуэт городского собора. По улице, вдоль бокового фасада корпуса, которая идет к кладбищу, где похоронен генерал А. П. Ермолов, пробегают миниатюрные вагончики орловского трамвая, скрежеща на повороте и рассыпая фиолетовые искры от заиндевевших проводов. Наискось от угла, где остановка трамвая — колониальная лавочка Мошкина, которую помнят буквально все орловские кадеты, повторяя ходовой анедот о том что кем то было однажды послано письмо, с адресом: г. Орел, Кадетский корпус, насупротив магазина Мошкина.

Начинаются уроки. Два часа подряд — математика. Элегантный, в прекрасно сшитом сюртуке петербургского покроя, входит гвардии штабс-капитан Н. А. Безак. Несмотря на то, что он начисто выбрит, щеки его отливают синевой жгучего брюнета. Он коректен, непроницаем и неумолим. Вызывает он сразу по шесть человек, деля каждую доску пополам, так что за время урока вызываются почти все — следовательно спасения нет. По окончании урока, он, здесь же, в классе, под взглядами окруживших кафедру кадет, выставляет четким и красивым почерком, в изящной кожаной книжке, баллы, строго и справедливо. Несмотря на то, что он никогда не повышает голоса, никому в голову не приходит вступать с ним в пререкания по поводу выставленных отметок. Когда он возвращает листки с письменными работами, на

них тем же четким почерком, значатся отметки. Например I б., т. е. единица, если на листке, кроме фамилии и текста задачи, нет ничего, 11 б., когда работа представлена Черниковым, Шатиловым или Деппишем и т. д., но обязательно с прибавлением буквы "б".

Во время перемены, дежурные по классу открывают форточки, через которые в класс врываются морозные клубы. Между любителями свежего воздуха и любителями тепла идет борьба. Первые стремятся к тому, чтобы форточка не закрывалась, вторые стараются ее закрыть.

Безака сменяет батюшка Отец Миловидов. Он третий священник на нашей памяти. Первым был добродушнейший, престарелый Протоиерей Детский, на уроках которого всегда стоял настоящий бедлам. Его сменил Отец Митрофан Афонский, серьезный и степенный, постригшийся позже в монахи и сделавшийся епископом Елецким. Его почему то у нас не любили. В нем чувствовалась какая то неискренность, отсутствие тепла, что, как будто и подтвердилось в революционные дни, когда он проявил чрезмерную покладистость к советской власти.

Батюшка вызывает Мячкова. Последний высок, грузен, силен и столько же добродушен, сколько неспособен к наукам; прозвище его "слон". Уроков он никогда не знает, и ответы его всегда возбуждают самое веселое настроение в классе. На этот раз, он тщетно старается вспомнить текст из катехизиса: "тем же убо братие стойте и держитесь предания" и, наконец, выпаливает: "Апостол Павел сказал — стойте, братцы..." Общему веселию нет предела.

В другой раз, будучи вызван на уроке физики и спрошенный по поводу рычагов, Мячков, вспомнив, что на уроке Русского языка говорилось что то об эстетической точке зрения, начал так: "будем рассматривать рычаги с эстетической точки зрения..." Даже невозмутимый физик Павел Петрович Бельский, привыкший за свою долгую службу в корпусе к самым неожиданным ответам, не мог не улыбнуться.

— Садитесь, Мячков, — сказал он со вздохом, ставя в журнале, соответствующий ответу, балл.

Бывали дни, когда улыбалось счастье и случались, так называемые, "пустые уроки", т. е. не приходил кто-нибудь из преподавателей. Наиболее осведомленных из кадет, внимательно следивших, за приходом учителей в учительскую комнату, радостно объявляли: "Ферхова сегодня не будет". Эти же осведомленные вели собственный журнал вызовов, и с некоторой долей вероятности, могли предсказывать, кто будет вызван сегодня.

— Меньшиков, посмотри, вызовут меня сегодня по географии?

Меньшиков открывал свой журнал и, считая, что им в известной мере изучена система вызовов отдельных учителей, давал свое заключение. Надо отдать должное той пунктуальности и добросовестности, с которой Меньшиков вел свой журнал. Работы это требовало немалой и отнимало не мало времени, которое можно было бы, пожалуй, затратить более продуктивно, хотя бы на приготовление уроков. Учительский каприз, нередко путал карты предсказателя и делал эти предсказания довольно сомнительными.

"Пустой" урок сулил немало удовольствий. Приходил воспитатель, либо читал что-нибудь вслух, либо вел нас на плац второй роты, на каток и ледяные горы. Подполковник М. П. Деппиш, наш второй воспитатель, сменивший Харкевича, переведенного вместе с Лобачевским в Москву, немного суховатый, но справедливый, пользовался скорее уважением, чем любовью, и умел держать нас в руках. В нашем отделении был его сын Саша Деппиш, прекрасно учившийся, хороший товарищ, пользовавшийся общим расположением, а потому не создававший для отца никаких затруднений. Деппиш особенно любил читать нам Лескова. Прекрасные рассказы последнего, особенно "Кадетский Монастырь", "Инженеры бессребреники" и другие, уводящие нас в кадетскую старину, производили на нас очень сильное впечатление. Деппиш, сам окончивший Николаевское Инженерное Училище, с особым удовольствием читал нам "Привидение в Инженерном замке", вспоминая молодые годы, и его глаза, под стеклами пенсне светились в такие минуты мягче и теплее.

Морозные, солнечные и сверкающие часы, которые проводили мы во время "пустых" уроков на катке и на горах — были полны необыкновенного очарования, насыщены бодростью и радостью жизни. "Мороз и солнце — день чудесный" — недаром воскликнул Пушкин.

Ледяные башни, воздвигнутые по углам расчищенного катка, с отваленными по сторонам валами сверкающего снега, — искрятся прозрачно-зеленоватым светом, пронизанные солнечными лучами. Все пространство громадного плаца, покрытое снегом, тоже сияет и искрится отдельными снежинками. Воздух крепкий, как драгоценное вино. Дышать им — истинное наслаждение. Вольным полетом, с почти балетной легкостью, в одних куртках, носятся конькобежцы по зеркальной поверхности катка на "собственных" коньках. Но еще большее удовольствие — срываться лежа, на санках, с высоты ледяной горы и мчаться по длинной зеленоватой ледяной дорожке до следующей, стоящей напротив, горки и подыматься по обледенелым ее ступеням, таща за собой санки, постукивающие железными полозьями. Иногда какой-нибудь бесстрашный и уверенный в себе конькобежец взбирается на площадку ледяной горы, несколько мгновений стоит на кромке, спускающейся вниз с большой высоты дорожки, и пулей летит вниз, искусно балансируя и сохраняя неустойчивое равновесие. Сердце замирает, особенно в первое мгновение отрыва его от площадки и страшно, как бы он, не удержавшись, не ударился головой о поверхность льда. Такие эксперименты запрещались, но именно поэтому они и были так привлекательны.

Надышавшись живительным морозным воздухом, раскрасневшиеся, в мокрых от снега шинелях, пер-

чатках и сапогах — мы возвращаемся в роту, где нас ждут либо строевые занятия, либо гимнастика, либо танцы.

Хотя, мы теперь в первой "строевой" роте, надо признаться, что столь щекочащее наше тщеславие название роты имеет, в сущности, очень условное значение. "Строевого", надо сказать, в нас мало. Правда, мы имеем трехлинейные винтовки, облегченного кавалерийского образца, нам присвоены штыки, с которыми мы ходим в отпуск и которые носят дежурные по роте. На строевых занятиях мы проделываем ружейные приемы, проделываем некоторые построения, ходим на парадах церемониальным маршем, обязаны знать — но не знаем — части винтовки. Ротой командует не воспитатель, как в других ротах, а фельдфебель, и дежурный по роте рапортует ротному командиру. Но у нас нет стрельбы, нет понятия о рассыпном строе, и, если не изменяет память, мы ни разу не производили ротного учения. Одним словом, мы "строевые" скорее декоративно, чем по существу. В унтер-офицеры производились не строевики и молодцы, а те, кто имел хорошие учебные отметки и хорошее поведение, и, часто, многие из них были "шляпами", не могшими, например, перепрыгнуть через кобылу в гимнастическом зале или подтянуться на параллельных брусьях. Вследствие такой системы, знаменщиком нашего выпуска был, совсем не бравый кадет, и притом "либерал", вышедший, по окончании корпуса, не в военное училище, а "на сторону". Надо добавить, что и воспитатели наши, в своем подавляющем большинстве, не были энтузиастами строя. Корпусная служба быстро лишала их строевых черт. Одни бывшие "павлоны" и, среди них, капитан Постников — высокий и статный молодец, с зычным голосом, щеголявший красным темляком, полученным им за участие в подавлении боксерского восстания, — проявляли интерес к строю и его поддерживали среди кадет.

Да, и то сказать, как было не отстать от строя, например, подполковнику Бахтину, заведывавшему корпусным лазаретом, обязанности которого едва ли были очень сложными и сводились, главным образом, к наблюдению за внешним порядком в лазарете и к выдаче книг из лазаретной библиотеки выздоравливающим или симулирующим болезни кадетам. Позже это изменилось. Была введена стрельба, строевые занятия приняли серьезный характер, кадеты участвовали в парадах вместе с войсками и отбывали, хотя и короткий, лагерный сбор.

Корпусный лагерь был расположен в очень живописной местности на берегу Оки, в густой зелени берез и лип, но за все пребывание в корпусе, мы только один раз ходили туда военной прогулкой, да один раз нас сводил туда Харкевич. Впрочем, в лагере проводили лето кадеты, не уезжавшие на каникулы домой.

Однако, недостатки строевого дела нисколько не понижали нашей кадетской гордости принадлежностью к военному сословию. И того немногого, что мы имели, было достаточно, чтобы чувствовать себя военными, стоящими на пороге настоящей военной службы, которая ожидала нас в вожделенных военных училищах. Как мы любовались юнкерами, которые время от времени появлялись в стенах корпуса, мысленно примеривая себе бархатные безкозырки атиллеристов, этишкеты елисаветградцев и портупей-юнкерские тесаки павлонов и александровцев. Наша собственная форма, а особенно длинные брюки, уже неу довлетворяла нас, как в первые годы кадетства, когда черно-желтый погон и зеленый пояс (позже замененный кожаным лакированым), заставляли забывать все горести жизни.

— — — 0 — — —

В корпусе было свыше 400 кадет, — подростков и юношей в возрасте от десяти до семнадцати-восемнадцати, а иногда до девятнадцати и даже двадцати лет. Естественно, эта масса включала в себя людей самых разнообразных характеров, темпераментов, склонностей, разной моральной и духовной ценности. Это различие особенно ярко сказывалось в наиболее ранних возрастах, еще не перебродивших и не устоявшихся. Именно в эти первые годы пребывания в корпусе происходил тот естественный отбор, в результате которого постепенно отметалось все негодное, порочное, и, в конце концов, к последним годам корпусной жизни, отливалась уже более однородная кадетская масса, с относительно, одинаковым моральным уровнем. Как то совершенно незаметно и постепенно, из года в год, исчезали с нашего горизонта в корне испорченные, неспособные к жизни в общежитии и те неисправимые озорники, которых сейчас назвали бы "хулиганами". Таких бывало немало в первых трех классах. Помню такого, который, пробегая мимо дежурной комнаты, забегал в нее и плевал в чай, приготовленный для воспитателя. Были и такие, которые таскали арбузы с воза, заезжавшего к нам на плац, хозяин которого, с разрешения воспитателя, продавал нам арбузы. Такие явно порочные мальчики не долго удерживались в корпусе и либо отправлялись домой, либо в Вольскую школу. Страдали иногда и те, которые не были внутренне испорченными и неисправимыми, но в силу своего темперамента, неукротимой предприимчивости и избытка энергии, проявляли себя бурно, с налетом отчаянности. Шаловливость их бывала не злостная, но делающая их мало пригодными для общежития. Можно понять начальство, несшее громадную ответственность за здоровье и жизнь вверенных им питомцев, когда оно старалось отделаться от кадета, который, на высоте четвертого этажа, по узкому карнизу, переходил от окна к окну, держась буквально на честном слове.

Имеется убеждение, будто в закрытых учебных заведениях, и, в частности, в корпусах, царила моральная распущенность и процветали всякие "тайные" пороки. Это, во всяком случае, в отношении нашего корпуса — совершенно неверно. Естественно, среди такого множества подростков и юношей, какое жило в корпусе, не могло не быть "тайных" и других пороков. Но, они не только не царили и не имели

мало мальски широкого распространения, но были, поистине, "тайными", тщательно скрываемыми в своей постыдности, которую чувствовали сами их носители, сознававшие, что кроме самого осуждения и осмеяния они ничего другого не могут встретить у товарищей. В нашем отделении, когда мы были уже в одном из старших классов, один из наших товарищей был изобличен в гомосексуальных действиях. Это вызвало громадное возмущение и чувство омерзения со стороны его одноклассников. Мы не могли довести до сведения начальства об этом факте, ибо это противоречило бы главным основам кадетской этики, а потому мы решили принять свои собственные меры воздействия в отношении виновного. Было постановлено подвергнуть его совершеннейшему бойкоту. Никто не должен был с ним разговаривать, с ним общаться и даже сидеть рядом на одной парте. Однако, такой бойкот — и особенно нежелание всех быть его соседом по парте — не могли ускользнуть от внимания воспитателя. Поэтому, объявив осужденному наш, кстати сказать, чрезвычайно тяжелый приговор, мы предложили ему придумать причину, которая бы объясняла в глазах воспитателя объявленный ему бойкот.

— Скажите, что я украл ножичек, — предложил он.

Бойкот этот длился очень долго и проводился последовательно и неуклонно. Под влиянием времени, он, конечно, ослабел, но все же до самого выпуска, т. е. в течение двух-трех лет, подвергшийся остракизму, сидел на парте в одиночетсве. Этот случай ярко характеризует то отношение, которое имели кадеты ко всему, что носило печать извращенности.

Это совсем не значит, что мы были как то особенно целомудренны, были лишены естественного полового любопытства, вполне понятного в нашем возрасте. Может быть, это стремление в заповедную область начиналось немного рано, но, кажется мне, что мы не являлись в этом отношении исключениями из общей школьной массы всего мира.

Хотя многие из нас сквернословили, хотя нами распевались порой очень грубые казарменные песни, читались книжки барковского стиля, — но все это было скорее проявление некоего молодечества, нежели признаками нашей испорченности. В своей массе кадеты были не только нравственно здоровыми, но в глубинах их душ, если отбросить показную грубость и нарочитый цинизм, они были, может быть, более романтически настроенными, чем молодежь других учебных заведений. В отношении же своих дам из орловских женских гимназий и института, ими проявлялась совершенно рыцарская почтительность. Здесь была особая, интимная область, резко отграниченная от той, которая характеризовалась сальными анекдотами, неприличными куплетами и непристойными открытками, продававшимися в табачном магазине, в который по воскресеньям сходились все курильщики.

Между прочим, почему то отношение к преступлениям против нравственности, конечно, лишь в отношении кадет старших классов, было довольно снисходительным: в случаях, когда обнаруживались наглядно последствия таких преступлений, в приказе по корпусу можно было прочитать: "за безнравственное поведение в отпуску сбавляется балл за поведение кадету седьмого класса, такого то отделения имя-рек".

Думаю, что и в отношении преступлений по алкогольной части, кадеты, не пользовавшиеся такой свободой, как другие учащиеся, были значительно благополучнее последних. За все время пребывания в корпусе, я не помню случаев исключения кого-либо за явку в корпус в нетрезвом виде. Только один раз у нас был случай выпивания в стенах корпуса. Произошло это накануне нашего корпусного бала, когда наша спальня, предназначенная для танцев, была перенесена в зал второй роты, и, вообще, в предбальной суете, чувствовалось известное ослабление порядка. Кроме того, в изъятие из обычных правил, мы имели право отдыхать после обеда, перед балом. Этой ситуацией воспользовалась группа кадет во главе с Симоном Мищенко, сыном одного из ротных командиров, в отличие от других воспитательских детей, известного довольно сомнительным поведением и склонностью к предосудительным развлечениям. Он принес из дома бутылку или две каких то напитков, которые и были благополучно роспиты. Однако, то ли кутилы забыли пустые бутылки под кроватью, то ли в поведении Мищенко кому то из воспитателей показалось что то подозрительное, но он сделался объектом надлежащего расследования, будучи посажен под арест. Однако, он оказался тверд, начисто отрицал предъявляемые ему обвинения, и хотя был выпущен из под ареста, за недостатком улик, но долго оставался у начальства на подозрении.

Чисто мальчишеское пьянство происходило иногда во время поездок на каникулы в том отдельном вагоне, который выделялся для кадет в день массового разъезда на каникулы. В ближайших от вокзала лавчонках покупались очень невысокого качества напитки, всякие "спотыкачи", "зубровки" и прочее, которые распивались под немудреную закуску. Из чувства молодечества, нежелания отставать от товарищей и прослыть "тихоней", приходилось, давясь, пить всякую гадость, курить и изображать из себя лихого кутилу. Последствия наступали быстро. Принужденный выйти, для соответственного освежания, на площадку вагона, я однажды лишился фуражки, которую сорвал порыв свежего весеннего ветра. Было чрезвычайно конфузно идти по Курскому вокзалу без фуражки, что в те времена являлось совершенно необычайным и даже диким.

Что касается курильщиков, то они появились у нас чуть ли не с первого класса. Доля таких пионеров курения была не из легких. Им приходилось проявлять бездну изобретательности, чтобы находить безопасные места для хранения табака и для удовлетворения своей преступной страсти. Курили в форточку, и в печку, и просто пуская дым по стенке. Главная трагедия курильщиков заключалась в том, что воспитатели, пройдя, в свое время, такую же школу,

прекрасно знали все уловки, применяемые в этих случаях. Однако, развитие техники способствовало тому, что в курительном деле появилось нечто новое, неизвестное воспитателям, которые проходили свой кадетский корпус в архаические времена. Помогли фотографические аппараты в форме квадратных ящичков, которые и явились хранилищем табака Месаксуди или Стамболи. При попытке воспитателя открыть такой аппарат, любитель фотографии встревоженно воскликнул:

— Осторожно, господин капитан, аппарат заряжен...

По мере нашего вырастания, нажим на курильщиков слабел. Уже во второй роте, подымающиеся синие струйки дыма, — где то из за куста или из за угла забора, — не заставляли дежурного воспитателя бросаться на поимку виновного. На курение уже смотрелось сквозь пальцы. С переходом же в первую роту, оно, вместе с разрешением носить прическу, допускалось официально. Был отведен шкаф, где стояли шкатулки курильщиков с их курительными принадлежностями. Уже без всякого опасения можно было щелкать портсигарами, зажигалками и щеголять мундштуками, но, конечно, только в показанном месте.

Г. Месняев

(Продолжение следует).

Пугачевские дороги

(Окончание).

До Уральска три дня езды. Те же казачьи избы, те же суровые и молчаливые старики, колеблющиеся между казачьим нейтралитетом и желанием навести порядок. Встречаются верховые фронтовики. Все они без погон. В избах они спорят:

— Ленин войну кончил. Чего мы против него пойдем? Это офицеры за войну.

Старики за офицеров. Во всяком случае, за своих, казачьих. Фронтовики стоят на своем.

— Вот Оренбурцы пошли за офицерами, и большевики теперь в Оренбурге, а атаман по степи шатается.

Это камень в наш огород.

Вот он, Уральск. Я представлял его почему-то совсем другим. Может быть, из-за его стариннаго названія: Яицкий Городок. Мне казалось, что он должен был быть обнесен частоколом, весь в узеньких улицах, с бревенчатыми домами. Это обыкновенный провинциальный Русский город с широкими улицами, хорошими каменными домами на главной улице, с электрическими фонарями, казенными зданиями николаевскаго стиля.

О нашем прибытии уже знают На постоялом дворе, куда один за другим приходят наши сани, уже несколько хорошо одетых дам.

— Мне, одного, пожалуйста...

Хрусталев обращается ко мне:

— Вот, иди ты.

Почему я первый? Должно быть, потому, что самый молодой? Ужасно обидно, но делать нечего, да и дама такая милая и чуть не плачет. Так, почти сразу после нашего приезда в Уральск, я попадаю в семью Войскового Старшины Уральского Войска Фокина. Его младший сын — кадет Вольского корпуса. Это уже совсем хорошо, тем более, что Николай Фокин даже моего возраста. Об этих суровых "волжанах" у нас в корпусах ходят самые невероятные легенды. Еще совсем недавно у них пороли по субботам (кажется, до 1907 года, т. е. до полнаго уничтоженія телесных наказаний в Россійской арміи). Но в других корпусах говорят, что их пороли до самой революции, что, конечно, сплошной вздор. Но вот на станции Пенза, перед приходом Балашовского поезда с вагоном Вольцев, запирался буфет. Это мы, Неплюевцы, знаем, так как наш поезд со стороны Самары приходил на полчаса раньше. Впрочем, возможно, что буфет закрывался по какой-нибудь другой причине, но все мы, с чуть преступным восхищением, связывали закрытие буфета с отчаянной и лихой репутацией Вольцев.

У Войскового Старшины тепло, уютно, хотя немного тесно. Старший сын, подъесаул, ходит дома в кителе при погонах, но выходит в шинели, без погон. Атаманский приказ о снятии погон, к несчастию, не выдумка илецкого начальства.

Подъесаул, чуть-чуть снобирующий петербургским выговором, — он из "Гвардейской Школы", жалуется на казаков, по его словам совершенно разложенных большевицкой пропагандой немедленного мира. Погоны они поснимали еще на фронтѣ и, во многих полках, заставили их снять и своих офицеров.

— Атаман просто узаконил фактически создавшее положение... а вот ему носить можно, — подъесаул кивает головой в сторону брата, — так как Вольск не на казачьей земле, ну, а не-казачьи погоны дѣло не наше, а "машковское", — передразнивает он уральский выговор.

Младший Фокин очень завидует эпопее неплюевцев.

— Нас просто распустили на Рождество, как всегда, — разочарованно объясняет он наличие полного кадетского гардероба.

Кстати, он мне очень пригодился, и в первый же мой уральский вечер мы на катке, и я в желтых вольских погонах, хотя на моей фуражке синий оренбургский кант. Даже вместо дырявых валенок на мне

снова кадетские козловые сапожки. Только, к несчастью, на моей паре нет привинченных металлических пластинок для коньков.

А так хочется побегать на "Нурмисе" по гладким ледяным дорожкам под вальс "На сопках Манчжурии", который играет казачий оркестр. как играл он еще в прошлом году и пятьдесят лет назад и как никогда больше играть не будет. Но нам не дано еще этого знать. Только музыканты уже без погон.

— Хочешь покататься? — запыхавшийся, разрумянившийся Колька Фокин тянет меня в раздѣвалку, и мы мѣняемся сапогами.

Боже, как хорошо! Вот теперь играют "Дунайские волны". Нужно показать уральцам, как у нас бѣгают в Оренбурге. Жду начала новой музыкальной фразы и в такт, медленно, на одном конькѣ выезжаю на дорожку. Руки за спину. Не сбиваясь с ритма оркестра. Все быстрее и быстрее. Маленький кадет Неплюевского корпуса, в последний раз в жизни, катается на Русском катке. Пощипывает щеки мороз, поет в ушах знакомый вальс, шипят, заливая мягким зеленоватым свѣтом блестящий лед, керосино-калильные фонари.

Колька Фокин достает даже водку, и мы важно пьем ее, в перерыве, за буфетом.

Идут, одни за другими, мои уральские дни. Большинство наших осталось вместе. Живут в казачьих казармах, на казачьем пайке. Что же дальше делать? К Корнилову. Но на станции Урбах красногвардейские заставы. Говорят, что ловят оренбургских "белогвардейцев". Едва ли сможем проехать полной группой с Хрусталевым и Миллером. Кто-то должен начать.

— Поезжай ты первый, ты самый маленький.

Обижаюсь ужасно, — причем тут возраст? Первым поедет самый смелый. Хрусталев вмешивается. Первым поедет тот, кого мы выберем, и из Саратова пошлет телеграмму.

О Корнилове слухи самые разнообразные. Говорят, что он идет на Лиски. Как бы не опоздать?

Иногда очень хочется домой. Стараюсь отгонять эту сладкую мысль, позорную для ветерана Каргалльского боя.

Идем как-то с Фокиным в местный военный госпиталь, где лежит его двоюродный брат, уральский хорунжий. Одеты оба в вольскую форму. Я в шинели с желтыми погонами и в оренбургской фуражке; он в бекеше, на которую надел погоны Вольского корпуса, и в своей фуражке с желтым кантом. Проходим мрачными больничными коридорами, по которым гуляют бесшумными тенями худые люди в синих халатах.

— Товарищи... Снимай погоны... — перед нами больной, по виду, солдат. На чахоточном лице туго натянулась желтая кожа. Лихорадочные глаза.

—Снимай погоны... Такой закон вышел... Теперь, товарищи, свобода. — Чахоточный солдат старается быть вежливым.

— Теперь все равны, товарищи.

Проходим мимо, стараясь не обращать внимания, и он долго, взволнованным голосом, кричит нам вслед:

- Снимай погоны, теперь такой закон...

Позже были годы суровой солдатской жизни, лицом к лицу со смертью, были ужасы эвакуации, радость побед и горечь отступлений, но ничто и никто не оставил такого следа в душе маленького Русского кадета, как этот чахоточный солдат в Уральском военном госпитале. Солдат и последний зимний каток. В первый раз я почувствовал и осознал в этот момент, что произошло что-то непоправимое, что порвалась какая-то внутренняя нить, связывавшая судьбы моего народа, что через две недели меня не вызовут в корпус...

— Закон такой вышел, — и чахоточный солдат, имя которому легион, не хочет больше, чтобы я носил синие погоны с желтым кантом и с буквами О. Н.

— Едем к Корнилову! — решают окончательно в казачьей казарме.

— Сидеть здесь нечего. Чего добраго, большевики боз боя будут в Уральске.

Из нашей роты осталось человек тридцать, так как оренбурцы или вернулись домой из Илека, или будут выжидать в Уральске возможности вернуться. В казачьей казарме "иногородние". Пассажиры кадетского вагона "Оренбург-Тула". Острим по поводу изменения маршрута и медленности путешествия.

— Кто разведчиком?

Выбирают меня. Самого "маленького"... Хотя Хрусталев пытается подсластить, — я и умный, и расторопный, и хладнокровный, и ловкий и даже будущий фельдфебель девяносто второго выпуска.

Несколько дней проходит в лихорадочных приготовлениях. Одевают меня,в,узкую на меня,гимназическую шинель и еле держащуюся на голове фуражку. Ужасно неприятно чувствовать себя "шпаком". Достают даже гимназический билет. Но... будущий фельдфебель девяносто второго выпуска, когда неделю спустя его поймают без билета в поезде, около Лисок... не будет даже знать своей новой фамилии. Но это потом. А теперь меня приглашают завтракать к местному купцу-раскольнику, который должен финансировать мое путешествие к Корнилову.

В богатом купеческом доме страшная смесь Замоскворечья и "Столицы и Усадьбы". Завтракаем в обшитой дубом столовой стиля нормандского "рюстик", целый угол которого занят иконами в роскошных ризах. Разговор как-то не клеится, да, кажется, хозяйские дочки вообще не имеют права говорить за столом, хотя они гимназистки старших классов. Получаю двадцать пять рублей. Целый капитал для кадета пятого класса, но, как я очень скоро убежусь, сумма явно недостаточная для моего предприятия. Гордо обещаю выслать телеграфом при первой возможности, недели через две, самое большее — три.

Солнечным, морозным утром, на извозчичьих санках, меня везут на вокзал.

— Так не забудь: телеграмму из Саратова и, если можно, из Лисок.

Уславливаемся об условных выражениях. Прощай, Уральск, маленький Русский город, наивные жители

которого думают ценою снятия погон сохранить право играть на биллиарде. Прощай навсегда, Оренбург, и трехэтажное светлое здание корпуса перед генерал-губернаторским садом, на сѣром высоком заборѣ которого рекламируется огромными буквами жигулевское пиво. Прощай, зимний каток и прощай, старая Россия, которой не хочет чахоточный солдат и которую три долгих года будет защищать маленький кадетик.

К Корнилову я не попал. Телеграммы не выслал — в Саратове требовали на почте какой-то мандат (еще незнакомое тогда слово). Около Лисок какой-то, военного вида, тип с револьвером придрался ко мне из-за билета (его у меня не было) и я не знал своей "шпацкой" фамилии. Спасли меня неполные пятнадцать лет и деревенские бабы, наполнявшие вагон.

— Оставь мальчонка, — кричали они, — и так от вас жизни нет.

Через неделю, голодный, оборванный, в рваных промоченных валенках, я позвонил под вечер в парадную дверь нашего белгородского дома. Новая горничная, меня не знавшая (да кто мог узнать меня в этом худом и грязном оборванце?), торопливо закрыла дверь.

Помню, что начал бросать камни в наглухо закрытые ставни, до которых не мог достать. Из-за ставень струился спокойный домашний свет. Там, в столовой, наверное пили чай. Хотелось света, мамы, горячего чая.

И суровый каргаллинский солдат,неудачливый соратник Корнилова, зарылся на груди отчима, который с браунингом в руке осторожно открыл дверь. И только выдержка старого офицера остановила его палец на курке револьвера, когда вдруг серая безформенная тень бросилась из темноты на его грудь.

Евгений Яконовский.

Боевые подвиги 57 пехотного Модлинского Генерал-Адъютанта Корнилова полка

57 пехотный Модлинский полк сформирован в царствование Императора Николая Павловича, в 1831 году и полковой его праздник установлен в день Св. Великомученика Георгия, 23 апреля.

В 1854—55 гг. полк участвовал в Крымской компании, занимая Малахов Курган и бастионы на месте будущего Исторического бульвара. Героическая оборона башни Малахова Кургана и стяжала первую боевую славу полку. К концу осады, гарнизон башни состоял из 40 рядовых при 4-х офицерах, под командой поручика Данильченко. Защитники башни, в течение нескольких дней, выдерживали ожесточенные атаки двух французских дивизий. Когда все защитники были переранены и израсходованы последние патроны, гарнизон был вынужден сдаться. За неимением белого флага, одному из солдат, пришлось снять свою сорочку и вывесить этот импровизированный флаг, на конце штыка, через одну из амбразур. Когда командующему французским атакующим отрядом было доложено, при каких условиях, малочисленный гарнизон башни положил оружие, он немедленно приказал доставить носилки для выноса ее героических защитников, построил обе дивизии и, при выносе раненых Русских героев, скомандовал войскам "на караул" и все раненые были пронесены вдоль фронта. Затем, при посредстве нейтрального представителя Швейцарии, телеграфировал Государю Императору о геройской защите башни, прося Его Величество примерно наградить всех ее защитников.

Все офицеры были награждены орденом Св. Георгия 4-й ст., а солдаты Знаком Отличия Военного Ордена. Все защитники, как офицеры, так и солдаты, были награждены земельными участками. Фамилии офицеров, с описанием их подвига, были занесены на мраморную доску, в помещении Офицерского Собрания полка.

Этот, единственный пример в истории Русской армии — награждения офицеров и нижних чинов, по представлению неприятельского Командующего, думаю, мало кому известен из находящихся в эмиграции Русских офицеров.

За оборону Севастополя полк получил: Георгиевское знамя, надпись на шапки, Георгиевские рожки и трубы, а в 1910 году, в ознаменование совместной геройской обороны Севастополя, модлинцами и моряками, Государю Императору угодно было назначить Генерал - Адъютанта Адмирала Корнилова Шефом полка.

Второй боевой подвиг в истории полка, во время Русско-Японской войны, заключался в следующем.

1-ая Манджурская армия генерала барона Каульбарса, составлявшая правый участок всего боевого расположения Русских армий, в силу полученного приказа, в конце февраля 1905 года, покидала Мукденские позиции, отступая далее на север. Приказ этот вызвал понятное недоумение и большую горечь среди войск, так как наша армия не потерпела поражения и сохраняла полную боеспособность. Однако, приказ Главнокомандующего был выполнен в порядке. Под обстрелом и разрывами вражеских шимоз, закаленные в боях офицеры и солдаты покидали свои позиции и строились в колонны.

57 пехотный Модлинский полк, входя в состав 8 армейского корпуса, двигался в голове походной колонны своей дивизии. 25 февраля, подходя к деревне Возне, полк втянулся в очень глубокую и длинную лощину, прикрывавшую его от взоров противника, при выходе же из нее, полк неожиданно подвергся жестокому пулеметному огню из железнодорожной будки и из за насыпи. Передние ряды, неся большие потери, отхлынули назад, в лощину и смешались с подходившими другими частями колонны, внося расстройство в их ряды. В обозах началась паника и потребовалось энергичное вмешательство офицеров, чтобы

привести в порядок заколебавшиеся ряды модлинцев. У нас создалось впечатление, что полк окружен японцами, так как обстрел производился с разных участков и по другую сторону лощины. Командующий головным батальоном, капитан Иванов, стал собирать расстроенные роты своего батальона. Раздались крики: "Модлинцы к Командиру батальона". К обступившим его солдатам, капитан Иванов обратился с горячим призывом не посрамить честь полка, носителя седого Георгиевского знамени, заслуженного доблестью полка еще под Севастополем.

— Пусть передние лягут за честь России и за Ее Государя, но следующие за ними должны вынести свое полковое знамя. Модлинцы, не посрамим Земли Русской. С Богом, братцы! Пойдем в атаку и опрокинем врага!

В ответ на слова командующего батальоном, раздалось дружное "ура" и люди стали быстро строиться для атаки. В этот момент подымается, над головами других солдат деревянный крест. Его держит в руке высокий стройный ефрейтор 5-й роты, Иван Малеев. Он проталкивается к капитану Иванову, с криком "Ваше Высокоблагородие...", стараясь перекричать восторженный гул толпы, уже начинающей принимать порядок и вот уже отчетливо слышны его дальнейшие слова:

— Ваше Высокоблагородие, вот мое родительское благословение, с которым я не расставался, возьмите этот Крест и благословите им нас на подвиг спасения полкового знамени. Господь не оставит нас и поможет одолеть врага.

Капитан Иванов, с благоговением принял протянутый ему простой крест и, осеняя им обступивших его модлинцев, громко крикнул:

— Вперед, за Веру, Царя и Отечество — в атаку!

Командир 8-й роты, капитан Лебедев, командует:

— Восьмая рота. к знамени! — и, обнажив шашку, становится впереди роты, окружившей знаменщика.

С криком "ура", роты батальона стремительно бросаются из предательской лощины к полотну железной дороги, за которым находятся японские цепи, открывшие губительный огонь по идущим в атаку модлинцам. Задние, опережая передних, перепрыгивая через убитых и раненых, в стремительном порыве, без единого выстрела, с ружьями на перевес, роты с криком "ура" неслись на вражеские цепи. Не выдержав героического порыва модлинцев, японцы прекращают огонь и сдаются. Путь остальным частям колонны очищен и впереди развевается знамя Модлинского полка.

В воздаяние этого подвига, ефрейтор Иван Малеев производится в унтер-офицеры, и, вслед за этим, при увольнении в запас, в подпрапорщики и награждается Знаками Отличия Военного Ордена 3-й и 4-й степеней. Капитан Иванов награжден Орденом Св. Георгия 4-й степ., а Капитан Лебедев — Св. Владимира с мечами и бантом.

Через три года после описанного прорыва, 25-го февраля 1908 года, весь полк, в парадной форме, построен "покоем" на казарменном дворе, в г. Одессе. Раздается команда "под знамя, слушай на караул" и, под звуки полкового марша из полковой церкви знаменщики выносят все четыре знамени полка. Взоры всех устремлены на эти боевые святыни и на идущего во главе подпрапорщика Ивана Малеева, в своей домашней поддевке с двумя Георгиевскими крестами и в барашковой шапке. Он выписан на этот знаменательный парад, из своей деревни, вместе со своими родителями. Старушка мать Малеева всхлипывает на груди мужа, платком утирая слезы умиления, сам старик тоже не выдерживает этого напряженного момента и то и дело смахивает, набегающие на глаза, слезы.

Минута, по истине, торжественная. Перед строем полка проносят старые боевые знамена. Они поставлены у приготовленного аналоя. Командир полка, полковник Сулькевич (впоследствии расстрелянный коммунистами, в должности Крымского премьер-министра) здоровается с ротами и поздравляет с праздником. Затем он подает команду "на молитву, шапки долой" и под звуки "Коль Славен", исполняемого полковым оркестром, предшествуемое хором певчих, выходит духовенство всей дивизии. Впереди идет полковой священник отец Смирягин, с большим золотым Крестом в руках. Все мы знаем, что в него вделан тот деревянный, благословение родителей Малеева.

По окончании Церковного парада, за столом пятой роты чествуют Малеева и его родителей, а затем все присутствующие гости приглашаются в офицерское собрание, где чествование семьи Малеевых принимает особенно сердечный характер. В заключение торжества, на сцене собрания, со всеми возможными световыми и звуковыми эффектами, показывается живая картина "Модлинцы — последние защитники башни Малахова Кургана", воспроизведенная по картине кисти художника баталиста Кондратенко, приобретенной командиром полка на выставке, для офицерского собрания полка.

Умерший, вскоре после этого праздника, герой описанного прорыва, капитан Иванов, завещал, чтобы его Георгиевский крест был подвешен к древку Георгиевского знамени полка, под крестом, вделанным в копие знамени за оборону Малахова Кургана. Желание его было исполнено, два подвига полка связаны в одно и наше знамя являлось носителем двух Георгиевских крестов.

Генерал-Майор *Богаевский*

Справка: В Европейскую войну полком командовали полковники Березовский, Бочковский и Богаевский. Все трое, доблестью полка, заслужили Орден Святого Георгия и Георгиевское Оружие.

Сибирские стрелки

Живым и павшим героям.
1914—1954 гг.

То не буря шумит над Байкалом седым,
Не гудит ураган над суровой тайгой,
То Ермак шлет указ славным детям своим,
Чтоб прославить Сибирь — мать родную свою.

Серой лентой ползут, словно змеи, полки...
Сам Ермак впереди переходит Урал,
Где идет сибиряк — там победа гремит,
Кто не видел его? Кто о нем не слыхал?

Богатырь сибиряк, сын привольной тайги,
Кто не видел его? Кто о нем не слыхал?
О могучую грудь разбивались полки,
И, где надо, без слов сибиряк умирал.

И в палату Вождя весть за вестью летит:
Вырывается Русь из немецких оков.
Где идет сибиряк, там победа гремит
И прославит Россия Сибирских стрелков...

СИБИРСКИЕ СТРЕЛКИ проходят по улицам Варшавы, направляясь в окопы. Их путь был долог и утомителен. Они шли с востока, загадочного, непроницаемого. Из-за Уральских отрогов, из лесных дебрей Забайкалья, с верховьев Амура, — еще дальше, из глубины Азии, с рубежа Манчжурских степей, от самых крайних пределов России, раскинувшейся на две страны света, — каждый день отходили красные поезда, бесконечно-длинные, медленные, как пульсация крови в жилах организма.

Темными осенними ночами, шли они в безмолвии, без свистков, почти без огней. Долгие часы ожидания отсчитывали секунды монотонным стуком колес, их сменяли остановки у безлюдных полутемных платформ, затерявшихся в необъятном лесном просторе, разделенных перегонами в десятки верст. Потом опять шли вперед и, залитые электрическим светом поезда-молнии, сверкающие и роскошные, как Европа, символом которой они были, сворачивали почтительно на запасные пути, чтобы дать дорогу СИБИРСКИМ СТРЕЛКАМ идущим умирать за РОССИЮ. Другие люди, не похожие на оставшихся дома, чуждые точно братья, которые выросли в разлуке и впервые видят друг друга, провожают СТРЕЛКОВ восторженным "ура" и СТРЕЛКИ отвечают им звуками ПЕСНИ, которую несут на поле битвы, вместе со знаменами и штыками.

Странная и жуткая ПЕСНЯ. Никто не знает, где родилась она. У нее нет отца, нет Родины, она свободна, как туча. Берега океана слышали ее: в ней звучат голоса бури, грохот прибоя на утесах и резкий крик чайки и вековечная сказка волн. С охотником, золотоискателем и беглым каторжником она пробиралась по тропинкам тайги, "не знающей ни конца, ни начала", в ней слышен гул тысячелетних деревьев, мистический гул древний, вчера и сегодня такой же, как и в первый день мирозданья. Всю жизнь необъятной Сибири отразила в себе эта вольная ПЕСНЬ. Она страшна: в ее железных звуках живет сила, самая грозная из всех — СИЛА ПОБЕЖДАЮЩЕЙ ВОЛИ человека...

Ближе и ближе запад. Далеко позади остался золотоносный Урал, изрытый рудниками, дымящийся трубами бесконечных заводов. В раме грохочущего моста улыбнулась на миг красавица Волга и скрылась за пологом лесистых холмов. Ушли назад и холмы: справа и слева растилается равнина, однообразная, унылая, как тоска. Мягкий воздух, сырой и влажный веет в лицо.

Незримо приближается с каждою верстой, пока еще неведомый, ужас кровавых полей там, впереди, где осенние вечера, короткие и печальные, окрашивають небо бледным багрянцем утомленного зябкого солнца. И колеса монотонно стучат, отсчитывая минуты, быть может, последних земных часов и трепетный свет фонарей, играя, дробится на штыках, которые скоро увидят кровь.

Но все так же горделиво и вольно звучит в красных вагонах и разливается по унылой равнине ПЕСНЯ, которую она слышит впервые — свободная ПЕСНЯ СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВ, идущих на смерть.

Всего один день пути остается до цели. Бесснежные поля, деревья, еще не успевшие снять свой осенний убор, низко плачущее небо встречают гостей. Повсюду кругом — царство разрушения, опозоренная земля, по которой чудовище войны прошло своей чугунной стопою. Между раззоренными усадьбами и деревнями, обращенными в ряды еще тлеющих пожарищ, дороги кишат толпами беглецов, бредущих сами не зная куда.

Вороны носятся над полями недавних битв и сидят на покосившихся придорожных крестах. Они знают — будет еще добыча. И холодными слезами обиды, которая не забудется никогда, плачет над людским горем и мукой осеннее низкое небо...

Покинув свои поезда, СТРЕЛКИ выстраиваются для похода и столица, которую нужно спасти, принимает их в свое недра. Неведомый город, прекрасный, изнеженный, почти веселый, будто он не успел еще поверить в кровавый ужас, надвинувшийся на него так неожиданно.

СТРЕЛКИ идут мерным шагом вперед, к своей цели. Поступь их тверда, лица спокойны и непроницаемы. Бесконечным потоком серых шинелей, папах и штыков властно разрезают они живую стену толпы, запрудившей площади и улицы, и тихо колышатся впереди, точно хоругви перед крестным ходом, их

знамена, в дыму и крови освященные на Манчжурских равнинах.

Оркестр не играет перед СТРЕЛКАМИ. Музыка, поднимающая настроенье, опьяняющая весельем сверкающих медных звуков, не нужна им. Но они поют свою ПЕСНЮ и суровым ветром океана, бурею снеговых пустынь и вековым шумом тайги, обвевают стены старых дворцов, когда то слышавших другие, давно забытые песни. И, точно аккомпанимент, все яснее слышен глухой пушечный гром впереди, на вожделенном и близком теперь поле битвы.

СТРЕЛКИ пришли, как раз, во время. Весь воздух дрожит и стонет от рева орудий. С треском рвется шрапнель, как будто чьи то невидимые руки раздирают темное полотнище самого неба, жалобной вьюгой плачут чудовищные снаряды тяжелых орудий... Пустое. Мы слышали, как сердится тайга. На горизонте, невидимый еще, враг окутывает дымом беспрерывных залпов свои траншеи. Это не страшно. Скорее бы встретиться лицом к лицу. Германцы не заставляют себя ждать. Они выходят из окопов.

Бурная осенняя ночь на Байкале. Короткие волны в белых коронах пены бегут, догоняют друг друга, сталкиваются, кружат в неистовой пляске темные чаши водоворотов. Ледяной ветер хлещет безжалостно спину Байкала своими кнутами, роем злых завывающих ведьм сбегает вниз по крутым отрогам гор, ломая столетние сосны, как спички, лижет с сатанинским смирением прибрежные камни и вдруг встает до небес и хохочет, как победитель, легким пеплом разбрасывая свинцовые тучи. Это дьявол тайги, грозный сын бури и ночи разыгрался на свободе и для борьбы с ним нет иного оружия, кроме креста и молитвы.

Враг, которого можно видеть и убивать — не страшный враг и каким бы упорством не закалил он свое оружие — ПЕСНЯ СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВ, покрывавших голоса бури на Байкале, посмеется над его яростью...

Битва разгорается. Нет, это даже не битва: это что то более страшное, более роковое, чем гнев разъяренной природы. Когда-то, на полях Каталаунских, две цивилизации столкнулись в кровавом побоище, и души убитых три дня после боя сражались еще в облаках, потому что их ненависти не могла охладить сама смерть. Эта легенда живет до сих пор, и голос ее долетает из бесконечной дали веков, как заглушенный вопль ужаса. Но тогда дрались только люди — теперь спорят мелинит и лиддит, призванные ими на помощь, бронированная сталь, электричество и сложные химические реакции, более губительные, чем свинец и порох.

Между рядами колючей проволоки, насыщенной смертоносным током, гигантские снаряды вырыли ямы: к концу битвы они станут кровавыми озерами. Точно подавленный ужасом, потаснул день, но ночи нет на земле. Лучи прожекторов заливают все поле дьявольским светом, поднимаются в облака и там освещают крылья воздушных кораблей, парящих, как черные ангелы разрушения, над полями битвы.

Неспокойны и недра земли: невидимый враг роет в ней, (с упорством чудовищного крота), подземные траншеи, чтобы приблизиться незамеченным к неприятелю.

Неудержимою лавой катятся вперед ряды германцев, но каждый раз их натиск разбивается о гранитную стену защитников Варшавы, готовых умереть, но не отступить ни на шаг. Бок о бок сражаются порывистые поляки и хитрые, настойчивые хохлы, помнящие боевые заветы своих героических предков — запорожцев, — вся РОССИЯ сплотилась здесь в одну дружную тесную семью, стала одною могучей грудью, одушевленной биением одного сердца. Но враг силен и упорен. Они должны взять Варшаву, должны во что бы то ни стало; и они слепо исполняют приказание, в парах эфира и дурмане коньяка, выпитого перед боем, забывая обо всем, кроме заветной цели...

Но, в ту минуту, когда кажется им, что сопротивление неприятеля сломлено, серые ряды Русских расступаются: в битву бросились СИБИРСКИЕ СТРЕЛКИ. Могучее "ура" перекатывается громом по рядам. СИБИРЯКИ не знают ни бронированных автомобилей, ни предательской дымовой завесы: в их руках только штык, в сердце — Бог и Отечество и грозная ПЕСНЯ на устах, покрывавшая рев бури на Байкале. И перед звуками этой ПЕСНИ смолкают пулеметы и залпы, и отдельные возгласы тонут в ее пучине, разливающейся все шире и шире. Что это? Германцы слушают и не понимают.

В Бельгии и Эльзасе они бились с французами, англичанами, слышали леденящий душу вой сомалийцев и гуркосов, но они впервые видят врага, идущего умирать с ПЕСНЕЙ, такой ПЕСНЕЙ. Изумление растет, переходит в испуг, в смятение и, наконец, в панику. Немцы не выдержали. Их примитивный мозг, работающий с точностью и ограниченностью машины, не может понять того, что происходит перед ними: в странных врагах, поющих весело и грозно перед лицом смерти, они отказываются видеть людей. Дрожь пробегает по сомкнутым рядам пруссаков и баварцев, происходит замешательство и, с диким воплем испуганного зверя, они поворачивают назад, натыкаясь на свои же штыки.

Новый взрыв громового "ура" и авиаторы видят сверху серую пелену сибирских папах, клином врезавшуюся в густые ряды германцев. Сзади вливаются в битву все новые и новые потоки СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВ Они уже не ПОЮТ больше, молча и сосредоточенно гонят они перед собою обезумевшего врага, упорство которого сломлено сразу и безвозвратно, занимая одну за другою его траншеи, усеивая

свой путь грудами вражеских трупов, сами не зная, где кончится их преследование. Битва выиграна, германцы отступили от Варшавы.

СИБИРСКИЕ СТРЕЛКИ возвращаются в город, который отстояли своей грудью, почти вырвали из рук врага, уже готового торжествовать победу. Знамена, покрытые новой славой, также тихо колышатся впереди, простреленные, изорванные, почерневшие от дыма. Восторженные крики приветствуют победителей. Женщины бросают цветы к их ногам, поднимают над головами детей, протягивающих руки к штыкам, на которых так празднично горит и сверкает осеннее солнце, но СТРЕЛКИ идут, не глядя по сторонам, не оборачиваясь, так же спокойно, как шли в бой и в широких волнах той же ПЕСНИ, по-прежнему, звучит сила, самая грозная из всех — СИЛА ПОБЕЖДАЮЩЕЙ ВОЛИ ЧЕЛОВЕКА.

Ликующим кликом они возвестили:
Врагу не осилить СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВ
За Калиш, за Польшу мы им отомстили
Ударом могучих штыков.

Падите твердыни, идут исполины
На страх и погибель германским полкам
Идут Ермака боевые дружины,
Дорогу СИБИРСКИМ СТРЕЛКАМ.

Израненной Польше несем мы свободу.
Пусть верит СИБИРСКИМ СТРЕЛКОВЫМ ПОЛКАМ
Великою клятвой ЦАРЮ и ПРЕСТОЛУ.
Клянемся, что мы победим.

Из архивных материалов
подполковника *Л. Сейфулина*

ПОЛКОВОЙ ПРАЗДНИК

(Отрывок из книги "От Тифлиса до Парижа")

Вскоре после моего прибытия в полк, в день св. апостолов Петра и Павла, Тверцы торжественно справляли свой праздник. Утром молебен и парад. Один за другим подходят эскадроны и занимают свое место на плацу перед домом командира полка. В стороне много местных жителей, в большинстве сыновья и внуки тех семейных солдат, которыми были заселены Царские Колодцы еще в то время, когда существовала знаменитая "лезгинская линия". Много стариков с медалями за войну 77-78 г.г. С ними беседуют подп. Яхонтов и кн. Чавчавадзе — вспоминают "битвы где вместе рубились они"... Местные франтихи, по праздничному одетые, проходят мимо группы офицеров.

"Вон та могла-бы заткнуть за пояс любую столичную красавицу", — говорят офицеры, указывая на стройную девицу с тонким лицом и красивыми глазами. Подполковник Мамацев оборачивается: "то-то оно и понятно — она ведь не совсем крестьянка: ее настоящий отец грузин, корн. Б., и та тоже, между нами говоря, офицерская дочка". Мамацев живая летопись полка. Он побил рекорд пребывания на должности полкового адъютанта — 22 года. — "Катя, Катя, танцуй сюда", — машет он рукой "офицерской дочке", замуж не собираешься? Смотри, не забудь пригласить меня на свадьбу, я ведь и на свадьбе твоей мамы был".

— Обязательно, Давид Константинович, — как-же без вас.

Никакое семейное торжество у местных жителей не обходилось без участия офицеров полка. Ротм. Карнович потерял счет своим крестникам и крестницам. Я лично уклонялся от посещений таких торжеств: слишком закармливали.

Как некогда в Белгороде, Курской губернии, так и на Царских Коколодцах, жители считали полк своим. Проездом из отпуска, я встретил в Тифлисе на Михайловском проспекте подводу, лицо подводчика показалось знакомым: "Ты из Царских? Не видал ли кого-нибудь из Тверцов?". — Из нашего полка издюся поручик Горчаков и корнет Ильинский, — последовал ответ.

После парада — обед в полковом Собрании. Собрание — это красивое здание с балконом, выходящим в сад. Громадный паркетный зал, хоры для трубачей, музей, библиотека, бильярдная комната, парикмахерская и зал для банкетов. Во всякое время дня можно было получить горячую и холодную закуску за 7 коп., бутылку вина за 10 коп.

Здесь кусочек Европы, где можно увидеть дам, танцующих Па д-эспань, Миньон, Па де Патинер, где слышна французская речь. А позади собрания начинается Азия. Тянется на десятки верст Ширакская степь, по которой бродят со своими стадами тушины в бурках и косматых папахах. И уклад жизни их не меняется со времен Адама и Евы.

Красивую картину представляет стол, уставленный закусками. В центре возвышается громадная серебряная, художественной работы, братина, окруженная чарочками. Вот серебряная чаша с длинной ручкой — полковая "священная азарпеша". Вот чаша из медалей, полученных Тверцами за Ахал-Текинскую экспедицию в 1881 году. На серебряных приборах фамилии тех, кто служил или служит в полку. Хозяин Собрания, поручик Сулуханов, руководит прислугой, однообразно одетой в синие куртки и в белых перчатках.

Официальных тостов много. Целые горы поздравительных телеграмм и писем. Государыня Императрица благодарит за поздравление от имени Шефа

полка — Наследника Цесаревича. Поздравляют кунаки Тверцов — Нижегородцы, Северцы. Дагестанцы, Эриванцы, Грузинцы, Тифлисцы, Мингрельцы и другие. Поздравляют казаки Хоперцы. Из всех концов России шлют поздравления те, кто служил в полку или дружил с Тверцами. Звучат марши тех полков, которые поздравляют. С берегов Балтийского моря шлют поздравления немецкие бароны, по традиции отбывающие воинскую повинность вольноопределяющимися в полку.

По окончании официальной части, командир разрешает курить и предлагает избрать тулумбаша. Тулумбаш избирается не из числа молодежи, т. к. молодежь еще не достаточно ознакомилась со всеми кавказскими традициями. Старших тоже не беспокоят. Избирается шт. ротм. Мамацев. С момента выбора — это царь и Бог. Он руководит весельем, следит за соблюдением старых кавказских обычаев (адатов) и полковых традиций, он говорит речи и заставляет говорить других, штрафует бокалом вина за малейшую оплошность и без его разрешения никто не может сказать слово. Он первый запевает "Мравал-жамие" и другие застольные песни. Традиций много. Вот, по знаку тулумбаша, трубач начинает играть марш Дагестанского конного полка. Солдат, подающий командиру полка индейку, поворачивается и начинает маршировать вокруг стола. Смотрю, уже все офицеры, схватив что попало, начинают маршировать. Марширует и командир полка, с салфеткой в руке, а за ним повар Васо в белом переднике с барашком на вертеле (на шампуре). Откуда этот обычай? Я так и не удосужился узнать. Марш сменяется лезгинкой. Все хлопают в ладоши. Маленький, живой, командир эскадрона князь Нико Чавчавадзе уже несется, приглашая других следовать его примеру.

Не успел я положить в рот кусок индейки, как услышал возглас тулумбаша:

— Крестить молодежь!

Молодежь — это вышедшие в полк Жданко, Нечволодов, Дударов и я. Нам торжественно подносят, наполненную вином до верха, полковую азарпешу. Она вмещет чуть-ли не целую бутылку вина. Ее надо выпить до дна и сказать слово. После этого крещения все начинает плыть перед глазами. Надо сказать, что крестили азарпешей не только молодых офицеров, но и вообще всех "молодых" кавказцев, напр., вновь назначенного на Кавказ командира корпуса ген. Мышлаевского. А Нижегородцы крестили министра Столыпина.

Новая команда тулумбаша: "Ахали-супра". Это есть обновление стола, уже после того, как съедено сладкое и прошло некоторое количество времени. Со стола убирается все, подается чистая скатерть, появляются шашлыки и, конечно, разные кахетинские, карталинские и др. вина, — дзмоба, гурджаани, напареули, цинондалы, саэро... Появляются песенники. Царит веселье. Молодецкий запевало начинает: — "Вспомянем братцы бой великий, кровавый бой Кюрюк-Дара". Песенники подхватывают: "Орудий гром, команды клики — победоносное ура". Поются и другие военные песни. Корнеты и поручики сговариваются разыграть строгого подполковника Амашукели.

— А ну, ребята, спойте любимую песнь полковника, — обращаются они к песенникам. Песенники затягивают: "Сама садик я сажала..." Амашукели удивлен:

— Что за гадость они поют и откуда они взяли, что это моя любимая песнь?" А солдаты стараются: "И цветы я поливала..." Тулумбаш дает стакан вина запевале и говорит ему:

— Скажи, брат, хорошее солдатское слово.

Я любил слушать солдатские тосты. Тулумбаш предлагает сказать тост в честь присутствующего начальника дивизии, ген. Шарпантье. Обычно, по какому бы поводу не говорит солдат, он кончает тостом за своего корнета, т. е. своего ближайшего начальника. Вот и теперь — запевало выступает вперед. Вид у него торжественный.

— Братцы, — начинает он свою речь, обращаясь ко всем, (в том числе и к начальнику дивизии), — потому, как издеся, промеж нас, изволит быть их превосходительство генерал Шарпантьев, я пью во здравие моего заучающего корнета Туганова. Ен нас, братцы, заучал и ен нам показал, кака така служба есть в славном драгуньском Тверском полку. Вра ему, братцы!

Начальник дивизии сконфужен и чокается с корнетом Тугановым.

Из ближайших эскадронов начинают доноситься песни и крики ура. Мы идем в гости к драгунам. Помещения и столы в эскадронах разукрашены гирляндами из веток и цветов. На столах горы мяса и, гордость эскадронов, поросята со сметаной и хреном. Поросята от своих, эскадронных свиней. Эскадронная аристократия — вахмистр, унтер-офицеры и фельдшер, радушно принимают нас. Произносятся речи. Заливается гармошка. Один за другим выскакивают танцоры. Какой то доморощенный артист выкрикивает куплеты на злобу дня. Узнаем и себя в этих куплетах. После того, как меня, в числе других, подбросили чуть не до потолка, я чувствую, что начинаю куда-то уплывать... и незаметно удираю. На мое несчастье, натыкаюсь на целую процессию: корнеты Берг, Градганд и Туганов, со своими песенниками, окружают меня и наливают стакан вина. Тут уже наступает мой конец. К счастью, проезжающая мимо моя тетушка, княгиня Мхеидзе, усаживает в свою коляску и отвозит домой.

Г. Тантуров

АРГОНАВТ

Н. И. Ильину.

Море... синее море с поющими вечно волнами...
Море... синее море... Далеко от скучной Земли, —
К неизвестным мирам с неизвестными людям богами
Вереницей крылатой стремятся мои корабли.

Что нас ждет?.. —Исполинские подвиги?.. Жалкая участь пигмея?..
Завоеванный в битвах престол?.. Безнадежный пожизненный плен?..
Не пристанем-ли мы к берегам любострастной царицы Цирцеи?..
Не посадим-ли судно на камни под пенье коварных сирен?..

Что увидим?.. — Обитель бессмертных?.. Забытые смертных могилы?..
Прах бесплодный горючих пустынь?.. Водометами плещущий сад?..
Избежим-ли мы Спрута и Змея?.. Избежим-ли Харибды и Сциллы?..
Не почим-ли на дне Океана в холодных объятьях наяд?..

Что найдем?.. Государство кентавров?.. Уснувших богов Атлантиды?..
Амазонок с усеченной персью?.. Прометея в цепях на скале?..
Прах Икара?.. Лернейскую гидру?.. Тирс Диониса?.. Лук Артемиды?..
Гнезда гарпий?.. Руно золотое в неведомой смертным земле?..

Кто нас встретит на той стороне пересеченной нами стихии?..
Неизвестный нам друг или враг?.. Человек, полубог или бог?..
Если люди, — то что за народ?.. Если боги, — то боги какие?..
Жизнь и свет источающий Гор или алчущий крови Молох?..

Не умрем-ли мы с голода в море?.. Путь найдем-ли на землю обратно?..
Вновь увидим-ли близких в живых?.. Возвратимся-ль в отеческий дом?..
Иль на острых каменьях бурунов обратимся в кровавые пятна?..
Или черные вихри пустыни нас завеют зыбучим песком?...

Неизвестно. — Никто никогда не проник за Завесу поныне.
Свято тайны свои от людей сохраняют Эдем и Эреб.
Не поднять дерзновенной рукой покрывала пад ликом Богини.
Не прозреть — раньше срока — событий, начертанных в Книге Судеб.

Все равно. — Нас манят, нас влекут в Неизвестность ведущие воды.
Нам милее покоя Земли в Безконечность стремящийся путь.
Мы не ищем довольства рабов. — Мы жаждем борьбы и свободы. —
Отдохнуть?.. После смерти и так мы успеем еще отдохнуть.

Догорает за морем Закат. — В недоступные смертному страны
Светоносный скрывается Лик, чтобы завтра опять воссиять.
Потемнела под ласками ночи зеленая глубь Океана. —
Но попрежнему весла пенят беспредельную водную гладь.

Дышет синяя грудь Исполина. Звучит необъятное ларго.
С гребней волн заклубился туман, воскуряя в ночи фимиам.
Мчись вперед мой корабль!.. мой крылатый продерзостный Арго, —
За пределы доступного мира, — к несчетным безвестным мирам...

Н. М.

Оклеветанный император

В Русской исторической и художественной литературе считалось признаком хорошего тона придерживаться мнения, будто четырехлетнее царствование Императора Павла Петровича не представляло собой ничего другого, как ряд нелепых поступков и фантастических распоряжений,продиктованных больной психикой этого Государя. Даже его трагическая кончина, от рук пьяных убийц, почиталась Русским обществом, как неприятный, но необходимый акт, совершенный группой патриотов, освободивших им Россию от власти тирана. Эта заведомая неправда обуславливалась причинами двоякого свойства.

С одной стороны, она опиралась на неосведомленность общества, ввиду запрещения касаться архивов павловского времени, которое таким образом находилось под цензурным запретом. Эту неосведомленность отнюдь не рассеял труд генерала Шильдера (Н. К. Шильдер, "Император Павел I"), почитавшийся официально-классическим для характеристики Павла, так как, будучи написан по желанию правительства, он очень далек от объективности и носит на себе несомненные черты того, что ныне именуется "социальным заказом". Что же касается цензурного запрещения архивов павловской эпохи, то таковые основывались на ложных соображениях монархического престижа, который будто бы не позволял осведомить общественное мнение о том, что один из государей царствовавшей династии был убит своими подданными.

Что же касается другой стороны той же неправды и клеветы на Императора Павла, в области художественной литературы, то таковая, до 1907 года, руководствовалась главным образом задачей дискредитировать идею монархии вообще, и потому, шедшая сверху, тенденция замолчать Павла, как нельзя более, развязывала руки тем представителям Русской литературы, которые старались облить грязью собственное прошлое. Не приходится поэтому удивляться тому факту, что как официальная история, так и литература, в своих работах об эпохе и личности Императора Павла базировалась на воспоминаниях и записках исключительно таких современников, как граф Пален, граф Панин, граф Воронцов, Уитворт, Бенигсен, Ланжерон и фон-Визин, т. е. людей, которые прямо участвовали в цареубийстве, были причастны к заговору или имели причины быть недовольным Императором Павлом и его политикой.

История Европы не знает другого примера того, чтобы Государь, имевший благородный характер и преисполненный самых благих намерений, был бы так незаслуженно и низко оклеветан современниками и историей, как это случилось с Императором Павлом. Трагический конец этого Государя, являвшийся результатом государственной измены и оплаченный иностранными деньгами, останется навеки одной из позорнейших страниц Русского прошлого. Люди, осыпанные милостями и облагодетельствованные Павлом, ставшие во главе заговора, при совершении ими преступления руководствовались столь низкими побуждениями, что не имеют и не могут иметь никакого оправдания ни перед Богом, ни перед людьми, не говоря уже о собственной совести...

Судьба поставила Императора Павла во главу России в тот трудный, переходный момент, когда наша родина выходила из своего полу-азиатского прошлого на широкую европейскую дорогу прогресса и культуры.

Императрица Екатерина II вступила на Русский Престол, не имея на него и тени права, исключительно путем насилия, в обход законных наследников. На трон ее посадило дворянство в лице кучки шальных гвардейцев, и все свое царствование Екатерина, сознавая это, была дворянской царицей, управляла Россией исключительно в интересах этого одного сословия. Она уничтожила управление государством через выборных людей всех сословий, отдав в руки дворян весь административный аппарат России.

Управление дворян-чиновников внесло в государственный аппарат произвол, от которого страдало население. Своим законодательством Екатерина расширила дворянские привилегии, усилила крепостное право и поставила крестьянство в гораздо худшее положение, чем оно жило до нее. Власть помещиков, в ее царствование, распространилась на личность и труд крестьянина, на которого от екатерининского времени установился взгляд, как на частную собственность помещика, его "крещеную скотинку".

Пугачевщина, вспыхнувшая в середине царствования Екатерины и чуть не погубившая государство, являлась стихийным протестом против созданного этой Государыней рабства. Хотя движение Пугачева захватило только восточную Россию, не подлежит сомнению, что ему сочувствовала вся крестьянская масса целиком.

К моменту воцарения Павла, таким образом, назревал вопрос об облегчении положения крестьян. Решительных реформ требовала жизнь и в других областях, в особенности в армии, которая нуждалась в коренной реорганизации После дворцового переворота, совершенного лейб-компанией, эта последняя получила такие права и привиллегии, что населению столицы приходилось много терпеть от самоуправства гвардейцев, не признававших над собой никакой власти. Гвардия, начиная с этого времени и вплоть до смерти Императрицы Екатерины II, постепенно до того разбаловалась и развратилась, что, вообще, перестала походить на военную организацию, т. к. гвардейские офицеры совершенно забросили службу и предпочитали носить вместо мундира штатское платье, украшая себя при этом дамскими принадлежностями туалета, как кружева и даже муфты.

В 1742 году, чтобы хоть немного привести в порядок гвардейские полки, стоявшие в СПБ, и поднять среди них совершенно пошатнувшуюся дисциплину, гвардия, по совету Шувалова, была отправлена на нeко-

торое время в Финляндию. При Екатеринѣ положение дел в гвардии стало еще хуже. Офицерство совершенно перестало интересоваться службой и зажило частной жизнью, ничего общего не имевшей с военным обиходом. Этому способствовало и то обстоятельство, что по новым правилам, введенным Екатериной, дворянских детей записывали в гвардейские полки с рождения, так что они, сидя по домам, получали чины, и часто выходили в отставку, не видав в глаза полка, где они числились офицерами. Вся тяжесть службы ложилась таким образом на плечи солдат и унтер-офицеров не-дворян, в то время как даже состоявшие налицо в полках офицеры занимались чем угодно, кроме службы.

Беря пример с гвардии, постепенно распустилась и армия, в которую офицеры гвардии переходили сразу на штаб-офицерские вакансии. Австрийский военный агент капитан Парадиз в своих воспоминаниях о степном походѣ 1736 года рассказывает о том, что Русская армия этого времени была до того обременена обозами, что из-за этого была совершенно лишена возможности маневрировать и передвигаться. "Были, — говорит он, — в армии такие майоры, которые имели в обозе до 30 телег со всевозможными удобствами, и сержанты из дворян, тащившие с собой в поход караван из 15 фургонов. Драгуны до такой степени навьючивали коней всевозможной поклажей, что скорее напоминали собой вьючный транспорт, почему за кавалерию их и почитать было нельзя".

Все это сходило с рук в царствование Императрицы Екатерины, так как ей не приходилось сталкиваться с европейским противником, но дальше это продолжаться так не могло. В Европе назревали события, которые, несомненно, должны были затянуть в свой водоворот и Россию.

Помимо беспорядков в военном ведомстве, последние годы царствования Екатерины были вообще периодом общего экономического и административного развала во всех областях. Злоупотребления коснулись как самого Двора, так и всей высшей и низшей администрации и управления.

Живя в принудительном отчуждении в Гатчине, вдали от всяких государственных дел, Наследник Павел Петрович был, однако, прекрасно осведомлен о всех отрицательных сторонах правления его матери и заранее подготовлял те реформы, которые, по его мнению, назрели и были необходимы в России. Руководящей мыслью Павла было, как ныне уже установлено историей, уничтожение сословных привилегий и водворение правды и законности в государстве. Этого не отрицают даже люди, относившиеся отрицательно к личности Императора Павла, как уже вышеупомянутый Шильдер. ("Император Павел I", стр. 327 и 338). Другими реформами, задуманными Павлом в Гатчине, являлись: закон о престолонаследии, облегчение быта крепостных крестьян, борьба с революционными идеями, идущими с Запада, и реформа армии.

Этот последний вопрос особенно занимал Павла в его гатчинском изгнании. Как в свое время молодой Петр в селе Преображенском, Павел, еще будучи наследником, приступил к организации и обучению кадров будущей реформированной армии, создав в Гатчине несколько образцовых строевых полков.

Екатерининская гвардия, как и стрельцы допетровской Руси, была придворным войском, превратившим свое привиллегированное положение в угрозу трону. Это была военная сила, которую было необходимо сломить такой же силой. Последней, по мысли Павла, должны были стать его гатчинские полки. Им пришлось сыграть ту же роль, что и "потешным" молодого Петра.

"Гвардию нахожу весьма великой и весьма неспособной ко всякому делу, не говоря о прочих ее неудобствах, которые каждый чувствует, но не станет о сем говорить", гласит собственноручная записка Павла, относящаяся к этому периоду.

Как и Император Петр, Император Павел заимствовал новый воинский устав и порядок обучения войск с Запада. Европа середины и конца XVIII века единодушно преклонялась перед военным гением Императора Фридриха, доведшего обучение своих войск до степени совершенства. По его образцу и примеру Цесаревич Павел Петрович стал обучать и свои гатчинские полки. Великие Князья Александр и Константин Павловичи также целиком прошли строевую школу своего отца.

10 ноября 1796 года, через четыре дня после вступления на престол Императора Павла, гатчинские полки походным порядком пришли в столицу, где были встречены Императором и Великими Князьями. В тот же день офицеры и сержанты были распределены по полкам гвардии, в качестве инструкторов нового воинского устава. Гвардейским офицерством реорганизация армии была встречена с большой неприязнью и возмущением. Энгельгардт, в своих воспоминаниях, пишет об этом событии так: "Дико было видеть гатчинцев рядом с нашими гвардейскими офицерами. Все мы, в отличие от них, были более придворными, нежели военными людьми, тогда как они ничего, кроме фронта и служб, не знали и знать не хотели. При Императрице мы думали не о службе, а только о том, чтобы ездить в общество, на театры, ходить во фраках; теперь же нам пришлось, с утра до вечера, быть на полковом дворе, где нас обучали, как рекрут".

Эти строки дают совершенно ясную картину того, как привыкшие при Екатеринѣ к безделью гвардейцы, не понимая своего положения трутней, возмущались требованием Императора от них военной службы, чему они были, однако, обязаны самим званием офицера. Гатчинцы же, так гвардейцами презираемые, эту службу прекрасно знали. Ярким тому примером может служить "гатчинский капрал Аракчеев", по сей день считающийся творцом Русской артиллерии.

Знали службу и оба Великие Князя, сыновья Павла, и прекрасно понимали все значение военной реформы отца. Лучшим доказательством этого служит то, что при своем вступлении на престол Император Александр Павлович целиком сохранил в армии доктрину, уклад жизни и систему обучения войск своего отца, изменив лишь несколько форму обмундирования.

Жизнь целиком оправдала "гатчинскую реформу", так как не сохрани ее Император Александр в Русской армии, не видать бы нам ни победы над Наполеоном, ни той славы, которую приобрело Русское оружие в Отечественную войну. Без Гатчины — не было бы и Парижа...

Только благодаря Павлу и его реформам в армии Русские войска сумели с честью выдержать удар лучших в Европе войск Наполеона и одержать над ними победу.

Одновременно со введением нового устава, Павел отменил и прежний порядок службы дворянства. Каждый молодой дворянин был обязан начинать свою службу в строю и на практике проходить всю военную и строевую науку. "Вместо распущенной и жирной масленицы, — говорит один из современников, — для военно-дворянской аристократии начался суровый пост".

Павел, умышленно строгим отношением к службе, желал добиться того, чтобы люди, которые носили военный мундир из тщеславия, но не желали нести связанныя с ним обязанности, покинули ряды армии. Гауптвахты столицы и провинции наполнились с первых дней нового царствования арестованными офицерами, виновными в нерадении и служебных упущениях. Меры эти скоро себя полностью оправдали: все лишнее для армии поспешило покинуть ее ряды.

Уже при жизни Императора Павла Русская армия стала тем, чем она и должна была быть; суворовские победы были наградой ему за труды. Нападки современников и историков на Павла за его увлечение "шагистикой" и мелочами формы и строя не заслуживают серьезного внимания. Они являются точкой зрения штатских критиков, не имеющих понятия о военной службе, всякий же строевой офицер знает, что форма одежды и выправка являются основой всякой строевой части и показателем ее воинского духа. Чье Русское сердце не билось любовью и гордостью за Россию на майских парадах в Петербурге? Какой англичанин современной демократической и полу-социалистической Англии не гордится великолепной выправкой гвардейских гренадер на смотрах перед Сен-Джемским дворцом? А ведь это именно "шагистика", и только "шагистика"...

Ненавистники славного прошлого нашего Отечества выставляют козырем против военных реформ Императора Павла авторитет фельдмаршала Суворова, критиковавшего "гатчинские нововведения". Аргумент этот мало доказателен, так как, в царствование Императора Павла, Суворов кончал седьмой десяток лет и ему, как всякому старику, были не по душе какие бы то ни было нововведения, к которым надо было привыкать. Кроме того, Суворов в вопросах формы и военного приличия авторитетом вряд ли может быть признан, ибо, как известно, отличался всегда подчеркнутой небрежностью в одежде. Так, он не стеснялся появляться перед войсками в одном белье, а у себя в ставке даже перед иностранными генералами и совсем в голом виде. О дисциплине и субординации старый фельдмаршал, истинный представитель екатерининского времени, также имел весьма оригинальные понятия, что и доказал на парадах, куда его приглашал Император Павел.

"Фельдмаршал, — говорит его биограф (А. Петрушевский, "Генералиссимум князь Суворов", стр. 390-391), — проявлял умышленное невнимание к параду, отворачивался от проходивших мимо него взводов, выходя из кареты сделал вид, что споткнулся о собственную шпагу, которая будто бы ему мешала пройти дверцу кареты. Вертел в руках шляпу нового образца, делая вид, что не знает, что с ней делать, и кончил тем, что уронил ее к ногам сумрачно на него смотревшего Императора. Не довольствуясь этой комедией, Суворов громко крикнув: "Не могу больше... брюхо болит...", уехал до конца парада, не стесняясь присутствием Императора". Государь сдержал себя, выказав, по отношению фельдмаршала, в этот день, необыкновенную сдержанность и снисходительность".

Не довольствуясь всем этим, фельдмаршал заявил Императору, что "раз нет войны — ему нечего делать в армии", чем, наконец, вывел из себя Павла, который и уволил Суворова в отставку.

Пусть каждый читатель этих строк, бывший на военной службе, ответит по чистой совести: где и когда какой бы то ни было генерал мог бы позволить себе подобное поведение в отношении своего Государя и не вылететь со службы?.. Между тем, Император Павел не только искренне простил Суворову подобное оскорбление, но, ценя военный гений фельдмаршала, наградил его к концу жизни так, как ни один Государь на свете не награждал своего подданного.

Одновременно с реорганизацией армии, Павел провел в жизнь и другие мероприятия, необходимые в России. 5 апреля 1797 года им был опубликован чрезвычайно важный закон о Престолонаследии. Закон этот устранял прежний произвол в назначении Наследника Престола, произвол, господствовавший в России со времени Петра Великого, благодаря которому было столько смут и дворцовых переворотов в XVIII-м веке. Новый закон внес строгий порядок в наследовании Престола, оставшийся в силе до наших дней.

С первых дней своего царствования, Павел приказал устроить, у наружного окна своих покоев, особый ящик, в который каждый мог опустить прошения или жалобы, которые Император лично рассматривал, благодаря чему были устранены многие несправедливости.

Говоря о характере Императора Павла, Саблуков в своих воспоминаниях (Саблуков, "Воспоминания о царствовании Императора Павла") пишет: "Государь в своих поступках проявлял необыкновенную доброту ко всем маленьким людям. В нем было глубокое чувство справедливости и стремление бороться с несправедливостью и неправдой. На престоле он не желал быть только государем высшего класса, как была его мать, он хотел одинаково добра всем сословиям своего государства, над которым, как он твердо верил, его поставил сам Господь".

Павел до глубины души возмущался ужасами террора, сопровождавшего французскую революцию, и пре-

красно понимал причины, эту революцию вызвавшие. Поэтому, еще будучи Наследником, он мечтал улучшить положение низших классов в России и сократить привиллегии высших. Взойдя на Престол, он немедленно стал проводить эти идеи в жизнь. 5 апреля 1797 года Императорским Указом он значительно облегчил положение крепостных крестьян, воспретив помещикам принуждать их к работе в воскресные дни и употреблять на барщину больше трех дней в неделю. Вслед за этим указом появились и другие распоряжения, облегчавшие быт крепостных крестьян.

Депеши шведского посла при Павле, Стэдингка, человека совершенно незаинтересованного и поэтому объективного, к шведскому королю, за все царствование Павла, были полны похвал его реформам. "Государь, — писал Стэдингк, — имеет множество достоинств и держит себя непринужденно с лицами низших классов, проявляя к ним самое большое доброжелательство. Все меры, принятые Императором Павлом для установления закона и порядка в государстве, вызывают недовольство в высших кругах дворянства и гвардии, но зато привлекают к Павлу сердца его подданных из народа, своей щедростью, справедливостью и любовью к порядку. Внушая страх к высшим, Император тем самым защищает народ от несправедливости, под бременем которой он изнывал прежде"...

Лубяновский, приехавший в Петербург на третий день царствования Павла, пишет в своих воспоминаниях: "Царь за работой с ранней зари, с шести утра, и все отальные, волей или неволей, принуждены жить примером Государя. В канцеляриях, на полковых дворах, в департаментах, в коллегиях, везде в столице горят огни с пяти часов утра. Сенаторы с восьми уже принуждены сидеть за красным столом. Возрождение по военной части было явственнее и началось с головы: требование Государя к генералам и офицерам оставить прежнюю распущенность и приняться за дело, — было известно во всех классах населения".

Граф Ланжерон, со своей стороны, упоминает, что солдаты и простой народ обожали Павла. "Кары Императора были направлены на распущенное гвардейское офицерство и дворянство, солдатам же при нем жилось гораздо лучше прежнего, их хорошо содержали, кормили и одевали. Все злоупотребления, от которых прежде так страдали войска, были выведены с корнем". (Граф Ланжерон, "Воспоминания о смерти Императора Павла I").

Требуя от своих подданных работы, порядка и законности, Император Павел I объявил одновременно с тем борьбу против роскоши, развившейся в высших кругах общества в царствование его матери. С этой целью он издал особые правила, касающиеся жизни дворян и чиновников. Для каждого дворянина, согласно его чину, было определено не только число лошадей для экипажа, но также и число блюд за обедом. Павел отнюдь не хотел унизить дворянское звание; наоборот, он хотел, чтобы оно стояло выше других сословий, но не благодаря сословным привиллегиям, а своим высоким понятием о чести и доблести. Так, 3 января 1797 г. им был издан указ, согласно которому "телесное наказание не должно коснуться благородного", однако, с оговоркой, что дворянин, совершивший преступление, лишается чести и дворянства и подлежит общему закону о наказаниях. Этот принцип был до революции принят в Российском законодательстве, которое предвидело "лишение прав состояния" при известных преступлениях.

Анатолий Марков

(Окончание следут)

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕДАЛИСТИКА

(Продолжение)

Царствование Императора Николая I, как и последующее, оставило нам ряд прекрасных, по своим внешним формам, медалей, как для ношения, так и настольных. На их лицевых сторонах — почти всегда изображен лик *молодого* Императора — несмотря на долгое царствование; в самом начале, в надписи, упускалось слово "Самодержец" (как и в конце царствования Императора Александра I). Начиная с медали "За взятие Парижа" (розданной, как известно, только с восшествием на престол Николая Павловича) — входят в употребление "комбинированные" ленты, составленные из двух основных орденских. В большинстве случаев, отличия должны были быть возвращены Капитулу Орденов, после смерти награжденного. В виду того, что нижние чины (отставные) часто носили поддельные (литые из олова) отличия, вместо оригинальных, — в середине царствования был опубликован приказ — воспрещающий ношение таковых; к сожалению — этот приказ был впоследствии забыт и наша военная медалистика была обезображена изделиями частных фабрик — иногда просто фантастическими. — В моем собрании находится добрая дюжина медалей в память 300-летия Дома Романовых; одна — прекрасной работы, официальная, чеканенная на С. Петербургском Монетном Дворе, остальные — с более или менее уродливыми изображениями на лицевой стороне — изделия *частных фабрик*. Насколько последние были распространены (а Правительство и общество примирились с подобным безобразием), видно, например, из слов генерала Спиридовича, который приобрел, носил и удивлялся искаженным лицам Монархов, не зная, что он имел дело с фабрикатом (подделкой) злоумышленно-бессовестных частных предпринимателей...

В приложенной таблице, под № 77, значится Знак за беспорочную службу для военных (на Георгиевской ленте) и гражданских "чиновников" (на Владимирской), состоящих в офицерских чинах. Знак

№№	Год месяц. число	Наименование отличия (события)	Ø в м/м	Кресты и медали зл	ср	бр	Лента	Дата учреждения
		Царствование Императора Александра II.						
99	1855	Депутации 6-го Кирас. п. Прусск. армии - на похоронахъ Императора Николая I-го	29	0			?	
100	13/IX/54 -28 /VIII 1855	"За защиту Севастополя"	29		0		Георг.	31/X 1855
101	1855	"За усердие"	51 29	0	0		Анненск	
102	"	"За службу в Собственном Е.В.Конвоѣ"	51		0		?	
103	" "	"За храбрость" "	51 29	0 0	0 0		Георг. Георг.	
104	1856	Знак Отличия Военного Ордена 4-х степ.		+	+		Георг.	
105	"	"За Восточную войну 1853-1856 г.г."	29			0 св. 0тём	Георг.+ Андреев. Влад. + Анненск.	26 авг. 1856
106	"	Крест для духовен. за Восточ. войну 1853-56	102 × 59			+	Владим.	26 авг. 1856
107	"	Знак "Ополченского креста войны 1853-56	47			+	-	11 апр. 1856
108	1859	"За Усердие" призываемым отпускным	29			0	?	Цирк. 4770 1859 г.
109	1857/ 1859	"За покорение Чечни и Дагестана 1857-59"	29		0		Георг.+ Алекс.	Пр. № 171 1860 г.
110	1859/ 1864	"За покорение Западного Кавказа 1859-1864 г."	29		0		Георг.+ Алекс.	Ук. 12 июля 1864 г.
111	1864	Знак "За службу на Кавказѣ"	48		+	+	-	"
112	1863/ 1864	"За усмирение польского мятежа"	29			0св. 0тём	Госуд. цв.	Ук. 1/I 1865
113	1863/ 1867	"За труды по устрройству военно-заводского населения"	29		0			?
114	1871	"Кавказ"	29		0		Аннин.	?
115	1873	"За Хивинский поход"	29		0		Георг.+ Владим.	Ук. 22/VII 1873
116	1875/ 1876	"За покорение ханства Кокандского"	29			0	"	Пр. 26/XI 1876

ТАБЛИЦА IV

К статье "Русская военная медалистика"
Владимира фон Рихтера

№№	Год, месяц, число	Наименование отличия (события)	Ø в м/м	Кресты и медали			Лента	Дата учреждения
				зол	сер	бр		
		Царствование Императора Николая I.						
77		Знак Отличия безпороч. службы	32 × 29		☐		Георг.	1827 22/VIII
78	22/XII 1827	"За спасение человечества"	29	0			?	1826
79		"За усердие"	51	0	0		Алексан.	"
80		"	29	0	0		Анненск.	"
81		"За службу в Собственном Конвое Его Вел."	51		0		?	"
82		"За храбрость"	51	0	0		Георг.	"
83		"	29	0	0		"	"
84		"За верность"	51		0			"
85		"За отличие"	51		0		?	"
86		"	29		0		Андреев.	"
87	1826/1828	"За Персидскую войну"	26		0		Георг. + Влад.	15/III 1828
88	1828/29	"За Турецкую войну"	26		0		Георг.	1 окт. 1829
89	1830/31	"Польский Знак Отличия 5-й ст. для нижних чинов	27		+		Лазур. с черн. краями	31 дек. 1831
90	25-26 ав. 1831	"За взятие Варшавы"	26		0		Лазур. с чрн. краями	31 дек. 1831
91	"	" " "	22		0		"	"
92	1833	Турецким войскам в Ункиар-Скелесси	26	0	0		Алексан.	1833
93	1837	"Кавказ"	29		0		?	1837
94	1839	Знак Отличия Военного Ордена (ветеранам прусских войск 1813-15 г.г.)			+		Георг.	1839
95	22/VIII 1839	"За взятие штурмом Ахульго"	26		0		Георг.	5 сент. 1839
96	1817/1842	"В память 25-летия шефства Императора Николая I в 6 кирас. полку прусск. армии	34		0		Андреев.	
97	1844?	Знак Отличия Военного Ордена для мусульм.	34		+		Георг.	1844 ?
98	1849	"За усмирение Венгрии и Трансильвании"	29		0		Андреев. + Влад.	22/I 1850

за 60 лет, кстати, был пожалован Императору Германскому Вильгельму I, в 1878 г.

Ряд, так сказать, "общих" медалей (№№ 79-84, т. е. "за усердие", "за службу в Конвое", "за верность", и "не военные", здесь неупомянутые, — "в Знак Монаршего Благоволения", "за усердную службу", "за Веру и Верность", "за спасение утопавших" (или "погибавших" — также на польском языке), в большинстве просуществовавших до середины 1917 г. — тут подробно не описывается — за исключением № 78 "За Спасение Человечества" (ныне надпись — замысловатая), недолго существовавшая при Александре и Николае Павловичах; насколько мне известно, эта медаль была выдана только один раз (совместно с наградой в тысячу рублей), — "за подвиг" казачке.

Назначение медалей №№ 85-86 — установить не удалось.

Из далее перечисленных отличий — мы остановимся только на некоторых. Так, например, медали "за Храбрость" (№№ 82-83) до 1844 года выдавались *нехристианам* — вместо Знака Отличия Военного Ордена, после этого года им выдавались ордена и прочие знаки отличия с изображением Государственного Герба вместо изображения (или монограмм) святых.

Медаль № 88 — важно отметить, что участники блестящего Наваринского морского боя (8/20 октября 1827 г.) были также награждены этой медалью, но, на основании Высочайшего Указа Начальнику Морского Штаба от 6 октября 1829 г., в котором сказано, что ею награждаются "участвовавшие в военных действиях, возникших на Средиземном море *до объявления* войны Портой Оттоманской..."

Истории "Польского Знака Отличия" (№ 89) — посвящены специальные исследования. Этот не Российский, а польский знак (Virtuti Militari) — был роздан (в пяти разных степенях) всем участникам войны 1830-31 гг. (единственный случай в истории, когда войска были награждены... неприятельским отличием).

История медали № 92 — тоже не раз обсуждалась военными историками: она была выдана небольшому турецкому отряду, расположенному около нашего дессанта в Босфоре; из особой деликатности, крест на короне воспроизведен не был (тоже неповторимый исторический случай).

Медаль № 93 была выдана добровольческим грузинским, армянским, кабардинским и прочим командам, конвоировавшим Николая Павловича, во время объезда еще далеко незамиренного Кавказа.

Знак Отличия Военного Ордена № 94 отличается от обыкновенного особой нумерацией и вензелем Императора Александра I на верхнем конце оборотной стороны креста.

Знак № 97 упоминался выше при описании моделей №№ 82-83.

В дополнение к медали *для ношения* № 98 интересно отметить, что совокупно с нею жаловалась очень красивая *настольная* медаль, чеканившаяся, на ту же тему, из серебра — для генералов, а из бронзы для остальных офицеров. Надпись на ней — следующая: "Россійское побѣдоносное войско поразило и усмирило мятеж въ Венгріи и Трансильваніи въ 1849 г.". Особо отличившиеся тогда австрийские солдаты — награждались знаками отличия Военного Ордена, а наши нижние чины — получали австрийские медали с надписью "Der Tapferkeit".

Царствование Императора Александра II: через два месяца, после выхода нашего Севастопольского геройского гарнизона, Император Александр II поспешил лично повидать Крымскую армию и выразить севастопольцам чувства, переполнившие Его душу и тогда же, приказом от 31 октября 1855 г., Им была установлена серебряная медаль "За Защиту Севастополя", собственно для войск, защищавших укрепления, впоследствии же, однако, права на получение этой медали были расширены.

Точно также был установлен ряд дополнений на право ношения светло- и темно-бронзовых медалей "За Восточную Войну 1853-55 гг." (№ 105), установленной 26 августа 1856 г. В общих чертах, медаль эта, на Георгиевской ленте, была выдана участникам Синопского боя, всем войскам азиатского театра войны и защитникам Петропавловска на Камчатке. На Андреевской ленте — всем участникам отражения неприятельских нападений в других частях государства, Ополчению и сестрам милосердия Крестовоздвиженской Общины. На Владимирской ленте — всем прочим офицерам, а также дворянству (но не для ношения, а на память, для сохранения в роду). На Аннинской ленте — за пожертвования купечеством на раненых и на военные расходы.

Знак Ополчения (№ 107) исследован только почти через сто лет, а именно в статье, напечатанной в газете "Русская Мысль" от 25 декабря 1951 г.

Знак Отличия Военного Ордена, не имевший степеней, был разделен на 4 степени 19 марта 1856 г. (медали "за храбрость" подверглись тем же изменениям на 22 года позже).

Медаль № 109 (с горизонтально двустрочной надписью, из бронзы), просуществовала недолго и потому почти "уникальна".

Начиная с медали № 117 — все прочие хорошо памятны нашему старшему поколению (конечно кроме несколько специальных, весьма редких).

Медаль за Русско-Турецкую войну, в серебре — была выдана только защитникам Шипкинского перевала и крепости Баязет, а также участникам взятия крепости Карс; светло-бронзовые — всем прочим строевым участникам этой войны, а темно-бронзовые — нестроевым.

Медаль № 120 " была выдана на комбинированной ленте, — впоследствии неповторенной.

Владимир фон-Рихтер

(Окончание следует)

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

К СТОЛЕТИЮ КОНЧИНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го

После смерти Государя Императора Николая Павловича, прусский фельдмаршал граф Врангель, близко и хорошо знавший почившего, сказал про него: «Das war ein Kaiser, das war ein Mensch».

Сообщил *Н. Р.*

СЛУЧАЙ, НЕ ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ВОИНСКИМ УСТАВОМ

Во время бомбардировки Владивостока, 22 февраля 1905 года, одна из гранат попала в домик командира 30-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Пройдя через спальню, кабинет, со стоявшим там полковым знаменем, развалила печь и, пронизав противоположную стену, разорвалась около полкового денежного ящика, стоявшего у парадного крыльца... Осыпанный снегом и землей, окутанный дымом от разорвавшегося снаряда и, видя сноп пламени, часовой у ящика громко крикнул: "Разводящего к знамени"...

Знамя тотчас же вынесла супруга командира полка, полковника Жукова, вместе с вестовым.

Воспоминания *Ф. Китаева*
"Ист. Вест." 1904 г.

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОЙ АРМИИ И ФЛОТА

— Во время Русской-Японской войны, 30 июля 1904 г. родился Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. Его восприемниками, по Высочайшему повелению, было приказано записать всех чинов Действующей Армии и Флота. Повеление это было объявлено во всех частях, после чего от каждого офицера было удержано по две копейки из жалования, на золотой крестик и ленточку для Августейшего Крестника. После окончания войны, полковые адъютанты и один из фельдфебелей каждой части были командированы в Петербург, чтобы собственноручно надеть этот крест на своего крестника.

— В русской кавалерии, драгунские полки сидели на рыжих конях, уланские на гнедых, тусарские — четные на серых, а нечетные — на вороных, за исключением 13-го гусарского Ахтырского полка, который сидел — на буланых. В гусарских полках, трубачи имели серых коней. Кроме того, трубачи имели на киверах — красные султаны.

— Пять гусарских полков Российской конницы имели ментики: лейб-гвардии Гусарский, лейб-гвардии Гродненский гусарский, 2 лейб-гусарский Павлоградский, 3 гусарский Елизаветградский и 11 гусарский Изюмский. Кроме того, ментики имел эскадрон Офицерской Кавалерийской Школы. Генералы, имевшие право на ношение гусарской формы, все без исключения, носили ментики и особое генеральское шитье на рукавах доломана и на чакчирах.

— Русские войска в свое время брали следующие столицы: Амстердам — 23 ноября 1813 г., Брюссель — 27 ноября 1813 г., Париж — дважды 19 марта 1814 и 27 июля 1815 г., Берлин — 28 сентября 1760 г. и 20 февраля 1813 г., Рим был взят с боя 10 сентября 1799 г., десантным отрядом с эскадры адмирала Ушакова, Пекин — войсками генерала Линевича — 1 августа 1900 г., Тегеран, войсками генерала Баратова в октябре 1915 г., Гельсингфорс был взят русскими войсками в 1718, 1742 и 1808 гг., Ревель в 1707, Рига — в 1710, Ковно в 1812 и 1831, Варшава в 1778. Кроме того, совместно с другими своими союзниками, русские войска побывали в Копенгагене, Вене, Стокгольме и Лиссабоне.

— В 13 гусарском Нарвском полку долгое время существовала традиция, заведенная, много лет командовавшим полком и очень любимым, командиром бароном Стемпель, умершим, впоследствии, в больших чинах, членом Военного Совета. Традиция эта заключалась в том, что молодые офицеры не имели права жениться до чина ротмистра. Основанием было то, что женатый молодой офицер будет больше думать о молодой жене, нежели о службе, что совершенно справедливо. Одновременно, носить николаевские шинели в полку разрешалось тоже, начиная с чина ротмистра.

— В царствование Императора Александра II, в состязании на Императорский приз за стрельбу, лучший стрелок гвардии, штабс-капитан Арбузов выбил пулями из пистолета, на мишени, Императорский вензель. Присутствовавший на состязании Император, приказал позвать к себе Арбузова и сказал ему: "Ты выбил на мишени мой вензель, а я вышиваю его у тебя на погонах", чем назначил Арбузова флигель-адъютантом.

— В Петербурге, согласно устава Петра Великого, на коменданте Петропавловской крепости лежала обязанность ежегодно "открывать навигацию", для чего, как только на Неве кончался последний ледоход, комендант, на своем катере, переплывал реку от крепости к Зимнему Дворцу, при пушечной пальбе с верков Петропавловской крепости.

С тех же верков, ежедневно, ровно в полдень, стреляла пушка, чтобы, как говорили старые петербуржцы, "население знало, что наступает адмиральский час, когда надо проверить часы и пить водку с соленой закуской".

Сообщил *Анатолий Марков*

Скорбный листок

За последние месяцы скончались кадеты:
Попов, Борис Сергеевич — 2-го кадетского к.
Рождественский, Владимир Серг. — Орловского к. к.
Бобарыков, Николай Иванович — Морского к. к.
Ланкау, Павел Константинович — Одесского к. к.
Миних, Владимир Сергеевич — 1-го Московск. к. к.
Дмитриев, Николай Аполлонович — Первого к. к.

№ 13

АПРЕЛЬ 1955 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 4 - й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Почетный Председатель Обще-Кадетского Объединения
Его Императорское Высочество Великий Князь

Гавриил Константинович

скончался в г. Париже в 10 ч. утра 28 февраля и погребен
2 марта 1955 года на кладбище в Сент-Женевьев де Буа

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Портрет Вел. Кн. Гавриила Константиновича . . 1

От Обще-Кадетского Объединения 2

Кадету — **Н. Воробьев** 2

От Редакции 3

Алексей Степанович Хомяков 4

Великокняжеская ложка — **Христофор Ауэ 3-й** 5

Кадетские годы. (Продолжение) — **Г. Месняев** 6

Пугачевские дороги. (Окончание) — **Евгений Яконовский** 10

Боевые подвиги 57 пехотного Модлинского Генерал-Адъютанта Корнилова полка — **Генерал-майор Богаевский** 12

Сибирские стрелки — **подполковник Л. Сейфулин** 14

Полковой праздник — **Г. Танутров** 16

Аргонавт — **Н. М.** 18

Оклеветанный император — **Анатолий Марков** . . 19

Русская Военная Медалистика. (Продолжение) — **Владимир фон-Рихтер** 22

Хроника «Военной Были» 24

Скорбный листок 24

Ко всем Русским III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ЧЕТЫРЕ НОМЕРА во Франции и европейских странах — 700 Франков с пересылкой.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16e).

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

№ 14

ІЮЛЬ 1955 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 4 - й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение извещает, что, в воскресенье 4 июня, на Русском кладбище в Сент-Женевьев, была отслужена Торжественная панихида по Августейшем Генерал-Инспекторе Военно-учебных заведений

Великом Князе Константине Константиновиче,

Почетном Председателе Объединения, новопреставленном

Великом Князе Гаврииле Константиновиче,

полковнике **Б. Д. ПРИХОДКИНЕ** и всем кадетам Российским за Веру, Царя и Отечество голову свою сложившим, в смуте убиенным и в мире скончавшимся.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Великий Князь Константин Константинович . . . 1

«Баловень судьбы» — **Г. Месняев** 1

После Канделя — **Евгений Яконовский** 5

Кадетские годы. (Продолжение) — **Г. Месняев** 9

Отрывки из писем вахтенного начальника Клипера «Всадник» — **Н. С. Чириков** 13

Песнь о верности — **Н. М.** 16

13-й гусарский Нарвский полк — **А. Г.** 17

«Императрица Мария» — **М. фон-Кубе** 18

Лондон и 100-летие Крымской войны — **Владимир фон-Рихтер** 19

Оклеветанный император. (Окончание) — **Анатолий Марков** — 21

Русская военная медалистика. (Окончание) — **Владимир фон-Рихтер** 25

Хроника «Военной Были» 27

Обзор военной печати 27

Памяти воспитателя — **Вс. В.** 28

Кадетская жизнь 28

Почтовый ящик . . . . }
Скорбный листок . . . . } . . III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ЧЕТЫРЕ НОМЕРА во Франции и европейских странах — 700 Франков с пересылкой.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ).

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e).

4-й год издания № 14 ИЮЛЬ 1955 Г. Trimestriel. Prix — 170 fr.

Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович

РОДИЛСЯ В СТРЕЛЬНЕ — 10 АВГУСТА 1858 Г. СКОНЧАЛСЯ В ПАВЛОВСКЕ — 2/15 ИЮНЯ 1915 Г.

Генерал-Адъютант, Генерал от Инфантерии, Генерал-Инспектор Военно-Учебных Заведений, Президент Императорской Академии Наук, Почетный Член Николаевской Инженерной Академии, Президент Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Президент Общества Спасания на водах, Православного Палестинского Общества и СПБ Яхт-Клуба. Действительный Член Императорских Обществ Поощрения Худож. и Русского Музыкального, Почетный Попечитель Педагогических Курсов и Константиновской женской гимназии, Почетный Член Императорской Военно-Медицинской Академии.

Шеф 15 гренадерского Тифлисского имени Своего полка. Числится в полках лейб-гвардии Преображенском, Измайловском, 4 Стрелковом Императорской Фамилии, Конном, 1 батарее лейб-гвардии 3 артиллер. бригады, в Гвардейском Экипаже.

Посмертно Шеф Киевского Военного училища, Одесского и 1-го Русского кадетских корпусов. Числится в списках Пажеского Е. И. В. Корпуса и Павловского военного училища.

Командовал ротой лейб-гвардии Измайловского полка — 7 л. 6 м., Лейб-гвардии Преображенским полком с 23 апреля 1891 по 4 марта 1900 года, находился во внутреннем плавании на судах флота — 11 мес. и в заграничном плавании — 2 г. 5 м. Участвовал в кампании 1877-78 г. в составе экипажа фрегата "СВЕТЛАНА" и на Дунае. Кавалер Ордена Святого Георгия 4 ст. (877 г.).

„Баловень судьбы"

(К сорокалетию смерти Его Императорского Высочества Великаго Князя Константина Константиновича)

"Я баловень судьбы... Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, —
Рождением к величью я призван".

Так писал о себе Великий Князь Константин Константинович. Однако, не эти внешние выражения человеческого благополучия: богатство, высокие почести, принадлежность к Царскому Дому величайшей и могущественнейшей Империи — сделали его истинным баловнем судьбы.

Нередко, получаемые человеком при рождении щедрые дары — не только не идут ему на пользу, но наоборот его развращают, отучают от жизненной борьбы, освобождают от чувства долга и от чувства ответственности перед Богом, Отечеством и людьми. Ничего подобного не случилось с Великим Князем. Богатые блага, которыми он был наделен при самом своем рождении, не только не ослабили его моральных сил, не только не развили в нем эгоистических чувств самослужения, а наоборот, укрепили его в стремлении, с помощью этих благ, осуществить "возвышенные цели" и достичь не мишурного, внешнего блеска, а подлинного величия.

Он говорил:

"Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь.
Но тем, что песни Русские, родные
Я буду петь немолчно до конца,
И что во славу Матушки России
Священный подвиг совершу певца.

И этот священный подвиг, подвиг не только певца, но и подвиг члена Императорского Дома — Великого Князя, — он выполнил, действительно, до конца.

И вот, именно в этом смысле, мы имеем все основания к тому, чтобы посчитать Великого Князя подлинным баловнем судьбы. Мы можем посчитать его таким баловнем и потому, что в его духовной природе счастливо и гармонично сочетались самые привлекательные черты, образуя личность, исполненную истинного величия и благородства.

В основе этой незаурядной и исключительно привлекательной личности лежало, редкое по своей крепости и ясности, — живое религиозное чувство, облеченное в формы родного Русского православия. Чувство это не было чем то лежащим вне и над повседневной, практической жизнью Великого Князя. Оно было властным велением его ума и сердца, которое направляло всю его жизнь, определяло его поэтическое творчество и формировало его личность, как государственного деятеля, поэта и частного человека. Рассказывают что, получив высокое и весьма ответственное назначение на пост Главного Начальника военно-учебных заведений, Великий Князь отправился, прежде всего, в Петропавловский Собор и горячо молился там над гробницами своих царственных предков и служил у Спасителя, в Домике Петра Великого, молебен.

Главная его забота, как Начальника военно-учебных заведений, заключалась в том, чтобы сделать религию основой военного воспитания. Его крайне заботило и тревожило то, что он не видел в кадетах и юнкерах, вверенных ему заведений, того религиозного горения, которое испытывал он сам. Посещая корпуса и военные училища, он, во время церковных служений, зорко присматривался к поведению юнкеров и кадет в церкви. Он отмечал, что они стоят там хорошо и благопристойно, но с горечью замечал, что только редкие из них молятся. Огорчало также его равнодушие кадет к урокам Закона Божия и им, как то, было созвано специальное совещание законоучителей с целью найти способы для того, чтобы оживить и одухотворить преподавание Закона Божия в военно-учебных заведениях.

— Ведь вы ежедневно моетесь и заботитесь о своей внешней опрятности, — говорил он часто, собравшимся вокруг него кадетам — тем более вы должны заботиться о чистоте вашей души: ежедневно читайте Евангелие и благоговейно проникайтесь его чтением.

Эту мысль он выразил в поэтической форме так:

"Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.
Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные
В грустной юдоли земной,
Пусть в ваше сердце вливаются
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

Сила христианской веры, владевшей сердцем Августейшего поэта, проникавшей от начала до конца все его поэтическое творчество — свое высшее выражение получила в его драме-мистерии "Царь Иудейский". Драма эта является вершиной художественного творчества Великого Князя, той лебединой его песнью, в которой он, с предельной полнотой, выразил и свой религиозный пафос и глубину своей благочестивой православной души. Здесь нет возможности останавливаться на этом, очень значительном, явлении Русской литературы. Однако, для того, чтобы почувствовать всю силу религиозного вдохновения автора "Царя Иудейского", надо привести хотя бы заключительные строки драмы, вложенные в уста Иосифа Аримафейского.

"Хвалите Господа с небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир его чудес
И славы несказанной.
Хвалите сонм безплотных сил
И ангельские лики:
Из мрака скорбного могил
Свет воссиял великий
. . . .
. . . .
Хвалите Господа с небес
И славьте человеки.
Воскрес Христос. Христос Воскрес
И смерть попрал навеки.

Постоянное излучение веры в сердце Великого Князя вело к тому, что его мироощущение, его отношение к жизни и ее восприятие — были радостные и окрашенные живым поэтическим чувством. Он являлся поэтом не только потому, что обладал счастливым даром облекать свои чувства, мысли и впечатления в стихотворную форму, а в том, что все явления жизни он воспринимал поэтически, улавливая в них ту, не всем видимую красоту, которая незримо разлита повсюду: и в явлениях природы, и в материнской ласке, и в улыбке ребенка, в радости свидания, и в печали разлук, и во многом другом, что придает человеческой жизни необыкновенную теплоту, радость и счастье. С ясной и здоровой душой, озаренной светом православной веры, Великий Князь, в своих простых, ясных, ничем не замутненных стихах, воспевал все то, что имело для людей, не отравленных ложной цивилизацией, абсолютную и непрекаемую ценность, а именно: веру в Бога, преданность Отечеству, простую чистую любовь, семью, Русскую задумчивую природу, воинский долг и воинский подвиг.

Его поэтическое творчество можно уподобить студеной воде лесного родника, которая, утоляя жажду усталого путника, освежает, а не пьянит его, не мутит его сознания и души, как мутили их хмельные и нечистые источники многих, современных Великому Князю, поэтов конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. Пусть, в смысле богатства красок, в смысле языковой изощренности, в смысле литературной остроты и виртуозности, стихи К. Р. уступают по

своей силе стихам, скажем, Белого или Брюсова, но, по сравнению с последними, они предельно чисты, предельно целомудренны, предельно свежи, а потому то от них и веет таким животворным ароматом истинной поэзии.

Поэтические описания природы, особенно природы Русской, в стихах К. Р., — полны редкого очарования. Они чаруют своей безыскусственной свежестью, непосредственностью, отражая отношение к ней людей со здоровой психикой и ясным мировоззрением:

Давно черемуха завяла,
И на сирени средь садов
Уж не качались опахала
Благоухающих цветов
По длинным жердям хмель зеленый
Вился высокою стеной
И рдели пышные пионы
Нагнувшись низко над травой
Гляделись звезды золотые
В струи прозрачные реки,
И словно очи голубые
Во ржи сияли васильки.
Мы дождались средины лета,
Но вешних дней мне было жаль
И с этой радостью расцвета
Прокралась в душу мне печаль.

Совершенно понятно, что для Великого Князя, бывшего "смолоду и всей душой в строю", — исключительно близка, понятна и дорога была романтика военной службы. В его поэтическом творчестве ей посвящено не мало страниц. При этом, Великий Князь сумел показать не парадную сторону военной жизни, производившую своей красочностью, грандиозностью и блеском неотразимое впечатление на очень многих, а будничную, повседневную сторону военного быта, раскрывая в нем многое поэтическое, что было скрыто от глаз людей, этой стороны не знавших. В этом смысле, Великий Князь продолжил ту литературную традицию, которая идет от Максима Максимовича и от кавказских и севастопольских повестей и рассказов Толстого.

"Снова дежурю я в этой палатке;
Ходит, как в прежние дни, часовой
Взад и вперед по песчанной площадке...
Стелется зелень лугов предо мной.
Здесь далеки мы от шумного света,
Здесь мы не знаем тревожных забот,
Жизнь наша рвеньем горячим согрета,
Каждый здесь царскую службу несет.
Вот отчего мне так милы и любы
Эти стоянки под Красным Селом,
Говор солдатский веселый и грубый,
Шопот кудрявых березок кругом,
Эта укромная наша палатка,
Этот широкий простор луговой...
В лагерной жизни труда и порядка
Я молодею и крепну душой.

Когда читаешь полковые стихи Великого Князя, то понимаешь, что написаны они человеком большой души, для которого Русский простолюдин в солдатской форме — близок, понятен и дорог. Все знают исключительно сердечные стихи его "Умер бедняга в больнице военной...", которые, благодаря своей искренности и теплоте, сделались народной песней. Недаром в "Колыбельной песенке", обращенной к одному из своих сыновей, он говорит:

"Пусть тебе в годы сомненья,
В пору тревог и невзгод,
Служит примером терпенья
Наш православный народ..."

Любование военным бытом ярко проявлено Великим Князем в его "Письме к товарищу" из-за границы, в котором он выражает свои мечты о возвращении в полк. В письме этом, с художественной простотой, отмечены характерные черточки старого военного быта и передан дух гвардейской казармы. Очень удачно представлены отдельные солдатские типы этой казармы. Вот, например, фельдфебель:

Андрей Никитич Сагайдачный,
Цепочкой штуцерной звеня,
Засуетится в коридоре
И в бесконечном разговоре
Подробно будет излагать
Свое фельдфебельское мненье
О том, что надобно пригнать
Мундиры в первом отделеньи...

Таким образом, все стороны жизни, которые были близки сердцу Августейшего поэта, получили отражение в его стихах:

Я всю любовь, все лучшие стремленья,
Все, что волнует грудь в ночной тиши,
И все порывы пламенной души
Излил в свои стихотворенья.

"Порывы пламенной души" царственного поэта не прошли незамеченными. Они встретили сочувственный и одобрительный отклик от таких крупных и ярких поэтов старого поколения, каковыми были А. А. Фет и А. Н. Майков. Последний принимал личное участие, читая свои стихи в, так называемых, "Измайловских Досугах", единственной в своем роде, литературной организации при воинской части, созданной по мысли и инициативе Великого Князя. Перу Фета принадлежит ряд стихотворений, посвященных Великому Князю и его супруге, близостью к которым очень дорожил престарелый поэт.

Высокой поэтической настроенностью объясняется и необыкновенная успешность деятельности Великого Князя Константина Константиновича, в роли Главного Начальника, а впоследствии Генерал-Инспектора военно-учебных заведений. Чуткие мальчики и юноши, одетые в кадетские и юнкерские мундиры, сердцем по-

чувствовали возвышенное благородство и величие духа своего начальника. Они почувствовали и то, что их Августейший Начальник стремится зажечь в их душах тот же огонь высокой поэзии, благородства, чести и славы, которые отличали его самого.

Деятельность Великого Князя на посту Главного Начальника военно-учебных заведений увенчалась совершенно необыкновенным успехом. Даже и сейчас, когда с тех времен прошло много десятилетий, наглядные результаты этого успеха налицо. Свидетельством этого являются хотя бы страницы этого журнала, обязанного своему существованию исключительно тому, непрекращающемуся влиянию давно усопшего Великого Князя на последних его питомцев, бережно хранящих память о своем Августейшем Начальнике.

Успех этот объясняется тем, что Великий Князь сумел затронуть, у, переданной его попечению, Русской молодежи, самые заветные, самые чувствительные струны их юных душ. Вступая в должность, Великий Князь задался целью возродить в кадетских корпусах тот дух военной романтики и поэзии, который, в значительной мере, заглох, когда корпуса, с их поэтическими преданиями и красочными традициями, — были отравлены штатским духом военных гимназий с их трафаретными, обезличенным гражданским воспитанием и с главной ставкой не на развитие воинского духа, а на приобретение положительных знаний. Великий Князь, стремясь сохранить достижения военных гимназий в области учебной, вместе с тем, считал совершенно необходимым пробудить возвышенный дух старых кадетских корпусов и возродить заглохшую военную психологию, значение которой он, как прирожденный военный и к тому же поэт, — чувствовал — как никто другой.

В этих целях, Великий Князь вернул корпусам их старые знамена, вернул им и их старую эмблему — двуглавого орла в сияющих лучах просвещения, которая вновь украсила кадетские пуговицы, бляхи их поясов и юнкерские кивера. Он сделал все, чтобы вернуть корпуса на их исторический путь и вдохнуть в них животворящий воинский дух. Всего этого он достиг в полной и совершенной мере. И главную роль при этом сыграла обаятельная личность самого реформатора, излучавшая несказанное благородство, царственное величие, соединенное с необыкновенной доступностью, простотой и благожелательностью. Его отношение к кадетам было совершенно необыкновенное и до тех пор небывалое. Многие старые служаки, наблюдая эти новшества, ворчали:

— Великий Князь балует детей, — говорили они, — слишком с ними носится, приучает к свободному отношению к представителю высшей власти и умаляет значение этой власти.

Действительно, в лице прекрасного Великого Князя, высшая власть спустилась со своих таинственных высот прямо в кадетские классы, столовые, спальни и лазареты. И от этого, к изумлению многих, ничего худого не произошло. Наоборот, таинственно родилось то, что сделало Русскую военную школу явлением единственным и неповторимым. Нормально, Великий Князь был самым высоким начальником, какого только можно было вообразить. Мало того, он был членом Императорской Фамилии — дядей Государя, и, между тем, никто из кадет не чувствовал в нем ничего из того, что связывалось с понятием начальства. Кадеты и юнкера ощущали в нем человека близкого, доступного и благожелательного, их любящего, понимающего, готового не карать, а понять, помочь и поддержать во всех тех случаях, когда это было надо. Когда в корпусе распространялся слух о том, что едет Великий Князь, не только не ощущался тот трепет, который обычно сопровождает приезд большого начальства, а наоборот, радостное возбуждение охватывало всех и все ждали этого приезда не как тягостного и сопряженного со всеми неприятностями, начальственного смотра, а как большого общего праздника.

Ничего похожего на то, что носит название “смотр” — не было в приездах Великого Князя. Он не только никого не разносил и не пушил, а, наоборот, очень не любил когда, кто нибудь из лиц его сопровождавших старался обратить его внимание на те или иные недочеты и тем самым испортить бочку меда ложкой дегтя. В приказах, отдаваемых после поездок Великого Князя, никогда не делалось упора на замеченные недостатки. До общего сведения никогда не доводилось то, что могло повредить репутации того или иного корпуса или училища. Когда же Великий Князь появлялся среди кадет, он чаровал их своей необыкновенной простотой, которая отличает всегда носителей прирожденного и настоящего величия и аристократизма.

Его высокая и стройная фигура, его породистое, тонко очерченное лицо, добрые и мягкие глаза, манера держать себя естественно и просто — все это, казалось стирало ту грань, то неизмеримое расстояние, которое должно было быть между, стоящим на недосягаемой высоте, Великим Князем и самым последним кадетом, имевшим самый низкий балл за поведение и являвшимся предметом постоянных огорчений для корпусного начальства. Пожалуй, именно такие кадеты особо остро чувствовали, что в лице Великого Князя они имеют последнюю защиту и опору, и, что только к нему они могут обратиться тогда, когда чаша терпения корпусного начальства уже переполнилась.

Великий Князь не только любил своих питомцев, но и знал их. Такое знание было результатом долгой и упорной работы по изучению тех военно-учебных заведений, которые входили в его ведомство. А. Д. Бутовский, сопровождавший Великого Князя в его поездках по корпусам, вспоминает (“В вагоне Августейшего Начальника военно-учебных заведений,“Русская Старина”, август 1915 г.) следующие слова Великого Князя, прекрасно характеризующие его, как вдумчивого начальника и тонкого психолога:

— Есть такие стороны в жизни заведений, — говорил Великий Князь, — которые не предусмотрены никакими положениями и инструкциями, но которые однако, дают заведению известный индивидуальный ха-

рактер. "Этими словами, заключает Бутовский, было положено начало большой работы изучения каждого заведения во всех его особенностях".

Великий Князь неукоснительно прочитывал все журналы педагогических комитетов всех корпусов. Нетрудно представить себе какая это была грандиозная работа. Отправляясь же в путь для посещения того или иного корпуса, он брал с собой журналы, относящиеся к данному корпусу, обновляя в памяти все, что когда то задержало его внимание. Немудрено поэтому, что Великий Князь не только прекрасно усвоил все особенности отдельных корпусов и училищ, но лично знал и помнил множество кадет, так или иначе, попадавших в орбиту его внимания.

Тот же Бутовский вспоминает, что, однажды, на воспитательских курсах, было предложено слушателям написать характеристику вымышленного или конкретного кадета, выделявшегося из общей среды, своими нравственными особенностями. Характеристики эти были представлены Великому Князю. Одна из них заинтересовала его. В ней был характеризован кадет, ему чрезвычайно знакомый. Однако, воспитатель, его описавший, был не того корпуса, где был этот кадет, а другого. Великий Князь прекрасно знал и воспитательский состав, а потому он вспомнил, что автор характеристики, два года назад был переведен как раз в тот корпус, в котором учился кадет, о коем им была дана характеристика. Когда все это было проверено — то оказалось точно как думал Великий Князь.

Все это показывает сколько труда, внимания и любви вложил Великий Князь в, порученное ему Государем, дело и это объясняет почему в этом деле он достиг таких необыкновенных результатов.

В Высочайшем Манифесте по поводу смерти Великого Князя, было совершенно справедливо сказано о том, что он "положил много труда и забот по высшему руководству делом военного образования юношества, давшего столь доблестный состав офицеров, геройские подвиги коих в настоящую войну, навсегда запечатлены в истории Русской армии".

Из всего сказанного совершенно ясно то благотворное, облагораживающее влияние, которое оказывал Великий Князь и своей личностью и примером и духовным воздействием на кадет. Для каждого из них, Великий Князь был источником той моральной силы, которую, в большей или меньшей степени, каждый пронес через свою многотрудную жизнь. Пусть многие из них были смяты и искалечены жизнью, пусть каждый из них оступался, совершал ошибки и порой даже тяжкие грехи перед собой и людьми, — но заветы, данные им Великим Князем и выраженные в его стихах, посвященных "Кадету" и "Юнкеру" — продолжают жить в душе каждого из них и посейчас, освещая их, подходящий к концу, жизненный путь.

Действительно, несмотря на выпавшие ему испытания, (героическая смерть на поле брани его сына Князя Олега и горе его дочери, потерявшей, тоже на поле брани, мужа Князя Багратиона Мухранского) — Великий Князь Константин Константинович был настоящим "баловнем судьбы". Богатые дары, отпущенные ему щедрой рукой: талант, доброе и отзывчивое сердце, способность поэтически воспринимать и воссоздавать мир и жизнь, способность привлекать к себе людские и, особенно, юношеские сердца, все это он не только не зарыл в землю, а предельно приумножил, развил и щедро изливал вокруг себя.

Не за это ли Господь Бог избавил его от тягчайших испытаний, которые выпали на долю множества людей, как царской, так и простой крови?

Не за это ли ему была дана непостыдная кончина, еще в те дни, когда и Россия, и Царский Дом, и личная семья Великого Князя, казалось, были крепки, неколебимы и вечны?

И, если это так, то мы, его питомцы, приветствовавшие его некогда юношескими голосами, а ныне, согбенные и седые, являющиеся последними носителями кадетских преданий — должны, в сорокалетие его смерти, возблагодарить Создателя за Его великую милость к нашему Великому Князю и молить Его о том, чтобы Он даровал прекрасной душе болярина Константина — царство небесное и вечный покой.

Г. Месняев.

ПОСЛЕ КАНДЕЛЯ

До Раскаец совсем близко — мы отошли от села версты на полторы и входим в него еще засветло, подавленные трагической встречей. Улицы пустынны, как вымершие. Только лают собаки и идут из труб дымки.

Нас встречают румыны. С ними лохматый мужик в остроконечной шапке, вероятно староста, так как он разводит нас по хатам, переговариваясь с хозяевами по-молдавански.

В моей хате шесть человек третьего взвода. Хозяин, черномазый молдаванин, неприветлив, почти груб. За еду требует "николаевскими", которые еще ходят в Бессарабии. "Николаевских" у нас нет, и кто-то жертвует свои кальсоны. За кальсоны получаем мамалыгу, сало и хлеб. Боже... Какой пир... В последний раз мы что то ели в Аккермане. Прошло десять дней с момента выезда из Одессы по Овидиопольской дороге. С тех пор корпус погиб — даже страшно подумать, что с ним случилось за эти дни. Мы дрались под Канделем, погибли наши товарищи, погиб, повидимому, и сам полковник Рогайский.

А в хате тепло, почти уютно и пресная мамалыга кажется именинным пирогом.

Засыпаем в повалку на соломе. Ночью шум, крики, пинки солдатских сапог. Неужели снова "айда Русски на пой"? Нет. Просто солдаты румынской королевской армии пришли грабить Русских кадет. Их интересуют наши карманы и одежда, главным об-

разом. черные кадетские брюки. Бумажники у нас пустые, черные брюки, к счастью, не у всех — я, например, в темноголубых бриджах из бумазеи, уже лопнувших на коленке, а галунные мундиры не останавливают внимания наших любезных хозяев.

В кармане моей шинели нашлась забытая обойма. Солдат бьет меня обоймой по голове, должно быть от досады — ни часов, ни денег у этих нищих. Солдаты уходят, ругаясь по-румынски. Трое из нас остаются в кальсонах, и у меня голова в крови. Ночные визитеры побывали почти во всех, занятых нами, хатах, и на утро добрая треть из нас без штанов и уже окончательно без вещевых мешков. Слава Богу, что успели во время поменять пару кальсон на мамалыгу.

Утром собирают на главной площади, в верхней части села. Стараемся уверить себя, что все уже назади, что больше нас выгнать не могут, что есть приказ по всей границе о нашем принятии, что о нас знает сама королева Мария. Мороз градусов в двадцать. Стоим, построенные по ранжиру, как всегда, по привычке. Капитан Раммерт и полковник Фокин тут же. Раненые Стоичев и Никольский сидят на заваленке. Неужели не выгонят?

Вот из дома, над которым висит румынский флаг, выходит офицер, в знакомом уже нам, сером кепи. С ним два штатских и военный в незнакомой форме, с белым орлом на фуражке. Поляк?

Все четверо подходят к нашим офицерам. Говорит военный с белым орлом. Нам, в строю, не слышно. Военный, конечно, поляк. Не говоря об орле, фуражка его характерной четырехугольной формы, которую у нас, в России, неправильно называли "конфедераткой" — настоящее ее название — "рогатувка". Видно, что штатские и военный к нам расположены. Румын мрачен и надут. Откуда то появляется хлеб и сало, даже вино, как в Аккермане. По очереди подходим за своей порцией. Кажется не выгонят, так как уже собираются подводы. Очевидно для нас. Не повезут же нас к Котовскому на молдаванских подводах? На одной из подвод — целый ворох одеял. А вот городская коляска, и в ней одинокая молодая дама. Смотрит на нас. Платок у нее в руке и она, то и дело, подносит его к глазам. Кругом солдаты в остроконечных шапках.

Узнаем, что военный — польский консул из Аккермана, а штатские — канадский и итальянский из Кишинева. В Раскаецы они опоздали на несколько часов. Их присутствие спасло бы, может быть, злополучный отряд генерала Васильева. С румынским капитаном они говорят, как с подчиненным. Итальянец даже кричит, — он черный, значит итальянец — он, так как другой штатский — блондин, — когда на крестьянской подводе к дому подвозят закоченевший окровавленный труп в одном белье. Потом мы узнаем, что это наш застрелившийся в плавнях, офицер с аристократической балтийской фамилией. Итальянец продолжает кричать, когда нас сажают на подводы. Милый польский офицер едет с нами. Слава Богу. Подвод много, можно расположиться удобно. Одеяла очень кстати на страшном морозе. Садимся. У раздетых, из под шинелей, видны кальсоны. Итальянец пальцем показывает румыну на этот странный на двадцатиградусном морозе туалет.

Двинулись. Едем в Аккерман, из которого нас выгнали на лед Лимана, пять дней назад.

Едем быстро вдоль Днестра. Дорога то и дело выбегает на реку, за которой Котовский, а в плавнях которой замерзают остатки отряда генерала Васильева... Замерзали бы и мы без милого поляка, экспансивного итальянца и их молчаливого канадского коллеги. Как потом оказалось, они, по собственному почину, вооруженные копией телеграммы, отправились нас искать к Бессарабской границе.

Стучат колеса по мерзлым кочкам и ухабам. Трясет. Бедный Никольский глухо стонет. У него раздроблена кисть левой руки и от тряски он очень страдает.

Молчим. Как то отупели от всего пережитого. Не верится, вопреки очевидности, что нас не гонят на левый берег, что мы, на этот раз, спасены.

Впереди. на бричке, польский консул, сзади, в коляске, молодая дама, которая только что плакала. Говорят, что ее маленький сын был в четвертой роте и, таким образом, остался с корпусом, в Овидиополе. Она уже несколько дней, как ищет корпус по границе. В Аккерман она опоздала, как опоздала на день телеграмма королевы Марии.

Привал и обильный обед в немецкой колонии над Днестром. У немцев чисто и уютно. Они сами не только приветливы, а просто сердечны. Какая разница с грязными и грубыми молдаванами и с цыганообразными солдатами в остроконечных шапках. Кажется, за все платит консул. О нем мы уже знаем, что он сам из Полоцкого корпуса и Русский уланский поручик. Теперь — ротмистр. Между его бричкой и нашими подводами едут румынские жандармы. Они же замыкают колонну впереди коляски молодой дамы, изолируя нас даже от наших спутников.

Вечером — ужин в другой немецкой колонии, где мы проводим ночь. Нам стелят на полу перины, дают подушки. Нет, кажется, действительно, на этот раз, кошмар кончился. Со светом, выезжаем дальше, после ячменного кофе с молоком и белого хлеба с маслом. Печальная дама все с нами.

Снег, ухабы, белая линия Днестра, окаймленная голыми ивами плавней. Стонет Никольский. Снова завтрак у радушных немцев, и опять стучат колеса, по замерзшим выбоинам дороги.

Но вот, слева, кончаются плавни, круче становится правый бессарабский берег, по которому идет дорога и вдруг открывается вид на Лиман. Там, чуть видный в сером дне, далекий и низкий Русский берег и Овидиополь, где утром 31 января. мы оставили младшие роты с полковником Бернацким.

Что с ними? Где они? Конечно в Овидиополе давно уже большевики, пришедшие со стороны Одессы. Похоронным покровом ледяной туман застилает Рус-

ский берег. Кто может ответить на эти вопросы? Безысходность щемит сердце, недавние воспоминания заставляют его бешено биться, только недавно заснувший страх поднимается снова и леденит кровь.

А на правом, теперь "нашем" берегу вырастает цитадель старой турецкой крепости, которую видно из Овидиополя, к которой, с такой надеждой, шли мы 29-го января.

Колеса подвод тарахтят уже по булыжникам мостовой. Город странно пуст. Даже закрыты окна. Должно быть румыны не хотят, чтобы нас видели.

Приезжаем очень скоро. Головная подвода с жандармами останавливается перед... тюрьмой.

— Айда Русски... — Слезаем, разминая, онемевшие от неудобного сидения и холода, ноги. — В тюрьму, так в тюрьму. Лишь бы не на лед лимана, не туда, где низкий берег еле виден за туманом. Кажется больше нет никаких сил, ни моральных, ни физических. Если скажут идти на лед — ляжем на булыжную мостовую перед тюрьмой.

Тюрьма даже успокаивает. Раз в тюрьму, значит серьезно решили нас у себя оставить. Но румыны забыли нашего поляка. Уланский поручик весь побагровел от ярости. Самые отборные польские ругательства посыпались на жандармского унтер-офицера, в перемежку с румынскими словами.

Румын не понимал, разводил руками. Должно быть у него был приказ, но в Раскаецах он видел, как его капитан почтительно разговаривал с иностранными офицерами. Этот же офицер поил его водкой в дороге. Вмешалась печальная дама из коляски. Консул говорил ей по-русски, а она, наверное смягчая, переводила румыну. Тот отвечал почтительно, но оставался при своем. Ему было приказано отвезти нас в тюрьму и сдать. Он маленький жандармский унтер-офицер и его миссия этим ограничивалась. Поляк махнул рукой. Действительно, при чем тут был жандармский унтер-офицер?

— Господа, — громко сказал поручик, — я еду сейчас в комендатуру, с вами сударыня, если разрешите, — он поклонился в сторону дамы, — и даю вам честное слово офицера, что вы здесь не останетесь.

Нас ввели в тюремные ворота.

Сидели в большой и пустой холодной камере. Дверь не заперта. Похоже, что тюремные власти ждут решения коменданта, и решение это должно быть быстрым.

— Ну, что он придумал, наш ротмистр? Еще разозлит румын и они нас выгонят на лед...

— Разве здесь плохо? Посидели бы, пока не узнал бы про нас королевич Александр и не потребовал бы нас к себе в Сербию.

Прошел час, может быть два. Звон шпор по каменным плитам. Счастливое лицо польского офицера.

— Кадеты, вам отводят помещение в городской школе. Через час вы туда перейдете. Я с вами остаюсь здесь до самого конца.

Обступаем его тесной группой. Видно, что ему очень хочется нам помочь и дальше.

— Я напишу сегодня в Варшаву, в Министерство. Вас, наверное, примут в кадетский корпус в Модлине, в Новогеоргиевске, — переводит он на старый, русский лад.

Милый славный уланский поручик, и ротмистр, и консул Речи Посполитой. Никому мы в Варшаве не нужны, как не нужны в Румынии. Может быть, по старой дружбе, примет нас сербский королевич? Все же, ты останешься первым и единственным, который отнесся к нам с ласковой дружбой старшего товарища к младшему, приободрил, успокоил, защитил как мог. И, даже, пригласил в Варшаву, не спросив себя, будет ли уж так доволен твой вождь, "дед" Пилсудский, получить полсотни молодых "москалей"?

Действительно, прошло не больше часа, как за нами является наш старый знакомый, жандармский унтер-офицер. С ним хороший взвод жандармов с примкнутыми штыками. Он, видимо, ждет, чтобы совсем стемнело, так как выходим мы не сразу.

Прощаемся с польским консулом. Его мы больше не увидим.

Холодная луна просвечивает через туман. Морозная сырость пронизывает насквозь. Совсем, как эти дни. Только не чувствуется тяжесть винтовки за плечом.

— Айда, Русски... Но это не выгоняют, наверное не выгоняют. Все-таки липкая жуть снова поднимается в груди — а, что, если, все же?

Но нет. Мы идем по спящему городу, по булыжной городской мостовой и, вдобавок, мы идем в противоположную, от Днестровского лимана, сторону. Идем не долго, но с трудом. Растертые ноги кровоточат, усталые мускулы едва повинуются, каждый шаг молотом отдается в мозгу.

Одноэтажное здание со двором, в раскрытые ворота которого нас вводят. Крыльцо, передняя с двойной дверью. Из открытой двери вырывается в темноту передней яркий свет и дышит настоящим теплом.

А внутри, у самовара, около которого суетятся нарядно одетые, совсем как до семнадцатого года, дамы, горы бутербродов.

Итак, с вечера 6 февраля, мы живем в помещении бывшей приходской школы. Для кадет отведены две комнаты с нарами. Наши офицеры занимают третью, столовая — пятую, шестую и седьмую — румынский караул, целое отделение жандармской пехоты, а центральный зал без окон, с дверьми во все комнаты, в общем распоряжении. Там нам делают перекличку, когда это вздумается караульному унтер-офицеру.

Мы получаем румынский солдатский паек, но, на самом деле, его съедают румынские жандармы, так как с первого дня нас кормит, и как кормит, аккерманский дамский комитет, почти исключительно еврейский. Русскую культуру и, вообще, Россию, в оккупированной румынами Бессарабии представляют и,

пока с успехом, защищают евреи. Офицеров больше нет, чиновников — румыны выгнали, помещики сидят по своим имениям, городским мещанам, вдобавок, на половину молдаванам, бороться с румынским произволом не под силу, и с момента ухода Дроздовского на Дон, единственной защитницей языка Пушкина в Бессарабии оказалась еврейская буржуазия.

Вот почему сидят элегантные дамы в нашей столовой и нас закармливают давно забытыми по ту сторону Днестра деликатессами. У нас появилось хорошее белье и мы не вертели крученок из махорочных окурков. Разговаривать с нами не разрешают. В столовой всегда унтер-офицер или капрал, но мы знаем, что в городе говорят "наши кадеты", "для наших кадет". От комитета же и доктор, старый, благообразный еврей. Нами он доволен. Вздыхает: — что значит молодость.

На второй или третий день ведут в баню. Насекомых у большинства из нас не было. Не успели набраться. Помню, я не смог найти. Проклятые ботинки, переделанные еще в прошлом году в Белгороде из английских танков на модные штиблеты, совершенно исковеркали за поход мои ноги и я не смог их надеть, когда нас повели в баню.

Зажили в тепле, в довольстве, в вдруг нахлынувшей на нас безмерной апатии. Днями лежали на нарах без мыслей, без желаний, почти без движений, в каком то летаргическом сне, который прерывался чаем, обедом и ужином.

Румыны, из караульного помещения, нас почти не тревожили. Поедая наш румынский паек, они были слишком довольны такими удобными арестантами.

Правда, в уборную, которая находилась во дворе, водили под конвоем и, сопровождающий солдат держал винтовку "на изготовку".

Никаких новостей мы не имели. Что творилось в такой близкой и, уже, такой далекой России? Что сталось с корпусом? С группой Самоцвета? Нам не давали даже русских книг.

Понемногу, мы отходили от десятидневного кошмара. Нашлась гитара. Ее хозяин, Лялька Скалковский, пронес ее из Одессы на спине, никогда с ней не расставаясь и, даже, не повредив. Начали петь хоровые песни длинными, еще, зимними вечерами. У дверей нашей комнаты собирались свободные от караулов жандармы. Слушали почтительно и с удовольствием. Потом пошли анекдоты, королем которых был единогласно признан моряк Расташинский, и свои собственные, еще не сложные, истории.

Начали вспоминать поход и Кандельский бой, волновались жуткой судьбой младших рот, надеялись на спасение Самоцвета, в Одесском порту.

Появились больные. Первым заболел тифом Сергей Тарасенко, брат нашего фельдфебеля. Дня три он лежал на общих нарах, до визита нашего доктора. Комитет немедленно предложил взять его в частную больницу, но румыны отправили его в городскую, и уже зависящую от румынской администрации. Через несколько дней, с сильнейшей температурой, Тарасенко оттуда сбежал и кое-как добрался до школы. Так и отлежался на нарах до полного выздоровления.

Прошел февраль. Как то сразу, наступила весна. По ночам было слышно, как с треском лопался лед на лимане. Больше не погонят. Грохот ломающихся льдин был для нас символическим. Пели, скучали, рассказывали друг другу свою жизнь, еще очень короткую, знакомились, дружились и отталкивались друг от друга. Пятьдесят юношей, пятьдесят характеров, столько же надежд. Железные обручи одинакового воспитания и одной и той же традиции, крепко сковали случайную бочку, в которую вылилась бродящая, молодая брага. Ни ссор, ни лишних слов, ни, разумеется, драк. Их давно у нас не было, в старших ротах Российских корпусов, копировавших военные училища. Их не было и в Аккермане, несмотря на пятьдесят характеров, втиснутых в две небольшие комнаты.

Прошел ледоход и не грохочет больше по ночам со стороны лимана.

У вод лазоревых лимана
И у дунайских берегов
И на вершинах Дагестана
Изюмских видели орлов...

— Сугубый, форму Изюмского полка.

"Цук" входит в моду, в Аккермане. Без приседаний и без вращения, конечно. Нельзя же перед румынами. А вот "формочки", "полковые журавли", истории полков и анекдоты, разгоняют скуку.

Кроме скуки, где то в глубине души еще шевелится тревога. Почему нас не везут в Сербию? Что мы делаем здесь, в Аккермане, в девяти верстах от Овидиополя?

Наконец, это было уже в марте, первая радостная весть. Колонна полковника Самоцвета, второй и четвертый взводы первой роты, добрая половина второй — она пошла тогда, утром 25 января в порт, в качестве "грузчиков" — и "киевляне" спасены... Подробностей нет, но все уже в Сербии, где организуется корпус и куда скоро поедем и мы. Итак, первая рота спаслась почти целиком, так же как и часть второй. Ура...

Считая нас, вырвалось из Одессы больше двухсот кадет Одесского корпуса и полтораста "киевлян". Около пятисот, осталось там, на той стороне лимана с полковником Бернацким. Несколько человек остались лежать в кандельских оврагах. Их, наверное, похоронили немцы-колонисты. Хотя вот рассказывает кто-то, что будто бы в лимане нашли труп без головы, в кадетском мундире и даже предполагают, что это наш бедный Клюбуков — из убитых он был один в мундире.

А вот и вторая новость: нас перевозят на Дунай, в Рени. Еще не в Сербию, но все же подальше от Днестра и от лимана.

И действительно. В половине марта нас ведут на вокзал, под усиленной охраной жандармов, по пустым — повидимому это румынская специальность —

улицам. У жандармов винтовки на перевес, на манер л. гв. Павловского полка.

Перед выходом мы прощались с комитетскими дамами и даже спели им "многая лета". Это очень понравилось румынскому полицейскому комиссару, которого за штатский костюм, за щупленькую фигуру и закрученные кверху маленькие усики, мы прозвали "парикмахерским подмастерьем". Он что то пошептал на ухо одной из наших дам.

— Господа кадеты, —обратилась к нам дама, немного сконфуженно, — господину Инспектору очень хочется, чтобы вы ему тоже спели "многая лета".

Спели "многая лета" и "господину Инспектору". Стоял он смирно и весь сиял от удовольствия.

Потом собрали свои пожитки. Узелки с аккерманским бельем, пакеты с комитетскими бутербродами. Построились во дворе школы. Теперь уже нет сомнения: румынская полиция не хочет, чтобы нас видело население Аккермана. Бессарабия — румынская. Румыния — великая нация. Пятьдесят полураздетых русских кадет могут напомнить аккерманскому мещанину, что вчера здесь была Великая Российская Империя, и он, чего доброго, подумает, что вчера было лучше.

Вокзал пуст, как и улицы. Дают отдельный вагон третьего класса, стоящий далеко на запасных путях. Пока вагон маневрирует, нам не позволяют подходить к окнам.

Наконец, стучат буфера и гремят цепи сцепления. Почти сразу поезд трогается. Хочется кричать ура, но боимся жандармов. С нами их всего пять, во главе с унтер-офицером.

От Аккермана, по-румынски Четаця Альба, железнодорожная линия поднимается к северо-западу, в сторону Кишинева. Не доезжая Кишинева, на станции Бессарабской, отходит ветка на Рени, Галац и Браилов, острым углом на юго-запад. Вагона нашего не перецепляли: поезд был прямой Четаця Альба — Бухарест, через Рени, бывшую русскую пограничную станцию.

Один из кадет стоял на площадке вагона, когда поезд подходил к Бессарабской.

— Бессарабская... — крикнул он, на кондукторский манер. — Поезд стоит двадцать минут. Горячий буфет.

Засмеяться мы не успели. Жандармский унтер-офицер схватил его левой рукой за воротник, а правой, сжатой в кулак, с силой ударил по лицу.

— Бесарабиа... Бесарабиа... — он еще раз его ударил и толкнул в грудь.

Мы стояли кругом, бледные и подавленные. Потом кадет тихо плакал на скамейке вагона, сплевывая кровь из разбитой челюсти, а мы стояли у окон, стараясь на него не смотреть. Было стыдно, больно и горько.

Перед окнами пробегали знакомые русские пейзажи. Хатки с соломенными крышами, журавли у колодцев, окруженные тополями, белые церковки. Зеленели уже, еще совсем молодые, хлеба.

Евгений Яконовский

Кадетские годы

(1902 — 1909)

(продолжение)

Прозвучал отбой после последнего урока. Дежурные по классам торопливо прочитали молитву, после учения. Одна за другой, роты промаршировали в столовую. "Очи всех на Тя Господи уповают..." — пропел разноголосый хор четырехсот с лишком голосов. От громадных супников подымается аппетитный пар, янтарно светятся графины с квасом, служители в белом снуют кругом и "жила - эконом" озабоченно суетится у дверей буфетной. Гул голосов наполняет громадную столовую, разделенную арками на четыре части.

Меню на целую неделю объявлялось в корпусном приказе и было одинаково во всех корпусах. И в Сибири и на Кавказе, и на Волге, и в Москве, кадеты ели одинаково вкусный ржаной хлеб, котлеты под одинаковым соусом, пили одинаковый квас. Запеченные макароны с мясом, почему то носили название "планкет", и так же назывались они и в других корпусах, по крайней мере в московских. Постом, в столовой пахло постным маслом и жаренной рыбой, на масленицу блинами, в царские дни давались в мешочках конфеты "царская карамель", и, в эти дни, нас поджидали дети корпусных служителей, которых мы оделяли конфетами, идя на прогулку. В день причастия давалось по апельсину, а на Троицын день к зеленому борщу полагались ватрушки. Все было раз и навсегда установлено, основательно и спокойно-неизменно.

Каждую перемену блюд возвещал сигналом барабанщик или горнист, и, вслед за сигналом, по столовой растекались служители, несшие громадные блюда с котлетами или подносы с домодельными пирожными, полагавшимися на третье блюдо, и графины, на этот раз с водой. Оставленные — без третьего — шалуны из четвертой роты, переживали неприятные минуты, когда их порции уносились обратно.

Пирожные, не столько корпусные, сколько кондитерские, были особым предметом кадетских мечтаний. Существовал обычай, в силу которого произведенные вице-унтер-офицеры угощали свой выпуск пирожными. В эти дни, в излюбленной кондитерской Даниэльсона на Болховской, каждый семиклассник

мог съесть пирожных сколько ему угодно, записав количество их на специальном листе. Перед фамилиями некоторых, нередко значилась двухзначная цифра. Вообще аппетиты бывали немалые, и, как ни был питателен наш стол, для многих он был недостаточен. Большие, закорузлые горбушки черного хлеба, таскаемые из буфетной и густо посоленные, восполняли этот недостаток, равно как и те булочки и ватрушки, за которыми иногда посылался служитель в соседнюю булочную. Однако, такие посылки запрещались и производились тайно.

Корпусные порядки вообще препятствовали тому, чтобы чем бы то ни было подчеркивать имущественное неравенство, которое могло быть среди кадет. Бедный не должен был чувствовать своей бедности, а богатый кичиться своим богатством. Потому то нам и запрещалось иметь свою собственную одежду, и как бы ни казались неизящными наши сапоги и брюки какому-нибудь франту, он, разве только во время каникул, мог заменять их собственными. Конечно, бывали уклонения и, некоторые из нас, отправляясь в отпуск, надевали собственные фуражки, с преувеличенно большими, по тогдашней моде, полями. Некоторые отдавали брюки для сужения корпусному портному, который за рубль выполнял эту операцию и, вдобавок, делал карманчик для часов, отороченный желтым кантом. Замеченное съужение брюк влекло за собой посадку в карцер. Корпусной шик требовал также, чтобы рубашка была подобрана под пояс как можно больше, выглядывая из под него как можно короче, и открывая часовую цепочку со множеством брелоков. Чрезмерно увлекавшиеся таким шиком наказывались тем, что им приказывалось день или другой носить не парусиновую, свободную рубашку, а тесную куртку с тугим воротником. Подобныя увлечения были свойственны, главным образом, будущим кавалеристам, тем "корнетам", которые любили поразить воображение товарищей, промчавшись на лихаче по Болховской и с шиком подлетев к корпусному подъезду, не пожалев последнего рубля.

"Свободное от занятий время", т. е. после обеда и до вечерних занятий, посвященных приготовлению уроков, мы, при мало-мальски приличной погоде, — проводили на воздухе, на "прогулке". Каждая рота имела для этого свой "плац". Однако, плац первой и третьей рот, являвшийся, в сущности, корпусным садом, находившимся в самой глубине обширной корпусной усадьбы и замыкавшим собой внутреннюю улицу корпусного городка, на которой расположились воспитательские флигеля, баня и другие хозяйственные постройки, использовался относительно редко, только в безусловно сухое, не зимнее время. От корпусного здания он отстоял сравнительно далеко, а потому мы ходили туда строем — первая рота, обычно, под марши своего оркестра. Сад был не очень велик, но очень приятен тенью густых лип, кленов, кустарников и густой травы. Было исключительно хорошо лежать с книгой, где-нибудь под деревом, одетым свежей весенней или ярко осенней листвой, в шелковистой траве, полной цветами клевера, дикой ромашки и павилики, впитывая в себя свежее дыхание весны или бодрящее дыхание осени, и упиваться прозой тех художников русского слова, которые воспевали именно эту среднерусскую природу. Недаром, кто-то шутя сказал, что в сущности, нет русской литературы, а есть литература тульско-орловская — Жуковский, Лермонтов, Фет, Толстой, Тургенев, Лесков, а позже, Бунин, Зайцев.

За деревянным, посеревшим забором нашего сада уже не было никаких городских построек, а тянулось огородное поле, на котором работали арестанты из тюрьмы, неприветливое здание которой виднелось вдалеке.

Четвертой роте для прогулок был предназначен городской плац, перед корпусом. Преимущество его состояло в том, что он входил в городскую территорию, и гуляя на нем, можно было с интересом наблюдать городскую жизнь: меланхолических неторопящихся извозчиков, бодрые трамвайчики, гимназистов, возвращающихся со связками книг из гимназии, отставного нашего директора Светлицкого, старческой походкой прогуливающегося перед своим домом и многое другое. Самым же интересным были репетиции парадов и учения, иногда производившиеся на плацу отдельными частями орловского гарнизона. Тогда, общее внимание сосредотачивалось на четких линиях выстроенных рот, на группах офицеров, на адъютантах, хлопотавших с расстановкой желонеров, и на всем том, что затрагивало воинские романтические струны.

Однако, самым частым местом наших прогулок был плац второй роты, расположенный за задним фасадом корпуса. По своей обширности и простору, по нахождению на нем гимнастических приборов, гигантских шагов, кегельбана, теннисной площадки, а, зимой катка и ледяных гор, — он, во все времена года и почти во всякую погоду, являлся лучшим местом для отдыха, потому на нем нередко и сосредотачивались почти все роты.

Каждый возраст находил здесь возможность удовлетворить свои интересы и показывать свое искусство в спорте и играх. Рядом с одной из любимейших игр, чисто русских "городками", которой отдавали дань кадеты всех возрастов, процветал изысканный теннис — достояние, главным образом, шести и семиклассников, с заметным самолюбованием, выкликавших элегантные слова: "плэй, рэди, аут". Взвивались ввысь, в баснословную высоту, необыкновенной упругости, черные мячи, запущенные мастерской рукой специалиста по "свечам", азартно гремели в кегельбане тяжелые шары, а у гигантских шагов неслись "звездочкой" любители сильных ощущений.

И городки, и лапта, и, главным образом, кегельбан — часто бывали и небезкорыстными. Рассчет производился за обедом или за ужином, когда проигравшиеся стоически отдавали свою булку или котлету более счастливому партнеру.

Однажды, когда мы были в третьем классе, наш первый силач и законодатель мод Саввич, в результате азартного состязания в кегли с кем-то из старших из четвертого класса, ухитрился проиграть последнему не прозаическую котлету, а баснословную сумму денег, равную ста рублям, которых не было у нас всех, взятых вместе. Мы пришли в ужас, вспоминая все читанное о последствиях столь невиданных проигрышей, Однако, по своей наивности, мы не поняли, что для Саввича было бы гораздо трагичней проиграть простую, но реальную котлету, нежели мифические сто рублей. Кажется, и он сам не понимал этого, ибо несколько дней ходил мрачнее тучи, видимо считая, что его жизнь непоправимо разбита. Конечно, очень скоро он убедился в том, что это совсем не так.

Когда дело подвигалось к поздней осени, задувал холодный ветер, затухало оживление на плацу, и кадеты, кутаясь в шинели, стремились в роту, толпясь около дежурных воспитателей, которым хотя тоже больше улыбалась теплая дежурная комната, но они были обязаны додержать нас на прогулке до определенного часа. Обычно, в такие вечера, чтобы отвлечь наше внимание от мыслей о скорейшем возвращении в роту, воспитатель третьего отделения нашего класса, швед Ялмар Аларикович Тавастшерна — несколько чувствительный и слабонервный, непритворно любивший своих питомцев, которые отвечали ему некоей снисходительной любовью, — начинал свои воспоминания, в которых он вплетал не малую долю фантазии. Эти рассказы, спервоначала, когда мы были еще совсем желтороты и лишены чувства критики — производили на нас большое впечатление. Одним из наиболее эффектных случаев, рассказанных милым Тавастшерной, заключался в том, что он, будучи молодым офицером и салютуя на параде шашкой, рассек себе сапог и отхватил кусок мизинца. Это не помешало ему стоически проделать весь парад и только по окончании его упасть в обморок от потери крови...

По возвращении в роту, начинались вечерние занятия, под обязательным наблюдением, восседавших на кафедрах, воспитателей. Наш Лихачев, бывший артиллерист, а потому хороший математик, с видимым удовольствием, прищурив свои чуть монгольские, умные глаза, объяснял математические трудности, и чертя на доске нечто, напоминающее круг, неизменно говорил: "предположим, что это круг..." Надо сказать, что часы вечерних занятий таили в себе что-то очень домашнее и уютное. Все кругом было привычно и знакомо. Класс с огромными окнами, закрытыми спущенными шторами, лампы с большими абажурами, отражающими мягко свет сверху на парты, портрет Великого Князя, в золотой рамке с короной, на котором имелась подпись "Константин 2-му отделению 7-го класса", висящие на стенах сетки, которые, неизвестно для каких целей, плелись из года в год и т. д. Особенно же знакомы и понятны были лица товарищей, сидевших, склонившись за партами, настолько знакомы, что без опасения ошибиться, можно было сказать, что старательный, но небольших способностей, добродушный, как большой пес, Клементьев (его прозвище было "Полкан"), старательно заучивает французские слова, беззвучно шевеля губами. Что "черный" Меньшиков (был Меньшиков "белый" — блондин), приводит в порядок свой журнал вызовов, проставляя в него только что объявленные Лихачевым дневные отметки, что учить уроки он будет неохотно и со скукой. Не оглядываясь на переднюю парту, можно ясно представить себе сосредоточенные и серьезные лица наших "первых" Деппиша и Шатилова. Почти без ошибки можно было утверждать, что Каменев еще переживает свое глубочайшее огорчение — оставление его на второй год в седьмом классе, событие крайне редкое в корпусных анналах, и, что он, поглаживая свои шелковистые черные усики, думает сейчас меньше всего о завтрашних уроках, а об улыбнувшемся ему на год Елизаветградском училище. Немножко дремотно и покойно проходят два часа, посвященных приготовлению уроков. Но вот шумно, растянутым строем, прошла на ужин четвертая рота, а вскоре, сотрясая все кругом, твердым шагом — пролетела вторая. Наконец, наступил и наш черед. Под командой нашего фельдфебеля Черникова, мы направляемся в столовую. На столах ровными рядами — большие белые кружки, украшенные синими буквами О.Б.К.К., разрезанные пополам французские булки и на них по три куска сахара, на тарелочках квадратики масла. По вольности первой роты, из столовой расходимся вольно, не строем. Перед резной дверью церкви с изображением Архистратига Михаила, дежурный по роте читает вечернюю молитву... Еще один день окончен и одним днем ближе к вожделенному выпуску.

В трикотажных кальсонах, подпоясанных полотенцами, с мыльницами и зубными щетками, по коридорам и спальням растекается кадетская братия, направляясь в умывалку, где на длинной скамейке. доступной только семиклассникам — курильщики попыхивают папиросами, обсуждая события дня.

Вскоре, все затихает до завтрашнего утра. Бродят сонные служители, иногда прозвенят шпоры дежурного ротного командира, обходящего роты, да проскользнет изредка сонная фигура какого-нибудь кадета, спешащего в уборную.

После вступления в должность Главн. Начальника военно-учебных заведений, которое состоялось 15-го марта 1900 года, Великий Князь Константин Константинович, впервые посетил наш корпус 13 мая того же года. В письме к своей сестре, Королеве Эллинов, он писал: "Здесь, в Орле, та же история, что и везде, те же радостные кадеты, не хотящие меня отпускать, выпрашивающие на память мои окурки, спички и проч. Конечно, самая большая прелесть — это маленькие. Здесь, в Орловском Бахтина кадетском корпусе, в двух младших ротах, самые маленькие по

росту, в то же время, первые ученики в своем классе, одному — только десять лет".

Из статьи "Знамена кадетских корпусов" ("Военная Быль" № 1) мы узнаем, что Высочайшим приказом от 13 февраля 1901 года было повелено 10-ти старейшим корпусам, и, в их числе Орловскому — Бахтина, "выносить в строй, в особо торжественных случаях, а равно, когда в построении участвуют все роты корпуса, пожалованные в прежнее время знамена", как наивысшую воинскую святыню и лучшее украшение строя кадетского.

В выпускных альбомах кадетских выпусков моего времени имелся фотографический снимок, на котором изображен строй первой роты, с Великим Князем на правом фланге, в мундире Преображенского полка, и перед строем, кадет-знаменщик с корпусным знаменем и ассистенты обер-офицеры Янушковский и Джеморджидзе. Надо полагать, что снимок этот запечатлел событие возвращения корпусу его знамени, в котором принял участие Великий Князь, видимо, прибывший в корпус во второй раз.

В третий раз, Великий Князь приехал к нам осенью 1902 года, т. е. совсем вскоре после моего поступления в корпус.

Чтобы понять, какое впечатление произвело у нас появление Великого Князя, надо вспомнить, что в те времена, в консервативных и патриотически настроенных кругах русского общества, — а мы, как раз, вышли из этих кругов, — обаяние Царского имени и всего с ним связанного стояло исключительно высоко. И если жители столиц были, в известной степени, избалованы близостью Царской фамилии, то для провинциалов: — а мы, почти все, были таковыми, — возможность соприкоснуться с кем-либо близко стоящим к Государю, таила в себе нечто почти сказочное, какой то отблеск высшего мира, столь непохожего на тот скромный мир, в котором мы сами жили. Великий Князь, появившийся среди нас, как представитель этого блистательного и таинственного мира, — не разрушил нашего представления о нем. Весь его облик, дышащий царственным величием и благородством, говорил нам о том, что перед нами не простой человек, а именно Великий Князь, дядя Государя, член царствующей династии. В ту пору он был в самом расцвете лет и сил. Очень высокого роста, подобно многим другим представителям дома Романовых, он не имел тех черт, некоторой непропорциальности, какие отличали, например Вел. Князей Николая Николаевича и Сергея Александровича. Он был строен и изящен, и длинный сюртук с царскими вензелями на погонах, элегантно облекал его гибкий и пропорционально сложенный стан. Породистое лицо с четко очерченными чертами, высокий лоб, вдумчивые и мягкие глаза — все это придавало ему облик величия и благородства. Мы были им совершенно очарованы, окружали его толпой и жадно ловили каждое его слово, каждое движение. Начальство заранее предупредило нас, чтобы мы не смели обрывать у Великого Князя пуговиц на память, — это, повидимому, имело место в других корпусах, — и мы, подбегая к нему с клочком бумаги, просили его надорвать этот клочек, и сохраняли его на память. Он стоял, возвышаясь над восторженной толпой мальчиков, шутил с ними и, отряхивая пепел папиросы на чью-нибудь голову, говорил: "Посыпал пеплом я главу..." Один из моих более молодых однокашников, М. З. Рейтлингер, рассказывал, что в его классе был кадет кн. Долгорукий. В то время, как его одноклассники толпились вокруг Великого Князя, Долгорукий стоял в стороне, в некотором отчуждении. "Что же, ты, князь, не подходишь к Великому Князю", — спросил кто-то его. "Нам это невместно, мы рюриковичи", — был ответ очень юного, но столь же гордого представителя старейшей русской фамилии, считавшего Романовых почти худородными.

В свой последний приезд, Великий Князь снялся в группе с четвертой ротой, держа у себя на коленях самого маленького ростом кадета грузина Гургенидзе. Выбор был не очень удачным, ибо Гургенидзе принадлежал к самым отъявленным шалунам,, ходил однажды без погон, а позже, за неисправимостью, был отправлен в Вольскую школу. На память о посещении Великого Князя, нам были розданы его визитные карточки. Свою я с гордостью привез домой на Рождество, а мой отец спрятал ее в семейный архив, где хранились наиболее ценные фамильные документы.

После мы долго не видели Великого Князя. Он приехал к нам вновь только через пять лет, когда мы были уже в шестом классе и уже потеряли свою мальчишескую восторженность. Вероятно поэтому, и потому, что Великий Князь уделял больше внимания маленьким, второе посещение нас Великим Князем не вызвало столь бурного подъема, как первый раз. Однако, оно дало нам возможность более глубоко и сознательно почувствовать, какое громадное значение играла личность Великого Князя в нашей жизни и в формировании наших юношеских душ. На этот раз произошел эпизод, очень ярко характеризующий и Великого Князя к кадетам, и их к нему.

Какими то таинственными духовными путями между человеком, стоявшим на самых высоких ступенях общественной лестницы, каковым являлся Великий Князь, и между столь малыми людьми, какими были тысячи никому неизвестных кадет, — завязались глубоко интимные отношения взаимного доверия и теплого человеческого чувства. Как ни странно, в Великом Князе кадеты вовсе не чувствовали высокого начальства, а скорей некое прибежище, некую последнюю верную и крепкую защиту именно против этого самого начальства. Во всех самых трудных и подчас безнадежных случаях кадетской жизни, когда все мыслимые и легальные пути бывали исчерпаны, кадетская мысль обращалась в далекий Петербург, где находился тот, кто мог все распутать, простить, ласково пожурить и всем помочь. Пораженный тем, что меня, перешедшего после окончания корпуса в Александровское военное училище, медицинская

комиссия признала негодным к военной службе, найдя у меня порок сердца, я тотчас же решил обратиться к Великому Князю, который, по моему убеждению, один мог защитить меня от несправедливости надо мной, казалось мне, учиненной.

Не то в третьем, не то в четвертом классе, возвратившийся из отпуска, наш товарищ, кадет К., привез с собой некую предосудительную болезнь. Принимая во внимание мальчишеский возраст виновного и необычайность случая, идущего вразрез с самыми элементарными понятиями морали, корпусное начальство не имело другого выхода, как исключить из корпуса провинившегося. Начальство было право и это понимал и сам виновный, но какое-то чувство говорило ему, что не все потеряно и что есть и для него, всеми отвергнутого, место, где его могут пожалеть и поправить. Он отправился, кажется, вместе с отцом, в Петербург к Великому Князю. Последний, после объяснения с виновным, — наверно нелегкого, — распорядился принять К. обратно в корпус, наложив на него, тяжкое по нашим понятиям, наказание: — оставив его без отпуска на летние каникулы.

Прошло несколько лет. О случившемся мы все давно забыли. Я из мальчика обратился в юношу с пробивающимися усиками. И вот, в корпус приехал Великий Князь. Мы сидели в классе, на уроке русского языка, когда вошел, без сопровождения начальства, Великий Князь, и, пройдя по проходу между парт, остановился у парты, за которой сидел К. "К-ев"? — спросил Великий Князь, сильно грассируя, и получив утвердительный ответ, сел рядом с ним. Когда урок окончился, нам было приказано оставить класс, а Великий Князь остался наедине с К. и долго с ним говорил. О чем была речь, — мы так и не узнали, ибо К., несмотря на наши приставания, ничего не сказал. Но по его смущенному и растроганному виду, можно было заключить, что Великим Князем были затронуты самые чувствительные струны его души.

Этот и многие другие эпизоды, свидетелями коих мы были и о коих слышали множество раз, — показывают, насколько близок был "баловень судьбы", как сам себя назвал Великий Князь, к массе молодежи, одетой в кадетские и юнкерские мундиры. Потому-то, прожив долгие и трудные жизни, мы, вымирающее племя питомцев старых русских корпусов, с одинаковой любовью вспоминаем того, кто своим царственным обликом, своим благородством, высокими порывами, — нами тогда не понимаемыми, но чувствуемыми — осветил нашу юность и внес в наши души искры возвышенных чувств и стремлений. Он, к счастью для себя, умер до революции, — не испытал страшной катастрофы, опрокинувшей царскую Россию, лучшим представителем которой был он. С ним ушла и старая кадетская поэзия, ибо, ведомые им, кадетские корпуса пережили его всего на два года.

Родившийся в 1903 году, самый младший сын Великого Князя, Князь Георгий Константинович числится кадетом нашего корпуса. Оказанная корпусу честь показывает, что Великий Князь достаточно высоко ценил Орловский корпус и, в известной мере, его отличал от других.

Г. Месняев

(Продолжение следует)

Отрывки из писем вахтенного начальника клипера „Всадник"

(1868—1871 гг.).

Вступительное замечание.

Ниже приводимые отрывки из писем, представляют собою ряд путевых заметок, написанных в ту далекую эпоху, когда Русский Императорский Флот, после тяжкой Крымской кампании, пережил значительное оскудение.

То было время неустанных, непрерывных забот юного Августейшего Генерал-Адмирала Великого Князя Константина Николаевича, чтобы: "беспрерывными плаваниями, хотя бы небольшого числа хороших судов, приготовить целое поколение будущих опытных моряков".

Не проходило года, чтобы несколько судов не находилось в "дальнем вояже". Плавания были тяжелые, помещения на корветах и клиперах — тесные, но офицеры принимали назначения с радостью и благодарностью.

Автор этих заметок, современник "певца моря" К. М. Станюковича, строевой морской офицер выпуска из Морского Кадетского Корпуса 1863 года, писал все эти письма из заграничного плавания своему брату — тоже морскому офицеру. Поэтому, его описание плавания полно морских технических терминов времен парусного флота. Для читателей, не моряков, чтение этих строк может быть подчас мало понятным, но для моряков, представляет заметный интерес. Отрывки написаны простым, ясным, точным языком, не претендующим на литературную красочность, но свидетельствующим о правдивости изложенного на их страницах.

Читатель пусть помнит, что перед ним НЕ ПИСЬМА, а только выдержки из них, случайно сохранившиеся в семейном архиве, и да не сетует на кажущуюся незаконченность и отрывочность повествования.

Н. С. Чириков.

ОТ КРОНШТАДТА ДО КОПЕНГАГЕНА.

Начну первое свое письмо с того момента, как мы с тобою расстались, прокричав последний раз "Ура"... Ты верно помнишь, что в день нашего ухода, утро бы-

до несколько пасмурно; но, потом, к полдню, погодка разгулялась. Она вполне гармонировала с настроением, — но больше провожающих. Ветерок был хотя слабый, но зато противный и мы, имея $8\frac{1}{2}$ узлов ходу, при этих условиях, шли до вечера. Подойдя к Гогланду, увидали Верхний Северный маяк, не доходя до него миль двадцать; но, уже, в это время, замечены были с наветра темные тучи, которые, вскоре приблизившись, нанесли с собою густой туман, закрывший Гогландский маяк.

Думали, думали, что делать и, наконец, решили повернуть назад, итти на маяк Соммерс, по нем определить свое место и затем уже, взять обратно курс на Гогланд. Не уверены же мы были в первоначальном курсе потому, что в часу шестом пополудни, впереди, на горизонте, заметили три паровых судна. Мы догадались, что это никто иной, как пароходы "СМЕЛЫЙ" и "РЮРИК", возвращающиеся из Копенгагена с командою с "АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО"*). Третье же видимое судно мы приняли, как оказалось совершенно основательно, за датский фрегат. Подойдя несколько ближе, эти суда изменили курс и приняли направление к Биорке-Зунду, так что мы, по мере приближения, необходимо должны были расходиться.

Дмитрий Васильевич**), желая приветствовать команду и офицеров с "АЛЕКСАНДРА-НЕВСКОГО" с возвращением их из-за границы и попрощаться со всеми остальными, повернул, чтобы придержаться к ним ближе. Вот этот то зигзаг и не входил в расчет при определении места на карте.

К "РЮРИКУ" мы подошли настолько близко, что могли ясно различать лица. Посылали людей на ванты, как у нас — так и на "РЮРИКЕ", несколько раз прокричали взаимное обычное "ура". На "СМЕЛОМ" было произведено тоже самое, хотя он прошел от нас в кабельтовых трех.

Определившись по маяку Соммерс, мы уже смело взяли курс мимо Гогланда. Я стоял тогда на вахте с 12 до 4, и поэтому, вторично подошли к Гогланду на моей вахте; несли триселя и все кливера. Около четырех по полуночи прошли мимо Гогланда. К этому времени, туман рассеялся и мы продолжали путь при тихом ветре, хотя и не попутном, но настолько в бейдевинд, что могли держать все косые паруса.

Весь день в воскресенье стояла прекрасная погода, прошли Гогланд, встречая очень мало "купцов". К вечеру, на море налег снова туман и мы принуждены были всю ночь итти малым ходом, отчего было потеряно много времени. Понедельник и вторник шли полным ходом, при ясной погоде и совершенном безветрии. Во вторник вечером, часу в десятом, у нас чуть было не случился большой кавардак, но, слава Богу, пронесло. В машине подшипники от долгого хода сдают в тронках, поэтому, от времени до времени, приходится машину останавливать, чтобы снова нажать тронки. Вот с этой целью и была остановлена машина, я в это время, раздевшись, засыпал в своей каюте, приготовляясь к ночной вахте. Внезапно был пробужден сильною беготнею на палубе и шумом. В раздавшихся сверху криках, разобрал взволнованный голос капитана: "Право на борт"... "Лево на борт"... "Скорей фалшфейер с правой сжечь"... "Давайте же ход поскорее"...

Натурально, все офицерство, как бомбы, вылетело на верхнюю палубу, а в их числе и я. Можешь ты себе представить, вижу "купца", вроде большого фрегата, проходящего у нас по левому борту, в расстоянии не более, как сажень. Тут, невольно, мысленно перекрестился, подумаешь — ведь немного ближе и пришлось бы окончательно убедиться, что некоторые суда, как, например, наш "ВСАДНИК", находятся под влиянием велений Рока.

Случилось же это происшествие потому, что мы, не имея хода, обманули его; он, думая пройти у нас под кормою, расчитывал на наш ход и держал на нос. Когда же оказалось, что он ошибся, — то было уже поздно спускаться, а потому приведя, едва прошел у нас под носом. Мы же, положив "лево на борт", — отводили от него носовую часть клипера. Так вот, таким образом, когда я выбежал наверх, он уже проходил у нас по правому борту. Все это вызвало порядочный переполох, но кончилось счастливо.

В среду вечером, мы пришли в бухту Кеге, миль на 20 южнее Копенгагена; не дошли же мы до него потому, что капитан не хотел рисковать вечером идти в узкий проход, ведущий в Копенгаген. Сегодня же утром, в ранний час, мы пришли сюда суток на двое, чтобы запастись провизией, а главное углем. На берег я съезжаю завтра, проэктируя посетить музей Торвальдсена, Тиволи, а вечером посмотреть немецкий балет, — полагаю, что это напомнить мне "Mein lieber Augustin..." О впечатлении, какое произведет на меня столица Датского королевства, я отрапортую в следующем письме.

Копенгаген, 3 октября 1868 года.

ОТ ДАРТМУТА ДО ОСТРОВОВ ЗЕЛЕНОГО МЫСА.

Дня два тому назад, отправил письмо из Порто-Гранде, где, кажется, нам предстоит простоять недели четыре.

Дошли мы сюда с постоянными неудачами, начавшимися еще с Немецкого моря. Беспрерывные дожди, несколькодневные шторма, слѣдствия коих начали сказываться в настоящее время, утомили и заставили страстно желать скорейшего достижения полосы пассатного ветра от NO.

Мы имели полное основание предполагать, что переход от Дартмута до островов Зеленого Мыса, расстоянием в 2.000 миль, пройдем в самое краткое время. Действительно, из Дартмута мы вышли в океан, при свеженьком попутном NO. Удалившись на 200

*) Фрегат «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ», незадолго перед описываемыми событиями, возвращаясь из заграничного плавания, потерпел крушение и погиб у западных берегов Дании, вблизи мыса Скаген. Большинство офицеров и команды фрегата было спасено датскими спасательными судами.

**) Командир клипера «ВСАДНИК».

миль от Бискайского залива, мы спустились на юг и шли двое суток благополучно, при неизменявшемся ветре. Однако, подойдя к параллели Финистере, испытали коварство изменника NO, который внезапно перешел на SW, Это принудило нас лавировать в океане, в ожидании возвращения вышеупомянутого изменника. Временами, действительно казалось, что он начинает отходить, однако далее NW не отходил в продолжении всего перехода, и то весьма редко. Зато к SW переходил чрезвычайно быстро, вгоняя нас, по временам, в три рифа марселей.

Лавируя таким образом, а когда можно, форсируя парусами, только на десятые сутки подошли к острову Мадера, в широте 33 гр. До пассата, по расчетам, оставалось не более 5 гр., то-есть 300 миль. При благоприятных условиях, расстояние это можно было покрыть в полтора суток, но нам и тут пришлось убедиться в бессилии воли человеческой перед злобной и величественной стихией. Борьба с нею "возвышает человека в его собственных глазах", говорят философы, а испытали бы они сами всю силу и упорство ее, то пришли бы к совершенно противуположному заключению.

Расчетам нашим относительно встречи пассата, не суждено было сбыться. Мы получили его, вопреки всем наблюдениям и выводам из них, только в 22 градусе широты, то-есть почти при самом входе в северный тропик. Узнали мы его не по направлению, от которого он дул, ибо был полнейший штиль, а по цвету и форме облаков.

Расстояние это до островов Зеленого Мыса мы прошли под парами, прекращая их на самое короткое время, при малейшем намеке на что-либо похожее на ветер, чтобы затем опять разводить их по миновении этой сладкой надежды. Вот таким то образом, после 24-дневного покачивания, на 25-е сутки, наконец, прибыли в Порто-Гранде. При обыкновенных условиях, переход этот делают в десять суток. На-днях сюда ждем "Дмитрия Донского", он, должно полагать, зайдет на острова, где, кроме нас, его ждут и письма.

В прошлом письме, не окончил описания поездки в Лондон, а потому теперь и начну по порядку, со второго дня пребывания моего в столице Великобритании, потому что предыдущее письмо закончил первым днем.

Возвратясь поздно вечером в "Charing Cross", после деятельно проведенного дня, с удовольствием заснул в комфортабельной постели, с тем, чтобы завтра встрать с полными силами и продолжать осмотр предметов, наиболее достойных внимания.

На другой день, утром, закусивши в "Dining Room" холодным бифстексом и выпив стакан кофе, мы отправились в путь, теперь уже не беспокоя, как вчера, расспросами полисмэнов. Поставили себе задачею, прежде всего осмотреть Парламент и, рядом с ним стоящее, Вестминстерское Аббатство. Для этого нам следовало итти по "Strand Street", улице исторически замечательной, ибо здесь был казнен Карл I. Видел дворец, из которого Кромвелль смотрел на жертву своего честолюбия. В настоящее время, на противоположной стороне помещается Главный Штаб.

Пройдя по "Strand Street", вошли в Сен-Джемский Парк, при входе которого стоит памятник Веллингтону, осанкою и фигурою, напоминающий собою, памятник Николаю I, поставленный позади Исаакиевского Собора. Следующая затем улица "Parliament Street" упирается в грандиозное здание, совершеннейший замок барона, во времена рыцарства, — оказалось, что это и есть Парламент, задним фасадом своим примыкающий к Темзе. Перед ним же находится площадь, носящая то же имя.

Войдя в указанную нам дверь, в нижний этаж, встретили большое стечение публики в первой зале. Спросив, стоящего у дверей привратника, можно ли видеть Палату Лордов и Общин, получили в ответ, что нет, потому что на это есть назначенные дни, а именно — суббота. Мы старались объяснить привратнику, что нельзя ли для иностранцев сделать исключение, потому что до субботы оставаться в Лондоне мы ни под каким видом не можем. Он несколько минут размышлял, после чего произнес "О... Yes..." и повел нас направо, куда стремилась публика. Мы спросили его, куда это она так неудержимо стремится? Он объяснил нам, что в заседание судей с присяжными. Войдя за всеми в этом помещение, нам представилась картина, достойная кисти живописца.

Прямо против возвышения, на котором заседали четыре Лорда-Судьи, с лицами строгими, говорившими о неумолимости закона, было расположено несколько рядов скамеек с судьями и адвокатами. Все они были облечены в аттрибуты своего звания, — длинные, черные юбки с париками на голове из волос пепельного цвета и в длинных манжетах. Картина эта напомнила мне всю историю Карла I. Безумною казалась мысль водворить абсолютизм у народа, столь уважающего закон и бережно относящегося к своим партиям. Однако, что ни говори о них, то-есть о судьях, как о представителях порядка и правосудия, а они, в своих старомодных костюмах, выглядели совершеннейшими чучелами. Не понимая ничего из того, о чем они болтали, мы поторопились выйти из этого убежища, для всякого невинного, и места отвращения для виновного.

Все наши старания уговорить показать нам Палату Лордов, оказались тщетны, хотя мы и указывали исключительность нашего положения. Палату Общин и, прилежащие к ней, комнаты для заседаний Комитета Министров, также Картинную Галлерею, осмотрели со вниманием. Вопреки моим ожиданиям, Палата Депутатов занимает комнату небольших размеров, кругом уставленную скамейками, возвышающимися по мере удаления от центра, точно в партере театра. По средине стоит четырехугольный стол, обитый черным сукном, перед ним и прямо против входа, поставлено большое кресло для спикера. Словоохотливый наш чичероне указал, с выражением особенного уважения, на это кресло, сказав, что за-

нимает его Дизраэли во время заседаний. Указал также на места, где сидел Гладстон — министр финансов и депутат Брайт, либеральный демократ, пользующийся в Англии большой популярностью.

Внутренность всех комнат в Парламенте украшена дубовою резьбою и фресками, потолок везде разукрашен. Все это создание еще стародревнего искусства и осталось нетронутым. Все здание построено в готическом стиле с башенками, с безчисленными выходами и колоннами для украшения, но не для прочности.

Вестминстерское аббатство — древнее, оно было свидетелем многих эпох в жизни народов, ни разу не возобновлялось, а потому служит памятником пережитых им веков и искусства наших предков создавать такие грандиозные и прочные здания; оно в том-же стиле, что и Парламент, но выглядит совсем старцем. Недалеко от него, стоит памятник убитым в Севастополе.

Нам оставалось осмотреть хрустальный дворец, находящийся вне черты города, в расстоянии верст двадцать от него, с городом соединяется железной дорогой. В час по полудни мы сели в вагоны на "Victoria Station" и прикатили к так называемой "Cristal Palace Station". Подробно писать об этом дворце — не в силах, и скажу в нескольких словах лишь, что место для выставки и самая выставка вполне соответствуют степени умственного и интеллектуального развития рода человеческого в XIX веке. На каждом шагу, проявление этого приводило меня в неописанный восторг.

Вечером мы возвратились в Лондон, а на другой день выехали из него в Гревзенд. Ехали, на этот раз, по южной дороге. Долго не могут изгладиться впечатления, оставленные грандиозным городом.

У нас, в это время года, выходят на воздух не иначе, как в теплых пальто или в енотовых шубах, здесь же, на островах Зеленого Мыса, в широте 16 гр., печет невыносимо. Днем впадаешь в какую то апатию, всякая деятельность парализуется. Оживаешь несколько только ночью, ночной вахты ждешь с большим удовольствием. потому что только тогда и пользуешься прохладой. Хотел было исписать весь лист этого моего письма, но, вот, Николай Николаевич Зубов, сидя рядом со мною, неотвязно пристает, уговаривая выпить с ним пива и итти наверх погулять, утверждая, что вечер — один из лучших, которые предстоит увидеть нам в продолжении плавания.

Порто-Гранде, 30 ноября 1868 г.

(Продолжение следует)

ИЗ ЦИКЛА "ЭЛЛАДА"

ПЕСНЬ О ВЕРНОСТИ

Однажды, бродя по песку обнаженному дальним отливом,
В водою наполненной пройме, далеко от твердой земли,
Сирену, забытую морем и ждущую в страхе тоскливом,
Сбиравшие рыбок и раков, рыбак и рыбачка нашли.

Сначала они испугались и прочь отступили в испуге,
Потом, — изловили наяду, опутали в старую сеть, —
И так по песку притащили к убогим рыбачьим лачугам,
Чтоб редкое чудо морское соседи могли посмотреть.

Когда же Нерееву дочь человечья толпа оглядела,
Бесстыдно облапала всюду, галдя, гогоча и дивясь, —
Рыбак уволок со двора оскверненное девичье тело
И бросил у кучи навоза в земную зловонную грязь.

Был зноен пылающий полдень и тяжки предсмертные муки...
Сжигаемый воздухом рот был искусан, обуглен и нем...
И смрадную жижу хватали дрожащие девичьи руки:
Все тише... и тише... и тише.. — пока не затихли совсем...

Окончился день огнецветный. Неясное чувство томленья
Объяло рыбачий поселок: тоска, сожаленье и страх...
С Востока бегут по равнине ночные туманные тени
И тихие тайны ночные несутся на синих крылах.

И целую ночь над поселком со взморьем, залитым луною,
Пришедший из мира иного, нездешний, неслыханный звук
Дрожал, колебался и таял... и вновь неизбывной тоскою
Дрожал вкруг пугливо молчащих убогих рыбачьих лачуг.

Когда-же луна побледнела, и смолкли ночные цикады,
И брызнуло солнце лучами по росному лику Земли, —
Обретшие мужество люди у мертвого тела наяды
Одетого тиной морскою седого тритона нашли.

С бугристой и сморщенной кожей, покрытый запекшейся пеной,
С закрытыми пленкой глазами, последний вкусившими сон,
Убитый дыханьем Земли, — но и в смерти обретший сирену, —
И верный ей даже посмертно, лежал бездыханный тритон.

Н. М.

13-й гусарский Нарвский полк

Покрытый бранной славой, седой юбиляр, празднующий в этом году 250-летие со дня основания, 13 гусарский Нарвский полк был основан 13 июля 1705

Петровский штандарт.

года, стольником Юрием Степановичем Нелединским-Мелецким, в Белгороде. Но, настоящим первым командиром нужно считать подполковника Ивана Васильевича Пестова, который организовал его, обучил драгунскому строю и, по имени которого, в течении трех лет, полк именовался — драгунским Пестова.

Первые боевые действия полка имели место в составе Ингерманландского корпуса, непрестанно, вплоть до самого Ништадтского мира, причем, во время этой кампании, 10 марта 1708 года, полк получил наименование Нарвского, которое, с небольшими перерывами, сохранил в течении более двухсот лет. По окончании Северной войны, полк был переброшен на юг и занял постами линию Изюм-Харьков. При взятии Азова, 20 июня 1736 года, участвовала в пешем строю Гренадерская рота полка, а весь полк принял славное участие в кровопролитной битве под Ставучанами.

Отправленная на коронацию Императрицы Елизаветы Петровны, Гренадерская Рота, под командою доблестного капитана Романиуса, двинута была дальше, на север и участвовала во всех боях финляндской кампании. В Семилетней войне, при Гросс-Егерсдорфе, полк опрокинул и разбил, брошенный на него полк гусар Риома и пять эскадронов драгун Платенберга и, далее, со славою сражался при Пальциге и Франкфурте и отличился при взятии крепости Красина. Четырехлетнее участие полка в Польской войне отмечено рядом блестящих боев и завершилось взятием Ченстохова 7 августа 1772 года.

1786 год ознаменован приходом полка на Кавказ. Двадцать семь лет, почти без перерыва, полк принимает участие в Кавказской войне. Взятие Ганжи, Эривани и, наконец, славное дело в Персии против двадцати тысяч всадников Аббас-Мирзы. Штурм крепости Ахалкалаки, битва при Арпачае и, последние годы пребывания на Кавказе, непрерывный ряд мелких стычек с горцами и персидской конницей.

В августе 1813 года, по Высочайшей воле, полку приказано было “следовать в Слонимской уезд Гродненской губернии, в слободу Ольховка”. Этим

Генерал-от-кавалерии
Александр Александрович Пушкин.

закончился славный кавказский период жизни полка. В течении двенадцати лет, на мирной стоянке в Прилуках, полк вкушал заслуженный отдых и там то, 14

декабря 1826 года, получил наименование Гусарского и новый Полковой праздник — День Святого Георгия Победоносца — 23 апреля.

Последовательно, Великие Князья Михаил Павлович и Константин Николаевич состояли Шефами полка, а в 1870 году командиром полка был назначен полковник Александр Александрович Пушкин, сын нашего великого поэта. Полковник Пушкин являл собой идеал

13 гусарский Нарвский полк в конном строю в г. Седлец.

командира старинного гусарского полка и память о нем жила в полку, до последних дней его существования. Под его водительством, принял полк славное участие в Турецкой войне 1877-78 гг., отмеченное Знаками на шапках и Высочайшей Грамотой 21 июня 1878 года.

Дальнейшая, мирная, жизнь полка отмечена в 1882 году переименованием в драгуны, в 1887 году — переводом из Мурома в Царство Польское, в город Седлец, на постоянные кватиры. Период этих перемен, совпал с командованием блестящего командира, полковника барона Стемпель. За девять лет своего командования, он много сделал для полка и оставил, по себе, неувядаемую память.

31 августа 1901 года, полк получил нового Шефа — Вильгельма II Императора Германского и Короля Прусского.

На японскую войну отправились добровольцами 4 офицера и 7 драгун, по окончании войны, вернувшиеся в ряды родного полка. В 1907 году — полку была возвращена гусарская форма и старое наименование — 13 гусарского Нарвского Императора Германского Короля Прусского полка.

С объявлением войны, в июле 1914 года, полк выступил в поход, под командой полковника Н. П. Половцова. Войдя в состав войск юго-западного фронта, полк получил боевое крещение 10 августа 1914 года, в конной атаке под Аннополем, где потерял убитыми двух эскадронных командиров и несколько офицеров. Вторая атака полка, под Опатовым, выручила из тяжелого положения гвардейских стрелков. В 1915 году полк участвовал в Свенцянском прорыве и прикрывал отступление, отходящих на восток, армий. Это был момент, когда, как пишет генерал А. М. Драгомиров, "кавалерия сыграла очень большую роль, прикрывая собой отход наших растянутых пехотных линий, без поддержки артиллерии, оставшейся почти без снарядов".

В составе 7 кавалерийского корпуса, под командой, ныне здравствующего в эмиграции, полковника Оноприенко, полк занимал различные боевые участки в период позиционной войны 1916-17 гг. После революции, полк прервал свое существование в январе 1918 года, в селе Глинск, Волынской губернии.

Участие офицеров полка в гражданской войне выразилось в сформировании эскадрона, а впоследствии, дивизиона Нарвского гусарского полка, принимавшего участие во всех боях Добровольческой эпохи, вплоть до эвакуации в Галиполи.

Здесь, за рубежом, тесной семьей, Нарвские гусары ожидают светлого часа воскресения нашего Отечества и с ним их родного полка.

А. Г.

„Императрица Мария"

ОТ РЕДАКЦИИ. Настоящим очерком, редакция начинает печатать серию кратких исторических описаний кораблей Российского Императорского Флота. В ближайших номерах будут помещены очерки "ПЕТРОПАВЛОВСК" и "РОСТИСЛАВ". Мы обращаемся ко всем читателям морякам с просьбой помочь нам в предпринятой работе, путем присылки готовых очерков или отдельных материалов по истории наших славных кораблей. Овеянные бессмертной славой имена "МЕРКУРИЯ", "ГАНГУТА", "ДЕСНЫ",

"НОВИКА", "АЗОВА" и иных не должны пропасть для потомства. Выполнить эту задачу здесь, в эмиграции, наш долг, господа морские офицеры.

Последовательно, три корабля Российского Императорского Флота носили имя "Императрицы Марии".

1) 84-пушечный корабль, заложенный в Николаевском Адмиралтействе 23 сентября 1825 года. Имя свое корабль получил от Государя Николая Павловича, в честь Его Августейшей матери Императрицы Марии Феодоровны (приказ по Черном. флоту и портам от 22 окт. 1826 г. № 151). Спущенный на воду 16 октября 1827 г., корабль впервые вышел в море 17 мая 1828 года.

Участие в войне с Турцией 1828-29 гг. Осада и взятие Варны, исторический поход с Государем Императором из Варны в Одессу (2 окт. — 28 окт. 1828 г.). В 1829 г., — взятие Сизополя, в 1833 — поддержка Турции против восставшего египетского паши, стоянка в Босфоре.

В 1845 г., по Высочайшему Повелению, назначен к разборке за ветхостью, с тем, чтобы был заложен новый корабль "под тем же именем, употребив в него кусок дерева из прежнего корабля". Подробная история этого корабля находится в №№ 7 и 8 "Записок В. М. Историч., имени Адмирала Колчака Кружка".

2) В том же Николаевском Адмиралтействе, 28 апреля 1849 г. заложен, а в 1853 г. спущен второй корабль, носивший то же имя. 18-30 ноября, под флагом адмирала Нахимова и под командой кап. II ранга Барановского, корабль увенчал себя славой в Синопском бою. 28 августа 1855 года — затоплен на Севастопольском рейде.

3) Последний линейный корабль "ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ" был зачислен в списки флота 11 октября 1911 года. Спущен на воду на русском судостроительном заводе в Николаеве 19 октября 1913 г. и вступил в строй в июне 1915 г.

Блокада Босфора. Короткая встреча с турецким крейсером "МЕДЕЛИ" ("Бреслау"), ушедшим, благодаря значительно большей скорости хода. 7-20 октября 1916 г. погиб от пожара и взрыва в носовой башне. Причина осталась невыясненной. Погибло 216 человек.

М. фон-Кубе.

Лондон и 100-летие Крымской войны

I. — Лихая, сумасшедшая атака 25 октября 1854 г. под Балаклавой, Британской Легкой Кавалерийской Бригады, потерявшей тогда две трети своего состава, характеризуется современными английскими историками, как — нагромождение грубых ошибок, спеси и глупости. Чем был помянут здесь этот печальный (для англичан) юбилей?.. Роскошным балом в залах лучшей гостиницы, в присутствии обеих королев и 300 избранных гостей; офицеры четырех полков этой блестящей бригады, (ныне механизированных), разодетые в красивые уланские и гусарские формы эпохи Крымской войны — весело танцовали фокс-троты с обоими королевами и разряженными дамами высшего общества.

II. — Пройдя мимо красивого памятника в память Крымской войны, на Ватерлооской площади около Пикадилли, — мы снова посетили Уайтхоллский военный музей; он не велик, расположен в банкетном зале бывшего дворца, построенного в 1622 г., потолок расписан Рубенсом в 1635 г. У входа, кажущаяся допотопной, русская 36-фунтовая бронзовая пушка, вывезенная из Севастополя в 1855 г. — Войдя в зал, мы сразу заметили, что произошли какие-то перемены; оказалось, что исчезли сотни разных трофейных знамен и судовых флагов (был один маленький, повидимому шлюпочный, с Андреевским крестом) — висевших под Рубенсовским потолком; смотритель (бывший моряк британского флота, побывавший в Батуме во время гражданской войны) — пояснил, что их убрали, и сложили в складе, дабы публика могла лучше любоваться... работой Рубенса. Спрашиваю, — где-же большая коллекция военный медалей, — среди них было несколько русских, — отвечает: тоже под ключем. Наконец, подхожу к единственной, (размером в небольшой письменный стол), витрине с крымскими трофеями... Их легко пересчитать по пальцам: 1) Старинный перламутровый наперсный крест, вероятно оброненный каким - нибудь нашим храбрым полковым священником на Балаклавском поле битвы при уходе за раненными, и подобранный английским доктором; 2) Личная гербовая печать Генерала Пяткина; 3) Два медных орла с касок наших 49 и 94 пехотных полков; 4) такой же орел, но с накладным номером 26 пехотн. пол.; 5) такой же орел, но на двух якорях — 42 флотского экипажа; 6) пара подпоручьих эполет 13 пехот. дивизии (на белом сукне); 7) пара поручьих эполет 12 пехот. дивизии (на черном сукне); 8) исковерканный пехотный горн. Вот и все трофеи... Но в той же витрине лежит длинная, скромная, но хорошей работы, шпага; на объяснительной записке написано, что это парадная шпага Царя Петра I. На клинке вижу выгравированную славяно-русским шрифтом надпись, но могу разобрать лишь одно слово "Екатерина", ибо клинок положен так, что надпись кверху ногами. — Смотритель добавил, что крымские "трофеи" хранятся еще в некоторых полковых музеях.

В той же витрине размещены и английские сувениры крымской войны: подзорная труба Лорда Раглана, курительные трубки, спички и пр. пустяки. Есть в музее и 6 настоящих "крымских" английских медалей (в моей коллекции их — 36).

В другом углу залы, заполненной старинными военными формами, панорамами Трафальгарской и Ватерлооской битв, моделями кораблей и проч.) — в витрине высится скелет любимого, белого арабского коня Наполеона I. Из описания узнаю, что этот конь был захвачен после битвы под Абукиром в 1799 г.,

в Египте. Наполеон ездил на этом коне и в сражении при Маренго. (после которого это имя дали коню), и под Аустерлицем, Иеной, Ваграмом, во время кампании в России в 1812 г., а при Ватерлоо конь был ранен, попал в английскую конюшню, где и издох в глубокой старости...

III. — Видел у торговца еще один крымский "трофей", за который просят 45 фунтов. Это тоже... *личная* гербовая печать (выгравированная на большом камне красного цвета), оправленная в массивную золотую рамку на якоре; вверху — пряжка с надписью "Bomarsund" и ушко. Размеры — около 7 см. на 4 см. — В 1- и 4ьй частях герба — план укрепления, во 2-й и 3-й — птица с венком в клюве. На золотом поле оборотной стороны рамки выгравирована надпись на английском языке, гласящая (в переводе): "Печать *военных донесений* Генерала Бодиско, взятая в его канцелярии, когда он командовал Российскими войсками в Бомарзунде, при сдаче в плен гарнизона и фортов, 16-го августа 1854 г. Этот трофей был подарен после этой победы Вильяму Рашлейгу, прикомандированному к экипажу адмиральского корабля "Леопард", его другом Вильямом Дэвисом (Королевской Морской Академии), "Боже храни Королеву". — После занятия Аландских островов англо-французским дессантом, русские пленные были поделены пополам, одна половина, во главе с генер. Бодиско (его женою и сыном) — была перевезена во Францию, другая половина — в Англию, где ее торжественно показывали публике.

IV. — Дошли слухи, что крымские трофеи находятся и в библиотеке здешнего Военного Министерства. Не без хлопот раздобыв позволение для входа в здание Министерства (нужна рекомендация именитых англичан и для пользования библиотекой), я отправился туда; заведующий библиотекой с грустью сказал, что большая часть русских книг, вывезенных из Севастополя в 1855 г. погибла во время пожара в 1940 г. от немецких бомб. Затем он завел меня в темный коридор, открыл шкап, указал на две верхние полки и сказал: "Вот все, что осталось, книги перенесут в залу и вы их рассмотрите". Подошла служащая барышня и предложила выносить книги; я поблагодарил и начал переносить их сам, упираясь подбородком в стопки. Пересмотрев, с волнением, драгоценные реликвии, сделав им список — я направился к выходу, с ужасом глядя на невероятно загрязненные руки; но на пути стоял заведующий и дал мне мыло и полотенце; только в зеркале уборной я увидел, что лицо не чище рук...

Ниже следует список уцелевших севастопольских книг, на каждой из них два экслибриса: на одном, ручная надпись: "Библиотека 13-ой Полевой Артиллерийской Бригады, №..., на другом печатными буквами, на анлийском языке (в переводе): "Захвачена Союзными Армиями при падении Севастополя 9-го сентября 1855 г.".

1) "Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нем дел... Сочинено Г. Ф. Миллером. В Санкт-Петербурге, при Императ. Академии Наук, 1750 г.".

2) "Картина историческая и политическая Европы в конце 18 века, занимающая в себе... Брабант, Голландию... Польскую и Французскую революции... переведена Владимиром Измайловым. Москва 1802—1803 гг. В Университетской Типографии у Люби, Гария и Попова".

3) "Жизнь, характер и военные деяния Генерал-Фельдмаршала Графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. Москва, в типографии Платона Бекетова, 1803 г. (все 4 части)".

4) "Энциклопедический словарь... С. Петербург 1835—1838 г. (9 томов)".

5) "Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. С. Петербург, в типографии Ивана Глазунова. 1821 г.".

6) "Библиотека для чтения" (журнал за 1845-47 гг.).

7) "Описание Отечественной войны 1812 г. Сочинение Ген. Лейт. Михайловского-Данилевского. С. Петербург, 1840 г."

8) "Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михаила Васильевича Ломоносова. С. Петербург, с указного дозволения печатано в типографии Шнора, 1803 г.".

9) "Картина войн России с Турцией. Соч. Ген. Майора Д. П. Бутурлина. 1829-30 гг.".

10) "Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств и общежития... издаваемое Августом Семеном. Москва, 1840-41 гг.".

11) "Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. Мешевичем и И. Песецким". Год 6-й 1844. С. Петербург, в типографии К. Жернокова.

12) "История Князя Италийского Графа Суворова Рымникского". Сочинение Н. А. Полевого. С. Петербург, 1843 г.

13) "Военный журнал", по Высочайшему Его Императ. Величества соизволению, издаваемый Военно-Учебным Комитетом. С. Петербург, в Военной Типографии (года 1836-1853).

14) "Записки Флота Капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812-1813 гг. и о сношениях с японцами". С. Петербург, в типографии Н. Греча, 1851 г.

15) "История Карла XII Короля Шведского. Творение Господина Вольтера". Орел, в типографии Ивана Сытина, 1820 г.

16) "Стихотворения Александра Пушкина: часть I" СПБ, в типографии Департамента Народн. Просвещ., с дозволения Правительства, 1829 г.; часть II — 1829 г.; часть III — 1832 г.; часть IV — 1835 г.

17) "Русские сцены из Отечественной войны тысяча восемьсот двенадцатого года". Записки Корнета (от руки В-н). Бессмертного Гусарского полка. СПБ, в типографии Конрада Вингебера. 1837 г. (оба тома).

18) "Князь Скопин-Шуйский или Россия в начале XVII столетия". Сочинение О. Ш. СПБ. 1835 г.

Владимир фон-Рихтер

Оклеветанный император

(Окончание)

Принимая на себя звание Магистра Мальтийского Ордена, Павел лелеял мысль объединить в этом Ордене все европейское дворянство, для развития в нем рыцарских принципов борьбы с революционными идеями и для защиты монархии.

Проводя в жизнь идею постепенного уравнения сословий, Павел издал указ о награждении духовенства, наравне с дворянством и чиновниками. и лично повесил на шею митрополита Платона цепь высшего Российского Ордена Св. Андрея Первозванного. Признавая за крестьянами гражданские права, как и за другими сословиями, Павел приказал приводить их к присяге наравне с другими.

Будучи человеком весьма религиозным и считая себя главой Российской Православной Церкви, Император Павел был истинным благодетелем для духовенства, значение которого в государстве он ставил очень высоко. Заботясь о развитии духовно-учебных заведений, он, за четыре года своего царствования, открыл 8 семинарий и две духовные академии.

Считая воспитание, даваемое в своих школах иезуитами, лучшим средством борьбы с революционной заразой, он не только разрешил им открыть свои колледжи в России, но и был в личной дружбе с аббатом Грюбером — главой иезуитской миссии в России, ум и широкое образование которого очень ценил.

Павел, первый из русских государей, изменил отношение к старообрядцам, справедливо считая их верными сынами России и хранителями родной старины. Этим, он положил начало сближению старообрядцев с государственной церковью, путем создания т. н. единоверческого толка.

Учитывая, что русское юношество, находясь в заграничных университетах, рискует набраться в них антигосударственных идей, Павел основал университет в Дерпте (Юрьеве), который до самой революции 1917 г. считался одним из лучших в России.

В области отечественной торговли и промышленности, Павлом были приняты важные мероприятия: при нем были проведены каналы Огинский, соединяющий бассейны Днестра и Немана и Ильменский и заложены: Сияльский и Мариинский. В Крыму было учреждено по его приказу порто-франко, что очень благоприятно отразилось на развитии всей южной России.

Строгое преследование Императором Павлом французских мод в России, которое, недоброжелательными к нему историками, признается за доказательство ненормальности этого государя, являлось в действительности вполне логичным следствием политического кредо, выработанного Павлом до вступления на престол. Его политика была — противиться всеми мерами неистовствам французской революции, угрожающей Европе истреблением закона, права и благонравия, и противостоять всячески против богомерзкого правления республики. Французские же моды, принятые в России в конце царствования Екатерины, шли от санкюлотов-якобинцев и несомненно являлись своего рода вывеской революционного духа тех, кто их носил. Таким образом, не было ничего ненормального в указе Павла прти круглых шляп, фраков с торчавшими воротниками и жилетов "а ла Робеспьер".

Лучшим средством для борьбы с революционными идеями, Павел считал самодержавие, реформы сверху, равенство всех перед законом и его первоисточником — императором. Он это картинно выразил в известном своем ответе на вопрос: "существует ли в России аристократия"? — "В России, — сказал Павел, — аристократ тот, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю..."

Рыцарский характер и великодушие Павла лучше всего выразились в его благородном отношении к тем людям, которые когда-то доставили ему много тяжелых минут в царствование Екатерины. Ни Платон Зубов, издевавшийся над Павлом, когда последний был наследником, ни Алексей Орлов, убийца его отца, не подверглись никакому наказанию. Больше того, когда, после смерти Екатерины, Зубов должен был покинуть дворец, то, по приказанию Павла, для него был куплен и заново обставлен дом в СПБ, в который к нему на новоселье приехал император в сопровождении императрицы.

Незаконного сына Екатерины от Орлова — Алексея Григорьевича Бобринского, при жизни матери пребывавшего в черном теле где-то в провинции, Павел, вступив на престол, немедленно вызвал в СПБ, публично признал его своим братом, пожаловал ему графское достоинство, чин генерал-майора и шефство в Конной Гвардии. П. В. Завадскому, бывшему фавориту матери, Павел "в забвение прошлого" пожаловал также графское достоинство.

Не менее рыцарски поступил Павел с заключенными в тюрьмы при Екатерине участниками польского восстания. 16-го ноября 1796 г. Император лично навестил в его заключении вождя польского восстания Костюшко и объявил ему, что, с этого момента, он и все другие польские пленные свободны. Павел при этом снял с себя собственную шпагу и повесил ее на Костюшко со словами: "Такой храбрый воин не должен быть без оружия". Этот великодушный поступок так тронул заключенного, что он поцеловал царскую шпагу и поклялся, в благодарность за великодушие русского императора, никогда не обнажать ее против России. Свою клятву Костюшко честно сдержал и не принял впоследствии участия в военных действиях поляков против России ни в 1806 г., ни в кампании 1812 г.

Александр Радищев и Новиков, мысли которых разделял сам Павел, были им освобождены из заключения и ссылки в первые же дни его царство-

вания, равно как и Иван Лопухин, московский массон, произведенный в тайные советники и назначенный сенатором.

В своей внешней политике, Павел был также последователен, как и в своих внутренних реформах. Как первая, так и вторые были направлены исключительно во благо России.

Пока во Франции царил террор, анархия и насилие, Павел относился к ней, как к врагу, с которым необходима самая решительная борьба. Для этого он не только вошел в союз с Англией и Австрией против французского республиканского правительства, но и помог Питту создать коалицию против Франции путем привлечения к союзу Сардинского короля и Греции. Одновременно с тем он заключил очень выгодный для России договор с Турцией, по которому русский флот получил право свободного прохода через проливы.

Выполняя свои обязательства в отношении союзников, Павел послал русские войска в Италию, Швейцарию и Голландию. Убедившись, однако, что Австрия изменила союзу, благодаря чему корпус Римского-Корсакова потерпел поражение, а Англия не выполнила своих обязательств по отношению России, в Голландии, Павел вышел из коалиции против Франции.

. Окончательной причиной разрыва с Англией послужило поведение англичан в вопросе об о. Мальте, что особенно возмутило Павла, всегда выполнявшего данное им слово и требовавшего того-же самого от своих союзников.

Когда, в 1798 г., Наполеон, по дороге в Египет, занял Мальту, то император Павел, по ходатайству мальтийских рыцарей принял на себя звание Великого Магистра этого Ордена. От решения Императора ъ особенный восторг пришел английский посланник в СПБ, лорд Уитворд, написавший своему приятелю С. Р. Воронцову в Лондон, что: "акт императора Павла в деле об о. Мальте показывает благородное достоинство в характере императора, поддерживающего и уважающего древнее установление, за что ему благодарна вся Европа, и в особенности Англия".

Это, однако, не помешало тому, что в 1800 г. англичане, в свою очередь, заняли Мальту и вероломно нарушили договор в Амиене, отказавшись вернуть остров обратно Мальтийскому Ордену. Возмущенный и оскорбленный Павел немедленно выслал из СПБ английского посланника и наложил эмбарго на все английские суда, стоящие в русских портах.

Это событие совпало с тем, что Бонапарт, в качестве первого консула, привел в порядок Францию и стал искать сближения с Россией, чтобы в лице императора Павла приобрести могущественного союзника против Англии. Намерения первого консула согласовались как нельзя лучше с теми враждебными чувствами и негодованием против английского вероломства, которые волновали в эту пору Павла, почему и были встречены с его стороны полным сочувствием.

Наполеон, кроме того, умел тронуть рыцарское сердце русского императора тем, что освободил всех русских пленных без обмена, снабдив их для возвращения на родину всеми необходимыми средствами.

С этого момента, военный союз между Россией и Францией сделался вопросом ближайшего будущего и, одновременно с тем, гроза собралась над головой Павла.

В Англии хорошо понимали, что подобный союз угрожает не только будущему, но и самому существованию Британского Королевства, и в Лондоне было решено во что бы то ни стало лишить Павла трона. Исполнение этого проекта было поручено высланному из СПБ английскому посланнику, лорду Уинсворту, имевшему в русской столице обширные связи и знакомства.

Было решено воспользоваться недовольством гвардии и представителей дворянства против Павла и организовать цареубийство путем дворцового переворота. Главными проводниками этого плана в СПБ и агентами Уинсворта стала семья Зубовых, состоявшая из трех братьев: Платона, Валерьяна и Николая и их сестры, в замужестве г-жи Жеребцовой — любовницы Уинсворта. Через эту последнюю, проживавшую то в СПБ, то заграницей, заговорщики получали из Англии инструкции и деньги. В ее же доме собирались и главари заговора, которые все так или иначе были связаны с семьей Зубовых и являлись при Екатерине ставленниками Платона.

Граф Пален, официальный руководитель и организатор цареубийства, был давним клевретом Зубова при Екатерине и был уволен в отставку Павлом, в начале его царствования. При этом, он получил от императора письмо, с весьма заслуженной характеристикой: "Г. генерал-лейтенант Пален, — писал ему император, — с удовольствием уведомился я обо всех подлостях, оказанных вами князю Зубову, и делаю из сего сродное, о свойстве вашем, заключение". К несчастью, подлости Палена скоро были прощены, не помнящим зла императором, что дорого обошлось великодушному Павлу. Генерал Бенигсен — уроженец Ганновера, лично руководивший цареубийством, был также не только ставленником Зубова, но и, несомненно, английским агентом в России, за что Павел его и уволил в отставку, незадолго до своей смерти. Бенигсена, как человека посвященного в истинные цели заговора, Пален поставил во главе убийц, которые являлись просто пьяными негодяями, принятыми в число заговорщиков для выполнения грязной работы.

По несчастному стечению обстоятельств, люди окружавшие императора Павла в момент заговора, совершенно не заслуживали ни его доверия, ни тех милостей, которыми он их осыпал. Так обер-прокурор сената Обольянинов, которому Павел имел право особенно доверять, не только оказался в числе заговор-

щиков, но даже предоставил им свой дом для собраний.

Любовница императора Павла — княгиня Гагарина, урожденная Лопухина, семью которой император осыпал милостями, не только знала о заговоре, но и о точном дне цареубийства.

Ростопчин, руководивший при Павле всей внешней политикой, был эгоист и отличался крайним неблагородством характера. Кутайсов и Нарышкин, в личных интересах, пагубно влияли на душевное спокойствие императора. Вообще, большинство высших сановников России того времени являлись себялюбцами, думавшими только о собственных интересах и меньше всего о России. Образцами этого типа людей являлись при Павле два наиболее видных русских дипломата, а именно: С. Р. Воронцов в Лондоне и князь Андрей Разумовский, в Вене.

Первый, будучи представителем русских интересов в Англии, больше защищал интересы английской политики, нежели той страны, которую он имел незаслуженную честь представлять. Он находил в порядке вещей критиковать, в переписке с Уинсвордом, собственного императора и его политику. Когда Павел вызвал Воронцова в Россию, чтобы предоставит. ему новый видный пост, этот "просвещенный европеец", каким его рисует пристрастная история, отказался вернуться на родину, т. к. Англия ему была ближе и понятнее.

Что касается Андрея Разумовского, то этот сын малороссийского землероба, которого Павел возвел в светлейшие князья, долго живя заграницей, превратился в совершенного иностранца, забыл русский язык, принял католичество и до смерти остался в Европе, где ныне его потомство — австрийские подданные.

Вероломство графа Палена, в отношении императора Павла, и его черная неблагодарность останутся навсегда непревзойденными в истории человеческого предательства. Облагодетельствованный совершенно незаслуженно Павлом, получивший от него графское достоинство, все высшие чины и ордена, назначенный генерал-губернатором столицы и охранителем безопасности своего государя, он пошел на службу английским планам, исключительно рассчитывая на то, что после смерти своего благодетеля он станет диктатором России. Заговор был организован и проведен графом Паленом с такой бессовестностью и вероломством, что, несмотря на все доказательства и его собственные признания в преступлении, трудно поверить, чтобы человек мог дойти до такой низости. Ежедневно соприкасаясь с государем, он систематически создавал вокруг него ложную атмосферу того, что Павел будто-бы сошел с ума и ведет страну к гибели. Пален искуссно извращал и представлял все распоряжения императора Павла так, чтобы лишить их всякого смысла и логики.

Павлу он внушал недоверие и подозрение к Императрице и Великим Князьям, этим последним вбивал в голову, что им грозит печальная участь от руки безумного отца.

Стремясь обеспечить себе безнаказанность в деле цареубийства и получить влияние над цесаревичем Александром, он втянул его в заговор против отца, обманув при этом самым низким образом. Признание Палена Ланжерону по этому поводу является верхом цинизма.

"Великий Князь, — повествует Пален. — не хотел и слышать о заговоре, пока я не дал ему моего честного слова, что никто не посягнет на жизнь его отца. хотя я знал заранее, что это невыполнимо.

Для успеха заговора я решил воспользоваться рыцарскими чувствами Павла, чтобы вызвать в Петербург нужных людей, высланных из столицы. Для этого я бросился к ногам императора с просьбой о их прощении. Мои рассчеты оправдались: через два часа двадцать курьеров уже скакали, чтобы вернуть всех исключенных со службы".

Будущие убийцы императора таким образом, благодаря Палену, не только были прощены великодушным Павлом, но и снова приняты на службу. Так, главные участники преступления, братья Зубовы, получили, ни к чему их не обязывавшую, службу шефами кадетских корпусов.

Окруженный недоброжелательством и изменой, сознающий, что его реформы и политика подняли против него все темное царство, император Павел знал, что его жизнь в опасности от рук людей, стремившихся вернуть Россию назад. Придворная лесть, интриги и двоедушие мешали Павлу разобраться в том, кто был его друг и кто враг.

Пален сумел вызвать удаление от императора всех преданных ему людей, как Нелидова, Буксгевден, Аракчеев и Кутузов. Ближайший друг императора Павла, в доме которого он мог найти спасение в роковую ночь, как на грех, заболел оспой и тайный ход к нему был заделан*).

"Мы назначили исполнение наших планов на конец марта, — говорит Пален Ланжерону, — но непредвиденные обстоятельства ускорили срок"**). Обстоятельства эти отгадать нетрудно, они заключались в том, что Павел в конце февраля 1801 г. отдал распоряжение о подготовке войны с Англией и атаман Платов с 40 казачьими полками уже выступил к границам Индии. Когда об этом стало известно Уинсворту, г-жа Жеребцова, проживавшая в Берлине, дала знак к цареубийству, назначив для этого ночь на 11 марта. В тот же день граф Пален явился к наследнику престола и, как он сам говорит: "поставил перед ним альтернативу престола с одной стороны и тюрьму, с другой". "Этим мне удалось пошатнуть сыновнюю преданность Александра".

В тот же вечер Пален обманул, кроме наследника, и своих собственных сообщников, солгав им, будто он смещен с должности военного губернатора, заго-

---

*) Граф Н. П. Шереметев.

**) Гр. Ланжерон: «Кончина Имп. Павла», стр. 10-я.

вор открыт и им остается, во имя собственного спасения, решиться на немедленное цареубийство.

Вечером, 11 марта 1801 г., в доме Палена собрались непосредственные выполнители преступления в лице братьев Зубовых, Яшвиля Аргамакова и Татаринова, которых Пален и Бенигсен, сами ничего не пившие, напоили до пьяна. После переворота, сам Пален характеризовал их Ланжерону, как "пьяную сволочь".

Убийство императора Павла не принесло его исполнителям тех результатов, на которые они рассчитывали. Все барыши от этого темного дела взяла Англия и Уинсворт не скрывал своей радости по поводу успеха, порученного ему предприятия. По этому поводу он писал своему другу Воронцову: "Примите мои искренние поздравления. Чем больше я думаю об этом деле, тем более благодарю Бога". Бог, по его понятию, должен был быть всегда с Англией, даже при совершении преступления.

Зато надежды заговорщиков разлетелись прахом. Пален, рассчитывавший стать руководителем молодого императора, которого он "возвел на престол", был уволен летом того-же 1801 г. и выслан из СПБ. Та же участь постигла и всех остальных заговорщиков: через год никого из них не было в столице.

Офицеры гвардии, верные присяге, по свидетельству Саблукова, отнеслись с негодованием и презрением к участникам цареубийства, что привело к многочисленным столкновениям и поединкам. Даже граф Панин, сам причастный к заговору, был возмущен убийством императора и писал Воронцову: "Если бы в момент цареубийства я был в СПБ, то с опасностью для собственной жизни, воспротивился бы этому мерзкому делу, совершенному погрязшей в пороках разбойничьей бандой".

Подлинная, народная Россия, отнеслась к убийству царя с ужасом и отвращением. Солдаты, бывшие в карауле Михайловского замка, в роковую ночь плакали и хотели перебить на месте заговорщиков и только присутствие духа графа Палена спасло их от заслуженной участи.

Особенно любил Павла первый батальон Преображенского полка, чаще других видевший императора. В заговоре против Павла ни простой народ, ни солдаты не принимали никакого участия и единодушно его осуждали.

Когда утром, после убийства, новый император, в сопровождении Палена вышел на балкон дворца, к собранным перед замком войскам и генерал Талызин крикнул: "Да здравствует император Александр", наступило зловещее молчание. Солдаты не хотели ни приветствовать Александра, ни принимать присягу. Особенно упорствовали Преображенцы, которые не верили, что Павел скончался и принесли присягу только после того, как их представителям было показано тело покойного императора.

Ланжерон говорит, что если бы Павел не был убит, а только лишен престола, то солдаты гвардии и народ непременно бы освободили его и снова возвели на престол. Это, повидимому, хорошо знал и граф Пален.

На похоронах императора Павла, когда полки гвардии взяли на караул, штыки в руках солдат волновались от рыданий, как хлебное поле.

Вскоре после смерти Павла старообрядцы поднесли вдовствующей Императрице Марии Феодоровне икону, на которой была надпись из Второй книги Царств: "Хорошо ли было Симрию, задушившему своего господина". Это был немой протест верного царю народа против его убийц и в особенности графа Палена. Получив икону Императрица немедленно покинула Петербург, заявив сыну, что пока Пален не будет удален со службы, она не вернется в столицу.

Память об императоре Павле навсегда осталась жить в памяти русского народа. Старообрядцы всех толков считают императора Павла царем-мучеником, желавшим дать народу правду и закон, и за это убитым врагами веры и России.

Измена двум императорам и пролитая невинная кровь его благодетеля не прошли даром, главному виновнику цареубийства, графу Палену. К концу жизни призраки прошлого стали мучить его черную совесть. Ежегодно, в годовщину страшной ночи 11 марта, он напивался до потери сознания, чтобы отогнать от себя тяжелые воспоминания.

Анатолий Марков

ПРИЛОЖЕНИЕ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЕЮ,
МЫ, ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ

Законъ Божій въ десятисловіи НАМЪ преподанный научаетъ НАСЪ седмый день посвящать ему; почему въ день настоящій торжествомъ вѣры Христіанской прославленный, и въ который Мы удостоилися воспріять священное міра помазаніе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ НАШЕМЪ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ НАШИМЪ предъ Творцомъ и всѣхъ благъ подателемъ, подтвердить во всей Имперіи НАШЕЙ о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сѣльскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣле шесть дней по равному числу оныхъ въ обще раздѣляемыя, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ наудовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ. Данъ въ Москвѣ въ день Святыя Пасхи 5-е Апрѣля 1797 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако: ПАВЕЛЪ.

Печатанъ въ Москвѣ при Сенатѣ Апрѣля 5 дня, 1797 года.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЕДАЛИСТИКА

(Окончание)

Царствование Императора Николая II

Большие золотые и серебряные медали (№ 123) "За усердие", весом в 60 грамм, для ношения... на шее, как оказывается, жаловались не только бравым сверхсрочным служащим вахмистрам, но и... дамам, да еще причастным к художеству (см. "Новое Время" от 1-14 ноября 1914 года — о наградах женскому преподавательскому персоналу Школы Императорск. Общества Поощрения Художеств).

Медали "За усердие" уменьшенного диаметра (№№ 124 и 125) предназначались, вероятно, в награду нижним чинам Союзных войск во время 1-й мировой войны. Медаль № 125 имею, но с английской прицепкой, вместо ушка, на Станиславской ленте и с набитой на гурту английской надписью о пожаловании матросу английского ледокола "Юпитер", работавшего в Северном море в феврале — мае 1915 года.

Медаль № 134 имеет единственную в своем роде ленту Андреевского флага.

Медаль № 135, в серебре, была выдана только защитникам Порт-Артура, такая же в светлой бронзе — всем прочим строевым участникам этой войны, а темно-бронзовая — нестроевым. Все раненые имели поперечные банты на медальных лентах. Эта медаль являет собой поразительный пример непорядков в сфере нашей военной медалистики. Имею: 1) серебряные и бронзовые медали (с ушком хорошей чеканки) — с лицевой стороной медали № 131, но на оборотной стороне — надпись: "За поход в Японию 1904—1905" (внизу перекрещенные якорь, винтовка и шашка...). 2) бронзовая медаль, тоже с ушком и хорошей чеканки, у которой лицевая сторона, как у официальной (№ 135), но на оборотной стороне — только четырехстрочная надпись из слов: "Да вознесет вас Господь", (т. е. без последних слов, как на официальной: "в свое время..."). Какие это медали? "Пробные" (т. е. не утвержденные) или "Местной", фантастической фабрикации?..

Медаль № 139 служит примером, когда в защиту исторической художественности выступало компетентное лицо и критиковало ДАЖЕ РАБОТУ СПБ МОНЕТНОГО ДВОРА, исполнявшего официально-утвержденные медали. По поводу изображения лика Императора Петра I на этой медали — известный ученый нумизмат А. Орешников, на страницах "Нумизматического Сборника" (т. I, Москва, 1911 г.) писал, что это изображение только в нижней части лица схоже со слепком, сделанным с лица Петра I еще при жизни, и хранящемся в Петровской Галерее Императорского Эрмитажа, и потому — "ОБЩЕГО В НИХ ОЧЕНЬ МАЛО".

Чрезвычайно редкая медаль № 140 — выданная некоторым частям инженерных войск за построение стратегических путей на Ораниенбаумском берегу в 1909 году и укреплений Финского залива.

Характерной особенностью медали № 143 являлось то, что она выдавалась флотским офицерам с золотой цепочкой на фоне Андреевской ленты, гардемаринам же и матросам, состоявшим на действительной службе, ко дню 200-летия Гангутской победы, без таковой.

Заканчиваем этот обзор пояснением вопроса много лет остававшегося загадкой, что значили литеры "1(М)", "ЖМ" и "БМ", с которыми чеканились оборотные стороны Георгиевских крестов и медалей (м. б. и других), в конце 1-й Мировой войны и редко встречающиеся в эмигрантских коллекциях. С трудом догадались, что "1(М)" — значит "один миллион" — при набиваннии номеров на крестах 4-й степени. Долго спустя, после просмотра наших газет середины 1916 года, — выяснились остальные две загадки. Оказывается — тогда появился в печати ряд писем, с возмущением доказывающих расточительность благородных металлов, в коих ощущался большой недостаток, при чеканке всякого рода "общих" медалей (и наградных для учебных заведений). В конце концов, особым журналом Совета Министров, от 9 декабря 1916 г., было постановлено — "заменить золото и серебро иными металлами" при изготовлении медалей. Вследствии этого — на крестах и медалях желтого цвета (до того чеканившихся из золота), мы видим буквы "Ж" и "М" (то-есть инициалы слов "желтый металл") и буквы "Б" и "М" (то-есть инициалы слов "белый металл") на отличиях, до того чеканившихся из серебра.

Оглядываясь на схематическую историю нашей военной медалистики, напечатанную на гостеприимных страницах "Военной Были", мы исследователи и собиратели медалей, должны, прежде всего, выразить нашу искреннюю благодарность редактору-издателю столь уютного, прямолинейного, симпатичного военного журнала; только благодаря ему — наши многолетние труды не останутся бесследными.

Резюмируя историческое развитие нашей военной медалистики, необходимо остановиться на ее плюсах и минусах.

Положительными факторами наших медалей являются:

а) их давность зарождения, на много опередившая все прочие государства;

б) их справедливость — выразившаяся в том, что с их нарождением — "нижние чины" награждались почти наравне с офицерами, ибо насущный вопрос экономии не мог допустить большой траты благородных металлов, и потому, если офицерам давались золотые медали — так солдатам, в пятьдесят раз превосходящим количеством первых, — медали давались серебряные, но нередки случаи — когда и

одним и другим давались одинаковые серебряные.

в) их разнообразие, то-есть награждалась не только одна воинская доблесть, но и, например, долголетняя "безпорочная" служба мирного времени, сверхсрочная служба и т. д. И в этом отношении Россия тоже опередила прочие государства;

г) их скромность, как по величине, так и по смыслу надписей на оборотных сторонах, иногда заимствованных из Священного Писания. Что может быть более сильным и эффектным, как слова "Победителю" (на медали 1759 г.) или "Был" (на Чесменской 1771 г.)?

д) их редкость — ибо: 1) у круглых медалей часто отпиливались ушки (в минуту жизни трудную) и они шли в обращение, наравне с рублями и полтинниками, я встречал такие еще в двадцатых годах). 2) Многие медали, по закону, подлежали возвращению в Капитул Орденов, после смерти награжденного; 3) Золотые медали, особенно, подвергались растопке, и их металл употреблялся для изделия других драгоценностей; не брезговали и серебряными... 4) При Советском режиме было уничтожено все, что только было возможным уничтожить; 5) Во время восстаний в Польше, (1830-31, 1863-64 гг.) и после ее восстановления в 1918 г. — в ее казну, на перетопку, тоже сдано большое количество.

К отрицательным сторонам нашей военной медалистики следует отнести нижеследующее:

а) К сожалению, далеко не все военные эпизоды и кампании были увековечены специальными отличиями. Вспомним Шереметьевские победы при Эрестфере в 1701 г., при Гумельсгофе в 1702 г., при Дерпте в 1704 г., при Фридрихштадте в 1713 г., Бесследной осталась война 1736—1739 гг. как и победы при Гросс-Егорсдорфе и Пальциге, или лихое овладение Берлином в 1760 г. А Рымник (1789), Мачин (1791), морские победы 1788—90 гг.? А Суворовский заграничный поход 1799 г.? Ряд блестящих сражений с Наполеоновскими войсками? Синопская морская победа и отражение неприятелей в Петропавловске на Камчатке? и т. п.

б) К сожалению, Россия не предвосхитила английской, а потом и у некоторых других, системы украшать медальные ленты наградными пряжками, с наименованием отдельных сражений, в которых участвовал награжденный. Например — английская "обще-крымская медаль имеет пять официальных пряжек: Альма, Балаклава, Инкерман, Азовском море, Севастополь, французы прибавили к ним еще пять (неофициальных): Трактир, Малахов, Кинбурн, Ле Редан Вер и какую-то загадочную Сент-Сесиль. Кроме того, англичане с самого начала (т. е. с Ватерлоо, когда они вспомнили и о "солдатских" наградах), придали каждой медали — индивидуальность, набивая на гурту: личный номер награжденного, его инициалы, фамилию и название части или корабля... Если бы и у нас делалось то же самое, насколько наши медали выиграли бы и в историческом, и духовном, и родовом, и материальном отношении?.. Вообразим себе, для примера, наши медали за Отечественную войну 1812 года, со всеми "индивидуальными" данными на гургу, а на ленте — пряжки: "Клястицы", "Красное", "Бородино", "Малоярославец", "Полоцк", "Березина"...

в) О недостаточности документации, для исторической обоснованности некоторых наших военных медалей, и о потере времени в изучении истории нашей военной медалистики вообще — было указано выше.

г) Говорилось выше и о греховном отношении к нашим военным отличиям со стороны и правительства и общества. Ни в одной стране не было допущено подобное злостное засорение военной медалистики уродливыми фальсификатами "частной" работы; эта преступная деятельность продолжается и до сих пор....

В подобных работах возможны пропуски и ошибки. Так А. А. Стахович (спасибо ему!), указал на пропущенную, будто бы, мною одну золотую овальную медаль за победу при Лесной, бывшую в коллекции Великого Князя Георгия Михайловича; буду чрезвычайно благодарен за дальнейшие указания.

Владимир фон-Рихтер

Замеченные опечатки: — в № 12, стр. 23, правый столбец стр. 7 снизу — напечатано "Подвенечным", надо читать "Подвижным".

Там же, на таблице — медаль № 64, напечатано 1803—1804, надо читать 1803—1806.

В № 13, на стр. 23, правый столбец, строка 22, сверху напечатано — 1853-55, надо читать 1853-56.

Там же, строка 14 снизу, напечатано: — "медаль № 109", надо читать "медаль № 108".

Редакция

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОЙ АРМИИ И ФЛОТА

— В полку лейб-улан Ее Величества не существовало обращения "Вы — Вам", оно было заменено "Имени Ваше — Имени Вашему". Так, ни один улан не сказал бы офицеру — "Ваше Высокоблагородие, лошадь Вам подана", а — "Ваше Высокоблагородие Имени Вашему лошадь подана". Это ведет свое начало с давних времен, когда еще эскадроны именовались по фамилии командиров, но, всюду, это обращение было утрачено, в нашем же полку сохранилось до последнего дня.

— Бамбуковые пики, о которых упоминалось в № 11 "Военной Были", захвачены полком под Адриа-

кополем. Выходили с ними исключительно на парады, в остальное же время, пики были стальные, как впоследствии у всех кавалерийских полков.

— Любопытно, что лейб-гвардии Драгунский полк, сформированный в Версали из Георгиевских кавалеров, был на серых конях, к цвету Ордена и только, уже при Государе Николае Павловиче, на одном из смотров, Император повелел лейб-драгунам и лейб-гусарам — поменяться конями.

— Несмотря на всю строгость службы при Императоре Павле Петровиче, начальники могли быть всегда уверены, что об их, действительно хорошей, службе всегда станет известно Государю. Нужно отметить, что Его Величеству доносилось не только о командирах отдельных частей, но и об эскадронных командирах. Например, в 1801 году, полковник Николай Петрович Поливанов, за хорошее состояние части, получил Высочайший Рескрипт: "Господин Полковник Поливанов с удовольствием рассмотрел из донесения Генерал-Лейтенанта графа Зубова 2-го совершенный порядок, в котором находится эскадрон Вам вверенный. То за такое усердие Ваше к службе, объявляю Вам мое благоволение. Пребывая к Вам благосклонный Павел". (Из фамильных бумаг его внука, из истории 3-го драгунского Сумского Е. К. В. Принца Датского полка. Ротм. Гоходолинский, Москва, 1902).

Сообщил *А. Поливанов*

— 2-й Императора Петра Великого кадетский корпус — был единственный корпус в России, имевший три Шефские роты. 1-я рота носила имя Великого Князя Михаила Павловича и его серебряный вензель на погоне, 2-я — Великого Князя Михаила Николаевича, также с его серебряным вензелем и 3-я рота получила Шефом, во время Бородинских торжеств, Фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского.

Сообщил *В. В. фон-Нотбек*

— Пожалуй, самая оригинальная часть Российской кавалерии, сформированная в 1787 г., к поездке Императрицы Екатерины Великой по Новороссии, носила название — Амазонская Рота из благородных жен и дочерей Балаклавских греков.

Сообщил *А. Г.*

— Первым знаком отличия в Русской Армии был нагрудный знак, пожалованный офицерам "Петровской Бригады", то-есть л-гв Преображенского и Семеновского полков, за отличие при Нарве в 1700 г., равно, как и офицерам Бомбардирской Роты, переименованной впоследствии в Л-гв. I Артиллерийскую бригаду. Любопытно отметить, что это отличие носилось в полках только обер-офицерами, т. к., в бою под Нарвой, штаб-офицеры не участвовали.

— Шитье на воротнике мундира лейб-гвардии Измайловского полка, по своему рисунку, напоминает плетение женской косы. Предание говорит, что вопрос о шитье на воротнике Измайловского мундира был представлен на усмотрение Императрицы Анны Иоанновны, в момент, когда Царица совершала свой туалет и камер-фрау заплетала ей косу. В ответ, на вопрос о шитье, Государыня показала свою заплетенную косу и приказала делать шитье на воротник по ее образцу.

— В Варшавское восстание 1831 г., пуля из пистолета попала Государю Наместнику Константину Павловичу в шею, но отскочила от пуговицы, бывшей на воротнике колета Подольского Кирасирского полка, который был одет, в этот день, на нем. Когда, впоследствии, пуговицы на воротниках кирасирских колетов были отменены, единственному в дивизии, лейб-гвардии Кирасирскому Его Величества полку, принявшему в свои ряды Подольских кирасир, в память этого чудесного спасения, была оставлена пуговица на воротнике колета.

— Всем известен исторический факт подачи прошения, поручиком французской службы Наполеоном Буонапарте, о приеме на русскую службу, но, мало кто знает, что будущий Маршал Империи Ожеро служил в Русской армии и участвовал во взятии Измаила — простым солдатом.

— Символом Гренадерских частей Российской армии была пылающая граната, изображение которой находилось на воротниках, пуговицах и бляхах поясов.

Сообщил *Анатолий Марков*

Обзор военной печати

10-й гусарский ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ полк. 1704-1954.

Элегантная, в голубой обложке с полковым знаком, книжка — краткая история полка,, юбилей которого мы отметили в предыдущем номере, издана очень тщательно и вся проникнута крепкой любовью к родному полку. Нам хорошо известно каких трудов и средств стоит издать, теперь, в эмиграции, подобную брошюру. С тем большим уважением должны мы отнестись к труду составителя, полковника С. Н. Ряснянского, с большим умением, в тридцать страничек, вложившего главнейшие этапы 250-летней истории славного полка. Блестящий полк — блестяще и прервал свое славное существование — двадцать пять офицеров — георгиевских кавалеров, своими подвигами, украсили последние годы жизни седого носителя славы Российской. Пороховой дым славных баталий, от Полтавы до Перекопа, веет от этой тоненькой книжки, которая сохранит потомкам нетленную славу Ингерманландских гусар. *А. Г.*

"МОРСКИЕ ЗАПИСКИ", т. XIII, № 1, апрель 1955 года, под редакцией стар. лейтен. барона Г. Н. Таубе.

Тринадцатый год, без перерыва, Общество Офицеров Российского Императорского Флота в Америке издает свой, исключительно интересный, журнал "Морские Записки". Простое перечисление статей отчетного номера дает нам полную картину разнообразия его содержания. Славный Севастопольский

юбилей. 50-летие японской войны и трагедии Цусимы, действия моряков на Каспийском море и в Сибирской флотилии, во время гражданской войны, библиографические заметки о советской морской литературе и обзор последнего издания Германского морского справочника.

Все нашло себе место на 70 страницах аккуратно изданного журнала. Мы, от всей души, желаем дальнейшего развития и успеха нашему старшему собрату. *Л.*

"ПЛАВНИ" ("Русская Мысль", март - апрель 1955 г.).

Так назвала свою автобиографическую повесть Нина Вольская. хорошо знакомая русской читающей публике, по ее спокойно-печальным рассказам, обыкновенно поставленным вне времени, места и национальности. На этот раз, все эти элементы — налицо. Время? Начало страшного двадцатого года. Место? Тираспольский уезд. Национальность? Самая Российская.

Остатки Одесского гарнизона, потерявшие драгоценное время в бесплодных попытках перейти в занятую румынами Бессарабию, между Овидиополем и Аккерманом, пробуют догнать, уходящие вдоль Днестра на Польшу, части генерала Бредова. Южнее Тирасполя, красная дивизия Котовского преграждает им дорогу у Канделя. Эпизод этот был описан автором настоящей рецензии в статье "Кандель", напечатанной в "Возрождении", продолжение которой идет в этом номере нашего журнала. Патетическая повесть Нины Вольской дополняет немного суховатый и специфически военный отчет, которым является "Кандель". "Кандель" — угол зрения шестнадцатилетнего кадетика с винтовкой — "Плавни" — то же, но видимое глазами маленькой и смелой женщины, сидящей на одной из бесчисленных подвод беззащитного обоза.

В обозе, на подводах, пули разят так же, как и в передовой цепи. Молодая женщина, убитая пулей в сердце, существовала и была убита пулей в сердце. Маленькая девочка, испугавшаяся смерти и убежавшая в поле, сейчас в Париже. Сама Анна — автор "Плавень". Молодой поручик, муж убитой, застрелился. Румынский сержант, из бессарабцев, спорил со своими офицерами, забыв о дисциплине. Помещица из Пульхар — самая настоящая, живая женщина. Был и двадцатиградусный мороз, и смертельная усталость, и голод, и отчаяние, и надежда. "Плавни" всколыхнули тысячи постаревших и усталых сердец, оживили потускневшие с годами, краски, разбудили героическое прошлое людей, подходящих к концу своего жизненного пути. Художественно-литературная форма повести, которую автор предпочел форме чисто мемуарной, прибавляет романтическую ноту к этому трагическому рассказу и объясняет тот интерес, который он вызвал в эмиграции.

Нам, военным, талантливый автор "Конца", "Сим победиши", "Последнего часа" и других отличных повестей и рассказов, так непохожих на, так называемую "дамскую" литературу, доставляет лишнее удовольствие еще тем, что он "кадетская" дама. Нина Борисовна Вольская — вдова тифлисского кадета Виктора Вольского, одного из последних "земных богов" Славной Школы, конногренадера и нижегородского драгуна. С полным правом и основанием, к славной плеяде Российских военных и кадетских писателей, присоединяем мы Нину Вольскую, маленькую и храбрую Анну из "Плавень". *Е. Я.*

Памяти воспитателя

24 января, в Австрии, на 84 году жизни, скончался старейший воспитатель Сумского кадетского корпуса, полковник князь Петр Петрович Шаховской. Молодым офицером прибыл он в 1900 году на формирование корпуса и является одним из его основателей. Был отделенным воспитателем, преподавателем гимнастики и командиром 4-й роты. Расстался с корпусом только, когда корпус перестал существовать. Заграницей, князь Шаховской, в течении восьми лет, был ротным командиром Крымского кадетского корпуса в Югославии. Офицеры и кадеты относились к нему с уважением и любовью.

Ушел из жизни человек, хорошо знавший нас детьми и потому нам особенно дорогой. Светлая память о нем, тесно связанная с воспоминаниями о родном корпусе, будет жить, пока не отойдет в вечность последний кадет, носивший белые погоны с буквами СМК. *Вс. В.*

Кадетская жизнь

ПАРИЖ. — В четвертый раз, по вошедшей уже в нашу жизнь традиции, Обще-Кадетское Объединение устроило поездку на кладбище в Сент-Женевьев де Буа, для молитвы о Великом Князе Константине Константиновиче и всем кадетам Российским за Веру, Царя и Отечество павшим, в смуте убиенным и в мире скончавшимся. В этом году, поездка эта, 5 июня, приобрела еще более углубленный смысл, так как Обще-Кадетское Объединение впервые приехало поклониться могиле, своего скончавшегося Почетного Председателя Великого Князя Гавриила Константиновича.

На редкость хорошая погода, солнечный, но не жаркий день, способствовали успеху поездки. Постепенно, к кладбищу подтягиваются автокары и отдельные автомобили, с чинами Объединения, их семьями и друзьями. В кладбищенской церкви идет торжественная служба по случаю Праздника Святой Троицы. Настроение молящихся празднично-приподнятое. По окончании службы, из церкви показывается Крестный Ход, возглавляемый Отцом Александром, за ним все присутствующие, во главе с Княгиней Ириной Иоанновной, Председателем и Правлением Объединения. Под траурный звон колоколов и пение "Святый Боже", Крестный Ход направляется к могиле Великого Князя Гавриила. Крест, иконы и хоругви окружают могилу, над которой тихо реют склоненные Великокняжеский Флаг и Знамя Русской Секции Союза

ТАБЛИЦА У.

к статье Владимира фон - Рихтера "Русская Военная Медалистика".

№	Год месяц число	Наименование отличия (события)	Ø в м/м	Кресты и Медали Зол	Сбр	Бр	Лента	Дата учреж-дения
II7	I877 I878	"За Турецкую войну"	27		0	0 0	Св. Андр.+ Тём.Георг.	Ук.I7/IУ I878 г.
II8	I878	"За храбрость" 4-х степеней	29	0	0		Георгиев.	
II8 а	I879	50-летие Шефства 1 I-м Бранден. Улан. п.	28	0				
II9	I2/I I88I	За взятие штурмом Геок-Тепе	27		0	0	Георгиев.	Ук. I9/II I88I г.
		Царствование Императора АЛЕКСАНДРА III.						
I20	I марта I88I	Присутствовавшим на покуш. на Императора Александра II	29		0		Андр.+ Алексан.	
I2I	I88I	"За усердие" и пр. общие	5I и 29	0	0		Андр. Алексан. Владим.	
I22	I5 мая I883	Коронационная	29			0	Алекс.	Пр. I39 I885 г.
		Царствование Императора НИКОЛАЯ II.						
I23	I894	"За усердие" и прочие общие	5I и 29	0	0		Алекс. Влад. Аннин. Станис.	
I24		"-"	45		0			
I25		"-"	28		0		Станисл.	
I26	I4 мая I896	Коронационная	28		0		Андр.	Пр.26/У I896
I27	I88I-I894	В память царств. Императора Александра III	28		0		Алексан.	Ук.26/II I896
I28	I825-I855	За службу при Имп.Николае I	28		0	0	Алекс.+ Владим.	Пр. 275 I896
I29	I825-I855	Бывшим воспитан. воен.уч.зав.при Имп.Николае I	28			0	Алекс.+ Владим.	Пр. I5I I896

№	Год месяц число	Наименование отличия (события)	Ø в м/м	Кресты и Медали Зол	Сбр	Бр.	Лента	Дата учреж-дения
I30	I853-I895	"За походы в Средней Азии"	29		0	0	Георг.+ Владим.	Пр. I97 I896
I3I	I900-I90I	"За поход в Китай"	29		0	0	Андр. + Владим.	Ук. 6-У I90I
I32	I855-I905	"50-летие обороны Севастополя"	29		0		Георгиев.	Пр. 585 I904 г.
I33	I855-I905	Членам комиссии по истории обороны Севастоп.	29			0	Владим.	"-"
I34	27 Января I904 г.	За бой "Варяга и "Корейца" при Чемульпо	30		0		Андреев. флага	Пр. I32 I904
I35	I904-I905	За Японскую войну	28		0	0 0	Св. Георг.+ Тём.Алекс.	Реск.2I/I I906
I36	I904-I905	За Японскую в. О-ва Красного Креста	28		0		Алексан.	"-"
I37	26/I-I/У I904	Знак защитникам Порт-Артура	42		+	+		Пов.I4/I I9I4 г.
I38	I904-I905	За поход эскадры Адм.Рожественск.	29			0	Государс. цвет.	Пр. I99 I907
I39	I709-I909	200-летие Полтавской победы	28			0	Андреев.	Пр. 280 I909
I40	I909	"За особые воинские заслуги"	28			0	Алексан.	I9II
I4I	I8I2-I9I2	I00-летие Отечественной войны	29			0	Владим.	
I42	I6I3-I9I3	300-летие Дома Романовых	29			0	Государс. цвет.	
I43	I7I4-I9I4 27 Июл	200-летие морской победы при Гангуте	29			0	Андреев. с цепью (для офицеров)	
I44	I9I4	За труды по мобилизации	29			0	Белого Орла	I3/II I9I5
I45	I9I3-I9I7	Георгиев.кресты и медали (ниж.чин) с."I/М" "ЖМ" "БМ"						От 30 декаб. I9I6 г.

участников войны: Проникновенная служба глубоко волнует души и, пропетый после "Вечной Памяти", гимн "Коль Славен", создает благоговейное и приподнятое настроение среди массы присутствующих.

По окончании панихиды, Председатель Объединения А. А. Геринг произнес следующее памятное слово:

"Есть люди, есть души человеческие, над памятью о которых бессильно всевластное время. Сорок лет прошло со дня кончины нашего Царственного Отца и Начальника, нашего "Пастыря Доброго", а его светтерей. Сегодня мы молимся об упокоении души и его близка нашей. С теплым чувством благодарности, вспоминаем мы, в то время маленькие кадеты, а ныне седые старики, его любовь, его отеческое отношение к нам. Каждое слово, каждая ласка Царственного Начальника, с радостной благодарностью, сохранилась в памяти всех нас и высокая, статная, каким-то нездешним светом осиянная, фигура Великого Князя, и по сей день, стоит незыблема в нашем сердце и памяти.

В этом году, печаль наша усугублена страшной потерей. Сегодня мы молимся об упокоении души и последнего его сына, нашего незабвенного и любимого старшего брата Великого Князя Гавриила Константиновича. Едва год минул с того дня, когда член нашего Объединения, кадет 1-го Московского корпуса Великий Князь Гавриил принял на себя звание и обязанности нашего Почетного Председателя. Какими надеждами окрылено было наше Объединение в тот момент, казалось теперь нет предела ни силам нашим, ни возможностям. С любимым Великим Князем во главе, мы горы перевернем и всего достигнем... Господь судил иначе и рано, слишком рано для нас, призвал к себе Его чистую душу.

Поминаем сегодня мы и тебя, дорогой друг наш Борис Дмитриевич. Первым, в эмиграции, зажег ты лампаду, первым поднял знамя Кадетского Движения. Не выдержало усталое сердце. Как воин, ты пал на своем посту, но память о тебе осталась жить и крепким узлом связывает наши кадетские души. Во главе, ныне поминаемой, фаланги усопших кадет, явился ты перед Престолом Всевышнего и Господь упокоил всех вас, наши братья и однокашники, там, где несть ни болезни, ни печали, ни воздыхания".

В том же порядке, процессия переходит к могиле Б. Д. Приходкина, где служится краткая лития с провозглашением "Вечной Памяти". Также окружена хоругвями и флагами его могила, а вокруг стоят пришедшие поклониться его праху, кадеты разных Российских корпусов и многочисленная толпа молящихся.

На обе могиле возложены цветы с синими лентами от "Кадетского Голоса из провинции".

Крестный Ход направляется к кладбищенской церкви и Отец Александр провозглашает Многолетие, покрытое радостным перезвоном колоколов и пением "Многая Лета". Вся церемония, ее торжественность, благолепие оставляют в душе неизгладимое впечатление, заставляя, каждый раз по новому, переживать это ежегодное паломничество на дорогие могилы.

По установившемуся обычаю, после панихиды, все присутствующие собираются для совместной братской трапезы. На, любезно предоставленном Отцом Александром, участке, невдалеке от церкви, расставлены столы и скамейки, все рассаживаются вокруг. Во главе одного из столов — Княгиня Ирина Иоанновна. Два старейшие кадета В. И. Димчевский и М. К. Исаев произносят речи, в которых обрисовывают значение для армии, дававшегося в кадетских корпусах военного воспитания, подкрепляя это воспоминаниями из своей службы. Кадет Первого к.к. Е. И. Селиверстов, вспоминая светлый образ почившего Великого Князя Гавриила Константиновича, останавливается на тех чертах его облика, которые могут служить примером, коему нужно следовать офицеру и Русскому патриоту. Трапеза проходит в дружеском братском общении, создавая чувство, что сегодня, со своими однокашниками и среди них, незримо присутствуют и дорогие покойники, за которых мы пришли помолиться.

Почтовый ящик

В дополнение к заметке А. Маркова о Гренадерском бое, могу сообщить, что в Российской Армии было только два полка, имевших эту высокую и исключительную награду: указанный А. Марковым 33-й пехотный Елецкий полк и мой родной 70-й пехотный Ряжский полк. Награду эту полк получил в 1798 году, за усмирение крестьянских волнений в Тамбовской губернии.

Николай Витте.

Прошу читателей, имеющих по этому поводу сведения, дать мне справку: из каких элементов набирались у нас в XVIII веке гребцы на галерах, гребных фрегатах, канонерках и пр. У турок, египтян и варварийских пиратов, это были преимущественно христианские рабы, во Франции и Венеции — уголовные преступники — каторжники, кажется также и в Испании.

М. К.

Т. Г. — Мюнхен. Примите нашу общую сердечную благодарность. Не откажите сообщить ваше имя и адрес.

Алексей Геринг.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

За последние месяцы, скончались кадеты:

Великий Князь *Гавриил Константинович* — 1-го Московского к. к.

Бафталовский, Петр Адамович — 3-го Моск. к. к.

Нечуя-Игнатович, Людвиг — Первого к. к.

Белогорцев, Владимир Федорович — Тифлисск. к.

Крылов, Алексей Павлович — Корпуса Императора Александра II.

Швецов, Александр Александрович — Первого к.к.

Орлов, Алексей Александрович — Первого к. к.

Карпов, Николай Евгеньевич — Полтавского к.к.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД

Объявляется список пожертвований в "Фонд Военной Были" за первую треть 1955 года: от группы кадет в Дорнштадте — 300 фр., от В. А. Высоцкого — 2.800 фр., от А. А. Рогожина — 500 фр., от М. А. Лютовского — 900 фр., от В. И. Гапонова — 450 фр., от Б. Г. Григорова — 360 фр., от А. В. Шабанова — 200 фр., от В. А. Петрушевского — 100 фр., от А. А. Хохлова — 5.000 фр., от В. А. Соколовой — 435 фр., от В. Ю. Степанова — 200 фр., от Д. К. Беляева — 200 фр., от В. П. Ефимова — 1.000 фр., от бар. Мастмахер де Будде — 400 фр., от В. И. Димчевского — 500 фр., от М. А. Зайцева — 420 фр., от продажи платка, пожерт. Е. В. Яконовской — 25.300 фр. Итого — 39.065 фр.

С прежде поступившими — 113.615 фр.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»

Издательство приступает к печатанию Сборника Российской Военной Поэзии. Каждый выпуск представит из себя пятьдесят страниц, напечатанных на ротаторе, в художественной обложке. В силу технических причин, издание Выпуска I, посвященного полковым песням и стихотворениям полковых поэтов, ограничено СТА экземплярами. В случае, если предварительная подписка превысит это количество, будет выпущено второе издание. Цена выпуска, по предварительной подписке — 200 фр., в заокеанских странах — 75 амер. ц.

Издательство просит все полковые, морские, училищные и корпусные объединения прислать для напечатания, имеемый у них материал. После нас никто и никогда об этом не подумает. Спасем — что сможем.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — 69, Main-street, Nyack (N.Y).

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 1538, Steiner, San-Francisco, 15.

Канада — у А. С. Орлова — 47, Saint Patrik street, Toronto (Ont.)

Австралия — а) у В. А. Петрушевского — Fl. 2, 23 Longueville Rd. Lane Cove, Sydney (N.S.W.) б) у Н. А. Коссач — 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Tunnel a Santa Ines, Villa Nina Caracas.

№ 15

ОКТЯБРЬ 1955 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 4 - й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение, Редакция и сотрудники журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» с глубокой скорбью извещают о кончине их однокашника и сотрудника Старшего Лейтенанта

Максимилиана Оскаровича
фон-КУБЕ

Панихида по почившем была отслужена у Кадетской Лампады в Свято-Троицкой Церкви города Казабланка.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Другу и соратнику — **Алексей Геринг**	1
Памяти князей Гавриила и Игоря Константиновичей — **С. Х. Рооп**	1
Кадетские годы. (Продолжение) — **Г. Месняев**.	4
Отрывки из писем вахтенного начальника Клипера «Всадник» — **Н. С. Чириков**	7
«Ростислав» — **Н. С. Чириков**	11
Мирная полковая жизнь — **Г. Танутров**	12
Прометей — **Н. М.**	14
Двойной хлюст — **А. К.**	15
Миниатюры прошлого — **Д. де-Витт**	16
Великокняжеская подкладка — **Георгий Ишевский**	17
Горе-Богатырь — **П. Пашков**	18
Историко-политические термины — **Николай А. Реймерс**	19
Контрасты — **В. Санжаров**	24
Историческая справка о Первом Кадетском Корпусе — **А. Г.**	25
Хроника «Военной Были»	26
Обзор военной печати	28
Почтовый ящик	III
Скорбный листок	

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и европейских странах — 1050 Франков с пересылкой.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

4-й год издания № 15 ОКТЯБРЬ 1955 Г. Trimestriel. Prix — 180 fr.

Другу и соратнику

Из далекого Дорнштадта, пришла скорбная весть о кончине нашего дорогого однокашника Максимилиана Оскаровича фон-Кубе.

Ушел от нас доблестный морской офицер, один из последних военно-морских историков. Труды его, на пользу истории родного флота, — неисчислимы. Один из основателей Военно-Морского Исторического Кружка в Париже, до последних дней своей жизни, трудился он по сбору и систематизации исторических документов флота. Капитальный его труд — Картотека судов Российского Императорского флота, к сожалению, останется незаконченным, но велика заслуга нашего дорогого друга, в труде, проделанном им, в условиях тяжелой болезни, которая, иногда, на несколько дней, выводила его из строя. К пересланной ему мною, его старой картотеке, застрявшей в Париже, за последние два года, он сумел прибавить больше трех тысяч названий Российских кораблей.

С первого номера "Военной Были", он был наш верный друг и преданный делу сотрудник. Его талантливые очерки: "Казнь", "Повар", повести "На закате" и "Кошка-Мышка" украшали страницы нашего журнала. Как только у Редакции появилась мысль помещать краткие очерки по истории русских кораблей, Максимилиан Оскарович отозвался первым и его очерк об "Императрице Марии" явился как бы "прототипом" следующих за ним.

Господь да упокоит его светлую душу, а мы, все, с благоговением, склоним головы перед свежей могилой нашего друга и вернейшего сотрудника.

Алексей Геринг

Памяти князей Гавриила и Игоря Константиновичей

Из истории лейб-гвардии Гусарского ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

При движении 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии 28 августа 1914 г. из Грабовена на Сокольken, № 4 эскадрон лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, под командой фл.-адъют. ротмистра Раевского и при офицерах: шт.-ротм. Волкове, пор. Тиран, пор. Его Высочестве Князе Гавриилe Константиновиче, корнетах Кисловском и Его Высочестве Князе Игоре Константиновиче, был выслан, с места ночлега, из деревни Марценишки, на разведку на юг, в направлении озер, находящихся около Орловен. Дойдя до линии озер, надлежало послать срочное донесение и далее разведывать на Ю.-З., по возможности в направлении крепости Летцен. В направлении станции железной дороги, западнее Орловен, был выслан еще накануне, 27 августа, разъезд от № 6 эскадрона, под командой поручика графа Толстого.

Перед выходом полка из д. Марценишки, № 4 эскадрон выступил для выполнения порученной ему задачи. Не доходя Нейвальдского леса, высланы были веером через лес и в обход его офицерские разъезды: пор. Е. В. Князя Гавриила Константиновича и корнетов Кисловского и Е. В. Князя Игоря Константиновича и три унтер-офицерских разъезда. Ядро эскадрона втянулось в лес и, дойдя до озера с дачным поселком и охотничьими домиками, остановилось. Начинало уже смеркаться. Вскоре стали поступать от разъездов донесения, что по всем дорогам, через лес, а также восточнее и западнее его, движутся на С.-В. германские колонны пехоты, кавалерии и артиллерии, обходящие эскадрон, скрывавшийся в лесу и оказавшийся таким образом в мешке. Свободным был только пройденный уже путь на Гольдап. До Орловена оставалось еще верст 10-15.

Великий Князь Гавриил Констнтинович вспоминает: "Волков послал меня с несколькими гусарами осмотреть части леса... Двигаясь по лесу, я разослал по сторонам дозорных. Но, вдруг, я услышал звук мотора... Я спешил своих гусар, мы пошли по направлению звука и приблизились к опушке леса. Перед нами, по дороге, ехали три прусских улана. Я приказал стрелять. Два улана упали, а третий ускакал. В шапке одного улана были кусочки его мозгов. Я приказал взять его лошадь, — второго упавшего улана мы не нашли. Вероятно, он был только ранен и успел скрыться в лесу. Мне было жаль убитого улана и я его перекрестил. На дороге было опасно оставаться и я снова углубился в лес. Мы сели на коней и возвратились к эскадрону, ведя в поводу лошадь убитого улана. По возвращении

к эскадрону, я застал наших офицеров в очень тревожном настроении, так как выяснилось, что лес, в котором мы находились, окружен наступающими немецкими войсками...".

Если проследить, по дневникам германских полков, движение противника в этом районе 27, 28 и 29 августа, то станет ясно, в каком мешке оказался № 4 эскадрон.

Можно установить, что, в то время, когда № 4 эскадрон подошел к озеру с дачным поселком, он уже был обойден с запада 8-м Уланским полком, двигавшимся по западной опушке леса и частями 1-ой пехотной дивизии, достигшими в это время Лиссен; с восточной же стороны, его обходила вся 8-я кавалерийская дивизия. Теперь только, нам точно известно местонахождение обходивших неприятельских частей, а тогда, эскадрон видел только ближайшее окружение и знал, что единственный для него свободный путь это только обратный, только что пройденный им.

О движении противника было послано донесение в штаб дивизии, в д. Соколькен, где, согласно приказу по дивизии, предполагался ночлег. Донесение было отправлено с тремя гусарами. Часа через три, один из посланных, вольноопределяющийся Эрдели, появился пешком и доложил, что из деревни, вероятно, Соколькен, в которой должен был находиться штаб дивизии, они были обстреляны противником, причем, оба, ехавшие с ним гусара и их лошади, также, как и его, Эрдели, лошадь, были убиты, но, старший успел передать ему донесение. Не имея возможности пробраться через, уже занятую противником, местность, он вернулся пешком к эскадрону.

Теперь мы знаем, что штаб дивизии к вечеру 28 августа не мог находиться в Соколькен, так как дивизия, при своем продвижении из Грабовен на Соколькен, встретила у Галлубиена германскую 8-ю кавалер. дивизию и 1 Егерский батальон и вела с ними бой, постепенно отходя к Гольдапу. Т. о. штаб дивизии оказался в д. Клесцовек, западнее Гольдапа, а наш полк ночевал в д. Гросс-Лангемишкен.

В лесу к № 4 эскадрону подошли разъезды от № 5 эскадрона пор. барона Фредерикс-Маразли и № 6 пор. графа Толстого. Обменявшись, с вновь прибывшими разъездами, сведениями о противнике, командир эскадрона решил, не задерживаясь более, отходить, укрываясь лесом, в направлении на Гольдап. Подойдя в полной темноте, к северной опушке леса, услышали впереди, в направлении на Гольдап, сильную ружейную и артиллерийскую стрельбу. Ночь была туманная, сырая. Мгла не давала видеть вдаль. Продолжать движение в тумане, когда неизвестно — где противник — где свои — рискованно: попадешь под обстрел и противника и своих. Решили простоять в лесу до рассвета, если туман ранее не рассеется. Втянулись снова немного в лес, выставили ближайшее охранение— спереди пешие посты по опушке леса и на дороге, в тылу — унтер-офицерские разъезды — и эскадрон, не расседлывая, стал ждать рассвета, держа коней в поводу.

Обращаясь снова к дневникам германских полков, мы усматриваем, что во время этой ночевки № 4 эскадрона, на северной опушке леса, германскими частями были уже заняты — с запада Кершен, Вильгельмгоф и Лиссен и с востока — Нёй-Буткунен, Гольдап и Фридрихсвальде.

На заре 29 августа, шт.-рот. Волков вышел на опушку леса, на холм и увидал невдалеке нескольких людей, одетых, как будто бы, в русские шинели. Посланный унтер-офицер, доложил, что это разведывательный эскадрон 3 гус. Елизаветградского полка. От командира этого эскадрона шт.-ротм. Небо, Волков узнал, что по его наблюдениям, в лес, где скрывался наш эскадрон, с западной его опушки, втягивалась неприятельская пехотная колонна с артиллерией, узнали также от Небо, что Гольдап занят нашими частями ген. Хана Нахичеванского (что было неверно). Оставаться дальше в лесу не представлялось возможным, — решено было уходить на Гольдап, на присоединение к Хану Нахичеванскому.

Между двумя железнодорожными линиями и далее на запад, высокие холмы пересекаются большой дорогой, идущей на Грабовен. Сняв посты, эскадрон вытянулся из леса и взял направление на Гольдап. Поднявшись на хребет, перед спуском в долину, на другой стороне которой, на командующих высотах, находится Гольдап, увидели, что над Гольдапом рвутся шрапнели. Сбоку, слева, сильная пыль указывала на движение кавалерийской колонны, не менее полка на перерез № 4 эскадрону и вскоре разобрали, что с конницей идет и батарея. Как теперь нам известно, это был 8 уланский полк с батареей, продвигавшийся с ночевки на Гольдап.

Ротмистр Раевский повел эскадрон на рысях, в сторону Гольдапа, выслав три разъезда: на север шт. ротм. Волкова, на С.-В. — пор. Тирана и на С.-З. корн. Князя Игоря Константиновича, а на, сзади лежащий, холм — тыловой дозор. Отойдя версты на 1½—2, все три разъезда и тыловой дозор донесли о присутствии противника и, почти тотчас же, справа, эскадрон попал под обстрел неприятельских пулеметов.

Произошло замешательство. На что решиться? Сзади лес, занятый неприятельской пехотой с артиллерией, было видно, как батарея уже занимала позицию на опушке. Справа, в направлении на Гольдап, — пулеметный огонь. Слева, — заскакивающая на перерез эскадрону, кавалерия, не менее полка. Оставалось направление на С.-З., но — впереди болото. В этом же, приблизительно, направлении быстро движется неприятельская кавалерийская колонна. Единственная надежда — проскочить через узкий оставшийся коридор, сильно болотистый с широкими обрывчатыми осушительными каналами, и если, идущая наперерез колонна, успеет перехватить путь, то — пробиваться сквозь нее.

Штаб-ротм. Волков скомандовал эскадрону "за мной" и повел его вдоль ручья, в обход западного холма, чтобы прикрыться от пулеметного огня, к по-

селку между Клесцовен и Гольдапом. С севера и юга поселка—болото, южнее—луг с озерцами и каналами, а к северу — заросли кустарника. Обогнув холм вдоль ручья, дорога поворачивала на запад, шла задами, выходила на узенький мост и терялась в болотистом лугу, пересеченном канавами и ямами.

Подошли к болоту — единственный выход из "мешка". В этот момент, неприятельская батарея, с открытой позиции, открыла по эскадрону беглый огонь, прямой наводкой. Тогда шт.-ротм. Волков подал команду:

— Эскадрон за мной. Врозь!...

Эскадрон пошел прямо по топкому лугу.

Взводы рассыпались по топи, стремясь к заманчивым холмикам, казавшимся, но, увы, только казавшимся, сухими. Часть взводов свернула за ротм. Раевским по проселочной дороге в проселок, а остальные продолжали итти в С.-З. направлении, под беглым огнем батареи. Снаряды, попадая в болото, рвались плохо. Все же появились раненые. Под непрестанным огнем батареи, под, звуки шлепающих в болото снарядов, эскадрон медленно продвигается по болоту. Итти можно только шагом,— болото по брюхо коням. Гусары часто получают души от недолетов и перелетов снарядов, зарывающихся в болоте. Лошади и люди, после большого перехода и бессонной ночи, ослабели. Ослабли и подпруги и многие гусары переворачиваются под брюхо коней. Шинели промокли и затрудняют движение спешенным гусарам, потерявшим лошадей, завязших и затянутых болотом. Стакан снаряда попадает в круп кобылы "Алла", шт.-ротм. Волкова. Оба падают. Кобыла медленно затягивается болотом. К шт.-ротм. Волкову добирается его вестовой, гусар Ковалев, берет его к себе на коня и, вдвоем на одном коне, они продолжают бороться с топью. Лошади ротм. Раевского и пор. Тирана убиты также целыми неразорвавшимися снарядами. Подходя к осушительным канавам, кони, бредущие по брюхо в вязком болоте, не могут перескочить, с шагу и с места, широкие канавы, обрываются на окраинах, падают в топкое, вязкое дно канавы и, не в силах подняться, остаются лежать и постепенно затягиваются топью, и исчезают. Обезконенные гусары ползут по болоту; некоторых больше не видно на поверхности.. Батарея продолжает осыпать снарядами луг и поселок, но, потери от огня — незначительны — снаряды зарываются в болото. Шрапнельной пулей в спину ранен гусар Макаров — шт.-ротм. Волков делает ему перевязку, вылив, предварительно в рану, весь флакончик иоду.

Часть гусар, вместе с корн. Кисловским, стала выбираться за деревню, на сухие, как казалось, места — они еще больше завязали. Конь "Добрый", корнета Кисловского, ловко шел по болотам и выбирался сравнительно легко, но, ошеломленный непрестанными перелетами и недолетами снарядов у самых своих, почти, ног, запнулся. Корнет Кисловский, с седлом, съехал ему под брюхо и, не будучи в состоянии выправить седло, повел коня в поводу до "закрытия" или "твердой почвы". Ни того — ни другого не оказалось, так как кусты, к которым он пробирался, скрывали еще большую топь. Впереди оказалась канава, переходя которую, Кисловский завяз по пояс и ему пришлось бросить коня и выбираться одному, что и удалось не без труда. Конь его, сделав несколько усилий, погряз по горло...

Рядом с Кисловским, ранен гусар Марьин. Снаряд попал в лошадь, а его осколок в ляжку гусара. Корнет Кисловский вытащил его на сухое место, но, за отсутствием всяких перевязочных средств, погибших с лошадьми, отвел его до дороги и велел итти в деревню, сам же пошел дальше пешком.

Князья Гавриил и Игорь Константиновичи, бывшие на 4-м взводе, в хвосте эскадрона, после команды "ВРОЗЬ", остановились и пропустили всех людей взвода, после же последнего, — взяли направление вправо от поселка, вдоль канавы. Ротм. Раевский, в это время, шел по дороге на поселок. Князь Гавриил Константинович, выходя на дорогу, должен был перепрыгнуть канаву, но его конь стал вязнуть. Князь слез с коня и перетащил своего "Парнеля" через канаву. Когда Его Высочество уже подъезжал к домам поселка, выбравшись из трясины, ехавший сзади, вольноопределяющийся Эрдели, доложил ему, что Князь Игорь Константинович остался один, позади, пеший, перед канавой и перейти ее, видимо, не может.

Князь Гавриил Константинович, со своим вестовым Манчуком и Эрдели, повернул обратно, на помощь своему брату. Близкий разрыв шрапнели, чуть не отбросил их обратно , но они снова, с новой энергией бросились на помощь Князю Игорю. Князь ходил, совершенно один, по ту сторону канавы, держа в поводу свою любимую лошадь и, видимо, не знал, как ему поступить. В это время, слева, показался, идущий рысью, прусский уланский разъезд. Он был так близко, что ясно были видны бело-черные флюгера на пиках. Князь Гавриил Константинович стал торопить брата перейти канаву, иначе его заберут в плен. Князь Игорь Константинович попытался обогнуть канаву слева, но стал вязнуть и медленно погружаться в топь, вместе со своей любимой лошадью.

Князь Гавриил Константинович взял лошадей Манчука и Эрдели, которые пошли на помощь Князю Игорю. Когда, и завязая сами, и напрягая все силы, они дошли до Князя, Игорь Константинович стоял, уже затянутый в болото до самого подбородка... Торчали над топью только голова и поднятые руки... Лошади уже не было видно.. Схватив Его Высочество за руки, Манчуку и Эрдели удалось, кое-как его вытянуть и они пошли пешком к дороге. По счастью, германский разъезд исчез. Вероятно увидал, что эскадрон увязает в болоте и не решился дальше итти. Гусар Картович дал Князю Игорю Константиновичу своего коня, а Его Высочество посадил Картовича к себе на переднюю луку. Князь Гавриил Константинович взял к себе на седло безлошадного гусара Рябых и, таким образом, двинулись к поселку.

Эскадрона в поселке уже не было видно. Стали со-

бирать отдельных, потерявших в болоте своих коней, гусар, выходивших на дорогу, взяли направление на предполагаемое местонахождение наших войск. Болото было пройдено около 14 часов. Легкий обстрел еще по дороге и, наконец, встретили казака. Стало сразу легче на душе. Дальше вышли на свою пехоту, оказавшуюся одним из полков 29-й дивизии. В пехотном полку все были крайне радушно встречены и накормлены. Были так голодны, что, по воспоминаниям Князя Гавриила, он съел пять тарелок супу.

Ядро эскадрона, пройдя болото, собралось в маленьком лесу. Корнет Кисловский, пройдя шоссейную дорогу, стал собирать пеших гусар. Пройдя 4-5 верст, Кисловский встретил шт.-ротм. Волкова, барона Фредерикса-Маразли с разъездом № 5 эскадрона и пор. графа Толстого, с частью разъезда № 6 эскадрона. Двинулись дальше и вышли на нашу пехоту, где находился и командир № 4 эскадрона с 20-25 гусарами. Подсчитали потери: 7 гусар пропали без вести (вероятно убиты и затянуты в болото), 2 гусара убиты в поездке с донесением, 5 гусар ранено, 37 коней убитых и утонувших в болоте (из них 5 офицерских).

Замечательно, что, несмотря на все трудности перехода, ни один гусар не бросил своего оружия. Все вернулись с винтовками и шашками. Только обезконенные — побросали свои пики. На заре поседлали и эскадрон с пешими гусарами медленно двинулись на Вержболово, через Тракен, временами попадая в гущу других, двигающихся колонн. К полку эскадрон присоединился 31 августа около местечка Вильковишки.

С. Х. Роон.

Кадетские годы

1902-1909

(Продолжение)

Шел год за годом. Шли они медленно, не так, как бегут сейчас, на склоне наших последних лет, принося незаметно перемены как в нас самих, так и в нас окружавшее. Понемногу уходили из жизни свидетели старых кадетских лет, и однажды, вернувшись с каникул, мы уже не увидели благообразного и степенного старого николаевского солдата, в старомодном двубортном мундире с шевронами и с большой серебряной медалью на шее. Умер и сухенький старичек многолетний "дядька" четвертой роты Забабурин. Понемногу, менялся воспитательский и преподавательский корпусной состав. Жизнь шла своей неизменной и неуклонной поступью.

Произошли и внешние перемены: исчезли ламповщики, так как в корпусных стенах зажглось электричество и, под большие праздники, нашему дьякону не надо было поджигать белую ниточку, чтобы вспыхнули свечи громадного паникадила. В зале первой роты, на нашем последнем балу, две люстры сияли уже ярким электрическим светом. Произошли некоторые перемены и в нашем обмундировании. Цветные кушаки были заменены черными лакированными поясами с медными бляхами, на коих сиял двуглавый орел, обрамленный расходящимися лучами. Такие же орлы появились на пуговицах, раньше гладких. Со введением кожаных поясов, последние стали надеваться поверх шинелей, под них продевались концы башлыка, раньше складываемые в довольно замысловатый бант под бортом шинели. Этой переменой, как бы было покончено со штатскими остатками военных гимназий и кадеты получили более военный вид. Наконец, мы получили и штыки, к вящщей зависти гимназистов и реалистов. Получив в руки "холодное оружие", два наших товарища, Лихарев и Коновалов, устроили дуэль в темном зале, где они и были застигнуты дежурным воспитателем, прекратившим это картинное зрелище, в котором дуэлянты фигурировали в ночных рубашках и трикотажных кальсонах, красиво обтягивавших ноги, что создавало иллюзию дуэлей екатерининских времен.

Преобразились и наши воспитатели, переменив мундиры в виде кафтанов на более нарядные, — двубортные и короткие. Исчезли щеголеватые летние белые кителя, каждое первое мая молодившие лица наших офицеров и придававшие им отпечаток элегантности. Взамен белого, воцарился защитный цвет, что, к нашему сожалению, не коснулось нас: мы продолжали щеголять в белых парусиновых рубахах и фуражках с белым верхом.

Наступил, наконец, год перехода в седьмой класс. Однако перевод этот, которому предшествовал очень нелегкий экзамен, подводящий итоги всем математикам, был сопряжен с немалыми трудностями и разочарованиями. Немалое число наших товарищей на экзаменах провалилось и застряло в шестом классе на второй год. Пережил немало треволнений и я, Провалившись и по алгебре, и по геометрии, я должен был, чтобы не остаться на второй год, выдержать, хоть как нибудь, по тригонометрии. Вытащив неудачный билет (а для незнающих всякий билет неудачен), я, под неумолимым взглядом шт. кап. Безак, запинаясь и путаясь, пытался выбраться из тенет синусов, тангенсов и котангесов. Однако, попытки мои выплыть на берег не блистали успехами. По лицам экзаменаторов, я понял, что погиб. Это подтвердил и мой воспитатель, подполковник Лихачев, сидевший с края стола и показавший растопыренной ладонью руки полученный мною балл.

Я был в отчаянии. Просидеть лишний год в корпусе с младшими меня "зверьми", коих я конечно прези-

рал — казалось мне ужасным. Мрачно я бродил несколько вечеров по плацу, прислушиваясь к веселым голосам счастливчиков, безпечно играющих в лапту и городки. Когда экзамены закончились и собрался педагогический комитет, для подведения итогов истекшего учебного года, я конечно, не создавал никаких иллюзий по поводу своей судьбы, ибо знал, что более двух переэкзаменовок никогда никому не давалось. Однако, получилось иначе. Поздно вечером, когда уже густые сумерки смотрели в открытые окна нашей спальни и мы готовились ко сну, с только что окончившегося заседания педагогического комитета пришел Лихачев — сообщить нам о результатах. Все его с любопытством и возбуждением окружили. Я, хмуро и безнадежно, стоял поодаль.

— А вам, Месняев, в виде исключения, принимая во внимание хорошие отметки по другим предметам, даны три переэкзаменовки, — сказал Лихачев, обращаясь ко мне...

В августе переэкзаменовки эти были мною выдержаны — и я очутился в вожделенном седьмом классе.

Седьмой класс — это вершина кадетской жизни: год, когда выпускной кадет чувствует себя, в известной степени, хозяином корпуса, когда он считает себя центром внимания всех младших товарищей и таковым, в действительности, становится. Появляется: масса новых интересов: производства в вице-унтер-офицеры, организация годового бала, посещение фотографа, подготовляющего выпускной альбом и пр. Давние мечты о вожделенных юнкерских погонах принимают определенные очертания и каждый уже прикидывает в уме какие шансы он имеет на выход в то военное училище, которое его манит и которое отвечает его возможностям в смысле отметок и в смысле кармана. Для большинства, самую притягательную силу имеет кавалерия. Красочная кавалерийская форма, гусарские традиции, удаль, строфы "журавля", относящиеся главным образом к сумским и другим гусарам, к смоленским и иным уланам — все это кружит головы почти каждого кадета. Однако, те кто не имеет шансов на артиллерийские и инженерные вакансии, знают, что за блеском гусарских доломанов, даже армейских, таится суровая проза денежных расчетов и, что жизнь какого нибудь гусарского корнета, красующегося, опираясь на саблю, у рампы нашего орловского театра, вовсе небезоблачна, но оттягощена многими материальными трудностями, если у него — или у его родителей — нет хотя бы скромного текущего счета. Потому то, соглашаясь с афоризмом Кузьмы Пруткова, гласящим "если хочешь быть красивым — поступай в гусары", кадетский середняк по неволе думает о многочисленных армейских полках, о которых никто не слагает "журавля", никто не пишет красочных и увлекательных рассказов, но которые сами, незаметно и скромно, творят Русскую военную историю. Плетущиеся в хвосте четвертных и годовых балльных ведомостей, знают, что их ожидают синие погоны Киевского училища, средние размышляют о Павловском или Александровском, а цвет выпуска о Михайловском и Константиновском артиллерийских или о Николаевском инженерном.

Пока же; Прощайте иксы, плюсы, зеты,
Расстаться с вами нам пора, —
Теперь мы больше не кадеты,
Мы славной школы юнкера...

Но эти самые иксы, плюсы, зеты, еще продолжают доминировать и волновать, особенно в предвидении грядущих выпускных экзаменов. Седьмой класс нетрудный, курс его основан главным образом, на повторении. Однако, есть новые предметы: "сугубая" химия, о которой распеваются куплеты, вроде:

"Бор встречается в природе
"В виде борной кислоты
"И сгорая в кислороде
"Дает бурые пары...

космография, аналитическая геометрия и законоведение.

. . . .

Наступает наш храмовой праздник — день Архистратига Михаила, празднуемый 8 ноября. Подготовка к нему идет заранее. Под руководством давнего нашего капельмейстера, благодушного немца Гоха, кадетский оркестр разучивает новые марши. От Гоха не отстает учитель пения и регент церковного хора М. П. Кавказский, склонный к алкоголю и потому пахнущий какими-то снадобьями, кои должны заглушать винный дух. Он разучивает новые церковные песнопения, чтобы не ударить лицом в грязь перед архиерейским хором, который будет петь на литургии, в нашей церкви, на храмовой праздник. Пригласительные билеты на бал, в которых имеется просьба к дамам "быть в закрытых платьях" — розданы и разосланы по назначению, белые перчатки для бала, стоящие рубль, куплены. Помещение первой роты в корне преобразуется. Спальни перенесены наверх, в залы второй роты. Классы обращены в гостинные, украшенные привезенными из магазинов олеандрами и другими цветами, на стенах висят картины, взятые из рисовального класса, доставляется и мягкая мебель. Пахнет хвоей, гирляндами которой украшены лестницы и коридоры; пахнет апельсинами, яблоками и виноградом, привезенным для буфета. Стены коридора украшены щитами, на которых декоративно укреплены Царские вензеля, перекрещивающиеся погоны черные и сине, клинки, штыки и прочая военная арматура. Все нарядно, парадно и волнующе.

В половине восьмого, в день праздника, раздается "Заря", исполняемая нашим оркестром, бравурные звуки которой сразу подымают настроение, как бы давая праздничный тон всему дню.

Привыкшие к свободным рубахам, в которых мы ходим в обычные дни, тела жмет тесный мундир, и воротник с галунами подпирает шею; но, даже в этом стеснении, чувствуется праздничность. У Черникова погон украсился третьей продольной золотой нашивкой — он вице-фельдфебель. Деппиш, Бек, Гольдгаар, Кузнецов, Шатилов и другие украсились унтер-офи-

церскими нашивками. После обедни, перед обедом, всех их, под пенье неприличного куплета звериады о "ротныхъ подлизах", будут подымать на половой щетке на круглую железную печь в коридоре около умывалки, а после обеда весь седьмой класс и оставшиеся на второй год шестиклассники, почитаемые нами принадлежащими к нашему выпуску, пойдут к Даниельсону есть, за счет произведенных, пирожные.

Церковная служба длинна и торжественна. Служит Серафим, Епископ Орловский и Севский (позже убитый большевиками). Позвякивают бубенцы архиерейского облачения, гудит львуподобный Протодиакон, уверенно и безошибочно, многочисленные иподиаконы, без суеты и замешательства, растилают орлецы, склоняют рипиды и надевают на Владыку горящую цветными камнями митру. Архиерейские певчие в голубых кунтушах с откидными рукавами — показывают, к зависти Кавказского, хор которого немедленно бледнеет, — чудеса церковного пения. В кадильном дыме, струями возносящемся ввысь нашего духсветного храма, совершается Богослужение изумительной красоты — и чувствуется, что стоящий перед престолом, в сверкающем облачении, Владыка Серафим — действительно Владыка над своим многочисленным духовным воинством, трепещущим перед ним. Он и по виду был владыкой — высокий, крупный, осанистый и, кажется, властный, сохранив в монашестве черты военного, коим он был до пострижения. Впереди, перед строем, знаменщик со знаменем, с двумя офицерами ассистентами. Первая рота с подсумками, все держат у пояса фуражки, ибо после обедни и молебна — парад, в предвидении которого, в зале, на сверкающем паркетном полу, рядами, по взводно, разложены винтовки. Церковь, за нашим строем, полна гостей, прибывших на корпусный праздник. Помимо нашего начальства, присутствуют Начальник местной дивизии, губернатор, множество офицеров, бывших кадет, в самых разнообразных мундирах.

Надо признаться, мы были не особенными любителями церковных служб. По своей молодости и легкомыслию, мы не понимали тогда ни внутренней, ни внешней красоты православного Богослужения. Думаю, в этом едва ли можно особенно упрекать, так как понимание глубокого смысла религии и ее внешнего выражения приходит обычно позже, с летами, когда человек постигает, что "чем ночь темней, тем ярче звезды, чем глубже скорбь, тем ближе Бог". В те времена, мы, ничего еще не испытавшие и непережившие, тяготились посещением церкви и даже считали молодцами Добромыслова и других, которые предпочитали отсиживать время церковных служб где-нибудь в темноте и пыли, в оконной нише зала, закрытой одним из царских портретов, или просто под кроватями в спальной.

Однажду наш корпус посетил великий Русский праведник о. Иоанн Кронштадский. Он служил молебен в нашей церкви и говорил нам слово. К стыду своему, должен сказать, что я не помню содержания сказанного им слова, которое теперь я ловил бы с жадностью. Вообще, это посещение не оставило на мне сколько-нибудь большого впечатления, хотя в моей семьи личность о. Иоанна чтилась чрезвычайно высоко.

После парада, который обычно принимался кем нибудь из местного генералитета и торжественного обеда с множеством тостов, которые мы поддерживали стаканами меда, до начала бала — предоставлялся отдых. Разрешалось спать, но это фактически было немыслимо, ибо в спальнях стоял гул от оживленных разговоров о событиях этого, полного впечатлений, дня. Бал, конечно, интересовал больше всего наших танцоров, особенно дирижеров танцами, а так же тех, кто пригласил на бал интересовавших их дам, преимущественно из гимназисток местных гимназий: казенной, Гутерман и других. Каждый выпуск имел своих красавиц, о которых, явно или тайно, вздыхали и мечтали, поэтически настроенные, кадетские сердца. В альбоме нашего выпуска, был воспроизведен пригласительный билет на имя Лидии Сергеевны Лосевой, которую и надо считать царицею нашего бала. Не странно ли, что, по прошествии сорока пяти лет вспоминается имя той, которая некогда сияла красотой и молодостью, а теперь, в лучшем случае, является бабушкой, может быть то же, со вздохом, вспоминающей краткие, но яркие и так быстро ушедшие дни быстротечной молодости? Некоторые кадетские романы не были мимолетными, но имели продолжение в последующем. У нашего придворного фотографа Вареника, изготовлявшего во множестве наши личные фотографии, альбомы и группы, была дочь Фаня — нежная блондинка с ярко пышущим румянцем. Она покорила сердце Меньшикова 2-го, который, по окончании училища, вышел специально в один из сибирских полков, где для женитьбы не требовалось реверса и, женившись на Фане, увез ее в Сибирь. К несчастью, яркий ее румянец оказался симптомом роковым — у нее открылась чахотка и она умерла в самых молодых летах, к великому горю своего юного мужа.

Нетрудно представить взволнованность и приподнятость тех, кто поджидал своих героинь, высматривая их в густой толпе, подымавшейся по лестнице. Наши швейцары, облеченные в парадные, красные с орлами, ливреи, запыхавшись разоблачали приезжающих гостей, а на площадке перед залом, кадеты-распорядители, с яркими бантами на груди, встречали их, вручая художественно разрисованные программки танцев. Духовой оркестр Можайского полка, по знаку своего капельмейстера, протяжно и грустно начинал вальс "Осенний сон", и на сверкающий паркет уверенно выступала первая, самая изящная и красивая пара. Большой зал являлся ареной успехов для патентованных танцоров, чувствовавших себя в эти часы героями дня и снисходительно посматривавших на нетанцующих или плохо танцующих товарищей. Последние, довольствовались более скромным танцовальным залом, устроенным в спальне шестого клас-

са. Малыши, — в белых перчатках, которые приобретались ими не столько для танцев, сколько для получения доступу в буфет, — озабоченно шмыгали в толпе, обсуждая свои успехи по части добычи из буфета винограда, груш и конфет, под недоверчивым взглядом кадета, им распоряжавшегося.

Своего апогея бал достигал во время мазурки и котильона. Дело шло к четырем часам утра; чувствовалось определенное утомление и естественное угасание бального подъема. Усталые музыканты, подбадривая себя пивом, которым они щедро снабжались, в последний раз прочищали кларнеты и флейты, чтобы сыграть заключительную мазурку. В ней участвовали самые большие мастера танцовального искусства, коих было не так много: на них тогда сосредоточивалось восторженное внимание зрителей. Наш корпусной доктор Вистенгоф, высокий стройный тевтон с несколько надменным лицом, — уверенно вел по глади паркета свою красавицу жену, которая, изящно поддерживая трен своего платья, легко скользила за своим кавалером, угадывая каждое его движение, и ее, быстро мелькавшие, в золоченых туфельках, ножки, привлекали взгляды очарованных кадет.

Нотки некоторой грусти звучали в прощальном марше, под который нехотя расходились участники бала, — а наиболее неутомимые еще продолжали вальсировать, стремясь до конца использовать последние минуты. "Облетели цветы — догорели огни". Об этом свидетельствовал послебальный беспорядок, рассыпанные повсюду конфети и серпантины, потускневшее сияние ламп и чувство грусти о том, что все проходит и имеет конец.

Этим чувством был окрашен следующий за балом день, когда все водворялось на старые места и принимало свой обычный будничный вид. Ученья в этот день еще не было, подъем был поздний, отпускные уходили в отпуск, а оставшиеся меланхолично брались за учебники, или за "Анну Каренину" и "Дворянское гнездо", что более соотвествовало их послебальному умонастроению.

Г. Месняев

(Окончание следует).

Отрывки из писем вахтенного начальника клипера „Всадник"

(1868—1871 гг.).

(Продолжение).

СТОЯНКА В САЙМОНСБАЙ *(Симанской бухте).*

7-го апреля этого года, т. е., в тот день, в который отправил предъидущее свое письмо из Капштадта, выехал утром в обратный путь в Саймонсбай, на четверке в небольшом дилижансе, нанятом для этого случая.

Можно было, как прежде, отправиться по железной дороге до местечка Винберг, а оттуда до места в дилижансе, но, запасшись в Сапе некоторыми покупками, счел ехать этим путем неудобным.

Вдаваться в подробности о живописности и красоте местности, полагаю излишним по двум причинам: во-первых, потому, что ты сам бывал здесь и следовательно, вооружившись воспоминаниями, легко представишь себе последовательные изменения в характере природы, которая, по мере удаления от Капштадта, из роскошной становится все суровее, вполне напоминая собою Порто-Гранде.

Во-вторых: — письмо это предназначено исключительно с целью познакомить тебя с течью клипера, побудившей нас, пренебрегая дорогим временем, войти на эллинг.

Капитан и все мы, в течении плавания не имели возможности точно определить место течи в клипере, потому что вся кормовая часть, забранная внутреннею обшивкою, укреплена толстыми брусьями, называемыми "Чаками". Вследствие этого, остановились на всех возможных предположениях, пока не пришли к вероятному одному, а именно: что дейдвудная труба, от времени или от сильного шторма в Немецком море, дала поперечную трещину. Гипотеза эта подтверждалась еще и тем, что, идя под парами, от вращения гребного вала, трещина раздвигалась в дейдвуде, усиливая течь в нее.

Теперь, когда нам открыта вся кормовая часть клипера, легко будет открыть и определить, как место течи, так и срок необходимый к ее исправлению. В продолжение нескольких дней, после того, как мы были подняты на элинг, все внимание и вся работа сосредоточились на отыскании места течи в корме. Для этого сняли всю медь и внимательно осмотрели все ближайшее место сверху до низу "кремальера", но осмотр этот ничего не уяснил. Тогда, по совету компетентных лиц, пришли к необходимости снять "кронштейн", т. е., "коробку", на которую ложится гребной винт. В настоящее время, все это исполнено.

По снятии вышеупомянутой "коробки", была обнаружена трещина, прикрываемая ею, а потому, без этой операции, не представлялось возможности ее увидеть. Эта трещина идет внизу гребного вала в стыке двух деревьев "старнпоста". Конопать и замазку, видимо, размыло, и когда, чтобы лучше удостовериться, расчистили все это место и напустили воды в клипер, то в эту и в промежуточные трещины, пошли струи воды порядочных диаметров.

Для успеха нашего плавания, все это настолько важно, что не могу умолчать об этом; прибавив к тому

же, что те инструкции, которые конфиденциально получены капитаном, усугубляют для нас важность вопроса безопасного дальнейшего плавания.

Усилило нашу общую радость, поэтому и определение времени потребного для исправления, которое продлится не далее вторника, будущей страстной недели.

Работа заключается в следующем: по обоим сторонам "старнпоста" накладывают железныя полосы, соединенныя сквозными болтами на гайках. Вся эта система сжимает обе части, не давая им расходиться в стыке. По исполнении этой работы, с боков гребного вала и внизу вырежут небольшия части, а вместо них вставят деревянные вставки на замазке, хорошенько проконопативши их со всех сторон; обошьют свинцовыми листами и, наконец, на густую замазку наложат "кронштейн", укрепив его медными новыми винтами.

Все же остальные работы, — конопатка баргоута и палубы суть не более, как побочные, и от них не зависит время нашего спуска. Как видишь, больших трудов не предстоит, — все свелось к одному концу, к пустячкам. Мы же все, переселившись с клипера на берег, полагали, что проживем не менее месяца в давно незнакомой нам роскоши и спокойствии.

Наиболее серьезная часть работы, заключающаяся в тщательной конопатке, в обивке свинцом, в накладке двух железных полос и, наконец, в установке самого "кронштейна", в настоящее время приведена к концу; остается укрепить его на месте медными, уже готовыми, винтами и обшить медными листами в подводной части.

Имея в перспективе плавание по бурному Индийскому океану, с постоянными дождями, когда волны не редко будут ходить по палубе, мы и, в том числе, и я, принимаем серьезныя меры предохранить себя от сырости и мокроты в каютах. До сих пор редкая из них не течет палубой или баргоутом, или обоими вместе.

В своей каюте я заметил течь преимущественно палубой против иллюминатора, а потому, исправления в ней сосредоточены в этом месте. Завтра 14-го апреля, мы сходим с эллинга.

Капитан, в силу данных инструкций, сильно торопится, повреждения же в корме исправлены, следовательно нет причин оставаться далее во вредном, для клипера, положеини. Хотя и остались незначительные работишки по подводной части, но вследствие того, что наибольшие и наименьшие воды сменяются через две недели, а завтра будет первая, то Дмитрий Васильевич (Командир клипера "Всадник") и решил оставить в первобытном виде, тем более, что серьезных опасностей, они не внушают.

На другой день, т. е., 14-го апреля, в 1 час пополудни начались приготовления к спуску клипера на воду. Доковой инженер в такой степени был уверен в легкости и в удаче спуска, что не принял предварительных, усиленных мер, заключающихся в применении домкратов и остальных побочных. Он никак не ожидал, что клипер, по освобождении палов из-под "криделя", — не тронется с места; но случилось именно так. Даже, когда машина, задним ходом, цепями надавливала на "кридель", то и тогда клипер остался на месте.

Эта неожиданная неудача убедила всех, что клипер своею тяжестью надавил на рельсы и, в нескольких места, сделал выбоины. Поэтому, провозившись до 7-ми часов вечера и видя тщетность усилий, прекратили работы до следующаго дня. Однако, на другой день, поднялся свежий О-й ветер, продолжавшийся беспрерывно до 18-го числа. Рано утром этого числа, воспользовавшись затишьем, забрали из порта все домкраты в числе семи; установили их впереди криделя, уперев в него крылья.

Вместе с машиною начали надавливать. В продолжение 18-го числа, все усилия были тщетны но, продолжая все нажимать домкраты с силою в 40 тонн, добились того, что клипер вдруг, как-то внезапно тронулся с места. Раздалось громогласное, единодушное УРА, и клипер спокойно и плавно спустился на воду без всяких приключений. Через час после этого удачного спуска, мы уже стояли на рейде на своих якорях г "фертоинг".

В тот же день прибуксировали фока-рею, фор и крюйс-стеньги, и к вечеру все это было уже поднято на клипер и выстрелено. Капитан хочет уйти отсюда не позже 9-ти или 10-ти дней, а потому будем усиленно и безостановочно вооружаться.

Команда, по случаю Праздника Светлого Христова Воскресения, два дня не будет работать. Встречать этот торжественный Праздник в нашей обстановке, как тебе известно, было бы ничем иным, как насмешкой, вследствие того, что мы моряки во время плавания изъяты от постов, но так велика сила обычая у нас на Руси, что нам казалось невозможным пропустить этот торжественный Праздник без обычных церемоний: а потому и устроили разговенье в скромных размерах.

Завтра еду по содержательским обязанностям в третий раз в Саре; сделаю последние закупки для плавания. Пробуду не более суток: вследствие того, что почта завтра уходит оттуда, то я тороплюсь кончить письмо, чтобы самому отвезти его в Саре. Прилагаю ч этому письму фотографическую карточку клипера на эллинге, а также свою, снятую в Саймонсбай.

20-го апреля 1869 года. Саймонсбай.

ОТ САЙМОНСБАЙ ДО СИНГАПУРА.

...Перед выходом из Саймонсбай, я уже писал, что мы 12-го мая 1869 года уйдем в Батавию. Действительно, так и случилось; этого числа в полдень под парами снялись с якоря и отойдя на 200 миль от берега, получив легонький О-й ветер, вступили под паруса. Но этот ветер не долго дул, перейдя через S на W, вскоре совсем заштилел. И вот мы, к великому своему изумлению и против нашего ожидания видеть, по рассказам знавших Индийский океан, величественным и грозным, положительно заштилели на

10 суток до 22-го мая. Почему,—на его счет начали отпускать остроты. В эти первые 10 дней пройдено было от Саймонсбай всего 1000 миль. Капитан, руководствуясь предписаниями лоции, в которой предлагают в это время года не спускаться ниже 38 гр. широты, решил, для того чтобы получить настоящий ветер, уклониться от этих советов и спуститься в широту большую.

В предшествующие дни, мы не имели обсервации, а когда в один прекрасный день удалось ее получить, то были не мало удивлены, оказавшись в широте 41 гр. Ветер же, все-таки не дул. Наконец, как теперь помню, ночью с 22-го на 23-е число, я стоял с полночи до четырех на вахте. В начале вахты легонький W-й ветер, без всякого опасения, позволял нести полные прямые паруса. Но, по мере того, как шло время, он без всякой видимой причины стал постепенно свежеть, увеличивая наш ход. В половине вахты у меня родилась мысль, вогнать клипер в 12 узлов хода. В продолжении всего плавания нам не удавалось получить больше 11 узлов; и, как бы во исполнение моего желания, ветер продолжал усиленно свежеть, а я парусов не убавлял. К 3-м часам ходу было уже 11 узлов; видя свое столь страстное желание близким к исполнению, откровенно сознаюсь, в безумстве энтузиазма, я дал слово не убирать парусов ни под каким видом. В продолжении оставшегося часа моей вахты, ветер неудержимо свежел. Когда в половине 4-го часа я приказал вахтенному гардемарину бросить лаг, было отмечено уже 12 узлов; следовало убавлять парусов, потому что во всем клипере слышно было постоянное дрожание, а вокруг него — одна сплошная масса пены. Но, дав слово, я уже перестал и думать об уборке парусов. Сменившись с вахты, чувствовал в себе сознание выдержки, что по моему убеждению весьма важно в моряке; это льстило моему самолюбию. Не прошло и пол-часа после моей смены с вахты, как Михаил Владимирович Десятов, стоявший после меня, уже действительно принужден был убавить парусов, потому, что ветер настолько покрепчал, что убравши брамсели и грот, ход оказался все же 11— узлов. Об этом пишу столь подробно, потому, что с этого дня Индийский океан, как будто пробудившись от сна, стремился скорее восстановить потерянную было репутацию. Действительно, на другой день, и следующие за ним, ветер от W, перейдя к SW, все более и более усиливался до тех пор, пока не превратился в шторм. Тут только мы осязательно почувствовали всю его силу и наше ничтожество перед грозной стихией. Репутацию свою, Индийский океан вполне восстановил и мы на самом опыте убедились в справедливости того, что о нем говорили, хорошо его знавшие.

Десять дней, неуклонно и не ослабея, дул шторм; остававшиеся 2800 миль до Амстердама и Павла, мы пробежали за этот промежуток времени, и пересекли их меридиан на 20-й день по выходе из Саймонсбай. Нигде я не видал такой громадной, и в тоже время такой правильной волны. В этом то явлении и заключается, главным образом, величие этого Океана и его грандиозность. В течении этих дней держались значительные холода, доходившие до температуры 9 гр., вследствие чего все мы ходили во всем теплом и с нетерпением ждали тропиков.

В настоящее время, мы добрались до них и нет наибольшего желания, как дождаться наступления ночи, потому, что днем от зноя положительно не находишь себе места — солнце печет до изнеможения. Представлял себе возможность подобных ощущений, только после нашей Русской бани.

Здесь, в Батавии и вообще под экватором, только и дышут свободно по ночам, днем же, запираются по домам. Капитан, будучи напуган свирепостью суматрских и явских лихорадок, твердо решил простоять здесь не более 3-х дней, — запастись углем и идти в Сингапур.

Завтра отправляюсь в город Батавию на целый день, он отстоит от берега на расстоянии часа скорой езды. Напишу об нем подробно из Сингапура. Вчера, т. е., 19-го числа вошли в Зондский пролив . Целый день шли под парами, полным ходом, торопились засветло придти в Лиспер, — но это не удалось. Подходя уже совсем к нему, стало темно и мы потеряли свое место, почему и принуждены были стать на якорь не доходя до него. Меня на моем катере послали с фальшфейерами найти тускло горевший городской маяк и сжечь около него несколько фальшфейеров для определения своего места; что и было мною исполнено. Благодаря этому случаю, я, один из числа всех офицеров клипера, побывал в Лиспере. Сегодня утром снялись с якоря и, после благополучного перехода, в 5 часов пополудни стали на якорь в Батавии, совершив плавание Индийским океаном в 38 суток.

Доказывая неоднократно уже прежде неосновательность фатального взгляда, который приобрел себе "Всадник" в течении первых неудачных своих плаваний, мы совершили блистательный переход без малейших потерь; это должно окончательно смыть с нашего славного клипера печальное "реноме", преследующее его с начала службы. А мы еще, кроме того хотим, на деле, доказать всему Русскому флоту, что он даже из числа самых счастливых, когда-либо плававших судов под военным Андреевским Русским флагом.

Ранее уже говорил о том, что пробудем в Батавии не более 3-х суток, и это по весьма основательным причинам, во-первых: потому, что здесь мы получили бумагу из Морского Министерства, как можно больше торопиться к Сахалину, вследствие того, что явилась надобность иметь там судно вооруженное солидною артиллериею. Во-вторых: команда наша, привыкшая к умеренному климату Южной Африки и еще более южнаго Индийского океана, в Батавии, на острове Ява, при господствующих здесь жарах, может легко захворать, так называемой "явской лихорадкой", — одной из самых ужасных болезней, могущей сравниться разве только с нашей холерой.

21-го июня, сменившись с вахты утром, я поехал

на берег. Севши, на пристани, в одну из колясок, — через 3/4 часа скорой езды прибыл в город, в гостиницу "Марин Отель". Всех жителей на острове 12 миллионов, из этого числа 150 тысяч только голландцев, держащих всех остальных в безусловной кабале. Город имеет не одинаковый стиль построек по внешнему своему виду, потому что отстраивался не сразу, а постепенно, по мере того, как эмиграция из Европы сюда меняла свой состав прибывающих. По этим причинам, он являет своим внешним обликом весьма оригинальный вид. Рядом с небольшим домиком, например, стоит роскошный коттедж и непременно с садом, дающим аромат и благодетельную тень.

Имея в виду, что завтра, 22-го июня утром, мы непременно снимемся с якоря, я торопился, в немногие оставшиеся мне часы, осмотреть, насколько было возможно, город. Тут впервые увидел китайцев, без исключения всех бритых и с косами. Впредь мне предстоит встречаться исключительно с этим типом людей. Поздно ночью я возвратился на клипер, а на другой день в 8 часов, мы под парами снялись с якоря, определили девиацию и взяли курс на Сингапур. Переход этот в 550 миль можно было сделать не более, как в 2½ дня; но мы, становясь каждый вечер на якорь, подошли к нему на 5-ые сутки, поздно вечером, не дойдя до него 16 миль. Стали на якорь в одной бухте, имея намерение завтра с рассветом войти на рейд.

Около 10-ти часов вечера, уже приготовившись ложиться спать, потому, что должен был стоять на вахте с полуночи, услыхал звон к пожару. В столь поздний час, конечно, не для ученья пробили полный пожар. В продолжение 5-ти дней, идя под парами в самых жарких местах на земном шаре, котлы совершенно накалились; деревянные клинья, подложенные под них, дали запах тления. Сначала дым и запах показались за котлами: накачав туда воду, помпою, он прекратился, а через некоторое время показался в правых сетках. Тогда-то и была пробита полная пожарная тревога. На обоих сторонах прорубили сетки над котлами и начали качать туда воду. В трюм напустили 34 дюйма воды, которая подошла под котлы и должна была их охладить. Принятые меры, были настолько скоры и успешны, что мы даже не видели огня.

Однако, капитан, будучи основательно напуган этим происшествием, решил уже больше, по крайней мере, недели не разводить пары, а, при господствующих здесь штилях и противных течениях, под парусами нечего было и думать подойти к Сингапуру. По этим причинам, капитан решил отправить офицера на своем вельботе в город для найма парохода, который должен был отвести клипер на буксире на рейд. Выбор пал на меня, почему на другой день, в 5 час. утра, забрвши с собою провизии на три дня, компас и другие необходимые вещи, я и отправился на вельботе, взявши, как следовало курс на Сингапур.

Шел, где можно, под парусами, а не то на веслах в продолжении 6-ти часов до Сингапура. Стоявшие на рейде суда, были весьма удивлены, увидевши вельбот под Русским военным флагом, не видя никого выше его рангом. На берегу, найдя Вампуа, нашего Консула, я объяснил ему, как мог, свою цель поездки. Он меня понял, потому, что немедленно исполнил все в чем я имел надобность. Нанявши, через посредство Консула пароход в 60 номинальных сил за 100 долларов, я без замедления отправился в обратный путь, имея вельбот на буксире. Теперь это расстояние было пройдено в 2 часа с небольшим. На клипере, увидавши нас, стали сейчас же подтягивать канат. На расстоянии ½ кабельтова, крикнувши о том, что пароход возьмет клипер борт о борт, просил приготовить концы.

Когда пароход был укреплен нашими кабельтовыми у борта, якорь подняли, и мы в конце 6-го часа пополудни пошли на буксире английского парохода. Капитаном было выражено удивление и удовольствие, что так скоро было исполнено поручение; он был в полном убеждении, что возвращусь не ранее затрашнего дня. Около 10-ти часов вечера этого же дня, т. е., 26-го июня, мы стали на якорь на Сингапурском рейде. Писем здесь я не ждал, а потому нисколько и не был огорчен, не получив их.

Остелецкий здесь получил несколько десятков номеров, за февраль и март, "Кронштадтского Вестника". Как видно из них, во флоте делаются большие преобразования. Мы, т. е., клипер "Всадник" причислен к 3-му Экипажу и к 2-му Отряду. Каждый раз по получении газет и писем, все в разных углах неустанно глотают новости, а затем на целую неделю по поводу их возникают разговоры и обсуждения; в нашей монотонной жизни это служит большим развлечением. Из этих же газет и писем узнал, что на Амуре неуклонно готовятся 3 судна под брейд-вымпелом Пилкина. На этот отряд назначен наш товарищ Скрягин; хотя в Корпусе, мы с ним не очень были в коротких отношениях, но мне почему то приятно сознавать, что через некоторое время встречу человека весьма близкого и очень хорошо знакомого.....

Мы здесь простоим не более недели, осмотрим помощью кренения правую носовую подводную часть клипера. В течение перехода, в шкиперской каюте показалась небольшая течь; предполагают, что дурно была вбита пробка, и что через нее просачивается вода. На осуществление этой работы, потребуется не более 2-х дней. Артиллерией и шлюпками, можно накренить клипер градусов на 8, — а это совершенно достаточно, чтобы можно было открыть пробку и отодрать около нее несколько медных листв наружной обшивки. Жара здесь так нестерпима, что я съехал на берег с исключительной целью в гостинице нанять номер и в прохладной команте писать письмо, — и то вечером.

Сингапур довольно порядочный город и в европейском вкусе, разделен на кварталы: — китайский и английский. В первом, господствует нищенство и грязь, все люди ходят полуголыми, а чтобы солнце не прожигало тело, они мажут его кокосовым маслом. На солнце оно дает ослепительный блеск и цвет.

Сингапур, 28-го июня 1869 года.

(Продолжение следует)

„РОСТИСЛАВ“

Эскадренный броненосец "РОСТИСЛАВ", переименованный в линейный корабль после Русско-японской войны, был заложен в Николаеве, на эллинге Казенного Адмиралтейства, 6 мая 1895 года, постройка же его начата в июне 1894, под наблюдением кор. инж. Яковлева. На постройку употреблялась Русская сталь, изготовленная Брянскими заводами.

20 августа 1896 года, корабль был спущен на воду, в присутствии Генерал-Адмирала Великого Князя Алексея Александровича и Главного Командира Черноморского Флота вице-адмирала Копытова. Командиром броненосца был, в тот день, капитан 1 ранга Смирнов. 20 июня 1897 года броненосец, под командою капитана 1 ранга Спицкого, под своими машинами, перешел для окончания работ в Севастополь. Испытания броненосца были закончены в апреле 1900 года и 1 мая, Высочайшим Приказом по флоту, командиром корабля назначен Флигель-адъютант Капитан 2 ранга Великий Князь Александр Михайлович. 1 июня того же года, эскадренный броненосец "РОСТИСЛАВ" начал кампанию и вошел в состав Практической Эскадры Черного моря, под флагом вице-адмирала Андреева.

Корабль получил свое название в память четырех кораблей Российского Императорского Флота, носивших это имя в течении 85 лет и плававших, в общей сложности, 55 лет. Имя "РОСТИСЛАВ" было дано в честь Великого Князя Ростислава-Михаила Киевского, родившегося в 1162 году и причисленного к лику святых.

ПЕРВЫЙ 66-пушечный корабль "РОСТИСЛАВ" был построен в Архангельске, спущен на воду 7 мая 1769 года. Размер имел: длина 166 фут. 6 дм., ширина 41 ф. 6 дм., глубина ин-трюма 18 фут.

24 июня 1770 года, корабль, в составе эскадры графа Алексея Орлова, участвовал в Хиосском сражении, находясь под брейд-вымпелом Капитан-Командора Грейга и под командою капитана 1 ранга Лупандина. По отзыву Грейга "корабль действовал с большой решительностью, на самом близком расстоянии". В ночь с 25 на 26 июня "РОСТИСЛАВ" принимал деятельное участие в Чесменском сражении. "РОСТИСЛАВ" вел бой на расстоянии полутора кабельтов. Все распоряжения Грейг отдавал с "РОСТИСЛАВА". Командою корабля, под начальством старшего офицера капитан-лейтенанта Булыкова, был взят в плен и выведен из огня 60-пушечный турецкий корабль "РОДОС". До 1774 года, "РОСТИСЛАВ" принимал участие в военных действиях в Архипелаге. По возвращении эскадры в Кронштадт, Императрица Екатерина Великая посетила "РОСТИСЛАВ", — на нем были собраны все участники экспедиций, был прочитан Рескрипт и розданы награды. В 1782 году корабль был разобран.

ВТОРОЙ 100-пушечный корабль "РОСТИСЛАВ" был спущен на воду в Кронштадте 23 мая 1784 года. Размеры имел: длина 186 фут., ширина — 51 ф. глубина ин-трюма 24 ф. 4 дм.

6 июля 1788 года, корабль, в составе эскадры адмирала Грейга, участвовал в Гогландском сражении. Действия его были блестящи: он сошелся с кораблем шведского, генерал-адмирала и тем заставил двенадцать неприятельских кораблей спуститься под ветер, затем, после жестокого боя, "РОСТИСЛАВ" принудил к сдаче 74-пушечный шведский корабль "ПРИНЦ ГУСТАВ", с вице-адмиралом Вахтмейстером. 15 октября 1788 года, в Ревеле, на корабле "РОСТИСЛАВ" скончался адмирал Самуил Карлович Грейг.

2 июля 1789 года "РОСТИСЛАВ", под флагом адмирала Чичагова, был в сражении, со шведскою эскадрою, близ острова Эланда.

В кампанию 1790 года, "РОСТИСЛАВ", в составе эскадры адмирала Чичагова, участвовал в Ревельском сражении, 2 мая и принудил к сдаче 64-пушечный шведский корабль "ПРИНЦ КАРЛ". 22 июля того же года корабль, под флагом адмирала Чичагова, участвовал в Выборгском сражении.

В 1802 году, второй "РОСТИСЛАВ" был разобран. Имеются сведения, что корабль этот был исключительно красив.

ТРЕТИЙ "РОСТИСЛАВ" был спущен на воду в Кронштадте 31 июля 1813 года. В военных действиях не участвовал и, прослужив 14 лет, был разобран в 1827 году.

ЧЕТВЕРТЫЙ 84-пушечный корабль "РОСТИСЛАВ" был построен в Николаеве и спущен на воду 1 ноября 1844 года. Размеры имел: длина — 196 ф. и ширина — 55 фут.

В 1852 году, корабль, в составе эскадры из 17 судов, был на последнем смотру Императора Николая Павловича Черноморскому Флоту. В 1853 году "РОСТИСЛАВ", принимал участие в перевозке десантных войск на Кавказ, а 18 ноября, в эскадре адмирала Нахимова, под командою капитана 1 ранга Кузнецова, был в Синопском бою. Своими выстрелами, он уничтожил береговую батарею № 6 и сильно способствовал истреблению турецкого флота. В 1854 году. офицеры и команда корабля "РОСТИСЛАВ" были переведены на береговые батареи, для защиты Севастополя. Между бастионами 5 и 6, командою корабля был выстроен редут, получивший название "РОСТИСЛАВСКОГО". В феврале 1855 года, по приказанию адмирала П. С. Нахимова, корабль был затоплен на Севастопольском рейде для заграждения входа в бухту.

ПЯТЫЙ линейный корабль "РОСТИСЛАВ", обладая обширным роскошным, адмиральским помещением, в течении своей многолетней службы в составе судов Черноморского Флота, многократно бывал флагманским кораблем эскадры. На корабле держали свой флаг адмиралы Цывинский, Сарнавский и Бострем. Во время Балканской войны 1912 года, корабль про-

должительное время, совместно с крейсером "КАГУЛ", пребывал в составе международной эскадры на Босфоре, для защиты в Турции интересов Русских подданных и православных людей. Корабль состоял под командованием капитана 1 ранга М. П. Саблина и находился под флагом контр-адмирала Петрова-Чернышина.

Во время войны 1914-17 гг. корабль участвовал во всех многочисленных боевых операциях флота, находившегося под командованием адмиралов Эбергарда и Колчака, в непрерывных крейсерствах, для осуществления блокады Босфора и угольного района Анатолийского побережья. Корабль участвовал в бою с германо-турецкими крейсерами "ГЕБЕН" и "БРЕСЛАУ" 5 ноября 1914 года. В ту пору, кораблем командовал капитан 1 ранге Порембский. Корабль осуществлял многочисленные бомбардировки Трапезунда, Зунгулдака, береговых фортов Босфора и Инады. Корабль участвовал в бою с "ГЕБЕНОМ" у Босфора, 25 апреля 1915 года, находясь под командованием капитана 1 ранга И. С. Кузнецова. При совместных действиях судов Черноморского флота и приморского отряда Русских войск, корабль участвовал во всех бомбардировках, осуществлявшихся для содействия наступлению Русских войск вдоль берега Лазистана, по направлению к Трапезунду. У Хопа, Архаве, Вице, Атина, Мепавре, Ризе, Оф, Хамуркан, Сюрмене позиции неприятеля были неоднократно обстреляны кораблем, для поддержки наступления Русских войск генерала Ляхова, вдоль побережья к Трапезунду.

Во время Гражданской войны, линейный корабль "РОСТИСЛАВ" был затоплен своею командою, в 1920 году, при эвакуации Крыма, в Азовском море, недалеко от входа в Керчь-Еникальский пролив.

Н. С. Чириков.

Мирная полковая жизнь

(Из книги "От Тифлиса до Парижа")

Царские-Колодцы (стоянка Тверцов), расположенные в 13 верстах от железной дороги, казались краем света. Не было там, конечно, ни театра, ни кино, ни даже простого кафе. Жизнь протекала однообразно. Свободного времени у офицеров было много. Холостые шли "на огонек" к семейным. А огоньков этих было много. Вот группа офицеров, во главе со шт.-ротм. Хрженстовским (товарищи звали его "паном"), направляется к 2-х этажному домику, стоящему на пригорке — к ротм. Ратиеву. Пан, отличающийся слабым здоровьем, не подымается наверх, а долго совещается с поваром Пиррусом о том, — что он будет есть. Наверху, радушная София Евстафиевна угощает гостей и с беспокойством спрашивает пана: — Вам нельзя острого, что бы такое приготовить? Пан успокаивает ее, заявляя, что он уже заказал себе суп. И казалось в порядке вещей являться ежедневно к семейным и пользоваться их гостеприимством часов до 12-ти ночи. У князя Алеши Амилахвари две очаровательныя девочки — Марта и Ира и мальчик Ника. С детьми возни много, но и у княгини Нины Ивановны видны гости, раздаются звуки граммофона и готовится ужин на всех. Много лет спустя, уже в эмиграции, я зашел к Амилахвари, живущим под Парижем. Марта и Ира уже взрослые барышни, Ника (мой крестник) — шоффер такси. Сам Алеша — рабочий на заводе. Но гостеприимство все то-же и за столом я насчитал 15 человек. Уже при немцах был сформирован грузинский отряд. Пылкая грузинская молодежь шла на фронт, мечтая о создании свободной Грузии. Грузии им увидать не пришлось. Дрались они где-то в Румынии, потом на Перекопе, совершали геройские подвиги... Из этой экспедиции бедняга Ника не вернулся.

В полку было много страстных охотников, офицеров и солдат. В одну сторону от стоянки полка начиналась Ширакская степь, изобилующая джейранами, волками, лисами, куропатками, дрофами и зайцами. Если спуститься вниз, в Алазанскую долину, то за Алазанью, в лесах, была охота на кабанов, оленей, коз, медведей, волков, лис, шакалов, зайцев.

Коренное население Царских-Колодцев — это зажиточные крестьяне, в большинстве из старых кавказских солдат. Среди них много опытных охотников. Я жил в доме корнета Нечволодова, страстного охотника. У него собирались для обсуждения предстоящей охоты. Приходил полковник Яхонтов (дядяРостя), приходили Мамацев, Градганд, Горчаков, Туганов, Дударов и другие... Сидят они в глубах дыма, попивая вино и закусывая грузинским сыром с тархуном (эстрагон). Прислушиваются к голосу старых охотников, знатоков местности из крестьян: Точилина, Кузьмы и других. Возьмем с собой Султана? — спрашивает Нечволодов.

Точилин вынимает трубку изо рта, пускает клуб дыма и изрекает: — Ни к чему, — и участь Султана решена: он остается дома. Потом решают где собраться, кто дает подводу, кто сало и т. д. Деньщик Григоров заявляет: "А я навертаю котлет гору".

Если офицеры уступали первое время местным охотникам в знании местности, то всему остальному позавидовал бы любой охотник: это были прекрасные стрелки, находчивые и неутомимые, а такие силачи как Градганд, Горчаков, Нечволодов и Дударов, не побоялись бы пойти один на один с рогатиной на медведя. Общаясь постоянно с охотниками из крестьян, наши офицеры, незаметно для себя, перенимали их обычаи, суеверия и язык. Ахмед Дударов уже не говорил: я выстрелил, — а говорил: — я вдарил.

Страстными охотниками были и вольноопределяю-

щиеся-немцы. По установившейся давно традиции, прибалтийские бароны шли отбывать воинскую повинность к Тверцам. По духу большие традиционисты, они шли, по стопам какого-то своего пра-прадеда, к нам на Кавказ. В полку не переводились Пистолькорсы, Бахи, Мюллены, Цур-Мюллены, Бремены, Пиляры-фон-Пильхау, Гагемейстеры, фон Курсели... Их тянула к нам не только охота. Их тянул особый уклад жизни в полку, кавказские традиции и то, что, вне службы, они были приняты, как равные, в офицерскую среду. Окончив службу, они поддерживали связь с полком. В дни полкового праздника собирались они в своих клубах и посылали поздравительные телеграммы.

Я не помню, чтобы кто-нибудь на Царских-Колодцах болел. Как-то раз, Нечволодову показалось, что он серьезно заболел. Вызвали полкового врача. Доктор Ахвледиани, войдя в комнату, обратился к деньщику:

— У твоего корнета вино есть?

— Так точно, есть.

— Так что же смотришь? Дела своего не знаешь? Давай его сюда и сыр не забудь.

Сидит Ахвледиани, попивает вино и нас угощает. Потом встает и начинает прощаться.

— Что же ты меня не осматриваешь и не прописываешь лекарства. — забезпокоился Нечволодов. Ахвледиани удивлен:

— Мало того, что меня потревожил, ему еще лекарства выписывай. Некогда мне этим заниматься. Пей вино и все пройдет...

Услышав предписание врача, деньщик Григоров бросился на кухню и притащил все вино, которое было в доме.

— Поправляйся, Ваше Благородие...

В жизни холостых офицеров деньщик играл большую роль. Денщик — это слуга, друг и нянька, в одно и то же время. Как то раз, пришли к Нечволодову товарищи и мы решили заняться спиритизмом. Уменьшили свет, сели вокруг стола и положили руки на блюдце. Денщик Григоров ходил на цыпочках вокруг стола и с опаской поглядывал на блюдце. Когда блюдце стало двигаться, — Григоров удрал.

Сижу я на другой день и пью чай. Появляется Григоров, протягивает руку над моим стаканом и делает какие-то пассы. Это меня заинтересовало: неужели Григоров спирит. Оказалось, что нет... Прилипший к ладони Григорова кусочек сахара отлип и плюхнулся в мой чай.

— Пей Ваше Благородие, а ежели не скусно, то принесу еще — сахару у нас довольно... — с гордостью заявил он.

С наступлением весны, начинались эскадронные и полковые учения. С утра, эскадроны выходят в поле. Вот ротмистр Натиев ведет свой образцовый 2-ой эскадрон. Горячий, вспыльчивый, он что-то кричит и скачет вдоль эскадрона; командир 4-го эскадрона, флегматичный перс, принц Фазула-Мирза (Фази) важно покуривает трубку, делая приветливый знак ротмистру Мелешкевичу, котрый ведет беседу о хозяйственных делах со своим вахмистром. Кн. Нико Чавчавадзе весело перекликается на грузинском языке с к-ром 5-го эскадрона, ротм. Ратиевым.

Фази не признает ученье в пешем строю и не любит слезать с коня. В Русско-Японскую войну он был тяжело ранен, в рядах кавказских туземных частей во время атаки японской батареи. Вернулся он в полк с укороченной ногой и ходил на высоком каблуке.

— Смотрите, смотрите — Фази спешил свой эскадрон и разсыпал его в цепь. — удивились как-то раз офицеры и незаметно приблизились, чтобы послушать чему он учит солдат. Фази молча прогуливатся вдоль лежащих драгун, останавливется и спрашивает:

— Видали-ли вы братцы моего Борджико (недавно родившийся сын)? А как вы думаете, хороший выйдет из него солдат?

— Так точно, хороший, Ваша светлость...

— Ну, вставайте, довольно валяться... к коням... садись... — командует Фази.

Полковое учение. По сигналам командира полка, полк двигается то шагом, то рысью, то галопом. Эскадроны то собираются в резервную колонну, то вытягиваются в одну линию, то делают захождение плечом. Упражнений много. Молодых офицеров, конечно, больше всего интересует команда: "Шашки к бою... марш-марш"., когда весь полк бросается в атаку. Или, когда на полном ходу раздается команда: "К пешему строю... слезай". По этой команде все соскакивают на землю, не задерживая заранее коней и, не теряя минуты, бегут, с винтовками в руках, разсыпаясь на ходу в цепь. К концу ученья, над полком клубы пыли, слышится тяжелое фырканье коней, звон сталкивающихся стремян. В разгар ученья, то здесь, то там повиснет в воздухе крепкое русское словцо, Словцо это уносится попутным ветерком, не оставляя ни на душе, ни на сердце никакого осадка. Такого рода брань, "на воротах не виснет". Солдаты понимают, что "заучающие" стараются, чтобы все выходило хорошо, что через месяц соберутся все четыре полка дивизии, и что Тверцы не должны быть хуже других.

Полк спешивается, чтобы передохнуть. Солдаты ложатся у самых ног лошадей, закуривают махорку. Офицеры со всего полка собираются вместе и тоже ложатся на траву. Подходит старик трубач Скворцов. Его держат в полку за его прежния заслуги. Он даже не играет, а только для виду сосет трубу. Для него к-р 6-го эскадрона, кн. Чавчавадзе — просто Коленька, которого он знал мальчиком, также как и княгиню Катюшу. Принято считать, что деревня дает в полк необразованных и неумеющих держать себя парней. Это далеко не так. В деревне свои правила вежливости, свои традиции, свои понятия о том, что можно, а чего нельзя. Офицеры перед полком громко говорят, хохочут... а солдаты держат себя сдержанно и говорят вполголоса. Бывает, конечно, что лошадь наступит на повод и драгун выругается. Услышав ругань "дядя Ростя" подымает голову: "Что за паршивая

привычка ругаться. Неужели вы, сукины дети, не можете двух слов сказать без ругани?".

Офицеры смеются.

— Ростя, а ты сам почему же ругаешься?

— А ведь верно — вот свинство, — смеется дядя Ростя.

Кончилось ученье. Эскадроны возвращаются по казармам.

— Песенники вперед — оборачивается кн. Мхеидзе к эскадрону.

— Песенники упиред, — передают солдаты по рядам. Запевало начинает песнь про Ахал-Текинскую экспедицию:

"Смирно... слышится команда и навстречу марш гремит.
Командир полка Тверского ясным соколом летит...

Хор подхватывает:

"Богу слава — Тверцам браво, бой кипит, блестят клинки
Пусть гремит драгунска слава во степях Ахал-Теке...

Эскадроны идут вольно. От эскадрона несется запах махорки, конского пота, ваксы, Запах, который для старых кавалеристов дороже запаха лучших духов.

Уничтожение шайки разбойника Михо

В описываемое мною время (1908-1913 г.), полк жил мирной жизнью и боевые дела отходили в область преданий. Гордые делами своих предков, были ли Тверцы достойными их наследниками? Один случай показал, что старый полк все тот-же.

Однажды, до моего выхода в полк, Тверцы мирно справляли праздник одного из своих эскадронов. Все шло обычным порядком: обед, речи, песенники. Но, в известный момент, началось что-то неладное. Мимо казарм проскакали милиционеры, появился местный пристав, около почты стали собираться жители и что-то обсуждать. Выяснилось, что на Сигнах (город в 30 верстах от Царских-Колодцев) напал знаменитый разбойник, Михо. Поползли слухи, что бои с разбойниками идут где-то не то на р. Иоре, не то на р. Алазань. Офицеры еще сидели за столом, когда было получено приказание 5-му эскадрону седлать коней. Через несколько минут, он уже выстроился перед казармой. От него отделились разъезды и на рысях пошли в "Орлиное Ущелье". Вслед за ними двинулся и эскадрон. Настали минуты томительного ожидания. Молодые офицеры начали перешептываться и один за другим незаметно покидать стол. Командир полка это заметил.

— Дежурный офицер, попросите всех к столу и чтобы никто не смел отлучаться из штаб-кватиры: могут потребовать еще эскадрон...

— Разбойники успели уйти — разнеслось по Царским-Колодцам.

— Нет, не ушли... бой идет на переправе... — передавали другие. Чем дальше, тем сведения становились точнее.

— Шайка окружена, идет ожесточенная перестрелка.

Немного спустя: — возвращаются и везут на арбе убитых.

Все в тревоге: каких убитых? И вот, наконец, последняя радостная весть, доставленная драгуном, ведущим раненого коня: убиты — сам Михо, его помощник, свирепый Шакро и молодой, отличающийся особой отвагой, Ладо. После бешенной гонки, драгуны успели перехватить шайку у переправы. В завязавшейся перестрелке, драгуны вели себя выше всякой похвалы. Они лезли вперед, пытаясь "пымать" разбойников живьем. Чудом никто из них не был убит: один драгун, напр., показывал свою винтовку, в дуло которой вошла пуля разбойника. Героем дня был поручник Гуцунаев, заработавший на этом деле орден Св. Станислава.

Г. Танутров

ПРОМЕТЕЙ

(Из цикла "Эллада").

На граните цепями распластанный, ледяными ветрами обвеемый,
Каждый день от зари до зари раздираемый клювом орла,
Неотрывно глядит Прометей на далекую милую землю,
Где великим страданьем его многоликая жизнь расцвела.

И забрызганный черною кровью, со чревом истерзанным в клочья,
Вспоминая Зевесов запрет и всемудрый его произвол,
Он порой напрягается весь, так безумно и гневно хохочет,
Так неистово бьется в цепях, что в испуге взлетает орел.

Да и как не стремиться ему на прекрасную Землю обратно,
Чтобы руку свою приложить ко творимому ныне на ней?
Лишь теперь, через много веков, стало все Прометею понятно,
Ибо он, созерцая, постиг сокровенную сущность людей.

И когда бы покинуть он мог, хоть на время, свой жертвенный камень,
В воздаянье царям и народам за помыслы их и дела,
Он похитил бы вновь у Зевеса с небес очистительный пламень,
Чтобы весь человеческий мир истребить — навсегда и до тла.

Н. М.

Двойной хлюст

Дела давно минувших дней
Преданья старины...
А. С. Пушкин.

"Командиру Н-ского Уланского полка. Для исполнения"... Поручик Мирецкий, полковой адъютант Н-ского Уланского полка, потер лоб, вздохнул и начал читат. бумагу сызнова. Он прочел всю переписку еще раз сначала и до конца. Несомненно было, что смысл написанного ускользал от него совершенно.

Поручик Мирецкий сердито поправил аксельбант, сумрачно посмотрел на висевшие на стене опись дел и табель срочных и внесрочных донесений... и задумался.

В адъютантскую комнату вошел корнет Башилов, делопроизводитель полкового суда. До поступления в училище, Башилов пробыл два года на юридическом факультете Университета и потому слыл в полку юристом и докой по письменной части.

Поручик Мирецкий встрепенулся — приход Башилова был, как нельзя более, кстати.

— Посмотри, пожалуйста, Борис Александрович, — обратился поручик Мирецкий к корнету, — вот тут Штаб дивизии прислал для исполнения сношение Х-ского Окружного Управления. Вот четвертый раз читаю, а, ей Богу, не могу понять, что же от нас в конце концов требуется?

Башилов подошел к столу, за которым сидел адъютант, взял переписку и погрузился в чтение.

По мере того, как он читал, лицо его делалось все более и более сосредоточенным. Дочитав до конца, он сказал:

— Постой, Владимир Иванович, дай я прочту еще раз сначала.

Прочитав еще раз, Башилов развел руками и смущенно сказал:

— Хоть убей — ничего не понимаю.

В это время в комнату вошел, новый дежурный по полку, штабс-ротмистр Деленч-Мещовский. Увидя хмурые, сосредоточенные лица Мирецкого и Башилова, он поинтересовался — в чем дело.

— Да вот не можем тут разобраться, — отвечал Мирецкий.

Штабс-ротмистр снял пенснэ и, прищуривая близорукие глаза, принялся читать переписку.

Несколько минут прошло в глубоком молчании. Прочтя бумагу, штабс-ротмистр Деленч-Меюовский сердито сказал:

— Что за галиматья — ни черта понять нельзя.

Адъютант умоляюще посмотрел на штабс-ротмистра:

— Так как же быть Владислав Мамертович?..

Мещовский надел пенснэ, посмотрел на потолок, перевел взгляд на стену, где висело несколько полковых групп и портретов, снова снял пенснэ, почесал переносицу и сказал:

— Позови Хованскаго.

Адьютант нажал кнопку. Вошел дежурный писарь Киселев, немного сонный, с торчащим вихром, зачесанных ежиком, волос.

— Киселев, позови Хованского, — приказал Мирецкий.

— Слушаю Ваше Благородие. Приказали позвать Хованского, — отрапортовал Киселев, повернулся налево кругом и вышел.

Через минуту, в комнату вошел Хованский, выше среднего роста солдат, с четырьмя шевронами на рукаве, изжелто-бледным лицом, сивыми небольшими усами и порядочной лысиной, обрамленной черными сильно поседевшими волосами. Мундир и рейтузы сидели на нем как-то мешковато. Хованский — сверхсрочно-служащий старший писарь, в течение долгих лет бывший правой рукой полковых адъютантов, был живым справочником по всем вопросам полкового делопроизводства. Он вошел со степенной почтительностью и остановился, вытянувшись перед офицерами.

— Здравствуй Хованский, поздоровался штабс-ротмистр.

— Здравия желаю, Ваше Благородие, степенно-почтительно ответил Хованский.

— Послушай Хованский, сказал Мирецкий, вот тут, при надписи Штаба дивизии, сношение Х-ского Окружного Управления, на вот прочти...

Хованский степенно подошел, осторожно взял переписку и стал читать, отодвигая бумагу далеко от глаз. Читал он довольно долго, слегка шевеля губами и морща лоб. Прочтя он почтительно протянул бумагу адъютанту.

— Ну, что же. Понял? спросил поручик Мирецкий. Взгляды всех трех офицеров устремились на Хованского.

— Понять, Ваше Благородие, не понял, а ответить сумел бы, отвечал старший писарь.

— Что же ты ответишь, если ничего не понял? — возразил поручик Мирецкий.

— Да, Ваше Благородие, разрешите доложить — бумага то хлюстом написана.

— То есть, как это хлюстом?

— Да так, Ваше Благородие, — хлюстом, — это когда тот, кто пишет понимает в чем дело, а кому бумагу пошлют тот не поймет.

— Так как же быть? — не обращаясь ни к кому, со вздохом сказал поручик Мирецкий.

— Да Вы, Ваше Благородие, не извольте беспокоиться. Мы им двойным хлюстом ответим, проговорил Хованский.

На лицах офицеров отразилось изумление.

— Это что еще за двойной хлюст? спросил штабс-ротмистр Мещовский.

— А так, Ваше Благодие, — мы будем писать, — не будем понимать и они как получат не поймут, доложил Хованский. Офицеры разсмеялись.

Чача через два, в папке полкового адъютанта лежала, уже приготовленная к подписи, бумага.

Командир полка "письменных упражнений" не любил: доклады требовал самые краткие, а "вермишель" подписывал вовсе без доклада.

Подписав среди многих других и эту бумагу, командир полка облегченно вздохнул, встал и довольный тем, что быстро отделался от "скучнейшей канцелярщины", отправился завтракать. Бумага была отправлена. Никакого ответа на нее не последовало и переписка по этому номеру прекратилась к великому удовольствию полкового адъютанта.

А. К.

Миниатюры прошлого

Живя заграницей, среди чужих людей и нравов, я невольно оборачиваюсь назад. В дымке далекого и безвозвратного прошлого, вспоминаю кадетские годы, училище, полк, где вся жизнь и служба были окутаны романтикой служения Отечеству и верности Престолу.

1. Кадет 2-ой роты обращается к воспитателю: "Господин Капитан, почему у нас офицерам не разрешается вне службы носить штатское платье, как в иностранных армиях? Было бы удобнее и менее стеснительно".

Ответ: "У нас в России офицерская форма есть вещь почетная, и далеко не каждому дано право ее носить; ее надо заслужить и быть достойным. При таких условиях, она стеснительной быть не может".

2. В 1-й строевой роте, кадетам в нарядах и при увольнении в отпуск, положено ношение на поясе штыка. Это право надо было заслужить в индивидуальном порядке, сдав "словесность" или так называемый "Экзамен на штык", в присутствии ротного командира. Заключался он в знании сигнальной азбуки Морзе, точном определении слов: "Присяга, Знамя, Солдат", перечислении членов Императорского Дома и подробном знакомстве с подвигами Архипа Осипова, майора Горталова и др. бессмертных героев Русской Армии. Так, незаметно для себя, мы воспринимали всю красоту и обаяние военной службы и среды.

3. Строевые занятия 1-ой роты на плацу. Под барабан вымеряется шаг, затем сменяет его оркестр. Ротный командир доволен, благодарит, останавливает роту; мы берем "к ноге". Издали, доносятся звуки приближающихся трубачей, и мимо нас, возвращаясь с маневра плавно проходят, на рыжих лошадях, эскадроны Новгородских драгун. Мерно, в шаг лошади, покачивается их полковой Георгиевский штандарт в чехле. "Рота смирно, слушай на караул", подается команда ротного командира. Как один, отбивая приемы, мы отдаем честь и офицеры салютуют. Наш оркестр играет марш Новгородского полка, драгунские трубачи отвечают маршем Военно-Учебных Заведений...

Все это просто... отдание воинской чести, но как это красиво и торжественно, и как мы, кадеты, горды, стоя в строю.

4. 26-го сентября наш корпусной праздник. К этому дню, в корпус съезжается много гостей и бывших кадет. Чудесный осенний день. Парад в мундирах на плацу. Торжественно выносится знамя, молебень перед строем и затем церемониальный марш. На левом фланге 1-го взвода, впереди которого, при двух офицерах-ассистентах, становится знамя, выстраивается по старшинству шеренга бывших кадет, чтобы пройти еще раз, уже офицерами, под сенью родного знамени. Яркие парадные формы мирного времени: тут и гвардия, и пестрые формы кавалерии, и строгие мундиры пехоты и артиллерии, все свежо и нарядно. Затем долгое несмолкаемое "ура" Державному Вождю-Государю Императору и чудные, мощные звуки нашего несравненного Гимна. Это было давно... Но, написав эти строки, я снова все пережил и вижу вновь колыхающееся наше знамя и безупречную линию штыков проходящей 1-ой роты.

5. — *Кавалерийское училище.*

Много приходиось слышать и самому испытывать, из того, что называется "цук", цель которого была, в кратчайший срок, из "молодого зверя" создать кавалерийского юнкера, выработать в нем отчетливость, исполнительность, одновременно элегантность и легкость в движениях. Да, цукали нас много, никогда не допуская грубости, а, тем более, ничего обидного для самолюбия. Сотни и сотни раз мы приседали, вращались, являлись рапортуя и, в итоге, приобретали особый облик, так отличавший всегда кавалерийского юнкера от юнкеров других родов оружия. Нас тянуло начальство, а еще больше старший курс — "благородные корнеты".

Стоило "молодому" опоздать или совершить какую нибудь оплошность, как старшие кричали: "молодой, вы Царскую службу мотаете"... и это имело глубокий смысл: исполнительность и отчетливость доводились буквально до виртуозности. Служба как и строй были для нас священны.

6. — Суббота, отпуской день с ночевкой. Вечером в тумане, при тусклом освещении улицы, я слышу издали легкое бряцанье сабли и звук приближающихся шпор. Инстинктивно прикладываю руку к алой безкозырке. Из темноты вырастает предо мной фигура командира экадрона. "Юнкер, пожалуйства сюда — почему вы не встали во фронт" — "Виноват, не заметил в тумане" — говорю я. "Юнкер может не видеть, но должен чувствовать приближение начальства. Отправляйтесь в Училище и доложите дежурному офицеру, что я оставляю вас на две недели без отпуска". С грустью возвращаюсь я в Училище, когда в городе ждало столько приятных встреч и переживаний... Особой строгости мы в этом не видели, вся жизнь на-

та была построенна на строгой дисциплине. Пропляпил — вот за это и плачу...

7. — По окончании Кавалерийского училища, мы выходили в полк, попадая в новую для нас среду, которая вносила свое исправление. Молодежь в полку поручалась "старшему корнету", который, незаметно, наставлял молодого в полковой жизни, развивая в нем любовь к службе, лошади и спорту.

Итак год за годом, наши Российские Императорские корпуса и училища формировали крепкие кадры Русского офицерства, спаянные общими взглядами и воспитанием, создавая сильную военную касту — среду, которая так ненавистна для внутренних врагов нашего Отечества.

Д. Де Витт.

Великокняжеская подкладка

(Отрывок из, выходящей в январе 1956 г., книги Георгия Пшевского "ЧЕСТЬ")

"Дедушка Крокодил" был корпусный швейцар и едва ли кто-либо из кадет корпуса знал его настоящее имя. Знали только, что он запасный солдат времен Императора Александра II, что, вот уже 25 лет, верой и правдой служит он корпусу. Красивый, статный старик, с копною вьющихся седых волос, с холеными усами и бакенбардами, он, с достоинством носил, шитую галунами, ливрею и никогда не потворствовал шалостям кадет, на территории швейцарской комнаты. В деле же сохранения традиций корпуса, зачастую и не совсем разумных, он, пренебрегая возможной ответственностью, был всегда на стороне кадет и, в трудные минуты, являлся даже их помощником.

Так было и теперь. Традиция корпуса требовала, чтобы два кадета 3-й роты, помещавшейся на одном этаже с швейцарской, во время завтрака, вырезали красную генеральскую подкладку с шинели Великого Князя. Вырезанная подкладка передавалась в строевую роту, где, доморощенные портные резали ее на мелкие кусочки, по числу всех кадет корпуса и раздавали каждому кадету, как память посещения корпуса Великим Князем. На перемене, после второго урока, оба отделения тянули жребий, кому быть "подкладочными хирургами". Жребий достался Володе Лисичкину и Жоржу Брагину.

Как только рота ушла на завтрак, "заговорщики-вырезатели", вооружившись перочинными ножами, направились в швейцарскую. Ограниченные временем, зная бдительность и крутой нрав "Дедушки Крокодила", неуверенные в его поддержке, в столь опасном предприятии, они заметно нервничали, пробираясь тайком по корпусным коридорам. Но, их опасения оказались напрасны. Старик уже ждал их и, как только они переступили порог швейцарской, нетерпеливым шопотом, спросил их:

— Струмент есть?

Кадеты показали перочинные ножи.

— Эх вы, стрижи пустые... Да ведь, за Штиглица сукно, я в ответе буду... неровен час — порежете? — Раздраженно проговорил "Дедушка Крокодил", торопливо вынимая из кармана ливреи, большие острые ножницы Он сам подвел кадет к шинели Великого Князя и, указав на соседнюю, тоже с генеральской подкладкой, сердито буркнул:

— Эту не трожьте... Лайминга, — и отошел в сторону.

Володя Лисичкин отвернул полу великокняжеской шинели, Жоржик присел на корточки и, похолодевшими, трясущимися руками начал резать широкое поле красной подкладки.

— Скорей... скорей... что ты мямлишь? — торопил друга Володя.

Сложная операция заняла по крайней мере 15 минут, во время которых "Дедушка Крокодил" искусственно бодро ходил по швейцарской, фальшиво напевая себе в усы какой-то бравурный военный марш. Мокрые от волнения, комкая полы вырезанной подкладки, кадеты, с благодарностью, вернули "Дедушке Крокодилу" его ножницы и быстро помчались в роту, слыша позади себя хриплый голос старика.

— Меня то не забудьте... И мне кусочек принесите на память... стрижи...

Швейцар подошел к шинели Великого Князя, распахнул обе полы... С темного фона сукна, на него, с молчаливой укоризной, смотрели неровные зубцы жалких остатков подкладки. Старик задумался, по морщинистому лицу скользнула, чуть заметная, счастливая улыбка, словно он радовался, что подкладочная операция прошла благополучно...

— Вот это любовь... Эх, стрижи... — тихо сказал он, снова опуская полы шинели.

Рота возвращалась с завтрака. В классе Жорж Брагин с увлечением рассказывал обступившим его кадетам о помощи "Дедушки Крокодила" и об этапах операции, а Володя Лисичкин, с гордостью демонстрировал перед возбужденными слушателями, красные, неровные полосы подкладки. В этот момент, в класс, неожиданно, вошел дежурный по роте воспитатель полковник Манучаров и строго сказал:

— Брагин, в инспекторскую комнату.

Мертвой тишиной ответили кадеты на строгий приказ воспитателя, испуганными глазами провожая неудачного "оператора".

— Выгонят из корпуса, — первым обмолвился Полиновский.

— Отошлют на исправление в Вольск, — авторитетно сказал Алмазов.

— Произведут в генералы, — насмешил всех Мальсагов.

Детское сердце учащенно колотилось в груди, когда

Жоржик подымался на второй этаж. Кровь отлила от головы, в горле, как вчера, на концерте, стоял какой то клубок, в мозгу мелькали мысли: "что я скажу? Я знаю... я должен сказать правду, что я вырезал подкладку... но... ведь Володька держал... мы вырезали вместе... Почему же я один должен отвечать?"

Полковник Гусев ждал Жоржика у двери и, войдя в инспекторскую, переполненную преподавателями, подвел его к Великому Князю, беседовавшему с генералом Лаймингом и директором корпуса.

— Ты хорошо читал вчера. Как твоя фамилия? — с чарующей улыбкой, грассируя, сказал Великий Князь и, его холеная рука защипнула похолодевшую щеку Жоржика.

— Брагин, Ваше Императорское Высочество, — чуть слышно ответил Жоржик.

— Работай над собой. Вот тебе мой подарок, — сказал Великий Князь, вручая растерявшемуся Жоржику том своих стихов, с собственноручной надписью — "Способному чтецу от Константина Романова".

Счастливый Жоржик, не чувствуя под собой ног, сбегал по лестнице, прижимая к груди полученную им книгу. Вдруг он остановился. В мыслях, как укор, мелькнула красная подкладка, а в детском мозгу путались и боролись два начала "правда и традиция". Последняя одержала верх и он, радостный, влетел в класс, где Иван Александрович Иванов уже преподавал урок естественной истории.

...Том стихов К. Р. с зеленой ленточкой, заложенной на 78 странице, погиб в багаже Брагина, во время внезапного оставления Симбирска войсками генерала Каппеля, но в памяти не истлела традиция, сотканная детской любовью и обожанием Великого Князя.

Георгий Пшевский

ГОРЕ-БОГАТЫРЬ

Всем известно, какой необычайной физической силой отличался Император Александр III.

Однажды, во время посещения им, лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады, проходя по казарменному двору, окруженный свитой, начальством и офицерами бригады, он обратил внимание на, лежащие на земле, несколько стволов старинных турецких мѣдных пушек. Император подошел к ним, нагнулся и, взяв обеими руками за дульную часть ствола, приподнял его так, что казенная часть уперлась в землю. В это время, от группы офицеров бригады отделился один из молодых офицеров, поручик фон-Цур-Милен, и обратился к Государю со словами:

— Ваше Императорское Величество разрешите и мне поднять...

Получив милостивое, но несколько ироническое, согласие, поручик захватил одной рукой шишку казенной части, а другой у отверстия дула, выпрямился во весь рост и приподнял ствол орудия...

Без сомнения, и по сие время, существуют живые свидетели совершенно исключительной физической силы, тогда поручика, а впоследствии — полковника Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады Александра Андреевича фон-Цур-Милена.

Когда, в доме его матушки, собиралась офицерская молодежь, то всегда просили Александра Андреевича проделать какое-либо упражнение и он, иногда, соглашался продемонстрировать свою силу.

На два стула он клал половую метлу, так, что она только своими концами лежала на стульях. Затем, надев перчатку, он, быстрым коротким ударом указательного пальца, перебивал толстую ручку метелки пополам.

Однажды, он продлал такой номер. Обмотав руку, зажатую в кулак, салфеткой, он, коротким ударом, пробил довольно солидную дверь (ведущую из столовой в другие комнаты) и кулак его проскочил в сделанную им дыру. Это отверстие, между прочим, так и не задѣлали, оставили как "память", но, чтобы закрыть его, повесили, с обоих сторон двери, по картинке в рамках.

У Александра Андреевича был чудный гунтер, к сожалению, обладавший дурной привычкой становиться на дыбы. Никакие средства не могли помочь отучить коня от этого порока, примѣнялось же их множество, включая разные мартингалы особой конструкции и многое другое. Самое неприятное было то, что конь часто начинал дурить в строю и трудно поддавался успокоению.

Как-то, один из друзей офицеров дал Александру Андреевичу совет, — когда животное начнет подниматься на дыбы, ударить его по голове бутылкой, наполненной подсолнечным маслом. Бутылка разобьется, масло зальет глаза коню и он успокоится.

Сказано — сделано, поручик фон-Цур-Милен приказал своему денщику наполнить бутылку маслом и положить ее в кобуру седла.

Во время ближайшего учения бригады, конь, по своему обыкновению, взвился на дыбы, поручик выхватил из кобуры бутылку с маслом и с такой силой ударил коня по голове, что бутылка разлетелась вдребезги, громадный же гунтер свалился на землю — он был убит наповал...

Оказалось, масло было налито денщиком в толстостенную, тяжелую бутылку от шампанского. Либо денщик не знал для какой цели был отдан приказ о бутылке, либо в доме поручика иных пустых бутылок, как только от шампанского, не оказалось, но вся эта история послужила поводом для многих шуток и насмешек над горе-богатырем, со стороны его друзей и приятелей.

Полковник Лейб-гвардии 1-ой Артиллерийской бригады Александр Андреевич фон-Цур-Милен погиб во время "великой безкровной революции", расстрелянный большевиками.

П. Пашков.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

Меня всегда поражала та небрежность, с которой Русские люди применяют политические термины и недостаток понимания, обнаруживаемый иногда моими соотечественниками в отношении некоторых исторических символов. Они часто оправдываются тем, что не в словах, ведь, дело, — что в данном случае далеко неверно. Нельзя забывать, что народ вообще, то есть большинство людей, мыслит не отвлеченными понятиями, а образами, которые он наполняет эмоциональным содержанием. Иной раз, вибрации голоса оратора бывают значительно важней самой тонкой логической аргументации, а несколько простых "солдатских" слов князя Суворова способны были даже двинуть на смерть огромные массы Русских воинов... Укажу несколько примеров неправильного и неуместного словоупотребления — для чего, собственно, и написана данная статья.

Со мной неоднократно происходили следующие случаи. Иной раз, в обществе, беседуешь с незнакомым милым господином, который в разговоре невольно обнаруживает свои монархические симпатии и знание военного дела. В конце концов, естественно, задаешь вопрос: "простите, пожалуйста, вы, наверное, военный?" И получаешь в ответ: "да, вы угадали — я царский полковник". В таких случаях, очень трудно удержаться от шутки: "не обижайтесь на меня, пожалуйста, но вы выглядите, действительно, моложаво для человека, произведенного в полковники при Алексее Михайловиче". Тогда, милый полковник, обыкновенно, начинает оправдываться, но дело его, конечно, в этом смысле — безнадежное.

В самом деле, подумать только, какие океаны крови пролиты Россией, чтобы поднять себя до ранга империи; сколько великих подвигов совершено нашими соотечественниками, чтобы дать возможность, без ложных претензий, своему Государю называть себя императором, а не царем; сколько дипломатического искусства, наконец, в ТЕЧЕНИЕ ДВУХ ВЕКОВ, было потрачено нашими послами, чтобы окончательно заставить иностранцев признать НОВЫЙ ТИТУЛ нашего государя, соответствующий новому (с Петра Великого) внутреннему и международному положению нашего Отечества, — а тут, так, здорово живешь, бульварной прессе и черни вообще, целяющейся за экзотику, чтобы подчеркнуть свое кажущееся превосходство: tsar, negus, sultan etc — on est bien à la page, vous autres, occidentaux!

Как не понимать, что Император — это целая программа, что Россия — как правильно напомнила Екатерина II — "страна европейская" и, что называть Российского императора царем, это все равно, что производить его "из попов в диаконы" и зачеркивать 200 лет блестящей Русской истории.

Когда этим теперь занимаются иностранцы, то это само собой понятно, так как вытекает из человеческой природы: это не что иное, как лягание павшего. Но, когда это делают Русские люди, часто монархисты, то становится грустно на душе. Сколь упорны были всегда иностранцы в своем стремлении понизить ранг нашего государства и его монарха, видно, хотя бы из следующего примера. Не так давно, в моих руках находился дореволюционный, прекрасно изданный сборник к 300-летию Дома Романовых, в котором приняли участие такие выдающиеся знатоки Русской истории, как акад. С. Ф. Платонов и другие, такого же калибра ученые. В этом издании находилась прекрасная гравюра западного происхождения, изображавшая Царя Алексея Михайловича. На ней, по обычаю того времени, государь окружен овальной рамкой, на которой обозначены по латыни его имя и титул, причем этот последний, как оказывается, не больше и не меньше как Magnus Dux Moscovitorum, то есть великий княз Московский. И это за каких-нибудь 25 лет до Петра Великого, когда Россия уже покрывала половину Европы и Азии, и когда у Русского монарха было уже с десяток подручных царств, то есть по западному, королевств. Тут чувствуется, конечно, злая воля, — но, что можно сказать о Русских монархистах, расклеивших, не так давно, на стенах Парижа пропагандные листки, где Александр III назван Tsar Alexandre.

Закончив эмоциональную сторону вопроса, перейдем к значению терминов. Империей, КАК ПРАВИЛО, называется большое монархическое многонациональное государство, отдельные земли которого являются или являлись царствами или королевствами, то есть в большинстве случаев, национальными образованиями. Поэтому то Всероссийский Император и был одновременно Русским или Московским Царем, Царем, то есть королем, Польским, а также Царем Грузинским, Астраханским, Казанским и т. д. Так же самое, Император Вильгельм II был одновременно королем Прусским и рядом с собой имел "феодально подчиненных себе, как императору, королей баварского, саксонского и вюртембергского. Глава I Рейха, Фридрих III Гогенштуафен был королем немецким и сицилийским, но главное, — он был императором Священной Римской Империи. Слово царь обозначает у восточных славян ранг монарха, которому на западе соответствует — король. Так, например, цари Тира и Сидона по-латыни, по-французски и по-немецки, называются rex, roi, köniç. Хотя, Кира Персидского мы и иностранцы и называем одинаково царем, но это только для простоты, и верно оно лишь, в отношении персов; вообще же говоря, он был царем царей, то есть — императором.

Люди, сбивчиво применяющие термин царь, вместо императора, часто оправдываются тем, что царь — есть сокращение слова Цезарь, то есть фамильного имени первой династии римских императоров. Это, однако, ничего не доказывает: ведь и слово король происходит тоже от собственного имени императора

Карла Великого — Carolus. . Тут часто проявляется историческая случайность: так, например, у немцев император обозначается словом цезарь в его греческом произношении (Кайзер), занесенном, повидимому, в Германию готами. В Швеции слово конунг стало обозначать королевскую власть лишь в середине IX века, когда все мелкие конунги подчинились одному — Эрику I Упсальскому. Восточные же славяне, встретившись впервые с этим словом в конце VIII и начале IX веков, когда оно обозначало в Швеции лишь небольшого государя, а на Русской равнине — лишь главу скандинавского отряда авантюристов. Поэтому, слово это, по искажении, стало обозначать княжескую власть.

Возвращаясь, однако, к словам император и царь, следует признать, что главными причинами их смешения в России являются два следующих обстоятельства.

Когда восточные славяне впервые близко столкнулись с Византией, она уже успела растерять большинство своих негреческих земель и, хотя ее государь и продолжал называться римским императором (Autokrator ton Romeon), но фактически, он был только греческим царем (basileus). Как я сказал выше, скандинавское слово конунг, в славянском произношении князь, только несколько позже, при Эрике I Упсальском, эволюционировало в Швеции и приобрело значение короля. В славянском же сознании и в то время этот титул казался иерархически слишком незначительным, чтобы его применять к великому Византийскому монарху Был еще тюркский титул хагана, которым пользовались в начале IX века даже некоторые скандинавские конунги и каковым, в "Слове о полку" назван Святослав, — но им почему то не воспользовались. Но главное затруднение здесь в том, чтобы решить вопрос, почему славяне в указанном случае не выбрали для данной цели просто греческое слово базилевс, хотя бы исказив его, а взяли латинское слово цезарь, сократив его в царь? Я думаю, что это историческая случайность, по поводу которой у меня невольно возникает гипотеза, а именно: не прав ли, в самом деле, проф. барон М. А. Таубе, когда он утверждает, что первое крещение Руси было при Аскольде, за сто лет до Владимира — и, что Аскольд принял крещение, под именем Николая (в честь папы Николая I), от ЗАПАДНЫХ КЛИРИКОВ? Легко представить себе, в таком случае, что западные патеры, говоря с Аскольдом и тогдашними киевлянами о Византийском монархе, неизменно называли его римским императором, или цезарем, то есть, по сокращении, царем. Таким образом в сознании восточных славян, постепенно установился знак равенства между титулом базилевс и царь, благодаря чему, впоследствии. Иван III и Иван Грозный приняли титул царя, как иерархически следующий за титулом Великого Князя, и мыслили себя наследниками греческих царей, то есть базилевсов. Что же касается Дмитрия Самозванца, то будучи человеком, причастным к западной культуре, он именовал себя по латыни уже императором — как бы предвидя будущие задачи Московского Царства. По понятным причинам, эта терминология, однако, не удержалась, как и все, что он пытался привить.

Окончательно правильное значение обсуждаемых здесь терминов и их взаимоотношение было фиксировано, в форме не оставляющей никаких сомнений, — прежде всего Петром Великим, а потом Александром I. Петр, не переставая быть Московским царем, был объявлен, сверх того, императором Всероссийским, а Александр именовался не только императором и самодержцем, но и царем (то есть королем) Польским и т. д. Тут уже все ясно. Однако, смешению, кроме подробно разобранной выше основной причины, способствовало еще и то обстоятельство, что от слова император трудно было образовать глагол: поэтому и стали гворить, что и императоры и цари царствуют, хотя князья — княжат. В связи с этим, слово царь, в просторечии, стало обозначать всякую верховную монархическую власть. В этом смысле его и стали употреблять русские революционеры и их наследники — большевики. Очевидно, что и для тех, и для других царь ли, император ли — все едино: тираны и кровопийцы. Любопытно, что указанная "глагольная причина", сообщающая иногда слову царь родовой смысл, — существовала и у римлян. Это видно хотя бы из того, что, например, закон, формулирующий власть императора Веспасиана, назван бы «lex REGIA Vespasiani». Да и в позднее время слава "Гаудеамуса" — «Vivat nostra civitas et qui illam REGIT можно было петь без внутреннего противоречия даже в Австрии, где правил император. В заключении этого абзаца, прибавлю еще, что в Германии эта "глагольная причина" не действовала, благодаря чему, отчасти, смешения сл Kaiser и König не произошло: в самом деле, слово regieren разнородно обоим названным словам..

Вывод из всего вышесказанного, в аспекте современности, следующий: те Русские люди — монархисты и республиканцы в одинаковой мере — которые, говоря о дореволюционной России, применяют термины царь и царское время, — действуют одновременно в руку и иностранцев и большевиков. В первом случае, они создают впечатление, что рассматривают Россию лишь, как узко-национальное государство среди других народов и упраздненных государств бывшей Российской Империи — и невольно подают иностранцам следующую мысль: если сами Русские интересуются только чисто-русской стихией, то другие народы Российской Империи можно было бы прибрать к своим рукам... Во втором же случае, применяя, "царскую, а не "императорскую" терминологию, они выставляют, сами того не понимая, большевиков, как чемпионов Российского имперского единства. Да простят мне боги, но, как ни отталкивает меня название России — С.С.С.Р., — я должен сказать, что в нем, по моему, все же больше смысла и логики, нежели встремлении некоторых "загнать" снова наше Отечество в XVII век, называя дореволюционную Рос-

сию — "царской". Конечный вывод из сказанного следующий: единственное, внепартийное точное название для нашего Отечества в прошлом — это Всероссийская Империя, во главе которой стоял Государь Император, а совсем не царь.

Чрезвычайно любопытно, что иногда простые Русские люди, благодаря прирожденному некоторым из них государственному инстинкту, разбираются лучше во внутреннем значении политических терминов, нежели даже высоко образованные Русские патриоты. Один подлинный пример этого явления, который я слышал от двух незнакомых между собой лиц, произвел на меня особенно волнующее впечатление. Он сводится к следующему.

В самом начале нашей эмиграции, группа Русских солдат работала на железной дороге около небольшого болгарского городка. Однажды, в этот город, пришел, проходом, поезд Царя Бориса, который он, по своему обыкновению, вел сам. Поезд этот, из за поломки, задержался в городе на несколько дней, причем, в первый же день, царь узнал о группе Русских солдат-рабочих, и выразил желание их повидать. Солдатики подчистились и встретили приехавшаго болгарского государя, выстроенными в одну шеренгу. Царь Борис прошел вдоль строя, поздоровался с ними, а потом, жестом собрав их вокруг себя, милостиво стал с ними беседовать. Нужно прибавить, что при этом он, как это часто делают ораторы, хотя по смыслу и обращался ко всем, — но на деле говорил, адресуясь к стоявшему против него солдатику, который, вытянувшись в струнку, "пожирал царя глазами". Смысл милостивой и доброй речи болгарского государя был, примерно, следующий: "Дорогие друзья, я очень рад, что вы, после перенесенных вами, во время гражданской войны, страданий и лишений, нашли, наконец, относительно тихую пристань в моей стране. Я знаю, что и здесь вам нелегко приходится, но, надеюсь, что ваше положение улучшится. Конечно, вам здесь, после вашего огромного и великого Отечества, все кажется маленьким, миниатюрным. Вот я, например, — не мог удержаться от шутки царь Борис, — казалось бы и царь, однако, сам поезда вожу". Все это было сказано очень мило и сильно тронуло Русских людей, — однако, как это ни странно, на лице стоявшего против царя, солдата появилось как бы обиженное выражение и он, не удержавшись, сказал: "Так у нас же, Ампиратор был". Мысль этого простого Русского человека совершенно понятна: нашел, дескать, с кем сравниваться — царь. Да у нас царств то целое лукошко — и астраханское, и московское, и казанское и т. д., а Император — один.

Другой пример, инстинктивно, правильного понимания, но, правда, в другой области — отношение государства и церкви в России — показал и другой Русский воин, на этот раз — герой, замученный в свое время туркменами за то, что он отказался отречься от православия. Этот человек, сам ясно этого не понимая, мыслил православие как национальную религию или как стандартную философию Русского народа. Речь его перед смертью очень характерна в этом смысле и, если память мне не изменяет, начинается, примерно, следующими словами: "мне, как приносившему присягу Государю Императору и т. д." Об этом изумительном случае говорит Достоевский в своем "Дневнике Писателя", удивляясь, что Русская пресса пишет часто о всякой чепухе, а такой волнующий и значительный факт пропустила, по своей близорукости, между пальцев. Всем Русским, церковно-настроенным патриотам, следовало бы перечитать это место "Дневника".

В заключение всего сказанного о титулах императора и царя, прибавлю следующее: слово царь в нашем национальном гимне, взято, очевидно, в его родовом значении ГОСУДАРЯ ВООБЩЕ (я не могу, однако, считать это очень удачным); кроме того, слово император, в звуковом отношении несколько неуклюже и замысловато для сознательно простых слов народного гимна. Обратим внимание и на то, что применение слова царь простыми людьми в России объяснялось, видимо, еще и тем, что народное сознание обыкновенно несколько запаздывало относительно действительного положения вещей и, в известном смысле находилось еще как бы в XVII веке. Однако следует признать, что интеллигентные слои, не насилуя народ, все же должны вести его за собой. Вообще же, величественные слова нашего гимна, хотя и хороши сами по себе, но не вполне удачны, если его рассматривать не как Русский, а как всероссийский, то есть имперский гимн. В самом деле, хотя и правильно, что наш Государь должен был быть обязательно православным, как подавляющее большинство его подданных, — но об этом не следовало бы упоминать особо в имперском гимне, который должны были петь, с одинаковым энтузиазмом и великороссы, и туркмены, и евреи, и калмыки. Нужно, однако, признать, что все эти вопросы стали актуальными только теперь, а не тогда, когда этот гимн создавался.

Вторым примером неправильного применения терминов может служить столь распространенная теперь в России и за границей, замена слова Отечество словом Родина. В данном случае, Русские патриоты разных толков и даже монархисты, заграницей, уже совершенно явно плетутся в хвосте у большевиков и дают им, сами того не сознавая, все козыри вперед. Почему большевики во время второй мировой войны сделали указанную подмену и фальсификацию — это совершенно понятно: слово Отечество, в противовес Родине, имеет чисто духовное содержание, указывает на традицию и подчеркивает непрерывную нравственную связь с предками; другими словами, оно является резким отрицанием самой сущности большевизма и марксизма. Слово же родина, столь похожее внешне по смыслу на Отечество, на самом деле обозначает только место рождения и не поднимает никаких историко-политических вопросов — у каждого человека в России — и у Русского, и у якута — есть ведь где-то своя "дидова хата", милая сердцу, за которую он го-

тов бороться. Оба термина, будучи по существу разнородными, при правильном словоупотреблении, как бы дополняют друг друга. В этом отношении, кто-нибудь может сказать: моей родиной является Петербург, а Отечеством — Россия.

Сколь, однако, противоположны названные термины, видно хотя бы из того, что в любом учебнике зоологии можно встретить фразу, вроде следующей: "родиной тигров является Азия". Не будем, поэтому, забывать, что и у свиней и у ослов есть тоже где то своя родина, но у них нет и не может быть Отечества. Поэтому, Русские люди, непродуманно заменяющие слово Отечество — словом родина, обнаруживают полное презрение к истории и прошлому своей великой страны и снижают свой даровитейший народ до ранга какого-то зоологического вида.

Третьим образцом неправильного применения терминов может служить очень распространенное теперь противопостановление "украинцев" — Русским. Украинцев можно противопоставлять — москалям, хохлов — кацапам, но выключить украинцев или малороссов из числа Русских — это все равно, что сказать про кого-нибудь, что он, например, испанец, но не европеец. Все это не оставляет никаких сомнений у людей, обладающих хотя бы элементарными сведениями по истории восточной Европы; однако имеются и замечательные книги на эту тему — например, труд профессора Стороженко по "украинскому вопросу" или же этюд князя А. М. Волконского о слове "Русь" в домонгольский период — делающие эту проблему кристально-ясной даже для "марсиан". Но я пойду еще дальше и скажу, что в научной плоскости вопрос этот никогда и не возникал, так как наука редко имела достаточно времени для того, чтоб заниматься пустяками, ввиду того, что передъ ней, и без того, всегда стояло много неразрешимых задач. Нельзя же, в самом деле, серьезно называть научным следующее, например, утверждение: "если человеку отрубить голову, то он умрет и не сможет, во всяком случае, взяв ее подмышку, пойти в кинематограф". Можно начать это доказывать только тогда, когда найдутся "джентльмены", это отрицающие. Поэтому, упомянутые выше, блестящие книги Стороженко и князя Волконского следовало бы, собственно говоря, характеризовать, как "историко-медицинские". Всем известно, кроме того, что "атомная бомба украинского вопроса" была сконструирована двумя польскими графами — Потоцким и Чапским, при деятельной поддержке австрийского правительства.

Всех этих людей обвинять нечего: они знали, что делали, и не предавали интересов своего Отечества. Единственные, достойные обвинения в этом вопросе — это Русские профессора, поддержавшие Грушевского, и Русское правительство, позволившее уже тогда возможному врагу, то есть Австрии, совершенно спокойно и на "научной почве" подрывать Россию изнутри. При чисто-теоретическом подходе к делу, волноваться тут, впрочем, нечего, так как закон жизни соблюдается неукоснительно и каждый платит за свою собственную глупость.

Несмотря на все сказанное, позволю себе, однако, остановиться несколько на истории возникновения слов Русь и Русский, подчеркнув попутно ту сторону этого вопроса, которая приводит к весьма парадоксальному выводу.

В IX веке скандинавское слово РУС (писалось — rods), _), занесенное в будущую Россию варягами, обозначало и в Норвегии, и в Дании, и в Швеции жителя береговой полосы, причем в последней оно еще специально применялось к обитателям юго-восточной ее части (называвшейся и называющейся сейчас Росслагеном), расположенной против наших прибалтийских провинций. Эти Руссы или Россы, наскучивши сидеть на месте, часто вооружали суда и отправлялись в далекие страны искать счастье. Таким образом, слово Русс-Росс в те далекие времена было, повидимому, почти однозначуще словам варяг или викинг. То, что это слово (Русс-Росс) обозначало тогда, в большинстве случаев, шведов, явствует с очевидностью из Бертинской летописи. Там, в одном месте, говорится, что в 839 году в Ингельсгейм прибыло из Византии посольство, в состав которого входило несколько человек, называвших себя Rhos; однако, по ознакомлении с ними немцев, эти люди оказались просто шведами. Если память мне не изменяет, то Император Константин Багрянородный, говоря о Днепровских порогах, приводит их названия по-русски и по-славянски. Вскоре, после этого, однако, начинается изменение слов Русь и Русски; это изменение носит почти сознательный характер и связано оно с мудрой синтезирующей политикой Вещего Олега и Игоря, направленной на слияние в единое целое двух этнических элементов их государства. С этой эпохи и скандинавов, и славян, служащих в княжеской дружине, начинают покрывать общим именем Русских — и это слово приобретает постепенно то же значение, каковое имеет в наше время слово РОССИЯНИН, под которое подходят и Русские, например, и татары. Возможно, однако, что этот процесс изменения слов Русский и Русь произошел несколько раньше, а именно у Аскольда в Киеве, ввиду того, как раз там слово Русь стало впервые применяться не только к людям, но и к территории. В результате, в IX в., слово Русь стало обозначать область Киева, то есть теперешнюю Малороссию или, собственно Украину, каковая в то время превратилась в центр нового Русского государства; другие же области, расположенные, по отношению к Киеву, на периферии этого государства, даже Новгород, стали позже называться иногда его окрайнами или украйнами.

В IX веке, на Руси, начинает происходить миграция населения, связанные с многими причинами, одной из которых было появление в южных степях половцев или куменов. Постоянные разорения и войны делают юг и Киевскую область небезопасными для мирного труда и население, а также и князья начинают предпочитать им северные лесные области, мало

пригодные для успешных действий неприятельской кавалерии и, в силу этого, более спокойные. Киев продолжает формально считаться "матерью городов Русских" и "главным столом", но центр политической Русской жизни постепенно переходит на север. В связи с этим, у Русских людей, начинает происходить "терминологический процесс", свойственный многим народам. Когда греки, в древности, колонизовали Южную Италию и Сицилию, они стали называть эти области Великой Грецией, то есть как бы Элладой в расширенном виде. То же явление произошло и со шведами в началѣ IX века. Начав совершать экспедиции и колонизовать область восточной Европы, то есть территорию будущей России, они стали называть ее тоже Швецией, но в расширенном смысле, или Великой Швецией. Совершенно также Русские люди и князья XI века, переселяясь на север, начали рассматривать эти земли, как Русь в расширенном виде, то есть, как Великороссию. Надо заметить, что эти земли, хотя уже раньше и находились под контролем князей Рюриковой династии, но общего (специально-го в отношении Руси, названия не имели. Нахождение там уже тогда города Ростова (Великого), название которого явно происходит от слова Роос Рус, ничего не доказывает: это был один из стариннейших городов на Восточно-Европейской равнине, игравший раньше роль шведской фактории и названный Ростовом еще в то время, когда слово Росс-Рус обозначало лишь шведов.

Так вот, из приведенной краткой истории выражений "Великая Греция" и "Великая Россия", с полной ясностью вытекает следующий парадоксальный вывод: по смыслу, можно было бы понять человека, который, скажем, задался бы вопросом — являются ли, например, обитатели "Великой Греции" греками, или же, можно ли называть великороссов — Русскими в полном смыслѣ этого слова; однако, подобный же вопрос об их соответственных метрополиях — то есть о самой Элладе и о Киевской области, — исторически был бы чистейшей нелепостью. Для нас в данном выводе интересно лишь то, что уж кого-кого, а современных то "украинцев" нужно называть Русскими в первую голову.

На Руси произошло, однако, еще следующее явление. На севере масса населения не только мигрировала, но и перенесла туда с собой центр тяжести политической жизни России, тогда как юг опустел, захирел и потерял значение. В связи с этим, в сознании северян значение термина Великой России, то есть Руси в расширенном смысле, постепенно изменилось и приобрело смысл Великой России — но уже в отношении силы, размеров и политического приоритета. Эта же смысловая эволюция привела далее великороссов к рассмотрению своей бывшей метрополии, то есть области Киева, как Малой (по отношению к себе) России. Если же смотреть на все эти события, так сказать "с юга", — то у киевлян невольно появилось сознание, что их заброшенная страна, является лишь далекой окраиной, то есть Украйной великого и сильного Русского государства.

Все это само собой понятно и дело тут совсем не в исторической истине. Просто, как некогда сказал шутник — Цезарь, лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, и — прибавлю еще от себя — несомненно приятнее, скажем, вместо "члена земской управы", называться "министром Украйны" или же другого еще более великого в культурном отношении и мощного государства "Белоруссии".

Есть още одно выражение, которое, будучи формально правильным, лишено совершенно внутреннего смысла и силы. Это — "народы России". Каждый раз, когда я слышу эту формулу, я невольно как бы ощущаю шевеление под ним частных, а совсем не народных интересов. Люди, применяющие это выражение, забывают, что каждое научное — не говоря уже о политическом — понятие должно имѣть не только реальность, то есть смысл, но и целесообразность, то есть плодотворность в научном или же политическом отношении. Если принять выражение "народы России" всерьез, то в нем почувствуется педантизм и отсутствие инстинкта действительности, заставляющие вспомнить известную шутку Аверченко: "котлету я съедаю в пять минут, следовательно, в час я съедаю 12 котлет, а в день — 144".

Никто, конечно, не отрицает того, что в России около 180 народностей, но если всмотреться в дело повнимательнее, то получится такая картина: на 200 миллионов населения, Русских приходится, примерно, 150 миллионов, то есть 75 процентов; остальные же 25 процентов представляют собой несколько меньше 180 народностей, из которых самые крупные, счетом около 3-х или 4-х, поднимаются по количеству своих представителей лишь до цифры 3—5 миллионов; что же касается прочих мелких народностей, то их, поистине, следует рассматривать как нечто вроде "этнической пыли", рассеянной — за исключением Кавказа и Туркестана — по всей Империи. Среди Русских, каковых, как было сказано, 150 миллионов, на великорусскую ветвь приходится, примерно, 110 миллионов, на малорусскую — 35, а на белорусскую — 5. Такие результаты получаются, если руководствоваться этнической стороной дела и опираться на опрос населения. Однако, все знавшие хорошо реальную обстановку в Императорской России, и знающие ее в СССР, не могут не согласиться со следующим фактом: если бы можно было "подсмотреть" и "подслушать", на каком языке население говорит дома и с друзьями (а не на митингах внутри России, и не на эмигрантских собраниях самостийных меньшинств), на каком языке оно читает книги,—то оказалось бы, что "Русских", т. е. предпочитающих говорить на деле на государственном великорусском наречии, на 200 миллионов населения, приходится не меньше 180 миллионов. При этих условиях, рассматривание Русского народа, как одного из 180 народов, есть такая же шутка, как и та, которую я сейчас расскажу. Говорят, что один

и 3 мушк. На их содержание отпускалось в год — 88.722. рубля.

30 апреля, 1761. — 150 солдатских детей обучались там же разному мастерству. На содержание их положено было 6.000 рублей.

14 марта, 1762. — Главный Начальник Г. Л. Шувалов.

23 апреля, 1762. — Присоединены были Морской и Артиллерийский Кадетские Корпуса, но 19 августа того же года по прежнему разделены; а в Сухопутном Кадетском Корпусе содержалось 600 кадет, из коих 80 составляли конную роту, а 520 пеших — 5 рот; на содержание коих отпускалось в год 128.589 рублей.

Март, 1763. — Г. М. Князь Репнин.

Апрель, 1763. — Г. М. Философов.

7 марта, 1765. — Под ведением Действительного Тайного Советника Бецкого.

Август, 1765. — Расформированы были 150 солдатских детей, а положено иметь 40 классных и 10 гимназических учеников.

11 сентября, 1766. — Наименован ИМПЕРАТОРСКИМ Шляхетским Сухопутным Кадетским Корпусом, под главным начальством Бецкого и Совета, составленного из 4-х особ. Тогда Корпус разделен на 5 возрастов, всего 600 кадет, из коих 500 Российских дворян; на содержание всех отпускалось из Комиссариата 165.000 рублей.

Октябрь, 1772. — Велено содержать мещанских воспитанников 80 человек, из процентов ста тысяч рублей, на то данных.

Февраль, 1773. — Г. Порутч. Пурпур.

Июнь, 1784. — Г. Порутч. Гр. де Бальмен.

1785. — Прибавлено в год по 35.000 рублей: всего 200.000 рублей из Остаточного Казначейства.

Ноябрь, 1786. — Г. Порутч. Гр. Ангальт.

15 сентября, 1794. — Г. Порутчик Голенищев-Кутузов.

Декабрь, 1796. — Разделен корпус на 4 Муш. и одну Гран. роту. Кадет 600. Главный начальник *Его Высочество Константин Павлович.*

24 декабря, 1797. — Г. Л. Гр. Ферзен.

14 января, 1798. — Г. М. Андреевский.

22 марта, 1799. — Г. Л. Ламздорф.

10 марта. — *Первый Кадетский Корпус.*

Извлек *А. Г.*

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ИЗ ДОБРОГО СТАРОГО ВРЕМЕНИ

1) В одном их шханечных журналов корабля "ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ" (первого) имеется запись о том, что "при проходе эскадры мимо Георгиевского монастыря, в нем звонили во все колокола, на что с эскадры ответствовано было семью выстрелами..."

2) Весной 1915 года, по завещанию покойного шхипера Кубышкина, его семьей, при торжественной официальной обстановке, была поднесена линейному кораблю "ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ" судовая икона Нахимовской "ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ", спасенная им, перед затоплением корабля в 1855 году. Икона эта погибла вместе с третьей "ИМПЕРАТРИЦЕЙ МАРИЕЙ".

Сообщил *М. фон-Кубе.*

Из рукописных воспоминаний ВАРВАРЫ ПЕТРОВНЫ ВОЛКОВОЙ-МУРОМЦЕВОЙ (урожденной графини Гейден).

— В Крюках (почтовая станция Опочецкого уезда Псковской губ.), была одна большая достопримечательность — это станционный сторож Василий, старый Николаевский солдат. Ему уже было под 80 лет, когда я его помню (ок. 1875 г.). Седые редкие волосы стояли на голове, усы подстрижены щеткой. На ситцевой рубашке, он неизменно носил растегнутым свой Николаевский мундир, с Георгием в петлице. Раз Великий Князь Владимир Александрович, проезжая через Крюки, увидал этот крест и спросил Василия: "за что ты получил Георгия, старина?" — "А это, Ваше Императорское Высочество", ответил тот, став во фронт, "как мы Севастополь брали". "Когда же мы его брали?" удивился Великий Князь. "Стыдно сказать, что отдавали", не смущаясь, ответил Василий.

— Похороны Государя Александра II мы смотрели из окон О-ва Взаимного Кредита. Впереди шествия, первым ехал Конвой Его Величества. В то время Конвой носил одежду своих различных племен, со всего Кавказа. Кажется, это был последний раз, что Конвой был в своих костюмах. Они были очень разнообразны — Гурийцы с башлыками, завернутыми на головах, как шапки и другие, но в памяти у меня отчетливо врезались всадники в ярко-красных бешметах с кольчугами поверх них и стальными шлемами с забралами и кольчугами, спускавшимися на плечи. Позже я узнала, что это племя Сванетии, потомки крестоносцев, оставшиеся почему то на Кавказе. Из книги одного американца, который специально ездил разыскивать это племя, я узнала, что они до сих пор хранят, как семейную святыню, это вооружение висящее на почетном месте в их саклях и надевают его в праздники.

— В 1887 году, вводилась всеобщая воинская повинность и депутации прибыли в Кисловодск для выслушания об этом Высочайшего Повеления и объяснении Главноначальствующего краем. В назначенный день депутации с утра собрались на дворе дачи Барановской и расположились полукругом. Каждая депутация состояла из нескольких человек и толмача. Все — в своих национальных костюмах. Были представители, чуть ли не 68 народностей. Яркие краски,

чудесные материи, это была поистине неописуемая и незабываемая картина. Тут были и Гурийцы, и племена Абхазии, в кольчугах и шлемах, и горные евреи. Эти последние очень рослые, носят темные черкески, тонкого сукна, с тонко перетянутыми талиями, в папахах, из-под которых, с каждой стороны лица, спускались... пейсы... Настоящие еврейские пейсы, особенно странно выглядевшие на этих мужественных загорелых лицах... Не помню у какого-то племени, у одного из депутатов, кто-то заметил на первом пальце золотое кольцо с гербом. Вид кольца не оставлял сомнения, что оно не восточного происхождения. Кольцо, по словам его владельца, уже давно переходило в их семье к старшему в роде. Оказалось, что герб, выгравированный на кольце, был гербом французских герцогов де-Гиз. Нет сомнения, что это кольцо, как и кольчуги и шлемы абхазцев остались на Кавказе с крестовых походов.

— Во время революции, когда английский экспедиционный корпус был в Архангельске, мистер Н. Н. (бывший гувернер моих детей), состоял в качестве переводчика при генерале Айронсайде. Впоследствии, уже в Англии, на мой вопрос о том, что англичане там делали? — он схватился за голову и просил ему не напоминать этого времени, до того ему было стыдно вспоминать, как, постыдно, ночью, тайком от всех, его соотечественники погрузились на корабли и ушли восвояси, побросав, без всякой защиты от наступающих большевиков, всех тех, кого они обещали от них защищать.

ЕЩЕ О МОДЛИНЦАХ.

Ко дню сдачи мною полка моему преемнику, полк наш насчитывал в своих рядах свыше СОРОКА офицеров, награжденных Орденом Св. Георгия 4-й степени, что является лучшим показателем его боевой славы. За время войны, он переменил свой состав, как офицерский, так и нижними чинами 10-11 раз. До конца войны, я оставался в должности командира бригады своей же 15 пехотной дивизии. К чести этой доблестной дивизии, должен сказать, что, несмотря на революцию и непрекращавшуюся усиленную агитацию разных заезжих комиссаров, а также делегатов от Совета рабочих и солдатских депутатов, она, до конца своего пребывания на фронте, всегда находилась в рамках воинской дисциплины и доверия к офицерскому составу, против которого, ни в одной из ее частей никаких экспессов не бывало. Все ее эшелоны, отправленные с фронта, благополучно прибыли в Одессу, где и были демобилизованы, выделив кадры желающих перечислиться в новоформируемую украинскую армию гетмана Скоропадского.

Генерал-майор *Богаевский.*

МУНДИР МАРШАЛА ДАВУ.

В ризнице села Холма-Агарева, в 35 верстах от Ярославля, по направлению к Москве, находилась священническая риза, отделанная изящным золотым шитьем, состоящим из дубовых и лавровых листьев, перемешанных с причудливыми арабесками. В числе добычи, захваченной у французов. после поражения под Красным, на долю двух молодых офицеров лейб-гвардии Финляндского полка, достался мундир маршала Даву. Мундир этот был отправлен ими в их родовое имение и переделан там их матерью, на украшение священнической ризы. По истине — удивительная судьба французского маршальского мундира, обратившегося в облачение православного сельского священника.

Извлек *А. Г.*

ПАМЯТНИК НА ПОЛЕ АЛЬМИНСКОГО СРАЖЕНИЯ.

На поле сражения при Альме, находится памятник, имеющий форму обелиска, высотой около пяти сажен. С лицевой стороны надпись: "В память воинов, павших в Альминском сражении". С противоположной — "8 сентября 1884 года". Памятник сделан из белого инкерманского камня и стоит в полугоре, ниже бывшей ставки князя Меншикова, на месте батареи, которая защищала мост через Альму и откуда Владимирский полк три раза ходил в штыки на англичан и все три раза отбивал их. У подножия памятника разбросано много братских могил.

Извлек *А. Г.*

ИЗ СТАРЫХ ВОЕННЫХ БЫЛЕЙ

— Как то раз собрались старые вояки прошлое вспомянуть. Были тут уже все "отслужившие" аншефы да майоры. Вспоминали они своих командиров и решили их военные качества оценить баллами. Высшим баллом посчитали 12, в чест двенадцати подвигов Геркулесовых. Для нас не безынтересно будет видеть оценку современников. Напечатана она была в очень редкой книге издания 1817 года "Военные письма" ген. майора Писарева. А вот и результат:

	Стратегия	Тактика	Предприимчивость	Хладнокровие	Личная храбрость
Румянцев	11	11	8	12	10
Потемкин	8	7	10	8	8
Суворов	12	12	12	9	12
Вейсман	9	11	11	10	11
Ферзен	9	10	11	7	10
Розенберг	9	7	7	6	10
Репнин	6	6	3	9	7
Каменский (отец)	10	8	4	1	7
Цицианов	8	8	10	7	11
Прозоровский	7	5	4	7	7
Буксгевден	9	7	6	8	10
Каменский (ст. сын)	8	8	7	4	7
Кутузов-Смоленский	10	10	7	10	10
Багратион	5	8	10	11	11

Сообщил *Вл. Ал. Петрушевский*

Обзор военной печати

"ЧЕСТЬ" — книга Георгия Ишевского.
(Выходит из печати в январе 1956 г.)

С этим произведением мне удалось познакомиться в рукописи и познакомиться очень подробно. Сочинение Георгия Ишевского стоит того, чтобы прочитать все внимательно, вдумчиво, не спеша. Старшее поколение Русских эмигрантов, невольно, в поисках литературных тем, обращается к прошлому. Там остались корни всей жизни, там складывалась личность, которую не смогло до конца сломить тяжелое настоящее. Здесь, теперь, старость — там, в прошлом, молодость юность, детство... Здесь забота о насущном хлебе... там—мечты о прекрасном будущем... Наконец, здесь—чистая, неподкупная честность, а там была ЧЕСТЬ, горячая, искренняя, жаждущая подвигов ЧЕСТЬ.

Настоящее оказалось возможным и терпимым именно потому, что до последнего, до сегодняшнего момента, оно согрето и освещено лучами прошедшего горения духа, былой верой, неумирающей ЧЕСТЬЮ воина и человека.

Георгий Ишевский, обращаясь к прошлому, описывая воспитание, полученное им в Симбирском кадетском корпусе, не создает, однако, "мемуаров" или просто личных воспоминаний бывшего кадета. Его книга — нечто более глубокое и, несмотря на тему из прошлого, остается жгуче-современной.

Темой, которую выбрал Г. Ишевский, является ВОСПИТАНИЕ В ЧЕЛОВЕКЕ СОЗНАНИЯ ЧЕСТИ И ДОЛГА. Шаг за шагом, начиная с нежного детского возраста, проходит перед нами жизнь Жоржика Брагина, постепенно превращающегося в Георгия Брагина, верного носителя идеала долга, идеала человеческой и воинской чести. В то же время, перед нами проходят и другие мальчики "статуи чести", созданные и воспитанные старшими поколением "скульпторов", воспитывавших в душах детей и юношей сознание высшего долга, служение долгу, если потребуется —до жертвы самой жизнью.

Перед нами проходят картины первых детских вопросов, первых мыслей о жизни, развитие ребенка в юношу, а потом и самая юность, осыпанная цветами яблони и озаренная лучами первой любви... преклонение пред правдой и доблестью, даже и тогда, когда рушится старый мир, когда правду на Руси сменяет ложь, а хамство и подлость вступают в смертельную схватку с благородством и человеческой честью.

Автор создает целую галлерею художественных портретов: женщины-матери, обрусевшей англичанки Мисс Перси Френч, юной девушки Маши, старика швейцара "дедушки Крокодила"... Тут и старый рыбак Михеич и полковник Гусев, мальчики герои, спасающие знамя любимого корпуса и Великий Князь Константин Константинович — поэт и человек, оставивший о себе неувядаемую память в Русском сердце. Автор показывает вдумчивому читателю глубокое значение слов и поступков, на первый взгляд, банальных и незначительных, в действительности же оказывающихся и значительными и большими, направляющими весь дальнейший ход человеческой жизни.

Прошлое, настоящее и будущее человека сливается в одно целое, объединенное великим и святым понятием, наименование которому — "ЧЕСТЬ".

Елена ГРОТ.

ОФИЦЕРЫ НА СОЛОВКАХ.

В, недавно, выпущенной издательством имени Чехова, книге Б. Ширяева "НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА", автор, попавший на Соловецкую каторгу с первой партией направленных туда ссыльных, дает интересные и ценные сведения о бывших в их числе офицерах. Его сообщения глубоко трагичны. Около двухсот пленных офицеров белых армий, в большинстве деникинцев, недолго прожили на острове. Они были погружены на старую, гнилую баржу, вывезены на буксире в море и там, вместе с этой баржей, потоплены. Трагически окончили свою жизнь сосланные на Соловки полковники генерального штаба Даллер и Оккерман. Оба они были даже не расстреляны по какому то подобию суда, а попросту застрелены зверствовавшим в лагере его начальником Ногтевым. Такая же участь постигла и многих других.

Очень интересные сведения сообщены Б. Ширяевым, о побеге с острова группы морских офицеров на быстроходном катере-глиссере, хотя, этот побег, по всей вероятности, окончился также гибелью в волнах моря, но все же не от пули чекистов и сами, предпринявшие его моряки, показали в нем свою доблесть и верность традициям славного Русского флота. Очень интересно и то, что, как сообщает автор книги, матросы — участники кронштадтского восстания против большевиков, попав в ссылку, в значительной мере отрезвились от революционного угара и восстановили в своей среде, балтийских моряков, не только некоторую дисциплину, но даже чинопочитание, вернее, уважение к своим офицерам. Трогательна глава этой книги, повествующая о панихиде по Государе Императоре, отслуженной, по просьбе группы молодых офицеров, в лесу, на месте расстрела многих советских каторжан, старым священником, также обретшим там свою могилу.

Такие сведения о, волею судьбы, оставшихся на родине Русских офицерах, доходят к нам лишь отрывочно и они глубоко ценны тем, что по ним мы можем установить, что и теперь, в подъяремной, залитой кровью России, живут еще ее верные сыны.

БАХТИНЕЦ.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

От издательства „Военная Быль“

1) Настоящим извещается, что подписка на Первое издание выпуска I-го "Сборника Российской Военной Поэзии", заполнена и объявляется подписка на Второе издание того же выпуска. Цена по предварительной подписке — 200 франков, в заокеанских странах — 75 амер. центов.

Издательство просит все полковые, морские, училищные и корпусные объединения прислать для напечатания, имеемый у них материал. После нас никто и никогда об этом не подумает. Спасем — что сможем.

2) Издательством выпущены в продажу портреты Почетнаго Председателя Объединения Великого Князя Гавриила Константиновича. Стоимость — 50 фр. Заказы адресовать в редакцию *"Военной Были"*. Там же, в небольшом количестве еще остались портреты Императора Николая I.

3) Приступая к расширению своей издательской деятельности, Обще-Кадетское Объединение выпускает в свет книгу своего однокашника Георгия Ишевского — "ЧЕСТЬ".

Содержание книги представляет собою широко развернутую картину жизни, родного автору Симбирского кадетского корпуса. Как росли, жили, воспитывались, в старом кадетском гнезде, молодые его питомцы. Старые кадеты с умилением вспомнят свои детские годы, молодое же поколение и люди не знавшие, в свое время, быта наших удивительных, неповторимых военных школ, с интересом ознакомятся с их своеобразной жизнью и системой воспитания в них людей чести, людей неснимаемого долга.

Книга выходит в январе месяце 1956 года. Цена по подписке 350 фр. во Франции, колониях и соседних странах. После выхода из печати, цена будет повышена. Подписка принимается в Издательстве "ВОЕННАЯ БЫЛЬ", по адресу: 61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16). Почтовый счет: M-r A. Guering, 2881-89, Paris.

Почтовый ящик

В очерке Е. М. Яконовского "Голая Пристань" (№ 6 *Военной Были"*) допущена неточность: Генерал В. К. Витковский, начальник Дроздовской дивизии, а затем, после генерала Слащева, Командир 2-го армейского корпуса (Сев. Таврия, 1920 г.), никогда не был Командующим 2-й армией. Таковым был, сначала, генерал Драценко, а затем генерал Ф. Ф. Абрамов, ныне проживающий в С.А.С.Ш.

И. Горяйнов.

М. К. — В ответ на ваш запрос, сообщаю имеющиеся у меня данные о кораблях Каспийской Флотилии, относящиеся к середине восьмидесятых годов. 1) *"Иоанн Грозный"* — деревянный, двухдечный корабль. Видел его остов в Ашур-Адэ. 2) Там же — *"Казак"*, трехмачтовый железный транспорт, там же под складами с крышей, несколько больший транспорт *"Калмык"*, фрегатское вооружение, подъемный винт. Однотипный с ним *"Киргиз"* в мое время был передан обществу "Кавказ и Меркурий" и плавал под коммерческим флагом. 3) В порту на Баилове, я застал еще две баржи с бриговым вооружением *"Нырок"* и *"Гагара"*. Вооружены были каждая 4-мя 9-ти фунтовыми пушками. На каждой полагалось по штату, по 6 офицеров и около 70 чел. команды. 4) Мореходные канон. лодки *"Пищаль"* и *"Секира"*, постройки Вормского завода, вооруженные одной 9-ти дюйм. пушкой, имевшей 17 чел. прислуги. Ход был 8 узлов. При выстреле из пушки на борт, лодку дрейфовало. 5) Колесные пароходы *"Чикишляр"* и *"Красноводск"*, по две 4 фн. пушки. Позже им поставили на корму по 47 мм. пушке Гочкиса. 6) Пароходы *"Геок-Тепе"* и *"Насрэддин Шах"*, второй был разбит под командой кап. 1 р. Чилеева в 1888 или 1889 г. 7) Пароход *"Баку"*, 12 уз. ходу, командир мой отец кап. лейт. П. Ф. Орлов-Диаборский. 8) Военная шхуна *"Лоцман"*, впоследствии переименованная в "Апшеронец", имела 4 фн. пушки. 9) Баркас *"Проворный"*, вооруженный одним медным единорогом. 10) Пароходы *"Тарки"* и *"Куба"* — командиры кап. лейт. А. П. Геринг и князь К. И. Кекуатов. Второй погиб в начале 80-х годов у мыса Шелухина.

Инж.-мех. кап. 1 р. *Орлов-Диаборский.*

Скорбный листок

За последние месяцы скончались кадеты:

Балбашевский, Валериан Леонардович — Тифлисского к. к.

Бейерман, Александр Александрович — Морск. к.

Фон-Кубе, Максимилиан Оскарович — Морского к.

Орел, Иван Яковлевич — Первого к. к.

Ягубов, Александр Георгиевич — Симбирского к. к.

Дубровицкий, Константин Константинович — Одесского к. к.

Алексеев, Николай Николаевич — Полоцкого к. к.

№ 16

ЯНВАРЬ 1956 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

В воскресенье, 13 ноября 1955 года, в Париже была отслужена Панихида и состоялось

Торжественное Собрание

посвященное 40-летию кончины

Великого Князя Константина Константиновича

Доклад Председателя Обще-Кадетского Объединения

Литературно-музыкальное отделение из произведений поэта К. Р.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Генерал М. И. Драгомиров — **Г. Месняев** 1

Записки по пути следования во Францию — ген.-лейт. **М. К. Дитерихс** 2

Кадетские годы (Окончание) — **Г. Месняев** ... 7

Варна-Палас — **Евгений Яконсвский** 12

«Орден Семейного Очага» — **Борис Ширяев**... 17

Отрывки из писем вахтенного начальника клипера «Всадник» (Продолжение) — **Н. С. Чириков** 18

Орден Святителя Николая Чудотворца — контр-адмирал **Н. Машуков** 22

«Петропавловск» — **Алексей Геринг** 25

Из истории Хабаровского Графа Муравьева — Амурского Кадетского Корпуса — **Л. Сейфулин** 26

Историческая справка о 2 Кадетском Корпусе — **А. Г.** 27

Спортивно-Артиллерийский праздник Константиновского Артиллерийского Училища — **М. Зайцев** 26

Обзор военной печати 28

Хроника «Военной Были»..................... 28

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ **во Франции и европейских странах — 1050 Франков с пересылкой.**

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

5-й год издания | № 16 ЯНВАРЬ 1956 Г. | Bimensuel. Prix — 180 fr.

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВСЕХ СВОИХ ДОРОГИХ СОТРУДНИКОВ, ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ С ПРАЗДНИКАМИ

Рождества Христова и Новым Годом

Генерал М. И. Драгомиров

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ.

Пятьдесят лет тому назад, в сентябре 1905 года, как раз тогда, когда Россия содрогалась в пароксизмах революционной горячки, — умер генерал-адъютант, генерал от инфантерии Михаил Иванович Драгомиров (род. в 1830 г.) — один из наиболее достойных и славных представителей того строя, который подвергался тогда ожесточеннейшим атакам со стороны революционных сил.

Послужной список М. И. Драгомирова блестящ и незауряден: Достаточно указать на то, что он окончил фельдфебелем Дворянский полк, одним из первых Академію Генерального Штаба и преподавал тактику и военную историю старшим сыновьям Императора Александра II-го, в их числѣ будущему Императору Александру III; что он, в должности начальника 14-ой пехотной дивизии, входившей в состав 8-го корпуса, действовавшей в войну 1877-78 гг. армии, во главѣ этой дивизии, блестяще переправился через Дунай, а дальше участвовал в движении 8-го корпуса к Тырнову и в занятии Шипкинского перевала, где был опасно ранен в правое колено; что в 1878 году он был назначен начальником Николаевской Военной Академии Генерального Штаба, а затем в течение четырнадцати лет командовал войсками Киевского военного округа и, наконец, был генерал-губернатором Киевским, Волынским и Подольским.

Прибавим к этому, что он был незаурядным военным писателем, и перу его принадлежат не только многие томы капитальных научных трудов, но и множество журнальных статей на военные темы. В частности, известен его разбор, с военной точки зрения, "Войны и Мира".

И все же, при всей значительности жизненного пути М. И. Драгомирова, — он, как многие другие храбрые, способные и выдающиеся генералы своего времени, не оставил бы столь прочного следа в русской памяти, если бы его личность не отличалась бы яркой самобытностью, сугубым своеобразием и такими чертами, которые выделяли его из среды его современников.

Пожалуй, ни об одном государственном деятеле последних царствований, не было создано такого множества рассказов и анекдотов, как о Драгомирове, в которых он представляется человеком чисто русской складки, чисто русского остроумия, человеком, шедшим не проторенными дорожками, а своим собственным путем, человеком смелым, прямым, независимым, врагом всякой пошлости, рутины, прислужничества и других грехов, свойственных толпе.

Нужды нет, что большинство этих историй и анекдотов часто грешат против истины, являясь плодом вымысла. В них важно то, что они ярко свидетельствуют о том большом впечатлении, которое личность М. И. Драгомирова произвела на современное ему русское общество. Легенда о генерале, говорившем правду Царям и преследовавшем все низкое своим метким, острым и язвительным словом, — дожила и до наших дней. В основе ее лежит отличавший М. И. Драгомирова, дух смелости и независимости, придавший его личности столь яркий и красочный колорит.

Действительно, он не боялся нового, не боялся проповедовать это новое и внедрять его в жизнь, и, со свойственной ему независимостью, выражал в военном мышлении те идеи и мысли, которые брали свое начало от великого Суворова, но постепенно и незаметно были погашены и затерты рутиной военных штабов и канцелярий. М. И. Драгомиров настойчиво напоминал своим современникам суворовские заветы. В своих профессорских лекциях, в научных трудах, в статьях, а, главное, в жизни — он неустанно проводил мысль о том, что в военном деле высшую ценность имеет не косная материя, а человек, та "серая скотинка", которая создала русскую военную славу. Для него главным и основным — был солдат и солдат не автомат, а живая творческая личность, от которой в конечном итоге зависит то, что называется воинским

духом, духом войсковой части, следовательно и исход боя.

Воспитание воина, развитие в нем сознательного мужества, стойкости, уверенности в себе, понимания смысла своих действий, — вот к чему призывал М. И. Драгомиров, вот чего старался он достигнуть, командуя малыми и большими воинскими соединениями. Со свойственными ему прямотой и страстностью он боролся с теми, кто в убаюкивающем спокойствии комитетов и канцелярий, ради бюрократического благополучия, заменяли понятие солдата, как сознательного воина, понятием номера, безгласной пешки, действующей автоматически под гнетом бездушной дисциплины.

Такая борьба была вовсе не легка и даже небезопасна. М. И. Драгомиров сам говорил о том, что он приобрел себе репутацию безпокойного человека и в тогдашних высших военных кругах "серьезно был поднят вопрос — не следует ли его (Драгомирова) изъять из службы, т. к. он своими статьями подрывает дисциплину и развращает молодежь".

Современник генерала Драгомирова, знаменитый "белый генерал", М. Д. Скобелев, как известно, долгое время подвергался ожесточенным нападкам и был предметом недоверия, пристрастной критики, а, самое главное, зависти.

Очень и очень многих раздражала его независимость, смелость, новаторство, пренебрежение к застывшим трафаретам и штампам. С недоверчивостью отнесся к нему и М. И. Драгомиров, когда Скобелев был прикомандирован к нему, как помощник, в ответственнейшей операции переправы через Дунай. Однако, наблюдая за деятельностью Скобелева, М. И. Драгомиров легко поборол свое предубеждение к нему, и дальше стал его горячим защитником, всячески его выдвигая. Он почувствовал в М. Д. Скобелеве человека, родственного ему по духу. Он даже сказал о том, что он не постыдился бы стать в подчиненное положение к Скобелеву, хотя последний был младше его и был его учеником по Академии.

Русское зарубежное воинство имело многократную возможность убедиться, особенно в неравных боях гражданской войны, в дни Ледяных и других походов, в силе и несокрушимости воинского духа и в его превосходстве над материальными факторами. Своими подвигами, воинство это многократно подтвердило глубокую справедливость русской национальной суворовской военной доктрины, которую, в свое время, с такой убежденностью и страстностью проповедовал и внедрял в жизнь и М. И. Драгомиров.

Поэтому то, а также по тому патриотизму, по тому исключительному своеобразию, которые отличали чисто русский облик М. И. Драгомирова, — мы имеем все основания считать его одним из наших духовных предков, благодарная память о котором, несомненно, многие годы будет жить в сердцах русских патриотов, и, особенно, в сердцах русских воинов.

Г. Месняев.

ЗАПИСКИ ПО ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ ВО ФРАНЦИЮ

16 июня 1916 г. Головной эшелон бригады вчера, 15 июня, в 6 ч. вечера погрузился на ст. Воробьевы горы (Москва) и выступил в Архангельск. Провожало нас мало народа. Нарочно грузились за городом, чтобы не привлечь провожающими внимания московской публики. С первым эшелоном выступали: управление бригады, штаб 3-го полка, 3-ий батальон 3-го полка и одна пулеметная рота. В 9 ч. 40 м. прибыли на ст. Лосиноостровскую, на Ярославской линии, а в 1 ч. 30 м. двинулись дальше.

При отъезде со ст. Воробьевы горы нам сопутствовало знаменье: три радуги — одна в другой, говорят, это на счастье. Посмотрим. Во всяком случае грусти ни в ком не заметно; люди и офицеры смотрят весело; не скажешь, что им предстоит дальний тяжелый путь и полная неведомого будущность. Впечатление по внешности — дети, не ведающие, на что идут.

За Ярославлем — разъезд Догадцево; перед ним спуск; разорвало поезд. Ход был небольшой, но солдатня перепугалась, стала выскакивать на ходу. Однако, все обошлось благополучно. Машинист очень осторожно сбавил ход, посему толчок от нагнавшей второй половины был слаб. На вопрос: "Что, перепугались, братцы?, солдатня откровенно призналась: "Так точно, Ваше Пр-во, было страшно". Дети, но хорошие дети. Дал бы Бог и направлять по хорошему пути.... Сегодня вечером первый раз в жизни пришлось наблюдать закат на севере. Какая красота нежных красок и вместе с тем какое величественное зрелище! Преобладающие цвета — от огненно-золотого до фиолетового цвета с промежуточными переходными тонами. Ночь почти светлая. Видна даль.

17 июня. Утром в Вологде. Город с массою церквей и много зелени. Выехали в 1ч . утра. На 50-60 верст началось нечто похожее на тундру: масса лесов, но по преимуществу мокрых, болотистых. Только в долинах речек населенные пункты, а то их вовсе не видать. На ст. Важгода устроили зарю с церемонiей; собралось все местечко. Ночь совершенно светлая, ясная. Сейчас первый час, а пишу без огня. Мыслей вне войны мало.

18 июня. Нядыба. Между Вологдой и Архангельском. Станции идут за станциями, чередуются разъездами. Названия станций даже мало понятны, тоже таинственны, как вся местность, по которой мы проходим. Необъятные лесные пространства, много мелких речек, по типу горных, мало болот, озер, но в общем вовсе не настолько равнинная, как это изображено в географических атласах. Есть прямо-таки горные, живописные участки. Ночь опять светлая. Не сплю почти из-за комаров. Глупо, но надо с ними кончить. В час ночи начался рассвет, а в 10 ч. еще были следы захо-

дящего солнца. С каждым часом севернее приходится видеть все более и более оригинальные явления. Думаю, что настанет день, когда мы будем видеть солнце круглые сутки. Вчера и сегодня, на остановках, устроил эшелону зарю с церемонией.

20 июня. Архангельск. Безпорядков во всей нашей организации и системе неимоверное количество. Из Московского интендантства сухарей так и не получили, благодаря косности и вялости нашего делопроизводства. Сухари дали из Архангельского морского порта, но, хотя распоряжение было сделано вчера, тем не менее к 4 ч. дня, к времени, которое я назначил для выступления, — сухарей еще не привезли.

Только в 6 ч. 25 м., наконец, тронулись в путь. Впрочем, тронулась только "Венецуэла", со мной, с управлением бригады, штабом 3-го полка и 1-м батальоном 3-го полка.

Остальные два транспорта нашего первого эшелона — "Умтали" и "Мартазан" к назначенному часу оказались без командиров транспортов-англичан, которые, несмотря на предупреждение, съехали с пароходов неизвестно куда.

Решили, выйдя из реки в дельту, бросить якорь и заночевать. Рано утром должны присоединиться оба транспорта и в 5 ч. утра 21 июня двинуться в дальнейший путь.

В 9 ч. 30 м. бросили якорь и стали. Через 10 минут к нам подошел наш канонир — "Вайгач", и тоже бросил якорь. Устроили ему встречу.

Настроение мое не спокойно: нет сведений о конвоирах в пути, а между тем получено известие, что в Борге пришли две германских подводных лодки специально для операций на Архангельском пути. Какой-то коммерсант видел в 3-х днях пути от Архангельска тоже 2 подводных лодки. Оказывается, что на пути, у св. Носа, германцами были разбросаны мины, и в прошлом году взорвался какой-то наш пароход. Все это — обстоятельства, которые заставляют биться сердце за участь моих хлопцев и горячо молить Бога. У нас на корме есть одна пушка; если заметим во-время, то без боя жизни не отдадим, но жаль мне своих детей.

Сейчас 10 ч. 25 м. Я на верхней палубе; в море полная тишина. Вода, как зеркало. Солнце еще не село, и лучи его слепят, отражаясь в зеркальной воде; в машине что-то методично работает, и вообще в этой изолированной от всего дырке что-то живет все время своей жизнью, отличной и особенной от жизни всего остального судна.

В 12 ч. 45 м. обошел некоторые помещения нижних чинов. Люди, большая часть спит, отражается это отсутствие темных ночей. До сих пор трудно к этому привыкнуть.

Только теперь, на борту судна, я начинаю ощущать серьезность предстоящего пути. Благодаря слабому ходу "Мартазана", придется равняться на него и итти со средней скоростью всего 9 миль в час. Это составит 216 миль в сутки и, т. к. наш путь около 3.000 миль, то мы можем в лучшем случае пробыть в море 14 суток. В случае же какой-либо опасности у берегов Швеции и Норвегии, придется отклоняться на север, следовательно, и удлинять путь. Мне не хочется думать о личных своих чувствах, мыслях, заботах, оставленных в России. Я чувствую, что должен совершенно сейчас от них отказаться и мыслить только о переживаемой жизни бригады. Но это еще трудно; надо время. О бригаде забот страшно много. Опять наши непорядки: из-за секретности, в Архангельске не хотели пускать нас в бани. Однако, сейчас, когда портовое начальство знало, что вышли в море и остановились на ночь на рейде, оно выпустило англичанина "Ливерпуль", который прошел мимо нас вперед. Кто поручится, что там нет ирландца, норвежца...

21 июня. В 5 ч. утра весь наш эшелон под охраной "Вайгача" снялся с якоря и двинулся в дальнейший путь в порядке: "Вайгач", "Венецуэла", "Мартазан" и "Умтали".

В 1 ч. дня стало значительно холоднее. Мы вышли в горло Белого моря и направляемся к океану. Ветер небольшой, волн нет, но близость льдов чувствуется. После архангельской жары, перемена очень резкая.

В 3 ч. дня организовали наблюденіе за морем. Солдатня отнеслась сразу к делу с большим рвением. То и дело раздаются свистки, обращающие внимание вахты. Бревна, баки, тюлени, лодки — все замечается.

В 6 ч. 15 м. вечера "Вайгач" дал сигнал: "Данные Вам приказания отменены. Вам надлежит итти в Иоканакскую бухту, где ждать дальнейших приказаний.

Конечно, у всех появилось легкое волнение. Я был предупрежден в Архангельске, что такое распоряжение последует, если будут получены сведения о германских подводных лодках. Значит — сведения получены новые.

Вследствие этого, усилили наблюдение. Капитан остался на ночь на посту. Мой флаг-капитан старший лейтенант Р. решил бодрствовать. Начальник штаба тоже, видимо, волнуется.

В 10 ч. 30 м. вечера показалось 7 английских тральщиков, которые прочищали для нас проход, где в прошлом году взорвался "Русин".

В 12 ч. ночи я ушел спать. К этому времени мы вошли в стадо тюленей. Впереди всех было 2 старых — белых. Солдаты высыпали смотреть почти все. Тюлени ныряли в лучах солнца, т. к. оно вовсе не заходило. В качестве предосторожности и дабы приучить людей, велел после зари всем надеть нагрудники и в них спать. Эта первая тревога, конечно, подняла нервы людей, и многие не ложились. Я взял ванну и в 1 ч. ночи, помолясь, заснул. Море, как зеркало, но прохладно.

22 июня. В 7 ч. 30 м. утра вошли в бухту Иоканакскую. На ходу "Вайгач" передал, чтобы мы следовали намеченным раньше курсом. Когда я вышел в 10 ч. утра на капитанский мостик, то мы были уже в Ледовитом океане.

Океан спокоен. Налево видна земля, местами покры-

тая снегом; направо беспредельное водное пространство, скрываемое миражами. Утром пришла английская яхта и спросила: "Кто идет"?" Удовлетворившись ответом, прошла дальше. Наш курс от св. Носа на точку, образуемую пересечением 70,75 С. Ш. и 34 град. В. Д.

К 2 ч. дня земля ушла уже совершенно из вида. Океан — безбрежный, могучий, холодный. Нет-нет, и встречаются обломки судов, опрокинутые лодки — все свидетели последних мук человека, последней его борьбы за жизнь. Жутко при виде этих остатков; особенно когда на этих развалинах видишь чаек, спокойно сидячих и покачивающихся на волнах.

Мимо прошел еще один купец-англичанин. Как когда на суше, объезжая государства, начинает осязаться мощность России, так плывя по морям и океанам, сознаешь мощность Англии на водах. Если в Архангельске какой-нибудь десяток французских судов, 2-3 норвежских и шведских, то английских 40-50. Всюду они. С утра охраны у нас уже нет. Не знаю, кто следит за нашею безопасностью, но впечатление получается — покинуты всеми. Как-то это все плохо у нас налажено.

К вечеру начали надвигаться тучки. Как бы завтра не посвежело. Солнце сегодня не садится совершенно, но закрыто тучами и его не видно. Под вечер опять встретилось стадо тюленей и, наконец, стадо акул, здоровых, жирных. Представил себе попасть к ним в пасть... Нет, в случае явной невозможности спастись — лучше короткий конец пулей.

23 июня. Посвежело. Без пальто ходить нельзя. Небо покрыто серой мглой, ветер баллов 3-4, но холодный. Волна значительная. Все чувствуют себя хорошо. "Умтали" с утра улучшил ход и, догнав нас, идет почти на одной высоте с нами. Мы увеличили скорость до 56 оборотов (полная 80).

Все люди распределены по лодкам. Мне место в № 1-м, но, думаю, что едва ли, во всех случаях, придется попасть в нее. Здесь, при этом холоде, мало надежды на спасение, а во всяком случае надо будет раньше позаботиться о команде.

В 3 ч. 30 м. дня на горизонте показался парусник, правее нашего направления, держащий путь на север. Эти парусники хуже всего, т. к. могут быть шпионами, разбрасывающими мины; или за ними прячутся подлодки. Поэтому у меня на сердце опять неспокойно. Мы идем сейчас по 73 град. параллели. Остается только 17 град. до северного полюса, т. е. 1.700 верст с небольшим. От самого северного берега Европы мы в 280 верстах. Кругом темный, холодный океан. Но если человек принужден к поверке и напоминании о своих житейских привязанностях, то самое верное — это его посадить в такие условия, как мы сейчас. Тут вспоминается все дорогое, близкое, родное, и тут оцениваешь то, что покинул на земле, с наибольшей силой.

Вечер. Публика перебрасывается в карты. Один стол: доктор, Пришкин, Коленко и моряк играют в короли. Подсаживают доктора, все ополчились против него. Пока доктору везло, он горячо хохочет над стараниями его подсадить, но как только счастье ему изменяет — он старается сохранить добродушие, но, видно, огорчается. Сзади — командир полка, Л-б, делопроизводитель и дирижер оперы Померанцев — жарят в винт. Игра идет горячо — со спорами и кислыми словами. Особенно попадает Померанцеву, который горячится, и на него — в служебном отношении — влияют два старших партнера.

В 11 ч. 30 м. вечера помощник капитана принес перехваченное радио русское оффициальное сообщение. Это уже второй раз. Для нас это единственные известия из мира, которые удается перехватить. Сейчас мы слишком уклонены на север, и потому известия редки и их мало.

Ночью будем около 4-х ч. проходить пункт, где будто бы были замечены германские подлодки; приказал всем людям надеть нагрудники. Я сомневаюсь в этом известии, но предосторожность не лишняя, к тому же она приучает людей к тревоге.

24 июня. Утро тихое, холодное, но, благодаря отсутствию ветра, более теплое, чем вчера. Океан спокоен; если бы не доносился глухой шум работающей машины, то можно было бы предполагать, что мы стоим на месте.

В 8 ч. 30 м. прошли пункт, где были замечены германские подлодки, и начали движение зигзагами, изменяя через каждые полчаса направление движения. "Мартазан", со свойственным англичанам упрямством, долго не желал понять, что это и от него требовалось. Нужно было более 2-х часов разговоров, чтобы добиться от него исполненя. Мой флаг-капитан, старший лейтенант Р. проявляет должную твердость и серьезность. Вообще, видно офицер дельный, надежный. Еще проплыть дней 10, если все будет итти так благополучно, как сейчас. 10, значит, ночей, когда, ложась спать, не уверен, что утром проснешься. Едва-ли, если бы ночью случилась авария, то удастся спастись: слишком мало шансов выбраться наружу, приняв во внимание современную быстротечность гибели пароходов.

Охраны все нет. Думаю, что у Исландских берегов она нас встретит, т. к. там опасность черезчур велика. Будем надеяться на Бога.

Около 4-х часов дня показалось парусное судно. Завидя нас, оно направилось к нам. Были неприятныя минуты ожидания, т. к. нельзя быть уверенным в море, что кроет в себе такой парусник, оказавшийся под норвежским фагом. К 5 ч. дня судно подошло к нам. Оттуда махали фуражкой и что-то кричали. Никто не понял, и мы пошли дальше, а судно снова взяло курс на север.

Сегодня впервые было видно полуночное солнце; оно не дошло до горизонта градусов на 6 и, хотя светило во всю, но не грело и самый свет был какой-то больной. Мы воспользовались и снялись ровно в полночь.

В полночь же мы изменили направление движения на юго-запад, почему опять будет делаться теплее и темнее.

25 июня. Сегодня вышли на настоящую океанскую глубину в 1.500—2.000 саж. Началась и волна хо-

рошая. Значительное число солдат заболело морской болезнью, но больше, кажется, от страха, чем от качки.

Сегодня была первая всенощная на пароходе. Французы, насколько могли, убрали баковую часть верхней палубы, где был устроен небольшой аналой. Певчие спелись хорошо. Служба прошла торжественно.

К вечеру стал опускаться туман, постепенно сгущаясь. От подводных лодок это хорошее укрытие, но с другой стороны является опасение растерять свои задние пароходы. "Умтали" все время отстает; пришлось сбавить ход, а это задерживает наш приход в Брест. Вообще нельзя назначать для перевозки пароходы с таким разнообразием скоростей и, во всяком случае, надо давать пароходы со скоростью не менее 10-12 узлов, а то сейчас "Умтали" едва-едва поспевает на 9 узлов. Причины — или плохое качество угля, или капризы капитана-англичанина.

К ночи, новое беспокойство: туман настолько сгустился, что пароходов не видно. Они пересвистываются время от времени, но, т. к. из-за волны нельзя держаться близко, то является опасность потерять "Умтали", т. б., что неизвестно, сколько времени продержится туман. Будет очень неприятная история. Кроме того свист выдает наше присутствие.

26 июня. Туман непроглядный — как молоко. Все время, каждыя 5 минут мы свистим. Англичане, подлецы, отзываются плохо. Вижу, что итти в тумане трудно, дабы не потерять друг друга, и никаких средств связи, кроме этого свистка, нет.

Вопрос, как долго продержится туман. Во всяком случае в Брест нельзя будет войти при тумане и придется ожидать в море.

Сейчас будет обедня. Туман продержался часов до 2-х дня, когда пошел сильный дождь на полчаса. После дождя прояснилось, но не надолго. И опять нас окутал туман до 9 ч. вечера, когда туман окончательно рассеялся.

Вечером мимо нас прошел на восток большой коммерческий пароход и опять парусник.

Приглядываюсь к офицерам. Мало культурности во всем. Начать с одежды — произвол, особенная любовь увлекаться иностранными покроями и штиблетами — отсутствие, даже в этом, национализма. На слово — невоздержанность, отсутствие желания быть при иностранцах корректными, сдержанными, корпоративными.

27 июня. Тумана нет, но и солнце закрыто. Все еще холодно. Сегодня ночью будем проходить между островами Исландия и Ферро — одно из наиболее опасных для нас мест.

Приказал после заутрени всем надеть нагрудники.

Сегодня. после завтрака, в салоне, Померанцев играл на фортепиано. Богатая музыкальная память. Тербеев пел — оказался недурной голос.

Уже к обеду начал сгущаться туман; все ближе и ближе. К 10 ч. вечера мы оказались в молоке. Пришлось начать пересвистыванье, которое нам невыгодно, т. к. мы проходим между датскими островами, где могут таиться германские подводные лодки. Кроме того, в сузившемся проходе, можно легко, в таком тумане, наткнуться на другое судно. Все люди надели нагрудники. Флаг-капитан на всю ночь залез на капитанскую рубку. Я дал ему мои галоши, дабы он в своих тонких штиблетах не простудился. Он оберегает нас во всю, стараясь предпринять все, что можно, чтобы наиболее обеспечить нас с морской стороны. Спасибо ему.

Я могу лишь горячо молиться за наше благополучное путешествие, т. к. совершенно лишен возможности чем-либо оградить вверенные части от опасности. Мы всецело в руках воли Всевышнего.

Только в настоящем положении сознаешь, насколько судьба людей, событий — всего на нашей слабой планете — зависит от Высшей Воли Провидения, как бы кто ее ни считал и не называл. Но чувствуется она здесь, в настоящей обстановке безволия, с поразительной ясностью и отчетливостью. Не верить в существование этой Высшей Воли — нельзя. Ведь сейчас каждое мгновение будущего может носить в себе для нас конец жизни, и мгновения, проходящие благополучно, являются исключительно благословенными Высшей Волей, а ни в коем случае не нашей.

Господь да покроет нас своим покровом и охранит.

Сейчас для нас создалась новая опасность: получена телеграмма агентская, что германская подводная лодка в 1.000 тонн прошла в Америку вчера. Если она не разоружится, то сегодня должна выйти обратно, и через 7 дней она будет у берегов Европы. В это же время мы будем резать ее курс с севера на юг, вдоль европейского берега. Встреча вполне возможна и едва-ли для нас благополучно кончится. Впрочем, как писал выше, все в руках Господа Бога.

28 июня. Ночь прошла благополучно. С утра все еще был туман, но к 12 ч. дня он постепенно разошелся и открыл горизонт. Солнца нет; температура несколько теплее; пройдя меридиан островов, мы изменили курс и теперь идем почти на юг, огибая с запада Англию, миль в 200 от ее берега.

Из Ледовитого океана перешли в Атлантический; оригинально, что изменился и цвет воды — из темнозеленаго почти в синий.

К 6 час. на горизонте показалось судно; снова беспокойное напряженное внимание — пока не выяснилось, что судно коммерческое и, повидимому, держало курс из Америки в Архангельск.

Сегодня была всенощная, по случаю завтрашнего церковного праздника.

Наконец, сегодня, наступила первая, сравнительно теплая, ночь.

На нашем пароходе задраены все окна и иллюминаторы, но беспечность англичан-коммерсантов и здесь высказалась реально: они засветили все свои огни. Пришлось им просигнализировать и заставить их потушить огни.

Еще и еще раз глубоко возмущаюсь действиями союзников, которые до сих пор не высылают нам никакой охраны. Англичане хотят показать, что они вполне властелины морей и союзникам по морям можно плавать без всякой охраны. Однако, с подлодками

германцев они ничего не могут поделать и, захотевшая пройти, прошла в Америку. А что-же гарантиртет нас от таких-же лодок. Только эскорт из крейсера и миноносцев мог-бы обеспечить наше спокойствие; а сейчас плывем, исключительно охраняемые Господом Богом и больше никем.

Если Бог даст дойти до Бреста, то настойчиво буду протестовать против такого отношения союзников к нам.

29 июня. Сегодня день Петра и Павла. Утром была служба, а за завтраком и за обедом именинники угощали шампанским.

День прошел без тумана, но часов с 3-х дня начало качать, правда, не особенно сильно, но для нас это была первая качка. Людей укачало порядочно; были больные и среди офицеров. На вечерней заре присутствовало не более половины.

Сегодня идем с совершенно потушенными огнями. Ночь обещает быть темной и это единственно, что мы можем сделать, чтобы не выдать себя, т. к. охраны по-прежнему нет.

Через 4 дня мы должны быть, при счастьи, в Бресте. Если так будет, то в общем весь путь составит 15 дней. Надо признать, что несмотря на все удобства, путь тяжел по нравственному напряжению; 15 дней в руках судьбы, случая и, главное, Провидения.. Нельзя так испытывать судьбу..

30 июня. Море более спокойно. Тумана нет. В течении дня видели только один пароход, шедший из Англии в Америку и одно парусное рыбачье судно.

1-го июля. Сегодня, по Новому стилю, 14 июля — день национального праздника французов, по случаю взятия народом в 1789 г. Бастилии. По этому поводу за завтраком было подано шампанское, а мы выставили музыку. Капитан произнес тост, я ему отвечал и — очень неудачно.

Море слегка волнуется, но не сильно. Солнца все еще нет и спуск к югу чувствуется слабо.

2-го июля. В 4 ч. 30 м. утра, наконец, нас встретили французские разведочные суда: 2 миноносца и одно судно, специальное против подводных лодок. Наконец охрана почувствовалась в той мере, как она должна быть. Надо отдать справедливость англичанам, что они большие свиньи.

Пока, сопровождавшие нас, представители французского флота дают довольно грустное понятие о флоте этой державы.

Миноносец — из типа стоящих у нас в Севастополе на бочках у Графской пристани — показывает вид, что исполняет обязанности разведчика и все время плетет впереди нас, кружево величиной в радиусе в 100°. Фокусники и фигляры — эти г. г. французы.

Два других судна, допотопного типа, которым место в музее, а не в современно флоте.

Но, впрочем, все же лучше это — чем ничего.

Сегодня, когда нас встретили первые вестники французского флота, солдаты мои ожили и повеселели. Этому способствовала и чудная погода, полное спокойствие моря и роскошная, ясная и яркая лунная ночь. Я стоял на верхнем мостике и долго смотрел на Большую Медведицу. Пытался отыскать, но, конечно, опять не нашел. Но красоты, величия картины лунной ночи в океане забыть невозможно, немыслимо; она пронизывает вес существо великим сознанием величия Великого Творца, а потому изгладиться, — не из памяти, а из чувства, — никогда не сможет.

Завтра, если Богу будет угодно, мы придем в Брест. Завтра, самый опасный день пути, считая его до Салоник. 14 дней моря, 14 дней ожиданй ежеминутных, независимых от нас, катастрофических положений и 14 дней горячей молитвы Богу и веры в Промысел Его — вот сущность этого прожитого времени.

3-го июля. Ночь прошла благополучно; остается еще дневной путь, и между 7 и 8 ч. вечера, мы войдем в Брест.

Море спокойно и величественно. Солнце ярко сверкает; ясно, тихо, как ясно, тихо сейчас у меня на душе.

Сегодня чувствуется праздничный день: все поприоделись, почистились, поднялись духом, и богослужение, совершенное в последний раз на корабле, нашло само — и придало всему и всем — особо величественный, серьезный характер.

На богослужение вышла вся первая рота; почти все Георгиевские кавалеры. И вид их, и общая обстановка создали в моей душе новую величественную картину — картину веры в светлое будущее, на полях брани и жизни.

Как люблю я эту серую массу! Какая в ней чувствуется мощь, сила жизни! Сколько мог бы сотворить великого этот народ, если бы дух и ум его были более просвещены!

Сейчас 2 ч. 45 м. дня. Показался первый маяк, первый вестник земли; до конца пути еще 50 самых опасных миль, но все-же у всех вырвался радостный клич. Приказал всем людям надеть спасательные нагрудники и быть наверху, а не в трюмах. Если какая-нибудь мина или подводная лодка и пустит нас на дно, то все-же шансы, что не менее 500 людей будет спасено. Сейчас нас сопровождают уже 6 французских судов охраны, но тем не менее береженного и Бог бережет, а поэтому предосторожности не лишни.

В 6 ч. вечера мы вошли на рейд Бреста и бросили якорь. Таким образом — путь кончился благополучно.

Завтра, в 7 ч. утра, мы выгружаемся и вступаем во Францию, будут торжества, парады, чествования и т. п. Послезавтра вечером, по железной дороге, выезжаем в Марсель, где придется пробыть недели две, а затем — далее.

В 7 ч. 30 м. вечера на пароход прибыли, для приветствования нас, адмирал-губернатор крепости, его начальник штаба, флаг-капитан, офицер, назначенный состоять при мне, и русский консул. Все прошло очень мило и трогательно.

Завтра нас чествуют войска гарнизона завтраком, а послезавтра я устраиваю городу парад своих войск и благодарственный молебен.

Сейчас уже второй час ночи, а вставать надо в 5ч. утра.

Ген.-лейт. Дитерихс.

Кадетские годы

(1902—1909)

(Окончание)

Летом, когда я готовился к своим переэкзаменовкам по математикам, моим репетитором был студент электротехнического института, сын нотариуса нашего уездного города. Он провел все лето у нас в деревне, не особенно утруждая ни себя, ни меня науками, (хотя и натаскал меня в них вполне достаточно), а больше увлекаясь гимнастикой и увлекая ею и меня с братьями. Впоследствии, как я слышал, он в эмиграции получил довольно большую известность в атлетическом мире. Кстати сказать, это увлечение гимнастикой, а главное бегом на большие дистанции, вероятно, подорвало мое сердце, что впоследствии и сказалось самым неожиданным образом, на ходе всей моей жизни.

В те времена, в обществе было распространено мнение, будто кадеты по степени своего общего развития и по кругу своих интересов стоят гораздо ниже гимназистов и реалистов. Был широко распространен анекдот, как офицер, дрессируя собачку и поглядывая при этом на студента, приговаривал: "учись, учись собачка — студентом будешь". "А не доучишься — офицером будешь" — парировал студент. В глубине души, сами мы, до некоторой степени, соглашались с этим общераспространенным взглядом.

Каково же было мое удивление, когда мой репетитор, студент одного из самых трудных высших учебных заведений, в разговоре со мной, обнаружил незнание, кем был Обломов. Может быть такое невежество было редким исключением, объяснявшимся чисто спортивным направлением моего репетитора, но, во всяком случае, оно было совершенно немыслимо для любого кадета нашего корпуса. Мы не читали тогдашних литературных знаменитостей, вроде Горького или Андреева, не знали разницы между социал-демократами и социал-революционерами, но мы хорошо были знакомы с Русской классической литературой, и большинство из нас ее любило. Эта любовь прививалась нам и чтением нам вслух воспитателями, на так называемых "пустых" уроках, и набором книг в наших ротных библиотеках, и, конечно, преподавателями Русского языка. Я всегда отличался приверженностью к книгам и уже с первого класса в нашей библиотеке четвертой роты нашел настоящий клад для удовлетворения своей читательской страсти. Начиная с "Бедной Лизы" и "Натальи боярской дочери" Карамзина, романов Загоскина, Лажечникова и Салиаса, и сентиментальных "Рыбаков" и "Антона — Горемыки" Григоровича и кончая Тургеневым и Толстым — все было прочитано мною, часто в ущерб занятиям. Особенно благотворную роль в нашем развитии сыграл учитель Русского языка Воскресенский. Он был нештатный преподаватель и носил форму духовного ведомства. Окончил он Духовную Академию и был страстно привержен к родной литературе. Этой любовью он сумел заразить и нас, хотя вовсе не отличался какой либо восторженностью, а наоборот выдержанным спокойствием, с некоторым налетом меланхолии, получавшей внешнее выражение в его отдаленном сходстве с поэтом Шевченко. Трудно сказать, какими путями он победил наши сердца, ибо, казалось, никаких особых мер он для этого не предпринимал и не старался завоевать популярности. Напротив, он казался очень сдержанным и серьезным, но может быть, именно эта серьезность, сочетавшаяся с совсем не казенным отношением к своему преподавательскому долгу, — и внушали нам к нему невольное уважение. Были и другие преподаватели, например наш историк Казанский, который умел держать класс в руках и внушать почтение к своему предмету, но в его преподавании чувствовалась какая то рутина, обновлять или менять которую у него не находилось охоты. Из года в год, преподавание истории шло по раз и навсегда определившемуся руслу, не утруждая преподавателя, обленившегося в затишьи губернского города, с ежевечерними посещениями клуба, преферансом и разговорами на все те же городские темы.

В Воскресенском мы чутьем чувствовали человека другого склада, интуитивно выделяли его из массы преподавателей. Ему одному мы, в день выпуска, поднесли альбом наших фотографий, чем его чрезвычайно тронули. Его приверженность к Русской литературе выражалась, в частности, тем, что он удовлетворял любую просьбу о книгах, принося часто совершенно новый, неразрезанный экземпляр, который он, надо думать, приобретал за собственный счет.

В каждом человеческом обществе, интерес к литературе и к другим вопросам высщего порядка является уделом немногих. Большинство к ним, более или менее, равнодушно. Так было и в нашей среде, но минимальный запас знаний и нормальный интерес к вопросам литературы и искусств, все данные к дальнейшему развитию этого интереса, — были получены нами во вполне достаточном объеме. В Орле не было ни оперы, ни картинных галлерей, ни музеев — словом ничего, что является достоянием жителей больших городов. Был у нас только один, — (но постоянный, что для провинции было редкостью), — драматический театр, пользовавшийся неизменной любовью, неизбалованных редкими зрелищами, жителей Орла — в их числе, и нас. Здание театра, построенное, вероятно еще в крепостные времена и не блещущее архитектурными достоинствами, — находилось у входа в городской сад, замыкая большую площадь с бульварчиком, на которую выходили: белый с колоннами "Дом дворянства", женская гимназия, очень длинное здание присутственных мест и гауптвахта, очень типичная по своей архитектуре. Все это было в пяти минутах ходьбы от корпуса, ко-

торый, хоть и расположенный на самой окраине города, стоял в непосредственной близости от его торгового и административного центра. Поэтому, в театр мы ходили пешком, строем, под командой своих воспитателей, не по тротуару. Туда водили нас обычно на утренние спектакли по воскресеньям и в праздники, — а в старших классах также и по вечерам. Сидели мы только в ложах, и в ложах же сидели институтки в белых пелеринах со своими классными дамами. Театр был небольшой, двухъярусный, с тесными коридорчиками, где как то особенно пахло специальным театральным запахом, способствовавшим созданию особого театрального настроения. В антрактах играл оркестр одного из орловских полков: Можайского или Звенигородского, а у рампы красовались наши Черниговские гусары. Вся атмосфера дышала известной парадностью, соединенной с провинциальным уютом. Орловский театр был первым, в котором мне довелось быть, и прозвел он на меня очень большое, почти потрясающее, впечатление. Играли, как помнится, "Каширскую старину", играли, вероятно, посредственно, декорации и костюмы тоже, вероятно, были не блестящи. Но все и игра, и боярские костюмы, да и вся театральная обстановка, показались мне тогда — почти волшебными.

Позже, когда мы достаточно повзрослели и могли более критически относиться к театральной игре, театр продолжал оставаться одним из наиболее любимых развлечений и каждый из нас имел своих любимцев среди артистов. До сих пор, я помню фамилии некоторых из них: Плетнева, Неведомова, Киенская-Лебедева и др. "Кин", "Старый закал" "Измена", "Камо грядеши", "Потонувший колокол" — помнятся до сих пор, даже в некоторых своих деталях, в то время как, более пышные и блестящие постановки, которые пришлось видеть впоследствии, давно потускнели в памяти и не вызывают никаких эмоций. Под свежим впечатлением только что просмотренной пьесы, с некоторой грустью, от перехода к жизненной действительности, мы возвращались в корпус по совершенно пустынным и молчаливым улицам Орла, уже думая о завтрашних математиках и прочих неприятностях.

Один раз был поставлен у нас и свой кадетский спектакль, произведший немалое впечатление и внесший немалый интерес, особенно для его участников, в нашу жизнь. Была поставлена пьеса из военной жизни "На маневрах". Она требовала участия женщин и это создавало некоторые затруднения, ибо, видимо, противоречило каким то правилам и обычаям. Однако, затруднение это было преодолено благодаря тактическому маневру Бориса Шатилова, посоветовавшего нашему воспитателю подполк. Лихачеву, взявшему на себя режиссерские обязанности, пригласить для участия в спектакле двух директорских дочерей.

— А вы, я вижу, великий дипломат, — сказал Лихачев, почувствовав в предложении Шатилова тонкий психологический расчет. Надо думать, директорские дочки соответствующим образом насели на своего отца: последний дал разрешение и на спектакль, и на участие в нем корпусных барышень. Спектакль прошел с успехом и все артисты оказались на месте.

Был у нас и свой поэт, Рышков. Он носил очень редкое имя Анания, и, как сейчас помню, его именины были 1-го декабря. Именины же у нас отмечались тем, что именинника драли за уши и качали, подбрасывая чуть не до потолка. Кроме того, пелась песенка о птичке, сидящей на ветке и о бабе, направляющейся в овин. В рифму с последним словом поэма кончалась словами: "честь имею вас поздравить со днем ваших именин".

Творчество Рышкова носило преимущественно сатирический характер, избирая своими темами факты корпусной жизни. Так, пародируя известные тогда куплеты: "чепуха, чепуха, или просто враки", Рышков, в своих виршах, как нечто невероятное, утверждал, что: "причесался Лихачев, поумнел Левицкий", имея в виду, что прическа нашего воспитателя Лихачева с трудом поддавалась щетке, а Левицкий — воспитатель соседнего с нами класса, несколько флегматичный и плотный мужчина, с туго закрученными усами и рачьими глазами, подозревался нами, без особых на то оснований, — в глупости. У Рышкова были и более крупные произведения, отрывки одного из коих, почему то плотно застряли в моей памяти. Стихотворение это, связанное с заключением автора в карцер, за съуженные брюки, было выдержано в тонах баллады:

И был в темницу вввержен я,
И мрак ее объял меня
Своею жуткой тишиной.
И дверь захлопнулась за мной.
На ложе жесткое упав,
Хотел забыться и заснуть,
Но сон бежал от глаз моих...

Дальше перед узником появляется некий дух, "жилец иного мира", который вопрошает:

"Скажи мне, юноша строптивый,
За что такие терпишь муки?
И хладным ужасом объят.
Чуть слышно, прошептал: "я сузил брюки".

Между прочим, впервые о писателе И. А. Бунине я услыхал от Рышкова, который был родом из елецкого уезда и принадлежал к семье оскудевших помещиков, не раз описанных Буниным, происходившим из тех же мест и из той же помещичьей среды.

Бунин, тогда уже известный писатель, посетив свои родные места, поразил воображение прозябавших в степной глуши разорявшихся дворян своим элегантными нарядами, рассказами о заграничных поездах и некоторым снобизмом не совсем, с их точки зрения, хорошего тона. Возможно, что именно эта встреча с писателем подвинула Рышкова на поэтические упражнения. Вообще же, он отличался остроcловием, был начитан и слегка тронут либеральными веяния-

ми. Впрочем, он был хорошим товарищем и славным малым, склонным ко всяким затеям, иногда рискованного характера.

Раз зашла речь о карцере, будет кстати сказать несколько слов и о нем, тем более, что это учреждение играло в нашей кадетской жизни известную роль.

Еще до корпусных времен, в кадетских рассказах и воспоминаниях, часто фигурировали повествования о карцере, а потому каждый из нас чувствовал к нему некоторый интерес, подогреваемый романтической литературой о темницах, узниках, об их жизни, побегах и прочем. Граф Монте-Кристо, Железная маска, Петропавловская крепость, играли не последнюю роль в создании карцерной романтики.

В одно сумрачное зимнее утро, я, будучи дежурным, в обязанности коего входило наблюдение за подъемом кадет, не знаю сам, почему, строптиво уклонился от исполнения какого-то приказания дежурного офицера, капитана Лайминга. В результате, я был подвергнут аресту. Не скажу, чтобы это меня огорчило, скорей, наоборот, я был доволен, что цикл кадетских впечатлений будет пополнен недостававшим до сих пор звеном.

В субботу, после окончания уроков, дежурный по роте унтер-офицер, в фуражке и при штыке, собрал подлежащих заточению и повел их по темному коридору второго этажа и по узкой боковой лестнице, вниз, где находился карцер. Самый нижний этаж корпусного здания, или вернее полуэтаж, в котором жили семьи вахтеров, кантенармусов и служителей, имел сводчатые потолки, квадратные окна и довольно мрачные коридоры. В этом то полуэтаже и находился карцер. Три или четыре его камеры имели все аксессуары, отвечающие понятию темницы: окна, забранные железными прутьями, квадратные прорезы в дверях, койки, приспособленные к стене и открывавшиеся только на ночь, без подушек и одеял, которые заменялись шинелями арестованных, столик и табуретка, серые стены, покрытые вырезанными на них фамилиями прежних сидельцев, из коих некоторые принадлежали прежним корпусным знаменитостям; старый служитель, седоусый и пробрякивающий связкой ключей — все это было, как полагалось быть в настоящих казематах.

Обед приносили без третьего блюда, кроме учебников никаких книг не полагалось и курить было запрещено. Это, конечно, обходилось и верные друзья, во время прогулок, подбрасывали через форточку необходимые курительные принадлежности. Было скучновато, но, так как все камеры были заняты, шли оживленные разговоры, обмен впечатлениями, пенье и хохот. Раза два, появлялся дежурный ротный командир и строго заглядывал в дверные окошечки, что еще больше щекотало мальчишеское наше тщеславие.

Просидел я до утра понедельника, проспав, таким образом, на карцерной койке две ночи и не испытав ровно никаких страданий. Разве только ночью, под шинелью, было холодновато и не очень удобно. Неприятно было то, что сидение в карцере совпало со днем моих именин.

В понедельник утром, к началу классных занятий, явившийся дежурный вице-унтер-офицер, доставил нас в роту, куда я вошел с чувством некоторой гордости, чувствуя себя отныне "настоящим" кадетом.

Вскоре, после возвращения с пасхальных каникул, наступили выпускные экзамены. В прежние времена, когда мы были в самых младших классах они обставлялись более торжественно и держащие экзамены кадеты, выступая перед экзаменационным столом, накрытым цветным сукном, надевали мундиры. В наше время торжественности стало меньше, мундиры не надевались и экзаменаторы тоже были облачены в кителя защитного цвета. Однако, экзаменационная обстановка, — стоявший под царскими портретами экзаменационный стол, крытый красным сукном, выстроенные перед ним полукругом черные диски на треногах, разложенные в виде карточного веера белые билеты, программы и проч. — все это придавало экзаменационной процедуре оттенок необычности и торжественности. В первый день экзаменов, когда шестой класс, после обычного сигнала, отправился в классы, — мы, по давнишней традиции, пропели ему: "Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно....", а накануне, по той же традиции, произвели сжигание урочной системы. На асфальтовом полу умывалки было сожжено несколько учебников и тетрадей, под пение, полагающегося к этому случаю, куплета звериады:

Прощай урочная система
Была у нас ты много лет,
И всем ты страшно надоела,
Ты лишь пригодна для кадет...

Началась усиленная зубрежка. По одиночке и группами, каждый подыскивал себе укромный угол, где бы он мог без помехи проштудировать за два-три дня, даваемых на подготовку к каждому предмету, толстенный том физики Краевича, алгебру и геометрию Киселева и проч. Одни обосновывались за доской в зале; другие, и я в их числе, облюбовали конец коридора, у входа в церковь и столовую, который замыкался окном, смотревшим на обсаженную тополями внутреннюю улицу корпусного городка; третьи предпочли свою собственную парту, — одним словом, каждый устраивался, как ему было удобно. Лучшие ученики, конечно, не переживали настоящей экзаменационной горячки, со вставанием еще до восхода раннего весеннего солнца, с тревогой, — и гаданиями о результатах завтрашнего экзамена. Рисковать им не приходилось и вопрос для них сводился лишь к тому, чтобы выйти к старту в числе первых, получив по тому или другому предмету не 11, а 12. Совсем иначе себя чувствовали какой-нибудь Ромашев или Маслов, у коих средний годовой балл лишь на какую нибудь одну десятую превышал классическую, требуемую для выпуска, семерку. Для них, да и для многих других, шедших на восьмерках и даже девятках, экзамены были подлинно страдной порой.

С нами держали экзамены несколько молодых лю-

дей со стороны, нуждавшихся в аттестате среднего учебного заведения. Все они, были из прибалтийских губерний, очень воспитанные, одетые в аккуратные и даже щеголеватые штатские костюмчики и прекрасно подготовленные. Встретили мы их приветливо и они не остались в долгу. Так один из них, во время письменного экзамена по аналитической геометрии, самоотверженно уронил промокашку: на ней я нашел решение задачи, которую я ни за что самостоятельно не решил бы. Все они выдержали экзамены более, чем успешно. Иное выпало на долю пехотному поручику, который, стремясь попасть в военно-юридическую академию, пытался выдержать у нас дополнительный экзамен, т. к. оконченного им юнкерского училища было недостаточно. Ответив вполне хорошо по истории и словесности, он потерпел крах на математиках и физике. Было жалко на него смотреть, когда, затянутый в свой пехотный мундир, он мучительно краснел и потел, стараясь найти верные ответы на вопросы экзаменаторов. Почему то у них он сочувствия не нашел. Обсуждая эпизод его провала, наш воспитатель, на наши соболезнования об участи поручика, холодно сказал:: "Что ему еще надо? Кусок хлеба у него есть, так он еще к нему масла хочет".

Другое, конечно, было отношение экзаменаторов к нам. Если, во время переходных экзаменов из шестого в седьмой класс, совсем не чувствовалось с их стороны какой-либо поблажки, то, во время выпускных экзаменов, явно ощущалось желание начальством их благополученного окончания. На многое закрывались начальственные глаза, и, например, когда я, стоя у доски с Масловым, беззастенчиво ему подсказывал, никто на это не обратил внимания. Чем дальше шли экзамены и чем ближе продвигались мы к финишу, тем снисходительней становились экзаменаторы. Спрошенный на экзамене по химии, что такое кислота, я, хотя и твердо помнил, что:

Ангидрита, плюс вода
Получается кислота,

почему то брякнул, что ангидрита и вода дают щелочь. (Этому я был обязан Коновалову, который накануне продекламировал, что

Ангидрита, плюс вода
Будет щелочь нам дана,

и таким неправильным утверждением сбил меня с толку). Несмотря на столь грубую ошибку, мне была поставлена семерка.

По мере хода экзаменов, корпус пустел с каждым днем. Класс за классом, покончив со своим испытаньем, кадеты разъезжались на каникулы. Стало пусто в столовой, в церкви и на плацу. Во время поздних вечерних прогулок, в мягких сумерках майских вечеров, наш оркестр играл уже только для нас попурри из "Травиаты", вальсы: "Осенний сон,, "На сопках Манджурии" и другие. Липы, покрытые свежей, но уже густой листвой, стояли не колыхнувшись, как бы прислушиваясь к меланхоличным звукам серебрянного корнета Каменева и к задумчивому аккомпанименту тяжелых труб. И ласковый майский вечер, и звуки оркестра, и столь знакомые лица товарищей и дежурного воспитателя, задумчиво вслушивающегося в музыку, и плац, окаймленный зеленью лип — все это скоро должно было уйти в прошлое и замениться новым. Однако, минуты сладкой грусти быстро сменялись сознанием того, что мы на пороге чего то иного и волнующего. Радость бытия, ощущение полноты жизни, молодости и свободы — наполняли тогда наши совсем юные сердца.

Помню, как, ответив на экзамене по истории и покинув скучный класс со скучающими экзаменаторами и волнующимися экзаменуемыми, — я прошел до конца коридора и остановился у открытого окна. Надвигалась гроза. Серо-лиловые тучи медленно ползли, постепенно заволакивая небо и от них шло прохладное, влажное и животворящее грозное дыхание. Тополи под окном тревожно шумели ветвями и, вдыхая полной грудью, свежесть идущей грозы, — я почувствовал такую острую радость жизни, такое упоение ею, ее созвучию с блесками молнии, ворчанию грома и порывам ветра — какой, пожалуй, я уже больше никогда не испытывал.

Между тем, меня подстерегали серьезные огорчения со стороны, откуда я их совсем не ожидал. Наступил день последнего медицинского осмотра. Картина его была очень знакома, много раз повторялась, за семь лет пребывания, в корпусных стенах.

Два наших доктора, — старший Вистенгоф и младший Умнов, — выслушивали и осматривали каждого из нас, иногда переговариваясь и записывая что то в тетради. Фельдшера в белых халатах, столько раз раньше величественно ставившие нам термометры и дававшие касторку, теперь уже без прежнего чувства превосходства наблюдали и записывали результаты сжимания силомера и вдувания соответствующего аппарата. Одним словом, все было по старому, как было это два, три и больше лет назад. Однако, мы уже были не те, что в ушедшие годы, когда шло соревнование у силомера и когда наши патентованные силачи вызывали зависть и удивление, выжимая астрономические цифры. Изъ детей подростков, мы незаметно обратились в юношей. — "Ах, какой молодец!" — воскликнул Умнов, осматривая Маслова. — "Посмотрите, какая грудная клетка, какая мускулатура", — говорил он, обращаясь к Вистенгофу. Действительно, Маслов — будущий знаменщик Киевского училища, — высокий, прекрасно сложенный, с стройными мускулистыми ногами и широкой, как меха, грудной клеткой, мог быть посчитан за образец юношеской крепости и силы. Да и другие, оба Князевы, Мищенко, Клементьев — могли быть украшением роты Его Величества в любом военном училище. Конечно, были и иного сорта: слабые и тщедушные, но в целом, надо сказать, корпусной режим, простой и здоровый, — закалил нас в достаточной степени.

Когда очередь дошла до меня и когда Вистенгоф, приложил свою трубку к моей груди, пощекочивая ее своей холеной бородкой, — лицо его стало настороженным

женным. Долго он вертел меня в разные стороны, заставлял дышать, не дышать и даже, к моему вящему конфузу, пробежаться по комнате. "А, ну-ка, послушайте Вы!" — обратился он к Умнову. "По моему, порок сердца и серьезный". Подошел Лихачев. "Знаете, мы не сможем выпустить его в училище. С таким пороком можно и до старости дожить, но не на военной службе: маневры, походы..." "Я умоляюще смотрел на Лихачева. Несколько минут, вполголоса, он переговаривался с докторами и, наконец, Вистенгоф, вздохнув, сказал: "Ну, хорошо, беру на свою ответственность, хотя в военном училище едва-ли пропустят". "Дальнейшее показало, что он был прав.

Настроение мое было испорчено основательно. Правда, я с юношеским легкомыслием отгонял от себя мрачные мысли, надеясь, что "все образуется", но семя сомнения уже было посеяно, и полной радости от предстоящего выпуска ощущать я уже не мог.

У Кузнецова не доставало каких то сантиметров или дюймов роста, необходимого для службы в войсках, но это обстоятельство было обойдено и он благополучно был принят в Константиновское училище. У Тавастшерны нашли что-то в легких и встревоженный его отец, — корпусной воспитатель, позаботился о том, чтобы его провалили на экзамене по... французскому языку, который мы все одинаково не знали. Это отрезало ему путь в Павловское училище и туманный Петербург

У других обнаружились неприятности иного рода. Так Москаленко, способный, и хорошо учившийся, и имевший все шансы на выход в артиллерийское училище — имел по поведению всего восемь баллов, в то время, как для артиллерии требовалось не менее девяти. Вероятно, узнав об этом, он очень пожалел о самоуверенном и несколько дерзком тоне, усвоенном им в отношении начальства и, верно, не очень ловко себя почувствовал, когда по ходатайству своего воспитателя Тавастшерны, к которому он нередко проявлял свою насмешливую независимость, — ему был натянут необходимый балл.

Ромашеву не хватало какой-то десятой доли, для того, чтобы иметь круглую семерку, требуемую для выпуска из корпуса. Однако, попечительное начальство нашло выход из положения, дав ему переэкзаменовку по... географии, которую он кое-как выдержал, а преподаватель географии шт.-кап. Шмидт выставил ему отметку, перетянувшую чашу весов к заветной семерке.

Наступил, наконец, день последнего экзамена: по Закону Божию, которого никто не боялся и почти к которому никто и не готовился. Можно было считать, что экзамены уже кончены. А потому понятно праздничное настроение, владевшее нами, когда мы довольно енстройным пением "Испола эти деспота" встретили нашего прежнего преподавателя, а теперь Епископа елецкого Митрофана, прибывшего к нам на экзамен. Наш батюшка, Миловидов, все же волновался в присутствии столь высокого гостя и тревожно вслушивался в слова малонадежных знатоков филаретовского катехизиса. Однако, все шло совершенно гладко и Владыка благодушно пропускал мимо ушей неудачные ответы, щедро выставляя на экзаменационном листе десятки, одиннадцать и двенадцать. И когда, благословив нас, он степенно удалился, сопровождаемый начальством, — стоявший под портретом Государя, покрытый красным сукном экзаменационный стол, со стульями в беспорядке отодвинутыми, — потерял свое мистическое значение и сразу был позабыт всеми.

Незадолго до последнего экзамена, мы простились и с шестым классом, разъехавшимся на каникулы. Перед его разъездом состоялся парад, не в зале, как обыкновенно, а на плацу. Перед строем нашей роты, державшей винтовки "на-караул", наш неблестящий знаменщик Г. передал знамя новому знаменщику Зубковскому — ладному, ловкому и подтянутому, который не без грации опустился на колено и принял древко в свои руки.

Утром, в день выпуска, — в первых числах июня, — после литургии был отслужен напутственный молебен. Миловидов, прощаясь с нами, вручил каждому массивный серебряно-позолоченный нательный образок с изображением на одной стороне Спасителя, а на другой Архангела Михаила. На каждом образке было выгравировано: "Благословение Орловского Бахтина кадетского корпуса", год выпуска, фамилия и имя получившего образок. От этого благословения веяло теплотой и душевной лаской, с которой корпус выпускал нас из своих старых стен. В самом деле, в этих стенах, мы прожили долгие годы, как в родном, обжитом гнезде, окруженные теплом, любовью и заботой. Да будут же навеки благословенны и эти священные, ныне оскверненные, стены, и те, кто вел нас твердой рукой к познанию блага.

После благословения, тут же в церкви, мы подходили к вынесенному знамени и целовали край его ветхого полотнища. Все это, конечно, не могло не волновать и не трогать.

Однако, чувству грусти и печали — не было места. Мы были в той поре младости, "которой ничего не жаль, перед которой жизни даль лежит легка, необозрима", а потому, ожидая от этой жизни самых необыкновенных даров, мы не могли сознавать, что прощались с самой светлой полосой своей жизни, и, конечно, не могли предугадать того, что "жизни даль" сулит нам не радость и счастье, а великие скорби, страдания, унижения и величайшие разочарования.

Наше отделение поднесло альбом наших карточек учителю русского языка В. О. Воскресенскому и он, всевсе не ожидая такого исключительнаго внимания, не оказанного никому, кроме него, поколебался в своей обычной сдержанности и расчувствовался. Своему первому воспитателю М. Х. Харкевичу, те из кадет, которые прошли вместе с 1-го до 7-го класса во 2-м отделении (Афремов, Депиш, Месняев, Спицын, Черников и Шатилов), послали в Москву альбом своих карточек. Остатки 3-го отделения были приглашены к своему бывшему воспитателю Я. А. Тавстшерна, который шампанским поздравил их с вы-

пуском и, при этом, со свойственной ему чувствительностью, прослезился.

Как мы прощались с К. А. Лихачевым, с директором и прочим начальством — не помню. Никаких частных сборищ и "обмываний" выпуска — не было.

Вечером того же дня, многие уже разъехались, спеша окунуться, после долгих и утомительных экзаменов, в приятную атмосферу последнего долгого отпуска. Некоторые из вышедших "на сторону поспешили снять кадетскую форму, что больно кольнуло меня, показавшись нетактичным и даже обидным. Бек нарядился в штатский костюм с воротничком и галстухом и с золотой часовой цепочкой, протянутой по жилету и, даже, кажется, в котелок, а Улович в какую то синюю рубаху, социал-демократического стиля. Эти костюмы, в корпусных стенах, казались смешными и уродливыми.

Когда вечером я сел в поезд, везущий меня в деревню, и когда через открытые окна вагона пахнуло ночным воздухом родных полей и паровозные искры бессильно гасли в темном бархате июньской ночи, — только тогда я почувствовал, что я навсегда оторвалсяся от чего то родного. На мне еще была накинута черная кадетская шинель с красными петлицами и черно-желтыми погонами, но я уже не был кадетом.

Жизнь открывала передо мной новую страницу моей, тогда еще очень молодой, жизни и, конечно, ни при каких обстоятельствах, я не мог предугадать, что последующие страницы книги бытия будут столь фантастическими, страшными и уродливыми.

Из всех тех десятков моих товарищей, с которыми, бок о бок, я прожил в корпусе семь лет, мне почти ни с кем не довелось встретиться в жизни. И вот, на склоне лет, когда уже смело можно подвести жизненные итоги, посмотреть, что же отпустила мне жизнь светлого и радостного — я смело могу сказать, что корпус и корпусные товарищи относятся к моим лучшим воспоминаниям.

И она, как бы желая осветить мой закат "улыбкою прощальной", — послала мне неожиданное и великое счастье встретиться с осколками той бодрой и жизнерадостной кадетской семьи, в которой я начал свою сознательную жизнь.

Вам, мои дорогие друзья, Б. М. Кузнецов, Б. Н. Шатилов (1909 г.), С. С. Смольянинов (1910 г.), Г. М. Кузнецов (1913 г.), В. П. Гошуров (1914 г.), М. Э. Рейтлингер (1916 г.) и всем друзьям-орловцам, которым, может быть, попадутся эти строки, — с любовью и благодарностью я их посвящаю.

Друзья, скажите: было ль это,
Иль это только отблеск сна,
Мундир орловского кадета
И славный корпус Бахтина?

Ответим: да. Все было, было —
И Царь и славы знамена,
И наше сердце не забыло
Орловский корпус Бахтина.

Пусть все растоптано и смято,
Пусть горечь выпита до дна, —
Кадетам старым также свято,
Что дал им корпус Бахтина.

Семья кадетская едина —
Душой и мыслью равны мы,
И облик Князя Константина
Звездой сияет нам из тьмы.

Пусть все растоптано, разбито,
Но, будут, будут времена,
Когда воскреснет, что забыто
И с ним наш корпус Бахтина.

Г. Месняев

ВАРНА — ПАЛАС

Двадцать три кадета шестого класса "передаются в распоряжение Российского военного агента, для препровождения в распоряжение командования Добровольческой армией" — так написано на документе, который мы получили, и вот мы на пароходе, идущем в Белград.

Дунай, широкий, многоводный. Апрельское утро греет. Пароход дрожит мелкой дрожью своих машин. Пахнет водой, паром, зеленеющими берегами, масляной краской надстроек. Пахнет путешествием. На душе одновременно бодрость и щемящая тоска. Бодрость, от Дуная, от солнца, от шума машин, от жизни, которая никак не хочет позволить отдохнуть,а все толкает куда-то вперед, каждый день создавая новые положения, ставя новые задачи, — вот уже третий год. Тоска этой же самой жизни, полной угроз и неизвестности, от задач, которые она ставит и которые нужно как-то самому разрешать. И, совсем детская еще, боязнь не получить аттестата и остаться без образования. Во всяком случае, я чувствую все это, и, должно быть, то же чувствуют и думают мои товарищи. Молчим. Курим. Смотрим на берега, на зеленые дунайские волны. Корпус воспитал в нас коллективное, почти стадное, чувство — чутье. Мы не можем жить без руководителя, без вожака. Ранее ими были воспитатели. Под Канделем — им был Рогойский. после его исчезновения, в страшную ночь с 2 на 3 февраля, его заменил Реммерт. Если бы Реммерт был убит, его заменил бы "генерал выпуска" Лампси или фельдфебель Тарасенко. И мы, всем нашим инстинктом, жались бы к новому вождю. Это чувство спасло нас на Днестре, когда отряд генерала Васильева сдавался вразброд — войскам Котовского.

Теперь — наш вожак Богович. Это высокий, красивый юноша с веселыми серыми глазами. Он пишет хорошие, еще немного детские, стихи. Он прямоли-

неен и благороден. Мы все его уважаем и охотно принимаем выбор старого полковника Самоцвета. У Боговича наши деньги, наши документы и официальные письма директора к Русским военным властям в Белграде.

От Панчева до Белграда — час езды. Вот Белград налево на горе. Старая турецкая крепость. Скромный собор. Дунай круто поворачивает вправо от места впадения в него Савы, с железнодорожными мостами на ней и с желтой водой.

Весь день, мы бегаем по крутым улицам, в то время еще полу-турецкого, захолустного Белграда. В сербских казармах получаем хлеб и консервы, завтракаем в ресторане около Русского посольства, представляемся военному агенту, подписываем какие-то бумаги, идем строем в Болгарское консульство. Богович ходит быстро. Хорошо быть длинноногим. Еле поспеваем за его журавлиными шагами. Выручает кандельское ранение Стойчева.

— Богович... пожалей Ворону! (Ворона — это Володька Стойчев. У него еще рана раскроется. Не бросать же его на улице?

Уф... Все сделано. Вечером выезжаем прямо в Софию. Даже интересно, и тоске почти не осталось места. Изредка, она вес же, вдруг, хватает за сердце. Ничего....

В вечернем поезде для нас отведено два отделения, так что на ночь мы устраиваемся даже комфортабельно, лучше, чем в румынском вагоне полтора месяца тому назад. Жалко, что нет Ляльки Скалковского с его гитарой и репертуаром Вертинского. Вместо Вертинского, рассказываем анекдоты и строим планы. Если путешествие будет продолжаться с такой-же скоростью, через несколько дней мы будем в России. По слухам, там только что началось большое наступление в Северной Таврии. Уничтожен конный корпус Жлобы. Лишь бы не опоздать. Большинство мечтает о кавалерии. Я еще не знаю, что делать. Прошлым летом я был в артиллерии, куда возвращаться мне не хочется. Мой друг Ланкау — он должен ехать со второй группой — зовет меня в гвардейскую пехоту. Это одновременно страшно шикарно и романтически-жертвенно. К тому же нашего брата, кадета,в гвардейской пехоте производят в офицеры, не считаясь с аттестатом.

Богович читает свои стихи. Потом поем: "Пусть свищут пули, льется кровь". А тоска, исподтишка, вдруг хватает за сердце.

Утром на игрушечных, утопающих в зелени и цветах, станциях бабы в платочках продают молоко, крутые яйца, черешни-трешни, лени-трешни. Совсем как где-нибудь на второстепенной линии в России. Поезд идет узенькими долинами с горными речками внизу и лесистыми холмами вокруг. Очень красиво. Майское солнце нас не оставляет.

В Царифроде — граница. Дальше Болгария, и бабы кричат уже совсем по-русски: черешни.

До Софии совсем близко, и мы выходим на большом, совсем столичном, вокзале еще до полудня.

Русские городовые, русские кокарды у офицеров, русские погоны, русские надписи с орфографическими ошибками вроде: "Софийско Градоначалство", русские дома. Совсем большой губернский город вроде Харькова или Ростова-на-Дону.

Здесь нас встречают. Два молодых человека с модными усиками щеткой, в шикарных штатских костюмах, но с офицерской выправкой и гвардейской любезностью. Мы им поручены местным военным агентом.

Трамвай, центр города, памятник Царю-Освободителю, обед в ресторане с вином и рюмкой водки. Потом почему-то нам всем покупаются на базаре ботинки, хотя у нас у всех крепкие французские, армейские, из складов салоникского фронта, конечно, не особенно красивые.

После базара мы попадаем в знаменитые турецкие бани, одну из достопримечательностей Софии. Внешне бани красивее и импозантнее Царского Дворца. Внутри они просто роскошны. Мраморные бассейны с электрическим током в перилах, ванны, души, залы для отдыха с холодным и горячим буфетами, с шашками и шахматами.

Наши гвардейцы, переодетые "шпаками", преподносят нам в запас по паре белья.

Они же нас сажают вечером в поезд, снабдив всевозможными вкусными вещами. Остаются до отхода поезда, и, когда он трогается, снимают шляпы.

У нас опять два отделения, и мы опять рассказываем анекдоты и поем.

Весь следующий день мы едем северными предгорьями Балкан. Еще красивее, чем вчера в сербской Шумадии. Проезжаем через Пловдив. Где-то совсем близко должна быть Плевна. Днем вагон пустеет. Можно стоять в корридоре, не привлекая ничьего любопытства, и смотреть на горные речки, усыпанные розами станционные домики, белые деревни в зеленых долинах и далекие вершины Балкан.

Вот, в корридоре, офицер в привычной уже с девятнадцатого года английской форме с русскими погонами поручика и овальной кокардой на английской плоской фуражке.

Вежливо ему козыряем. Приятно видеть своего. Тем более, что такой чистенький и подтянутый. Должно быть, тоже едет в Варну и дальше в Крым.

Заговариваем. Отвечает почему-то по-немецки. У нас с немецким языком слабо.

— Фокин, Шурка, а ну-ка, покажи класс!

Фокин болезненно морщится и выдавливает из себя немецкую фразу, никак не относящуюся к нашему случаю.

— Говорю также по-французски. — смеется странный поручик. Теперь выталкивают вперед меня.

— Твоя очередь, маркиз!

Маркизом я называют из-за французского происхождения матери и постоянного двенадцать по-французски.

Поручик разсказывает свою историю. Сын турецкого консула в Мюнхене, он служил в немецких войсках а после революции пошел к фон-дер-Гольцу в балтийский легион. Вместе с легионом он брал у большевиков

Ригу, а потом воевал с латышами. Из-за политических соображений. Легион одел русскую форму и перешел к знаменитому Бермонт-Авалову.

После роспуска, по требованию союзников, Легиона, наш поручик скучал в Мюнхене. В Константинополе была союзная оккупация, и возвращаться домой ему не хотелось. Вот он и ехал теперь к Врангелю, пользуясь званием русского офицера.

Мы были в восторге. Пистолет! Тоняга! А он угощал нас папиросами и наспех учился русским словам.

Под вечер, вдруг открылось море, еще искрящееся в лучах уже низкого солнца и уже темное на востоке. Там был Севастополь и Крым. Гвардейская пехота и славная конница шли на Москву, и нам никак нельзя было опаздывать. Может быть, еще сегодня вечером мы сядем на пароход. Колеса стучали на стрелках, поезд замедлил ход, и станционные здания закрывали море и мигающий восток.

Варна-Палас — огромный недостроенный отель невдалеке от вокзала. Строили его немцы, и в тихой, провинциальной, наполовину турецкой, Варне его огромное железобетонное здание с незастекленными окнами, казалось, давило своим чудовищным серым кубом целый квартал. В нем не было ни стекол, ни полов, ни электричества, ни воды. Все это немцы сделать не успели, или не смогли из-за отсутствия материалов.

В двадцатом году гостиница была в ведении командования Русской Армии. Сюда собирались в ожидании крымского парохода офицеры и солдаты разбитых и распыленных зимним поражением армий. Пробирались из концентрационных лагерей Польши, ехали из далекой Эстонии, бежали из румынского интернирования, уезжали из спокойной и сытой Югославии, бросая государственную беженскую помощь.

Все шесть этажей огромного квадрата со внутренним, окаймленным галлереями, двором были полны. Не было ни кроватей, ни одеял. Спали просто на, незастланном полами, бетоне. Кое-как пустили кухню и кое-как кормили с каждым днем увеличивающееся население Варна-Палас. Пароходов в Крым не было. Там не было угля, и шли морские операціи с дессантами.

Так попали мы в Варна-Палас на четвертый этаж. Ночью немилосердно ели блохи, кишевшие в бетонной пыли. Комендант гостиницы передал нам немедленно охрану тощих комендантских складов, находившихся на одной из галлерей внутреннего двора.

Охраняли мы склады дневальными, ночью, парными, и на всю нашу команду была одна трехлинейка.

Так потекли дни в ожидании парохода, с блошиным кошмаром ночью и с чудным, лучшим на Черном море, варненским пляжем, днем. На нем мы проводили все свободное от нарядов время, зарывались в песок — костюмов у нас, конечно, не было — и отсыпались от бессонной ночи в гостинице.

Дней через десять приехала вторая группа кадет под начальством Пининского.

Так и зажили мы вместе на блошином полу. Варна—Паласа.

Сначала у нас водились кое-какие деньги. Главным образом из-за продажи "софийских" ботинок, — вторая группа была встречено совершенно одинаково нашими двумя переодетыми гвардейцами, — и кое каких мелочей. Иногда удавалось подработать пилкой дров, что-то нам давало комендантское управление.

По мере сил и возможностей, мы пытались жить независимыми молодыми людьми из приличного общества. На деле это не совсем получалось.

Вино нам уже понравилось в Бессарабии, во время путешествия по Румынии, мы открыли ликеры, ром и коньяк. В Варне пир продолжался. Все к этому располагало, начиная с отношения к нам военных властей, считавшихся с нами, как с нормальной воинской командой, а не как с мальчиками-кадетами. Мы дружили с молодыми офицерами, как и мы, скучавшими в Варне. Те познакомили нас с сестрами. Болгарские офицеры, из бывших русских кадет, завидя кадетскую фуражку, первым делом вели в ресторан на рюмку ракия. Нашими "воспитателями" в Варне были два молодых и элегантных кубанских сотника, для которых мы, по возрасту, были почти товарищами. Они понемногу возглавили нашу команду в глазах комендатуры, и по-товарищески учили нас "веселой" жизни. Но, внешне, мы оставались чистенькими, подтянутыми кадетами, регулярно несли свою службу, никого ни о чем не просили, ничего не требовали, терпеливо воюя с блохами по ночам.

Напротив гарнизонного склада, на другой стороне галлереи, находились эвакуированные из Одессы галичане из, перешедшего от Петлюры к Деникину, Галицийского Корпуса Евгена Коновальца.

Они чуждались остального населения гостиницы, подчеркивали, при каждом удобном случае, свою неприязнь к "москалям". Одеты они были хорошо и, во всех отношениях, были богаче "врангелевцев".

Как то днем, на моем дневальстве, ко мне подошел Бардин, и мы о чем то весело разговаривали, даже смеялись.

Это не понравилось галичанам. Целая группа их высыпала с ругательствами из своего помещения. Как полагается, слово "москаль" склонялось во всех падежах с соответствующими прилагательными. Один из них, с решительным видом, направился прямо на нас, с очевидным намерением проучить "московских мальчишек". За ним двигалась вся толпа. Положение становилось угрожающим. Подойдут, разоружат, оскорбят. Выстрелить? Сбросят в колодец внутреннего двора, на бетонный пол. Наши помочь не успеют, т. к. на этаже, кроме галичан, никого не было. Я отстранил Бардина и вскинул винтовку, по уставу вводя немедленно патрон в ствол. Передовой был шагах в десяти, когда я крикнул ему, что буду стрелять. В ответ понеслись новые ругательства. Я взял винтовку на прицел, целясь прямо в грудь галичанина.

Лицо его, сначала искаженное от злобы, стало бледнеть, следующий шаг сделался уже нерешительным. Сделай он еще один шаг, я, не задумываясь бы

выстрелил. Но он его не сделал. Еще ругали, но заметно притихшая, толпа галичан начала оседживать. к своим дверям, а по лестницам стучали уже сапоги взбешенных "москалей", осыпавших нахалов ругательствами всех углов Малороссии:

— Хамы. Польские холопы. Австрийские наймиты.

Теперь другая толпа бушевала у дверей помещения закрывшихся галичан и, если бы не "московская" дисциплина, появившаяся, вдруг, в лице коменданта, сказавшего спокойным голосом: "Прошу вас разойтись, господа офицеры", — злополучным "наймитам" пришлось бы плохо. Меня и, вообще нас, кадет, поздравляли. "Молодцы, ребята! Не растеряетесь в огне".

Галичан, по категорическому требованию наших властей, в тот же вечер выставили. Они числились за поляками и французами, в третий или четвертый раз переменив хозяев.

Шли дни, проходили недели. Стояла чудная солнечная погода и мы все свободное время проводили на море, на пляже, или у выхода из порта, где вода была сразу глубокая.

Нашим излюбленным местом стал узкий и длинный мол-волнорез, в самом конце которого стоял небольшой маяк с барельефом Царя Фердинанда. Там, под взглядом коронованного "изменника", каким был для нас болгарский Царь, мы купались, жарились на раскаленных камнях мола, смотрели на восток — а, вдруг, покажется пароход под бело-сине-красным флагом.

Из газет мы знали, что вся Северная Таврия была уже в наших руках, что поляки под Киевом, а, главное, что разбитая, потерявшая дух, Армия, снова ожила и наносила страшные удары красным.

Я уже окончательно решил с Ланкау идти в гвардейскую пехоту. Вдвоем мы искали куски красного сукна на погоны и цветные тесемки для гвардейских нашивок.

А как с аттестатом? — От прежней тоски осталась только тревога за аттестат.

После войны сделают, наверное, специальные курсы.

А как жить в Петербурге на одно офицерское жалованье?

А восстановят ли старую форму?

А вдруг отменят гвардейские привилегии?

Евгений Яконовский.

(Окончание следует).

Орден семейного очага

(Святочный рассказ).

В, столь далекие теперь, времена первой мировой войны, были у меня дядя Коля и тетя Люба. Кто из них приходился мне настоящим родственником и в каком колене, до сих пор не знаю. Очень дальние были они родичи, но любили меня, как самого близкого, баловали и ежегодно в сочельник — только для меня одного, своих детей у них не было, — устраивали елку, всегда с редкостными, любовно обдуманными подарками.

Дядя Коля был генералом в отставке, таким, каких и тогда уже мало оставалось, настоящим — николаевским, — с густыми седыми бакенами, мохнатыми серебристыми подусниками, громким, веселым голосом и блиставшими даже в старости по-орлиному глазами. А тетя? Что сказать о ней? Достаточно будет того, что и тогда, в начале двадцатого века, она носила белый чепчик с рюшками и вышивала гладью в пяльцах

Случилось так, что на первый год войны мне посчастливилось попасть в командировку в Москву, да еще как. Будучи только произведенным в корнеты и под самый сочельник. На другой день, конечно, к дяде. Надо традицию соблюдать, да и самому хотелось показаться в, только что купленных у Живаго, — свеженьких, — с гусарским зигзагом и двумя звездочками, погонах.

Дядя радостно и лихо крякнул, увидев их еще на шинели в прихожей, а тетя разом захлопотала:

— Гаврилу-дворника надо тотчас на Смоленский послать за елкой, а Машу — к Абрикосову, за малиновым тортом. Остальное все, слава Богу, есть. Только вот подарок, — всплеснула она своими пухленькими, пахнувшими старинной лавандой ручками. — Подарок! Какой же тебе теперь? Гимназистом был — книги с картинками у Вольфа подбирали, студенту — редкостные у букинистов, а теперь офицеру.... что?

Она чуть не заплакала, но генерал тотчас же нашелся. Суворовской школы он был и никогда не терялся.

— Подбери ему теперь — библиотеку — настоек, травников, зверобоее из твоей сокровенной кладовки. Не меньше бутыли каждого. Полное собрание твоих сочинений. Самый лучший подарок боевому корнету. А я тебе за это подарочек отыщу.

— Ну, мне-то зачем? Обойдусь и так. А то и тебе в ответ подбирать надо будет.

— И подберешь, — уверенно пробасил генерал. — Сам закажу. Знаешь что? Голубенькие... фланелевые... с бантиком... штанишки.::

— Безстыдник. Греховодник старый! — зарделась под чепцом тетя, а сама смеялась. Тихо, по-стариковски, внутрь себя, но с радостною слезинкою на реснице.

— Дядюшка, вам с бантиком по чину не полагаются! — выпучил я глаза. — Вам с лампасами надо.

— Много ты понимаешь, — хитро подмигнул генерал. — Я с лампасами на службе Государю моему

заслужил, а другие с бантиками, на иной службе, но тоже, братец, честно заслужил, бессрочно. Вот, послушай, и учись у старика.

Шестьдесят, ровно, брат, шестьдесят лет тому назад, в 1854 году, был я еще кадетом. Строго тогда было в корпусах. На праздник нас отпускали только в сочельник, да и то после обеда. Вот и бегу я домой из Лефортова — на Остоженку. Верст десять пути, не меньше. Мороз градусов двадцать. Уши от каски стынут — нет терпенья, а взять извозчика — свистит в кармане. Три гривенника "Ваньки" просят, а у меня всего пятачек, екатерининский, в полфунта весом, как сейчас помню.

Дошел я до Кузнецкого, темно уже. Во всех магазинах окна светятся, витрины все разукрашены, офицеры в бобровых николаевках, с белыми султанами, на рысаках мимо катают... Я и офицера прозевать боюсь и не могу удержаться, чтобы на окна не поглазеть. Заглядел я на витрину Дациаро и вдруг, слышу совсем рядом, в темном простенке кто-то тоненьким таким голосочком плачет. Оглянулся — вижу, там девчушка лет десяти к стенке прижалась. Одета по всей моде, в белом капоре, с муфточкой, так и заливается, а сестра ее, барышня лет восемнадцати, сама растерялась при таком камуфлете, отбежала в сторонку и стала там выжидательно.

В чем дело, думаю? Эге... вот оно в чем: — невыразимое — одеяние у нее соскочило. Ножки у самых поярковых ботинок спутаны голубенькими... фланелевыми... с бантиками...

— Бесстыдник. Совсем бесстыдник, — корила мужа из-за самовара тетя, а сама все также тихо смеялась.

— В те времена, брат, — продолжал, не обращая на нее внимание, генерал, — нас, кадетов, почти что с пеленок, в рыцарском духе воспитывали. Ведь в корпуса то тогда и пятилетние и шестилетние попадали. Особое подготовительное отделение для них было. С этих лет и понятия чести внушали. Помощь, услуга женщине прежде всего. А вот в этом случае помочь — тут я стал втупик. Положение-то очень щекотливое, для кадета же в особенности. Вспомнил, однако, суворовский завет: — быстрота, глазомер, натиск, — крикнул ближнего "Ваньку", схватил девчушку в охапку и посадил на извозчика.

Еду, сам не знаю — куда, и думаю: вдруг, далеко. Извозчик пятиалтынный запросит, а у меня всего пятачек. Конфуз-то какой при даме.

Девчушка пролепетала сквозь слезы, куда ее везти. К счастью, оказалось, совсем близко. Тут же, на Петровке, их небольшой дом с мезонином стоял, там, где теперь шестиэтажный "Жак" магазин, на углу Столешникова переулка. Сунул я извозчику пятак и задергал звонок. Тогда ведь электрических кнопок не было. Открывает старушка, вроде няньки, и как увидела мою "даму", разом запричитала.

— Любушка моя, девонька драгоценная, да что же это с тобой приключилось. — Потом ко мне. — Заходите, барчук, сейчас барыне о вас доложу.

Признаюсь, очень мне тогда хотелось сбежать от всей этой истории, однако гонор не позволил. Как-же, скажут — струсил. Для кадета это невозможно. Скоро ко мне вышла девочкина мама. Она уже все знала, поблагодарила, пригласила бывать. Я представился, конечно. Оказалось, что она и родителей моих знает.— Генерал замолчал, словно что-то припоминая.

— Ну? Встречались вы потом с этой девочкой? — подтолкнул я, погрузившегося в воспоминания, старика.

— Как же, конечно, встречался, — ухмыльнулся в седой ус генерал. — Бывал у них кадетом, юнкером, а потом офицером.

— О происшедшем эпизоде ей не напоминали?

— Каждый раз бесстыдник чем-нибудь напоминал, — перебила рассказ мужа генеральша. — Принесет, бывало, платочек голубенький в кармане и уголочки выставит, дразнит.

— А дальше? — спросил я, совсем озадаченный вмешательством тети.

— Дальше? — снова бодро, по-молодецки, выкрикнул генерал. — Дальше, брат, так и пошло. Часто с ней стал встречаться. Последние пятьдесят два года даже ежедневно. Пятьдесят два года беспорочной службы у семейного очага, корнет. Подумай только и скажи: заслужил я себе или нет орден вот этого самого семейного очага? Да еще хоть и не с полным бантом, а только с маленьким бантиком, — сочно захохотал он. — И ты заслужи такой же рыцарской, офицерской честью, скромным уважением к женщине. Теперь, положим, не фланелевые, а шелковой вязки в моде, я в витринах видел... Но это роли не играет. Дань веку, а честь во всех веках одинакова.

— Ну, чем же я виновата, если белошвейка на живую нитку завязки приметала, — сквозь счастливые слезы оправдывалась генеральша. — А он, бесстыдник, до сих пор меня дразнит.

Борис Ширяев

Отрывки из писем вахтенного начальника клипера „Всадник"

(Продолжение)

ПЛАВАНИЕ ОТ СИНГАПУРА ДО ХАКОДАТЕ С ЗАХОДОМ И СТОЯНКОЙ В ШАНХАЕ

...В Шанхае мы простояли не более 3-х суток, время, необходимое для приемки угля; больше капитан стоять тут не хотел, во-первых потому, что мы сильно запоздали приходом в наши колонии, а, во-вторых, климат тут убийственно вреден.

Австрийский фрегат, придя сюда две недели тому назад, не имел ни одного человека больным, а теперь

у него в батарее лежит около 100 человек больных желтою лихорадкой и нашей знакомою холерой.

Причиной вредоносности здешнего климата является сама местность, везде чрезвычайно низменная и болотистая; по вечерам, после спадения нестерпимого зноя, температура воздуха понижается, а испарения, подымаясь из болот, заражают атмосферу вредными миазмами.

Город построен на европейский лад и разделен на несколько произвольных кварталов, носящих названия: английского, французского, голландского и китайского, сей, последний, и здесь, как везде поражает многолюдностью и грязью. Вследствие того, что европейское население города состоит преимущественно из деловых людей, оставивших родину с исключительной целью нажить богатство и затем возвратиться, — на всех не только лицах, но и зданиях, лежит какой-то отпечаток серьезности. Многие из домов своей величавостью и грандиозностью напоминают угрюмые здания Лондонского Сити; впрочем и действительно Шанхай, хотя и в миниатюре, но олицетворяет собою Сити.

Как в Лондонском Сити сосредоточены богатства всего мира, так и в Шанхае — всего Дальнего Востока, а ежели причины, влиявшие на образование характера одни и те же, то, разумеется, и следствия должны быть одинаковы.

Все содержание мы начинаем здесь получать долларами; серебряной монетой в размерах немного больше нашего рубля. Несколько десятков этой монеты составляют массу довольно полновесную и неудобную для носки в кармане, а в количестве нескольких сотен, представляет бремя невыносимое. Между тем, здесь всюду в обращении именно эта серебряная монета; золото бесценно и его нет в обращении, потому что оно все отсылается в Европу.

В письме моем из Сингапура, отосланном накануне ухода оттуда, писал, что у нас всех было убеждение в невозможности клиперу избежать в Китайском море тайфунов, начинающих свирепствовать в это время года в этих водах. Перед отходом, были приняты все меры, чтобы встретить, всеразрушающее и возбуждающее трепет грозное явление уже готовыми.

14-го июля снялись с якоря под парами и прошли миль 80 до выхода в Китайское море, здесь прекратили пары, подняли винт и вступили под паруса, при легком верховом ветре, в бакштаг пошли узлов 5. Всю ночь и весь следующий день мы продолжали путь к северу в тех же условиях, но на третий день вечером ветер начал стихать и заходить через O к N. В скором времени горизонт заволокло темными тучами, медленно на нас надвигавшимися и довольно часто вспрыскивавшими нас дождем.

В это время года, в Китайском море, дует обыкновенно от SW правильным муссоном, но в лоции сказано, что иногда муссоны вместо того, чтобы меняться от SW к NO в сентябре, начинают менять направление и раньше; а если один из таких случаев настал в настоящее время, то нам придется вылавировывать к Шанхаю при северных ветрах, что заняло бы очень много времени.

Так прошли мы всю ночь и следующий день, находясь между сомнениями и надеждами; наконец около полудня 17-го числа, ветер постепенно переходя к SW через O, к вечеру совсем установился, дул ровно без перерывов при ясном небе в течении времени всего перехода, давая нам возможность иметь не менее 8 или 9 узлов. Поэтому этот переход, прежде столь нас тревоживший, сделали при наилучших условиях, около 2.500 миль в 16 дней.

Первый вопрос, заданный нам посетителями в Шанхае, — был "встретили ли мы тайфун", на что получили отрицательный ответ. Оказалось что, за три дня до нашего прихода, через Шанхай прошел один из самых свирепых этих феноменов, а мы в это время входили в Формозский пролив при ветре, неся все паруса, не замечая ни одного из признаков урагана.

Выше я уже говорил о том, что мы намерены простоять здесь не более трех дней, и действительно капитан до такой степени торопился уходом, что мы, не взявши полного запаса угля, снялись с якоря и вышли из Шанхая 3-го августа.

Писать подробно об этом переходе, было бы скучным и сухим перечислением галсов, постановок и уборок парусов; скажу лишь одно, что условия, в которых мы шли, напомнили мне переход из Дартмута в Порто-Гранде, когда мы принуждены были бороться с противными ветрами. Как уже писал выше, мы вышли из Шанхая с неполным запасом угля, а потому, естественно, должны были его беречь, возлагая всю надежду на паруса; ветер же, как нарочно, был все противный.

Лавируя впродолжении двух недель, мы вполне могли убедиться в качестве клипера, круто идти от ветра и совершенно свободно делать повороты оверштаг. Переход этот из Шанхая в Хакодате по бурному Японскому морю дал нам хороший урок и практику пользоваться парусами и ветром, команда же порядочно наметалась в этих маневрах.

17-го числа вечером подошли к острову Иезо, но не видав его повернули на другой галс и под малыми парусами продержались всю ночь в море; с рассветом 18-го августа, развели пары, а в 5 часов пополудни стали на якорь на Хакодатском рейде.

Хакодате город, в котором мы встретили довольно порядочное число русских. Консул здесь, хотя по фамилии не русский, но воспитание получил в Петербурге, а потому говорит на нашем языке совершенно чисто и правильно; фамилия его Трахтенберг, однофамилец кронштадтского.

В прошлом, когда наши Амурские эскадры посылались в японские колонии, то постоянной станцией их было Хакодате; для них на берегу здесь было отведено место, на котором выстроили церковь и госпиталь. Были назначены священник и доктор. В настоящее время первый из них, уехал в Петербург по делам миссии, его ждут сюда месяца через полтора; а доктор кончил свою жизнь довольно трагическим образом. Несколько месяцев тому назад, доктор

вместе с фельдшером, также русским, отправились на пальбу в цель. Фельдшер, передавая пистолет доктору, нечаянно спустил курок, — раздался выстрел и доктор был убит наповал, получив пулю в лоб. Фельдшер с отчаяния от совершенной им неосторожности, — принял яд, после чего сильно захворал; но, во время данное, противоядие спасло его от смерти. Теперь его уже нет здесь, он уехал в Россию.

В городе есть гостиница, ее содержит один русский по фамилии Алексеев. По нашем приходе сюда, он первый встретил нас и выразил неподдельную радость, что видит своих соотечественников. Взглянув на его лицо, сразу придешь к убеждению, что обладатель его принадлежит к славянской расе. Он пользуется здесь, у японцев, большим уважением, ниже приведу одно неопровержимое доказательство этому.

Все эти русские женаты и имеют детей, которых воспитывают в духе православного благочестия, в семьях говорят не иначе, как по-русски; черта этого патриотизма очень расположила нас к ним.

Хочу дать некоторое понятие о внутренних делах Японии, о восстании, подавленном месяц тому назад. Пишу об этом не подробно, но несколько наглядно.

Дело в том, что как теперь оказывается, клипер был послан так внезапно в Тихий океан по требованию Министерства Иностранных Дел. Из Японии пришло известие, что там началось, небывалое до тех пор, движение: огромная партия недовольных революционеров, по убеждению консерваторов, потому что восстали за старые обычаи и старую администрацию, в особенности же за то, чтобы прекратить все сношения с европейцами, открыто выступили против правительства.

В продолжении нескольких месяцев, правительственные войска нигде не имели успеха и революция разрослась до размеров, очень опасных, но месяца два тому назад правительством был назначен главнокомандующим человек энергичный, и как оказалось по результатам, не без военных способностей. В короткий срок он подавил восстание и Тайкун в награду за его подвиги назначил его первым министром.

В настоящее время, по всей Японии царствует тишина и спокойствие. Однако еще месяц тому назад эскадра, состоявшая из нескольких империалистских судов, бомбардировала Хакодате, но безуспешно. Один корвет был потоплен, — остов его еще и теперь виден на рейде. Инсургенты были организованы не хуже регулярных войск, и на их стороне находилось немало солдат дезертиров.

Вследствие того, что к цели, за которую поднято было восстание, стремились японцы богатых фамилий и даже владетельные князья, — они его поддерживали. Армия инсургентов была вооружена ружьями и артиллерией новой системы, что нас несколько озадачило, потому что мы думали удивить своей 6-дюймовой артиллерией и нарезными штуцерами. Хакодате было занято инсургентами.

Хакодате. Август 1869 г.

СТОЯНКА В ХАКОДАТЕ.
ПЛАВАНИЕ ОТ ХАКОДАТЕ ДО ИОКОГАМА

...Давно стоим мы в Хакодате, без всякого дела. Тоскливо очень. Вдобавок морозы, от которых мы в продолжении целого года, успели отвыкнуть, нас донимают. Здесь, в широте около 42 гр., климат в это время года чрезвычайно неровный: при W и NW ветрах наносит много снегу и холод до 3-4 гр. Но лишь только ветер переходит к S и SO, небо прочищается и тем дает возможность солнечным лучам теплотворно и благотворно действовать на воздух.

Прежде, несколько месяцев тому назад, действительно клиперу была надобность находиться в Хакодате, потому что порядок и правительственная система еще не установились после междоусобицы; — теперь же, когда Микадо и его приверженцам удалось смирить Тайкуна с бунтовавшими вместе с ним князьями и установить прочно центральную власть, — присутствие наше здесь совершенно бесцельно и следовательно бесполезно.

Капитан объявил крайний срок ухода 25-го числа ноября в Иокогаму. Там расчитывает несколько освежиться и очиститься от Хакодадской плесни. Говорят, что Иокагама совершенно европейский город, где можно забыть, что находишься на японской территории. Познакомившись с ним, подробно и наглядно опишу обо всем, что найду в нем интересного и характерного. Время проводим здесь очень однообразно, — днем по преимуществу на клипере, а вечером съезжаем на берег в единственную гостиницу, исключительно для партии в "ералаш" или "преферанс".

Полагаю не лишним познакомить с делами Сахалинскими, потому что этот вопрос может стать главным яблоком раздора России с Японией. Эскадры посылают только для того, чтобы в случае надобности его решить быстро. Таким образом "Всадник" и эскадры, посылаемые сюда, имеют для Японии значение Дамоклова меча. По последнему трактату, северная часть острова Сахалина принадлежит исключительно России; южною же частью могут пользоваться одинаково как мы, так и японцы. В силу этого трактата, мы подвигаясь постепенно на юг, в последнее время заняли бухту Анива и устроили там военный пост с батальоном солдат и артиллерией. Японцы, видя, что такая сила водворилась по соседству с ними, начали все выселяться с Сахалина на Иезо, через Лаперузов пролив. Англичане, всюду являющиеся эксплуататорами, не преминули воспользоваться и здесь положением дел для извлечения побольше выгоды; они соперничают, в захвате привилегий на торговлю с Японией, с американцами. Те и другие внушают японцам опасения в стремлении России, постепенно забравши Сахалин, тоже самое сделать с Иезо.

Понятно, что такие подстрекательства, фактически не опровергаемые, имели и имеют результатом производить невыгодное впечатление, на японцев и все больше и больше расстраивают наши отношения с Японией, которые вследствии развития и процветания все-

го Амурского края, имеют для нас огромное значение. Месяца полтора тому назад, вредные для наших интересов подговоры выразились со стороны Японии тем, что правительство решилось снова населить Сахалин, зафрахтовав для этого, по невероятно дорогой цене, американские и английские пароходы. В настоящее время, на острове Сахалине 1.500 японцев, часть их поселилась в расстоянии нескольких сажень от нашего поста в Анива.

Трудно сказать, каким путем решится этот вопрос, но можно утвердительно сказать, что Русское правительство ни под каким видом не отступится от Сахалина, потому что на нем имеется громадное количество каменного угля, качеством превосходящее австралийский, до сих пор употребляемый в этих краях. Русское правительстов делало уступку для приобретения всего острова, уступая взамен него несколько Курильских островов; но японцы, под влиянием боязни близкого соседства с нами, наотрез отказались от предложения и самое большее на чем остановились, — предложили владеть Сахалином совместно. Но в таком положении вопрос остаться не может, потому что он постоянно будет причиной раздора между двумя державами.

Выше уже писал, что капитан хотел уйти в Иокагаму около 25-го ноября, но потом отложил до 1-го декабря. Время до этого дня тянулось чрезвычайно монотонно. Как нарочно в этот его период беспрерывно падал снег, сопровождаемый сильными холодами. Под конец мы потеряли терпение, — добыли в Консульстве камин и поставили его в кают-кампании. Встретившиеся нам морозы, были тем более ощутительны, что мы в своей обстановке на клипере не могли к ним подготовиться.

Наконец, настал давно ожидаемый нами день 1-го декабря. К этому дню понедельника, весьма кстати, рано утром наступил штиль при ясном небе; это обстоятельство помогло нам развести вертлюг и заблаговременно поднять один якорь. Все в этот день, с начала до конца, не пример предыдущим дням, чрезвычайно благоприятствовало нашему уходу. Расстояние до Иокагамы от Хакодате около 500 миль, почему мы и рассчитывали, имея в виду господствущие в это время года попутные нам NW ветра, придти дня через три. Но нам пришлось горько обмануться в своих надеждах. Весь день 1-го декабря дул легкий N; пользуясь этим, при выходе из Сангарского пролива, прекратили пары и продолжали идти под парусами при постоянно усиливавшемся NW до вечера другого дня, когда этот ветер перейдя к NO, а потом к О-ту, совершенно заштилел. Осталась лишь крупная зыбь от N. Тем временем барометр начал сильно падать, а это принуждало предполагать, что задует Ост; действительно после полуночи 3-го декабря он внезапно начал шквалом с дождем уже через полчаса вогнав нас из брамселей в 3 рифа марселя. Этим ветром, идя в галфвинд, мы быстро добежали до Ковадзи, поворотного мыса в Иокагаму, от которого 30 миль до него.

Однако, к нашему злополучию, ветер стал переходить к S и свирепеть до степени шторма, вследствие чего во избежание быть прижатыми на мыс, мы были принуждены поворотить через фордевинд и лечь в бейдевинд от берега. Отдавшись, таким образом, на произвол рассвирепевшей стихии, мы понятно поминутно обращали наши взоры к предвестнику улучшения погоды, т. е. к барометру. Шторм этот продолжался до 3-х часов пополуночи 4-го числа; около этого времени ветер стих и перешел к NW, но дул очень тихо. Чрезвычайно крупная, оставшаяся от прежнего ветра, зыбь, с новою противоположностью произвела совершенно ураганную толчею, в которой клипер поминутно черпал бортами. К вечеру этого числа, ветер снова перешел на SO, нагнав пасмурность с дождем и опять засвежел до шторма; мы снова легли от берега в бейдевинд. В этот вечер мы потеряли фока-стексель и фок, который вырвало оставив одни рамки. 5-го числа, вскоре по полуночи, SO стих и перешел к NW, оставив опять огромную зыбь и теплоту в атмосфере, термометр показывал 15 гр. (реомюр). Предполагая себя, по счислению, меньше чем в 100 милях от мыса Ковадзи, капитан приказал утром развести пары, в том рассчете, что к вечеру успеем обогнуть мыс.

Мы были уже под парами, закрепили все паруса, только лишь на грот-марсе оставался один матрос пристопоривать марса-лисель-спирты. От сильной качки, он не успел удержаться, оборвался со стеньван и, ударившись о планширь борта, упал в воду. Немедленно были брошены буйки с обеих сторон и катер изготовлен к спуску, а машина остановлена. Но тут то и началась настоящая драма, оставившая на меня до сих пор горестное впечатление. По команде на катер бросились самые бравые матросы; уже катер был до половины опущен, как от сильных размахов и ударов об русленя и борт клипера, потерял равновесие и самые лучшие люди клипера, один за другим упали в воду. Бросивши все, что ни попало в руки за борт, в помощь утопающим, начали обращать внимание на катер, продолжавший биться о борт.

Благодаря навыку, приобретенному в течении полтора года плавания, он был спущен и отправился на поиски; через полчаса возвратился, спасши из трех человек только одного. На команду это несчастье произвело глубокое, горестное впечатление, тем более, что один из погибших был общим любимцм. К вечеру этого дня, уже в третий раз опять поднялся шторм и продолжался 6-го декабря, в день моих именин, с возрастающей силой, так что мы даже опасались за свой рангоут. Но, ведь всему должен же быть конец. Так и нашему злополучию. 7-ое число принесло отдых и надежду на скорое прибытие. Ветер тихий от NO, под парами зашли за мыс, — зыбь мельче и правильнее; до Иокагамы оставалось 30 миль. Ночью продержались у вулканического острова "Врис" (остров Ошима), а 8-го декабря, в понедельник, во 2-м часу пополудни стали на якорь в Иокагама. По заведенноми порядку, со стоявших американских, английских и французских судов явились с поздравлениями

с благополучным приходом; а 9-го декабря утром офицеры, американцы и англичане делали визит нашим офицерам.

Угощение было чрезвычайно радушное; все больше или чистый коньяк, или грог. В числе гостей американцев находился один бывший в России на "Миантономо". Он в восторге от нашего отечества, и в особенности от Петербурга.

В Иокагама мы простоим довольно долго, однако сколько, с точностью определить трудно...

14-го декабря 1869 г. *Н. С. Чириков.*

(Продолжение следует).

Орден Святителя Николая Чудотворца

Этот очерк посвящается
"Тем, — кто смертью и кровью, множили славу Андреевского флага".
Н. Машуков

Каждая эпоха предъявляет своим современникам вполне определенные требования. Историческая жизнь различных государств не течет по однообразному спокойному руслу, а, наоборот, до крайности непостоянна и изменчива. Эпохи мирного покоя сменяются эпохами бранной славы, порою — бурными революциями или, даже, временною утратою самобытности. Но, всегда и во все времена, кому то судьба поручала борьбу за интересы Отечества и благополучие населяющих Его народов. Одни — блещут немеркнущею славою, на страницах родной истории, — рок других — пить чашу горечи до дна, созерцая разрушение и гибель результатов трудов своих предков... и, наконец, третьи — стойкость служения своим идеалам, почитают выше жизни и умирают у подножья тех эмблем и святынь, которым они клялись служить, не щадя живота своего.

История Государства Российского начинается морским боем, в котором, в 842 году, наши предки на голову разбили греческий флот и тем утвердили за Черным морем, его старое название "Понт Аксинский", т. е. негостеприимное море.

Император Петр Великий создал Русский корабельный флот, присвоив ему, как святыню, флаг Святого Апостола Андрея Первозванного и украсив его — бранной славой.

За одиннадцать веков, от ладей Аскольда и Дира, до "Лукулла", погибшего под Андреевским флагом в 1921-м году, лежащих на дне Босфора, у ног Айя-Софии, в Царьграде-Константинополе, Русский флот принимал участие почти во всех исторических событиях, строения своего Отечества, вплоть до таких, чисто сухопутных операций, как: взятие Парижа, Венгерский поход, покорение Туркестана, взятие Пекина, взятие Неаполя и т. д. Тем не менее, не только Русское общество, но и, близкие нам по оружию, сухопутные офицеры, неизменно задают все время одни и те же вопросы:

"Какова была роль флота в такие то эпохи?

"Какова была роль флота и что он сделал в такие то войны?"

"Россия — страна сухопутная, да нужен ли ей флот?"

Поколению моих современников довелось видеть:

1) Величие и буйный рост необъятной Великой России.

2) Всю неизреченную красоту царствования Дома Романовых, вознесших Россию на такую культурную высоту.

3) Непостижимую уму, по количеству пролитой крови, революцию.

4) Рождение и жертвенное служение Белой Идее — Добровольческой Армии.

Наша эпоха также властно предъявляла свои требования — своим современникам, а Судьба выбирала тех представителей Флота, которых она направляла в ряды Добровольческой Армии. В самых первых формированиях — уже были морские офицеры, в самом первом бою — уже обливались кровью моряки, а 3 года спустя, в 1920 году, в Крыму, уже все существование армии зависело от стойкости и успехов тех кораблей, над которыми, до конца, вились Флаги Святого Апостола Андрея Первозванного.

В этот судьбоносный год, без флота армия уже не могла ни защищать Крыма, ни выйти из Крыма на равнины Северной Тавриды, ни эвакуироваться из Крыма.

За три года гражданской войны, по своей жестокости, превзошедшей все междугосударственные войны, повинуясь своей Присяге и последнему Приказу Государя Императора по Флоту, падали на поле брани моряки всех рангов и званий, начиная от самого младшего — кадета Морского корпуса Сокало-Поповского и до первого Верховного Правителя Адмирала Александра Васильевича Колчака. Жертвы исчислялись многими и многими десятками и им посвящены различные главы моих воспоминаний, о всех тех событиях, с которыми меня соприкоснула судьба.

Для поднятия духа у истомленных долгою и неравною борьбою, бойцов за честь Отечества, последний Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России, генерал барон Врангель установил: Орден Святителя Николая Чудотворца, и Николаевские Знамена для армии, а для Флота Николаевские эмблемы, которые должны были украсить Андреевский флаг.

Честь и самолюбие офицеров флота обязали их принять все меры к тому, чтобы получить эту, вновь установленную, награду. Этого требовала ответственность, которую офицеры флота, добровольцы несли перед своей корпорацией, перед историей Российского Флота и перед своей обязанностью всегда и везде, и при всех обстоятельствах, множить славу Андреев-

ского флага. И действительно, не прошло и месяца со дня учреждения новой награды, как Первая часть, которая ее заслужила были корабли 2-го Отряда судов Черноморского флота, за дессантную операцию 23 мая 1920 года, в Азовском море, у деревни Кирилловки. (см. прилож. номер 1).

Операция эта требовала высадки в тыл советским войскам, заблокировавшим Крым, 2-го Армейского корпуса, под командою генерала Слащова, в составе 12.500 штыков и сабель, 50 орудий, 2.000 лошадей при 150 обозных и патронных повозках. К моменту высадки, погода стояла штормовая, небо было окутано тучами и ни одной звезды не было видно, брызги срываемых гребней волн, с дикой яростью неслись над поверхностью моря, на высоте 4-5 метров, в виде горизонтального тропического дождя. Тучи низко нависли и раздирались клотиками и стеньгами мачт больших кораблей. Малые корабли, дессантные баржи, не видели друг друга и ориентировались только по верхушкам мачт больших кораблей. Картушки компасов, на них, вертелись, как волчки, на своих шпильках, лишая командование всякой ориентировки. Бортовая качка флагманского корабля доходила до 26 градусов, на борт, руки и ноги нестерпимо ныли от постоянной гимнастики при попытках сохранить равновесие. Дессантные баржи, набитые людьми авангарда и лошадьми, теми и другими страдавшими от морской болезни, прыгали, как пробки, на волнах разбушевавшейся стихии. Самый крупный и мощный буксир "Никола Пашич", желая как можно ближе подвести свою баржу к берегу, ударился о дно и, следующей волной, был перевернут и затонул (через семь дней, он был поднят и вступил в строй). Двухмашинный пароход "Мария", назначенный кораблем-уравнителем, должен был подойти к месту высадки за 4 часа и показать подходящему дессантному флоту, точное место для его развертывания по диспозиции. Поэтому, на нем находился и начальник высадки войск. Увы... Компас "Марии" отказался служить и она присоединилась к флоту лишь через 6 часов после начала высадки, то есть, когда уже весь авангард был на берегу. Дальность видимого горизонта — 3-4 кабельтова. Вот те условия, в которых нужно было подвести весь дессантный флот к месту высадки и начать таковую.

Свидетельствую перед историей, что все офицеры флота, бывшие на 33-х плавучих единицах, с хронометрической точностью, выполнили полученные директивы. Только их точностью, решительностью и примерной энергией совершилось великое дело. Они заслужили Николаевскую награду и ею украсили Андреевский Флаг. Неприятель ошибся и на этот раз, считая стихию своей надежной защитой. В результате, вся осаждавшая Крым, неприятельская армия оказалась обойденной и была вынуждена бросить свои позиции и открыть выход из Крыма через Перекоп — 1-му армейскому корпусу генерала Кутепова. Она потеряла в боях 10.000 пленных, 100 тяжелых и легких орудий, 300 пулеметов, 2 бронепоезда, территорию — равную Крыму и богатейшие запасы обмундирования, провизии и огнеприпасов, принадлежавшие 13-й советской армии.

"Крупные и решительные успехи достигаются только усилиями — всех".

Императрица Екатерина Великая

Но кто из моряков не знает, что для удачи дессантной операции, необходимо владеть морем или ослабить неприятеля до возможных пределов? Этот закон не был нарушен и 2-м Отрядом Судов Черноморского флота. В предвидении неизбежности дессантной операции, в порядке разработки ее деталей, была произведена предварительная операция против неприятельского флота.

В ночь с 1-го на 2-ое мая 1920 года, корабли 2-го Отряда Судов Черноморского Флота ворвались в главный порт неприятеля, Мариуполь, город с 75 тысячами населения и крупным гарнизоном и уничтожили все плавучие средства порта и орудия, предназначенные на их вооружение. От этого удара, красный флот не мог оправиться до самого момента дессантной операции, которая и протекла без помехи.

Как уже было указано, эвакуация Крыма, без содействия флота была невозможна. Судьбе угодно было, чтобы весь план захвата Крыма красными армиями и флотом, разбился бы о корабли 2-го отряда. Для того, чтобы спокойно производить эвакуацию, а не заниматься боевыми операциями, за месяц до эвакуации были нейтрализованы морские силы красного флота в Азовском море, то есть те плавучие средства, при помощи которых, красное командование решило захватить Крым. Для этой цели, новый Командующий 2-м Отрядом судов Черноморского флота, контр-адмирал Михаил Андреевич Беренс отогнал все красные морские силы до Таганрога, а начальник 3-го Особого дивизиона контр-адмирал Машуков, после захвата главной базы неприятельского флота, города Мариуполя, разоружил ее и уничтожил все плавучие средства и береговые батареи, так что красный флот уже до конца борьбы не смог оправиться и выполнить ни одной, из возложенных на него красным командованием, задач.

Вот краткий перечень боевых действий кораблей 2-го Отряда, честно заслуживших первыми высокую боевую награду: апрель 1920 года — предотвращена высадка дессанта 9-й советской армии с Таманского полуострова на Керченский. В том же месяце, корабли Отряда снимают с берегов Кавказа остатки Терского казачества с их Войсковым Атаманом генералом Вдовенко и доставляют их в Крым. В том же месяце, те же корабли снимают из района Поти Терско-Астраханскую бригаду под командованием полковника Колоссовского. В июне месяце, 2-й Отряд высаживает у станицы Ново-Николаевской дессант донских казаков. В первых числах августа, корабли Отряда заставляют повернуть и вернуться в Мариуполь красный флот и, конвоируемые им, транспорта, с отборными красными войсками, предназначенными, как ударная группа войск, для высадки к северу от

Геническа, в глубине Утлюгского лимана, в тыл белых армий.

В августе месяце, Отряд высадил 18.000-ый десант генерала Улагая, на Кубань, у станицы Ахтарской, а несколько недель спустя снял 21.000-й отряд того же генерала Улагая, в жестоких арьергардных боях. Для успеха этой операции, за несколько часов, белая авиация, внезапной и яростной атакой, уничтожила на Таманском полуострове Аэробазу красной авиации. Пока тушили пожары, восстанавливали повреждения, считали потери, 2-й Отряд, конвоируя транспорта, на борту которых находилась Кубанская армия, следуя из Феодосии, незамеченным прошел ночью в Азовское море.

Истинно можно сказать, что, после эпохи Екатерининских орлов, адмиралов Ушакова, Сенявина, Спиридова, Грейга, историкам будет трудно найти корабли, которые на своих палубах перенесли бы столько армий, корпусов, бригад и русских граждан, с их вооружением, снаряжением и имуществом, сколько выпало на долю кораблей 2-го Отряда, у берегов Кавказа, Крыма, Кубани, Таврии и Донской области. Для своей обороны, красный флот выставил минные заграждения, по количеству, больше чем Русский флот, в первую мировую войну на Центральной позиции Нарген — Поркалауд, против всего германского флота. На этих минах подрывались, порою гибли со всем личным составом, корабли 2-го Отряда, но, эти мины и 6 и 8 дюймовые береговые батареи не могли спасти красного флота и обеспечить ему участие в захвате Крыма красными армиями.

217 лет, то есть 79.440 дней, с 7 мая 1703 г. по 3 ноября 1920 года, берега морей Морского Императорского Штандарта, всегда видели, оборонявшие их суда Российского Флота, под флагами Святого Апостола Андрея Первозванного. Если девизом Андреевского флага были "Вера и верность", то, украсившая Его, последняя боевая награда прибавила к этому девизу еще одно слово — "Честь", бывшее девизом кораблей 2-го Отряда судов Черноморского флота, заслужившего эту высокую и почетную награду. Посему, старый Императорский флот передает и завещает своим наследникам, которые будут на мировых водах защищать честь и величие своего Отечества, — новый девиз — "Вера верность — честь".

Контр-Адмирал *Н. Машуков*

Приложение I:

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ
№ 118
26 июня 1920 года, город Севастополь.

В воздаяние беспримерных воинских подвигов, храбрости, отменного мужества и беззаветного самоотвержения, проявленных Вторым Отрядом судов Черного моря, в составе: канонерских лодок: "Страж", "Грозный", ледоколов: "№ 1", "Гайдамак", речных канонерских лодок: "Алтай", "Урал", катеров: "Мария", "Азовец", "Никола Пашич", "Дмитрий", "Пантикопея", "Меотида", при высадке дессанта 23 мая с. г. у деревни Кирилловка и в бою при этой операции, за освобождение Родины от врагов Ее, — награждаются названные суда Отряда, вымпелами Ордена Святителя Николая Чудотворца.

Главнокомандующий генерал Врангель
Командующий Черноморским флотом
Вице-адмирал М. Саблин

Приложение II:

Приказ Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Г. Севастополь, июня 26 дня 1920 г.
№ 111-190.

Соответственно с приказом моим по Военному Ведомству от 30 апреля сего года за № 3089 об учреждении Ордена во имя Святителя Николая Чудотворца, постоянного молитвенника Земли Русской, устанавливаю для судов Русского военного флота, за оказанные в сражениях подвиги, награду — Николаевский вымпел, применительно к статье 1291 книги X свода Морских Постановлений, издания 1914 г.

Согласно с этим, приказываю дополнить книгу X свода М. П. издания 1914 г., нижеследующим:

Ст. 1325-I. Судам Русского Военного Флота за оказанные в сражениях подвиги, жалуется "Николаевский вымпел", состоящий из обыкновенного, присвоенного судам, вымпела, общего или георгиевского, с косицами из трех горизонтальных полос, считая сверху: белый, синий, красный.

Ст. 1325-II, Николаевский вымпел носится, не только теми кораблями, коим он непосредственно пожалован, но и кораблями, названными в будущем в их честь.

Ст. 1291-I. Флагман поднимает соответствующий его чину стеньговой адмиральский флаг с Николаевскими на нем отличиями, в случае, если его флагманский корабль имеет Николаевский вымпел.

Ст. 1323-I. Штаб офицер, командующий отдельным отрядом, поднимает Николаевский плавучий брейд-вымпел, в случае, указанном в ст. 1291-I.

Ст. 1323-II. Начальник дивизиона поднимает Николаевский брейд вымпел, в случае, указанном в ст. 1291-I.

Утвержденные рисунки и описание вымпела, флага и брейд-вымпела при сем прилагаются.

Главнокомандующий генерал Врангель
Начальник Морского Управления
Вице-адмирал Саблин

Приложение III.

К приказу по Флоту и Морскому Ведомству № 117/189
Описание Николаевских Адмиральских флагов.

Николаевский Георгиевский адмиральский флаг имеет вокруг щита с изображением Святого Георгия, трехцветную полосу с цветами: первая от щита — красный, вторая — синий и третья — белый.

Обыкновенный адмиральский флаг имеет по середине круглую трехцветную кокарду с цветами: наружный — белый, средний — синий и внутренний — красный.

Описание Николаевских брейд-вымпелов, плавучих и неплавучих, и вымпелов и тех, и других, как Георгиевских, так и обыкновенных:

Николаевские вымпела и брейд-вымпела имеют в отличие от обыкновенных — косицы трехцветные: верхняя или правая — белая, средняя — синяя, нижняя или левая — красная.

„ПЕТРОПАВЛОВСК"

Три корабля Российского Императорского флота носили имя Петропавловска, маленького городка на Камчатке, прославленного славной победой Российского флота над, много сильнейшей, англо-французской эскадрой.

1) Фрегат "ПЕТРОПАВЛОВСК", один из первых винтовых кораблей Российского флота, деревянный, впоследствии обшитый броней, построен в Петербурге, в 1858 году. Всю свою службу, корабль этот провел в составе Балтийского флота и часто служил флагманским кораблем известному адмиралу Г. И. Бутакову, создателю первого в России, парового и броненосного флота.

2) Эскадренный броненосец "ПЕТРОПАВЛОВСК"— 11 тысяч тонн водоизмещения, вооруженный 4-мя 12-дюймовыми и 12 6-дюймовыми орудиями, расположенными попарно в башнях, 40 скорострельными пушками и 6 минными аппаратами. Сплошной броневой пояс и скорость 17 узлов.

С 1904 г. служил флагманским кораблем Русской эскадры в Порт-Артуре. В трагический день Русского флота, 31 марта 1904 г. адмирал Макаров, имея флаг на "Петропавловске", вышел на поддержку крейсера "Баян", ведшего бой с шестью японскими крейсерами. При возвращении на рейд, "Петропавловск" коснулся, поставленной предыдущей ночью, японской мины, детонировали погреба и в полторы минуты корабль затонул, унося с собой в могилу, адмирала Макарова и большинство офицеров и команды.

3) В сентябре месяце 1911 года был спущен на воду третий "ПЕТРОПАВЛОВСК". Линейный корабль в 23.000 тонн водоизмещения, вооруженный 12-ю 12-дюймовыми орудиями, в четырех башнях, расположенных по диаметральной плоскости корабля и 16 120-мм. пушками противоминной артиллерии — в 16 казематах батарейной палубы, противоаэропланной артиллерией и 4 подводными минными аппаратами. Броневая защита заключалась в бортовом броневом поясе, внутренних продольных и поперечных броневых переборках, броневой палубе и местном бронировании башень, рубок и т. п. Реально показанная скорость 24.25 узла. Впервые в Русском флоте, на кораблях этого типа, употреблена была, при постройке, сталь высокого сопротивления.

Благодаря длительному и систематическому сопротивлению Государственной Думы, кредиты, на постройку бригады наших "дредноутов", задерживались и положение было таково, что к началу войны заканчивались постройкой только два первых, третий должен был быть готов в конце 1915 года, последний же, "Петропавловск", в виду безнадежного срока готовности, было решено не заканчивать постройкой, а к 1 мая 1915 года поставить, как плавучую батарею, у северной оконечности острова Наргена. Исключительной энергией Товарища Морского Министра адмирала П. П. Муравьева, "Петропавловск" уже в конце декабря 1914 года вступил в строй, как флагманский корабль Начальника 1-й Бригады Линейных Кораблей, а затем Командующего Эскадрой Балтийского моря.

Постройка береговых батарей и усиление мощи Балтийского флота позволило Ставке Верховного Главнокомандующего снять с охраны побережья 5 армейских корпусов и передать их на главный фронт. Вся же сила флота России, была, конечно, в бригаде "дредноутов", мозгом которой был ее флагман — "Петропавловск". С укреплением защиты Финского залива и нашей Центральной позиции — Ревель — Гельсингфорс, суда наши, неоднократно, под прикрытием бригады "дредноутов", выходили в Балтийское море, все более приближаясь к германским берегам — базам, в 5 раз сильнейшего, флота противника. Во всех этих операциях, принимал участие и был их руководителем флагманский корабль Эскадры — линейный корабль "Петропавловск". С постройки, кораблем, последовательно, командовали кап. I р. В. К. Пилкин, кап. I р. М. А Беренс и кап. II р. Д. Д. Тыртов.

В марте 1918 года, во главе Эскадры Балтийского моря, Российского Императорского флота линейный корабль "Петропавловск", под временным командованием стар. лейт. барона Г. Э. Зальпа, совершил свой последний переход из Гельсингфорса в Кронштадт, сквозь льды Финского залива.

Алексей Геринг

Из истории Хабаровского графа Муравьева-Амурского Кадетского Корпуса

История возникновения Хабаровской Кадетской Школы, родоначальника нашего корпуса, тесно связана с постепенным развитием и увеличением военных сил Приамурского Края. Пока в Приамурьи находились незначительные, по количеству, вооруженные силы потребность в образовании небольшого числа детей офицеров и военных чиновников, удовлетворялась, отчасти, существовавшими в крае учебными заведениями, отчасти же и главным образом, отправкой детей в Иркутскую военную прогимназию и в Омский Кадетский корпус. Но, чрезвычайная удаленность Приамурья, связанная с этим, трудность доставки детей в учебные заведения и, кроме того, заметно увеличивавшаяся с течением времени численность войск в крае, настойчиво заставляли подумать об изыскании способов к удовлетворению насущной потребности в образовании детей.

С назначением первым Приамурским Генерал-Губернатором и Командующим войсками округа генерал-адъютанта барона А. Н. Корф, в 1886 году возбуждается ходатайство об открытии кадетского корпуса на сто человек учащихся. Приказом по Военному Ведомству за № 40, 1886 года, объявляется об открытии Хабаровской приготовительной Школы Омского кадетского корпуса, в Хабаровске и 11 октября, в день Святого Апостола Филиппа, состоялось торжественное открытие начального, первого и второго классов.

Инициатор и создатель Школы генерал-адъютант Андрей Николаевич Корф, сам, лично, руководил первыми шагами юного питомника, следил за общим направлением жизни и вникал во все детали обучения и воспитания кадет. Воспитанники Школы успешно окончившие курс 2-го класса, переводились без экзамена в 3-й класс Омского кадетского корпуса и отвозились туда, в сопровождении офицера-воспитателя. Путешествие это являлось делом весьма сложным, трудным и ответственным, при тогдашнем бездорожье и громадных расстояниях.

30 мая 1891 года, Наследник Цесаревич Николай Александрович осчастливил Школу своим посещением. В воспоминание об этом приезде, Цесаревич пожаловал Школе свой портрет с собственноручной подписью и была установлена памятная мраморная доска.

С каждым годом, край рос во всех отношениях, разворачивались и боевые силы. Число войск все увеличивалось, росла и Школа и перестала удовлетворять насущной потребности края. В конце концов, несмотря на крайнее переполнение, около 15 процентов мальчиков, желавших поступить в нее, оставалось за бортом. Это обстоятельство заставило барона Корфа, в впоследствии и его преемников генералов Духовского и Гродекова непрестанно ходатайствовать об открытии в Хабаровске корпуса. В конце концов, приказом по Военному Ведомству № 146 от 30 апреля 1903 года, Хабаровская Школа была упразднена и был учрежден Хабаровский Кадетский Корпус на 300 кадет.

Хабаровская Кадетская Школа, всецело обязанная своим возникновением энергии и государственному уму барона А. Н. Корфа, просуществовала почти 12 лет, успешно выполнял свое назначение, под непосредственным руководством, сначала, полковника 3 Восточно-Сибирского линейного батальона А. В. фон-Майера (17-VIII-888 по 30-V-892), а потом, второго ее Заведующего, подполковника 8 Восточно-Сибирского линейного батальона Д. П. Мартьянова.

Формирование корпуса было начато с 1900-1901 года. До прибытия вновь назначенного директора, бывшего инспектора классов Суворовского корпуса, полковника Андрея Николаевича Ваулина, заведывание корпусом было оставлено в руках подполк. Мартьянова. Само открытие корпуса состоялось при торжественной обстановке, в присутствии Командующего войсками генерала Н. И. Гродекова, 3 сентября 1900 года. Весь состав учащихся, воспитателей и преподавателей Школы, целиком перешел в молодой корпус, создав тем самым преемственную связь двух родных по духу по составу учебных заведений.

29 июля 1901 года состоялась закладка главного здания корпуса и уже 16 сентября 1903 года кадеты заняли новое помещение. Освящение нового здания, совпавшее с днем 15-летия основания Хабаровской Приготовительной Школы, состоялось 11 октября 1903 года.

За 25 лет своего существования, корпус имел последовательно четырех директоров и четырех инспекторов классов. I-VII-1905 г. состоялся приказ о назначении нашего первого директора ген.-майора Ваулина — директором Полоцкого корпуса и 23 сентября 1907 года, Высочайшим Приказом (№ 237) он был зачислен в списки Хабаровского Кадетского Корпуса. С 1-VIII-905 по 1-VIII-908, директором был бывший инспектор классов Александровского военного училища ген.майор С. П. Беликов, третий директор корпуса ген.-майор К. К. Гришков руководил жизнью корпуса с 1-VIII-908 по день своей внезапной кончины, на поcт. т. е., по 16-II-913 г. Четвертым директором был бывший инспектор классов 3-го Московского корпуса ген.-майор А. В. Большев, назначенный на должность Высочайшим Приказом от 28-III-913 г.

В 1905 году, 7 октября корпус был осчастливен пожалованием Знамени, которое прибыло в Хабаровск 18-VII-907 г., а через три года после этого события, а именно, 16-V-908 г., по случаю пятидесятилетия присоединения к России Графом Муравьевым-Амурским, Приамурского и Уссурийского Края, Высочайше повелено именовать корпус "ХАБАРОВСКИМ ГРАФА МУРАВЬЕВА-АМУРСКОГО -КАДЕТСКИМ КОРПУСОМ" (приказ № 138 и телеграмма Вел. Князя Константина Константиновича). Кроме того, 15-III-911 г. Командующий войсками ген.-лейтен. Лечицкий вручил корпусу портреты Государя Императора и Наследника Цесаревича, с собственноручной надписью Его Величества: "Хабаровскому

Кадетскому Корпусу". 18-IX-912 г. был получен в корпусе другой Высочайший Дар — "Военная Галерея 1812 года в Зимнем Дворце", с надписью Государя Императора: "Достойным потомкам доблестных предков". Наконец 28-XII-908 г. (пр. по корпусу № 318) был Высочайше утвержден жетон Хабаровского корпуса.

11 мая 1909 года Великий Князь Константин Константинович приехал в корпус и это посещение, естественно, оставило глубокий след в наших душах. В 7 ч. 20 м. утра поезд прибыл в Хабаровск и Великий Князь поместился в корпусе, в свободной квартире инспектора классов. Августейший Главный Начальник провел в корпусе трое суток, подробно знакомясь со всеми деталями жизни кадет. 12 мая, в пять часов пополудни, происходила прибавка, Высочайше пожалованного корпусу, Знамени. В тот же день, вечером, было заседание педагогического комитета, под председательством Великого Князя. 13 мая, в памятный корпусу день, в 10 часов утра, в присутствии всего местного высшего начальства, Великий Князь вручил Знамя — корпусу, после чего состоялся парад. На другой день, 14 мая, в час дня, мы проводили Великого Князя на железнодорожном вокзале.

Уезжая, Великий Князь оставил в "Книге для Высочайших Посетителей", следующую знаменательную надпись:

"Впервые прибыл в Хабаровский Графа Муравьва-Амурского Кадетский Корпус 11 мая 1909 года. 12 присутствовал на прибивке корпусного Знамени, а 13, по Высочайшему Повелению, передал его, по освящении, корпусу. Нашел корпус в блестящем состоянии, о чем всеподданейши донес Его Императорскому Величеству. 13 мая 1909 г. КОНСТАНТИН".

На память о своем пребывании в корпусе, Великий Князь оставил кадетам и служащим, по их просьбе, много своих портретов с собственноручной подписью.

Из числа воспитанников корпуса получили, будучи кадетами, — Георгиевские кресты и серебряные и бронзовые медали — 15 человек. Троянович-Петровский и Бодиско — Георг. кресты 4-й ст., Коротких — серебряную Артурскую медаль, Колесников, Орфенов, Зарембо, Шауман, Буковецкий и Тарасов — серебряные медали за оборону г. Благовещенска, Суходольский — серебряную медаль за спасение утопающих и пять кадет — бронзовые медали за пребывание в зоне военных действий в Русско-Японскую войну.

Наши кадетские корпуса, в которых подготовлялись будущие офицеры Императорской Армии и Флота, были подобны монастырям, но, в монастыри уходили люди, познавшие добро и зло жизни, а в наши корпуса — еще жизнью неискушенные и неотравленные. Шли туда, с чистым сердцем, с безгрешными ясными глазами, с неокрепшим организмом, но с той огромной любовью к своему Отечеству в сердце, которая побуждает отдавать жизнь свою за други своя. И великая сила Российского Государства создавалась в наших кадетских корпусах, ее питомниках...

Дальнейшую историю Хабаровского корпуса, его эвакуацию из Хабаровска на Русский Остров в 1919 году, а оттуда на судах отряда контр-адмирала Старк, через Корею в Шанхай, где продолжались учебные занятия и корпусом были выпущены 19 и 20 выпуски, переход на "Портосе", совместно с 1-м Сибирским корпусом, в Югославию, а также подвиги питомцев корпуса во время 1-й Мировой войны и их участие в Гражданской усобице, на различных фронтах, фамилии наиболее отличившихся, а также со славою павших — все это пусть помнят и напишут мои более молодые братья — хабаровцы.

Каждая крупица воспоминаний будет нужна для истории, а редакция нашего журнала "ВОЕННАЯ БЫЛЬ", я уверен всегда пойдет навстречу, в смысле помещения нашего исторического материала.

Леонид Сейфулин.

Историческая справка о Втором Кадетском Корпусе

Настоящая справка, как и помещенная в предыдущем номере, справка о Первом Кадетском Корпусе, взята из чрезвычайно редкой книги "ХРОНИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ" князя Долгорукого, напечатанной, по повелению Императора Павла Петровича, в 1799 году, в Санкт-Петербурге.

№ 224. — Мундир темно- зеленный с таким же стоячим воротником; обшлага, лацканы и подкладка красная, пуговицы желтыя; на рукавах вдоль клапенца алая выпушка; камзол и штаны палевые; шляпы с узеньким золотым галуном; щиблеты черные, а в парад белые.

Квартиры — в Санкт-Петербурге.

25 октября 1762 — Артиллерийский Инженерный Шляхетный Кадетский Корпус состоял во 146 человеках Кадет, на содержание которым отпускалось ежегодно 25630 руб. 51 коп. Управлял Инженер-Подполковник Мордвинов.

1765 — Артиллерии Подполковник Бегичев.

1771 — Инженер-Генерал Мордвинов.

1783 — От Артиллерии Генерал Мелиссино.

1784 — Положено в оном корпусе 399 человек, на содержание которых отпускалось ежегодно 104566 руб. 26 3/4 коп., с 1792 — Отпускается 133490 руб. 3/4 коп.

1797 — Оный корпус под управлением состоит от Артиллерии Г. Л. Корсакова.

Кроме вышеписанного числа кадет с учреждения Корпуса находится при оном солдатская рота, состоящая из 150 человек с мушкетерами и художниками, на содержание, которых отпускалось с 1762 по 1784 — 7596 руб. 25 коп., с 1784 по 1792 — 17160 руб. 77 коп., а с 1792 года отпускается 20407 руб. 87

1 ОКТЯБРЯ 1799 — Г. М. Клейнмихель.

10 МАРТА 1800 — 2-й Кадетский Корпус.

Извлек *А. Г.*

Спортивно-артиллерийский праздник

(Константиновское артиллерийское училище).

Очень интересным днем в училище был спортивно-артиллерийский праздник, на котором, обыкновенно, кроме рядовых гостей, приглашенных юнкерами и офицерами училища бывали и Великие Князья, иногда с семействами. Впечатление для зрителей было сильное, особенно при орудийной езде на, относительно небольшой, площадке манежа. Начиналось движение четырех орудийных запряжек с шага. Прекрасные лошади, красивая выправка сидящих ездовых и фейерверкеров, одетых с иголочки, в белых замшевых перчатках и, лихо сидящих на головах, бархатных безкозырках, все вместе, подкупало зрителей. Хороший духовой оркестр, создавал соответствующее настроение. Четыре, эти изящные, запряжки переходят в рысь. Если в шаге было слышно только фырканье лошадей и легкое движение орудий и зарядных ящиков, то в рыси шумы сразу уже увеличились и почувствовалось, что здесь двигается не простая кавалькада, а артиллерийское русское оружие, так прославившееся во всех войнах. С каждой секундой, рысь увеличивается и, особенно на поворотах, у барьер-стен манежа, слышен уже грохот, Посадка юнкеров не меняется, несмотря на ускоряющий аллюр, довольно сложные перестроения в форме восьмерок, кругов и т. д. Но вот рысь переходит в галоп и картина скачущих лошадей, грохот орудий, поднимающаяся пыль — производят особенно сильное впечатление не только на женщин, подростков и девушек, но и на нас первокурсников юнкеров, которые уже, больше, чем за полгода, осмыслили верховую езду, владение лошадью и своим телом на ней. В душе просыпается какое-то радостное гордое чувство за старших юнкеров, достигших таких успехов. После двух кругов полным галопом, за площадкой открывается занавес, куда уносятся все четыре запряжки с разгоряченными конями. После мгновения полной тишины, весь манеж оглашается бурными аплодисментами всех присутствующих гостей и зрителей юнкеров.

Интересным зрелищем была рубка на галопе, нескольких юнкеров последнего курса. Здесь особенно захватывающе, лихо и чисто, на полном скаку, проделал все задания с шашкой один из них.

Вороная, с огоньком, высокая лошадь, как бы сливалась с, широким в плечах, высоким юнкером, лицо которого было очень красиво. Бело-молочный цвет лица оттенялся черными с искрами глазами, густыми темными бровями, черными усиками и непослушным, цвета воронова крыла, чубом из-под ухарски надетой черно-бархатной безкозырки. Полный ход лошади, слегка наклоненное туловище, с приподнятой шашкой в сильной руке и, как бы исходящие из глаз, искры, как от лошади, так и от ездока, создавали некоторое приятное волнение.

Хорошим номером было управление одним юнкером двумя лошадьми, стоя на обоих. Здесь особенно живописен был юнкер-казак, который так умело стоял без малейших движений, в верхней части туловища и головы с шеей, что создавалось впечатление какой-то сросшейся с двумя лошадьми лихой фигуры.

Младшие курсы выступали только в гимнастике и на мою долю выпало упражнение на турнике. После конкура всегда бывали заметки в газетах о прошедшем празднике. Нам, хотя еще и молодым, юнкерам Константиновского Артиллерийского училища, было приятно слышать, посещая знакомых и родных, лестные отзывы об этом празднике, а особенно от хорошеньких барышень.

М. А. Зайцев.

Обзор военной печати

"ОКЕАН БАГРЯНЫЙ" — Георгия Гребенщикова

Шестой том "Чураевых" посвящен автором началу первой мировой войны и, в частности, трагической гибели армии генерала Самсонова в бою под, как принято называть его в русской военной истории, Сольдау, в немецкой — Танненбергом, а географически и с точки зрения первого объекта Самсонова, следовало бы называть боем под Алленштейном.

Автор, не участвовавший в походе на Восточную Пруссию, хотя и познавший в дальнейшем все тяжести войны, просит заранее извинить ему все упущения и неточности в воспроизведении событий. Мы делаем это тем более охотно, что знаем, что Гребенщиков не позволит себе фантазировать на одну из самых трагических тем Русской военной истории, и его уверения в том, что он работал по документальным источникам, просто излишни.

Центральным местом романа является судьба 13-го армейского корпуса. Шаг за шагом, автор ведет читателя к Алленштейну по опустевшим селам и городкам Восточной Пруссии. Настроение в войсках — приподнятое, слабые части немцев отходят, почти без сопротивления, война кажется легкой и уже выигранной... Один из главных героев "Океана Багряного", артиллерийский полковник Жарков спокойно спит в, занятом нами, Алленштейне. Ему снится мирная светлая речка, вышитые женой носовые платочки, которые почему то попадают на его удочку. Взволнованный офицер, с трудом, его будит. Приказ... немедленно сниматься и двигаться на Мушакен, передает ему другой герой романа, доблестный корнет Гостев.

— Двигаться на Мушакен?.. Да, что вы, батенька, с ума сошли?.. Ведь, это значит отступление?...

Полковник Жарков ошибается — это не отступление, а катастрофа. 13-й корпус уже изолирован и отрезан, и его агония начинается. Эту агонию автор описывает подробно. Тут и попытки связаться с другими корпусами, расчлененной на отдельные группы, армии и неудачные контр-атаки и внезапное превращение боевых батальонов в нестройные толпы, Самсонов с двумя сотнями офицеров на лесных тропинках, одинокое самоубийство блестящего генерала, героя японской войны и любимца Государя. Полковник Жарков попадает в плен, корнет Гостев убит, при попытке с двумя всадниками прорваться через немецкую пехотную цепь. Другой герой романа, поручик Ветлин уходит с шестнадцатью солдатами в лесную чащу и пробирается на русскую границу. Это все — что осталось от 13-го корпуса. Факт исторический и поручик Ветлин назывался Ветлицем — Евгений Ветлиц, кадет выпуска 1905 года из Первого кадетского корпуса и офицер 1-й артиллерийской бригады, в которой служит и Жарков, в действительности, тоже совсем реальный полковник Шнарковский, воспоминаниями которого пользовался автор.

Из "постоянных" героев грандиозной эпопеи Георгия Гребенщикова мы встретим Василия Чураева, пошедшего добровольцем в пехоту. Полковой батюшка отпевает сто сорок восемь убитых батальона, среди которых — три неопознанных. Солдаты уже начинают засыпать братскую могилу, как, вдруг, один из санитаров замечает:

— Глядите-ка, братцы, живого хороните...

У "убитого" залиты кровью глаза, но... "дрожит все его тело и явно, хоть и трудно, дышет его грудь". Это Василий Чураев. Официально, он убит, о чем сообщают семье. Только много дней спустя, в сибирской "летучке", Августа Серкова, одна из "постоянных" героинь эпопеи, опознает его в тяжело раненом в голову солдате...

В романе много батальных эпизодов. Большинство его героев отдают свою жизнь на алтарь Отечества. Гибнет геройский поручик Голимонт, потомок французских эмигрантов. Его заставили оттянуть свою роту от занятого ею замка... "Он располагал свою роту на новых позициях, в необжитых, полузасыпанных окопах, давно оставленных австрийцами. Кроме того, душа его погружалась в пламя собственного, бездонного отчаяния. Это была предсмертная тоска..."

Было бы смешно представлять Гребенщикова читателю и оценивать, лишний раз, его литературное творчество вообще. Но, на этот раз, мы имеем дело с Гребенщиковым — военным писателем. Справился он со своей задачей блестяще, а творчество "военного" писателя не из легких. Нужно сочетать историческую правду с литературным вымыслом, не впадая в ложный пафос, который так и просится на страницы, и оставаясь в рамках объективности. Старый и опытный мастер пера, Гребенщиков, ни разу не погрешил против этих основных принципов. Другого, конечно, и не следовало бы ожидать, но, все же, мы с удовольствием и удовлетворением подчеркнем этот факт.

"Океан Багряный" — ценный вклад в Русскую батальную литературу, вне его органической связи с чураевской эпопеей. Присутствие "чураевских" героев не мешает ему иметь свою собственную литературную судьбу и самодовлеющий интерес. Хорошо и то, что военно-исторический факт такой важности, как гибель армии Самсонова, будет теперь жить на страницах романа и, таким образом, станет достоянием широкой публики, как Шенграбен, Аустерлиц и Бородино из "Войны и Мира", Ватерлоо — "Отверженных" и другие, очень немногочисленные в мировой литературе, исторически правильные описания войны.

Евгений Яконовский

"ОСИЯННЫЕ ДНИ"

(*"ЧЕСТЬ" Георгия ИШЕВСКОГО*)

Книга выходит в издании Обще-Кадетского Объединения, в феврале 1956 г.

Книга Георгия Ишевскаго называется иначе. Но дело не в названии. Дело в книге, и, как это ни странно, еще и в тех днях, когда она появляется на свет. В этой книге не решается никаких "проклятых вопросов", не дается новых типов, не рисуется больших исторических или бытовых картин.

Автор просто, задушевно и бесхитростно, без всяких претензій и с большой, искренней любовью описывает кадетский корпус, — дни своего детства и молодости, дни неизмеримо-далекой, никогда невозвратимой, навсегда затонувшей жизни — и дни, осиянные таким теплом и светом, такой чистотой и стройностью мироздания, — которых, увы, в нашей современной жизни или не стало, или почти нет. Но, если мы не можем больше пережить их сами, то нельзя допускать, чтобы даже память о них изгладилась из нашей памяти, чтобы у нового поколения не осталось даже представления о том, что было.

Плох тот народ, который не ценит и не любит своей истории, своего исторического и культурного прошлого, и не хранит их, как живую сокровищницу, передавая ее из поколения в поколение,и развивающую и умножающую, в свою очередь, свое культурное богатство. История же, быт, славные традиции прошлого, вечные нравственные устои, которые могут сколько угодно искажаться и калечиться временными правителями, но к которым люди неизменно возвращаются снова, после всех потрясений и бедствий, — эта история запоминается не только по учебникам. Ближе и понятнее звучит рассказ современника — живого человека о его собственной, простой и живой человеческой жизни.

Вполне понятно, что в эмиграции процветает главным образом мемуарная литература. В промежутке между революцией и Второй мировой войной в зарубежной печати появилось много больших и малых, крупных и слабых произведений мемуарного характера. Книга Георгия Ишевского могла бы быть написана и в то время — ее тема относится к довоенным

годам, к старой России. Но в то время она могла бы и затеряться среди многих, других, подобных ей.

В наши дни, мемуарная литература процветает тоже, но носит совершенно другой характер: воспоминания чекистов — или их жертв. Вторых — больше, первых — меньше. Бывшие чекисты пишут обычно вскользь, что пытали не они, а их коллеги (у них руки, по странной игре природы, оставались все время чистыми, как будто бы они уже тогда предвидели свое будущее "раскаяние"), а жертвы, оставшиеся в живых, тоже просто и бесхитростно рассказывают часто — как само собой разумеется — о таких ужасах, что даже привычному человеку становится не по себе. Это понятно, конечно. Но понятно и то что они, эти жертвы, набрасываются не на воспоминания о той жизни из которой они вырвались, а именно на зарубежную, "старую", другую литературу и книги. И только потому что им хочется "отдохнуть душой". Русскій читатель никогда особенно не гонялся за занимательным чтением. Ему хочется найти в книге проблеск для своей собственной жизни, что-то, к чему он может стремиться, что-то, что дает ему силы бороться, что-то, что поднимает его над окружающим, светит или греет.

Вот почему хорошо, что книга Г. Ишевского выходит именно теперь. Таких, как он, осталось немного, совсем немного. И не все из них напишут книги об осиянных днях прошлого. Без политики, без морали, без проповеди, а так просто: вот так было, вот мы жили, учились, росли, любили, стремились. Вот свет, который светил нам, вот честь и идеалы, в которых мы воспитывались, которые мы берегли, и которым останемся верны до своей смерти. И помимо этого — сколько человеческого тепла, сколько сердечной грусти, сколько незабываемых дней детства, — пусть другого, пусть непохожего, даже — вызовет эта книга в памяти и сердце читателя. Подчеркиваю, не только у современников автора, не только у людей "старых" взглядов. Нет, именно у этой советской молодежи, которая пришла в свободный мир, чтобы увидеть и найти. И не только свободу, а и, скажем, старое, когда-то даже "избитое" слово — оно никогда еще не теряло своего смысла, найти себе новые идеалы вместо диалектического материализма.

А найти их в настоящее время можно только у тех, кто сохранил их из прошлого.

Чтобы и у одних, и у других не меркнул в их жизни тот свет, который как "белый платочек" "серебряной мамы" — автора: пропал... опять показался... белеет... всю жизнь белеет...

Ирина Сабурова

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОЙ АРМИИ И ФЛОТА.

При лейб-гвардии Преображенском и лейб-гвардии Семеновском полках, в ведении командира 3-й роты, находились особые галерные катера, при которых состояли команды гребцов, набранные из особо рослых солдат, преимущественно поморов. Галерный флаг этих катеров был Андреевский и древко его венчалось копием с вензелевым изображением Петра Великого, которое, как известно, представляет собою две латинские буквы "п" и Императорскую корону. Галерные флаги эти выносились в строй, в дни полковых праздников, причем, им отдавалась честь, как знаменам. Командиры этих рот обоих полков, равно как и вся команда гребцов, носили на погонах также вензелевое изображение Императора Петра.

Согласно Высочайшему Приказу Императора Александра I, 13 ноября 1808 года, на киверах лейб-гвардии Павловского полка, так называемых "гренадерках", было повелено вырезать имена тех гренадер, на которых они находились в сражении под Прейссиш-Эйлау в 1807 году, когда полк потерял 500 человек выбывшими из строя. С того времени и по день революции 1917 г., в полку хранились 532, простреленные пулями и поврежденные штыками, гренадерки, свидетельствовавшие об этом славном подвиге полка. Помимо этих гренадерок, полк имел привилегию проходить церемониальным маршем, держа винтовки не "на плечо", а "на руку", как бы идя в атаку.

Лейб-гвардии, в Петербургском полку, полковой марш был написан Шефом полка, королем прусским Фридрихом-Вильгельмом III и пожалован полку в 1835 году. Марш этот считался "полковой честью" и исполнялся при встрече знамен и начальников.

В семилетнюю войну, Кирасирский Военного Ордена полк, впоследствии 13 драгунский Военного Ордена, за отличие получил серебряные литавры. Кроме него, в армейской кавалерии, имел литавры только 1 уланский Петербургский полк.

Сообщил *Анатолий МАРКОВ.*

О СУВОРОВЕ.

При взятии Турина, Суворов осыпал похвалами австрийского генерала Кайма. Адъютант Суворова заметил ему, что Кайм самого низкого происхождения и от простого солдата дослужился до генерала. "Знаю, отвечал Суворов, что его не осеняет огромное родословное дерево, но после такого подвига, я был бы рад назвать его по крайней мере своим племянником".

Сообщил *А. Г.*

ИЗ КОПИЛКИ СОЛДАТА.

По производстве в офицеры, в 1914 году, я взял себе деньщика сибиряка Тимофея Г. Паренек был на редкость — скромный, аккуратный, дисциплинированный, смышленный и какой-то особенно деликатный и чуткий. Обычно, деньщики, находясь в домашней

атмосфере своего офицера, распускаются и позволяют себе многое, но Тимофей был не таков, даже, когда я с ним занимался у себя саперным и телеграфным делом (он это очень любил), долго не хотел садиться в моем присутствии, потом немного уступил и садился отдельно от меня. Подошел Великий Пост, — мы говели. Собираясь к исповеди, я подошел к деньщику и говорю: "Тимофей, прости меня, если чем согрешил". Он не смутился и степенно, как никогда раньше, отвечает: "Бог простит. Прости и ты меня, Ваше Благородие". Это у него вышло так естественно, проникновенно, — я нимало не удивился и почувствовал, что в такую торжественную минуту мой скромный и дисциплинированный Тимофей, по своей православной, крестьянской натуре, не мог мне, офицеру, сказать иначе, как на ты. В этом сказалась наша православная истинная демократичность.

"Наши Вести", № 81 — 15 июня 1955 года.

ИЗ СТАРЫХ ПЕТЕРБУГСКИХ БЫЛЕЙ.

На Больше-Охтенском кладбище находится надпись надгробная, 1776 г., следующая: "на сем месте положено тело рабы Божией Анны, которая в замужестве была 16 л. и 2 м. за с.-петербургским цеховым медного дела мастером Яковом Титовым. Представися скоропостижно смертию в день праздника Александра Невского при собрании гостей, поднося по окончании стола сама осми человекам, и вышла со стаканом в другую горницу для налития, подносить другим. И как ставила, сказала: "Господи Иисусе Христе Сыне Божий..., что у меня в глазах темно стало?" и сказала мужу: "Яков Матвеевич, сударик, держи меня, я упаду", — и тако опустившись, скончалась 1776 г., августа 30 дня, в три часа по полудни. От роду ее жития было 32 года и 7 месяцев".

("Рус. Архив , 1866 г.).

Извлек *А. Г.*

О РУМЯНЦЕВЕ

Граф Ангальт, Главный Начальник Императорского Шляхетного Корпуса (Первый Кадетский), нередко говаривал своим кадетам: "Румянцев, как и вы, был кадетом нашего корпуса; не забывайте этого никогда. Он герой вашего Отечества".

В ранней своей молодости, не уживаясь ни с Минихом, ни с Бироном, он удалился в Пруссию и начал военный свой подвиг под знаменами, Фридриха Великого. Король и все сотоварищи его любили. Императрица Елизавета, по восшествии своем на престол, вызвала Румянцева в Россию. Юный ученик Фридриха отличился в Русских войсках в семилетнюю войну и взял Кольберг. Получив о том известие, король прусский улыбнулся и сказал: "Мой ученик — помнит".

Сообщил *А. Г.*

ИЗ КИРАСИРСКИХ БЫЛЕЙ.

В начале XIX века, в городе Орле стоял Екатеринославский кирасирский полк, в числе офицеров, которого был известный своими проказами штаб-ротмистр граф Мантейфель. Однажды, он пустил по городу молву, что тот орел (птица) от имени которого город Орел и река Орлик получили свои названия, наскучив пребыванием в лесу, — непременно, в такой то день и час, явится на реке Орлике и подплывет к большому мосту на плашкоутах. К назначенному времени на мосту и на берегах набралось невидимое количество народа, чтоб видеть приезд птицы, основавшей их град, как гласит легенда. И вдруг, действительно, увидели плывшего по течению орла, оказавшегося, однако, двуглавым. Весельчаки кирасиры сняли его ночью с аптеки Моравского и, привязав к плотику, пустили по течению реки.

Сообщил *А. Г.*

Скорбный листок

За последние месяцы скончались кадеты:

Ваулин, Александр Константинович — Полоцкого к.к.

Лясковский, Сергей Всеволодович — Орловского — к.к.

Клюев, Яков Андреевич — 2-го к.к.

Беляев, Николай Тимофеевич — 2-го кад. к.

Разумовскій, Василій Васильевич — Полтавского к.к.

Григоров, Борис Гаврилович — Крымского к.к.

Соколов, Николай Иванович — Владик. к.к.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВОЕННАЯ БЫЛЬ»

С 1 мая по 1 января 1956 года поступило: от группы кадет в Дорнштадте — 1800 фр., от О.К.О. в Триесте — 2000 фр., от Б. В. Сергиевского — 36500 фр., от Союза Участников Войны — 2000 фр., от группы кадет в Каннском Доме — 300 фр., от С. И. Часовникова — 200 фр., от В. А. Соколовой — 810 фр., от В. И. Димчевского — 1000 фр., от А. Я. Фок — 100 фр., от соплав. по "ЦЕСАРЕВИЧУ ГЕОРГИЮ" — 5000 фр., от С. Я. Кремера — 1060 фр., от Д. Л. Девитт — 330 фр., от Б. Н. Гонорского — 300 фр., от В. В. Савина — 80 фр., от Объедин. 16 драг. Тверского п. — 500 фр., от Е. В. Князя Никиты Александровича — 1000 фр., от Д. К. Беляева — 150 фр., от Л. А. Беляева 450 фр., от В. А. Соколовой — 600 фр., от В. П. Третьякова — 250 фр., от С. Х. Рооп — 180 фр. Итого: 53960 фр.

С прежде поступившими: 167575 фр.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

№ 17

МАРТ 1956 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Издательство, Редакция и сотрудники журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», с глубокой скорбью, извещают о кончине их дорогого сотрудника поручика лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка

Сергея Христофоровича РООП

Погребение состоялось на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Светлой памяти — **Алексей Геринг**	1
Бой под станцией Должанской — **Ивэн Сагацкий**	1
Пушкари (главы из повести) — **П. Волошин**	5
«Варна - Палас» (Окончание) — **Евгений Яковновский**	9
Кабардинский конный полк — **А. А. Арсеньев**	11
Предвестье — **Н. М.**	13
Кадетское плаванье — **Борис Арский**	14
Отрывки из писем вахтенного начальника клипера «Всадник» (Продолжение) — **Н. С. Чириков**	19
«Наварин» из книги **А. Беломора**	22
Перед портретом Дорохова — **А. Балашев**	23
Вахмистр Клюшников — **Г. Танутров**	24
Кадетская встреча — **В. В.**	25
О пожаре Зимнего Дворца — **Владимир фон-Рихтер**	26
Хроника «Военной Были»	28
Обзор военной печати	III
Кадетская жизнь	III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и европейских странах — 1050 Франков с пересылкой. В странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. В Германии — 12 мар.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

5-й год издания | № 17 МАРТ 1956 Г. | Bimensuel. Prix — 180 fr.

Светлой памяти

Редеют ряды друзей — соратников.

25 января 1956 года тихо скончался наш дорогой сотрудник и друг Сергей Христофорович РООП.

Произведенный 10 августа 1902 г. в корнеты, лейб-гвардии в Гусарский Его Величества полк, молодой офицер, с объявлением Русско-Японской войны, перевелся в Забайкальское Казачье Войско, в рядах которого и был награжден всеми боевыми наградами, до Ордена Св. Владимира 4-й ст., включительно.

В эмиграции, покойный занимался собиранием материалов для истории его родного полка и проявлял исключительное внимание и интерес к работе нашего Издательства. Перу его принадлежал очерк "Памяти Князей Гавриила и Игоря Константиновичей" и вся часть "Сборника Российской Военной Поэзии", касающаяся лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, была составлена и отредактирована Сергеем Христофоровичем.

Вечная да будет память нашему дорогому другу. Мы уверены, что его однополчане осуществят пожелание покойного и, собранные им, материалы по истории лейб-гусар увидят свет.

Алексей Геринг.

БОЙ ПОД СТАНЦИЕЙ ДОЛЖАНСКОЙ

2-я сотня партизанского отряда генерала Семилетова спешно формировалась в начале января 1918 года, в опустевшем здании Донского кадетского корпуса. После первых боев под Ростовом и последовавшего за ними призыва есаула Чернецова, на который сразу откликнулась учащаяся молодежь Новочеркасска, и кадеты, в первую очередь, корпус был закрыт.

Не успев, по разным причинам, попасть к Чернецову, наша группа, несколько кадет и гимназистов,— решила ехать на фронт со второй сотней Семилетова. Заручившись согласием офицеров сотни принять нас, мы, в день отправки отряда на фронт, ушли тайком из дому и явились командиру сотни, есаулу Бокову.

Нас записали в один взвод, выдали нам винтовки, патроны и приказали не расходиться.

Сотня пестрела разнообразием одежд: казенного обмундирования не было, и поэтому, все выходили на фронт в том, в чем явились для записи в отряд. В составе сотни были офицеры, одиночные юнкера и даже кое-кто из старых казаков, но главная масса партизан состояла из учащейся молодежи, рвавшейся в бой с большевиками.

Во время раздачи оружия, произошел несчастный случай. Он произвел очень тяжелое впечатление на окружавших. Один из офицеров отряда объяснял нашему кадету Каменову, как надо обращаться с японской винтовкой. Каменов стоял против него и, вытянув шею над дулом винтовки, следил за его объяснениями. Офицер кончил, и нажал на спуск. Грянул выстрел: офицер забыл вынуть оставшийся в винтовке патрон. Каменов, убитый наповал, свалился к ногам офицера. Тот бросился к кровати, где лежал его наган, и хотел немедленно застрелиться, но его во время схватили и отобрали у него револьвер. Офицер долго бился на постели и рыдал, потом затих и остолбенел.

Через несколько часов сотня выступила походным порядком на вокзал.

Была морозная темная ночь. Гражданская война уже охватывала город своими ужасами. Только кое-где жизнь напоминала о себе через щели неплотно закрытых ставень. Город казался вымершим и, когда сотня, выйдя на Московскую, запела "Смело мы в бой пойдем"... улицы ответили ей гробовым молчанием.

Маленький вокзал Новочеркасска был забит толпою военных, в шинелях и полушубках. Всюду было грязно, холодно и беспорядочно. В ожидании погрузки, сотня разместилась в одной из зал.

Вдруг на станции началось оживление: со стороны Зверево подходил поезд. Громыхая и тяжело выпуская пары, он остановился у перрона.

"Чернецовцы с фронта... раненые и убитые..." — пронеслось в толпе. Действительно, на одной из платформ поезда, из-под брезента, заметенного снегом, виднелись чьи-то сапоги, отброшенная в сторону рука... Легко раненые выходили сами. Среди них и конвоиров мы узнавали наших кадет. Их лица были суровы и озабочены. "Ранен... убит... остался на фронте",

слышались их короткие ответы на расспросы о друзьях. Потом начали проносить тяжело раненых. Большинство их оказалось тоже кадетами нашего корпуса. Некоторых, за недостатком носилок, несли на растянутых одеялах или шинелях.

Наконец, и дали состав. Сотня уже собиралась грузиться, как что-то загорелось на паровозе. Партизаны бросились к нему и пожар был вскоре благополучно остановлен.

В ту же ночь поезд тронулся в направлении на Зверево.

На следующее утро, поезд пришел на маленькую станцию Гуково, одиноко стоявшую в открытой и безлюдной степи. Здесь, сразу бросились в глаза свежие следы недавнего боя: Гуково накануне было взято ночным налетом Чернецова и на станции произошел короткий, но жестокий рукопашный бой. Большевики оказались захваченными врасплох в вагонах и чернецовцы в эту ночь были беспощадны. На обледенелом снегу всюду виднелись побуревшие пятна крови, валялись гильзы и патроны, а сейчас же за станционной постройкой, в нескольких местах лежали рядами трупы красных. Среди них нерешительно бродили полуодичавшие собаки и одинокие свиньи с запачканными кровью рылами. Один из убитых — латышский стрелок — глядел серыми глазами в небо. Между бровей чернело небольшое отверстие, а по переносице и щеке, к углу рта, стекла и застыла тоненькая струйка крови.

На рассвете следующего дня Усачев, мой однокашник по корпусу, потянул меня за рукав и таинственно прошептал на ухо: "пойдем скорее". Я молча последовал за ним. Невдалеке от станции, за большой скирдой сена, стояло отделение юнкеров Донского военного училища. Перед юнкерами держались спиной к скирде какой-то русский рыжий парень и три человека в обтрепанной австрийской форме. Командующий отделением юнкеров обратился к венграм и предложил им повернуться спиною. Два унтер-офицера повернулись по-военному лицом к сену, третий же, оказавшийся поручиком, ответил матерной руганью и замахнулся в ярости рукою на юнкера. Тот во-время отпрыгнул в сторону и крикнул: "Отделение, пли..." Раздался короткий залп...

Эти трое венгров были захвачены юнкерами случайно: во время боя с Чернецовым они, нераненные, пользуясь темнотою ночи, успели зарыться в скирду сена. Немного погодя на станцию Гуково пришел разъезд юнкеров. Ища убежища от ледяного ветра, он расположился за этой скирдой. Одна из лошадей, пощипывая сено, наткнулась на ноги забравшегося туда венгра и захрапела; раненый же застонал от боли. Встревоженные юнкера моментально отыскали спрятавшихся и вытащили их из скирды. Все трое оказались инструкторами красной армии, а таковых с самого начала Гражданской войны не щадили.

Ночью наш взвод при одном пулемете погрузился на паровоз и вышел на разведку в сторону Должанской. Темнота была полная. Над степью крутила сильная мятель. Паровоз, с потушенными огнями, продвигался очень тихо, боясь наскочить на взорванный путь. Все были на-чеку и с напряжением вглядывались вперед, где все сливалось в однообразный черный хаос. Так паровоз добрался до соседней станции. Она тоже оказалась пустой.

Партизаны, сменяясь, простояли всю ночь в сторожевом охранении. В рощице около станции показалось еще темнее. Под ветром жутко цокались сосульки на ветвях и зловеще, на разные голоса, скрипели стволы деревьев. Мороз заметно крепчал.

Глубокой ночью паровоз со взводом тронулся обратно на Гуково.

Еще до рассвета наш длинный эшелон, с двумя трехдюймовыми пушками впереди, установленными на открытых пульмановских платформах, отошел от Гуково на Должанскую.

По полученным сведениям Должанская была занята большевиками-шахтерами Донецкого бассейна и шедшими с ними латышами и бывшими военнопленными из австрийской армии. Таким образом, бой казался неизбежным.

Для молодой 2-й сотни семилетовцев он являлся первым боевым крещением, как и для большинства юных добровольцев-партизан.

Начинало сереть. Мятель немного улеглась. Со всех сторон простиралась однообразно-ровная пелена глубокого снега.

В вагонах шли негромкие разговоры. Говорили о чем угодно, кроме предстоящего боя, но именно поэтому чувствовалось, что все напряжены и что все думают только об этом бое.

Рассвело совсем. Поезд вдруг начал замедлять ход и потом остановился. Вдоль вагонов шел офицер и вызывал охотников в дозоры. Несколько партизан спрыгнуло к нему на насыпь. Офицер объяснил им задачу и они, рассыпаясь в обе стороны от пути, пошли вперед. Отпустив их на пол-версты, поезд медленно проследовал за ними.

Не прошло и четверти часа, как от дозоров донесся выстрел. Мы увидели, что дозоры сворачиваются и поспешно отходят назад. Впереди зазвучали другие выстрели и над эшелоном понеслись одиночные пули.

Впереди, верстах в полутора от поезда, местность слегка поднималась и скрывала происходящее вдали. Там же железнодорожный путь, проходя между двумя небольшими холмами, круто поворачивал налево. Мы, несомненно, вошли в боевое соприкосновение с большевиками и они были где-то там, за этим поворотом дороги.

Вьюга поднималась снова. Пули летели чаще. Огонь красных усиливался. Сотня спешно выстроилась на насыпи и потом по-взводно, рассыпаясь на ходу, стала вытягиваться влево от железнодорожного пути.

Вдоль него тянулись непрерывной вереницей щиты от снежных заносов. Сугробы снега доходили до их верхушек и местами образовывали сплошные перекаты. Ближе к повороту начинался с той же стороны пути редкий перелесок.

Партизаны перелезли через щиты и, выйдя в степь, пошли одной широкой цепью к противнику.

Большевики заметили наше движение и еще усилили огонь. Подойдя к перегибу местности, цепь залегла и начался бой по всей линии фронта. В грохоте стрельбы не стало слышно команд, ни криков партизан.

Рядом со мной лежал Усачев. Он уже побывал в боях под Ростовом.

Большевики стреляли точно и не жалели патронов: пули буквально засыпали нашу цепь. Слух улавливал разные звуки: тонкие, певучие, коротко-свистящие, как шмель. Некоторые пули вздымали облачки снега, смешанного с землей и это сопровождалось чем-то вроде небольшого взрыва. Усачев объяснил: "Они стреляют из разных винтовок. Гудят пули Гра, а взрывы — от австрийских дум-дум". Огонь стал настолько силен, что поднять голову было уже трудно. Цепь казалась пригвожденной к земле.

Немного влево работал один из наших пулеметов. Прислуга его состояла из гимназистов Петровской гимназии. Вскоре после начала боя там оказался убитым наповал Беляевский. Вслед за ним были перебиты все остальные номера. В конце концов случайно влетевшая в ствол пуля заклинила пулемет и вывела его окончательно из строя.

Есаул Боков держался около нас. В светло-коричневой кожанной тужурке, в брюках с лампасами и с карабином в руках, он спокойно ходил вдоль цепи, наблюдая за боем.

Подойдя к месту, где мы лежали, он закричал: "Четыре человека с правого фланга... Перейти через щиты к железнодорожному полотну, в прикрытие к пулемету..." и Боков указал невдалеке маленький бугор, у поворота дороги. На нем звучно строчил юнкерский пулемет.

Два гимназиста, старый казак-калмык и я четвертый, бросились к щитам. Добраться до них по глубокому снегу, под сильнейшим огнем, было нелегко, но ещё труднее оказалось перелезть через них в шинели, и с оружием в руках. Обледеневшие, с острыми концами, они были в человеческий рост. Щиты настолько занесло снегом, что пришлось руками разгребать к ним проход. Под тяжестью тела они нагибались и выскальзывали из рук. Большевики увидели нас, и повели беглый огонь по щитам. После долгих усилий мы, все же, справились с ними и очутились с другой стороны в длинном пустом корридоре, образовавшемся между щитами и бугром. Мы отдышались там и привели себя в порядок.

Казак-калмык быстро покинул нас и поднялся на вершину холмика. Оттуда он принялся разсматривать даль, не обращая внимания на свистевшие пули. Когда я, в свою очередь, поднялся наверх, калмык улыбнулся мне: "только что сбил одного... так и грохнулся..."

"Где же большевики?"

— "Да, вот, совсем недалеко... Может быть, шагов восемьсот... То лежат, то подходят по одиночке".

Я вглядывался вперед, но ничего, кроме ровной пелены снега, разобрать не мог. Юнкерский Максим работал рядом почти без перерывов. Через головы размеренно неслись снаряды из обеих наших пушек и глухо рвались где-то у большевиков.

Степь продолжало заметать снегом. Мороз безжалостно пронизывал до костей.

Сзади по корридору к нам подполз человек, с нарисованными на шинели погонами поручика. Он был из команды связи. Поручик передал, что большевиков очень много, что наша сотня несет большие потери и из-за убийственного огня не может сдвинуться со своей невыгодной позиции. Выкурив папиросу, поручик пополз обратно.

Бой шел с неослабевающим напряжением. Свыкшись с первыми впечатлениями и страхами, мы теперь, по очереди, поднимались на бугор, расстреливали оттуда, по указанию калмыка, обойму, потом возвращались вниз в свою дыру.

У нас уже слышались шутки и как-то совсем незаметно мы просто забыли о происходившем рядом с нами, потеряв всякое понятие о времени.

К действительности вернул нас тот же офицер телефонист. Его лицо было перепугано и он очень торопился. Не добежав до нашей ниши, поручик закричал:

— Вы с ума сошли. Отходите скорее назад. Рядом больше никого нет... Офицерский отряд уже отошел на правом фланге, наша сотня тоже начала отход..."

Когда мы выскочили из норы, юнкерского пулемета на прежнем месте уже не было. С ним же, видимо, ушел и казак-калмык. Со стороны, где недавно лежала наша цепь, не слышалось больше ни одного выстрела. Вдали виднелись фигурки семилетовцев, отходивших к дымившему, верстах в двух, поезду...

Стало сразу жутко: попасть в плен к большевикам, какой ужас. — Мы бросились бежать, но снег был по колено и пришлось быстро перейти на шаг.

Потом мелькнула другая страшная мысль: "А вдруг нас бросят? Подождет-ли нас поезд?. Мы с тревогой смотрели туда, где намечались белые дымки паровоза. Моментами чудилось, что поезд, действительно, уходит назад.

Мы шли вдоль перелеска, подбадривая друг друга, как — вдруг — Петя Попов заметил лежавшего на снегу, между деревьев, человека. Услышав наши голоса, человек поднял голову и с ужасом посмотрел на нас. Только тогда мы рассмотрели на его плечах офицерские погоны.

Второй гимназист спросил меня:

— Берем его?.

Но офицер, не поняв этих слов и, видимо, приняв нас за подходивших большевиков, потянулся к расстегнутой кобуре за наганом. Мы закричали: "свои", и бросились к нему, но офицер поднялся на руках и пополз в перелесок, оставляя за собой на снегу две широких кровавых полосы.

— Петька, бери наган, — бросил я Попову, при-

жав офицера к земле. Тот застонал от боли и закричал:

— Уходите сами. Дайте мне возможность застрелиться... У меня перебиты обе ноги...

Но мы вырвали у него наган.

— Господин сотник, берите нас за шеи... Скорее. Бог даст вынесем... Будем сменяться... — и мы силой потащили его.

Офицер сначала отбивался, умолял бросить его и вернуть ему револьвер. Ноги его волочились по снегу и он страдал от боли, но раздумывать или обращать на это внимание было некогда: каждая упущенная минута могла стоить всем жизни.

Мы несли сотника, часто сменяясь, тяжелым шагом, забыв о несшихся в спину пулях. Мысль была сосредоточена только на поезде. Казалось, что мы никогда не дойдем до него. Ни справа, ни слева, ни позади, никого из наших не было видно, и большевики вот-вот должны были появиться из-за поворота железной дороги.

Все же расстояние до поезда стало как-будто сокращаться. Мы шли теперь открыто, прямо по полотну. Большевики откуда-то заметили нашу группу и пули понеслись на нас густым роем, но страх быть брошенными, придавал мужества и сил. Уже оставалось не более полуверсты, до поезда. "Лишь бы заметили нас", — сказал с надеждой Попов. Офицер затих и, напрягая последние силы, держался за наши шеи. И, радость — нас заметили с поезда. Оттуда махали руками, торопя нас.

Пули свистели теперь с трех сторон: большевики обходили оба фланга и стремились сомкнуть кольцо вокруг поезда.

Я помню, как в тумане, как мы дошли, как сразу стало легко, когда раненаго офицера подхватили подбежавшие партизаны и как я, с трудом поднявшись на площадку товарного вагона, свалился, потеряв на несколько минут сознание.

Я пришел в себя, когда Боков высылал из вагонов партизан отстреливаться от наседавших большевиков.

Из-за телеграфного столба, откуда я стрелял, можно было отчетливо разглядеть на снегу подходившую цепь красных. Несмотря на наш огонь, большевики продолжали приближаться к поезду.

Становилось тревожно: "Почему не уходим? Может быть паровоз не в порядке?"

Пули щелкали по рельсам, по насыпи, пробивали вагоны.

Раздалась команда:

— По вагонам! — и, немного спустя: — Отставить! Продолжать стрельбу!

В это время мы заметили вдали выходившего из перелеска человека. Он очень медленно направлялся к поезду. Разобрать издали, кто это такой, было невозможно. Боков колебался: он смотрел то на этого человека, то на подходивших большевиков и, видимо, прикидывал время. Потом он решительно крикнул: — Усилить огонь!

— Успеет-ли дойти? — приходила мысль. Потом сразу узнали его: это был гимназист Каргальский. Он приближался, медленно ступая, без винтовки, шинели и папахи. Черные, кудрявые волосы, запорошенные мятелью, трепал ветер. Лицо его было мертвенно-бледно, глаза закрыты, руки приложены к груди. Гимнастерка была распахнута до пояса и вся грудь залита огромной паутиной разбрызганной крови.

К нему побежали навстречу, подхватили его и успели передать сестре милосердия. Это был последний, вышедший живым из боя, партизан 2-й сотни.

Погрузив Каргальского, Боков, наконец, крикнул:

— По вагонам!

Еще несколько томительных минут и поезд, быстро набирая ход, стал отходить на юг. Большевики кричали издали, угрожающе махали руками, и продолжали стрелять по эшелону.

2-я сотня Семилетовского отряда, в своем первом и неудачном бою, под Должанской, понесла тяжелые потери. Ни одного из убитых вынести ей не удалось, были брошены и некоторые раненые. Их участь была, конечно, ужасна.

Среди вынесенных раненых оказался мой друг — Усачев, простреленный в цепи в обе лопатки, несколько минут спустя, после того, как я перешел в прикрытие, к пулемету. Вынесли и тяжело-раненого разрывной пулей в плечо, красавца - гардемарина Александра Попова, бывшего вахмистра нашего корпуса. (Несколько недель спустя был зверски добит большевиками в Новочеркасске).

Силы большевиков под Должанской, как говорили об этом позже, во много раз превосходили наши. Большевики были осведомлены о наших намерениях захватить Должанскую и ожидали нас, заранее выбрав и пристреляв рубежи. Настоящий бой был начат ими лишь тогда, когда семилетовский отряд очутился на намеченной большевиками линии. Этим объяснялись наши тяжелые потери под Должанской.

Вынесенный же офицер оказался сотником Зарубиным. Много позже, когда кадеты, после окончательного освобождения Новочеркасска, собрались в корпусе, я узнал, что в одном из младших классов учился его брат.

Сотник Зарубин, оправившийся от ранений, как то приехал днем в корпус, с целью лично поблагодарить, неизвестнаго ему по фамилии, кадета, вынесшего его из боя под Должанской. Дежурный офицер оповестил об этом сотню, но я был очень застенчив и не назвал себя.

Немного погодя мы выходили на прогулку. В вестибюле я сразу узнал его, но мне стало неловко, что сотник может узнать меня. Поэтому, проходя мимо, я особенно отчетливо отдал ему честь. Зарубин внимательно посмотрел на меня, но не остановил. Несколько месяцев спустя, он был убит, если не ошибаюсь, на Воронежском фронте.

Иван Сагацкий

„ПУШКАРИ"

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

1.

Шубковский артиллерийский полигон представлял из себя огромный, в несколько километров, участок земли, с оврагами, рощами, искусственными деревнями, атакующей кавалерией, искусно сделанной мастерами "Мишенного Комитета", с наступающими цепями пехоты и даже с поездами железной дороги с конной тягой на тросах.

Он отстоял от зимнего расположения бригады на 270 километров.

Ежегодно, в начале мая, бригада по-эшелонно, выступала в шестидневный поход, чтобы потом пройти курс стрельб, в течении 2-х месяцев.

Нужно было отмахать, по хорошему стратегическому, шоссе, около 100 километров, и дальше, шествовать уже проселочными дорогами до местечка Горыньград, на берегу реки Горыни.

Май месяц в Малороссии — сказочное время года; цветет сирень, леса оживают, наполняясь птичьим гомоном, подсыхают дороги, от одного воздуха пьянеют люди, женские лица хорошеют — жизнь кажется прекрасной.

Можно понять — с каким нетерпением молодежь ждала выступления в поход.

Городишко, в котором была расквартирована бригада, строго говоря, нисколько не отличался от дачной местности. Он утопал в садиках, близь города лила свои воды довольно большая река — приток Днепра, с поэтическими берегами. На реке летом сновали лодки с молодежью, лились песни и поедалось мороженое, продававшееся мороженщиками - гондольерами. Зимой, в городе, были танцевальные вечера, опера, оперетта, концерты, была своя интересная военная работа, которой мы увлекались до самозабвения — словом — жилось не плохо.

Но, с наступлением весны, естественная для всякого русского, тяга к перемене места — туманила головы: хотелось на простор, в лес, поля, в деревню.

Мечтали о знакомствах с хорошенькими барышнями — их в наших краях было, хоть пруд пруди, да, чего греха таить: и о простых деревенских дивчатах и молоденьких евреечках, с которыми можно было провести несколько поэтически - практических вечеров.

Ко всему присоединялся интерес к предстоящей лагерной работе: стрельба на полигоне, маневры, состязания, военные праздники, встречи с офицерами други бригад (сколько однокашников!), словом, всех предстоящих радостей невозможно и перечислить.

Деньщики бегали по прачкам, собирая и упаковывая несложные вещи своих господ.

Выступление было назначено во вторник, 7 мая, в 7 часов утра.

Большинство семей оставались на зимних квартирах, но, кой-кто — снимал крестьянские хатки и домики в расположении полигона и переезжали на лето с чадами и домочадцами.

Накануне выступления, из канцелярии губернатора, было получено сообщение, что шоссейная дорога, на протяжении 20 километров, — чинится и, что нам придется делать крюк по проселочным дорогам около 40 километров. Это прибавляло еще интереса к предстоящему походу. Еще бы: новые места, новые украинские очаровательные пейзажи, новые лица.

2.

Ночь я почти не спал. Какие-то обрывки сновидений, все время, безпокойно носились предо мной: дороги, поля, женские лица, лошади....

Уже около 5 часов утра я слышал пыхтенье деньщика Игната, вздувавшего самора. Он сопит, зевает, кашляет и окончательно разгоняет мой сон.

— Игнат, — кричу я, — какая погода?..

— Так, что день — показывает — быть веселым— (глагол, почему-то, нравился русским солдатам, и они употребляли его в самых неожиданных случаях). Так же, как во время войны, слово — обратно — применялось в смысле — опять. — Обратно наступают австрийцы. Обратно идет дождь. — Кричит Игнат: — Подавать самоварчик, что-ль?..

Я вскакиваю, натягиваю рейтузы, сапоги, быстро пью чай с какими-то, невкусными, вчерашними сухарями, и, закуриваю папироску. Сквозь раскрытые окна комната наполнятея косыми лучами великолепного утреннего солнца.

Ах, какой день... Как прекрасна жизнь...

На дворе, слышится ржанье лошадей; узнаю голос моей милой Жизели, которую я недавно получил (сколько было волнений!), и в которую был по-юношески влюблен. Рыжая, стройная, нервная, с точеной маленькой головкой, — она, действительно, была красавицей и лучшей офицерской пошадью в бригаде. Вся молодежь мне завидовала. Она прыгала двух-аршинные барьеры с ловкостью козочки, шла на них без всякого посыла и, лишь чуть-чуть вздыхала, после каждого прыжка.

Наскоро допить чай. Вещи уложены (за ними уже приехала батарейная двуколка).

Одеваю фуражку, перчатки, и, с сухарем в руках, для Жизели, выбегаю во двор.

Навстречу — широкая, улыбающаяся, рожа вестового Гавриленко, который любит Жизель, так же, как и я, если не больше.

Никаких иностранных имен Гавриленко не признает: Жизель для него Машка, и больше ничего. Все мои попытки заставить его произносить иностранное имя — терпят полное фиаско.

— Повтори за мной. — твержу я: — Жизель. Жизель...

Гавриленко, тупо ворочая языком, лопочет:

— Жи... Зи... и, наконец, твердо заявляет: — Никак нет... Машка. — Спорить и кричать на упрямого хохла — бесполезно.

"Здра... Желаю..." — дружески кричит он мне в ухо.

Неизвестно почему, лезу в карман и, сую ему полтинник. Такой уж сегодня особенный день. Хочется, чтобы все были довольны. Но Гавриленко доволен и без полтинника. Да, почему ему и быть недовольным...

Нам с ним обоим, вдвоем, 40 лет. Светит солнце, чирикают птицы, раннее утро — прекрасно.

Пусть унывают люди постарше.

Кормим Машку сахаром. Она шлепает губами (мешают мундштуки), косит очаровательным глазом.

— Баловница... — смеется Гавриленко. — Что чудила утром... Пить не хотела с лошадьми — подавай ей отдельное ведерко. Чистая прынцесса...

— Ну, как в батарее? — спрашиваю я.

— Почали (начали) запрягать. Василий Петрович (подпрапорщик-фельдфебель — прекрасный хозяин, любимый солдатами, но ругатель, каких не видывал свет) — больно матерился с утра. Без энтого он не могеть...

Нога в стремени. Машка-Жизель жмется с ноги на ногу, просит движения, приплясывает. Чуть отдаю повод — и мы на улице.

Городок спит еще — поют петухи, иногда у ворот маленького домика появляется сонная, заспанная, фигура обывателя, чешет поясницу и, морщась, смотрит на солнце.

До батареи минут десять езды. Мягко сжимаю шенкеля — Машка радостно переходить в рысь.

Мимо проносятся садики, маленькие домики с кисейными занавесками, пыльная обочина (улицы мощены только посредине), еще покрыта утренней росой.

3.

– Ты, что-ж, так твою так, смотрел утром... — еще издали доносится зычный бас Василия Петровича. Увидев меня, он еще с большей строгостью орет:

— По коням... Смирно!

"Здорово молодцы!" — кричу я, стараясь придать своему голосу солидность и басовый оттенок.

— Здра... — весело орут сто глоток. Младший офицер, что... Почти свой брат... Можно и пошутить и поорать. Не то, что старший офицер, или командир. С теми не пошутишь...

— Стоять вольно! — командую я и радостно озираю подтянутых, стройных фейерверкеров, и особенно, моего любимца, мл. фейерверкера Душкина, с которым мы зимой "обламывали" молодых солдат на кобыле, параллельных брусьях и при орудиях.

Душкин - еще безусый парнишка — фейерверкер 1-го орудия (назначенный к 1-му за красоту, ловкость и складность), весело и смело глядит на меня, поглаживая свою гнедую кобылу (все лошади батареи — гнедые. Одна моя Машка — рыжая).

— Так, что поручик Дическул едут, — кричит дневальный у ворот. Та же легкая суета, но, тут уже я кричу:

— По коням... Смирно!..

По традиции каждый младший офицер встречает старшего теми же командами, добавляя только: "Господа офицеры", хотя бы — господ — и был всего лишь один.

Таким образом, у нас: меня встречает Гайрабетов (опоздал), я - Дическула, Дическул - Оношку, Оношка — старшего офицера, последний — командира.

Дическул на 2 года старше меня по выпуску из училища, но считает себя уже старым артиллеристом, несмотря на то, что еще 2 года тому назад, мы вместе слонялись по училищному плацу у Литейного моста в Петербурге, поедали халву из лавочки нашей маркитантки Донны-Анны(петербургской чухонки), всегда весело отзывавшейся на это имя, в противоположность ее мужу, бородатому дяде, который на кличку Дон-Жуана, что то недовольно бурчал, очевидно, считая для себя невероятно оскорбительным это звучное испанское имя.

В здорованьи с солдатами у Дическула больше уверенности и апломба, чем у меня. Он даже кого-то "обкладывает" авторитетным басом. Потом кричит — "вольно" и со строгим, каменным лицом, протягивая мне руку, спрашивает меня:

— Ну-с, молодой.. Уравнение траэктории в безвоздушном пространстве..."

Я вытягиваюсь, и рапортую:

— Тэк-с... Это вы усвоили... А что делает 4-й номер по команде: — "к бою".

Я докладывают, что делает 4-й номер по команде: "к бою".

Оба хохочем.

Рэзговор переходит на серьезные темы: в Ровно (ближайший городок от полигона), в ресторане Цишовского — женский оркестр. Пупочки — одна лучше другой, Вот, погодите, съездим. От Маруси — не отлипните.

Немного, но не очень, конфужусь.

— —Ничего, ничего, молодой — привыкайте... Здесь вам не училище. Здесь дело поставлено серьезно.

Некоторое время говорим о "серьезных вещах".

— Одно советую, — наставительным тоном говорит Дическул. — "Не спивайтесь. У нас есть 2 офицера, к счастью только два; вот ведь, сукины дети: как появляется молодой офицер, так и наваливаются — норовят споить. В прошлом году насели на меня: но, я, брат, как говорится, сам с усам... Ничего не вышло. Наша бригада трезвая. Оно, конечно, выпить иногда не только можно, но и должно, но, "пей, да дело разумей". Поняли?.. Советую по-дружески...

Разговор перескакивает с одного предмета на дру-

гой, без всякой связи одного с другим, как это часто бывает с очень молодыми людьми.

— Офицерское собрание наше... сплошная сказка, — повествует Дическул, — такого нет во всей Европе.

— И Азии, — пытаюсь я острить.

— Нет, кроме шуток, ты слушай. Вообрази: густой сосновый лес. Посреди леса — поляна. Посреди поляны озеро — скорее болото с камышами и утками. На берегу озера, на самой опушке леса — ротонда— это наше собрание. От большого балкона ротонды тянется, как мол, большая веранда на сваях, до самой середины озера. Хочешь — сиди на балконе, хочешь садись на веранде. На ней столики, парусиновые занавески шумят при малейшем ветерке. Ночью светит луна, и с неба и из глубины озера, квакают лягушки, тишина, на столике графинчик водки. Как в заколдованном царстве.

Я, развесив уши, слушаю, и в моем воображении собрание превращается в какой-то средневековый замок.

Приятные воспоминания прерываются приездом, сначала Оношки, потом старшего офицера, и, наконец, командира батареи. Гайрабетова — самого младшего еще нет.

4.

Командир батареи, подполковник Слопачинский, поляк, слабовато знавший артиллерийское дело, да и позабывший половину того, что знал когда-то, тем не менее, на великолепном счету у начальства.

Ловкий, пронырливый и действительно хороший хозяин, он так умел себя поставить, что его батарея считалась лучшей в бригаде.

Инспектор артиллерии считал его "Первой скрипкой полигона".

Офицеры не очень его долюбливали за несносную манеру разносить их в присутствии солдат, чего другие командиры старались избегать, по возможности.

Кроме того, у него была скверная, язвительная манера подчеркивать ошибки или недочеты молодых офицеров в неприятной форме.

Например, обращаясь к фельдфебелю:

— Василий Петрович... Вот у нас с поручиком, что-то не выходит, или, при неудачном маневре: Вот, поручик считает, что надо делать так. Может быть, он и прав... А мы, по старинке, делали вот так...

И, действительно, ловко проделывал маневр. У него была масса сноровок, оставшихся еще от времен клиновой артиллерии, и. действительно, ловких методов в обучении солдат чисто внешним воинским кунштюкам, но он совершенно не знал ни новых методов стрельбы, ни новых приборов, ни даже новейшей тактики артиллерии.

Ко всем этим новшествам — он относился скрепя сердце: "что поделаешь, нужно... пошли другие времена, надо как-нибудь приспосабливаться".

"Первая скрипка полигона" подъехал к батарее, покручивая свои длинные, свисавшие усы.

Поздоровавшись с батареей, он и тут не может удержаться от своей язвительной манеры. Оглядывая замершую, при его появлении батарею, он, раздраженным тоном, бурчит:

— Поручик Дическул... Почему у вас номера не выравнены?.. В моей батарее такой распущенности не может быть. ...Василий Петрович, пошлите этого разгильдяя к денежному ящику, пусть на походе помарширует... Ты как стоишь? — набрасывается он на какого-то захудалого канонира... — Подтяни живот.

Он проезжает по фронту, бормоча что-то по поводу, по его мнению, плохо вычищенных лошадей, понемногу успокаивается и лишь, сквозь зубы, произносить:

— Ага... Подпоручик Гайрабетов еще изволит почивать.

Слезая с лошади, все-таки, выдавливает из себя какое-то подобие улыбки и, подавая руку офицерам, произносит:

— Погодка, кажется, неплохая...

— Так точно. Не плохая... — отвечаем мы с каменными лицами, прикладывая руки к головным уборам.

Командир смотрит на часы:

— Через 20 минут мы должны быть на сборном пункте — у кладбища. Я пойду на походе резвыми аллюрами, — торжественно заявляет он. — Пусть эти пески тащатся как хотят.—

Пески — это командиры 4-й и 6-й батарей.

Резвые аллюры — уступка молодежи, перед которой Слопачинский, немного заискивает. Он отлично улавливал, откуда дует ветер, видел, что молодежь пошла не та: свое дело знает и любит. За себя постоять умеет.

5.

После Японской войны и после тяжелых революционных 5-го и 6-го годов — Русская армия вступила в период, который нельзя иначе назвать, как периодом Возрождения.

Обида за понесенное поражение, революционная агитация против армии и, главным образом, против офицеров — заставила последних, еще больше, сплотиться друг около друга и возле своих полков, батарей, эскадронов.

Агитация велась примитивно и грубо и вызывала в военной среде только озлобление и презрение.

После первого натиска революции, старшее и более умное начальство быстро опомнилось.

Оно умело и умно выдвинуло: старые полковые традиции, суворовскую науку побеждать, уважение друг к другу и к подчиненным, дисциплину в рамках взаимного уважения и, особенно, любовь и интерес к военному делу.

Революционная пропаганда, не коснувшись души офицера, сделала (помимо желания ведших ее, конечно) одно хорошее дело: она выдвинула из офицерской среды все то лучшее, что до сих пор было под спудом. Военные училища стали поистине рассадниками блестящей плеяды молодых воинов.

Молодые офицеры, приходя в воинские части, приносили с собой настоящие знания. Они были спортивны, подтянуты, умели себя с достоинством держать в обществе, любили по настоящему своих солдат и свое военное дело, гордились достигаемыми результатами.

Мало того: — военные училища не только учили, — они ставили вехи, указывали пути, раскрывали горизонты.

Старые офицеры, кончавшие училища в "допотопные времена", косились на ретивых молодых ребят, но, мало-по-малу, уступали свои позиции — не без боя иногда.

Были и неудачные способы вывести армию на новые пути. (Их было, к счастью, немного).

Офицерам той эпохи, вероятно, памятны брошюры, насильно раздаваемые молодым юнкерам при их производстве в офицеры.

Одна из них носила, не помню точно названия, (что-то в роде: Как отвечать на револ. пропаганду?) и была написана, вероятно, просто каким-то круглым идиотом, до того все было изложено по-детски, неграмотно и неумело. Мы просто хохотали, читая ее. Вторая носила такое-же громкое название: Новый путь современного офицера и была написана полк. Ген. Штаба Галкиным.

Написанная, очевидно, по карьерным соображениям и в погоне за популярностью, брошюра эта, все время била, что называется, мимо цели.

Полк. Галкин, суконными тупым языком доказывал, что пришли "новые времена". Что офицер должен стать другом солдата, его отцом и т. д. — В заключение приводилась какая-то сантиментально-слезливая история о замерзающем на посту солдате, очевидно, из-за нерадения начальства.

Мой отец, командир полка, горбом дослужившийся до командования, только чертыхался, читая брошюру:

— Ну, ну.. — крутил он головой: — дописался. — Нет, ты мне скажи, пожалуйста". — ворчал он: — Что он, на свет только что родился, твой Галкин, что-ли?

— Какой это новый путь?.. Какую это Америку новую он открывает?.. Путь этот всегда был, есть и будет один, он так же стар, как наши знамена. Об этом пути учили и Суворов, и Кутузов, и Корнилов, и Нахимов, и теперь вот учит ген. Драгомиров.

— "Офицер должен быть солдату друг, брат, отец", — иронически читал отец: — Да, ведь, это всегда было в русской армии, и заметь: может быть только в одной русской армии. Что и говорить: были и шпицрутены, и линьки во флоте, не скрою, было и мордобойство... Но, ведь, когда это было?..

— Вот погляди, — и он хлопнул рукой по толстой книге, лежавшей перед ним: — Это история английской армии — вот прочти-ка, что там творилось в эти времена... Знает ли об этом твой Галкин?.. Читал ли он наш дисциплинародный устав?.. Ты то его знаеш? — строго спросил отец.

— Как же — на экзамене получил 12 баллов.

— А, ну-ка, прочти мне первую статью.

Я бойко прочел: "Воинская дисциплина состоит в строгом и точном соблюдении правил, предписанных военными законами, поэтому она обязывает: точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, строго соблюдать воинское почитание, отечески пещись о вверенных ему подчиненных, и не оставлять проступков и упущений подчиненных, без взыскания".

— Стой, стой... ты понимаешь: отечески пещись... Это, друг мой, плод вековой мудрости, выношенный на полях сражений в Европе, Азии, и где только... И выношен не Галкиными, а теми, кто спал с солдатами под одним одеялом или попоной, ел с ними одну кашу. Это надо понимать и не ему нас учить!

— Вот теперь вас, в военных училищах, учат, откровенно скажу — не плохо. А ты, все-таки, поглядывай на нас стариков, может быть чему-нибудь и не плохому научим... У вас есть знания, у нас — опыт....,

— Ты как, командира своего уважаешь, любишь?

— Скотина порядочная, — вырывается невольно у меня.

— Не хорошо, не хорошо, совсем не хорошо, — укоризненно говорит отец. — Ты, присмотрись, присмотрись... Тебе, небось, сгоряча хочется, чтобы солдаты хорошо джигитовку делали, да через веревочку вниз головой прыгали (я улыбнулся), — а он небось думает, как покормить лучше ребят, да о том, чтобы лошади не болели.

— "Не улыбайся... Это друг мой, ой, какую роль играет. Не дай Бог дождаться войны — сам увидишь.

— Да, — задумчиво прибавил он: — знает ли твой Галкин, что при покойном Государе (отец набожно перекрестился), — ни один солдат не уходил из армии неграмотным?.. Слыхал ты об этом?.. Школ тогда мало было... А кто их учил?.. офицеры... По приказу Государя и по его "просьбе" учителями были не только офицеры, а их жены, родственники, дети... Спроси маму и тетю, сколько ребят они научили уму и разуму.

— "Так говорил мне мой отец". — вспомнил я кадетскую песню.

П. Волошин

ВАРНА — ПАЛАС

(Окончание)

Как то, я шел через порт на пляж, прямо через подъездные пути, прыгая через рельсы, пролезая под вагонами.

В небе шумел мотор. Подняв голову, я увидел на небольшой высоте два гидроплана. Начал с интересом за ними наблюдать и даже споткнулся о рельсу. Гидропланы быстро сближались и вдруг оба одновременно нырнули, решив, повидимому, пролететь под встречным аппаратом.

У меня замерло сердце от ужаса. Прошла какая то доля секунды, и гидропланы столкнулись. Что то пролетело в воздухе, бензин мелким дождем полился на землю, крыло с грохотом упало на рельсы. Окаменев, я стоял у вагонов, с глазами, прикованными к безформенной массе, стремительно падающей за мной в сторону пляжа. Спотыкаясь о рельсы, утопая в щебне балласта, я побежал к пляжу.

Там, метрах в стах от берега, на волнах мирно качалось что-то темное, из которого торчали согнутые прутья, расщепленные доски, обрывки материи. Большое масляное пятно расплывалось вокруг, разглаживая ленивые волны черноморского прибоя.

На берегу уже собиралась толпа. Люди кричали, указывали пальцами в сторону разбившегося аппарата. К нему уже кто-то подплывал — ясно были видны две головы, и быстро, и мерно, взмахивающие руки пловцов.

Вот они уже у аппарата, который медленно двигается к берегу на волнах прибоя. Копошатся, что то тянут, наверное злосчастного пилота.

Из-за мола приближаются моторные лодки с матросами. Сирены гудят в порту, толпа на пляже увеличивается с каждым моментом.

Когда пловцы и что-то темное между ними, уже совсем близко, метрах в сорока от пляжа, моторная лодка подбирает их вместе с очкастой каской на голове безжизненного пилота, а в двух голых пловцах я узнаю Катесова и Шелканова. Моторная лодка быстро поворачивает обратно и уходит за мол, унося труп пилота и моих голых товарищей.

Мы увидели их часа через два на пляже... в болгарской морской форме. В управлении порта их одели, дали папирос и поблагодарили.

Без смеха на них смотреть нельзя. Лица у них слишком молодые и слишком "культурные" для матросской формы. Получились два чудовищных, усатых — оба вдобавок черные — мальчика, которых мама продолжает одевать по детски. Особенно хороши были ленточки на фуражках, с надписью "Надѣжда" через ять.

"Мамины" матроски вечером "загнали".

У самого конца мола глубина была метров шесть-семь. Никак не удавалось достать дна, ныряя. Как-то Лазаревич бросил в воду свой серебряный портсигар, он был отчетливо виден на каменистом дне. Ныряли по-очереди, даже с камнем, но никто не выдерживал страшного уже на этой глубине давления и пробкой вылетал на поверхность, отпустив камень. Положение становилось трагическим. Серебряный портсигар Лазаревича был единственным богатством в нашей нищей и дружной семье. Кроме того, он был, конечно, дорог Лазаревичу, по памяти. Подумать. Портсигар побывал на Японской войне. Не оставлять же его каменному Фердинанду. Вытащить его нужно было во что бы то ни стало. Лазаревича ругали на все лады, тем более, что он сам физически никак не годился для подводной операции. Пытались поймать портсигар на веревку с прицепленной к ней проволочной клеткой. Бились с добрый час, ничего не выходило. — Придется опять пробовать нырять. У кого самая широкая грудь? Решили, что у Недригайлова. Данную проблему поставили по ученому. Воздух в легких нужен, чтобы было чем дышать под водой. С другой стороны он мешает опускаться. Камень, какой-бы он ни был величины, пойдет ко дну с одинаковой скоростью из-за своего удельного веса. Но человеческое тело вместе с камнем, составляет вместе новый удельный вес. Значит, чем больше камень, тем больше общий удельный вес.

Бедный Недригайлов нырял с огромной плитой в руках. Поднять ее одному было немыслимо и мы их, Недригайлова и плиту, столкнули вместе с мола. Они молниеносно пошли на дно. Видно было, как Недригайлов ловко, почти у самого дна, отцепился от плиты и схватил рукой злополучный портсигар.

На молу кричали ура, и несколько человек прыгнули в воду навстречу нашему шиллеровскому герою.

Он пробкой выскочил из воды, держа в руке свой трофей, и тут же, к нашему ужасу, из его носа фонтаном брызнула кровь. На мол мы втянули его уже без сознания, с судорожно зажатым в руке портсигаром.

Перепугались страшно. Бежать за доктором. Далеко, Недригайлов быстро пришел в себя и только ругался, отплевываясь кровью:

— Физики из вас тоже. Дайте хоть папиросу за службу.

Крымский пароход пришел неожиданно, когда его уже перестали ждать. Однотрубный, обшарпанный — это особенно бросалось в глаза рядом с его соседом, свеже выкрашенным бразильским пароходом, с полунегритянской командой — "ропитовский" "Моряк" пришел в Варну за снарядами и населением Варна-Паласа. И то и другое очень требовалось в белом Крыму. И снаряды, и люди расходовались в большом количестве, на шири таврических полей.

Снаряды посылались французами, оккупировавшими, — надо сказать почти невидимо и безшумно, тогдашнюю Болгарию.

На пароходе была своя небольшая комендантская

команда; ящики со снарядами, сложены на пристани, охраняемой черными сенегальцами. Все же было решено усилить караулы хотя бы из-за возможных актов саботажа: болгарское население явно сочувственно относилось к большевикам, не любило белых и французов.

Эта роль выпала, конечно, кадетской "команде".

Кроме того, нам предложено грузить снаряды на пароход. Сдельно. Вот здорово. Перед отъездом будут деньги. Наше караульное помещение на носу, под брезентом. Каждую ночь половина нашей команды спит на пароходе. Днем все, кроме часовых, на работе. Ящики тяжелые. Весят больше четырех пудов. Вначале очень трудно, — особенно поднимать на спину, — но, понемногу привыкаем и приобретаем сноровку настоящих портовых грузчиков. Проходят дни. "Моряк" все стоит в порту, а мы продолжаем носить на спине длинные, тяжелые ящики.

Уже июль подходит к концу, а болгарское лето попрежнему безоблачное и море синее, а за синим морем, там, где оно сливается с безоблачным небом, далекий Севастополь, куда нас повезет старый общарпанный "Моряк", весь ржавый и облупленный, такой непохожий не только на своего соседа, уже ушедшего бразильянца, но даже на турецкий и болгарские пароходы. Он, как, символ нашей нищей и несчастной родины, в конце третьего года гражданской войны.

С тех пор как мы несем караулы, на пароходе, у нас новый член семьи, маленький юнкер Киевского Константиновского училища. Он несет функции фельдфебеля. Наши кубанцы давно уже считаются нашими командирами. Итак совсем отдельная воинская часть. Совсем так как, когда нас пробовал отнять у Директора, на второй день после выхода из Одессы, полковник Мамонтов. Наверно и кубанцам пришлось за нас повоевать с другими кандидатами в командиры.

Наконец, погрузка снарядов окончена, и начинают грузиться люди. С этого момента мы принимаем на себя всю охрану парохода. "Моряк" по черноморски пароход большой — 7.000 тонн. Его трюмы и палубы набиваются людьми из Варна-Паласа, из частных квартир в городе, из приходящих со стороны Софии поездов.

"Моряк" везет, исходящей кровью Армии, три тысячи бойцов и несколько десятков тысяч снарядов. На нем же двадцать три кадета Одесскаго Корпуса, переданных в распоряжение командования Добровольческой Армии. Бывшие кадеты, как написано в их документах.

Около двух месяцев, как они оставили в Панчево свой корпус, и все это время, не ожидая "передачи в распоряжение командования" честно и безропотно несли службу, грузили за гроши снаряды, охраняли окруженный шпионами пароход.

По гладкому как зеркало, морю, под все тем же спокойным безоблачным небом, тихо плетется семиузловым ходом большой "Моряк". Дельфины играют у бортов, не отстают, в надежде поживиться кухонными отбросами.

На высоком носу парохода полубак весь занят нашей командой. Перед отходом из Варны, мы получили новую задачу: отвезти и сдать в Севастополь, взбунтовавшийся экипаж белого катера, пытавшийся уйти в Одессу.

В роли тюремщиков мы впервые. Неприятно смотреть на этих людей, — их семеро, — которых в Севастополе ждет контр-разведка и, наверное, расстрел. Они это, конечно, знают. Их лица — лица смертников. Сторожить их незачем. Кругом безбрежное спокойное море. Может быть они смотрят на север, в сторону Одессы, в надежде увидеть вдруг дымок миноносца, услышать шум мотора вооруженного катера. Но миноносцев у красных нет, а катер не рискнет уйти на сотни верст от берега. Самый неприятный караул — у них, на юте. Лежат, молчат, о чем то думают. Как то старший из них, кажется механик, вдруг решил, что его хотят бросить в море. Это была ужасная сцена.

Механик худой, интеллигентного вида, брюнет с нездоровым лицом, в тужурке коммерческого флота — с нечеловеческим воем бросился к якорному шпилю и вцепился в него обеими руками:

— Не бросайте меня в море. Пусть меня судят. Не хочу.

Его пытались оторвать от шпиля, но он еще судорожнее за него цеплялся, думая, что его хотят сбросить за борт. Русские мальчики не позволили себе ударить беззащитного и совершенно обезумевшего пленника. Его окатили морской водой и оставили сидеть у шпиля, стараясь не обращать на него внимания. Через полчаса он отошел, отпустил шпиль и угрюмо пошел на свое место. До самого Севастополя он молчал. Впрочем молчали они все. Жить им оставалось только до суда.

Под ютом, вся палуба была заполнена людьми. Теплыми южными ночами никому не хотелось оставаться в душном и грязном трюме.

Прямо на палубе варили чай и ночью она была похожа на декорацию из Майской ночи, вся покрытая огоньками спиртовок или просто разложенных на железе костров.

До поздней ночи бренчали то здесь, то там балалайки и гитары, и слышались песни.

Мерно шумели старые машины "Моряка", хлопала у бортов вода, плескались серебристые дельфины.

Мы тоже пели на юте, и нас могли слушать наши арестанты.

До Севастополя мы шли около трех дней.

Вот засинели Крымские берега, как в тумане выросли еще далекие горы. "Моряк" долго, замысловатыми зигзагами, шел по "каналу" среди не снятых еще минных полей за лоцманским катером. То с правого, то с левого борта, с каждым поворотом, все отчетливее выростал Севастополь.

Вот слева башня Константиновской батареи, вход на внутренний рейд, и сразу направо открылась грандиозная панорама города. Как один поднялись пассажиры старого и усталого русского парохода, долго до хрипоты, кричали ура. Не стыдясь, плакали счастливыми и горькими слезами свидания с суровой и нищей российской землей, которая ничего, кроме крови и страданий не могла дать своим вернувшимся детям.

Мы стояли нашей маленькой тесной группой на высоком юте и кричали ура.

"Моряк" прошел мимо Графской пристани и, замедлив ход, повернул в Южную бухту.

Евгений Яконовский

Кабардинскій конный полк

(Из цикла "Туземная конная дивизия")

Мне хочется здесь описать, из кого состоял наш полк, и что представляли собой кабардинский народ, его жизнь, быт и обычаи.

Управление кабардинским народом находилось в городе Нальчике, где также находился и Народный Суд, действовавший на основании Русских законов, дополненных адатами и обычным правом. В школах Кабарды дети обучались родному языку, по азбуке, составленной для них русскими. В Нальчике же имелось и реальное училище. От военной службы кабардинцы, как и все горцы Кавказа, были освобождены, но многие из них служили в Русской армии офицерами и дослуживались до больших чинов, как, например, генералы Шиншев и князья Бековичи-Черкасские. Впервые, отдельной строевой частью, кабардинцы участвовали в Русской армии, в войну 1904—1905 г., в рядах Кавказской Конной бригады, сформированной из добровольцев.

Следует отметить всегдашнюю верность Кабарды России, за что, Императором Николаем Павловичем было пожаловано кабардинскому народу "Народное Знамя", благоговейно хранимое в Нальчике, в здании Народного Правления, даже после революции, комиссаром Временного правительства, кабардинцем Чижоковым.

Война 1914 года вызвала к жизни уже целый полк кабардинцев-добровольцев, доблестно сражавшийся с врагами России и, не менее доблестно, поборовший все соблазны, при наступлении революции и развале фронта. Кадр офицеров и унтер-офицеров полка был составлен из представителей разных кавалерийских и казачьих полков, однако же, при создании его, отдавалось предпочтение людям, знакомым с укладом жизни и обычаями кавказских народов. Всадники полка были исключительно кабардинцы, только в 4-й сотне был взвод балкарцев, то есть горных татар, родственных кабардинцам, и живших в верховьях Терека, с главным аулом — Кунпш.

Что касается полкового обоза, то команда его состояла из призывных солдат, так как кабардинцы считали для себя позором служить не в строю. Большинство всадников явилось в полк с собственными конями, седлами, шашками и кинжалами, казенными были лишь винтовки и пики. Формой полка служила обычная одежда кабардинцев — длинная, значительно ниже колен, черкеска черного цвета (у кабардинцев не были приняты цветные черкески), черный же бешмет, невысокая каракулевая папаха с белым верхом и белый же башлык. На ногах чувяки с ноговицами или сапоги. Бурка — черная.

На второй год войны, кабардинский народ прислал в подарок офицерам своего полка, специально для них сделанные, прекрасные бурки серого цвета. Погоны полка для офицеров были серебряные с синим просветом, бирюзовой выпушкой, с буквами К.Б. У всадников погон был синий с теми же буквами. Благодаря этой форме, фронт выстроенного полка поражал глаз своей величавой суровостью, что соответствовало самому характеру кабардинского народа — чрезвычайно сдержанному, степенному и скупому на выявления своих чувств. В полку имелся хор трубачей и состояло несколько зурначей. Ответом на приветствие или похвалу начальника, служило выражение корана "Берикет бе — сем", что, в переводе значит: "Да будет с тобой благодать Божья".

В племенном отношении, состав офицеров был смешанный. Кроме русских, были грузины, осетины, кабардинцы и балкарцы. Первые же бои выдвинули много отличившихся всадников, произведенных в прапорщики, однако, в полк принимались только по постановлению общества господ офицеров, так же, как и вновь производимые из училищ или выразившие свое желание на перевод из других полков. Отношения среди офицеров были чрезвычайно дружеские и сердечные. Никому в голову не приходило считаться с национальными или религиозными особенностями. Все чувствовали себя Русскими офицерами, членами одной и той же семьи. В числе наших полковых обычаев была обязанность адъютанта полка, при общих обедах или ужинах в собрании, — подсчитывать, сколько присутствует христиан и сколько мусульман. В зависимости от оказавшегося большинства, снимали папахи или же в них оставались. Нужно упомянуть, что, по кабардинскому обычаю, офицеры полка дома всегда ходили в папахах и снимали их лишь ложась спать.

Отношения со всадниками были довольно своеобразны и не всегда укладывались в рамки воинского устава. В каждом горце глубоко заложено чувство собственного достоинства и гордости. Офицер, понимавший ценность этих качеств души, мог стать неограниченным повелителем своих подчиненных, —

относившийся к ним с пренебрежением, терял весь свой авторитет безвозвратно. Точно также надо было быть очень внимательным к их религиозным взглядам и, связанным с ними, обычаям. Очень часто, вестовой, ехавший в пяти-шести шагах за офицером, начинал вполголоса петь молитвы. Для офицера, знакомого с обычаями и верованиями своих всадников, — это было неудивительно и, конечно, не вызывало никаких репрессий.

Из впечатлений первый дней пребывания моего в полку, у меня особо сохранились два воспоминания: первое — решительный отказ всадника моего взвода дать мне его коня, притом не собственного, а казенного, для поездки за полторы версты в штаб полка — этот случай был, с тактом, ликвидирован при помощи нашего вахмистра. — Приказание мое было выполнено, я получил, все же, коня, а всадник, по моем возвращении, приличный подарок, сделанный в такой форме, что не мог задеть его самолюбия. Отношения наши — остались наилучшими. Другое воспоминание — о служебной исполнительности всадников-кабардинцев и понимании ими своих обязанностей: я был дежурным по полку и, проходя спешно, мимо часового у денежного ящика, отдавшего мне честь, сделал шаг ближе и, машинально, протянул руку, чтобы убедиться в целости печати — мне показалось, что она не в порядке. В то же мгновение надо мной сверкнула шашка часового, не знавшего ни слова по-русски, но твердо знавшего устав.

Незнание языка значительно затрудняло воспитательную работу офицеров. Среди всадников было много плохо понимавших русский язык, были и не знавшие его вовсе, и только понимавшие слова команды. Приходилось все это учитывать и иметь при себе переводчика. Наши старания изучить кабардинский язык — не приводили к серьезным результатам, в виду его трудности.

Когда, после революции, дошел до нас знаменитый Приказ № 1-й, в полку ясно почувствовалось расслоение: с одной стороны, офицеры и незначительная часть урядников из русских, с другой — обозные команды и большинство низшего командного состава. Что касается всадников-кабардинцев, — они все шли с офицерами. Сложившаяся обстановка требовала замены, развращенного завоеваниями революции, кадра русских урядников — туземцами, что и было произведено к началу июньского наступления 1917 года. Прошло это, хотя и не без затруднений, но безболезненно. Идеи революции были совершенно чужды всадникам и воспринимались ими, как нечто враждебное и грозящее бедами. Разнузданность новых революционных властителей и преследование всего, что имело заслуги перед Россией и Государем, наконец, злобное издевательство в отношении самого Монарха, вызвало наивное и трогательное обращение всадников одной из сотен, к своему командиру: "Русские, — заявили они, — не хотели слушать Царя и отняли у него Престол. Напиши ему — пусть едет к нам, в Кабарду, мы его прокормим и защитим".

Помню точно эти слова. Не могу лишь с уверенностью сказать — было ли это в 1-й или 3-й сотне.

Подобные же настроения царили во всем полку, говорю, конечно, о всадниках, и это очень озабочивало командование дивизией, так как предполагалось приводить всадников к новой присяге, а это могло вызвать волнения и беспорядки. В конце концов, решено было заменить присягу — обещанием на верность службе. Впоследствии, во время похода на Петроград, мне пришлось наблюдать нарождение в нашей сотне, увлекавшей всех, мысли: "Придем в Петроград — прямо в Царское Село, к Великому Князю Михаилу — на престол его сажать". Нужно пояснить, командир нашей 4-й сотни, ротмистр Хан-Эриванский, был в личных, дружеских отношениях с Великим Князем, и это обстоятельство было известно всем в полку, человек же он был решительный и смелый, и потому осуществимость этой идеи никому не казалась невозможной. ,

Со времени, когда Кабарда исповедывала христианство, во многих, старо-дворянских семьях, сохранились реликвии — предметы христианской церковной утвари, а также шашки и кинжалы с изображением Христа и Богоматери. Одна из самых уважаемых фамилий Кабарды — Шегеневы, происходила от "шегена", что значит по-кабардински — дьякон.

Главным занятием кабардинцев было коневодство особой породы лошадей, скотоводство и, в незначительной степени, — земледелие, очень примитивное. К началу Великой войны, сословия у кабардинцев уже не играли больше роли, хотя уклад жизни был чрезвычайно патриархальным и консервативным, проникнутый соблюдением обычаев "хабзов" и "адатов". Существовала еще и кровавая месть, с проявлениями которой боролась государственная власть. Строгое соблюдение адатов сохранилось и после революции 17 года, странно смешавшись с ее "завоеваниями". Особенно соблюдалось почитание стариков и старших годами, вообще, например: мальчик 8-9 лет вставал и уступал место, при входе старшего брата, которому было 12-13 лет. Положение женщины было подчиненным, но не в такой степени, как у других горских народов. Если приходил или приезжал посторонний мужчина, женщины вставали и оборачивались лицом к стене, лиц же они не закрывали и им дозволялось, в присутствии угощаемого гостя, входить и приносить кушания, угощал же и прислуживал гостю сам глава семьи, стоя, или же его старший сын. "Хабзы", то-есть, обычаи, требовали, чтобы гость, обязательно, провозгласил бы тост и выпил чашу араки или бузы за здоровье хозяйки дома.

Гостеприимство было чрезвычайное — гостю подавалось, не жалея, все лучшее, что было в доме. Если гостю нравилась какая-либо вещь, и он, неосторожно похвалил, хозяин считал себя обязанным, ее, немедленно, подарить, произнося освященное "абзами", слово "узет". Отказываться было неприлично, и отказ обижал. Принимали гостей в особой, отдельно стоявшей, хате — кунацкой, у дверей которой нахо-

дилось дерево с обрубленными суками, для привязывания коней. Всякий, приехавший, в любое время дня и ночи, мог войти в кунацкую, и, тем самым, становился гостем и, хотя бы его никто не знал, он принимался, как самый дорогой друг и никто не смел спрашивать его — кто он и откуда? Хозяин или старший его сын, держал стремя гостя, когда тот садился на коня. Если гостя провожали верхом, то он ехал посередине, справа от него находился глава семьи, слева — старший сын, и т. д. справа и слева, по старшинству.

Ранней весной, как только трава достаточно поднималась, со всей Кабарды собирались многочисленные стада скота и табуны лошадей и отправлялись на Малкинские общественные пастбища, альпийские луга на реке Малке, где оставлялись все лето и пригонялись домой перед наступлением зимы. Это возвращение табунов и стад праздновалось населением. Стада эти нуждались в бдительном надзоре, как от нападения диких зверей, так и от разбойников, главным образом, сванетов, приходивших из-за горного хребта, поэтому их сопровождало всегда большое число вооруженных всадников. Жизнь, требовавшая всегда быть готовым отразить нападение с оружием в руках, вырабатывала из кабардинцев смелых и находчивых джигитов, представлявших собою прекрасный воинский материал и достаточно было небольшой шлифовки, чтобы получить из этого народа отличных солдат — воинов.

Было бы непозволительным упущением, говоря о кабардинцах, не подчеркнуть, лишний раз, высоты их воинского духа, особенно ярко проявившегося в полку в дни разложения армии, когда отказ от выполнения боевых заданий, самовольное оставление позиций и избиение офицеров — стали обычными явлениями на фронте.

Беззаветно верно, выполняя свой воинский долг, полк не имел ни одного случая дезертирства из своих рядов. Лучшей оценкой полка и всей Туземной дивизии служат слова генерала П. Н. Краснова, сделавшего смотр дивизии в г. Заблатуве.

— Я, среди вас, подышал, наконец, военным воздухом, сказал он начальнику дивизии князю Багратиону.

А. А. Арсеньев.

Предвестье

Из цикла "РУСЬ" (II "Рожаничи")

По глухим безлюдьям — бездорожьям, —
По тропам непуганных зверей, —
Шел к Днепру старшой апостол Божий,
Первозванный батюшка Андрей.

А вослед апостолу Андрею, —
Через дебри, блата и пески, —
Вопросить Учителя не смея,
Хоть пути того не разумея,
Шли гуськом его ученики.

В день-же некий, повелел Апостол
Тополёвый выстругать челнок,
Ибо дальше — водно и на вёслах
Путь его таинственно пролёг.

И однажды, — вдолге или вскоре, —
Не жалея сил своих и рук,
Догреблись они под семигорье,
Многоверстно зримое округ.

Ни следа жилья и человека:
Только трав нетоптанных быльё,
Птичьи стаи по великим рекам,
Да в лесах — несчётное зверье.

И промолвил спутникам Учитель:
— "Нам пути — не дале здешних мест.
"Вы из дуба вечного срубите,
"И на гору сипе водрузите
"Пречестный Животворящий Крест.

"Ибо се — открылося мне, братья,
"Что Господь и Спас наш восхотел,
"Да Сама приемлет Богоматерь
"Эту Землю в собинный удел, —

"Чтоб в скорбях тягчайших изначала,
"Каковых и разуму не счесть,
"Паче всех Земля сия страдала
"И от ней бы Миру воссияла
"Всех вестей прекраснейшая Весть".

И словам апостоловым внемля,
По-над самой кручей, у реки,
Крест дубовый крепко врыли в землю
На горе его ученики.

И свершив молитвы многократно,
Из глухих и тихих дебрей сих
Отошли с Апостолом обратно
В мир страстей и помыслов людских.

Годы шли. — Вкусив страданий вдостоль, —
За Христа, с Христом и во Христе, —
Свой венец давно приял Апостол
На косом андреевском кресте.

Путь земной, — извилистый и ломкий,
Соверша, — давно последний кров
Обрели и внуки, и потомки
Сыновей его учеников.

Шли столетья. — Прошлое исчезло,
Заменясь — не лучшим, но иным —
И в предсмертном ужасе над бездной
Сам извечный заметался Рим.

Лишь в краях Великого Покоя, —
Тех краях, где Крест воздвиг Андрей. —

Все осталось прежнее: такое,
Как бывает в Мире без людей. —
То-же небо, тот-же ветер свежий,
Та-же тишь и та-же чистота,
Те-же реки и просторы те-же . . .
Только больше не было креста.
Всё земное временно и бренно
Перед мощью первозданных сил: —
За века истлевши постепенно,
Этот Крест давно упал и сгнил.

Прах его — землей распался просто . . .
Самый след — и тот пропал давно . . .
Но тому, что возвестил Апостол,
Совершиться всё-же суждено: —
В некий час годины самой чёрной —
Краше солнца и превыше звезд —
Встанет здесь иной, — нерукотворный
И во-веки нерушимый Крест.

Н. М.

КАДЕТСКОЕ ПЛАВАНИЕ

На учебном судне "Верный", в 1907 году, в отряде Морского Корпуса.

Пасхальные каникулы кончились. Кадеты и гардемарины вернулись в Морской Корпус, в Санкт-Петербург, 10 мая 1907 года.

В томительном ожидании отправки кадет на суда, стоящие в Кронштадте, корпусная жизнь носила заметный отпечаток корабельной атмосферы. В ротных помещениях можно было видеть, како-то летнее, радостное и приподнятое настроение, суету и волнение, шум и беготню молодежи, собирающей свои пожитки к предстоящему плаванию.

Кадеты получили корабельную форму, т. е., полосатые бело-синие "тельники", белые блузы — "форменки" с синим воротником на выпуск и белое — "рабочее платье". Палаши, мундиры, черные с золотыми галунами, и шинели, сдавались ротному каптенармусу и взамен их оставались лишь, "бушлаты", укороченное пальто по официальному названию.

В помещении 5-ой роты шел необычайный галдеж, это кадеты (в возрасте 15-16 лет) выбирали из своей среды "артельщика", который должен был, под наблюдением корпусного офицера, самостоятельно заветывать на судах кормлением кадет своей роты, нанимать повара, закупать на берегу провизию и составлять меню.

Обыкновенно, в плавании, Корпусный офицер ежедневно выдавал артельщику порционные деньги и, следовательно, от способностей артельщика всецело зависела добротность кормления своих товарищей и возможная экономия, в деньгах. Кадеты делились на группы и каждая из них старалась проводить своего кандидата в артельщики, в чаянии будущих благ, ввиде лишних порций к обеду, — котлет и пирожных.

Конечно старались выбирать в артельщики, имеющих кое-какие способности к хозяйству, чтобы хорошо кормил, да еще "нагнал-бы экономии", рассчитывая к последнему дню плавания получить на руки "экономические деньги", в большинстве случаев, доходившие до 5—10 рублей на человека.

Должность артельщика была во многом завидная, т. к. в большинстве случаев они освобождались от судовых работ, вроде нудного плетения "матов", судовой приборки, чистки меди, железа, мытья палубы "с песком и камнем" и самое главное тяжелой и грязной, "погрузки угля". Под разными благовидными и неблаговидными предлогами, они "ловчились", большую часть дня во время якорных стоянок, проводить время на "бережишке", для закупки якобы провианта, а на самом деле, стремились прежде всего завязать "приятные береговые знакомства" с милыми барышнями; хозяйственные же обязанности возлагали на расторопных и опытных старших дневальных, т. н. "корпусных служителей" — прислуги, плававших с кадетами вроде дядек. Дневальные были большей частью старые запасные матросы или гвардейские солдаты в унтер-офицерских званиях, много лет служившие в качестве корпусной прислуги, сжившиеся с кадетскими привычками, знавшие своих господ, вежливые и преданные. Среди них были и "ископаемые", старики солдаты Николаевских времен, вроде Зверева и Сорокина, в возрасте свыше 80 лет, но сохранившие еще в себе Николаевскую выправку. Они не ходили в плавание, служили в корпусе на легкой работе и береглись, как музейные древности.

Нередко, например, Зверев, потешал кадет, демонстрируя Николаевскую выправку, маршируя с половой щеткой и поднимая ноги совершенно вертикально до головы, за что кадеты награждали старика пятаками и гривенниками.

Но не только выборы артельщиков накаляли атмосферу ротных помещений. Еще более животрепещущий вопрос разжигал страсти кадет: по старым корпусным традициям, кадеты самочинно распределялись на гребцов судовых шлюпок и выбирали достойных рулевых старшин. Кадеты группировались по шлюпкам еще задолго до плавания по дружеским отношениям друг с другом и по признанным способностям сил, и по морским познаниям парусного дела, еще до поступления в корпус.

Выбирались гребцы для тяжелых многовесельных барказов и катеров, требующих силы гребцов, а также командирских парадных вельботов, гордости каждого корабля.

На шестерки же шла большей частью "мелюзга" и равнодушные к гребному спорту.

На все это требовалась определенная квалификация силы, знания, и это имело особое значение на, предстоящих в конце плавания, состязательных гребных и парусных гонках. Парусные гонки, по своим

призам, разделялись на Великокняжеские, Императорские и общие, из которых первые две награждали взявших переходящими серебряными кубками, с выгравированием фамилии рулевого, названия корабля и роты, а рулевых награждали специальными личными жетонами. За общие же гонки (корпусные) выдавались жетоны с корпусным гербом и бинокли.

Обычно кадетам из поколения в поколение передавались отцами и братьями, служившими на флоте, качества лучших шлюпок того или другого корабля, а потому многим заранее были известны испытанные призовые шлюпки, вродѣ знаменитого вельбота "Золотые петушки" и катера "Добро" (Д) с учебного судна "Рында". А потому немудрено, что захват той или другой шлюпки вызывал ожесточенный спор, до применения физического воздействия включительно. И так, нагалдевшись за целый день до хрипоты, кадеты наконец-то угомонились и в положенный час легли спать на своих береговых железных кроватях, а уже на следующую ночь предстояло мерно покачиваться, в подвесных койках (гамаках), не чувствуя под собой твердой почвы.

Можно себѣ представить, что снилось в эту ночь мальчишкам, предвкушавшим неведомую дотоле борьбу с морской стихией, а также полную разнообразных опасностей корабельную жизнь.

На следующий день, рано утром, в дивную солнечную майскую погоду, из всех ворот громадного здания Морского Корпуса, на Васильевском Островѣ в С.-Петербурге, выходили на набережную красавицы Невы стройные ряды кадет и гардемарин, в летней белоснежной форме. Надо было видеть радостные мордашки кадет, выстраивавшихся в общую белую линию фронта на набережной Невы, чтобы понять торжество морского праздника — "начало кампании".

Все движение на набережной остановилось, и место парада окружила любопытная публика.

По командѣ "под знамя" все стихло, и под звуки Николаевского марша из квартиры Директора Корпуса, медленно выносят Корпусное Знамя.

Директор корпуса, в то время, капитан 1 ранга Степан Аркадьевич Воеводский, обращается с кратким словом напутствия и поздравляет корпус с началом кампании (плавания).

Но не только надо было видеть эту волнующую картину ухода в плавание, в большинстве еще детей, но почувствовать биение сотни юных сердец. Они гордо маршировали к пристаням, чтобы впервые идти в море и изведать его тайны.

Тут же, у пристани, стояли допотопные портовые колесные пароходы-буксиры, всем морякам памятные, Ижора, № 1 и № 5: на них-то и отправлялись кадеты в Кронштадт. Знаменитая же старшая гардемаринская рота шла через Николаевский мост, на другую сторону Невы, для посадки на яхту Морского Министра "Нева".

Вслед за "Невой" вся громада буксиров снимается со швартовов и отваливает от пристани. Несмолкаемые крики "ура" кадет и гардемарин, звуки марша оркестра, неистовые гудки буксиров, все сливается в общий рев.

Забарабанили по воде расхлебанные колеса пароходов, забушевала следом за ними волна, и, все удаляясь от пристаней, оставляли моряки своих мамаш, сестер и прекрасных дам сердца, заливающихся горькими слезами, то усиленно махающих платочками, то ими же осушающих свои опухшие глазки.

А юные морские волчата, скрывая свое немалое волнение, старались бодриться и показать уже на палубе, хотя бы и буксира и как бы на качке "привычную флотскую стойку". Они, расставив ноги и заложив одну руку в карман, другой махали белоснежной летней фуражкой, развевая по воздуху ее черные ленты.

Но вот скрылась из глаз обсерваторная вышка на здании Морского Корпуса, промелькнули по борту один за другим громадные корпуса строющихся линейных кораблей "Андрей Первозванный" и "Император Павел I".

Вошли в тишь Морского Канала, а там уже при выходе из него, заблестели на горизонте купола Кронштадтского Морского Собора. Вслед за этим по левому борту открывались очертания Стрельны, Петергофа и Ораниенбаума.

Все ближе и ближе к цели...

Стало "слегка поддавать" от встречной волны, и мелкие брызги окропили лица кадет, зорко всматривающихся в морскую даль, на открывшиеся Кронштадтские форты. Повеяло морским сырым воздухом.

Стоящих же на корме обсыпало едкой угольной пылью из труб парохода; пыль проникала в глаза, в уши, за шею, вызывая весьма неприятное раздражение. Наконец-то дошли до Восточного Кронштадтского рейда. Показалась сигнальная мачта службы связи, на здании Морского Инженернаго Училища. Обогнули южную сторону гаванской стенки и через главные ворота вошли в среднюю Военную Гавань Кронштадтского порта.

И вот здесь-то, впервые перед восторженным взглядом кадет, предстала чудная картина военной гавани, с множеством различных военных кораблей, стоящих кругом у стенок и на бочках у Пароходного Завода. Некоторые из судов были в ремонте, без труб или без мачт, с зияющими отверстиями в борту, где менялась бортовая обшивка корабля. Около ремонтирующихся судов вплотную стояли плавучие краны с поднятыми ввысь то пушкой, то котлами, кажущимися издали такими малюсенькими, как бы детскими игрушками. Кругом вес было в движении, работало, трещали механические сверла, звенел в ушах лязг железа, монотонно скрипели землечерпалки и шныряли, по всем направлениям гавани, грязные рабочие портовые буксиришки, катера и шлюпки.

На судах же, готовых к плаванию, стоящих во всем блеске новой окраски и начищенной меди, заметна была уже "надраенная" (налаженная) корабельная строевая служба. Слышались свистки "вахтенных дудок" унтер-офицеров и боцманов, грозные окрики "вахтенных начальников".

Звуки горнов, выдувающих протяжный красивый сигнал "захождения", эхом разносились по гавани.

Этим сигналом отдается честь уезжающему с корабля командиру или адмиралу, проходящему мимо корабля, на блестящем парадном паровом катере или вельботе.

Весь этот гаванский шум и столпотворение настолько казались фантастическими и возбуждали интерес новичков-кадет, что они жадно бросались из стороны в сторону, с одного борта на другой, с любопытством проследить за каждой техническ[о]й новинкой.

А вот и наши суда Морского Корпуса. Как морские чудовищные птицы, в полном парусном вооружении, стояли учебные суда "Верный", "Воин", крейсер II ранга "Рында" и только угрюмо, как-то неестественно лишенный своей было красоты — парусов, стоял флагманский корабль, знаменитый в свое время по силе артиллерии и ходу, крейсер I ранга "Минин" под брейд-вымпелом Начальника Отряда судов Морского Корпуса.

Все суда отряда казались нам, на первый взгляд, грозными, внушающими священный трепет птенцам гнезда Петрова. При одной мысли, что из этих самых пушек придется самому стрелять, а на этих громадных мачтах и реях работать с тяжелым "такелажем" и парусами, с ежеминутной опасностью низвергнуться за борт, невольно сжималось детское сердце.

Буксир подошел к борту учебного судна "Верный". Кадеты быстро вбегали по трапу, на "шканцы" (средняя часть палубы корабля, около трапа, священное место корабля), снимая фуражку и выстраивались во фронт. На трапе встречал старший офицер, капитан II ранга Вейс, ласково улыбающийся каждому, пробегавшему кадету и шутливо басивший морскими замечаниями. Он был один из последних, типичных флотских офицеров парусной школы. Широкоплечий, складно сложенный, среднего роста блондин, с белокурой раздвоенной бородкой, голубыми добрыми глазами, в возрасте свыше 45 лет, в черной двубортной флотской тужурке, красиво облегавшей его плотную фигуру, и с мягкой безшумной походкой.

Своим отеческим тоном, не лишенным строгости, он сразу овладел оравой шалунов-мальчишек, почувствовавших в нем всю неограниченную власть старшего офицера и, силу настоящую, "морского волка".

Он поздоровался с кадетами, как с обыкновенным фронтом матросов, и обратился с внушительным словом предупреждения, — что служба на корабле не легкая и требующая зоркого внимания и беспрекословного подчинения начальству, иначе она может повлечь за собой увечье и даже смерть.

После этих слов, сразу стало заметно, по изменившимся лицам кадет, что это не корпус, и надо держать ухо востро. Вслед за старшим офицером, вышли перед фронтом и судовые офицеры, среди которых было не мало героев Русско-Японской войны, с георгиевским крестом в петлице, старший лейтенант Басов (Порт-Артурец), лейтенант П. Н. Черкасов (крейсер "Варяг"), все они нам показались совсем иными, не похожими на нестроевых корпусных офицеров, а с более простыми и дружественными взглядами на ребят.

Наконец, вышел плавной походкой и сам командир, капитан II ранга Лесков, высокий, статный, худощавый с добрыми глазами, красивый мужчина, чуть старше старшего офицера.

В его манерах и обращении к кадетам замечалось совмещение флотского элегантного офицера, с нежным, добрым отцом.

Кадет распределили по вахтам и отделениям. Фронт был распущен и все ринулись гурьбой вниз по трапу в кадетскую жилую палубу, где старший офицер, совместно с корпусным офицером, капитаном II ранга Корниловым ("Макака"), распределяли кадет по "рундукам" (бортовым шкапчикам).

— 1-е отделение 1-й вахты, на вахту! — разнеслось по палубе. С сияющими лицами разбежались кадеты по вахтенной корабельной службе.

Кто-то уже важно напяливал на шею вахтенную дудку (отличие вахтенных унтер-офицеров и матросов).

Какие-то двое мигом вбежали по трапу, на командный мостик — сигнальщики — и уже расторопно подымали сигнальные флаги, семафорили на соседний корабль.

Другие два спускались по "штормтрапу" (веревочная висячая лестница), на дежурный паровой катер, чтобы вступить в должность помощников машиниста и кочегара, а третий с достоинством принимал самую интересную командную должность рулевого старшины, что бы итти в первый раз на паровом катере к Петровской пристани.

Вахтенные гребцы "шестерки" (6-ти весельные шлюпки), уже сыпались горохом на шлюпку и разбирали тяжелые, с непривычки, весла. Так начался первый день плавания на учебном судне "Верный".

Вскоре весь отряд вышел в море, при чем суда разошлись, каждый в отдельное плавание, по заранее намеченным портам, дабы первое время дать возможность кадетам и гардемаринам ознакомиться с кораблем и парусным вооружением, и подготовиться, к концу плавания, к совместным эскадренным учениям.

Кроме вышеуказанных кораблей, в отряде были два номерных маленьких миноносца, описная баржа для астрономических и съемочных работ, стоявшая на якоре в Котке (Финляндия) и при ней яхта "Кадет".

"Верный" пошел в Котку.

Начались ежедневные занятия, с каждодневным утренним (7 ч. 15 м. утра), подъемом брам-рей и брам-стеньг и спуском их по штормовому, с заходом солнца, при спуске кормового флага.

Кадеты работали на бизань-мачте, а матросы на грот и фок-мачтах.

Несмотря на тяжесть работы и вооружение мачт, расчитанного на силу взрослого человека, кадеты всеми своими силенками пыжились, в поте лица, и не отставали, по времени, от матросов, а во многих слу-

чаях, с жаром опережали их. Работа кипела. На руках появились мозоли и водяные пузыри.

Конечно, было немало "ловкачей", которых не интересовала эта грубая физическая работа и им нередко доставалось от командира бизань-мачты, штурманского офицера, лейтенанта Б. Тягина. Часто этих "женихов", в послеобеденный отдых, с 12 до 2 часов дня, выставляли на шканцах с ружьем на плече и в полном десантном снаряжении, с мешком, наполненным, соответственно весу, песком.

После подъема флага, в 8 часов утра, начинался "аврал" (общая тревога или работа), спуск "гребных судов" (шлюпок) на воду, посадка на них кадет и обход, под веслами, вокруг корабля в перегонку, а затем, следуя сигналу с корабля, шлюпочное парусное учение.

Вот тут и познавалась способность кадет к управлению под парусами и приставанию к трапу. На это требовалась находчивость и хороший глазомер.

Не мало было ротозейства, растерянности со стороны кадет, немало разбивались шлюпки о трап, под громовой разнос старшего офицера. Но не только "фитиль" командира, но и злорадство, "извод" товарищей неприятно действовал на промахнувшегося рулевого, а потому все из кожи лезли вон, чтобы не повторить "туманную картину", так назывался во флоте — неудачный маневр. После гребных или парусных учений, начинались практические занятия по штурманскому, минному делу, артиллерии, с неожиданными пожарами, водяными и артиллерийскими тревогами. Все мигом разбегались по своим, назначенным местам, по расписанию, и ждали сигнала горниста — "слушайте все", с которым все моментально застывали на месте, где бы и в каком бы то ни было положении, ни заставал их этот сигнал: слушали приказание старшего офицера, которое громко передавалось передатчиками по всему кораблю.

С коротким, отрывистым сигналом "та-та" (исполнительный), быстро приступалось к их выполнению.

Каждое судно учебнаго отряда Морского Корпуса имело программу своего плавания: практического обучения кадет и гардемарин всем отраслям морского дела, в зависимости от старшинства классов (рот).

Кадетам, более или менее, было известно, когда и в какой порт зайдет корабль. Обычно, излюбленными портами кадет были те, где можно было вдоволь повеселиться на берегу, на танцевальных вечерах, балах и пофлиртовать с барышнями. А потому заранее предвкушалась радость захода, прежде всего, в Ревель (Ревельское Морское Собрание), Гангэ (курзал), Гельсингфорс, а затем уж более скромные порты, где устраивались уютные вечера, при участии милых молодых русских дачниц, вроде Гунгербурга, Котки и, наконец, в самом скучном месте, сбора всех судов отряда, в Балтийском порту, около Ревеля.

Приход учебного судна в тот или другой порт, благодаря переписке кадет с обширным кругом знакомых и родных, был заранее известен милым девицам. В день прихода корабля, чуть не с раннего утра, не мало девичьих глазок всматривались в горизонт и с биением юных, пылких сердечек, узнавали приближающийся силуэт "Верного" или других кораблей. Барышни так хорошо знали очертания всех кораблей флота и названия, что с ними не могли состязаться лучшие сигнальщики, унтер-офицеры.

Эти милые девицы также хорошо знали азбучный семафор флажками, а потому, моментально, с постановкой на якорь, все имеющиеся на корабле бинокли, подзорные трубы, и даже дальномер Барра и Струда, были обращены на берег, и также быстро кадеты различали на берегу милых Танечек и прелестных Маничек, неистово махающих платочками и вызывающих семафором на разговор.

Немудрено, что через несколько минут по приходе в порт, корабль, стоящий на рейде, вдали от берега, был в курсе дел, происходящих на берегу, по дамской части.

С первой шлюпкой, на берег, летели стрелой, артельщики, буфетчики и прочая судовая аристократия а также кадеты, имеющие родственников.

Конечно, мигом знакомились первые посланцы кадет с "береговыми наядами" и устраивали вечеринки. Тем же, заученным твердо, семафором, барышни передавали своим возлюблнным морякам рандеву и время встреч.

Волнующиеся кадеты, и особенно танцоры, всячески стремились, хотя бы не в очередь, попасть на берег, подменивались с теми товарищами, для которых прелесть женского пола и натирание полов (балы) с успехом заменяли судовая "шестерка" под парусами на рейде.

В приготовлениях к съезду на берег, на бал, в кадетской палубе шел неистовый шум и волнение. В поисках подсмены, кадеты изощрялись вести торговлю своими порциями котлет и пирожных чуть-ли не на целую неделю вперед, неприятными ночными вахтами ("собака", с 12 часов ночи до 4-х час. утра), сигнальщиками или гребцами на противных дежурных шлюпках. Все ставилось на карту и на все соглашались, чтобы только "сигануть на берег".

Тут же, на палубе, в самых непринужденных позах, в одежде и просто без одежды, кадеты чистились, мылись, брились, бегали из угла в угол, выпрашивая заимообразно у своих товарищей или собственные штаны или запрещенную также, собственную обувь, чтобы щегольнуть на "бережишкее и одержать морскую победу в упоительном вальсе или безумной мазурке,

Но не так то легко было вырваться из цепких лап "Макаки", чтобы незаметно, в собственных штанах и сапогах, да еще не законного фасона, шмыгнуть из фронта, отправляющихся на берег, кадет, кубарем скатить по трапу в шлюпку и скрыться в общей куче. Нередко бывали случаи, когда несчастный "ухажер", быв залопан корпусным офицером в ношении неформенной одежды и оставлен "без берега", чуть не со слезами на глазах, медленно спускал-

ся в палубу, проклиная "ба-ба-теньку Макаку" и печально переодевался в рабочее платье.

А там, на берегу, где-нибудь в Гангэском Курзале, его прекрасная дама сердца танцевала с другим и забывала его, несчастного. Бал в полном разгаре и кроме кадет уже танцуют и молодые офицеры. Один из дирижеров неистово надрывает глотку, и по его команде, с криком и визгом, бросаются в атаку, одна из колонн танцующих на другую.

А так как это происходит летом, в жару, то все обливаются потом и, в антрактах, со своими разгоряченными дамами, выбегают на ресторанную веранду или на пляж. Бал кончается...

С пением и шумом расходятся кадеты целыми шеренгами, под руку с дамами, следуют через парк на пристань, на шлюпки. Не хочется расставаться этим милым ребятам и прервать чудную сказку любви и увлечений.

Но военная служба жестока и кадеты, по строгому окрику "Макаки": — "Это, что-же это вы ба-ба-батенька, еще с дамой возитесь", — как овечки, рассаживаются по шлюпкам. Команда — "весла на воду".

Дружно налегают на весла и всем телом отваливаются назад. Шлюпка, разрезая гладкую поверхность воды, образует волны. "Нажми, нажми!" — слышится окрик рулевого старшины. Изо всех сил стараются кадеты дать ход шлюпке, чтобы, на глазах своих дам, показать морскую лихость. Еще последние взмахи платочков на берегу и скрываются из глаз милые личики и дивные глазки, так приятно улыбавшиеся губки, жгущие самое сердце моряков.

И снова корабль, снова предстоящий поход и уже мысли переносятся на другой порт. Что-то там будет ждать этих непостоянных баловней, ветреных моряков? Какие радости и прелести ждут их в следующем порту?

Утром рано, еще до подъема флага, — значит до 8 час. утра, до официального начала дня, на корабле раздается громкая команда вахтенного начальника: "унтер-офицеры к люкам, свистать всех на верх, с якоря сниматься", и дружно подхватываемая свистом всех унтер-офицеров и боцманов, повторяется хоровым криком их: "все на верх, с якоря сниматься!" и эхом отдается по рейду.

Все кадеты и матросы, как мыши, выбегают на верх и разбегаются по своим местам, по расписанию.

Затрещали лебедки и якорь медленно выходит из воды. Командир на мостике отрывисто звонит машинным телеграфным аппаратом в машину и корабль дает "малый ход".

Сегодня, с подъемом флага, "аврал": подъемы брам-рей и брам-стены и отдача парусов. Старший офицер, стоя на мостике, кричит своим громовым басом, ревущим, как сирена: от-д-а-ва-и-й... и тяжелые паруса, падая вниз, на свободу, колышут реи, и они вздрагивают.

Кадеты, лежащие животами, а некоторые, по своему малому росту, грудью, на реях, а ногами на "пертах", невольно цепляются, как обезьяны в реи, чтобы "не сыграть вниз".

Но вот, выправили рангоут, подтянули "шкоты", паруса надулись "пузом" и наш красавец "Верный" лег на подветренный борт, так, что стоя у бортовых выступов 75-мм. пушек, на волне, свободно можно достать рукой до воды, и как-то невольно воскресали старые парусные времена, когда не было вспомогательных машин и корабль всецело находился во власти ветра и погоды. А вдруг "заштилеет" и мы не попадем во время на завтрашний бал в Ревельском собрания?

Нет, этого не может быть: теперь, мы имеем, машину, хотя и небольшой силы, всего на 10-12 узлов, а все же прилет в рассчитанный час.

В пути, из Гангэ в Ревель, на корабле производились различные судовые ученья.

Неожиданно раздался пушечный выстрел дежурного орудия: "Человек за бортом!" — закричал вахтенный сигнальщик. Вахтенный кадет у спасательного буя, мигом сбросил его за борт. Гребцы же спасательного вельбота, с пробковыми поясами, уже сидели на "банках" и, на малом ходу корабля, быстро спускались на воду. Вельбот забирал ход и погнался за буйком и мнимым утопленником.

Но вот, он — спасен — и вельбот возвращается к кораблю. Маневр закончен. "Верный" продолжает путь к Ревелю.

Так, переходя из порта в порт, в теченіе 92 дней, суда побывали во многих местах Финляндии, Эстляндии и собирались к Балтийскому порту, где под наблюдением Начальника отряда, т. е. самого Директора Морского Корпуса, производились поверочные практические испытания кадет и гардемарин.

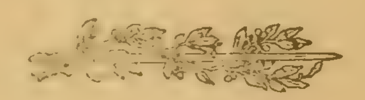
Плавание заканчивается парусными и гребными гонками.

Корабли возвращались в Кронштадт, откуда, кадет и гардемарин, отправляли обратно, в Корпус.

Но не так уж радостно было раставаться с кораблями, с командиром, офицерами и командой: к ним мы привыкли, сроднились с ними и с гордостью защищали честь корабля, во всех случаях соревнования с другими кораблями.

При криках "ура!" всего судового состава, кадеты "отваливали" на буксирах, обратно в Петербург, а там распускались, в месячный отпуск, по домам, во все концы нашей необъятной России.

Борис Арский



Отрывки из писем вахтенного начальника клипера „Всадник“

СТОЯНКА В ИОКОГАМА (Продолжение)

...Новый Год, на клипере, мы встретили чрезвычайно шумно, с участием американцев, с двух стоящих здесь на рейде корветов, — "Онайда" и "Одайо—. Приготовления к этому дню заняли всех нас, и каждый, для украшения клипера и для придания ему как можно больше наружного убранства, приложил много усилий и игры своей фантазии.

Так, например: по общему соглашению, шканцы клипера решено было превратить в тропический сад. Эта идея, получив свое осуществление, благодаря добытым с берега прекрасным деревьям с цветами камелий, вполне удалась. Под сооруженной палаткой, бока и потолок которой были в живописном сочетании покрыты флагами, стояли роскошные деревья камелии.

С передней стороны палатки красовались на флагштоках перекрещенные русский и американский флаги, — с задней же ее стороны, над штурманской рубкой, был укреплен щит с нарисованными на нем также русским и американским флагами. Вечером этот щит сзади освещался и придавал всему ансамблю довольно эффектный вид. На берегу было заказано 40 фонарей. В этом деле японцы большие мастера; на каждом из этих фонарей были изображены флаги обеих наций.

Внутри, столь роскошно убранной, палатки, стояли симметрично сервированные столы. Когда, накануне Нового Года, пришло время осветить всю эту декорацию, то мы все были поражены представившейся нам картиной; действительно, мы не узнали шканцы клипера. Все вместе взятое, заставляло перенестись воображением куда-нибудь в цветущий сад под тропическим небом; одно лишь ощущени холода, да присутствие японских жаровень в этом раю, несколько нарушало это впечатление.

Американцы были приглашены к 9-ти часам вечера 31-го декабря, а вследствие того, что до полночи оставалось целых три часа, так, чтобы провести их по возможности разнообразнее, из числа команды были выбраны поспособнее, в актеры, разыграть перед иностранцами, давно уже известную нам всем и довольно пошлую по сюжету, пьесу "Царя Максимилиана".

Против моего ожидания, представление сопровождалось взрывами хохота и неоднократными аплодисментами, со стороны гостей. Две комические роли были розданы весьма удачно: — подражание русским мужику и бабе, восхитило до крайности, американцев.

После спектакля был балет: танцовали русского "казачка" и "русскую", — и то и другое было исполнено превосходно. Сейчас же, из театра, тронулись к столам, приступив к уничтожению, приготовленных по-английски, яствий. Однако, несмотря на все старание нашего повара, поддержать свою репутацию, к ним мало прикасались. Все внимание было обращено исключительно на питомцев Бахуса; главную же роль играл старший из них — шампанское.

Как и всегда, на подобных обедах, начало как-то сдержанно-натянуто, как будто к чему-то приготовляются; говорят о предметах, мало интересных, но это продолжается только до определенного момента, после которого стеснение и сдержанность пропадают и на место их появляется откровенность, проявляющаяся стремительно, пароксизмами, порождая все те милые качества, которые располагают человека к задушевной беседе и ко взаимному выражению, наполняющих его, нежных чувств.

На нашем обеде в Новый Год, все это совершалось, точно по программе. Спичи произносились в давно уже известном направлении, в таком же количестве, сколько было выпито бутылок вина. Под конец вечера, благодаря тому же Бахусу, сердца всех до такой степени благорастворились, что мы все поменялись формами с американцами. На мою долю достался докторский мундир и пирование усиленно продолжалось, сопровождаясь некоторыми комическими эпизодами; так, например: некоторые из матросов являлись к, переодетым в наши лейтенантские мундиры, американцам с поздравлениями и не мало были удивлены, находя в них совершенно не знакомых. При этом от недоумения таращили глаза и смотрели в разные стороны, как бы ища объяснения.

В 5-м часу пополуночи вся эта веселая компания, порядком нашумев, разъезжалась по своим судам, оставив у нас на клипере двоих, за невозможностью их перевезти, потому что они через чур предавались возлиянию. Вообще, с приходом в Иокогаму, мы стали сразу же в весьма близкие отношения с американцами и, вследствие того, что это проявляется преимущественно шумными демонстрациями, то, повидимому, стоящих здесь англичан и французов, это шокирует. Во всяком случае, теперь мы уже не встречаем с их стороны тех любезностей и предупредительности, которые они проявляли прежде.

Нередко, на берегу, мы проводим время в сообществе с заатлантическими друзьями, в одном из двух Отелей, или на прогулках за городом. В Иокогама имеется два отеля: "Интернациональ" и "Иокогама". В каждом из них есть предметы, привлекающие нас в тот, или другой, смотря потому, в каком находимся настроении, — психическом или же желудочном расположении.

В "Интернациональ", например, дочь хозяина, поразительная красавица и удовлетворит самому взыскательному эстетическому вкусу: а в "Иокагама", зато кормят гораздо вкуснее и сервировка с обстановкою много лучше.

Один из корветов, "Онаида" на днях уходит в Гонконг, простоявши там несколько времени, станет приближаться к Нью-Иорку. Все служащие на нем не видали родины более 3-х лет, а потому без во-

сторга никто из них не может говорить о дне возвращения. Когда-то и для нас настанет этот счастливый день.

О дне возвращения клипера, мы ровно ничего не знаем определенного; из Инспекторского Департамента была получена бумага, с уведомлнием о том, что "Всадник" оставляют заграницей на третий год, на основании этой бумаги, нам придется возвратиться летом 71-го года. На ряду с этим, из России пишут в частной корреспонденции, о, том, что есть предположение оставить клипер в эскадре К. П. Пилкина, и в видах этого ему дана инструкция, по приходе сюда, хорошенько осмотреть корпус "Всадника" и, ежели найдет его способным к дальнейшему плаванию, то задержать его в своей эскадре.

Все эти известия пришлись нам очень не по вкусу; однообразная жизнь вдали от всего, к чему привык с юности и, главное, сознание того, что каждое письмо, отданное на почту, придет не раньше, как через два с половиной месяца, отравляет и последнее, оставшееся утешение. В самом деле, ведь в промежуток времени, пока письмо идет, может произойти множество перемен в обстановке и жизни тех, кого оставил на родине.

На другой день Рождества, 26-го декабря, я ездил с Н. Н. Зубовым в Иедо. Между ним и Иокогама существует два рода правильного сообщения, — берегом ежедневно ходят дилижансы, а морем небольшой американский пароход. Мы выбрали последний, нам более сродный; цена же одинаковая — 2 доллара.

Иедо и Иокогама, расположены на двух противоположных сторонах обширной бухты; расстояние между ними более 25 миль. К 9-ти часам утра 26-го декабря, прямо с клипера, на вельботе, высадились на пароход. По 3-му звонку, он не замедлил дать ход. Выйдя из узкого ковша на рейд, где были разбросаны, без всякой симметрии, в разных направлениях суда, мы пошли курсом, ведшим очень близко от нашего клипера.

Слыша всегда, от иностранцев, похвалы нашему клиперу за его блестящий и красивый вид, я сам, при проходе мимо, сравнивая его с остальными, стоящими на рейде судами, беспристрастно должен был согласиться с общим мнением. Легкий его корпус, образование прямое носовой части при такой длине, только увеличивавшее грациозность его общего вида, производили впечатление, как будто он не стоит на якоре, а несется вперед, рассекая стремящиеся на него волны. Издали же, своим низеньким, оригинальным рангоутом, он бросался в глаза; его наклонные три мачты, казалось, согнулись от быстрого хода.

Пароход шел, до Иедо, два с половиной часа. Еще не дойдя до пристани, идя вдоль берега, можно было рассмотреть тесно прижавшиеся один к другому, в одну линию, одноэтажные деревянные домишки. В Японии капитальных домов не строят, живут почти что в сараях, а потому у них все выглядит временным и случайным. Это делается из предусмотрительности, в случае землетрясений, в прошлое время случавшихся, по всей Японии, довольно часто.

При входе в бухту Иедо, выстроено несколько фортов, на вид довольно солидных, но по справке, оказавшихся совсем без артиллерии. Настоящей пароходной пристани нет; пароход пристает прямо к каменной набережной, в самой бухте. Нас провели в гостиницу, стоящую очень близко от места приставания парохода. Она стоит почти на самой набережной и, насколько я успел, в продолжении 2-х суток, осмотреть город, самое лучшее и красивое здание во всем Иедо.

Как и все остальные дома, она деревянная, но в несколько этажей и с большим мезонином. Внешним видом напоминает собою наши старинные помещичьи дома. Номера очень удобные, но к сожалению, холодные и нагреваются, за малым исключением, японскими жаровнями, которые разносят по комнатам нестерпимый, пока не привыкнешь, смрад. Содержит ее японское правительство исключительно для приезжающих европейцев. Это сделано для сохранения жизни и спокойствия их от злостных покушений японцев, между которыми большинство враги водворения европейцев в Японии.

Лишь только кто-либо из путешествующих иностранцев вступает ногою в Европейскую гостиницу, над ним тотчас же устанавливается опека, осуществляемая 3-мя или 4-мя полицейскими чиновниками; пешком или верхом, смотря потому, каким способом передвижения путешественник пользуется при осмотре города. Так было и с нами. По приходе нашем в гостиницу, нам немедленно отвели комнату с американским камином. До завтрака оставалось времени час с небольшим. Это время было использовано для осмотра самой гостиницы; в ней, над мезонином, выстроена высокая обсерватория, в роде купола. Оттуда открывается великолепный вид на бухту и город.

До завтрака же сделали распоряжение, чтобы нам приготовили двухместную коляску; в Иедо их очень малое количество. Пользуются ими только европейцы. японцы же вообще ездят не иначе, как только верхом, и то высший класс, остальные же совершают свои передвижения пешком.

Закусив на скорую руку, мы уселись в удобном экипаже и, сопровождаемые четырьмя верховыми конвоирами, с большим шумом и форсом, отправились осматривать достопримечательности Иедо. Была составлена заранее программа, порядок тех мест, которые надлежало осмотреть. Ближайшим от гостиницы местом была "Сиба", гробницы Тайкунов. По виду они такие же, как и японские храмы, но размером меньше и с весьма затейливой архитектурой. Внутренняя их отделка чрезвычайно изящна и роскошна, все покрыто черным японским лаком; в этом мастерстве они большие искусники.

Боги здесь из целых кусков бронзы, вызолоченные, с выражением лиц, чаще всего внушающими идолопоклонникам страх. Из "Сиба" чичероне повез нас в "Атанга Яма", — самое возвышенное место в Иедо; оттуда открывается великолепный вид на го-

род. Однако, нельзя сказать, чтобы картина вида была бы полна красоты и поэзии; но замечательная сторона его заключается в том, что все Иедо, построенное на равнине, имеющее в окружности более 20-ти итальянских миль, с улицами, весьма узкими, включающее более, чем 2 миллиона жителей, совершенно не доступно для глаза путешественника.

Атанга Яма в переводе означает "хороший вид", и действительно вся японская столица видна отсюда как на ладони. Микроскопические дома кажутся еще меньше, улиц совсем не видать, заметен лишь ряд лачуг серого цвета, что придает городу пасмурный и однообразный вид. Единственный веселый ландшафт в этой однообразной картине, это место, занятое Тайкуном; оно все обнесено оградой и никто туда не может проникнуть, не будучи к нему близким. В окружности занимает около 5 миль. Когда мы его объехали кругом, оно не оставило никакого впечатления; одни стены и кое-где на них поставлены башенки в роде голубятень, почему он по наружному виду сходен с любым древне-германским феодальным замком. Сходство это сказывается тем полнее, что вместо рва кругом замка здесь вырыт канал. В нескольких местах от ворот идут мосты, с приспособлениями к подъему.

Но, говорят, светский японский Владыка, внутри окружил себя роскошью и комфортом, нисколько не соответствующим наружному его виду. Весь его дворец окружен прекрасным парком; ежели прибавить к этому гарем, то окажется, что Тайкун не профан в делах житейских и невинных наслаждениях.

Резиденция Тайкунов или лучше сказать все это место в 5 миль окружности носит название "Ошоро". Следуя по той же нашей программе, мы направились от него в "Вино"; оно не заключает в себе ничего замечательнаго. Внимание же на нем было обращено потому, что в последнюю революцию, инсургенты, засевши здесь в парке, обстреливали близь лежащую местность ружейным и артиллерийским огнем; следы этой бомбардировки остались нетронутыми. Разрушенные храмы, около них гробницы и лачужки, все оставлено в том виде, как было после разгрома.

Здесь я обратил внимание на Бога, сделанного из гранита, огромных размеров, он так крепко установлен и столь тяжел, что ядра, попадавшие в него, не произвели в нем никакого повреждения.

Из "Вино" мы торопились, до сумерек, попасть еще в одно место, называемое "Temple Osaksa", это самый крупный храм в Японии и наиболее уважаемый японцами. В некотором расстоянии от него помещена в особенно устроенном стойле, священная лошадь, весьма красивая и грациозная, небольшого роста. Всякий, идущий в этот храм, обязан предварительно, в виде жертвы, принести ей горсть овса; это мне объяснило причину ее невероятной полноты. Храм отличается от прочих только размерами и количеством заключающихся в нем богов, между которыми есть два самых почитаемых; для поклонения им, приезжают из самых отдаленных мест Японии.

К концу осмотра "Temple Osaksa" наступили сумерки, а потому мы отправились обратно, конвоируемые стражей, в гостиницу. Возвратились к 6-ти часам, к самому обеду. Здесь, как и во всех заграничных гостинницах, в определенные часы, назначен обед; обед состоял из смешания трех кухонь: английской, французской и японской. От этих разнородных сочетаний, произошел такой безвкусный сумбур, что я встал из за стола с таким же, как и вначале обеда, волчьим аппетитом.

Около 8-ми часов вечера, решено было пешком отправиться в Симабару, "Чайный дом". В одном из следующих писем постараюсь подробнее очертить нравы и обычаи японских "Мусмэ" или женщин, тогда будет ясно, какое значение в Японии имеют чайные дома, которые распространены здесь в огромном количестве. Объем же этого письма не позволяет теперь об этом распространяться.

На другой день, в той же коляске, но с другим составом почетной стражи, следовательно не с меньшим форсом, осмотрели Народный Театр, попав весьма удачно, во время представления. Не понимая, о чем на сцене болтали актеры, а также не видя причины их резких телодвижений, не могу ничего сказать о спектакле. Самый же театр никакого подобия не имеет с теми прекрасными и роскошными зданиями, к которым мы привыкли в Европе. Объясняется это тем, что в Японии музыкальное и сценическое искусства не уважаются народом; как то, так и другое в полнейшем пренебрежении, и не было случая, чтобы они поощрялись властями.

Из театра, наш чичероне предложил заехать в Осивари, в другой чайный дом, сообщив, что это единственный, открытый до сих пор европейцам и потому несколько приспособленный к нашим вкусам.

Действительно. В комнатах, предназначенных исключительно для европейцев, поставлено несколько столов и стульев, на стенах развешаны портреты и виды японские, в рамках. Все это является как бы признаком тех особенных наклонностей и привычек европейцев, которых, несмотря на постоянное соприкосновение их, в особенности в последнее время, с японцами, никак не могут усвоить.

Японцы не употребляют в своих домах ни мебели, ни каких либо украшений. Исключением является холодное оружие. Сидят они всегда на цыновках, поджавши ноги, у жаровень, с маленькими трубочками, которые не переставая выкуривают одну за другою и это занятие доставляет им, ничем не заменимое, наслаждение, — а правительству доход. Табак приготовляется в самой Японии и тут же выделывается, он обладает особым деревянным вкусом и до крайности слаб; к нему мы, несмотря даже на необходимость, не в состоянии привыкнуть.

Позавтракавши в последний раз в гостинице, мы с Зубовым, в два с половиной часа пополудни, сели на тот же пароход и без особенных, выходящих из ряда, приключений, благополучно прибыли на клипер, пробыв в отсутствии полтора суток.

Со времени нашего прихода сюда из Хакодате до 1-го января на клипере не производились никакие

работы; капитан решил начать капитальный пересмотр стоячаго такелажа и рангоута, после праздников, а потому уже 2-го января, к вечеру, мы стояли со спущенными всеми реями и с приспущенными на найтовы стеньгами.

С выхода из Кронштадта, нам никогда не удавалось приподымать ванты и стень-ванты, для осмотра топов и колпаков, а это является необходимым, по той причине, что выдержанные нами без счета штормы, должны были их непременно повредить. Теперь уже такелаж со своих мест поднят, и увидавши наши колпаки, ни мало не сожалеем, что затеяли такую мешкотную работу.

Одно затрудняет, — это наступившие здесь холода, при коих тяга ежели не вредна, то конечно совершенно бесполезна...

10-го января 1870 года, Iокогама. *Н. С. Чириков.*

(Окончание следует).

«НАВАРИН»

В нашем флоте, два корабля носили название "Наварин".

Во время войны с Турцией, в апреле 1828 года, капитан I ранга Свинкин, командир корабля "Иезекииль", близ крепости Модон, захватил турецкий корвет, окрещенный, по повелению Императора Николая I, в память славного морского боя, "Наварином". Корвет этот прослужил России до 1854 года, когда был продан в Англию, на слом.

В 1891 году, ровно через 37 лет, в Петербурге был спущен эскадренный броненосец, второй "Наварин", гигант, по сравнению со своим старшим братом, имевший 9476 тонн водоизмещения, 347 футов длины, 67 — ширины и машину около 9.100 сил, развившую, на пробе, 15,5 узла хода. Вооружение броненосца состояло из четырех 12-дм., восьми 6 дм. и 28 мелких орудий. По штату на "Наварине" полагалось 595 нижних чинов и 26 офицеров.

В Цусимском бою, "Наварин" шел следующим за "Сисоем Великим" и, несмотря на дальность расстояния, отделявшего его от главных неприятельских сил, принял самое горячее участие в сражении. Ему пришлось поставить орудия на наивысший угол возвышения, допускавший прицельный выстрел не свыше 48 кабельтов. Крен от поворота башен на один борт, уменьшал, однако, и эту дальность. После шестичасового боя, во время которого, "Наварин" на некоторое время прикрыл собою горящего костром "Князя Суворова", японская бомба попала в марс броненосца. От взрыва ее, последовал взрыв снарядов на марсе и осколками и тяжелыми обломками марса в боевой рубке был тяжело ранен. командир капитан I ранга барон Б. А. Фитингоф. Упавшие с марса, ящики со снарядами, пробили жилую палубу и обломками убило кочегара и ранило 20 человек. В командование броненосцем вступил старший офицер В. Н. Дуркин, продолжавший путь по указанному румбу, среди наступившей темноты.

В течение ночи, "Наварин" удачно, и не без ущерба для японцев, отражал их минные атаки, но, когда у него лопнула паровая труба и вследствие этого, из строя было выведено три котла, броненосец лишился прежнего хода и сделался легкою добычею миноносцев. Одна из мин попала в правый шестидюймовый бомбовый погреб и, хотя взрыв бомб не произошел, причиненная ею пробоина наделала много хлопот. Водой стало заливать "Наварин", подводка пластыря на ходу оказалась невозможной. Вкатившаяся на корму, волна, унесла в море сорок человек, подводивших пластырь. Тогда В. Н. Дуркин, остановил машины и, несмотря на ежеминутную угрозу японских миноносцев, закончил благополучно трудную работу с подводкой пластыря.

Вслед за этим, "Наварин" был атакован отрядом японских миноносцев и, вскоре, получил новую пробоину, доконавшую его наконец. Заливаемый водою сверху и водою, хлынувшею во все пробоины, корабль начал быстро тонуть и, в этот страшный момент испытания, когда опасность неминуемой гибели сравняла всех, всем экипажем, поголовно, была проявлена беспримерная самоотверженность. Тяжело раненый командир, вынесенный наверх, отказался оставить корабль и выразил твердую волю потонуть с ним. Он и был отнесен в боевую рубку. Старший офицер не тронулся с командного мостика и до последнего мгновения, бросавшиеся по его приказанию в воду, матросы, слышали его ободряющий голос.

С командиром, с тяжело ранеными боевыми его товарищами, "Наварин" погиб в Японском море. Известно, что японцы продолжали расстреливать барахтавшихся в воде людей, что утром прошел среди них японский миноносец, не оказав помощи никому. Только, случайно проходивший пароход, успел спасти трех матросов.

Так погиб "Наварин". Так бился за честь и славу России его доблестный экипаж. Так, среди глубокой ночи, все они положили душу свою во славу Русского оружия и за многомиллионную Русскую семью. Имя "Наварина" и память о его доблестном экипаже не изгладится временем.

Великая Российская разруха не позволила вступить в строй третьему "Наварину". Спущенный на Балтийском заводе, это должен был быть сильнейший линейный крейсер в 32.000 тонн водоизмещения, вооруженный 12-ю 14-дюймовыми пушками в четырех башнях, и со скоростью в 32 узла.

Высочайшим повелением Императора Николая I, в подарок Морскому корпусу, была сделана большая модель брига "Наварин", украшавшая собою огромный столовый зал Морского Корпуса. Поколения будущих морских офицеров обучались на нем начаткам парусного дела. По имеющимся сведениям, модель эта уцелела среди всех событий и стоит по сию пору на своем, предуказанном ей, месте..

По книге *А. Беломора*
Памятка для моряков

Перед портретом Дорохова

К 140-летию со дня кончины Вечного Шефа Изюмцов 1815 - 25 апреля — 1955

Сегодня умер Дорохов... священный
Сегодня день для сердца моего.
Душа полна тревоги вдохновенной.
Все думы с ним, я чувствую его.

Опять душа в молитве помянула
Того, с кем дух навеки породнен,
И по тому, как сердце всколыхнуло,
Увидел я, как сердцу близок он.

Стою пред ним, гляжу с благоговеньем,
Знакомый взор мне столько говорит, —
Я чувствую е г о благословенье,
Оно меня врачует и живит...

Не пред его могилою священной,
Не в Верее, в притворе храмовом, —
В чужом краю, коленопреклоненный,
Молился я о нем, как о живом...

Да, он живет во мне, незримый зритель,
И чувств моих, и помыслов, и дел, —
Он, как отец, как дух-путеводитель,
Животворит бездольный мой удел.

И слышу я: — "Под бременем ударов.
Крепись и верь: воскреснет наша Русь...
И знай: всегда за верных мне гусаров
У Вышнего Престола я молюсь"...

А. Балашев

Вахмистр Клюшников

(Из книги "От Тифлиса до Парижа")

Перекладные везут меня в урочище Царские Колодцы — в стоянку Тверского драгунского полка. В Навтлуге, (предместье Тифлиса), проезжаю мимо нарядного здания Офицерского собрания Нижегородцев.

С этим полком связаны самые ранние воспоминания моего детства — тех времен, когда Нижегородцы стояли в Пятигорске, а 4-й эскадрон полка, которым командовал мой отец, был расквартирован в станице Кисловодской - там я и родился в 1888 году.

Это было время, когда, "бранной славою покрытые", полки кавказской армии, после долгих кровавых бурь, наслаждались покоем и спокойно взирали на будущее, зная, что, когда понадобится снова выступить на бранное поле, то они, как пели солдаты: "В грязь не вдарятся лицом".

В девяностых годах прошлого столетия, публика, посещающая "минеральные воды" (Пятигорск, Эссентуки, Кисловодск и Железноводск), была самая изысканная. Железная дорога еще не доходила до Кисловодска, и "на воды" приезжали люди состоятельные. Помню первый поезд, пришедший из Пятигорска. Он не мог одолеть подъема от р. Подкумок, гудел, пыхтел и даже пятился назад, к великому удовольствию мальчишек, бегущих рядом с паровозом.

В Кисловодском парке, излюбленным местом, Нижегородцев, офицеров других полков Кавказской Кавалерийской дивизии, Дагестанцев и многих ветеранов Русско-Турецкой войны 1877-78 гг., была площадка перед источником "Нарзан". За столиками, под каштанами, белые кителя драгун, туалеты дам, нарядные черкески — создавали особое настроение. Царило веселье: все знали друг друга. Извозчики щеголяли лошадьми и упряжью. Много было русских троек с бубенчиками. Большинство извозчиков, бывшие солдаты Кавказской армии, знали всех офицеров. Проходя мимо них, кидая свое пальто на сиденье, офицер говорил:

— Здравствуй Климов, — завези пальто домой и

скажи, чтобы меня не ждали. Увидишь тройку Шкоденко, пошли сюда: повезет на "Замок коварства"...

В эскадроне отца младшими офицерами были — принц Луи Наполеон (он потом командовал эскадроном, а впоследствии был начальником Дивизии), братья Борис и Алексей Шереметевы (сыновья Главнокомандующего), Глонти, Бульмеринг, Ковальский.

Вахмистром эскадрона был Иван Евстафьевич Клюшников, уроженец слободы Березовки, Богучарского уезда, Воронежской губернии.

Участник турецкой войны 1877 г., он имел все четыре степени Знака Отличия Военного Ордена: за Магараджик, Бегли-Ахмет, Авлиар и Карс. Нужно знать картину кровавых схваток в указанных боях, чтобы понять значение этих четырех крестов. Имел он также три серебряных, две золотых медали и знак св. Анны. Из иностранных медалей имел — Вюртембергские (бронзовую, серебряную и золотую); персидскую и бухарские золотые; болгарскую, итальянскую и китайскую серебряные.

После смотра, на ст. Минеральные Воды, из рук Наследника Цесаревича Николая Александровича, им были получены серебряные часы.

Клюшников пользовался большим уважением не только драгун, но и всех офицеров. Я его очень любил и всегда поджидал, его прихода, по вечерам, с докладом к отцу. Я уже имел наготове букварь. Он читал по складам, а я повторял. Умел он внушать уважение к себе. Когда он входил — прислуга вскакивала и, в его присутствии, говорила вполголоса. Помню раз, горничная влетела со смехом, он только взглянул на нее и спросил:

— Что это ты? — но так спросил, что она сразу притихла.

При входе отца, я, как-то, остался сидеть. Клюшников был уже на ногах, но, вставая, он одной рукой поднял меня на воздух, встряхнул и поставил на ноги.

Он был большой любитель охоты с борзыми. В Пятигорске мы жили на бульваре. Недалеко от нас жил кн. Н. Л. Меликов (Коля). Его двор был полон борзыми. Отец смеялся и говорил, что в разгар охоты Клюшников, на скаку, кричал Меликову: "Куда ты к чертовой матери прешь?" Когда, после охоты, Клюшникову напоминали об этом он оправдывался: "То ругался не вахмистр, а старый охотник..."

У него был обычай — каждое утро, помолившись Богу, выпивать чарку, говоря:

— За здравие Державного Шефа полка Государя Императора Николая Александровича, — в то время, как подававший чарку вестовой, громко кричал: — "ура!"

Умер он, уже будучи в отставке, в 1899 году, у себя на родине — в Воронежской губернии. На сороковой день его кончины, в полковой церкви была отслужена по нем панихида, на которой присутствовали все офицеры полка, четвертый эскадрон, в полном составе, а от остальных эскадронов команды по 10 человек.

В его память офицерами была сооружена икона св. Іоанна Крестителя. Его портрет имеется в истории полка, в альбоме и отдельно, а также в группе вахмистров.

В полках чтут память таких солдат-героев.

Здесь, в Париже, хранитель боевой старины, Нижегородцев, кн. Н. С. Трубецкой, дополняя биографии старых Нижегородцев, просил, в числе других, князя М. А. Куракина, прислать свои воспоминания. Умирающий от туберкулеза, кн. Куракин, написал длинное воспоминание о своей службе вольноопределяющимся в 4-м эскадроне при Клюшникове. Ровно через две недели после этого кн. Куракин скончался.

Истории полков русской армии — это не простое перечисление побед и поражений. Они рисуют быт, отражают эпохи и повествуют о бесчисленных подвигах и случаях самопожертвования простых русских людей. Приходится пожалеть о том, что сыновья и внуки вот таких Клюшниковых, по неграмотности, не имели даже, зачастую, понятия о заслугах их отцов и дедов перед Родиной.

Если бы, в этих безвестных Березовках, велась летопись деяний ее сынов, имелись бы мраморные доски и памятники, то, может быть, русский народ узнал бы, что не только сам Клюшников, но и его отцы и деды проливали кровь под Полтавой, Лесной, на Перекопе, под Аустерлицем, Плевной, Бородино...

Выяснилось бы, что наряду с родовитыми дворянскими фамилиями Салтыковых, Оболенских, Милославских — существуют родовитые фамилии крестьян, на протяжении веков состоящих на службе России.

Г. Танутров (Жук).

КАДЕТСКАЯ ВСТРЕЧА

Это случилось, когда, волею капризной судьбы, я был заброшен на Мадагаскар и прорубался там сквозь заросли девственной "бруссы", работая в качестве топографа Министерства Общественных Работ. По роду своей службы, я постоянно бывал в самых диких, оторванных от всякой, даже приблизительно культурной жизни, местах. Время от времени, я должен был совершать нелегкие путешествия до ближайшего населенного пункта, где можно было найти лавки и запастись продуктами для дальнейшей жизни. Нечего и говорить о том, что мне месяцами приходилось бывать одному, оторванному от всех, если не считать местных жителей-туземцев, да нескольких черных рабочих, составлявших мою топографическую бригаду.

Отправившись однажды за очередным пополнением моих припасов и, добравшись до поселка, я, как обычно, зашел в лавку одного грека, моего постав-

щика. Мне бросилось в глаза, что у кассы стоит какой то черный, но не местного типа, и разговаривает с хозяином на отличном французском языке. Заинтригованный незнакомцем, и решив спросить о нем у хозяина, грека, я занялся выбором консервов.

— А вот, позвольте вас познакомить. Это тоже наш православный, — обратился ко мне грек, когда я подошел к кассе для расплаты.

— Очень приятно, — оставалось мне ответить, протягивая руку незнакомцу, весьма приличного, сравнительно с местным населением, вида, и одетого по-европейски.

В этих краях, встретить православного, конечно, большая редкость. Исключая греков — коммерсантов, да случайно заброшенных в эти дебри русских, но последних, на Мадагаскаре, очень не много. Из разговора выяснилось, что незнакомец — абиссинец, попавший на остров во время войны, в качестве эмигранта.

— Но вы — не француз, — вдруг обратился он ко мне, — я слышу по вашему акценту. Что вы здесь делаете и чем занимаетесь?

— Да, вы угадали, я иностранец и служу топографом.

— А какой вы национальности?

— Я русский.

При этом ответе, мой новый знакомец оживился и его глаза заблестели.

— Так, значит, с вами можно говорить по-русски? — с восторгом воскликнул он, переходя на мой родной язык и, при этом, без всякого акцента в произношении.

Теперь за мной была очередь вытаращить глаза. Сюрприз был неожиданный, если еще принять во внимание, что я не имел случая говорить по-русски с самого моего приезда на Мадагаскар, т. е. уже несколько лет.

— Каким образом? Откуда вы знаете русский язык? — придя в себя от первой неожиданности, стал я задавать ему вопросы.

— Да я, знаете, очень люблю Россию и русских, а языку я научился в России, где пробыл довольно долгое время.

— А где именно вы были в России, и когда?

— Главным образом, я жил в Петербурге, где и учился.

Сюрпризы сыпались на меня, как из рога изобилия. Я не верил своим ушам — мой новый знакомец оказывался моим земляком по Петербургу.

— Вот как приятно, ведь вы знаете, я тоже из Петербурга.

Мой новый знакомец совсем растаял и оживился еще больше.

— А где же вы учились? — задал я естественный вопрос.

— В Первом Кадетском Корпусе, на Васильевском острове.

При этих словах, у меня закружилась голова, помутилось в глазах, проще говоря, я обалдел совершенно, Прошли какие-то секунды, раньше чем я очухался и смог ему объяснить, что я тоже учился в этом же корпусе и на этом же Васильевском острове. Мы бросились в объятия друг другу, перейдя сейчас же на "ты".

От такого завершения нашей беседы, грек-хозяин, ничего не понимавший с момента нашего перехода на русский язык, пришел в совершеннейшее недоумение, также как и несколько его черных покупателей, пораженных столбняком от изумления.

Но, нам было не до них. Полились расспросы, воспоминания, зазвучали знакомые фамилии общих воспитателей, преподавателей и т. д., и т. д. Ничего окружающего для нас больше не существовало. Забрав лишнюю бутылку вина и вновь обретенного друга, я отправился ко мне, в мою хижину, где "дружеская беседа затянулась далеко за полночь".

Он был на много лет старше меня по выпуску. По его рассказам, Великий Князь Константин Константинович, увидев его как-то в умывалке, прозвал "шоколадным мальчиком" и это прозвище сохранилось за ним до самого выпуска его в Михайловское Артиллерийское Училище, по окончании которого, он был вызван своим Императором на родину. Явившись в Аддис-Абебу в форме русского подпоручика артиллерии, он произвел там необыкновенный эфект и немедленно был назначен военным министром. С тех пор, в течении долгих лет, до самой Итало-Абиссинской войны, он оставался правой рукой и советником своего Императора. Итальянская война и нагрянувшие вслед за этим серьезные события, развели далеко пути Царя Царей и его военного министра. В результате — эмиграция и, как очередной ее этап, — Мадагаскар.

Недолго я пользовался радостью беседовать со своим однокашником на своем родном русском языке, да еще о вещах столь нам обоим приятных. Колесо повернулось и он вновь уехал в Абиссинию.

Нужно пожить в тамошних условиях, чтобы оценить и понять вполне то впечатление, которое произвела на нас обоих наша случайная встреча. Давно уже мы разъехались в разные стороны и Богу одному известно, удастся ли когда еще встретиться, но, несомненно, что наша встреча на Мадагаскаре, в глухой, дикой "бруссе", останется для обоих, на всю жизнь, одним из самых ярких и дорогих воспоминаний.

В. В.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

Скончались кадеты: —

Змиев, Александр Аркадьевич — Первого к. к.

Драгомиров, Абрам Михайлович — Корп. Импер. Александра II.

Иванов, Алексей Кириллович — Псковского к. к.

Витт, Владимир — Первого к. к.

Сурменев, Виктор Георгиевич — Полоцкого к. к.

Булацель, Лев Алексан. — Киевск. к. к.

Пажи:

Бобриков, Николай Николаевич.

Розен, Константин Николаевич.

Рооп, Сергей Христофорович.

О пожаре Зимнего дворца в С.-Петербурге в 1837 г.

В ряде статей, напечатанных в зарубежной прессе, в связи с 250-летием основания нашей младшей столицы, я обратил внимание на две фразы, вкравшиеся в одно из описаний Зимнего Дворца, и касавшиеся пожара 1837 г.: 1) "Пожар истребил значительную часть внутренней отделки дворца", и 2) "Архитекторов Государь наградил особыми медалями". Это и является темой настоящей статейки; базировался же я на данных современной событию прессы, (контролируемой весьма требовательной цензурой) и на рассказе очевидца.

Хотя пожар начался в 8 час. вечера 17-го декабря и продолжался с одинаковой силой в течении 30 часов — широкая Россия узнала о случившемся лишь 22 декабря из кратких газетных отчетов, начинавшихся следующими словами: "Как добрые дети с печалью душевною окружают развалины любезного отчего дома, в котором они получили жизнь и все блага жизни, — так мы, верные подданные, сетуем на дымящихся остатках дома великих наших Государей, в котором, в течении семидесяти пяти лет создалось наше счастье, наша слава"...

Сейчас же были назначены три комиссии: — 1) следственная, 2) по разбору вещей, вынесенных из сгоревшего дворца и 3) по возобновлению дворца. Первая комиссия пришла к заключению, что пожар начался в "отдушнике", в восточной части дворца, примыкающей к Эрмитажу (который удалось отстоять). По огромным стропилам чердака — пожар двигался в западном направлении главного корпуса. В итоге, по словам газет — "от огромного и великолепного здания — остались одни голые, обгорелые стены... и возобновление его потребует четверти столетия"... При тушении погибло 13 человек: 3 — Роты Дворцовых Гренадер, 1 — Преображенец и 9 — пожарных.

Вторая комиссия "по разбору вынесенных из дворца вещей" пришла к убеждению, что все, могущее быть вынесенным, было спасено: драгоценности, утварь, архивы. Все это сваливалось в огромные кучи, под открытым небом, около Александровской колонны, и в "Экзерциргаузе". Вынесены были и оба трона, и почти все портреты Военной Галлереи. Как пример добросовестности, — указывалось на работу "Команды Адмиралтейства": ей пришлось спасать все золотые сервизы, оцениваемые тогда во много миллионов рублей: ни один предмет не пропал. Ценных материй, в кусках, было вынесено более 7 тысяч аршин...

В 1882 г., когда цензурные условия изменились, достоверный очевидец поделился своими воспоминаниями, которые привожу в сокращенном виде. "Все конечно — вольно всякому поверить, или — не поверить", рассказывал он, "но только внезапная мысль, что во дворце Государя Николая Павловича мог быть пожар, до того озадачила и поразила, что меня, когда рассказываю, по прошествии 45 лет, — при одном воспоминания того момент, — разбирает нервная дрожь... Дул сильный морозный ветер, на Александровскую площадь сбегался народ, прибывали дежурные, на случай пожара, части войск... Поражало кажущееся спокойствие во дворце, отсутствие видимых признаков пожара, какая-то зловещая тишина и общее незнание — что, на самом деле происходит во дворце. Но это только казалось тем — кто, как я, — стоял снаружи; весь происшедший ужас — стал известен исподволь и гораздо позже... Пожар начался на чердаках этого грандиозного здания, в котором одних служащих, с семьями, проживало до семи тысяч душ. Как оказалось впоследствии, — поведение администрации и примитивность противопожарных средств — были ниже всякой критики... И только, когда с невероятным шумом начали обваливаться потолки и вываливаться рамы со стеклами — повалили черные клубы дыма и огромное зарево озарило всю окружающую местность. В мгновение ока — огромная толпа солдат и штатских ринулась спасать дворец... Из заполненных дымом огромных дворцовых зал — начали беспорядочно вытаскивать бесценные предметы роскошной обстановки, и сваливать в бесформенные кучи. А потолки валились — хороня под собою отважных, но никем не руководимых, людей... Хаос был неописуемый... И лишь благодаря безграничной самоотверженности солдат и пожарных — погибавших, срывавшихся вниз на глазах толпы — все же удалось отстоять несравнимый Эрмитаж; от остального — уцелели одни стены. Дворец горел не менее недели... Две недели, при 10 градусном морозе, гвардия и пожарные бессменно стояли вокруг дворца для наблюдения и бросались тушить малейшую новую вспышку огня... Боле месяца гвардейские части были заняты очисткой руин от огромных, в несколько сажень вышиной, куч мусора, где встречались обугленные трупы. Сотни подвод вывозили мусор два месяца... После очистки — сейчас же приступили к возобновлению дворца, и через год с лишним — эта огромная работа была закончена, как по мановению волшебного жезла, при чем реставрация была абсолютной, до "пуговок на портьерах".

В начале апреля 1839 г. газеты сообщали: "Императорский штандарт снова развевается над Зимним Дворцом, Русский Орел возвратился на свое обычное место"... В назначенный срок — состоялось освящение возобновленнаго дворца... Было напечатано стихотворение Н. Бобылева:

"Рек Никола: да будет он.
И [illegible] быть. Могучая держава
Царю воздвигла новый трон:
Ему подножьем. — Слава.

Сказал: хощу, и в миг один
Искусства чудо перед нами,
И уж шагает исполин
Суворова шагами.

Любовь сынов воздвигла дом
Царей любимых небесами,
И вечно юный будет он —
Под нашими орлами..."

Не одни архитекторы получили медали*), верхушка получила, в подарок, много тысяч государственных десятин земли. К заутрене в дворцовой церкви, — прибыли все участники возобновления, украшенные медалями: 3 члена строительной комиссии — получили золотые с бриллиантами; 200 золотых — украсили груди архитекторов, художников и чиновников, причастных к работам; 7.000 серебряных — были розданы мастеровым и рабочим.

Два нижеследующих анекдота, причастных к описываемой медали, рассказаны мне были в 30-х годах, погибшим в Варшаве от немецкой бомбы, милейшим полковником А. И. Григоровичем (выдающимся исследователем и собирателем наших военных медалей, автором истории Орденского Драгунского полка, долго бывшим библиотекарем Главного и Генерального Штабов).

Возвращавшиеся с парада в Петергоф, Лейб-Драгуны встретили по дороге мастерового с новой медалью на груди. Окружив его, они засыпали его расспросами, нащупывали медаль со всех сторон, а затем... начали к ней прикладываться, как это делается с иконами и, наконец, решили, что они дадут все — за Государево "Благодарю"...

Вскоре, после торжеств по возобновлению дворца, во время представления в каком-то театре фарса, игравший главную роль артист-комик Григорьев, — вставил в пьесу, придуманную им, сценку, вызвавшую в публике бурное, веселое настроение и ставшую предметом разговоров всего Петербурга. Игравший роль купца, Григорьев — выступил на сцену с красной ленточкой в петлице (на которой носилась эта новая медаль), пораженный этим отличием, другой актер — спрашивает его: "Что это? Верно за Бородино"? — "Нет-с... так-с", — отвечает Григорьев. — "Как: так-с?" — опять спрашивает первый. — "Да — так-с.... по искусственной части" (хихикает Григорьев). — "Да, что-ж это значит?" — "Да мы, — говорит Григорьев, — "вывезли фунтиков 30 мусору"... За столь понравившуюся шутку в публичном месте — Григорьев был сейчас же посажен на военную гауптвахту на две недели...

Впоследствии Император Николай Павлович, заливаясь смехом, рассказывал, что в последующие представления Григорьев слегка изменил конец диалога, и на вопрос: "Верно за Бородино?" — Григорьев быстро бросал: "Нет-с, это дело... постороннее. Мое почтение", — и моментально исчезал за кулисами.

Владимир фон Рихтер

---

*) Медаль "В память возобновления Зимнего Дворца" — круглая, диаметром 35 мм. На лицевой стороне, под Императорской короною — вензелевое изображение имени Императора Николая I. По верху — надпись "Благодарю". — На оборотной стороне — изображение главного фасада дворца с развевающимся Императорским штандартом. Надписи: по верху: "Усердие все превозмогает", под образом: "Возобновлением начат в 1838 году, освящен в 1839 г.".

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

МОРТИРА "АХИЛЛЕС"

Знаменитый мастер Московской Руси, Андрей Чехов, работал на Пушечном Дворе, в Москве, с 1568 по 1629 год. За эти шестьдесят лет работы, он отлил более двух сотен всевозможных пушек. К числу его работ относятся, доныне сохранившиеся в Московском Кремле, "Царь-Пушка", "Аспид" и "Троил", и в Петербурге, в Артиллерийском музее, пушки под именами "Ингрог" (т. е. Единорог), "Лев", "Скопая" (Скорпион) и, наконец, знаменитая бронзовая мортира в 117 пудов, отлитая в 1605 году, и носящая имя — "Ахиллес", непревзойденное по красоте орнамента, произведение великого мастера. Она имеет на себе надпись следующего содержания, сделанную при отливке: "Божіей милостью и повелѣніемъ Великаго Князя Дмитрія Ивановича Всѣя Великія Руси Самодержца, въ первое лѣто государства Его, сдѣлана была сія пушка, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7114, мѣсяца сентября въ 26 день. Мастеръ Андрей Чеховъ, а. дѣлалъ пушечный литецъ Проня Федоровъ".

После поражения Русской армии под Нарвой, когда Россия потеряла почти всю свою артиллерию, Император Петр I, нуждаясь в металле, для отливки новых пушек, приказал свезти в Москву, на Пушечный Двор, все лишние колокола из церквей и монастырей всей России, а также и все старые, вышедшие из употребления, пушки, для переливки. В числе этих последних, была привезена из Киева и мортира "Ахиллес", которая сохранялась там, на Ружейном Дворе. Проверяя списки и осматривая орудия, Петр обратил внимание на "Ахиллеса" и приказал ее не переливать, а сохранить для потомства, как замечательный образец Русского литья, в память чего, на мортире была сделана новая надпись, гласящая: "Великій Государь, по Именному Своему указу, сего мортира переливать не указалъ въ 1703 г.". Пушка была сдана на хранение в Московский Арсенал, где, после пожара в 1704 году старой Оружейной Палаты, были собраны трофейные и древние Русские орудия. Отсюда, "Ахиллес" попал в Санкт-Петербург, где находится и в настоящее время.

Анатолий Марков

МОГИЛА ЕРМОЛОВА

Немногим известно, что в г. Орле, в кладбищенском Троицком храме, похоронен генерал Алексей Петрович Ермолов, останки которого были перевезены сюда из Москвы. Скромный памятник стоит на полу, по правую сторону алтаря: пьедестал его обтянут медными листами и заканчивается, высеченной из мрамора, вазой; на вазе этой, стеклянный круглый колпак, под которым, во время служения, теплится лампада. Как пьедестал, так и ваза легко переносятся с места на место. Против них на стене привинчены две белых мраморных доски, с надписью на левой стороне: Петр Алексеевич Ермолов, скончался 1832 года, мая 23-го дня, на 85 году от рождения", на правой — "Алексей Петрович Ермолов, скончался 1861 года, апреля 11-го дня, на 85-м году от рождения". Над досками этими красуется хорошо исполненное Распятие, почти в естественную величину. Сбоку памятника, на церковной стене прибита медная доска с надписью: "1867 г., октября 15-го дня, сей храм возобновлен пристройками, сооруженными на сумму, дарованную Государем Императором в память великих заслуг и трудов, понесенных на пользу Отечества генералом от артиллерии Алексеем Петровичем Ермоловым".

Извлек А. Г.

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОЙ АРМИИ И ФЛОТА

Чин полковника существовал в Русской армии со времен Князя Дмитрия Донского, но носителями его могли быть только бояре и дворяне, выставлявшие за свой счет для государства, полки ополчения. Начиная с Петра Великого, в Русской армии стали вводиться иностранные наименования чинов. Так "Тысяцкий Воевода" был заменен "Бригадиром", "Двухтысяцкий" — генерал-майором, "Пятитысяцкий" — генерал-аншефом, "Воевода Большого Полка" — Главнокомандующим. Сотник переименовался в капитана, пятисотник — в майора. В табели о рангах, учрежденной Петром Великим, появились "штаб" и "обер-офицеры", "субалтернами" считались в его время только прапорщик и поручик. В царствование Императора Александра I, из табели о рангах звание "субалтерна" исключено и все чины, до капитана включительно, становятся "обер - офицерами". Употребив в табели о рангах немецкое слово "штаб", Петр учредил одновременно "штаб-квартиру", "штабофицеров", т. е. офицеров, имеющих свой штаб или состоящих при штабе, как, например, "штабс-капитан" или "штабс-ротмистр". При Императрице Анне, чин капитан-лейтенанта, во всех родах войск, был заменен чинами "штабс-капитан" и "штабс-ротмистр".

Когда в Российской Императорской армии были введены погоны для офицеров, то они были разделены на три категории, как и чины, причем, в каждой категории, чины различались по количеству звездочек. 1) Обер-офицеры, имевшие погон с одним просветом: прапорщик — одну звездочку, подпоручик — две звездочки поручик — три, капитан только просвет, без звездочек, 2) Штаб-офицеры, имевшие на погоне два просвета: секунд-майор — одну звездочку, премьер-майор — две, подполковник — три, полковник — без звездочек. 3) Генералы, имевшие погон без просвета, но с зигзагом: бригадир — одна звездочка, генерал-майор — две, генерал-лейтенант — три, генерал-аншеф — без звездочек. Таким образом, в каждой категории имелось четыре чина с одинаковыми погонами, но различаемые друг от друга — звездами. В последующие царствования, были уничтожены чины майоров и бригадиров и прибавлен чин штабс-капитана, вот почему, в наше время получилось несоответствие, по которому обер-офицерские чины начинались с одной звезды, штаб-офицерские с трех, а генеральские — с двух, что нарушило прежнюю стройную систему.

В старом Императорском Флоте имелся корпус "ластовых офицеров", расформированный в последнее царствование. Состоял он из произведенных в офицеры сверхсрочных унтер-офицеров и боцманов и предназначался исключительно для службы в портах и экипажах. Это были достойнейшие люди, прошедшие суровую школу, тончайшие знатоки своего, подчас довольно сложного, дела. Большинство из них, бывшие баталеры, подшкипера и боцмана, занимали должности заведующих портовыми складами и служили на плавучих средствах порта, заведывали такелажными парусными мастерскими, пловучими кранами и т. п. Чины, ластовые офицеры, имели сухопутные, причем могли дослужиться только до капитана, на каковом чине застревали до предельного возраста, после чего, производились в подполковники, с увольнением в отставку с мундиром и пенсией. Обычно и после отставки они оставались на своих прежних должностях, продолжая службу уже по вольному найму.

Сообщил *Анатолий Марков*

ИЗ ПРОШЛОГО КАЗАНСКИХ ЮНКЕРОВ

Великий Князь Константин Константинович, Главный Начальник Военно-Учебных Заведений, получил 18 октября 1905 г. телеграмму от Начальника Казанского Юнкерского Училища, полковника Геништа:

"Вчера, юнкера вполне доказали преданность Престолу и Отечеству, принудив мятежников положить оружие, чем восстановили законный порядок в Казани".

До этого, местный губернатор так растерялся, что обещал революционерам разоружить полицию и вывести войска из города.

"Наши Вести", № 93/2230.

Обзор военной печати

"ВОЛНЫ ЖИЗНИ" — *Л. П. Кульнева*

Мне уже приходилось давать отзыв о книге нашего дорогого товарища, кадета Первого корпуса и Полковника Стрелков Императорской Фамилии. Книжка — без претензий. Л. П. никого не учит и не философствует. В хорошей литературной форме старый полковник рассказывает несколько эпизодов из своей жизни, связанных с историческими событиями и лицами.

Император, Императрица, Царские Дети. Отдельные штрихи — Российский Император навещает своего друга, в форме его полка, Государыня откровенно жалуется на непонимание общества... и плачет. Родзянко требует войны в совершенно тех же выражениях, в которых ее требуют откормленные и налитые пивом, берлинские бюргеры. — Через два с половиной года, он, так же легкомысленно, будет требовать отречения, а еще через год, будет трястись на телеге. в обозе Корнилова.

Стрелки на фронте. Первые пули, первые потери, первые победы и... уверенность в быстром, победоносном исходе.

Сладко и грустно читать эту маленькую, аккуратную (почти роскошную) книжку, вызывающую из прошлого, давным давно ушедшие, но незабытые, тени. Светлые и темные, и так приятно, что она хорошо написана, что нет в ней ни фальшивого пафоса, ни казенных, стереотипных, фраз, которыми, зачастую, изобилуют воспоминания, связанные с личностью убитого в Екатеринбурге, Российского Императора.

Е. Я.

"ЧЕСТЬ" — *Г. Н. Ишевский*

Автор этой книги Г. Н. Ишевский обратился ко мне с просьбой помочь в корректуре ее, перед отдачей в типографию. Я не только не пожалел, что "потратил время" на это но, сердечно благодарен Ишевскому, что он предоставил мне возможность ознакомиться с его прекрасной книгой, еще до выхода ее в свет. Да, именно, прекрасная книга. Она интересна не только для нас, кадет, которые увидят в ней, мастерски написанный, "кусочек" своего родного корпуса, но и "собственный портрет", в лице выведенных там типов кадет. Мало этого. Там вы прочтете вообще о России, жизни Ее в прекрасные времена монархии, увидите художественные зарисовки представителей разных кругов России: духовенства, помещиков, офицерства, простолюдинов... Один Михеич чего стоит... Наконец, замечательные описания природы, красавицы-Волги, Симбирска...

По всем этим причинам, книга имеет не специфический кадетский, а общий интерес и я могу от души рекомендовать всем ее приобрести — не пожалеете. Владелец типографии, в которой она печатается, попал в зарубежье только после этой войны и ему она могла бы быть не так понятна, как литература описывающая быт современный, тем не менее, о книге Г. Ишевского он сказал: "отличная книга. Она должна выдержать еще одно издание". *Е. Кравченко.*

КАДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

В воскресенье, 13 ноября, в Париже, Обще-Кадетским Объединением было устроено Торжественное Собрание, посвященное памяти Великого Князя Константина Константиновича, по случаю исполнившейся сороковой годовщины Его кончины.

В 15 часов, в большом зале Русского Музыкального Общества, переполненном приглашенными гостями и кадетами, членами Объединения, с их семьями, Отцом Архимандритом Романом, была отслужена Панихида с поминовением Великого Князя, всех членов Его Семьи и всех воспитателей, преподавателей и кадет Российских кадетских корпусов. Прекрасно пел хор Объединения, под управлением кадета 2-го корпуса А. П. Руссаковича, а "Отче Наш" и "Вечная Память" были исполнены С.-Петербургским вокальным квартетом, под управлением И. К. Денисова.

Княгиня Ирина Иоанновна, вдова нашего Почетного Председателя, Великого Князя Гавриила Константиновича, занимала место в первом ряду, справа, среди старейших кадет Объединения.

Собрание открылось докладом Председателя Объединения А. А. Геринга — "Наш Отец и Воспитатель". Сжато обрисовав всю разностороннюю деятельность Великого Князя, докладчик перешел, во второй части, к оценке Его личности и дал яркий духовный образ Почившего, нашего Отца и Благодетеля. Конец доклада был покрыт звуками величественной песни Дворянского Полка "Братья все в одно моленье", исполненной кадетским хором.

Вслед за этим, кадет А. Д. Шмеман прочитал, присланные к этому дню, воспоминания одного из кадет о посещении его корпуса Великим Князем. После перерыва, состоялось литературно - музыкальное отделение из произведений Царственного поэта К. Р., причем открыто оно было Евгенией Ивановной Тряпкиной, прочитавшей, присланное нам из Америки и напечатанное в "Военной Были", стихотворение кадета Воробьева — "Кадету". Затем, Вера Вячеславовна Кузьмичева исполнила несколько романсов Чайковского и Калинникова на слова К. Р., артист Александр Александрович Вырубов прочел его стихотворения и заключительный монолог Иосифа Аримафейского из "Царя Иудейского". Концерт завершил С.-Петербургский вокальный квартет, под управлением И. К. Денисова, исполнивший знаменитый Хор Учеников Иисусовых, положенный на музыку А. К. Глазуновым.

Прекрасно организованное торжество оставило у всех присутствовавших такое же прекрасное впечатление. Отрадно отметить, что кадеты Обще-Кадетского Объединения не забывают своего Духовного Отца и Наставника. Постановка в 1951 году, в концертном исполнении, полностью, "Царя Иудейского", и сегодняшнее собрание ярко об этом свидетельствуют.

В. В.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

№ 18

МАЙ 1956 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 5 - й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение и Общество Любителей Русской Военной Старины извещают, что под Августейшим Почетным Председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Андрея Владимировича, в воскересенье 15 апреля, состоялись

ПАНИХИДА И ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ,

посвященное 75-летию мученической кончины Царя Освободителя

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Александра Николаевича

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Гренадеры — **Обще-Кадетское Объединение** . .	1
Пасхальный караул в Кремле — **П. В. Сушильников**	2
Во дворце Великого Князя Владимира Александровича **Г. Д. Гребенщиков**	7
«Цусима» — Капитан 1 ранга **Б. Казмичев** . .	10
Отрывки из писем вахтенного начальника клипера «Всадник» (Окончание) — **Н. С. Чириков**	14
Лейб-гвардии Гренадерский полк — **Сергей Савицкий**	17
Застольный тост — **В. В.**	18
10 гренадер. Малороссийский Генерал-Фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского полк — **Н. Витте**	18
Царская Сотня — **Д. Вертепов**	19
Донесение — **Э. Г.**	20
Из кирасирских былей — **Анатолий Марков**	21
Заметки Медалиста — **Владимир фон-Рихтер** . .	21
Обзор военной печати	22
Хроника «Военной Были»	24
Почтовый ящик	III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и европейских странах — 1050 Франков с пересылкой. В странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. В Германии — 12 мар.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16°). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

5-й год издания **№ 18 МАЙ 1956 Г.** **Bimestriel. Prix — 180 fr.**

Христос Воскресе!

Редакция и Издательство «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» поздравляют всех своих дорогих сотрудников, подписчиков и читателей со Светлым Праздником Воскресения Христова.

ГРЕНАДЕРЫ

В 1756 г., Повелением Императрицы Елизаветы Петровны, из гренадерских рот пехотных полков были сформированы первые четыре гренадерских полка.

В текущем, 1956 году, исполняется 200 лет со дня их основания. Молодые полки, быстрыми шагами сковали свою боевую славу, о чем нам свидетельствует Русская военная история.

После ряда переименований, полки эти стали: № 1 — лейб-гвардии Гренадерским, № 2 — 6 гренадерским Таврическим Великого Князя Михаила Николаевича, № 3 — 1 лейб-гренадерским Екатеринославским Императора Александра II и № 4 — 10 гренадерским Малороссийским Генерал - Фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полком.

1 и 4 гренадерским полкам посвящены, в настоящем номере, особые очерки, 2 гренадерский, затем 6 Таврический награжден знаками на шапки с надписью: "ЗА ОТЛИЧИЕ в 1812-14 гг." и особой надписью на знамя "за отбитие французского знамени у Бергена (Голландия) в 1799 году". Впоследствии, эта награда была приравнена к награждению Георгиевским знаменем.

3 гренадерский — Екатеринославский полк имел знаки на шапки за 1812 год и Георгиевское знамя "за Аладжу" в 1877 году, на Кавказском фронте.

Остальные гренадерские полки не отставали в доблести от своих братьев. Боевая слава осеняла всегда гренадерские знамена и подвиги их отмечены наградами за Берлин, Требию и Нови, Шенграбен, Татар-Базарджик, Вязьму, Остроленку, Варшаву, Плевну, Карс, Хаджи-Вали.

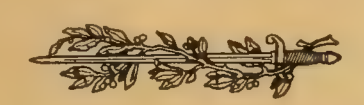
В войну 1877-78 гг. Гренадерский корпус, в составе 2 и 3 гренадерских дивизий, принял участие на Балканском театре, а 1 гренадерская дивизия — на Кавказском фронте.

Доблестная Кавказская гренадерская дивизия десятки лет вела героическую непрерывную борьбу по замирению Кавказа, а один из ее полков — 16 гренадерский Мингрельский участвует в переходе Суворова через Альпы. Немеркнущей славой горят имена: Ахалкалаки, Шуша, Баш-Кадыклар, Чингальские Высоты, Кюрюк-Дара, Аладжа, Хаджи Вали, Ардаган на знаменах и шапках кавказских гренадер. Полки этой дивизии были награждены всеми Георгиевскими наградами до рожков и петлиц включительно.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПАВШИМ ГЕРОЯМ ОФИЦЕРАМ И ГРЕНАДЕРАМ.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ДОБЛЕСТНЫМ ГРЕНАДЕРСКИМ ПОЛКАМ.

Обще-Кадетское Объединение.



ПАСХАЛЬНЫЙ КАРАУЛ В КРЕМЛЕ

— Извольте — приказ, В.В.Б. — и, вошедший в столовую, денщик подал сложенные пополам несколько листков грубой, грязноватой бумаги.

— Вот так фунт, — воскликнул Черепанов, едва взглянув на первую страницу полкового приказа.

— Что такое случилось? Что Котя? — бросила на него беспокойный взгляд жена и застыла с кисточкой и писанкой в руках.

— Да, вот, полюбуйся, — объявлен наряд на всю Пасхальную неделю.

— Ну, и что же? — дрогнувшим голосом переспросила она.

— Да то, что в Субботу полк заступает в караул, а я — караульным начальником на Дворцовую гауптвахту.

— Боже, — какое несчастье... Значит, мы не сможем поехать к Тройце-Сергию, — и слезы часто-часто закапали на писанку.

— Да. — Придется послать телеграмму тете Кате, что мы приедем только на Первый день.

— Котя, милый, быть может ты с кем-нибудь из холостых поменяешься? — надеждой засветились ея глаза.

— Ну, — нет. Я на это не пойду. Приказ есть приказ. Да, и нема дурней. У всех уже выработана программа и никто не захочет ее ломать.

— Да, как же это? В такой великий праздник и я буду одна?

— Ну, поезжай к тете Кате и жди меня там.

— Ни за что. Я непременно хочу быть с тобой, твердо заявила она и даже слезы у нея высохли.

— Пришли мне, милая, с Василием пасхальную снедь, но только не позднее 10 часов, а то он в Кремль не продерется через толпу.

— А я могу приехать с ним?

— Никак это невозможно. В караульное помещение посторонние не допускаются.

— Это я-то посторонняя? — с негодованием воскликнула Лизочка и, даже топнула ногой. — Мерзкие ваши законы.

— По уставу, свидания разрешаются только с арестованными и то по особому пропуску Комендантского Управления, в определенные часы и только днем. К чинам же караула допускается только прислуга приносящая пищу.

Лизочка комочком сжалась в кресле, подперла кулачком подбородок и, сморщив лоб, о чем-то усиленно думала.

Вдруг вскочила, закружилась по комнате и запела:

— Слез довольно! прочь печаль! — пусть ликующая даль... Села на подлокотник кресла, взерошила мужу прическу и стала его целовать.

—

В Астраханском гренадерском полку велась особая очередь для наряда в Пасхальную ночь на Дворцовую гауптвахту. В этом году очередь подошла 3-й роте. Изстари велось, что в этот день в караул наряжались евреи, магометане и даже католики, если их Пасха не совпадала с нашей, но, на Дворцовую гауптвахту, в этот день особрали исключительно православных. Даже барабанщик Лейбрудер был заменен другим, хотя очередь итти в караул была ему.

Смирно! Слушай на кра-ул! Равнение напра-во! встретил рунд дежурного по караулам. Оркестр играл "Встречу".

Поздоровавшись с караулами и обойдя их Д. А. Романов приказал взять "к ноге", вышел на середину перед караулами и скомандовал:

— Смирно! Господа офицеры! — Играть сбор.

Еще с кадетских лет, Черепанову был знаком этот сигнал, кадеты его называли "сигнал к обеду", по которому младшия роты стремглав бросались изо всех закоулков, поднимая неимоверный галдеж, — первая же рота строилась медленно, с сознанием своего превосходства, под командой вице-фельдфебеля и только под наблюдением дежурнаго по роте воспитателя, следовала медленным, "тяжелым", солидным шагом. В исполнении оркестра, Черепанов слышал этот сигнал впервые: в мягкий фон незнакомой мелодии диссонансом вырезались звуки горнов и бодро рокотали барабаны. С момента "сбора" считается, что караулы поступают в прямое подчинение Коменданта города и тогда все проступки и упущения караются значительно строже.

— Караульные начальники вперед!

Черепанов и высокий, красавец Гульденбальк де Гийдль, наряженный на Тверскую гауптвахту, держа "под козырек", твердым шагом подошли и остановились в трех шагах от дежурного по караулам; к ним пристроились начальники унтер-офицерских караулов. Полковник вручил каждому запечатанный конверт с паролями. Под бодрый, волнующий марш — "Под Двуглавым Орлом" — караулы покидают полковой плац.

У ворот, группа офицеров и дам приветствует уходящих. Жена "Гульдена" больше прижимала платок к глазам, чем приветствовала мужа. Черепанов недоумевал, почему его Лилечка не может скрыть своего восторга и вся сияет, а платком так яростно машет, будто вытряхивает из него все свои мечты.

— В.В.Б. нам надо бы направо, — удивленным тоном обратился к Черепанову, идущий рядом караульный унтер-офицер Кириенко.

— Нет, я веду вас правильно, по короткой дороге, которую в полку еще не успели узнать, а я в этих краях с малых лет.

Вот здесь был небольшой прудок, я еще на нем на коньках бегал. При постройке казарм, пруд засыпали и на его месте теперь пулеметная команда нашего полка. И вообще до постройки наших казарм, у нашей улицы, носящей довольно странное имя — Золоторожская, — была застроена только одна сторона, а

до самой Проломной заставы и до вон того завода Гужона, простирались огороды.

— В.Б. как же это так, — спрашивает Кириенко Черепанова, — наш такой славный, знаменитый Шефский полк и, вдруг стоит на такой сомнительной улице. Золотороцкая, ведь это "золотая рота"—те, что на бочках ездиют — арсинизаторы.

— Нет, это не совсем верно. Название улицы происходит от ручья Золотой Рожок, впадающего в Яузу около Андроньева монастыря, вблизи которого наша улица и переходит через Золотой Рожок по мосту. Но я слышал, что Городская Дума уже предполагает переименовать нашу улицу в Астраханскую.

А, вот, этот желтый забор в целую версту длиной, за ним в липовой роще бывший загородный дворец Графа Алексея Разумовского, теперь в нем контора и квартиры директора и служащих Чайного Отделения таможни. Раньше здесь были склады Северного страхового общества, теперь же огромные корпуса заняты складами чая. Но местное население и до сих пор зовет — Северное общество, или просто — Северное.

— Отворяй ворота, Максимыч, — крикнул Черепанов, останавливая караул.

— Батюшки, да никак это наш барчук, барыни Черепанихи сынок, — заволновался древний страж, сползая с глубокой предворотной лавки.

— Сейчас, сейчас, — зазвенел он ключами. — Пожалуйте, пожалуйте. Проходите нашими палестинами. — широко распахнул Максимыч ворота, снимая картуз.

— Как же, помню вас еще махоньким кадетиком, как ваша мамаша домок купили, — ведь, один забор с нашим "Северным", все сквозь нас в Сыромятники бегали.

На столетних липах широкой аллеи, набухли почки, местами уже прорезывались нежные листочки. Пасха была поздняя.

На бой барабанов, выскочили на крыльцо дворца служащие Таможни и оживленно приветствовали, узнавши, Черепанова — друга детства и юности некоторых из них. Другой инвалид, заслышав барабан, держал выходные ворота уже открытыми. Ворота выходили непосредственно на деревянный мост, под ним текла сонная "семицветная" Яуза.

Гренадеры расселись по перилам и крутили "собачьи ножки".

Основатель нашего полка, Великий Петр, очень любил эти места. Здесь, по берегам Яузы и ручья Кукуя, раскинулась Немецкая слобода... И Черепанов, за десятиминутный отдых, познакомил гренадер с жизнью Петра в селе Преображенском, бегством его в Троицко-Сергиевскую лавру, его борьбой с сестрой Царевной Софьей.

Дальше путь караулу лежал через Хитров рынок, части Москвы, где ютилась в ночлежных домах и во всевозможных лачугах городская беднота. На каждом шагу попадались типы Максима Горького. Здоровенный верзила в опорках на босую ногу, в рваных портках, в дыры просвечивает грязное, худое тело, с копной взъерошенных рыжих косм, вылупив мутные буркалы, балансируя на неустойчивых ногах, дирижирует воображаемым оркестром:

— Ать, два. Левой. Левой. — Здравия желаем Вашему Высоконеперескочишь. И пускает низкой генеральской октавой: — Спасибо за службу. Молодцы Ернадеры.

Огромная, простоволосая баба сидит на панели, прислонившись к тумбе. Она повернула к проходящим отекшее, с заплывшими глазами, лицо-подушку и завопила:

— Красавчик ты мой. Подари на опохмелку. Страсть, башка трещит.

Подхватив брошенную ей мелочь, послала Черепанову воздушный поцелуй и произнесла изысканную благодарственную французскую фразу, тем языком, которым говорят только столичные институтки. Красный до корней волос, со слезами на глазах, смотрел Черепанов на эту пропавшую женщину. Задерживать караул нельзя. Но та, которой он уже приготовил уголок в своем милосердном сердце, вдруг разразилась такой виртуозной, многоэтажной, правда, безличной, — бранью, что гренадеры от удовольствия заржали. Кириенко, поправляя амуницию сердито посмотрел на них через плечо.

"Как вернемся от тети Кати — разыщу эту несчастную женщину", — думал Черепанов. — "Кто она такая?", — и фантазия увлекла его по следам "Чухи", мрачной героини "Петербургских Трущоб" — Всеволода Крестовского. — "Безобразно ведете караул", — раздался грубый окрик над ухом Черепанова. Трамвай давал звонки, требуя половину и без того, по Московскому обыкновению, неширокой улицы. Предполагая сойти с рельс, по миновании этого злополучнаго забора и таким образом, дать дорогу неистово звонившему трамваю, Черепанов невольно задержался в этом узком месте, трамвай же, хотя и следуя шагом, врезался в караул и расстроил его ряды, что и вызвало взрыв негодования грозного Командира Батальона Юнкеров, отбывавшего командный ценз в полку Черепанова. Перегнувшись через перила трамвая полковник В.-В., жестикулируя рукой в белой перчатке, обещал: — "Это так не оставить и доложить Командиру полка", чем окончательно испортил настроение духа Черепанова.

Китай-Город проходили по Варварке, мимо хором Бояр Романовых. Маленький двух-этажный дом с узкими окнами, забранными фигурными свинцовыми решетками, со слюдой вместо стекол, казался изящной, дорогой игрушкой, сверкая цветной изразцовой облицовкой стен и мозаичной крышей. Вот собор Василия Блаженного, единственный архитектурный памятник у которого каждая из его семи глав в ином стиле. Высокое Лобное Место, на котором не одна тысяча гордых бояр сложила свои непокорные головы.

Всходил на этот эшафот степенным шагом, поглаживая волнистую седую бороду и именитый князь Василий Иванович Шуйский, вступивший в пререкания с палачем, который пытался снять с князя аксамитовую вышитую цветными камнями рубаху. Князь же

требовал, чтобы тот снял ему голову в рубахе: — "Хочу предстать пред Господа в образе мне приличествуемом". Палачу же была корысть получить драгоценную рубаху не залитую кровью. Во время этих препирательств из Спасских ворот выскочил конный Стрелецкий сотник и во весь опор, махая над головой шапкой, помчался к месту казни. Он привез помилованье князю Шуйскому, которое Марина Мнишек, на свою голову, испросила у Самозванца.

Избранный на Царство юный Михаил Феодорович вступил в Кремль во главе пышной процессии, на белом коне, — через Спасские Ворота. В память чего было завещано всем проходящим через эти ворота снимать шапки, за чем сами проходящие ревностно следили: срывая с невнимательных или нерадивых головные уборы, бросая их им под ноги. Черепанов помнил, как первая рота ладет, вооруженная берданками, проходила Спасскими воротами, под командой толстенного Стромбона — "держа ружье на плечо".

До перевооружения армии трехлинейными винтовками, отдание чести производилось двумя совершенно отдельными приемами: сначала подавалась команда: "на-плечо", по ней берданка от "ноги" подбрасывалась вверх, вдоль тела и хваталась указательным пальцем под спусковую скобу. Этот пріем служил для отдания чести небольшому начальству (до батальонного включительно). Этим же приемом отдавалась честь на ходу. Обращаясь к офицеру, вне строя, нижний чин обязан был взять "на-плечо". Прежняя манера носить ружье на походе называлась "ружья-вольно" и, при перевооружении, была заменена командой — "на-плечо". Прежде и офицеры в строю, на ученьях и даже в походах шли с обнаженными шашками, теперь же, проходя тесными Спасскими воротами, Черепанов только скомандовал "Смирно" и под гулкими сводами древних ворот отдался четкий, тяжелый гренадерский шаг.

Тесно прижался к кремлевской стене Вознесенский женский монастырь, знаменитый своими золотошвеями. Не одна Царица, Царевна и боярская знать женского пола волей или неволей находили успокоение под черным куколем. Сосед их с мрачными переходаеми и подземельями — Чудов монастырь. Встают образы и Пимена, и рыжого Гришки Отрепьева.

— Еще одно последнее сказанье. — Под сенью русского стиля, величественный памятник Царю-Освободителю в короне и в царственной порфире, под тяжестью складки которой лопнула гранитная ступенька.

Мелькнул силуэт Царь-Пушки, в чьем жерле, в лютую зиму, нашли замерзшего бродягу. На цоколе стоит Царь-Колокол — 12.000 пудов. Для него была построена деревянная звонница, которая стала жертвой пожара. Падая, колокол отбил себе край в добрую треть всей массы. Кусок этот прислонен к цоколю. Черепанов знает — на памятной доске обозначено, что колокол: — пробыл в земле 100 и три года.

Но затрохотал барабан. Караул входил на Ивановскую площадь и очутился перед платформой гауптвахты.

На ней два раза звякнул колокол и стал выстраиваться старый караул. Развернув своих солдат, Черепанов, как того требует воинская вежливость, первый подал команду для приветствия и взявши шашку "подвысь", пошел представляться начальнику сменяемого караула, объявив ему старый пароль "Киев".

Вернувшись к своему караулу, выждал пока старый караул взял к ноге, и тогда только, тоже по воинской учтивости, — скомандовал своему и приказал:

— Часовой у фронта, — вперед!

— Пост у фронта. Под сдачу тулуп и кеньги. Зорко смотреть. Кому надо караул вызывать. Господам офицерам справно честь отдавать и белобрысый курносый Перновец сделал шаг в сторону, уступая место новому. Вступив на пост, новый часовой круто повернулся кругом и ударил раз в колокол. По этому звонку Черепанов повернул караул и ввел его на платформу. Старый караул, сойдя с платформы, составил ружья и сидел на ступеньках Красного Крыльца, с которого, в день коронования, Царя и Императора отдавали народу поясной поклон.

Непосредственно сзади, к гауптвахтѣ примыкали кладовые Государственного золотого запаса, недавно перевезенного в Москву. Сдача стальных запечатанных дверей производилась целой комиссией: старый и новый дежурные по караулам, Караульные начальники, Караульные унтера-разводящие. В самом караульном помещении находилось несколько несгораемых шкафов Дворцового ведомства и других гражданских учреждений. Сдавая эти шкафы Черепанову, высокий представительный поручик, оперся рукой о верхний борт шкафа, рука его скользнула по крышке шкафа и наткнулась на какой-то предмет. Заинтересовавшись он пошарил и вытащил, покрытый слоем пыли, портфель. Гравированная пластинка указала, что он принадлежит казначею Сохранной Казны. Портфель был заперт на ключ, так что ознакомиться с его содержанием было нельзя. О находкѣ сообщили в Комендантское Управление. В присутствии Комендантского адъютанта был составлен акт и опечатав портфель адъютант забрал его в Комендантское.

Выяснилось, что портфель забыл на шкафу, два года тому назад влюбленный казначей. Директор же Сохранной Казны не знал, что делать с этими 25.000, так как они уже были списаны в убыток.

На кресте колокольни Ивана Великого копошились две фигурки. Это, выписанные из Кронштадта, матросы заканчивали установку электрической иллюминации. Еще засветло, Ивановская площадь стала наполняться народом, а когда стемнело, то, вплотную к барьеру гауптвахты, люди стояли тесно притиснутыми. Пришлось у входов на платформу поставить гренадер препятствовавших доступу на нее. По всему Кремлю были расположены свечные ларьки. Монахи бойко торговали разнокалиберными свечами, преимущественно красного воска.

Странное явление поразило Черепанова, из толпы на платформу бросали деньги. Звякали серебряные и медные монеты. Иногда падал какай-то комочек Больше всего бросали, стараясь попасть в будку с одеждой часового. Д. А. Романов объяснил Черепано-

ву, что это обыкновение в Святую Ночь и чтобы не стеснять публику посоветовал уйти с платформы.

———

Вот что рассказывала Лизочка тете Кате, на другой день у Тройце-Сергія:

— Приготовила я для Коти всякие вкусные вещи, уложила все в корзинку и говорю Василию: "Вот что Василий, я пойду тоже к мужу, только достаньте для меня у кого-нибудь из ваших знакомых какое-нибудь пальто попроще, чтобы я могла сойти за прислугу". "Слушаю, барыня, это можно. А полушубок и баретки тоже прикажете достать?", спрашивает он.

"Нет, говорю, на мою ногу вряд ли достанете".

"Это точно, барыня, у вас ножка крохотная, как детская".

Вѣдь какой тонкий комплимент.

"Да у меня найдутся стоптанные на низком каблуке. И полушалка не надо,—я надену оренбургский платок". Ну, минут через двадцать — приносит. Такой молодец. Говорит: "у кухарки капитана Данаева достал. — Эта кухарка, — говорит как-то чудно называла, я уж и сказать не могу: — ватер... ватерпруф". Немного широк оказался, ну, — ничего. Посмотрела я на себя в зеркало, да, чуть со смеху не лопнула. Хотя оренбургский платок очень выгодно оттенял мордаху. Сейчас же за воротами полка, нашли извозчика и покатили. Кое-как добрались до Спасских ворот, а там стоп. В Кремль уже никого не пропускают, — только у кого у кучеров на шляпах пропуск. Тут Василий и говорит: "Погодите, барыня, я спрошу вот этого околодочного, он может и пропустит". Околодочный, такого свирепого вида, уже схватил нашу лошадь под уздцы и хочет поворачивать, да посмотрел на Василия и спрашивает: "Ты какой роты?". А Василий отвечает: "Славной, нарезной третьей роты". — "Капитана Данаева?". — "Так точно, их самих казенная прислуга". — "А барышня, что с тобой". — "Они будут камеристка барыни Черепановой. — Поручика тоже нашей роты". — "Их при мне что-то в полку не было". — "Так точно, — они к нам перевелись с Дальнего Востоку".

"Позвольте, барышня, представиться, так что, выходит — одного полку. В третьей роте у Капитана Данаева военное образование получил: "Взводный Горобец".

Тут я решила сама действовать и склеила из себя дурочку: — "Господин пристав, нам очень нужно своим господам предоставить пасхальное продовольствие на дворцовую абвахту, да, вот мы встретили такое непреодолимое препятствие в виде вашего служебного долгу". — Ну, он и растаял.

"Пожалуйте, пожалуйте, барышня. Как можно отказать своего полку. Да еще такому антиресному сужетцу. Только извольте отпустить извозчика, — потрудитесь пройти своими ножками". — Крутит Горобец свой ус. — "Ах, я вами очень благодарна", — сама с извозчика — порх. А Василий с корзинкой прокладывает дорогу в толпе. Чем дальше по Кремлю — тем толпа гуще. А как добрались до Ивановской площади тут уж Василий надрывается, кричит: — "Дорогу по служебному делу". А я ухватилась сзади за его пояс, так он меня на буксире и протащил. Добрались до самого барьера гауптвахты я и говорю: "Василий, дайте мне корзинку, — дальше я уже сама буду орудовать". Вся площадь до того запружена народом, что, действительно, — яблоку негде упасть. И все с горящими свечами. — Вечер теплый, благодатный. Ветерок и не колыхнет пламя у свечей. Почти рядом со мной стоят двое хороших знакомых! Павел Дмитриевич Мухин, — муж моей институтской подруги и его приятель, известный всей Москве доктор, он же консул одного из балканских государств. Я — оренбургский платок — на нос, чтобы не узнали в таком виде. Доктор и говорит Мухину: — "Ну, ваше степенство, следуйте благому примеру" — и бросает в будку часового несколько монет завернутых в "красненькую".

"А никто эти деньги зря не растащит?".

"Что вы, Павел Дмитриевич, по уставу чины караула не имеют права принимать ни подарков, ни денег. Помните, как Суворов, стоя на часах, не принял от Елизаветы серебряный рубль за ловко сделанный прием, а попросил Царицу бросить этот рубль на землю, и получил его только после смены с караула, и хранил этот рубль, как святыню".

"Я, конечно, от вас не отстану", — картавит Мухин, и как мне показалось вытащил из бумажника четвертную, высыпал на нее несколько золотых, закатал их в бумажку и бросил в будку, но комок этот ударился о стенку будки и лег у самых ног часового. Тот же, как бы не замечая, взвалил винтовку на плечо и зашагал в другой конец платформы.

Вход на платформу загораживают, схватившись под руки, два здоровенных гренадера. Я к ним! — "Служивые, мне надоть своему барину гостинцы передать". — "А кто, барышня, будет ваш барин". — "Поручик Черепанов", — говорю. — "А это караула начальник. Взойдите на платформу". В это время часовой подошел к будке, увидал меня и ударил раз в колокол. Ну, думаю, беда, — сейчас Котька выйдет и меня погонит. Нет, — вышел бравый унтер и так вежливо обращается ко мнѣ: — "Вам кого позволите барышня". — "Мово барина, — поручика Черепанова. Барыня им со мной посылают розговенье. Пропустите, кавалер". — "Пожалуйста, барышня. Да позвольте вашу корзиночку". — "Ничего, кавалер, — я сама. Она не чижолая". — "А как ваше имячко, барышня". Тут и я запнулась, но, сейчас же нашлась. — "Таня, Таней меня зовут".

Слышу в дверь унтер докладывает: "Так что, позвольте доложить В.В.Б. от вашей барыни барышня Таня чевой-то Вам принесли". Слышу Котька бурчит: — "Какая еще там Таня? Ничего не понимаю. Ну, зови". Унтер распахнул двери: — "Пожалуйте, — просят". Вошла. За столом сидит Котька и бородатый Данаев.

Я им почти в пояс поклонилась и говорю: — "Здра-

сте, барин. Вот барыня вам прислала на Светлый праздник", и поставила корзинку на стол.

Котя как вскочит, — да заорет: — "Лиля. — это ты, сумашедшая". — А сам, вижу, от радости дрожит.

"Лиза, — это вы? Вот так сюрприз" и Данаев встал из-за стола. Ну, тут я не выдержала, да, — как расхохочусь и бросилась Котьке па шею.

"Ну, Лиза, ловко ты придумала. Браво". Целует Данаев мне руку.

Я же, тетя Данаевых знаю с детских лет: у Лины я была девочкой с образом. Ну, а потом, — потом была сказка. Караул выстроился на платформе. Котя сказал, чтобы я на платформу не вылезала. Я стояла в дверях и все видела и слышала. Ведь, это та самая площадь, на которой при Царях наказывали провинившихся бояр батогами и они орали "во всю Ивановскую". Теперь же она сплошь залита народом. От тысяч свечей разливается нежный, ласковый свет. Спасские часы своим характерным "шлем — блем" отбивают четыре четверти, а за тем раздается слегка дребезжащий удар колокола. В несметной толпе стоит благостная тишина. Кажется, все притаили дыхание. Но, вот, отзвучал Двенадцатый удар и с колокольни Ивана Великого отлетел мягкий бархатный удар огромного колокола. Имя этому колоколу "Реут". В тот же миг к нему присоединились колокола всех сорокасороков Москвы, такой стихийной волной, такой божественной гармонией, что у меня слезы полились градом. И звуки эти все ширились и наполняли душу небесной симфонией. Внезапно вспыхнули контуры и Ивана Великого и всех соборов, стало светло, как днем.

В эту плавную мелодию ворвались победные, торжествующие звуки пушечной пальбы, от которой звенели стекла. На Тайницкой башне шел воинский салют. С паперти Успенского собора несся первый радостный, ликующий напев огромного хора — "Христос Воскресе". Многотысячная толпа подхватила — "из мертвых, Смертию смерть поправ". Караул вплел свои голоса: — и сущим во гробех" — и край толпы закончил эту песнь могучим аккордом: "Живот даровав". — В сиянии тысяч огней, шли вокруг соборов крестные ходы. Сотни массивных, кованного серебра, хоругвей плыли над толпой. И торжественный тропарь еще и еще расстилался над исторической площадью. Сонм духовенства в светлых ризах. Эполеты, звезды, ленты, золото и серебро парадных мундиров. Дамы в шикарных туалетах, залитые бриллиантами, медленно шествуют в крестных ходах, трижды обтекающих соборы, а я притаилась и стою в "ватер-пруфе".

Пришедший из Успенского собора Д. А. Романов, — сперва покосился на Лизочку, но когда Данаев рассказал ее маневр, — рассмеялся:

— Ничего не поделаешь. Вы ловко обошли закон, — похристосовался с ней и добавил: — Милости просим. Прошу быть за хозяйку.

Пока офицеры пошли христосоваться с караулом, Лизочка накрыла стол скатертью, расставила пасхальные снеди и бутылку портвейна. Заботами полка и Дворцового ведомства в караульном помещении был накрыт стол со всеми пасхальными яствами и даже пивом.

— Да, Дмитрий Александрович, — говорила Лизочка, — я на всю жизнь сохраню память об этой Светлой Ночи, проведенной в самом центре священного Кремля, в такой необыкновенной обстановке и в вашем сердечном, милом, обществе".

Вестовой доложил, что экипаж подан. Это Данаев должен ехать поверять караулы Государственного Банка, Ссудной Казны и другие.

— Лиза вы поедете со мной и пока я буду поверять караулы вы будете ждать в экипаже, а так как один караул недалеко от полка, то я вас отвезу домой.

— Христос Воскресе, — обратилась Лиза к Кириенко, вытянувшемуся при проходе офицера, провожавших ее к экипажу.

— Воистину Воскресе... барышня... барыня... — запнулся бравый унтер. Лиза сердечно с ним похристосовалась и окончательно привела его в полное смущение. Смотрел он вслед "барышни Тани" восхищенным взглядом и долго скреб в затылке.

Несколько раз Черепанов выходил на платформу. Площадь заметно пустела. Но все еще звякали, бросаемые на платформу, монеты.

Дворцовая гауптвахта расположена в непосредственной близости к Успенскому собору, в котором происходило коронование Царей и всех Императоров, и справа к Архангельскому собору — этой усыпальнице всех Царей древней Руси. В соборах шла еще служба. Сияли их контуры обведенные разноцветными лампочками. Уже занимался день, когда Кириенко, в сопровождении сторожа, вышел на платформу и приказал ее подметать. Сторож, вместе с мусором, сгребал в кучки и монеты, среди которых попадались и золотые, и комочки кредиток с закатанными в них монетами и отдельные кредитки. Особенно тщательно он выметал из будки. Потом собрал кучки совком, ссыпал в мусорное ведро и унес его, под наблюдением Кириенко и разводящего, в караульное помещение. Там, под тем же наблюдением, выложил содержимое ведра в растеленный огромный клетчатый платок и завязал крест-на-крест крепкими узлами.

"Ну, клади его на этот шкап. Авось, как этот казначей, его не забудем".

Черепанов видел, когда он сводил караул после смены, что к левому флангу пристроился и этот сторож в мундире Дворцового ведомства, в галунах с черными орлами. Подмышкой у него был объемистый узел из коричневого клетчатого платка.

— Спасибо молодцы за службу, — поблагодарил Черепанов, выстроивши караул в помещении роты. И получив дружный ответ — скомандовал: — Разойтись.

— Взводные, — в канцелярию, — приказал фельдфебель, когда Кириенко подвел к нему сторожа с узелком.

И только тогда чины караула считали вправе ка-

саться этих денег. Прибывшему Данаеву фельдфебель доложил, что насчитал 3254 рубля.

По традиции, деньги эти были распределены так: третья часть отчислялась в образную сумму, третья часть — в артельную сумму, и третья часть распределялась поровну между всеми нижними чинами роты, по списочному составу, причем чинам караула в двойном размере. Сторожу выдали 25 рублей.

В первую очередь Кириенко собрал свой караул, и все 52 гренадера потянулись к ротной канцелярии, где Данаев уже щелкал счетами.

— Вот это так, дюже гарно, — получили от Москвы красну пытанку, — ухмылялся Кириенко, выходя из канцелярии с зажатыми в книжке двумя "красненькими".

П. В. Сушильников.

Во дворце Великого Князя Владимира Александровича в Петербурге

Чтобы рассказать об этом, исключительном для меня, событии, приходится, коснуться, многих, случайностей и совпадений, которых выдумать нельзя, но в которые и сам я теперь верю с трудом. Потому я и не решался до сих пор никому об этом рассказывать, а писать, тем более.

В тех отрывках из моей, все еще ждущей издания, книги "Егоркина Жизнь", которые были в разных изданиях напечатаны, я уже рассказал, как маленький Егорка, т. е. будущий автор этих строк, на своей родине, в предгорьях Алтая, слушал чтение его матерью письма от дедушки. В письме этом дедушка упоминал, что Павла, его третьего сына, Егоркиного дядю, взятого в солдаты — "угнали на край света — во Владивосток". Вот тут, мать Егорки и пояснила слушателя, что это большой, новый город на Дальнем Востоке, названный в честь Великого Князя Владимира. Потому Влади-Восток. Но это быть может не запомнилось бы, если бы тут же отец Егорки, Митрий, не рассказал о том, как он, будучи подростком 17 лет, должен был, по наряду начальства, подать пару лошадей своего родителя, чтобы составилось вместе с другими лошадьми, *шестерка.* Вот эту-то шестерку лошадей и должны были гнать тридцать верст в Убинский Форпост, казачью станицу, на Иртыше, чтобы впрячь ее в тяжелую походную кухню в большом, колесном и гужевом караване Великого Князя Владимира. Вот тогда-то Владимир, родной дѣд, здравствующего ныне Главы Дома Романовых Великого Князя Владимира Кирилловича, и проезжал всю Сибирь на колесах, на перекладных подводах, со свитой — открывать новый русский порт на Дальнем Востоке: Влади-Восток.

Этот рассказ Митрия был настолько интересным, что запомнились подробности: первая — казаки Убинского Форпоста попросили Великого Князя посмотреть на их рыбную ловлю с берега Иртыша, пока они закинут на его счастье невод. Вторая — как потом обнаружилось, казаки ловко обманули Великого Князя тем, что заранее, на длинном шнурке, пустили в воду, заранее пойманного, большого осетра и когда закинули невод, то на счастье почетного гостя и попался в невод этот осетер. Третья подробность — подросток Митрий, кучер при перевозке тяжелой походной кухи, сам домогался узнать: который же Великий Князь. Тут были и губернатор Семипалатинской области и разные пожилые генералы, и полиция, и, встречавшие повсюду редкого путешественника с хлебом-солью, казачьи атаманы, и старшины из окрестных волостей. Трудно было поверить, что Великий Князь самый молодой и даже безусый в середине всех.

— Вот видишь, — говорили ему старшие, — который без усов, его все окружают. Вот он и есть.

И видит Митрий Гребенщиков четвертую подробность, которую невозможно забыть: подбежала к Великому Князю маленькая девочка об одном глазе, смотрит на Великого Князя одним глазком, не насмотрится. Такой красивый. И обратил на нее Великий Князь свой взор, вынимает из кармана серебряный рубль и говорит девочке:

— Возьми это, вставь себе другой глазок...

А потом, после того, как тут же на берегу Иртыша, была сварена и подана Великому Князю и всей его свите, замечательная осетровая уха, все тут же и обедали. Кухня-то походная оказалась самым важным, что запомнил Митрий... И рассказывает о поднятой по тракту пыли от всего поезда, который должны были растянуть на версты, чтобы свита и сопровождавшие Великого Князя, разные генералы и чиновники, не глотали эту пыль. Только теперь, после того, как целые поколения русских людей ездят, даже на малые расстояния, по железным дорогам и на аэропланах, можно судить, какой это был подвиг для молодого члена Императорского Дома совершить путешествие на колесах, более шести тысяч верст от Тюмени, куда он прибыл, не знаю, не то на пароходике того времени, не то частью по железной дороге.

Теперь следующее действие происходит в Омске, кажется, в 1910 году. Точно читатель пусть проверить меня датой смерти Великого Князя Владимира Александровича.

Был я тогда столоначальником по судебному столу в Управлении Государственными Имуществами. Рекомендовал меня туда, начальнику этого управления, действительному статскому совѣтнику Барышевцеву, старший лесничий Устькаменогородского лесничества, Александр Касперович Голимонт, расположившийся ко мне после постановки моей первой пьесы "Сын народа", кочующими актерами, мужем и женою — Бобош-Королевыми, на сцене Устькаменогорского Народного Дома. В Омске, этот самый "Сын народа", после троекратной постановки в Городском театре, подвергся страшной критике некоего присяжного поверенного Самойлова. Вот эта критика и сослужила мне хорошую службу.

Жил в то время в Омске отставной кавалергард, Аркадий Григорьевич Сунгуров и решил он издавать еженедельную газету "Омское Слово". Все это, как видите, усложняет мой рассказ и вводит меня в попутные зигзаги. Например, как это так? Я еще не поступил на юридический факультет Томского университета, а уже столоначальник судебного стола при государственном учреждении и у меня в подчинении пожилые чиновники. Не похоже ли это на сорок тысяч курьеров. Похоже, но в "Егоркиной жизни" рассказано, как проходил я практически юридический курс наук у мирового судьи и как мне поручался допрос сторон даже по предварительным следствиям. Так или иначе, в театре на моей пьесе, кавалергард Сунгуров проникся ко мне уважением и пригласил меня редактировать его газету "Омское Слово". Это было в 1908 году, я был тоже еще "голоусик", но роль редактора мне очень очень льстила, даже больше, нежели роль столоначальника. С согласия очень культурного В. В. Барышевцева, я решил совместить обе роли и принял предложение. Правда, мы вместе с Сунгуровым тоже отдавали дань прогрессу и две недели отсидели вместе с ним в одной камере в арестном доме за какую-то глупейшую заметку из полицейской хроники. На уплату штрафа у обоих у нас денег не было; мы и решили их "высидеть". Теперь я с удовольствием вспоминаю об этих двух неделях. Там нас навестили, как жертв режима, даже актеры театра и сам В. В. Барышевцев. Обед нам приносили, из кухни Сунгурова, самый изысканный. Я усиленно писал новые рассказы в "Сибирскую Жизнь" в Томске, чем и обратил на себя внимание великого Сибирского "Хутухты", Григория Николаевича Потанина, вскоре протолкнувшего меня в Томский университет и в Обществе Изучения Сибири, а Аркадий Григорьевич Сунгуров отдыхал и зачитывался детективными романами; он до того ими зачитывался, что когда пришел срок освобождения, он даже выругался:

— Ах, чорт возьми не удастся дочитать этот роман...

Так вот, когда скончался Великий Князь Владимир Александрович, Сунгуров вспомнил, что у него хранится картина какого-то замечательного самоучки, сибирского художника (сейчас не помню его имени), на которой изображен Великий Князь вместе с его свитой во время проезда через город Тюмень. Тут и я вспомнил рассказ моего отца о безусом, молодом Великом Князе. Вот он, совсем молодой, безусый, сидит среди своих спутников разного возраста, но все гораздо старше его. Картина написана смаху, без специального позирования. Краски сохранились, как будто писал древний египтянин или иконописец.

Предстояло мое, уже третье в моей жизни, путешествие в Москву. Сунгуров хватается за голову:

— Слушайте, голубчик, отвезите в Петербург, передайте Великой Княгине Марии Павловне (Старшей) эту картину от меня, в память Его Императорского Высочества.

Страшно было рискнуть на такое дѣло: вдруг не примут. Но Сунгуров уверяет:

— Как не примут. Это же шедевр. Смотрите, фотография не могла бы передать всех этих подробностей. Каждая складочка, каждый волосок выписан мастерски... Решено: я пишу особое прошение, во Дворец, а вы представите картину. Если не примут, мы же не украли эту картину, чего нам стыдиться.

Вот по какому поводу, остановившись в захудалой гостиничке в Петербурге, хотя и на Невском проспекте, я, одевшись во все свое лучшее, отправился, конечно, без картины, но с "прошением" кавалергарда Сунгурова во дворец Великого Князя. Приняли меня какие-то слуги, тотчас за воротами, взяли пакет и ушли. Потом вернулся один, попросил мой адрес, записал и сказал:

— Можете идти к себе и ждите, вам дадут тот или иной ответ.

Ждать мне пришлось недолго. На следующий день в полдень — стук в дверь мою. Входит офицер, в шинели, с погонами подполковника и, не снимая фуражки, не здороваясь со мною, сразу, видя висящую на стене картину, идет к ней без единого слова. И только, увидевши на картине всю группу, снимает свою фуражку. Потом смотрит на меня довольно строго и, снявши перчатку с правой руки, поднимает указательный палец и говорит:

— Завтра около десяти часов утра сюда подъедет экипаж, вы на нем привезете картину во дворец.

— Слушаю.

Это было все, чем мы обменялись при этой встрече. Я был рад за старика Сунгурова: картину его, очевидно, решено хотя бы подвергнуть осмотру. Офицер вышел, не сказавши ни слова, не попрощавшись со мной, я понял, значит таковы дворцовые обычаи по отношению к какому-то сибирскому медвежонку и ничуть не претендовал на лучшее внимание.

Утро было мрачное, моросил дождь и вся моя забота сосредоточилась на том, чтобы как-нибудь не испортить на дожде картину. Но экипаж, дворцовая карета, запряженная парою вороных коей, стояла у подъезда гостиницы, мне не трудно было, тщательно завернув в серую бумагу, картину, пронести ее в карету, тем более, что человек, приехавший в карете, видимо, один из слуг, помог мне вынести картину, поддерживая ее вертикально, чтобы сохранить ея обертку. Картина небольшая — три четверти аршина в длину, с поларшина в ширину.

И вот я поднимаюсь по мраморным ступенькам дворца. Слуга несет картину, и даже помогает мне открывать тяжелые двери, хотя они открываются очень легко; за ними нас встречает другой слуга, весь в черном, в мягких туфлях. Потом он неожиданно появлялся и неожиданно исчезал. Он открыл еще одни двери и еще, и, наконец, я вхожу в обширный кабинет самого Великого Князя, при входе в который меня встречает тот же офицер, который вчера посетил меня в гостинице. На этот раз, хотя и без улыбки, встретил меня более любезно и даже назвал себя:

— Я адъютант Его Императорского Высочества, князь Крапоткин.

Не помню, как это получилось, но я почти в упор взглянул в его лицо, и спросил:

— Скажите, ваше сиятельство, а Петр Крапоткин вам не родственник?

Я заметил, как по красивому, с небольшими усиками лицу, довольно молодого князя пробежала тень, но он также строго и в упор взглянул на меня, спросив:

— Вы говорите о Крапоткине-анархисте?

— Так точно, — ответил я виновато, по-солдатски.

Он отвел свой взгляд немного в сторону и не сразу ответил:

— Да, к несчастью, это позор нашего рода...

Пришлось переменить тему разговора, так как я увидел в кабинете целый музей вещей, поднесенных Великому Князю во время его путешествия по Сибири. Тут были такие дары, как тигровые шкуры на полу, всевозможные предметы для охоты, разное оружие азиатской ручной выделки, а больше всего великолепно отлитых, выгравированных и обозначенных местом и временем подношения серебряных, частью позолоченных блюд. Многие были из каких-то корней дерева, ручной работы. Тут были и ковши и чары, и все это с упоминанием имени Великого Князя, и все это знаменует его безконечный маршрут через Сибирь до Владивостока. Все, на чем и вместе с чем были поднесены ему Хлеб-Соль от гостеприимной и богатой Сибири.

Князь Крапоткин все это мне охотно показывал и, наконец, признался:

— Вот видите, я назначил вам по ошибке в десять часов, совершенно упустив из виду, что сегодня в дворцовой церкви будет панихида по Его Высочеству. Сегодня сороковой день со дня его кончины. Зато вы, сибиряк, и имеете время все это осмотреть. Продолжайте, я поднимусь наверх. Ее Императорское Высочество сейчас на панихиде. Когда она освободится, я вас позову наверх.

Он быстро вышел, а я остался со всем этим богатством Сибири и не скрою, — я уже не чувствовал себя тут чужим и потерянным: все эти вещи, в некотором роде, рекомендовали меня и привезенную мною картину, как нечто не чужое дворцу. Но я не был одинок: возле меня также беззвучно и неизвестно откуда появился в мягких туфлях и черном одеяни, бритый слуга. Не то тот же, что встретил меня при входе, не то другой. Потом я их видел во втором этаже также неожиданно появлявшихся позади меня и неожиданно и беззвучно исчезавших. Они все бриты и похожи друг на друга. Князь Крапоткин вернулся вскоре.

Он дал мне кое-какие намеки, очень тонко и деликатно, на то, как я должен себя держать в этом, омраченном черным трауром, дворце, но в то же время, ввел меня в одну из небольших комнат, рядом с библиотечной комнатой, а, может быть, это была одна из приемных комнат для случайных аудиенций. Во всяком случае, в этой именно комнате, на одном из столиков стояла привезенная мною картина, но в комнате никого не было, зато, во второй, соседней — за столиком сидела сказочная фея неземной красоты... Вот этой царевне из волшебной сказки и передал меня адъютант Великого Князя. Она улыбнулась мне с таким обворожительным очарованием, что я сразу потерял дар речи. Я видел, что губки ее шевелятся и открывают белизну жемчужных зубов, которые даже грешно назвать этим грубым словом — "зубы", это белоснежные молнии сопровождаемые какими-то звуками упоительной музыки. Она указала мне на кресло против себя, но что было уронено ее губками и о чем блеснули молнии ее жемчуга, я не понимал. Она говорила на каком-то языке богов, но не на грубом сибирском наречии... Я только кланялся ей, боясь улыбаться: ведь во дворце траур. Она же слегка вспыхнула и ее глаза сверкнули другими огоньками и язык произносил слова на каком-то другом языке... А князя Крапоткина возле меня уже не было. У меня не было заступника от этой красоты, от ее глаз и речи. Я все еще стоял, не слушаясь мановения ее волшебной ручки и это ее, видимо, поражало: почему этот медведь из Сибири не желает ни отвечать на вопросы, ни садиться на место?

Так длилось, как мне показалось, целую вечность, но траура для меня уже не существовало в этом дворце: в нем жила и всем владела эта сказочная красота-царевна...

Но очарованию моему пришел конец: по коридорам отовсюду послышались шаги и сдержанный говор, а возле меня — спаситель-князь. Появился он в тот момент, когда я уже погибал от собственного своего невежества и незнания языков, на которых волшебница привела меня в безчувствие... и шепчет мне на ухо:

— Вот эта, что вошла первою, Великая Княгиня, Мария Александровна, сестра покойного Государя Александра Третьего, ну, конечно, сестра и почившего Великого Князя. А это, говорит с министром, Великий Князь Александр Михайлович. В эмиграции, уже в Нью-Иорке, у меня была с ним замечательная переписка, которую я когда-нибудь опубликую, как образец примерного такта и культурности, а главное — демократичности Великих Князей из Дома Романовых.

Князь Крапоткин успел шепнуть мне еще несколько имен в группе вошедших в комнату, где центром внимания оказалась "моя" картина, на которой Великая Княгиня Мария Александровна узнала почти всех, сопровождавших Великаго Князя Владимира Александровича в его путешествии по Сибири. Говорила она и по-русски, и по-немецки, и по-французски, смотря по тому, к кому обращалась ее речь, когда, в новой группе, бывших на панихиде придворных, появилась и сама хозяйка, Великая Княгиня Мария Павловна-Старшая.

— Вот это Великая Княгиня. — шептал мне князь, и наставлял: — как только кончит говорить с Великим Князем Константином Константиновичем, я вас ей и представлю...

И, точно угадывая его мысль, Великая Княгиня повернула свое лицо в нашу сторону.

Я принял протянутую мне маленькую ручку, сухую у бледную, но не решился поцеловать. Вся она сухонькая, небольшого роста, была во всем черном и тоном глубокой грусти, довольно четко по-русски сказала мне следующее:

— Я очень признательна ротмистру Сунгурову за эту картину. Она дорога мне потому, что в те годы я была с Великим Князем только что помолвлена, я очень боялась за Великого Князя: он был так молод и поехал в такое страшно-далекое путешествие.

Она отошла к кому-то из придворных в то время, как Мария Александровна, — простая, почти ничем не отличавшаяся от самых обыкновенных русских женщин среднего класса, снова овладела вниманием всей аудитории, а князь мне злобно шепчет:

— Как вы смели не поцеловать руку Великой Княгини. Когда будете уходить, непременно исправьте свой поступок... Я так и сделал, тем более, что Великая Княгиня, видимо, устала и стала прощаться с теми, кто был к ней ближе других. Князь Кропоткин может быть больше и не подвел бы меня к ней, но ему надо было поправить мою ошибку, за которую он в ответе. Великая Княгиня так же устало протянула мне свою руку и на этот раз я благоговейно приложился к ее ручке и почуял, уже губами, что рука эта действительно в тонких морщинах, признак былого здоровья и полнокровия, которым теперь она не могла похвалиться.

Спускаясь вниз, я все же оглянулся через двери в соседнюю комнату: волшебной, юной царевны там уже не было. Исчезла, как дивное сновиденье... Кто она — я так и не узнал.

С князем Крапоткиным мы простились в кабинете Великого Князя. Он, перед тем, однако, еще на минутку исчез и вернулся с портретом Великой Княгини с ее автографом "Мария". Тут что меня поразило и смутило, — в другой его руке, веером, сложенные портреты Екатерины Великой лицом вперед; было пять этих портретиков. Пять Екатерин. Подавая мне портрет, он сказал:

— Это для ротмистра Сунгурова, — подавая другой рукой веерок из портретиков Екатерины, он с хитрой улыбкой прибавил. — А с этим, Великая Княгиня, предоставляеет вам поступить по вашему усмотрению...

Всю жизнь я буду помнить этот тонкий, высококультурный жест Великой Княгини Марии Павловны-Старшей. Какое чутье. Она не хотела обидеть даже меня, простолюдина, прямым подарком, а в то же время она не пожелала от бедного отставного кавалергарда принять картину, как подарок. Она положилась на мой такт и я вырос в своих глазах в эту минуту. Я сказал князю Крапоткину:

— Конечно, я не посмею не передать этого дара ротмистру Сунгурову.

Но Сунгуров был действительно осчастливен именно портретом, а не деньгами.

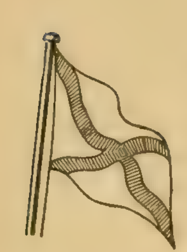
Денежный подарок, и такой громадный, его даже огорчил. Но вскоре же мы с ним решили, что потратим эти пятьсот рублей на покупку нового пресса, потому что со старым, движимым ручным приводом, все мы порядком намучились.

Впрочем, вскоре я переехал в Томск и постарался скрыть от всех знакомых, мои петербургские успехи в великокняжеском дворце. Но вот теперь стыжусь своего тогдашнего ложного стыда и излагаю все так, как понял и как запомнил.

Одно не помню точно: в каком году скончался Великий Князь Владимир Александрович: в 1909 или в 1910 году. Пусть меня поправит историк.

Георгий Гребенщиков.

ЦУСИМА



В Цусимском бою я участвовал мичманом, по второму году, на эскадренном броненосце "ОСЛЯБЯ" и, по боевому расписанию, был командиром кормовой 16" башни.

Утро 14 мая было свежее туманное, на море легкая зыбь. Всю ночь наша радиостанция непрерывно принимала переговоры японцев, и когда рассвело, мы увидели на горизонте, следящий за эскадрой, легкий японский крейсер, шедший параллельным курсом вне дальности наших выстрелов; было ясно, что решительный бой неизбежен и что сегодня наша судьба будет решена. В возможность победы мы не верили слишком силы были не равны; у них свежая, отдохнувшая, сплававшаяся и натренированная современная эскадра. А что представляли мы? Толпу разнотипных кораблей, между которыми было много, по образному выражению вдохновителя и пропагандиста этой эскадры капитана 2 ранга Кладо "Старых калош", с такими же старыми пушками, с малым ходом и совершенно негодным бронированием. Маневрировать корабли не умели, стрелять еще того меньше. Характерная фраза, сказанная за несколько дней до боя, за завтраком, старшим штурманом корабля: "мы идем, Того волнуется и старается предусмотреть какие маневры сделает Рожественский? а мы, без маневров, навалимся толпой, Того обидится, скажет, что с таким противником воевать невозможно и уйдет себе, а мы пойдем дальше".

Но мы, молодежь, вообще не говорили о том или другом исходе боя. Для нас он, прежде всего, означал конец изнурительного 7-ми месячного похода с ежедневными погрузками или перегрузками угля; тем не менее мы заранее выяснили вопрос, что, если нужно будет прыгать в воду, то нужно это делать с того борта, который поднимается, и утром в день боя мы

поинтересовались температурой воды — 11 градусов.

"ОСЛЯБЯ" был головным кораблем 2-го броненосного отряда (стариков), на нем развевался флаг контр-адмирала Фелькерзама, умершего за несколько дней до боя, но об этом на эскадре знал только один адмирал Рожественский, извещенный особым условным семафором, флаг Фелькерзама не был спущен и его гроб стоял в батарейной палубе "ОСЛЯБИ".

Несмотря на неизбежный, близкий бой, эскадра все еще продолжала идти в походном порядке двух кильватерных колонн. В половине двенадцатого дали команде обедать, а в 1 час. 30 минут была пробита боевая тревога и я побежал в мою кормовую башню. Справа по носу, из пелены тумана, большим ходом выходили, на пересечку нашего курса,серые броненосцы Того, переходили на нашу левую сторону, последовательно ложились на параллельный курс и открывали огонь по двум нашим головным броненосцам "СУВОРОВУ" и "ОСЛЯБЕ". Последний должен был уменьшить свой ход до 6-ти узлов, чтобы не помешать эскадре перестроиться в боевой порядок и это уменьшение хода было для корабля фатальным: он получил несколько пробоин с левого борта и начал крениться, а громадное количество осколков от разрывавшихся о воду японских снарядов с визгом и свистом летели через корабль, убивая и калеча всех находившихся на палубе.

"ОСЛЯБЯ" вышел из строя и остановился. Крен корабля все увеличивался и когда он дошел до такой величины, что дула башенных пушек, поднятые до предела, смотрели все-таки ниже горизонта и стрелять было невозможно, я приказал прислуге башни выходить на палубу и вышел сам. Крен корабля был очень велик, по его правому борту спускались люди с койками, спасательными нагрудниками или просто без ничего и бросались в море, где уже плавало большое количество людей. Часть прислуги моей башни, сразу же по выходе прыгнула в воду, а я и один из моих комендоров задержались, так как нам показалось, что крен корабля перестал увеличиваться.

На ют вышел флагманский штурман с тяжелым биноклем на шее, в больших сапогах и в таком виде хотел бросаться в воду, я едва уговорил его оставить бинокль и снять сапоги; когда он поплыл, его длинная борода разделилась и двумя косами следовала по воде за ним. Потом пришел наш судовой священник, посмотрел на волнующееся море, перекрестился и сказав: "все равно плавать не умею", ушел в нижнюю палубу корабля.

Когда крен начал быстро увеличиваться, мы оба также прыгнули в воду. Я умею плавать, ныряю же я всегда с плотно закрытыми глазами, так было и в данном случае. Уйдя под воду, я не уловил момента, когда перестал спускаться и начал подниматься, только чувствую, что начинаю задыхаться, открываю рот и получаю полную грудь свежего морского воздуха, глаза все же были закрыты, первая мелькнувшая мысль была: "как хорошо на том свете", и только потом я открыл глаза. "ОСЛЯБЯ" лежитъ совсем на боку и по его борту продолжают сбегать люди, затем его корма поднимается, показываются его медленно вращающиеся винты и затем он стремительно скрывается под водой. Эскадры не видно, она ушла и только слышен гул отдаленных выстрелов. Море кругом покрыто головами барахтающихся людей и над ним слышен непрерывный крик: а-а-а-а, иногда падают снаряды подошедших японских крейсеров, но на них никто не обращает внимания.

Никакого плавающего предмета, за который я мог бы ухватиться, около меня не было, а, вместе с тем, я чувствовал, что начинаю терять силы. В это время вблизи от меня проплывал матрос, лежавший на самом конце распущенного пробкового нагрудника, за другой конец которого мне удалось ухватиться одной рукой и это помогло мне держаться на воде. Тем не менее мое положение был трудное: мой сплаватель по нагруднику, лежа на пробковом его конце, свободно всплывал на волну, меня же каждая волна накрывала и я невольно делал глоток морской воды. Это было до того противно, что два раза я решил кончить борьбу сразу, бросая конец нагрудника и опускался под воду, но инстинкт самосохранения брал верх, я выплывал и снова хватался за брошенный конец. Середина нагрудника, представлявшая из себя самый надежный якорь спасения, оставалась совершенно свободной, но устроиться на ней я не решался, это могло помешать моему сплавателю и я рисковал получить удар кулаком по голове.

Немного в стороне от меня, оказался на воде минный катер с "ОСЛЯБИ", катер был в нормальном положении, но наполнялся водой и медленно тонул, на него уже взобрались несколько матросов, тогда я бросил конец пробковаго нагрудника, из последних сил доплыл до катера, но подняться на него уже не мог. Меня вытащили и сказали, что я напрасно плыл к катеру, так как он тонет. Действительно, я чувствовал как палуба катера медленно и ровно уходит под воду, но я все-таки имел возможность немного передохнуть и осмотреться. С матросом, который помог мне взобраться на катер, мы присмотрели плавающую свободную койку и, как только катер скрылся под водой, мы ее захватили, вдвоем легли на нее грудью и уже с комфортом и легкостью поплыли к подошедшим к месту гибели "ОСЛЯБИ" четырем нашим миноносцам, из которых один спустил вельбот для подбирания плавающих людей; это был миноносец "БУЙНЫЙ". Подобрав меня, моего спутника по койке и всех находившихся вблизи, вельбот высадил нас на миноносец и отправился за следующей пачкой невольных пловцов. Подняться на палубу "БУЙНОГО" я уже не мог, руки и ноги не действовали совершенно, меня втащили, уложили в кают-компании и фельдшер всего меня растер спиртом не то со скипидаром, не то с уксусом, не помню.

Японские крейсера начали с большого разстояния обстреливать миноносцы и хотя они стреляли скверно, тем не менее, миноносцы должны были прекратить спасение людей и уйти к экскадре. "БУЙНЫЙ" за-

держался и ему пришлось уже в одиночку догонять эскадру. При комплекте команды около 80 человек, "БУЙНЫЙ" подобрал 195 матросов и 5 офицеров "ОСЛЯБИ", приблизительно столько же, "БРАВЫЙ", несколько десятков "БЫСТРЫЙ" и только один "БЕДОВЫЙ" не подобрал ни одного человека, хотя находился в самой гуще тонущих людей.

Около меня в кают-компании "БУЙНОГО" сидел голый ослябский комендор одного из казематов и, не обращаясь ни к кому, рассказывал, как в каземат попал снаряд, перебил прислугу, а его ранил бесчисленным количеством мелких, как порошок, осколков, и этот рассказ он повторял несколько раз пока, наконец, не пришел в себя и не пошел греться поближе к машине и кочегаркам. Старший баталер, "ОСЛЯБИ", кондуктор, выплыл в тужурке и в сапогах. Его левая рука была судорожно сжата в кулак, спустившись в кают-компанию он остановился около стола, вытянул левую руку и с трудом разжал кулак, из которого выпал на стол кошелек с несколькими золотыми фунтами, его экономией; некоторое время он неподвижно смотрел на этот кошелек, потом, наконец, положил его в карман и пошел греться и сушиться к остальной команде.

Немного отлежавшись и получив снова способность двигать руками и ногами, я тоже вышел на палубу, где ослябская команда, напоенная горячим чаем и кое-как одетая из запасов миноносца, чтобы согреться жалась к кочегарным кожухам и трубам, а некоторые спустились в кочегарки и в машину для помощи миноносной команде; некоторые с фразой: "и вы спаслись" подходили обниматься и целоваться.

Справа по носу увидели группу из трех судов, одно из которых, без труб, без мачт, было все окутано дымом пожаров. Подойдя ближе, мы узнали в группе вспомогательный крейсер "УРАЛ" и транспорт-мастерскую "КАМЧАТКУ", оба корабля имели большие пробоины и тонули, горящая же безформенная масса, представлявшая груду исковерканной стали, был флагманский корабль адмирала Рождественского, "КНЯЗЬ СУВОРОВ", на правом кормовом срезе которого стояла небольшая группа людей и руками делала знаки "БУЙНОМУ" приблизиться, для приема раненого адмирала, находившегося на горящем броненосце, из громадных рваных пробоин, которого вырывались языки пламени. С пожаром уже некому было бороться.

На море была значительная зыбь, качался "СУВОРОВ", качался и "БУЙНЫЙ", приблизиться при таком положении к кораблю, для принятия адмирала, являлось операцией чрезвычайно деликатной и исключительно опасной: миноносец рисковал или быть раздавленным, или перевернутым. Тем не менее командир миноносца пошел на этот риск и, выбрав удобный момент качки корабля, приблизился почти вплотную к срезу. Раненого, в изорванной одежде, адмирала вынелси на срез и буквально бросили на протянутыя руки команды "БУЙНОГО", затем на миноносец перепрыгнули оставшиеся в живых чины штаба адмирала.

Положение "СУВОРОВА" было совершенно безнадежно, команда перебита и переранена, артиллерия вся сбита и корабль медленно тонул. Поэтому командир "БУЙНОГО" капитан 2 ранга Коломейцев предложил всем бывшим на срезе офицерам и матросам также перейти на миноносец, но все отказались, говоря, что они принадлежат к судовому составу и разделят участь корабля. Это были лейтенанты Богданов и Вырубов, прапорщик Курсель и несколько матросов; тогда миноносец дал ход и пошел догонять эскадру. С наступлением темноты миноносец оказался совершенно один, эскадру не догнали и не знали, где она и что от нее осталось, шли по данному адмиралом перед боем курсу, в разных частях горизонта видели иногда вспышки выстрелов; кто стрелял не знали, поэтому к вспышкам не приближались.

Спасая людей с "ОСЛЯБИ", миноносец немного погнул лопасти винтов и полнаго хода дать не мог, кроме того, по сделанному механиком миноносца подсчету угля, выяснилось, что дойти до Владивостока угля не хватит, тогда командир решил идти до ближайшего берега, на котором свести людей, а миноносец уничтожить. На рассвете, увидели по носу дымы, а потом стали видны и корпуса судов, в которых узнали крейсер "ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ" и 2 наших миноносца "БЕДОВЫЙ" и "ГРОЗНЫЙ; сговорившись по безпроволочному телеграфу, "БУЙНЫЙ" подошел к "ДОНСКОМУ", чтобы передать на него раненаго адмирала, его штаб и спасенных с "ОСЛЯБИ". К этому времени адмирал немного пришел в себя и, по его желанию, он и его штаб были переданы на "БЕДОВОЙ" и оба миноносца пошли самостоятельно во Владивосток, спасенные с "ОСЛЯБИ" люди и вся команда "БУЙНОГО" перешли на "ДОНСКОЙ", а сам "БУЙНЫЙ" был потоплен выстрелами "ДОНСКОГО", который также направился во Владивосток.

После полудня, недалеко от острова Дажелет "ДОНСКОЙ" сразу был открыт, с левой стороны, двумя японскими легкими крейсерами, а с правой — четырьмя старыми судами, и сразу же начался упорный бой на оба борта в результате которого "ДОНСКОЙ" получил довольно серьезные повреждения. Командир "ДОНСКОГО" был смертельно ранен, старший штурман убит и в командование вступил старший офицер капитан 2 ранга Блохин. Надежды вырваться из окружения более сильного и более быстроходного противника не было никакой, тем более, что за кормой появились дымы нескольких идущих к месту боя миноносцев, поэтому было решено идти в ближайшую бухту Дажелет, где свести команду на берег, а крейсер затопить. Японцы, увидя что "ДОНСКОЙ идет к берегу, а время приближается к заходу солнца, прекратили бой, отошли и дальше ограничились наблюдением за бухтой.

Бой кончился, готовились к высадке, выносили на верхнюю палубу раненых, готовили к спуску уцелевшие шлюпки, раздавали людям банки консервов.

Также спасшийся с "ОСЛЯБИ" и стоявший около меня младший флаг-офицер адмирала Фелькерзама, светлейший князь Ливен, обратился ко мне с прось-

бой посмотреть, что у него на груди, так как его пальцы цепляются за что-то твердое и царапающее и он не может разобрать, что это такое; я увидел на его груди маленькое красное пятно и в его середине черную точку и говорю Ливену, что это должно быть засел в кожу маленький осколок величиною с булавочную головку, постарайся его зацепить и вытащить. Ливен так и сделал и по мере того как он тащил, его лицо все больше и больше бледнело: крошечный осколок оказался куском проволоки в несколько сантиметров длины от разбитого стального торса, вошедшим в грудь вертикально. Когда Ливен его получил он не помнил.

Старший минный офицер "ДОНСКОГО", лейтенант Шутов, имел в заднем кармане кошелек с несколькими золотыми монетами; во время боя он почувствовал удар по этому карману, но так как не было ни боли, ни крови и ноги действовали, то он не обратил никакого внимания на этот удар. Уже после боя, случайно раскрыв кошелек, он увидел, что две монеты были вогнуты воронкой. Оказывается, что деньги не всегда губят, а иногда и спасают.

С наступлением сумерек, "ДОНСКОЙ" вошел в бухту, стал на якорь и на берег немедленно был отправлен офицер, с соответствующим числом здоровых матросов реквизировать для своза команды все местные рыбачьи шлюпки, с их владельцами. Население никаких препятствий не чинило, японцы также не мешали, поэтому своз сначала раненых, а потом и здоровых продолжался совершенно спокойно и в полном порядке был окончен к рассвету, после чего старший офицер, старший механик, боцман и несколько самых необходимых специалистов из команды вывели крейсер на глубину и открыли кингстоны для затопления. В это время, к бухте подошел японский миноносец, но увидев, что "ДОНСКОЙ" тонет, повернул и ушел обратно. За ночь несколько раненых умерло, их перевезли на крейсер и они утонули вместе с кораблем.

Около полудня в бухту вошел японский миноносец. Высадившийся на берег, японский офицер спросил о количестве людей, есть ли оружие и кто старший. Узнав, что люди не вооружены и что старший, командир крейсера, тяжело ранен, японец приказал выгрузить на берег для команды ящик с чаем и большой ящик с галетами и сказал, что после полдня за нами придет крейсер. Блохина, как старшего из здоровых, он пригласил с собой на миноносец, который сейчас же снялся с якоря и ушел.

После полудня, у входа в бухту, стал на якорь японский крейсер "КАСУГА", спустил барказы и, на буксире паровых катеров, начал перевозить на крейсер, сначала раненых, а затем и всех остальных. Я был перевезен с одной из последних партий около часа ночи. По прибытии на крейсер меня провели в кают-компанию, где меня принял ревизор корабля, около которого на спиртовой лампочке грелся кофейник. Мы, офицеры в этой партии, получили по маленькой чашке горячего черного кофе, по пакетику с зубным порошком, по зубной щеточке и по носовому платку. После чего, нас провели в командирский салон, где на палубе были для нас приготовлены командные тюфяки с новыми одеялами и безукоризненно чистыми подушками. Раненый командир "ДОНСКОГО" был помещен в командирской каюте.

Все время нашего пребывания на "КАСУГЕ" мы пользовались полной свободой хождения по кораблю, вся левая сторона которой была предоставлена для пленных; не было ни барьеров, ни караулов, ни часовых, по крайней мере видимых. Столовались мы в кают-компании.

За ночь, двое из наших раненых умерли и когда днем их хоронили, то командир крейсера потребовал, чтобы наш священник отслужил над ними все, что по религии полагается. Во время отпевания, на юте был выстроен японский караул, флаг был приспущен и весь японский офицерский состав, с командиром во главе, с саблями, простояли всю службу держа руку у козырька. При спускании тел в море, караул взял "на караул" и были сделаны 2 уставных выстрела. Вообще, по отношению к нам, японские моряки были исключительно корректны.

По приходе в Сасебо, перед нашей пересадкой на транспорт, который должен был доставить нас в предназначенное место, командир "КАСУГИ" пригласил нас всех в кают-компанию, где уже были собраны все японские офицеры, всем дали по стакану "саки" (национальный японский напиток, довольно крепкий и чрезвычайно неприятный), и командир произнес нам прощальную речь, которая сводилась к тому, что мы долго и храбро сражались, но военное счастье нам изменило и это не есть наша вина, что испытанная нами неудача поможет нам разобраться в недостатках нашей организации и их исправить, а они, японцы, искренно хотят быть с нами в дружбе. За мое шестимесячное пребывание в японском плену я слышал много речей японских полковников и генералов, удостоивавших нас своим посещением в Осаке, речь командира "КАСУГИ" была самая содержательная и имевшая какой-то смысл.

Еще находясь в плену, мы узнали, что японцы на особых листовках отпечатали описание гибели "СУВОРОВА", разослали их во все школы, где во всех классах учитель приказывал ученикам стать смирно, читал это описание, говорил, что так должен вести себя каждый корабль во славу и честь своей родины и своего императора, затем ученики садились и занятия продолжались.

Также, в большом почете у японцев были командир "НАХИМОВА", капитан 1 ранга Родионов и его старший штурман, лейтенант Клочковский. "НАХИМОВ", получивший тяжелыя повреждения и медленно тонувший, на разсвете 15 мая, встретился с японским крейсером; положение "НАХИМОВА" было так катастрофично, что японец не открывая огня, спустил баркасы и послал их к "НАХИМОВУ" спасать людей. Перед отправкой последнего баркаса, командир "НАХИМОВА" лично обошел все еще не затопленные комещения корабля, убедился, что все люди спасены, снова поднялся на мостик и на приглашение

японскаго офицера также спуститься в баркас, ответил категорически отказом. С ним на мостике остался лейтенант Клочковский. Баркас отвалил и японцы прислали за Родионовым специальную шлюпку, но отказ оставался также категоричен. Японцы сделали последнюю попытку и прислали за Родионовым командирский вельбот с парадными уборами и с офицером, но результат был тот же, после этого японский крейсер ушел.

Клочковский с трудом уговорил Родионова одеть пробковый нагрудник и одел его сам. После гибели "НАХИМОВА" они довольно долго качались на волнах, пока их не пашли и не подобрали из воды, уже в бесчувственной состоянии, японские рыбаки. Их портреты были воспроизведены на шелковых платочках и чайных чашечках.

Шесть месяцев провели мы в плену и все это время отношение японцев к нам было чрезвычайно благожелательным. После заключения мира, мы были отправлены с первым эшелоном возвращающихся, состоявшим из солдат Порт-Артурского гарнизона.

Капитан 1 ранга *Б. Казмичев.*

Отрывки из писем вахтенного начальника клипера „Всадник"

СТОЯНКА В ИОКОГАМЕ (Окончание)

...Спешу сообщить об одном событии, выходящем из ряда обыкновенных, случившемся у берегов острова Нипон в 15 милях от Иокогамы.

Военный американский корвет "Онаида" 12-го января, в начале 6-го часа пополудни, снялся с якоря, намереваясь идти в Гон-Конг. Проходя по рейду мимо стоявших военных судов, он был провожаем с них восторженными и громкими криками "Ура". Мы, в особенности, на прощание постарались выразить им, то неуклонное дружеское расположение, которое и прежде неоднократно мы проявляли. Всех офицеров и часть команды мы знали очень близко; расставаясь с ними, каждый из нас все, как-то безотчетно, рассчитывал когда-нибудь снова встретиться с ними.

Но немного времени прошло с тех пор и надежде этой пришлось окончательно рухнуть.

В тот же вечер с моря пришел пароход и за темнотой стал на якорь вне рейда. Вследствие того, что в это время ждали из Гон-Конга почтовый пароход, то он особенного внимания не возбудил, а со своей стороны, ни единым действием, не вызывал всеобщего интереса, который, однако, он вполне заслуживал своим постыдным поступком.

В нашем шханечном журнале значится, что в конце 8-го часа вечера пришел английский пароход с моря. Название его "Бомбей". В то же время слышны с моря 2 пушечных выстрела. Не придавая им никакого значения, а тем более, не имея в мыслях предположение о том, что это просит помощи, погибающее у негостеприимных берегов Нипона, судно, нами не было принято никаких мер ко спасению.

На другое утро, в 5 часов, когда весь личный состав клипера еще покоился в объятиях Морфея, раздался на верху громкий, взволнованный голос, что-то с большим оживлением разсказывавший и затем шум, беготня, по трапу. Вбегает в помещение кают-кампании Истомин и сообщает:

— Господа, "Онаида" погибла.

Натурально, посыпались вопросы: "Где? Каким образом?" Оказалось, что эту убийственную весть привез на клипер один из спасшихся с погибшего корвета американский матрос на вельботе. Из его отрывочного, прерываемого рыданиями, рассказа мы поняли следующее: — По выходе с рейда Иокагама, не прошло полтора часа, как они встретились с пароходом шедшим противоположным курсом. Видя у него один зеленый огонь, они положили "право руля". Пароход же, вместо того, чтобы положить руля в ту же сторону, положил "лево руля", вследствие чего ударил корвет своим фор-штевнем на полном ходу в корму, прорезал его насквозь, вышиб гребной винт и руль, сломал бизань-мачту, а падавшим рангоутом убил двух рулевых.

Затем началась настоящая драма, при воспоминании о которой преисполняешься возмущением, и до последней степени возбужденное негодование обрушивается на виновников этого ужасного бедствия.

Тотчас же после полученного удара, капитан корвета "Онаида" — Вильямс и вся команда стремительно выбежали наверх. Капитан сообщил окружающим его офицерам, что у него в каюте каскадом бьет вода; не зная о том, что гребного винта нет, он приказал в машину дать полный ход. Только когда после бессчисленного количества оборотов корвет не тронулся с места, догадались в чем дело.

Всем стало ясно, что корвету не дойти до берега, который находился не более, как в трех милях. Тогда было произведено три выстрела с намерением принудить пароход возвратиться и оказать помощь погибающим, но он полным ходом ушел в Иокагаму.

Капитан Вильямс видя неизбежность гибели, взбежал на мостик и скомандовал: "смирно".

"Ребята у нас было три шлюпки, одну сломал при столкновении пароход, остались две, я не виноват в том, что не заказал шлюпок перед уходом в море взамен тех, которые мы потеряли несколько месяцев тому назад в тайфуне. Я просил Адмирала несколько раз разрешение купить полный комплект шлюпок, но он всякий раз отказывал мне в этом. А потому спасайся, как знаешь".

В это время, корвет стал быстро погружаться в воду, успели лишь разрубить тали обеих шлюпок; на одной из них, на капитанской гичке спаслось 17 человек. Идя всю ночь берегом около 30 верст, они прибыли в Иокогаму в 5 часов утра и сообщили эту печальную

весть. Вследствие того, что в суматохе крушения и в ночной темноте они не могли определить удалось ли сбросить другую шлюпку, а видели только, что корпус корвета скрывается, погружаясь в воду, то утвердительно показывали, что все остальные погибли в водовороте.

Провожая их еще так недавно с шумной овацией и видя их столь веселыми, не могли вообразить себе возможности такого быстрого и ужасного конца.

Немедленно было дано знать стоящим на рейде военным судам о происшедшем несчастьи и предложили британскому командиру, во-первых: заставить идти пароход, виновника этого столкновения и, во-вторых, тотчас послать на место крушения британскую военную лодку "Сильвия". Все это было им с готовностью исполнено. Кроме того, купеческий пароход С.Ш.А. узнав о случившемся, с его соотечественниками несчастии, сам охотно вызвался также идти туда. Таким образом, единовременно, хотя и поздно, под полными парами направились три судна, имея на буксире флотилию военных шлюпок.

После тщательных розысков на месте сталкновения, от "Онаиды" были найдены одна марса-рея и стеклянный люк, которых прибивало волнением к берегу. Флотилию же шлюпок послали в крейсерство вдоль берега, чтобы отыскать еще кого-либо из спасшихся; потому что у нас всех была надежда, что на второй шлюпке кто-нибудь успел еще спастить.

Действительно, к общей радости, на берегу нашли катер с 39 человеками, а том числе одного офицера, флотского лейтенанта, стоявшего во время столкновения на вахте.

Дело это, безусловно позорное для британского флага, разъяснится благодаря спасению лейтенанта стоявшего на вахте и следовательно наиболее компетентного свидетеля этой тяжелой драмы...

Я убежден, что лишь только слух об этом дойдет в С.Ш.А., весь народ, как один подымется с справедливым негодованием и потребует строгого возмездия за варварский поступок капитана "Бомбея". По законам всех стран, подданные судятся по своим национальным законам, и судьями принадлежащими той же нации, если преступление совершено не на иностранной территории; а вследствие того, что проступок, о котором идет речь произведен на японской территории, а европейцы не признают их законов, то на этом основании, решено капитана "Бомбея" судить по английским законам в Иокагаме.

На третий же день после происшествия был назначен суд, председателем которого был назначен британский консул, а членами два старших офицера с военных судов и два капитана с британских купеческих судов.

В настоящее время суд начал свои действия и судя по первоначальным его заседаниям продлится очень долго. Обвинителем в этом деле является сам посланник С.Ш.А. — Белонг. В своей первой речи он сказал, указывая рукою на обвиняемого капитана "Бомбея", что если суд и найдет его не виновным, то он представитель С.Ш.А. будет его преследовать, как убийцу 120 человек, и будет требовать, чтобы его снова судили по законам С.Ш.А.

Несколько этих слов, сказанных, конечно, сгоряча, не в устах Посланника, не имели бы никакого значения, но произнесенные им, имеют глубокий национальный характер. В случае, если у обвиняемого найдутся некоторые смягчающие вину обстоятельства и в силу этого приговорят к наказанию, неудовлетворяющему американскую нацию, то тогда Белонг, докажет, что слова его не пустая угроза.

Легко может случиться что это дело, также, как дело об "Алабама" будет перенесено на политическую почву, и несколько затухавшая искра вражды двух наций, разгорится с неудержимою силою, и может повести за собою тяжкие последствия. Не даром говорят, и это вошло в поговорку, что "маленькие причины — вызывают большие последствия".

Посланник обвиняет капитана "Бомбея" в двух проступках: — во-первых, в самом факте столкновения, и, во-вторых, — почему несмотря на пушечные выстрелы и на крики погибающих, не подал им помощи. Он требует, чтобы вся стоимость корвета была выплачена правительству С.Ш.А. тою компанией, которой принадлежит пароход нанесший этот ущерб; кроме того, семейства погибших, как офицеров, так и матросов, должны быть обезпечены материально тою же компанией.

Между прочим, эта компания одна из самых богатейших на свете, с громадными связями, а потому ею, конечно, будут приняты все меры подкупа и интриг, чтобы избежать необходимости платежа огромного штрафа. Эти соображения еще более подтверждают прежние предположения о том, что вопрос этот в конце концов может вызвать вооруженное столкновение между Англией и С.Ш.А.

В предыдущем письме, я сообщал о том, что 2-го января вечером мы стояли с опущенными реями и стеньгами; теперь стеньги подняты и ванты перебраны, окончательно будем их тянуть, когда станет несколько потеплее, а то в данное время утренники нимало не уступают нашим февральским или мартовским. Когда это письмо дойдет по назначению, мы уже будем наверное стоять готовыми к уходу. Простоим же мы здесь до половины марта месяца, а потому рассчитываю получить здесь еще несколько писем с родины...

СТОЯНКА В НАГАСАКИ

...После последнего моего письма из Николаевска, случилось столько неожиданных событий, повлекших за собою ряд непредвиденных перемен, совершенно изменивших программу нашего плавания в летние месяцы.

Согласно тому, что я писал в этом моем последнем письме, казалось мы должны были бы быть теперь уже на Командорских островах ловя американских пиратов, — но вышло совсем иначе.

Через несколько дней после отправки моего этого письма, прибежал в Кастри К. П. Пилкин на "Гайдамаке" и сказал, что вместо нас он сам отправляется на Командорские острова, а нам предписал идти в На-

гасаки и с действовать кабле телеграфа из Шанхая во Владивосток.

2-го июля вышли из Кастри, борясь с противными ветрами почти в продолжение всего перехода и пришли в Нагасаки только 21-го июля. Здесь нами получены были сведения, что в Тяньзине произошло заранее подготовленное, систематическое избиение европейцев: убито 23 француза и 4 русских, сожжено очень много европейских домов. Судя по газетам, эти убийства были устроены двумя главными мандаринами китайцев. Теперь около Тяньзина сосредоточились французская и английская эскадры.

Посланники коллективно требуют немедленной казни этих двух китайских мандаринов, но правительство уклоняется от подобного удовлетворения, что и подает повод его подозревать в участии с мандаринами.

Среди нескольких писем привезенных консулом на клипер было одно на имя Начальника отряда, а ежели его не окажется, то письмо это надлежало распечатать одному из первых прибывших сюда командиров судов. Письмо было от нашего Посланника в Китае Бюцова; он подробно описывал происшествие в Тяньзине, жалуясь, что в продолжение года ему не посылают обещанной лодки и требовал, чтобы одно из судов немедленно прибыло в Чифу или Тяньзин, потому что продолжительное отсутствие наших судов в портах Китая чрезвычайно подрывало наше значение в Небесной Империи.

Полный запас угля уже погружен, задержка состоит только в ожидании почты из Шанхая с более категорическими приказаниями. Вследствие мелководья Тяньзинского рейда, мы пойдем в Чифу, в Печилийском заливе. Там в это время года, говорят, стоит нестерпимая жара; места кругом чрезвычайно низменны при полном отсутствии растительности, а потому предоставляется полный простор вертикальным лучам солнца прожигать все и вся.

Перспектива этих испытаний, до такой степени безотрадна, что мы несмотря на весь интерес для нас познакомится с новым, своеобразным китайским городом, готовы наотрез отказаться от этой прогулки.

"Рандеву" эскадре К. П. Пилкина, "Боярину" и "Алмазу", назначено в Нагасаки и ждем их каждый день сюда; нам очень хочется встретиться с земляками до нашего ухода отсюда.

Прежде все письма посылались из Китая и Японии двумя путями: — кругом мыса Доброй Надежды и Суэцким Каналом, теперь же открылся недавно новый путь, через Сан-Француско и Нью-Иорк.

Этот последний путь, благодаря тому, что Атлантический океан соединен с Тихим железной дорогой и правильным водным сообщением по рекам внутри страны, в настоящее время сделался наиболее быстрым.

По расчетам начальников почтовых контор, письмо из Нагасаки в Петербург должно дойти в 50 дней, — этот путь, имея преимущества, задавит два первых. Это письмо я посылаю новым путем, через Америку, по моим расчетам ежели даже ты назначен на эскадру отправляющуюся в эти воды, то все же должен будешь получить это письмо до ухода.

Из Николаевская послал и деньги, которые прошу обратить в билеты внутреннего займа и в случае твоего ухода за границу, послать их к Мусоргским. Попроси их сохранить эти билеты до моего возвращения; а это последнее, по слухам должно состояться в июне или июле 71-го года.

Как ни грустно подумать, что я по прошествии 3-х лет могу тебя не встретить в Кронштадте, но все же буду очень рад узнавши о твоем назначении на заграничное судно. Как можно больше плавать. Вот наше настоящее стремление.

Не могу определенно указать тот порт, куда следует адресовать мне письма, самое лучшее ежели будешь продолжать их посылать по старому адресу в Шанхай. Сибирская почта очень часто бывает не исправна, а потому легко может случиться, что письмо с деньгами из Николаевска придет после твоего ухода за границу; поэтому указал на адресе деньги получить М. А...

Как все изменчиво в нашем мире, уже было совсем окончил письмо, приготовляясь его запечатать, как вдруг с моря пришел прусский военный шлюп из Чифу и сообщил, что в Китай по телеграфу дано знать о начавшейся войне между Францией и Пруссией.

Вследствие того, что он стоял там один, а французов было много, то бросив всех, воспользовавшись темнотой, пруссак проскользнул мимо французской эскадры и ушел в Нагасаки.

Повидимому, война, в которой Россия не принимает никакого участия, нимало не может влиять на судьбу клипера "Всадник", но это только так кажется, в действительности же ежели сведения пруссака достоверны, то надо ожидать нам приказания остаться здесь на неопределенное время и следовательно предполагаемое возвращение не состоится в 71-м году.

Можешь себе представить, пруссак рассказывает, что побудительная причина войны заключается в вопросе борьбы за Испанский Престол: натурально, у нас никто этому не верит, причину надо искать во внутренних делах Франции, где Наполеон утратил авторитет.

Приходится делать еще приписку, вследствие того, что одно событие сменяется быстро другим. Вслед за прусским шлюпом приходит на рейд французский корвет "Дюплекс" из Чифу же и хранит глубокое молчание насчет военных действий, потому что официального объявления войны еще нет. Известия же эти получены телеграфным путем в торговые дома.

Вам, конечно, все это давно известно и легко может статься, что борьба будет окончена, когда это письмо дойдет по назначению; но не следует забывать, что сведения приходят к нам месяцами позже.

Мы расчитываем быть свидетелями морской битвы французской с прусской эскадрами. Французы отложили требования удовлетворения у китайского правительства за тяньзинские убийства.

Вследствие всех этих новостей, мы остаемся в Нагасаки ждать Пилкина... *Н. Н. Ч.*

Отделал и обработал Н. С. Чириков.

Нагасаки, 3-го августа 1870 года.

Лейб-Гвардии Гренадерский полк

(1756 - 1956)

"Славься сын Елизаветы
Славься храбрый полк".

Как поется в полковой песне, "Дочь Петра, Елизавета повелела приказать" 30 марта 1756 года, из третьих рот 10-ти пехотных полков, сформировать 1-й Гренадерский полк.

Начиная с этого дня, полк участвовал во всех войнах Российской Империи, покрывая намеркнущей славой свои знамена.

28 сентября, с боем вступив в улицы Берлина, полк был награжден серебряными трубами с надписью: "за взятие г. Берлина 28 сентября 1760 г." 21 июня 1770 г., послѣ сражения при Кагуле, Граф Румянцев доносил Екатерине II: "Бригадир Озеров напопаснейшее стремление янычар, своим 1 гренадерским полком опрокинул и тем дал начало одержанной победе". При объезде полка, после боя, Фельдмаршал дивился мужеству гренадер и ему было отвечено: "чему ты дивишься — гренадеры не могут быть инакими". 10 июня 1775 г. последовал Высочайшiй Указ:

"В честь и уважение к пехоте армии Российской, 1-му Гренадерскому полку, как первому по его степени, так и всегда велией храбростью и воинской дисциплиною отличавшемуся, именоваться впредь МОИМ ЛЕЙБ-ГРЕНАДЕРСКИМ ПОЛКОМ и звание Полковника приемлю на СЕБЯ. Екатерина". Одновременно полку были пожалованы "в отличие от прочих полков пехоты Российской Армии", золотые аксельбанты, для ношения на правом плече.

На протяжении всей своей истории, лейб-гренадеры исполняли скромно и свято свой долг и оказывали в боях чудеса храбрости, твердо памятуя, что "инако гренадеру невозможно быть".

Легендарный переход по льду Кваркинского пролива, в шведскую кампанию, все бои Отечественной войны, заграничный поход Дрезден, Кульм, Лейпциг, завершившийся блистательным вступлением 18 марта 1814 г. в Париж — все это этапы славной истории блестящего полка. 13 апреля 1813 года "За мужество и храбрость в Отечественную войну 1812 года" полк причислен к составу гвардии, назван лейб-гвардии Гренадерским и награжден Георгиевскими Знаменами с надписью "За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году".

В первое польское восстание 1831 года, полк принимал участие в боях при Воле и Варшаве. Все офицеры и лейб-гренадеры были награждены польскими крестами "Virtuti Militari" (ставшим впоследствии полковым знаком) и старый боевой полк взял себе девизом слова "ВОИНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ". Сочетание твердого духа, жизни полной боевых лишений Екатерининских гренадер с новым девизом, окончательно выковали, сильный, по своему внутреннему содержанию, дух полка.

6 декабря 1831 года полку были пожалованы права и преимущества Старой Гвардии. Эту высокую награду, он блестяще оправдал в боях с турками, в войну 1877-78 гг. Фронтальная атака редутов Горного Дубняка, во главе с, тяжело раненым в этом бою, доблестным командиром полка генерал-майором Любовицким, принесла гренадерам знаки па головные уборы с надписью "за Горний Дубняк 12 октября 1877 г.".

Наступает мировая война 1914-18 гг. В неустанных трудах и сраженiях, полк 20 раз меняет свой состав и теряет 43 офицера только убитыми. В первом же бою, 24 августа, в 22 часа, полк, блестящей атакой, занимает деревню Высоке и окопы к западу от нее. 25 и 26 полк упорно атакует противника, доходит до его батарей и только, благодаря огромным потерям, не может их удержать за собой и закрепиться на взятых позициях. В этом бою, полк теряет убитыми 2 командиров батальона, полковников Горбунова и Судравского I, 7 ротных командиров, 17 офицеров и 2500 лейб-гренадер.

В боях под Ивангородом, 13 октября, после непрерывных атак противника, шт.-кап. Саламанов, по собственной инициативе, переходит в атаку, и прорывает фронт неприятеля, что послужило началом общего наступления 9 армии. Полк продолжает вести непрерывные бои с отступающим противником и доходит до Краковской укрепленной позиции. Из этих боев полк выходит в составе 11 офицеров и 1000 лейб-гренадер.

6-10 июня 1915 года, при дер. Крупе, под Красноставом, полк, в течение трех суток, выдерживал атаки Прусской гвардии, полков Имп. Александра I, Импер. Елизаветы, Имп. Франца и Императрицы Августы. 8 июня, Высота 209 переходила ШЕСТЬ раз из рук в руки. 10-го утром, остатки полка переходят в атаку, берут две линии немецких окопов, 10 пулеметов и пленных прусских гвардейцев. Во главе 4 батальона, падает раненый его командир полковник Судравский II. Он приказывает гренадерам взять его на руки и продолжает вести батальон в атаку. Сраженный второй пулей в горло, он умирает смертью храбрых. Ефрейтор 5 роты Руденко, собирает остатки 2-го батальона, потерявшего всех офицеров, атакует вторую линию окопов, берет пулеметы и пленных. В этом бою, полк потерял 15 офицеров убитыми, 28 — ранеными и 3000 лейб-гренадер. От 2-го батальона осталось 12 человек.

В тяжелых арьергардных боях июля-августа 1915 года, полк выходит из окружения под Сморгонью, имея в своих рядах, 7 офицеров и ШЕСТЬ рот. Бои

на Стоходе, зимой 16-17 года у дер. Свинюхи и Квадратного леса завершили Царскую службу полка.

Всю Великую войну, во всех боях полка, участвовала 3 батарея лейб-гвардии 2 артиллерийской бригады. Батарея эта стала, как бы, неотъемлемой частью полка, делила с ним всю боевую страду, все горе и радости. "Наша третья", говорили лейб-гренадеры.

При развале армии, в ноябре 1917 года, последний командир полка полковник Дорошевич, впоследствии зарубленный красными в Добровольческой армии, с группой офицеров спасает знамя и доставляет его на Дон, где офицеры полка участвуют в Первом походе, а затем разворачивают, сперва роту, а затем лейб-гренадерский батальон. Вместе с частями армии генерала Врангеля, лейб-гренадеры покидают родную землю. Последний бой полка под Голой Пристанью, в свое время, был описан на страницах "ВОЕННОЙ БЫЛИ".

Сергей Савицкий.

Застольный тост в день полкового юбилея

Приветствую я вас, однополчане,
В день праздника, родного нам, полка
И, вспомнив славные дела на поле брани,
Я осушаю кубок до последнего глотка.

Под сенью знамени родного,
За души павших помолясь,
Есть, что нам вспомнить дорогого
И здесь, за трапезу садясь.

За вас я пью, лейб-гренадеры,
За наш блестящий, славный полк,
За ратных подвигов примеры,
За аксельбант и чести долг.

В. В.

---

10 гренадерский Малороссийский генерал-фельдмаршала графа Румянцева Задунайского полк

(1756 - 1956)

Из числа, сформированных повелением Императрицы Елизаветы, четырех гренадерских полков, 4-й в 1785 г. получает наименование Фанагорийского, а через пять лет в 1790 — переименовывается в Малороссийский. Таким образом, легендарные фанагорийцы Рымника суть будущие малороссийские гренадеры.

Единственный в Российской Императорской армии, полк этот имел награды за взятие ДВУХ столиц — Берлина и Парижа. Георгиевское знамя за Плевну, серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 году и знаки на шапки с надписью: "ЗА ОТЛИЧИЕ" за взятие Парижа в 1814 году достойно увенчали 160-летнюю боевую работу полка. Под Плевной, полк грудью встречает выход армии Османа-Паши и, совместно с Сибирскими гренадерами, неся большие потери, удерживает турецкие атаки до подхода главных сил.

В войну 1914-17 гг., в составе XXV корпуса, полк в августе месяце выступил из Владимира, своей постоянной стоянки и вот главные этапы его боевой деятельности: 14 августа — первый и удачный бой к югу от г. Холма, затем победное наступление на Красностав, переход австрийской границы, бои у Ново-Александрии, переход Вислы, наступление на плечах отступающего противника до Краковских фортов, куда некоторые роты дошли в составе 20-50 гренадер, под командованием унтер-офицеров, отход к Ченстохову. Передышка и пополнение. В апреле 1915 г. очень удачное наступление "на-коротке" в районе Островец-Опатов, давшее полку 8 георгиевских наград. Полковой праздник Успения встречали в 1915 году в Беловежской пуще. В полку было, в этот момент, 8 офицеров и 181 гренадер. За зиму 1915-16 года, полк пополнился офицерами и гренадерами, роты были доведены до полного боевого состава. При полку свой 5-й маршевый батальон, пулеметная команда развернулась в две, а вскоре из Ораниенбаума, прибыла и третья. Сформированы заново команды траншейных орудий, саперная, конных разведчиков. В июне дивизия получила свой собственный запасный полк (84), выделенный из 11 грен. Фанагорийского. Таким образом, с этого момента, полк не терял ни одного офицера, ни гренадера, после излечения, они проходили через свой запасный полк и возвращались в ряды родного Малороссийского полка.

В таком блестящем состоянии, полк был брошен в наступление, в составе Особой армии. В героическом порыве, полк взял пять линий германских окопов но, неся тяжкие потери, вынужден был отойти в исходное положение. Потери полка — свыше 2½ тысяч гренадер и 40 офицеров. Все накопленное за год, было уничтожено в несколько часов боя.

Конец Императорской армии. В июне 1917 года, полк объявил себя "Ударным полком смерти". Ему были присвоены черепа на фуражки и ало-черные шевроны на рукава. В германское наступление 6 июля, полк был двинут на прикрытие отходящих деморализованных частей. Выполнил боевую задачу, окопался и удержал линию на р. Серет у м. Заложце и правее.

Здесь закончился 161-й год службы Отечеству нашего полка. 11 г.г. офицеров кавалеров Ордена Св. Георгия и 9 — Георгиевского оружия свидетельствуют о боевой работе полка. Во время войны, полком, последовательно, командовали полковники Правоторов, Серебренников, Полухин и Иконников.

Н. Витте.

ЦАРСКАЯ СОТНЯ

Мысль моя уходит в незабвенное дорогое прошлое. Вспоминаются и трудовые будни, и красочные дни "конкуров", и традиции, и прелесть Дудергофского лагеря, и алая безкозырка, и юношеский пыл молодежи, за спиной которой было всего лишь 18-19 лет. Все это создавало непередаваемую красоту и гармонию жизни.

Отдельные картинки жизни казачей сотни юнкеров Училища, или как ее называли — "Царской сотни", как в калейдоскопе, проходят перед глазами.

Строевые занятия. Манеж, езда, вольтижировка, джигитовка, рубка. Вспоминается "бог езды" — лихой есаул Бекир Тургиев, с его чуть ли не акробатическими номерами шашкой и винтовкой на полном карьере.

А вот и пеший строй. Шашечные приемы. Мой сменный — мрачный есаул Фомин, с холодно-презрительной усмешкой на тонких губах, командует: "Шашки в нож..:" и в этом "нож..." — столько угрожающей интонации, что невольно вся смена натягивается, как струна. Затем следует короткая исполнительная команда: "ны". Ать, два, три. Чувствуем, что сделали хорошо, но — куда там. Все это еще очень далеко от того совершенства и идеала, которого добивается есаул Фомин. Целый поток жестких, язвительных и уничтожающих нас слов слышим мы от него по своему адресу. И снова: "Шашки вон". Наконец, вдруг, слышим: "Хорошо". Это было так неожиданно, так невероятно, что есаул Фомин нами доволен, что мы растерялись и наш ответ получился катастрофически раздробленным: — "Р-р-р-ады стараться...".

— "Шляпы, и ответить, как следует, не умеете".

В сотне существовали традиции имевшие целью, главным образом, развитие отчетливости и лихости юнкера, а также любви к славному прошлому родных Войск. Высшим органом, пекущимся о сохранении традиций, являлась администрация сотни — неофициальное начальство по линии традиций, в составе одного "полковника", двух "войсковых старшин" и двух "есаулов", один из которых являлся и "адъютантом" сотни. Старший курс — "господа хорунжие" — приглядывался к юнкерам младшего курса и намечал кандидатов для занятий этих должностей. Незадолго до окончания училища, эти назначения объявлялись во время "ночного обхода". Об этом "ночном обходе" мы, молодежь, на 90 проц. состоявшая из бывших кадет, слышали еще до поступления у училище и с трепетом его ждали.

...Глубокая ночь. В спальне младшего курса царит мертвая тишина. Утомленная тяжелым трудовым днем, молодежь крепко спит. (После выпусков военного времени в восемь месяцев, в 1916 г. был введен годовой курс с почти полной программой мирного времени. Это вызвало сильное напряжение — ежедневно пять часов классных занятий, или "капониров", как они назывались, и четыре — строевых. Все было расчитано по минутам, всюду надо было "пулей вылетать" и неудивительно, что к концу дня, в особенности, первые дни, юнкера были без рук и без ног и пребывали в некоем обалделом состоянии).

...Сквозь сон слышу странные звуки. С трудом поднимаю веки и вижу необычайную картину — вдоль стен спальни, в колонне по одному, идут "господа хорунжие", держа обнаженные шашки "подвысь" с горящими свечами на остриях их. Впереди "полковник" Самсонов, астраханец, впоследствии офицер л.-гв. Сводно-Казачьего полка, недавно умерший в Нью-Йорке и вся администрация сотни с папкой громадных размеров алого цвета, с прикрепленными погонами, значками и другими эмблемами. "Вот он—обход", мелькает мысль и я окончательно просыпаюсь.

Идя медленно, размеренным шагом, "господа хорунжие" поют и мелодичный звон шпор, как бы вторит этой песне. Поют негромко, но внятно и каждое слово глубоко западает в мою душу:

"Серый день едва мерцает,
Скоро ночь пройдет,
Офицерство совершает,
Свой ночной обход.
    Впереди полковник бравый,
    Вслед хорунжих ряд,
    Жаждой удали и славы
    Очи их горят.
Блещут шашки боевые,
Шпоры чуть звенят,
На погонах золотые
Звездочки горят.
    Раздаются песни звуки
    Храбрых казаков
    Про великие заслуги
    Дедов и отцов.
Про Азовское сиденье,
Вечную войну,
И Сибири покоренье,
И тоску в плену.

Запорожские походы
К туркам, полякам,
Покоренные народы
Храбрым казакам.
Мнится вольность удалая
В прежние века,
Сагайдачного, Нечая
Слава Ермака.
Слава вихря-атамана
И сквозь дым веков —
Бунты Разина Степана,
Бич бояр-купцов.
Русь! Гляди, какую силу
Казаки таят,
За Тебя сойти в могилу
Каждый будет рад".

При последних словах, волнение охватывает все мое существо. Почти вся славная история казачья прошла перед моим внутренним взором и сейчас чудятся мне все многочисленные доблестные полки казачьи на всех фронтах Российской Армии и среди них — он, мой, славнейший из славных — 1-й Волгский Е.И.В. Наследника Цесаревича полк. К нему стремятся все мои мечты и желанья.

Но вот, слышится команда "полковника": "Господа офицеры". Строй останавливается, поворачивается лицом к нам, уже давно стоящим около своих кроватей, и опускает шашки.

Полковник начинает читать приказ. Он составлен в старинных и витиеватых выражениях. Объявляется "наряд по гарнизону". Затем следует наказ молодым о сохранении традиций, в иносказательной форме, дающий советы и правоучения, как напр., "Не суйся поперед батька в пекло", т. е. — "не бери барьера раньше лошади" и много, много других. Наконец, подходит пункт о назначениях: "Назначаются: славного Уральского войска молодой Портнов — полковником Царской сотни, Славного Сибирского войска Баландин и славного Кубанского войска Мельников — войсковыми старшинами, лихого Терского войска Вертепов — есаулом и славного Донского войска Авчинников — есаулом-адъютантом сотни". По традиции, все войска именовались славными, а одно — Терское — лихим.

Привыкнув за полгода к своему "есаульскому чину", мне впоследствии, после производства в настоящие хорунжии, было странно слышать обращение — "господин хорунжий", — разжаловали как будто бы.

Торжественный ритуал закончился пением: "Царской сотне многая лета. Еще раз ей многая лета. Без конца ей многая лета" и... сказка кончилась.

Д. Вертепов.

ДОНЕСЕНИЕ

Печатаемый ниже, разсказ, относится ко времени командования, свиты Его Величества генерал-майора графа Келлера, лейб-гвардии Драгунским полком, в Старом Петергофе, за несколько лет до войны.

Недавно, в Париже, один гвардейский казачий офицер, в разговоре с моим однополчанином, вспоминал как на Отрядных маневрах, "неприятель" всегда боялся графа Келлера, который "воевал" по-настоящему, проявляя смелую и неожиданную инициативу. Это действительно было — так. Мы, лейб-драгуны, всегда были на чеку, все у нас применялось на военный лад, люди это любили и это придавало им какой-то особый военный задор.

Граф Келлер был неутомимый и очень строгий командир полка, мы его боялись больше, чем "неприятеля". Он входил во все, был всюду, внезапно, на маневрах, появлялся в сторожевом охранении, следил за разведкой и приказывал нападать и ловить неприятельских разведчиков "за правду". Боже сохрани, — попасться самому в плен и отдать посланное донесение. Отсюда — происходили драки. Отбивались чем попало, доходило до того, что вытаскивали шашки и кого-то, как-то вытянули плашмя по спине и ранили его лошадь. Пошли жалобы на лейб-драгун. Келлер только улыбался и, в итоге, запретил вытаскивать шашки, но прибавил:

— А в плен, все же не сметь сдаваться.

Драки продолжались. Вместо шашек вырезывались "дрючки" и ими дубасили направо и налево.

Был сезон Отрядных маневров. По окончании одного из них, Великий Князь Николай Николаевич делал разбор маневра. Под конец разбора, Великий Князь сказал, что одна из причин удачных действий Отряда, была энергичная разведка лейб-драгун, дававших непрерывно точные сведения о противнике. Командира же "враждебного" кавалерийского полка он упрекнул в том, что разведка его была слаба, всегда опаздывала и многие ее донесения перехватывались лейб-драгунами. Обиженный командир полка покраснел и обидчивым голосом воскликнул:

— Да что же делать с лейб-драгунами, когда они дерутся, как разбойники.

В одно мгновение, высокая фигура Графа Келлера выросла перед маленьким генералом.

— Что-о? — грозно крикнул он.

Маленький генерал успокоился сразу, маневр кончился, был дан отбой и мы, в длинной колонне, с трубачами и песенниками, потянулись домой.

В нашем № 4 эскадроне был лейб-драгун, ефрейтор Бондаренко, кузнец, лихой малый и отчаянная голова. В одно прекрасное утро, Бондаренко рысью пробирался через кусты, везя донесение. Внезапно, со всех сторон, повыскакивали гвардейские казаки и окружили его. Бондаренко, как бешеный, отбивался своим "дрючком" но, видя, что дело его дрянь, швырнул его и остановился. Поднялся на стременах, высоко поднял руку с донесением и крикнул: — Видели?.. Вслед за этим словом, последовали крѣпкие слова в трехэтажном построении... Затем, он широко раскрыл рот и проглотил донесение. После этого, махнув рукой, он крикнул казакам:

— А теперь, забирайте... *Э. Г.*

Из кирасирских былей

Заштатный город Новогеоргиевск, Херсонской губернии, находившийся на берегу Днепра и отстоявший на 70 верст от железнодорожной станции, посреди привольных степей, издавна служил стоянкой кавалерийских полков. До революции в нем стоял 8 Запасный кавалерийский полк, формировавший во все время войны 1914-17 гг. маршевые эскадроны для полков 8-й и 12-й кавалерийских дивизий и Крымского Конного полка.

На половине высокой, покрытой красивым садом, горы, над Днепром, стоял белый мраморный памятник, изображавший мраморный же бюст молодой, красивой женщины. Надпись гласила, что памятник этот принадлежит, умершей в сороковых годах, госпоже Энгельгардт, супруге командира Орденского кирасирского полка. Надпись завершалась следующими стихами:

Семейства браннаго сын,
Сроднившись дружбою военной,
Надъ прахомъ юныя жены
Воздвигли памятникъ священный.
Въ даръ благодарности своей
Начальнику, отцу и другу
Почтили памятью своей
Его прекрасную супругу.

Сад вокруг этого памятника, видного далеко вокруг, в чудесные лунные ночи над Днепром, как наиболее поэтическое место, служил местом встреч влюбленных парочек Новогеоргиевска.

Будучи молодым офицером, в самом начале войны, я попал в маршевый эскадрон моего полка в Новогеоргиевск и, по мере сил и возможностей, собрал в местных архивах сведения об этом памятнике и, попутно, об обстоятельствах стоянки здесь Орденского полка. Оказалось, что Орденцы стояли здесь в царствование Императора Николая I, в сороковых годах, в командование всеми любимого и очень популярного, командира полковника Энгельгардт. Служба позволяла офицерам, в особенности субалтернам, часто отлучаться от полка, о чем, однажды, услышал Начальник дивизии и нагрянул неожиданно в полк. Однако, "служба связи" была прекрасно налажена в Новогеоргиевске и, когда, по тревоге, генерал произвел смотр полку, тот сошел блестяще и все офицеры оказались на своих местах. Когда Начальник дивизии, поблагодарив полк, уехал, полковник Энгельгардт собрал офицеров к себе на квартиру и, выйдя к ним в халате, по-товарищески сказал:

— Господа, мне очень приятно поблагодарить полк за усердную службу и занятия, теперь же мы можем опять разъехаться.

Блестящее состояние Орденского полка было отмечено самим Императором Николаем Павловичем. Во время одного из своих эпических смотров, когда полк был вызван в Вознесенск перед царские очи, Государь сказал Энгельгардту:

— Возьми полк, как он есть, и запри в шкап. Я лучшего не желаю. Он лучше моих кавалергардов.

По возвращении в Петербург, Николай I сказал приближенным:

— В эту мою поездку на юг, я видел два чуда: Киевский мост и Орденский кирасирский полк.

В 1860 году, полк был переименован в драгунский. В Новогеоргиевске, кирасиры со слезами на глазах расставались со своей эфектной формой и полк с аукциона продавал крупных коней тяжелой кавалерии, чтобы заменить их легкими драгунскими.

Анатолий Марков.

Заметки медалиста

Письма и бумаги Императора Петра Великого т. VIII и IX. Москва 1952 г. Примечания:

Медали: За сражение при Лесной, т. VIII (2) 829.
За Полтавскую битву, т. IX (2) 1081, 1085, 1086, 1088.

Согласно "Дневника военных действий Полтавской победы" — Гетман Скоропадский с полковниками и "начальными люди" были приглашены к столу в царские шатры. Петр I хвалил их службу, пожаловал золотыми медалями Гетмана, штаб и обер-офицеров, 100 рублей пожаловал "всему Малороссийскому войску", 4 тыс. рублей "войску Волхова", 20 тыс. руб. — казакам и калмыкам (Труды Имп. Гос. Воен.-Истор. О-ва, т. II, СПБ. 1909, стр. 314-315). В этот же день, был дан патент Ф. В. Шидловскому о производстве его в генерал-майоры, кроме патента на чин — вероятно был пожалован золотой медалью. Прочих жаловал кавалерами медалей серебреных. Всех штабных обер-офицеров жаловал государь золотыми портретами с алмазами и медалями золотыми по достоинству их чинов. А солдатам — медали серебряные и давались деньги.

Награды медалями и портретами, осыпанными драгоценными камнями, требовали больших расходов. Для примера можно указать, что за битву при Лесной было выдано 1140 золотых медалей и "нарядных" золотых "персон" с алмазами-камнями, стоимость каждой была весьма различной. Золотая медаль, сделанная на Монетном Дворе — обходилась каждая по одному червонному. "Нарядные персоны" были оценены в 873 руб. 33 коп. каждая. Тисненые золотые медали изготовлялись на Монетном Дворе. "Нарядные персоны" с алмазными камнями, "персоны" писаные на финифти и вставленные в серебро с золотыми ободками и алмазами "поддоны" выполнялись золотых дел мастерами.

Награды за Полтаву были несравненно обильнее чем за Лесную. Сохранилась переписка Г. И. Головина и дьяка Посольского приказа М. И. Родостамова об изготовлении кавалерских крестов для награды особо отличившихся в Полтавском бою.

За сражение при Лесной, П. Ознобишин был награжден медалью. В 1710 г. ему была выдана новая медаль "За Лев енгаупткую баталию — взамен утерянной".

Это интересное письмо канцлера Г. И. Головина — приведено (без указания источника) в ненапечатанном труде М. Ю. Гаршина "Русские знаки отличия за храбрость, войны и походы" с добавлением: "После Полтавского боя Великий Петр намеревался учредить особый крест..., но почему-то это намерение не было приведено в исполнение. Между тем, это письмо (ниже перепечатываемое), датировано — 19 июня 1709 г. — т. е. за восемь дней до решительного сражения под Полтавой. Письмо гласит: "Михайло Иванович. Посылается при сем рисунок креста кавалерского и нумер 1-й знаменует наружная сторона того всего креста: самый крест синего цвета, а изображение Святого Андря на подобие тела: корона с кольцом, за которое привязывать и орлы золотые. Нумер 2-ой — другая сторона того же всего креста: крест на той стороне другой оставить просто золотой, а литеры черные. Вели против того рисунка сделать таких крестов семь, да семь же крестов малых, каковы в нынешнем 1709 году иноземец Вестафаа... (дальше неразборчиво). И из обоих, из больших и малых, по одному вели сделать поскорее и пришли ко мне через почту, как найскорее возможно и потом достальные сделав, такожде пришли. Гаврнил Голови, из Решетиловки от 17 июня 1709 г.". К этому письму был приложен рисунок...

Следовательно — проект этого большого креста возник не только до Полтавского боя, но прототипом большого — служили малые кресты, еще ранее изготовленные (или — спроектированные) иноземцем Вестфаленом: к сожалению — окончание этой фразы разобрано быть не могло.

Извлек *В. Рихтер.*

Обзор военной печати

ВОЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ В. Н. БИРКИН

Личность, характер и взгляд на жизнь автора произведения не могут не отразиться на его героях и их жизнь обычно представляется под углом зрения писателя. Авторы, жизнь которых, по той или иной причине, не удалась, обычно рисуют своих героев, как и среду, в которой они живут, в скучных и мрачных красках.

Отсутствие объективности особенно характерно для нашей военной литературы, которая распадается на два противоположных и враждебных друг другу, лагеря. К одному, принадлежат произведения людей военных, не только по тому, что они носили военный мундир, но и по их психологии и духу. Они рисуют Русский военный быт и службу в армии яркими и светлыми мазками, а своих героев, физически и морально здоровыми людьми, преданными Родине, с любовью и знанием делающими свое дело. Здоровое и бодрое чувство гордости за Русскую армию возбуждают в читателе произведения таких писателей, как: Немирович-Данченко, Каразин, Крестовский, Афанасьев-Чужбинин, Юрий Галич, Лукаш, Краснов, Гоштовт, Вольский, Ходнев, Яковлевский, Елисеев. Все они, люди или прошедшие хорошую военную школу или вышедшие из военной семьи. Совсем другую картину мы видим, когда за описание военного быта берутся люди, хотя и талантливые, но военной службы не знающие, или, еще хуже того, неудачники, не ужившиеся в армии и из нее выкинутые. Эти последние, в особенности, полны злобой и потому клевещут на военную среду, марают армию и рисуют военный быт в самых непригдядных и уродливых формах.

К произведениям подобного рода относятся все рассказы из военной жизни Куприна, написанные им до революции. Выгнанный судом чести из полка, за пьяный скандал, Куприн мстил армии и, одновременно, искал популярности в редакциях левых изданий. После революции, очутившись в эмиграции, он осознал свою вину перед армией и, чтобы загладить и заставить забыть ее, он выпустил повесть "Юнкера", в которой впал в другую крайность, изобразив жизнь юнкеров Александровского Военного Училища, в таких сусальных тонах, что его герои больше походили на институток, чем на настоящих юнкеров.

Грязным пасквилем на Русскую армию и Россию являются также два тома воспоминаний бывшего военного агента в Париже и бывшего графа Алексея Игнатьева "50 лет в строю". Начать с того, что заглавие совершенно не соответствует содержанию книги, из которой явствует, что в строю Игнатьев пробыл всего ТРИ года, остальное же время провел на штабных и дипломатических должностях. Бывший граф явно претендует получить серебренники за проданного им Христа, к тому же всем давно и широко известно, что писал Игнатьев свое произведение, чтобы угодить советской власти, в благодарность за то, что, приняв его к себе на службу, Москва покрыла произведенную им растрату казенных денег, за которую иначе — ему пришлось бы отвечать по суду.

Гораздо вреднее книги Игнатьева — воспоминания полковника В. Н. Биркина, изданные за несколько лет перед войной, в трех книгах, озаглавленных: "*Кутузы*", "*Молодые офицеры*" и "*Осиное гнездо*".

Биркин, полковник Императорской армии и человек белого лагеря, везде и всегда подчеркивающий в своих произведениях, преданность Царю и Отечеству и горячую любовь к армии. А между тем, его воспоминания не могут не возмутить и не привести в негодование каждого военного, служившего в Русской армии. При-

чина этого странного, казалось бы, явления та, что самооплевательные воспоминания Биркина лишены всякой объективности и рассматривают все явления жизни под его личным и очень узким углом зрения.

В. Н. Биркин, сын неудачника и сам неудачник в жизни, выросший в ненормальной семье. Тщедушный и болезненный он, окончил среднюю школу в одном из глухих провинциальных городишек, где все его товарищи по школе, являлись подгородными хулиганами, жившими больше в камышах (куге) нежели под крышей и которых, по этой причине, как и самого себя, он называет "кугутами". Не получивший никакого воспитания в семье, ни в школе, болезненный и физически недоразвитый и, вдобавок, наследственный алкоголик, Биркин, по окончании реального училища, поступил в Николаевское Инженерное Училище, где оказался в совершенно чуждой для него, среде. Никаких интересов, привитых воспитанием, кроме склонности к выпивке и закуске, у него не было. Этому он и предавался в свои юнкерские годы, в обществе двух товарищей, вышедших из такой же среды. Не умея держать себя в обществе и подойти к приличной женщине, он проводил все свое свободное время в пивных, в обществе уличных женщин самого низшего сорта. На втором курсе училища, Биркин заболел сифилисом, о чем повествует без малейшего стеснения и, не попав на старший специальный курс училища, принужден был выйти подпоручиком в 4-й саперный батальон, стоявший в Гродно. Здесь у него, помимо службы, были те же развлечения, как в училище, т. е., непробудное пьянство и посещение публичных домов, что он опять-таки описывает с циничной откровенностью, вызывающей тошнотворное чувство у читателя. Быть алкоголиком, кажется ему настолько естественным и законным, что он очень обижается и считает явной несправедливостью со стороны начальства, аттестацию его, как неисправимого пьяницу.

Почти не встречаясь с другими офицерами батальона, с которыми он не находил никаких общих точек соприкосновения, Биркин, на основании собственного примера и двух-трех таких же запивох, как он, с которыми он живет на коммунальных началах, наивно полагает, что все офицеры не только его батальона, но и всей Русской армии не имеют вне службы другого занятия, как пьянство. Имея в своей телеграфной роте дело с солдатами саперами, набранными из полуинтеллигентов, которые везде и всюду считают себя непризнанными гениями и потому заражены революционной пропагандой, Биркин считает, что и остальные солдаты Русской армии им подобны.

Несмотря на свою некультурность, и полное отсутствие какого бы то ни было светского лоска, он, однако, претендует на "дворянские привиллегии", на том основании, что, когда-то, его предки владели землями. Так, попав в Казани на бал, он возмущается тем, что на нем, распорядителями и дирижерами, являлись купцы и мещане, в то время, как он, не умевший танцовать и не знавший в обществе куда ему девать руки и ноги, подпирал стены.

Рисуя в самых унылых тонах жизнь и службу саперных офицеров, Биркин, при встрече с офицерами кавалерии, наивно изумляется тому, что они совершенно на него не похожи и, в восторженном тоне, описывает их выправку, дисциплинированность, выдержку и воспитание, признавая, что их быт и служба не имеют ничего общего с его нудным существованием. Умиляют его и казаки, которых ему привелось видеть на Кавказе. Он с уважением отмечает, что их интересы и быт резко отличаются от таковых же в его батальоне.

Как и следовало ожидать, перед первой мировой войной Биркин был принужден покинуть саперную службу, однако, вместо того, чтобы, как плохо аттестованный офицер выйти в запас, каким-то чудом, он попадает воспитателем в Донской Кадетский корпус. Попав в казачью среду, здоровую физически и морально, спаянную крепкими традициями и живущую своим собственным, особым бытом, которого он не знал и не понимал, Биркин, в качестве офицера-воспитателя, представлял собой крайне жалкую фигуру. Сам, не получивший никакого военного воспитания, он был чужой человек кадетам, которые, с мальчишеской жестокостью, сделали из него корпусное посмешище. Не подлежит сомнению, что Биркину пришлось бы покинуть службу и в корпусе, как он покинул саперный батальон, если бы, ему на выручку, не пришла война. Оставив корпус, он отправляется на фронт, где командует в пехоте, сначала ротой, а затем батальоном. Его описание военных действий и революции на фронте ничего не прибавляет ко всем известным событиям. Как боевой офицер, он также не оказывает никаких талантов, чему доказательством является то, что, будучи два года на фронте, в штаб-офицерском чине, он имеет единственную награду — Владимира 4-й степени.

Зачем писал свои воспоминания и оплевывал себя и Русскую армию полковник Биркин, монархист и "патриот" — остается для меня загадкой, издание же в зарубежьи его книг нашими организациями является настоящим преступлением. У людей военных, знающих Императорскую армию и в ней имевших честь служить, книги Биркина вызывают только негодование, что же касается поколения Русских людей, выросшего заграницей и не знающего прошлого своего Отечества, его воспоминания настоящая отрава, так как они позорят и клевещут на наше прошлое и марают то, что было в России лучшего — нашу доблестную армию.

Анатолий Марков.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

О ГРЕНАДЕРСКОЙ ФОРМЕ

Характерным для всех гренадерских полков был желтый цвет их погон и лацканов. Дивизии отличались цветом выпушек, красная — 1 дивизия, синяя — 2, белая — 3-я. У Кавказской гренадерской дивизии был серебряный прибор. В отличие от пехотных полков, гренадерские не носили на погонах № полка. Большинство полков было Шефскими, а где не было Шефа — на погонах была первая буква названия полка, напр., "Н" — 4 грен. Несвижский полк. Все гренадерские полки носили белые пояса. Гренадерские артиллерийские бригады имели особые пуговицы — бомба на скрещенных двух орудиях. Гренадерский Саперный батальон имел на пуговицах саперные эмблемы на бомбе. На обшлагах мундиров, были особые петлицы или клапана, с тремя петлями. Гренадерские части комплектовались новобранцами не ниже 2 ар. 6 вер. ростом.

Сообщил *П. М. Витте.*

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОЙ АРМИИ И ФЛОТА

К Заамурскому корпусу Пограничной Стражи принадлежали все рода оружия. Все они носили зеленые пограничные канты. Так например, было очень странно видеть при морской форме у чинов Аму-Дарьинской и Сыр-Дарьинской флотилий зеленые канты, равно, как и у Саперной роты при этом же корпусе.

---

7 декабря 1817 года, два эскадрона лейб-гвардии Уланского полка, находившиеся в составе Гвардейского Отряда при Цесаревиче Константине Павловиче в Варшаве, были отчислены на сформирование Уланского Великого Князя Константина Павловича полка. Впоследствии, лейб-гвардии Уланский полк был переименован в лейб-гвардии Уланский Ее Величества, а Уланский Цесаревича — в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. В память их родственной связи, Уланы Его Величества, происходящие от улан Цесаревича, носят при серебряных этишкетах, золотые нити, в память улан Ее Величества, имеющих золотой прибор.

Орден Святого Георгия был чисто военным орденом, дававшимся исключительно за бранную доблесть. Награжденне им обнимало собой все военные подвиги, как рядового Русского солдата, так и Российского фельдмаршала. Он, таким образом, был всеобъемлющей наградой, отмечавшей подвиги не только отдельных воинов, но и целых войсковых частей, в виде Георгиевских знамен, штандартов, Георгиевских труб и рожков, петлиц, басона и Георгиевской ленточки на головных уборах моряков и Георгиевских же лент на знаменах.

Сообщил *Анатолий Марков.*

ИЗ КНИГИ "МИНГРЕЛЬСКИЕ ГРЕНАДЕРЫ"

В первые же месяцы войны 1914 года, кавказские корпуса покрыли себя вечной славой. "Быть на поле сражения — наша обязанность, а принести себя в жертву Родине — наш долг". Так говорили старые кавказцы — этого же девиза держались и, сменившие их, поколения. Наши кавказские адаты не изложены на бумаге, они писаны кровью, переходят из рода в род и больше связывают нас, нежели писаные законы.

Особенность войск Кавказской армии заключалась в том, что она не знала разделения по родам оружия. Драгун, гренадер, стрелок или артиллерист был таковым только при исполнении служебных обязанностей. Вне службы, кавказская школа готовила единаго Русского солдата, единого офицера, к какому бы роду войск он не принадлежал. Немалую роль в жизни кавказских частей сыграла отдаленность их от центра и жизнь и служба среди воинственных народов Кавказа, откуда пошла "привычка в чужбине врагов никогда не считать"". Условия эти роднили роды оружия между собой и приближали солдата к офицеру.

Государственный ум Русских военачальников быстро сумел завоевать доброе отношение местного населения. Русские войска строили дороги, открывали госпиталя, обучали детей местного населения в своих школах, наравне со своими и принимали в свою среду всех верноподданных Российской Империи, без различия веры и национальности. Доброе, открытое отношение Русского солдата к местному населению создало почву для совместной работы и жизни, основанной на взаимном доверии. Русский воин перенял от местного населения их воинственность и гостеприимство и ввел начала государственности среди разнородных местных племен.

Вот эти три качества: ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, ВОИНСТВЕННОСТЬ и ГОСТЕПРИИМСТВО, объединившись и создали тип Русского солдата — КАВКАЗСКОГО ВОИНА.

Этими качествами и была горда Кавказская армия.

Полковник *Г. Джуджиев.*

"ДОНСКОЙ КАЗАК"

При воссоздании Русского Флота, после японской войны, была открыта всенародная подписка на сбор средств. По примеру других частей Империи, донские казаки также собрали деньги и на этот взнос, был построен в Балтийском море эскадренный миноносец "ДОНСКОЙ КАЗАК". После спуска его на воду, если не ошибаюсь в 1907 году, с Дона было послано Благословение кораблю, икона в художественном резном

киоте. Везшая икону делегация состоявшая из одного офицера, моего покойного отца и одного урядника, выехала из Новочеркасска в Ригу, где строился миноносец и там, в торжественной обстановке, поднесла икону своему кораблю. Икона эта представляла собою как бы триптих — Св. Иоанн Креститель, Св. Николай Чудотворец, а вверху Покров Святой Богородицы. Верх киота и лампада были украшены гербом Области Войска Донского.

На память об этом событии, кают-компания миноносца поднесла моему отцу серебряную (порционную) чарку с вырезанными на ней фамилиями офицеров.

Сообщил *Н. Быкадоров.*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЛАНА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

За несколько лет до первой мировой войны, во время больших маневров, поручик лейб-гвардии Уланского Его Величества полка А. Д. был послан от Отдельной Гвардейской кавалерийской бригады, для связи к одному из командиров корпусов, принимавших участие в маневрах. Поручик Д., отличный офицер и кавалерист, милейший человек и большой джентльмен, заикался, порой довольно сильно.

Отрапортовав генералу, с трудом и заикаясь, о своем прибытии, поручик Д. услышал в ответ:

— Что лейб-гвардии в Уланском, не было лучшего офицера, чтобы прислать ко мне для связи?

— А... к... какже б... ыли, В...аше П... ревосход... ительст... во, но, л... лучшие к... л... лучшим п... ослаиы, — деловитым тоном доложил Д.

Этот маленький эпизод, который, конечно, не имел для поручика никаких неприятных последствий, говорит сам за себя.

Сообщил *Е. В.*

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ ЖЕТОН ТВЕРСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА

Серебряная черненая подкова — эмблема кавалерии и, по Русскому поверью, предзнаменование счастья, благополучия, которых Училище желает своим питомцам. Внутри подковы, на эмалированном красном щите, охваченном бывшим флюгером Тверского Училища, буквы: "Т.К.У.". На зацепной части подковы, серебряный мат, а на нем черныю ноты сигнала "карьер", идея атаки, высшего боевого назначения конницы, а на выбухтовке — слова сигнала "СКАЧИ — ЛЕТИ СТРЕЛОЙ", как последний завет Училища своим воспитанникам. На оборотной стороне жетона, внутри подковы, вызолоченная доска, на которой каждому юнкеру предоставляется вырезать свою фамилию и год выпуска.

Сообщил *В. Г. Ковалевский.*

Почтовый ящик

В моей поправке о Гренадерском бое, Редакцией были пропущены слова, существенно меняющие весь смысл ее. Упомянутые мною полки 33-й пех. Елецкий и 70-й пех. Ряжский были единственными полками Российской армии, получившими эту высокую награду за отличие в *мирное время.* Прошу читателей, соответственно исправить мою заметку, помещенную в № 14 журнала "Военная Быль".

Н. Виттс

В № 15 "ВОЕННОЙ БЫЛИ", в моем очерке "РОСТИСЛАВ", допущена опечатка, каковую я прошу исправить в одном из ближайших номеров нашего журнала. Славный, для нашего флота, бой с "ГЕБЕНОМ" у Босфора, в котором принял участие лин. корабль "РОСТИСЛАВ", произошел 27 апреля 1915 года, а не 25, как указано в статье.

Н. С. Чириков.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА "ВОЕННАЯ БЫЛЬ"

С 1 января по 1 апреля 1956 года поступило: от Г. А. Мамышева — 700 фр., от И. Л. Булавко — 500 фр., от А. А. Ветлица — 460 фр., от Н. Н. Машукова — 200 фр., от В. П. Ефимова — 600 фр., от В. Милодановича — 1950 фр., от А. В. Балашева — 50 фр., от А. А. Хохлова — 5000 фр., от Б. В. Сергиевского — 38500 фр., от В. А. Соколовой — 900 фр., от С. А. и М. А. Петровых — 200 фр., от г-жи Швецовой — 100 фр., от Д. К. Беляева — 350 фр., от Г. А. Алеева — 40 фр., от Б. Н. Мезенцева — 100 фр., от Группы кадет в Доме в Дорнштадте — 900 фр., от Л. А. Беляева — 150 фр., от Ф. С. Шленского — 65 фр., от Е. В. Кравченко — 60 фр., от Л. И. Кульнева — 100 фр., от С. Н. Джанумова — 70 фр., от М. М. Трофимова — 500 фр и от А. Е. Простакова — 450 фр. Итого: 51945 фр.

С прежде поступившими: 219520 фр.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre. 11. rue des Cordelières. Paris.

„ЧЕСТЬ“

книга **Георгия Ишевского,** издание Обще-Кадетского Объединения. Художественное описание жизни и быта Симбирского кадетского корпуса. Цена по подписке: во Франции и соседних странах — 350 фр. В странах заокеанских — 2 дол. Подписка принимается: 61, рю Шардон-Лагаш. Париж 16. Почтовый счет: 2881-89 Париж.

«ВЕСТНИК ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ».

Принимается годовая подписка, на шесть номеров в год.

Стоимость — 300 фр. с пересылкой во Франции, колониях и европейских странах.

В странах заокеанских — 90 амер. центов.

Обращаться по адресу: А. А. Геринг. 61. rue Chardon-Lagache, Paris (16).

„Свободная Россия“

литературно-политический сборник издание Южно-Калифорнийского Отдела Российского Политического Комитета, под редакцией **Митрофана Ильменева.**

Второй год издания.

Представительство на Францию: А. А. Геринг, 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16.

Цена отдельного номера — 200 фр. франков.

„МОРСКИЕ ЗАПИСКИ“

издаваемые Обществом Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, под редакцией старш. лейт. барона Г. Н. Таубе

Вышел и разослан подписчикам

№ 4, т. XIII, 1955 г.

Подписная цена — 3 долл. в год.

Представитель на Францию: кап. 2 р. В. В. Скрябин.

Обращаться по адресу:

38, Bd de la République, Boulogne s/S.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у Б. Н. Ширяева — Casa Postale, 102, San-Remo, Italie.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — 69, Main-street, Nyack (N.Y).

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 1538, Steiner, San-Francisco, 15.

Канада — у А. С. Орлова — 224, Dovencourt R-d Toronto (ONT).

Австралия — а) у В. А. Петрушевского — Fl. 2, 23 Longueville Rd. Lane Cove, Sydney (N.S.W.) б) у Н. А. Коссач — 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Tunnel a Santa Ines, Villa Nina Caracas.

№ 19

ИЮЛЬ 1956 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 5 - й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ

ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

ПАРИЖ

Обще-Кадетское Объединение извещает, что в воскресенье 17 июня, на Русском кладбище в Сент-Женевьев была отслужена Торжественная Панихида по Августейшем Генерал-Инспекторе Военно-Учебных заведений

Великом Князе Константине Константиновиче

Почетном Председателе Обще-Кадетского Объединения

Великом Князе Гаврииле Константиновиче

полковнике Борисе Дмитриевиче ПРИХОДКИНЕ и всем кадетам Российским за Веру, Царя и Отечество голову свою сложившим, в смуте убиенным и в мире скончавшимся.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Из семейных воспоминаний — Княжна **Вера Константиновна**	2
Наш Отец и Воспитатель — **Алексей Геринг**	5
Из воспоминаний о Великом Князе Константине **М. Н. Башмакова**	7
31 декабря 1955 года — **Иван Сагацкий**	11
В детской **К. Р.**	12
Порт-Артур — **К. Р.**	12
Князь Георгий Константинович — **Г. Месняев**	12
Давнее, повесть — **Г. Месняев**	13
Елисаветградское кавалерийское училище — Полковник **Фурман**	15
Атака у Нерадово — **Борис фон-Царевский**	21
Отмененный салют — **А. Черноморцев**	25
Хроника «Военной Были»	28
Обзор военной печати	III

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и европейских странах — 1050 Франков с пересылкой. В странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. В Германии — 12 мар.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16ᵉ). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guering.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

5-й год издания | № 19 ИЮЛЬ 1956 Г. | Bimestriel. Prix — 180 fr.

Его Императорское Высочество Великий Князь
КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ
в бытность Его в Морском Училище

ОТРЫВКИ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

(Извлечение из слова Е. Высочества Княжны Веры Константиновны, произнесенного Ею 24 февраля 1956 г. на заседании Об-ва Имени Пушкина в Нью-Йорке, посвященном памяти Великого Князя Константина Константиновича)

Имя моего отца, Великого Князя Константина Константиновича, — принадлежит истории. Несомненно настанет время, когда будут описаны, должным образом, Его личность, Его жизнь, Его государственная и литературная деятельность.

Здесь же я, естественно, даже отдаленно, не могу исчерпать эту очень большую ответственную тему. Я могу лишь бегло отметить основные этапы богатого и яркого жизненного пути моего отца. Но, за то, я имею возможность поделиться интимными воспоминаниями и черточками нашей семейной жизни, которые едва ли попадут на страницы большой истории.

Отец мой родился в 1858 году в семье Великого Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Иосифовны, принцессы Саксен Альтенбургской.

Имя моего деда, Великого Князя Константина Николаевича, человека прекрасного образования и широких умственных горизонтов — самым тесным образом связано с реформами Царя-Освободителя, и, особенно, с великим делом освобождения крестьян, коего мой дед был самым страстным и убежденным поборником. В плеяде блестящих деятелей, окружавших Императора Александра II-го, мой дед занимал одно из самых главных мест. Он был последовательно: Наместником Царства Польского, многолетним председателем Государственного Совета и Генерал-Адмиралом Российского флота. Его кипучей деятельности в области морского дела, этот флот, был обязан тем, что он занял одно из первых мест среди военных флотов других государств.

По своей природе, кипучей, страстной — мой дед, несомненно был одной из самых интересных и ярких личностей александровского царствования. Под стать ему была и моя бабушка, Великая Княгиня Александра Иосифовна, славившаяся своей необычайной красотой, живым и незаурядным умом и редким остроумием.

Немудренно, поэтому, что насыщенный умственными и культурными интересами, родной отчий дом моего отца, явился для него необыкновенно благотворной почвой, на которой самым блестящим образом развились его природные дарования. С самых ранних лет обнаружилась его склонность к литературе, поэзии, музыке и театру. Вместе со своим отцом, он играл в оркестре, под управлением знаменитого Иоганна Штрауса; часто принимал участие в любительских спектаклях, и, прекрасно, с глубоким чувством, играл на рояле, написав даже несколько небольших музыкальных пьес для фортепиано.

Как сын Генерал-Адмирала, по семейной традиции, и по воле отца, он был определен на морскую службу. Во время морских операций, во время войны 1877-78 г.г., за оказанные храбрость и мужество, он был награжден орденом Св. Георгия 4-ой степени. В 1876 г., на фрегате "Светлана", входившем в состав эскадры, под командованием Великого Князя Алексея Александровича, — он побывал и в Нью-Йорке.

Однако, морская служба оказалась не под силу отцу, всегда отличавшемуся слабым здоровьем. Он, к великому неудовольствию, и даже гневу своего отца, оставил морскую службу, и перешел лейб-гвардии в Измайловский полк, командуя в нем ротой Его Величества.

В 1883 году отцу довелось побывать на родине своей матери, в городе Альтенбурге, столице герцогства Саксен-Альтенбургского, в качестве представителя своей семьи на похоронах своей троюродной сестры Маргариты, скончавшейся 14-ти лет от роду от воспаления легких. Там и встретил он другую свою троюродную сестру — Елисавету, родную сестру усопшей принцессы. Встреча эта оказалась решительной. Троюродная сестра и брат понравились друг другу с первого взгляда. Помню, как моя мать рассказывала о том, какое сильное впечатление произвел на нее при первой встрече отец, стоявший облокотившись на камин, в столь шедшей ему морской форме.

Когда же они сидели рядом за столом, отец, рассматривая серебряный браслет с бесцветным камнем, надетый на руку принцессы Елисаветы, спросил ее:

— Нравится ли тебе форма этого браслета?

Она ответила утвердительно.

— Когда у меня будет невеста, — сказал отец,— я подарю ей такой браслет.

Он так и сделал, ставши женихом. По смерти матери, этот браслет унаследовала я, и постоянно ношу его.

Родители моей матери не очень хотели, чтобы их дочь уехала в Россию, где шли постоянные политические волнения и беспорядки. Однако, их дочь, до тех пор всегда покорная и послушная, энергично заявила о том, что в Россию она поедет, ибо "не боится пороха".

Переговоры длились долго, но, в конце концов, в Россию была послана условная телеграмма: "пианино куплено". Отец приехал в Альтенбург делать официальное предложение. Мать моя всю жизнь помнила звук палаша, когда отец, в виц-мундире Конного полка, шел по лестнице замка, направляясь к ее родителям.

Свадьба состоялась в Петербурге, в 1884 году. После нее отец зажил полной и счастливой жизнью: семья, военная служба и поэзия. Он очень любил свой родной Измайловский полк. В нем он учредил, еще нигде небывалое, литературное общество "Измайловские досуги", в котором офицеры обсуждали новинки русской поэзии и литературы, и где читал

свои стихи, приглашаемый отцом, знаменитый тогда поэт Аполлон Николаевич Майков.

После командования ротой в Измайловском полку, отец, минуя должность батальонного командира, был назначен прямо командиром лейб-гвардии Преображенского полка.

В 1900 г., по Высочайшему повелению, на отца было возложено ответственнейшее дело воспитания военной молодежи. Всем в достаточной степени известно, какой это был счастливый выбор, и на какую высоту мой отец поднял кадетские корпуса и военные училища. Все знают, как искренне любил он своих питомцев, как близко входил он в их нужды, интересы, в их личную жизнь, в их радости и горести. Он обладал замечательной памятью на лица, фамилии и даже прозвища, которые, иногда, давал он сам. Он знал и помнил множество кадет и юнкеров. Можно было бы составить целый том кадетских рассказов о моем отце, и как бы хотелось мне это сделать, к недалекому столетию со дня его рождения, приходящегося на 1958 год.

Кадеты и юнкера обожали своего Шефа. Маленькой иллюстрацией их любви и доверия к нему, может послужить следующий случай. Один кадет, по фамилии Середа, за "тихие успехи и за громкое поведение", был исключен из двух корпусов: Полтавского и Воронежского. Тогда он решил обратиться за помощью к моему отцу. Он отправился в Павловск. Швейцар его не допустил. Тогда, не долго думая, он обошел парк, влез на дерево, чтобы произвести разведку. Увидев, что отец мой находится в своем кабинете, он туда вошел. Услышав шорох, отец поднял голову и, сразу же узнав мельчика, спросил:

— Середа, что ты тут делаешь?

Середа, сильно заикаясь, ответил:

— ВВаше ИИИмператорское ВВВысочество — выперли.

— Так, — сказал отец, — что же ты теперь думаешь делать?

На это, Середа, не задумываясь, воскликнул:

— ВВаше ИИмператорское ВВВысочество, дддумайте ВВВы!

Отец мой "подумал", и шалун был назначен в Одесский корпус, который он окончил, выйдя в кавалерию. В 1-ю мировую войну он отличился, заслужил Георгиевский крест и пал смертью храбрых.

Семейная жизнь моих родителей протекала на редкость счастливо и гармонично. Моя мать не перешла в православие, но будучи человеком глубоко религиозным и широких взглядов, она, не только не препятствовала отцу, всецело преданному православию, воспитывать и растить нас — детей в заветах православия, но всячески его в этом поддерживала. Братья мои с юных лет прислуживали и читали в церкви, а у старшего моего брата Иоанна, отличавшегося особой религиозностью, был собственный церковный хор. Словом, жизнь нашей семьи зиждилась на твердых основах православной веры.

Здоровье отца всегда было слабым. Он болел и легкими, и почками, и сердцем. Он говорил иногда о том, что у него такое ощущение, будто у него на сердце рана. Для лечения он нередко ездил за границу. Зимы 1912-13 и 1913-14 г.г. родители, ради здоровья отца, провели в Египте, который им очень полюбился. Они были там особенно счастливы, и, что было чрезвычайно редко, они были почти одни и могли наслаждаться, без помех, обществом один другого. Поездка в Египет явилась для них как бы запоздалым свадебным путешествием.

Летом, 1914 года, отец лечился в Наугейме. Мать с моим братом Георгием и мною, гостила у моей бабушки с материнской стороны. Ходили какие-то смутные слухи о возможности войны, но отец им не очень верил, ибо слухи эти в предвоенные годы не прекращались, то усиливаясь, то слабея; к ним как-то привыкли.

Вдруг, неожиданно, отец получил телеграмму о мобилизации от своего младшего брата, Великого Князя Дмитрия Константиновича, и немедленно приехал к нам в Бад-Либенштейн, для того, чтобы взять нас и вместе вернуться в Россию.

В те дни Германия была охвачена военной истерией. Всем чудились русские шпионы и автомобили с русским золотом. Наш автомобиль тоже раз был принят за шпионский. На станции, где мы ожидали поезда, кто-то грубо заметил, указывая на брата, что мальчик мог бы, по крайней мере, снять русскую фуражку (брат носил матросскую фуражку с надписью "Потешный").

У русской границы в Эйдкунене поезд остановился, нам приказали не закрывать окон и дверей вагона. Лишь в отделении для детей разрешили затянуть занавески. Мне было тогда — восемь, брату — одиннадцать лет. Помню, как нас накормили черным хлебом и молоком; помню часовых, стоявших у вагона, в остроконечных касках, в защитных чехлах и крупною цифрою "33" на них. Утром нас погрузили в автомобили. Лейтенант Мюллер, командовавший нашей охраной, до того весьма вежливый и корректный, вдруг сделался грубым и стал называть мать "гнедиге фрау", т. е. "сударыня", боясь, видимо, титуловать ее по сану.

Адъютанта отца и камердинера задержали, объявив, что они приедут с багажом. В начале хотели задержать и отца, однако, моя мать решила не покидать его. Была послана телеграмма в Берлин. Насколько я помню, за нас заступилась Германская Императрица Августа-Виктория, и нас пропустили.

Из Эйдкунена ехали мы в двух автомобилях: в первом родители, брат и я, во втором все остальные. Рядом с шофером сидел солдат с винтовкой. Шторы были спущены и нам объявили, что мы не должны смотреть в окна, иначе будут стрелять. Мы с братом, сидя на передних откидных скамейках, все время старались подсматривать в щели между занавесками, что очень волновало мать.

Неожиданно, машина резко остановилась; дверь распахнулась и наш часовой, испуганным голосом, закричал:

— Казаки идут!

Немедленно нас высадили из автомобиля, буквально, в канаву, на обочине шоссе, идущего к Вержболову. Но адъютанта с камерднером не было: сказали, что они прибудут минут через двадцать. Однако, прошло двадцать минут, полчаса, час, два часа, а машина не показывалась. Мы продолжали ждать. Проехали повозки с беженцами. На другой стороне шоссе, как раз против нас, стоявший перед своим домиком, крестьянин, советовал нам скорее уходить от казаков. Я подумала тогда: "если бы ты знал, что мы и казаки — одно".

Показался русский разъезд: два всадника с пиками. На наши вопросы не отвечали. Когда же подошла главная часть, адъютант отца, князь Шаховской, пошел к ней навстречу с визитной карточкой отца. С большим недоумением смотрел офицер на эту карточку. Каким образом, вероятно думал, он, русский Великий Князь мог очутиться в первый день войны, в канаве, на прусской границе. Однако, взглянув на отца, которого он видел лишь год назад в военном училище, он убедился в том, что это, действительно, он.

В Вержболове, на вокзале, мы расположились в царских покоях, и стали ждать дальнейшего. Выяснилось, что в Ковно стоял поезд Императрицы Марии Феодоровны, которая возвращалась в Россию через Данию, а не через Вержболово, как первоначально предполагалось. По телефону отец снесся с Царским Селом и с Павловском. Было получено разрешение ехать нам в царском поезде. До Ковно нас довезли в поезде, состоявшем из паровоза и третьеклассного вагона. Отец чувствовал себя очень утомленным, и когда мы с братом начали бегать по вагону и шуметь — нас быстро усмирили.

Когда мы приехали в Павловск, старшие братья уже отправились на войну. Вскоре пришло страшное известие о ранении брата Олега. Родители поспешили в Вильну и застали брата еще живым. Он умер, через двадцать минут после их прибытия, у них на руках.

Смерть брата Олега была тягчайшим ударом для отца, ибо он из всех нас был ближе всех к отцу, разделяя полностью его литературные и художественные интересы. Эта смерть, а так же все пережитое в первые дни войны, — несомненно очень отрицательно отразились, на его здоровье и, вероятно, ускорили его кончину.

Здоровье "папа", как мы называли его дома, все ухудшалось. У него обнаружили грудную жабу. Приступы становились все сильнее и сильнее. Один из них был настолько силен, что казалось, наступил конец. Однако, и на этот раз, наступило облегчение, и даже такое, что было решено ехать на лето в наше любимое имение "Осташево", Московской губернии, где был погребен брат Олег.

2-го (15 по новому стилю) июня 1915 года, в Павловске, в своем кабинете, отец сидел в кровати и раскладывал пасьянс. В спальной мать примеряла летнее платье, собираясь в деревню. Я сидела в отцовском кабинете на диванчике, и читала "Хитрость". Комната была очень большая, продолговатая, в три окна, в нижнем этаже Павловского дворца.

Мы с отцом, как раз поджидали его сестру, Королеву Эллинов, Ольгу Константиновну. "Тетя Оля", как мы ее называли, в эти дни развлекала отца чтением классиков. Меня же привлекали к этим чтениям, чтобы приохотить к родной литературе.

Время шло, но тетя Оля все не приходила из лазарета, где она работала хирургической сестрой. Вошел камердинер и доложил, что Королева задержалась на операции и опоздает. Вскоре после его ухода, я услышала, как отец стал задыхаться. Мне было тогда девять лет и я еще недостаточно отчетливо понимала характер болезни отца, но слышала об его припадках, а потому и поняла, в чем дело. В страхе, стремглав, бросилась я к матери, самостоятельно открыв тяжелейшую зеркальную дверь, и побежала через материнский будуар, через столовую и сени, в спальню. — "Папа не может дышать", — в ужасе закричала я. Однако, камердинер, видимо от испуга, не понимая меня, нервно смеясь, топтался на месте и ничего не предпринимал.

— Скорей, скорей, Аракчеев, — кричала я, — папа плохо. — От волнения я прыгала на месте и топала ногами. Но было уже поздно. Все кончилось.

Через неделю состоялись торжественные похороны в присутствии Царской Семьи. Длились они от 2-х час. дня до 9 вечера. Смутно помню последнюю панихиду в Павловске; переезд по царской ветке в Петербург; шпалеры юнкеров и кадет со свернутыми знаменами; темный и мрачный Петропавловский собор. Я ехала в карете с Государыней, с одной из старших великих княжен, кажется Ольгой Николаевной и с моей матерью. Стояла невыносимая жара...

В своем горе, мы тогда не знали, как милостиво было Провидение, призвав отца в иной, лучший мир. К великому нашему счастью, он не увидел революции, со всеми ее ужасами, так трагически коснувшимися именно нашей семьи.

Княжна *Вера Константиновна*

Наш Отец и Воспитатель

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ

(доклад, сделанный на Торжественном Собрании 13 ноября 1955 г.)

Сорок лет тому назад, под грохот погребального салюта, в Соборе Петра и Павла, опустили в могилу прах нашего Отца и Благодетеля, нашего Пастыря Доброго, Великого Князя Константина Константиновича.

Второй сын Генерал-Адмирала, воссоздателя Русского Флота, ближайшего сотрудника Императора Александра II, в деле освобождения крестьян, родился 10 августа 1858 года. С детских лет, предназначенный к морской службе, воспитывался он под непосредственным руководством лейтенанта И. А. Зеленого, и получил прекрасное домашнее образование. Видные профессора Соколов, Вегнер, Вальронд, преподавали ему математику и гуманитарные науки, историю музыки читал известный музыкальный критик Ларош, уроки рояля давал профессор Кюндингер, а виолончели — Зейферт.

Пятнадцатилетнее служение Великого Князя во флоте, началось с 1870 года, ежегодными кадетскими плаваниями на Отряде судов Морского училища, последовательно, на "ГРОМОБОЕ", "ПЕРЕСВЕТЕ", "ГИЛЯКЕ" и "ЖЕМЧУГЕ". В 1874 году, произведенный в гардемарины, Великий Князь ушел в дальнее плавание на винтовом фрегате "СВЕТЛАНА". 19 июня 1877 года, "СВЕТЛАНА" вернулась из вояжа и команда ее, вместе с, произведенным в мичманы, Великим Князем, была отправлена на театр военных действий, на Дунай.

Здесь, в деле под Силистрией, в ночь на 3 октября 1877 года, Великий Князь Константин Константинович лично спустил брандер против вооруженного турецкого парохода, у острова Гоппо, на Дунае и 17 октября, за это дело, был награжден Орденом Святого Георгия 4-й степени. Как сказано в представлении:

> "В награду отличной храбрости и распорядительности, оказанных при воспрепятствовании турецким войскам переправиться через Дунай у Силистрии".

После падения Плевны, в мае 1878 года, Он был произведен в лейтенанты и, в августе того же года, назначен флигель-адъютантом. В 1879 году он сопровождал своего отца, при испытаниях в Черном море, круглых броненосцев "Поповок" и, затем, вновь ушел на той же "СВЕТЛАНЕ" в заграничный вояж. В 1880 году, он, недолго, командовал ротой Его Высочества Гвардейского экипажа, а в сентябре того же года опять ушел в дальнее плаванье на крейсере "ГЕРЦОГ ЭДИНБУРГСКИЙ", из которого он вернулся только весной 1882 года.

В августе того же года, Великий Князь был переименован в штабс-капитаны гвардии и, в декабре, зачислен лейб-гвардии в Измайловский полк, в котором оставался семь лет, командуя ротой Его Величества.

В 1881 году, Великий Князь производится в полковники, с назначением Командующим лейб-гвардии Преображенским полком и в 1894 — в генерал-майоры, с утверждением в должности командира этого полка.

Наконец, в марте 1900 года, Великий Князь получил назначение Главным Начальником Военно-Учебных Заведений. Помолившись, как он пишет в своих письмах, у гробницы предков, в Петропавловском Соборе, и отслужив молебен у Спасителя, что в Домике Петра Великого, Великий Князь вступил в исполнение своих ответственных обязанностей.

Положение в военно-учебных заведениях, в тот момент, было чрезвычайно запутанное. Милютинские реформы заглушили в них воинский дух, не подняв на ожидаемую высоту, учебную часть. Военные училища жаловались на недостаточную подготовку кадет. Каждый корпус представлял из себя, как бы самостоятельную вотчину директора и отсутствовала, какая бы то ни было, общая линия воспитания и руководства. Великий Князь горячо взялся за дело, лично объезжая корпуса и училища. В своем знаменитом приказе, от 24 февраля 1901 года, он изложил свой взгляд на воспитание юношества, в духе уважения к ЛИЧНОСТИ человека и его законному самолюбию:

> "Поддерживая все свои требования со строгостью и устраивая над вновь поступающими самый бдительный надзор, закрытое заведение обязано, по мере нравственного роста своих воспитанников, постепенно поднимать в них сознание человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может оскорбить или унизить это достоинство. Только при этом условии, воспитанники старших классов могут стать тем, чем они должны быть — цветом и гордостью своих заведений, друзьями своих воспитателей и разумными направителями общественного мнения всей массы воспитанников в добрую сторону".

Таким образом, педагогические идеалы были выдвинуты на первый план и указаны к обязательному руководству.

Действительными, реальными мерами явилось учреждение в 1900 году Педагогических курсов для воспитателей, а в 1903 — для учителей. Было введено чтение воспитателями кадетам, лучших произведений родной литературы, для VI-VII классов рекомендовано устройство удобных и уютных читален, с газетами и журналами. Отменены многие прежние мелочные ограничения для кадет старших классов и юнкеров — наоборот, приняты меры к ограничению излишнего

франтовства и материального неравенства, внутри кадетской среды.

Возвращение корпусам знамен, участие в воинских парадах и церемониях способствовало возрождению воинского духа среди кадет. Введено обучение стрельбе, улучшена постановка гимнастики и спортивного воспитания кадет. Для проведения в жизнь этих реформ и с целью объединения и освежения воспитательской работы, по мысли Великого Князя, созывались съезды воспитателей, законоучителей и преподавателей корпусов. В 1907 году введены новые программы в военные училища, с целью, как сказано:

"приблизить военные знания юнкеров к войсковой жизни и подготовить их к обязанности воспитателя и учителя солдат, и к роли руководителя, вверенной ему, малой части".

В 1909 году приступлено к пересмотру курса кадетских корпусов и введению новых программ. Наконец, 13 февраля 1910 года, Великий Князь, по собственной просьбе, был назначен Генерал-Инспектором военно-учебных заведений, что освободило его от массы канцелярской работы и дало возможность целиком отдаться проверке, — как его требования проводились в жизнь.

Кто же был этот человек, проживший такую полную, полезную, цветущую жизнь, и оставивший по себе, поистине, нетленную и действенную память?

В 1900 году состоялись выборы в Разряд Изящной Словесности при Императорской Академии Наук. В число первых, избранных академиков этого Отдела, вошел и поэт, писавший под инициалами К. Р. Как Президент Академии и Председатель Пушкинской Юбилейной Комиссии, Великий Князь много способствовал процветанию Отдела. Все свои силы, все неисчерпаемое богатство своей чистой, высокой души, вкладывал он в дело развития и процветания Русской культуры.

Как поэту, ему были свойственны возвышенные чувства, так облагораживающие тернистый путь человека. Он был певцом чистой и благоуханной любви:

"Уж гасли в комнатах огни, благоухали розы,
Мы были молоды с тобой, так счастливы мы были
Нас окружавшею весной, так горячо любили".

Но не одна любовь живет в его лирических стихотворениях. Рядом с нею идет настоящее, глубокое понимание дружбы и вызываемых ею чувств, по выражению поэта: "этой любви без крыльев", более прочной чем крылатая. В жизни он всегда был верным и преданным другом и, значительная часть его обаяния и влияния, на молодых кадет, зиждилась на этом.

С ранних лет, влекла его к себе и музыка, как то вне ее нельзя себе представить ни фигуры, ни творчества Великого Князя. Он много дружил и переписывался с Чайковским. Чайковский же подал ему мысль переложить в стихи кристально-чистые слова Евангельского текста и создать поэтическую драму, на фоне последних дней жизни Христа. В свою очередь, Великий Князь настойчиво советовал Чайковскому написать музыку к словам Апухтинского "Реквиема" и оперу на сюжет "Капитанской дочки". Целый ряд романсов на слова К. Р. был написан Чайковским, Калинниковым и др., а бессмертный Хор Учеников Иисусовых из "Царя Иудейского", был положен на музыку А. К. Глазуновым.

К театру Великий Князь питал особую, деятельную любовь. Целый ряд спектаклей был поставлен им в Павловском дворцѣ, в Эрмитаже, в "Измайловских Досугах" и серия эта завершилась блистательной постановкой "Царя Иудейского", где сам Великий Князь исполнял роль Иосифа Аримафейского.

Тут, необходимо упомянуть об "Измайловских Досугах". Кружок этот, основанный Великим Князем, в бытность его в полку

"во имя доблести, добра и красоты"

являлся, своего рода, одним из умственных и художественных островков в Петербурге. Члены его, офицеры полка, занимались чтением выдающихся произведений, докладов и делали сообщения литературно-артистического характера. Под руководством Великого Князя, ими был поставлен ряд спектаклей (Гамлет, Царь Иудейский), перенесенных, затем, на сцену Эрмитажа. Таким образом, члены Кружка, измайловские офицеры, во главе с Великим Князем, действенно осуществляли ту, традиционную связь Российского воинства, с нашей национальной культурой, которая красной нитью проходит через всю нашу историю.

"Гремите, пойте же Измайловские струны
Во имя доблести, добра и красоты...
И меч наш с лирою, неопытной и юной,
Да оплетут нежней художества цветы".

Глубокая, деятельная натура Великого Князя, искала постоянной работы, постоянного служения и эту, основную, черту своего характера, осиянного горячей любовью к Отечеству, он вложил во все проявления своей разнообразной деятельности.

Горячая любовь его к России, влекла за собой и таковую же к Русскому человеку, с которым ближе всего встречался Великий Князь — в лице солдата. Стихи и песни, посвященные скорбям и радостям Русского солдата, веют на нас особой, чарующей прелестью.

Вдали от Родины, в Европе, он тосковал и, перенося мыслью в Россию, говорил:

"Несется благовест... Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край Отчизны милой
И прежняя тоска на сердце налегла".

Великий Князь, всегда, с открытой душой, шел навстречу людям. Его чуткая и нежная душа не могла не видеть людских скорбей и изнанки человеческой природы. Он не был бессмысленно "очарован" жизнью и, в одном из своих стихотворений, сознательно назвал себя "баловнем судьбы". Но, внешний блеск жизни не увлекал его. Трезвым взглядом, он видит окружающую его злобу и желчь людскую. Он говорит, что трудно работать, встречаясь постоянно со "лживой пошлостью людской" и горько сознавать, что часто Образ Божий затмевается в нас злыми делами и "ложью мыслей и речей". Имея полную возможность стойти от всего этого, и замкнуться в личном довольстве, он не захотел этого сделать.

"О, еслиб в жизни совесть уберечь..."

восклицает он. Эта его живая совесть властно заставила его итти в самую гущу жизни, научила уметь ставить себя на место другого, часто и неправого, и страждущего, научила его понимать и чувствовать дыхание Божие и в маленьком десятилетнем кадетике и во взрослом юноше, впервые сталкивающемся с житейскими соблазнами и невзгодами.

Мы видели, как горячо Великий Князь любил Россию — отсюда же его бережное, любовное отношение к нашей главной ценности — Русскому языку. Быть может, по сравнению с иными современными ему поэтами, словесная изощренность его стихов и не так виртуозна, но чистый родник родного Русского языка течет из каждого его стихотворения. Не найти у него ни "эбеновых волос", ни "воскрылий ресниц", но предельно, стихотворно чист, целомудрен и ясен Русский язык К. Р.

В произведениях К. Р. звучит искреннее православно-религиозное чувство. Достаточно прочесть его "Надпись на Евангелие", "Христос с тобой", "Научи меня, Боже, любить", чтобы ясно это почувствовать. Нет веры без сомнений. С годами, житейский опыт приносит победу над ними и вот, в жизни Великого Князя, сомнение было ОКОНЧАТЕЛЬНО ПОБЕЖДЕНО, и душою его владела непреложная вера в загробное существование и в доступность для человека молитвенного общения с Богом. Как результат этого горячего религиозного чувства и явилось у Великого Князя желание поделиться им с людьми в, наиболее любимой им, форме драматического произведения. "Царь Иудейский" является высшим достижением поэта К. Р., и прекраснейшим выявлением духовной стороны личности Великого Князя Константина.

"ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ" — был его лебединой песнью.

Слабое здоровье Великого Князя заставляло его постоянно ездить лечиться на воды и тем, несколько, поддерживать силы, расточаемые им без счета, в течении трудового года. Последнее его путешествие было прервано войной. Немцы высадили его с семьей из поезда и ему пришлось брести несколько часов по незнакомой местности, среди ежеминутных опасностей, пока им не встретился разъезд 3-й кавалерийской дивизии. По возвращении в Петербург, в скором времени, его постиг тяжелый удар — гибель в бою надежи-сына, Князя Олега, унаследовавшего поэтический дар отца. Через полгода, потеря на фронте мужа его дочери Княгини Татьяны Константиновны, князя Багратиона-Мухранского, стала последней каплей, переполнившей в душе Великого Князя, чашу скорби и печали.

Десять дней спустя, в ясный летний ден, 2 июня 1915 года, он тихо угас в своем Павловском дворце.

"Вечный мир душе твоей прекрасной,
Отстрадавшей муки бытия".

Алексей ГЕРИНГ

Из воспоминаний о Великом Князе Константине Константиновиче

Сорок лет прошло со времени кончины одного из лучших представителей Дома Романовых, Великого Князя Константина Константиновича, родившегося в 1858 году и почившего, в своем Павловском дворце, в 1915 году.

Благодарю судьбу, давшую мне возможность, в течении многих лет, иметь постоянное и близкое общение с этой, во всех отношениях обаятельной, личностью. Впервые, увидала я его, в день его свадьбы с принцессой Саксен-Альтенбургской, ставшей, с этого момента, Великой Княгиней Елизаветой Маврикиевной. Молодые прозежали, в раззолоченной карете, из Зимнего дворца, на поклонение нашей Святыне, иконе Божьей Матери, в Казанский Собор. Сквозь сплошные стекла парадной кареты, я сразу увидала Великого Князя и была поражена его красотой и изяществом. С той минуты, я, всегда, мысленно называла его "Лоэнгрином". Моя мать и мы с сестрой, только что окончившие институт, молоденькие барышни, смотрели на этот проезд из окон магазина, на углу Большой Морской и Невского. Не думала я тогда, что этот Двор станет мне так близок.

В 1889 году, я вышла замуж за преображенца Д. И. Гонецкого и, уже в 1891 году, Великий Князь сменил Великого Князя Сергея Александровича, в качестве командира лейб-гвардии Преображенского полка. На последнем приеме старого командира, присутствовал и Великий Князь, сияющий, в преображенской форме. Мы все были рады его назначению, и новый командир сразу завоевал наши симпатии, скажу больше — сердца. Привожу выписку из архива Великого Князя, касающуюся этого события:

"Я поражен и озадачен, выпавшей на мою долю необыкновенной и неожиданной милости. После Пасхи, мне дают Преображенский полк. (Март, 1891 г.)".

"1 мая 1891 года. 28 апреля знаменательный день.

В 9 утра, я был у Сергея Александровича. Он повез меня в Тавриду. Я подождал в одном из полковых зданий, пока дежурный офицер не доложил, что все готово. Он показал мне дорогу на Преображенский плац, где был выстроен весь полк, в парадной форме и в полном боевом снаряжении. Завидев меня, Сергей Александрович скомандовал "на караул", и, взяв шашку подвысь, пошел мне навстречу. Когда мы сошлись и остановились друг перед другом, он опустил шашку, отрапортовал и... покинул меня. Я остался один, совсем один. Кажется, никогда я не чувствовал такого одиночества. Я шел, по пустому плацу, к фронту Первого батальона. За этими, выстроенными в одну линию, четырьмя ротами, тянулись, в глубине, остальные, и взоры тысяч глаз были устремлены на меня одного. Было, однако же, что-то приятное и ласкающее самолюбие, в эти минуты, когда подходил к полку, к этим, почти двум тысячам людей, замершим неподвижно на месте и встречавшим меня, нового начальника. А музыка гремела Преображенский марш. Я дал ей знак, она смолкла, я поздоровался, вслед затем велел взять "на плечо" и "к ноге" и предложил старшему полковнику расположить роты для опроса претензий. Я опросил их поочередно, сперва у рядовых, потом отделенных, унтер-офицеров, фельдфебелей, офицеров, ротных, и, наконец, батальонных командиров. Затем велел роты распустить, а офицеров пригласил в дежурную комнату. Там Сергей Александрович представил мне их поименно. Пожав каждому руку, я сказал: "Вступая в командование нашим славным Преображенским полком, я знаю до глубины души, как велика честь, выпавшая на мою долю. Чтобы стать достойным этой Царской милости, высокого Государева доверия, мне прежде всего необходимо ваше дружное и единодушное содействие. Я глубоко убежден, что найду в вас тех самых ревностных и доблестных помощников, какими вы всегда и неизменно были у дорогого нам всем моего предшественника..."

Никогда не забуду, как, через несколько дней после своего назначения, 2 мая, когда у нас на квартире прислуга была занята свертыванием ковров, ввиду моего скорого отъезда в наше тамбовское имение, послышался звонок и в эту разруху вошел Великий Князь. Этот визит, так скоро после приема полка, да еще, как верх внимания, Он был не в сюртуке, а в обыкновенной форме — мундир с погонами. Этим он хотел подчеркнуть свое отношение к нам, полковым дамам.

Великий Князь был высок ростом, гибкий, изящный, с выразительным, полным благородства, лицом, темно-русыми волосами и такой же бородкой. На красивых руках носил браслет, а на длинных пальцах — кольца, что ему очень шло. Тешило мое самолюбие, что мне, молодой бабенке, Великий Князь всегда целовал руку. Однажды, при виде этого, один старший товарищ моего мужа, Гартонг, любивший и знавший до тонкости придворный этикет, сказал мне: "Когда над Вашей рукой склоняется царственная голова, Вам следует целовать ее в лоб". "О, я не премину это всегда сделать с радостью", — живо воскликнула я.

И вот, потекла жизнь полка, имеющего во главе этого талантливого, чарующего командира. Весь полк его любил, а нам, дамам, он оказывал непрерывное внимание. Особенно он был добр к нашим детям и простирал свое внимание к ним до того, что, посылая игрушки (а он это делал часто), сам, своим прекрасным почерком, надписывал, как обращаться с той или иной — где красить, где вырезывать, где склеивать и т. д. Фотографии свои он, также, раздавал охотно, иногда присылая их уже в рамке, например, одну, вместе с Великой Княгиней. Иногда, присылал свои снимки в разных, исполняемых им в театре, ролях. Имея необыкновенную память, он помнил имена, возраст наших полковых детей (что нас оосбенно трогало). Однажды, я ему это заметила, и он спокойно ответил: "ведь вы же помните моих?" Но, признаться, я это точно узнала лишь, когда он прислал фотографию своего потомства, с обозначением года рождения каждого и подчеркнул, что двое из них родились в том же году. Детей у него было много, князья: Иоанн, Гавриил, Константин, Олег, Игорь, Георгий, и три дочери: Татьяна, Вера и Наталья, скончавшаяся в младенческом возрасте.

Крестины Князя Олега были 3 января 1893 года. Мы все, офицеры и дамы получили приглашение быть на завтра в 11 часов, в церкви Мраморного дворца и дамам следует быть "в полувырезанных платьях и без шляп". А тогда носили или совсем открытые платья или с высоким воротом. Как тут быть? Что можно поспеть сделать за ночь? А ехать надо... да и хочется... Собрались ко мне дамы, мы жили тогда в прекрасной казенной квартире на Кирочной. Решили так: у самого подходящего светлого платья, выпороть воротник и загнуть на спине и на плечах. У меня было суконное, белое, и мы с горничной принялись над ним мудрить и все прикрыли косынкой "а ля Мари-Антуанет", из настоящего кружева. Со вторым вопросом, тоже кое-как справились — найти куафера рано утром, чтобы он успел причесать, ведь надо быть с непокрытой головой, и не дай Бог, опоздать, Боже сохрани, приехать после Высочайших. Все сошло благополучно.

Прекрасная Церковь, чудная служба, восприемниками были Императрица Мария Федоровна и Наследник Цесаревич. Младенца раздели за ширмами, в церкви, и там же одели, после Таинства. Августейшие родители принимали в соседнем зале поздравления, а затем был холодный буфет. Тут подавался столетний мед. Стоял огромный старинный жбан и особые пузатые чарочки, в которые наливали темно-коричневое густое питье. Меня предупредили, что хотя, непременно надо попробовать, но только пригубить, и отнюдь до дна не пить, так как у многих после этого голова остается свежей, но ноги могут перестать действовать. Я так и сделала — было душисто, пряно и вкусно. И как подумаешь, что этот бедненький талантливый князь Олег, унаследовавший от отца его

поэтический дар — погиб на войне 1914 года, во цвете лет.

Великий Князь писал стихи, полные возвышенных чувств. Мне всегда хотелось их назвать "пастелью слова". Стихотворение, посвященное полку, Великий Князь принес в 1896 году, во время лагерного сбора. А. Ф. Гирс описывает это так: "Я был дежурным по полку и стоял у крыльца офицерского собрания, незадолго до того построенного на личные средства Великого Князя. Я должен был его встретить с рапортом. Завидя его, я двинулся вперед и рапортовал ему. Я заметил в его руках сверток белой бумаги и небольшую коробочку. Поздоровавшись с бывшими у крыльца офицерами, Великий Князь дошел до внутренней, сложенной из бревен, стены, развернул сверток и прикрепил к ней кнопками лист, исписанный его стильным, византийской вязи, почерком. Затем, не задерживаясь, он прошел в столовую, к закусочному столу. После ухода Великого Князя из собрания, мы, гурьбой, подошли к упомянутой стенке, и кто-то громко прочел стихотворение "НАШ ПОЛК", поэта К. Р. Старший полковник предложил всем офицерам расписаться у Великого Князя в тот же день, и за обедом, в нескольких прочувствованных словах, выразил ему нашу горячую признательность. Стихотворение было затем вставлено в раму и повешено в столовой под мраморной доской, с именами офицеров, числившихся в полку, в год открытия и освящения собрания.

Великий Князь также очень любил театр, ставил пьесы, играл сам. Для этого, обыкновенно, предоставлялся Эрмитажный театр, находившийся в самом Зимнем дворце. Он был необычайно изящен, небольшой, обтянутый оранжевым плюшем, с серебряной отделкой. Кресел не было, а просто ступени спускались амфитеатром и все приглашенные садились, кто куда хотел. После представления, вернее в антрактах, подавалось в соседнем зале прекрасное угощение. Первое представление "ГАМЛЕТА" в прекрасном переводе К. Р., было в Мраморном дворце. В большом красном зале была сооружена сцена, артист Александринского театра, Давыдов, был режиссером. Великий Князь играл самого Гамлета и играл прекрасно. Великий Князь не удовольствовался первой пробой и "ГАМЛЕТ" был повторен в Эрмитажном театре, с лучшими декорациями.

Проходили мы в Эрмитажный театр, через казармы полка, на Миллионной улице, которые были смежны со дворцом. Это было сделано для того, чтобы, в случае беды, полк мог бы, немедленно, занять царские покои. Приходилось нам проходить через кухню фельдфебеля Государевой роты и, затем, сразу попадали на запасную половину Зимнего дворца и там, уже в сопровождении дворцового лакея, шествовали до театра, а в дни балов, до Николаевского зала.

В своей драме-мистерии "ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ", Великий Князь играл роль Иосифа Аримафейского. Его последние слова, возвещающие о Воскресении Христовом, потрясающе сильны. Стоя на коленях, с руками, воздетыми к небесам, он восклицает "Воскрес Христос" "Христос Воскрес" и занавес падает. Зрители не смели аплодировать и несколько минут благоговейно молчали. Хотелось встать и молиться... Из детей Великого Князя, в этом представлении, помню князей Константина, в роли римского воина и Игоря, простого римлянина.

Было еще мне памятное представление, на котором Великий Князь не участвовал, а только присутствовал. Оно было устроено полковником Аллерберг, в казармах полка, для того, чтобы показать Цесаревичу Николаю все формы преображенцев, начиная с потешных. Солдаты, в мундирах соответствующего царствования, выходили на сцену и произносили несколько соответствующих слов.

Детей наших часто звали в Мраморный дворец. Великий Князь играл с ними в "коршуна" и другие игры. На Пасхе была детская забава во дворце — искать яйца. Бронзовые зайчики, цыплята, яйца и др. игрушки прятались в портьерах, на окнах и в иных местах. В этой игре особенно отличалась моя дочь Мара, привычная к сбору грибов, в деревне.

Бывали еще розговены на Пасху, в Мраморном дворце. На одних участвовали преображенцы с женами и конно-гренадеры без жен. Этим полком командовал Великий Князь, Дмитрий Константинович. За трапезой, после заутрени, я сидела направо от него. Он же возглавлял длинный, узкий стол, заставленный явствами, на прекрасной посуде, в русском стиле. Бывали в Мраморном дворце интимные обеды, на которые приглашались по очереди по два офицера с женами. Делалось это для ближайшего знакомства Великого Князя с личным составом полка. Князья Иоанн и Гавриил, обыкновенно, присутствовали на этих обедах. После одного из них, Великий Князь показал мне свою молельню. всю заставленную прекрасными образами.

Упомяну о том, что в бытность Великого Князя командиром полка, Цесаревич Николай Александрович командовал сперва Государевой ротой, а затем — первым батальоном. Великий Князь, с особой тщательностью, отмечал все прохождение службы Цесаревича. В своих архивах, он упоминает об обеде 6 января 1894 года, когда полк подносил Наследнику подарок в память его службы в рядах полка, затем, как он со всеми офицерами, взяв экстренный поезд, поехал встречать его, возвращающегося после помолвки из-за границы. Далее, снова о службе Наследника в лагере и затем о возжигании лампады, сооруженной на могиле Императора Александра III. Затем, он перечисляет все милости Императора Николая II полку: присылка всем офицерам фотографий с надписями, большого портрета в Собрание полка, икон в каждую роту I батальона, участие Царя в полковом подарке каждому офицеру, получающему новое назначение. Словом, вся жизнь полка отражена в дневниках Великого Князя.

Кроме командования Преображенским полком, требовавшим его неустанных забот, Великий Князь был Президентом Императорской Академии Наук, успел организовать Высшие Женские Курсы и отдавал мно-

го времени огромной культурной работе. Все это отнимало у него много времени и сил, и нес он это бремя до конца своих дней. Мы все удивлялись, как Великий Князь, проявляя такую огромную деятельность, всюду поспевал, никогда не торопился, приезжая к нам, сидел подолгу и вел, всегда интересные, беседы. Чудесно говорил по-английски, играл на рояле — туше у него было мягкое и выразительное.

Все его произведения издавались в Экспедиции заготовления государственных бумаг и внимание его к полковым товарищам доходило до того, что каждый, получавший экземпляр, видел на первой странице свое имя. У меня был маленький том его стихов, с его личной надписью.

Когда у нас родился, в 1900 году, сын Юрий, Великий Князь написал нам в Тамбовскую губернию, что будет его крестным отцом, и что меня следовало бы благодарить в приказе по полку, так как будущий преображенец родился 6 августа, в ден Преображения, день полкового праздника.

Вот что еще отмечает Великий Князь: "1894 год. Наше лагерное собрание строилось на мои деньги, а из содержания офицеров, делались вычеты на покрытие расходов по постройке. Это было неприятно — я отказался от взносов. Они мне дали обед, на котором старший полковник говорил мне речь, и я чуть не провалился сквозь землю. А 30 мая я завтракал в лагерном собрании. Сажусь за стол и вижу перед моим прибором, ложка из карельской березы, с ручкой в виде связки тонких золотых копий с гранатом, вставленным на конце, перевязанной лентой, полкового шитья. Это был знак внимания офицеров за подарок им собрания. Я радовался, конфузился, краснел, чувствовал себя очень глупым".

Отмечено в 1896 году: "В полку открытие нового собрания (в Петербурге, на Кирочной), состоялось 19-го. Что это был за восторг. Теперь у нас настоящий дворец, все отделано с удивительным вкусом. Гадон устраивал наш Арсенал, полный предметов, по которым можно изучить все прошлое полка. В том же здании, где собрание, наш лазарет и церковь. 20-го мы ее освятили. При этом были все офицеры и полковые дамы, потом завтракали".

Церковь была прелестная. Мы, дамы, соорудили великолепную икону.

23 ноября, три солдата, идя вечером через Преображенский плац, подобрали подкидыша, девочку. При ней была записка, в которой значилось, что ей три недели, не крещена, но, при молитве, наречено ей имя Прасковьи. Она лежала на земле, завернутая в одеяльце. Солдаты принесли девочку в лазарет. 27-го девочку крестили в церкви собрания, в присутствии офицеров и полковых дам — восприемниками были Великий Князь и старшая полковая дама Е. В. Порецкая. Ее назвали Прасковьей Захаровной Преображенской, поместили в приют, где ей дали особую кормилицу. Воображаю, как несчастная мать, по каким-то горестным причинам, вынужденная бросить своего ребенка, была бы рада и удивлена, выпавшей счастливой долей для своей девочки, которой угрожало замерзнуть некрещенной.

В марте 1900 года, Великий Князь сдал полк, прокомандовавши им около десяти лет. Когда, во дворе казарм, он прощался с солдатами и говорил им трогательное прощальное слово, моя приятельница Е. А. Дельсаль и я горько плакали. Великий Князь не потерял связь с полком и продолжал живо интересоваться его жизнью.

Был сделан офицерам и их женам прощальный обед. Мы, дамы, поднесли Великой Княгине настольные часы работы Фаберже. Во время обеда, когда мы садились, слышу голос Великого Князя: "Марья Николаевна, встаньте". Удивленная, повиновалась, и вижу, что кроме меня стоят Великая Княгиня и Герцогиня М. Н. Лейхтенбергская, а лакеи несут нам мягкие стулья. Оказывается, у нас трех, были бархатные платья, у Великой Княгини алое с шитьем полка и Великий Князь, заметив, что стулья золотые с такой же решеткой, пожалел наши наряды, решив, что у нас останутся клетки на платьях. Проявлено было им исключительное внимание.

Когда моя дочь, в 1912 году, выходила замуж, Великий Князь приехал благословить ее к венцу, ввел ее в церковь Преображенского полка, так как ее жених был преображенец и покинул офицерское собрание, где происходило угощение и поздравления, одним из последних.

Вот четверостишье, написанное Великим Князем, незадолго до кончины:

Раскрывшись где-то там, ужель ослепнут очи?
И уши, навсегда, утратят слух?
И память о былом, во тьме загробной ночи,
Не сохранит освобожденный ум?

Затем началась война, гибель сына Олега. Великий Князь просто таял и скончался в 1915 году, оплакиваемый всеми, его знавшими. Оглядываясь назад, думаешь, что Господь его пожалел и не дал ему видеть и перенести тяжких душевных испытаний, разрухи его Отечества и потери трех сыновей, в самых ужасных обстоятельствах.

Я бы хотела этими краткими воспоминаниями возложить, как бы, маленький цветок на его далекую, столь дорогую нам, могилу, и благоговейно поклониться ей.

М. Н. Башмакова.

31 ДЕКАБРЯ 1955 ГОДА

Господа офицеры! В двенадцатый час
Ваших долгих, как сон, ожиданий,
После ряда тяжелых и горьких подчас,
Обманувших нас всех ожиданий,

В храме доблести, чести и мысли веков,
Уходящей в преданья глубоко,
Средь семьи сохранившейся лейб-казаков,
Подымаю бокал я высоко.

За Россию, за веру и верность полка,
В неизменности наших стремлений,
За штандартов седые, тугие шелка,
И за, будущих, ряд поколений.

За наш дух и за прочность старинных основ,
Сбереженных досель на чужбине,
За готовность отдать наши помыслы вновь
Прежней цели, нетленной доныне,

Так, чтоб нас не смущало ничто, никогда,
Не страшило тяжелым обетом,
Чтоб не стыдно нам было склоняться всегда,
Перед этим священным портретом.

Иван Сагацкий.

Было прочтено перед большим портретом Державного Шефа, в большом зале музея лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка.

КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

31 марта 1956 года, на кладбище Ново-Дивеевского женского монастыря, в 40 милях от Нью-Иорка, состоялось предание земле праха Его Высочества Князя Георгия Константиновича, перенесенного с американского кладбища Монт-Оливет, на котором Князь был похоронен в 1938 году.

Князь Георгий Константинович был младшим сыном Великого Князя Константина Константиновича и родился в 1903 году. В 1913 году он был зачислен кадетом Орловского-Бахтина кадетского корпуса и приезжал для сдачи вступительных экзаменов. После революции, он, вместе со своей матерью, Великой Княгиней Елизаветой Маврикиевной и младшей сестрой Княжной Верой Константиновной, выехал заграницу. Проживая в Америке, в 1938 году, он заболел гнойным апендицитом и скончался 35 лет от роду.

Хотя, о дне перенесения праха Князя на православное кладбище не было объявлено в печати, на печальную церемонию съехалось немало людей из Нью-Иорка и окрестностей. У большого металлического гроба, в котором находились останки Князя Георгия Константиновича, покрытого Великокняжеским Флагом, епископом Никоном Флоридским, в сослужении с духовенством, была отслужена панихида. Во главе молящихся, находились Княжна Вера Константиновна и племянник покойного, сын Княгини Татьяны Константиновны (ныне монахини Тамары), Князь Теймураз Константинович Багратион-Мухранский. На гроб были возложены венки: от Княжны Веры Константиновны, от Обще-Кадетского Объединения, от кадет Орловского-Бахтина кадетского корпуса, от кадет Первого кадетского корпуса и от Объединения зарубежных кадет. Слово перед панихидой было произнесено Епископом Никоном, а после панихиды, небольшая речь была сказана Представителем Обще-Кадетского Объединения на Сев. Америку, полковником В. И. Третьяковым.

Г. Месняев

В ДЕТСКОЙ

Князю Гавриилу Константиновичу

Крошка, слезы твои так и льются ручьем,
И прозрачным сверкают в глазах жемчугом.
Верно, няня тебя в сад гулять не ведет?
Погляди-ка в окно: видишь дождик идет.
Как и ты, словно плачет развесистый сад,
Изумрудные капли на листьях дрожат.
Полно, милый, не плачь и про горе забудь.
Ты головку закинь: я и в шейку, и в грудь
Зацелую тебя. Слезы в глазках твоих
Голубых, не успеют и высохнуть, в них
Уж веселье блеснет; в пухлых щечках опять
Будут взор мой две мягкие ямки пленять;
И зальешься ты хохотом звонким таким,
Что и сам небосвод синим оком своим
Засияет тебе из-за сумрачных туч,
И сквозь капли дождя брызнет солнышка луч.

К. Р.

Павловск, 4 ноября 1889

ПОРТ-АРТУРЦАМ

Среди громов и молний бури бранной,
Твердыни вы незыблемый оплот.
Смерть, в очи вам глядяся непрестанно,
Борцам венцы бессмертия плетет.

О, страстотерпцы. Мукой несказанной
Запечатлен осады грозный год....
За ужасы лишений и невзгод
Блеснет ли вам свободы день желанный?
Вы претерпеть готовы до конца;
Богатырей в вас ожили сердца
С их мужеством, отвагою и рвеньем.

России, слава, гордость и любовь,
За подвиг ваш, страдания и кровь
Мы скорбью платим вам и восхищеньем.

К. Р.

Псков, 8 дек. 1904 г.

ДАВНЕЕ

ПОВЕСТЬ

I.

В юнкерские годы, — стоя часовым у знамени, в прохладном и парадном училищном зале, отражавшем в зеркальном паркете золотые рамы громадных Царских портретов и светлые полосы больших окон, скучая на лекциях тактики и администрации, читаемых щеголеватыми офицерами, украшенными серебряными аксельбантами генеральнаго штаба, или бродя дневальным в сонной тишине своей третьей роты, Сережа Свечин больше всего, конечно, мечтал о приближавшемся, с каждым днем, производстве.

Почему то, хотя к этому не было никаких оснований, — он представлял себя в мундире, украшенном гвардейским шитьем, в нарядной обстановке столичного офицерского собрания, столичных ресторанов, кофеен и театров. Когда же, из училища, он был выпущен в глухой армейский полк с трехзначной цифрой на погоне, стоявший в захудалом уездном городке, — он, хотя и не был удивлен, но, как-то странно разочарован и даже обижен: как будто кто-то насмеялся над его мечтами и обманул его ожидания.

Однако, это странное чувство обиды и досады, быстро растворилось в радости и угаре первого дня производства.

Лихач, козыряющие городовые, загородный ресторан, огни цветных фонариков на темной зелени лип, красные фраки румынского оркестра и двусмысленные куплеты эстрадной певички, выбрасывавшей из под коротенькой кружевной юбочки стройные ноги в черных ажурных чулках с ярко красными подвязками, — все это слилось в какой-то шумный, красочный, бестолковый, но приятный хаос.

Смутно припоминалось, что совсем под утро, в отдельном кабинете ресторана, он плясал, с кем-то целовался, а после кто-то, кажется, выпущенный в гренадеры Мордвинов, — усаживал его на извозчика и вез в гостинницу, придерживая бережно за талию.

Только что прошел короткий "грибной" дождь, и крупные дождевые капли сверкали на освеженных листьях березовой рощи, стоявшей за рельсами, — когда Сережа, звякнув саблей о подножку вагона — звук этот радостно отозвался в его, возбужденном последними днями, сердце — вышел на станцию, затерянную в тульских полях. От этой одинокой станции, в глубоких колеях и дождевых лужах, через осиновые, березовые и дубовые лески и перелески, пахнущие грибами и корой " вилась глухая проселочная дорога к запущенной усадебке, в которой его ждали мать и сестра.

Лошадей еще не было. Сережа сел на влажную скамью пустынной станционной платформы. Тишина, запахи трав и лесной прели; крики перепелов в матово-зеленых овсах и затихающие за лесом вздохи паровоза — разорванные, белые клочья пара еще цеплялись за вершины берез — были так знакомы, близки и милы его сердцу, что от восторга у него захватило дыхание и необыкновенно острое чувство жизни, ощущение молодости — поразило его с силой, до сих пор небывалой.

— Ваше благороде! Лошади за вами прибыли! — взяв под козырек и звякнув шпорами, доложил изнывавший от бездействия станционный жандарм. Этого жандарма, не обращавшего на него никакого внимания в кадетские и юнкерские годы, Сережа знал с давних пор, как знал он на этой станции все, начиная от скуки пустынного зальца с асфальтовым полом, с конторкой жалобной книги и окошечком кассира, вплоть до скрипа блока входной двери.

— Сережа! Сереженька! Сережа приехал!.. — Вросший в землю, потонувший в кустах желтой акации и сирени, дом, с ржавой красной крышей — наполнился знакомыми голосами, шумом и суетой.

Мокрое от радостных слез, увядшее и усталое, такое милое, материнское лицо — прижалось к его груди. Он был почти на голову выше ее, и сверху, с умилением, глядел на ее рано поседевшие волосы, разделенные белой полоской пробора.

— Ну, покажись, покажись... Хорош, очень хорош! — кричала Любочка, крепко держа его за руку и трясь своей щекой об его. — Боже мой... А сабля, сабля! — Отпущенная сабля звякнула. "Ах, как бы шпоры. Совсем было бы, как у Толстого — приезд Николая Ростова" — подумал Сережа, искоса смотрясь в затуманенное временем зеркало в массивной раме красного дерева, отражавшее его смуглое лицо, кое-где усеянное мелкими, коричневыми, как гречиха, родинками, черный пушок на верхней губе, белизну зубов, подчеркиваемую недавним лагерным загаром. Лишь у волос на лбу шла белокосая полоса, спасенная от солнца юнкерской безкозыркою.

К обеду на стол были поданы бутылки наливки, когда-то закопанные в погребе и печти десять лет ожидавшие сережиного производства.

На беговых дрожках, запряженных злым красавцем — вороным жеребцом, приехал, в черной поддевке, в желтой шелковой рубашке, подпоясанной кавказским пояском — Ваничка Воейков — смуглый, цыганистый, с серьгой в ухе, когда-то учившийся вместе с Сережой в корпусе, но оттуда изгнанный.

Наливка быстро затуманила головы. Много раз пили за вновь испеченного офицера, за славу русского оружия, за женщин, а к концу обеда пели кадетскую "Звериаду", "Взвейтесь соколы, орлами", "Все тучки, тучки понависли".... и другое.

— Ах, как хорошо!.. — восторженно восклицала Любочка. Она раскраснелась, глаза ее ярко блестели. Голос ее звучал звонко, оттеняемый рокотом гитары и приятным баском Ванички.

Он, склонив ухо к гитаре, исподлобья, с ласковой усмешкой, наблюдал за Любочкой и глаза его светились нежностью.

Уложили спать Сережу, как всегда, в дедовском кабинете, на громадном карельской березы, диване, простоявшем на одном месте не один десяток лет. Над диваном, в желтой рамке, украшенной бронзовыми веночками, висела дворянская грамота, а над ней скрещенные клинки старинных палашей и кинжалов. Глаз чаровал большой потрет Императора Александра II в молодости, элегантного и изящного, в синей гусарской венгерке.

Зыбкий свет красной лампады, горевшей перед большим образом Тихвинской Божьей Матери и тени от цепочек лампады, двигавшиеся по потолку, — навевали не такие еще далекие, но навеки ушедшие, старые детские, чувства, мысли и впечатления.

Мать долго сидела у него в ногах и говорила о скорой свадьбе Любочки, о процентах в Дворянский Банк, о будущей самостоятельной офицерской жизни Сережи, о покосах, о сводке леса, о смертях, свадьбах, пожарах и о других деревенских событиях и обо всем том, о чем издавна говорилось в этом старом, обжитом, дышащем прошлым, дворянском доме.

За садом, в деревне, из одного в другой ее конец, запели первые петухи. Застучал колотушкой проснувшийся сторож. В окно потянуло ночной свежестью.

Мать перекрестила Сережу, взяла свечку со стола, и, шаркая туфлями, пошла в свою комнату.

Утром Сережа вышел на балкон. Звонко, в осиннике, кричала иволга. Косая тень падала от дома на мокрую от росы траву двора. Гулко разносился звук валька с сажалки. Веселая и бодрая, с мокрыми после купанья, завивающимися волосами — Любочка пила чай со сливками и ватрушками. Самовар тихо шипел; осы кружились над вазочкой с вареньем.

Он пошел через сад к пруду. Под ногами щелкали переспелые стручки желтой акации, на кустах которой, кое-где, уже виднелись пожелтевшие листья.

Синий дымок стелился по траве у корней корявых яблонь, ветви которых, отягощенные спелыми яблоками, были подперты кривыми жердями. У шалаша чуть дымился костер и закопченный чугунок пенился кипящей похлебкой.

Семен Горелов, старик с длинной, дремучей бородой, с бровями, нависшими над светлыми, по молодому блестящими, глазами, — поднялся, увидев Сережу.

— Доброго здоровья, Сергей Алексеевич... Приехать изволили... Ну, дай то Бог. Послужите теперь Царю... Матушка, верно рада. — Он говорил с той несколько наигранной степенностью и рассудительностью, которую часто усваивали себе, знающие себе цену, деревенские старики.

— Вашего батюшку, Алексея Алексеевича, как он офицером приезжал, помню... Красив был... Бабы, да девки, как мухи на мед падали... Ну, да, и о вас давеча Катька пытала: приехал ли мол? — Он с хитрецкой посмотрел на покрасневшего Сережу.

— Ну, а ты как?

— Да, что мне, старику — живу — хлеб жую. Вот сад снял у вашей матушки, да и не рад... Не углядишь. Вчерась, вот, ребятишки, грушовку, что у пруда, вчистую всю отрясли... Сладу нет... Разбаловался народ.

Больше полутораста лет прожили Свечины бок-о-бок с деревенькой Богдановкой, долго властвуя над ней. В ней же родился и вырос Сережа, и, верно, поэтому, да и потому, что был выкормлен он богдановской бабой Прасковьей Тешиной, — питал он к корявым богдановским мужикам какую-то странную сентиментальную нежность. Ему были милы их белесые, голубоглазые, скуластые лица, русые бороденки, коричневые армяки, посконные рубахи, самый их запах — смесь ржанного хлеба, махорки и пота.

С самого раннего детства, любил он голосистое, крикливое до дикости, пенье баб, когда они в паневах и сарафанах, с граблями на плечах, с песнями, с некоторой искусственной удалью, проходили мимо господской усадьбы, и с какой то врожденной грацией, кланялись короткими кивками голов.

Все деревенское, почти первобытное, древнее, было ему мило: мальчишки в армяках и тулупах, мчавшиеся на своих лошаденках подкидывая руки, в ночное: вечернее блеянье овец, загоняемых по дворам; грозовые тучи над большой пустынной дорогой; запахи конопли и гречихи; стук колес в ночной тишине, и многое другое, вплоть до крутых лепешек и кислого кваса, которые брались бабами на покос и в поле.

Где-нибудь в лесу, на дороге, в поле — любил он поговорить с кем-нибудь из знакомых мужиков. Разговоры эти не были серьезны: главным образом о бабах, и, хотя велись они в тонах почтительных, Сережа все же не мог не улавливать в мужицких словах чувства некоторого превосходства над собой, и не мог не чувствовать между собой и собеседником какой-то преграды, которая не могла быть преодолена, и за которой чувствовался особый мужицкий мир, в котором ему — барчуку, — не было места.

Когда же земский начальник Волков, ближайший сосед Свечиных, бранил мужиков за лень, пьянство, плутовство, грубость и даже жестокость, Сережа, соглашаясь с ним разумом, сердцем все же чувствовал, что в словах Волкова не все правда, и, что его сентиментальные чувства имеют свое основание в глубоких недрах общей давней жизни его рода с загадочным, непостижимым и полным противоречий — простым русским человеком.

Еще с крепостных времен, между деревнею и господской усадьбой были установленые твердые и ясные отношения, которые почти не изменились, даже тогда, когда над деревенской Россией промчалось жестоким сквозняком дыхание свободы. Так, например, до сих пор, Сережа говорил старику Семену "ты"; Семену не полагалось входить в барский дом, дальше кухни; ему не могло притти в голову протянуть руку барыне, барышне или барчуку; и он проходя мимо ворот господской усадьбы, неизменно снимал шапку.

Все это Сережа воспринимал, как нечто давно данное, должное и настолько привычное, что не имело смысла об этом и думать. Однако, иногда, короткими мгновеньями, скорее интуитивно, нежели рас-

судочно, он чувствовал, что во всем этом было нечто порочное, несправедливое и даже опасное и угрожающее.

Из старого, пахнущего прелью, книжного шкафа, в котором самой новой книгой была "Нива" за 1883 год, с картинками, изображающими коронацию Имп. Александра III, Сережа взял наугад книгу для чтения. Ею оказалась книжка "Русского Вестника" — 1805-й год Л. Н. Толстого, прочел он, открыв бледно зеленый титульный листок журнала.

"Что это за 1805-й год? — подумал он, пробегая глазами страницу и находя в ней нечто чрезвычайно знакомое. — Да, это же начало "Войны и Мира", удивился он и тотчас же, увлеченный повествованием о том, как Багратион повел у Шенграбена в бой пехоту, — стал читать жадно страницу за страницей.

Он сидел на ветхой скамеечке, в зарослях сирени, жасмина, крыжовника и смородины. Лапчатые листья молодого клена бросали движущиеся тени на страницу книги. Жужжали пчелы; в кустах возились дрозды; далеко из деревни доносились приглушенные голоса и отчаянный крик ребенка.

— Боже мой. Как хорошо, как тихо, как спокойно, — подумал он, отрываясь от книги и невольно вслушиваясь в возникший шорох. По дорожке, скрытой от него кустами, кто-то шел почти беззвучно, видимо, босиком.

Он привстал. Быстро перебирая ногами, выставив вперед грудь, кусая какую-то травинку, в глубокой задумчивости, шла Катерина. Она была в стареньком красном сарафане, в белой рубашке, застегнутой на вороте синенькой пуговкой, в красном платке, повязанном по-бабьи.

— Сергей Алексеич. Не надо... Оставьте... Люди увидят! — говорила она торопливо и сбивчиво, когда Сережа притянул ее к себе за ее шершавую, мозолистую руку с серебряным обручальным кольцом. Запахом дымка, конопли, сена и чего-то деревенски-женского, пахнуло на него. Неподатливые, непривычные к поцелуям губы, были жестковаты и солоны...

Много, много раз потом вспоминал Сережа, как этот, так и другие дни своего последнего лета в Богдановке. Он был тогда почти счастлив. Но только почти, а не целиком, ибо он уже не принадлежал полностью к миру этой оскудевшей усадьбы и интересы ее уже не совпадали целиком с его интересами. Они казались ему уже мелкими, идущими в стороне от большой жизни, кипящей где-то там за этими меланхолическими полями, пустынными дорогами и разоренными помещичьими усадьбами. Порой он даже ловил себя на том, что мать, Любочка, Ваничка и земский начальник Волков, казались ему немного старомодными, старосветскими и по провинциальному смешными. Душа его рвалась к новой жизни, которая открывалась перед ним заманчиво, таинственно и зовуще.

И часто, по вечерам, когда сумерки туманили уснувший сад, звезды зажигались над верхушками вековых лип, а мать в гостинной играла на старом рояле какие-то забытые вальсы, или аккомпанируя себе, пела: "Глядя на луч пурпурного заката", — он, сидя, на балконе и глядя на светлую точку своей папиросы, мечтал о той жизни, которая, казалось ему, должна была быть несказанно прекрасной, полной любви, подвигов и славы.

Г. Месняев

(Продолжение следует)

Елисаветградское Кавалерийское училище

Светлой памяти офицера-рыцаря и дорогого начальника Генерала Николая Николаевича Лишина. — свой скромный труд посвящаю.

Я поступил в Елисаветградское Кавалерийское училище в то время (августа, 1893 г.), когда оно еще было Окружным или Юнкерским, т. е. таким, какими были в то время большинство наших военных училищ. Поступали в училище, обыкновенно, молодые люди, образовательный ценз которых был равен курсу прогимназий или 4 классам реального училища. Как исключение, попадались окончившие 4-5 классов Духовной семинарии или 6 классов гимназии, и совсем редкость были юнкера с законченным средним образованием. Таких, почему то, называли аттестатниками. "Аттестатники", обыкновенно поступали прямо на старший класс Училища; подвергаясь лишь проверочному испытанию по обще-образовательным предметам. К кличке "аттестатник" прибавлялась еще кличка "пассажир". Курсы в Училище были 2-летние. На младшем курсе преподавались обще-образовательные предметы, а на старших — военные. В строевом отношении, Училище представляло собой конный дивизион 2-х эскадронного состава, примерно по 120 юнкеров в каждом эскадроне. Комплектовалось Училище исключительно молодыми людьми, поступающими из полков нашей армейской кавалерии, прослужившими в своих частях, в качестве вольноопределяющихся, иногда довольно продолжительное время (1-2 года), прошедших курс полковых учебных команд и прекрасно, поэтому, подготовленных в строевом отношении. Прослуживших в полку, до поступления в училище, менее года, было сравнительно очень немного и поэтому Елисаветградское Училище, по справедливости гордилось тем, что выпускаемые из него были отличными строевыми офицерами и прекрасными ездоками. В очень редких и совершенно исключительных случаях в Училище поступали, по экзамену, сверхсрочно - служащие нижние чины. В мое время таковой был только один, и то человек ин-

теллигентный, 20 Драгунского Ольвиопольского полка, Башалов, впоследствии отличный офицер и прекрасный товарищ. Иногда поступали в Училище конно-артиллеристы, которые в период прохождения курса, переводились в драгунские полки, так как в свои батареи они, из кавалерийского Училища, выйти не могли.

В период прохождения курса в Училище, юнкера числились в списках своих частей и носили, поэтому, полковую форму, имея на погонах лиш. узкий юнкерский галун. Не смотря на то, что, в то время, все без исключения полки армейской регулярной кавалерии были драгунскими, эскадроны юнкеров имели в строю довольно пестрый вид.

Дабы, по возможности, сгладить эту пестроту, в первый эскадрон зачислялись юнкера, имеющие на погонах, петлицах, околышах фуражек и верхушках парадных барашковых шапок (драгунок) — красное приборное сукно и цвета, приближающиеся к красному, т. е. краповый, малиновый, розовый. В первый эскадрон зачислялись и конно-артиллеристы и юнкера Крымского конного дивизиона (впоследствии полка).

За то во 2-м эскадроне сгладить указанную пестроту цветов было совершенно невозможно. Рядом, в строю, стояли желтые, синие, белые, бирюзовые, коричневые. Во 2-м эскадроне были юнкера Осетинского конного дивизиона, носивше форму Кавказских казачьих частей (черкеску). Совершенно случайно, в мое время, во 2-м эскадроне был единственный военно-училищный юнкер Л.-Гв. Гродненского гусарского полка Анатолий Телегин, выделявшийся своею исключительно, как известно, красивой формой.

Учебный год начинался 1-го сентября. Поэтому, для держания вступительных экзаменов вольноопределяющиеся съезжались в Елисаветград к началу августа. Училище в это время обыкновенно находилось в лагере 7-ой Кавалерийской дивизии, в долине реки Ингула. Ко времени прибытия вновь поступающих в училище, юнкерский лагерь пустовал, так как старший класс уже был переименован в Эстандарт-юнкера и разъезжался по своим частям, а младший, перешедший на старший, — находился в отпуску. В Училищном лагере находилось не боле 10-15 человек юнкеров, случайно оставшихся на лето в Елисаветграде. Тут были или лишенные отпуска за тихие успехи и громкое поведение, или, просто, такие, которым ездить было некуда и не к кому.

В 1892 году Училище начало постепенно преобразовываться из юнкерского в военное. В нем было открыто 2 отделения с военно-училищными курсами. Я говорю постепенно потому, что число отделений с военно-училищными курсами ежегодно должно было увеличиваться, а число юнкерских — уменьшаться. В зависимости от указанного преобразования, в Училище стали поступать кадеты, окончившие полный курс кадетских корпусов, с зачислением их рядовыми в драгунские полки, форму которых они и одевали. Был также небольшой процент молодых людей, с законченным средним образованием, поступавших в Училище со стороны, с одновременным зачислением их в списки Кавалерийских полков. Делалось это по тому, что официально Училище продолжало еще считаться юнкерским и общего обмундирования, в то время, еще не имело.

Было несколько единичных случаев перевода, тогда же, в наше Училище, на старший, военно-училищный, курс, юнкеров пехотных военных училищ. Когда эти юнкера впервые появлялись у нас в черных, широких шароварах пехотного образца, старые юнкера ехидно ухмылялись и даже сочинили, по адресу их, следующее язвительное четырехстишие:

"С тех пор, как юнкерские шпоры
Надела пешая орда,
Пропала лихость нашей школы,
И не вернется никогда"...

"Пешая орда" не осталась в долгу перед "шморгонцами", как почему то называли нас, окружных, военноучилищные и парировали удар ответными, не менее язвительными, стихами:

"С тех пор, как юнкерские шпоры
Надел "ученый" человек,
Пропала глупость вашей школы,
И не вернется уж во век"...

Помню и автора последних стихов военноучилищника, 2-го драгунского, С.-Петербургского полка Макеютенко.

Впрочем, если не считать этих, в сущности совершенно незлобивых, шуток, надо сказать, что никакого серьезного антагонизма или вражды, между юнкерами военноучилищных курсов и старыми — окружного училища, не было совершенно, и все училище представляло собою дружно сплоченное военно-учебное заведение.

Так как Елисаветградское Училище находилось на территории Одесского военного округа, то для прохождения курса в училище командировались, по преимуществу, молодые люди из кавалерийских частей Одесского же и соседних с ним военных округов Киевского и Кавказского. Части же кавалерии, расположенныя в Варшавском, Московском и др. округах, командировали своих вольноопределяющихся в Тверское Кавалерийское юнкерское Училище, одно-эскадронного состава. Из правила этого, впрочем, не редко допускались исключения.

Окончившие 2-летний курс Училища, приказом по войскам Округа, переименовывались в Эстандарт-юнкера, являясь кандидатами на производство в офицеры. При чем, окончившие Училище по 1-му разряду, производились в Корнеты в первую сентябрьскую треть года своего выпуска, со старшинством с 2-го сентября и с переводом, при неимении вакансий в своем полку, в один из полков армейской конницы, по назначению Главного Штаба. Окончившие же по 2-му разряду, имели право на производство в офицеры

только в свою часть, получая старшинство со дня Высочайшего приказа о своем производстве.

В виде наружного отличия, Эстандарт-юнкера получали на левом рукаве мундира и шинели, шеврон из широкого галуна, углом кверху, и офицерский темляк.

"Ура, нашили мы шевроны,
Переменили темляки,
Ура, Корнетские погоны,
Недалеки, недалеки"...

Так, лелея мечту об офицерских погонах, Елисаветградские юнкера воспевали их в своей училищной Звериаде.

Звериада наша являлась отчасти подражанием Звериаде Николаевского Кавалерийского Училища, но много было в ней и своего оригинального.

Зверями назывались, обыкновенно, вновь поступившие в Училище, юнкера младшего класса, в отличие от старшего, называвшихся "Корнетами". Откуда взялась эта кличка "зверь", объяснить трудно. К чести нашего Училища, следует отнести отсутствие "цука", процветавшего в Николаевском Училище. Я слыхал, что впоследствии, когда Елизаветградское Училище уже стало военным, "цук" и в нем получил права гражданства, но в мое "шморгонское" время могу сказать определенно, что этого не было. Было строго уставное требование службы старшими по отношению к зверям, ограниченное рамками закона и воинской дисциплины, но никакого "обжигания звериных хвостов", бесчисленных поворотов до головокружения, приседаний и тому подобных приемов, наше Училище не знало. Помню, как к нам прибыли, для поступления в старший класс военно-училищного курса, два юнкера Николаевского Кав. Училища, переведенные из столицы за какую-то провинность. Оба они сразу вздумали привести "зверей" своего взвода в "христианскую веру", но, встретив должный отпор со стороны наших "Корнетов", быстро стушевались и больше своих попыток не возобновляли.

Помещалось Училище в трех прекрасных трехэтажных зданиях, расположенных почти в центре Елисаветграда, в конце Дворцовой улицы. Здания эти были расположены под углом и были отделены друг от друга огромнейшей площадью, на которой, в хорошую погоду, производились строевые конные и пешие занятия юнкеров. Вокруг площади шла аллея, обсаженная довольно тощими деревьями.

В самом большом здании помещались оба эскадрона юнкеров, при чем первый эскадрон во втором, а 2-й в третьем этаже. В третьем же этаже была училищная церковь. Во втором — находился еще лазарет. В нижнем этаже находилась столовая, приемный зал, комната дежурного офицера и карцер, а во дворе, в подвальном этаже — кухня. В этом же здании находились квартиры: Начальника Училища, обоих эскадронных командиров и некоторых сменных офицеров. К зданию примыкал небольшой сад, в котором, до выступления в лагерь, юнкера проводили свободное время.

В другом, противоположном, здании, расположенном к первому под углом, были классные комнаты и огромный гимнастический (гарнизонный) зал со всевозможными орудиями для гимнастики и фехтования. Тут были параллельные брусья, кольца, турники, столбы для лазанья, лестницы, деревянные, обтянутые кожей, кобылы для прыганья и уроков седловки, трамплины и проч. Рядом с этим зданием стоял огромный светлый манеж на два вольта, т. е. такой величины, что в нем одновременно могли ездить две смены юнкеров, по 12-15 человек, примерно, каждая. По бокам от входных дверей, с улицы, были расположены ложи, в которых могли присутствовать начальствующие лица, а иногда, во время праздничной и карусельной езды, бывали и училищные дамы.

Стены манежа, на высоту лошади, были обшиты досками, имели много больших, широких окон, а в четырех пролетах были некогда, в мое время уже снятые, зеркала, дававшие возможность юнкерам самим следить за своей посадкой и исправлять неправильности таковой. Левее главного манежа стояло здание, в котором находились квартиры штатного офицерского состава, а еще левее тянулись длинные, точно кишка, каменные конюшни, загибавшиеся далее под углом и образующие, таким образом, конюшенный двор с коновязями и грудами невывезенного навоза.

К третьей стороне площади примыкал стрелковый тир. Внутри училищного двора были расположены два малых манежа, из которых один, почти заброшенный, служил для езды слабо ездящих, отстающих юнкеров, а другой вольтижировочный, так называемая "бочка". Название это имело свое основание, так как манеж этот представлял собою небольшое четырехугольное здание, с как бы вставленной в него, разрезанной пополам огромной бочкой. Получался, таким образом, манеж с высоким деревянным бортом, выше лошадиного роста, в котором лошадь могла ходить свободно, без корды, не имея возможности ни уйти, ни выпрыгнуть. Вольтижирующие юнкера, по очереди впрыгивали в бочку, проделывали положенные по уставу упражнения и притянувшись на руках, уходили из бочки, так как дверь в нее открывалась только для впускания и вывода лошади. Бывали курьезные случаи, когда вставший на вольтижировочное седло юнкер, не выдерживал равновесия, падал в один из пустых углов, образованных поверхностью бочки, вставленной в 4-угольное здание манежа. Такого, "неожиданно скрывшегося", награждали дружным смехом, а сменный офицер приказывал повторить упражнение и не "скрываться".

В каждом взводе была своя вольтижировочная лошадь, выбиравшаяся из числа более спокойных и доброезжих, а, главное, обладавшая размеренным, ровным галопом. В нашем 3-м взводе 2-го эскадрона вольтижировочной лошадью был общий любимец и друг юнкеров, маленький, необычайно смирный конь "Спартанец". Редкий из юнкеров не давал старику

"Спартанцу" сахара или корочки ржаного хлеба. Для манежной езды "Спартанец", ввиду старости и слабости передних ног, почти не употреблялся, но для вольтижировки он был незаменим. При выходе Училище в лагерь, "Спартанца", впрочем, седлали полным вьюком и на него обыкновенно садился один из юнкеров трубачей, так как смирный и доброезжий "Спартанец", идя спокойным и ровным шагом, не горячился и не мешал игре юнкерского хора трубачей.

Независимо от классных занятий, юнкера несли службу, согласно уставу внутренней службы в Кавалерии. Дежурными по эскадрону назначались юнкера старшего класса, а дневальными — звери. Такое же дежурство было и по конюшне. Наряды эти давали возможность юнкерам практически изучать службу, приучая их, в то же время, к порядку и уходу за лошадью. Уборка, т. е. чистка лошадей, производилась особой командой нижних чинов, прикомандированных к Училищу, и находившихся под командой двух вахмистров, обычно сверхсрочно служащих. В мое время, в 1-м эскадроне таким "конским" вахмистром был Левчак, а у нас, во 2-м эскадроне — Юрков, еще не старый, толковый и дельный унтерофицер.

ПЕРВЫЕ ДНИ В УЧИЛИЩЕ

В год моего поступления в Училище, нас собралось человек 150. Все это, за весьма небольшим исключением, была зеленая молодежь, вольноопределяющиеся различных полков армейской кавалерии. Съезжались к началу августа в юнкерский лагерь группами по 5-10 человек, и являлись дежурному офицеру. Старшие передавали документы и аттестаты, выданные из полков. Затем начиналась разбивка по эскадронам, в зависимости от цвета приборного сукна. В каждом эскадроне был вр. исп. об. вахмистра, т. е. один из старых юнкеров, в распоряжение которого молодежь и поступала. Кроме того, был общий, училищный вахмистр, должность, никаким уставом не предусмотренная. Таковым, в первые дни моего прибытия в Училище, был 46-го Драгунского Переяславского полка юнкер Мелик-Гурджиев. Все эти три исп. обязан. вахмистров юнкера старшего класса, остававшиеся на летние месяцы в Училище, исполняли свои обязанности временно, до начала регулярных занятий, после чего превращались в обыкновенных рядовых юнкеров.

Вр. исп. обязанности "летнего" вахмистра 2-го эскадрона, в год моего поступления, был юнкер 35-го драгунского Белгородского полка Черевко. Когда я с тремя своими однополчанами, явился к юнкеру Черевко, он указал нам барак, в котором мы должны были поместиться, назначил каждому кровать и приказал никуда, без его разрешения, не отлучаться. Втечении целого дня барак наш непрерывно наполнялся вновь приезжающими. За коричневыми Вознесенцами и Ольвиопольцами, прибыли желтые Астраханцы, Кинбурнцы, Лубенцы, зеленые Малороссийцы и Ямбурцы, белые Каргопольцы, Глуховцы, синие Стародубовцы, Новороссийцы и т. д., и т. д.

Около 12 час. дня, на передней линейке раздался сигнал "сбор", и сейчас же команда выходить и строиться на обед. Тот же юнкер Черевко скомандовал: "Смирно, равняйсь", снова, "смирно, на отделения рассчитайсь" и "направо марш". Лагерная столовая находилась шагах в 200 и представляла собой длинный навес, обросший с боков густым диким виноградом, с двумя рядами столов и скамей. Каждый эскадрон имел свою половину. По середине находился большой образ Св. Георгия Победоносца, покровителя Училища. (Училищный праздник 26 ноября, в день Св. Георгия Победоносца).

При входе в столовую стоял дежурный офицер 12-го драгунского Мариупольского полка Шт. Ротмистр Янов, приветливо крикнувший нам: "Здравствуйте, господа". Когда мы ответили на приветствие офицера и заняли места за столами, Шт.-Ротмистр Янов скомандовал: "Трубач, на молитву!". Прослушав сигнал, мы дружно спели: "Очи всех, на Тя, Господи уповают", после чего было разрешено садиться. Обед прошел довольно быстро, а затем снова молитва: "Благодарим, Тя, Христе Боже наш", и команда "разойтись". До 2-х часов пополудни был перерыв, во время которого нам разрешалось гулять в приемной аллее, в частном буфете Альбина Антоновича Бигера, отдыхать, словом, делать что угодно.

С 2-х до 4-х часов немногочисленные, оставшиеся в лагере юнкера старшего курса, знакомили нас с порядками, существовавшими в Училище, проверяли отдание чести, знакомили с личным офицерским составом Училища, преподавателями, что особенно интересовало всех нас, ввиду предстоящих приемных испытаний. С 4-х до 6-ти с половиной час. вечера нам разрешалось готовиться к экзаменам. Затем был ужин, вечерний чай и перекличка. Оба эскадрона выстраивались на передней линейке лагеря, впереди бараков и палаток; после переклички пели молитву, выслушивали приказ по Училищу, напутствие "училищного" вахмистра Мелик-Гурджиева и расходились спать.

Юнкер Мелик-Гурждиев представлял собою тип очень интересный, о котором не могу умолчать. Это был уже немолодой человек, лет 30, с трудом перешедший на старший курс из "майоров", т. е. просидевший на младшем курсе 2 года. Среднего роста, типичный кавказец, с крупными чертами лица, небольшой бородкой и маленькими, добродушными глазками. Очень ограниченный, даже тупой, он очень гордился тем, что не будучи нашивочным, исполнял, хотя и временно, все же обязанности училищного вахмистра. Он говорил, что родиной его является гора Арарат, на которой, как известно, после всемирного потопа, остановился Ноев ковчег.

Все его обязанности заключались в том, что на вечерней перекличке он читал нам приказ по Училищу, "разносил" кого придется за какое-нибудь упущение и вообще изображал строгое начальство. Не дай Бог было кому-нибудь из зверей улыбнуться в

строю, или чуть-чуть согнуть ногу. Гурджиев начинал орать, как дикий, потрясать кулаками, багровел. Тон его разносов был до крайности смешон, часто бессмыслен. То он говорил совершенно спокойно и размеренно, то, вдруг, начинал без всякого повода кричать, точно перед ним стояли глухие. Характерный кавказский акцент, набор произносимых слов и вся вообще его комичная фигура, заставляла нас с величайшим трудом удерживаться от смеха и стоять смирно. В общем же, это был добродушный, безвредный человек. С приездом из отпуска юнкеров старшего класса и началом регулярных учебных занятий, он превращался в обыкновенного рядового юнкера 1-го эскадрона, незаметного и скромного.

Лагерный период в августе заканчивался приемными испытаниями, производившимися ежедневно. Поступающих прямо на старший класс, кроме меня. было еще трое. Нашего эскадрона 22 драг. Астраханского полка — Агура, 1-го эскадрона 25 драгун. Казанского полка — Кривцов и 45 драгун. Северского полка — Гоппе. Поступали в Училище мы все четверо, но Гоппе затем отчислился по собственному желанию. Испытания происходили обычно до обеда, а после обеда производились строевые занятия, езда, вольтижировка и гимнастика. Руководили занятиями юнкера старшего класса, под наблюдением дежурного офицера.

Один из них, 4-го Лейб-драгунского Псковского полка Шт.-Ротмистр Кромин особенно увлекался вольтижировкой. Помню отличного вольтижера, только что окончившего Училище, 24 драг. Лубенского п. эстандарт-юнкера Гербеля, впоследствии офицера Л.-Гв. Гродненского гусарского полка. Он почему-то долго не уезжал из училища в полк и, проживая в лагере, от скуки показывал нам, "сугубым зверям", приемы вольтижировки, из которых мне тогда запомнился один, не уставной, казавшийся очень трудным, но исполнявшийся Гербелем легко, отчетливо и красиво. Прием этот заключался в том, что взявшись за задние ручки вольтижировочного седла и оттолкнувшись от земли, он на руках переносил корпус через круп лошади так, что садился сразу в седло, лицом к хвосту, а затем, сделав "ножницы", легко переносил ногу через гриву лошади и соскакивал на землю.

После вольтижировки, ужина и вечернего чая, мы расходились по лагерю в ожидании вечерней переклички и зари. Некоторые заходили в буфет выпить чаю с пирожками. Другие располагались группами на траве, обмениваясь впечатлениями за день, третьи гуляли в приемной аллее. Погода стояла чудесная. Вечер смеялся теплой южной ночью, темной "хоть глаз выколи". После переклички и зари, которую красиво, в терцию играли два трубача, день считался оконченным и будущие юнкера были, наконец, предоставлены самим себе. В эти первые дни нахождения в Училище, все происходившее воспринималось нами, новичками, как то особенно остро. Каждое слово старого юнкера, данный им совет или указание, легкий цук или разнос не пропадали даром. Молодежь, все это воспринимала, как должное, охотно и доброжелательно.

Тогда же, в эти первые дни, нахождения в Училище, я услыхал, незадолго до переклички, довольно стройное хоровое пение. Пела небольшая группа старых юнкеров. Небольшого роста, приземистый, широкоплечий юнкер Стародубовец Пирогов, запевал низким баритоном:

Пора начать нам Звериаду,
Собрались звери все толпой,
Бессмысленных баранов стадо,
Подтянет их Корнет лихой.
Так наливай, брат, наливай,
И все до капли выпивай . . .

подхватывает хор.

Не скажу, чтобы мне или другим было приятно на душе от этого предстоящего посвящения в "стадо баранов", но... это пели старые юнкера, "корнеты", значит так было нужно, такова был традиция нашей славной Школы.

Когда хор спел еще несколько куплетов из "Звериады", юнкер Пирогов вновь запел:

Он был титулярный советник,
Она генеральская дочь,
Он ей в любви объяснился,
Она прогнала его прочь . . .

После слов каждой строфы, хор густым басом, произносил: "ничего", а затем, после заключительного "ничего", все весело и дружно подхватывали два раза: "Ничего, ничего не понял я" и т. д. Если пение "Звериады" с ее, освященными традициями, куплетами и мотивами, мы слушали почти с удовольствием. то хоровое повествование о "титулярном советнике и генеральской дочери вызвало у нас чувство не то удивления, не то даже брезгливости, особенно после заключительных слов этой песни, воспроизвести которые здесь невозможно.

Вспоминая об этом, я вовсе не хочу сказать, что Елизаветградские юнкера не пели других, очень хороших и красивых по содержанию и по мотивам песен, но последних, спетых нам и несомненно для нас, "сугубых", старыми юнкерами, лучше бы не пели.

Это, повторяю, были первыя впечатления, когда же съехались все юнкера старшего класса, в обоих эскадронах образовались прекрасные хоры, конкурировавшие друг с другом голосами и репертуаром.

Но и "поповна" и "титулярный советник" все же иногда при возвращении, например, со стрельбы или на проездках, с разрешения некоторых сменных офицеров, пелись не без удовольствия. Да ведь это и понятно: большинству из нас было в то время 17, 18, много — 19 лет, а молодости все простительно, тем более, что и напевы эти не так уж угрожали принципам нравственности и морали, и были, в сущности, весьма безобидны.

ИЗ ЛАГЕРЯ В ГОРОД

Наступило 1-ое сентября. Выдержавшие вступительные экзамены, приказами по Училищу были переименованы в юнкера, а не выдержавшие возвращались в свои части.

В 8 час. утра, молодые юнкера построились в пешем строю, и, под командой своих эскадронных командиров, выступили из лагеря в город. Прибыв в здание Училища, мы были разведены по своим эскадронам. К вечеру стали прибывать из отпуска юнкера старшего класса. Здание Училища постепенно и непрерывно наполнялось, точно огромный муравейник. Около 9 час. вечера, после ужина, наш эскадрон построился на вечернюю перекличку и тут я в первый раз увидел начальствующих нашивочных юнкеров.

Во-первых, вахмистр — юнкер Байрактаров, — 22 Драгунского Астраханского полка, военно-училищный. Среднего роста, широкоплечий, с небольшой бородкой, для юнкера уже не молодой, лет 28-30. Он производил впечатление серьезного основательного человека.

Перед фронтом эскадрона, еще не разбитого окончательно по взводам, стали взводные портупей - юнкера.

После сигнала трубача Венгеренко, игравшего сигналы на площадке чугунной лестницы, между 2-м и 3-м этажами, мы разошлись.

Утром, следующего дня, в училищном саду происходила ранжировка и окончательная разбивка по взводам. При этом выяснилось, что, так как, в связи с расширением военно-училищных курсов, поступивших было больше предположенного, то эскадроны, для внутреннего управления, были разбиты не на 4, а на 5 взводов, примерно, по 30 юнкеров в каждом. Я попал в 3-й взвод 2-го эскадрона.

Командирами эскадронов были: 1-го - 20-го Драг. Ольвиопольского полка Ротм. Радкевич и нашего 2-го — 33-го Драг. Изюмского полка Адабаш.

Так как вся жизнь училища во многом определялась и направлялась Командирами эскадронов, не считая, конечно, классных занятий, то на личности обоих эскадронных командиров следует остановиться более подробно.

Николай Александрович Радкевич, впоследствии Директор Одесского Кадетского корпуса, окончил Николаевскую Академию Генерального Штаба по 2-му разряду и по Генеральному Штабу, поэтому служить не мог. Очень спокойный, воспитанный, никогда не возвышавший голоса, он производил впечатление мягкого, снисходительного и доброго человека. Может быть в действительности, он и был таковым, но юнкера про него говорили: "Коля мягко стелет, но жестко спать".

Совсем иным был Командир нашего 2-го эскадрона, Ротмистр Алексей Алексеевич Адабаш. В характере этого человека было много странностей, иногда граничивших даже с ненормальностью. Окончивший за несколько лет до меня наше Училище, талантливый юнкер 25-го Драгунского Казанского полка, Неннигер, необыкновенно метко и справедливо охарактеризовал Адабаша краткими, но знаменательными словами, вошедшими в нашу Звериаду:

"Я про тебя немного знаю,
И петь тебя мне лишний труд,
Но верь, что к будущему маю
Тебя в Кирилловку*) свезут".

И, действительно. Трудно себе представить, что могло взбрести на ум Ротмистру Адабашу в каждую минуту. При всей его любви и преданности службе и особенно кавалерийскому делу, он был каким-то маньяком, а подчас и просто одержимым. В любой час дня и ночи, он, неожиданно, появлялся в эскадроне, и не давал покоя ни вахмистру, ни дежурному по эскадрону, ни дневальным, ни, вообще, всему составу эскадрона. Его мелочность, придирки и разносы за всякий вздор, буквально, отравляли существование. Мы называли его Абалдуем, произнося эту кличку от "обадлевший". Помню, как встретив меня на лестнице. когда я, после вечернего чая, поднимался в эскадрон, Ротмистр Адабаш меня остановил и неожиданно задал вопрос: "А вы почему, юнкер, распороли казенную кожаную подушку, на которой спите, и выбросили из нее часть конского волоса?"

Я смотрел на Адабаша ничего не понимающими глазами, так как был, буквально, огорошен этим бессмысленным обвинением. Машинальное односложное: "Никак нет, г. Ротмистр, я этого не делал", — вырвалось у меня, наконец, "А даете честное слово юнкера?" — спросил дальше Адабаш. — "Так точно, даю!" — сказал я. Он развел руками, повернулся и ушел. Надо сказать, что кожаные, туго набитые конскими волосами, подушки, на которых спали юнкера, были, действительно, тверды, как камень и спать на них, даже утомленными от всяческих физических упражнений, юнкерам, было удовольствием весьма средним, но никому из нас и в голову не приходило распороть подушку и, путем, извлечения части ее содержимого, делать ее более мягкой. Только больная фантазия нашего эскадронного командира могла представить себе подобное.

Одним из его любимых занятий было собеседование с нами в послеобеденные часы. Чего-чего только не говорил он нам, каких вопросов не задавал. "А, скажите-ка, юнкер Верболозов, как называются подпруги?", — обращался Адабаш к маленькому, невзрачному, Ольвиопольцу, младшего класса, в очках, придававших всей его, и без того неказистой, фигуре, какой-то особенно комичный вид. Верболозов вскочил и мрачно молчал. В комнате стояла напряженная тишина. Ответить на этот вопрос было не под силу юнкеру и побойче Верболозова. "Не знаете? Стыдно! Ну, юнкер Писанко, скажите вы?" — продолжал Адабаш. Результат был тот же. — "Нечего сказать, хороши кавалеристы", — улыбался командир эскадрона, — "не знают названия подпруг! Ну, юнкер Пимановский, вы, наверное, знаете?" Маленький,

---

*) Кирилловка — психиатрическая лечебница.

бойкий малороссиец не оправдал также надежды Командира. Наконец, после еще нескольких, таких же бесплодных попыток, Адабаш, укоризненно качая головой, говорил: "Да, очень просто, господа, подпруги называются: передняя и задняя".

— "А, скажите, юнкер Осташев, на чем лежит во рту лошади мундштучное удило?". — "На беззубом крае", — с запинкой отвечает вялый, апатичный Каргополец. Адабаш довольно улыбался и задавал кому-нибудь новый головоломный вопрос, пока, наконец, спасательный сигнал не избавлял нас от этой приятной беседы с "любимым" начальником.

Не менее удачно, чем юнкер Ненингер, посвятил Адабашу в Зверинаде еще четые стиха мой взводный ефрейтор, милый юнкер Андожский, впоследствии Корнет 5-го Л.-Драг. Курляндского полка, к сожалению, окончивший жизнь самоубийством.

"Прощай, ревнитель службы Царской,
Тиран и деспот, строгий наш,
С душой, по истине солдатской,
Безумный ротмистр Адабаш!".

Полковник **Фурман.**

(Продолжение следует)

Атака 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии у Нерадово 16-VII-1915 г.

Начавшееся прорывом у Горлицы на Дунайце 1-V-1915 года наступлене XI-й германской армии генерала фон-Макензена, захвативши 22-VI Львов, а 7-VII Раву-Русскую, явившуюся исходным пунктом новых операций, вывело германцев и подпираемую ими австро-германскую армию Иосифа-Фердинанда, подчиненную тоже фон-Макензену, на линию Люблин-Холм. Получилось повторение стратегической обстановки осени 1914 г., с той только разницей, что, вместо резервного корпуса генерала Войроша, была целая XI-я германская армия, в состав которой входил корпус прусской гвардии, а во главе ее стоял один из самых выдающихся генералов германской армии фон-Макензен, с талантливым начальником штаба, полковником фон-Зеектом, впоследствии, после войны, создателем германского Рейсхвера. Целью наступающих армий было, как и в прошлом году, вклинение в выдвинутый вперед Привислянский Край, с конечною целью, окружения стоявших там русских армий. Русское верховное командование, желая всеми силами сохранить за собой Польшу, приказало главнокомандующему Юго - Западным фронтом, генералу Иванову, перейти в контр-атаку, последствием которой была задержка наступления союзных армий вообще, и частичное отступление австро-венгерской армии Иосифа-Фердинанда. Для проведения этих операций были сняты войска с других фронтов. 1-я армия, прикрывавшая важную оборонительную линию Нарева, отдала юго-западному фронту 4-ую Сибирскую дивизию из 1-го Сибирского корпуса, фронт которого ослаб. 12-го июля, нового стиля, фронт застыл южнее линии Люблин- Холм - Ополе - Красностав - Грубешов. Верный принятой в германском генеральном штабе доктрине фланговых ударов, с заходом в тыл, (Band III der Studium zur Kriegsgeschichte und Taktik), Гинденбург приказал усиленной XII-й германской армии генерала фон-дер-Гальвица, в состав которой входили также части прусской гвардии, стоявшей у Прасныша, нанести молниеносный и решительный удар по стоявшим там русским войскам, с целью овладения линией Нарева и окружения русских войск, стоявших у Варшавы, также и с левого фланга. Как и у Горлицы, ураганный огонь германцев буквально растопил русскую оборонительную линию, старательно подготовленную к обороне вглубь генералом фон-Плеве, нанеся русским войскам чудовищные потери. Сам Гинденбург наблюдал за ходом боя с холма, как германские дивизии с блистающими штыками бросились в атаку и, после жестокого боя, овладели 1-й оборонительной линией русских, на выдвинутом Грудуском участке. 14-я кавалерийская дивизия, пополненная и приведенная в порядок после маневренной войны, входя с 5.2.1915 г. в состав 1-й армии, занимала посменно окопы на Вкре. Начальник 14-й кавалерийской дивизии, генерал Петерс (Каменев) получил от командира 1-й Армии приказ перейти с дивизией одним переходом в район Цеханова — 100 верст — и поступить в распоряжение командира 1-го Туркестанского корпуса генерала Шейдемана. К рассвету, 1-го июля, дивизия подошла к Цеханову. По прибытии на место, передана 1-му Сибирскому корпусу генерала Плешкова, с задачей заполнить прорыв между 1-м сибирским и 1-м Туркестанским корпусами. Обстановка на этом участке фронта становилась очень тяжелой. 13.VII.1915 г. две русские дивизии — 2-я Сибирская и 11-я Сибирская, — занимавшие укрепленный отрезок фронта, шириною в 40 верст от Грудуска до Единогорец, были оттеснены, после упорных боев, на 2-ю оборонительную линию. 15.VII возобновились с новой силой жестокие бои на всем фронте 11-й Сибирской дивизии 1-го Туркестанского корпуса. Эта дивизия, потерявшая уже 13-VII около 70% состава, после 14-ти часового боя 15-VII, потеряла совершенно свою боеспособность, и к вечеру начала беспорядочный отход. Благодаря личным усилиям командира I-го Туркестанского Корпуса, генерала Шейдемана, направившегося со своим штабом к войскам, удалось задержать отступавших, на случайной оборонительной линии. К утру 1-го июля, на отрезке правого фланга I-го Туркестанского Корпуса: от Нерадово — Райово — Ржиски, длиною в четыре версты, находились изнуренные остатки 3-х пехотных дивизий (остатки 7-го и 8-го Туркестанского полков и 2 батальона 118-го пех. полка), в общей сложности не более 1600 человек. Лежавший далее, вправо, промежуток, в 4 версты, до 1-го

Сибирского корпуса, был слабо прикрыт 14-ой кавалерийской дивизией. Ввиду невозможности удержания, при наличи только спешенной кавалерии, до прихода находившихся на форсированном марше подкреплений, командир 1-го Сибирского корпуса, генерал Плешков, принял, по выражению генерала фон-дер-Гальвица, героическое решение: "поставить на карту атаку кавалерией в конном строю". Для выполнения этого плата, 1-ая бригада 14-ой Кавалер. дивизии — 14 Драгунский Малороссийский и 14 Уланский Ямбургский, — спешенная, заняла отрезок фронта от села М. Рочки до Болести; 2-ая бригада: 14-й Гусарский Митавский и 14-й Донской Казачий Атамана Ефремова полки — была сосредоточена на западной опушке Луковского леса, для совершения ударного кавалерийского рейда. В это время русская пехота находилась на всем участке фронта, в полном отступлении. Около 8-ми час. утра удалось частям 86-й резервной пехотной дивизии германцев, генерала фон Венцеля вклиниться между внутренними флангами 7-го и 8-го Туркестанских полков. Благодаря ее дальнейшему продвижению вперед, через Нерадово, крайний правый фланг русских, находившийся в тяжелых боях с 229-м резервным полком и соседней 50-ой дивизией германцев, тоже пришел в отступательное движение.

На опушке Луковского леса наростал в это время угрожающий и густой лес пик, поставленных в три линии, серых эскадронов Митавских гусар и коричневых сотен казаков. Командир 14-го Гусарского Митавского полка, полковник фон-Вестфален, торжественно попрощался с командиром стоявших налево казаков, полковником Кареевым, снял медленно фуражку и осенил гусар крестным знамением... В этот самый момент, взвился в воздухе, видимый всеми гусарами, потемневший штандарт, седой как время, украшенный именем Его Величества и золотыми кистями — символ более чем столетней истории полка, как бы благословляя обреченных на смерть. Они прочитали на нем: смерть воскресение, бессмертие, и, как говорит полковник Лебо: "Символ родины, ее славной истории, откровение чести". В знамени живет душа армии. Можно убить тело; погибли предки, но их вечный дух покоится на их потомках. В 10 час. 5 минут сверкнул первый пушечный выстрел русской 23-й конно-артиллерийской батареи, из Луковского леса, имевшей только неприкосновенный запас снарядов. 14-ая Кавал. дивизия имела только одну конную батарею — 23-ю. 24-я формировалась в Новогеоргиевске, для чего из 23-ей было взято два орудия. Затем раздалась последняя команда командира Митавских гусар полк. фон-Вестфалена: "Смирно. Шашки к бою. Пики на бедро. Полк за мной. Лукашевич, не отставай". (Лукашевич — штаб-трубач). Полторы тысячи сабель, расположенных в 3 линии 6-ти эскадронов и 5-ти сотен, сверкнули в воздухе. Всадники первой линии наклонили грозно наконечники пик, и вся конная лавина неудержимо бросилась вперед. Впереди наступавшей бригады, распространилась на широком фронте лава 2-го эскадрона гусар.

Солнце снова скрылось за тучами; шел сильный дождь. Казалось серый занавес разделял приближавшихся противников. Скрываясь за полями пшеницы, конница быстро продвигалась вперед. Невидимая немецкой пехотой, она, очевидно, была замечена артиллерией противника, так как тотчас же была подвергнута ее обстрелу. Три легких и одна тяжелая батареи бешено обстреливали гусар и казаков; но большинство снарядов падали за неудержимо стремившейся вперед конной массой, и потому потери были незначительны. Германская артиллерия, видя, что ей не остановить гусар, снялась, бестолково стреляя на ходу. Поднялась паника. Немцы кричали: «Russische kavalerie».

Вахмистру 3-го эскадрона Дуброву снарядом оторвало голову; его, залитый кровью, конь спокойно шел галопом дальше за эскадроном. Скоро донцы пересекли группы отступавших стрелков 7-го Туркестанского п-ка.

Благородный порыв конницы, бросившейся в атаку, не мог не произвести впечатление на отступающую пехоту. Тотчас же туркестанцы приободрились, забыли все муки и лишения прошлых дней, повернули обратно и с громкими криками "ура!", бросились снова в атаку.

В это время, стоявшие на левом фланге атакующей конницы, у деревни К. Скузе, два эскадрона гусар, присоединились к бригаде, ставши уступом за левым флангом донцов, и галопом помчались вдоль реки Суоны. Скоро вся бригада прошла через нейтральную зону, отделявшую русскую пехоту от противника, и атаковала немецкую оборонительную линию юго-восточнее Нерадово.

Внезапно атакованная, германская пехота оказала упорное сопротивление.

Солдаты образовывали небольшие кучки "род каре" и отстреливались во все стороны. За первыми русскими волнами всадников показались сейчас же следующие, которые, сметая все живое, попадавшееся им на пути, продвигались все время вперед, не беря пленных и не обращая внимания ни на трофеи, ни на собственных раненых. Подверженная близкому огню противника, русская конница понесла значительные потери, особенно на левом фланге и в центре 2-го эскадрона гусар, который первый проник в немецкие лини.

Этот эскадрон повернул немного на северо-запад в направлении на Пайево-Круле и неудержимо бросился, вдоль протекавшей здесь реки Зенки. На южной окраине этой деревушки, был расположен, как центр 229-го резервного пехотного полка 50-й германской резервной дивизии, его 3-й батальон, с пулеметным взводом. Только здесь, благодаря особой предусмотрительности его командира, майора Айльсбергера, были приняты надлежащия меры для удержания атаки русской конницы. Как только из слухового окошечка крестьянской хаты были замечены движущиеся волны русской кавалерии, раздалась команда двум, находившимся здесь пулеметам лейтенанта Неттера и

всей пехотной линии открыть наиболее сильный огонь по ней. Последствием этого были жестокия потери у Митавцев. Одним из первых пал, пронзенный многими пулями. доблестный командир 2-го эскадрона ротмистр Гуров, за ним храбрец, вахмистр Шаповал и много гусар. Недалеко от неприятельской линии потерял 2-й эскадрон другого офицера, придавленного трупом своей лошади, в конце концов попавшего в руки германцев; он явился живым свидетелем славной гибели своего командира и гусар.

Несмотря на тяжкие потери и жестокое сопротивление германцев, остатки неустрашимого эскадрона под командой оставшихся в живых унтер-офицеров, неудержимо продолжали стремиться вперед и отдельными группами пересекли вторую оборонительную линию немцев.

Прошло всего лишь несколько минут, как обрушилась вторая волна конницы, на этот раз на левый фланг 229-го германского полка. Вслед за 2-м эскадроном Митавских гусар, с известным уклоном вправо, его 1-й эскадрон атаковал 2-й батальон 229-го германского полка и правый фланг, расположенный немного северо-восточнее 2-го батальона 230-го полка. Несмотря на очень тяжелыя потери, 1-ый эскадрон пересек германские линии, главным образом между внутренними флангами указанных полков. Но большинство русской конницы неудержимо стремилось на Нерадово. Склонившись к седлу своей лошади, скакал галопом полковник фон-Вестфален со своим поредевши штабом. За командиром следовал, на положенной по уставу дистанции, полк гусар, а далее, левее — донцы.

Огонь германских пулеметов и ружей был направлен прямо в лоб атакующей бригады. Пронизанные неприятельскими пулями, много гусар нашли себе вечный покой среди спелой пшеницы. Тяжело падают раненые лошади, пытаются безрезультатно встать на ноги, падают снова, давя и калеча воинов. Многие из них носятся без всадников по полю, предоставившему на этот раз смерти столь обильную жертву.

Сзади первых линий германцев, юго-восточнее села Нерадово, было видно сельское строение, окаймленное каменной стеной. Там немцы спешно выставили пулеметы. Было видно издалека, как они работали на крышах дома.

Объятый какой-то особой, таинственной силой духа, поскакал полковник фон-Вестфален, со своим еще более поредевшим штабом, прямо на эту постройку. Германские пулеметчики подпустили скачущую группу на 50 шагов и внезапно открыли огонь с крыш и из окон. Простреленный несколькими пулями, пал геройской смертью полковник фон-Вестфален. Его могучий конь, откормленный "Огарок", залитый потоками крови, падает с раздробленной челюстью, встает снова на ноги и несется вперед. Эскадроны несутся вправо и влево от дома. Немецкие пулеметчики пробуют стрелять в наш фланг, но видя бесцельность этого предприятия, останавливают огонь.

С конем рухнул адъютант поручик Петровский, свалился штаб-трубач Лукашевич. Но, несмотря на все потери, гусары, казаки, отдельные русские пехотинцы — все бросаются на Нерадово. Здесь разгорелся кровавый пехотный бой. Дома горят. Убитые и раненые бросаются в глаза, как темные пятна на смарагдово-зеленом фоне садов. Нерадово было слабо занято германцами, но, прикрывшись за заборами, живой изгородью и сараями, немецкие пехотинцы покрывали русскую конницу дождем пуль. Главная масса эскадронов прорвалась через село. Но и в самом селе продолжался ожесточенный бой. Германцы упорно защищали каждый дом и сад; стреляли из окон и крыш.

Здесь русская конница несет снова тяжелые потери. Под командиром 5-го эскадрона, ротмистром Васильевым, падает чистокровная арабская кобыла, но он немедленно освобождается от коня, машет саблей над непокрытой, седой головой и с громким возгласом: "5-ый эскадрон, вперед", — бросается на изгородье, за которым засели германцы. Вдруг сабля выпадает у него из рук, он еще с усилием хватается за изгородь и падает мертвым на землю.... Скоро все село окружено русскими. Слева, под убийственным огнем противника, прорываются, наступавшие уступами за казаками, два эскадрона гусар, под командой подполковника Суражевского, раненого во время атаки дважды и скончавшегося от ран в тот же день. Он увлекает за собой гусар на юго-восток, на главную дорогу села; часть его солдат скачет вокруг села и появляется уже на западе...

Но и в этот критический момент германцы не прекратили обороны, защищаясь от гусар и казаков в отдельных домах, частично подожженных или штурмуемых. Большая часть бригады. особенно 14-й донской казачий полк, менее пострадавший, перемешавшийся частично с гусарами, прорывается через Нерадово для дальнейшего удара в трех направлениях. Два эскадрона-сотни обрушиваются с правой стороны деревни на стоявший здесь 1-ый батальон 229-го резервного полка германцев, пересекают его линию, при тяжелых потерях с обоих сторон, и с поредевшими рядами, но в образцовом порядке, выныривают на возвышенности, южнее села Ленки, атакуя с беспримерной храбростью и презрением к смерти, расположенную здесь, у кладбища, 10,5 см. батарею германцев № 3, резервную пешую артиллерийскую бригаду № 5 и расположенный на отдыхе 231-й резервный пехотный полк германцев. Через несколько минут немецким офицерам удалось прекратить панику и восстановить порядок. Перед самой батареей встретил всадников убийственный огонь пулеметов, залпы картечи длинноствольных орудий, скосившие на месте почти всех атакующих...

Здесь, у третьей оборонительной линии германцев, нашел свой трагический, но покрытый неувядаемой славой и беспримерный в современной военной истории, конец, прорыв русской конницы, глубиною в 5 верст через две оборонительных линии противника, занятые его пехотой, при поддержке артиллерии, вооруженной по последнему слову техники. Только необыкновенный подъем духа, унаследованный по тради-

ции и легендарная сила удара, присущая русской коннице, помогли достичь таких результатов при действии шашкой и пикой, почти без помощи артиллерии, против вооруженного до зубов, стойкого противника, в несколько раз превосходившего числом. Здесь были доказаны еще лишний раз, бессмертные качества русского офицера и солдата. Даже, довольно скупой на похвалы, противник пишет: "231-й пехотный резервный полк принимал участие в отражении блестящей конной атаки русской кавалерийской бригады". (Из истории этого полка).

В северо-западном направлении (на мызу Кабылино) давили сравнительно слабые силы конницы. Поручик Геништа 1-й заметил вдруг недалеко от себя неприятельскую батарею... Она молчала. Прикрытия не было видно. С кучкой гусар и казаков, окружавших его, бросился этот храбрый офицер на батарею. Перед самой целью раздался картечный залп; все было сметено. Южнее леса у Нерадово, в западном направлении, севернее Пайево — Впелки и через занятые противником Села Пайево-Цыты и Пайево-Ршиски, продвигалась с тяжелыми потерями сильная русская кавалерийская группа, состоявшая, главным образом, из казаков и 6-го эскадрона гусар; она прорвалась через село Швелитцы и достигла западных позиций 1-го Туркестанского корпуса. Здесь русская конница ударила прямо в спину наступавшим частям 86-й пехотной дивизии германцев, которая после тяжелых боев, только что заняла высоту 119-ю, южнее Пайево-Виелки и, таким образом, господствовала над важным шоссе, Цеханов-Голымин.

Благодаря этому, совершенно неожиданному, фланговому удару, немецкая пехота вынуждена была отступить немного на север, на высоту 128-ю, оставив села Пайево-Виелки и Пайево-Цыты. Остаток бригады долго собирался в лесу, послужившем исходным пунктом атаки. Многие пришли пешим порядком, другие поймали блуждавших без всадников коней, используя их для сбора раненых... Многие раненые возвратились значительно позже, чем главная масса; некоторые достигли русских линий безпрепятственно не только на участке, который занимали уланы, но еще севернее, у села Мемево-Рончки, где стояли драгуны. К полудню, бой между селом Нерадово и Луковским лесом прекратился. Только там и сям раздавались отдельные выстрелы. Стойкие защитники строения, где пал смертью героя полковник фон-Вестфален, залитые волнами русской конницы, прекратили временно стрелять, но удержали за собой строения, отвечая огнем на все безрезультатные попытки русских приблизиться к дому и убрать тело своего доблестного командира.

Лишь в 3 часа пополудни немецкая пехота снова перешла в наступление. Остатки 7-го и 8-го Туркестан. стрел. полков занимали линию Марувице — Кокарцево — Обиздано-Гурне и далее через Добки, до шоссе на Цеханов. Стоявшие здесь части русского 118-го пехотного Шуйского полка только к 3-м часам пополудни были усилены двумя батальонами новоприбывшего 159-го пехотного Гурийского полка, с помощью которого они смогли продержаться у шоссе, на Цеханов, до 6-ти часов вечера.

Генерал Шейдеман был очень доволен результатом конной атаки, так как она задержала наступление двух германских дивизий, более чем на 5 часов. Он продолжал отстаивать перед командованием свою мысль об отходе на третью оборонительную линию, видя в этом единственную возможность сохранить на будущее кадры своих, до минимума поредевших, полков. В час дня был получен приказ штаба фронта об отходе всех частей на последнюю оборонительную линию, севернее Нарева.

7-й и 8-й Туркестанские полки, потерявшие утром у Нерадова, около 450 человек, смогли, благодаря конной атаке, убрать с поля сражения своих раненых. В 3 часа дня они начали, вместе с конницей, представлявшей единственный резерв, планомерный отход, не подвергаясь преследованию, но под огнем немецкой батареи, 50-й резервной дивизии нѣмцев.

Особенное ожесточение столь редкого в современной войне «coup de collier» видно из очень тяжелых потерь германской пехоты. Один из активнейших участников этого сражения, майор в отставке, Эрнест Айльсбергер, посвящает атаковавшим следующие рыцарски написанные строки: "Из зарегистрированных 16/VII/1915 г., более 100 убитых и 700 раненных 50-й резервной дивизии, большую часть нужно отнести на счет конной атаки русских. Несмотря на все, число павших русских — менее, чем за 5 минут 410 убитых, — действует потрясающе. Мы, как товарищи фронтовики первой линии, до боли в сердце поражены такой участью. Слава павшим, которые с безпримерным героизмом пожертвовали своей жизнью за отечество".

При попытке взять германскую батарею, попал в плен тяжело-раненым Поручик Геништа. При посещении 17 июля полевого лазарета германским генералом, ему было выражено восхищение геройством русской кавалерии 16 июля 1915 г. и, как знак особого уважения, возвращено его георгиевское оружие, пожалованное за прежние подвиги. При отправлении его в тыл, оружие было снова отобрано...

Большие потери конницы показывают, какую силу огня и упорное сопротивление противника, пришлось преодолеть атакующей бригаде. Гусары потеряли убитыми командира полка и 8 офицеров, а также 13 офицеров ранеными. Казаки потеряли 5 офицеров убитыми и 6 ранеными. Всего бригада потеряла 111 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, из них 250 гусар. Гусары потеряли 300 коней, казаки 200. 14-й Митавский полк был сведен в 1 эскадрона.

Бригада получила благодарность командующего армией генерала Литвинова. Великий Князь Николай Николаевич выразил особую благодарность телеграммой, послал личного адъютанта, полковника графа Менгдена, и высказал свое "восхищение атакой, воскресившей старые заветы русской конницы".

Высочайшая благодарность бригаде "за славную атаку" последовала 16 июля 1915 г.

14-й гусарский Митавский полк, по приказанию командующего армией, был представлен к высочайшей полковой награде, Георгиевскому Штандарту. Полковник фон-Вестфален, посмертно, был произведен в генерал-майоры; командир 14-го Донского Атамана Ефремова полка, полковник Карпев, а также подполковник Суражевский, и поручик Геништа 1-й, представлены к ордену Св. Георгия 4-й степени, а Войсковой Старшина Быкадоров, ротмистр Картавцев, ротмистр Шипиев, подъесаул Раздоров и штаб-ротмистр Цыпиев — к Георгиевскому оружию.

В августе 1914 года, германская конница, движимая доблестным и неудержимым порывом вперед, произвела у Динана, Гелена и Ла-Гард, ряд блестящих, но безрезультатных атак, увлекательно описанных генералом фон-Позеком, впоследствии инспектором германской кавалерии, в его книге: "Действия германской конницы во Франции и Бельгии в 1914 г.". Она повисла на проволоке или была сметена огнем. "Немногие вернулись с поля". Император Вильгельм 2-й, выражая благодарность командирам конных корпусов, генералам фон-Рихтгофену и фон-дер-Марвицу, благодарность за проявленный, вверенными им частями, героизм, сожалел о том, что времена «Schlachten kavallerie» прошли, надеясь, что ей все же удастся проявить «ihren frischen Reitergeist». Германское Верховное Командование запретило подобного рода атаки.

Цель автора не состоит в анализе ошибок русского командования, "пожертвовавшего" превосходной бригадой героев, для отсрочки на несколько часов, вынужденного стратегической обстановкой, оттсупления, особенно в тот момент, когда только один смелый стратегический маневр мог спасти фактически безоружную армию. "Чем ночь темнее, тем ярче звезды". На фоне беспрерывных отступлений и катастрофических неудач, блещет, как неугасаемый маяк, самоотверженный подвиг 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии, который навеки останется в истории конницы всего мира.

Много славных дел явила в 1-ю мировую войну русская кавалерия. Достаточно вспомнить знаменитый бой 10-й кавалерийской дивизии у деревни Ярославице-Волчковце, где, значительно уступавшие числом, силы русских, разбили на голову целую австрийскую дивизию генерала Заремба, а ротмистр Барбович взял своим эскадроном 10-го гусарского Ингерманландского полка неприятельскую батарею — это был самый большой кавалерийский "ШОК" за всю войну: атаку барона Врангеля с Конной Гвардией на германскую батарею: атаку в конном строю на сильно укрепленную позицию германцев у Серканцы в 1915 году, о которой ген. фон-Позек в другой своей книге "Действия Германской Кавалерии в Литве и Курляндии в 1915 г.", пишет: "Атака началась в образцовом порядке, но под влиянием орудийного и пулеметного огня растаяла", а также вдохновивший того же автора на яркое описание прорывов у Лукники, а затем рейд по германским тылам Уссурийской Конной бригады. Но Нерадово — апофеоз ее доблести.

Невольно напрашивается сравнение со знаменитой атакой Кавалергардов у Аустерлица, после которой осталось всего лишь 18 человек, а восхищение ею Наполеона запечатлено в вошедшем в историю его разговоре с князем Репниным. К сожалению, в русской военной литературе, эта блестящая атака, почти не нашла отражения; противник значительно больше россказал ей должное. Цель автора была, по возможности, хоть немного заполнить этот пробел. Так как автор пользовался почти исключительно немецкими источниками, то даты даны по новому стилю.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ!

Борис фон-Царевский

„Отмененный салют"

В кают-компании мореходной канонерской лодки "Донец", находившейся в заграничном плавании, в турецких водах и, в летнее время, стоявшей на якоре в Буюк-Дере, против летней резиденции Российскаго Императорскаго посла в Турции, царила отчаянная скука. Вместо плавания и посещения интересных портов, на долю судна выпала бесконечная якорная стоянка, а на долю офицеров, очертевшие вахта и учения. Наскучили и съезды на берег даже, и до весьма поздних часов и "наряды" на очередные "рауты", "гарден-парти", "файв-о-клоки" в иностранных посольствах и различные благотворительные вечера. Появление в кают-кампании старшего офицера с книгой "живота", то есть очередных "нарядов" в посольство или на приемы, вызывало бурю протестов. Офицеры жаждали какой-либо перемены в их, довольно однообразном, существовании, но командир, пожилой капитан 1-го ранга "доплавывал" последние недели командования судном второго ранга, и ожидал перевода на другой корабль или на береговую должность, — ему было не до плавания.

Офицеры перезнакомились с личным составом Российского и других посольств и обзавелись друзьями на иностранных стационерах и на английской яхте "Имоджен", однотипной нашей посольской яхте "Колхида", и на американской яхте "Скорпион", французской "Жанн Бланш", итальянской "Галилео",

побывали на "бир-абенде" германской яхте "Лорелей", но более всего сдружились с командиром турецкого учебного судна "Нежи-Дамие", того корабля, который еще в 1878 году, в качестве броненосного фрегата, участвовал в Русско-Турецкой войне и, в один прекрасный день, был подорван на Сухумском рейде миной одного из катеров незабвенного С. О. Макарова, тогда еще капитан-лейтенанта. Фрегат сел кормой на грунт, затем был снят турками, отремонтирован и до сих пор хранил почетный след полученного повреждения, в виде большой заплаты на ватерлинии левой раковины.

Но в общем офицерам скоро надоели и приобретенные знакомства, и съезды на берег, и встречи в излюбленном моряками всех наций загородном саду "Таксим" или в "Пансион д-Анриетт", с артистками приезжей труппы. Сказалось и безденежье — уже все офицеры, особенно мичмана, сильно задолжали ревизору... Ведь, как никак, съезд на берег "до поздних" обходился примерно в три фунта стерлингов, а бутылка шампанского в один. Не менее накладны были благотворительные вечера в посольствах — одно приглашение обходилось в один фунт стерлингов. Неизвестно, как устраивались офицеры других наций — все они, за исключением англичан и американцев,— получали содержание меньше нашего, а жизнь в Стении, где летом стояли станционеры, была значительно дороже.

Словом, все наскучило, настроение в кают-компании начало падать, начались недоразумения, вызывавшие выговоры и замечания, что еще больше усиливало общее недовольство. Больше всех "скулил" мичман Костя, жаждавший посещения интересных портов, со связанными с этим удовольствиями, штурман уверял, что его компасы заржавели, и что лодка совершает второе кругосветное плавание вокруг своего якоря. Впрочем были и такие, которые особого желания плавать не разделяли. Доктор, к которому приехала из Севастополя семья, один из лейтенантов, встретивший свою старую симпатию и, пожалуй, старший офицер. Несмотря на то, что он съезжал на берег один раз в неделю, он успел обзавестись очень интересной француженкой мадам Ивонн. Молодежь, под шумок, свела с ней знакомство, чем она отнюдь не была недовольна, хотя и была очень привязана к своему щедрому покровителю "ле бояр рюсс", нанявшему ей уютный домик в Стении с прислугой "арабаджи" и "каикджи" и никогда не отказывавшему ей в лишнем золотом, "на булавки", но все же ей было веселей с молодежью. Конечно, она не изменяла своему покровителю, но... разве можно было ей отказать в чем бы то ни было, приглянувшемуся ей юнцу с розовой полудетской физиономией.

Через несколько лет, когда "керенщина" выполнила свою каинову задачу, а "верные" союзники отвернулись от верной им и своему долгу, страны, после эвакуации Крыма, мадам Ивонн, случайно, на улицах Галаты в Константинополе, встретила своего бывшего покровителя, оборванного, промокшего, голодного и больного... И эта женщина, жрица свободной любви, расчетливая, как все француженки вообще и как ее товарки по профессии, в особенности, подобрала его, отвезла к себе на родину и заботилась о нем до самой его смерти. Поистине, глубины человеческой души неизведаны.

На одной из "гарден-парти", в русском посольстве, посол довольно кисло заметил командиру, что верно очень скоро под "Донцом" образуется мель...

Это было явным указанием на то, что его Высокопревосходительство недоволен бездеятельностью, присланного в его распоряжение, судна.

Чтобы не выслушивать впредь подобных "дипломатических" намеков, надо было что-то предпринять. Командир нашел выход из положения, а посол не нашелся, что на это возразить. Во-первых, чтобы не мозолить глаз Его Превосходительства, лодка вышла на три дня в Мраморное море и, обойдя две-три дыры, вроде Мудании и Пандерма, возвратилась в Буюк-Дере, а затем, два или три раза в неделю, выходила "налево за угол" из Босфора, в бухточку Килиос, где и производила стрельбу пулями из восьмидюймовых орудий по звенящему щиту. Посол махнул рукой — все равно с ним ничего не поделаешь.

С прибытием нового команидра, положение значительно изменилось. Прежде всего, собрав офицеров у себя, командир заявил, что лодка послана в заграничное плавание не для развлечений, что он имеет вполне определенную задачу по изучению Анатолийского побережья Черного моря и восточной части Средиземного моря и Архипелага, а также составление нового военно - географического описания верхнего Босфора, и изучение надводного и подводного течений его. Кроме того, он рекомендовал офицерам обратить особое внимание на политическую обстановку в связи с немецким "дранг нах остен" и деятельностью германской миссии фон-дер Гольц-паши, и на реорганизацию англичанами, пришедшего в полный упадок, турецкого флота.

В связи с этим заявлением, все офицеры получили то или иное задание по специальности: так, например, артиллеристу было поручено проверить углы обстрела турецких батарей верхнего Босфора и разработать план прорыва в Босфор эскадрой, состоящей из четырех кораблей и трех дредноутов, штурману было поручено изучение течений, проверка секретных карт Военно - Географического описания Босфора и составление новых; младший инженер-механик должен был собрать сведения о ремонтных средствах порта, а ротному командиру, как специалисту-строевику, приказано вести наблюдения за деятельностью германцев, обучавших турецкие войска по последнему германскому строевому уставу. Чтобы облегчить офицерам выполнение возложенных на них задач, командир распорядился заменить якорные вахты полусуточными дежурствами, что привело старшего офицера, консерватора по природе, в большую ярость.

Но приказание отдано и, старший офицер, со скрежетом зубовным, должен был ему подчиниться. Но, во всяком случае, он не мог отказать себе в удовольствии вставить "фитиль" дежурному офицеру за какой-ни-

будь пустяк, на который он, раньше и внимания бы не обратил.

Надо сказать, что новый командир, молодой капитан 2-го ранга, только что прибыл из Морского Генерального Штаба, недавно созданного Высочайшим повелением и, уже успевшего внести нечто новое и активное в жизнь флота, еще не оправившегося от затхлой рутины пресловутого "ценза", цусимского разгрома, севастопольских, кронштадтских и прочих бунтов...

В одно прекрасное майское утро, когда весь Босфор покрыт золотистой дымкой, а зеркальная поверхность воды еще не подернулась рябью от дневного бриза, к правому трапу "Донца" подошел вельбот с турецким морским офицером.

Встретившему его вахтенному начальнику он объяснил, что завтра, в день "прямого восхождения" Его Величества Султана на турецкий престол, по просьбе командира Константинопольского порта, нам надлежит устроить "гран павуазе", т. е. расцветиться флагами. По началу трудно было разобраться в наборе фраз, где причудливо пепеплетались английские, французские и прочие термины, но, в общем, вахтенный начальник разобрал.

Приглашенный, по обычаю, в кают-кампанию, и отведав запрещенного кораном напитка, он, желая блеснуть и знанием русского языка, залпом выпалил весь запас русской "словесности". Дежурный вестовой Баклажан, смешливый по натуре, услыхав такие "перлы", чуть не грохнул о палубу поднос с бутылками и стаканами, и пулей выкатился на бак, где долго не мог успокоиться от припадка охватившего его неудержимого смеха.

Старший офицер доложил командиру о полученном приглашении почтить день восшествия на престол турецкого султана расцвечиванием флагами, но, командир, сверх того, приказал произвести и установленный салют.

Напрасно старший офицер убеждал командира это распоряжение отменить, командир оставался непреклонным:

— Пора, — говорил он, — отменить это глупое и унизительное запрещение, и установить соответствующий прецедент...

Но, все же, он приказал послать офицера и предупредить коменданта крепости Анатоли-Кавак о том, что в день восшествия его Величества Султана на трон, он произведет установленный салют и будет ждать ответного с крепости.

К трапу подали десяти-весельный катер и, подвахтенный офицер в летней парадной форме, т. е. в белом кителе и при сабле, вошел в него.

Послышалась команда: "Паруса поднять", и катер, красиво накренившись, забирая ход, рассекая острым штевнем голубую гладь Босфора, быстро прошел три мили до бухты Анатоли-Кавак. Врезавшись в гущу канаков, сандалов, кочерм и других шлюпок, катер лихо пристал к набережной. Офицер, в сопровождении боцмана "для почета", прошел через ошалевшую толпу турок, рыбаков, торговцев и аскеров, с изумлением глазевших на "москов-забит-а", и где же, у самой крепости...

Часовые у ворот сделали установленный "селям дур", то-есть взяли на-караул и беспрепятственно пропустили обоих во внутренний двор. Проходя, офицер залюбовался клумбами всевозможных цветов и растений. Казалось это не крепостной двор, а какой-то цветник.

Встреченного адъютанта он просил провести его к коменданту крепости — капудан-паше. Сделавши приветственный "селям", адъютант, на отменном французском языке, просил мичмана следовать за ним.

Комендант, окруженный своим штабом и адъютантами, встретил мичмана очень приветливо и пригласил его в большую, полутемную и очень прохладную залу.

Немедленно был подан чудеснейший кофе и холодная "сул-тан-су" — вода из источников, снабжающих город водой.

Когда же ординарцы и вестовые были удалены, из потайного шкафа появились рюмки, коньяк марки Метакса, колотый сахар и нарезанные лимоны... Турки, очевидно, знали вкус запрещенного плода.

После обычного обмена приветствиями и любезностями, мичман решил, что пора приступить и к делу. Но, нужно было как-то извернуться, чтобы не брать, что называется быка за рога и просто передать поручение командира. Это означало бы немедленное поражение на столь презираемом моряками всех наций. дипломатическом фронте, тем более, что прямой подход к столь щекотливому вопросу, совершенно не соответствовал бы и характеру "восточной" дипломатии. Надо было найти наиболее приемлемый выход из запутанного положения. Внезапно, блестящая мысль пришла в голову мичмана и он, тут же, правда со значительными "заеданиями", сказал целую речь на ту тему, что мол, в доброе старое время, когда доблестные флоты России и Турции соединились для совместных действий против нарушившего свой долг и восставшего против законного монарха, египетского хедива, русский флот стоял в Бейкосе и Его Величество, инкогнито, объехал русские корабли, прослушал хоровое пение матросов, которое ему очень понравилось и, "за скорый приход" подарил адмиралу Ушакову драгоценную табакерку, шесть медных пушек и приказал раздать командам две тысячи червонцев. Мало того, султан Селим приказал турецкому адмиралу Кадыр-бею поступить под команду русского адмирала. Вот в те то времена, русский флот, проходя по Босфору, салютовал Султану. Но через много лет, после Крымской кампании, этот порядок был отменен, был отменен и салют. В настоящее время, командир русского военного судна хотел бы возобновить этот обычай, особенно в виду давно установившихся, прочных дружественных отношений между обоими великими державами, и в память совместных боевый действий обоих флотов.

Комендант и офицеры были польщены и приветствовали искренне желание командира русского корабля подчеркнуть установившиеся традиционно-дру-

жественные отношения между обеими дружественными великими державами и в свою очередь стремятся к тому же. Конечно, комендант не замедлит ответить на салют, но, по долгу службы, он должен предупредить Сераскериат (Военное Министерство).

Помощник коменданта соединился немедленно с военным министерством и долго, и горячо кому-то что-то объяснял. Через полчаса согласие сераскериата было получено и, после многочисленных тостов за обоих монархов, их армии и флот, за коменданта и его штаб и, наконец, за юного представителя русского флота, мичман, дружественно распрощавшись с комендантом и его свитой, направился к своей шлюпке. В воротах крепости его догнал адъютант и, от имени командира, вручил ему два букета — один командиру, а другой "пур вотр ханум", мило объяснил ему адъютант, чем немало мичмана смутил.

Еще быстрее шел катер обратно — ветер и течение были попутными.

Вот уж близко виден "Донец" и вахтенный, с концом, стоящий на верхней площадке трапа...

— На фалах, фок и кливер долой, гроташкот втугую! — звонким, возбужденным голосом командует мичман и, катер, как вкопанный, останавливается у трапа. Командир остался очень доволен выполненным поручением и немедленно отправился в посольство лично доложить его Высокопревосходительству о дипломатическом успехе...

Страшнейшая паника в посольстве — еще бы, — создавался инцидент, чреватый последствиями и совершенно непредвиденный...

— Как посмотрит на это Даунинг-стрит? что скажет правительство Кайзера? как отнесутся к такому необъяснимому поступку командира наши союзники на Кэ д-Орсей?

Его Высокопревосходительство, бывший кавалерийский офицер, герой Русско-Турецкой войны и Георгиевский кавалер, очевидно, на дипломатическом поприще потерял не только "способность побеждать", но и правильно разбираться в обстановке, вместе с ним растерялся и весь его секретариат.

Командир, вместо одобрения, получил жесточайший "фитиль" и приказание выйти из положения, так чтобы и турок не обидеть, и свое достоинство сохранить. Немедленно уходите из Константинополя, на какой угодно срок, вызову, в случае надобности по радиотелеграфу, добавил разгневанный посол.

Вновь, все тот же, злосчастный подвахтенный офицер, был послан в Кавак, сообщить коменданту крепости, что, согласно полученному от Командующего флотом радио, "Донец" немедленно уходит в Черное море, почему и вопрос о салюте временно отпадает. Крепко ругал про себя дипломатов, раздосадованный мичман — они даже собственной тени боятся, думал он. Сильно досталось и дипломатическим "заячьим душам" и кают-компании. Многое припоминали им недовольные офицеры.

Комендант отказу очень удивился и, конечно, доволен не был.

На этот раз букет мичман не получил, а с заходом солнца "Донец" вышел из Босфора.

А. Черноморцев.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ"

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

"Вместо забот о привлечении свободно избранных представителей всего народа, к осуществлению законодательной власти и к контролю над действиями администрации, деятели ученых и учебных учреждений хорошо бы сделали, если бы позаботились о скором и святом исполнении своего высокого и ответственного учебного дела".

Ответ Великого Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА на записку 273-х ученых, помещенную в газете "РУСЬ", от 27 января 1905 г.

ПЕРВЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

25 июня 1831 года Отряд Военно-учебных заведений был выстроен на Дворцовой площадке по левую сторону Петергофского дворца. Отряд этот состоял из пяти батальонов: 1-й — Школа гвардейских подпрапорщиков, Пажеский корпус, Кондукторская рота и роты кадет Московского и Тульского корпусов, 2-й — Первый кадетский корпус, 3-й — 2-й кадетский корпус, 4-й — Павловский кадетский корпус, 5-й батальон — Дворянский Полк и дивизион артиллерии Михайловского артиллерийского училища при 4-х орудиях.

В 9 часов утра на парад прибыл Государь Император Николай Павлович, пропустил батальоны церемониальным маршем, поблагодарил за парад и объявил, что назначает Себя Шефом Первого Кадетского Корпуса.

28 июня Государь с Государыней присутствовали на Заре с церемонией. Подойдя к Гренадерской Роте Своего Корпуса, Он сказал фельдфебелю: "Кун, сделай перекличку Моей роте". Кун сделал ее без списка, наизусть, за что получил похвалу Государя: "Молодец, знаешь свое дело".

30 июня, на параде, Государь стал на правый фланг Первого корпуса и провел его церемониальным маршем мимо Государыни, отсалютовав Ей, по уставу. При этом, сказал: "Я директор Первого корпуса".

17 июля, объезжая лагеря, Государь подъехал к лагерю Первого корпуса, и сказал: "Покормите меня, мои артельщики". Похвалив суп, вызвал фельдфебеля Роты Его Величества и, шутя, сказал, чтобы он не выключал Его из списков Его роты, а то он, Государь, редко является.

25 июня текущего, 1956 года, исполнилось 125 лет со дня принятия Государем Императором Николаем I на себя Шефства над Первым Кадетским Корпусом. 17 февраля 1907 года, Государь Император Николай Александрович принял на Себя Шефство, приказав своей Роте Его Величества, носить на погонах накладные вензеля, своего первого Шефа Императора Николая I. Сообщил *А. Г.*

О ЗНАМЕННЫХ ГАЛЕРНЫХ ФЛАГАХ

Дополнение к заметке Анатолия Маркова в № 16 "Военной Были"

Император Петр Великий, реорганизовав Русскую армию по западному образцу, создал и наш Российский флот, который, под гордо развевающимся Петровским галерным флагом, покрыл себя неувядаемой славой в морских сражениях.

Впоследствии, этот Петровский галерный флаг был заменен Андреевским, под сенью которого, наши доблестные моряки вплели немало новых победных лавров, в своей дальнейшей боевой службе Царям и Отечеству. Наши доблестные полки, наша морская пехота, сражаясь рука об руку с моряками, громила врага земли нашей Российской, участвуя в абордажных схватках и дессантных операциях. В воспоминание этих славных побед, трем гвардейским полкам — птенцам гнезда Петрова, полкам лейб-гвардии Преображенскому, Семеновскому и Кексгольмскому были пожалованы Знаменные Галерные Флаги.

Полки лейб-гвардии Преображенский и Семеновский имели Знаменный Галерный Флаг современного образца — Андреевский, тогда как лейб-гвардии Кексгольмскому полку был пожалован Петровский Знаменный Галерный Флаг старого образца, Петровских времен (красный, прямоугольный плат, с косицами и врезанным на одну треть полотнища Андреевским Флагом в крыже). Во всех вышеназванных полках, третьи роты назывались галерными и имели катера и катерные команды, которым, в известных случаях, была присвоена морская (матросская) форма, с полковыми отличиями. Перед фронтом этих рот, выносились (в особых случаях) их Знаменные Галерные Флаги, которым отдавались те же почести, что и полковым знаменам.

Погонам командира 3-й роты, субалтернов и чинов катерной команды были присвоены накладные вензеля, по цвету прибора полка, с изображениями латинских перекрещенных букв: Петер Примус, положенных на якорь. С разрѣшения морского министра Адмирала Григоровича, лейб-гвардии Кексгольмский полк получил, помимо купленного на средства офицеров, из Морского Ведомства, роскошнѣ 18-весельный катер, украшенный красным деревом и бронзой, подарок Датского Короля — Государю Императору Николаю II. С объявлением мобилизации, этот катер был отведен в крепость Новогеоргиевск, где, при сдаче крепости, был сожжен.

Полковник *Е. Янковский.*

Обзор военной печати

О СБОРНИКЕ СУМСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Мне уже приходилось писать о прекрасных по содержанию и внешности выпусках "Суворовцев", задуманных в виде непериодического журнала, выходящего по мере накопления материала. Формула — очень интересная, но, чреватая опасностями в виде оскудения и измельчания тем, черпаемых в узком кругу жизни одного кадетского корпуса.

Сумцы задались иными целями, выпуская свой сборник как монографию, приуроченную к пятидесятилетию со дня основания корпуса (1900-1950).

Внешне книга издана превосходно и снабжена очень удачными и редкими портретами и фотографиями. Текст начинается с краткой истории родного корпуса. Отмечу маленькую историческую ошибку: корпус был открыт при гетмане в 1918 г. под названием Сумской Войсковой Бурсы и кончил свое существование не в начале, а в конце 1918 года, когда, действительно, генерал Саранчев увез оставшихся кадет, сначала в Киев, а потом в Одессу (см. "ВОЕННАЯ БЫЛЬ", № 5). Не могу не прибавить, что, спаситель знамени корпуса, Дмитрий Потемкин, живет сейчас в Бразилии, состоит членом нашего Объединения и работает там горным инженером.

За статьями исторического характера, идут отдельные воспоминания, стихи, анекдоты, мелкие заметки, списки кадет и персонала корпуса. Кстати, здесь опять маленькая, но... счастливая неточность. Павел Измайлов пишет о "Светлой Памяти" М. Парафа. Нет... Слава Богу, Параф живет в Шершеле, в Северной Африке и благополучно подходит к девяноста годам. Есть и воспоминания, недавно нас покинувшего для далекого Сан-Франциско, нашего дорогого друга, Линицкого.

Много сказано о генерале Андрее Михайловиче Саранчеве и это не просто формальная учтивость по отношению к памяти своего директора. Андрей Михайлович Саранчев был совершенно незаурядным человеком и одним из лучших педагогов в Главном Управлении Военно-Учебных Заведений. Одновременно, он был выдающимся военным историком, почитателем Наполеона и великим знатоком наполеоновских войн.

В общем, прекрасная, скромная и удивительно сердечная книга. Новый вклад в, кропотливо собираемую нами, "малую" историю, без которой не могут обойтись даже Ключевский и Платонов.

Что сказать об ее творце и редакторе, Сергее Кремер? Доблестный старый офицер-инвалид, годами собирал материал и издал эту книгу *исключительно* своими трудами и на свой счет. Так вот, "еще одно последнее сказанье", пока не догорела моя лампада: милый, старый Кремер, наш кадетский Пимен. Если эти строки принесут тебе хоть немного радости и удовлетворения, я буду знать, что не напрасно их писал.

Старый Кадет

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

№ 20

СЕНТЯБРЬ 1956 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 5 - й

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
К столетию со дня основания Гвардейских стрелков — полковник **В. Матвеев**	1
Памяти последнего Начальника Гвард. стрелковой дивизии — полковник **Х. Ауэ**	2
Давнее, повесть — **Г. Месняев** (продолжение)	6
Елисаветградское кавалерийское училище — (продолжен.) — полковник **Фурман**	6
Золотые дни — **Борис Арский**	10
«Новик» — **П. А. Варнек**	12
Мирная полковая жизнь — **Г. Танутров**	13
Георгий Дмитриевич Гребенщиков — **Е. Я.**	16
Создателю Былины о Микуле Буяновиче — **Н. М.**	17
Крест Виктории — **Владимир фон Рихтер**	18
Защита Зимнего Дворца — **О. фон Прюссинг**	19
Лампы — **В. Е. Милоданович**	21
Три недели в Туземной дивизии — **Л. Беляев**	22
Варшавская веонно-фехтовальная школа	23
Миниатюры прошлого — **Д. де Витт**	25
Хроника **«Военной Были»**	26
Обзор военной печати	27
Кадетская жизнь	28

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — ШЕСТЬ НОМЕРОВ во Франции и европейских странах — 1050 Франков с пересылкой. В странах заокеанских — 4 дол. 50 ц. В Германии — 12 мар.

Всю переписку и денежные переводы по «ВОЕННОЙ БЫЛИ» направлять по адресу Редакции: 61, *rue Chardon-Lagache, Paris* (16e). Tél.: MIR 72-55.

Для Франции и ее колоний можно переводить на Почтовый Счет: С. Р. 288-189 Париж, *A. Guerina.*

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16e). MIR. 72-55

5-й год издания № 20 СЕНТЯБРЬ 1956 г. Bimestriel. Prix — 180 fr.

К столетию со дня основания Гвардейских стрелков

Ровно сто лет тому назад, 27 марта 1856 года последовал Высочайший Приказ Императора Александра II о формировании гвардейских стрелковых батальонов.

Лейб-гвардии 1-й Стрелковый батальон был сформирован из частей 1-й гвардейской пехотной дивизии, а лейб-гвардии 2-й — из частей 2-й гвардейской пехотной дивизии и л.-гв. Волынского полка. Первыми командирами были назначены соответственно: фл. адьют. полковник граф Строганов и флиг. адьют. полковник князь Барятинский. Созданные целиком из частей гвардии, батальоны тотчас же получили все права и преимущества Старой Гвардии, а также и, заслуженные их предками, Георгиевские Знамена с надписью: "В воздаяние подвигов Российской Гвардии". Торжественная передача знамени Государем Императором, состоялась 11-го августа 1856 года, в Москве, куда гвардия была стянута на торжества коронования Государя Александра II. Полковые праздники обоих батальонов были назначены на день рождения их Державного Основателя Императора Александра II, 17 апреля, день поминовения Преподобных Отцов Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев.

17 апреля 1857 года, в день батальонных праздников, состоялся парад в Высочайшем присутствии, на котором 1-му батальону было даровано шефство Его Величества, 2-й же батальон должен был получить шефом Государыню Императрицу Марию Александровну. Царица готовилась быть матерью и пожелала, чтобы, в случае рождения сына, ребенок был бы назначен шефом 2-го батальона. 29-го апреля родился Великий Князь Сергей Александрович, который и явился первым шефом батальона.

В 1863 г. оба батальона принимали деятельное участие в усмирении польского мятежа. По окончании военных действий, батальоны вернулись на свою стоянку, в Царское Село, и на Высочайшем смотру заслужили благодарность Государя Императора.

В 1870 году оба батальона сформировали особую Гвардейскую стрелковую бригаду, и 14 августа 1877 года, выступили на театр военных действий, на Балканы. В боях под Правецем, Филипополем и Араб-Конаком, бригада покрыла себя неувядаемой славой и заработала отличия на головные уборы.

В 1906 году, в Высочайшем пристствии, батальоны праздновали 50-летие своего существования, а летом 1910 года, развернуты в полки двухбатальонного состава.

С началом первой мировой войны, бригада выступила на фронт и, уже 26 августа, имела удачный бой у д. Калашаны-Камень. 1-м полком была взята действующая батарея и несколько сот пленных, 2-й захватил 16 орудий, 2 пулемета и взял пленными 11 офицеров и 220 нижних чинов. Полк понес тяжелые потери и был убит командир полка.

20-21 сентября полки участвовали в неравном и кровопролитном бою под Опатовым. При отходе, 1-й полк, бывший в арьергарде, попал в полное окружение и, истекая кровью, должен был пробиваться штыками через кольцо немцев. Три знаменщика были убиты и знамя вынес из боя сам командир полка, полковник Левстрем. Потери полка — 7 убитых офицеров и 10 раненых. Стрелков осталось не более 200 человек. В дальнейших боях, летом 15 года, под Сенница-Рожаны, 2-й полк потерял 6 офицеров и около 700 стрелков. 28-30 августа, в бою под Мейшаголой, 1-й полк, понеся большие потери, спас 2-й от полного окружения. В этих и последующих боях, 2-й полк вновь потерял 11 офицеров и свыше 900 стрелков. Луцкий прорыв, кровавые бои на Стоходе, бои под Квадратным лесом, и на позициях по реке Збруч, завершили славную боевую историю доблестной бригады.

Многие офицеры обоих полков приняли участие в Белом Движении, на разных фронтах гражданской войны.

Наша летопись была бы не полна, если бы мы не упомянули о двух боевых командирах обоих полков, на долю которых выпало командование в самые тяжелые периоды войны: свиты Его Величества ген. майор Левстрем командовал 1-м полком с сентября 1914 г., до осени 1916 г., ген. майор Верцинский командовал Царскосельскими стрелками с февраля 1915 г. до осени 1916. Оба командира обладали решительно всеми качествами, необходимыми для боевого командира: сознание долга, неутомимость, беззаветная храбрость, полное знание военного дела и много гражданского мужества. Эти качества делали командиров незаменимыми. У офицеров, служивших под их командованием, навсегда сохранится добрая память о своих боевых командирах.

Да хранит Господь Бог доброе имя стрелков Его Величества и Царскосельских, ныне и навеки.

Полковник *В. Матвеев*

Памяти последнего Начальника Гвардейской Стрелковой дивизии

"Сам погибай — товарища выручай"

В городе Мельбурне, столице штата Виктории, в Австралии, 2 марта 1956 года, скончался последний Начальник Гвардейской Стрелковой дивизии генерал-майор барон Николай Иванович Штакельберг, кавалер Ордена Святого Георгия 4-й степени, Георгиевского оружия и английской медали "За храбрость".

Барон ушел в лучшую жизнь, на 86-м году жизни. Отец его, старый лейб-драгун, впоследствии командир кавалерийского полка и бригады, вышел генерал-майором в отставку, продал свое имение в Ямбургском уезде и стал гостить поочередно у своих пяти сыновей и двух дочерей. На мою долю выпало близко знать эту старую рыцарскую семью, так как старшая дочь лейб-драгуна была замужем за моим однополчанином и одним из лучших друзей.

Покойный Николай Иванович или, как все его звали в доброе старое время, Никси, был вторым ребенком в семье, блестяще, первым, окончил 3-ю Петербургскую гимназию, и, несмотря на противодействие отца, желавшего его видеть в статской службе, пошел во Владимирское военное училище, которое окончил старшим портупей - юнкером и вышел лейб-гвардии в Кексгольмский полк,в Варшаву. До командования ротой, был много лет полковым адъютантом, каковую должность сдал своему младшему брату Виле, окончившему со мной Первый кадетский корпус и Павловское военное училище. Остальные братья — Саша погиб славной смертью в конной атаке своего эскадрона на австрийцев, в начале первой мировой войны, Федор — последний командир Преображенского полка.

Первая мировая война застала Николая Штакельберга — командиром батальона в своем родном полку. При гибели полка под Сольдау, барон прорвался из окружения с двумя офицерами и сотней солдат своего батальона. Это маленькое ядро и послужило началом восстановления старого Петровского полка, и вскоре же Кексгольмцы снова участвовали в боях. В 1916 году полковник Штакельберг получил старый славный полк Кавказской армии, 80-й пехотный Кабардинский, но, увы, командование это принесло поначалу, ему много разочарований. Полк сильно пострадал в боях, от старого боевого кадра почти никого не осталось, пополнения приходили распропагандированными, и случаи "самострелов" в руки, были почти постоянны. Барон понял, что с этим злом можно бороться только непреклонными и суровыми мерами. Он отдал приказ по полку, что "самострельщики" будут предаваться полевому суду и, как непременное следствие этого, расстреливаться. По занятии позиций в окопах, на другой же день, полковой врач донес барону, что к нему явился солдат, раненый в руку, со всеми признаками "самострела". Полевой суд — приговор — к расстрелу. Оставалась санкция командира полка "утверждаю", и вот наш барон, как сам он мне это описывал уже здесь, человек совершенно исключительной доброты и мягкости, промучился целую ночь, шагая из угла в угол, борясь между велением сердца и долгом начальника. Долг победил, и роковое "утверждаю", было написано командиром на приговоре. На следующее утро, виновный был расстрелян перед строем полка. Впечатление было огромное и "болезнь" самострела остановилась, как по мановению ока. Вскоре, лейб-гвардии Кексгольмский полк с радостью приветствовал нового командира, своего старого сослуживца, барона Николая Ивановича Штакельберга, который был произведен 6-го декабря 1916 года в свой последний Императорский чин. После революции, на неоднократные представления его к производству, барон спокойно отвечал: "Только мой Император может жаловать меня чинами".

В сентябре 1917 года, покойный барон был назначен Начальником Гвардейской Стрелковой дивизии, оказавшись последним ее Начальником. Барон писал мне как, неописуемо тяжело, было смотреть на постепенное таяние этих, славных своей историей, полков гвардейских стрелков. Власть была почти вырвана из рук офицеров, авторитет начальника падал, дисциплина расшатывалась. Убедившись, что остановить начавшееся разложение невозможно, доблестный Начальник дивизии, решил спасать все, что еще возможно было спасти для лучшего будущего, в которое он твердо верил. Собрав командиров полков на секретное совещание, он приказал им отправлять понемногу старых офицеров и подпрапорщиков, в различные командировки, отпуска и т. п., с приказанием не возвращаться до специального вызова. Таким образом, находясь сам постоянно под ударами комитета и угрозами предания революционному суду, старый барон спас все оставшиеся кадры своей дивизии.

К февралю 18-го года, вся дивизия, под начальством Штакельберга, возвратилась на свои постоянные квартиры. Не такого возвращения мы ожидали, когда выходили на войну... Личный состав был отпущен по домам, а имущество сдано в Интендантство.

Так умерла и ушла в могилу, полная красивых страниц мирной и боевой жизни, Гвардейская Стрелковая дивизия, где я имел честь прослужить 16 лет.

Барон перебрался в Пятигорск, где был арестован и избег расстрела, благодаря заступничеству Председателя Революционного Трибунала, оказавшегося выгнанным, в свое время, за трусость из Кексгольмского полка прапорщиком. Тем не менее, он свободил своего бывшего полкового командира и дал ему возможность покинуть город. В армии генерала Деникина барон получил сводную Гвардейскую дивизию, с которой и не расставался до конца. После эвакуации белых армий, барон остался в России и в течение целого года, вместе с супругой, переодевшись в крестьянское платье, пробирался через всю Россию в

Варшаву, где протекла большая часть его жизни и службы. Вторая мировая война заставила его снова покинуть Варшаву и волна лихолетия донесла его до далекой Австралии, где он тихо и скончался.

Так ушел от нас в лучший мир покоя и тишины ИСТИННЫЙ СОЛДАТ, рыцарь без страха и упрека, жизнь и подвиги которого не должны остаться неотмеченными нашей военной историей.

Полковник *Х. А. Ауэ*

ДАВНЕЕ

(Продолжение)

Стояли дни ранней осени, когда Сережа явился в полк. Золотом и пурпуром полыхали липы, каштаны и клены, окаймлявшие тихие городские улицы и наполнявшие городской сад, в котором по вечерам еще играл полковой оркестр и уездная публика медленно прогуливалась по тесным и пыльным аллеям.

Бодрая осенняя свежесть как-то полно соответствовала душевной ясности и бодрости, которые испытывал Сережа на первых порах своей новой жизни.

Было необыкновенно приятно, ранним утром, когда легкий туман, медленно гонимый лениво просыпающимся солнцем, чуть заволакивал учебный плац, — слышать, подходя к нему, звонкие и веселые слова команд, короткие, как выстрелы, солдатские ответы на командирские приветствия; видеть шеренги, легко и отчетливо делающие нужные построения и линию штыков, иногда, внезапно, при каком-нибудь повороте, загорающихся острым солнечным блеском.

В полку Сережа, что называется, пришелся ко двору. Его ротный командир, хмурый, молчаливый неудачник, и в личной, и в служебной жизни, капитан Казанский — долго и придирчиво присматривался к нему, и, хотя и нашел, что Сережа, в известной степени, "маменькин сынок", но, оценив его как строевика и гимнаста, — стал относиться к нему с явной симпатией. Понравился он своей молодой доверчивостью и простодушием и батальонному командиру, добродушному толстяку Скворцову, и, когда, в обеденное время, они встречались в собрании, Скворцов, видя Сережу, неизменно кричал ему со своего места:

— Ну, что, прапорщик (всех молодых офицеров он называл прапорщиками), будем-ли водку пить?"

В те дни, совсем еще юный, Сережа, вовсе неискушенный жизнью, — искренне верил в общее людское к нему расположение, да и ощущал его интуитивно.

И, когда он появлялся в своем взводе, а ловкий, подвижной и услужливый взводный Шошин, из некрупных московских купчиков, преувеличенно радостно отвечал на его приветствие, — ему казалось, что здесь, в седьмой роте, все его любят, все любуются его выправкой, щеголеватостью, блистающими лаком сапогами и белым околышем, оттеняющим пробивающиеся усы.

К жизни тогда, и к людям относился он доверчиво, не замечая теневых сторон уездной жизни, и она не только не показалась ему скучной, монотонной и лишенной интереса, а, наоборот, пришлась ему по сердцу своей уютной семейственностью, патриархальностью и простотой.

Еще в училище, наслышался он о безысходной скуке глухих гарнизонов, о хроническом пьянстве, карточной игре и дешевом разгуле, в них царящих. Читал он и купринский "Поединок". К глубокому своему изумлению и радостному разочарованию, он убедился в том, что его полк и его полковые товарищи, вовсе непохожи на то, что было описано Куприным. В полку он не нашел не только следов распущенности, одичания и духовного упадка, а, наоборот, его поразил дух деловитости, подтянутости и рвения, который отличал русскую армию накануне войны, и делал ее подобной упругой пружине или натянутой тетиве, готовой спустить разящую стрелу.

Конечно, тем, кто годами жил в уездной глуши, трудно было находить прелесть в однообразии, монотонности и неизменности уездной жизни, но для Сережи все в ней было полно прелести новизны и самого живого интереса.

Он делал визиты полковым товарищам, подносил букеты и конфеты именинницам, танцовал в офицерском собрании, ездил на охоту, бывал в соседних помещичьих усадьбах, а иногда и кутил в беззаботном обществе подпоручиков и поручиков.

Особенно хорош стал город с наступлением зимы. Он как бы зарылся в глубокие сугробы, задымил жарко растопленными печами и предался сонному очарованию зимних вечеров, когда восток заливал морозный огненный закат, когда по улицам мягко звенели бубенцы извозчиков, а густые звоны церковных колоколов задумчиво гудели в тишине оснеженного города.

В уютных одноэтажных домиках, окруженных забитыми снегом садами, с крылечками с козырьками, со старомодными ручками звонков и блестящими начищенной медью дощечками с фамилиями владельцев, на зеленых ломберных столах, раскрытых для преферанса, или винта, зажигались свечи, грустно звучали струны роялей, играющих шопеновские вальсы, романсы Чайковского и Грига; паром туманились нарядные никелированные тульские самовары, с чайниками под вышитыми петухами, вокруг которых собирались: отцы с газетами, раздобревшие, вальяжные уездные матери, стриженные гимназисты и гимназистки с пушистыми косами.

В городском саду, на расчищенной площадке, по бортам которой высился крутой вал рыхлаго, пушистого снега, с зелеными елочками, в него воткнутыми, — был каток. Два раза в неделю полковой оркестр играл попурри из "Травиаты" и вальсы: "Осен-

ний сон" и "На сопках Манджурии", а местные гимназисты и гимназистки, и приехавшие на каникулы студенты, юнкера и кадеты, — соревновались в ловкости и изяществе на прозрачно-зеленой поверхности сияющего льда.

Еще с кадетских дней, Сережа был страстным и искусным конькобежцем. Он испытывал самое острое наслаждение, когда, с невероятной, подобной полету птицы, легкостью, скользил по льду на своих норвежских коньках, наклоняясь отвесно, под острым углом, над ледяной гладью, отражавшей его ловкую фигуру.

Здесь же, на катке, в синих сумерках морозного вечера, — он был представлен Оле Островской, только что кончившей гимназистке, дочери местного нотариуса. Позже, крепко и уверенно ведя ее за талию, он учил ее высшим тайнам конькобежного искусства.

Она сразу понравилась ему яркостью красок своего лица, родинкой на щеке, завитками темных русых волос, вившихся из под ее меховой шапочки, горбинкой ее маленького, изящно вырезанного, немного вздернутого и задорного носа, а, главное смелостью и независимостью своих, иногда наивных и капризных, суждений.

Отец ее, крайний либерал, искренне ненавидевший царский строй и мечтавший о перевороте, несмотря на то, что он преуспевал в своих делах, и слыл за одного из наиболее состоятельных обитателей города, очень не одобрял знакомства своей дочери с офицером, коих он глубоко презирал, считал людьми какой-то особой, низшей породы и называл их не иначе, как "опричниками".

Оля, в известной мере, но далеко не с такой убежденностью, разделявшая предубеждения отца, через некоторое время, настояла на том, что Сережа стал бывать в их доме, а вскоре и сам Островский смягчился, почувствовав явную симпатию к хорошо воспитанному, скромному и корректному молодому человеку, коим был Сережа.

— Папа! Опричник пришел, — обычно весело кричала ему Оля, встречая в передней Сережу, передававшего нарядной горничной свою шинель и вешавшего на вешалку свою шашку (сабля уже надоела, была неудобна).

— Ну, зови его сюда. Будем водку пить, — говорил Островский, откладывая в сторону книжку "Русского Богатства", в которой, в негодующей статье, Короленко нагромождал случаи офицерских безчинств.

— Вот, полюбуйтесь! — кипятился нотариус и его брюшко колыхалось от возмущения. — В Киеве какой-то офицерик у стойки, снес студенту половину черепа... Ну, разве можно жить в стране, где военщина может делать, что хочет. Разве можно жить в стране, где, в любой момент, к вам могут ворваться жандармы?

И хотя ни разу в жизни ему не приходилось сталкиваться с офицерскими безчинствами, а, наоборот, все встречавшиеся ему офицеры были воспитанные и милые люди; хотя никогда ни к нему, ни к его близким и знакомым никто "не врывался" — он был глубоко и искренне убежден, что Россия задыхается в тисках самодержавия и гибнет от насилия и произвола правительства.

Порой он говорил об этом так убедительно и приводил такие убедительные факты, что Сереже, неумелю старавшемуся оспаривать утверждения Островского, начинало казаться, что последний в чем то, может быть, и прав. Однако, стоило ему вспомнить корпус, училище, полковое знамя, как это легкое навождение рассеивалось, и он чувствовал, что прав не либеральный нотариус, а его батальонный командир Скворцов, который, как-то, слушая рассуждения поручика Соболева, слывшего за либерала, о программах политических партий, сердито сказал: — "Какие там программы? Для нас — солдат, единственная политическая программа — п р и с я г а. Вот наша программа".

Эти слова Скворцова как-то сразу объяснили Сереже многое, и, в дальнейшем, они не раз помогали ему преодолевать многие политические искушения.

Общая Сережина отсталость в политике, в литературе, поэзии и во много другом, что было тогда в моде, нередко возмущали Олю

— Папа, представь себе: опричник не знает, кто такой Брюсов и не читал "Огненного Ангела"... — А Игоря Северянина вы читали? — вызывающе спрашивала она Сережу, который только добродушно посмеивался ее возмущению.

— Надо, как-нибудь, прочесть эти декадентов, — иногда думал он. Однако, это намерение оставалось так же невыполненным, как намерение узнать, в чем заключается сущность социализма и какая разница между эс-эрами и эс-деками. Он, попрежнему, продолжал читать только "Разведчика", "Ниву" и "Исторический Вестник", которые, не очень часто, брал в библиотеке собрания.

За то Оля, особенно после того, как она вместе с отцом, побывала в Москве, была в Художественном театре и слышала Шаляпина, — всячески стремилась быть в курсе всего самого нового и самого модного.

Однако, в тайне, она предпочитала стихи Апухтина непонятным стихам Брюсова и Сологуба, а "Дворянское гнездо" и "Анну Каренину" — "Огненному Ангелу" и сологубовскому "Мелкому Бесу". Впрочем, с ощущением тайного стыда, она признавалась себе в том, что новая литература влекла ее к себе, будя в ней какие-то темные и заманчиво-стыдные чувства.

Это не мешало ей, проливать слезы над картинами тогдашнего немого, очень несовершенного и чувствительного, кино: "Молчи, грусть, молчи", "Тайна королевы" и другие, в которых подвизались кумиры тогдашней молодежи: Вера Холодная, Мозжухин, Полонский и другие. После легкой грусти, навеянной такими картинами, воображая себя только что виденной романтической героиней, Оля очень любила возвращаться домой по тихим, залитым луной, улицам, и долго стоять у калитки, прощаясь с провожающим.

Сережа нравился Оле своей простотой, естественностью и жизнерадостностью. С ним ей было легко

и весело говорить о всяких пустяках, кататься на коньках и танцевать. Но в нем не было ничего загадочного и влекущего, что угадывалось ею, например, у красивого и наглого студента Соколовича, с которым она побаивалась оставаться наедине.

С необыкновенной беззаботностью, широтой и весельем, праздновалась в тот год масленица. Богатеющая, благополучная, спокойная и сытая русская провинция, как бы чувствуя грядущие беды, — стремилась вдоволь повеселиться и потешить себя.

Колониальные лавки, в которых перед большими образами пылали красные лампады, и в которых пахло сушеными грибами, изюмом, рыбой и пряниками — были полны покупателями. Благообразные, в чистых фартуках, услужливые молодцы-приказчики, под внимательным взором строгого хозяина, сидящего за конторкой, — не успевали укладывать в рогожные кульки коробки икры, сардин и килек, плетеные коробки копчушек, винные бутылки в соломенных чехлах, балыки и многое другое. В каждом доме стоял блинный чад, звякали ножи и вилки, звенели рюмки и потели, остуженные на морозе, водочные графинчики.

Сережа наслаждался всей этой веселой масленичной суматохой: блинами, катаньями, вечеринками танцами.

Как раз в это время, он получил письмо от матери, очень поднявшее его настроение. "Так жаль, — писала ему мать своим бисерным почерком — что ты не мог приехать на Любочкину свадьбу. Под венцом она была очень мила и Ваничка тоже. У него, конечно, за душой, копейки нет: все заложено, перезаложено. Продал рощу у Новоселок и покатили в Крым. Молодцы, не унывают..." — "Так и надо, зачем унывать, когда все так ладно", — думал бодро Сережа, вспоминая строки материнского письма и прихорашиваясь перед зеркалом, перед отправлением на блины к Островским.

Был последний день масленицы и все были уже несколько утомлены и пресыщены. У Островских, дом которых слыл в городе за аристократический, собралось много народа: было не мало молодежи, был и Соколович, стройный и томный в своем щеголеватом студенческом сюртуке с синим, преувеличенно высоким воротником. Сережа, знал неприязнь Соколовича к себе, как из-за своих офицерских погон, так и потому, что его выделяла Оля.

Соколович умел и любил говорить. Окруженный гимназистками, он сидел небрежно и манерно развалившись, и часто поправляя прядь иссиня - черных волос, падавших картинно на его красивый, бледный лоб. До Сережи, стоявшего у рояля и перебиравшего разбросанные на нем ноты, доносились отдельные слова и взрывы смеха, их сопровождавшие.

Случилось так, что на самое короткое мгновение в гостиной наступила тишина. Оля прекратила играть, все замолчали, и в этот случайный миг на всю гостиную раздались, заключительные слова последней фразы Соколовича: — "...вместе с его подлой офицерской сворой..."

Все поняли, что произошло нечто очень неловкое и непоправимое, и все невольно оглянулись на Сережу.

Он знал, что сейчас он должен сделать что-то решительное, хотя и не знал, что именно; чувствовал, что все ждут от него чего то необычайного и страшного; злобная радость возбуждала его. В руке у него чуть дрожали свернутые в трубку, какие-то ноты. Он шагнул по направлению к Соколовичу, вскочившему со своего места. Оля преградила ему путь. Она стояла перед ним умоляющая, робко притрагиваясь рукой к золотой пуговице его виц-мундира.

— Сергей Алексеевич. Ради Бога... Прошу вас...

Сережа взглянул на нее невидящим взглядом, мгновение промедлил и, быстрым шагом, подойдя вплотную к бледному Соколовичу, поднял руку, и трубкой нот хлеснул его по лицу:

— Я к вашим услугам, милостивый государь! — сказал он готовой фразой, много раз читанной им в разных романах. В звенящей тишине, поклонившись Оле, он вышел в переднюю и дрожащими руками стал застегивать тугие петли своей офицерской шинели.

После этого он ни разу не бывал в доме Островских.

Ранним майским утром, Сережа возвращался домой после дежурства по полку. Ремни походного снаряжения чуть слышно поскрипывали, ловко обтягивая его фигуру. Он шел мимо усадьбы Островских. Большой сад, спускавшийся к реке, еще дышал ночной свежестью; в глубине недавно зазеленевшей липовой аллеи — протяжно куковала кукушка. Дом еще спал, ворота были закрыты и только дворник мел улицу, подымая пыль.

Каждый раз, когда Сережа проходил мимо этого дома, он неизменно вспоминал Олю, ее глаза, ее улыбку. И сейчас, не успел он подумать об этом, как над его головой звякнуло открываемое окно.

— Сергей Алексеевич!.. Опричник!..

Над ним, на высоте первого этажа, из окна, смотрело еще неотошедшее от сна, раскрасневшееся лицо Оли, с припухлыми, сонными глазами. Волосы ее были распущены; она куталась в ночной халатик.

— А я вас поджидала, знала, что вы дежурный... Довольно сердиться, — сказала она, опуская ему свою руку для пожатия. Окно было довольно высоко, и Сереже пришлось стать на носки, для того, чтобы дотянуться губами до ее пальцев. Он, чего раньше не позволял себ, поцеловал их с нежностью, его самого удивившей.

— Ну, зачем вы так? – сказала она смущенно. — Не сердитесь больше. Приходите же.

— Я совсем не сержусь, — ответил в смущении Сережа, — но пока прити не могу, — мы уходим в лагери.

Домой он шел счастливо, чему-то, улыбаясь.

Ощущение тонкой и нежной ласки не оставляло его в течении долгих дней лагерной жизни. Сережа был очень занят. Казанский почти все время болел, и фактически рота оставалась на его юном попечении. Полевые занятия, стрельба, маневры, мелочи ротной

жизни, — почти не оставляли ему свободного времени. Он ни разу не мог вырваться в город.

Возвращался он в свой лагерный барак, стоявший на высоком речном берегу, поздно вечером, и, посидев немного, с папиросой, на пороге, и поглядев на зажигающиеся за рекой костры, и на огни проходящего пароходика, — он засыпал до другого дня, крепким сном здорового, утомленного трудом человека. Он загорел, возмужал, немного огрубел и властные нотки человека, научившегося приказывать, стали слышаться в его голосе.

Наконец, ему удалось вырваться в город. Чисто выбритый, в крахмальных манжетах и воротничке, от коих он успел отвыкнуть, загорелый до черноты, свежий и бодрый — он, через боковую калитку вошел в сад Островских.

На просторной терасе, густо увитой диким виноградом, в качалке, Оля читала гамсуновского "Пана". Почему-то лейтенант Глан, чаровавший ее своей лесной свежестью, силой и суровой мужественностью, как то незаметно, сливался в ее воображении с Сережей, от которого, как от Глана, казалось ей, должно было веять степными и лесными запахами, запахом сожженных солнцем трав и степной пылью. Услышав шаги, она оторвалась от книги и увидела Сережу.

— Неужто вы? — радостно встрепенулась она. — Папа, папа! — по старой привычке крикнула она вглубь дома, — опричник пришел, опричник здесь! Боже мой, Боже мой, как хорошо! — радостно говорила она, ведя его за собой к скамейке на обрыве реки.

Заходящее солнце золотило широкую ленту реки, противоположный, пологий ее берег туманился в вечерней дымке, теряясь в голубой дали.

Все кругом дышало миром, радостью, покоем и счастьем, незримо разлитое в розовых отсветах уходящего солнца, золотящих привольную русскую реку и широкую равнину, лежащую за ней.

Сережа чувствовал, что он не сможет удержать в себе той радостной нежности, которую носило его сердце, со времени их последней встречи. Он, идя к Островским, меньше всего готовился к каким-либо романтическим объяснениям. Но, увидя Олю и почувствовав ее радость, понял, что сейчас, здесь, на садовой скамейке, должно произойти нечто, что в корне перевернет его жизнь.

Молча он взял руку Оли.

— Ольга Васильевна, Оля... — взволнованно начал он, чувствуя, что она ждет его слов и их желает. Но, договорить их ему не удалось.

Торопливо приближались чьи-то шаги. Горничная Маша, бежала и кричала издалека:

— Сергей Алексеевич, Сергей Алексеевич, какой-то солдат вас спрашивает... не хочет ждать, говорит важно очень...

— Ваше благородие, — доложил связист, посланный батальонным, — Их высокоблагородие, полковник Скворцов, немедленно требуют вас в роту...

В это время, размахивая газетой, на террасе появился взволнованный Островский.

— Мобилизация... Война... — кричал он и лицо его отражало ту растерянность и недоумение, которое охватывает человека, чувствующего, что на него надвигается нечто страшное и неотвратимое.

Г. Месняев

(Продолжение следует)

Елисаветградское Кавалерийское училище

(Продолжение)

Начальником Училища был, в мое время, Генерального Штаба полковник Александр Иванович Литвинов, сменивший полковника Ген. Штаба Владимира Викторовича Сахарова, впоследствии Командира 38 Драг. Владимирского полка, а в Великую войну Главнокомандующего Румынским фронтом.

Сухой, неприветливый, надменный полковник Литвинов, повидимому, весьма мало интересовался вверенным ему Училищем и смотрел на него просто как на очередную ступень в служебной лестнице офицера Генерального Штаба. Видели мы его очень редко и мало. Иногда появлялся, невзначай, в манеже, во время сменной езды юнкеров, и, постояв немного, очень скоро уходил, сделав несколько мало значущих и не серьезных замечаний по адресу некоторых, имевших несчастье попасться ему на глаза, ездоков. К довершению всего, Начальник Училища сам слабо ездил, а этого наши юнкера, особенно начальствующим, прощать не умели. Читал он у нас некоторые отделы фортификации и носил почему-то кличку "эбонита".

Старшим, после Начальника Училища, был полковник Ген. Штаба Барон фон ден Бринкен. Он читал у нас топографию. Это был резкий, вспыльчивый и грубый человек, которого юнкера не любили и боялись. Предмет свой он знал отлично и написал недурной учебник топографии, но его надменная, высокая фигура, холодные глаза, смотревшие на юнкеров както свысока и видевшие в них не будущих офицеров, а каких-то парий, и, во всяком случае, существа низшей, по сравнению с ним, породы людей, возбуждали по отношению к нему трудно скрываемую неприязнь, почти ненависть, сдерживаемую лишь суровыми велениями воинской дисциплины.

Не могу забыть случая, когда, уже в лагере, незадолго до производства, полковник барон Бринкен, заменявший отсутствующего начальника Училища, перед фронтом дивизиона юнкеров, лишил унтер-офицер-

ского звания, взводного портупей-юнкера Кречунеско за то, что последний, находясь на маршрутной съемке, и выпив лишний стакан вина, нечаянно выпустил лошадь, которая прибежала в лагерь без седока. Все мы сознавали, что Кречунеско был виноват, но такой способ наказания юнкера старшого курса, отличного поведения, накануне окончания училища, представлялся нам взысканием чрезмерным и не отвечающим степени его вины.

Следующим был полковник Генерального Штаба Зандер, преподававший у нас тактику. Это был спокойный, вполне доброжелательный и справедливый человек, относившийся к нам беспристрастно и ровно, и пользовавшийся у всех симпатиями и уважением.

Военную администрацию читал Ген. Шт. капитан Мачуговский, впоследствии командовавший 8 пехотным Эстляндским полком, а в период Великой войны бывший Начальником Штаба 15 Арм. Корпуса, трагически погибшего в составе армии генерала Самсонова, в боях под Сольдау. Юнкера искренне любили этого спокойного, доброго, сердечного офицера-преподавателя и охранили о нем самое лучшее воспоминание.

Фортификацию преподавал военный инж. капитан Савченко-Бельский, о котором ни хорошего, ни плохого сказать не могу. В памяти юнкеров он никакого следа не оставил. Артиллерию преподавал 14-ой конно-арт. батареи шт.-капитан Николай Николаевич Лишин, впоследствии инспектор классов, а затем и начальник нашего Училища. За всю свою продолжительную службу я не встречал человека более высоких нравственных качеств, более порядочного и благородного. Это был, в полном смысле слова, офицер, джентельмен, рыцарь и барин, отечески относившийся к юнкерам, воспитывавший в них людей долга и чести, и готовый, каждую минуту, защитить нас от несправедливых и часто напрасных нападок злобного Абалдуя.

"И всяк из нас, по крайней мере,
С собой сознаье унесет,
Что в этом славном офицере,
Душа прекрасная живет".

Так охарактеризовала Звериада этого достойнейшего офицера. Он никогда не возвышал голоса, но его твердый, решительный тон, умные, проницательные глаза, делали невозможным сказать ему неправду, вывернуться, словчиться.

Иппологию читал у нас магистр ветеринарных наук,, Статский Советник, фамилию которого, к сожалению, не помню. Носил он у нас кличку "копыто", с ударение почему-то на последнем слоге. Читал он скучно, монотонно и неинтересно. Юнкера невольно засыпали под его равномерный, однообразный и бесстрастный говор. Предшественником его был в нашем Училище талантливый и известный магистр Петерсон, преподававший затем иппологию в Офицерской Кав. Школе. Я, к сожалению, его уже не застал, но слыхал о нем много хорошего, что еще больше подчеркивало убожество нашего "копыта". — Единственной, впрочем, положительной стороной его преподавания, была практическая ковка. За весьма небольшим исключением, юнкера умели недурно расчистить и правильно подковать лошадь, не забив гвоздя в мясо, не срезав чрезмерно стрелку и заделав как полагается барашки, т. е. правильно загнув и утопив в роговом слое копыта концы гвоздей, зачистив их затем рашпилем.

* *
*

Из сменных офицеров 1-го эскадрона следует указать на шт.-ротм. 12-го Драг. Мариупольского полка Янова. Он командовал 1-м взводом. Худой, высокий, с огромным носом, несколько грубоватый, он в сущности, был очень доброжелательным и симпатичным человеком. Юнкера его любили. Бывая дежурным по Училищу, и приходя в столовую, перед обедом и ужином, он обязательно по-очередно здоровался с эскадронами, чего другие сменные офицеры никогда не делали. На его громкое приветствие: — "Здравствуйте, господа", — эскадрон наш лихо отвечал: — "Здравия желаем ваше благородие", — но один из юнкеров, большой весельчак, хохотун и озорник Ахтырец Рогаля-Левицкий, непременно, умышленно произносил "Ваше высокоблагородие", что удлиняя количество слов, затягивало фразу и нарушало стройность ответа. Это выводило Янова из себя. Он заставлял нас повторять ответ на приветствие и кричал: — "Безобразие, не умеете отвечать как следует". Зная эту проделку Рогали, мы едва сдерживали улыбку. И на всяком дежурстве Янова, история неизменно повторялась.

2-м взводом, нашего 2-го эскадрона, командовал 22-го драг. Астраханского полка шт.-ротм. Степанцов, невозмутимый, спокойный и прекрасный строевой офицер.

3-м командовал милый и добрый барон Павел Александрович Будберг, 46-го драг. Переяславского полка. Как сейчас вижу его добрые, серые глаза, большие усы и благородную осанку. Он был моим сменным офицером и я никогда не забуду той услуги, которую он мне оказал, отстояв меня перед Командиром эскадрона, настаивавщем на моем отчислении от Училища за то, что я, находясь на конном учении, в строю, по какой-то причине, слегка улыбнулся и имел несчастье в эту минуту попасться на глаза Адабашу. Только благодаря заступничеству барона Будберга, дело окончилось трехдневным арестом с исполнением служебных обязанностей, и пребыванием в течении 2-х месяцев в 3-м разряде по поведению.

И как тяжело было мне через несколько лет, уже будучи офицером, узнать о преждевременной смерти этого прекрасного человека и офицера, явившейся последствием тяжелой болезни.

Мир праху твоему, дорогой, хороший и справедливый начальник.

4-м взводом командовал 22-го драг. Астраханского полка шт.-ротм. Фосс, ранее кирасир Его Величества, а впоследствии доблестный командир славного

46-го драг. Переяславского полка. Благородный, справедливый и великодушный — он пользовался уважением и любовью всех юнкеров.

Наконец, 5-м взводом, существовавшим только для внутреннего, а не строевого расчета, командовал 36-го драг. Ахтырского полка, шт.-ротм. Лисаневич, которому был подчинен также и хор трубачей юнкеров. Лисаневич не пользовался любовью юнкеров. Его считали начальником неискренним и лукавым.

Кстати, о трубачах. Штатного оркестра в Училище не было, но из юнкеров; любителей музыки и знакомых с нею еще до поступления в Училище, составлялся всегда, очень недурной, — хор трубачей. Капельмейстером был большой мастер своего дела, чех Койзер, занимавший должность капельмейстера в 21-м драг. Белорусском полку, стоявшем, в то время, в Елизаветграде. Впоследствии, служа в Варшавском военном округе, я встречал Койзера, уже капельмейстером Л.-Гв. Гродненского гус. полка. Он был очень требователен и строг, и наши трубачи его порядком побаивались. Попасть в трубачи стремились многие, и не столько из любви к музыке, сколько из-за тех привилегий, которыми они пользовались. Главнейшей же привилегией было право пользоваться городским отпуском не один раз в неделю, как все, а два раза, по средам и субботам. Попытал счастье попасть в трубачи и я. Для этого нужно было прежде всего явиться шт.-ротм. Лисаневичу и доложить о своем желании. Выслушав меня шт.-ротм. Лисаневич приказал мне явиться на ближайшую сыгровку и представиться капельмейстеру Койзеру. Скажу откровенно, я переживал довольно неприятные минуты, когда Койзер, увидав мою внушительную и плотную фигуру, и решив поэтому, что из меня выйдет хороший трубач для игры на геликоне, приказал мне одеть на себя эту огромную медную трубу и сыграть гамму. Не знаю, почему именно, от волнения, или от излишнего усердия, но когда я дико заревел на своем геликоне, Койзер пришел в необычайную ярость и, замахав руками, приказал мне немедленно уйти из музыкальной комнаты и никогда больше туда не являться. Присутствовавший при "пробе" шт.-ротм. Лисаневич молча, ехидно улыбнулся в свои пушистые, рыжие усы. Так ничем и окончилась моя попытка стать трубачем и пользоваться лишним днем отпуска. Симпатичный и славный штаб-трубач, юнкер 30-го драг. Ингерманландского полка, Белевцов, всячески уговаривал меня возобновить свою попытку, обещая походатайствовать перед Койзером о зачислении меня в трубачи, для игры на турецком барабане, но я от этой вторичной попытки воздержался.

Сменными офицерами 1-го эскадрона были: 25-го драг. Казанского полка шт.-ротм. Вестфален, впоследствии офицер Генерального Штаба и доблестный командир Митавских гусар, павший в Великую войну смертью храбрых, в конной атаке, во главе своего полка. Вторым взводом, если не ошибаюсь, командовал 20-го драг. Ольвиопольского полка шт.-ротм. Переяславцев, отважный и смелый офицер, прославившийся следующим. Приблизительно в 5-ти верстах от Елизаветграда, в направлении на станцию Бирзулу, находится железнодорожный мост через реку Ингул, не особенно длинный, примерно в 50 сажен, но на страшной высоте, так что если смотреть сверху вниз, на расположенную под мостом деревню Лелоковку, то домики кажутся игрушечными, а люди маленькими, копошащимися существами. Деревня Лелоковка окраиной примыкала к юнкерскому лагерю и потому хорошо известна всем Елизаветским юнкерам.

Так вот, как-то летом, находясь на съемках с юнкерами своего взвода, у описанного выше моста, шт.-ротм. Переяславец, знаменитый гимнаст и вольтижер, подтянувшись на мускулах на нижнем крае стальной фермы моста и повиснув на руках над страшной пропастью, неожиданно, к ужасу всех присутствовавших юнкеров, стал медленно, перебирая руками, передвигаться по ферме на другу сторону моста, что ему и удалось благополучно выполнить. Имя его стало с тех пор известным почти всей русской коннице.

И стоило уже впоследствии, через несколько лет после описанного случая, спросить кого-нибудь из Иркутских гусар, на сформирование которых ротмистр Переяславцев, в свое время, привел эскадрон Ольвиопольского полка, как поживает их лихой однополчанин, как вам с гордостью отвечали: "Слава Богу, хорошо", и тут же спрашивали вас, известен ли вам описанный выше подвиг ротм. Переяславцева.

3-м взводом 1-го эскадрона командовал 43 драг. Тверского полка шт.-ротм. князь Эристов, добродушный и добрейший толстяк, носивший у юнкеров кличку "Сандро", с трудом садившийся на лошадь, очень снисходительный, но крикливый и беспокойный. Его однополчанин шт.-ротм. Попов, также очень толстый офицер маленького роста, отличался от кн. Эристова тем, что очень хорошо и красиво ездил. Характера он был очень спокойного, ровного и невозмутимого. Юнкера его очень любили.

ЕЗДА

Совершенно естественно, что в кавалерийском училище на езду обращалось главнейшее внимание. Выпускаемые юнкера, становясь офицерами, являлись учителями и инструкторами нижних чинов, воспитывая и подготовляя их к службе на коне, управлять которым было искусством трудным и не всякому дававшимся. Хорошие ездоки ценились и им не редко прощались грехи по учебной части. Плохо ездившие юнкера не только испытывали на себе гнет начальства, но и нескончаемые насмешки товарищей, а это было, пожалуй, похуже. Можно было не преуспевать в географии, немецком языке, даже по уставам, но, если такой неудачник хорошо ездил, ему многое прощалось и он смело мог расчитывать не только на переход в старший класс, но и стать нашивочным и окончить Училище по 1-му разряду.

Позором считалось поздно получить шпоры и совершенным несчастьем для кавалерийского юнкера было быть выпущенным, за плохую езду, в пехоту. Надо сказать, что случаи подобного рода в нашем Училище были весьма редки.

В начале учебного года, т. е. в конце августа и сентябре, пока стояла хорошая погода, сменная езда производилась на учебном плацу перед зданием Училища. Только что поступившие юнкера младшего класса, "звери", ездили обыкновенно недели две на сложенных вчетверо попонах, а затем уже на английских седлах, на уздечках, и, конечно, без стремян. В первые дни и даже недели езда "зверей" представляла собою довольно любопытное, а иногда и не лишенное комизма, зрелище. Особенно это наблюдалось в сменах, где процент слабых ездоков, мало прослуживших в полках до поступления в Училище, преобладал. Юнкера не держали дистанцию, мешали другим, наезжая на впереди едущих. Слабо управляемые кони, точно чувствуя на себе неопытных и слабых ездоков, носились по манежу, "козлили", отчего сидевшие на "честном слове", закапывали редьку. Выбившийся из сил, сменный офицер ругался, кричал и щелкал бичем, пугая этим еще больше лошадей и седоков.

Звериада наша так рисует сменную езду "зверей", под командой сменного офицера шт.-ротм. Лысякова:

"Лысяков, чтоб не убили,
Сел на ближний из дубов,
И покрыт клубами пыли,
Учит смену юнкеров.
Первым номером на Зое
Едет Писенко. За ним
Олиферов на Застое,
И Белевцев с Чуксиным.
Дальше тянется Корнилов,
Безучастен он к езде
И пыхтит толстяк Калинов
На заморенном коне.
Тощий лубенец Негрескул,
Вцившись в гриву Бунчука,
Балансирует и мучит
Горбоносого донца..."

Но к концу октября звери постепенно усаживались в седло, у них вырабатывался "шлюз" и уже в зимнем манеже смены ездили вполне прилично. Большинство к Рождеству уже получали шпоры и "болтающиеся" представляли собою редкое исключение.

Лучшим ездоком в нашем эскадроне считался 24-го драг. Лубенского полка юнкер Иванов. Высокий, статный, отлично сложенный брюнет; он ездил не только красиво, но, что особенно ценилось, при езде не допускал никаких отступлений от требований устава. Его любимой лошадью была необыкновенно нервная и тряская кобыла "Вишневка", справиться с которой мог далеко не всякий. За Ивановым, по качеству и красоте езды, стоял 36-го драг. Ахтырского полка юнкер Лерма. Это был также отличный ездок, но имевший недостаток. Он ездил "циркулями", т. е. несколько широко разставив шенкеля. В 1-м эскадроне отличными ездоками были: 27 драг. Киевского полка юнкер Белокопытов и 28 драг. Новгородского полка юнкер Строха. Помню, что при окончании Училища, первые три были соискателями на самую почетную награду, выдававшуюся лучшему ездоку Училища, шашку. Награда эта досталась по справедливости Иванову, хотя Лерма и Белокопытов также показали себя великолепными ездоками. Особенно красиво сидел на призовой езде, на собственном, темно-сером англо-арабе "Яшме" Белокопытов, впоследствии отличный офицер Смоленского уланского полка, погибший в Ялте от руки большевиков.

Я упомянул уже об отличном ездоке младшего класса, юнкере Стрехе. Очень высокого роста, красивый и стройный брюнет, он уверенно и сноровисто, всегда первым номером, водил смену на самой тряской кобыле 1-го эскадрона "Алгебра", подбрасывавшей седока на рыси почти на 1/4 аршина.

ЭКЗАМЕНАЦИОННАЯ ЕЗДА

Перед выпуском из Училища, всем юнкерам производилась экзаменационная езда, особой комиссией, под председательством Начальника училища. Для наибольшего беспристрастия,офицеры нашего эскадрона не могли быть членами комиссии для юнкеров своего эскадрона и наоборот.

Экзаменационная езда происходила обычно в одном из углов нашего огромнейшего, отлично утрамбованного и ровного, как стол, плаца. Выезжали на экзамен сменами по 4 человека, в мундирах с шашками и винтовками за спиной. Лошади поседланы полным вьюком. Езда производилась в два повода с вытянутым оружием. Помню как волновался я при выборе лошади на экзаменационную езду. Ездили по 4 человека, так что посадка и езда каждого юнкера были отчетливо, и во всех деталях, видны членам Комиссии. Надо было, что называется "выдержать марку" и не ударить лицом в грязь. Недели за две до экзамена, я как то разговорился с конским вахмистром нашего эскадрона Юрковым и просил его посоветовать мне выбрать лошадь. Делали это многие юнкера, так естественно, что старый, сверхсрочнослужащий вахмистр, пробывший в училище 15-20 лет, отлично знал весь конский состав училища, характер и выездку каждой лошади. От выбора же лошади зависило многое.

Экзамен езды, для выпускного юнкера, вопрос огромнейшей важности, вопрос не только самолюбия, но и показатель его кавалерийской зрелости, степени подготовки к главнейшим строевым обязанностям офицера нашей славной русской конницы. Юрков ответил мне не сразу, сказав, что подумает, что лошадь нужно выбрать как "следоваить". Я положился на волю Божью и терпеливо ждал премудрого совета Юркова. Каково же было мое удивление, когда, через день после нашего разговора Юрков сказал мне:

— Так что, г-н юнкер, я полагаю, что вам следоваить ехать на "Фонтане".

"Фонтан" был ,во-первых, не нашего, а 2-го эскадрона, а во-вторых, казенно-офицерской лошадью начальника Училища ген. шт. полковника Литвинова, который всегда ездил на ней и очень любил ее за отличную выездку и прекрасные спокойные аллюры.

Юрков, не без основания, поэтому полагал, что любовь к лошади Председателя экзаменационной комиссии, несомненно, в известной степени, отразится и на ездоке, хотя бы даже и "пассажире", который нет, нет, а може как-нибудь и "сплоховать".

— Вы только, г-н юнкер, не горячитесь, сидите спокойно и зря не цукайте и не беспокойте "Фонтана". Перед препятствием не задерживайте и "правовременно отдайте повод". — Так наставлял и поучал меня вахмистр Юрков, выбор которого оказался действительно правильным и превзошел мои ожидания.

А экзаменационная Комиссия была серьезная. Председательствовал, как я уже сказал, Начальник Училища, строгий, легко раздражающийся и вспыльчивый полковник Литвинов, бывший до поступления в Академию конноартиллеристом и считавшийся, по юнкерской оценке, ездоком баллов на 7.

Но вот наступил и знаменательный день. Погода стояла чудесная. Первым номером, в нашей маленькой смене, был отличный ездок, суховатый, молчаливый и сосредоточенный 35-го драг. Белгородского полка юнкер Фанстиль, впоследствии отличный офицер и адъютант 23-го драг. Вознесенского полка, убитый в Великую войну. За ним, на своей любимой, светло-гнедой "Зоре", был 10-го драг. Новотроицко-Екатеринославского полка юнкер Буш. Третьим номером был я, на темно-караковом, в чулках и с лысиной, "Фонтане", а замыкал смену 28-го драг. Владимирского полка мой друг Ваня Андожжский, произведенный впоследствии в 5-й л.-драг. Курляндский полк и застрелившийся задолго до Великой войны. Сменой командует Командир 1-го эскадрона ротмистр Радкевич. "Рысью!" — раздается его негромкая, но отчетливая команда и я чувствую, как мой "Фонтан" от едва приложенного шенкеля, меняет аллюр и не мешает мне держать дистанцию на две лошади. Все время вижу между ушами "Фонтана" скакательные суставы Бушевской "Зори" и понимаю, что дистанция правильна. "Только не беспокойте "Фонтана", помню отчетливо совет Юркова и мягко держу крепко зажатый большим пальцем левой руки мундштучный повод.

— Перемена направления через манеж, — мягко командует "Коля", как называли юнкера ротмистра Радкевича, и я совсем близко вижу строгое лицо "Эбонита" — Начальника Училища и злобные, серые, глаза, присутствовавшего, без права голоса, ротмистра Адабаша.

— Ниже кулак левой руки на "Фонтане", — слышу замечание Начальника Училища по своему адресу, но это пустяки, это замечание не серьезно. Еще один круг по манежу и смена переходит в шаг.

— Галопом! — командует снова "Коля" и я не успел еще поставить "Фонтана" в пол-оборота и приложить туже шенкель, как почувствовал его плавный, размеренный галоп. Перемена направления, с переходом в шаг у барьера, и вновь поднятие в галоп, с переменой ноги, прошла безукоризненно. Так же легко и без задержки, перенес меня "Фонтан" через канаву и барьеры.

Экзамен езды окончился, но Начальник Училища приказал нам проделать на рыси несколько вольтижировочных приемов. Кто служил в кавалерии, тот знает, что вскочить в полной боевой амуниции, т. е. с шашкой и винтовкой за спиной, на лошадь, поседланную полным вьюком, являлось упражнением далеко не легким. Но и это прошло благополучно.

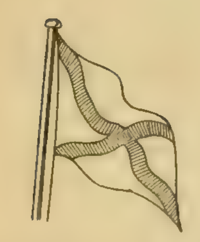
— Спасибо, г. г. юнкера! — услыхали мы возглас Начальника Училища и дружно, радостно, крикнув: — "Рады стараться Ваше Высокоблагородие!" — рысью выехали из манежа, а еще через минуту слезли, и отдав лошадей конюхам, уже шли в эскадрон, обмениваться впечатлениями только что пережитого.

Полковник *Фурман.*

(Продолжение следует).

ЗОЛОТЫЕ ДНИ

Воспоминания корабельного гардемарина



Вернувшись, в конце октября 1911 года, из 6-месячного плавания, корабельными гардемаринами, на судах бригады крейсеров Балтийского моря, и на линейных кораблях "ЦЕСАРЕВИЧ" и "СЛАВА", наш выпуск (за исключением первых, кажется 10 человек, откомандированных в заграничное плавание на крейсере "АВРОРА", был отпущен, 1-го ноября, в кратковременный отпуск, и списан в распоряжение Главного Морского Штаба. В первых же числах декабря надлежало всем быть в Петербурге, в ожидани производства в мичмана.

В начале декабря получена была, долгожданная повестка, из Главного Морского Штаба, с приказанием явиться вечером, 5 декабря, в полной парадной форме в Морское Министерство, на квартиру Министра.

Как сейчас, помню волнения дома. Мои родители жили тогда на Б. Фонтанке, в Петербурге. Подобно сборам невесты к венцу, мы с братом Володей облачались в блестящую флотскую форму, с таким дивным сочетанием черного цвета с золотом мундира.

Сколько было приложено любовных забот в пригонке и выборе всего обмундирования; ведь за целый год до производства, во время пребывания нашего в старшей гардемаринской роте Морского Корпуса, закройщики и агенты множества различных обмундировочных мастерских и магазинов Петербурга, каж-

дый вечер заваливали наше ротное помещение различными образцами обмундирования и принадлежностями нашего сложного флотского туалета.

Мы толпились, как в маскараде, в различных вариантах зимней, летней, парадной и повседневной формах одежд флота (согласно морского устава — 15 комбинаций), дожидаясь очереди у зеркала.

Но вот настал и вечер 5-го декабря, канун Тезеименитства Государя Императора, и день нашего производства.

Все было готово, пригнано и все по праву теперь должно было принадлежать нам.

В назначенное время, все собрались в аван-зале квартиры Морского Министра, выстроившись по старшинству, имея в руках Высочайший приказ о производстве в мичманы, и распределение по морям и экипажам.

Надо было видеть радостные лица молодых мичманов в шумном и возбужденном говоре, шутках, любовавшихся друг другом. Все, как будто мигом, похорошели и возмужали. Хотя и слышались корпусные прозвища, вроде: рыжий, дворник, заклепка, э-э-э-эрминигельд, верблюд, Адашка, Пей-Пейч, индюк, птипа, Мураевка, и много других, но они теперь уже не подходили к блестящим офицерам.

Торопились обсуждать предстоящие празднества и так как общего обеда не предполагалось, то слышалось множество "рандеву" у Донона, Кюба, Медведя, Вилла Родэ и тому подобных злачных местах.

Но, вдруг, радостный говор стих и послышалась команда:

— Г. г. офицеры!

В дверях показалась маститая фигура седовласого красавца, Морского Министра, вице-адмирала Григоровича, в окружении Директора Морского Корпуса, контр-адмирала Русина, начальника бригады крейсеров к.-адм. Стеценко, и чинов многочисленного штаба.

После обычного поздравления с производством и восторженных криков "Ура!", за здоровье Государя Императора, мы все, мигом, вылетели, как птички из клетки, на Адмиралтейскую площадь, гремя палашами по каменной мостовой. Мы лихо рассаживались по "извозцам", стоявшим длинной вереницей у подъезда Министерства. В этот вечер и последующий день, 6-го декабря, мы были героями дня и покорителями всех женских сердец Петербурга.

Все казалось, смотрели на нас и все улыбались нам. Солдаты и городовые, и те, казалось, как-то особенно молодцевато отдавали нам честь.

Мичманы рассыпались, по способностя и по вкусу, по всем увеселительным местам столицы. А как праздновали этот день, всем морякам, я думаю, известно.

"Адски весело!". "Здорово шикарно!".

Но мы еще имели возможность до 17-20 декабря повеселиться и вдоволь пошикарить своими мундирами, с лихо наброшенной Николаевской шинелью, гарцуя на лихачах, по улицам столицы.

20-го же декабря, все должны были разъезжаться по местам службы.

Моя группа отправлялась в Либаву, в отряд новобранцев 1-й минной дивизии, которым командовал строевик того времени флигель-адъютант капитан 2-го ранга Фабрицкий.

Помощником его и председателем кают-кампании был всем известный весельчак и рассказчик анекдотов, капитан 2-го ранга Рааб-Тилен, который, не раз, ругал молодежъ из-за различных "пикантных мичманских историй".

Жить пришлось, как и всем холостякам, в казармах, вблизи ротных помещений, где молодежь ютилась по 2-3 человека, в немеблированных, с каменным полом, комнатах.

Меблировали же комнаты по своему вкусу и, главное, на свой счет. Конечно, нередко обитатели комнат обладали художественным вкусом, а потому, комнаты декорировались в различных стилях, нисходя до обычного мичманского стиля, т. е. — кровать, стул и чемодан.

Мы жили трое — я, Милашевский и Феодотьев. Милочка был художник и любитель всегда что-нибудь мастерить, а потому его затея — украсить комнату в египетском стиле, проводилась исключительно им самим, так как мы с Бурбуськой, все свободное время, с вечера до рассвета, были заняты балами, ужинами и усиленным ухаживанием.

Молодое мичманье как-то особенно напущенно бравировало своим новым офицерским положением, а потому старалось, во всех жизненных искушениях, стоять наравне, со старшими товарищами. Будь-ли то карты, вино или женщины, молодой мичман старался показать свою лихость, заправского "марсафлота", но и не раз, с треском садился в галошу.

Помню, как в то же время пришел в Либаву минный заградитель "Амур", где я числился вахтенным начальником, и как мне, по этому случаю, пришлось являться командиру его, флигель-адъютанту, кап. 2-го ранга М. М. Веселкину.

"Амур", как и вся 1-я минная дивизия, стоял, ошвартовавшись, у стенки в порту Императора Александра III, около самых казарм отряда новобранцев.

"Амур" блистал чистотой и надраенностью. Какое-то особенно чувство гордости вливалось в душу, когда я, вступая на его палубу, сознавал, что это мой корабль, мой дом, моя святыня. Но украшением корабля и символом его доблести, был сам отец-командир, известный всему флоту чудо-богатырь, Михаил Михайлович Веселкин, любимец Государя.

Был воскресный день; офицеры все были в сборе, после богослужения, в кают-кампании, и ждали к обеду командира. Помню, как только вошел командир, то, прежде всего "влетело" судовому священнику о. Иову (монаху) за то, что он неправильно употребил какой-то тропарь во время службы. Михаил Михайлович идеально знал церковную службу, а потому священнику надо было держать "ухо востро". Как обычно, на "Амуре", обеденный стол ломился от всякого снадобья и все было изысканно вкусно. А кто знает хлебосола, с "душой на распашку", Михаила Михайловича, тот знает, что попав к нему на обед,

живым не уйдешь. Закормит, напоит, и спать уложит. Так и тогда, Михаил Михайлович, стоя в кают-кампании, во весь свой богатырский рост, с засученными рукавами сюртука, держал в руках не то утку, не то гуся, и готовился к священнодействию, жарению на вертеле.

В шутках, и с чисто русским добродушием, обратился он ко мне:

- Ну, а ты, мичман, водку пьешь?

Вот, тут то и надо было мигом смекнуть молодому мичману, что более подходяще ответить командиру. И я решил хвастнуть ответом: "Так точно, пью". Но, увы, ответ оказался неудачным.

Михаил Михайлович разразился своим громким, сочным, смехом и полилась его безудержная, разухабистая русская речь, она переливалась такими свободными флотскими словечками, что я готов был провалиться сквозь палубу.

— Каков мичман! Еще молоко на губах не обсохло, а уж водку пьет! Посадить его рядом с командиром.

На это все залились смехом, зная, что ждет неопытного мичманишку, и, действительно, не знаю, как уместилось в моей утробе все то, чем подчивал меня отец-командир, но, я со страхом и трепетом, старался "держать марку", чтобы не "стравить канат до жвака-галса".

Но, как всякая флотская трапеза, нелегко сходит новичкам, так и тогда: — расходилася погодушка, в буйной молодой головушке, загудело, закружилось, затуманило и спесь мичманскую поубавило.

Борис Арский

„НОВИК"

1) После Крымской войны, началась усиленная стройка паровых военных кораблей. Среди них, в 1856 году, был построен деревянный винтовой корвет в 885 тонн, получивший имя "НОВИК". Его слабая, двухсотсильная, машина, была только вспомогательной и на больших переходах он ходил под парусами, которыми были оснащены его три мачты, причем, чтобы винт не являлся тормазом, его поднимали на талях в особый колодец. Вскоре после вступления в строй, "НОВИК" совершил, трудный, по тому времени, переход из Балтийского моря в Охотское, где, для охраны Дальнего Востока и Русской Америки, было решено сформировать эскадру. В 1863 году вспыхнуло польское восстание. Франция и Англия поддерживали поляков и грозили России войной. В то же время, в Америке шла война северян с южанами, и Англия склонялась на сторону последних. У России и северян оказался тот же вероятный противник. У американцев, в ту пору, флота почти не было, а Россия имела ряд паровых, по тому времени, быстроходных фрегатов и корветов, которые, будучи выпущенными на океанские просторы, могли принести неисчислимый урон, тогда еще сплошь парусному, коммерческому флоту Англии.

По инициативе Русского морского министра адмирала Краббе, секретно, из разных портов Балтийского моря, Тихого океана и, один фрегат, из Тулона, под видом учебных плаваний и местных перемещений, корабли были направлены к берегам Северной Америки. В сентябре 1863 года, в Нью-Йорке, неожиданно появилась эскадра контр-адмирала Лесовского, в составе пяти кораблей. Одновременно, телеграф принес известие, что в Сан-Франциско сосредоточилась эскадра контр-адмирала Попова из пяти корветов и быстроходных клиперов. Ждали еще одного, но, корвет "НОВИК", подходя в тумане, к берегам Калифорнии, 26 сентября, выскочил на камни и, несмотря на все усилия, стащить его не удалось. Американцы, с восторгом, встретили неожиданных союзников, тогда как в Лондоне, угроза была понята и Императору Франции полетела телеграмма, что "польский вопрос Великобританию больше не интересует". Так, русский флот, без выстрела, сэкономил России новую, трудную войну.

2) В 1900 году, на верфи Шихау, в Эльбинге, был спущен на воду крейсер 2-го ранга "НОВИК", в 3.080 тонн водоизмещения. Дав, на испытании, больше 25 узлов, он являлся одним из самых быстроходных в мире. Его вооружение состояло из шести 120 мм. орудий и пяти торпедных аппаратов. В 1903 году, крейсер пришел в Порт-Артур. Им командовал капитан 2-го ранга, Николай Оттович фон-Эссен, и во время начавшейся войны, "НОВИК" оказался самым деятельным кораблем, беспрестанно выходившим в море, на поддержку миноносцев и для других операций. Благодаря своей скорости, он являлся грозой японских миноносцев и не раз, защищая возвращавшихся из дозора, своих братьев, вступал в бой с более сильными кораблями противника. Особенно запомнилось всем артурцам утро 10 марта (н. с.), когда "НОВИК", под флагом самого Командующего Эскадрой, адмирала Макарова, бросился на помощь, погибавшему в неравном бою, миноносцу "СТЕРЕГУЩИЙ".

После эскадренного боя 28 июля (10 августа н.с.), исполняя Повеление Государя Императора, объявленное, в начале боя, Командующим Эскадрой, новый командир "НОВИКА", капитан 2-го ранга Шульц, решил прорваться во Владивосток. Зайдя в Циндао, для пополнения запаса угля, крейсер пошел кругом Японии и проскочил, проливом Лаперуза, в Японское море. Но, угля оказалось недостаточно, пришлось зайти в Корсаковский Пост, на Сахалине, в расчете пополнить запас. Вскоре, у входа в залив, появился японский крейсер. После попытки прорваться, "НОВИК", нанеся противнику тяжелые повреждения, сам сильно пострадал и появление второго японского крейсера, заставило командира принять решение — за-

топить корабль. Команда, высадившись на берег, пешком сделала 500 километров и, затем, была доставлена во Владивосток.

3) После Русско-Японской войны, был организован Комитет по сбору добровольных пожертвований, для усиления Русского Флота. На собранные суммы, было построено три дивизиона миноносцев. По предложению адмирала фон-Эссена, на оставшиеся средства, было решено построить "прототип" нового класса миноносцев, в два раза больше, сильнее и быстроходнее. В своих мыслях, фон-Эссен учитывал действия порт-артурского "НОВИКА", как разведчика и как контр-миноносца. В его же память, новый эскадренный миноносец в 1.260 тонн, получил название "НОВИК". Он строился на Путиловском заводе, по проекту инженера Теннисона, и был спущен на воду, в 1911 году. Ему были сделаны серьезные испытания, вызвавшие необходимость многих перестроек и миноносец был принят в казну, только, когда он превысил заданную скорость. В сентябр 1913 года, он был зачислен в строй, и пришел в Петербург, на показ населению.

Дав на испытании, 37,3 узла, "НОВИК" явился самым быстроходным кораблем в мире, четыре 100 мм. орудия давали ему двойной артиллерийский перевес, по отношению всех иностранных современных миноносцев, а бортового залпа 8 торпед, в то время, не имел еще ни один миноносец. К этому надо добавить его свойства перваго миноносца-заградителя — он мог взять на палубу 50 мин заграждения. Словом, "НОВИК" стал родоначальником этого, нового типа миноносцев, и 53 судна этого класса, были заложены на наших русских заводах.

С первых дней войны, 1914 года, "НОВИК", то в одиночку, то во главе группы миноносцев, стал совершать смелые набеги к неприятельским берегам. Особо надо отметить минную постановку, в глубине Данцигской бухты, произведенную в штормовую ночь, 6 ноября 1914 года, и вторую, 24 ноября, еще дальше, в районе Штольпемюнде. 17 августа 1915 года, под командованием капитана 2 ранга, Михаила Андреевича Беренс, в Рижском заливе, "НОВИК" вступил в бой с двумя немецкими миноносцами, построенными в 1915 году, по его типу. Нанеся, своим метким огнем, обоим тяжелые повреждения, "НОВИК" загнал "В-99" на минные заграждения, где тот взорвался и потонул.

Старший офицер "НОВИКА", Г. К. Граф, в книге, посвященной родному кораблю, так красочно описывает его действия:

"Война... С первых же дней ее, ты — всегда впереди. Без тебя не проходит ни одна операция. С начала весны, при нерастаявшем льде и до зимы, ты непрерывно плавал. Штормы, туманы, пурга — ничто тебя не останавливало... Ты, безшумно, скользил в темноте ночей, неся во вражеские воды свои гибельные мины. Часто, ты возвращался совершенно обледенелым... Ты был неуязвим. Ни мины, ни снаряды, ни бомбы не коснулись тебя... Сам же, участвуя в боях, ты нанес противнику тяжкий вред: от твоих мин и снарядов, погибло и потерпело повреждения, не менее двенадцати его кораблей..."

После упорных боев флота, в октябре 1917 года, у острова Эзеля, в которых "НОВИК" принял участие, он был отправлен в Петроград, в ремонт, где его и застала октябрьская революция. Его славное имя было стерто с бортов, и душа "НОВИКА" умерла.

Было бы величайшей несправедливостью, не вспомнить еще об одном "НОВИКЕ", по мере своих сил помогавшем флоту. Это был маленький пароход Восточно-Китайской железной дороги, оказавшийся в Порт-Артуре, во время осады. В мае 1904 года, при организации Партии Траления, он был зачислен тральщиком и, в течении шести месяцев, скромно выполнял свое маленькое, но опасное дело, расчищая путь большим кораблям. Кроме того, он был приспособлен для постановки мин и многократно их расставлял на местах, с которых японские суда бомбардировали морские фланги наших позиций. На этих заграждениях, противник потерял несколько судов. При сдаче крепости, "НОВИК" разделил участь эскадры и был затоплен, чтобы не попасть в руки японцев.

П. А. Варнек

Справка: "НОВИКИ" в Московском Государстве.

Новиками называли молодых дворян и детей боярских, записываемых на службу, по достижении 18 лет. Они несли небольшие обязанности и подготовлялись к службе. Для учета этой молодежи, назначались особые "окладчики", которые, после составления списков, передавали последние особым "разборщикам" — от которых зависело жалование, назначаемое каждому Новику и определение, в зависимости от способностей, в ту или иную отрасль Царской службы. Со дня вступления на службу, Новики переходили в разряд служилых людей Московского Государства.

Сообщил *Н. Быкадоров*

МИРНАЯ ПОЛКОВАЯ ЖИЗНЬ

(Из книги "Из Тифлиса до Парижа")

В НАПРАВЛЕНИИ НА КАРС

В конце лета происходили маневры в направлении на Карс. Полк прибыл в гор. Александрополь и стал биваком на р.Арпачай . С этим местом связано столько воспоминаний... Здесь стал полк, когда прибыл из России. Здесь же были первые бои в начале войны 1877 года. Тогда, перейдя Арпачай, Тверцы взяли в плен сотню турецкой милиции с ее значком. Александрополь был штаб-квартирой Северского дра-

гунского полка. Полк этот был сформирован по окончании войны 1853—1856 гг., причем на его формирование были выделены солдаты и офицеры из Нижегородского драгунского полка. Тогда же Тверской полк дал офицеров и солдат на сформирование Переяславского драгунского полка.

Дух Тверцов и Нижегородцев передался вновь сформированным полкам.

Вот один из примеров:

Дело под Аравартаном 3 июня 1877 года.

"Северский полк был послан в атаку. Встреченный артиллерийским огнем всех ближайших фортов крепости, а также полевой артиллерии, и страшным ружейным огнем пехоты, имея впереди своего лихого полкового командира, полковника Батиевского, на дистанции по уставу, в 10 минут прошел пять неприятельских линий. Генерал Чавчавадзе свидетельствует, что прослужа 30 лет, подобной атаки никогда не видел".

(Кап. К. Попов. — "Храм Славы")

Существует анекдот, в котором доблестный полковник Батиевский незаслуженно обижен:

Однажды полк. Батиевский сидел в палатке со своими офицерами. За палаткой денщики мирно беседовали, но потом беседа их перешла в спор.

— Вот они спорят, и забыли о нашем присутствии, — сказал Батиевский, — их рассуждения бывают метки, интересны и поучительны. Послушаем... узнаю голос моего денщика.

Денщик возмущается:

— Да чиво ета ты все тычешь — Нижегородцы да Нижегородцы! Што, акромя Нижегородцев, других полков в Рассейской армии нетути што-ль? И какие такие у вас командеры?

— У нас князья Чавчавадзе, князья Амилахвари, кавалеры... а у вас кто?

— Полковник Батиевский!

— Ну, что-ж?.. Известно... болван.

Услышав такое крепкое суждение, Батиевский безнадежно махнул рукой.

Радушно встретили нас Северцы. На обрывистом берегу Арпачая они устроили конный праздник, на котором, под руководством старого спортсмена ротмистра князя Бековича-Черкасского, драгуны показали чудеса езды. Они скакали и брали барьеры, сидя лицом к хвосту... стреляли в тот момент, когда лошадь брала барьер, вольтижировали, рубили чучела и т. д. Начальник дивизии, офицеры всей дивизии, дамы и приглашенные любовались этими упражнениями, сидя под огромным навесом из палаток на высоком берегу Арпачая. Командир 1-го эскадрона Тверцов, ротм. кн. Мхеидзе, с интересом следил за упражнениями Северцев и повторял:

— Молодцы, чисто работают... Нам, с нашими дикими лошадьми, за ними не угнаться... А. все-таки надо что-нибудь придумать...

Пошептавшись с Тугановым и Грекуловым, он куда-то исчез. Исчезли и оба корнета. Прошло полчаса. По ту сторону Аракса, из кустарников, стали раздаваться выстрелы. Все всполошились, т. к. в программу праздника это не входило. Кто стреляет? Не разбойники-ли? На Кавказе все возможно. В это время раздались звуки трубы и со стороны казарм Северцев показался, идущий полевым галопом, эскадрон. Он шел прямо на Арпачай.

— Куда они? Там обрыв!.. Остановить!.. Они сорвутся и погибнут!.. — раздались крики.

Но Тверцы уже на обрыве. Еще момент и громадный гунтер кн. Мхеидзе красиво распластался в воздухе и бухнул в реку — за ним махнул весь эскадрон. Вода вспенилась, видны упавшие люди. Далеко впереди барахтается корнет Туганов, схватившись за стремя плывущей лошади. Эскадрон выбирается на другой берег и, вынув шашки, несется туда, откуда стреляют уже залпами. Словно сговорившись, трубачи всех полков дивизии играют марш Тверцов.

Товарищи кн. Мхеидзе знали его "Хохо-Нико". после Японской войны звали "Тунтунда Ламайло", а после Александрополя дали еще кличку "Зарбазан-Арпачайский". Он, вообще, имел обыкновение предпринимать самые рискованные операции. Через два дня ночью, в абсолютной темноте, наш эскадрон буквально скатился с отвесной горы на станцию Кизил-Чахчах. Мы неслись потом по узким, кривым улицам армянской деревни, натыкаясь на арбы, на лежащих буйволов, под кудахтанье каких-то встревоженных кур. Перевалили мы с полком и живописный горный хребет Безобдалл, где царил разбойник Астан-Ага.

Интересную встречу устроил нам Черноморский казачий полк, расположенный в Джалал-Оглы. На одном из поворотов дороги, верстах в двух от города, стояла громадная бочка с вином и около нее, два казака с видом запорожцев, с громадными черпаками в руках. Комментарии были излишни...

Полк входил в Джалал-Оглы. Трубачи играли вальс "На сопках Манчжурии". Оглянувшись назад, я увидел, что гимназисты карабкаются на лошадей эскадрона ротмистра Натиева, самого строгого в строю из всех командиров.

Побывал полк и в Кюрюк-Дара, где в 1854 году прославился своей атакой на турецкую батарею.

Лето кончалось, ночи становились холодными и в палатках было неуютно. Все мечтали о зимних квартирах.

ПОТОП

В Тифлис мы возвращались другим путем. Однажды, я получил приказание выбрать бивак на ночлег в горах у села Коды. Отправившись с квартирьерами вперед, я нашел на берегу ручейка достаточно большую площадку у подножья горы, покрытой виноградниками. На бивак полк прибыл поздно вечером. Мы не долго сидели в палатке полкового собрания за ужином: начинал накрапывать дождь и все торопились добрести в темноте до своих эскадронов. Дождь усиливался. Издали доносились раскаты грома. Потянуло холодком. Большие капли дождя застучали по палатке. Обыкновенно, денщики располагались снаружи

палатки под навесом, который выступает от палатки шага на два. Денщик Григоров бросил свое убежище и переселился к нам, со всем имуществом, т. е. с самоваром и разной хозяйственной мелочью. И, внезапно, как это бывает только в горах, разразилась гроза. Я, Нечволодов и пришедший к нам Дударов, стали спешно одеваться: в такую минуту надо было быть в эскадроне. Но было уже поздно. При свете молнии, видно было, что между линией офицерских палаток и эскадронами несется поток. Черные массы воды несли деревья, какие-то громадные бочки прыгали по воде, как мячики, плыли целые плетни... Дальше видны были морды плывущих лошадей и сидящих на них в одном белье, солдат. Старые вахмистра не растерялись. До нас доносились их крики:

— К коням!.. Хватай седла!.. Спасай винтовки!.. Руби коновязь!.. Выбивайся в гору!.. Ундерцеры, подбадривай своих!.. Держись друг за друга!..

Выше нас была палатка кн. Мхеидзе и кн. Амилахвари — ее сорвала вода и она проплыла мимо нас. С трудом высвободились из нее Мхеидзе и Амилахвари, и выбрались на возвышенность. Туда же стали выбиваться и другие офицеры. Став на походные кровати, мы изо всех сил старались удержать деревянные устои палатки, не дать им уступить напору воды. Григоров усердно вылавливал из под кровати то сапоги, то кителя, то фуражки. Вода шла уже по верху кроватей. Ветер рвал полотнища... Но, молодость брала свое и мы пели модный в то время романс: — Ах, зачем эта ночь так была хороша...

Впрочем, Ахмед Дударов спохватился, и остановил нас:

— Не надо веселиться, может быть Жданко утонул...

— Почему же именно Жданко?

— Он маленький, и крепко спит.

К счастью, и это форменное чудо, утонувших не было, но целый фургон солдат в одном белье нужно было отправить в Тифлис обмундировываться. Выяснилось, что выше бивака тянулись плетни. Потоки воды с гор, задерживаемые плетнями, с ревом, напором снесли их. Вот этот первый вал и обрушился на наш бивак. Утром, мокрые и продрогшие, бродили солдаты, отыскивая в грязи свое имущество, которое унесло водой за пределы бивака, на протяжение двух верст.

В самую трудную минуту, драгуны не теряли хладнокровия, хватали седла, винтовки, карабкались на лошадей, помогая друг другу. Указывая потом на одного молодого солдата, они говорили:

— А он, раззява, стоит как вкопанный, не подхвати его Конченко, был бы ему капут!...

Собравшись в кучку, голодные, в сырой одежде, стояли офицеры, обменивались впечатлениями. Прикомандированный к полку капитан ген. штаба Корганов, рассказывал:

— Бросив палатку, мы полезли на стоящее недалеко дерево. Я думал о том, что удовольствия вымокнуть и испортить одежду, мало, но слова Полумордвинова: — не бойся, Гаврюша, мы может быть спасемся, — навели меня на грустные размышления.

Я обратил внимание на Григорова, стоящего недалеко от нас и отдававшего почему-то мне честь. Я подошел к нему:

— Послушай, Григоров, ты как будто и не утонул, а вид у тебя обалделый, — но Григоров молча стал отступать, продолжая держать руку у козырька, причем я заметил, что большой палец как-то странно шевелится, точно указывая назад. Оказалось, он заманивал меня таким образом подальше от группы офицеров, ибо за кустиком ему удалось развести костер, на котором подогревалась, спасенная им котлета:

— Ешь, Ваше Благородие.

ДАВИД ГАБАЕВ

К Тифлису полк подходил горами. Узкая дорога извивалась между домиками грузинской деревушки. Трубачи играли "Наурскую лезгинку". Жители деревушки кидали солдатам виноград, протягивали глиняные кувшины с вином. На плоских крышах некоторых домов, веселая грузинская молодежь танцовала лезгинку. Какой-нибудь, шутник драгун, став на седло, перескакивал на крышу. Он начинал выкомаривать нечто среднее между лезгинкой и комаринской под одобрительные крики и хлопанье в ладоши. Против одного домика штаб-трубач, старик Скворцов всплеснул руками, с трудом бултыхнулся на землю, и бросился в объятия человека, сидевшего в кресле на балконе. За ним, с радостным криком, последовал полковой адъютант, поручик Нацвилов. Это был Габаев, за несколько лет до моего выхода в полк, ушедший, по болезни, в отставку. Корнет Габаев был всегда весельчак и душа общества. Он и кн. Нико Нижерадзе (многие парижане наверно помнят его ресторан "Нико", бывший на ул. Боске), были неразлучными друзьями и об их проделках вспоминали в полку и после их ухода. Прикованный к креслу, в деревушке расположенной вдали от больших дорог, он не ожидал, что его родной полк окажется вот здесь, перед его домом. В большом волнении, со слезами на глазах, простирал он руки к офицерам, которые с криком "Давид", бросались к нему. Трубачи заиграли полковой марш. Габаев пытался встать... Появилось вино. Габаев жадно смотрел на проходящие эскадроны. Вот его 5-й эскадрон и вахмистр Морозов. Эскадрон остановили. Габаев узнает людей и лошадей... Женщины в окне делают знаки, что волнение больному вредно. Эскадроны удаляются... Глубоко потрясенные этой встречей, мы продолжаем путь.

ГРИГОРОВ — ПОБЕДИТЕЛЬ

Лагерный сбор кончался и полки потянулись на свои стоянки. 4-дневный переход из Тифлиса на Царские Колодцы скучен. С одним маленьким-маленьким мостиком, встречавшимся на пути, у меня сохранилось воспоминание. Полк вел полк. Образцов, недавно вступивший в командование, и не знавший Кавка-

за. Когда полк подходил к мостику, то выяснилось, что навстречу полку движется бесконечно длинный караван арб закатальских лезгин. Мостик узенький, кто-то должен уступить. Полковник Образцов заявил:

— Это узкое дефиле мы пройдем перекатами: пройдет один эскадрон, потом пройдет некоторое количество подвод. Затем опять пройдет эскадрон и т. д. Кто бы мог перевести лезгинам мое решение?

Трубачи весело переглянулись и толкнули локтем кларнетиста Васюкова. Васюков отделился от строя.

— Я могу перевести. — Взяв под козырек, он слушал рассуждения командира полка о прохождении дефиле...

— Понимаю, Ваше Высокоблагородие, переведу.

— Эй, кунаки! Танцуйте сюды! — крикнул он лезгинам и замахал руками.

Несколько лезгин перешли мост и подошли к нему. Указывая на эскадрон, Васюков говорил:

— Моя пошел, твоя садись, а потом твоя пошел (он указал на арбы), моя садись. — Лезгины закивали головами. Погрозив кулаком, Васюков добавил:

— Ежели полезешь не в очередь, то получишь по морди. — В знак того, что это только предупреждение, он дружески похлопал по плечу лезгина. Обратившись к командиру полка, он доложил:

— Перевел, Ваше Высокоблагородие. Первый эскадрон может иттить.

Просвещенный европеец не обладает способностью понимать с полуслова. Он не понимает фразы, если в ней одно слово сказано не так, как надо, нам же понятна фраза, если мы улавливаем в ней хотя-бы одно знакомое слово.

На втором переходе от Тифлиса, на р. Иоре, было устроено традиционное состязание денщиков. Все они были выстроены в один ряд. Каждый имел в руках самовар. По данному сигналу, они побежали к реке. Нужно было набрать воды, прибежать обратно и развести огонь. На это зрелище собрались солдаты всего полка. При громких криках одобрения, добежали денщики до реки, почти одновременно, но на обратном пути некоторые стали выделяться.

— Шестой берет, — кричали солдаты 6-го эскадрона.

— Второй обходит, — раздавались голоса. — Ура второму. — Потом крики оборвались: денщик 2-го споткнулся и упал.

— Где же Григоров? — подумал я. Кто-то обошел упавшего. Но кто? Снова крики, уже в нашем эскадроне:

— Гляди, Григоров! Ура первому!

Все-таки Григоров и денщик 6-го добежали до линии почти одновременно и стали чиркать спичками, боязливо оглядываясь друг на друга. Спичечная коробка Григорова откатилась в сторону. Один драгун бросился было ее поднимать, но другие его остановили:

— Не трожь!...

Вот уже по всей линии денщики раздувают огонь.

— Скинь сапог!.. Сапогом!.. — советуют им.

— Кипит!.. — крикнули солдаты 6-го. Оказывается — шутка.

Теперь уже весь 1-й эскадрон подбадривал Григорова:

— А ну, Григоров, шахтер славяносербский, не подгадь! — И, наконец, все в один голос заорали:

— Кипит в первом!.. Ура Григорову!..

Денщик 6-го эскадрона бросился раздувать огонь и в досаде швырнул свою фуражку на землю. Солдаты громко выражали свое одобрение Григорову:

— Ну и Григоров!.. Вот сукин сын!.. — Выражались они и еще сильнее... Григоров сиял...

В Царские Колодцы 1-й эскадрон вступал покрытый лаврами. Впереди эскадрона красовался "Зарбазан-Арпачайский" кн. Мхеидзе, а в обозе трясся на фургоне, держа в руках самовар (чтобы не сбился кран), Григоров "победитель на Иоре".

Г. Тацутров (Жук)

Георгий Дмитриевич Гребенщиков

(к пятидесятилетию литературной деятельности)

Лишь совсем недавно, пришлось писать на страницах "Военной Были", рецензию, относительно шестого тома "Чураевых" ("Океан багряный"). Признаюсь, сделал это не без большого и искреннего удовольствия. "Океан багряный" не только прежний, знакомый нам Гребенщиков, старый и опытный мастер бытового романа, но и Гребенщиков, до сих пор нам неизвестный, Гребенщиков — баталист.

Впрочем, сегодня мы не будем заниматься анализом богатого литературного творчества Георгия Дмитриевича. Сегодня, он юбиляр. Пятьдесят лет тому назад, в провинциальной газетке далекого Семипалатинска, двадцатидвухлетний Георгий Гребенщиков напечатал свой первый рассказ. Подписать его он не решился, — а вдруг обругают?

А начинать ему было еще тяжелее, чем Горькому... Но, вот нет в его творчестве горьковской зависти и горьковской злобы (нет и невыносимой горьковской безвкусицы, удивительно странно уживавшейся у этого, конечно, большого, писателя с творческим талантом). Наоборот, даже описывая жуткий, почти звериный, быт таежной Сибири, Гребенщиков верит в людей, любит их, жаждет видеть их лучшими. В своей трагической эпопее, он парадоксально оптимистичен.

Общероссийским писателем Георгий Дмитриевич стал перед самым началом первой мировой войны, после выхода его первой книги "На просторах Сибири". Первый том "Чураевых" написан уже на фронте. Последний, шестой, мы недавно читали. Эпопея

"Чураевы" занимает бесспорно центральное место в творчестве Гребенщикова. Автобиографический роман "Егоркина жизнь" приближается, если не по сюжету, то по духу, к "Чураевым". Это последнее произведение маститого писателя, с которым, увы, мы познакомились лишь частично, так как отдельной книгой роман еще не вышел, а только печатались отдельные главы в газетах и журналах зарубежья.

Гребенщиков переведен на многие иностранные языки. Первым переводом была, кажется, "Былина о Микуле Буяновиче". Эта книга сыграла огромную роль в жизни писателя, так как, именно благодаря ей, Георгий Дмитриевич был приглашен преподавать русский язык и литературу при маленьком университете в штате Флорида. Самое замечательное, что Георгий Дмитриевич преподавал там же... изящную словесность... на английском языке.

В настоящее время, писатель снова вернулся в свою Чураевку, созданную им четверть века тому назад (теперь Чураевке помогает целое американское Общество). О ней можно написать целую отдельную статью. В этой Русской деревне, в американском штате Коннектикут — настоящая Русская часовня во Имя Преподобного Сергия Радонежского, настоящая типография с русским и английским шрифтами. В Чураевке читаются лекции о Православии, и о России, в, специально построенном для этой цели здании. Может быть, значительно позже, когда и революция и эмиграция отойдут, окончательно, в область истории, выявится второе лицо Гребенщикова. Лицо пламенного патриота и неутомимого культуртрегера.

Сегодня же, мы празднуем его юбилей и желаем ему еще долгих лет, сил, здоровья, его всегдашних духовной молодости и светлого оптимизма. И не забудем, что Георгий Дмитриевич просит считать себя членом нашей крепкой семьи и наш журнал считает своим. И не может быть "не нашим" автор "Океана Багряного", писатель лишний раз воспевший славу Русского оружия, найдя ее в пепелище одного из самых тяжелых поражений нашей военной истории.

Е. Я.

Создателю Былины о Микуле Буяновиче

Вместе с Редакцией "Военной Были", поздравляя его с 50-летием творческого служения Русскому Духу, Русскому Слову, сказителю и баяну Сибирскому, Георгию Дмитриевичу Гребенщикову, с глубокой признательностью и любовью почтительно посвящаю.

Названье дерзостным мне чудилось с почину.
Но книгу прочитав, — как песню пропоешь, —
Я понял: истинно... иного, чем Былина,
Названья песне той и впрямь не подберешь...

Не по былинному-ль, — бесовской марью брезжа, —
Невольный враг, растлитель, чародей, —
Ваш безымянный, жуткий Ваш проезжий
Вползает в жизнь доверчивых людей?

От жениха, от ласковой бабуни,
Из заповедного родимого угла —
Не по былинному-ль рванулась к свету Дуня,
И не былинную-ли кару приняла?

Не о былинной-ли безкрайности Сибири,
Где буйным пламенем Микулин гнев возник,
Поет сказительный, издавний, богатырий,
Простой и красочный, былинный Ваш язык?

Меж сел и хуторов, лесов, лугов и пашен,
Родными руслами и по Земле Родной —
Не по былинному-ли льется повесть Ваша,
Широководною могучею рекой?

Не по былинному-ль глубинные теченья,
Из омутов ее, — темны или светлы, —
Былинно вещими путями Провиденья,
В водоворотные сплетаются узлы?

И с обреченностью, воистину былинной,
Вотще, борясь с судьбиною лихой,
Не по былинному-ль в сувоях этих гинут
И ближние его, и самый Ваш герой?

Сквозь слезы, кровь и грязь, идя к незнамой цели,
Из бездн и скверны скверн вознесшись на верхи, —
Не по былинному-ли в огненной купели
Свои омыл он смертные грехи?

И обретая Истину Живую,
В замену тленной истины земной,
Не как разбойник-ли распятый одесную, —
Не по былинному-ль, — он стал на Путь иной?

Да. — По былинному, сводя концы их клином,
Из темных Русских дел и светлых Русских снов,
Вы сице создали воистину Былину,
Сказитель и баян, Егор Гребенщиков.

КРЕСТ ВИКТОРИИ

Ныне Великобританское "Содружество" (бывшая Империя) празднует 100-летие учреждения своего наивысшего боевого отличия "Victoria Cross". Появление на свет этого исключительно чтимого креста, имеет некоторую связь с нашей военной историей.

Боевые награды, для нижних чинов, появились в Англии гораздо позже, чем в России, а именно в 1815 и 1845 гг. Во время личной раздачи этих медалей, в середине Крымской войны, Королева Виктория решила учредить специальную награду за чрезвычайное проявление личной храбрости на поле битвы: проект такого креста, во всех деталях, был обдуман ею самой, и статут "Креста Виктории" был обнародован 24 января 1856 г. В сущности, этот статут, содержит один пункт, гласящий, что этим крестом может быть награжден каждый офицер и солдат, за выдающуюся личную храбрость или всецелое посвящение себя родине, пред лицом неприятеля; никакие другие причины на учет приняты быть не могут. В последствии статут дополнялся и, в итоге, крестом Виктории мог быть награжден каждый подданный Империи (хотя, до сих пор, ни одна женщина его не получила).

Этот бронзовый, четырехконечный крест, с уширенными концами, размером в полтора дюйма, имеет в центре "британского льва" над королевской короной, снизу окруженной лентой с надписью "For valour" (За доблесть); он висит на прямой пряжке, украшенной лавровым орнаментом, сквозь которую продевается темнокрасная лента; это отличие носится выше всех прочих орденов. На гладкой оборотной стороне креста гравируются имя и фамилия награжденного, название части (или корабля) и дата награждения. Если кто-либо награждается этим же крестом вторично — на ленту первичного креста умещается одна только специальная пряжка (но таких случаев было только... три). Со дня учреждения этого креста, они чеканятся одной и той же частной фирмой и только из бронзы захваченных в Севастополе наших пушек. Было много случаев посмертных награждений, когда крест вручается вдове или ближайшим родственникам, лично, царствующим Монархем.

Фабрикация каждого креста стоит теперь около 2-х фунтов, но когда он поступает в продажу, цена всегда очень высокая. Проданный с публичного аукциона месяц тому назад крест, коим был награжден сержант Гвардейского Шотландского пехотного полка за бой 6-го сентября 1855 г. в Крыму — был куплен этим полком за 480 фунтов. Первым кавалером этого креста — был молодой морской офицер, за подвиг при взятии Аландских островов, в Балтийском море, 21-го июня 1854 г. За истекшие 100 лет было выдано только 1.344 креста Виктории: за Крымскую войну — 111, за первую мировую войну — 633, за последнюю — 182, остальные выданы были за подвиги во времена многочисленных колониальных столкновений и экспедиций. Одна Великобританская (Европейская) армия получила: сухопутная — 864 креста, флот — 118 и воздушные силы — 31, (остальные 331 крест были выданы чинам заморских и колониальных частей). В данное время в "Содружестве" проживает около 400 кавалеров креста Виктории; точное количество не установлено, ибо Военное Министерство ведет учет лишь тем кавалерам, кои пожелали получить присвоенную этому кресту пенсию (при учреждении, как единственная привилегия, пенсия была 10 фунтов в год, теперь она может достигнуть 75 фунтов, если "нуждающийся" кавалер об этом попросит).

Летом текущего года организуется съезд всех кавалеров этого креста и состоятся торжества, во главе с Королевой. Но, как это ни странно "обнаружить этих кавалеров" не так легко, причину этого явления, чрезвычайно типичного, можно найти и в исключительной сдержанности и скромности британского характера, бритты менее всего склонны высказываться (а где же там похваляться), по поводу всех своих внутренних переживаний, а тем более "подвигов"... Во вне-служебное время все военные стараются одеваться в штатские костюмы и, конечно, ни каких наружных признаков своих наград не носят*). Весьма характерен нижеследующий случай: после первой мировой войны, в одном из маленьких английских городков, должно было состояться открытие памятника убитым воинам; пригласили фельдмаршала гр. Грейга возглавлять это торжество, но он задал вопрос: — нет ли среди местных жителей кавалера креста Виктории, коему более приличествовала эта роль. Долго наводили справки, пока не обнаружилось, что городской мусорщик, всем жителям давно знакомый, оказался кавалером этого креста...

В связи с этим 100-летним юбилеем появились в печати многочисленные заметки, воспоминания и биографии самых выдающихся кавалеров креста Виктории (впервые выдвинут проект выпуска альбома с портретами и проч.). Кстати, стараются разрешить вопрос, что такое "храбрость". Пылкая ли доблесть бойца в разгар смертельного боя, или же строго обдуманная стойкость того, кто предчувствует неминуемость смерти, но духом не падает... Проявления храбрости чрезвычайно разновидны и навряд ли определить ее в нескольких словах возможно. Безусловно одно: что немногим, скажем, огромному меньшинству, суждено вернуться домой и носить отличие, подобное кресту Виктории.

За сто лет только трое удостоились повторному

---

*) В "Содружестве" (быв. Империи) давно установлена привилегия писать, и произносить, после фамилии, не всем понятные буквы. Эти буквы указывают, какие высокие ордена или боевые отличия или научные звания присвоены данной фамилии. Так — кавалерам креста Виктории принадлежат литеры — "V. C.".

награждению крестом Виктории... Один из них, новозеландец, капитан Уфэли, теперь живет с семьей на одинокой ферме, в труднодоступных горах родного острова.

В 1939 г., 28 лет, он был зачислен в 20-й Новозеландский батальон, укомплектованный туземцами "киви", отважными "маори". Он отказался от производства в офицеры, храбро дрался и в Греции, и на острове Крите (его командир говорил: "У него столько подвигов, что он заслужил несколько крестов Виктории). Долгая дезинтерия превратила его в скелет, но в нужную минуту, уже будучи тяжелораненным, он пробился сквозь немецкие окопы, сея смерть вокруг себя. Тогда ему дали крест Виктории и произвели. В 1942 г., в северо - африканской пустыне, будучи дважды тяжелораненым, один пошел на немецкий блокгауз, разрушил его гранатами и тогда занял его своими "киви", но их окружили немцы и шестерых, оставшихся в живых, взяли в плен. За неоднократные попытки к бегству, немцы посадили Уфэма в зловещий Колдицкий замок, где содержались самые непокорные пленные... Вернувшись домой, его сограждане собрали по подписке 10.000 фунтов и хотели их вручить своему герою, но он пожертвовал эти деньги на воспитание сирот убитых "киви".

В конце июня этого года, все кавалеры креста Виктории были собраны для празднования учреждения этого отличия. 25 — Богослужение в Вестминстерском Аббатстве, 26 — представление Королеве на смотру в Хайд-парке, вечером, прием в парке Мальборо-Хауз Королевой матерью. Прямые потомки умерших кавалеров будут тоже присутствовать на всех торжествах, среди них — 13-летний Робин Сендис-Кларк, имея на груди все отличия своего отца, убитого в Тунисе в 1943 году (он был пятым кавалером Виктории в своем роду).

Отметим еще одну подробность: крест Виктории был неприемлем для доброй половины разноплеменной Индийской армии, как состоящей из мусульман (поэтому там были созданы "эрзатцы", имевшие форму звезды). В Росси же мусульмане (и другие нехристиане) уже с 40-х годов прошлого века награждались всеми Императорскими орденами и отличиями, имеющими форму крестов, но вместо изображения святых или их вензелей (св. Георгия, св. Владимира и проч.) в медальоне помещался двуглавый орел. На медали же, пожалованной Императором Николаем I некоторым частям турецкой армии в 1833 г., маленький крестик, венчающий императорскую корону над вензелем, не был исполнен... — это ли не деликатность?

Заканчивая этот краткий очерк о кресте Виктории мы позволим себе высказать мнение, что именно этот крест, в сравнении с подобными отличиями других государств — наиболее отвечает своему пазначению.

Владимир фон-Рихтер

Защита Зимнего Дворца

25 октября 1917 года

Гатчина... Час ночи...

Я сидел у себя дома, и разбирался в приказах, циркулярных постановлениях и другой бумажной волоките, так как всего три месяца назад, принял Школу Прапорщиков Северного Фронта. Неожиданный звонок. Я отворил дверь и увидел вестового канцелярии. Не дожидаясь моего вопроса, он подал мне бумажку, доложив:

— Телефонограмма Главковерха. Там сказывали, очень спешно.

Это был боевой приказ Главковерха: "Немедленно выступить с юнкарми Школы в Петроград, Зимний дворец, па защиту Временного Правительства".

Со 2 на 3 июля того же 1917 года, Школа уже была вызвана в Петроград, и подавила первое восстание большевиков.

Подняв юнкеров, я приказал построиться во дворе, при полной боевой выкладке, а сам, тем временем, телефонами снесся с железнодорожниками о немедленном предоставлении воинского поезда. В это время, ко мне в канцелярию, вошел школьный комитет: председатель, поляк, юнкер Малиновский, латыш, не то литовец Балдамус, и третий, эстонец, фамилии коего не упомню. Эти юнкера потребовали от меня немедленной отмены приказания, так как я, якобы, не имел права отдавать такового, без согласия комитета. Осадив этих голубчиков "боевым приказом", я повел роты, и в 5-м часу утра, поезд двинулся на Петроград, куда мы прибыли на Варшавский вокзал, в начале седьмого часа утра, 25 октября.

Накануне, 24, еще в Гатчине, я слыхал, будто в столице ожидаются беспорядки, но слухи тогда были так обильны и противоречивы, что особого значения я им не придавал. Однако, в поезде, меня многое стало тревожить. Особенно, упорно ходившие, слухи о переходе гарнизона столицы на сторону большевиков. Поэтому, высадившись на Варшавском вокзале, я наметил маршрут к Зимнему дворцу, по возможности минуя казармы. Перейдя мост, через Обводный канал, мы свернули на Лермонтовский проспект, чтобы миновать Измайловские казармы, далее мимо Мариинского дворца и, наконец, по Морской, под Аркой, вышли на площадь Зимнего дворца.

День был ненастный, сыро-холодный, слегка моросило, словом типичное Петербургское осеннее утро. Улицы почти пустые, одиночные пешеходы, да несколько дворников, подметавших у ворот. Мы были не спавши, голодные и продрогшие.

Оставив свой батальон у Александровской Колонны "оправиться", я вошел в Штаб войск гвардии и Петербургского военного округа. Двери настежь открыты, внизу, в передней, груда бумаги, сломанные стулья, какие-то свертки и склянки. Впечатление разгрома. Я поднялся на первый этаж — там также никого, и полный хаос. Стал окликать — ответа не было. Наконец, мне почудились, где-то в конце коридора, голоса. Я — туда. Что ни дверь — то в комнате все перевернуто, до столов включительно — но никого нет. Наконец, в одном из последних покоев, я нашел двух офицеров: полковника Полковникова и, повидимому, его адъютанта, штабс-капитана в штабной форме.

На мой вопрос — где бы я мог повидать Командующего войсками Округа — полковник, дрожащим, полузаикающимся голосом, как бы, нерешительно, сознался, что это он самый и есть. Когда я ему сообщил, что прибыл со Школой Северного Фронта на защиту Правительства, мой полковник сразу успокоился и заговорил нормальным голосом. Оказалось, что все писаря и весь штаб, ночью, побросали работу и оставили его на произвол судьбы. На мой вопрос — куда же пристроить мою часть? — полковник мне посоветовал ввести юнкеров в Зимний дворец.

Во дворце мы расположились в нижнем коридоре, что тянулся параллельно площади. Юнкера быстро применились к местности, нашли ход на кухню, сами растопили плиту и сварили чай. Во всем дворце ни одной живой души. Лишь в десятом часу показались два дворцовых лакея. От них я узнал, что имеется и дворцовый комендант, но он еще спит. Наконец, комендант появился. Был 11-й час. Я ему представился. Это был полковник лейб-гвардии Петербургского полка, фамилии не помню, сильно изнуренный и, как мне показалось, нашим присутствием не особенно довольный. Обсудив положение и обстановку, комендант решил охранять дворец, высылая цепи наружу, и тем самым, преграждая в него доступ. Я возражал, так как, по моему, цепи можно высылать только в виду противника, что, в данном случае, не соответствует положению.

— Разве нас не окружает противник? — спросил меня комендант, — разве большевики не противник? Нам надо оградить себя, пока не подойдет помощь, в лице всех военных училищ.

— А вы, господин полковник, уверены, что они придут? — спросил я.

— Вне всякого сомнения, меня Керенский телеграммой заверил, что даже извне придут Школы прапорщиков, а здешние училища я ожидаю с минуты на минуту, — уверенно парировал комендант.

Мой штаб расположился в первом этаже, в угловой комнате, окна которой выходили, как на площадь, так и на Александровский сад, благодаря чему было большое и удобное поле зрения.

Около часу дня, движение на улицах значительно усилилось, хотя трамваи и не ходили. Между прочим, в нашем горячем споре с комендантом, дело дошло до того, что я задал ему вопрос, как большевики выглядят?

— Я видал в Пруссии немцев, в Австрии — австрийцев, а как определить большевиков не знаю....

— Большевик... большевик... все, что на улице, то большевики, и их всех надо уничтожать, а пока удалить от дворца, — раздраженно ответил он.

Надо было, во что бы то ни стало, заставить коменданта отказаться от безумной затеи выслать цепь на улицу, и тем самым "раздразнить" противника — большевиков, или, хотя бы, выиграть время пока подойдет помощь, если Керенский коменданта не обманул, и я продолжал надоедать коменданту своими, может быть нелепыми, вопросами.

— Вы говорите, полковник, — все, что на улице — все большевики, а вот, посмотрите, вдоль ограды сада идет какая-то дама в шляпке и ведет за руку девочку — это тоже большевики?

Тут, терпение начальства, что называется, лопнуло и полковник раскричался:

— Тут я комендант, вы, полковник, мне подчинены, я нахожу вашу выходку дерзкой, я лишаю вас командования... Первая и вторая роты построиться,— крикнул он и через какие-нибудь 3-4 минуты вывел их из дворца.

Прошло с полчаса, пока он успел обе роты расположить поперек Дворцового моста, далее от набережной по Александровскому саду, до угла Невского (до Главного Штаба), затем под Аркою, и далее, до дворца. Я стоял у окна и скорбел душой за моих юнкеров. Едва была закончена эта расстановка, как со стороны Васильевского острова, по Дворцовому мосту, показался броневик, а вдоль Адмиралтейской набережной задвигалась солидная толпа матросов и красноармейцев с винтовками. Словно по чьему то сигналу, и броневик, и толпа, открыли огонь по юнкерам. Разъяренная толпа на мосту, поднимала юнкеров на штыки и бросала в Неву. В другом конце стали собирать юнкеров в группы, и куда то уводить. Два красноармейца повели нашего коменданта через мост, он сопротивлялся, но один из конвоиров ударил его прикладом по голове и полковник остался лежать неподвижно. Оставшиеся в помещении, 3 и 4 роты были всему этому очевидцами. Гробовое молчание наступило во дворце. Нас всех охватила жуть и только мало-помалу мы стали приходить в себя. Члены комитета подошли ко мне и попросили принять командование, как прежде, они де будут повиноваться моим приказаниям "без всякой оппозиции", как они выразились.

Между тем, на улице все успокоилось. Ни броневиков, ни героев-красногвардейцев, зато много шатающихся солдат, грызущих семечки, да... трупы наших убитых юнкеров. Помощь не подходила. Ни одно училище не явилось ко дворцу, а ряды мои уменьшились на половину. Что мне было делать? Как выйти из этого положения. И вдруг... О, Боже... подошла помощь... и кто же? Женский Ударный Батальон, в составе 224 воинов-женщин. Мне доложили об этом, и о том, что батальон стоит внизу в коридоре, в ожи-

дании распоряжений. Я отправился вниз — приветствовать.

Не без волнения, подошел я к фронту выстроившихся женщин. Было что-то непривычное в этом зрелище и надоедливые мысли буравили моз: "провокаторши".

Скомандовав "смирно", одна из женщин отделилась от правого фланга и подошла ко мне с рапортом. Это была "командирша". Высокого роста, пропорционально сложенная, с выправкой лихого гвардейского унтер-офицера, с громким отчетливым голосом, она мгновенно рассеяла мои подозрения, и я поздоровался с батальоном. Одеты они были солдатами. Высокие сапоги, шаровары, поверх которых была накинута еще юбка, также защитного цвета, волосы подобраны под фуражку.

В то время, как я принимал, подошедших нам на подмогу, ударниц, во дворе Зимнего дворца, раздалось подряд два разрыва снарядов. Оказалось, что крейсер "АВРОРА" подошел к Николаевскому мосту и произвел по дворцу два выстрела.

Наше положение становилось критическим: водопровод был кем-то и где-то закрыт, электричество выключено и, по сообщению "разведчиков", красногвардейцы, матросы и солдаты Преображенского запасного батальона пробрались в чердачное помещение дворца. Вскоре, мы ясно расслышали, что над нашей штабной комнатой, сверху разбирается потолок. Я приказал во всех проходах и лестницах устроить баррикады, из имеющейся в покоях, мебели. В начале 4-го часа, за баррикадами появились "большевики". Начался форменный "комнатный" бой, длившийся более часу, пока окончательно не стемнело.

Нападавшие, которые оказались пьяной толпой, покинули дворец и мы, несколько, вздохнули. Где-то нашелся ящик со свечами, и я стал обходить наши баррикады. Что представилось нашим глазам, при тусклом свете мерцающих свечей, трудно описать. Пьяная ватага, почуяв женщин за баррикадами, старалась вытащить их на свою сторону. Юнкера их защищали. Груды убитых большевиков удвоили ширину и высоту баррикад, получился словно бруствер из трупов. Тем не менее, большинство ударниц все же попали в лапы разъярившихся бандитов. Всего, что они с ними сотворили — я описать не могу — бумага не выдержит. Большинство были раздеты, изнасилованы, и, при посредстве воткнутых в них штыков, посажены вертикально на баррикады. Обходя весь наш внутренний фронт, мы наткнулись в коридоре, у входа в Георгиевский зал на жуткую кучу: при свете огарков, мы увидали человеческую ногу, привязанную к стенному канделябру, груда внутренностей, вывалившаяся из живота, из под котораго вытягивалась другая нога, прижатая мертвым телом солдата; по другую сторону, вытянулся красногвардеец, держа в зубах мертвой хваткой, левую руку жертвы, а в руках оборванную юбку. Голову жертвы покрывала нога матроса, который лежал поверх. Чтобы разглядеть лицо женщины, нам пришлось оттянуть труп матроса, но это было нелегко, так как она, в борьбе, зубами вцепилась в ногу матроса, а правой рукой вогнала кинжал ему в сердце. Все четверо уже окоченели. Оттащив матроса, мы узнали командиршу ударниц.

Было уже около 8 часов вечера, когда мы окончили обход. Что нам было делать? Оставаться тут и ждать помощи, которая не шла? Я обсудил вопрос с нашим комитетом, и решил, чтобы два его члена отправились в Смольный, где, по слухам, заседал Революционный Комитет и спросили разрешения нашей Школе возвратиться в Гатчину. Около одиннадцати часов они вернулись, имея пропуск за подписью самого Ленина. Я построил уцелевших юнкеров, оставшихся в живых 26 женщин переодел в юнкерскую форму и поставил в ряды юнкеров. В 11 часов мы покинули дворец.

На Мариинской площади, близ памятника Императору Николаю I, нас остановили матросы, которым мы показались подозрительными. Наши уверения, что идем с разрешения Революционного Комитета, ни к чему не приводили, в подлинности подписи Ленина — сомневались, и лишь, когда я с матросом из Мариинского дворца снесся по телефону со Смольным и матросы лично услыхали, что пропуск действителен, нас отпустили. Однако, с условием, чтобы мы винтовки составили в козлы и оставили на площади. Пришлось подчиниться силе. По Вознесенскому, и далее, по Измайловскому проспектам мы, во втором часу ночи, подошли к Варшавскому вокзалу, сели в вагоны, и отбыли к себе, в Гатчину.

Я не могу не помянуть подвиг женщин-ударниц, этих героинь, которые сознательно дрались и умирали, и тем самым воздвигли памятник Русской Женщине, и пусть строки мои о их доблести и муках будут венком на их неизвестных могилах.

О. фон-Прюссинг

ЛАМПЫ

В начале октября 1914 года во время позиционной войны на реке Сан у села Лежахов, я — поручик 5/32 батареи — проснулся однажды ночью в окопе, где мы спали вдвоем с шт.-кап. Курзеньевым. Окоп этот был столь тесен, что мы оба должны были спать, или оба на правом, или оба на левом боку, а если кто из нас уже не мог выдержать, то должен был разбудить другого, и попросить и его повернуться.

Итак, я проснулся. Мне показалось, что идет сильный дождь, ливень, и я осторожно подполз к выходу: — выпрямиться в окопе было невозможно, а потому и "подойти" тоже. Я высунул голову, и сейчас же дернул ее обратно: это был дождь, но дождь пуль.

Естественно, мое движение разбудило Курзеньева:

— Какой ужасный дождь, — заметил он сонным голосом.

— Это не дождь, — возразил я: — но пули.

— Не может быть, — усумнился он.

— Посмотри сам, — ответил я.

Курзеньев окончательно проснулся и повторил все мои движения: подполз к выходу, высунул голову и сейчас же спрятал ее обратно.

— Однако, — сказал он затем. В это время в окоп вскочил и сел на корточки телефонист:

— Ваше Благородие. Командир бригады приказали открыть огонь по Цу Воля Буховска.

Дело, казалось бы, самое обыкновенное: мы постоянно стреляли туда и имели все данные. Но для ночной стрельбы нельзя пользоваться дневной точкой наводки, ибо темно и ее не видно. Для ночной стрельбы, каждое орудие имеет сзади, шагах в 50-100 поставленную веху и наводит в зажженный фонарь, висящий на ней. (Так было в 1-ой мировой войне. Потом это было усовершенствовано).

Все было бы хорошо, если бы эти фонари горели всю ночь, но на всю ночь их не хватает, а, кроме того, расход керосина был бы слишком большой — где его взять? Поэтому приходилось экономить и зажигать фонари только в случае надобности. Это, конечно, задерживало открытие огня, но лишь немного, и при нормальных условиях не сопровождалось особыми трудностями.

Однако, в данном случае, в ливне ружейных и пулеметных пуль, дело было совсем иное и означало нечто вроде посылки восьми человек на верную смерть, а потом — когда первые будут убиты, следующих восьми, и т.д. Своего рода "мясорубка" для истребления собственной батареи, и всего лишь потому, что мало керосина и фонари не расчитаны на горение всю ночь.

Во мне все внутри переворачивалось, но подать команду надо было, несмотря ни на что, и я закричал:

— Рассветить фонари.

Сто шагов туда, бегом, конечно, зажечь фонарь, повесить на веху, сто шагов обратно — небольшой срок, и в то же время — целая вечность.

Фонари начали вспыхивать один за другим, все восемь. Я подал команду для стрельбы, и добавил:

— Доложить, когда все люди вернутся. — И что же — вернулись все целыми и невредимыми.

Такое зажигание фонарей, конечно, не было предусмотрено Георгиевским статутом в качестве подвига. И статут был прав: зажигание фонарей — нормальная работа для артиллеристов, и ничего геройскаго в этом нет, и быть не может. Но почему тогда исправление телефонного провода под огнем, было отнесено к числу подвигов? Ведь это тоже самая обыкновенная работа.

Этим пунктом мы воспользовались для представления к Георгиевским крестам наших "ламповщиков": все они на бумаге "исправляли провод под огнем".

В. Е.Милоданович

Три недели в Туземной дивизии

Мы наступали в Карпатах. Я был в 1-ой батарее, 60-й Артиллерийской бригады, старшим офицером. Неожиданно получается приказ К-ра бригады о выделении 4-х орудий, под моей командой, в распоряжение Н-ка отряда "Туземной Конной Дивизии", полковника князя Святополк-Мирского. Подготовляю все и выступаю с двумя офицерами нашей батареи. Являюсь Н-ку отряда, получаю задание: выбрать позицию для обстрела окопов противника, расположенных против отряда. Задача: подготовить атаку окопов и содействовать их занятию, а затем преследовать огнем, если противник отойдет. Рассветает. Вижу окопы противника, в которых движение очень мало. Так же спокойно и в окопах отряда. Ничто не предвещает атаки.

Первая моя обязанность сделать пристрелку по важнейшим пунктам, на случай атаки, нашей или противника. Видимость прекрасная. Жалея снаряды, начинаю экономную пристрелку отдельными снарядами, надеясь проверить, когда придется вести интенсивный огонь. Недостаток снарядов нас приучил их беречь, вопреки правилам стрельбы. Выручал опыт наблюдения. Записал дистанции и направления на важнейшие точки. Прекратил стрельбу, ожидая приказаний и начала атаки.

Телефон:

— На ваш наблюдательный пункт приедет начальник "Туземной Дивизии", Великий Князь Михаил Александрович, к 11 часам дня.

Как нарочно, начинает стрельбу одна австрийская батарея. По стрельбе и звукам, вижу, что она стоит очень далеко, и ее наблюдательный пункт тоже, ибо стрельба ниже всякой критики: одни журавли, т.е. высокие разрывы шрапнели, которые дают на землю пули уже обессиленные, иногда не пробивающие даже кожу человека, а корпус шрапнели может только случайно вывести из строя человека или лошадь. Разрывы над деревней, в 2-х верстах от меня. Вдруг соображаю: там же едет Великий Князь. Начинаю волноваться. Найти батарею противника невозможно, она очень далеко. Тылов и блеска не видно. Найти трубку, чтобы определить расстояние, нельзя, они падают в глубоком тылу.

Наконец вижу: Великий Князь с группой офицеров Туземной Дивизии. Входит на наблюдательный пункт. Я представляюсь и докладываю о целях и задаче батареи. Показываю окопы противника. Мне приказывают открыть огонь и усиленно стрелять по окопам. Исполняю приказание, считая, что огонь бесполезен, раз атаки нет, ни с той, ни с другой стороны.

С болью в сердце начинаю расходовать снаряды, зная, что австрийцы из окопов убегают, во время стрельбы, в тыл, и их занимают снова по прекращении огня. Так как пункты пристрелены, то эффект стрельбы большой. Гранаты ложатся в окопы. В окопах Т. Д. движение: вылезают из окопов, становятся во весь рост, в бурках, и стреляют. Меня окружают офицеры Т. Д., выражая удовольствие и удивление меткости стрельбы, а у меня скребут кошки внутри, что я стреляю зря и напрасно трачу снаряды. Считаю, что спектакль может кончиться плохо, я останусь без снарядов. Получаю заверение, что снаряды мне доставят, сколько я хочу. Продолжаю бесполезную стерльбу. Атаки нет. У противника спокойно. Вдруг подходит ко мне Великий Князь и говорит: "Вот всегда так: охотник стреляет по куропаткам (показывая на противника), а куропатка лежит у его ног, да еще совсем готовая, очищенная и поджаренная".

Смотрю, на окопе для меня кусок куропатки — угощение Вел. Князя. Я благодарю и продолжаю наблюдение. К 4 часам дня, падающий снег все закрывает. Прекращаю стрельбу. Великий Князь снова показывает на куропатку. Она вся занесена снегом.

За этот день Великий Князь был представлен к Ордену Св. Георгия. С рассветом следующего дня, сообщают, что начинают атаку окопов. Открываю огонь. Просят прекратить. Австрийцы очистили окопы ночью, и отошли. Все довольны. Цель достигнута. Снимаю батарею, догоняю Т. Д., на рысях и так двигаюсь, хотя это вопреки всем правилам полевой батареи, которая двигается рысью только в исключительных случая. В остальном — береги коней на нужный момент. Выбираю новую позицию. Начальник отряда на открытом совсем месте, около маленькой сосны, на склоне к противнику, в виду их окопов. Сидит и вызывает к себе начальников. Телефон: "командира батареи к начальнику участка".

Выхожу из окопа, иду... Все открыто. Подхожу, получаю задание. Иду обратно. Отдельные выстрелы. Жужжат пули — охота за мной. Подхожу к своему окопу, начинаю спускаться. В это время очередь пулемета по окопу. К счастью моя голова была уже ниже бруствера и только земля из под пуль меня обдает, как душ. Такое обыкновение начальника отряда ему стоило жизни в ближайшие бои. С этих позиций противник снова отступил. Снова шли вперед на рысях. Был туман. Вдруг все остановилось. Только ночью сообщили, что мы в окружении. Я получил приказ стрелять. Сплошной туман. Сообщают, что противник в ближайшей деревне. Расчитываю по карте все данныя, сообщаю батарее и начинаю самую интенсивную стрельбу. Проходит несколько времени. Телефон:

— Очень хорошо стреляете. Противник бежит из деревни. Входим в деревню.

Вызывает начальник отряда. Благодарит и говорит:

— Ваша миссия кончена, Можете вернуться в свою часть. К нам подходит конная батарея.

Через месяц узнаю, что начальник отряда меня представил к Георгиевскому Оружию, за бой по выходу из окружения, и боих этих недель.

Возвращаюсь в часть с большим удовлетворением, что познакомился с нравами Туземной Дивизии. Все, как друзья, все на ты. Начальства незаметно. Характер всадников Туземной Дивизии известен по анекдоту: офицер видит спящего часового:

— Почему ты спишь на посту?

— Не боюсь, поэтому сплю. Если твоя боится — не спи.

После боя я видел всадников, которые несли по 5—6 винтовок противника, как трофеи, чтобы отправить домой. Доказательство геройства. Из окопа стрелять не могли, всегда вылезали и стреляли стоя. Издали казалось, что на окопах снопы, так как на них были бурки. Начальник отряда и офицеры были со мной обаятельны. Никто не вмешивался в мои распоряжения и стрельбу.

На всю жизнь у меня останется отрадная память об этой части и об ее своеобразном быте.

Вечная память погибшим ее героям и герою полковнику Князю Святополк-Мирскому.

Да, будет им земля пухом.

Л. Беляев

Варшавская военно-фехтовальная школа

Прочтя в №№ 6 и 7 "ВОЕННОЙ БЫЛИ" статью М. Ф. Георгица о Главной Гимнастическо-Фехтовальной Школе, я хотел бы кое-что ответить на нее, и осветить жизнь нашей Варшавской Военной Фехтовально-гимнастической Школы. Должен сказать, что после празднования 25-летнего ее юбилея, Начальником указанной школы, генералом Богацким был подан по начальству проект о развертывании нашей школы и, вот, согласно этому то проекту и была основана в Петербурге школа с наименованием Главной Ф.-Г. Школы.

Что же представляла из себя эта Варшавская Военная Ф.-Г. Школа, послужившая прообразом для создания Главной?

Переменный офицерский состав примерно 60-70 человек и нижних чинов — 120. В офицерском составе были настоящие любители спорта, но попадались и просто "любители" весело провести год в Варшаве. Состав же нижних чинов, по своему подбору, был замечательный. Преподавались: фехтование, гимнастика и легкая атлетика, но, должен сказать, что последнею многие манкировали, и я первый, потому что, хотя она и развивает физически, но скрепляет мускулы и связывает легкость движений для фехтования и гимнастики.

В конце учебного года, происходили экзамены и 1-2 наиболее выдающихся офицера оставлялись в постоянном составе. Также оставлялись и несколько лучших нижних чинов, преимущественно кавалеристов, как имевших лишний год службы. Нижних чинов по-

стоянного состава было до 50-ти. Им давали уроки фехтования штатские инструктора-профессионалы, а они, в свою очередь, учили нижних чинов переменного состава, в присутствии и под наблюдением двух штатских профессионалов в каждой группе. Когда нижние чины постоянного состава, после трехлетнего пребывания в Школе, уходили в запас, 1-2 лучшим предлагали остаться в Школе, в качестве инструкторов-профессионалов. Таких штатских инструкторов-профессионалов, в мое время, было до 15-ти. Лучших из них посылали на год в Италию, пройти курс высшей школы фехтования. Инструктировал в Школе этих людей м-р Мишо, равного которому почти не было в мире. Ими же комплектовались Окружные Школы, и, например, в 1901 году, когда безрукий штаб-ротмистр Дроздовский, имевший Первый приз за фехтование (в то время Императорских еще не было), был переведен из постоянного состава Варшавской Школы сменным офицером в Елизаветградское Училище, он взял с собой двух штатских инструкторов, Ждановского и Агафонова, для преподавания фехтования в Училище.

Постоянный состав инструкторов офицеров в Варшавской Школе был замечательный. Назову хотя бы Андреева, Балутина, Булацеля III, Данича, Гибера, Гаворского, Липарского, Солодовникова. Упомянутые у М. Ф. Георгица, Шкилев, фон-Фельдман и неупомянутый инструктор Главной Школы Яковлев — прошли курс Варшавской Школы, причем Шкилев и Яковлев с Императорскими призами. Кроме них, в Главную Школу был приглашен штатский инструктор Заковорот и иные. На Стокгольмской Олимпиаде, участвовало по фехтованию, шесть человек Варшавской Школы.

О преподавании фехтования в кадетских корпусах говорить не стоит, — это была детская забава, из училищ же думаю, что оно лучше всего было поставлено в Елизаветградском кавалерийском, благодаря упомянутому штаб-ротмистру Дроздовскому и инструкторам, которых он привез с собой. Но юнкера чрезвычайно заняты, благодаря обширному курсу, который надо пройти в два года, и потому, несмотря на благоприятный материал, в два часа в неделю нельзя было постичь, даже немного, фехтование. На состязаниях в Училище, я получил второй приз и запись на мраморную доску и, пожалуй, не получил первого только потому, что, как сам слышал, один из судей сказал: "куда же ему вешать вторую шашку". Дело в том, что два дня тому назад, я получил почетное оружие - шашку и запись на мраморную доску, за отличную езду.

В полку, у нас, был нанят преподавателем фехтования великолепный штатский инструктор-профессионал Варшавской Школы, Душек. Его из Школы убрали за пьянство, но в полку он преподавал утром в Учебной Команде и эскадронах, а от 11 до 12 — офицерам, и в пьянстве никогда замечен не был. Итак, поступив в Варшавскую Школу, я думал, что из себя что-нибудь, в области фехтования, представляю, как никак в Училище — 2-й приз, в полку — Душек... но, прибыв в Школу, я сразу понял, что в фехтовании я меньше, чем зеро и, как говориться, и ступить не умею.

В гимнастике и легкой атлетике у нас тоже были отличные инструктора, но Варшавская Школа не обладала достаточными средствами, чтобы иметь их класса известного Эрбена. Несравненный инструкторский состав вырабатывался, как я писал выше, в самой Школе.

В 1913 году была Киевская Олимпиада и на нее поехали от нашей Школы офицеры-инструктора, штатские профессионалы и 40 человек нижних чинов постоянного состава. По прибытии в Киев, нам было заявлено, что штатские профессионалы выступать не могут, а нижние чины постоянного состава выступят только вне конкурса. Здесь я передам, почти слово в слово, описания выступлений, из сохранившихся у меня местных газет.

"После небольшого перерыва, начались спортивные состязания. Первыми состоялись состязания по гимнастике. В этих состязаниях приняла участие группа офицеров Главной Гимнастическо-Фехтовальной Школы в Петербурге, в составе 20 чел. Участники команды, с большой ловкостью и умением, исполнили ряд удивительно красивых и изящных гимнастических упражнений, состоявших из вольных движений, работе на параллельных брусьях, на кольцах, на "кобыле", и упражнениях с гантелями, с фигурами в виде круга, креста, и т. п. Всеми этими упражнениями руководил инструктор, чех Эрбен. Состязания эти закончились в начале 2-го часа дня и судьи присудили офицерам 173 1/4 очка, признав их выступления образцовыми".

"...публике больше понравились упражнения, вне конкурса, нижних чинов Варшавской Г.-Ф. Школы, которые, с изумительной чистотой, проделали ряд групповых упражнений. Особенно хороши фехтовальные приемы с ружьями и рапирами. Нижние чины проявили, в движениях, много дисциплины и согласованности, вызвав бурные одобрения со стороны публики".

"...железная дисциплина, строгая, безукоризненная ритмичность и симфоническая стройность, давали впечатление чего-то цельного, слитого незримыми пружинами, которые приводили в движение весь этот многоликий механизм. И в сокольских упражнениях, и в штыковых приемах, и в фехтовании на саблях. В зеленых одеждах, с лицами закрытыми масками, со сверкающими клинками в руках, мощные, стройные и гибкие, они, действительно, напоминали те линии и группы, которые мы видим на фресках и в музеях, в статуях гладиаторов и бойцов. Выступали они "вне конкурса" и, действительно, с ними конкурировать трудно. Публика раскачалась и, при повторных появлениях, встречала их дружными и громкими овациями".

Могу добавить, что когда команда нижних чинов Варшавской Военной Ф.-Г. Школы, в разноцветных безкозырках и погонах, ходила по Киеву, — публика встречала их неописуемыми овациями.

Миниатюры прошлого

Наше поколение видело могущество России и блеск ее Императорской Армии, мы были свидетелями их крушения и ужасов гражданской войны. Живя теперь в чужой нам обстановке и оборачиваясь назад, неизвестно почему, но с полной ясностью рождаются вновь в нашей памяти события давно минувшего.

1. — Лето 1916 года. Жестокие кровопролитные бои нашей Гвардии на Стоходе. В ближайшем резерве, небольшом лесу "Кроватки" и окрестных хуторах сосредоточено четыре кавалерийских дивизии, в ожидании прорыва неприятельской позиции. Мой полк в лесу стал смежно с коновязями буланых лошадей Ахтырских гусар. Беспрерывно все усиливающийся гул артиллерии сотрясал воздух. Сотни тяжелых орудий громили позиции и ближайшие резервы. Здесь намечался главный удар нашего Юго - Западного фронта. Конница, тем временем, подведенная к тылам пехоты, бездействует, выжидая событий.

Несколько офицеров нашего полка встретили друзей по выпуску среди Ахтырских гусар, я же своего друга Н-го, с которым в корпусе многе лет просидел на одной парте. Час спустя уже играют трубачи и поют песенники; все рады встрече и стараются не думать о бойне, происходящей в 4—5 верстах, от нас, сознавая каждый, что не сегодня-завтра и мы будем призваны принять участие в общем кровавом пире войны.

Сегодня, в дружеской беседе, — корпус. училище, война... Картины прошлого проходят перед глазами; беззаботно мы смотрим вперед, верим в победу... День клонится к вечеру и мы расходимся по своим бивуакам. Вдали пылает деревня, подожженная нашей артиллерией. Часа два спустя, в полной темноте, приходит приказание:

— Седлать!

При свете догорающих костров, люди выводят лошадей, повсюду слышны команды и окрики, на дороге по-эскадронно собирается полк. Мы идем на участок 3-й Гвардейской пехотной дивизии, которая после сильной артиллерийской подготовки перешла в наступление... Друг мой подошел попрощаться, мы крепко пожали друг другу руку, поцеловались и расстались, чтобы никогда уже больше не встретиться. Много позже он погиб на фронте...

2. — В октябре месяце того же года, проезжая верхом через одну из деревень, в тылу нашей позиции, я неожиданно столкнулся с другим приятелем по корпусу и выпуску, теперь поручиком Л. Гв. Волынского полка Алексеем Рацуль 2-м; грудь его украшал белый офицерский Георгиевский крест. Встреча была радостная, я горячо поздравил его с высокой наградой — мечтой каждого офицера. Отдав лошадь вестовому, я зашел к нему в дом и, за стаканом вина, он мне поведал свой подвиг (насколько я сейчас помню), — взятие на Стоходе в летних боях действующей неприятельской батареи.

Встретились мы с ним вторично, почти два года спустя, в Киеве, во времена Гетманщины, накануне его отъезда в Добровольческую армию; он был полон жизни и энтузиазма...

Месяц спустя, в газетах, в траурной рамке, среди имен офицеров Гвардейского Отряда, павших осенью 1918 г. в бою под Армавиром (Сев. Кавказ), я нашел и его...

3. — В гражданскую войну, на юге России, я, в течении почти года, служил в рядах Чеченской Конной дивизии, где впоследствии, командовал эскадроном.

Моя дивизия, в составе крупного сводного отряда, пересекла безводные степи и повела наступление на Астрахань, имея справа от себя Каспийское море. После первых успехов, боевое счастье нам изменило и обстановка создалась чрезвычайно тяжелая, вследствие высадки красного десанта у нас в тылу. С утра мы вели тяжелый спешенный бой, неся большие потери. Под вечер, нас сменили доблестные пластуны и мы отошли в резерв, где сосредоточены были обозы казачьей бригады и большинство раненых, лежавших на настланной соломе вдоль домов. Проходя по улице, я услышал слабый оклик:

— Г-н штаб-ротмистр!

Я подошел. На соломе, скорчившись, сидел молодой воин с забинтованной головой, и стонал, держась за бок. На окровавленной гимнастерке, были желтые погоны Владикавказского кадетского корпуса; ему было не более 14—15 лет. Я принес ему воды и какую-то еду и он мне кратко рассказал свою, столь банальную для тех жестоких времен, драму. Сын офицера, замученного большевиками, мать умерла в тюрьме от побоев и он, взяв винтевку, добровольно присоединился к проходившей через их город воинской части, горя желанием отомстить за смерть близких. Милый, славный кадетик, он сильно страдал и ждал обещанной эвакуации...

Ночью, в темноте, наш сводный отряд и остатки Чеченской конной дивизии, коротким ударом, опрокинули большевиков и вышли из окружения, но все раненые и большая часть обоза попали в руки красных...

4. — Потерпев неудачу под Астраханью, наш, сильно поредевший, отряд отошел на г. Кизляр. Случайно, по делам, я как-то заехал в штаб дивизии. Меня встретил молодой ординарец, на черкеске которого были нашиты родные мне белые кадетские погоны с буквами См. К. Этот бедный юноша, Глеб Ковалевский, не выдержал тяжелой походной жизни и, заболев тифом, вскоре умер.

Слава и вечная вам всем и многим тысячам Русской молодежи, за верность Отечеству на поле брани убиенным и в смуте погибшим.

Д. Де Витт.

ХРОНИКА „ВОЕННОЙ БЫЛИ“

ГВАРДЕЙСКИЙ СТРЕЛОК

По мобилизации 1914 года, я распустил свою Учебную Команду и принял в командование 2-ю роту. Должен сказать, что, несмотря на мою строгость к подчиненным, я всегда любил и крепко моего гвардейского стрелка. Я твердо верю, что он остался тем же самым, ничто его не изменило и те, кто смог понять его — никогда не разлюбят.

За первый бой, у Пешавы, моя рота, приказом по полку, получила имя "боевой", чем, конечно, мы все были очень горды. И вот, в одном из своих писем ко мне, наш последний Начальник дивизии, барон Штакельберг пишет: "Пропуская в первый раз на походе 3-й полк, я обратил внимание, что Вторая рота, единственная в дивизии, имела свои два пулемета на двуколках. На мой вопрос, командир полка пояснил мне следующее: в ночной атаке у Ломжи, в феврале 1915 года, 2-я рота, под командой Ауэ, взяла эти два пулемета, к которым никелированными цепочками были прикованы германские унтер-офицеры. С разрешения командира полка, пулеметы были переделаны на нашу пулю и Ауэ сформировал свой собственный взвод, который, приказом по полку, был объявлен *неприкосновенной собственностью Второй боевой*. Завет ротного командира Ауэ, при сдаче им роты, был — ни в каком случае не расставаться с этими пулеметами и доставить их на постоянные квартиры роты, в Царское Село, и вот, я сам видел ваши два пулемета, в Царском Селе, в помещении вашей старой роты, и они были сданы, вместе со всем полковым имуществом в Интендантство, при расформировании полка".

Вот лучшее доказательство того, что мой гвардейский стрелок *до конца* остался тем же, каким был, когда я делил с ним и горе и радости. Нужно сказать, что полк наш лейб-гвардии 3 Стрелковый Его Величества, до конца оставался более дисциплинированным. Видимо кровь наших родоначальников, Георгиевских кавалеров 1-й Гвардейской пехотной дивизии, из которых наш основатель Император Павел I, в 1799 году, сформировал для своей личной охраны наш батальон, сказалась более, чем через столетие...

Полковник *Х. А. Ауэ*

ПРЕОБРАЖЕНЦЫ И СЕМЕНОВЦЫ В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Петру было 13 лет, когда он завел "потешных", с целью защитить себя от стрельцов, преданных его честолюбивой сестре. Через четыре года преображенцы и семеновцы составляют уже серьезную боевую силу, имевшую артиллерию. Они были в тоже время и драгунами, и моряками, и судостроителями. С 1700 года Петр стал им давать самые разнообразные назначения. Не было ни одного учреждения, ни одной реформы, в которых офицеры этих полков не приняли бы участия. Царь посылал их с дипломатическими и другими поручениями за границу, по России они ездили, искореняя злоупотребления, усмиряя волнения, заседали в Сенате и Военной Коллегии. Не разлучаясь никогда со своим Царем, воспитанные под его руководством, они были первыми пионерами цивилизации на Руси, образцами не только для остальной армии, но и для всякого гражданина, каким должен быть всякий Русский, по идеалу Великого Монарха. Само войско, по идее Петра, должно было представить силу, не враждебную цивилизации, а содействующую ей. Поэтому, каждый юбилей эти полков имеет значение не только, как военный праздник, но и как праздник *подлинной* Российской интеллигенции.

Извлек *Л. Г.*

О РУССКОЙ ВОЕННОЙ ФОРМЕ

В царствование Императора Павла, военная форма, как и при его родителе, являлась точным повторением прусской. С воцарением Императора Александра I, военная форма в России приняла французский образец, а именно: мундиры с высокой талией и с узкими фалдами сзади, стоячие воротники до ушей, застегнутые на 4 крючка. Обувь — мягкие ботфорты, кроме кавалерии и, как головной убор, — треугольная шляпа с белым или черным султаном. Мундиры были в обтяжку и, вообще, вся аммуниция очень неудобна для похода.

В царствование Императора Николая Павловича, ботфорты были отменены, кроме парадной формы у генералов, были введены длинные брюки с выпушкой донизу и штрипками. Высокие воротники и талия, и узкая одежда в обтяжку сохранились попрежнему, равно как и треугольные шляпы с султанами. В 1846 году они были заменены касками прусского образца, с волосяными белыми или черными султанами. Во второй половине царствования этого Императора, произошли новые изменения формы. Вместо высоких воротников и талий, введены были более низкие, широкие сюртуки и мундиры. Пример подал сам Государь, а за ним Преображенский полк. Ботфорты в генеральской парадной форме сохранились попрежнему.

В царствование Царя-Освободителя, военная форма была совершенно изменена. Из мундиров с фалдами, войска переоделись в полукафтаны, ботфорты были отменены, кроме кирасир, а вместо них установлены были красные панталоны французского образца с золотым галуном. В форме войск многое было упрощено, облегчено и стало свободнее, причем, было введено ношение очень удобных плащей или пальто. Головной убор прежнего образца была заменен французским кэпи.

В царствование Императора Александра III военная форма из прежних прусской и французской превратилась в русские кафтаны с кушаками, меховыми

шапками на головах и высокими до колен сапогами. кроме того, всем военным чинам было разрешено носить бороду, пример чего дал сам Император. В 1883 году были упразднены чины майора, бригадира и прапорщика. Этот последний чин был оставлен лишь в военное время для офицеров запаса, произведенных из вольноопределяющихся. Одновременно с тем, была упразднена Молодая Гвардия, имевшая преимущество перед армией на один чин, в то время, как Старая Гвардия имела преимущество в два чина. При упразднении Молодой Гвардии, она была сравнена в правах со Старой, причем, преимущество гвардии вообще над армией было сокращено на один чин.

Сообщил *Анатолий Марков*

ОБЗОР ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

"ДЛЯ НЕМНОГИХ"

Вышел в свет, вторым изданием, сборник стихотворений А. В. Балашева: "Для немногих". Чужбина 1956 г. 48 стр.

Покойный П. Н. Краснов отозвался о стихотворениях А. В. Балашева в следующих строках, обращенных к автору:

"Ваши стихи мне очень нравятся. В них много нежной душевной чуткости. Так приятно было и отрадно после современных нелепиц, после набора придуманных, не существующих слов, прочитать настоящие Русские, звучные и глубокие по смыслу, стихи. В ваших стихах звучат старые, так сказать, академические звуки, заповеданные нам корифеями Русской лирики. И размер, и рифма, и самые слова, простые слова дивного Русского языка — все привлекает в них, и жаль одного, что они коротки и что их мало". К вещам, взятым из первого издания, давно разошедшегося, добавлены и написанные позднее.

ПОРТ-АРТУР
ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ

(Издательство им. Чехова. 1955 г.)

К наступившей в 1955 году, полувековой годовщине славной обороны Порт-Артура, выпущен сборник воспоминаний доблестных участников этой тяжкой боевой страды.

Книга состоит из 412 страниц, содержащих многочисленный (46) ряд живых воспоминаний тех, кто на далекой окраине нашей Отчизны, своими подвигами свидетельствовали о верности долгу защитников крепости, самоотверженной, упорной, стойкой борьбой защищавших отечественную твердыню, на побережьи Тихого океана.

Сборник был сделан по почину участника обороны, доктора Я. И. Кефели. Огромный труд по составлению и редактированию книги был осуществлен покойным кап. 1-го ранга Б. И. Бок и, ныне здравствующими контр-адмиралами Б. П. Дудоровым и К. В. Шевелевым. Инженер-механик кап. 1-го ранга В. П. Орлов-Диаборский вел всю переписку с участниками обороны по сбору материала для сборника.

В предисловии, Н. С. Тимашев дает обзор Русской политики, того времени, на Дальнем Востоке, знакомя читателя с причинами возникновения Русско-японской войны. В отдельном очерке, контр-адмирал Б. П. Дудоров указывает на задачи, поставленные Русскому Флоту в то время, на Дальнем Востоке, на значение крепости Порт-Артур — базы флота, излагает причины гибели флота и потери этой приморской крепости. Нет никакой возможности, в такой краткой заметке, не только произвести обзор всех воспоминаний, но даже просто перечислить их. Положительно, все они достойны быть прочитанными со вниманием. Отметим лишь некоторые: Воспоминания Н. В. Иениша о генерале Кондратенко и адмирале Макарове, "Опоздавшая телеграмма" и "Таинственные предупреждения" — Я. И. Кефели, Б. И. Бок — "Завтрак у Наместника", Д. В. Никитин (Фокагитов), "В дни осады Порт-Артура", "Пятый полк" Б. Н. Третьякова, "Действия морского десанта 8-10 августа 1904 г." — К. В. Шевелева, В. П. Орлов-Диаборский — "Морской по пешему", Воспоминания Е. Ф. Берг, "Печальная повесть" — В. И. Сейфулина и т. д.

С начала и до конца, книга читается с неослабевающим интересом. Перед читателем возникают картины эпической, геройской борьбы с упорным, ожесточенным русским сопротивлением, храбрым противником. Приводимые в книге, свидетельства участников обороны Порт-Артура открывают новые, не опубликованные ранее ни у нас на Родине, ни за рубежом, подробности этой кровавой борьбы. Не являясь летописью военных действий, происходивших во время длительной, восьмимесячной защиты Порт-Артура, книга, в отдельных эпизодах, дает яркое представление о стойкости защитников крепости и их доблести, признанной и оцененной не только Государем Императором, но и нашим врагом того времени — сынами страны Восходящего Солнца — японцами.

Н. С. Чириков

В ВАГОНЕ АВГУСТЕЙШЕГО ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

А. Бутовский. Петроград, 1915 г.

Автор этих интересных воспоминаний ездил с Великим Князем по России, для осмотра провинциальных военно-учебных заведений. Во время этих путешествий, в вагоне Великого Князя текла своеобразная, полная содержания, жизнь. Великий Князь много

работал в своем купе, а в промежутках, собирал вокруг себя тесное общество приближенных, вел запросто беседу, обсуждая те или иные факты из педагогической жизни. В безхитростно-простом изложении, пред нами восстает обаятельный образ того, кто был известен всем в России не только как Великий Князь и деятель на военно-учебном поприще, но еще более, как любимый русскими читателями поэт К. Р.

В немногих штрихах, обрисован высокогуманный, необыкновенно внимательный и к своей работе и к окружающим людям, сердечно-простой человек, одно присутствие которого, в той или иной среде людей, сразу создавало атмосферу какого то особо тонкого и культурного благородства. В немногих словах описан и трудовой день Великаго Князя во время путешествия. И невольно чувствуется, что таков был он и во всех иных проявлениях своей жизни, везде и всегда.

По словам автора, Великий Князь удивительно умел пользоваться своим временем и был чрезвычайно работоспособен. В пути у него были определенные часы для работы, и, раз принявшись за работу, Великий Князь уже сосредотачивал на ней все внимание, и все другое уходило у него в сторону. В вагоне, между прочим, он написал многостихов для своей "Ифигении", в вагоне же набрасывал сцены для "Царя Иудейского". В вагоне же он успевал прочитать целые томы сочинений по разным отраслям знания.

В дороге, во время остановок на станциях, Великий Князь любил встречать кадет и офицеров — бывших кадет. Многих он знал лично, других быстро запомнил во время случайных встреч, и потом встречался с ними, уже как с знакомыми, со свойственной ему ласковой приветливости.

— Так воспитателя своего ты любишь? — спрашивает кадета Великий Князь.

— Люблю, — отвечает разговорившийся кадет. — Его все у нас любят. Его так и называют дядя Миша.

И вот, в таком то корпусе, после этого случайного разговора, Великий Князь встречает такого то подполковника.

— Так это вы, дядя Миша, — весело говорит он ему. — Душевно рад, что познакомился с вами лично. И дай Бог всегда оставаться дядей Мишей для ваших кадет...

Такими сценами и штрихами полна вся книжка А. Бутовского; она вносит много свежего и интересного материала в биографическую литературу о Великом Князе.

К. Аркатов

КАДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

ПАРИЖ. — Как и в прошлом году, в воскресенье 17 июня Обще-Кадетское Объединение организовало паломничество на могилу своего Почетного Председателя, Великого Князя Гавриила Константиновича. Количество желающих принять участие превзошло все ожидания и пришлось, кроме прекрасного 50-местного автокара, взять еще несколько частных такси. Накануне поездки Председатель Объединения А. А. Геринг внезапно тяжело заболел и не смог принять участия в поездке.

По окончании Литургии, под печальный перезвон колоколов, Крестный Ход двинулся на кадетские могилы. Торжественное шествие, осененное Великокняжеским Флагом и Знаменем Союза Комбатантов, возглавляла Княгиня Ирина Иоанновна, в сопровождении заместителя Начальника Обще-Воинского Союза генерала А. А. Лампе, и членов Правления Объединения, во главе с полковником Берладником-Пуковским.

На могиле Великого Князя, после Литии, было оглашено письмо больного Председателя Объединения:

"Внезапная, тяжелая болезнь, уложила меня в кровать и не дала возможности принять участие в нашем ежегодном паломничестве. Вы знаете, как мне это тяжело и знаете, что, душой, я сегодня со всеми вами. Молитвенно преклоняю голову перед могилой нашего Почетного Председателя Великого Князя Гавриила. Помните, кадеты, его завет нашему Объединению: "Всегда вперед... Всегда с Богом...". В сегодняшнем номере "ВОЕННОЙ БЫЛИ" вы прочтете стихи К. Р., посвященные его сыну, Князю Гавриилу, написанные в 1889 году. Взгляните, кадеты, какую прекрасную, долгую жизнь, от этого момента, прожил наш Почетный Председатель. 35 лет, для многих гибельной, эмиграции, Он прошел белее снега и сошел в могилу с высоко поднятой головой.

Не могу вам сегодня много написать... Помните, кадеты, нашего Старшего Брата, Почетного Председателя Великого Князя Гавриила, у Престола Всевышнего, возглавляющего, сейчас, Строй ушедших из этой жизни кадет..."

После пения "Коль Славен", Крестный ход прошествовал к могиле полковника Б. Д. Приходкина, где, после Литии, памятное слово было сказано полковником Звонниковым. Церемония, как обычно, закончилась у Церковной паперти, провозглашением Многолетия.

Тем временем, были накрыты столы и через несколько минут около 80 человек, кадет и их друзей приступили к братской трапезе. Быстро проходит время за дружеской беседой. Одни тосты сменяются другими, внимательно прослушано слово заместителя Председателя Обще-Воинского Союза генерала Лампе, но вот и конец. Столы убраны, гости готовятся к отъезду, в последний раз, кадетский хор, под управлением А. П. Руссаковича, обходит с пением "Вечной Памяти" все кадетские могилы.

Прекрасная, имеющая уже пятилетнюю давность, традиция, соблюдена с обычной торжественностью.

М. С.

Le Directeur: Mr A. Guering.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

„ЧЕСТЬ“

книга **Георгия Ишевского,** издание Обще-Кадетского Объединения. Художественное описание жизни и быта Симбирского кадетского корпуса. Цена: во Франции и соседних странах — 700 фр. В странах заокеанских — 3 дол. Книга продается в редакции журнала и в Русских книжных магазинах.

«ВЕСТНИК ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ».

Принимается годовая подписка, на шесть номеров в год.

Стоимость — 300 фр. с пересылкой во Франции, колониях и европейских странах.

В странах заокеанских — 90 амер. центов.

Обращаться по адресу: А. А. Геринг. 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16).

„МОРСКИЕ ЗАПИСКИ“

издаваемые Обществом Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, под редакцией старш. лейт. барона Г. Н. Таубе.

Вышел и разослан подписчикам

№ 1 (41), т. XIV, 1956 г.

Подписная цена — 3 долл. в год.

Представитель на Францию: кап. 2 р. В. В. Скрябин.

Обращаться по адресу:
38, Bd de la République, Boulogne s/S.

А. БАЛАШЕВ — ДЛЯ НЕМНОГИХ

Сборник стихотворений. Второе издание. Чужбина. 1956 год.

Стоимость с перес. — 1 амер. долл. Для Франции — 400 фр. фр. Склад издания — 61, рю Шардон-Лагаш, Париж (16).

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получать:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris (16e) и в Русских книжных магазинах.

Брюссель — у Б. П. Мижевского — 69, rue de Parme.

Лондон — у В. В. Барачевского — 26, Tottenham street, W 1.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg Neugraben, 1, Post Lagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhague.

Тунис — у Н. Ф. Гаттенбергер — Boulevard de Flandre Megrine.

Италия — у Б. Н. Ширяева — Casa Postale, 102, San-Remo, Italie.

Александрия — у А. Л. Маркова — 56, rue Heliopolis, Ibrahimie.

Сан-Пауло — у С. К. Успенского — Caixa Postale 51-53.

Сев. Ам. С.Ш. — у В. И. Третьякова — P. O. Box 304, Nyack (N.Y.)

Калифорния — в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 1538, Steiner, San-Francisco, 15.

Канада — у А. С. Орлова — 224, Dovercourt R-d Toronto (ONT).

Австралия — а) у Калатилина — 50, Belemba ave Lakemba (N.S.W.), б) у Н. А. Коссач 16, Valmai ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — Tunnel a Santa Ines, Villa Nina Caracas.

Extrait Orchitique Kalefluid

Экстракт из жизнетворных желез животных рекомендуется принимать в случаях: общей слабости, нервной депрессии, переутомления, артритических и старческих недомоганий, астении, ослабления памяти, безсонницы и в некоторых случая повышенного давления. Женщинам, кроме указанных случаев, при недомоганиях переходного возраста.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ!

Для экспорта и для получения проспекта на русском языке, пишите:

Laboratoire M. KALEFLUID, 66, Bd. Exelmans, Paris (16e). V. P. 21.331. BELGIQUE : Pharmacie Fridman, 54, rue de l'Aqueduc, Bruxelles (St.-Gilles). AUSTRALIE : V. Miller, 35, Balmoral Str. Blacktown N. S. W. ALLEMAGNE : Goloschtschapoff, 14 a Ludwigsburg. Richard Wagner Str. 11.